

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929200 7

10000

William
13E1

**БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
XCI.**

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ὅμοιον καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

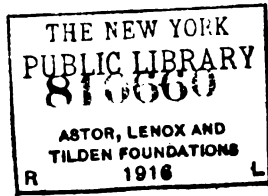
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ПЕРВЫЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

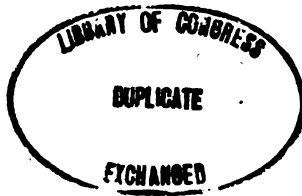
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

от г-на, чтобы по означенным представляемо было в Ценсурный Комитетъ упомянутое число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 20 декабря 1848.

Ценсоръ В. Жангеръ.
Ценсоръ Н. Срезневскій.

NOV 21 1848

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

НАЕМЪ ДАЧИ.

=

ПОВѢСТЬ.

=

I.

Извѣстное дѣло, что, какъ-скоро съ наступленіемъ весны оживетъ мать-природа и затеплится въ нѣдрахъ ея духъ жизни, во всѣхъ ея пасынкахъ откуда ни возьмется вдругъ дѣтская къ ней любовь и жажда испить ея животворнаго молочка — *птичьяго молочка* — которое летаетъ и плаваетъ въ воздухѣ. Природа — удивительная барыня. Какъ умно она распоряжается въ своемъ хозяйствѣ, какъ гостеприимна на праздникахъ лѣта! Всѣ углы, всѣ захолустья уберетъ какъ парадныя комнаты; всѣздъ просторъ, теплынь и пріютъ. Бѣлые чахлы со всего сняты; разноцвѣтные шелковые кизильбашскіе ковры повсюду разостланы; разное богатство какъ придаоне разложено; драгоцѣнныя серьги, вѣщи

Т. ХСІ. — Отд. I.

ожерелья развѣшаны, угощенья разставлены, — все на корги, все на вѣтки, да на стебельки, — и вотъ со всѣхъ сторонъ летятъ гонцы созывать гостей, щебечуть безъ умолку около жилья: «Пожалуйте къ матушкѣ въ гости!» Повсюду веселая пѣсня, сладкогласная встрѣча. Хорошо! поѣхалъ бы въ гости къ природѣ; да даль, и дѣла тѣма въ городѣ. Развѣ — на дачу, воспользо-ваться чистымъ воздухомъ? Хмъ! вѣдь онъ и на дачѣ не дешевъ!

Изъ числа желавшихъ испить птвичьяго молочка, для подкрѣпленія здоровья, былъ кандидатъ Иванъ Петровичъ, или всё-равно, Петръ Ивановичъ Ставинъ. Избравъ путь жизни по ученой части, онъ смиренно шелъ съ котомкой для собиранія необходимыхъ познавій, почерпалъ вправо и влево свѣдѣнія изъ кладезей мудрости, жилъ *кондиціями*, открывая юношамъ, тайны плюса и минуса, кси и пси. Онъ былъ молодой человекъ, пріятной наружности и существенно здоровъ; по увѣ! наука,—это древо познания добра и зла,—поставляя яго на умъ и разумъ, въ отношеніи невещественномъ, сбивала съ толку въ самомъ простомъ вещественномъ отношеніи пищи къ желудку. Пища нѣкоторыя свѣдѣнія и по части медицины, онъ утвердился въ мнѣніи, что выборъ и количество пищи зависятъ вполнѣ отъ головы, а не отъ потребностей желудка, высказываемыхъ вкусомъ. Принявъ діететическія правила для большихъ за гигиену для здоровыхъ, Петръ Ивановичъ рѣшилъ не хуже иноземнаго и разстроеннаго желудка, что русскій черныи хлѣбъ тяжелъ, щи и подавно; что все молочное производитъ желчь, все мучное развиваетъ золотуху, чай сушитъ, кофе горячитъ, то неудобоваримо, другое густитъ кровь, третье раздражаетъ нервы.... всего хочется, а ничего нельзя, все вредно, кромѣ чашки бульону, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей съдобнаго, о которыхъ какой-нибудь положительный человекъ отзывался съ восклицаніемъ: «Безподобно! это очень здорово!»

— Сырая ветчина передъ обѣдомъ ужасно какъ способствуетъ пищеваренію!

Петръ Ивановичъ готовъ былъ съѣсть цѣлый окорокъ ветчины.

Поразстроивъ немного желудокъ и нервы вѣдественной и уиственной пищей не понутру, онъ, какъ всѣ нервическіе люди, поминутно прислушивался что происходитъ внутри его: зашумитъ въ ухѣ — беда, забьется пульсъ или, по-русски, живчикъ не на мѣстѣ — другая, упадетъ зѣвота — третья; то и дѣло совѣтуется Петръ Ивановичъ съ медиками насчетъ своего здоровья.

Такъ какъ у него оказывались начальные симптомы всѣхъ возможныхъ болѣзней, а собственно болѣзни ни одной, то одинъ ведигъ, товарищъ по университету и пріятель, которому онъ надѣлъ, пощупавъ живчикъ, велѣлъ ему рѣшительно пользоваться воздухомъ на дачѣ, въ Сокольникахъ, ходить всякій день въ рошу, смотрѣть на гуляющихъ дѣвушекъ, влюбиться въ какое-нибудь прекрасное, также разстроенное нервами существо, и жить на этомъ существѣ.

Петръ Ивановичъ послушалъ дружескаго совѣта, и, рассчитавъ по доходамъ, что рублей дѣсти, разумѣется ассигнаціями, можно пожертвовать на дачу, тотчасъ же отправился въ Сокольники.

Сокольники дивная вещь. Нѣкогда въ нихъ жили сокольники и кречетники царскіе; но на свѣтъ все взмѣняется! Нѣтъ уже на свѣтъ ни египетскихъ гіеракобосковъ — жрецовъ-кречетниковъ, ни римскихъ акципитариусовъ — сокольниковъ, ни Falconer, ни Fauconier-mestre. Чтò стало съ Reliqua librorum de arte venandi cum avibus, Фридриха-Второго? гдѣ этрусскіе, лонгобардскіе, франкскіе и русскіе уряды сокольникаго пути «О красной и славной охотѣ, полевой потѣхѣ, зѣло утѣшающей сердца печальныя и забавляющей веселіемъ радостнымъ: красносмотрителенъ и добровиденъ былъ высокога сокола лѣтъ, къ водамъ рышеніе, ко птицамъ доступеніе!»

Книга Урядникъ сокольникаго пути гласитъ: «Будите охочи, забавляйтесь, утѣшайтесь сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія.» Встарину также одолѣвали людей ни съ того ни съ сего кручины и печали всякія, которыя надо было разгонять красносмотрительностію и добровидніемъ; но какая же разница между прошлыми потѣхами, зѣло утѣшающими печальныя сердца и потѣхами настоящими? Представьте себѣ, что вы живете лѣтъ за дѣсти, что васъ величаютъ Иваномъ Гавриловичемъ что вы кручины и печальны, сами не зная о чемъ, и вдругъ приходитъ къ вамъ первый сокольникъ, первой статьи, Кирсанъ и молвить: «Иванъ Гавриловичъ, прислалъ меня старшій подесокольникій, а велѣлъ сказать тебѣ: Се де время чести и части (счастью) твоей быть, и часъ приблизился твоему веселію, и тобѣ итти тебѣ не мѣшкавъ.» И вы, по старому, доброму русскому обычаю, надѣваете лучшій свой кафтанъ, новую мушкету, велите сѣдлатъ златогриваго коня и скачете въ Сокольники. Тамъ, подлѣ роши, на чистомъ полѣ, сокольникаго снаряжденій

дворъ съ теремами златоверхими, съ сѣвнями косящатыми и рѣшетчатыми. Передъ подъѣздною башней встрѣчаютъ васъ рядовые сокольники, земно кланяются, ведутъ въ наряженую переднюю избу потѣшнаго двора. Тамъ даютъ вамъ званіе начальнаго сокольника, рядятъ въ новый цвѣтной кафтанъ съ нашивкою золотомъ, въ сапоги желтые, надѣваютъ шапку горностайную, рукавицу съ притчами, перевязь бархатъ червчатъ четвероуголень, а на бархатѣ шета капителью райская птица гамаюнь, подаютъ на руку «кречета честника», убраннаго въ «клубучекъ» и въ «обносцы съ должникомъ», ставятъ на «полянво» и велютъ молвить: «Дарыкъ чапу вресте дань!» — Понимаете?... А знаете ли, что значить кречетъ честникъ?... Это латинскій *falso sacer*; а если хотите еще глубже знать, то это этрусскій *сарис*.

Но обрядъ опредѣленія васъ въ сокольники совершенъ, вы счастливы, время веселія вашего настало, кручины и печали исчезли, пронеслись какъ туманъ. Подъ вашимъ началомъ двѣсти человѣкъ сокольниковъ и кречетниковъ, да три тысячи соколовъ и кречетовъ въ двѣсти, въ пятьсотъ рублей каждый, а вной и въ тысячу рублей, да на Москвѣ голубинный дворъ въ сто тысячъ гнѣздъ—у васъ душа не на мѣстѣ, такъ и летитъ соколомъ бить лебедей, гусей, утокъ, журавлей и косыхъ зайцевъ. И вотъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была не на мѣстѣ душа Ивана Гавриловича, гдѣ такъ премудра была челига соколя добыча, добродушна и привѣтлива правленыхъ ястребовъ и челиговъ * ястребныхъ ловля, гдѣ свѣли въ красныхъ колпачкахъ *спрые другъ* да *юдругъ*, старый *ядругъ* да *молодикъ дружокъ*, *смышляй* да *промышляй*, *дурасъ* да *дубасъ*, и тѣмъ нвухъ соколовъ дикомытовъ; гдѣ за пятьсотъ лѣтъ жилъ сокольничій великаго князя Ивана Даниловича Калиты, *жила* съ други, теперь кромѣ старой слободы есть и новая, и все какъ городъ, или если не городъ, такъ часть города и именно мѣщанская. И улицъ тѣмъ и домовъ, такъ-называемыхъ *дачъ* куча, построенныхъ в красной избой и свѣтлымъ теремомъ, и рыцарскимъ замкомъ, и павильономъ, и просто избушкой на куриныхъ ножкахъ. И булочники есть, и лавочекъ съ колоніальными товарами сколько угодно, и аптека своя, и доктора подъ рукой; а роща — очарованіе! Взойдите въ рощу и вы уже въ Муромскихъ Лѣсахъ но вмѣсто разбойниковъ, преслѣдуютъ васъ пвдольросѣка гдѣ

* Челигъ — самка кречета, по-банкирски — пшелъгос.

гулянье: сигары хороши! папирсы!.... апельсинны, лимоны хороши! Со звономъ въ ухахъ вы продолжаете идти, пробираетесь сквозь толпу гуляющихъ.... тутъ гдворъ, тамъ музыка полковая, здѣсь шарманка, вправо хорошенькое личико, влѣво уродина, всторонѣ возгласы райка и кружащихся верхомъ на конькахъ дѣтей, по-одалъ кипящiе самовары и распиванiе чаевъ; надъ головой, смотря по погодѣ, то ясное небо, то кудрявыя тучки, то облачка, какъ-будто сѣрая калмыцкая овчинка; а малый вѣтрецъ такъ и пахнетъ на васъ смолянымъ воздухомъ съ сосенъ, годныхъ на трехмачтовые корабли. И тутъ же правѣе въ рошѣ готовится наркъ, просѣки какъ лучи потянутся во всѣ стороны.... Но пусть ихъ тянутся, дѣло не въ томъ.

Петръ Ивановичъ прiѣхалъ нанимать въ Сокольникахъ дачу, долго ѣздилъ и по новой и по старой слободкѣ, покуда нашель на воротахъ одного домика прибитую записку объ отдачѣ въ наймы домика на дворѣ. Онъ отыскалъ дворника, осмотрѣлъ домикъ, при домикѣ садикъ — прекрасно!

— Чтѣ за лѣто?

— Да ходилъ онъ у насъ триста пятьдесятъ и больше.

— Э, какъ это можно! двѣсти.

— Ну, ужъ это вы повидаетесь съ хозяиномъ; онъ можетъ и уступить.... Извольте побывать у него, онъ живетъ въ Знаменскомъ переулкѣ въ своемъ домѣ.

По адресу данному дворникомъ, Петръ Ивановичъ отыскалъ въ Москвѣ хозяина дачи Калистрата Трофимовича Протомоева.

Калистратъ Трофимовичъ, высокаго роста мужчина, смуглое лицо, глаза изъ подлбья, служилъ нѣкогда по городу, получалъ небольшое жалованье, но благоразумною экономiею успѣлъ кое-что скопить. Выйдя въ отставку, онъ купилъ на *трудова* дельги домикъ, приносящiй тысячь пять доходу, да дачку, да какое-то имѣньяце, и такимъ образомъ устроивъ себя добropорядочно, занялся, по привычкѣ въ занятiямъ, *хожденiемъ по дѣламъ*. Всѣхъ имѣющихъ до него дѣло, онъ встрѣчалъ очень прiятливо, какъ званыхъ гостей усаживалъ, угощалъ сперва завтракомъ, а потомъ уже приступалъ къ дѣлу.

Петръ Ивановичъ также былъ имъ предупредительно усаженъ на диванъ въ гостиной, гдѣ двѣ каварейки силились перекричать дерущаго горло соловья, въ залѣ.

— Калистратiй Трофимовичъ, началъ было онъ, но остановилса, чтобъ переждать оглушительный свистъ птицъ.

— Что прикажете, чѣмъ могу служить?... отвѣчалъ Каллистратій Трофимовичъ, смотря на боковые двери, откуда дѣвка внесла на подносѣ водку, селедку и сыръ: чѣмъ могу служить?... Не угодно ли закусить чего нибудь, я всегда въ это время завтракаю....

— Покорнѣйше васъ благодарю.

— Сдѣлайте одолженіе, покорнѣйше прошу.

— У васъ отдается дача въ Сокольникахъ?...

— Отдается, сударь, очень радъ буду служить вамъ ею... очень хорошенькая, удобная дачка, со всѣми принадлежностями; подлѣ самой роши.... а между тѣмъ и садъ при домѣ.... Это такая выгода.... Не хочется идти въ рошу, можно пользоваться воздухомъ въ саду....

— Чтò вамъ угодно взять за лѣто?

— Дешево, сударь, дешево, какъ по удобству помѣщенія, такъ и по мѣсту.... у меня ужъ такъ положено, чтобъ капиталъ давалъ только проценты.... лишняго мнѣ не нужно.... Дача мнѣ стоитъ пять тысячъ рублей.... такъ я и положилъ съ большаго дома триста, а съ этого двѣсти рублей.... Объ уступкѣ я уже и говорить не люблю.

— Двѣсти рублей?

— Такъ точно, двѣсти рублей; если нравится вамъ, такъ мы заключимъ условіе.... это у меня ужъ такой порядокъ, при заключеніи условія и деньги.

— Такъ я согласенъ.

— Очень хорошо, объ условіи ужъ и не заботьтесь, это ужъ я все сдѣлаю, вы только пожалуйста задатокъ.... на совершеніе условія; а я ужъ поручу....

— Сколько прикажете?

— Сколько угодно; можете хоть и всѣ деньги отдать впередъ; я дамъ росписку, а вы и извольте переѣзжать себѣ....

— Вотъ двадцать пять рублей серебромъ, а остальные я вамъ вручу хоть завтра, для меня всё равно, завтра же я и переѣду.

— Очень хорошо, съ Богомъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ нанять дачи, Петръ Ивановичъ, возвратясь на квартиру, объявилъ своему слугѣ, Тихону, чтобъ сейчасъ же все было готово для переѣзда на дачу.

Тихонъ по обычаю поворчалъ, и представилъ затрудненія, что сейчасъ этого всего сдѣлать нельзя, что безъ бѣлыя хвать нику-

да не слѣдуетъ, а бѣлье-то все у прачки; а прачка-то живетъ Богъ знаетъ гдѣ.

Петербургивый Петръ Ивановичъ безъ отлагательства протурялъ бы Тихона за бѣльемъ, но къ-счастью Тихона откуда ни вздася туча, пошелъ проливной дождь, погода переѣвилась, вѣсто жаровъ настала холодныя. Досада, но уже не на Тихона, а на погоду, и Петръ Ивановичъ жаловался всѣмъ на погоду, какъ страждущій отъ нее ревматизмомъ. А между-тѣмъ, на другой же день, несмотря на худую погоду, прѣхалъ къ Петру Ивановичу маклеръ съ гигантской книгой, для подписки условія о наймѣ дачи. Петръ Ивановичъ взглянулъ, подмахнулъ, получилъ копію и бросилъ ее въ конторку, какъ вещь которая не нужна, но дѣлается только такъ, для формы.

II.

Между-тѣмъ должно сказать, что въ Москвѣ же жила вѣкад барыня, называемая Дарья Карповна Тюфелева. Послѣ мужа осталася у ней за душой только домъ, доходами съ котораго она существовала съ тремя дочерьми и дворней. Даша, Маша и Саща были уже невѣсты; двѣ изъ нихъ старшія, были одна умнѣе другой, третьей же Сащенкѣ, непонятно почему такъ шло къ лицу названіе *дура*, которымъ часто величали ее и мать и сестры, такъ шло, что въ другомъ приданомъ она вислоколько не нуждалася.

Такъ какъ излишества и недостатки одинаково подвергаютъ одности человѣческое благосостояніе, то Дарья Карповнѣ слѣдовало непремѣнно лечиться отъ излишней полноты.

— Вамъ особенно необходимо движеніе на чистомъ воздухѣ, сказалъ ей медикъ, съ которымъ она посовѣтовалася въ гостяхъ: декоктъ, который бы я вамъ прописалъ, безъ движенія будетъ бесполезенъ.

— Да какое же движеніе, батюшка, откуда мнѣ его взять?

— Наймите дачу, непремѣнно наймите, вамъ необходимо движеніе на чистомъ воздухѣ, прогулка, разсѣваніе, иначе будетъ плохо.

— Дачу! шутка дача! нанимать! Слава Богу и то, что есть уголь свой; а тутъ еще нанимай! Дачи-то кусаются.

— Наймите гдѣ-нибудь въ деревнѣ крестьянской домикъ. Это

еще лучше: въ деревнѣ прогулка можетъ имѣть цѣль: ходите за ягодами, за грибами.

— Въ самомъ дѣлѣ.... Ходить-то мнѣ тяжело.... ну, да нечего дѣлать.... найму.

И напуганная медикомъ, Дарья Карповна, по пріѣздѣ домой, тотчасъ же кликнула Якимъ. Слуга Якимъ вѣчно ходилъ какъ сонный.

— Чего прикажете, сударыня? спросилъ онъ войдя въ комнату.

— Не знаешь ли какой-нибудь деревеньки, Якимъ, гдѣ бы можно было нанять дачу?

— Деревеньки? дачу, сударыня? спросилъ въ свою очередь Якимъ.

— Ну, да.

— Деревеньки... мало ли деревенокъ, сударыня, да въ какую жъ вамъ сторону?

— Всѣ-равно, лишь бы недалеко отъ города, и можно было нанять домикъ для дачи?

— Да какая жъ дача, маменька, въ деревнѣ, проговорила съ сердцемъ старшая дочь, которую мы будемъ звать по уваженію къ ея уму и лѣтамъ Дарьей Васильевной.

— Да и чтò жъ знаетъ Якимъ! прибавила вторая, Марья Васильевна, съ насмѣшливымъ выраженіемъ.

— Позвольте, сударыня, знаю; ужъ если барыня изволила меня спросить, такъ я знаю... Вотъ примѣромъ, Шелюпиха... деревенька знатная.

— Ха, ха, ха, ха! Чтò такое?

— Ничего, сударыня, знатная деревенька Шелюпиха, за тремя горами....

— Какъ, какъ? Шелюпиха?

— Ну, убрайся ты съ своей Шелюпихой! крикнула Дарья Карповна, а вы, сударыни мои, чему горло дерете?

•— Да какъ же, маменька.... ха, ха, ха, ха!

— Чтò жъ, сударыня, тамъ знатную дачку можно нанять, и рѣка подлѣ, и все такое.

— Пошелъ ты съ своей Шелюпихой! дуракъ!

— Какъ угодно, сударыня; если не угодно, такъ вотъ развѣ въ Мазилловѣ....

— Пошелъ, пошелъ, ничего не знаешь!

— Какъ вамъ угодно, сударыня.

— Послушайте, маменька, какъ-будто неизвѣстны дачи въ Москвѣ, сказала Дарья Васильевна: гдѣ жѣ можно лучше найти дачу, какъ не въ Кувцовѣ.... какіе виды!....

— Ахъ, нѣтъ, лучше всего въ Останкинѣ! прервала Марья Васильевна.

— Вотъ прекрасно! какая же разница: въ Кувцовѣ гористое мѣсто....

— Покорно благодарю! Нѣтъ, ужъ я по горамъ ни зачѣмъ таскаться не буду! возразила Дарья Карповна.

— Въ Останкинѣ какой садъ, пруды! тамъ можно купаться.... Какъ это здорово маменька и вамъ!

— Ну, такъ и есть; еще и купаться, да утонуть! а просто попытаться въ корытѣ не изволите ли, подала въ свою очередь голосъ Сергѣевна, довѣренная ключница и ларечница Дарьи Карповны.

— Нѣтъ ужъ, купаться въ самомъ дѣлѣ я не позволю, прибавила Дарья Карповна: я вижу, что отъ всѣхъ вась толку не добьешься, всегда приходится самой обо всемъ думать и заботиться, сказала Дарья Карповна и тотчасъ же приказала запрягать четверомѣстную семейную коляску на вертикальныхъ ресорахъ, и велѣла всѣмъ тремъ дочерямъ и Сергѣевнѣ собраться въ дорогу.

— Куда жѣ это, маменька, мы поѣдемъ? спросила старшая.

— Куда поѣдемъ, туда и поѣдемъ!... ступай за городъ! крикнула Дарья Карповна кучеру.

— Да въ которую же заставу, сударыня?

— Всѣ равно, въ которую вибуй.

— Какъ всё-равно, сударыня, подалъ голосъ съ замятокъ, Якимъ: до калужской-то заставы городомъ вереть десять.

— Такъ ступай, которая ближе.

— Такъ ступай въ сокольницкую, командовалъ Якимъ.

— Вотъ проѣхали Красныя Ворота, лѣсной рядъ, выѣхали на шоссе.

— Это чтѣ за башня, съ часами? спросила Дарья Карповна увидя строящуюся станцію желѣзной дороги.

— Это, сударыня, не башня, а машинна, отвѣчалъ Якимъ: тутъ дѣлаютъ желѣзную дорогу подъ землей. Каналъ будетъ до самаго Петербурга.... вотъ на прудѣ-то будетъ приставъ.

— Стало быть тутъ корабли ходить будутъ? спросила Сергѣевна.

— Известное дѣло, отвѣчалъ Якимъ: корабли-то теперь ходятъ не на парусахъ, а на колесахъ: но водѣ какъ по землѣ.

— Ну, что ты врешь! крикнула Дарья Карповна.

— Ей-ей такъ, сударыня! Своякъ мой Парсень вѣдиль съ своимъ баринкомъ на желѣзномъ кораблѣ. Такихъ страстей, говорить, набрался, что ужасы; какъ затопить, говорить, на немъ какую-то печку, чертово пекло, вода-то въ морѣ, сударыня, такъ и закипять; а они въ нее спирту подбавяютъ; спиртъ-то вспыхнетъ.... страсти, говорить: кругомъ корабля такъ огнемъ и пышетъ, такъ и клопочетъ вода, а они то....

— Экъ жжетъ не въ свою голову!....

— Ей-ей такъ, сударыня.... ужъ известное дѣло, что нѣмецкая-то сила все едино что мечетая сила; вотъ, примѣромъ сказать, это машина, и ужъ известное дѣло что машина, а подумаешь, что просто домъ; и башня-то не русская, а нѣмецкая: подумаешь что часы бьютъ на ней; анъ нѣтъ, извольте видѣть, стрѣлка-то одна, этой стрѣлкой-то машину заводятъ.... а вотъ тамъ подальше чортова мельница, кажись ни водяная, ни вѣтренная, а извольте-ко посмотрѣть какъ будетъ молотъ.

— Ну, размолося! молчи!.... крикнула Дарья Карповна: вотъ ужъ мы и за городомъ.... Это, вѣрно, какое-нибудь сельцо, продолжала она смотря на домики вправо отъ дороги не доѣзжая Сокольницкой Заставы: поди-ко, Якимъ, узнай, не отдается ли тутъ домикъ въ наймы.... мѣсто-то мнѣ очень понравилось.... роша подлѣ.... да узнай какая это деревня.

— Да это какая жъ деревня, сударыня, это не деревня, а Сокольники, отвѣчалъ кучеръ.

Дарья Карповна почти съ роду жила въ Москвѣ, но съ роду не бывала въ Сокольникахъ. Вѣкъ свой прожила она на Плющахъ, на другомъ краю Москвы, знала что въ Сокольникахъ бываетъ гулянье, сбиралась-было одинъ разъ въ двадцатыхъ годахъ; но мужъ сказалъ: «Помилуй, матушка: двадцать верстъ трястись по мостовой, и для чего? длятого чтобъ итти верстъ десять обозомъ, въ пыли и прахѣ? да гдѣ жъ тебѣ это вынести? ты же боишься лошадей.

— Господи, Боже мой, и на гуляньи-то никогда не удастся побывать! возопила-было Дарья Карповна; но мужъ успокоилъ ее: «Погоди, душа моя, сказалъ онъ ей: на будущій годъ я заведу палатку, такъ мы съ утра поѣдемъ въ рошу, гулянье у насъ будетъ на ладонкѣ.... и музыка тутъ...»

— Съ утра, проговорила Дарья Карповна съ досадою: съ утра!... съ утра до вечера не голодомъ просидѣть тамъ! надо и на обѣдъ взять чего-нибудь, и самоларъ взять съ собой.

— Разумѣется, душа моя!

— Разумѣется! разумѣется-то легко говорить; а обо всемъ этомъ кто думай? я! Да всего запасу съ собой въ коляскѣ не повезешь, надо чѣмъ свѣтъ подводу туда отправить.

— Разумѣется, душа моя.

— Все только разумѣется! Да я не знаю и выѣхать то въ чемъ на гулянье, чтобъ было прилично: вотъ, обѣщали мнѣ турецкую шаль купить когда рожу...

— Сына, прибавилъ мужъ Дарьи Карповны.

— Какъ-будто я виновата, что родится всё дочери!

— А я чѣмъ же виноватъ?

— Вы вѣчно правы! напримѣръ вотъ вчера съ, подвели мнѣ короля!... хлопъ тузомъ! я ни за что съ вами впередъ не слду играть!...

Своротивъ такимъ образомъ еще въ двадцатыхъ годахъ въ сторону отъ Сокольниковъ, Дарья Карповна не дождалась съ тѣхъ поръ ни палатки на гуляньѣ, ни турецкой шали. На будущій годъ мужъ ея получивъ неожиданно отставку, отвѣчалъ на ея напоминаніе о палаткѣ: поди ты матушка, намъ теперь не до гулянья.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти мужа, достался ей по наследію домъ, гдѣ то близъ Красныхъ Воротъ; и сама судьба доставила ей случай видѣть Сокольники.

— Такъ это-то Сокольники? сказала она. А я думала Богъ знаетъ что!... а гдѣ жъ тутъ бываетъ гулянье?

— А вотъ тутъ было, туда вдоль по дорогѣ, отвѣчалъ кучеръ, да теперь засадили аллеями, проѣзда вѣрно не будетъ.

— Тутъ, сударыня, всё домъ заняты, сказалъ возвратившійся Якинъ; а вотъ говорятъ вонъ тамъ, подлѣ роши есть дача.

— Гдѣ жъ тамъ, поди узнай, поѣзжай за нимъ! крикнула Дарья Карповна.

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь, маменька! какая роша! вскричала Сашенька.

— Хмъ! Сосновая роша! прекрасное гулянье! проговорила Дарья Васильевна.

— Зато тутъ ни горъ, ни прудовъ нѣтъ! прибавила остро Марья Васильевна.

— Всѣ дома заняты, сударыня, доложилъ Якимъ возвращаясь къ коляскѣ.

— Да какія же здѣсь дачи, сказала Дарья Карповна, здѣсь живутъ сами хозяева домовъ.

— Да вотъ записка на воротахъ, вскрикнула Сашенька.

— Въ самомъ дѣлѣ; остолопина! проглядѣлъ!

— Какое же проглядѣлъ, сударыня, извольте видѣть, что въ домѣ живутъ.

— Открой коляску! какъ сама не позаботишься, толку нѣтъ!...

И Дарья Карповна въ сопровожденіи трехъ дочерей, Сергѣевны и Якина вошла въ калитку и прямо на крыльцо дома выходящаго фасадомъ на улицу.

— Кто здѣсь отдаетъ дачу? спросила она у женщины пріотворивъ дверь въ прихожую.

— Дворникъ, сударыня; да его кажется нѣтъ дома.

— И, моя милая, что жъ мнѣ дворникъ, я съ самимъ хозяиномъ хочу имѣть дѣло. Кто хозяинъ-то здѣсь? Скажи что пріѣхала коллежская ассессорша Дарья Карповна Тюфелева...

— Позвольте, сударыня, здѣсь живутъ уже жильцы; а отдается другой домъ, на дворѣ....

— Гдѣ же это, милая, на дворѣ? ты покажи.

— Да извольте, сударыня, посмотрѣть, онъ не запертъ.

Въ сопровожденіи женщины и свиты своей Дарья Карповна отправилась осматривать дачу; прошла по двору, обошла комнаты, садъ, кухню, и всѣ такъ называемыя принадлежности, разгорѣлась отъ жару, разустала, растаяла. Пріютный домикъ, подъ навѣсомъ деревъ, обращенный затылкомъ въ садъ, показался ей раемъ. Сдѣлавъ общій обзоръ, утомленная, она сѣла въ залѣ и начала распорядиться, какъ удобнѣе помѣститься.

— Устала, у! мочи нѣтъ!... Кажется всего пять комнатъ? клѣточки... какъ хочешь растягивайся, а это должна быть и зала и пріемная. Проходная-то съ выходомъ на балконъ въ садъ, хоть и не въ счетъ.... Остается три комнатки для помѣщенія.... пойдемъ-ка....

И Дарья Карповна перетащила въ три комнатки слѣва, и снова засѣла на деревянный стулъ.

— Вотъ это будетъ комната для меня съ Сашей, продолжала она, а тутъ.... для Дашы и Машы.... Даша, Маша? да гдѣ жъ онѣ?

— Онѣ сидятъ на балконѣ.

— Ну, такъ, гдѣ бы пособить матери—не ихъ дѣло!.. Что жъ это такая-то все мебель въ цѣломъ домѣ?

— Ужъ вѣрно такая, сударыня, отвѣчала женщина.

— Ну, нѣтъ, ужъ я такую въ счетъ вайма не приму!... прошу и не считать на нее!... а что цѣна-то?

— Не знаю, сударыня, это ужъ извольте спросить у дворника....

— Гдѣ жъ мнѣ ждать его, милая!

— Такъ это не для васъ сударыня нанималъ эту дачу баринъ какой-то? спросила женщина.

— Какой баринъ? никакого барина я не знаю.

— Дворникъ говорилъ, что онъ ужъ условился и задатокъ далъ, да вотъ съ недѣлю ужъ Богъ его знаетъ отчего не переѣзжаетъ.

— А кто жъ ему виновать, что не переѣзжаетъ; кабы нанялъ, такъ бы переѣхалъ, сказала Дарья Карповна: вольно жъ ему не переѣзжать!... Да ты скажи мнѣ моя милая, что ходитъ домъ-то? рублевиковъ полтораста?

— Да, полтораста, проговорила женщина съ усмѣшкой.

— Я торговаться не буду; а всё-таки хозяинъ долженъ сложить что-нибудь за мебель; такой дрянной мебели мнѣ не нужно, у меня своя есть.... Куда жъ пошли опять?... Повѣдите!... Прощай, моя милая.... прекрасный домикъ.... и садъ подъ рукой; я очень рада, что наняла, повторяла Дарья Карповна дорогой.

— Какимъ же образомъ наняли, когда ужъ онъ нанятъ? спросила Дарья Васильевна.

— Ты его нанимала?

— Я не нанимала.

— Такъ нечего тебѣ и заботиться. Кто нанялъ, тотъ и переѣдетъ.

По торопливости Дарьи Карповны, съ которою она начала распорядиться для переѣзда на дачу, можно было убѣдиться, что дачи она никому не уступитъ.

— Наняли! повторяла она, а вольно жъ не переѣзжать!... Не все равно хозяину, кто нанимаетъ.... лишь бы деньги платили....

Взволнованная, утомленная скорыми сборами, она около полуночи легла въ постель, велѣла будить себя чѣмъ свѣтъ, но вмѣсто сна, всю ночь пробредила, ей грезились и мерещились сборы на дачу. Больше всего было возни съ платьями и бѣльемъ старшихъ двухъ дочерей. Уложить въ сундукъ пелернику Дарья Ва-

сильны; а Дарья Васильевна и кричитъ: «Помилуйте, маменька! вы съ пелеринкой уложили и мою шею!» Вотъ и выкладывай все вонъ. Уложить въ сундукъ Машенькино платье; а Машенька и кричитъ: «Помилуйте, маменька! вы уложили платье, которое на мнѣ!»—Какъ на тебѣ?—Да какъ же, посмотрите.—Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! И давай вынимать изъ сундука всѣ платья. А Сергѣевна шепчетъ: «Уложили бы вы сударыня ихъ обвѣихъ въ сундукъ, такъ оно было бы по-спокойнѣе: ну, что имъ вносить на ворота у васъ; вѣдь онѣ ужъ не маленькія!» Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! вскрикнула Дарья Карповна, и уложивъ Дарью Васильевну и Марью Васильевну въ сундукъ, поѣхала на дачу. Ъхала, ъхала, ъхала, ъхала, что за чудеса, даль такая? Смотрить, а дача-то ѣдетъ себѣ передъ ней. Догоний ее каналью, мошенницу, крикнула въ сердцахъ Дарья Карповна кучеру. Кучеръ приударилъ, догналъ. Стой голубушка! Отвори-ко Якимъ дверцы.

Выскочивъ изъ коляски, Дарья Карповна бросилась гнѣвно на дачу, а дача-то стоитъ ввѣрхъ ногами. Ахъ, страмъ какой! вскрикнула Дарья Карповна, качая головой; качала, качала, да такъ раскачала голову, что остановитъ не можетъ.

— Держите ее! закричала она благимъ матомъ и очнулась.

— Охъ, Господи! проговорила Дарья Карповна, крестясь и осматриваясь кругомъ. Увѣрившись, что все это былъ сонъ, она встала и начала снова торопить сборами, чтобъ кто-нибудь не занялъ дачи.

И вотъ, часовъ въ восемь утра, два воза съ поклажей, при конхъ слѣдовали, Якимъ съ туалетомъ, дѣвка съ бутылкой огуречной воды, двѣ бабы, навьюченныя узлами и узелками, прибыли въ Сокольники къ воротамъ дачи. Вслѣдъ за ними прибыла и Дарья Карповна съ дочерью и Сергѣевой, обложенныя подушками, шкатулками, разнымъ вещамъ, снадобьями и съѣстными припасами въ кулькахъ и мѣшкахъ. Торопливо она вылѣзла изъ коляски, побѣжала къ дому.

— Слава тебѣ Господи, не забыта! проговорила она сама себѣ; потомъ крикнула: подавай сюда! и начала распорядиться, разставлять мебель и устранять порядки.

Не виѣшиваясь ни во что, и смотря на все съ негодованіемъ, какъ жалкая критика, старшая дочь, Дарья Васильевна, любя только умственные занятія, взяла какой-то прекраснѣйшій романъ переведенный съ самаго лучшаго языка, сѣла на широкомъ крыль-

къ под навѣсомъ, со стороны сада, и начала про себя крити-ковати.

Средняя дочь, Марья Васильевна, не любила занятій, пошла ме-таться въ садъ и тотчасъ же влюбилась безъ памяти въ гипсовую статую произведенія Воронова. Это случилось слѣдующимъ обра-зомъ. Она была не только немножко, но даже и очень близорука; во время уединенныхъ прогулокъ по саду или рошѣ каждый кустокъ казался ей если не мужчиной, такъ укрывателемъ того мужчины, который влюбленъ въ нее, тавтъ любовь свою за угломъ и готовится какъ тать внезапно кинуться, упасть къ ея ногамъ съ французскимъ восклицаніемъ: *Marie! je t'aime!*

Въ подобномъ томительномъ ожиданіи встрѣтить любимца ду-ши, она ходила и по саду дачи; взшла на павильонъ подлѣ за-бора и задумалась. Вдругъ видятъ что за цвѣтами на террасѣ сосѣдняго дома стоитъ кто-то, причесанный *à la moujik*, и при-стально-препристально устремивъ на нее большіе черные глаза. Марья Васильевна невольно вспыхнула, опустила скромный взоръ въ землю, приподняла плѣнительный взоръ къ небу, взглянула слова на террасу, и влюбилась.

III.

Мы кажется не упомянули, что дворникъ не было дома, когда Дарья Карповна прибыла на дачу и расположилась на ней какъ слѣдуетъ; но объ этомъ не стоило и говорить, потому что двор-никъ возвратясь подумалъ только: «а! вотъ, вишь переѣхалъ,» потомъ подошелъ къ кучеру Ивану, который повелъ лошадей у колодца. «Э, лошадки-то помзнурились, вѣрно изъ далека?»

— Откуда изъ далека? отвѣчалъ кучеръ, они у насъ ужъ съ роду такіе.

— Э?

— Ей-Богу. Подержи-ко, братъ, ногу ей и посмотрю, камись завозила.

— А не лягнетъ?

— Вотъ! лѣтъ двадцать тому, еще я фалеторомъ былъ, разъ какъ то лягнула, да и то не то чтобы лягнула, а такъ.... ну да ужъ я жъ ей и vzdулъ бока.

Побесѣдовавъ съ кучеромъ, дворникъ отправился на кухню.

— Здравствуйте, сказалъ онъ кухаркѣ.

— А ты кто?

— Дворникъ.

— Помогни-ка мнѣ переставить кадку-то.... кричала кухарка Ивану.... этакая собака, словно не слышитъ!... да гдѣ у васъ тутъ дрова то? искала, искала, щепочекъ понабрала по двору....

— Эка-ты. Гдѣ дрова! а вы не привезли съ собой изъ города.

— Эвона! изъ города въ лѣсъ дрова возить! да что ты, пере-
крестись!

Вошедшая Дарья Карповна перервала бесѣду.

— Ты кто любезный?

— Дворникъ.

— А! ты дворникъ? послушай любезный, ты береги насъ, чтобъ насъ здѣсь не обокрали.

— Да кому жъ здѣсь воровать-то, здѣсь некому воровать-то
отвѣчалъ дворникъ.

— Да, ты говори: тутъ вѣдь лѣсъ, ругаться нельзя.

— У насъ собака на ночь спускается, отвѣчалъ дворникъ.

— Тó то; а ты все таки насъ береги.

— Да ужъ не печальтесь, барыня, не извольте тревожиться; у насъ лѣсъ все какъ слѣдуетъ.

— Тó-то. Вотъ тебѣ гривенничекъ на водку; а ты ужъ при
случаѣ и послужи, водицы ли принести или дровецъ наколоть....

— Да, слушаю, слушаю.

— Слушаю, слушаю, возразила кухарка, слушаетъ, а говоритъ,
что въ ихъ лѣсъ дрова свои вози.

— Ну-у, разумѣется, что на дачѣ дрова хозяйскія, лѣсъ подъ
носомъ, сказала Дарья Карповна.

— Какой это лѣсъ; это роща, отвѣчалъ дворникъ, тутъ и
сучькомъ не попользуешься.

— Ну-у, полно рассказывать.

— Ей-ей, правда; что мнѣ на свою душу грѣхъ взводить; тутъ
всѣ, кто ни нанимаетъ, дрова привозятъ изъ города, въ лѣсъ-то
ходятъ не по дрова и не по грибы; а такъ просто забавляются
глядя на людей.... да къ тому жъ все больные приѣзжаютъ, да и
ходятъ себѣ въ прогулку вплоть до машины...; а на право-то
просѣнки рубятъ; тамъ господа въ каретахъ будутъ ѣздить.

— А, вотъ чтó, сказала Дарья Карповна, внимательно слушавъ
рассказы дворника.

— Нда! прибавилъ дворникъ въ подтвержденіе словъ своихъ.

Задобривъ дворника, Дарья Карповна совершенно было успо-
коилась: ни кто ей не мѣшаетъ распорядиться, ни кто не спра-

швасть о платѣ за дачу. Однако же на другой день явился дворникъ и не много потревожилъ ея спокойствіе...

— Какъ же это, барыня, сказала онъ, пріѣхалъ баринъ, да говоритъ, что онъ для себя нанялъ дачу, а не для васъ.

— Чтò-о? какой баринъ? спросила Дарья Карповна.

— А вотъ что нанималъ, недѣли тому полторы....

— Я его и знать не знаю.

— И онъ тоже говоритъ, что васъ не знаетъ; а я признаться думалъ что вы его барыня.... Такъ какъ же, чтò жъ прикажете сказать ему?

— Чтò мнѣ ему говорить? скажи просто, что дача занята.

— Дача, сударь, занята, сказалъ дворникъ по приказанію Дарьи Карповны, Петру Ивановичу, который стоялъ подлѣ ограды сада и всматривался въ дѣвушку, ходившую по аллеѣ. Это была Марья Васильевна. Увѣренная, что прекрасный мужчина, таящійся на террасѣ сосѣдняго дома, не сводитъ съ нее глазъ, она ходила по дорожкамъ, собираясь съ духомъ войти на павильонъ и бросить взаимный пламенный на него взоръ, но вдругъ замѣтила другаго прекраснаго мужчину, который стоялъ на дворѣ близъ ограды и также не сводилъ съ нее глазъ.

Не возможно было не обратить вниманія и на другаго; можетъ-быть этотъ-то настоящій суженый и есть посланный самой судьбою; тѣмъ болѣе что онъ распрашиваетъ очемъ-то дворника, и идетъ прямо въ домъ.

— Вотъ извольте сами говорить съ барынею, — повторялъ дворникъ, провожая Петра Ивановича. — Вотъ, пожалуйста, барыня говорить, что она наняла, а не вы.

— Она наняла! {повторялъ и Петръ Ивановичъ, входя на крыльцо, это забавно! Я нанялъ, заключилъ условіе съ самимъ хозяиномъ, а ты смѣлъ впустить въ домъ!...

— Ни какъ нѣтъ, я и не думалъ пускать, мнѣ чтò пускать; по мнѣ всё равно, кто ни живи, повторялъ дворникъ; а вотъ извольте сами говорить съ барыней, такъ она и скажетъ, пускалъ ли я....

— Да чтò мнѣ говорить, — сказалъ Петръ Ивановичъ съ сердцемъ, становясь на крыльцѣ, — я нанялъ, и ничего знать не хочу!...

— Да и она тоже говоритъ; извольте-ко сами съ ней поговорить.

Петръ Ивановичъ вошелъ въ переднюю.

— Кого вамъ сударь? спросила его Сергѣвна.

— Госпожу, которая завяла эту дачу.

— Сейчасъ доложу, отвѣчала Сергѣвна, и доложила Дарьѣ Карповнѣ, что какой-то молодой господинъ имѣеть до нее дѣло.

— Знаю! это наемщикъ дачи, сказала Дарья Карповна. Даша выйди, да скажи что я больна; да если будетъ говорить о дачѣ такъ поумнѣ скажи, что напрасно онъ, дескать, беспокоится; ужъ если переѣхали, такъ вѣдь не выкинешь на дворъ.

— Какія пріятныя порученія! лгать! Я не умѣю лгать! скажи тихо Дарья Васильевна къ сестрѣ, вздернувъ сухошавую гуоку. Да какъ-же я ему скажу это, маменька?...

— Маменька, позвольте мнѣ, я пойду переговорю съ нимъ, торопливо вызвалась Марья Васильевна.

— Ну, ступай хоть ты, что тутъ долго разсуждать! отвѣчала Дарья Карповна.

— Сейчасъ, я только поправлюсь!

— Чтѣ-жъ это такое маменька, кому-жъ вы поручаете, мнѣ или ей? спросила съ неудовольствіемъ Дарья Васильевна.

— Ахъ Боже мой, да вольно жъ тебѣ не идти!

— Это странно, всякой разъ суется куда её не зовутъ!

И съ этими словами Дарья Васильевна вышла къ Петру Ивановичу.

Между-тѣмъ Марья Васильевна прибѣжала въ свою комнату, сбросила капотъ, вытащила изъ шкафа платье, накинула его на себя, велѣла сестрѣ Сашенькѣ скорѣе его застегивать, расчесала локоны, набросила на шею платочикъ, и побѣжала.

— Куда ты, куда? крикнула на нее мать.

— Да какъ-же маменька, вы приказали....

— Не беспокойся, пошла ужъ сестра.

Взволнованная, пораженная Марья Васильевна не въ состояніи была даже вскрикнуть привычное: это ужасъ! Въ воображеніи ея тотчасъ же мелькнула ревнивая мысль, что сестра отбиваетъ у нее счастье, что она будетъ ей вѣчная помѣха къ достиженію всѣхъ сердечныхъ надеждъ.

Въ совершенномъ отчаяніи она выбѣжала въ садъ; но тамъ ожидалъ ее просто ужасъ. Сашенька стоитъ на павильонѣ, кланяется и кричитъ черезъ заборъ:

— Мое почтеніе! Здравствуйте! Все ли въ добромъ здоровьѣ!

— Это ужасъ! Это невыносимо! вскричала она, воротясь въ комнату. Маменька! посмотрите, чтѣ дѣлаетъ Саша!

— Чтѣ такое дѣлаетъ Саша? — спросила Дарья Карповна.

— Черезъ заборъ разговариваетъ съ какинъ-то незнакомымъ мужчиной! проговорила Марья Васильевна, задыхаясь отъ волненья.

— Что такое дѣлаетъ Саша? Позвать ее!... Что ты тамъ дѣлаешь? Какой тамъ мужчина? Какъ ты смѣешь разговаривать черезъ заборъ съ мужчинами?

— Какой тамъ мужчина, маменька, тамъ кукла алебастровая, мужикъ на террасѣ, — отвѣчала преспокойно Сашенька, — извольте посмотреть сами.

— Кукла? Неужели? Ха, ха, ха! А ты приняла куклу за мужчину?...

— Помните, маменька, проговорила гнѣвнымъ голосомъ Марья Васильевна, выходя изъ залы, на что это похоже: поругали мнѣ сказать что больны, лежите въ постелѣ, а сами такъ громко разговариваете и хохочете!...

— Ахъ матушка, это что за взысканіе! Ну да, хочу хохотать! Что ты это! Вотъ тебѣ разъ!... Да кто-жь тебѣ велѣлъ говорить, что я лежу на смертномъ одрѣ? Откуда ты взяла?

— Это странно! сами же приказали; а потомъ!...

И Дарья Васильевна хотѣла идти.

— Куда, сударыня?

— Никуда-съ!

— То-то; что-жь ты говорила съ этимъ господиномъ?

— Я ему сказала, что вы нездоровы и не можете выйти; онъ хотѣлъ прійти въ другой разъ, завтра, — вотъ и всё.

— Завтра! Да что-жь мнѣ въ этомъ толку? Придетъ завтра, опять высылай сказать, что нездорова.

— Нѣтъ ужъ маменька, сдѣлайте одолженіе, меня не посылайте!

— Скажи пожалуйста, разгнѣвалась! Да позволь спросить о чемъ ты цѣлый часъ съ нимъ разговаривала?

— Странно! Какъ будто я должна была молчать какъ дура!

— Да кажется не о чемъ долго говорить съ постороннимъ человѣкомъ; да къ тому же онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, а не съ тобой точить балясы!... Что молчишь, надула губы?

— Ужъ я чувствую, что мнѣ вѣкъ сидѣть въ дѣвкахъ! отрывисто и съ сердцемъ проговорила Дарья Васильевна ни съ того ни съ сего въ отвѣтъ матеря.

— Скажи пожалуйста! вотъ въ чемъ дѣло! Ужъ онъ успѣлъ и присвататься къ тебѣ? Скорехонько! Такъ вотъ о чемъ были длинные разговоры!... Завтра то онъ не съ тѣмъ ли ужъ пріѣдетъ, чтобы просить руки твоей!

— Не безпокойтесь, я ужъ ни за что не выйду къ нему, ни за что!... Можете выслать Машу... Ей же ужъ вы и бѣлье въ придавое заготовили!... Съ этими словами Дарья Васильевна бросила книгу, которую вертѣла въ рукахъ, вскочила и вышла вонъ.

IV.

— Дура! Дрянъ! говорилъ Петръ Ивановичъ, насилу отдалавшись отъ Дарьи Васильевны и отправляясь домой: заговорилъ: «Ахъ, какъ я люблю чтеніе!... Я люблю читать историческія книги!... Дюма, Ежена Сю... Ахъ, какъ прекрасно они пишутъ!... У насъ такъ не умѣютъ писать; у насъ совершенно нечего читать!... У насъ только и есть историческаго, что исторія Карамзина.»

Не смотря однако жъ на овасеніе быть до смерти заговореннымъ Дарьей Васильевной, надо же было отправиться Петру Ивановичу снова въ Сокольники, чтобъ рѣшить недоумѣніе на счетъ дачи.

Пріѣхавъ на другой день на дачу и входя въ переднюю, Петръ Ивановичъ рѣшился безъ церемоній допросить, по какому праву осмѣлились занять его дачу.

Послѣ долгаго ожиданія, его снова просили войти въ залу. Тамъ сидѣла уже томная Мари, въ задумчивомъ, граціозномъ положеніи. Какъ-будто пораженная неожиданнымъ повмѣніемъ прекраснаго молодаго человѣка, она ахнула, привстала, поклонилась и просила садиться.

Принявъ ее за Дарью Карпову и рѣшившись не соблазняться ни какими вниманіями и пріятствіями, Петръ Ивановичъ очень сухо приступилъ къ дѣлу.

— Извините, сударыня, мнѣ нѣкогда садиться.... Я имѣлъ уже честь быть вчера у васъ; но дочь ваша сказала, что вы нездоровы и я рѣшился повторить мой визитъ сегодня и просить васъ объявить мнѣ, на какомъ основаніи вы заняли эту дачу.

Ни чѣмъ нельзя было такъ убить на цоваль самолюбіе чувствительной Мари Нѣжвое, сентиментальное, приготовившееся къ нѣгѣ любви, расположеніе ея духа вдругъ изчезло.

— Я не маменька-съ! отвѣчала она отрывисто и совершенно потерявшись.

— Но я не знаю гдѣ жъ мнѣ искать вашу маменьку съ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ настойчиво: я пріѣхалъ только сказать что эта дача нанята мною, и потому никто не имѣетъ права занимать ее.

— Скажите пожалуйста! Если вы имѣли право нанять, такъ и мы также!

— Я однако жъ надѣюсь, что эти права разберутъ по принадлежности!

— Хмъ! не думаете ли вы съ насъ совать-ся?

— Это ужъ не мое будетъ дѣлю-ся, отвѣчала Петръ Ивановичъ, поклонясь и выходя.

— Дерзость какая! Мерзавецъ какой! повторила Маря. Представьте, маменька, онъ даже не далъ мнѣ слова сказать: вошелъ, не поклонился: «вы, говоритъ, хозяйка? это моя дача, извольте выѣзжать!» Я просто не знала чтѣ говорить!....

— Не можетъ быть, этого не можетъ быть! возразила Дарья Васильевна съ пренебрежительной усмѣшкой: прекрасный молодой человекъ, такъ учтивъ, образованъ. Я увѣрена, что можетъ быть вы приняли его какъ какова-нибудь холопа.

— Ужъ конечно мнѣ у васъ надо учиться принимать людей!

— Ужъ конечно что не мнѣ у васъ!.... одинъ и тотъ же человекъ со мной говорилъ прилично; а вамъ дѣлаетъ дерзости.... ха, ха, ха!

— Безъ сомнѣнiя вы поразили его своей красотой; а я не имѣла чести понравиться!....

— Ха, ха, ха! безъ сомнѣнiя!

— Да чтѣ вы это, сударыни мои, съ ума что ли сошли? прикрикнула Дарья Карповна, драку, что ли, поднимете за какова-нибудь мерзавца?....

— Я не знаю почему онъ мерзавецъ, маменька, проговорила Дарья Васильевна обиженнымъ голосомъ: развѣ потому, что на зло мнѣ, Машѣ угодно было принять его какъ какова-нибудь мерзавца!

— Мерзавецъ, мерзавецъ! крикнула Маря къ сестрѣ выходя въ садъ.

Прошло нѣсколько дней; возникшія неавыстныя чувства поулегли, покрылись непломъ; Дарью Карповну никто на счетъ дачи не тревожилъ, ни наемщикъ, ни самъ хозяинъ не являлись: она вполне успокоилась.

— Вотъ, какъ ты отдѣлала его, говорила она Марѣ Васильевнѣ, такъ небось и глазъ не кажетъ; а обойдись съ нимъ ласково какъ дама, такъ всякой бы день таскался.

— Безъ сомнѣнiя: подъ претекстомъ дачи навязался бы на знакомство, отвѣчала Маря съ какимъ то злобнымъ довольствомъ. Я что взглянула, тотчасъ поняла, что какая-то дрянь, шушера,

ничтожный чиновничка.... Вздумалъ вдругъ угрожать, что будетъ жаловаться, что мы заняли его дачу; а я посмотрѣла на него съ презрѣніемъ и захохотала....

Хиъ! Мерзавецъ какой!

— Да какъ же, маленька, возможное ли дѣло всякую дрянъ принимать какъ вельможу; очень натурально, что вачни и я усаживать его, да кокетничать предъ нимъ, онъ бы также растаалъ, вздумалъ бы просить руки....

— Какъ бы не такъ, возразила Дарья Карповна, чтобъ я отдала дочь свою за какова-нибудь канцеляриста!....

— Я удивляюсь, право, Дашенькѣ!....

— И я удивляюсь. По ея словамъ, я думала что что-нибудь порядочное:

— Обошлась ли бы я такъ съ порядочнымъ человѣкомъ; я просто только что не сказала: «подите вонъ!».... но вѣдь всё такъ я ничего особеннаго и грубаго не сказала ему; вольно жъ претевдовать на меня Дашѣ. Я только сказала: дача навята намъ и ваши безпокойства бесполезны.

— И прекрасно сказала; я сама тоже бы сказала.

— Что жъ мнѣ съ нимъ долго разговаривать!

— Посадила бы, да разговорилась, и не выжила бы.

— Разумѣется.

— А вотъ какъ не солово хлѣбалъ. такъ оно в лучше.

Марья Васильевна промолчала на эти слова, задумалась и вздохнула.

V.

Между тѣмъ Петръ Ивановичъ, погорячась передъ Марьей Васильевной, вхалъ съ дачи съ твердымъ намѣреніемъ выжить Дарью Карповну Тюфелеву съ семействомъ, посредствомъ полиціи.

— Сей же часъ поѣду къ оберъ полицмейстеру жаловаться!... Ступай на Тверскую! крикнулъ онъ извозчику: ахъ да, надо взять съ собой условіе о наймѣ дачи. Пошелъ домой! или погоди, ступай въ Знаменскій Переулокъ.... поѣду къ хозяину.... очень нужно самому мнѣ хлопотать!...

И Петръ Ивановичъ отправился къ Калистрату Трофимовичу, засталъ у него какого то барина, котораго онъ угощалъ завтракомъ и велъ съ нимъ бесѣду, подъ страшнымъ свистомъ соловья и канареекъ.

— Такъ вамъ понравился, сударь, бѣдь-этажъ?... Покорнѣйше прошу.... это-съ тининал, по настоящимъ временамъ хорошее дѣло.... Я его только-что отдѣлалъ..... у меня ужъ такой обычай: послѣ каждаго жильца все на ново.... для занимающихъ оно какъ-то пріятнѣе когда все чисто, опрятно....

— Конечно, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ баринъ: мнѣ очень нравится квартира.... такъ я могу занять на полгода?

— На сколько угодно: хоть на полгода, хоть на годъ.... это ужъ для меня всё-равно; живите сколько угодно.

— Сколько же вы полагаете?

— Тысячу рублей серебромъ.

— Какъ! за полгода тысячу рублей серебромъ?

— Э, нѣтъ! за годъ.

— Я было испугался. Такъ за полгода пятьсотъ рублей?

— Тысячу рублей за годъ; это у меня ужъ такое положеніе; а прожить можете сколько угодно: хоть годъ, хоть полгода, хоть мѣсяць — это ужъ будетъ зависѣть отъ вашей воли, какъ заблагоразсудите, это для меня всё равно.

— Да для меня-то не всё равно заплатитъ за полгода тысячу рублей серебромъ.... потомъ славать кому-нибудь — это хлопоты.

— Вы меня знаете, я васъ знаю, какіе же хлопоты? вы мнѣ и сдадите въ томъ же видѣ какъ примете отъ меня.... проживете ли какъ-разъ годъ, или полгода....

Баринъ посмотрѣлъ на Калистрата Трофимовича, поклонился и, не говоря ни слова, вышелъ.

— Вамъ, сударь, чтѣ? проговорилъ Калистратъ Трофимовичъ, обращаясь къ Петру Ивановичу: да, да, да, насчетъ уплаты денегъ за дачу — доброе дѣло.

— Я не понимаю, сказалъ Петръ Ивановичъ: мы съ вами условились уже о наймѣ дачи, а между тѣмъ дача занята.

— Какъ? кѣмъ? спросилъ Калистратъ Трофимовичъ.

— Тамъ живетъ какой-то госпожа съ семействомъ.

— Не можетъ-быть!

— Какъ не можетъ быть? я сейчасъ оттуда; она говоритъ, что живетъ по найму, — стало быть вы должны знать.

— Не можетъ быть! я съ вами заключилъ условіе и извольте занять дачу, вы имѣете полное право.

— Но если дача занята?

— Это какое-нибудь недоумѣніе. Дача въ вашемъ распоряженіи, а мнѣ остается только получить отъ васъ уплату по условію.

— Да я вамъ говорю, что тамъ живутъ безъ всякаго недоумѣнія.

— Эта какая-нибудь ошибка. Пошлите сказать, чтобы съѣхали, что дача ваша.

— Нѣтъ, ужъ прошу васъ самихъ объ этомъ распорядиться; это не мое дѣло.

— Да и не мое. Я знаю, что я вамъ отдалъ дачу въ наймы и никого кромѣ васъ не знаю. Покажите этой госпожѣ ваше условіе.

— Я былъ и говорилъ, но они и знать не хотятъ; они также говорятъ, что наняли.

— Странное дѣло! въ такомъ случаѣ вы вмѣстѣ полное право жаловаться, сказалъ Калистратъ Трофимовичъ, наливая рюмку водки: не угодно ли?...

— Покорно благодарю.... я жаловаться не намѣренъ!

— Ну, ужъ это какъ вамъ угодно: условіе заключено.... дача передана вамъ на три мѣсяца, и ужъ не мое дѣло гонять воронъ, которыя васъ тамъ будутъ беспокоить....

— Плевать мнѣ на твою дачу! подумалъ съ досадой Петръ Ивановичъ, поклонился и вышелъ. За что жъ у меня однако жъ пропадетъ двадцать-пять рублей серебромъ?... Съѣзжу, похлопочу гдѣ слѣдуетъ....

Воротясь домой, Петръ Ивановичъ приказалъ Тихону подать передодѣться, а самъ, вынувъ изъ конторки условіе, прилегъ на диванъ, въ ожиданіи покуда Тихонъ соберется, развернулъ гербовый листъ, взглянулъ на крючковатую подпись Калистрата Трофимовича, и отъ подписи сталъ подниматься вверхъ.

— Ахъ, собака! вообразите себѣ, что онъ взвалилъ на меня! «Застраховать дачу на свой счетъ, въ противномъ случаѣ, то есть, въ случаѣ пожара, уплатить мнѣ пять тысячъ рублей серебромъ!...» Ахъ, плутъ!... «Дворъ и все прочее держать въ чистотѣ, въ противномъ случаѣ, при отъѣздѣ съ дачи, уплатить потребные на очистку деньги....» Ахъ, негодный!... «Все вмѣстѣ съ домомъ, какъ то: стѣны, обклеенныя обоями, шпалерныя двери съ замками и задвижками, а равно окны со стеклами, столы, стулья, и всю мебель, прилавъ по описи, содержать въ бережливости, а въ случаѣ какой-либо порчи — замѣнить новой, или уплатить что стоитъ по означенной въ описи цѣнѣ....» Ахъ, скаредъ!... «Съ уплатою впередъ, при заключеніи условія, двухъ-сотъ рублей серебромъ, не включая издержки на заключеніе условія....» Пффу! что я дуракъ что ли! вскричалъ, въ заключеніе всѣхъ этихъ

условія, Петръ Ивановичъ, швырнувъ листъ в вскочивъ съ дивана: гусь! вѣтъ, братъ, покорно благодарю за такую дачу!...

— Готово, сударь, извольте одѣваться, сказалъ вошедшій Тихонъ съ платьемъ.

— Убирайся къ чорту! крикнулъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ такъ бы давно сказали! к чему жъ я собиралъ? отвѣчалъ Тихонъ выходя.

— Вѣдь счастье, что эта большая барыня съ своими костяшками заняла дачу.... отъ него бы не отдѣлался.... Пусть ее тамъ хоть въ землю вростеть!... очень радъ!...

Радуясь, что особенное счастье избавило его отъ дачи, Петръ Ивановичъ и думать уже объ ней забылъ. Здоровье его какъ будто поправилось, расстройство желудка прошло, а между-тѣмъ прошло около недѣли, какъ-вдругъ Тихонъ подалъ ему письмо.

— Это отъ кого?... Эге!...

«Милостивый государь,

«Такъ какъ вы наняли мнѣющуюся у меня дачу, въ Сокольникахъ, состоящую изъ дома съ принадлежностями и садомъ, а равно и мебелью, на три мѣсяца, считая съ 12 числа мая по такое же августа, съ уплатою мнѣ за прожитіе на оной двухъ-сотъ рублей серебромъ, впередъ на все время, насчетъ чего и заключено условіе съ принадлежащею описью, каковая вамъ и вручена по принадлежности, я въ книгѣ маклерской записана; то такъ какъ въ разсужденіи сего условія обязаны вы мнѣ заплатить немедленно же; почему я и прошу васъ слѣдующія мнѣ деньги сообщить неуклонно и безъ отлагательства времени; ибо въ противномъ случаѣ, я въ необходимости буду обратиться куда слѣдуетъ съ прошеніемъ объ истребованіи отъ васъ оной суммы, законнымъ порядкомъ.

«Съ достодолжнымъ уваженіемъ и таковою же преданностію вѣрю честь быть,

«Милостивый государь,

«Вашъ покорный слуга, *Калистратъ Протомоевъ.*»

— Сейчасъ, держи карманъ! крикнулъ Петръ Ивановичъ, схватилъ перо, и тотчасъ начеркалъ съ горяча отвѣтъ.

«Милостивый государь,

«Можете обратиться со всеми вашими требованіями, законными и незаконными, въ госпожѣ, которая у васъ занимаетъ дачу, а мнѣ позвольте выписаться изъ званія покорнѣйшаго вашего слуги.»

- Кто принесъ письмо?
- Какой то человекъ, отвѣчалъ Тихонъ.
- На, отдай ему и скажи, что приказалъ кланяться.
- Слушаю, сказалъ Тихонъ.
- Ахъ ты, гусь лапчатый, уродъ! повторялъ Петръ Ивановичъ, ходя по комнатѣ.
- Человекъ-то желаетъ повидаться съ вами, сударь, сказалъ Тихонъ, входя снова въ комнату.
- Что ему нужно?
- Не могу знать.
- Что тебѣ нужно, любезный?
- Да вотъ.... честь вибю поздравить, ваше благородіе — отвѣчалъ слуга Калистрата Трофимовича, явно жаждущій похвѣля.
- Съ чѣмъ поздравить? спросилъ его Петръ Ивановичъ.
- Да какъ же, дачку у барина изволили нанять.... такъ оно ужъ слѣдуетъ за здоровье ваше хоть чайку выпить.... чтобъ все было здорово и благополучно....
- Пошелъ вонъ! крикнулъ Петръ Ивановичъ. — Тихонъ, проводи его!
- И сами пойдемъ! — отвѣчалъ слуга, моргая глазами: эка, братъ, у тебя баринъ-то....
- Ступай, ступай, хвали своего! прикрикнулъ и Тихонъ, спроваживая его въ двери.
- Хвали!.... я своего хвалю, такъ хвалю, что чай икается.... онъ у меня такой.... а твоему-то я что за слуга?.... чтобъ я даромъ повесъ письмо!.... вретъ оно! дѣло другое господское.... на! неси самъ!....
- И кинулъ письмо на землю; но не видя Тихона, который притворилъ уже двери, пьяный слуга Калистрата Трофимовича, покачался—покачался на мѣстѣ, приподнялъ письмо и пошелъ.
- Не прошло недѣли, какъ къ Петру Ивановичу явился ещѣ нѣкоторые люди, съ объявленіемъ поступившей просьбы отъ губернскаго регистратора Калистрата Трофимовича сына Протомова о взысканіи съ Петра Ивановича слѣдуемыхъ за наемъ дачи по условію денегъ.
- Петръ Ивановичъ сталъ было словесно доказывать что онъ не обязанъ платить.

— Ну, за что я буду платить, скажите сами?

— Это все прекрасно; но заключенное условіе: вы наняли дачу, а живете ли вы сами въ ней, или кто нибудь другой живетъ, это другой вопросъ. Вы можете подать съ своей стороны провъ-

бу на госпожу, которая завела нанятую вами дачу; а между-тѣмъ вамъ слѣдуетъ заплатить по условію....

— Двѣсти рублей серебромъ! за дрянную дачу! да какая бы она ни была, чортъ съ ней, я бы никогда не наналъ за двѣсти рублей серебромъ.. я полагалъ что онъ просить двѣсти рублей монетой.

— Это все прекрасно; но слѣдуетъ заплатить по условію, которое вы сами подписали.

Петръ Ивановичъ былъ въ отчаяніи.

— Заплачу, нечего дѣлать заплачу!.... я ему заплачу, собакъ! повторилъ онъ отправляясь къ Калистрату Трофимовичу.

— Хе, хе, хе, мое почтеніе! проговорилъ усмѣхаясь Калистратъ Трофимовичъ, встрѣчая его, — какъ идетъ ваше дѣло о дачкѣ?

— Какъ идетъ такъ и идетъ, — не ваше дѣло, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ сухо: извольте получить деньги, — сколько вамъ слѣдуетъ?

Рѣшительный голосъ и торопливость Петра Ивановича платить деньги, навели какое-то сомнѣніе на Калистрата Трофимовича....

— Позвольте-съ, сказалъ онъ: какъ же это!... мнѣ дворникъ сказалъ, что дачу занимаетъ госпожа.... Тюфелева, между тѣмъ какъ дача отдана въ наемъ вамъ.

— Да съ, я дачу нанялъ, плачу деньги, а занимаетъ ее госпожа Тюфелева, объ этомъ былъ и толкъ, да ужъ толковать нечего; извольте деньги....

— Позвольте-съ, стало быть вы передаете дачу?

— Передаю, дарю, вамъ чтѣ за дѣло, милостивый государь!

— Дарю! повторилъ про себя Калистратъ Трофимовичъ: понимаемъ мы.... вѣрно содралъ съ нее рублей тысячу за услугу!.... нѣтъ, ужъ извините, продолжалъ онъ обращаясь къ Петру Ивановичу, я передачи дозволить не могу.... иначе какъ въ моемъ присутствіи.... потому что я долженъ заключить новое условіе съ этой госпожей.... Притомъ же вы человекъ холостой... ни экипажа, ни лошадей не имѣете.... а огромное семейство, экипажъ, лошади, тьма людей.... это уже другой счетъ....

— Да чего жъ вы хотите, наконецъ, отъ меня? вскричалъ Петръ Ивановичъ.

— Дѣло самое короткое, отвѣчалъ Калистратъ Трофимовичъ: не угодно ли поѣхать вмѣстѣ со мною и при мнѣ передать дачу....

— Фу, надоѣла чортова дача!.... поѣдемте, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— У васъ здѣсь своя лошадка? спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, извозникъ.

— Всё равно.... я не держу лошадей.

Садясь выѣхать съ Петромъ Ивановичемъ на дрожки, Калистратъ Трофимовичъ доказалъ въ краткихъ словахъ, что держать своихъ лошадей пустое дѣло, потому замолкъ, и углубился въ нѣкія то внутреннія созерцанія, не обративъ вниманія даже на станцію желѣзной дороги.

Петръ Ивановичъ, напротивъ, молча зѣвалъ просто и зѣвалъ на стороны.

Такимъ образомъ они пріѣхали на дачу.

VI.

— Ты, братецъ, какимъ же образомъ допустилъ сюда переѣхать госпожу, когда дачу нанялъ вотъ этотъ господинъ? а? сказалъ строгимъ голосомъ Калистратъ Трофимовичъ, встрѣвшему его дворнику.

— А я жъ говорилъ вамъ, баринъ, что господь-то вѣдь не узнаешь. Барыня пріѣхала, говоритъ: «Я наняла». А вотъ баринъ пріѣхалъ, да говоритъ: «Я нанялъ». Вотъ, я и подумалъ, что самъ господинъ лучше про то знаетъ. Сами пріѣдете, лучше разберете.

— Что эта госпожа больная? можно ее видѣть?

— Кто? она? какая больная! сей-часъ только на кухнѣ воевала. Мыши на погребу провизію поѣли.... «Я, говоритъ, знать мышей не хочу....» кухаркѣ то досталось, а меня призвала, да велѣла: скажи, говоритъ, барину, чтобъ приказалъ мышей неотмѣнно вывести.

— Конечно, конечно! такъ я буду ей мышей выводить! проговорилъ Калистратъ Трофимовичъ, входя въ переднюю, и какъ хозяинъ дома, прямо безъ доклада въ залу.

Въ залѣ, на дванѣ, сидѣла Сашенька; чтѣ-то шила. Склонивъ голову, она весело съ улыбкой смотрѣла на иглу, которая въ рукахъ ея, какъ будто по шучьему велѣнью быстро стрекала по шву, какъ молнія.

— Мое почтеніе съ! — раздался вдругъ сильный грубый голосъ въ дверяхъ.

Быстро приподнявъ осяенные чудными рѣсницами глаза, Сашенькѣ показалось, что передъ ней стоятъ воплощенный ужасъ и воплощенное чудо; отъ одного такъ бы и бросилась бѣжать

вогъ, да радѣиъ съ нимъ другой, къ которому такъ бы и при-
шла вся душой.

Но ровное вліяніе этихъ прѣтвѣположностей удержало её въ
границахъ; она привстала, привѣтливо поклонилась.

— Извините-сь, сказалъ Каллистратъ Трофимовичъ: мы виѣдемъ
дѣло до госпожи-съ, которая занимаетъ эту дачу.

— Вамъ угодно видѣть маменьку?

— Такъ точно-сь, я хозяйниъ этой дачи.

— Сію минуто; покорно прошу васъ, садитесь пожалуйста.

— Какая славная барышня! проговорилъ Каллистратъ Трофи-
мовичъ, садясь на кресла и осматривая кругомъ.

— Чтѣ вы говорите? спросилъ, задумавшись Петръ Ивано-
вичъ, котораго всѣ чувствуета какъ будто ушли въ слѣдъ за Са-
шевской въ спальню ея матери.

— Маменька, хозяйниъ дачи прѣхалъ, сказала Сашенька: да еще
какой то мужчина съ нимъ.... вѣрно наемщикъ.

— Чтѣ-о! хозяйниъ? съ наемщикомъ?... ну, тамъ!.... ахъ, ты
Господи!

И Дарья Карповна задумалась чтѣ ей дѣлать.

— Да я ни за чтѣ само не выйду!.... Да чтѣ за человекъ хо-
зятъ-тѣ?

— А Богъ его знаетъ, маменька, отвѣчала Сашенька: какой
то такой.... фэ!

— Ахъ, мать моя! да вѣдъ ты видѣла его, чай, своими гла-
зми?

— Сначала онъ показался мнѣ совѣтнъ не человекомъ, а Богъ
знаетъ чѣмъ, высокая превысокая глиняная фигура въ длинномъ
серуукѣ....

— Ахъ, ты Господи! Поди-ко, кликни сестерь... постои!.... Да-
ну-то я не пошлю.... а Маша-то отдѣлала этого молодца; не лов-
ко... да чтѣ тутъ... ступай ты, да скажи просто что я рѣшитель-
но по болѣзни не могу теперь съѣхать... что дескать надо имѣть
человѣчество.... или нѣтъ, постои, этого не надо.... гдѣ тебѣ это
сказать.... скажи просто, что дескать если они прѣхали насчетъ
дѣч, такъ маменька сама бы съѣхала, что маменькѣ всё равно
дѣч, та или другая и деньги я повѣрнѣе еще всякаго заплачу;
да по болѣзни, отъ того что больна, скажи, маменька не можетъ
перѣехать.... просто не можетъ, ну не можетъ да и конечно...
слышишь?

— Слышу, маменька.

— Ну, такъ ступай, скажи это, да не перепутай!

— Не бойтесь, маменька.

— Тó-то.

И Сашенька вышла въ залу.

— Маменька не можетъ сама выйти, сказала она, и просила черезъ меня передать ей ваше желаніе.

— Оно дѣло въ томъ-съ, началъ Калистратъ Трофимычъ, что маменька ваша изволила занять эту дачу; а вотъ-съ они наняли ее прежде васъ.

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь и маменька наняла.... какъ же быть то, скажите сами!... проговорила Сашенька, обращаясь къ Петру Ивановичу: вы хотите насъ сгонять?

— Ахъ, никогда! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: если только дача вамъ нравится, я съ радостью уступлю ее.

— Ахъ, очень нравится.

— Такъ сдѣлайте одолженіе, скажите маменькѣ....

— Позвольте, почтеннѣйшій, возразилъ Калистратъ Трофимовичъ, съ какою то ревностію: это зависитъ отъ меня.... Вы изволили нанять дачу, по условію, для прожительства въ ней, для прожительства-съ, но безъ всякаго права продавать, закладывать, передавать въ другія руки, или дѣлать какой бы то ни было оборотъ; а всякая уступка, или одолженіе есть оборотъ съ... Оно конечно пріятно сдѣлать удовольствіе для такой прекрасной особы; но безъ моего согласія распорядиться чужою собственностію нельзя-съ.... Да-съ; но для васъ, сударыня, такъ какъ они отказываются гласно, я готовъ передать дачу, прося покорнѣйше принять это личво за мое вамъ угожденіе.

Петръ Ивановичъ вспыхнулъ; но взглянувъ на Сашеньку, онъ понялъ улыбку, съ которой она приняла угожденіе Калистрата Трофимовича.

— Благодарю васъ, ваше вниманіе будетъ очень пріятно маменькѣ, сказала она Калистрату Трофимовичу.

— Съ маменькой вашей я буду вѣсть честь покороче познакомиться, отвѣчалъ онъ, смотря ястребными глазами на Сашеньку: доложите ей, что мнѣ очень пріятно пріобрѣсти такихъ жильцовъ.... Такъ вотъ, по этому же образцу напишется и условіе... позвольте черниленку, или хоть карандашикъ.

Вынувъ изъ кармана условіе, Калистратъ Трофимовичъ зачеркнулъ въ немъ карандашемъ имя и фамилію Петра Ивановича и написалъ вмѣсто его коллежскую ассесоршу Тюфелеву.

— Вотъ съ, продолжалъ онъ, при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ они человекъ холостой, не занимали ни конюшни,

ни сараи, такъ я и сдѣлалъ уступку въ цѣнѣ, отдавъ дачу за двѣсти рублей серебромъ; съ васъ бы слѣдовало по крайней-мѣрѣ двѣсти пятьдесятъ; но ужъ такъ, доложите маменькѣ своей, что для пріятнаго знакомства, я ужъ положу двѣсти тридцать или ровно осемьсотъ рублей ассигнаціями; и условіе на свой счетъ напишу.

— Очень хорошо, я передамъ это маменькѣ.

— Да-съ, сдѣлайте одолженіе, завтра я пріѣду и привезу для подписанія точно такое условіе, и ужъ увѣрять, что вы будете и дачей моею, да и хозяйномъ дачи довольны... У меня никогда и ни съ кѣмъ раздоровъ и непріятностей не было; я ихъ никогда не завожу, нѣтъ, ужъ я этого не люблю... Вы вѣдь изволили постоянно проживать въ Москвѣ?

— Да съ, мы постоянно живемъ въ Москвѣ...

— Удивительно, какъ это я до-сихъ поръ васъ не встрѣчалъ.

— Не знаю; я думаю оттого что мы нигдѣ не бываемъ, отвѣчала Сашенька.

— Я также постоянно живу въ Москвѣ, продолжалъ Калистратъ Трофимовичъ: надо точно сказать, что рѣдкостный городъ Москва; я жила въ другихъ мѣстахъ; но уже все не тѣ удобства, какъ напримѣръ по общежительности и препровожденію времени, такъ равно и по хозяйственной экономіи. Вотъ Богъ дастъ познакомимся, вы увидите какой у меня садъ... Вы, конечно, любите цвѣты?

— Не совсѣмъ, отвѣчала Сашенька, взглянувъ на Петра Ивановича, который уже выходилъ изъ терпѣнія.

— И, да не можетъ же быть, сударыня, чтобъ роза не любила цвѣтовъ; оно и въ баснѣ документально сказано... позвольте...

Петръ Ивановичъ не въ состояніи былъ долѣе выносить любезностей Калистрата Трофимовича.

— Я думаю намъ можно уже ѣхать? сказалъ онъ, вскочивъ со стула.

— Куда жъ вы? спросила его Сашенька такимъ голосомъ, что сама тотчасъ же почувствовала свою неосторожность.

Петръ Ивановичъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но Калистратъ Трофимовичъ перебилъ.

— Вы сдѣлайте одолженіе, не беспокойтесь насчетъ меня, извольте ѣхать; а у меня тутъ есть знакомые, я еще у нихъ побываю.

— Позвольте же васъ поблагодарить за вашу доброту, сказала

Сашенька : маменька очень будетъ жалѣть, что лишена удовольствія....

И Сашенька не договорила ; Петръ Ивановичъ взволнованный, смущенный, поклонившись неловко, уже вышелъ.

— Вотъ изволите ли видѣть, началъ Калистратъ Трофимовичъ: кажется вѣдь господинъ, а такъ чтобы сказать надлежащей благовоспитанности нѣтъ. Во-первыхъ, неучтивство противъ меня, распорядиться моимъ домомъ, а теперь неучтивство противъ благородной дѣвицы—встать, кивнуть головой и уйти.... Я очень радъ, что развязался съ нимъ.... Вотъ такая-то теперь вся мелодежь: кажется чиновникъ и экзамены держалъ, а извольте дать ему написать бумагу, по какому-нибудь самому простому казусу....

— Такъ я могу вручить эту бумагу маменькѣ, отъ вашего имени и сказать ей, что по ней напишется условіе? сказала Сашенька, не дослушавъ длинной рѣчи Калистрата Трофимовича и првставая съ мѣста.

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ Калистратъ Трофимовичъ, продолжая спокойно сидѣть и ни сколько не понимая нетерпѣливаго движенія Сашеньки.

Расположившись овладѣть на сколько слѣдуетъ для перваго раза сердцемъ дѣвушки, и любя всякое дѣло особенной важности покончить помимо всего, какъ говорится въ новомъ подъязычскомъ слогѣ, онъ возобновилъ начатую рѣчь о своемъ садѣ.

Сашенька не знала что дѣлать; въ первый разъ почувствовала она всѣ недуги происходящіе отъ безсилія переносить *несносное*. Къ счастью ея сама Дарья Карповна, нетерпѣливо ожидая чѣмъ кончатся переговоры, и не видя конца имъ, вышла взъ себя и послала за ней Сергѣеву.

— Извините меня, проговорила обрадовавшись Сашенька: я передамъ маменькѣ бумагу и ваше намѣреніе быть у насъ завтра.

— Да съ, около этого времени, непремѣнно, сказалъ Калистратъ Трофимовичъ, приподнимаясь со стула: прошу свидѣтельствовать матушкѣ вашей мое почтеніе!....

Калистратъ Трофимовичъ хотѣлъ еще что-то прибавить; но Сашенька присѣла и вышла.

— Помилуйте, сударыня, это что такое? да что это такое? гдѣ вы изволили научиться точить балы съ мужчинами? Дѣвченка; косы еще не отростила; а ужъ та та-та! а мать жди!....

начала причитывать Дарья Карповна, только что Сашенька оказалась въ двери.

— Ахъ, маменька, замучалъ этотъ проклятый хозяинъ здѣшній! говорилъ, говорилъ, говорилъ, говорилъ! Если бъ вы не прислали за мной, я бы умерла, отвѣчала Сашенька, не обращая вниманія на слова матери и сочувствуя только своему облегченію.

— Скажите пожалуйста! продолжала Дарья Карповна свое, по необходимости выплеснуть на виноватаго или не виноватаго, скопившуюся желчь: да ты, я вижу, и всё увертки знаешь.... Измучалъ онъ ее, ахъ, бѣдная!...

— Вотъ, маменька, условіе, которое вышестея о наймѣ дачи....

— Чтѣ такое? Такъ ты, сударыня, ходила на цѣшто, принесла ничего? пробалагурила да прораздобаровала.... Чтѣ жъ это такое: просьба чтѣ ли на меня?

— Нѣтъ, маменька, дача остается за вами, господинъ Станинъ уступаетъ ее вамъ; хозяинъ на это согласился.

— Неужели? ну, слава Богу! поцѣлуй же меня!.... а я ужъ отчаялась: думаю, не полицейской ли съ нимъ офицеръ, да и говорю Сергѣевичъ: придется вѣрно за подводами посылать!

— И, матушка, статешное ли дѣло, чтобъ васъ кто потревожилъ: я говорила, что походить, походить, да и уходятся!

— Ну, не хвастай, что это ты говорила, это я сказала на первыхъ же порахъ.

— Можетъ статья, сударыня.

— Маша, дачу-то отстояли мы, сказала Дарья Карповна, вшедшей Марья Васильевнѣ. Этотъ господинъ, котораго ты отдала, подаль-было ужъ и просьбу хозяину; а хозяинъ пріѣхалъ самъ, и тотчасъ разсудилъ, что для какого нибудь шушеры нельзя же сгонять меня, и тотчасъ передалъ просьбу Сашѣ, и сказалъ чтобъ я не безпокоилась; прочти-ка бумагу то.

— Это не просьба, маменька, это форма условія, которое заключится съ вами о наймѣ дачи, сказала Сашенька, стараясь скрыть обиженное чувство толками матери.

— Знаю, понимаю безъ тебя, ты только читай.

— Сашенька начала читать; но добравшись до цѣны *двѣсти рублей*, приостановилась.

— Ахъ да, маменька, онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ что за эту цѣну отдавалась дача безъ сарая и конюшни; съ сараемъ и конюшней она ходитъ двѣсти-пятьдесятъ; но онъ для васъ усту-

паетъ за двѣсти-тридцать, то есть за осемьсотъ рублей ассигнаціями.

— Что такое? осемьсотъ рублей? ты съ ума сошла! что ты врешь на обумъ! читай.

— По 1 сентября *двѣсти рублей серебромъ*, продолжала читать Сашенька. Вотъ видите, маменька, господинъ Станинъ панималъ дачу за двѣсти рублей серебромъ, то есть — за семьсотъ рублей ассигнаціями; а съ васъ онъ хочеть осемьсотъ съ сараемъ и коюшней....

— Осемьсотъ рублей! вскричали всѣ въ одинъ голосъ, а Сергѣвна въ дополненіе всплеснула руками.

У Дарьи Варповны кровь бросилась въ голову.

— Пошла вонъ, дура, съ своимъ условіемъ! вскричала она вдругъ на Сашеньку, вонъ!...

— Маменька, начала было Сашенька, не понимая за что сердится на нее мать.

— Какъ ты осмѣлилась безъ моего позволенія условливаться?... а?... Извольте посмотрѣть, какъ вамъ покажется? договорилась за осемьсотъ рублей, да ужъ и на бумагѣ нанесли и мое имя написали!... за осемьсотъ рублей я наняла дачу!... Господи Боже мой! Вотъ, посылай вмѣсто себя такую дуру, да потомъ и полезай въ петлю!...

— Это въ самомъ дѣлѣ, ужась! проговорила Дарья Васильевна.

— Помилуйте, маменька, это условіе господина Станина, который нанялъ дачу до переѣзда вашего; и согласился вамъ передать... начала снова Сашенька; но мать не дала ей договорить.

— Толкуй! знаю я что это ужъ такъ подведено: эти мошенники сговорились! откуда вдругъ взялся наемщикъ, когда на воротахъ записка!... Это просто ловушка!

— Безсомнѣнно должно быть такъ, сударыня, подтвердила Сергѣвна, и кухарка то жилецкая должна быть въ стачкѣ.

— Ужъ вѣрно: дворникъ нарочно ушелъ: а ей посторонней женщиной, съ чего было показывать дачу, да уговариваться о цѣнѣ; а по правдѣ еще и дорого....

— Дорого, сударыня: приложить еще полтораэта, такъ такой ли домъ можно построить, за городомъ то, подь самымъ лѣсомъ.

— Ты говори!... мошенники! осемьсотъ рублей! что жъ я буду теперь дѣлать?... ай дочка! упекла! пошла съ глазъ долой.

— Помилуйте, маменька, какія жъ я вмѣсто васъ дѣлала условія? проговорила огорченная до слезъ Сашенька.

— А это что такое?

— Это не настоящее, это черновое....

— А какде жъ еще настоящее-то?

— Онъ хотѣлъ завтра пріѣхать и привезти для подписки
нѣтъ....

— Завтра?... нѣтъ, голубчикъ, я душой не буду!... Якимъ!...
сію же минуту пошелъ приведи подводы!... да какъ можно сме-
рѣй!... Укладывайте все, собирайтесь.

— Господи Боже мой! проговорила, пожавъ плечами, Дарья Ва-
сильевна: когда жъ мы успѣемъ и укладываться и ѣхать се-
годня!

— Не сегодня, сударыня, а сейчасъ, сію же минуту! прикри-
кнула Дарья Карповна, и принялась все комкать въ сундуки.

VII.

Между-тѣмъ Калистратъ Трофимовичъ, у котораго въ головѣ
всегда было только достояніе, состояніе, имущество, различныя
выгоды, капиталъ и проценты, пожелалъ пріобщить къ своему
благопріобрѣтенному имуществу и Сашеньку. Она понравилась
ему какъ-будто какая-нибудь чрезвычайно огромная сумма де-
негъ чистымъ золотомъ. Задумавшись объ ней, онъ забылъ сонъ,
ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, понюхивая табакъ и какъ
будто рассчитывая сколько принесетъ она ему въ годъ доходу.
Но приходя въ себя отъ какого-то сладкаго мечтанія, ему вдругъ
перешло въ образъ жены окруженной хаосомъ дѣ-
тей, нянекъ, мамокъ, кормилицъ, повивальныхъ бабокъ, акуше-
ровъ, докторовъ, платьевъ, шляпокъ, платковъ, косынокъ и ва-
храмеленныхъ юбокъ... Калистратъ Трофимовичъ вздрагивалъ и
восклицалъ: нѣтъ, я этого не позволю, сударыня! этого я не по-
зволю!... Да помилуйте, продолжалъ онъ, какъ будто въ отвѣтъ
на чей-то нѣжный, убѣдительный голосъ, вѣдь это знаете какой
расходъ, вѣдь я сганашилъ состояннице — копѣйку къ копѣйкѣ
прикладывалъ, не довшъ, не допьешь, чтобъ только что-нибудь прі-
общить къ капиталу....

Совершенно сбитый этими думами съ обычнаго толку, Кали-
стратъ Трофимовичъ, не смотря на всю перспективу мелочныхъ
расходовъ, къ утру рѣшился вполне увѣнчать свои благопріоб-
рѣтенія Сашенькой. Она еще молода, размышлялъ онъ съ само-
вольствіемъ, я ее голубушку мою пріучу быть какъ слѣдуетъ:
съ первагоже разу представлю ей, что вотъ, извольте вѣдать, у:

меня все есть, какъ слѣдуетъ въ хозяйствѣ, горевать не о чемъ: сыты, обуты, одѣты, всё пріятности подъ рукой, свой садъ для прогулки, цвѣты свои; волкомерія рѣдкостная, а извольте послушать, соловьи-то и канарейки-то у меня какія!... Почной то соловей какой! спать не дастъ злодѣй: какъ запуститъ трель, заслушаешься!... Это моя охота съ молоду; да и что жь можетъ-быть пріятнѣе?... Кто лучше соловья поетъ? Говорать что вотъ пріазнаютъ пѣвицы италянскія — пустяки! ей Богу, клянусь что пустяки! Невозможная вещь человеку пѣть такъ какъ соловей: самъ Богъ его создалъ для пѣнья, никто не учитъ и хоть ты разучись — не поддаѣаешься!... Соловушка, каша?... дж, дж!... ну!...

Переѣдя отъ сладостныхъ мечтаній о Сашенькѣ къ соловью, и полюбозавидясь имъ, Калистратъ Трофимовичъ отправился въ Сокольники.

Дворникъ по обычаю встрѣтилъ его низкимъ поклономъ.

— Здорово, ну что какъ?

— Да ничего; прибралъ все да вышелъ.

— А что ата барыня богата?...

— Да, чай, богата, да ужь больно скуша.

— Э?

— Право. Дровъ не хотѣла покупать: поди, говорить, набери хворосту въ лѣсу. Да лѣсъ-то, сударыня, не нашъ, а казенной!... а вчера какъ съѣзжали со двора, увезли было два горшка цвѣтотъ, да я отнял!... Нѣтъ, говорю, цвѣты-то наши, баринъ съ меня взыщетъ!...

Калистратъ Трофимовичъ занятый своими мыслями, и не дослушавъ дворника, вошелъ въ переднюю, и не видя никого прошелъ въ залу.

Дворникъ вошелъ за нимъ.

— Вотъ, кажись, долго ли пожили, продолжалъ дворникъ, а стѣны то въ тѣхъ покояхъ совсѣмъ перенажостили, закоптили сѣтчей, да саломъ щели вымазали!... извольте-ко посмотрѣть.

И дворникъ пріотворивъ дверь въ слѣдующую комнату, повторилъ: извольте-ко посмотрѣть.

— Это что значитъ? проговорилъ съ удивленіемъ Калистратъ Трофимовичъ, выпучивъ глаза на пустыя комнаты.

— Вотъ извольте!... навезли клоповъ, да надавили!...

— Гдѣ жь овѣ? вскрикнулъ Калистратъ Трофимовичъ, не обращая вниманія на слова дворника.

— Да вотъ въ щеляхъ, продолжалъ дворникъ, указывая пальцемъ на закопченныя щели и трещины въ стѣнахъ.

— Гдѣ эта барыня, я тебя спрашиваю?

— А Богъ ее знаетъ, куда она поѣхала? стало быть въ Москву, къ себѣ въ домъ.

— Когда поѣхала?

— Да вчера-съ же послѣ васъ, какъ вы сказали чтобъ съѣзжала.

— Что—о? когда? какъ съѣзжала? кто это сказалъ? Я говорю чтобъ съѣзжала?

— А какъ же, батюшка, съ чего жъ бы она съѣхала? Вы забыли стало быть.... Кухарка то вѣдь мнѣ говорила, какъ вы кричали на барыню: я, говоритъ, не посмотрю, что ты барыня.

Калистратъ Трофимовичъ слушалъ дворника, уставивъ на него глаза и ничего не понималъ, но наконецъ вскрикнулъ: Понимаю! я понимаю теперь! Это господинъ наемщикъ перепугалъ и сблизилъ ихъ.... съ досады, что ни чѣмъ не поживился за передачу.... Гдѣ эта барыня живетъ?

— Гдѣ живетъ? въ Москвѣ-то?.... Признаться, въ пятницу послала она меня въ домъ свой съ кухаркой пальцы привести, стягать одѣяло; да банки подъ огурцы захватить.... Банки-то мы привесли, а пальцы-то такіе большіе, что ихъ не донесешь на себѣ....

— Такихъ казусовъ я не допущу съ собой дѣлать! проговорилъ опять Калистратъ Трофимовичъ.... гдѣ жъ она живетъ?

— Гдѣ живетъ?.... улицу-то я и позабылъ.... вотъ такъ вправо отъ церкви-то переулочъ... а въ переулкѣ-то большой домъ; а ихъ то маленькой.

— Маленькой?

— Маленькой.

— Деревянный или каменный?

— Фундаментъ то кажись каменный.

— Каменный?

— Каменный.

Вслушиваясь въ одно и то же время и въ собственные мысли и въ слова дворника, Калистратъ Трофимовичъ, казалось, удовлетворялся ясностью ихъ показаній, вышелъ, вскочилъ на дрожки и отправился въ Москву.

Подъѣхавъ къ Краснымъ Воротамъ, ему понадобился адресъ Дарьи Карповны.

— Гдѣ бышь онъ сказалъ мнѣ?... Кажется на Пятницкой, въ собственномъ домѣ, подумалъ Калистратъ Трофимовичъ. — На Пятницкую!

На Пятницкой однако же не оказалось дома госпожи Тюссевой.

не смотря на то что Калистратъ Трофимовичъ проѣхалъ всю улицу раза три взадъ и впередъ, допрашивая всѣхъ будочниковъ и прохожихъ о мѣстѣ жительства Дарьи Карповны.

— Что жъ это значить, подумалъ Калистратъ Трофимовичъ, я стало быть ослышался..... вѣрно въ приходѣ Пятницы..... кажется сказалъ близъ Банка... въ переулкѣ..... Ступай-ко на Солянку.

Объѣздивъ всѣ переулки по Солянкѣ, Калистрату Трофимовичу оставалось объѣхать всѣ московскія Пятницы; но онъ страшнымъ образомъ проголодался; необходимо было подкрѣпить силы.

Калистратъ Трофимовичъ во всѣхъ хожденіяхъ по дѣламъ дѣйствовалъ настойчиво и неуклонно; а потому и дѣло о приобрѣтеніи Сашеньки онъ рѣшился немедленно же привести къ концу, тѣмъ болѣе, что оно вошло въ составъ дѣла о наймѣ дачи, которое началось прошеніемъ о взысканіи денегъ съ Петра Ивановича по заключенному условію.

Не желая подвергать себя снова безуспѣшному исканію мѣста жительства госпожи Тюфелевой, Калистратъ Трофимовичъ озаботился тотчасъ же по пріѣздѣ домой собрать вѣрныя по этому предмету свѣдѣнія. Вытребовавъ дворника съ дачи, онъ сдѣлалъ ему, дворнику, письменный допросъ, и не ограничиваясь *такосмыль*, а равно не полагаясь на голословныя показанія, приказалъ ему дворнику отправиться на мѣсто жительства госпожи Тюфелевой, и ни подъ какимъ видомъ не входя въ домъ навести справку, осведомляясь стороною, дѣйствительно ли она госпожа Тюфелева, въ ономъ проживаетъ.

Когда все это было формальнымъ образомъ учинено, тогда онъ, Калистратъ Трофимовичъ, въ сопровожденіи его, дворника, въ домъ ея, госпожи Тюфелевой, отправился и засталъ Дарью Карповну въ расплохъ въ передней, съ засученными рукавами и съ разбитой банкой въ рукахъ. Передъ ней стояла кухарка и божилась, что она банки не била.

— Да и для чего мнѣ бить, сударыня, говорила она: что я съ ума сошла, что ли, бить банки, прости Господи!

— Такъ она сама разбилась, такъ она сама разбилась? повторяла Дарья Карповна.

Въ это время вошелъ въ двери совершенно неожиданно Калистратъ Трофимовичъ.

— Что тебѣ голубчикъ? крикнула Дарья Карповна, увѣренная, что порядочный человекъ ни въ девять часовъ утра, ни въ длинномъ сертукѣ, къ порядочнымъ людямъ не ходитъ.

— А здѣсь живетъ госпожа Тюшелева? спросилъ Калистратъ Трофимовичъ.

— Отъ кого ты?

— Да самъ отъ себя.

— Ну, пошелъ вонъ, любезный! много васъ тутъ таскается попрошайскъ!

— Хмъ!..... крикнувъ Калистратъ Трофимовичъ, съ досадою.... да съ чего же вы взяли, сударыня, такъ величать меня; а если я навримубрь, не попрошайка, а хозяинъ дачи, на которой вы изволили проживать.

— Извините, я васъ не знаю..... какой дачи? спросила Дарья Карповна, перепугавшись отъ мысли, что онъ пришелъ требовать съ нее деньги за дачу.

— Какъ какой? которую вы изволили занять, по соглашенію съ господиномъ Станинымъ.

— Я? съ господиномъ Станинымъ?.... и въ глаза не видала, что за господинъ Станинъ..... Ни васъ не знаю, ни его, и дѣла никакого съ вами не имѣла.

— Хмъ! но вѣдь вы изволили жить на моей дачѣ, и вчера съ нее вдругъ переѣхали.....

— Вчера—а? я переѣзжала вчера съ дачи?....

— Удивительная вещь! Да вѣдь вы госпожа Тюшелева?

Дарья Карповна готова была отречься и отъ своей фамиліи, только чтобъ скорѣе отдѣлаться отъ хозяйна дачи.

— Я, или не я, для васъ всё равно, потому что я васъ не нию удовольствія знать..... извините!

И Дарья Карповна хотѣла выйти.

— Позвольте сударыня, меня вы не хотите знать, такъ возвратите по крайней мѣрѣ мое условіе о наймѣ дачи съ господиномъ Станинымъ, которое дочь ваша взяла у меня.

— Извините, я ни съ кѣмъ ни какихъ условій не заключала! отвѣчала Дарья Карповна въ дверяхъ.

— Такъ я буду на васъ, сударыня, жаловаться.... провизнесъ съ угрозой Калистратъ Трофимовичъ, выходя вонъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! проговорила Дарья Карповна, всплѣснувъ руками, — что я теперь буду дѣлать!..... выслала вмѣсто себя дуру два слова сказать — и вотъ что вышло!.....

И Дарья Карповна отъ мыслей, что на нее будутъ жаловаться что ее потащутъ въ судъ, въ такой пришла ужась, что всё за нее перепугались.

Сашенька была въ отчаяніи: мать не хотѣла ее слушать, гнала

ее съ глазъ долой. Обливаясь слезами, она просила сестеръ, чтобы за нее объяснили маменькѣ, что она напрасно боится; что никакихъ условій съ хозяиномъ она не дѣлала....

— Поди сама, толкуй, отвѣчали сестры, отворачиваясь отъ нее.

VIII.

Вы помните, что Петръ Ивановичъ ужасно какъ надоѣлъ одному медьку, товарищу и пріятелю, минутными распросами о собственномъ своемъ здоровьѣ. Вдругъ пересталъ онъ обращаться къ нему съ этими распросами. Но на сколько Петръ Ивановичъ привыкъ жаловаться, на столько товарищ медьякъ привыкъ слушать его жалобы.

— Чтò жъ это значитъ, думалъ онъ, Станнѣ не жалуется ни на слабость, ни на голову, ни на желудокъ?..... а между-тѣмъ онъ чтò-то не свой?..... Вѣрно въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, скрывалась болѣзнь; а я смѣялся надъ нимъ!

Медьку пришло въ голову правило: не говорящая болѣзнь опасна, а нѣмая. И вотъ онъ уже самъ, встрѣчаясь съ Станнѣмъ, сталъ допрашивать его на счетъ здоровья.

— Ты, кажется, нездоровъ, братъ? а?

Нѣтъ, ничего; напротивъ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Дай-ко, любезный, пощупать пульсъ.

— Это для чего?

— Дай, дай!

И медьякъ подозрительно посмотрѣвъ въ глаза Петру Ивановичу, смутилъ его.

— Убирайся ты съ своимъ пульсомъ! вскричалъ онъ, ну чтò ко мнѣ пристаешь!

— Послушай, душа моя, я тебѣ пропишу декоктъ, пожалуйста пей! сказалъ въ другой разъ медьякъ, встрѣтивъ Петра Ивановича.

Петръ Ивановичъ выходилъ изъ себя, а у товарища медьяка точно какъ на душѣ чтò-нибудь лежитъ; преслѣдуетъ его совѣтомъ лечиться, да и только.

— Да сдѣлай милость, Глыбинъ, отставь ты отъ меня съ своими совѣтами.

— Нельзя, душа моя. не могу, любезный другъ, ты непременно долженъ пить декоктъ! Попей недѣльки двѣ не больше, ей Богу не больше!... ты увидишь какъ онъ будетъ тебѣ полезенъ.

— Да чтò ты ко мнѣ привязался!.... вздумалъ лечить меня насильно!... Добро бы я жаловался на чтò-нибудь!

— То-то и худо.... покажи-ко языкъ.

— Ты братецъ шутяшь надо мной! я этихъ шутокъ не люблю!...

— Ну какъ хочешь, смотри, послѣ не жалуйся на меня!... Если бъ я тебя не любилъ, мнѣ всё бы равно было....

Петръ Ивановичъ разсердился на товарища, в дулся на него. Не смотря на это медикъ продолжалъ заботливо наблюдать за нимъ, и видѣлъ въ немъ явное разстройство какой-то системы: Петръ Ивановичъ, то совсѣмъ уже вѣсть ничего, то какъ будто страдаетъ англійской ненасытной болѣзью: прежде онъ жаловался то на то, то на другое, но вообще здоровье его было нормальнѣе, онъ раздѣлялъ удовольствіе товарищей; а тутъ вдругъ молчать, задумывается, сердится на товарищеское участіе, блѣднѣетъ, худѣетъ.

Рѣшивъ, что у него должна быть по-крайней мѣрѣ медленная лжорадка, медикъ упрасивалъ его часто, по крайней мѣрѣ не вѣсть слишкомъ соленого и кислого; а Петръ Ивановичъ какъ на зло всю бы соль съѣлъ, выпилъ бы весь укусъ.

Разсуждая психически, это значило просто, что Петръ Ивановичъ былъ безъ памяти влюбленъ. Извѣстное дѣло, что во время любви теряется вкусъ ко всему; всё побужденія устремлены на обожаемое существо, которое душа желаетъ проглотить цѣликомъ.

Природа сознавая невозможность проглотить человѣка и опасаясь совершеннаго нарушенія равновѣсія, и такъ сказать воспламененія всего тѣла отъ пламени духа, побуждаетъ влюбленныхъ ко всему прохладительному, разводящему и утоляющему жаръ.

Въ этомъ состояніи былъ и Петръ Ивановичъ. Послѣ того какъ увидѣлъ Сашевку, онъ не могъ уже дышать просто воздухомъ, онъ долженъ былъ уже дышать ею.

Расклавявшись съ ней, онъ вышелъ изъ дому совершенно разсѣянный, и дорогой, то припоминалъ ея взоры и слова, то проливалъ Калистрата Трофимовича, то казалось ему что онъ забылъ что-то тамъ и надо воротиться; но шляпа на головѣ, тросточка въ рукахъ, перчатки на рукахъ, носовой платокъ въ карманѣ. Не выронилъ ли бумажника?... Нѣтъ, и бумажникъ тутъ.

— А гдѣ же условіе о наймѣ дачи? вдругъ хватился Петръ Ивановичъ: забылъ тамъ, именно забылъ!... ахъ да: вѣдь я его отдалъ ей... однакожъ мнѣ необходимо было бы оставить хоть копию у себя... на всякій случай... Въ самомъ дѣлѣ я завтра съѣзжу, попрошу копию....

Эта мысль нѣсколько успокоила Петра Ивановича; съ петер-

пѣніемъ ждалъ онъ слѣдующаго дня. Но утро мудренѣе вечера. Не ловко, подумалъ онъ, ѣхать просить снять копію съ условія: для чего она мнѣ? да еще встрѣтить этого урода хозяина.... онъ Богъ знаетъ что подумаетъ....

Опять ночи пѣтъ грустно стало на душѣ у Петра Ивановича; безнадежность видѣть Сашеньку такъ и мучить; неразрѣшенная дума, какъ бы ее увидѣть, такъ и гнететъ; вся внутренность точно въ огнѣ, а въ городѣ дохнуть нельзя отъ жару.

Прошло двое сутокъ, на третью онъ уже не можетъ выносить городского жару.

— Поѣду за городъ, поѣду въ Соколыньки, подумалъ Петръ Ивановичъ.

И поѣхалъ; ходитъ по мѣсту обычнаго гулянья. Но по утру въ рошѣ только няньки съ дѣтьми, да кое-гдѣ сидятъ больные. Но дача Калистрата Трофимовича подлѣ самаго валу, черезъ заборъ видѣнъ и весь домъ, и весь садъ, и терраса.

Петръ Ивановичъ прогуливается по валу, смотритъ часъ другой, и ничего не видитъ. И ни одна душа не покажется ни въ окнѣ, ни на крыльцѣ, ни въ саду.

— Послушай-ко, кто живетъ на этой дачѣ? спросилъ Петръ Ивановичъ у будочника.

— Господа, отвѣчалъ будочникъ.

— А на дворѣ?

— На дворѣ? собаки.

Петръ Ивановичъ принужденъ былъ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ. Ему ужасно какъ хотѣлось хоть заглянуть на дворъ: но точно какъ будто у вора совѣсть не чиста и страхъ беретъ, чтобъ не поймали и не допросили: за чѣмъ ты сюда, дружокъ, пожаловалъ.

Пройдясь раза два вдоль по улицѣ, въ борьбѣ съ робостью, Петръ Ивановичъ наконецъ поборолъ ее на самомъ краю слободки, и смѣло, почти бѣгомъ шелъ къ дачѣ съ непоколебимымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало, а войдя на дворъ, даже въ переднюю и спросить о здоровьѣ госпожи Тюфелевой.

— Отчего жъ не навѣстятъ и не спросить: какъ здоровье вашей маменьки? Я нарочно пріѣхалъ чтобъ узнать объ ея здоровьѣ.... Это не только позволительно, но даже очень любезно.... думалъ Петръ Ивановичъ, приближаясь къ воротамъ.

Но онъ ужасно какъ запыхался отъ смѣлаго шагу, и принужденъ былъ подлѣ калитки перевести духъ, и снявъ шляпу помахать на себя платкомъ.

Въ это время изъ камчатки вышелъ дворникъ, присѣлъ на тумбу. Сосѣдъ будочникъ приставивъ алебарду къ рукѣ, вынулъ тапшкку, похлопалъ, открылъ и мигнулъ глазомъ дворнику, дескать: покори просимъ. Но дворникъ покачалъ отрицательно головой; ны, дескать, этого зелья не употребляемъ.

— Послушай, любезный, скажи пожалуйста, какъ здоровье госпожи Тюфелевой? спросилъ Петръ Ивановичъ перерывавъ итмой разговоръ двухъ сосѣдей.

— Госпожи-то? спросилъ и дворникъ: да какая жъ здѣсь госпожа?

— Госпожа Тюфелева.

— Тюфелева? въ самомъ дѣлѣ, кажись, что Тюфелева.

— Можно ее видѣть? Она теперь дома?

— Вотъ вѣдь опять позабылъ я на какой улицѣ домъ-то ее, сказалъ дворникъ.... да бишь, Басманная, что ль? Подлѣ церкви въ переулкѣ.... Третьювась и баринъ ее искалъ.

— Да ты про кого говоришь?

— Да про барыню же, что спрашиваете.

— Которая нанимаетъ дачу.

— Да, нанимаетъ.... баринъ-то согналъ ее.

— Какъ согналъ? вскричалъ Петръ Ивановичъ, быть не можетъ.

— Да ужъ такъ. Самъ онъ теперь кается, да ужъ поздно.... Известное дѣло, что барыню согнать нельзя.... Иванъ говорилъ, что всю ночь ночевскую не спалъ, перетрусился.... Третьювась былъ у нее просить прошенья, да не знаю простыла-ли, вѣтъ-ли.

— Мерзавецъ! проговорилъ Петръ Ивановичъ сквозь зубы.... она живетъ на Басманной, ты говоришь.

— На Басманной, какъ разъ подлѣ церкви переулокъ, а въ переулкѣ то ее домъ, насупротивъ-то большой, а ее-то маленькой.... Это ужъ такъ, вѣрно: одинъ-то разъ я былъ съ кухаркой, а пальцами ходилъ; а вотъ третьювась самого барина провожалъ къ ней.

— Подавай! крикнулъ Петръ Ивановичъ къ своему извощику, который стоялъ подъ тѣнью забора.

Между тѣмъ Дарья Карповна въ какомъ-то болѣзненно-раздраженномъ состояннн духа и тѣла, на все сердится, все мечеть, все не такъ; чуть что стукнетъ, она вздрогнетъ, осмотрится кругомъ и перекрестится; не ѣстъ, не пьетъ ничего, и сонъ провалъ; только и разговоры что про проклятую дачу, что она несчастная женщина, что мошенники подвели ее подлѣ суда, что

вотъ того и гляди придетъ полиція описывать домъ и все имущество, что не только что хозяйнѣ дачи и какой-то мнимый наемщикъ мошенникъ, но и докторъ, который совѣтовалъ ей жить на дачѣ, мошенникъ, и сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, что и записка на воротахъ объ отдачѣ въ наемъ дачи была фальшивая, что сговорившіеся мошенники знали что у нее есть дочь дура, и что этимъ-то именно и воспользовались, чтобъ написать условіе и выставить въ условіи ея ния, и прочее и прочее.

Сашенька не смѣла и показываться на глаза матерѣ, старшія ея сестры пожимали плечами, а Сергѣевна не знала что ужъ и говорить обо всемъ этомъ; покачивала только головой, да уговаривала Дарью Карповну не сердиться, что авось Богъ помилуетъ и пронесетъ бѣду.

Такъ какъ Дарья Карповна не охала, ни на что не жаловалась, кромѣ какъ на мошенниковъ, то никому и въ голову не приходило, чтобъ Дарья Карповнѣ нездоровилось. Отсутствіе аппетита и сна также считалось только слѣдствіемъ огорченія и сердца на Сашеньку. Оттого и Сергѣевна съ своей стороны, что ни пройдетъ мимо Сашеньки, то проговорить:

— Охъ, что ты надѣлала, сударыня, а еще любила я тебя больше всѣхъ.

Поневоля возмущилась въ Сашенькѣ душа. Сидитъ одна одинохонька подлѣ открытаго окна съ какой-то жаждой прохлады..... То задумается — мечты ея горячи, то отретъ слезы — отъ слезъ лицо разгорѣлось, глаза покраснѣлись.

— Что мнѣ дѣлать? думаетъ она: пошлю я къ нему, попрошу, чтобъ онъ взялъ назадъ свое условіе, что маменька не хочетъ дачи.... да какимъ же образомъ послать къ нему?... Богъ его знаетъ, гдѣ онъ живетъ.... вѣтъ, невозможно!...

Спустя неинного времени, снова Сашенька твердитъ:

— Пошлю я къ нему!.... да кого же послать?... некого..... нельзя.....

Вдругъ, въ одну изъ минутъ ея раздумья, кто-то, проходя мимо окна, поклонился.

— Ахъ, Боже мой! это онъ, онъ! вскричала Сашенька, высушившея въ окно: ушелъ.... и не оглядывается!...

Около вечера снова Петра Ивановича пронесло мимо окна, какъ будто сильнымъ порывомъ вѣтра, такъ что никакъ ему невозможно было оглянуться на Сашеньку, которая чуть-чуть не выпрыгнула вслѣдъ за нимъ.

Но такъ какъ влюбленные затылкомъ видятъ гораздо лучше

нежалъ глазами, и слышать мысли лучше нежели голосъ, то и Петръ Ивановичъ вдругъ воротился и прямо въ ворота.

— Идешь, идешь! вскрикнула Сашенька, всилеснувъ руками и всарыгнувъ отъ радости на мѣстѣ.

И вотъ, присѣвъ смиренно на стулъ, она устремляла глаза на двери, едва переводить духъ, ждешь.

— Что это такъ долго неидетъ онъ? проговорила она нетерпѣливо, и только что хотѣла встать и выйти навстрѣчу, и вдругъ слышитъ протяжный голосъ старшей сестры.

— Покорайтесь прошу!... Я спрошу сестру Саму... условіе у ней... маменьку ужасно какъ беспокоитъ это условіе, она полагаеть что оно фальшивое, Богъ знаетъ что въ немъ написано; она никогда не соглашалась на такія условія.

— Я также пришелъ въ ужасъ, прочитавъ его. Этотъ Протоколъ долженъ быть плутъ!... отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Маменька такъ и думаетъ.

И съ этими словами Дарья Васильевна ввела въ залу Петра Ивановича.

— Саша, сказала она, вотъ господня Станивъ жадаеть имѣть коню съ услонія.... объ этомъ, я думаю, надо сказать маменькѣ?

— Ахъ, Боже мой!... проговорила взволнованная Сашенька: я хотѣла просить васъ, чтобъ вы назадъ взяли это проклятое условіе... Маменька Богъ знаетъ какъ сердится на меня за то, что я согласилась принять его.

— Помилуйте, съ этимъ человѣкомъ нельзя имѣть дѣла: это сквазьга, бездушное животное!... Неужели вы согласились на его условія? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Я вѣдь ничего не понимала и взяла бумагу такъ, чтобъ показать маменькѣ.... Сдѣлайте одолженіе, посоветуйте что намъ дѣлать?

— Я готовъ, что только прикажете, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: я слышалъ, что онъ вамъ надѣлалъ неудовольствій?..

— Онъ навугалъ маменьку, сказалъ, что подаетъ въ судъ..... маменька на меня сердится, говоритъ, что я во всемъ виновата, проговорила Сашенька почти сквозь слезы.

— Да кто жъ и виноватъ, Саша, какъ не ты! сказала строгимъ голосомъ Дарья Васильевна. Согласитесь сами, продолжала она, обращаясь къ Петру Ивановичу: возможное ли дѣло дѣвушка, безъ позволенія матери, на все согласиться?

Петръ Ивановичъ глубоко вздохнулъ, смотря съ сожалѣніемъ

на Сашеньку, которая стояла как виноватая безъ вины и безъ оправданія.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ онъ наконецъ, какъ-будто внушенный свыше, не беспокойтесь, дача остается за мной, и господишъ Протомосевъ не сибѣтъ вамъ дѣлать ни малѣйшихъ неудовольствій; иначе онъ будѣтъ со мной имѣть дѣло!...

— Ахъ, какъ вы добры! вскричала Сашенька: я пойду успокою маменьку!...

И она побѣжала въ комнату матери.

— Тсъ! шепнула ей Сергѣевна, обмахивая кусачекъ мухъ съ Дарьи Карповны, которая лежала на диванѣ. Тихе! заснула.... все жаловалась на головку....

Сашенька вышла на цыпочкахъ изъ комнаты.

— Маменька заснула.... вѣроятно скоро проснется, сказала она, взглянувъ умильно на Петра Ивановича, котораго Дарья Васильевна успѣла уже занять продолженіемъ разговора о пріятности чтенія.

Петръ Ивановичъ былъ совершенно въ такомъ же положеніи притяженія и отраженія, какъ Сашенька между пимъ и Калистратомъ Трофимовичемъ. Онъ давво уже вскочилъ бы съ мѣста, сказалъ бы Дарья Васильевнѣ: «Дача остается за мной, сдѣлайте одолженіе будьте спокойны. Мое почтеніе!» и бросился бы отъ нее бѣжать, въ порывѣ стремленія ушелъ бы на край свѣта; но подлѣ нее сидѣла Сашенька, отъ взоровъ ея тянулась къ нему и опутывала его какая-то невидимая паутина.

Прошелъ часъ. Дарья Васильевна очень счастлива; Петръ Ивановичъ внимательно слушаетъ ее, соглашается съ ея умными сужденіями. Для нее, просто, наслажденіе говорить съ такимъ образованнымъ человѣкомъ. Сашенька молчать, но ей что-то очень хорошо и молчать, всматриваясь въ пріятную наружность Петра Ивановича.

Ее вызвала было средняя сестра, чтобъ спросить что это значить, что онѣ разговорились съ этой дрянью; но Сашенька, вспыхнувъ, отвѣчала только: «ему нужно видѣть маменьку, а маменька почиваетъ», и снова возвратилась въ залу, сѣла подлѣ сестры, противъ Петра Ивановича.

— Дарья Васильевна! Дарья Васильевна! проговорила вдругъ Сергѣевна, высунувшись въ двери: пожалуйста скорѣй сюда!.... Что это дѣлается съ маменькой-то?...

— Что такое? вскрикнули и Дарья Васильевна и Сашенька, бросясь въ комнату матери.

Петръ Ивановичъ не зналъ что дѣлать: уйти или остаться. Въ безпокойной нерѣшимости онъ прохаживался по комнатѣ.

— Надо скорѣй послать за докторомъ!... Куда же послать?... послышались испуганные голоса.

— Боже, Боже мой! маменька больна, лежитъ въ жару, безъ памяти! проговорила Сашенька, выбѣжавъ въ залу къ Петру Ивановичу.

— Къ кому же послать? разсуждала спокойно Дарья Васильевна, выходя вслѣдъ за ней: а кого послать?... Якимъ послать — онъ дуракъ! гдѣ ему найти доктора? Право, я не знаю что дѣлать?

— Позвольте я съѣду, сію же минуту привезу доктора, вызвался Петръ Ивановичъ: отличнѣйшаго доктора!

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе! вскричала Сашенька умоляющимъ голосомъ.

— Сейчас! сказалъ Петръ Ивановичъ и стрѣлой вонъ.

— Ахъ, ты Господи! и люди-то всё провалились сквозь землю! раздался голосъ Сергѣевны: да помогите хоть вы, сударыня, Александръ Васильевичъ, держать головку-то маменькѣ.... Ну, что вы уши-то!... чужая мать что ли она вамъ!...

— Я не могу выносить! сказала Марья Васильевна, блѣднѣя и испуганная выходя въ залу съ сестрой: мнѣ самой дурно!... У нее, кажется, заразительная горячка.... съ пятнами.... лицо посинѣло!...

— Я не понимаю отчего она заболѣла!... разсуждала Дарья Васильевна: что, если она умереть?

— Я чувствую сильное расстройство нервовъ!... Ахъ, Боже мой! скоро ли докторъ пріѣдетъ? проговорила Марья Васильевна, тревожно ходя по залѣ.

Между тѣмъ Петръ Ивановичъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ прискакалъ къ Глыбину, къ счастью засталъ его дома, и потащилъ съ собой.

— Да скажи по-крайней-мѣрѣ къ кому?

— Къ одной большой дамѣ, братецъ. Да, пожалуйста, торопись же! надо скорѣй подать помощь....

— Къ дамѣ?... изъ родныхъ, или изъ близкихъ? Молоденькая?

— Старуха! вскричалъ съ сердцемъ Петръ Ивановичъ: что тебѣ за дѣло!... Да скорѣй, Глыбинъ!

— Сейчас!... нельзя же!... Да чѣмъ же она больна?

— Увидишь самъ.

— Да помилуй, любезный, нельзя же..... мнѣ необходимо же

знать чѣмъ больна.... Можетъ-быть падо взять съ собой какіе-нибудь инструменты....

— Ну, бери и инструменты!

— Можегъ быть нужны и акушерскіе? а? вѣдь нельзя же мнѣ забрать съ собой всё свои готовальни... Надо же знать къ кому ѣдешь и зачѣмъ, продолжалъ Глыбинъ допрашивать Петра Ивановича и медленно торопяся одѣваться.

Петръ Ивановичъ нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ, у него была въ головѣ Сашенька.

— Да ну же, скоро-ли?

— Да что она родитъ, въ самомъ дѣлѣ, что-ли?

— Родитъ! вскричалъ съ досадою Петръ Ивановичъ, надѣясь хоть этимъ поторопить своего товарища.

— Тамъ бы ты и сказалъ, любезный, со мной кажется церемониться нечего... ну, ѣдемъ!

— Слава тебѣ Господи!

Въ тревогахъ жизни ясно видна душа, которую мы не по-русски называемъ характеромъ. Сочувствующая душа Сашеньки болѣла болью матери; отирая слезы она не отходила отъ ея постели, между-тѣмъ какъ сестры ея разхаживали по залѣ; одна въ безпокойномъ состояніи духа, съ ужасомъ предвидя опасное вліяніе болѣзни матери на ея личное здоровье; а другая, Дарья Васильевна разсуждая о причинахъ болѣзни.

— Возможно-ли быть здоровой съ такой комплекціей, не наблюдая діеты, говорила она: на дворѣ холодъ, вѣтеръ, вдругъ растворить всё окна — какъ не простудиться?... Или поелъ бани пить холодный квасъ!.. И не имѣть домашнего доктора!..

— У маменьки все ни почемъ, прибавила Марья Васильевна, болитъ голова — пройдетъ! біеніе сердца — эка бѣда! Надъ разстроивностью нервовъ просто смѣется....

— Признаюсь тебѣ, я и сама не понимаю этой болѣзни..

— По вашему это причуды! у Сонечки Вялиной причуды?

— Разумѣется! а иначе что-же: избалованная, изнѣженная дѣвочка!

— Я увѣрева что вы и про меня тоже сказали маменькѣ, когда я просилась лечиться на водахъ!

— Какъ вы доглядливы!

— Да ужъ я знаю!

— О, вы все знаете! да и какъ тому не знать всего, кто подслушиваетъ у дверей!

Стукъ подѣхавшаго экипажа къ крыльцу помѣшалъ кончить

эти счеты. Марья Васильевна вышла, но успѣла сказать что-то въ полголоса; а Дарья Васильевна бросивъ на нее презрительный взглядъ, встрѣтила Петра Ивановича и вошедшаго съ нимъ Глыбина.

— Какъ мы вамъ обязаны! проговорила она, прося садиться: я сейчасъ узнаю, можно-ли войти къ маменькѣ.

— Это стало быть дочка? сказалъ Глыбинъ, пожавъ плечами, смотря на Петра Ивановича, и замѣчая беспокойство, съ которымъ онъ устремилъ глаза на двери, гдѣ исчезла Дарья Васильевна. Должна, братецъ, быть какъ чортъ умна.

— А что? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ, надо же чѣмъ нибудь очаровать тебя, впрочемъ ты чудакъ: ты можешь-быть плѣвался какой нибудь душевной красотой.

Въ это время Сашенька показалась въ двери. Петръ Ивановичъ бросился къ ней и отреккомендовалъ Федора Ивановича Глыбина.

— Сдѣлайте одолженіе, посмотрите маменьку, сказала Сашенька.

Глыбинъ вошелъ въ спальню; Петръ Ивановичъ остался одинъ, но занимать его явилась Дарья Васильевна, и начала уже рассказывать ему, что она любитъ читать и медицинскія книги, что самая лучшая по ея мнѣнію медицинская книга Лечебникъ Ингалычева.

Вдругъ выбѣжала Сашенька.

— Петръ Ивановичъ, пожалуйста сюда поскорѣй, сказала она: Федоръ Ивановичъ проситъ васъ поддержать руку маменькѣ; онъ хочетъ пустить ей кровь.

Петръ Ивановичъ бросился на зовъ въ спальню.

— Любезный другъ, сказалъ ему Глыбинъ, помоги забинтовать руку... а вы, сударыня, придержите вотъ такъ... *Amicus felix*, продолжалъ онъ тихо по латыни, тебѣ можетъ-быть пріятнѣе быть тамъ нежели здѣсь?... Я можетъ-быть оторвалъ тебя отъ пріятныхъ изліяній ума? такъ я тебя сейчасъ отпущу..

— Молчи! проговорилъ шепотомъ Петръ Ивановичъ въ отвѣтъ.

— Такъ стало-быть ты, *amicus prudens*, предпочитаешь изліянія сердца... Слава Богу; а то было я думалъ пустить и тебѣ кровь.

— Молчи! повторилъ Петръ Ивановичъ, упиваясь дыханіемъ Сашеньки, которая помогая держать бинтъ наклонилась къ нему.

— Кричи! крикнулъ Глыбинъ, такъ что помощники его въ корытѣ усердія чокнулись головами.

— Ахъ Боже мой, извините, сказала Петръ Ивановичъ.

— Ничего, отвѣчала Сашенька.

— Это добрый знакъ, сказалъ Глыбинъ.

— Жить вмѣстѣ; такъ ли батюшка, прибавила Сергѣевна, которая тутъ же держала на готовѣ теплую воду, всматривалась въ Сашеньку и Петра Ивановича и какъ-будто столкнула ихъ головы подумавъ: вотъ бы парочка!

У Петра Ивановича радостно блеснули глаза; Сашенька вспыхнула; но горестное чувство любви къ матери оскорбилось неуистинной шуткой.

— Вы ручаетесь за здоровье маменьки? спросила она Глыбина, устремивъ на него взоръ сквозь брызнувшія слезы.

— Ручаюсь на столько на сколько люблю вотъ этого дряннаго человѣка; еслибъ онъ меня что называется не схватилъ за шиворотъ и не притащилъ сюда, то теперь бы было уже плохо.

— Ахъ какъ мы обязаны вамъ! проговорила Сашенька къ Петру Ивановичу, прижавъ руки къ сердцу, и какъ-будто получивъ уже право любить его пламенно.

— Чтò тамъ за шумъ, въ залѣ, пожалуйста попросите, чтобъ говорили тише, сказалъ Глыбинъ.

— Сергѣевна, попроси сестрицъ, шепнула Сашенька.

— Упросишь ихъ! отвѣчала Сергѣевна, выходя въ залу.

— Главное сдѣлано во время, опасность предупреждена, сказалъ Глыбинъ, кланяясь вошедшей Марьѣ Васильевнѣ: пожалуйста же мнѣ теперь чернилъ и бумаги, я напишу рецептъ и поѣду; а ты, любезный другъ, подежурь здѣсь; надъ больной нуженъ строгій надзоръ по моему наставленію; если почувствуется и окажется бредъ, то озаботься поставить катаплазмы.

Распорядившись такимъ образомъ на счетъ Петра Ивановича, котораго онъ считалъ коротко знакомымъ и почти своимъ въ домѣ, Глыбинъ отправился; но въ слѣдъ за нимъ вышла Марья Васильевна и остановила въ залѣ просьбой прописать ей чтò-нибудь отъ нервовъ.

— Меня такъ встревожила болѣзнь маменьки, что я сама боюсь заболѣть... скажите, у ней горатка?

— Въ родѣ, отвѣчалъ Глыбинъ, смотря на тучную, приземистую дѣву.

— Я такъ перепугалась!... думаю, что какъ мы всё сляжемъ и перемремъ!

— Чтò-жъ удивительнаго, отвѣчалъ Глыбинъ: всё перепугаются, ни кто другъ другу не подастъ помощи... Позвольте пульсъ...

Хитъ! волонъ! Я вамъ пропишу порешки, принимать каждыя четверть часа; но такъ какъ вамъ необходимо совершенное спокойствіе, то пожалуйста лягте въ постель въ своей комнатѣ и чтобы ни кто васъ не тревожилъ...

Глыбинъ присѣлъ писать рецептъ, обмануль перо въ чернила и задумался съ тѣдой улыбною, тѣмъ бы понадеживе успокоить нервы Марьи Васильевны.

— Скажите пожалуйста, какъ вы нашли маменьку? спросила его Дарья Васильевна, войдя въ залу и садясь подлѣ.

— Она была въ опасномъ положеніи.

— Удивительно ли, она нисколько не бережется: представьте себя....

И Дарья Васильевна начала высчитывать всѣ неосторожности матери.

— Да позвольте сестрица, дайте написать рецептъ! вскрывала съ сердцемъ Марья Васильевна.

— Тсъ! потише! сказалъ Глыбинъ.

— Я думаю, здоровье маменьки поважнѣе вашего, отвѣчала Дарья Васильевна сестрѣ, и снова начала свою рецензію.

— Тсъ! пожалуйста потише!

И Глыбинъ положилъ перо на столъ, и отдуваясь долго слушалъ ее, но наконецъ уставилъ на нее глаза, и сказалъ:

— Вы должно быть также очень встревожены болѣзнию маменьки вашей?

— Очень натурально, какъ не всеревожиться, возможно-ли не принимать къ сердцу...

— Позвольте... судя по глазамъ и наружности, сказалъ Глыбинъ взявъ руку Дарьи Васильевны и шупая пульсъ, вамъ необходимо прехладительное.

— Это правда, что я чувствую всегда какой-то жаръ внутри, сказала Дарья Васильевна, искугавшись опасеній доктора на счетъ ее здоровья.

— Вотъ видите ли.... я вамъ пропишу.... пожалуйста поберегитесь, съ желчью шутить не должно.... Сдѣлайте одолженіе, поспите нѣсколько дней въ своей комнатѣ.... поменьше и потише говорите — разговоръ васъ волнуетъ.

— Это правда.... но какимъ же образомъ я оставлю маменьку, при ней нужно быть кому-нибудь, давать лекарство: мнѣ нельзя же положиться на младшую сестру.

— Нѣтъ ужъ пожалуйста объ этомъ и не заботьтесь; покуда я совершенно выведу вашу маменьку изъ опасности, до тѣхъ поръ

при ней будетъ Петръ Ивановичъ; онъ будетъ исполнять все по моимъ наставленіямъ, тѣмъ болѣе что онъ знаетъ нѣсколько медицину.

— Ахъ, я очень рада; но надо чтобъ кто нибудь помогалъ ему.... я буду ему сама помогать.

— Ну извините, моя обязанность васъ отдѣлать совершенно: кто началъ ходить за больной, тотъ и будетъ продолжать, а всѣхъ подвергать опасности нельзя.... тѣмъ болѣе что ваша комплекція воспріимчива....

— Неужели у ней горячка съ пятнами?

— Нда! отвѣчалъ Глыбинъ, но извините, мнѣ надо ѣхать навѣстять моихъ больныхъ.... теперь очень много горячешныхъ.

Поклонившись, Глыбинъ торопливо вышелъ.

— Надо поскорѣй послать за лекарствомъ, сказала Марья Васильевна.

— Надо приказать накурить здѣсь уксусомъ съ мятой.... Якимъ!

— Ахъ Боже мой! да кто жъ пойдетъ за лекарствомъ?

— Ахъ Боже мой, да не самой же мнѣ бѣжать!

— Это ужасъ! вскрикнула было Марья Васильевна, но испугавшись, чтобъ отъ сердца не сдѣлалось волненія, она плюнула и ушла въ свою комнату.

IX.

Марья Васильевна, чтобъ соблюсти свое здоровье, исполнила въ точности приказаніе доктора, легла въ постель. Она всегда любила, чтобъ тишина и спокойствіе окружали ее и лелѣли ея сонъ. Обыкновенно это такъ и было; потому что Дарья Васильевна, въ своей комнатѣ, за перегородкой, не дѣлала никакого шума, или по-крайней мѣрѣ привычное къ нему ухо не слышало его, какъ ежедневный трезвонъ приходскаго колокола. Но въ этотъ вечеръ Дарья Васильевна какъ парочко надѣла для спокойствія башмаки безъ пятокъ, разшаркалась и разговорилась сама съ собою, съ какимъ то негодованіемъ и повтореніями: «Это ужасъ! это ни на что не похоже! Я удивляюсь!....»

Послѣ нѣсколькихъ возгласовъ она велѣла вызвать къ себѣ Сергѣеву.

— Чтò онъ еще здѣсь?

— Здѣсь, сударыня.

— Чтò жъ это такое, почевать, что ли, онъ будетъ здѣсь?

— Какой же почлегъ, сударыня, подлѣ больной маменьки.

— Для чего жъ тамъ сидитъ Саша?

— Какъ для чего? чай ее теперь равнѣ мертвую оттащишь отъ маменькиной-то постели.

— Это страшно! дѣвушка съ молодымъ человѣкомъ.... наединѣ!....

— И — и, сударыня, изволила бы ты посмотреть какъ смирнехонько сидятъ-то они!

— Ахъ, Боже мой, я увѣрена что не возятся!

— Ну, такъ что тутъ и говорить, сказала Сергѣвна съ сердцемъ, оставивъ Дарью Васильевну недоумѣвать и удивляться, какъ можно дѣлать такія вещи.

Между тѣмъ Петръ Ивановичъ и Сашенька въ самомъ дѣлѣ смирнехонько сидѣли подлѣ постели Дарьи Карповны, которая тихо дышала и иногда, открывъ глаза, обводила кругомъ мутный взоръ и всегда останавливала и какъ будто поклонила его на Петръ Ивановичъ и Сашеньку. Петръ Ивановичъ незольно смущался, а Сашенька съ трепетной радостью выжидала ея слова, и готова была броситься въ объятія матери. Она приподнялась уже со стула; но Петръ Ивановичъ, какъ будто опасаясь ея неосторожнаго движенія, дѣлалъ знакъ рукою, чтобы она не шевелилась. Сергѣвна стояла подлѣ, сложа руки, и также выжидала, скоро ли она, матушка, почувствуется.

Около полуночи Дарья Карповна стала чаще открывать глаза и наконецъ глубоко вздохнула и охнула.

— Слава Богу, теперь можно дать лекарства, сказалъ Петръ Ивановичъ, и отсчитавъ капли поднесъ къ больной. Сашенька и Сергѣвна приподняли ей голову. Съ жадностію проглотила Дарья Карповна лекарство и какъ будто утоливъ пожвращающую жажду, устремленный ея взоръ на Петра Ивановича прояснился; но слабые вѣки опустылились и она, казалось, спокойно заснула.

Это забвеніе продолжалось до самой полуночи, и у Петра Ивановича и у Сашеньки слипались глаза. Безмолвіе и тишина такъ и клонили на сонъ; но вдругъ Дарья Карповна охнула, и очнулась. Взоръ ея опять остановился на Петръ Ивановичъ и Сашеньку.

— Пора дать лекарство, шепнулъ Петръ Ивановичъ, привставая тихонько съ мѣста.

Сашенька подошла къ столу, чтобы взять стклянку съ микстурой.

— Куда жъ вы? проговорила Дарья Карповна, махнувъ рукой.

— Ни куда, маменька, отвѣчала Сашенька вздрогнувъ отъ радостнаго чувства, что мать ея ошаматомалась.

— Тсъ! шепнулъ ей Петръ Ивановичъ.

— Куда жъ вы? повторила Дарья Карповна, я... зась... не пушу... дайте мнѣ... полюбоваться вами... Сашенька!...

— Что прикажете, маменька? спросила Сашенька, опрометчиво кинувшись къ матери.

Петръ Ивановичъ удержалъ ее за руку.

— Онь тебя любитъ?... продолжала Дарья Карповна, ты... слушай его, душа моя... и больная приостановилась, устремляла взоръ на Петра Ивановича, который сидѣлъ уже какъ стыдливый женихъ, опустивъ глаза въ землю, и забывъ наставленіе Глыбина, что въ случаѣ ожела окажется бредъ, приложить ка-
тывлазны.

Смущенная словами матеря, Сашенька горѣла какъ зарево и также не смѣла приподнять глазъ; а Сергѣевна стояла скрестивъ руни и благоговѣнно вслушивалась въ слова Дарьи Карповны, и прослезилась смотря на Петра Ивановича и на Сашеньку, какъ на жениха и невѣсту.

— И въ болѣзни то материнское сердце вѣщунъ, думала она.

— Сергѣевна! проговорила больная.

— Ахъ, матушка! и меня-то вспомнила!... что, сударыня?

— Тсъ!... Что вы это! вы видите что она въ бреду, сказалъ Петръ Ивановичъ, очнувшись отъ собственнаго смущенія и удерживая Сергѣеву, которая бросилась къ постели.

— Что вы это, сударь, Богъ съ вами: въ бреду людей не спознають.

— Тсъ! видите ли она опять забылась.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала Сергѣевна, вздохнувъ и качая головой.

Смирнехонько присѣлъ снова, Петръ Ивановичъ на кресла, стоявшія въ ногахъ у постели, Сашенька на диванчикъ въ головакъ; а Сергѣевна присѣла на сундукъ въ углу, и безмолвіе воцарилось.

Прошелъ по крайней-мѣрѣ цѣлый часъ въ сильномъ напряженіи вниманія, не очнется ли Дарья Карповна, не откроетъ ли глазки, не вздохнетъ ли, не охнетъ ли: нѣтъ, лежитъ себѣ спокойно, какъ мертвая.

Свѣтильня на загороженной сальной свѣчѣ распустилась на свободѣ, какъ маковъ цвѣтъ, махровой шапкой... темвехонько. А извѣстное дѣло, что гдѣ безмолвіе и темнота, тамъ въ старину

являлся всегда Морфей, эгляръ Олимпа, забавлять безсмертныхъ боговъ насчетъ бѣдныхъ смертныхъ креатуръ, надъ которыми не только сама боги, но и вся челядь, населяющая Олимпъ отъ вершины до подошвы, потѣщались, какъ надъ самою послѣднею и глубѣйшею тварью въ созданіи. Не говоря уже объ Аресѣ или Марсѣ, который травилъ ихъ между собою на драку, о Косцѣ Кроузѣ или Сатурнѣ, который косилъ ихъ какъ траву, даже малѣйшаго Эрота учился по нимъ какъ по вородамъ стрѣлять изъ лука. Цѣ дня надо; и ночью не было покою: эгляръ Морфей употреблялъ бѣдныхъ смертныхъ на олимпійскихъ вечерахъ шесто куколъ, хотя на это не было дозволенія и объ этомъ злоупотребленіи не знали ни Зевсъ, ни Гера; а впрочемъ можетъ быть и знали, да подускали для собственнаго удовольствія. Такъ они не такъ, но Морфей морочилъ бѣдныхъ смертныхъ, дурачилъ, надувалъ, выворачивалъ на изнанку, свингалъ съ нихъ даже то, въ чемъ мать родила, облачалъ не звать во что и заставлялъ дѣлать такія вещи, каквхъ никто съ-роду на яву не видывалъ.

Къ закату боговъ смысленные люди переняли хитрую науку метаморфозъ и на яву стали творить такія вещи, какнхъ эллинскіе боги и во снѣ не видывали.

Эллинскіе боги закатывались за горизонтъ, Олимпъ потухъ, обратился въ простую, ничтожную гору; но Морфей остался Морфеемъ, и продолжаетъ свое ремесло на потѣху добрымъ людямъ, которые еще гадаютъ въ карты и толкуютъ другъ другу сны. Мысливъ горе, иногда и самъ потѣшится надъ какой-нибудь старухой и заставитъ ее сотворить во снѣ какой-нибудь грѣхъ.

Пробираясь въ веселомъ расположеніи духа мимо дома Дарьи Карповны и замѣтивъ царствующее во всѣхъ углахъ безмолвіе, Морфей сообразилъ, что безъ сомнѣнія тутъ живутъ люди стараго покроя, и спать во-время, и говорить и молчать во время, и словомъ, все дѣлаютъ во время, и въ добрый часъ, не оборачивая суютокъ вверхъ дномъ.

Войдя въ домъ съ задняго крыльца, чтобы не обезпоятъ домомъ о себѣ, Морфей заглянулъ изъ коридора въ комнату Дарьи Васильевны, замѣтилъ по лежащимъ подлѣ ея кровати на столѣ книгамъ, что она страстная охотница читать романы на самомъ лучшемъ языкѣ, и тотчасъ же представилъ ей новѣйшій романъ in folio, съ коментаріями и эстампами, изображающими всѣ положенія героини, чтобы читателю легко было поставить себя на ея мѣсто.

— Ахъ, какъ это интересно! проговорила Дарья Васильевна, повернувшись къ стѣнѣ, и начала ставить себя на мѣсто героини; но какъ ни станетъ, все не ловко, все не такъ. Это ужасъ! крикнула она сердито, разметавъ подушки и сбросивъ одѣяло въ поги: я не могу стоять, я лучше ^зсяду!

И Дарья Васильевна стала искать по всему роману удобнаго мѣста, гдѣ бы присѣсть вмѣсто героини.

Предложивъ занятіе Дарьѣ Васильевнѣ, Морфей заглянулъ по дорогѣ въ комнату Марьи Васильевны. Посмотрѣвъ на нее, онъ тотчасъ смѣкнулъ и ея любимое занятіе и изобрѣлъ механизмъ горизонтальныхъ часовъ съ *перпетуумъ мобиле*: на каждой минутѣ циферблата, похожаго на римскій Колизей, посадилъ онъ по прекрасному молодому человѣку, а Марью Васильевну поставилъ въ центрѣ, надѣлъ на нее стрѣлки, завелъ — и Марья Васильевна тотчасъ же начала поворачиваться и выбирать себѣ жеманна.

Пустивъ въ ходъ новозобрѣтенное перпетуумъ мобиле, Морфей вошелъ въ спальню Дарьи Карповны и занялъ сперва Сергѣевну, лежавшую близъ дверей, всыпавъ ей въ подолъ цѣлый четверикъ орѣховъ.

— Господи, орѣхи-то какіе! пробормотала Сергѣевна и хватъ гореть, а потомъ въ ротъ, на зубъ; да не тутъ-то было, никакъ не раскусить: противъ остальныхъ зубовъ въ нижней челюсти, въ верхней все одни пазы, и наоборотъ.

— Ахъ, горе, горе! пробормотала опять Сергѣевна: матушка Дарья Карповна, сдѣлай божескую милость, свороти мнѣ челюсть на сторону, чтобъ зубъ на зубъ пришелся, свороти сударыня, смерть хочется орѣшковъ погрызть!

— Петръ Ивановичъ тоже что-то прошепталъ, свѣсивъ отяжелѣвшую отъ сна голову и шевеля губами, которому Морфей поднесъ рюмочку амброзій, чтобъ онъ ее выпилъ во здравіе, въ одинъ глотокъ, вмѣстѣ съ Сашенькой.

Между-тѣмъ какъ Петръ Ивановичъ силится сжать губы на сторону, вѣроятно для того, чтобъ приладить губки Сашеньки плотнѣе къ своимъ и не пролить изъ чарочки ни капли мимо двухъ устъ, Сашенька торопилась всмотрѣться въ Петра Ивановича, котораго Морфей поставилъ передъ ней вмѣсто трюмо.

— Ахъ, Боже мой, какъ вы потѣете, шептала она, стирая платкомъ ему лицо, которое индѣвѣло какъ зеркало отъ ея горячаго дыханія.

Занявъ такимъ образомъ всѣхъ, Морфей обратилъ наконецъ

вниманіе на Дарью Карповну. Видя, что она спитъ-себѣ спокойно, онъ вздумалъ потревожить ее докладомъ, что за собственные долги вдетъ къ ней экзекуція, а за долги дѣдушки, который торговалъ саломъ и обанкрутился, ее непремѣнно посадить въ тюрьму, если она ихъ не заплатитъ.

— Господи! батюшки мои, что мнѣ дѣлать! Какъ мнѣ быть, гдѣ мнѣ взять! завопила Дарья Карповна сквозь сонъ и вдругъ очулась.

Морсѣй, пугнувъ ее неосторожно, самъ испугался, когда она открыла глаза, и исчезъ.

— Господи! повторила шопетомъ Дарья Карповна, взглянувъ на Петра Ивановича: Господи! экзекуція-то ужъ здѣсь!

Въ это время вошелъ въ двери Глыбинъ.

— Господи! А это вѣрно самъ экзекуторъ! подумала Дарья Карповна, стиснувъ глаза, затанъ дыханіе и похолодѣвъ отъ ужаса.

— Надежный народъ! Можно положиться! сказалъ Глыбинъ, потрепавъ по плечу Петра Ивановича, который спалъ закинувъ голову на спинку кресель.

— Пора? проговорилъ онъ сквозь сонъ.

— Какъ же не пора, любезный; и очень пора: восемь часовъ. Молодецъ! Можно поручить стеречь безногихъ, чтобъ не ушли.

— Глыбинъ, это ты?

— Это я. Ну, что?

— Ничего; не очулась ни на минуту.

— Неужель? странно!

— Глыбинъ подошелъ къ Дарьѣ Карповнѣ, взявъ руку—рука холодохонька. Приложилъ ухо ко рту,—дыханія совершенно нѣтъ.

— Хмъ! Плохо! Конечно!... Послушай любезный!... Тсъ! не буди ихъ до времени, не передугай, сказалъ Глыбинъ, взявъ Петра Ивановича за руку и выводя изъ спальни въ залу.

— Ушли? подумала Дарья Карповна персвдо духъ.

И она приоткрыла глаза, прислушалась, приподнялась съ постели, легохонько спустила ноги на полъ, тихохонько встала, и торопливо выбралась вонъ изъ комнаты въ корридоръ, корридоромъ въ сѣни, изъ сѣней выглянула осторожно на крыльцо, посмотрѣла нѣтъ ли кого на дворѣ и прямо къ воротамъ, къ калиткѣ, и исчезла.

Между-тѣмъ Сашенька очулась съ испугомъ; ей приснилось, что трюмо валится на нее; она вскочила съ диванчика, осматрѣ-

лась — Петра Ивановича вѣтъ; взглянула на поспѣвъ матеря, и се вѣтъ.

— Гдѣ жъ маменька? проговорила она.

— Чтѣ-о? пробермотала Сергѣевна во снѣ.

— Сергѣевна!

Сергѣевна вскоотила, протерла глаза.

— Чтѣ о сударыня?

— Сергѣевна, гдѣ маменька?

— Какъ вѣтъ?... а это то чтѣ? проговорила Сергѣевна, подходи къ постели — ахъ, ахъ, матушка, гдѣ жъ она?... вѣрно вышла...

И Сергѣевна бросилась въ корридоръ.

— Тамъ вѣтъ ея, сударыня... Тамъ вѣтъ, сказала она, воротясь: вѣрно въ залѣ...

Сашенька бросилась въ залу, Сергѣевна за ней.

— Маменька здѣсь? спросила Сашенька, окинувъ взоромъ залу, и обращаясь къ Петру Ивановичу и Глыбину, которые сидѣли повѣсивъ головы и о чемъ-то тихо разговаривали.

— И тутъ вѣтъ! Да гдѣ жъ она? проговорила Сергѣевна, побѣжавъ назадъ въ спальню.

Петръ Ивановичъ и Глыбинъ привстали съ мѣстъ, посмотрѣли грустно на Сашеньку, потомъ другъ на друга и ни слова не отвѣчали.

— Гдѣ жъ маменька? повторила Сашенька, содрогнувшись отъ ихъ безмолвія и какого то мрачнаго взгляда.

— Успокойтесь, сударыня, сказалъ Глыбинъ, подходи къ ней и взявъ ея за руку: поберегите свое здорovie... Во всемъ воля Божья.

— Боже мой! чтѣ это значить? чтѣ вы говорите? Я вастъ спрашиваю: гдѣ маменька?

Петръ Ивановичъ вздохнулъ глубоко и, не отвѣчая ни слова, подошелъ также къ Сашенькѣ.

— Не убивайте себя, Александра Васильевна, произнесъ онъ печальнымъ голосомъ: чтѣ жъ дѣлать!...

— Матушка моя! Да гдѣ же она? Вѣдь ея пугдѣ вѣтъ! крикнула снова Сергѣевна, выбѣжавъ изъ спальни... Куда жъ она дѣвалась?... Да что жъ это вы все молчите?

— Что вы молчите? повторила и Сашенька.

Глыбинъ пожалъ плечами.

— Нигдѣ вѣтъ! повторилъ прибѣжавшій, запыхавшись, кухарка и прачка: ужъ гдѣ ни искали!

— А на дворѣ-то искали? спросила Сергѣевна.

— Еще бы! я и на погребницѣ была.

— Да гдѣ жѣ она? раздался голосъ Дарьи Васильевны.

— Ну, мой милый, утѣшай ты какъ хочешь и какъ знаешь, а моя извѣсти, мнѣ надо ѣхать, шелкнуть Глыбинѣ Петру Ивановичу и вышелъ.

— Петръ Ивановичъ, что жѣ это такое значитъ, гдѣ маменька? скажите! что вы скрываете отъ насъ! произнесла умоляющимъ голосомъ Сашенька.

Петръ Ивановичъ задумчивый, растерянный, посреди общей суеты, также пожалъ плечами.

— Это странно!.... Кто илѣтъ долженъ же вѣдать! сказала Дарья Васильевна, выходя съ сестрой въ залу. — Вы, милостивый государь, кажется во все время были здѣсь, и должны знать, продолжала она, обращаясь къ Петру Ивановичу: что жѣ вы молчите?

— Что жѣ мнѣ отвѣчать? сказалъ смущенный Петръ Ивановичъ.

— Что такое! Я васъ спрашиваю..... гдѣ, гдѣ маменька? что вы съ ней сдѣлали вмѣстѣ съ этимъ докторомъ, котораго привезли?

— Господи! Глыбинъ употребилъ всѣ зависящія отъ него средства; и не виновать, если не могъ спасти ее отъ смерти.

Всѣ съ ужасомъ вскрикнули, Сергѣевна всплеснула руками, Сашенька безъ памяти упала бы на землю, еслибы не поддержала ее Петръ Ивановичъ.

— Мать моя родная! умерла! завопила Сергѣевна, кинувшись въ сальню: гдѣ жѣ она, моя голубушка? куда ее положили?.... Гдѣ жѣ она? повторяла Сергѣевна, разметывая подушки и одеяло и взбивая перину... гдѣ жѣ она?

— Гдѣ она? повторилъ и Петръ Ивановичъ съ изумленіемъ.

— Гдѣ жѣ она? заголосили всѣ, обратясь къ нему.

— Не понимаю! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, пожимая плечами.

Вы и Александра Васильевна оставались здѣсь, когда докторъ вывелъ меня въ залу и сказалъ, что нѣтъ никакой надежды.

— Что вы это, сударь, насъ морочите, да клепаете на насъ! заговорила Сергѣевна: мы вздремнули, а вы тутъ что дѣлали!

— Что жѣ я могъ дѣлать! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: я не знаю, не понимаю, что это все значитъ.

— А кому жѣ знать то сударь, кому? Намъ, что ли?.... Господи! Что мнѣ въ голову-то пришло!.... Вѣдь они вѣрно госпитальные лекаря!.... Вѣдь они вѣрно свезли ее къ себѣ въ госпиталь потрошить!.... Дарья Васильевна, сударыня, что жѣ вы стоите

молчите? Извольте требовать отъ нихъ свою маменьку!.... Вѣдь они испотрошатъ ее, да набьютъ чучелу!.... Подайте, сударь, по-койницу! прикрикнула Сергѣвна, наступая на Пѣтра Ивановича.... подайте, а не то я вотъ такъ и побѣгу сама въ часть: что дескать уморили ее да увезли потрошить, не дали и христіанскаго долга исполнить.

Петръ Ивановичъ не зналъ что дѣлать, что отвѣчать. Его обступили кругомъ и требовали, чтобъ онъ возвратилъ покойницу.

— Этого мы не позволимъ дѣлать съ своей маменькой! Мы анатомить ее не позволимъ! кричала Дарья Васильевна, расходясь по комнатамъ и махая руками.

— Нѣтъ, ужъ этого мы не позволимъ! — кричали и всѣ, кромѣ Сашеньки, которая, присѣвъ въ углу, обливалась слезами.

— Помилуйте, клянусь вамъ Богомъ, я ничего не зналъ! повторилъ Петръ Ивановичъ.

Въ это время вошла въ комнату на цыпочкахъ и присѣла въ углу на стулѣ Анна Гавриловна, бѣдная чиновница, вдова, давно знакомая Дарьѣ Карповнѣ и пользовавшаяся по старой пріязни ея благостынею.

Видя всѣхъ въ отчаяніи, она также глубоко вздохнула и покачала головой; потомъ подбѣла къ Сашенькѣ.

— Это кто такой, милочка моя? Полицейскій экзекуторъ, что-ли, описывать пришелъ?

Сашенька не отвѣчала ни слова.

— Ну, душечка моя, перестань обливаться слезами.... Къ чему онѣ.... ну что тутъ, эка бѣда! Какъ быть-то.... плевать на все!

— Что вы это говорите, Анна Гавриловна, произвела Сашенька съ обиженнымъ чувствомъ.

— Да право, ей Богу, ну что изъ пустяковъ то терзаться.... Что жъ дѣлать то.... ово, конечно, жаль; да какъ быть то.... квартиру наймете.... что жъ дѣлать то.... работой содержать себя будете.... Какъ быть то!.... Вотъ и я вѣдь при Кирилѣ Ивановичѣ жила, и горя мало; а какъ умеръ.... осталась одна одинешенька, безъ куска хлѣба.... что жъ дѣлать-то; мужнина родня знать не хочетъ, да вотъ, живу.... какъ быть-то!

Сашенька не вынесла утѣшеній Анны Гавриловны, вскочила съ мѣста и пересѣла въ другой уголокъ.

— Не повутру сума-то всѣмъ.... что жъ дѣлать то, продолжала Анна Гавриловна.—Сергѣвна, а Сергѣвна!

— Что вамъ, сударыня?

— Это кто такой? Это-то экзекюторъ?

— А кто его знаетъ! отвѣчала старука сердито. Чтò жъ вы всѣ молчите? продолжала она: Дарья Васильевна, чтò жъ вы не требуете маменьки-то? Вѣдь вы старшая.... Кому какъ не вамъ вступить за родную мать?

— Чтò жъ мнѣ дѣлать! вскричала Дарья Васильевна: разуйтеса я буду жаловаться.

— Да какъ же сударыня не жаловаться-то, отозвался вошедшій Якимъ, съ просонковъ, вслушавшись въ слова Дарьи Васильевны: они уморили барыню, а мы будемъ терпѣть, чтò-ли?

— Это хорошо вы придумали! Ей Богу хорошо! Какъ быть-то.... шепнула Анна Гавриловна на ухо Сергѣевнѣ: авось отстанутъ собаки!

— Какъ отстанутъ? спросила Сергѣевна: да мы не выпустимъ со двора, покуда намъ Дарья Карповны не представятъ.

— Кажись, привязываться-то къ нимъ, Сергѣевна, не слѣдуетъ.... Чтòбъ чего не вышло. Чтò какъ спросятъ: покажите ко мнѣ ее, гдѣ она?

— Такъ чтò жъ, мы и покажемъ пустое мѣсто: ва, смотри! гдѣ она?

— Какая ты простая, Сергѣевна! Перекрестись, Богъ съ тобой! Чтò ты это!.... Ты думаешь, что вотъ такъ этимъ и удовольствуешься? А какъ обыскъ поднимаютъ?

— Обыскъ? Да пусть ихъ ищутъ.

— Покорно благодарю! сказала Анна Гавриловна, кланяясь, нѣтъ, покорно благодарю, если такъ!....

— Да такъ таки, такъ! И будутъ обыскивать! прибавила Сергѣевна.— Дарья Васильевна, сударыня, чтò жъ вы думаете? пошлите за квартальнымъ, чтобъ у нихъ обыскъ сдѣлали.

— Если ужъ на обыскъ пойдетъ... поцасть въ отвѣтъ — покорно благодарю! Нѣтъ, я укрывать не буду!.... Ни за чтò! — проговорила Анна Гавриловна сама себѣ, и торопливо бросилась къ двери.

Въ это время вошелъ Калистратъ Трофимовичъ. Остановясь въ дверяхъ и осматривая всѣхъ, онъ загородилъ собою выходъ Аннѣ Гавриловнѣ.

— Чтò это значить? подумалъ онъ: всѣ какъ будто чѣмъ-то встревожены?.... И молодецъ-то тутъ стоитъ призадумавшись.... а хорошенькая-то барышня плачетъ.... а эта разходилась.... Хмъ! вѣрно чтò-нибудь пеловко.... Ужъ не приевался ли онъ?.... Мнѣ

желательно бы было видѣть госпожу Тюфелеву.... продолжалъ Калистратъ Трошиновичъ, кланяясь.... позвольте узнать, гдѣ она?

— Что вамъ угодно съ? спросила его Дарья Васильевна.

— Госпожу Тюфелеву, говорю я.

— Маленьки нѣтъ-съ, отвѣчала Дарья Васильевна, продолжая ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, сложа руки.

— А гдѣ жъ она-съ?

— На томъ свѣтѣ-съ, отвѣчала Дарья Васильевна отрывисто и съ сердцемъ, какъ будто на глупый вопросъ, котораго не слѣдовало дѣлать.

— Какъ съ? проговорилъ съ удивленіемъ Калистратъ Трошиновичъ, неужели? Что жъ это такое значитъ?

— Извините, государь мой: не имѣю чести васъ знать по имени и фамили; вамъ неправду говорятъ..... прервала вдругъ Анна Гавриловна: Дарья Карповна жива живехонька.....

— Жива? вскрикнула Сашенька, вскочивъ съ мѣста и бросась къ Аннѣ Гавриловнѣ.

— Жива? повторили и всѣ.

— Гдѣ жъ, гдѣ она? спросила. виѣ себя, Сергѣевна.

— Да-съ, жива, я укрывать ее не могу и объявляю это, вотъ, при господахъ полицейскихъ!..... Она прибѣжала по утру ко мнѣ, да и говорить.....

— Боже мой, Боже мой! она у васъ! Она жива! вскричала Сашенька, и бросилась вонъ изъ комнаты.

— Жива! Ахъ матушка, голубушка моя! проговорила и Сергѣевна, торопясь въ слѣдъ за Сашенькой.

— Жива! повторили Петръ Ивановичъ, Дарья Васильевна, Марья Васильевна и вся и всѣ, разумѣется проиѣ Калистрата Трошиновича, выбѣгая вслѣдъ за Сергѣвной.

— Хитрые какіе! подя-ко-съ, какую я новость ниѣ сказала, продолжала Анна Гавриловна: на чѣмъ бишь я остановилась? Да, вотъ извольте видѣть: прибѣжала ко мнѣ, да и говорить, что меня, говорить, за долги въ тюрьму сажаютъ; экзекуторъ, говорить, пришелъ домъ описывать; слѣайте Божескую милость, Анна Гавриловна, укройте меня. Я было и сжалась..... какъ быть-то, человекъ не безъ души. Пожалуй, извольте, говорю, что жъ дѣлать то..... Да потомъ и одумалась: что жъ это, думаю, дѣлаю я? отвѣтственность такую беру на себя!..... Нельзя, не приходится..... надо объявить..... какъ быть-то... вотъ и прибѣжала сюда..... что жъ дѣлать-то, сама я бѣдная женщина, не подвергать же себя бѣдѣ за нее..... какъ быть-то, посадить въ тюрь-

ну.... что жъ дѣлать то, не нѣтъ же постороннему человеку за нее садиться!...

— Хитъ! произнесъ Каллистратъ Трофимовичъ, такъ стало быть у нее много долговъ?

— По уши въ долгахъ; а все щегольство дочекъ!

— Хитъ! Стало быть дочьки-то небалованы?

— И, ужъ и не говорите!

— Хитъ! пропали мои денежки!

— Такъ это она вамъ должна?

— Двѣсти рублей серебромъ, за дачу.

— Ай, ай, ай! скажите пожалуйста! туда же дачу нанимать! Двѣсти рублей серебромъ!

— Да! сказалъ Каллистратъ Трофимовичъ.... А зачѣмъ же тутъ былъ, вотъ этотъ..... какъ его?.... Вотъ этотъ господинъ, что вотъ тутъ стоялъ?

— Какой господинъ?

— Что вотъ тутъ стоялъ?

— Что вотъ тутъ стоялъ? ааа! Да это эскекуторъ, эскекуторъ..... онъ пришелъ описывать домъ, да вести Дарью Карповну въ тюрьму.

— Эскекуторъ!..... Какъ же это онъ нанималъ дачу подъ званіемъ кандидата?

— Нѣтъ, эскекуторъ; какой же кандидатъ; а впрочемъ можетъ быть и кандидатъ, только я навѣрно знаю, что онъ полицейскій эскекуторъ.

Каллистратъ Трофимовичъ, не понимая ничего изъ словъ Анны Гавриловны, насупилъ брови и подумалъ, что во всякомъ случаѣ тутъ что нибудь да есть..... Что же такое?

— А! стало быть..... да! понимаю! сказалъ онъ, и поклонясь Аннѣ Гавриловнѣ, вышелъ.

Анна Гавриловна побѣжала домой.

Не для чего описывать, какъ Сашенька примчалась стрѣлой на квартиру Анны Гавриловны, съ какимъ восторгомъ бросилась къ матери на шею; какъ перепугала ее этимъ восторгомъ, и наконецъ вполне успокоила, объясняя все, что случилось и не забывъ сказать, что Петръ Ивановичъ принялъ на себя уплату за аренду дачи.

Когда Петръ Ивановичъ вошелъ вслѣдъ за всѣми домашними

въ комнату, Дарья Карповна на радости, вслѣдъ за веѣми объята и его, какъ благодѣтеля.

— Чѣмъ отслужу я вамъ, Петръ Ивановичъ?

Петръ Ивановичъ взглянулъ на Сашеньку; Сашенька опустила глаза, а мать вскричала: понимаю!

Это *понимаю* было повятнѣе для всѣхъ, нежели *понимаю* Ка-листрата Трофимовича.

Когда дѣло совершенно объяснилось, Сергѣевна вскричала: Голубчики мои! я говорила, что не даромъ вы стукнулись лбами! Дарья же Васильевна и Марья Васильевна презрительно улыбулись, вышли вмѣстѣ въ другую комнату и сказали, что это *страмъ*; что это ни на что не похоже; что Петръ Ивановичъ — женихъ съ улицы; что онѣ удивляются маменькѣ, которая согласилась отдать дочь за кандидата; что кандидатъ — ровно ничего; что на каждое мѣсто бываетъ по сту кандидатовъ; что одинъ знакомый папенькинъ былъ двадцать лѣтъ кандидатомъ въ клубъ, да такъ и умеръ не дождавшись ваканціи; что — и то и сѣ — и прочее..... и всего не опишешь, что онѣ говорили умиаго и замѣчательнаго насчетъ несообразности выдавать Сашеньку за Петра Ивановича. Несмотря на это, Сашенька вышла за мужа за Петра Ивановича; Петръ Ивановичъ, съ своей стороны, женился на Сашенькѣ, и — прекрасное дѣло!

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

ЗАМОСКОВНАЯ ЛѢТОПИСЬ

О НАШИХЪ ЖЕНСКИХЪ ДѢЛАХЪ, И О ДРУГИХЪ.

=

КНИГИ ПЕРВЫЯ.

=

I.

Въ лѣто отъ сотворенія міра 7449 былъ у насъ такой случай:

— Этакое неожиданное извѣстіе, что, просто, я глазамъ своимъ не вѣрилъ!...

— Да что же это такое?... что такое?...

— То есть, продолжалъ Сергѣй Павловичъ, я удивленъ, озадаченъ какъ-нельзя болѣе.... Скажите, пожалуйста, кто могъ ожидать!...

— Ахъ, Боже мой! да говорите же, Сергѣй Павловичъ!... вскричало вдругъ двадцать голосовъ.

Но Сергѣй Павловичъ былъ такъ взволнованъ, что снималъ перчатки, усаживался въ кресла и продолжалъ изъяснять удивленіе, не обращая вниманія на то, что все общество не спускало съ него глазъ съ тѣмъ непритворнымъ любопытствомъ, которое можно видѣть только въ Кунсткамерѣ и въ провинціи.

— Ужъ не перевели ли васъ отсюда, Сергѣй Павловичъ? спросилъ наконецъ хозяинъ.

— Перевели, только не меня и не отсюда, а сюда....

— Кого же это перевели? родственника что ли вашего?

— Нѣтъ! какого родственника! Долоновскаго, Николая Петровича.

— Долоновскаго? Кто это? спросила хозяйка.

— А! нашъ новый стряпчій! замѣтилъ ее мужъ.

— Такъ ужъ назначенъ?... а ты мнѣ и не сказалъ! возразила она съ упрекомъ.

— Когда же было, душенька?... сейчасъ только газеты получилъ, мелькомъ взглянулъ вижу... назначенъ.... ко мнѣ.... стряпчимъ.... какой-то Долоновскій....

— Какой-то? вскричалъ Сергѣй Павловичъ съ негодованіемъ: да знаете ли вы, что этотъ Долоновскій на дружеской ногѣ съ такими людьми, которые намъ съ вами и въ знакомые не даются?

Всѣ ахнули.

— Не ошибаетесь ли вы, Сергѣй Павловичъ? тотъ ли это Долоновскій? .. сказала хозяйка съ недоумѣніемъ.

— Какъ ошибиться! Самъ пишетъ! Вотъ сію-минуту принесли съ почты. Препоручаетъ къ первому числу квартиру нанять. Меня такъ и ошеломило! Николай Петровичъ! человекъ съ такой извѣстностью въ обществѣ! съ такимъ состояніемъ! Это хоть кого озадачить!...

Последнія слова Сергѣя Павловича задѣли за живо всѣхъ присутствующихъ. Въ тѣхъ невѣдомыхъ странахъ Руси, которыхъ имена доходятъ до свѣдѣнія санктпетербургскихъ географовъ только по случаю необходимости держать чиновничій экзамень, новое лицо равно землетрясенію, по части занимательности. И можно же себѣ представить, какое дополнительное впечатлѣніе произвели слова — *съ такой извѣстностью въ обществѣ! съ такимъ состояніемъ!* Мужчины не пошли играть въ карты; дамы прервали лѣтопись дѣлвнй отсутствующихъ пріятельницъ, даже дѣвнцы незамѣтно подвинулись къ Сергѣю Павловичу: всѣ ожидали подробностей.

— Такъ вы его знаете? начала хозяйка Марья Алексѣевна Вигулина, жена прокурора, которая, въ качествѣ будущей начальницы Долоновскаго, болѣе всѣхъ заинтересовалась восклицаніями Сергѣя Павловича.

— Имѣю честь.

— И вѣрно коротко, когда въ постоянной перепискѣ?

— Коротко-то коротко, могу сказать безъ хвастовства. Бывало, въ деревнѣ, принималъ меня благосклонно; иной разъ и потолкуеть часъ другой; а въ постоянной перепискѣ, не солгу. нѣтъ, не бывалъ! Помилуйте, отъ человекъ ученый.... страшно!... географія, знаете, такое дѣло.... ну,

какъ промахнешься?... А нынче на ореографію большая мода.... каждый день является новая.... Ну, гдѣ мнѣ пускаться въ постоянныя переписки съ такимъ землосоловомъ! печально присовокупилъ Сергѣй Павловичъ, который въ дѣтствѣ пилъ благозвучныя воды Десны и Самары. Да и ему чтѣ за удовольствіе со мною!

Странное чувство — нѣчто въ родѣ упрека совѣсти — пробѣжало по всѣмъ этимъ честнымъ душамъ при рѣчи объ ореографіи. Прокуроръ даже вздохнулъ: онъ почувствовалъ, что могъ бы почитать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, по положенію, по службѣ, по супружеству, по всему.... небудь только этого проклятаго ъ на свѣтѣ. Любопытная Марья Алексѣевна была также нѣсколько смущена, но она скоро спохватилась и продолжала допросъ:

— Почему же онъ зналъ, что вы здѣсь?

— Какъ ему не знать! Вѣдь это мѣсто — онъ мнѣ доставилъ.

— Это мѣсто? Такъ онъ точно съ вѣсомъ?...

— Да съ какимъ еще! То есть, чѣмъ больше я думаю, тѣмъ для меня удивительнѣе.... охота же закопаться въ глушь!

— Да вѣдь вы его знаете коротко, Сергѣй Павловичъ? перебилъ одинъ изъ гостей, охотникъ до ипотезъ. Не замѣтили ли вы въ немъ чего-нибудь этакого, то есть, этакой, такъ сказать, наклонности къ оригинальству? Можетъ быть, ему захотѣлось поважничать, блеснуть. Въ столицѣ кого удивишь! Вотъ онъ и вздумалъ сюда, пыль, то есть, чтѣ называется, въ глаза пустить....

— И! Семенъ Ивановичъ! подхватилъ другой гость, охотникъ до опроверженій: съ какой ему стати тогда къ должности стряпчаго опредѣляться? Захотѣлось блеснуть, онъ бы прѣвхалъ сюда знатнымъ бариномъ, на показъ....

— Вотъ чтѣ вздумали! возразилъ Сергѣй Павловичъ тономъ обиженнаго: станетъ Николай Петровичъ такими мелочами заниматься! Въ немъ тщеславія и капельки нѣтъ; такихъ людей, какъ онъ, со свѣчою поискать; если намъ поразказать про него, такъ вы удивитесь....

— Расскажите, расскажите, Сергѣй Павловичъ! Какъ же не рассказать! Вѣдь съ нами жить будетъ, не худо знать покороче.

И всѣ наперерывъ приступили къ Сергѣю Павловичу съ просьбой рассказать все, чтѣ зналъ онъ о Долоховскомъ.

— Да, если говорить подробно, какъ слѣдуетъ, началъ Сергѣй Павловичъ, не перескажешь во весь вечеръ. Мало того, что онъ и уменъ и учонъ, главное-то, добродѣтель въ немъ поразительна! Онъ какъ-то не похожъ на другихъ людей; просто, я вамъ скажу, на рѣдкость созданъ! Такой человѣкъ, что... какъ бы вамъ сказать?...

— Какъ сказать?... Скажите, что это второй фениксъ! поспѣшилъ прибавить Валуновъ, молодой человѣкъ, любившій пощеголять отборнымъ словцомъ:

— Феникса вашего я не знаю, отвѣчалъ простодушно Сергѣй Павловичъ, а наврядъ ли сравнятся ему съ Николаемъ Петровичемъ! Я его въ такихъ случаяхъ видалъ, что надивиться не могу. Никто другой на его мѣстѣ не поступилъ бы такъ... Вотъ извольте послушать... какъ вамъ это кажется?

Былъ у отца его пріятель, человѣкъ небогатый, имѣлъ деревеньку, да плохо чтò ли онъ хозяйничалъ или неурожаи довели, ужъ не умѣю вамъ сказать, только задолжалъ онъ много отцу Николаю Петровичу. Тотъ терпѣлъ и не взыскивалъ; добрый тоже былъ старикъ; да и любилъ-таки пріятеля. Когда, по смерти старика, Николай Петровичъ пріѣхалъ принимать наслѣдство, пріятель явился къ нему ни живъ, ни мертвъ. Я, говоритъ, должникъ батюшки вашего, Николай Петровичъ. — Знаю. — Чтò же, какъ вамъ угодно? говоритъ: мнѣ платить не чѣмъ, я не въ состояніи. — И это знаю. — Какъ же быть? говоритъ; сумма такъ велика, что не только на долгъ, но и на уплату процентовъ не хватитъ моихъ доходовъ; остается только или продать съ аукціону, или вамъ взять за себя мое имѣніе.... Чтò же бы вы думали сдѣлалъ Николай Петровичъ? Тутъ же вынулъ векселя изъ шкапулки, и бросилъ ихъ въ огонь. — Я, говоритъ не разбогатѣю отъ этихъ денегъ, а у васъ есть семейство. Не благодарите. Это въ память дружбы покойнаго отца моего къ вамъ...

— Конечно, это прекрасный поступокъ, перебилъ Валуновъ, но немножко театральный. Зачѣмъ жечь векселя? Можно было просто оставить ихъ безъ взысканія. Не съ нимъ однимъ случается. Всѣ, которымъ должники не платятъ по невозможности уплатить, принуждены быть такими же великодушными... увы! .. по необходимости: и не находятъ нужнымъ уничтожать векселя. Пускай бы лежали на всякій случай, бѣднякъ могъ разбогатѣть со временемъ. Ему

пріятно было бы выкупить ихъ. Господинъ Долоновскій черезъ-чуръ развеликодушничался!...

— Великодушіе никогда не можетъ быть черезъ-чуръ велико, замѣтила одна дѣвушка, съ особеннымъ вниманіемъ слушавшая разсказъ Сергѣя Павловича. Долоновскій поступилъ какъ истинно благородный человѣкъ. Не уничтожить векселей, значило оставить на всю жизнь заботу должнику. Могъ ли тотъ быть спокоенъ въ своей бѣдности, если бы Долоновскій не убѣдилъ его этимъ рѣшительнымъ поступкомъ въ безопасности отъ будущихъ преслѣдованій... если бы онъ не показалъ, что великодушію своему не полагаетъ ни условія ни границы?

— Именно такъ, какъ вы сказали, Ольга Константиновна, подхватилъ Сергѣй Павловичъ: у него вѣтъ границъ добротѣ и благородству. И я, и вы, Василій Федоровичъ, продолжалъ онъ обращаясь къ Валунову, и многіе на мѣстѣ Николая Петровича поступили бы такъ, какъ вы говорите; но онъ совсѣмъ другое, онъ не умѣетъ дѣлать доброе вполонуву... и, знаете ли, покойный отецъ его, Петръ Ивановичъ, часто мнѣ говаривалъ: «Боюсь, говорить, я за Николая, увлекается онъ слишкомъ, Сергѣй Павловичъ; какъ другихъ губятъ дурныя страсти, такъ его не довели бы до чего доброта да великодушіе; онъ за другихъ готовъ голову положить; право, говорить, боюсь я за него!» А самъ вѣдь безъ ума отъ сына былъ! Какъ теперь помню, пріѣзжаю я къ нему; Николай Петровичъ былъ тогда въ университетѣ; старикъ сидитъ съ письмомъ въ рукахъ; слезы такъ и каплютъ изъ глазъ. — Что это вы, говорю, Петръ Ивановичъ, непріятное вѣрно извѣстіе получили?

— Нѣтъ, говорить, Сергѣй Павловичъ, напротивъ; Николаенька мой меня утѣшилъ. — Да и разсказалъ тутъ онъ мнѣ прекрасную, преблагородную исторію. — Вотъ видите ли, говорить: въ томъ... какъ бишь его... ну, положимъ, въ томъ отдѣленіи... или столѣ... гдѣ находился Николай Петровичъ ..

— Въ томъ факультетѣ, перебилъ Валуновъ.

— Да-съ, точно такъ! . Вотъ-съ въ томъ-то факультетѣ называемомъ было два самыхъ отличныхъ студента Николай Петровичъ, да еще одинъ, бѣдный, очень бѣдный молодой человѣкъ. Такъ они ровно шли, что нельзя было рѣшить, кто кого превзойдетъ. Одинаковыя способности, одинаковыя старанія, одинаковыя успѣхи, какъ у одного, такъ и у

другаго отмиѣтки вездѣ однѣ и тѣже, и все отличныя. Пришло время писать на золотую медаль. Вызвались многіе, да мало-по-малу всѣ струсили. — Нѣтъ, говорятъ, очень трудно; нельзя состязаться; получить медаль одинъ изъ двухъ, или Долоновскій, или тотъ другой.. забылъ какъ онъ прозывался: — Зачѣмъ понапрасну намъ трудиться? Только видятъ вдругъ, что и тотъ, другой, бѣдный-то студентъ цовѣсилъ голову. Разнеслось по факультету, что и онъ не станетъ писать. Ну! говорятъ, Долоновскому медаль! одинъ остался! Вотъ мой Николай Петровичъ и спроси разъ того, другаго: — Отчего, говорятъ, вы не пишете на медаль? — Началъ, говоритъ, писать, да бросилъ. — Отчего? — Матеріаловъ нѣтъ. Книгъ, какихъ мнѣ надо не нашлось въ городѣ, выписывать, говоритъ, изъ за границы дорого; да и денегъ негдѣ взять... И самъ чуть не прослезился. Разжалобился Николай Петровичъ, да что бы вы думали!... своихъ книгъ не хотѣлось дать... Вотъ въ этомъ только одномъ случаѣ — онъ странный человѣкъ: доказываетъ, что книги каждый благородный и порядочный человѣкъ долженъ покупать, а не занимать; что, книгу, дискать, просить у пріятеля почитать — стыдно, ровно такъ же не прилично какъ протягивать на улицѣ руку и просить милостыни у прохожаго... Ну, не далъ своихъ книгъ, а выписалъ для него изъ-за границы на свой счетъ. Ну, сдѣлалъ бы другой такую штуку? да всякой радъ бы былъ, что соперникъ уничтоженъ. Дѣло не въ томъ, что деньги свои заплатилъ, а что далъ средство тому, кто у него почестъ могъ отбить. Тотъ другой рассказалъ все отцу своему, бѣдному чиновнику, а этотъ написалъ къ Петру Ивановичу, чтобы поблагодарить его и довести до свѣдѣнія о благородномъ поступкѣ сына.

— А кто получилъ золотую медаль? спросила Ольга Константиновна.

— Оба....

— Какъ оба? Этого никогда не бываетъ, вскричалъ Валуновъ съ насмѣшкою. На каждый факультетъ дается одна золотая медаль, другой получилъ вѣрно серебряную.

— Ужъ я знаю, что говорю! возразилъ Сергѣй Павловичъ. Не въ примѣръ будущимъ случаямъ поступили такъ. Обѣ записки....

— Диссертация, перебилъ Валуновъ.

— Ну ужъ тамъ, я не знаю, какъ по вашему; а только мнѣ извѣстно, что обѣ эти, какъ тамъ вы ихъ назвали, вышли

протливая. Другую-то золотую медаль взяли отъ другого жемчуга, гдѣ въ этотъ годъ она оставалась свободною. Истинно было такъ; я лгать не стану. Вотъ каковъ былъ Николай Петровичъ съ самой юности, онъ и теперь такой же. Не дальше, какъ года три тому, былъ случай: дальняя родственница его, небогатая женщина, имѣла тяжбу; дѣло справедливое, да очень запутанное. Судьи и повернули его по-своему, знаете! Былась, былась Катерина Семеновна, да и купила все. Николай Петровичъ узналъ, и давай уговаривать. Какъ это можно, говорить, дѣло чистое, святое! — Гдѣ ужъ нѣтъ! сколько лѣтъ тягаюсь, брошу, говорить, непременно брошу. Николай Петровичъ не отстаеетъ. — Ну, говорить ему Катерина Семеновна, если вы такъ увѣрены, купите у меня спорную землю. Онъ и купилъ, выигралъ дѣло, продалъ землю вдвое дороже, и деньги отдалъ Катеринѣ Семеновнѣ. Я, говорить, не изъ прибыли взялся. Да мало ли еще чего добраго и хорошаго сдѣлалъ Николай Петровичъ въ жизнь свою! Не такъ давно, — онъ былъ въ то время въ отпуску, въ своей деревнѣ, — у одного изъ сосѣдей имѣніе описали за долги; хотѣли продать за безцѣнокъ съ аукціону. Николай Петровичъ не допустилъ, настоящую цѣну далъ. Мнѣ, говорить, нужна ваша деревенька. — А все пустое! только для того, чтобы изъ бѣды выручить! Другой дождался бы нарочно, чтобы купить подешевле.... съ аукціону, а онъ, видите, не хотѣлъ воспользоваться несчастіемъ честнаго семейства. Золото, а не человѣкъ!

— Червонецъ, значить? сказалъ Валуновъ, страдавшій остроуміемъ.

— Точно такъ-съ! громко и съ необычайнымъ достоинствомъ отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, выходя изъ терпѣнія: когда за васъ, милостивый государь, будутъ давать мѣдный гривенникъ, за него охотно всякій дастъ червонецъ.

Всѣ расхохотались. Это неожиданное проявленіе энергіи въ краткомъ Сергѣй Павловичѣ такъ изумило несчастнаго остролова, что онъ совершенно потерялся, не нашелъ отвѣту и со стыдомъ скрылся между мужчинами. Торжество Сергѣя Павловича было полное. Онъ читалъ во всѣхъ женскихъ лицахъ одобреніе своей храбрости и готовъ былъ въ эту минуту не уступить никому въ свѣтѣ.

— Какъ это однако вамъ удалось все узнать, Сергѣй Павловичъ? спросилъ одинъ изъ мужчинъ, стараясь замять дѣло, широкое для своего собрата.

— То есть, вы думаете, твердо возразилъ Сергѣй Павловичъ, что, дескать, Николай Петровичъ самъ мнѣ хвалился? Ошибаетесь, милостивый государь, ошибаетесь! Николай Петровичъ не самохвалъ, о себѣ не заикнется. А что я знаю, то знаю достовѣрно; слышалъ отъ тѣхъ, кого одоужалъ Николай Петровичъ, самъ видалъ его въ разныхъ казусахъ, да еще разъ случилось... какъ бы это сказать?... не то, чтобы участвовать, а видѣть, какъ шло черезъ мои руки. Былъ сосѣдъ, изстари врагъ его отцу. Тягались они съ покойнымъ-то Петромъ Ивановичемъ, разсорились; ненависть Боровскаго перешла и на Николая Петровича; то есть, такія козни сталъ строить онъ и ему, что и не перескажешь! То и дѣло твердить мнѣ Николай Петровичъ: — Что мнѣ дѣлать съ Боровскимъ, опять непріятность! — На тѣхъ порахъ случись грѣхъ съ Боровскимъ. Сынъ его офицеръ пріѣхалъ по казенному порученію въ наши края. Отецъ вызвалъ его къ себѣ въ деревню на именины. Тотъ поѣхалъ, деньги взялъ съ собой; но случилась мятель; нѣтъ проѣзду; онъ и остановился на постояломъ дворѣ переночевать. Утромъ — хватъ за бумажникъ, а бумажника-то и нѣтъ: подъ изголовьемъ лежалъ. Какъ ухитрился вытащить мошенникъ, неизвѣстно; свой собственный кучеръ обокралъ; не нашли нигдѣ, пропалъ, и съ лошадыи вмѣстѣ. Какъ тутъ быть! Казенныя деньги, отвѣтственность, у сына ничего нѣтъ, отцу негдѣ взять; бросались туда, сюда, въ займы никто не даетъ. Всѣ знали, что у Боровскаго имѣніе кругомъ въ долгахъ; молодой человекъ чуть съ ума не сошелъ. Пріѣзжаю я на ту пору къ Николаю Петровичу. Онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прямо говорить мнѣ: — Надо, говорить, помочь молодому Боровскому, Сергѣй Павловичъ! Отъ меня ему будетъ унижительно взять, отвезите вы, говорить, не сказывая отъ кого. — Я такъ и обомлѣлъ! Сыну вашего врага! Николай Петровичъ! что вы это! развѣ это водится! — И! говорить, Сергѣй Павловичъ! пустяки! надо помочь... жаль молодаго человека... пропадетъ ни за что! Сынъ за отца передъ Богомъ не отвѣчаетъ. Ему нужны деньги, а у меня есть лишнія. Совѣсть предписываетъ. — Тутъ же отдалъ онъ мнѣ четыре тысячи серебромъ. — Пусть, говорить, возвратитъ, когда будетъ въ состояніи.

— Да! это видно, что онъ добръ, замѣтилъ кто-то: однако, кажется, таки и порядочный мотъ!

— Мотъ! вскричалъ Сергѣй Павловичъ, принимая къ сердцу всякое невыгодное замѣчаніе о Долоновскомъ и все бо-

лѣ и болѣ разгорячаясь. Онъ могъ? Помилуйте! Посмотрѣли бы вы, какъ хозяйство онъ устроилъ! Такой порядокъ завелъ, что любо дорого смотрѣть. Я самъ прежде такъ думалъ; слышу: туда пятьсотъ, туда тысячу, туда двѣ. Вотъ я и намѣкнулъ ему: — Николай Петровичъ, говорю, вы такъ себя не обидьте; раздаете, раздаете, а послѣ-то останетесь съ чѣмъ? — Онъ улыбнулся. — Не бойтесь, говорить, не промотаю ничего, Сергѣй Павловичъ: только бы не дотронуться до капиталу, а доходы — къ чему! Надо спустить ихъ съ рукъ; дѣло только въ томъ, чтобъ спустить честно и благородно.

— Такъ онъ вѣрно чрезвычайно богатъ? спросила Марья Алексѣевна.

— Три тысячи душъ, незаложенныхъ, да чуть-ли ни съ пол-милліона наличными.

— Счастливецъ! воскликнула со вздохомъ сентиментальная Дарья Андреевна, краса окрестныхъ помѣщицъ, цвѣтущая какъ лугъ весною, грустная какъ степное эхо. Женаты ли онъ?

— Нѣтъ.

— Вы не знаете, счастливъ ли онъ? Любилъ ли онъ когда-нибудь? былъ ли любимъ?...

— Объ этомъ дѣлѣ, сударыня, свѣдѣній у меня вовсе не имѣется. Вы не знаете Николая Петровича! Могу васъ увѣрить, въ разсужденіи, такъ сказать, сердца, что насчетъ, то есть, женскихъ дѣлъ, скромность у него каменная; о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ никогда и не заикнется! слова изъ него не выпытаешь! хоть убей! И даже терпѣть не можетъ, когда другіе, въ его присутствіи, позволяютъ себѣ разсуждать о подобныхъ предметахъ. Женщина, говорить, общественная святыня, подлець кто нарушитъ ея тайны!

Всѣ женскія сердца забились отъ восторгу. Совѣсти въ чепчикахъ, прическахъ и бумажныхъ цвѣткахъ ликовали: это была минута изъ праздника, отдыха послѣ прошедшихъ трудовъ и опасностей и лучъ упованія, ободряющей пугливья души къ смѣлымъ и достославнымъ подвигамъ. Сколько надеждъ, и какихъ отрадныхъ, родилось вдругъ во всѣхъ сердцахъ, которымъ еще позволительно было надѣяться!

— Какъ же это онъ вздумалъ сюда? спросилъ прокуроръ, послѣ надлежащаго соображенія всѣхъ обстоятельствъ.

— Я и самъ не понимаю! Въ Петербургѣ бы только и жить

съ такимъ состояніемъ! Но шѣтъ, вотъ-закопѣлось въ этукую даль!

— Столичная жизнь, можетъ быть, надоѣла, вѣроятно оттого оиъ и вздумалъ искать покояствія, тихихъ удовольствій и простаго счастья въ провинціи, замѣтила Бигулина.

— Чего же лучше въ такомъ случаѣ, въ свою губернію ему? возразилъ Сергѣй Павловичъ. Помѣстье было бы подъ рукою, самъ могъ бы служить по выборамъ. Отецъ былъ предводителемъ: отчего же ему не быть? Прекрасное мѣсто въ Петербургѣ промѣнялъ... на какое! Хоть бы вице-губернаторомъ или палатнымъ предсѣдателемъ: оно бы еще понятно; а то стряпчимъ! и гдѣ же?... здѣсь! Право, непостижимо. Развѣ на счастье которой-нибудь изъ васъ, сударыни, продолжалъ Сергѣй Павловичъ, обратясь къ дѣвицамъ: попробуйте плѣнить! Николай Петровичъ не погонится за состояніемъ; а ужъ женишокъ, нечего сказать — объяденіе! Мало того, что богатъ и уменъ, и красивъ, и воспитанъ: душа-то у него какая!... ангельская! небесная!

Дѣвицы въ свою очередь смутились, улыбнулись, однѣ посмотрѣлись въ зеркала, другія поправили прически съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣли сказать: Чтѣ же, почему жъ и не такъ!

Только одна Ольга Константиновна не посмотрѣлась въ зеркало и ничего не поправила; правда, и она тоже улыбнулась, но совсѣмъ иначе.

Изъ всѣхъ улыбокъ, вызванныхъ послѣдними словами Сергѣя Павловича, двѣ были особенно замѣчательны. Одна, какъ мы уже сказали, принадлежала Ольгѣ Константиновнѣ; другая — самой прелестной женщиной во всемъ собраніи. Первая была полна презрительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ грустнаго сомнѣнія. Она какъ будто говорила: «Гдѣ ужъ вамъ!... и я не надѣюсь....» Выраженіе другой улыбки было очень странно и неопредѣленно. Можетъ-быть физиономистъ растолковалъ бы ее гипотезою о существованіи тайной мысли слѣдующаго содержанія: «Развѣ при мнѣ замѣтятъ васъ?..» Необыкновенная красота особы могла оправдать эту мысль, самонадѣянную, но не лишнюю во многихъ отношеніяхъ прочнаго и совершенно законнаго основанія. Въ этомъ обществѣ не было лица замѣчательнѣе того, на которомъ проявилось сказанное сжатіе губъ. Оно было вооружено такими чудесными глазами, такъ очаровательно расписано

крошю и молодою, обрисовано такими тонкими, чистыми, восхитительными линиями, что всё такъ называемыя хорошенькія лица, а ихъ было не мало въ собраніи, тусклили и пропадали при электрически ослѣпительномъ блескѣ этой живой звѣзды. Правда, тутъ было еще одно интересное личико, преисполненное милой и кроткой прелести, и не будь красавицы Грулевой, Ольга Менкова была бы первою красавицей въ томъ городѣ. Но Грулева была здѣсь, на-лицо.

О Долоновскомъ разсуждали еще много и долго. Внимательнѣе всѣхъ прислушивалась Ольга Менкова, равнодушнѣе всѣхъ Грулева.

II.

Цѣлую недѣлю до пріѣзду Долоновскаго, во всемъ городѣ только и рѣчей было, что о знаменитомъ, несравненномъ стряпчемъ. Сергій Павловичъ слылъ за человѣка правдиваго, въ истинѣ словъ его нельзя было сомнѣваться; и, вслѣдствіе его разсказовъ, Долоновскій являлся воображеніямъ всѣхъ, тѣмъ могущественнымъ волшебникомъ, котораго щедрая рука сыплетъ алмазныи свѣтъ, счастье и золото во всѣ стороны. Не было почти ни одной души, ни мужскаго, ни женскаго, ни средняго роду, которая не имѣла бы своихъ видовъ на Долоновскаго. Кто разсчитывалъ на обѣды съ шампанскимъ, кто надѣялся обиграть его, кто видѣлъ въ немъ жениха для дочекъ, или обожателя для себя.

Болѣе всѣхъ заинтересовалась Долоновскимъ Марья Алексѣевна Бигулина, дама еще довольно молодая, довольно недурная собой и, слѣдственно, очень самолюбивая.

— Моему мужу нѣтъ здѣсь головы онъ — важное лицо. Зачесть мой Федоръ Алексѣевичъ, такъ очень можетъ повредить кому угодно, говорила она часто къ крайнему прискорбію ея супруга, который всегда замѣчалъ ей съ неудовольствіемъ:

— Съ тобой, матушка, Марья Алексѣевна, того и гляди, что наживешь бѣды!

На что Марья Алексѣевна всегда возражала съ презрительной улыбкой:

— Не умѣете вы держать себя, Федоръ Алексѣевичъ! Нѣтъ у васъ приличной амбиціи! Не будь у васъ такой жены, какъ я, вы бы давно себя уронили.

Разсказы Сергія Павловича о Долоновскомъ, заставляли Марью Алексѣевну заранѣе разсчитывать, какой вѣсь при-

дасть ей въ обществѣ такой подчиненной. Начальница, какъ она сама себя величала, естественно будетъ предметомъ его внимательности.... если не болѣе! Она посмотрѣла въ зеркало. Первая кадрили съ нимъ принадлежитъ ей по праву. И какъ весело сказать тому, за кѣмъ станетъ ухаживать весь городъ: «Николай Петровичъ! гдѣ мои перчатки?» москѣ Долоновскій, прикажите подать карету. Марья Алексѣевна еще выше стала поднимать голову, и еще важнѣе выступать.

Была другая особа, которая, хотя не имѣла никакихъ видовъ на Долоновскаго, однако думала о немъ безпрестанно. Съ самаго вечера у прокурора, въ душу Ольги Менковой запало къ Долоновскому чувство того высокаго уваженія, которое питаемъ мы къ людямъ, возвышающимся, чѣмъ бы то ни было, надъ толпою. Но Ольга была далека отъ мыслей, наполнявшихъ головы прочихъ обитательницъ города. Она думала о Долоновскомъ безкорыстно, и если ждала его прїѣзду съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, такъ только потому — какъ казалось ей-самой по-крайней-мѣрѣ, — что она хотѣла поскорѣе познакомиться съ человѣкомъ необыкновеннымъ, съ человѣкомъ, котораго вся жизнь была непрерывный рядъ прекрасныхъ дѣлъ.

— Скажите, папенька, какъ вы думаете, почему Долоновскій рѣшился занять это мѣсто? спросила однажды Ольга у отца своего Константина Петровича, совѣтника одной палаты.

— Не знаю, душенька, а полагаю, не принужденъ ли онъ къ этому обстоятельствами, отвѣчалъ Константинъ Петровичъ. Другой причины, кажется, быть не можетъ. Враги! немилость! провинился какъ-нибудь! со всякимъ случается!

«Въ самомъ дѣлѣ, это—самое вѣроятное,» подумала Ольга, и ей почти стало жаль бѣднаго молодаго человѣка, который изъ ясной и звучной сферы изящнаго столичнаго общества былъ обреченъ туда, гдѣ такъ скучно, даже ей, Ольгѣ, никогда не выѣзжавшей за предѣлы роднаго города: каково же будетъ ему, заброшенному по-неволѣ въ такое захолустье!

Долоновскій наконецъ прїѣхалъ. Всѣ предполагали, что онъ захочетъ *здать тону*, какъ говорятъ въ нашей губерніи, и не смѣли ждать его визитовъ ранѣе недѣли, по-крайней-мѣрѣ. Но, къ общему и великому удивленію, въ слѣдующее воскресенье, дня черезъ три послѣ прїѣзду, всѣ власти и знаменитости нашего города нашли у себя визитныя кар-

точки Долоновскаго съ загнутымъ угломъ. По непостижимой для всѣхъ причинѣ, Николай Петровичъ выбралъ для визитовъ такое раннее время, что нисколько не ожидая дорогого гостя, всѣ или еще не вставали, или одѣвались, или уже уѣхали къ обѣднѣ. Только одна дородная совѣтница удостоилась чести принять и лично видѣть Долоновскаго, и, возгордясь своей счастливой долей, прожужжала всѣмъ уши о прелестяхъ очаровательнаго стряпчago: «какой милашка!... какъ онъ умѣетъ плѣнить своимъ обращеніемъ!... сейчасъ видно что изъ знатныхъ!» Чиновныя дамы, старая завистью, чуть не возненавидѣли счастивицу, тѣмъ болѣе, что Долоновскій ограничился первыми визитами, и его, покажеться, нигдѣ не было видно. Марья Алексѣевна знала черезъ мужа, что несравненный Николай Петровичъ ревностно принялся за свою должность, но она напрасно ожидала вторичнаго посѣщенія. Долоновскій не являлся. Пригласить его по-просту она не хотѣла. Для такой «важной персоны, для такого богача», — слогъ Марьи Алексѣевны, — она полагала торжественное приглашеніе будетъ приличѣйшимъ; кому жъ очарованіе бальнаго наряда очень выгодно для перваго впечатлѣнія; в Марья Алексѣевна рѣшилась задать великолѣпный балъ, надѣясь на увлекательную силу своей бесѣды и своихъ взглядовъ, чтобы заковать Долоновскаго въ кандалы короткаго знакомства.

Сколько хлопотъ, приготовленій, противорѣчій, неудачъ, надеждъ! Для Марьи Алексѣевны дѣло шло, прежде всего, о поддержаніи сана непосредственной начальницы Александра Великаго, всемірнаго побѣдителя и героя бала. Она вывернула всѣ лавки, весь городъ, вверхъ ногами. Ольга Менкова, съ своей стороны, тоже хлопотала о красивомъ платьѣ. Ей также хотѣлось познакомиться съ Долоновскимъ покороче. Для этого нужно было, чтобы онъ много танцевалъ съ нею, слѣдовательно, чтобы безпрестанно отличалъ ее въ толпѣ по одной уже примѣчательно мясистой наружности.

Она невольнo смутилась, когда отецъ, любуясь на нее въ бальномъ платьѣ, сказалъ ей съ улыбкой:

— Какая ты хорошая сегодня, Ольга!

Тутъ ей пришло въ голову, что едва-ли она была не лучше всѣхъ въ нашемъ городѣ. «Впрочемъ, нѣтъ! подумала со вздохомъ: при Грулевой замѣтить меня трудно! Она такъ хороша, что я сама засматриваюсь на нее.... а мужчины такъ любятъ красоту!...

Вступая въ залу, Ольга съ тревожнымъ любопытствомъ отыскивала глазами великаго гостя. Она тотчасъ его увидѣла. Долоновскій стоялъ возлѣ Быгулиной, которая, разряженная въ три погибели, вся въ цвѣтахъ, въ блондахъ, въ лентахъ, кокетливо улыбалась ему съ высоконачальническимъ величіемъ. Приближаясь къ хозяйкѣ, Ольга издали успѣла разсмотрѣть челоуѣка, который заранѣе нарисовался въ ея воображеніи образцомъ всего высокаго и прекраснаго. Долоновскій былъ средняго росту, съ каштановыми волосами, съ черными глазами, съ пріятною блѣдностью, съ красивою улыбкой, съ одной изъ тѣхъ петербургско-поэтическихъ физіономій, которыя непременно и неизбѣжно нравятся женщинамъ въ провинціи, вообще, и въ особенности женщинамъ немножко восторженной и уже заинтересованной челоуѣкомъ, которому принадлежитъ эта ласкающая взоръ наружность. Ольга сдѣлала привѣтъ хозяйкѣ, и присоединилась къ группѣ дѣвицъ, но передъ ней все мелькали алмазные глаза Долоновскаго, въ которыхъ игралъ огонь, живой, естественной веселости. Ольга ожидала найти въ лицѣ его хоть легкое отраженіе того неудовольствія, которое должно было, по ея мнѣнію, таиться въ душѣ челоуѣка, заброшеннаго среди людей, чуждыхъ ему во всѣхъ отношеніяхъ. Но Долоновскій, вмѣсто благосклонной снисходительности и легкой скуки, подобающей свѣтскому челоуѣку и изгнаннику, обнаруживалъ во все продолженіе вечера самое веселое расположеніе духа. Оно поразило Ольгу съ перваго слова. Герой бала былъ такъ любезенъ, разговорчивъ, и казался такъ доволенъ, какъ-будто не видалъ ничего лучше и обворожительнѣе этого праздника. Ольга дрожала, что ей не удастся танцовать съ Долоновскимъ. Какъ одной изъ самыхъ хорошенькихъ въ нашемъ городѣ, ей не было отбою отъ приглашеній. Но еще почти въ самомъ началѣ вечера, вдругъ звукъ незнакомаго голосу коснулся ея слуха. Она обернулась: въ двухъ шагахъ отъ нея сидѣлъ Долоновскій съ Сергѣемъ Павловичемъ. Колонна газовыхъ юбокъ скрывала Ольгу отъ разговаривавшихъ; она стала прислушиваться.

— Что же тутъ удивительнаго, Сергѣй Павловичъ? говорилъ Долоновскій: почему же мнѣ не быть веселымъ?

— Въ добрый часъ, Николай Петровичъ! Богъ съ вами, веселитесь! Да такъ не утерпѣлъ, чтобы не замѣтить! Вы такъ веселы нынче, что, право, прежде я рѣдко видывалъ

васъ въ подобномъ расположеніи; а я такъ волагалъ, какъ сравните здѣшній балъ съ петербургскимъ, такъ скучненько вамъ станетъ....

Чѣмъ же дуренъ этотъ балъ?... наряды прекрасны, освѣщеніе богатое, оркестръ порядочный; хорошенькихъ женщинъ такъ много!

— Неужели у насъ въ провинціи есть хорошія? Вотъ этого я никакъ не думалъ!... Кто же напримѣръ?

— Назвать вамъ не могу, но мнѣ такъ показалось; а впрочемъ я пристально никогда не разсматриваю....

— Разсмотрите, пожалуйста, Николай Петровичъ, да скажите намъ, какъ на вашъ-то на петербургскій вкусъ.... вотъ хоть эта, напримѣръ?...

Мирвуловъ указалъ на Грулеву, которая проходила мимо. Ольга видѣла, какъ Долоновскій провожалъ ее пристальнымъ взоромъ. Стройная и гибкая какъ пальма, съ пышными бѣлыми плечами, эта молодая женщина была освѣдительно въ тотъ вечеръ. Брильянты въ черныхъ волосахъ горѣли не ярче ея глазъ, а пунсовые далин букета уступали въ краскѣ кораллу губъ.

Жена одного изъ первыхъ чиновныхъ лицъ въ губерніи, переведеннаго изъ Москвы не болѣе полугода, Грулева высоко смотрѣла на поклонниковъ, привлекаемыхъ ея красотою; неприступность ея бѣсила львовъ и тигровъ губернскихъ. Это не было простое отсутствіе кокетства: о такомъ надменномъ обращеніи наведены были различныя справки въ городѣ. Одни приписывали его презрѣнію къ провинціаламъ, другіе страстной любви къ мужу; нѣкоторые же—злые сердца—кривые уши—сиверные характеры—позволяли себѣ сомнѣваться, чтобы угрюмый и нисколько не привлекательный Грулевъ могъ внушить страсть женщинѣ молодой, умной, поэтической, и, на-придачу, такой красавицѣ. Какъ бы то ни было, но я могу увѣрить, что красавица, казалась, только и думала о томъ, какъ бы угодить своему идолу, мужу. Для него одного вмѣлись у нея нѣжныя взгляды, для него—самыя очаровательныя улыбки. Равнодушная къ губернскимъ весталостямъ, она ужасно скучала въ нашемъ славномъ городѣ. Ожидали, что появленіе Долоновскаго, по его положенію въ свѣтѣ, займетъ ее хоть сколько-нибудь; но, вмѣсто того, изъ всѣхъ обитательницъ города, одна она приняла равнодушно вѣсть великую и громогласную, и вотъ теперь, на балѣ, гдѣ онъ составляетъ предметъ общаго вниманія, въ ней

незамѣтно ни малѣйшаго измѣненія; она все также величаво холодна, ея взоръ по прежнему разсѣянно пробѣгаетъ многолюдное и тѣсное пространство, блуждая какъ въ свѣтлой пустынь Африки; но это—фактъ, замѣченный и засвидѣлственный всѣми, что никогда не бывала она такъ ослѣпительно прекрасна, такъ чудесно одѣта, такъ неопровержимо обворожительна, какъ въ этотъ достопамятный вечеръ. Остановившись случайно въ недалекомъ разстояніи отъ Долоновскаго и Мирвулова, она даже не обратила на нихъ ни малѣйшаго вниманія, и такъ спокойно, такъ беззаботно смотрѣла издали на вальсы и польки, будто тутъ вовсе не было Александра Великаго, всемірнаго побѣдителя, и человѣка, который только одинъ во всемъ городѣ могъ заставить ее найти въ своемъ обществѣ то развлеченіе, какого недостава-ло у насъ для образованной, свѣтской женщины.

— Ну, что, Николай Петровичъ, вотъ эта?... не правда ли, что хороша?... спросилъ Сергѣй Павловичъ, наклоняясь къ Долоновскому.

Тотъ не отвѣчалъ съ минуту.

— Да! конечно! здѣсь много миленькихъ! сказалъ онъ потомъ, вѣроятно не разслыхавъ вопросу Мирвулова.

— Нѣтъ, Николай Петровичъ! не въ миленькихъ сила!... а ужъ лучше этой навѣрно нѣтъ и въ Петербургѣ!

— Недавно промелькнуло здѣсь личико очень прештересное....

— Кто же это, любопытно знать?...

— Я вѣдь не знаю здѣсь никого.

— Ну опишите.... покажите....

— Я не вижу ея теперъ. Она.... право, не знаю какъ вамъ сказать....

— Кто жъ бы это? Вотъ здѣсь всѣ хорошенькія передъ нами. Ба! не Менкова ли? Ольга Константиновна?...

— Можетъ быть.

— Не въ бѣломъ ли платьѣ съ розовымъ вѣнкомъ?

— Кажется.

— Ну, это она! Больше никому быть. Она точно очень очень недурна; но все же далеко ей до этой!... Эта—красавица на славу... по моему крайнему разумѣнію.... да и провѣзжающіе здѣсь недавно изъ Петербурга на Кавказъ люди весьма ученые... астрономы, они натуралисты, что-ли.... удивлялись ей какъ рѣдкости....

— Да!... и эта очень мила.

— Вотъ, что называется, вкусъ вкусу розь! Можетъ-ли быть, чтобы та вамъ нравилась возлѣ этой? спросилъ Мирвуловъ тономъ великаго удивленія, потому что блестящая красота Грулевой до того кружила голову доброму Сергѣю Павловичу, что онъ чистосердечно и во всеуслышаніе объявлялъ ее богиней и Венерой, какой еще не бывало на свѣтѣ.

— Вы не вѣрите, что та мнѣ кажется прелестною? торопливо сказалъ Долоновскій: въ доказательство, я постараюсь танцовать съ ней мазурку.

Лицо Ольги вспыхнуло явною радостью. Вся ея надежда ограничивалась кадрилию, и можетъ быть еще нѣсколькими турами вальса; а теперь вдругъ предстоялъ ей съ великимъ человѣкомъ безконечный танецъ, въ продолженіи котораго можно прожить три счастливыя жизни или шесть разъ умереть отъ скуки. Кто послѣ мазурки не можетъ назваться коротко знакомымъ, тотъ уже никогда знакомымъ не будетъ.

Ожиданія ея однако же не вполне сбылись. Ольгѣ почти не удалось завязать съ нимъ продолжительнаго разговору: дамы и дѣвицы безпрестанно его выбирали. Но все-таки, несмотря на эти хищническіе набѣги, на этотъ явный разбой, когда балъ кончился, Ольга сѣла въ карету подѣ влияніемъ могучаго и страннаго ощущенія. Голосъ отца вывелъ ее изъ задумчивости.

— Вотъ дуры!... изъ-за чего съ ума сходятъ! сказала Константинъ Петровичъ. Помѣшались на Долоновскомъ! Слышала-ли ты, Ольга, какія затѣи приготавлиются? Семени Ивановичу приказано балъ дать. Елена Алексѣевна даетъ завтракъ какой-то модный, съ танцами. Павелъ Васильевичъ долженъ дать обѣдъ! .. подписку съ него взяли!... Человѣкъ только-что пріѣхалъ, вздохнуть не дадутъ; зачѣмъ гонятся, хотѣлъ бы знать?... Ихъ ли дочерямъ подѣ-стать такой женихъ! И женится ли Долоновскій здѣсь! Приличной ему партіи во всемъ городѣ нѣтъ.

Ольгу что-то кольнуло въ сердце. Внезапная грусть овладѣла бѣдной дѣвушкой, не покидала ея до дому.

«Какъ это глупо! сказала она про себя оставшись одна въ удивенной комнаткѣ. Что мнѣ до того, что этотъ человѣкъ не выберетъ здѣсь невѣсты? Это очень натурально: я никогда въ томъ не сомнѣвалась.» Но вдругъ ей невольно пришло въ голову, какъ будетъ счастлива та, которой суждено быть женою его. Тутъ, по естественному порядку дѣла, подумала

она невольно, какъ бы счастлива была она сама, если-бы тотъ, кто будетъ ея мужемъ, походилъ на него. Потому еще одна неясная мысль промелькнула въ головѣ ея, и Ольга покраснѣла.

«Какое безумство!» продолжала она очень тихо; но неотвязная мысль не давала ей покою, и скоро Ольга уже не отгоняла ея болѣе.

Она встала на другой день сильно взволнованная мечтами и надеждами. Хотя нѣсколько восторженная, какъ всѣ люди съ пылкимъ воображеніемъ, Ольга однако не была романтической провинциалкой. Основаніе ея характера составляло страстное поклоненіе всему возвышенному и благородному, и эта черта такъ сильно развилась въ ней съ ранняго возраста, что будучи и чувствительной и сострадательной, она мнѣ трогалась при чтеніи раздирающими сценами смерти, горя, униженія, чѣмъ описаніемъ высокихъ подвиговъ самоотверженія или великодушія. Долоновскаго представили ей заочно человѣкомъ, обладающимъ въ высшей степени качествами, которыя она уважала болѣе всего. И когда онъ самъ явился передъ нею со всѣми оболъщеніями изящнаго, умнаго, образованнаго присутствія, не мудрено что онъ сдѣлалъ въ душѣ глубокое впечатлѣніе, что въ головѣ поселилась мысль, сначала казавшаяся нелѣпой, но мало по-малу, при дальнѣйшемъ обсужденіи, признанная не совсѣмъ несбыточной. Все, что знала она о характерѣ Долоновскаго, увѣряло ее въ томъ, что неравенство состояній не остановитъ его въ выборѣ пожизненной подруги, и голова Ольги кружилась отъ волненія ... Что если она понравится ему до такой степени, что онъ рѣшится искать ея руки.... Ахъ Боже мой! можно умереть отъ одной мысли и воскреснуть отъ такой дѣйствительности!

Припоминая подробности бала, Ольга находила, что первая встрѣча предвѣщала ей много хорошаго. Долоновскій замѣтно отличалъ Ольгу. Не вспомнилъ ли онъ объ ней въ то время, когда ему указывали красавицу Грулеву? Не выбралъ ли ее для такого танца, въ которомъ нерѣдко рѣшается вопросъ о жизни и смерти людей—to be, or not to be!—о горѣ и блаженствѣ всего земнаго существованія нашего—танца, столь похожаго на вѣчность, когда выбранный или выбранная скучная персона, и на мгновенный годъ райскаго бытія, когда два сердца настроены на одну ноту?...

III.

Слѣдующій вечеръ, на которомъ.... оль.... долженъ былъ явиться во второй разъ передъ большимъ свѣтомъ губерніи, давался предсѣдателемъ одной палаты. Желаніе снова увидѣть Долоновскаго было такъ велико, что задолго до его пріѣзду зала наполнилась гостями. Первое произведенное имъ впечатлѣніе превзошло всѣ ожиданія. Думали найти его очень занятымъ собою, вѣроятно гордымъ и навѣрно ужъ насмѣшливымъ. Но когда, вмѣсто того, увидали молодаго человѣка съ обращеніемъ полнымъ добродушія, предупредительности, веселости, остроумнаго безъ претензій, любезнаго безъ приторной сладости, и въ добавокъ красавца, восхищеніе не имѣло предѣловъ. Всѣ женщины сгарали нетерпѣніемъ сблизиться съ нимъ и, на этотъ разъ, вопреки *бонтонству*, собрались чрезвычайно рано.

Ольга вздрагивала при каждомъ шорохѣ входящихъ въ залу ногъ: для нея эта новая встрѣча должна была рѣшить многое.

Наконецъ и Долоновскій пріѣхалъ.

Вотъ онъ проходитъ мимо. Вотъ уже близко. Она ждетъ поклона, можетъ-быть легкой тѣни удовольствія въ лицѣ. Но—увы!—онъ и не замѣтилъ Ольги, и даже, разговаривая съ другими женщинами, не думалъ отыскивать ее взоромъ. Мало этого. Встрѣтившись съ ней наконецъ лицомъ къ лицу, онъ удовольствовался только поклономъ, не попросилъ танцевать, не сказалъ ни слова! Мечты Ольги разсѣялись какъ дымъ. Ей стало невообразимо скучно, она зѣвала въ танцахъ, отвѣчала не-впопадъ, и съ отчаяніемъ въ душѣ смотрѣла какъ Долоновскій говорилъ, улыбался и шутилъ не съ ней. Для нея не нашлось у него ни одного слова, ни одного взгляду. Ольга уѣхала съ растерзаннымъ сердцемъ, сознаваясь, что надѣяться невозможно. «Я сумашедшая!» говорила она сама себѣ, со вздохомъ: съ чего могла прійти мнѣ въ голову такая мысль! Всему виноватъ этотъ несносный Сергѣй Павловичъ!» И она серіозно рассердилась на Сергѣя Павловича, зачѣмъ онъ вздумалъ наказать столько чудесъ про своего любезнаго друга. А онъ, какъ нарочно, затѣлъ на другой день. Слово за слово, разговоръ склонился на Долоновскаго.

— А что говорилъ онъ вамъ? почему онъ принялъ такое скромное мѣсто? спросилъ Константинъ Петровичъ.

— Наговорилъ онъ мнѣ многое, да всего не поймешь....

— Какъ это такъ?...

— Да знаете, о тѣ объясняется по *хвилосохъскому*, не по нашему. *Фвилосохвія*, Константинъ Петровичъ, теперь въ большой модѣ въ Петербургѣ.... дѣло она мудренное.... у меня каждый разъ такъ и голова кругомъ, какъ стануть *хвилосохъствовать*... въ глазахъ темно становится. Всякой человѣкъ, говоритъ, можетъ и долженъ быть полезнымъ въ своей сферѣ, и я, на этомъ мѣстѣ, говоритъ, могу сдѣлать много хорошаго для общаго блага, для человѣчества, и разное, знаете, этакое.... а главное, увѣряетъ, будто для него нѣтъ ничего недостойнаго. Мало ли я спорилъ! Для васъ, я говорю, это все равно какъ бы, для меня, опредѣлиться въ писцы. Куда! заладилъ свое! «Предмѣстникъ мой, говоритъ, былъ въ одномъ чинѣ со мною; отчего же я, говоритъ, не могу занять этой должности?» Человѣкъ человѣку розъ, я говорю, Николай Петровичъ! то былъ Чукуркинъ, а то вы! «Чѣмъ же, говоритъ, Долоновскій лучше Чукуркина?» Ну, подите, говорите!... *хвилосохвія хвилосохвіей!*... досадно даже слушать! Ангельская душа, знаете, жаль только, что гордости нѣтъ ни капли....

Ольга обнаружила маленькое движеніе досады.

— Послушать васъ, Сергѣй Павловичъ, такъ вашъ Долоновскій—человѣкъ единственный въ мірѣ, осьмое чудо свѣта, сказала она.

— Единственный не единственный.... этого нельзя сказать.... а другаго такого не сыщется....

И Сергѣй Павловичъ пустился снова въ безконечныя похвалы Долоновскому. По этой статьѣ онъ былъ неистощимъ. Ольга, склонивъ голову на работу, упивалась его рѣчами, и по временамъ жгучее сожалѣніе сжимало ея сердце: какъ бы она умѣла *оцѣнить* все это!... а онъ несносный не хочетъ и знать ея!...

За вечеромъ предсѣдателя потянулся длинный рядъ обѣдовъ, баловъ, вечеровъ, и на каждомъ Ольга удостовѣрялась болѣе и болѣе въ полномъ равнодушіи Долоновскаго. Она дала себѣ слово не думать о немъ впередъ: но какъ это сдѣлать, когда думается само собою?... когда не-хотя слышишь *его* и объ *немъ*?... когда встрѣчаешься безпрестанно? До-

Долоновскій былъ такъ хорошъ, такъ милъ, уменъ, краснорѣчивъ, такъ рѣзко отдѣлялся отъ всей толпы мужчинъ, что Ольганевольно заглядывалась на него, заслушивалась, забывалась. Разговаривать съ нимъ самой ей рѣдко удавалось. Если онъ говорилъ или танцевалъ съ нею, это всегда случалось такъ печально, что на этомъ нельзя было основывать никакой надежды. Прогоняя отъ себя мечту, которую теперь должно было признать нелѣпой, Ольга думала, что успѣла вырвать изъ сердца чувство, въ безнадежности котораго не могла она долѣе обманываться, какъ вдругъ одно странное обстоятельство показало ей до какой степени онъ уже былъ дорогъ этому сердцу.

Это случилось на небольшомъ вечерѣ. Танцевъ не было; задумали играть въ фанты. Вздумано, сдѣлано. Почти всѣ безъ исключенія пустились толкаться въ туалетѣ, хлопать по рукамъ въ веревочкѣ; даже Грулева не отказалась отъ участія въ общей потѣхѣ. Дошла очередь до разыгрыванія фантовъ. Долоновскій, разумѣется, провинился больше всѣхъ. На него направлены были всѣ преслѣдованія раздушенной юстици. Въ то время, когда онъ, исполняя свой фантъ, подходилъ къ каждой дамѣ, чтобы сказать или желаніе или комплиментъ, Сергѣй Павловичъ, только что кончившій партію преферанса, проигравъ и забывъ свой кошелекъ дома, пришелъ просить у подсудимаго денегъ. Тотъ вынулъ портфель и отдалъ его Сергѣю Павловичу, какъ вдругъ Марья Алексѣевна, возлѣ которой это происходило, попросила разсмотрѣть работу этого бумажника. Ничего, конечно, не могло быть проще такой просьбы, но Ольгѣ показалось, что Долоновскій неохотно на это согласился... что онъ дорожилъ этою вещицею... что прикосновеніе къ ней женской руки было ему непріятно. Марья Алексѣевна принялась восхищаться, сосѣдка ея полюбопытствовала посмотрѣть, и также раззахалась, послѣ чего, разумѣется, всѣмъ захотѣлось взглянуть на портфель. Работа очень обыкновенная, но какъ вещь принадлежала такому золоту, этого было довольно, чтобы возбудить восторженные похвалы и общее удивленіе. Покажишь всѣ занимались портфелемъ, Ольга глядѣла на самое золото. Легкое неудовольствіе, съ которымъ онъ подчинился желанію Бигулиной, превратилось въ безпокойство и смущеніе, когда бумажникъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки. Ольга испугалась, сама не зная, какъ и почему. Доло-

новскій стоялъ внѣ круга ученыхъ испытательницъ портфеля. Никому кромѣ Ольги и Грулевой, оставшихся на мѣстахъ, не могло быть замѣтно это смущеніе. Великая красавица разговаривала съ своимъ мужемъ, облокотившимся на спинку ея стула, и, казалось, не обращала вниманія ни на происшествіе, ни на Долоновскаго. Но каждый взглядъ его смѣдившій съ тоскою за переходомъ бумажника, болѣзненно отдавался въ сердцѣ Ольги. Наконецъ она встала, подошла въ свою очередь къ портфелю, но, получивъ его въ руки, вмѣсто того чтобы передать далѣе, обернулась и отдала законному владѣльцу. Это никого не удивило: обзоръ продолжался уже съ четверть часа, ктому жъ Долоновскій весело вскричалъ:

— А что же фанты? позвольте продолжать!

Всѣ засуетились, бросились по мѣстамъ, а Долоновскій во время этой суматохи наклонился къ Ольгѣ и сказалъ ей нѣсколько привѣтливыхъ и тонкихъ выраженій благодарности своей за спасеніе его бумажника.

Когда наединѣ Ольга стала перебирать въ умѣ происшествія этого вечера, она не знала, чему удивляться болѣе: загадочному ли безпокойству Долоновскаго, или тому, какъ сильно встревожило ее это безпокойство. До-сихъ-поръ Ольга думала, что ничего не могло сравниться съ ея привязанностью къ покойной матери, но теперь она чувствовала, что грусть матери не дѣйствовала на нее такъ глубоко какъ простое, едва уловимое и то не глазами, а сердцемъ — неудовольствіе этого человѣка. Сознаніе это опечалило Ольгу. Но еще болѣе уязвляло неизбежное заключеніе, что это шитье, подарокъ женской руки — дружбы — быть можетъ любви — не могло бы озабочивать его столько, если бъ сердце не было полно чувствомъ, состоящимъ въ связи съ шитьемъ. О!... это жестоко!... На взаимность его нечего надѣяться. Что же дѣлать ей съ своей любовью?... Бороться! преодолѣвать! говорилъ разсудокъ. Сердце не утверждало этого приговору. Ольга была слишкомъ молода, очарованіе было слишкомъ сильно.

Не имѣя уже никакихъ опредѣленныхъ видовъ, она безотчетно предавалась наслажденію видѣть Долоновскаго, слышать его голосъ; а онъ — холодный, спокойный, равнодушный — вовсе не замѣчалъ бѣдной дѣвушки, не видалъ, съ какимъ восторгомъ ея глаза останавливались на его бла-

городныхъ чертахъ, не чувствовалъ, какъ трепетно слѣдовало сердце за малѣйшимъ его движеніемъ. Ольгѣ хотѣлось проникнуть до дна души его, прочесть въ лицѣ, какія мысли наполняли эту волшебную голову, но наружность волшебника выражала обыкновенно совершенное безстрастіе. Глядя на его ясный взоръ, веселую улыбку, его можно было принять за самаго ледовитаго и счастливаго человѣка на землѣ.

Происшествіе съ бумажникомъ осталось для Ольги неразрѣшимою загадкою. Какъ ни думала, какъ ни объясняла она это, все разрѣшалось мракомъ и холодомъ. Какъ ни безнадежна была ея привязанность, ей оставалось однако жъ большое утѣшеніе: Долоновскій не предпочиталъ ей никого. Одинаково вѣжливый со всѣми, онъ такъ же былъ любезенъ со старухами, какъ съ молодыми; красота для него не существовала, даже красота Грулевой. Ему, казалось, очень понравился нашъ городъ и наше общество — всѣ мы безъ изъятія — но не уклоняясь ни отъ одного приглашенія, онъ не искалъ и не отвергалъ знакомствъ, а только избѣгалъ сближеній, и тѣ, которые рассчитывали на его обѣды и партіи, обманулись. Онъ не игралъ въ карты и къ себѣ покамѣстъ не приглашалъ никого. Полагая, что ему должны быть чужды коренные законы губернской жизни, Сергѣй Павловичъ говаривалъ ему съ самымъ основательнымъ убѣжденіемъ:

— Осмѣлюсь вамъ доложить, Николай Петровичъ, не предполагаете ли вы сдѣлать обѣдецъ или вечеровъ?

— Нѣтъ, Сергѣй Павловичъ, не нужно. Почему вы это говорите?

— Да потому, что не худо бы.... даже, я вамъ скажу.... оно такъ слѣдовало бы непремѣнно....

— Развѣ это обязанность — давать обѣды?

— Нѣтъ, не то! Обязанности непремѣнной нѣтъ. Да неловко же вамъ не отблагодарить....

— За чтó?...

— Да за всѣ обѣды и вечера...

— Такъ это, выходитъ, круговая порука желудковъ.... каждый накормленный повиненъ накормить въ свою очередь?...

— Ахъ, Николай Петровичъ, вы опять философствуете!... Я уже вамъ говорилъ, что въ философіи я ничего не смыслю: а по-моему, такъ человѣкъ, такой какъ вы.... отобѣдавъ у другихъ... и принимая въ должное соображеніе, что тотъ,

для кого дають обѣды... не есть «каждый», а напротивъ — что онъ есть, такъ сказать, лицо особенное....

— Вы очень милы! отвѣчалъ Долоновскій, смѣясь. Вы хотите меня увѣрить, будто эти балы, обѣды, справлены были для меня?

— А для кого же?

— Просто для своего удовольствія по случаю новаго пріѣзжаго. Здѣсь въ обыкновеніи давать ихъ для каждаго пріѣзжаго?..

— Кто же вамъ говоритъ, что для каждаго? Не для каждаго, а для васъ..

— Для меня?.. Что же я за такое диво?.. Вы шутите Чѣмъ я заслуживаю вниманіе болѣе другихъ?

— Вотъ опять пошла *хилософія*! А такъ по-просто говорю вамъ: для васъ! именно для васъ, сударь! Не хотите, не вѣрьте. Я не лгу.

— Боже мой! эти балы для меня? повторилъ Долоновскій съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Извѣстно что для васъ. Стали бы развѣ за какой-нибудь шишиморой такъ увиваться! Вѣдь про васъ цѣлый городъ трубитъ.

— Весь городъ трубитъ?.. Что вы это, Сергѣй Павловичъ! развѣ я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы попасть на языки..

— Да вѣдь васъ не злословятъ, а все хорошее говорятъ... восхищаются на повалъ вами.

— Богъ съ ними со всѣми! не хочу я ихъ восхищеній!... Скажите какъ бы сдѣлать, чтобы меня оставили безъ вниманія?

— И! Николай Петровичъ! безъ вниманія! какъ можно?... съ вашимъ именемъ, съ вашимъ богатствомъ!...

— Да почему они успѣли узнать?

— А я-то на что?

— Такъ это вы разгласили?.. Ахъ, Сергѣй Павловичъ, кто васъ просилъ!..

— Господи, Боже мой, какое тутъ преступленіе! Стали спрашивать: не лгать же мнѣ! Еще задолго до вашего пріѣзду, восторгу, радости, удивленію конца не было..

— Нашли чему удивляться! сказалъ Долоновскій, пожавъ плечами.

— Помилуйте! да я самъ до сихъ поръ не могу понять...

— Чего?..

— Да того, зачѣмъ вы сюда переселились....

— Послушайте, Сергѣй Павловичъ, примолвилъ Долоновскій съ нетерпѣніемъ: сколько уже разъ говорилъ я вамъ, что желалъ дѣйствовать, что всему я предпочитаю удовольствіе, быть практически полезнымъ моимъ согражданамъ, исполнять хорошо то, что другіе хорошо пишутъ, что мнѣ надо было жить въ Петербургѣ...

Сергѣй Павловичъ съ недовѣрчивостью покачалъ головою и примолвилъ только: — Хейлосозвѣя!

— Нельзя же службу бросить, Сергѣй Павловичъ!

— И! Николай Петровичъ! что вамъ за необходимость служить? Пенсія что-ли нужна вамъ? Конечно у васъ на все свои особенныя мысли, новыя, петербургскія... я знаю это .. вы не любите даромъ время проводить! ..

— Такъ и слѣдовало вамъ говорить всякому, а то, я думаю, предположеній-то, предположеній на мой счетъ...

— Ужъ не безъ того!

Долоновскій долго былъ задумчивъ послѣ разговору съ Мирвуловымъ. «Этого надо было ожидать, наконецъ сказалъ онъ про-себя: какъ избѣгнуть?... О! надо удвоить осторожность»....

Время проходило. Все шло своимъ порядкомъ. Долоновскимъ занимались, на Долоновскаго любовались, Долоновскій продолжалъ прилежно заниматься дѣлами, участвовать въ веселостяхъ, жить какъ всѣ. Ольга продолжала упрекать себя въ безумствѣ, и любить безнадежно Долоновскаго. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

IV.

Утро было прекрасно, солнце всходило яркое и блестящее, роса сіяла на деревьяхъ и травѣ. Закутавшись въ теплую мантилью, потому что воздухъ былъ еще свѣжъ, Ольга ходила взадъ и впередъ по единственной аллеѣ своего садика. Было не болѣе шести часовъ, но не желаніе насладиться весеннимъ утромъ вызвало ее на эту раннюю прогулку: молодая дѣвушка погружалась въ размышленія и, по скорымъ неровнымъ шагамъ, по озабоченному виду, можно было судить о важности ея мыслей. Эти мысли мѣшали ей спать ночью, разбудили съ зарей, волновали до

такой степени, что въ комнатахъ ей стало тѣсно и она вышла въ садъ мечтать на просторѣ. Въ эту долгую, бессонную ночь она приняла намѣреніе, необходимое, по ея мнѣнію, и въ ея положеніи, но исполненіе котораго представляло огромныя затрудненія: до-сихъ-поръ всѣ усилія побѣдить безнадежную привязанность оставались безъ успѣху; напрасно пробовала она выѣзжать менѣе, слѣдовательно встрѣчаться рѣже съ Долоновскимъ: если она не видала его, то слышала объ немъ безпрестанно; да и могло ли продолжаться это добровольное отшельничество? подъ какими предлогами постоянно уклоняться отъ приглашеній? . а безпрестанныя встрѣчи съ Долоновскимъ, гдѣ всегда онъ являлся Ольгѣ съ своими неотъемлемыми чарами, производили въ ней слишкомъ сильное впечатлѣніе; ей нравилось въ немъ все, его приемы, его способъ выражаться, его взглядъ, его улыбка; она не имѣла силы противиться этой бѣлой магіи, этой магіи естественной; но когда холодное размышленіе смѣняло эти часы наслажденій, отчаяніе овладѣвало Ольгой, а безпрестанные переходы не отъ надежды, — Ольга не надѣялась, — но отъ счастья, доставляемаго присутствіемъ милаго, къ совершенной безнадежности, дѣйствовали губительно на здоровье; иногда находили минуты такой глубокой грусти, такой невыносимой тоски, что она рѣшилась наконецъ на послѣднее средство.... уѣхать изъ города. Перемѣна мѣста, развлеченіе, новые люди и новые предметы, а главное, отсутствіе Долоновскаго заставляли Ольгу ожидать спасительнаго перевороту въ душѣ, въ мысляхъ, въ чувствахъ. Но какъ ѣхать, куда ѣхать? По ограниченному состоянію Менкова, трудно было объ этомъ и заговорить. За Константиномъ Петровичемъ не значилось ничего, кромѣ скромнаго домика съ садомъ, полученнымъ отъ отца. О поѣздкѣ для удовольствія, какъ на примѣръ, за границу, на Кавказъ, въ Петербургъ, нечего было и думать. Ольгѣ оставалось одно, просить отца о присканіи себѣ другаго мѣста. Но зная, что Константинъ Петровичъ родился, выросъ, поступилъ на службу въ нашемъ городѣ, зная какъ онъ привязанъ къ здѣшнимъ жителямъ, Ольга дрожала, что отецъ не согласится; и тогда, какъ уговорить его? Этотъ самый садъ, гдѣ она приготавливалась къ роковой бесѣдѣ съ отцомъ, напоминалъ ей на каждомъ шагѣ о невозможности переселиться въ другой городъ. Каждый кустъ, каждая

рядка посажены были тутъ покойнымъ отцомъ Константина Петровича, или имъ самимъ; и оставить все это могла принудить Менкова только одна крайняя необходимость. Конечно, онъ очень любилъ дочь; расстройство здоровья Ольги могло бы побудить его къ этому отчаянному средству; но Ольга знала также, что отецъ, какъ всѣ здоровые люди, не вѣрилъ дѣйствию климатовъ. «Пустое! говаривалъ онъ: вездѣ люди мрутъ; будто въ этихъ хваленыхъ мѣстахъ не сходятъ въ могилу, когда судьба прикажетъ лечь въ сырую землю.» Ольга не страдала ни какой изъ тѣхъ опредѣленныхъ болѣзней, отъ которыхъ доктора отдѣлываются климатами, чтобы спасти честь медицины: она только худѣла и блѣднѣла; какъ же убѣдить отца, что тутъ или тамъ ей будетъ лучше! На воды ѣхать нельзя а въ благодѣтельномъ вліяніи другаго города Константинъ Петровичъ усомнится.

Все это вертѣлось въ головѣ Ольги, когда, послѣ долгой ходьбы и мучительныхъ колебаній, она рѣшилась наконецъ идти къ отцу, чтобы поговорить съ нимъ прежде, чѣмъ онъ отправится въ палату. Истерзанная долгой борьбой съ чувствомъ, которое сама съ своимъ яснымъ, здравымъ смысломъ справедливо называла она безумнымъ, и чувствуя между тѣмъ, что ей не осталось другаго средства, кромѣ совершеннаго отчужденія отъ всего что бы могло напоминать о Долоновскомъ, Ольга, въ нерѣшимости и боязни, останавливалась на каждомъ шагу, неровно подвигалась впередъ. Ей такъ нужно было согласіе отца! А какъ уговорить его не объявляя настоящей причины? Медленно поднялась Ольга по лѣстницѣ, прошла переднюю, залу и собиралась уже взяться за ручку двери, какъ вдругъ эта дверь отворилась и изъ кабинета вышелъ Долоновскій. Совсе не ожидая его появленія, Ольга вочти съ испугомъ отшатнулась къ стѣнѣ. Долоновскій былъ такъ озабоченъ и до-того погруженъ въ размышленіе, что, пройдя мимо Ольги, онъ не замѣтилъ ея. Она еще не успѣла опомниться отъ удивленія, какъ отецъ раскрывъ дверь, закричалъ:

— Позовите ко мнѣ Ольгу Константиновну!

— Я здѣсь, папенька! отвѣчала она входя и опускаясь на стулъ, потому что ноги ея дрожали, и отъ предстоящаго разговору, и отъ встрѣчи съ Долоновскимъ.

— А! вы были здѣсь, сударыня! сказалъ Константинъ

Петровичъ съ улыбкою, нѣжно обнявъ Ольгу. Видишь, ка-кая плутовка! давно значить затѣяно!... а мнѣ ни слова!

Ольга не понимала.

— Да! продолжалъ отецъ: очень я удивился! Не по нашему съ тобой состоянію!... и во снѣ не грезилъ! Ну, на все милость Божія!

И онъ радостно потиралъ руки, а лицо его сіяло отъ удовольствія.

— Что это вы говорите, папенька? спросила Ольга съ изумленіемъ.

— Притворяйся, притворяйся! какъ-будто не понимаешь!..

— Право, папенька, не понимаю!

Лицо Ольги выражало такое искреннее удивленіе, что отецъ спросилъ, удивленный въ свою очередь:

— Будто бы!... Такъ ты точно не знаешь, зачѣмъ былъ здѣсь Долоновскій?

— Почему же я могу знать?...

— Да я думалъ.... Вы вѣдь, женщины, мастерицы заранѣе отгадывать эти вещи....

— Какія вещи?... Бога ради, папенька, что все это значить?... вскричала Ольга, не зная какъ объяснить себѣ безсвязныя слова отца.

— Николай Петровичъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе.... то есть.... какъ это сказать.... на-счетъ твоей рукѣ.... Ну, словомъ, по-русски, сватается за тебя....

Неожиданность была такъ велика, что вся кровь дѣвушки прилилась къ сердцу. Она поблѣднѣла и, закрывъ лицо руками, громко зарыдала.

Отецъ вовсе этого не ожидавшій, былъ совершенно разстроенъ слезами Ольги. Встревоженный, испуганный, онъ долго стоялъ передъ дочерью, не говоря ни слова.

— Какъ, Ольга!... ты не хочешь?... спросилъ онъ наконецъ. Ну, другъ милый, позволь же мнѣ сказать, что это просто—глупость! Какого жениха еще тебѣ надо?... Нѣтъ, ужъ какъ тебѣ угодно, а я не позволю!... не посмотрю!... руки свяжу, сударыня, да насильно отдамъ!

— Папенька! милый папенька! вскричала Ольга, улыбаясь сквозь слезы: что это вы говорите!... Какъ вы можете думать, чтобы я.... Перестаньте!... не сердитесь.... я согласна; я рада, очень рада; я счастлива, папенька!

— Ну, дѣло!... а ужъ напугала ты меня, красавица! Вотъ

поди разбери васъ женщинъ!... и отъ горя плачутъ.... и отъ радости плачутъ!... все плачутъ!... Ужъ подлинно, живутъ и кормятся слезами!

— Я только удивилась.... я не ожидала.... точно ли это, папенька?... такъ ли вы поняли?... не ошиблись ли вы?... спрашивала Ольга.

Отецъ, улыбаясь, отвѣчалъ, что ошибиться тутъ нельзя.... не такія запутанныя дѣла разбираетъ онъ и рѣшаетъ въ палатѣ.... а это дѣло ясно, справки всѣ на лицо, да притомъ же Долоновскій признался самъ въ преступленіи....

— Въ какихъ выраженіяхъ? спросила Ольга.

Ну, такъ, просто; «Я, говорить.... пришелъ просить руки вашей дочери.... если вы согласны, Константинъ Петровичъ, поговорите, говорить, съ ней, и дайте мнѣ отвѣтъ.... нынче же.... прошу васъ....» Кажется ясно!

— И больше ничего не сказалъ?

— Ничего. Ахъ, да! забылъ!.. сказалъ еще: «Извините, говорить, я къ должности спѣшу.» Будь же готова, милый другъ, принарядись, мы пошлемъ за нимъ.... не такъ скоро, конечно.... чтобы онъ не подумалъ будто мы ужъ такъ обрадовались, что сію же минуту и кидаемся на шею!... Но къ вечеру надо дать отвѣтъ.

Менковъ поцѣловалъ дочь и отправился въ палату.

Ольга не могла прійти въ себя. Изумленіе преобладало въ ней надъ всѣми другими ощущеніями: предшествовавшее обращеніе Долоновскаго дотога было несогласно съ его настоящимъ поступкомъ, что она спрашивала себя, по какому чуду становится невѣстой человѣка совершенно равнодушнаго къ ней до-тѣхъ-поръ! Нѣтъ! привязанность вѣрно существовала. Но какъ же Ольгѣ не отгадать ея? Онъ очень искусно умѣлъ скрывать. Но зачѣмъ? Ольга не понимала.

Какъ бы то ни было, дѣло рѣшено. Онъ предложилъ ей свою руку. Онъ любитъ ее. Другихъ побужденій тутъ искать не надо и быть ихъ не можетъ. Ольга счастлива. Ольга въ восторгѣ. Между тѣмъ часы бѣгутъ. Вотъ уже вечеръ; и ей пришли сказать, что отецъ съ Долоновскимъ ждутъ ея въ гостиной.

Ольга явилась.

Долоновскій поспѣшно подошелъ къ ней, поцѣловалъ руку, которую она дрожа и краснѣя протянула ему, и произнесъ вполголоса, что хочетъ и надѣется составить ей то сча-

стиѣ, котораго она такъ достойна, съ присовокупленіемъ всего, что женихи говорятъ въ подобномъ случаѣ, и что давно уже опубликовано во всенародное свѣдѣніе. Если бы сущеніе Ольги не было такъ велико, она замѣтила бы, конечно, что Долоновскій находился въ большомъ замѣшательствѣ, что голосъ его дрожалъ, что лицо было блѣдно. Радость Менкова между-тѣмъ излилась шумными поговорками и пословицами. Онъ говорилъ безъ умолку, и о счастіи имѣть такого зятя, и о неожиданности такого счастія.

Помолвленные молчали.

Сидя рядомъ, другъ возлѣ друга, какъ усадилъ ихъ Константинъ Петровичъ, они безмолвно слушали его восклицанія, — Ольга робкая и смущенная, съ надеждою въ сердцахъ, что скоро въ свою очередь заговоритъ Долоновскій, Долоновскій слишкомъ взволнованный, чтобы говорить.

— Николаи Петровичъ, сказала наконецъ Ольга, сдѣлавъ усиліе надъ собою: обдумали ли вы шагъ, на который рѣшились?... Я не могу доставить вамъ ничего кромѣ.... глубокой.... привязанности (эти два послѣднія слова она только подумала, не смѣя произнести ихъ). Не станете ли вы раскаяваться со-временемъ?...

— Раскаяться!... о! не говорите этого?... почему вы дѣлаете мнѣ такой вопросъ? возразилъ онъ, пристально посмотрѣвъ на Ольгу.

— Потому что.... потому что.... вы рѣшились такъ скоро.... отвѣчала она запинаясь.

— Я ничего скоро не дѣлаю и, сдѣлавъ, никогда не раскаиваюсь, перебилъ онъ все съ тѣмъ же испытующимъ взглядомъ.

Ольга покраснѣла отъ удовольствія. «Неужели онъ любилъ меня давно?...» подумала она.

— Ну, такъ когда же свадьба? спросилъ вдругъ Менковъ. Дѣла такого роду, знаете, не терпятъ отлагательства....

— Это совершенно зависитъ отъ Ольги Константиновны, отвѣчалъ Долоновскій.

— Это зависитъ отъ васъ, сказала она.

— Въ такомъ случаѣ, какъ-только все будетъ готово.... и Долоновскій заговорилъ о свадебныхъ приготовленіяхъ, просилъ не покупать ничего на-мѣстѣ, обѣщалъ все выписать изъ Москвы и Петербурга, спрашивалъ невѣсту, какой домъ она желаетъ нанять, какія дать празднества, обѣды, вечера,

кого принимать, какіе дни назначить для приему.... Ольга едва вѣрила, что все это происходит на яву, что она невѣстѣ этого человѣка, что скоро будетъ его женою. Радость не давала ей даже времени сознаться передъ собою, что можетъ существовать еще другое, высшее счастье.... о которомъ Долоновскій какъ-будто избѣгалъ упоминать. Онъ говорилъ съ ней обо всемъ кромѣ любви. Успокоенная той мыслью, что рѣшимость его жениться на бѣдной и незнатной дѣвушкѣ, не можетъ имѣть другихъ побужденій, кромѣ чистой привязанности, она разсталась съ женихомъ, вполне довольной, счастливой, съ отраднымъ біеніемъ сердца, когда онъ сказалъ на-прощаніе: «До-завтра!»

V.

У прокурора нашего на слѣдующій день былъ вечеръ, и Сергѣй Павловичъ явился туда съ великою вѣстью: Долоновскій помолвленъ!

Всѣ сказали: «Ахъ!» Не сказали только двѣ особы, Бигулина, потому что остолбенѣла, и Грулева, потому что — ей все равно—все, что происходило въ нашемъ городѣ, было неинтересно для этой московской красавицы. Она осталась непоколебима. Начались распросы что, какъ, почему; удивленію и возгласамъ долго не было конца; наши дамы напали на Мирвулова:

— Какъ это вы?... да не грѣхъ ли вамъ?... пріятель Долоновскому, и не извѣщаете насъ объ его тайнахъ?... давно знаете, и ничего не сказали?... хоть бы намѣкнули какъ-нибудь.... это ужъ ни на что не похоже!...

Какъ ни клялся, ни божился нашъ Сергѣй Павловичъ, что онъ знать не знаетъ, вѣдать не вѣдалъ, ему не вѣрили, на него сердились.

— Да зачѣмъ вамъ непременно знать заранѣе?... вскричалъ онъ наконецъ съ досадою.

— Да какъ же, помиуйте! надо все знать!... для порядку! отвѣчали тѣ, которымъ жаль было такой бездны нѣжныхъ взглядовъ, любезныхъ улыбокъ, сладкихъ отвѣтовъ, пропавшихъ даромъ, и тѣ, которымъ было досадно, что не успѣли во-время подружиться съ Ольгой, чтобы разстроить все это неслыханное дѣло.

— Какъ это, Сергѣй Павловичъ, вы не знали? сказала Бигулина, оправившись отъ изумленія, и принимая на себя видъ торжествующаго превосходства: мнѣ Николай Петровичъ очень ясно намекалъ объ этомъ.... Даже, если на то пошло, я скажу вамъ, что я знала давнымъ-давно....

При этихъ словахъ такая насмѣшливая улыбка пробѣжала по коралловымъ губкамъ Грулевой, что Бигулина остановилась.

— Позвольте спросить, вы кажется.... какъ-будто сомнѣваетесь? сказала она, бросая гнѣвный взоръ на дерзновенную.

— Я не сказала ничего, отвѣчала Грулева сухо.

— Однако вы подумали!

— Я не умѣю обнаруживать думъ моихъ неумѣстно, продолжала Грулева еще съ бѣльшей сухостью.

— Позвольте однако.... вѣроятно.... вамъ показалось это невѣроятнымъ?...

— Невѣроятнымъ мнѣ кажется только вашъ вопросъ. Я.... напротивъ.... совершенно убѣждена, что вы были повѣренной Долоновскаго въ этой тайнѣ, и я бы даже удивлялась, если бы онъ скрылъ ее отъ васъ....

— Конечно, это было бы удивительно! Кто же ему ближе непосредственной начальницы?... Я и мой мужъ, первые, должны здѣсь знать объ его женидбѣ. Весьма натурально, что онъ открылся мнѣ въ своей страсти.... Но прежде надо знать, есть ли тутъ страсть.... Объ этомъ много говорить....

— На этотъ разъ я позволяю себѣ, сказала красавица съ веселостью не совсѣмъ неподдѣльною, я позволю себѣ быть несогласною съ вашимъ мнѣніемъ. Страсть должна быть.... я въ томъ увѣрена.... Николай Петровичъ не можетъ имѣть въ виду никакихъ расчетовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣтила одна дама: что кромѣ влеченія сердца можетъ тутъ побуждать Долоновскаго?... Ольга Менкова не милліонерка, не дочь вельможи....

— И не красавица, перебила ее сосѣдка.

— Какъ, не красавица? съ живостью сказала Грулева, въ первый разъ обнаружившая одушевленіе, котораго до-тѣхъ-поръ за ней не значилось: вы обижаете Ольгу!... она прелестна!... мнѣ чрезвычайно нравится ея лицо!... я нахожу ее удивительно красивой!

— Совершенно такъ!... именно-съ!... очень недурна! при-

молвилъ Сергѣй Павловичъ, скрѣпяя отъ всего сердца эту резолюцію.

— Красавицы рѣдки вездѣ, а здѣсь я не знаю.... ни одной.... сухо сказала Бигулина, чтобы отмстить Грулевой, для вѣрнѣйшаго между ними разсчета, который, казалось, былъ уже конченъ.

Грулева невольнo покраснѣла.

— Такъ вы думаете, продолжала прежняя дама, что онъ женится по любви?...

— Боже мой! я не думаю ничего, я говорила вообще.... отвѣчала Грулева, стараясь скрыть досаду и смущеніе: вѣрно влюбленъ, когда женится!... но я ему не повѣренная.... ничего не знаю.... и въ чужія дѣла не люблю вмѣшиваться.... Непосредственное начальство его должно знать лучше.... хотя правду сказать.... непосредственныхъ начальницъ Долоновскаго я здѣсь не знаю.... есть особы важнѣе его... но онъ, сколько мнѣ извѣстно — лицо самостоятельное и, законнымъ образомъ, непосредственно ни отъ котораго чепчика въ этомъ городѣ не зависить....

Грулева вдругъ остановилась, съ досадою на себя, что зашла такъ далеко; встала, и ушла въ другую комнату, не дожидаясь возраженій.

Марья Алексѣевна, пораженная въ самое сердце собственною своею стрѣлою, которою подобрали и ловко пустили обратно, едва усидѣла на-мѣстѣ отъ этого неожиданнаго нападенія. Она очень дорожила своимъ *начальничествомъ* надъ Долоновскимъ. На-дѣлѣ, начальничество не совсѣмъ ей удавалось. Николай Петровичъ не показывалъ въ обращеніи ни какой особенной разницы между ею и другими дамами, но, по словамъ Марьи Алексѣевны, она рѣшительно правила этимъ интереснымъ департаментомъ; она любила вернуть, при всякомъ удобномъ случаѣ, отзывъ въ родѣ слѣдующихъ: «Я поручила Николаю Петровичу.... Николай Петровичъ до-«велъ меня до кареты.... Намъ съ мужемъ еще никто такъ «не угождалъ какъ Николай Петровичъ....» Такъ каково же ей было, вдругъ, при всѣхъ, услышать такую обидную истину!

— «Вишь какая законница проявилась!... завидно, что не тебѣ признался.... проворчала она вслѣдъ Грулевой и, вѣроятно, наговорила бы многое вслухъ, если бы другія наши дамы, не любившія красавицы, не поспѣшили успокоить ея.

— И! Марья Алексѣвна! охота же вамъ обращать вниманіе!...

— Ужъ конечно, она это изъ зависти....

— Вотъ что выдумала! Да стоить только взглянуть на васъ и на Николая Петровича, такъ сейчасъ видно....

— Онъ вамъ такъ и глядитъ въ глаза....

— Съ такой аттенціей къ вамъ всегда, что пріятно видеть!... твердили всѣ на перерывъ.

Марья Алексѣвна слушала, таяла и улыбалась, тѣмъ болѣе, что свирѣпой Грулевой уже тутъ не было.

Свѣтлая мысль вдругъ озарила высоконачальнической разумъ Марьи Алексѣвны.

— Знаете ли что? сказала она: ей очень досадно, что Долоновскій женится, и она язвить меня за это!

— Какъ такъ?

— Да ужъ такъ!... Она сама влюблена въ него!...

— О!... такъ зачѣмъ же ничего не говорятъ объ этомъ?... У насъ, по губерніи — большой беспорядокъ!... Вообразите, влюблена!... и всѣ молчать!

— По уши!... до безпамятства!... увѣрю васъ. Я это знаю давнымъ-давно!... и она не проститъ мнѣ никогда этого замужства... потому что я тутъ... да что тутъ и говорить объ этомъ!

— Влюблена въ Долоновскаго!... скажите, пожалуйста! повторяли пріятельницы Бигулиной.— Между-тѣмъ, зловредная красавица, такъ гениально оклеветанная, была уже далеко, въ третьей комнатѣ, искала мужа, и собиралась домой. Грулевъ, лишь-только подошла жена, оставилъ карты, всталъ съ своего мѣста и нѣжно нѣсколько разъ поцѣловалъ ее руку.

— Какъ они влюблены другъ въ друга! перешепнулись партнеры.

— Да!!

— Да!!!..

— Онъ безъ ума, и она тоже!!!!

— А кажется, вѣнчались-то не теперя!

— Говорятъ, въ Петербургѣ это — нынче въ модѣ.

— Развѣ ужъ—что мода заставляетъ!... а то, знаете, невѣроятно... даже неприлично!... слыханное ли дѣло — влюбленные супруги!

— Просто, соблазнить!

Грулева, любезничая съ мужемъ, превратилась вся къ слухъ: она не проронила ни одного слова изъ этой любовной бесѣды заслуженныхъ мужей. Въ нѣсколькихъ шагахъ, у вустаго карточнаго столика, сидѣлъ съ газетою въ рукахъ, нашъ губернской докторъ, знаменитый врачъ, Карлъ Адамовичъ. Надѣвая перчатки, она подошла къ нему съ веселымъ лицомъ и прелестною улыбкою, передъ которыми Карлъ Адамовичъ снялъ очки, всталъ и низко поклонился съ благоговѣнiемъ.

— Вы такъ заняты политикой, сказала она, что ничего не слышите: а тамъ, у того столика, происходятъ неподражаемыя разсужденiя. Эти господа удивляются... понять не могутъ... ума не приложить, что я донинѣ влюблена въ моего мужа.

— Ah! madame!... вскричалъ знаменитый врачъ, наклоняя голову, сгибаясь самъ по-поламъ и распростирая руки по направленiямъ къ сѣверу и къ югу: ah! madame!!...

— Вы тоже удивлены?

— Позвольте, примолвилъ Карлъ Адамовичъ, выпрямившись и отыскивая табакерку по всемъ карманамъ: влюблена въ мужа!... то есть.... вы чувствуете къ нему дружбу?... уваженiе?... совершенную преданность?...

— Нѣтъ, нѣтъ, я влюблена!... рѣшительно влюблена!...

— Позвольте!... продолжалъ великiй врачъ, развѣшивая передъ собою въ обѣихъ рукахъ носовой платокъ: это такой каусъ.... могу васъ увѣрить, что во всей моей долголѣтней практикѣ.... подобный случай мнѣ не попадался....

— Вы, ни въ одной вашей больницѣ, ни въ одномъ госпиталѣ, не встрѣчали такой болѣзни?

— Ни въ одномъ, сударыня!... могу васъ увѣрить честнымъ словомъ.

— Но, знаете ли, докторъ?... когда я захочу вылечиться отъ этой болѣзни, я обращусь къ вамъ!... прямо къ вамъ!... сказала Грулева съ неподобнымъ кокетствомъ: и вы должны будете подняться на все ваше искусство, всю любовь, всю....

Карлъ Адамовичъ, ослѣпленный этимъ блестящимъ искушенiемъ, уронилъ очки, табакерку, платокъ, на полъ, соснулся въ три погибели, снова распростеръ руки и вскричалъ, ахляясь отъ этихъ прелестей, отъ этого остроумiя:

— Ah!... madame!!!

Грулева и оставила его въ этомъ живописномъ положеніи. Она отошла къ мужу, который снова взявъ съ нѣжностью ея крошечную ручку и поцѣловалъ выше перчатки, между-тѣмъ какъ она, шутя и смѣясь, пересказывала ему о своемъ вызовѣ, брошенномъ Карлу Адамовичу и его глубокой наукѣ. Но на этотъ разъ красавица, противъ обыкновенія, какъ-то не примѣтила нѣжности мужа. Рука ея не отвѣчала пожатіемъ; напротивъ, она тихо высвободила ее, между-тѣмъ какъ брови ея слегка сдвинулись. Несмотря на веселость, она явственно была запята другими мыслями. Мужъ услужливо провожалъ ее до кареты.

— Ты все-еще сердиться? спросилъ онъ тихо.

Она не отвѣчала, и бросилась въ уголь кареты, не удостоивъ нѣжнаго супруга своего взгляду.

— Она сердится!... но... она права! шепталъ Грулевъ, возвращаясь въ комнаты.

Въ гостиной между-тѣмъ происходили два важныя сужденія. Двѣ молодыя женщины, двѣ пріятельницы, стояли по близости великаго врача нашего, Карла Адамовича, во время кокетскаго набѣга, произведеннаго красавицей на его патологическіе лавры, слышали ихъ разговоръ, и отъ-души смѣялись надъ замѣшательствомъ и смущеніемъ почтеннаго эскулапа. Когда Грулева ушла съ мужемъ, одна изъ двухъ пріятельницъ сказала другой, вздыхая:

— Счастливица!... она влюблена въ своего мужа!... Возможно ли это?... какъ ты думаешь?...

— Я думаю... душа моя... я думаю, что это — неестественно!... Любить своего мужа... ну, это еще случается: но быть въ него влюбленною!... нѣтъ, воля твоя!...

— Я совершенно твоего мнѣнія. Я готова повѣрить, что она, дѣйствительно, любитъ этого мужа... хотя я... на ея мѣстѣ... нѣтъ, у меня, кажется, недостало бы духу на такую добродѣтель... Такой тиранъ!

— Да, это правда!... такой ревнивый!... хуже Татарины!

— Самъ-то любитъ поволочиться за всякимъ смазливимъ личикомъ, а женѣ не прощаетъ ни одного взгляду, ни одной улыбки. Какъ онъ ее мучитъ, говорятъ!... ужасъ!..

— Ахъ, другъ мой!... да они всѣ — такіе!... Ну, какъ ихъ, послѣ этого, любить!... не то что бы быть влюбленною. Впрочемъ, у всякаго—свой вкусъ. Я удивляюсь Грулевой!...

Но откуда взяла Марья Алексѣевна, что она влюблена въ Долоновскаго?...

— Разумѣется, выдумала!... на скорую руку.... изъ миде-
нїа. Она — такая злоязычница!...

— То-то и есть!... Я, по-крайней-мѣрѣ, никогда объ
этомъ не слыхала. А о такомъ происшествїи навѣрное гово-
рилъ бы уже весь городъ. Правда, недавно, вдругъ загово-
рили-было, будто Долоновскій влюбленъ въ Грулеву.... но
оказалось — вздоръ! неправда!... Онъ вездѣ такъ бываетъ;
пять, шесть разъ приѣдетъ сряду... подумаешь, что онъ по-
любилъ этотъ домъ или кѣмъ-нибудь заинтересовался.... и
вдругъ исчезаетъ оттуда, неизвѣстно, куда дѣвается.... гово-
рятъ — дома зарывается въ бумаги и книги, и ни о комъ
не думаетъ. Сама же Марья Алексѣевна, когда на него
стали нападать по случаю частыхъ поѣздокъ къ Грулевой,
привяла его сторону, защищала его и ее съ такимъ жа-
ромъ!... и онъ, казалось, былъ ей такъ благодаренъ за ея
правосудіе! А теперь, видишь, что говорить!... Такая злая
женщина!... Пойдемте, душечка, къ нашимъ мужьямъ,
которые, кажется, начинаютъ вполночь новую партїю... и
посмотримъ, можно ли въ нихъ быть влюбленной.

И онъ, смѣясь о своемъ горѣ, порхнули съ мѣста какъ
засточки.

Между-тѣмъ въ залѣ Марья Алексѣевна спрашивала у Сер-
гѣя Павловича:

— Николай Петровичъ, вѣрно, будетъ у насъ сегодня!

— Нѣтъ; я самъ ѣду къ нему сейчасъ, говорилъ Мирву-
ловъ. Сегодня день его рожденія и я признаться сказать, ду-
малъ провести у него весь вечеръ, да онъ прогналъ меня
сюда. «Ступайте, говорить, объявите всѣмъ о моей помолв-
кѣ....»

— Зачѣмъ же вамъ ѣхать къ нему вторично? Онъ теперь,
вѣрно, у невѣсты

— Нѣтъ, онъ будетъ дома.

— Да какъ же это?.. день рожденья, и не съ невѣстой
привести его!...

— Онъ только-что оттуда воротился; у него разболѣлась
голова «А въ самомъ дѣлѣ странно! подумалъ дорогой Сергѣй
Павловичъ: отчего онъ такъ рано уѣхалъ отъ невѣсты?» Го-
ловная боль была выдуманна Мирвуловымъ для оправданія
друга.

Онъ засталъ Николая Петровича задумчивымъ, озабоченнымъ, за письменнымъ столомъ.

— Вѣрно увѣдомляете о помолвкѣ? спросилъ, улыбаясь, Сергѣй Павловичъ.

— Да, пишу увѣдомленія, отвѣчалъ Долоновскій тоже улыбаясь, но безъ веселости. Ну, что? вы рассказывали тамъ о моей свадьбѣ?

— Разказалъ все какъ есть. Да что, Николай Петровичъ! шапали на меня со всѣхъ сторонъ: зачѣмъ, говорятъ, заранѣе не увѣдомилъ! Не вѣрять, что не зналъ, чудные какіе! Жъ Бигулиной однако жъ не пристають. Вотъ молчала же; а ей давно извѣстно было...

— Кому было извѣстно? спросилъ Долоновскій продолжая писать.

— Да Бигулиной-то.

— Это какимъ-образомъ?

— Вы, говорить ей, сказали.

— Я сказалъ?..

— Да, говорить, вы.

— И вы повѣрили?

— Почему же нѣтъ!

«Потому что я самъ не зналъ еще вчера», могъ бы отвѣчать Долоновскій, но онъ не хотѣлъ сказать этого Мирвулову.

— Она сочинила, отвѣчалъ онъ.

— Вишь, хвастунья, какую пустошь наврала!

Сергѣй Павловичъ хотѣлъ пуститься въ длинное разсужденіе о добродѣтеляхъ Бигулиной, но ему показалось, что Долоновскій былъ не въ духѣ. Другъ его точно не походилъ въ этотъ вечеръ на счастливаго жениха. Онъ писалъ съ досадою, или задумывался и сидѣлъ безмолвнымъ, неподвижнымъ. Мирвуловъ никогда еще не видалъ его въ такомъ мрачномъ расположеніи.

«Поторопился... и теперь вотъ раздумываетъ!» думалъ про себя Сергѣй Павловичъ.

— Николай Петровичъ, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія: а давно вы вознамѣрились жениться?

— Давно, отвѣчалъ угрюмый женихъ.

— Какъ же этого я не замѣтилъ!... По вашимъ отношеніямъ къ Ольгѣ Константиновнѣ нельзя было и подумать.... Что же это значило?...

— Больше ничего какъ то, что вы дурно замѣчаете, задумчиво произнесъ Долоновскій.

— Велико вѣдь дѣло бракъ, продолжалъ Мирвуловъ, которому хотѣлось допытаться до правды. Страшно, право, и рѣшиться! Возьмешь жену, да и возись съ нею цѣлый вѣкъ. Просто, расчёту нѣтъ ни какого!... Живешь себѣ одинъ, свободно, привольно, въ блаженной тишинѣ; знаешь надъ собой только губернатора, да вице-губернатора; не ладишь съ ними? — ну, промолчи, да потерпи! — пережьются! — другіе будутъ по-снисходительнѣе: и въ самомъ дѣлѣ, смотришь, тѣхъ уже не стало, и новые жмутъ вамъ руку, улыбаются, зовутъ обѣдать. Жизнь православная течетъ сладко и отраднo. Лучше быть не можетъ!... Но нѣтъ! другому этого недовольно: сверхъ губернатора и вице-губернатора беретъ еще на свою голову жену....

— Безсмѣнную начальницу, сказалъ Долоновскій.

— Именно начальницу, вскричалъ Мирвуловъ съ жаромъ: любишь, не любишь, а дѣлай все, какъ она хочетъ!... служи службу вѣрную!... и безъ выслуги лѣтъ!... Цѣпи! просто, цѣпи!

— Да кто жъ вамъ велитъ непременно дѣлать все, какъ она хочетъ? разсѣянно спросилъ женихъ.

— Да какъ же не дѣлать! Помилуйте, Николай Петровичъ, развѣ ужъ я такъ глухъ, что ничего вокругъ себя не вижу и не понимаю?... что не знаю порядку, учрежденнаго на Божіемъ свѣтѣ? Все дѣлается по волѣ и приказанію женъ.... Въ нашей губерніи, напимѣртъ, онѣ завладѣли рѣшительно всѣмъ.... сущее иго татарское! Какъ не дѣлать!.. покою не дастъ, уши пробуравить, слезами задушить.... « Я — несчастна!... ты тиранъ!... я умру!... ты меня не любишь!... ты—де извергъ, чудовище!... тетушкѣ, бабушкѣ все расскажу!... дѣлай, дескать, какъ я хочу!» И дѣлать надо! Я ставлю себя въ этомъ положеніи.... въ положеніи мужа.... и чувствую, что въ весьма скорое время сталъ бы рабомъ моей сожительницы. Я рожденъ повиноваться. Элементъ послушанія, какъ вы говорите, развитъ во мнѣ допревосходной степени. Однакожъ это совсѣмъ невесело.... исполнять всю жизнь чужую волю и своей не имѣть!

— Такъ исполняйте эту чужую волю съ веселостью, съ любезностью, съ удовольствіемъ, и она покажется вамъ собственною вашей волей, сказалъ Долоновскій: если въ томъ

состоить счастье вашей жены, постарайтесь доставить ей это счастье....

— Да мнѣ-то кто доставитъ счастье? возразилъ съ жаромъ Сергѣй Павловичъ: я тоже имѣю право быть счастливымъ!... А безъ воли, счастья нѣтъ!

— Да вамъ-то какое дѣло до счастья? сказалъ очень важно Долоновскій, поворачиваясь къ собесѣднику. Вы—мужчина. Вы объ этихъ пустякахъ и думать не должны. Счастье, любезный мой, есть состояніе восторженное: ваше ли дѣло—впадать въ такое состояніе?... Исполняйте свой долгъ, долгъ мужчины, и находите въ этомъ ваше наслажденіе: съ васъ довольно. Вы, положимъ, захотѣли жениться....

— Да кому же *хочется*-то жениться? перебилъ Сергѣй Павловичъ: хотѣть, никому не хочется....

— Такъ какъ же женятся?

— Да такъ!... дурь вдругъ находить на мужчину, и онъ женится.... хоть во всю жизнь кричалъ: не хочу жениться! У мужчины и тутъ воли нѣтъ. Просто, дурь, Николай Петровичъ! Вамъ тоже не хотѣлось жениться.... можетъ, и теперь не хочется!... а вѣдь вотъ женитесь!... Дурь нашла!... помраченіе соображенія!... словомъ сказать, *хватаемость*!

Долоновскій нахмурилъ лобъ, и повернулся назадъ къ столу.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ: дурь ли, воля, или фатальность, но дѣло въ томъ, что, какъ скоро вы взяли себѣ жену, вы не имѣете болѣе права думать о себѣ или своемъ счастьи. Вашъ долгъ—думать объ ней, и составлять счастье ея всѣмъ тѣмъ, въ чемъ она полагаетъ его. На то вы — существо сильное; она, какъ слабое существо, состоитъ подъ покровительствомъ вашей нѣжности, вашей чести и вашего труда; она имѣетъ право—всего отъ васъ ожидать и требовать; вы отъ нея -- ничего. Таково мое правило. Жизнь женщины — борьба съ самой собою, съ своимъ сердцемъ, чувствами, желаніями; борьба внутренняя; эту вы должны ей облегчать, превратить въ покой и наслажденіе; жизнь мужчины—борьба со свѣтомъ, съ судьбою, съ природою; борьба внѣшняя: женщина не можетъ помочь вамъ въ ней... умѣйте сами выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы; торжество ваше доставитъ вамъ достаточное количество самодовольствія, чтобы не сожалѣть о жизни и усугубить счастье вашей жены. Вы исполните долгъ свой, удовлетворите свое

назначеніе, и будете этимъ гордиться. Я называю дуракомъ того мужчину, который, женившись, жалуется, сожалеетъ, шумить дома или пицить о своемъ счастіи въ обществѣ....

Сергѣй Павловичъ былъ разбить врахъ *хвилосохвіеі* своего друга. Доводы эти, произнесенные съ достоинствомъ вышаго ума и съ непреодолимою силою бѣжденія, потрясли всѣ его вѣрованія. Онъ умѣрилъ свой анти-брачный фанатизмъ и примолвилъ, понизивъ голосъ:

— Конечно!... вы говорите дѣло, Николай Петровичъ!... хоть я *хвизикъ* и не учился, однако жъ понимаю что вы хотите сказать: оно выходитъ на то какъ бываетъ, примѣрно сказать, съ охотниками до картъ: играть—смерть имъ хочется, кланяются, упрашиваютъ — пожалуйста, поиграемъ! повеселимся! преферансъ такая благородная потѣха! такое интересное удовольствіе!... а сядутъ, станутъ играть, и тотчасъ сердятся, какъ-скоро начинаютъ проигрывать. Смѣшно!.. глупо!... Если карты считаешь удовольствіемъ, ну, такъ наслаждайся отъ чистаго сердца чѣмъ судьба посылаетъ.... облабетишься?... смѣйся да и пиши ремизъ!... шлемъ задали?... хохочи первый, и плати весело, безъ упрековъ! На то игра!.. А жизнь та-же игра! Супружество опять игра.... преферансикъ!... Надо умѣть благопристойно играть въ супружество.... и писать лабеты съ веселымъ лицомъ.... Впрочемъ игрокъ игроку рознь. Бываютъ игроки и по-неволю. Вотъ ужъ горе тому, кто играть въ карты не любитъ и не хочетъ, но кого насильно посадятъ въ партію; кто, зѣвая и скучая, лабетится и проигрываетъ изъ угожденія другимъ....

Долоновскій вздрогнулъ. Сергѣй Павловичъ, не примѣчая этого, продолжалъ:

— Вотъ ужъ это положеніе.... признаться, незавидно!... Ну, да оставимъ карты: что объ нихъ толковать! Миѣ все объ васъ забота, Николай Петровичъ! Отъ души вамъ скажу.... родному сыну не больше пожелалъ бы я счастья какъ вамъ, хоть вы счастья-то и не любите; но позвольте совѣтъ подать: иногда вѣдь точно паръ голову обдастъ; а послѣ совсѣмъ другое! Если васъ раздумье беретъ, повремените.

— Очень вамъ благодаренъ, Сергѣй Павловичъ, за добрый совѣтъ, но раздумье не беретъ меня ни сколько, увѣряю васъ; я рѣшился твердо, охотно и добровольно, сказалъ До-

лоновскій улыбнувшись, но такъ странно что Сергѣю Павловичу еще болѣе сгрустнулось отъ улыбки.

— Не торопитесь, ради Бога, не торопитесь, отложите свадьбу, началъ было опять Мирвуловъ.

Долоновскій нахмурилъ брови.

— Сергѣй Павловичъ! что это у васъ за странныя предположенія сегодня? Я женюсь въ скоромъ времени, потому что такъ должно.... то есть, я такъ хочу. Не возражайте, сдѣлайте одолженіе!

Онъ произнесъ это такимъ рѣзкимъ тономъ, что Сергѣй Павловичъ немножко испугался. Мирвуловъ не узнавалъ своего добраго Николая Петровича, и не понималъ, чѣмъ прогнѣвилъ онъ его такъ сильно. Онъ не смѣлъ продолжать, и, видя, что присутствіе его въ тягость, поспѣшилъ удалиться.

Какъ охотно простилъ бы Долоновскаго Сергѣй Павловичъ, если только онъ могъ сердиться на своего друга, когда бы онъ предчувствовалъ, какую печальность готовилъ тотъ ему на другой день. Но, ничего не подозревая, онъ еще размышлялъ у себя дома, чѣмъ могъ такъ сильно раздосадовать Николая Петровича, когда Долоновскій, неожиданно, вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Мой добрый Сергѣй Павловичъ, сказалъ Долоновскій, протянувъ ему руку: вы будете моимъ посаженнымъ отцомъ?... Я пришелъ просить васъ объ этомъ.

Сергѣй Павловичъ чуть не свалился со стула.

— Можетъ ли это быть, Николай Петровичъ?

— Отчего же нѣтъ?

— Такая честь!... Чѣмъ я заслужилъ?... Губернатору одному прилично....

— И! полноте!... Здѣсь вы одни привязаны искренно ко мнѣ, вы одни пожелаете мнѣ добра отъ искренняго сердца....

— Не только пожелаю, на колѣнахъ буду просить Господа Бога ниспослать вамъ всякое благо семейное, Николай Петровичъ, отвѣчалъ растроганный Мирвуловъ.

— Не блага, а силы, твердости, Сергѣй Павловичъ, сказалъ Долоновскій, но Сергѣй Павловичъ не разслыхалъ; голова его кружилась отъ великой чести, что онъ будетъ посаженнымъ отцомъ такого великаго человѣка.

Въ городѣ нашемъ не мало толковали о выборѣ Долонов-

скаго. Свадьба его занимала всѣхъ. Приготовленія дѣлались съ необыкновенной пышностью. Домъ отдѣлывался съ роскошью. Всѣ ожидали много удовольствія отъ открытой жизни Долоновскихъ. За невѣстой заранѣе ухаживали. Ольга была на небесахъ, хотя до свадьбы ей слишкомъ мало удавалось видѣть жениха. Какъ нарочно, встрѣтилось слѣдствіе въ уѣздѣ. Изъ особеннаго уваженія, Бигулинъ предлагалъ ему сказаться больнымъ, что не помѣшало бы ему посѣщать невѣсту, но Николай Петровичъ самъ не согласился.

— Долгъ службы прежде всего! отвѣчалъ онъ; съ женой мы будемъ видѣться весь вѣкъ, а это дѣло заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Возвратясь въ городъ только къ свадьбѣ, Долоновскій, въ торопяхъ и хлопотахъ едва успѣлъ перемолвить съ Ольгой нѣсколько словъ; но она, слишкомъ счастливая мыслью принадлежать милому, не очень огорчалась этой временной помѣхой: не оставалось ли впереди свѣтлое, широкое будущее со всѣми обольщеніями надежды на полное, безпримѣрное счастье!...

Свадьбу отпраздновали блистательно; пригласили цѣлый городъ, танцовали до разсвѣту. Ничего необыкновеннаго не случилось. Всѣ замѣтили, что женихъ и невѣста были очень растроганы, женихъ еще болѣе невѣсты, и какъ общее вниманіе было устремлено на двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, никто и не видалъ, что двѣ крупныя, длинныя слезы выкатились изъ чьихъ-то глазъ, двухъ самыхъ прелестныхъ глазъ въ этомъ обществѣ, въ то время какъ всѣ поздравляли новобрачныхъ.

VI.

На другой день, поутру, одѣвшись прелестно и входя въ кабинетъ мужа, Ольга увидала его облокотившимся рукой на столъ и задумчивымъ. Выраженіе лица его показалось ей такъ печальнымъ, что сердце ея замерло отъ испугу. Поспѣшно подошла она къ нему и положила руку на плечо. Долоновскій вскочилъ со стула, старался улыбнуться, обнявъ одною рукой жену, безъ особенной нѣжности; другою провелъ по лбу и сказалъ, что у него голова болитъ. Онъ повелъ ее въ чайную комнату, убранную съ необыкновеннымъ изяще-

ствомъ и вкусомъ, На столѣ уже стоялъ чудесный приборъ.

Все было готово къ завтраку.

Рука Ольги трепетала въ рукѣ мужа. Мысль, что она вступаетъ въ права хозяйки дому, что она будетъ угощать здѣсь своего мужа, обрадовала ее какъ ребенка. Улыбаясь, протянула она руку къ колокольчику, чтобы подавали самоваръ, но вдругъ вспомнила, что, проспавшись въ упоеніи, среди всѣхъ новостей новаго состоянія, она не прочла утренней молитвы. Ольга остановилась въ замѣшательствѣ.

— Позвольте прежде помолиться Богу, сказала она робко.

Долоновскій поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Доброе дитя! сказалъ онъ тихо: да, молись, молись, чтобы Богъ послалъ тебѣ.... счастье, Ольга!

Она сладостно задрожала: въ первый разъ Долоновскій сказалъ ей *ты!* Виѣ себя отъ восторгу, она опустилась на колѣна передъ образомъ, къ сердцемъ, полнымъ теплою признательности къ Творцу. Съ сложенными на груди руками, съ этимъ юнымъ лицомъ, сіяющимъ всей полнотою внутренняго блаженства, Ольга была женщина чудесной красоты въ эту минуту. Но Долоновскій — настоящій мужъ!... мужъ уже на второй день брака! — вмѣсто того чтобы любоваться ею, смотрѣлъ въ окно. Эти люди, вышедши изъ церкви, уже ничего не видятъ!... Принесли самоваръ. Поднебесный ароматъ лянсину распространился въ воздухѣ, полнымъ сіяній серебра и золота. Головная боль не помѣшала супругу завтракать съ аппетитомъ. Чай показался ему очень вкуснымъ: онъ поцѣловалъ руку, которая его приготовила, просилъ Ольгу всегда самой потчивать его чаемъ, потомъ перешелъ къ разговору о хозяйствѣ, и предоставилъ ей неограниченное распоряженіе домомъ.

— Все здѣсь принадлежитъ тебѣ, ты, милая Ольга — полная хозяйка; твоя воля законъ для всѣхъ, начиная съ меня. Объ одномъ только прошу: не отказывай себѣ ни въ чемъ. Мы довольно богаты, чтобы исполнять всѣ твои прихоти.

Онъ подвелъ ее къ шкатукѣ полной пучковъ ассигнацій.

— Это на твой туалетъ, а вотъ тутъ, прибавилъ онъ, подавая Ольгѣ бумажникъ, тутъ, деньги на хозяйство.... Каждое первое число ты станешь получать по столько-же.

— Господи! к чему мнѣ столько денегъ! вскричала Ольга.

— Мы должны жить хорошо, чтобы не прослыть скупцами.... чтобы не обижать тѣхъ, которые, будучи менѣ насъ богатыми, считаютъ себя въ правѣ пользоваться нашимъ избыткомъ для своихъ развлеченій или своихъ удовольствій... расходовъ будетъ много.... если этого не достанетъ, ты мнѣ скажешь, Ольга. Сдѣлай милость, исполняй все что ни придетъ тебѣ на умъ. Я готовъ отдать все, чтобы только... ты была счастлива!...

Тутъ онъ подалъ ей ящикъ съ драгоценностями.

— Бриллианты.... еще моей покойной матери.... хоть обдѣлка новая.

Глаза Ольги были ослѣплены цѣлою грудой серегъ, ожерельевъ, перстней.

Даже женѣ время налюбоваться на эти чудныя вещицы, природныя украшенія счастія. Долоновскій повелъ ее въ уборную, гдѣ шкафы были набиты платьями, выписанными изъ столицы, коммоды завалены вышитыми батистами, кружевами, лентами и множествомъ прелестныхъ бездѣлушекъ. Осмотръ продолжался цѣлое утро, потому что Долоновскій водилъ жену по всему дому, показывая внимательно каждую вещь, объясняя всякое обстоятельство. Неопытной новобрачной не пришло на мысль, что первое утро могло быть проведено иначе. Голова ея и сердце были такъ полны мужемъ и любовью, что она безпрестанно дѣлала усиліе надъ собою, чтобы выслушивать хозяйственныя толкованія его супружеской милости. Но наивная молодая жена воображала, что ужъ это всегда такъ бываетъ, и что иначе даже быть не можетъ: надо же вступить въ хозяйство!... Ктому-жъ, во всемъ что говорилъ Долоновскій, она видѣла его заботливостъ, его предупредительностъ, его таинственную ласку. Всѣ эти подарки, вся эта роскошь, которыми онъ окружалъ ее, развѣ не означали нѣжности? Ольга была совершенно довольна. Время, между-тѣмъ, долетѣло до обѣда. Молодые супруги, на основаніи особенныхъ провинціальныхъ узаконеній, были приглашены въ этотъ день къ губернатору, котораго жена благословляла Долоновскаго вмѣстѣ съ Мирвуловымъ къ вѣнцу. Вечеромъ былъ балъ у Менкова. На другой день обѣдъ у Сергѣя Павловича, вечеръ у посаженной матери Ольги. Потомъ пошли визиты, балы, обѣды, вечера, которые весь городъ наперерывъ давалъ новобрачнымъ. Всѣ знали, что Долоновскіе будутъ жить открыто и всѣмъ хотѣ-

лось записаться въ число ихъ короткихъ друзей. Эта разсѣянная жизнь едва позволяла Ольгѣ вздохнуть свободно. Ей нравилось бы лучше тихое существованіе вдвоемъ, жизнь уединенная, сладкая, спокойная: ей такъ мало времени оставляли наслаждаться бесѣдой мужа; каждый вечеръ возвращаясь изъ гостей, онъ или бывалъ такъ утомленъ, что надлежало искать покою, или принужденъ бодрствовать за дѣлами. Это — нестерпимо!... Но дѣлать нечего — когда нѣтъ возможности избѣгнуть приглашеній — мужу, какъ видно, по вкусу эти выѣзды — когда эта непрерывная суэта согласна съ его характеромъ! — Ольгѣ желанія мужа — законъ.

Время летитъ. Вотъ уже четыре мѣсяца со дня свадьбы Доловскихъ, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, Ольга сидитъ въ своемъ красивомъ кабинетѣ. Она полна глубокихъ думъ. Она перебираетъ въ умѣ подробности своей замужней жизни. Она думаетъ, соображаетъ, хочетъ что-то отыскать и не находитъ.... Чего-то къ ея счастью не доставало. Ольга почти въ отчаяніи отъ внутренняго сознанія, что она окружена полнымъ счастьемъ, и что это полное счастье не дѣлаетъ ея вполне счастливою. Но чего же тутъ не доставало? Мужъ есть; мужъ, со всѣми качествами необходимыми для-того чтобы внушить безпредѣльную привязанность; и Ольга точно любитъ его безпредѣльно. Богатство есть. Изначество, прелесть, роскошь, развлеченія, потѣхи, молодость, ласки, здоровье, пустыки, все есть — не придумаешь, чего нѣтъ и чего бы еще желать — и притомъ, заботливость мужа и его внимательность, не знаютъ границъ. Какъ же тутъ не прійти въ отчаяніе, когда все есть — до того рѣшительно все, что еще хочется — чего-то.... чего-то непонятнаго, и именно по этой причинѣ, существеннаго для счастья; словомъ того чего-то, безъ чего нѣтъ *чего-то такого*.... самой непонятной вещи въ мирѣ.... счастья! Не будь хоть одного изъ исчисленныхъ здѣсь основанийъ положительнаго, математическаго земнаго счастья, Ольга знала бы, чего именно не достаетъ: а то какъ понять, отчего въ сердцѣ пустота, отчего въ душѣ стремленіе къ чему-то невѣдомому и еще болѣе непонятному тѣмъ самое счастье? Ольга ужасно сердится на себя: мужъ, кажется, ангелъ — онъ такъ благородно добръ — а ей все-таки не достаетъ *чего-то*. Какъ подробно не анализировала она дѣло, а должна была сознаться, что самая незамысловатая супруга не можетъ болѣе требовать отъ мужа.

Зачѣмъ же обращеніе его, такое исполненное нѣжности, предупредительности, ласки, не удовлетворяетъ Ольги? Отчего?... Она не знала: а я не скажу!... При всей любезности мужа—мужъ и любезность, это почти невѣроятно! никогда эти двѣ вещи не ходили вмѣстѣ!—при всей невозможной любезности, Ольга въ его присутствіи какъ-будто не смѣла предаться свободному изліянію чувствъ. Природа надѣлила ее большимъ запасомъ весьма утонченной деликатности. Съ человѣкомъ, который умѣлъ бы отгадать это затаенное сокровище пылкой дѣвственной души, любовь могла бы перейти въ самую пламенную страсть: но нужно было вызвать этотъ огонь, сокрытый глубоко, на двѣ волкана. Ни силы, ни глубины этого внутренняго пожара сама Ольга не подозрѣвала. Ласковыя, но умныя, спокойныя, вовсе не страстныя рѣчи мужа, его отечески-нѣжные поцѣлуй не позволяли Ольгѣ увлекаться. Страсть дремала, и безотчетные ея порывы, которымъ отклику не находилось въ мужѣ, тревожили сердце молодой женщины безъ вѣдома ея самой. Вообще въ взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ были такіе мелочныя и неуловимыя отбѣнки, которые Ольгѣ, еще незнакомой съ жизнью, трудно было объяснить себѣ. Необычайная въ нашей губерніи внимательность мужа оставляла въ ея душѣ странное впечатлѣніе. Лучше бы онъ не такъ много занимался ею, а далъ бы побольше времени заняться имъ. Но молодой мужъ постоянно то въ дѣлахъ, то въ заботахъ объ удовольствіи или спокойствіи жены, все какъ-будто оставался на заднемъ планѣ. Къ чему же, скажите, мужу, въ такомъ случаѣ, быть молодымъ?... Столько и старій мужъ сѣмѣетъ!... Онъ всегда говорилъ съ Ольгой объ Ольгѣ, никогда о себѣ. Если Ольгѣ случалось въ разговорѣ коснуться его надеждъ или плановъ о будущемъ, онъ всегда отвѣчалъ, что желаетъ и надѣется сдѣлать счастливою ее, Ольгу. Счастье ей надоѣло. О! какъ она была бы счастливою, если бы стала несчастною!... Мужчины этого не поймутъ никогда. А между-тѣмъ это такъ просто!

«Что же это, если не любовь, думала Ольга вадыхая: все я, да я!» Но любовь—въ то же время и любопытство.... или любопытство—любовь. Ольгѣ такъ хотѣлось бы заглянуть поглубже въ душу мужу! А мужъ не пускаетъ.... Онъ забываетъ себя для нея; у него только Ольга — на языкѣ; свое я онъ выбросилъ за окно, и его нѣтъ въ домашней жизни До-

лоновскихъ. При всемъ желаніи дѣлать угодное мужу, Ольга рѣшительно не знаетъ какъ взяться за дѣло. Его наклонности, его завѣтныя думы, его настоящій образъ мыслей чужды ей до-сихъ-поръ. Напрасно силилась она догадаться въ тѣ рѣдкіе часы, когда судьба позволяла имъ остаться наединѣ, что можетъ доставить больше удовольствія мужу. Если она предлагала ему заняться музыкой, онъ игралъ охотно. Она радовалась. Но не надолго. Если обнаруживала желаніе читать или разговаривать, онъ бралъ тотчасъ книгу или начпналъ разсужденія, такія умныя, такія оригинальныя, одушевленные, что можно было заслушаться, прійти въ восторгъ и съ ума сойти. Скажи она, что хочетъ остаться: онъ оставался, хоть бы тутъ были дѣла и обязанности. Скажи—не лучше ли поѣхать?... онъ готовъ былъ ѣхать. Просто, выдержать нѣтъ возможности! Эта удивительная ровность характера.... это отсутствіе всѣхъ поводовъ къ неудовольствію, къ самому крошечному капризу, къ маленькой ссорѣ, въ которой бы выказались характеры, къ великимъ сладостямъ примиренія, въ которыхъ мужъ долженъ удвоить порывы нѣжности и взрывы любви.... всѣ эти совершенства были восхитительно невыносимы. За ними прятался весь мужъ. Его не было видно. Онъ не тяготилъ, не давилъ, не давалъ даже себя чувствовать. Невозможно было отгадать, чего онъ желаетъ самъ, что собственно онъ любить, чѣмъ его приятно удивить и осчастливить. Ольгѣ казалось, что мужъ замѣтно худѣетъ, что лицо его приняло выраженіе задумчивости, котораго не замѣчали въ немъ прежде. Она выразила свое безпокойство. Онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя какъ-нельзя лучше, что заботъ у него никакихъ нѣтъ. Она вѣрила; и не было ни какого повода не вѣрить: но все же сердце было недовольно, хотя разсудокъ, съ своей глупой пріятельницей, логикой, находили все обстоящимъ благополучно и совершенно удовлетворительнымъ.

Нѣсколько часовъ просидѣла Ольга въ раздумьѣ, на самомъ краю глубокаго умозаключенія, что самый лучшій мужъ, мужъ-совершенство—все-таки вещь несносная, и, сидя, досадовала на себя за мрачную эту настроенность своихъ мыслей. Не будучи въ состояніи отогнать ихъ, она стала ходить по комнатѣ, и взоръ ея упалъ невзначай на часовую стрѣлку: былъ осьмой часъ въ исходѣ. Неужели онъ все еще занимается?... Онъ никогда не работалъ такъ долго послѣ обѣда.... или можетъ-быть онъ уснулъ?...

Послѣ-обѣденные часы Долоновскій проводилъ всегда въ кабинетѣ. Спалъ ли онъ или занимался дѣлами, но любилъ всегда оставаться одинъ. Разъ какъ-то вскорѣ послѣ свадьбы, Ольга не примѣнившись еще къ обычаямъ, нечаянно вошла къ нему. Онъ что-то писалъ. Не показавъ ни малѣйшаго неудовольствія, онъ оставилъ перо, и занялся женою съ приторною любезностью, но когда Ольга, послѣ того, вышла, она слышала, что мужъ заперъ дверь на ключъ. Съ тѣхъ поръ Ольга, обрадовавшись, что узнала хоть эту черту его привычекъ, никогда уже не приходила въ такое время. Но теперь ей хотѣлось выйти изъ весьма тягостнаго состоянія, узнать чего ей хочется, и она рѣшилась отправиться въ кабинетъ. Она вознамѣрилась преодолѣть свою робкую стыдливость, высказать наконецъ мужу всю полноту своей любви, броситься на шею и закричать:

— Мой ангелъ! другъ мой! успокой меня!... я сумасшедшая... мнѣ чего-то хочется!... чего-то еще!... сама не знаю чего!... Ты угождаешь мнѣ во всемъ, ты смотришь мнѣ въ глаза такъ нѣжно... ты прижимаешь меня къ сердцу такъ сладко... а мнѣ все кажется, что это еще не любовь?

На цыпочкахъ, боясь потревожить сонъ или мысли мужа, она осторожно отворила дверь. Долоновскій не спалъ и не занимался дѣлами, онъ стоялъ съ шляпой въ рукахъ. Онъ, какъ видно, только-что пріѣхалъ.

— А! Ольга!... это ты!... а я обѣгалъ всѣ лавки, всѣ магазины... но ничего порядочнаго не нашелъ... Вотъ посмотри какъ нравится тебѣ это?...

И онъ подалъ ей нѣсколько модныхъ бездѣлушекъ. Рѣшимость Ольги осталась за дверьми: въ движеніяхъ, въ голосѣ мужа, что-то принужденное, не натуральное, что-то такое, чего прежде не бывало; онъ опять былъ какъ будто не совсѣмъ доволенъ ея приходомъ; усиліе скрыть это отъ Ольги не ускользнуло отъ ея проницательности, раздражаемой недовольною любовью. Она видѣла очень ясно, что, при скрипѣ растворившейся двери, мужъ опустилъ въ ящикъ стола небольшой свертокъ: очевидно, онъ не хотѣлъ, чтобы жена знала содержаніе этого свертка и оттого спряталъ такъ поспѣшно, оттого и былъ не очень доволенъ ея приходомъ. Женщина, когда захочетъ, проведетъ девяносто-девять мудрецовъ, потому что нѣтъ коварства выше женскаго. Это сказано въ «Похожденіяхъ Синдбада Морехода», пере-

веденныхъ въ Москвѣ съ арабскаго. Ольга такъ искусно разыграла роль, что мужу — и не въ догадъ. Она ужасно обрадовалась подаркамъ, она такъ исключительно занялась ими, столько восхищалась, столько удивлялась, приняла такой видъ счастливой дурочки, что мудрый мужъ былъ внонѣ увѣренъ, что она ничего другаго не замѣтила и не видела. Мужъ былъ проведенъ. Надо было притвориться, чтобы успокоить мужа, а между-тѣмъ свертокъ не выходилъ у Ольги изъ головы. Этотъ свертокъ заинтересовалъ ее чрезвычайно: что бы такое въ немъ могло быть?... Вдругъ въ головѣ Ольги мелькнула мысль: черезъ день ея рожденіе, вѣрно этотъ подарокъ для нея! Слава Богу, загадка объяснилась! Нѣтъ, впрочемъ, нѣтъ! Мужъ все для нея выписываетъ изъ Петербурга; онъ не станетъ покупать ей здѣсь для такого дня.... Но если это не подарокъ, такъ что же это можетъ быть?... Ольга дрожала. У мужа есть тайны — отъ нея! Она не успокоится, пока не узнаетъ. Но какъ узнать?... О! ничего нѣтъ легче! Очень просто! Порыться украдкою въ ящикъ, посмотрѣть въ бумагахъ мужа: въ нашей губерніи, это принято.... да и въ нѣкоторыхъ иныхъ. Не обвиняйте доброй Ольги: при бѣдномъ воспитаніи на мѣдныхъ деньги, безъ швейцарскихъ гувернантокъ и краснорѣчивыхъ нравоучительницъ, которыя такъ дорого стоятъ, ей не вперили съ дѣтства чувства уваженія къ святости чужихъ тайнъ, не растолковали того, что всякое подслушивание и подсматриваніе — дѣло неблагородное и презрительное, — не сказали, что одно только воровство ниже ихъ, и что рѣшиться на шпионство, какъ бы оно невинно ни было, въ сношеніяхъ съ другомъ, мужемъ или любовникомъ, значитъ потерять всѣ права на уваженіе его; какъ же послѣ этого и требовать любви!... Ольга, въ простотѣ сердца и незнанія началъ жизни, не понимала этихъ тонкостей домашней добросовѣстности, этихъ законовъ дружеской чести, по-крайней-мѣрѣ считала нарушеніе ихъ въ отношеніи къ мужу извинительнымъ. Въ этомъ случаѣ Ольга была — не другъ, а женщина... мнѣ все прощается!—что такое мужъ!.. мужъ—ничего!... и любопытная дочь Евы въ минуту составила планъ. Все, что здѣсь написано, было передумано въ этой головкѣ, пока она самымъ натуральнымъ тономъ говорила съ мужемъ о томъ и о другомъ. Въ нашей губерніи, женщины—мастерницы на эти вещи: онѣ будутъ смотрѣть на

вась пренебрежно, преепростодушно, а между-тѣмъ — берегитесь! вы попались въ силки.

Какъ ни въ чемъ не бывало, очень равнодушно Ольга пригласила мужа на чай, увела его съ собою и ужъ тутъ ему вѣкогда было думать о припрятаніи свертка подальше. Разговоръ завязался самый живой. Ольга читала поутру по-нѣмецки; языкъ-то ей не такъ хорошо извѣстенъ; вотъ эту идею напримѣръ она никакъ не можетъ сообразить. Мужъ долженъ толковать ей. Она слушаетъ со вниманіемъ, а между-тѣмъ ея мысли въ кабинетѣ, въ ящикѣ. Отъ нѣмецкой книги перешли къ другому: завтра балъ въ Дворянскомъ Собраніи: Ольга не знаетъ что ей надѣтъ. Брильянты — слишкомъ пышно; бирюзовый приборъ нейдетъ къ розовому газу; и опять мужъ долженъ думать, соображать, рѣшать.

— Ахъ, Боже мой! забыла! вскричала Ольга вдругъ. У меня есть большая просьба, Николай! Какая досада, вообрази! этотъ хорошенькій романсъ. . .

— Что жъ?...

— Онъ написанъ слишкомъ низко для моего голоса; переписи полутономъ выше....

— Хорошо, когда-нибудь....

— Нѣтъ, теперь! Онъ нравится мнѣ чрезвычайно; я бы стѣла нынче....

И, въ мигъ, передъ мужемъ — нотная бумага, перо, чернилка; и мужъ пишетъ, мужъ занятъ по-крайней-мѣрѣ на полчаса; а Ольгѣ довольно пяти минутъ.

Вотъ ужъ она и въ кабинетѣ, вотъ ужъ она и у стола, ящикъ отодвинуть, и въ рукахъ Ольги свертокъ, обвитый клеенкой. Она развертываетъ и чуть не вскрикиваетъ отъ удивленія: передъ ней портретъ мужа... и какой портретъ!.. чудло!... онъ какъ живой!... онъ такъ и смотритъ на нее! Ольга любуется и не наглядится: это — его глаза, большіе, черные, блестящіе, съ тѣмъ милымъ выраженіемъ доброты, которое ей такъ нравится; это — его волосы, чудесные, мягкіе, темно-русые.... Ольга не можетъ отвести глазъ отъ портрета. Конечно онъ писанъ не здѣсь: но откуда же привезъ его Николай? гдѣ былъ этотъ портретъ? Ольга перевертываетъ, осматриваетъ со всѣхъ сторонъ: это миниатюрный медальонъ, съ золотой цѣпочкой, который можно было носить какъ браслетъ: онъ, видно, нарочно для этого сдѣланъ; онъ закрывается, и тогда совсѣмъ не примѣчаешь портрета; пружинка такъ хорошо задѣлана, что будь браслетъ закрытъ,

Ольга не догадалась бы о существованіи портрета, но, къ счастью, мужъ сунулъ браслетъ въ ящикъ, не успѣвъ сложить его и Ольга можетъ вдоволь любоваться. Она смотритъ, пробуетъ, вертитъ во всѣ стороны, и вдругъ ей кажется, что внизу какъ-будто есть надпись.... но такая мелкая, такимъ тонкимъ почеркомъ, что трудно разобрать. Она подноситъ портретъ къ свѣчѣ, и тогда только явственно разбираетъ слова: *Люби, Ольга.*

О! Николай!... ангель, а не мужъ! Онъ приготовилъ Ольгѣ сюрпризъ ко дню ея рожденья, а она, негодная, осмѣлилась подозрѣвать его! И въ восхищеніи отъ такого мужа, въ досадѣ на себя, Ольга спѣшитъ положить портретъ на мѣсто и торопится къ своему Николаю, который уже дописывалъ послѣднюю ноту прелестнаго романа: «*Не спрашивай меня.*»

VII.

— Честь имѣю поздравить съ днемъ вашего рожденія!...

— А, Груша, это ты!...

Ольга приподнялась на постели.

Лучи солнца прорывались сквозь полу-приподнятыя шторы; вся комната была облита яркимъ потокомъ свѣту. Ольга осмотрѣлась кругомъ, счастливая, довольная. Думала ли она, за годъ до того, въ этотъ самый день, что проснется въ такой роскошной спальнѣ, и что къ ней придетъ съ поздравленіемъ мужъ, чудесный, милый, несравненный и съ такимъ же прелестнѣйшимъ, какъ онъ самъ, подаркомъ? Надо однако поискуснѣ разыграть удивленіе, когда онъ принесетъ ей этотъ портретъ... Но когда же придетъ Николай?.. Ольга одѣвается и съ нетерпѣніемъ поглядываетъ на дверь. Долоновскій вставалъ обыкновенно очень рано. Ольга просыпалась всегда одна.

— Давно всталъ Николай Петровичъ, Груша?...

— Давно-съ!... еще чуть свѣтало.

— Лома онъ?

— Выходили со двора, но теперь, кажется, воротились. Да вотъ никакъ и они.

Въ самомъ дѣлѣ, послышался шумъ шаговъ. Походка — Долоновскаго. Ольга покраснѣла. Ей стало совѣстно.

«Онъ думаетъ, что я ничего не знаю! Я должна буду снова обманывать его!... Впередъ никогда не буду подсматривать за нимъ.»

Ольга постаралась принять самый непринужденный видъ. Дверь отворилась, вошелъ мужъ.

— Поздравляю, Ольга! сказалъ онъ дружески пожимая руку, поздравляю, мой милый другъ! Будь счастлива, будь здорова... вотъ посмотри, что я тебѣ принесъ. У тебя еще не было браслета.

— Благодарю, благодарю, шептала Ольга, склонивъ голову на плечо мужа, чтобы скрыть яркую краску, выступившую на щекахъ: ты добръ какъ ангель!... благодарю!

— Постой, я самъ надѣну, дай мнѣ руку....

Долоновскій надѣлъ браслетъ и взглянулъ на жену съ улыбкой. Онъ ждалъ восторгу, восклицаній. Браслетъ дѣйствительно былъ ослѣпительно хорошъ. Но Ольга молчала. Она глядѣла на браслетъ съ изумленнымъ видомъ. Это былъ не тотъ, котораго она ждала....

— Тебѣ не нравится?... что ли?... камни слишкомъ мелки?... или обдѣлка не хороша?...

— О, нѣтъ! нѣтъ! онъ чудо.... прелесть.... по я.... зачѣмъ ты такъ много тратишь денегъ для меня!...

— Это ужъ мое дѣло. Только нравится ли онъ тебѣ!...

— О, конечно!... благодарю, мой другъ.

Ольга опять склонилась на плечо мужа, но, въ этотъ разъ, зачѣмъ чтобы скрыть слезу.

Что можетъ быть несноснѣе обманутаго ожиданія? Одно только удовлетвореніе его не впадеъ. Цѣлые два дня Ольга думала о портретѣ, ждала этого портрета, ждала, и не дождалась. Надо было призвать на помощь все благоразуміе, чтобы не показать мужу, какое странное дѣйствіе произвелъ подарокъ его. Къ счастью онъ скоро ушелъ: у него было такъ много дѣлъ!...

Ольга могла горевать на свободѣ. Несносный Николай! зачѣмъ не отдалъ портрета? Къ какому дню бережетъ его?... если къ именинамъ, надо ждать цѣлый мѣсяцъ; если.... Нечего дѣлать, надо вооружиться терпѣніемъ и молчать. Не признаться же; что ходила подсматривать!... Какъ ни мелочно было, по собственному сознанію Ольги, происшествіе съ браслетами, оно не могло не имѣть вліянія на расположеніе ея духа. Не смотря на ласковую внимательность мужа, молодой женѣ цѣлый день все было грустно, все жалъ портрета, все досадно на себя. О, любопытство — смерть женщинъ!... источникъ всякаго грѣха и горя!... зачѣмъ бы-

ло подсматривать украдкой?... Не стала бы теперь беспокоиться и грустить!

Вечеромъ, когда съѣхались гости, а ихъ было много, мужъ совершенство старался праздновать великолѣпно день рожденія жены, Ольга повеселѣла. Мѣрное движеніе музыки, благоуханіе букетовъ и молодости, игра тысячи свѣжыхъ цвѣтовъ, блескъ огней, говоръ веселой толпы, произвели свое волшебное дѣйствіе. Въ девятнадцать лѣтъ, при первыхъ звукахъ бальной гармоніи, неудовольствія начинаютъ танцовать польку. Все это очарованіе, всю эту пышность, кто доставилъ Ольгѣ? У кого есть такой мужъ? Кто здѣсь счастливѣе ея? Кого изъ всѣхъ этихъ женщинъ любятъ какъ ее. Все это думала Ольга съ невольнымъ чувствомъ гордости, окидывая взоромъ нарядныхъ и веселыхъ женщинъ.

— Знаете ли, что лучше всего на этомъ балѣ? сказалъ хозяйкѣ нашъ левъ губернской, мосье Валуновъ.

— Сама хозяйка, перебилъ толстый господинъ, слывшій за любезника.

— Вы не поняли меня; Ольга Константиновна не только здѣсь, но и вездѣ и всегда, стоитъ внѣ сравненій, и этого не было нужды повторять, примолвилъ Валуновъ, бросивъ значительный взглядъ на Грулеву, которая бѣсила его своимъ пренебреженіемъ. Вы не поняли меня; я сказалъ не *кто*, а *что* лучше.

Окружающіе съ недоумѣніемъ посмотрѣли на Валунова.

— Здѣсь есть одна прелесть, восхитительное чудо, которое я мгновенно замѣтилъ, продолжалъ онъ: это вашъ браслетъ, Ольга Константиновна! Клянусь, ничего лучше не видалъ! Откуда онъ, изъ Парижа?

— Не знаю.... Миѣ подарилъ нынче мужъ.

— Позвольте взглянуть. Право, эта работа сдѣлала бы честь художнику.... Скажите, можетъ ли что быть прелестьѣ этой прелести?

Валуновъ приподнялъ браслетъ.

— Удивительно мило! покажите.

И одна бѣлая, крошечная рука протянулась къ браслету.

Глаза присутствующихъ обратились на драгоценную вещь: только одна пара голубыхъ глазъ смотрѣла пристально, неподвижно, не на браслетъ, а на ту восхитительную ручку, которая брала его. На той рукѣ былъ также браслетъ, не блестящій, не дорогой, не бриллиантовый, но — увы! — хорошо знакомый голубымъ глазамъ, которые, два

дня тому назадъ, подсмотрѣли и разсмотрѣли все въ этомъ браслетѣ, все, отъ цѣпочки до замочка!

«У ней?... Зачѣмъ?...» Ольга не могла понять. Мысли ея путаются, голова кружится. Но хотя умъ еще не успѣлъ сообразить, однако сердце уже страдаетъ Ольга блѣднѣетъ, дрожить, боится измѣнить себѣ, собираетъ остатокъ силъ и, незамѣтно, ускользаетъ изъ толпы.

Тихо, медленно, опустилась Ольга въ кресла, въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ комнатъ. Она старается привести въ порядокъ свои мысли; она хочетъ понять все.... Сомнѣваться нечего, она видѣла собственными глазами: ея мужъ любить другую; его портретъ—у другой! Блѣдная какъ бѣлая лилія, Ольга сжала голову обѣими руками: она боялась лишиться ума!... потомъ вдругъ вздрогнула. Зачѣмъ тамъ написано: *Моей Ольг!* Можетъ быть это не тотъ браслетъ, другой, только очень похожій.... и, не разсуждая о странности существованія двухъ близнецовъ-браслетовъ, Ольга ухватилась съ восторгомъ за эту радостную мысль—не долго—только на одну секунду: она вспомнила, что Грулеву тоже зовутъ Ольгой.... О, Боже! какое открытіе! какой неожиданный ударъ! Ольга снова опустила голову на обѣ руки, и долго оставалась въ этомъ положеніи, погрузясь въ пучину отчаянія....

Какъ послѣ этого нашла она въ себѣ довольно силы, чтобы снова выйти въ залу, чтобы говорить, танцовать, быть любезной, даже чтобы смѣяться, поймутъ только женщины и то не всѣ. Чувство приличій, развиваемое въ насъ воспитаніемъ, и страхъ другихъ женщинъ, приобретаемый опытомъ или ощущаемый по инстинкту, вмѣстѣ съ природной энергіей притворства, главной нашей защиты, помогло ей вынести нѣсколько часовъ ужаснаго принужденія. На балѣ никто не догадался, какой страшный громъ разразился надъ хозяйкой. Мосье Валуновъ, отдавая ей браслетъ, былъ удивленъ ея блѣдностью и нѣсколько разстроеннымъ видомъ, но Ольга сослалась на жаръ, на усталость, и твердо выдержала пытку до конца. За то когда стукъ послѣдняго экипажа затихъ, когда Ольга очутилась въ той самой спальнѣ, гдѣ утромъ проснулась она, полная любви и вѣры въ счастье, ей показалось, что она пережила цѣлую вѣчность. Матинально позвонила она за горничной, сняла съ себя балльные наряды, и почти безъ чувствъ упала въ кресла. Сейчасъ придетъ мужъ!... Ольга цѣною крови искупила бы

возможность не встрѣтиться съ нимъ теперь съ глазу на глазъ. Когда онъ спросить о причинѣ разстройства, что сказать ему?... Убитая горемъ, она не чувствуетъ въ себѣ ни силы, ни способности, объясняться съ нимъ теперь. Что будетъ послѣ? Она не знаетъ, не хочетъ, не можетъ знать: въ эту минуту у ней одна мысль, одно желаніе: не видѣть мужа, не говорить съ нимъ. Вотъ ужъ слышатся его шаги. Вотъ ужъ онъ подошелъ къ двери. Ольга готова лишиться чувствъ....

— Моя милая Ольга! сказалъ мужъ тѣмъ спокойнымъ и ласковымъ голосомъ, которымъ онъ обыкновенно говорилъ съ молодою женой. Я долженъ съ тобой проститься. Мыѣ поручили одно дѣло въ уѣздѣ, и я ѣду завтра.... то есть, сегодня, лучше сказать, прибавилъ онъ показывая на розовый отблескъ зари, пробивавшійся сквозь стекла. Послѣ такой утомительной ночи, ты проснешься поздно. Я нѣсколько сосну въ кабинетѣ; я лягу тамъ, чтобы не беспокоить тебя. Прощай, добрый, безцѣнный другъ, на день.... на два.... на недѣлю.... Я самъ не знаю какъ долго задержитъ меня это дѣло.

Изъ всего, что сказалъ мужъ, Ольга поняла только то, что онъ уѣзжаетъ. Она стала дышать свободнѣй: она останется одна!... все, чего она желала. Мужъ наклонился и поцѣловалъ ее.

— Боже мой! вдругъ вскричалъ онъ, испугавшись ея блѣдности: что это?... Ты нездорова?...

— О, нѣтъ! это ничего, пройдетъ.... сильная головная боль.... усталость.... я сейчасъ лягу.... прощай Николай!... счастливый путь!

Онъ опять поцѣловалъ жену и ушелъ. Ольга склонила утомленную голову на подушку и залилась слезами.

Она плакала долго. Много часовъ протекло, прежде чѣмъ она могла допустить къ себѣ другую мысль, кромѣ мысли о своемъ горѣ. Ни ревность, ни гнѣвъ, не волновали ее въ эти долгіе часы страданія; всѣ чувства были поглощены однимъ ощущеніемъ, сознаниемъ своего несчастія. Пришла минута наконецъ, когда слезы перестали литься, когда горестъ утихла, когда явилось размышленіе. Что дѣлать?... и на что рѣшиться?... Потребовать отъ мужа объясненія? По какому праву?... Онъ—мужъ отличный, но никогда любовникомъ не былъ, любовью не прельщалъ Ольги, въ любви ей не клялся. Она вышла за него за-мужъ, не требуя отъ

него признанія въ чувствахъ. Она, просто, приняла только то, что онъ предлагалъ ей: его руку. Объясненіе теперь уже поздно. Да и къ чему поведетъ оно?... Скажетъ ли онъ правду, если и согласится оправдываться... Развѣ онъ не можетъ придать виду мимолетной шалости тому, что можетъ на самомъ-дѣлѣ быть глупою страстью?... Оставить все!... Забыть!... А любопытство-то?... — О! нѣтъ, нѣтъ! Я хочу знать, что это такое?... минутная ли это прихоть, или дѣйствительная привязанность? Я хочу узнать правду! твердила Ольга внѣ себя, и желаніе узнать правду съ неотразимой силой овладѣло ею.

Не имѣя къ этому другихъ средствъ въ настоящую минуту кромѣ собственныхъ соображеній, Ольга напрягла всѣ способности ума и принялась разбирать съ мелочной подробностью поведеніе мужа.

Какъ ни взвѣшивала она его поступки со дня свадьбы до роковаго бала, не возможно было найти ни малѣйшей перемены: Ни дѣйствія, ни слова, ни взгляды, не обнаружили въ немъ ни слѣда вѣтренности. Ни одна женщина ему не поправила съ того времени; ни за кѣмъ не ухаживалъ онъ вдругъ и съ особеннымъ удовольствіемъ. Съ которыхъ же поръ началась эта привязанность къ другой? Мысли Ольги перепутались въ лабиринтѣ необъяснимыхъ дилеммъ, и нужно было сознаться, что съ одними своими соображеніями она не далеко уйдетъ. Надлежало взяться за что-нибудь другое? Но за что?... Ольга думала, думала, и оставалась при своихъ думахъ. Десять лѣтъ жизни за эту тайну!... нѣтъ, слишкомъ дешево.... двадцать, тридцать лѣтъ.... всю жизнь!... о, мой Боже! помоги!... восклицала она съ лихорадочной дрожью.

Ольга не скупилась на годы. Она еще такъ мало лѣтъ издержала на жизнь! Двадцати-пяти-лѣтняя женщина дала бы только четыре года — двадцать пять да четыре двадцать девять — болѣе нельзя! — а тридцати-лѣтняя не дала бы и четырехъ часовъ, она бы сама влюбилась поскорѣе въ кого-нибудь, чтобы тайно отмстить за тайну. Но въ девятнадцать лѣтъ!... къ чему жизнь?... чего она стоитъ?... любопытство тысячу разъ важнѣе!.. Тайна! тайна!.. умереть или узнать!.. Должны, существовать какія-нибудь доказательства! Вѣрно, они выдаются тайно, или тайно переписываются, продолжала думать Ольга, преслѣдуемая постоянною идеей. Ахъ, если бы достать ихъ письма!... Но какъ?... Выждать удобный случай

и перехватить. Нѣтъ!... Это не годится. Тутъ требуется слишкомъ большая осторожность, много хитрости, много лукавства... въ Ольгѣ можетъ-быть столько не найдется. А главное — надо ждать. Нельзя ли добраться до правды поскорѣе какъ-нибудь? У Николая вѣрно есть ея письма.... Что, если?... Ольга задрожала, испугавшись смѣлости своего замысла. Но черезъ минуту она уже рѣшилась. ..

Утро было на исходѣ. Ольга позвонила.

— Груша, сказала она вошедшей горничной, я чувствую себя очень нехорошо. Цѣлую ночь не сомкнула глазъ ни на минуту, у меня сильно болитъ голова. Мнѣ нуженъ покой, пусть люди остаются всѣ внизу, и никто не входитъ сюда наверхъ, я попробую заснуть. Подай мнѣ сткляночку со спиртомъ.... хорошо... теперь ступай и не приходи, пока я не позвоню.

Груша ушла. Ольга подождала немного. Въ домѣ все было тихо. Она встала, одѣлась и съ сильнымъ біеніемъ сердца, едва держась на ногахъ, прошла гостиную, залу, и остановилась у дверей той роковой комнаты, гдѣ заключалось рѣшеніе загадки. Кабинетъ былъ запертъ задвижкой, не на ключъ. Ольга отворила дверь, вошла, и съ томительной жаждой жгучаго любопытства осмотрѣлась кругомъ. Гдѣ хранятся эти записочки? гдѣ ихъ искать?...

Кабинетъ былъ убранъ очень просто. Письменный, длинный столъ, заваленный бумагами, большой шкафъ съ книгами, маленькій диванъ, кресла, нѣсколько стульевъ, и больше ничего. Ольга подошла къ столу. На-виду, между грудой дѣловыхъ бумагъ, могло ли находиться что-нибудь? Ольга однако перебрала все до послѣдняго листка. Ничего! Она выдвинула ящикъ стола, тотъ самый, гдѣ нашла обличительный портретъ. Нѣсколько листовъ гербовой бумаги и кой-какіе счеты, вотъ все что хранилось тамъ. Искать надо гдѣ-нибудь подальше: не бросить же онъ письма тамъ, гдѣ всякая нескромность можетъ открыть ихъ! Но если онъ увезъ ихъ съ собою, или уничтожилъ? Послѣднее предположеніе не казалось Ольгѣ вѣроятнымъ. Съ своими восторженными понятіями о любви, она не могла вообразить, чтобы письма любимой особы не хранились какъ святыня; скорѣе, всѣ они съ нимъ. Поиски однако продолжать надо; авось найдется что-нибудь. Но гдѣ?... Ольга осмотрѣлась кругомъ. Въ кабинетѣ не было ни одной мебели достойной быть хранилищемъ тайственной переписки, а между-тѣмъ если

есть письма, такъ они здѣсь, въ этой любимой комнатѣ, гдѣ Николай проводитъ одинъ по нѣскольку часовъ. Портретъ не доказываетъ ли ясно весьма короткихъ отношеній? При трудности свиданій, могутъ ли они обойтись безъ переписки?...

Перебѣгая отъ одного предмета къ другому, глаза Ольги остановились вдругъ на шкафѣ. Дверь шкафа мигомъ отворена: но и тутъ ничего подозрительнаго не явилось. Шкафъ сверху до низу наполненъ книгами; книги чинно уставлены на полкахъ; все какъ слѣдуетъ.

Неожиданность удару, потомъ мучительное принужденіе, и наконецъ безсонница съ тяжкими мыслями довели нервы Ольги до той степени раздражительности, что всякое отлагательство было для ней невыносимо: она скорѣе бы рѣшилась разобрать по кусочку всѣ мебели если это нужно, нежели отказаться отъ надежды достать письма, которыя могли показать ей, какъ она полагала, обширность правъ другой женщины надъ ея мужемъ. Ольга начала выпимать книги изъ шкафа, вообразивъ, что задняя стѣна его скрываетъ, можетъ быть, двойное дно. Двѣ нижнія полки были опростаны, осмотрѣны кругомъ, и все безуспѣшно. Наконецъ дошла очередь до послѣдней, самой высокой. Ольга взобралась на стулъ. Вынувъ два первые ряда книгъ, она принялась за третій. Занятая мыслью о двойномъ днѣ и тайныхъ пружинахъ, она не обращала большаго вниманія на книги и складывала ихъ на полъ, по порядку однако, чтобы послѣ не смѣшаться и установить на прежнихъ мѣстахъ. Работа была не легкая. Ольгѣ приходилось безпрестанно то вскакивать на стулъ, то слѣзать на землю съ ношею. Книги наполнявшія эту полку, особенно самый задній рядъ ея, были всѣ большія и тяжелыя. Руки скоро такъ устали, что одна изъ книгъ вдругъ выскользнула, съ шумомъ повалилась на полъ и нѣсколько листовъ исписанной почтовой бумаги разлетѣлись по сторонамъ. Ноги Ольги подогнулись: она схватилась за стулъ, чгобъ не упасть.... Что если то, чего она такъ добивалась, теперь — передъ нею, и ей стоитъ только наклониться и поднять?... Ольга слѣзла шагъ впередъ и остановилась. «Что я дѣлаю! прошептала она дрожащими губами: шпионить, похищать украдкой.... хорошо ли, благородно ли это? Зачѣмъ прямо не спросить?..» Вдругъ всѣ мученія прошедшей ночи воскресли. «Еще ждать!... еще страдать!... какъ я страдала.... Нѣтъ!

не могу!... Прости мнѣ, о! мой Боже!...» Ольга подпяла листокъ.

Сначала отуманенные глаза не разобрали словъ, потомъ досада обманутаго ожиданія смѣнилась удивленіемъ: то былъ почеркъ Николая. Фразы, *мой ангелъ, мой безцѣнный другъ*, приковали вниманіе молодой женщины. Она съ жадностью принялась читать:

«Порученіе твое исполнено. Какъ я счастливъ, когда могу доставить тебѣ малѣйшее развлеченіе или усладить чѣмъ-нибудь твое горе, облегчить твое невыносимое положеніе. Бѣдная, бѣдная Ольга! Но тебя я не оставлю, гдѣ бы ты ни была. Жизнь моя принадлежитъ вся тебѣ.—Завтра въ шесть часовъ, ровно. Какъ досадно, что сегодня мы должны были такъ скоро разстаться. Я не успѣлъ разсѣять твоихъ напрасныхъ опасеній. Мой другъ, что за преступленіе — одинъ взгядъ! Неужели мнѣ воспрещено будетъ любоваться на тебя, когда всѣ любятъ и восхищаются?... Чего боишься ты? Красавица на балѣ—предметъ удивленія для всѣхъ мужчинъ всѣ имѣютъ право заниматься ею; подозрительнаго тутъ ничего нѣтъ. Ты ужасная трусиха, Ольга. И! полно! не бойся ничего. Развѣ не бодрствуетъ надъ тобою другъ, вѣрный, нѣжный, обожающій? Онъ съумѣетъ, гдѣ нужно, затаять порывы страсти: твое спокойствіе не возмутится никогда. А боишься? — изволь — стану и говорить съ тобою, не буду танцовать; но не глядѣть — не могу; этого невозможно; ты слишкомъ хороша. Этотъ взгядъ, который тебя такъ встревожилъ, повѣрь, не былъ замѣченъ. Я загладилъ его тотчасъ же. Я хватилъ другую, сказалъ, что она понравилась мнѣ лучше всѣхъ, танцовалъ съ нею очень долго: не довольно ли этого?... Будь же спокойна и весела; можешь всегда полагаться на мое благоразуміе, а въ преданности моеи, послѣ столькихъ доказательствъ, мой милый другъ, ты навѣрное не усомнишься; никто на свѣтѣ не знаетъ и не узнаетъ, что я здѣсь — для тебя, что мы съ тобой связаны на всю жизнь прелестѣйшей любовью, умной, истинной, нескончаемой. Зачѣмъ плакать! к чему тревожиться! Ольга, развѣ мы не довольно счастливы теперь? О! вѣрно ты не страдала столько какъ я въ разлукѣ!... Прости, это не упрекъ, я знаю, ты меня любишь, ты это доказала; но, Ольга, мой ангелъ, развѣ мы опять не вмѣстѣ? Зачѣмъ жалѣть о прошедшемъ? Я, повѣрь мнѣ, не жалю, и готовъ

«былъ бы сдѣлать во сто разъ больше пожертвованій, чтобъ «только видѣть тебя каждый день. Развѣ тѣ рѣдкія минуты, «которыя намъ удается проводить наединѣ, не стоятъ быть «искуплены годами бѣдствій?... Ахъ, Ольга, Ольга! какое счастье быть любимымъ такою умною женщиной! Ты не- «сравненна, единственна. Столько ума, столько кротости, «столько красоты, столько любви! Право, стоитъ быть «стряпчимъ для тебя!... А какъ я чудесно стряпничаю, если «бъ ты знала! Завтра кое-что расскажу тебѣ. До завтра.»

Сколько неожиданныхъ открытій для бѣдной Ольги въ этомъ коротенькомъ письмѣ! Такъ вотъ для чего Николай здѣсь стряпчимъ! Онъ любитъ Грулеву давно. Ольга обманывалась его постоянной добротой и лаской, но эта записка открыла ей глаза. Медовой мѣсяцъ, ни даже первыя минуты брака, не представили ничего похожаго на эти движенія пламенной страсти. Долѣе нельзя сомнѣваться: мужъ не любилъ ея никогда! День — четвергъ — выставленный на запискѣ, показывалъ, что она была написана черезъ сутки послѣ того вечера, когда Ольга увидала Долоновскаго въ первый разъ. Она такъ хорошо помнила и день и всѣ обстоятельства вечера. «Глупая я, легковѣрная женщина!» сказала она себѣ печально покачавъ головою: «какую жалкую роль играла я тутъ!»

Она оставалась нѣсколько минутъ подъ гнетомъ этого тяжкаго открытія, но взглядъ на разбросанныя письма скоро привелъ ее въ себя: Многое объяснила ей эта записка Долоновскаго, многое однако оставалось объяснить. Не вслѣдствіе ли размолвки возвращено это письмо? не съ отчаянія ли, не въ отмщеніе ли Грулевой, женился онъ на Ольгѣ? Какъ ни правдоподобно было это предположеніе, портретъ доказывалъ, напротивъ, что любовь ихъ продолжается. Но, тогда, почему это письмо у Николая?... и зачѣмъ онъ женился на другой?... У ногъ Ольги лежало еще нѣсколько документовъ; надо было рѣшиться выпить чашу горечи до дна.

Ольга подняла еще листокъ. Это была записка, наскоро набросанная женскою рукою, и въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ Ольга любовалась бы на тонкій, прекрасный почеркъ, который, не-смотря на поспѣшное движеніе пера, не потерялъ своей красоты, но теперь ей было не до того, она жадно пробѣжала глазами эти строки:

«Боже мой, какой день! сколько истинно шекспировскихъ «сценъ, разыгранныхъ искусствомъ великаго актера, пер-

« ваго изверга трупны. Отелло скопецъ замучилъ меня сего-
 « дня. Я молчала, и только удивлялась изобрѣтательности
 « этого воображенія, пораженнаго чиреемъ ревности. Завтра
 « я скажу тебѣ, къ кому вздумалъ онъ приревновать меня.
 « Сегодня, вдругъ, ты не повѣришь. Это одна изъ тѣхъ невѣ-
 « роятностей, за которыя Монте-Кристо заплатилъ бы мил-
 « лионы, для полноты коллекціи своихъ глупостей. Ахъ,
 « другъ мой! жаль мнѣ тебя! ты долженъ любить такую не-
 « счастную женщину.... сколько горестей перечувствуетъ за
 « меня и вмѣстѣ со мною это благородное сердце, такъ пре-
 « красное, такъ тонко понимающее любовь!... Я тебѣ го-
 « ворила: *Per me si va nel eterno dolore!*... Вѣчная скорбь—
 « вѣчная любовь! — а впрочемъ, оно-то, быть-можетъ, и
 « есть блаженство смертныхъ. Ты милъ какъ ангелъ, но, другъ
 « мой, ты неостороженъ какъ дитя — хуже этого, какъ
 « мужчина! При Отелло вытаскилъ ты преспокойно этотъ
 « портфель. А между-тѣмъ ты знаешь, что я вышивала
 « эту бездѣлицу подъ его стоглазымъ наблюдениемъ и
 « онъ думаетъ, будто я отослала его тетушкѣ! Къ сча-
 « стію, у меня достало присутствія духа отвлечь вниманіе
 « моего страшнаго Магомета, съ мечомъ въ рукѣ и съ про-
 « клятиемъ въ устахъ проповѣдующаго любовь, въ кото-
 « рую самъ онъ не вѣритъ. Спрятать этотъ портфель дале-
 « ко, далеко!... слышишь ли?... Я приказываю. Не изволь
 « таскать его съ собой! ни отговорокъ, ни возраженій! Я
 « такъ хочу!»

Ольга зарыдала. .. но уже не отъ ревности, а отъ досады на себя. Какъ ни отлично ненавидѣла уже она Грулеву, но это письмо показалось ей такъ хорошо написаннымъ, она усматривала въ немъ столько ума, граціи, образованности, столько прелестнаго поэтическаго воображенія, столько горя и счастья, такъ удачно слитыхъ и такъ ловко выраженныхъ за одно съ неоспоримымъ дарованіемъ, что Ольга — бѣдная Ольга! — дитя образовавшее само себя въ глуши, безъ наставниковъ, безъ образцовъ вкусу, безъ умной бесѣды — Ольга была уничтожена въ собственныхъ глазахъ своихъ. Она чувствовала — не могла не чувствовать — сколько эта ненавистная женщина выше ея. Она сознавалась, что, зная Грулеву и полюбивъ ее однажды, Николай уже не могъ находить въ ней, Ольгѣ, ни какого очарованія для своего ума — что онъ не могъ любить ея — не можетъ любить. Это открытіе было, конечно, во сто разъ жесточе и убій-

ствениѣе браслета съ портретомъ. Признать умственное превосходство соперницы!... о! во сто разъ легче простить красоту пріятельницѣ, хоть и это.... Нѣтъ, и это — свыше силъ человѣческихъ. Одно только утѣшало Ольгу при этомъ адскомъ разорваніи сердца и самолюбія вмѣстѣ, именно, этотъ тонъ эгоистической выскательности со-стороны Грулевой. Два письма — и уже два упрека! Съ одной стороны, со стороны Николая, безпредѣльная кротость, самопожертвованіе, обожаніе, съ другой — любовь самолюбивая и повелительная. Ольга, на мѣстѣ этой женщины, иначе съужѣла бы любить такого друга. «Бѣдный онъ!... но въ тысячу разъ бѣднѣе я! сказала она, печально заломавъ руки: меня нѣтъ!... меня не стало!... что я такое?... ничто!... О, Боже! спаси меня изъ этой бездны!... Читать ли далѣе!... Нѣтъ не хочу!... Я тутъ не найду ничего кромѣ страшныхъ истинъ? Узнать все я должна, но послѣ, не теперъ. Пусть пытка на-время прекратится; силы мои изнемогли».

Въ это время раздался бой стѣнныхъ часовъ. Ольга испугалась. Ей пришло на умъ, что если Груша, находя сонъ ея слишкомъ продолжительнымъ, несмотря на запрещеніе заглянуть въ спальню, потомъ въ другія комнаты, и найдетъ ее здѣсь, посреди разбросанныхъ книгъ и бумагъ?... какой стыдъ!... сколько подозрѣній!... Лучше привести все въ порядокъ да уйти?

Она подобрала листочки, подняла книгу, и перевернула нѣсколько страницъ. Между каждыми двумя листами находилось по письму или по два: эта толстая книга была вся наполнена ими. Ольга бережно положила ее на столъ, и бросилась къ другимъ, лежавшимъ на полу; развернула одну, другую, третью.... ничего нѣтъ! Наконецъ попалась еще одна книга, также полная письмами. Установивъ остальные по мѣстамъ, она ушла изъ кабинета, съ страшною и драгоценною ношею и легла въ постель. Грушѣ, явившейся на звонъ колокольчика, повторено было приказаніе не входить безъ призыву, до утра, а на вопросъ — не угодно ли чего покушать — данъ короткій отвѣтъ, что ни обѣдать ни ужинать не будутъ.

VIII.

Часы бѣгутъ. Ужъ солнце закатилось. Ужъ наступила ночь. Ольга все читаетъ. Передъ ней — полная исторія

долгой предолгой страсти, начертанная, не холоднымъ перомъ раскащика, но огненнымъ біеніемъ сердець, обданныхъ любовью. Едва дыша, и блѣдная какъ мраморъ, Ольга поглощала глазами эти жгучія страницы, которыя развивали передъ ней драму любви, высокой и поэтической, страданій глубокихъ, пожертвованій безпредѣльныхъ. Были минуты, когда поработанная животрепещущимъ интересомъ этихъ душевныхъ потрясеній, этихъ пламеньющихъ строкъ, она забывала, какую грустную роль судьба дала ей въ таинственномъ романѣ. Она готова была блаженствовать съ ними и страдать за нихъ. Но часто также языкъ страсти, этотъ языкъ сильный и нѣжный, которымъ онъ говорилъ съ обожаемой женщиной, волновалъ Ольгу до такой степени, что она заливалась слезами зависти и хваталась рукой за сердце: страшно оно билось и болѣзненно замирало въ тѣ минуты! И было отъ чего плакать! И было отчего сердцу замирать! Ольга понимала, что человѣкъ, сдѣлавшій для женщины столько, долженъ любить ее могучею привязанностью, которая производитъ неизгладимые слѣды въ сердцѣ и имѣетъ страшное вліяніе на цѣлую жизнь мужчины.

Я не намѣрена переписывать всѣ письма! ихъ было безчисленное множество; я расскажу вкратцѣ эту простую исторію сердца, которое любило такъ глубоко, что могло безропотно принести себя въ жертву спокойствію любимой женщины и забыть, въ благородномъ увлеченіи, что эту жертву должно было раздѣлить съ нимъ другое сердце, имѣвшее также право на свою долю счастья и спокойствія въ жизни.

За два года назадъ, въ одномъ небольшомъ обществѣ, въ Москвѣ, встрѣтились молодой человѣкъ и молодая женщина. Она была чудно хороша. Его взоръ, время отъ времени, устремлялся на нее съ восторгомъ, и каждый разъ вызывалъ улыбку самодовольствія. Приѣзду этого молодаго человѣка предшествовала молва объ его высокихъ достоинствахъ, объ его богатствѣ, связяхъ, извѣстности въ обществѣ, и молодая женщина знала, что по древнимъ законамъ Тверской Части, безъ его вѣдома, устраивали для него партію, готовили невѣсту, молоденькую, хорошенькую. Когда она примѣтила его взгляды, это нѣмое слово, въ значеніи котораго никогда женщина не ошибется, она разсыпала весь брилліантовый блескъ своихъ очей, все египетское чародѣйство улыбокъ, все обольщеніе своего обворожительнаго ума: ей стало весело присвоить себѣ то, на что рассчитывали другія; она сучала,

ей хотѣлось разсвѣтаться; она страдала втайнѣ, ей нужно было утѣшеніе. Все—законныя причины, какъ вы видите. Молодой человѣкъ не устоялъ противъ неодолимаго обаянія, какое разливаешь вокругъ себя умная красавица, когда она захочетъ подкрѣпить свою наружность любезностью, квинтъ-эссенціей кокетства; онъ былъ молодъ, не столько лѣтами, сколько душою, съ сердцемъ свободнымъ, съ головою пылкою; и онъ былъ очарованъ, обвороженъ, побѣжденъ и закованъ въ цѣпи. Словомъ сказать, онъ влюбился.... да какъ еще!... Правда, любовь пришла не вдругъ, а постепенно; сначала огуманилась голова, потомъ заговорило сердце; наконецъ вспыхнулъ пожаръ. Молодая женщина тоже увлекалась дѣле чѣмъ хотѣла. Словомъ сказать, очень далеко! Она находилась тогда въ блаженномъ состояніи невольника, вырвавшегося изъ темницы: только ея темницею были не мрачныя своды, не желѣзные запоры и замки, а бѣшеная ревность и непреклонная воля тирана—мужа. Она вела такую ужасную жизнь съ своимъ деспотическимъ султаномъ, такъ боялась магійшаго сжатія его бровей, каждаго грознаго взгляду, что желаніе насладиться всѣми выгодами свободы сначала было единственнымъ побужденіемъ продолжать игру, начатую въ невинномъ намѣреніи показать свое превосходство. Осужденная оттоманской волей грознаго и несовсѣмъ вѣрнаго супруга видѣть и замѣчать только его одного въ мірѣ, теперь, въ его случайное отсутствіе, она не могла отказать себѣ въ удовольствіи, котораго была лишена со времени замужства. Женщина красоты необыкновенной, если она не глупа, не можетъ не быть кокеткою, хоть маленькою, если не большою; съ перваго вступленія въ свѣтъ, ее окружаютъ вулканическіе взгляды, подземные вздохи, восторженно-льстивыя рѣчи, обожаніе, удивленіе, похвалы; а что ни говори, оно очень весело — испытывать свое могущество надъ толпою, однимъ взглядомъ повергать половину мужчинъ въ отчаяніе, другимъ счастливить другую. Право, чудо какъ весело! Особенно, когда не таятся въ сердцѣ одно изъ тѣхъ святыхъ чувствованій, которыя заставляютъ пренебрегать весь оміамъ свѣта для одного слова и одного взгляду одного человѣка въ мірѣ. У Грудевой не было этого предохранительнаго рецепта, но не было также возможности пользоваться въ большомъ размѣрѣ преимуществами, которыми такъ щедро надѣлила ее природа. Она изживала въ тяжкой

неволя челоѣка, который въ письмѣ ея названъ дважды «Отелло» и разъ «Магометомъ». Ее шпионили, подстерегали, преслѣдовали; она была автоматомъ, движущимся по своей нравной волѣ властелина.

Когда она встрѣтилась съ Долоновскимъ, мужа тутъ не было. Онъ находился по важнымъ дѣламъ въ Петербургѣ. Онъ увезъ бы съ собой и жену, непременно, если бы внезапная болѣзнь, не дѣйствительная, а притворная, надо сказать правду, не принудила его оставить рабу подъ надзоромъ тетки, больной старухи, близорукой, и физиологически и нравственно. Вначалѣ, какъ я уже сказала, Грулева съ наслажденіемъ вдыхала благотворный воздухъ свободы, разсыпая молніи прекрасныхъ глазъ и блестя игриваго ума направо и налѣво; но потомъ кокетство завлекло ее далѣе: она сама вдругъ очутилась въ тѣхъ очарованныхъ сѣтяхъ, которыми опутывала ближняго. Любовь вкралась такъ тихо и такъ незамѣтно въ это пустопорожнее сердце, что, когда явилось сознаніе любви, красавица уже не имѣла силъ противиться обольщенію. Послѣ пятилѣтнихъ страданій въ домашнемъ аду, попавъ въ тотъ рай что зовутъ первую любовью, она не могла, да и не хотѣла, бороться съ чувствомъ, раскрывшимъ передъ нею цѣлый міръ блаженствъ и наслажденій въ настоящемъ, съ видомъ сладостной отрады въ будущей горькой ея жизни. Долоновскій долго не зналъ ея отношеній къ мужу, который слылъ у мужчинъ красавцемъ, а у старухъ умнымъ челоѣкомъ. Онъ воображалъ ее счастливою, и довольною своею судьбой. Въ обществѣ шла одногласная молва о великой любви мужа къ женѣ, и обратно, и молодая женщина подтверждала этотъ фактъ своимъ собственнымъ свидѣтельствомъ. Она всегда представлялась «влюбленной» въ своего мужа, и всѣ въ Москвѣ вѣрили этому необычайному событію: люди вѣрятъ всѣмъ сказкамъ!... Впрочемъ, эта имѣла нѣкоторый видъ правдоподобія. Прекрасная собою, умная, богатая, превосходно образованная, молодая женщина не могла, казалось, имѣть другихъ поводовъ къ выбору сказаннаго мужа кромѣ любви, которую общее мнѣніе основывало на красотѣ этого челоѣка, живо напоминавшей собою допотопную красоту мамонтовъ и великозвѣрей. Не многіе знали, что съ этою примѣчательною наружностью соединялись въ немъ столь же колоссальныя, тщеславіе, гордость, самопадѣянность и истинный характеръ тигра. Долоновскій вовсе и не расширявалъ

о мужѣ. Въ характерѣ его была притомъ одна черта, весьма неудобная для счастья: какъ всѣ мужчины, одаренные истинно высокими достоинствами ума и сердца, онъ, напротивъ, ставилъ себя всегда ниже всѣхъ и не воображалъ никакъ, чтобы могъ повравиться женщинѣ, — скромность преблагогородная, препочтенная, достойная всѣхъ похвалъ въ погребальной рѣчи, но, при жизни, несносная и обидная для женщинъ: какъ будто мы не въ состояніи были угадать, отличить и оцѣнить истинно высокихъ внутреннихъ достоинствъ въ мужчинѣ! какъ-будто мы, ничтожныя куклы, осуждены всегда увлекаться одною только паружностью!... Говорятъ, что всѣ ужасно умные мужичины ужасно несчастны. Кто же этому виноватъ! Дураки, съ своей блаженной самонадѣянностью, гораздо скорѣе и легче отыскиваютъ прямой путь къ счастью, котораго храмъ — въ сердцѣ женщины. Не будьте такъ скромны, не думайте такъ мало о себѣ, или имѣйте выгоднѣйшее мнѣніе о женщинахъ, и вы обгоните всѣхъ дураковъ на первой станціи. Все это философическое разсужденіе клонится къ тому, что Долоновскій, вслѣдствіе такихъ странныхъ понятій ужасно умныхъ мужчинъ о себѣ и о женщинахъ, чуть-чуть не упустилъ счастья, которое само лѣзло къ нему въ руки. На основаніи своего несчастнаго убѣжденія, что его не за что любить, что каждый видный дуракъ — лучше его и долженъ болѣе нравиться, онъ, влюбившись, хотѣлъ уѣхать съ отчаянія, скрыться, бѣжать — не сказавши даже, что влюбился. Слыханное ли это дѣло!... Послѣ того, скажите, къ чему въ мужчинѣ умъ, и что бы онъ значилъ безъ помощи и руководства женскаго ума?...

Когда онъ явился на послѣднее свиданіе, — онъ и Грулева видались въ одномъ знакомомъ домѣ, гдѣ небольшое общество собиралось разъ въ недѣлю въ назначенный день, — и вдругъ заговорилъ объ отъѣздѣ, Грулева задрожала. Неужели она ошибалась? неужели онъ не любилъ ея?... нѣтъ, быть не можетъ! Развѣ любовь имѣетъ нужду изъясняться официально? развѣ она не блещетъ въ глазахъ, не дышетъ въ улыбкахъ, не проявляется въ движеніяхъ?... нѣтъ! онъ любить!... она это знаетъ, чувствуетъ, увѣрена, и онъ не уйдетъ!... не смѣетъ уѣхать!..., съ ума ли онъ сошелъ?... или хочетъ, чтобы она умерла?...

— Въ самомъ дѣлѣ, вы уѣзжаете? сказала она весело улыбаясь и выждавъ самую удобную минуту къ нападенію, когда другіе гости не обращали на нихъ вниманія: вы несносны!

— Вы опять мнѣ льстите! отвѣчалъ Долоновскій. Я сохраняю этотъ эпитетъ въ памяти какъ доказательство вашей очаровательной любезности.

— Въ этотъ разъ, я говорю правду.

— Быть не можетъ!

— Вы такъ самонадѣянны, что и не предполагаете возможности, чтобы васъ находили несноснымъ.... нестерпимымъ....

— Я?... самонадѣянный?... сказалъ Долоновскій смущенный и этими словами и волнуемымъ голосомъ, которымъ они были произнесены и, въ недоумѣніи, посмотрѣлъ въ глаза молодой женщинѣ; но что случилось съ этимъ бѣднымъ умнымъ мужчиной, когда онъ, подъ улыбкой, увидалъ двѣ слезы на полныхъ огня глазахъ!...

По невольному движенію вторгающагося въ душу восторгу, онъ схватилъ ея руку. Рука была холодна какъ ледъ и дрожала.

Эти слезы.... этотъ холодъ.... этотъ огонь подъ водою.... это волненіе.... Голова у него пошла кругомъ. На силу-то умный человѣкъ догадался!

Мысли у него до того перепутались, что онъ началъ страстно цѣловать руку красавицы. Наконецъ-то!...

— Боже мой, что вы дѣлаете?... что я сдѣлала! прошептала она, освобождая руку и поднося ее къ лицу, по которому вдругъ разлился румянецъ. Я сумасшедшая!... ради Бога, забудьте, что вы несосны и.... можете уѣхать.... уѣзжайте....

— Нѣтъ, сказалъ Долоновскій съ жаромъ: теперь ужъ мнѣ не к чему ѣхать!... Я остаюсь!... навсегда!...

— Навсегда?

— Да! навсегда!

— Иначе я и не хочу васъ задерживать.

— Иначе я бы и не остался.

— Теперь вы сносны, сказала она, бросивъ на него взглядъ сіяющій счастьемъ, съ сопровожденіемъ самой плѣнительной, самой розовой и юной улыбки.

Дѣло въ томъ, что Ольга Александровна Грулева, въ ту минуту какъ у ней вырвались слова, смутившія недогадливаго Долоновскаго, находилась въ томъ раздраженномъ состояніи, когда всѣ успія преодолѣть волнуемое чувство бываютъ бесполезны. Въ это мгновеніе она такъ любила Долоновскаго и такъ ненавидѣла мужа, что, будь тутъ и мужъ

и пѣлый свѣтъ, она сказала бы то же самое, она не могла не сказать, ее давили и страсть, и опасеніе лишиться друга, и страхъ опять попасть подъ него безъ отрады и опоры. Она говорила, сама не понимая хорошо, что говоритъ. Какъ бы то ни было, черезъ нѣсколько минутъ, Долоновскій былъ уже съ Ольгой Александровной такъ откровененъ и довѣрчивъ, какъ-будто они выросли и воспитывались вмѣстѣ, и даже какъ водится, клялся ей въ вѣчной и неизмѣнной любви, въ чемъ клянутся и самые умные мужчины, по общему примѣру дураковъ.

Все это случилось такъ скоро, такъ неожиданно, что головы ихъ обоихъ, отуманенные упоеніемъ перваго признанія, грозили измѣнить тайнѣ внутренняго блаженства, и женщина, какъ существо, самое умное изъ двухъ существъ различнаго пола, вмѣстѣ взятыхъ, рѣшилась разомъ выпутаться изъ этого опаснаго положенія.

— Вообразите, Варвара Васильевна, сказала она, садясь возлѣ хозяйки и говоря тѣмъ таинственнымъ полу-шопотомъ, который превосходно возбуждаетъ общее любопытство, вообразите какъ добръ Николай Петровичъ! Онъ согласился на все!

— Да на что же это онъ согласился, моя милая Ольга Александровна? меня вѣдь не было съ вами!... почему же мнѣ знать, о чемъ вы съ нимъ совѣщались! отвѣчала Варвара Васильевна, передавая голосу остатокъ того неудовольствія, которое гнѣздилося въ душѣ ея, послѣ того какъ Ольга Александровна Грулева разстроила своими улыбками ея планы на Долоновскаго.

— Какъ! развѣ я вамъ не говорила?... объ этомъ мѣстѣ, котораго такъ желаетъ мой мужъ?... Нѣтъ?... Ну, такъ подсудите: я ужасно опасалась за моего добраго мужа!...

И Ольга Александровна пустилась рассказывать Варварѣ Васильевнѣ, какія опасности предстоятъ тамъ, куда имъ хочется, по семейнымъ уваженіямъ; какъ она боится, что мѣстный начальникъ, съ которымъ они не знакомы и посоветовалась, не станетъ ихъ жаловать; какъ трудно будетъ ужиться съ нимъ такому кроткому, скромному, добронравному человѣку, такому ангелу, каковъ ея безцѣнный супругъ, и какъ Николай Петровичъ, который личный другъ этому невзвѣстному начальнику и уѣзжаетъ въ Петербургъ, обѣщала ей не только все уладить, но и уговорить Григорія Ивановича.... и прочая, и прочая.... очень дѣльный вздоръ,

придуманной мгновенно изобрѣтательностью Ольги Александровны.

— Николай Петровичъ уѣзжаетъ? спросила Варвара Васильевна съ явнымъ удовольствіемъ, что Николай Петровичъ, похищенный у нея изъ рукъ, не останется въ рукахъ похитительницы.

— Да! онъ уѣзжаетъ! промолвила Грулева съ поддѣльною грустью.

— Я этому не вѣрю, сказала Варвара Васильевна, насмѣшливо глядя на Грулеву. Николай Петровичъ вѣрно такъ любилъ нашу Москву.... что ему пріятнѣе будетъ.... какъ же вы это не удержите его?...

— Не слушается! отвѣчала Грулева, спокойно выдержавъ ироническій взглядъ хозяйки. Ему очень нравится Москва... и онъ скоро воротится сюда, но.... увы!... когда уже насъ здѣсь не будетъ!... Онъ такъ полюбилъ вашъ домъ, васъ, ваше семейство, что, говоритъ, вѣкъ бы здѣсь оставался.... но дѣла!... Я сама не охотно оставила бы Москву, если бы моему мужу не было удобнѣе въ другомъ мѣстѣ.... я привыкла съ охотой исполнять всѣ его желанія. — Извините, что я такъ рано оставляю васъ, прибавила она вставая, но Николай Петровичъ уѣзжаетъ завтра утромъ, и мнѣ надо приготовить для него письмо къ моему мужу. Имъ будетъ очень пріятно познакомиться. Николай Петровичъ! не забудьте же прислать мнѣ завтра поутру письмо къ вашему грозному другу.... Вы не повѣрите, сколько вы меня успокоили и обнадружили обѣщаніемъ вашего добраго предстательства.... Мы всю жизнь будемъ вамъ благодарны.

Долоновскій слышалъ весь разговоръ, и сначала не понималъ что значитъ этотъ его отъѣздъ, онъ вовсе не хотѣлъ уѣзжать. Но взглядъ, брошенный украдкою, нѣсколько успокоилъ и падоумилъ умнаго человѣка.

— Вамъ никакъ нельзя быть у меня.... въ отсутствіе моего мужа!... я окружена церберами и евнухами.... о! какъ я несчастна если бы вы знали!... я угнетена.... шепнула она Долоновскому при прощаніи. Пишите ко мнѣ завтра поутру.... я открыла вамъ путь и предложу.... вы слышали! Я буду отвѣчать: у меня теперь есть случай.... Пишите все, что думаете, что чувствуете.... Я обѣщаю вамъ быть откровенною.... Но.... ради Бога!... будьте осторожны!... Не давайте ни кому примѣтить... Вы позволите мнѣ, прибавила она,

возвышая голосъ, присоединить къ письму маленькую посылочку для моего мужа?...

Умный человекъ почтительно поклонился.

— Прощайте!,... полюбите его!... онъ стоитъ всей вашей дружбы.... ангельское сердце!...

Она уѣхала.

На другой день, къ Ольгѣ Александровнѣ Грулевой принесли отъ Долоновскаго толстый пакетъ. Посланный, которому дано приказаніе отдать, согласно надписи, *въ собственныя руки*, получилъ обратно, черезъ часъ большое письмо, съ огромною печатью и съ надписью—*весьма нужное* — и съ наставленіемъ, что это — то самое письмо, которое Николай Петровичъ — былъ такъ добръ—обѣщавъ доставить въ Петербургъ. На страстное и полное восторгу изъясненіе Долоновскаго, Ольга.. Ольга первая...отвѣчала съ чистосердечіемъ персидской рабы, спѣвшащей вздохнуть счастье и насладиться, прежде чѣмъ кинжалъ, который уже мелькаетъ вдали, утонетъ въ груди ея. Тутъ была полная исповѣдь Грулевой, написанная отчасти еще ночью, заранѣе. Она рассказывала другу подробности своей жизни, говорила откровенно, положила руку на сердце, не скрывала ничего. До-тѣхъ-поръ она не любила никого. Родителей она не помнила, братьевъ и сестеръ не было, передъ мужемъ она дрожала. Ни одного пріятнаго воспоминанія не вынесла она изъ годовъ юности. Мачиха, строгая и завистливая женщина, держала ее взаперти. Когда явился Грулевъ, Ольгу не уговаривали выйти замужъ, она сама обрадовалась возможности освободиться изъ неволи, — но бѣдная! — ошиблась. Она попала въ клѣтку, еще тѣснѣйшую. Грулевъ былъ одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ ревнивцевъ, которыхъ племя нынче переводится, и которыхъ окаменѣлые остовы потомство будетъ съ любопытствомъ осматривать въ музеумахъ геологическихъ между допотопными чудовищами. Съ желѣзной волей, съ тѣднымъ характеромъ, съ гранитною непреклонностью, съ первыхъ дней замужства этотъ страшный мужъ усилъ убѣдять жену, что онъ въ состояніи убить или обезславить ее при малѣйшемъ подозрѣніи. Какъ женщина умная, она тотчасъ нашла средство сдѣлать положеніе свое сколько-нибудь сноснымъ, принялась кокетничать съ страшнымъ мужемъ, разыгрывать роль влюбленной, и такъ искусно, что вышедшій мужъ увѣрился въ ея безграничной любви. Тяжелая была такая роль для Ольги: но что дѣлать; неволя пля-

шеть, неволя скачетъ, неволя пѣсенки поетъ! Сердце сжа-лось бы и у самаго хладнокровнаго читателя при описаніи той грустной жизни, тѣхъ глубокихъ страданій, которыя были удѣломъ бѣдной красавицы въ продолженіи долгихъ лѣтъ. Что же долженъ былъ почувствовать человѣкъ, кото-рый уже любилъ эту бѣдную красавицу, человѣкъ, которо-му она говорила, что онъ — одинъ онъ можетъ подарить ее еще невѣдомымъ счастьемъ, что если онъ лишитъ ее этой единственной надежды, у ней не останется на свѣтѣ ничего, ни одной радости, ни одной отрады, и вся она превратится въ безконечное страданіе. Трогательно было это письмо, силь-на была любовь, внушившая его, счастливыъ былъ тотъ, къ кому писано оно!

Письмо Долоновскаго дышало не менѣ пылкой и еще бо-лѣ преданной любовью. Онъ отдавалъ себя въ полное распо-ряженіе Ольги первой, обѣщавъ исполнять все, что и какъ она прикажетъ, даже удалиться на время, если то нужно будетъ для ея спокойствія. Письмо это было вѣрнымъ отраженіемъ характера Долоновскаго, благороднаго, готоваго на самое высокое самоотверженіе, безгранично добраго и великодуш-наго. Разумѣется, что въ эту минуту самопожертвованіемъ еще не было ни повода, ни мѣста. Надлежало, прежде всего наслаждаться блаженствомъ помощью благоразумія, осча-стливить любимую женщину, положить начало вѣчности — потому что, какъ сказано, рѣшено было еще вчера, любовь должна вѣчно продолжаться.

Долоновскій не уѣзжалъ изъ Москвы. Перемѣны намѣренія невозможно было перетолковать во вредъ Грулевой. Предо-сторожности такъ хорошо были приняты влюбленными, что даже и Варвара Васильевна подозрѣвать ихъ не могла. Во-пер-выхъ москѣ Долоновскій и мадамъ Грулева никогда уже не бывали вмѣстѣ у Варвары Васильевны; во-вторыхъ Николай Петровичъ, какъ то достоверно знала Варвара Васильевна съ своимъ ареопагомъ, не былъ знакомъ въ домѣ Ольги Алек-сандровны. Ихъ оставили въ покоѣ, потому что ничего не придумали во вредъ имъ, и они блаженствовали безмятежно, не болѣе впрочемъ нѣсколькихъ недѣль.

Пріѣхалъ мужъ синяя-борода съ роковой вѣстью: его не-ррели въ нашъ славный городъ. Это извѣстіе поразило влю-бленныхъ, разстроило ихъ пламы и гровило, если не вѣчной, по-крайней-мѣрѣ долговременной разлукой, а они — было такъ хорошо устроили свои наслажденія!.. даже в сто санихъ

бороды не помѣшали бы имъ! Долоновскій собирался переселиться совсѣмъ въ Москву. Во время первой встрѣчи съ Грулевой онъ возвращался изъ деревни въ Петербургъ. Онъ служилъ въ Петербургѣ, и былъ тогда въ отпуску. Какъ тутъ разстаться съ этой чудесной, умной, несравненной Ольгой! И что дѣлать теперь? Въ Москвѣ Долоновскій могъ бы жить и безъ службы, могъ бы видаться съ Ольгой и безъ соизволенія синей-бороды, не бывая у нихъ въ домѣ, не знакомясь открыто съ ней: но что удобно въ Москвѣ, то рѣшительно невозможно въ нашемъ славномъ городѣ. Можно ли въ провинціальномъ городѣ, гдѣ извѣстенъ каждый шагъ cadaго, сочинить заколдованныя свиданія въ невидимомъ домѣ, исчезать и являться по произволу, какъ это дѣлаютъ влюбленные въ столицахъ? Съ какой стати Долоновскому поселиться въ нашемъ славномъ городѣ? Какой предлогъ дать постоянному пребыванію въ такой торжественной глуши? Но любовь на выдумки хитра. Долоновскій разстался съ обожаемой Ольгой первой, обѣщавъ честнымъ словомъ увидаться снова въ стѣнахъ нашего города. Много было хлопотъ, долго ждалъ онъ, долго добивался, какъ нарочно не было ни одной вакансіи въ нашемъ городѣ.

— Что вамъ за охота, сказалъ ему однажды его начальникъ въ Петербургѣ: перемѣщаться непременно туда? Хотите ли перемѣнить службу?... выбирайте любое мѣсто, возьмите въ своей губерніи мѣсто предсѣдателя палаты, или прокурора.... Хотите ли вице-губернаторское?... такихъ кандидатовъ, какъ вы, мало: вамъ охотно дадутъ его.

— Благодарю.... но мнѣ бы хотѣлось туда....

— Зачѣмъ? Подумайте только, какая даль, какая степь!...

— Интересный край.... страна любопытная для изученія.... естественная исторія этой полосы еще такъ мало извѣстна, а это — моя любимая наука.

— Что вы? что вы?... Ахъ! вы, ученые!... право!... Но знаете ли, что?... отъ естественной исторіи до статистики — одинъ только шагъ: ну, мы дадимъ вамъ порученіе туда по части статистики....

— Еще разъ благодарю васъ, по я желаю постоянного мѣста въ этомъ городѣ.

— Что же намъ съ вами дѣлать! Ни одного какъ нарочно нѣтъ!

— Неужели ни одного? сказалъ искатель съ отчаяніемъ: ну, такъ дѣлать нечего, я подожду.

Прошло уже цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, какъ онъ разстался съ Ольгой: она писала ему, что сойдетъ съ ума; да и онъ былъ совершенно расположенъ послѣдовать ея примѣру.

— Неужели все еще не открылось ни какого мѣста? повторялъ онъ часто разнымъ секретарямъ департаментовъ.

— Есть одно, да не такое.... не для васъ, отвѣчали ему наконецъ.

— Такое высокое, что ли, что я не могу его занять?

— Напротивъ, такое маленькое!

— Нужды нѣтъ, я беру его! вскричалъ образованный Долоновскій и побѣжалъ къ начальнику съ убѣдительноѣйшею просьбою.

— А! понимаю!.... вѣрно, влеченіе сердца!. . сказалъ начальникъ: интересный край, потому что навѣрное тамъ есть интересная особа. Молодость молодостью! Вотъ ужъ меня старика не заманешь на этотъ интересъ!... Другъ мой, позвольте вамъ сказать, вы затѣваете пустяки! Никакая женская служба не стоитъ казенной. Я говорю это по опыту. Мы сами бывали влюблены.... Со мною былъ точно такой же случай; только я былъ тогда помоложе васъ. Мнѣ давали мѣсто въ Петербургѣ, а голубые глазки, да малиновыя губки не пускали меня изъ провинціи: хорошо, что насильно выпроводилъ меня отецъ красавицы! Я ему очень благодаренъ за эту жестокость. Черезъ нее я вышелъ въ люди, отличился, сталъ полезнымъ обществу, по мѣрѣ силъ и способностей. Подумайте, не дурачьтесь! А впрочемъ, ну пожалуй, на-время побѣжайте себѣ.... время и должность стряпчаго быстро вымечиваютъ отъ всякихъ разныхъ фантазій.

Долоновскій стоялъ однако на своемъ. Не отвѣчая ничего на замѣчанія своего друга, — начальника, онъ просто объявилъ ему, что все его честолюбіе ограничивается теперь этимъ мѣстомъ. Онъ говорилъ такъ настоятельно, такъ убѣдительно, что и другу и начальнику нечего было больше дѣлать, какъ пожать плечами и согласиться. Долоновскій вовсе не былъ честолюбивъ. Онъ служилъ, и потому что хотѣлъ быть полезнымъ, и потому что не любилъ даромъ терять время, какъ выражался Сергій Павловичъ. Теперь же онъ былъ еще и влюбленъ: что стоило ему послужить стряпчимъ годъ, другою? Между-тѣмъ, могло въ нашемъ славномъ городѣ открыться мѣсто поважнѣе. Можно было также надѣяться на

переведеніе Грулева въ Петербургъ — конечно, не совсѣмъ неизбежное. Ольга писала, что мужъ ея такъ доволенъ у насъ, что долго не захочетъ другаго мѣста: но мало ли что случается, а пока мѣсть зачѣмъ не пожертвовать двумя тремя годами жизни для счастья Ольги и собственнаго своего?

И вотъ Долоновскій стряпчимъ.

Сначала все шло прекрасно. Грулевъ не могъ имѣть подозрѣній ни какихъ. Онъ никогда не слыхалъ о Долоновскомъ и не воображалъ, что Ольга Александровна знала его въ Москвѣ. Долоновскаго перевели изъ Петербурга, гдѣ Ольга Александровна никогда не бывала. Конечно, въ первое время, интересный стряпчій, отъ котораго всѣ сходили съ ума; показался опаснымъ синей-бородѣ, обладательницѣ такой красавицы.... Но скоро умъ Ольги первой и искусное равнодушіе Долоновскаго успокоили лютаго ревнивца. Интересный стряпчій такъ мало обращалъ вниманія на красавицу, что Грулеву и въ голову не могло прійти ни какой возмутительной мысли. Все обстояло благополучно, хотя и не совсѣмъ такъ удобно, какъ въ Москвѣ. Свиданія были трудны, очень трудны; но зато еще болѣе сладки. Интересный стряпчій столько выстрадалъ въ разлукѣ съ Ольгой первой, что былъ уже счастливымъ отъ одного присутствія ея. Ктому-же Ольга первая была самая очаровательная женщина въ мірѣ: никто не могъ бы ни умѣе возбуждать страсти, ни милѣе поддерживать ея въ напряженіи. Она обладала всѣмъ, что можетъ дѣйствовать на умъ, воображеніе и чувства мужчины высшего разряда; она была вся нѣжность, вся пламень, вся умъ, поэзія, прелесть. Долоновскій былъ отъ нея безъ памяти, въ полномъ смыслѣ слова. А Грулева? Нѣтъ! она не была счастлива вполнѣ. Не упреки совѣсти, не мысль о долгѣ, мѣшало ей наслаждаться счастьемъ, дарованнымъ судьбою: страхъ, трепетъ, ужасный, непреодолимый преслѣдовали ее постоянно. Читая письма ея, начертанныя въ первое время пребыванія здѣсь Долоновскаго, Ольга Константиновна (Ольга вторая) останавливалась въ раздумьѣ. Эти письма дышали такой страстной любовью, что въ искренности и глубинѣ любви невозможно было сомнѣваться. Грулева любила Николая такъ много, такъ сильно, какъ только можно любить: «Но, странное дѣло, отчего же любовь, говорила про себя Ольга вторая, эта сильная, страстная любовь, такъ мало внушаетъ ей энергіи? отчего она не придаетъ ей силъ бороться съ препятствіями, если это нужно для счастья. Конечно,

страхъ быть разгаданной лютымъ носорогомъ очень натураленъ: но зачѣмъ страхъ такъ великъ? отчего боязнь разъярить носорога, котораго ненавидятъ, сильнѣе опасенія огорчить человѣка, котораго обожаютъ? Она любитъ Николая, но далеко не такъ сильно какъ онъ ее....

Ошибалась ли Ольга, или справедливо судила она, это мы увидимъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Все обстояло благополучно, повторяю я, и хотя Грулева не переставала трепетать, однако, благодаря умно принятымъ предосторожностямъ, все предвѣщало спокойное счастье, какъ вдругъ гроза — разразилась такъ неожиданно, что если бы не чудный умъ Ольги первой, носорогъ пожралъ бы заразъ двухъ Ольгъ вмѣстѣ — Ольгу первую, и Ольгу вторую. Но лучше рассказать во второй части.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

=

РОМАНЪ АНДЕРСОНА.

(СЪ ДАТСКАГО.)

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Вы бывали въ Римѣ? Такъ стало-быть знаете Piazza Barberini съ прекраснымъ фонтаномъ, у котораго тритоны высоко выдувають въ раковины струи прозрачной воды. А если вы не бывали въ Святомъ Городѣ, такъ видѣли по-крайней-мѣрѣ эту площадь и фонтанъ на рисункахъ и гравюрахъ тысячи одной книги объ Италіи. Жаль только, что артисты, снимая этотъ видъ, не снимаютъ дому на углу Via Felice, изъ стѣны котораго низвергается вода тремя ручьями въ гранитный бассейнъ. Домъ этотъ для меня особенно замѣчателенъ. Я въ немъ родился.

Въ памяти моей тѣснятся столько дорогихъ воспоминаній о дѣтствѣ, что я не знаю на которомъ остановиться; и когда пробѣгаю воображеніемъ драму всей моей жизни, то еще менѣе при-

думаю, о чемъ говорить, о чемъ молчать. Обстоятельства, самыя занимательныя для меня, могутъ показаться пустыми читателю. Одно средство—просто и откровенно рассказать свою жизнь; и прошу не прогибаться, если иногда тщеславіе будетъ руководствовать перомъ моимъ и введетъ меня въ ошибки: тщеславіе съ самой ранней юности посѣяно въ душѣ моей. Подобно горчичному сѣмени, оно разбросило вѣтви во всѣ стороны и подтѣнью ихъ возмужали мои страсти.

Будучи лѣтъ шести, помню, я разъ игралъ съ другими дѣтьми около церкви Капуциновъ. На дверяхъ этой церкви виситъ маленькій желѣзный крестъ. Я уже былъ такъ великъ, что поднимая руку могъ достать до него. Крестъ этотъ былъ намъ очень знакомъ; каждый разъ, проходя мимо, матери наши поднимали насъ на руки давая поцѣловать священный знакъ искупленія. Мы пошли къ дверямъ церкви и хотѣли поцѣловать Христа, но, какъ губы наши не могли достать такъ высоко, мы стали поднимать другъ друга на плечахъ и поднимая падали. Въ эту минуту пришла моя мать, и увидавъ нашу дѣтскую игру, скрестивъ руки, сказала, что она видитъ насъ, кажется, въ числѣ ангеловъ Божіихъ.... а ты — мой ангелъ! мой собственный! прибавила она цѣлуя меня.

Послѣ я слышалъ эти же слова отъ одного изъ нашихъ соседей; они мнѣ очень нравились, но отъ нихъ невинность моя какъ будто уменьшилась. Такъ моя мать, сама не зная того, посѣяла въ душѣ моей первое горчичное сѣмя.

Она любила хвалить меня за тихій и добрый нравъ, и похвалами прибавляла къ тѣмъ качествамъ, которыя я имѣлъ, другія воображаемыя. Она не подумала о томъ, что невинность ребенка походить на василиска, который, говорятъ, тотчасъ умираетъ, какъ увидитъ себя въ зеркалѣ.

Даже исповѣднику своему, капуцинскому монаху Фра-Мартино, она рассказала, какой я благочестивый ребенокъ. Я много проговорилъ ему наизусть молитвъ, хотя ни одной изъ нихъ не принималъ. Монахъ похвалилъ меня и подарилъ прекрасный образокъ Божьей Матери; она представлена была проливающимъ обильныя слезы, которыя какъ дождевыя капли падали въ средину адскаго пламени, и осужденные освѣжались ими свои иссохшія губы.

Фра-Мартино водилъ меня одѣжды въ свой монастырь; я помню тамъ колоннаду, окружающую маленькій монастырской огородъ, отгѣненный двумя кипарисными и двумя померанцовыми

деревьями. Мы проходили по открытымъ галереямъ вдоль стѣнъ, на которыхъ висѣли другъ подлѣ друга портреты умершихъ монаховъ, а на дверяхъ каждой кельи были нарисованы сцены изъ житія мучениковъ. Я ихъ разсматривалъ съ такимъ же святымъ уваженіемъ, какое внушали мнѣ въ послѣдствіи только образцы творенія Рафаэля и Андрея дель-Сарте.

— Ты умное дитя, сказалъ онъ мнѣ, я покажу тебѣ мертвыхъ. Черезъ маленькую дверь въ галерею, выстроенной на нѣсколько футовъ ниже колоннады, мы спустились въ жилище мертвыхъ. Тамъ я увидѣлъ вокругъ себя множество скелетовъ, стоящихъ одинъ подлѣ другаго, такъ что изъ нихъ были образованы стѣны и молельни. Въ молельняхъ устроены правильныя ниши, а въ нихъ сидѣли скелеты, въ темныхъ капюшонахъ, съ молитвенникомъ или букетомъ увядшихъ цвѣтовъ въ рукахъ. То были монахи, въ продолженіи всей жизни приносившіе большую честь монастырю достоинствами или высокимъ благочестіемъ. Всѣ сосуды были сдѣланы изъ плечныхъ костей и позвонковъ, и стояли на пьедесталахъ изъ костей человѣческихъ. Зрѣлище отталкивающее; изобрѣтеніе ужасное!

Я прижался къ Фра-Мартино, шептавшему молитву.

— Я также буду здѣсь лежать когда нибудь, сказалъ онъ окончивъ молитву... Придешь ли ты въ то время посѣтить меня?...

Отъ страха я не могъ произнести ни звука. Мои взгляды попеременно обращались то на монаха, то на это чудное отвратительное сборище. Неблагоразумно было вести дитя въ такое мѣсто. Я опомнился возвратившись въ маленькую келью монаха, изъ окна которой я могъ срывать золотистыя померанцы и восхищаться, вистѣвшимъ на наружной стѣнѣ, прекраснымъ изображеніемъ Божьей-Матери, уносимой въ небо ангелами, при блестящемъ сіяніи солнца, изъ гроба, наполненнаго миріадами цвѣтовъ.

Это первое посѣщеніе монастыря долго занимало мое воображеніе и до-сихъ-поръ остается рѣзко начертаннымъ въ памяти. Монахъ этотъ мнѣ представлялся существомъ особеннымъ. Его жинье около мертвецовъ въ темныхъ капюшонахъ, на которыхъ онъ походилъ, рассказы житія святыхъ людей, глубокое уваженіе, питаемое къ нему моею матерью за его добродѣтели и благочестіе, все это родило во мнѣ мысль: сдѣлаться со временемъ такимъ же замѣчательнымъ человѣкомъ.

Мать моя была вдова; она получала средства для жизни отъ рукодѣля и передачи въ насъ одной изъ нанятыхъ нами комнатъ. Мы съ нею помѣщались въ маленькой комнаткѣ, подлѣ

крышею, а другую отдавали въ наемъ молодому живописцу. Фридерикъ, такъ его звали, былъ живой, веселый, добрый человѣкъ, и пришелъ, какъ рассказывала мнѣ мать, изъ далекой стороны, гдѣ не знали ни Божьей-Матери, ни младенца Іисуса. Онъ былъ Датчанинъ. Въ то время я не сомнѣвался, что всѣ люди говорятъ однимъ языкомъ, и когда Фридерикъ не понималъ моихъ словъ, мнѣ казалось, что онъ глухъ, и потому я кричалъ ему какъ могъ громче, что его очень смѣшило. Онъ приносилъ мнѣ фруктовъ, лакомствъ, рисовалъ лошадей, солдатъ, домъ. Я его очень полюбилъ, и матушка очень хвалила его.

Упомяну еще о третьемъ лицѣ, занимавшемъ важное мѣсто въ моемъ дѣтствѣ: то былъ мой дядя Пеппо, обыкновенно называемый злымъ Пеппо, или еще королемъ Испанскаго Крыльца, потому что онъ ежедневно находился въ этомъ мѣстѣ. Хотя онъ родился съ двумя совершенно сухими ногами, которыя и остались вовсе безъ употребленія, однако съ дѣтства приобрѣлъ способность двигаться на рукахъ, къ которымъ привязана была рама, съ двумя по концамъ планочками. На этихъ-то планочкахъ онъ двигался также легко и скоро, какъ всякій изъ насъ на здоровыхъ и крѣпкихъ ногахъ. Сидя на ступеняхъ Испанскаго Крыльца онъ не просилъ милостыни, а кричалъ, улыбаясь насмѣшливо, каждому проходящему: «Вуон гіогно», даже когда солнце давно уже сѣло.

Мать моя, его родная сестра, его не очень любила; я даже думаю, что стыдилась этого родства; но изъ любви ко мнѣ, какъ не разъ говорила, старалась сохранять съ нимъ хорошія отношенія. У дяди Пеппо было въ сундучкѣ то, чего мы не имѣли, что могло перейти въ наслѣдство ко мнѣ, еслибъ я заслужилъ его расположеніе, и ему не вздумалось бы сдѣлать пожертвованіе въ церковь. Хотя онъ и любилъ меня по своему, но я его боялся; притомъ одно обстоятельство увеличило еще болѣе мою боязнь.

На одной изъ высшихъ ступеней лѣстницы сидѣлъ слѣпой старикъ, который трясъ тихонько свой свинцовый ящичекъ, чтобъ стукомъ привлечь вниманье проходящихъ, и это ему удавалось. Многіе, сходя съ лѣстницы, не замѣтивъ ни ужимки, ни поклоновъ моего дяди, бросали бајоссо въ ящикъ слѣпаго. Пеппо не могъ долго скрывать своего неудовольствія. Онъ, какъ змѣя, подползъ къ нему, ударилъ въ лицо, и неожиданнымъ ударомъ выбилъ у него изъ рукъ и деньги и палку, крича ему: «Воръ; ты хочешь отнять у меня то, что мнѣ принадлежитъ. Онъ не из-

увѣченъ, имѣеть одинъ недостатокъ ничего не видѣть, и хотеть вырвать изо рта у меня кусокъ хлѣба!»

Я не дослушалъ, чѣмъ у нихъ кончилось, убѣжалъ, неся до-ной бутылку вина, за которою меня посылали. Въ большіе праздни-ки я долженъ былъ идти съ матерью къ дядѣ, въ его жильѣ, на поклонъ. Мы приносили ему каждый разъ какой-нибудь ма-ленькій подарокъ, или винограду, или свѣжихъ плодовъ, что обык-новенно составляло его завтракъ. Въ этихъ случаяхъ я долженъ былъ поцѣловать его руку и назвать дяденькой. На это онъ какъ-то странно улыбался и давалъ мнѣ полъ-вајоссо, убѣ-ждая спрятать монету, по временамъ смотрѣть, а на лакомства не тратить; когда ты лакомства съѣшь, объяснялъ онъ, у тебѣ ничего не останется, а если монету спрячешь, будешь имѣть кое-что.

Жилье его было темно и нечисто. Одна изъ двухъ комнатокъ, имъ занимаемыхъ, была безъ оконъ, а другая почти до потолка наполнена битыми стеклами. Кромѣ широкаго, большаго сундука, на которомъ онъ спалъ, и двухъ другихъ поменьше, заключав-шихъ его пожитки, въ комнатѣ ничего не было. Каждый разъ, когда нужно было идти къ дядѣ, я принимался плакать; а мать моя, хотя учила показывать ему расположеніе, однако пугала мнѣ, когда я проказилъ, говоря что отвезетъ къ противному дядѣ, который посадитъ меня позади себя на лѣстницѣ и заста-вить пѣть.... По крайней-мѣрѣ ты будешь на что-нибудь годенъ и заработаешь вајоссо. Эти угрозы не пугали меня, я зналъ что она не поступитъ такъ со мною: она меня любила какъ зѣнцу ока своего.

На домѣ нашего сосѣда былъ образъ Пречистой Дѣвы, и передъ нимъ постоянно горѣла лампада. Каждый вечеръ, когда церковный колоколъ звонилъ Ave Maria, мы съ дѣть-ми сосѣда становились передъ образомъ на колѣни и пѣли кантаты Богоматери и Младенцу Иисусу; товарищи, бывшіе богаче меня, украшали образъ лентами, четками, серебря-ными сердечками. При дрожащемъ свѣтѣ лампы мнѣ часто представлялось, что мать и сынъ намъ улыбаются. Голосъ мой былъ чистъ и звонокъ; говорили что я пою удивительно. Од-нажды, англійское семейство остановилось насъ слушать, и когда мы окончили пѣніе, одинъ изъ нихъ далъ мнѣ серебрянную мо-нету. — Это за твой прекрасный голосъ, сказала моя мать.

Послѣ этого случая, часто, стоя передъ образомъ на колѣ-няхъ, я разсѣивался, высматривалъ, не слушаетъ ли кто-

нибудь мое пѣніе. За этой мыслью слѣдовало угрызение совѣсти. Я боялся прогнѣвить Божию Матерь, и просилъ Ее быть ко мнѣ, бѣдному дитяти, снисходительною.

Вечернее пѣніе было почти единственнымъ временемъ, когда я видѣлся съ дѣтьми сосѣда. Остальное время я жилъ тихо, уединенно, среди мечтательнаго міра, созданнаго моимъ воображеніемъ. По цѣлымъ часамъ я лежалъ растянувшись на спинѣ, и обратясь къ открытому окну разсматривалъ величественное небо Италіи, чудесно прозрачное и свѣтящееся, удивлялся пурпурнымъ отолескамъ, при закатѣ солнца, воздушнаго свода, голубымъ облакамъ, съ фіолетовыми окраинами на золотомъ полѣ. Сколько разъ желалъ я летѣть за дворець Квириналъ, до тѣхъ вѣковыхъ сосенъ, которыя какъ черныя тѣни рисуются на отдаленномъ горизонтѣ.

Изъ другаго окна нашей комнатки видны были два двора, нашъ и сосѣдній, чрезвычайно тѣсные, окруженные высокими домами, съ деревянными балконами. Посреди каждаго двора каменный колодезь, а между нимъ и стѣнами такой незначительной промежуткомъ, что едва одинъ человекъ могъ повертнуться. Такъ, съ этой стороны видны были только два глубокіе водоема, почти совершенно укрытые скудною травой. Сквозь сѣтку листьевъ и цвѣтовъ, мнѣ казалось, я могъ проникнуть во внутренность земли, и воображеніе рисовало мнѣ тамъ пристрашныя изображенія.

II.

Датскій живописецъ, нашъ постоялецъ, иногда бралъ меня съ собою въ прогулки за городъ. Мое сообщество его вислолько не стѣсняло; я не мѣшалъ ему когда онъ былъ занятъ составленіемъ эскиза; скончавъ работу, онъ забавлялся моимъ болтаньемъ: онъ уже начиналъ понимать по итальянски.

Однажды мы дошли съ нимъ до Curia hostilia, сходили въ глубь тѣхъ мрачныхъ пещеръ, гдѣ въ древности помѣщаются были дикіе звѣри, назначаемые на игры въ циркѣ, куда бросаемы были шевянные плѣнники на съѣденіе львамъ и гіенамъ. Насъ водилъ по темнымъ переходамъ монахъ съ горящимъ факеломъ, которымъ онъ изрѣдка постукивалъ объ стѣны. Тамъ я помню водоемъ, наполненный прозрачною водою, въ которой можно было смотрѣться какъ въ зеркалѣ.

— Не поидежъ ли мы опять въ пещеры? спросилъ я своего

друга, вышедши съ нимъ гулять? Я видѣлъ въ концѣ улицы вертушку Коллзея.

— Да, только не въ тѣ, въ которыхъ мы были, отвѣчалъ онъ.

Долго шли мы волеѣ каменныхъ стѣнъ, огороженныхъ полей, обсаженныхъ виноградными лозами, около развалинъ древнихъ банъ и наконецъ вышли изъ Рима.

Солнце палило; крестьяне ѣхавшіе по одной съ нами дорогѣ, спали въ телѣгахъ, водѣ навѣсами изъ вѣтвей, а лошади ихъ безъ надзору, едва переступая, шли по дорогѣ и ѣли сѣно, сязкой привязанное на шеѣ. Въ гротѣ Эгеріи мы остановились отдохнуть, позавтракали и освѣжились виномъ, мѣшая его съ водою источника, вытекающаго изъ скалы. Стѣны и сводъ внутри грота покрыты тонкимъ, бархатнымъ мхомъ; а снаружи волеѣ главнаго входу плющъ образовалъ зеленое покрывало, не уступающее пышностью винограднымъ шпалерникамъ Калабріи.

Недалеко отъ грота видѣнъ былъ (теперь едва слѣды остались) маленькой, полуразрушенный домъ, близъ одного изъ отверстій, по которому спускались въ Катакомбы. Извѣстно, что въ древнія времена эти подземныя пещеры составляли цѣпь, соединявшую Римъ съ окрестными городами; но въ позднѣйшее время многія изъ нихъ осыпались, а другія нарочно заложены, потому что служили притономъ бандитамъ и контрабандистамъ. Въ то время существовали только два входа; одинъ изъ церкви Святаго Севастіана, а другой повыше упомянутаго мною полуразрушеннаго дома. Мы одинъ изъ послѣднихъ спускались по второму; его скоро закрыли. Въ настоящее время открыть для иностранцевъ входъ изъ церкви. Ихъ водить по этому глубокому и мрачному лабиринту монахи. Переходы такъ многочисленны и такъ сходны между собою, что въ нихъ верѣдко блудятъ даже тѣ, которые хорошо знаютъ главное направленіе.

Не зная какой опасности подвергся, я не могъ чувствовать страху; мнѣ не случилось даже слышать прежде о катакомбахъ; товарищъ мой вѣрно также не предвидѣлъ опасности, иначе бы не рѣшился взять съ собою ребенка. Онъ привязалъ одинъ конецъ веревочнаго клубка у входа въ подземелье, зажегъ свѣчу и мы начали странствованіе. Сводъ мѣстами былъ такъ низокъ, что я едва могъ стоять прямо, мѣстами поднимался до такой высоты, что едва былъ приѣтенъ; проходы были то узки, то расширялись въ обширныя площадки. Мы достигли ротонды, посреди которой стоитъ маленькой каменный жертвенникъ, на которомъ первые христіане преслѣдуемые иновѣрцами служили об-

дню. Фридерикъ мнѣ сказалъ что тамъ погребено навѣ четыредцать и много тысячъ мучениковъ. Сквозь трещины каменныхъ гробницъ видны были пожелтѣвшія кости. Вереvoчный клубокъ раскрутился, мы далѣе идти не могли. Фридерикъ привязалъ конецъ въ петлицу, утвердилъ свѣчу на землѣ обложивъ ее камнями, началъ снимать эскизъ перехода, въ которомъ мы находились, а я сѣлъ подлѣ него на камнѣ. Свѣча догорала, но у Фридерика была въ запасѣ другая и огниво, на случай еслибъ свѣча погасла.

Тишина была прерываема легкимъ и однозвучнымъ паденіемъ воды, прососавшей сводъ и стѣны подземелья. Воображеніе мое представляло множество чудныхъ предметовъ въ этихъ непроходимыхъ мрачныхъ переходахъ; я тихо сидѣлъ занятый своими мыслями и вдругъ изъ мечтанія былъ выведенъ тяжелымъ вздохомъ моего друга. Это заставило меня оборотиться къ нему.... онъ уже оставилъ прежнее мѣсто и бродилъ вокругъ него, наклоняясь и осматривая все по сторонамъ. Потомъ наклонился совершенно, какъ будто желая поднять что-то, но обманувшись послѣшно поднялся, зажегъ торопливо другую свѣчу и снова принялся искать. Его волненіе меня испугало; я всталъ съ мѣста и заплакалъ.

— Ради Бога, прошу тебя, дитя, останься на мѣстѣ, сказалъ онъ, продолжая внимательно искать.

— Я схватилъ его руку и тащилъ за собою, крича: пойдите на верхъ, я не хочу оставаться здѣсь.

— Дитя, ты милый мальчикъ; я дамъ тебѣ картинокъ, пирожного, если ты останешься на-мѣстѣ. Вотъ тебѣ деньги, продолжалъ онъ, высыпая мнѣ на руку все что было у него въ кошелькѣ. Но я чувствовалъ что рука его была холодна какъ ледъ, что онъ дрожалъ; мной овладѣло еще большее безпокойство, я не переставалъ кричать, призывая на помощь свою мать. Это его рассердило, онъ схватилъ меня за плечи и крикнулъ: я тебя прибую если ты не замолчишь и не останешься на мѣстѣ.

Вѣроятно боясь чтобъ я отъ него не убѣжалъ, онъ привязалъ мою руку платкомъ, и крѣпко за него держалъ. Потомъ, минутою спустя, наклонился ко мнѣ, обнялъ съ горячностью, назвалъ своимъ милымъ Антонію, и едва слышно произнесъ:

— Молись Божьей-Матери.

— Такъ веревочка потеряна? спросилъ я.

— Да, но мы ее найдемъ, непременно найдемъ, отвѣчалъ онъ торопливо, начиная свои поиски снова.

Меньшая свѣча сгорѣла, другая расплылась и жгла руку Фридерика, который былъ въ страшномъ волненіи. Намъ нельзя было думать рѣшиться искать выхода безъ веревочки; каждая попытка выйти еще больше могла удалить отъ входа.

Послѣ долгихъ и бесполезныхъ неканій живописецъ, потерянный, въ отчаяніи бросился на землю, обнялъ меня, говоря шепотомъ: «Бѣдное дитя!» а я горько плакалъ, я не надѣялся увидѣть ни свѣта ни матери.

Такъ лежа, я печально всунулъ руку въ песокъ и ощутилъ веревочку.

— Вотъ она, закричалъ я.

Онъ схватилъ мою руку; я думалъ что онъ помѣшался отъ радости. Да, жизнь наша въ ту минуту зависѣла отъ этой веревочки. Мы были спасены.

О, какъ показалось намъ солнце лучезарно, небо ясно, деревья и кусты зелены, когда мы вышли изъ катакомбовъ, и вдыхали чистый, живительный воздухъ.

Фридерикъ покрылъ меня снова поцѣлуями и подарилъ мнѣ прекрасные серебряные часы.

Обрадованный подаркомъ, я скоро позабылъ мучительное состояніе безнадежной тоски, въ которомъ былъ такъ недавно; но Фридерикъ рассказалъ подробно моей матери все съ нами случившееся, и она не могла забыть, и не хотѣла пускать меня гулять съ нимъ.

Фра-Мартино, которому мать не утерпѣла рассказать, увѣрялъ, что я былъ спасителемъ живописца, что онъ безъ меня погибъ бы, что Божія Матерь не дала бы веревочки Фридерiku, еретику, а подала мнѣ, какъ дитяти благочестивому, не забывавшему ее благости и милосердія. — Это наведеніе, вмѣстѣ съ шутками нашихъ друзей, что я рожденъ быть священникомъ, потому что не люблю женщинъ, кромѣ матери, утвердило ее въ намѣреніи посвятить меня служенію Господа. Дѣйствительно, не понимаю почему, въ то время я чувствовалъ къ женщинамъ какую-то ненависть, и не на шутку сердился когда пріятельницы матери цѣловали меня. Особенно мнѣ надоѣдала молодая поселянка, веселая, рѣзвая, по имени Маручья. Она служила натурщицею художникамъ, часто бывала у Фридерика, и отъ него заходила къ моей матери.

Мечты, въ которыя я погружался по цѣлымъ вечерамъ, были также приняты за вѣрные признаки моего духовнаго призванія. Когда я мечталъ и задумывался, мнѣ представлялись зам-

ки и церкви, которыя я думалъ построить когда разбогатѣю, великолѣпныя кареты, многочисленныя слуги, въ красной съ золотомъ ливрѣ, какъ у кардиналовъ; или сочинилъ исторію, подобную тѣмъ, которыя мнѣ рассказывалъ Фра-Мартинно; я былъ въ этой исторіи главнымъ лицомъ, мученикомъ, но, по благодати Мадоны, страданій не чувствовалъ. Особенно мнѣ хотѣлось ѣхать на родину Фридерика и стараться обратить на путь истины бѣдныхъ его соотечественниковъ, которые по незнанію не могли раздѣлять съ нами благодать спасенія.

Все это кончилось тѣмъ, что однажды утромъ мать моя, по собственному вдохновенію и по внушеніямъ Фра-Мартинно, одѣла меня въ маленькую курточку, а по-верхъ въ кисейную шитую рубашку, и показала въ зеркалѣ нарядъ мой.

Я принятъ былъ въ число дѣтей хора церкви Капуциновъ, послѣ кадилницы и пѣлъ во время службы. Фра-Мартинно училъ меня шонмъ обязанностямъ. Мнѣ очень нравился новый образъ жизни.

Скоро я такъ хорошо познакомился съ маленькой монастырской церковью, что закрывъ глаза могъ указать каждую голову херувимовъ, нарисованныхъ надъ главнымъ алтаремъ, и описать украшенія каждаго столба.

На другой день послѣ праздника Всѣхъ Святыхъ служили въ часовнѣ скелетовъ. Монахи пѣли панихиду по умершихъ, а я съ двумя мальчиками, однихъ со мной лѣтъ, кадилъ передъ главнымъ алтаремъ, сооруженнымъ изъ череповъ. Въ подсвѣчникахъ изъ костей горѣли свѣчи; въ руки скелетовъ всунуты были свѣжіе букеты цвѣтовъ.

Какъ обыкновенно, въ этой часовнѣ собралось много богомольцевъ на колѣняхъ. Пѣвчіе загремѣли торжественное Miserere. Взглядъ мой не могъ оторваться отъ мертвецовъ, присутствовавшихъ при служеніи, въ память ихъ совершаемому. Между ними и мною поднялись волнующіеся клубы куреній; мало по малу окружающіе предметы стали принимать въ глазахъ моихъ необычныя формы, въ ухахъ раздался звонъ тысячи колоколовъ; я не чувствовалъ себя на землѣ, и плавалъ въ потокѣ восторговъ. Но это состояніе не долго продолжалось; постепенно терялъ я чувства и упалъ.

Душный воздухъ отъ большаго стеченія народа въ часовнѣ, и чрезмѣрно напряженное воображеніе были причиной обморока. Я очнулся на колѣняхъ Фра-Мартинно, подъ померапцевымъ деревомъ, въ монастырскомъ саду.

Смутный рассказъ того что я чувствовалъ и видѣлъ во время служенія, принять былъ Фра-Мартиномъ и братьями какъ видѣнiе.

Вслѣдъ за тѣмъ я имѣлъ много чрезвычайныхъ сновъ, которые рассказывалъ моей матери, она передавала друзьямъ своимъ, и на меня смотрѣли какъ на избраннаго Богомъ.

Уже близокъ былъ праздникъ Рождества. Пастухи съ волышками, въ плащахъ, остроконечныхъ шапкахъ, бродили по городу, останавливаясь передъ каждымъ образомъ Богоматери, играть на своихъ инструментахъ, въ ознаменованiе того, что скоро долженъ родиться Спаситель. Эта печальная, монотонная музыка будила меня каждое утро, и вставъ я принимался твердить свой урокъ; я назначенъ былъ въ числѣ дѣтей, которые должны были говорить рѣчи на Рождество передъ образомъ Иисуса, въ церкви Ага соелі.

Не только я, но мать моя и Маручья тщеславились своимъ выборомъ. Мой добрый другъ Фридерикъ неменѣе радовался, и нѣсколько разъ, секретно, я говорилъ передъ нимъ мое похвальное слово, стоя на столѣ, покрытомъ ковромъ, точно также какъ и передъ благочестивымъ собраніемъ. Предметомъ рѣчей было скорбящее сердце Божьей Матери и красота Младенца Иисуса.

Я не былъ робокъ, и вѣрно отъ радости сердце мое дрожало, когда въ день торжества я находился передъ обществомъ, устремившимъ на меня глаза. Оно меня слушало съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ другихъ маленькихъ ораторовъ, говорившихъ прежде меня, такъ что я надѣялся заслужить награду. Но на томъ же столѣ, театрѣ моихъ успѣховъ, поставили малютку, съ Факимъ нѣжнымъ личикомъ, лучезарнымъ взглядомъ и мелодическимъ голосомъ, что она возбудила всеобщій восторгъ, и всѣ громко называли ее херувимомъ. Даже мать моя, которая съ радостью присудила бы мнѣ награду, объявила что эта дѣвочка точь въ точь похожа на одного изъ ангеловъ на мѣстномъ образѣ у главнаго престола. Ея большіе черные глаза, черные волосы, дѣтское, нѣсколько серьезное выраженіе личика, и необыкновенно нѣжныя руки меня поразили. Впрочемъ, все-таки мнѣ казалось, что мать моя видитъ въ ней черезъ-чуръ много достоинства, хоть она и меня также называла ангеломъ Божиимъ.

Есть сказка о соловѣѣ, въ которой говорится что эта птичка, только-что родившись, попортила носикомъ листьязъ розы, на которой висѣло ея гнѣздышко, не замѣтивъ что на розѣ уже начали образоваться цвѣточныя бутончики. Нѣсколько мѣсяцевъ позжѣ

роза увяла, и соловей для нее только пѣлъ свои пѣсни, пока не поколоса ея иглистыми вѣтвями.

Эта сказка часто приходила мнѣ на память, когда я выросъ, но бывши въ церкви Ага соелі я еще не зналъ ее, не слышалъ и сердце мое ее не угадывало.

Возвратясь домой, мать моя, Маручья и нѣкоторыя изъ нашихъ друзей заставляли меня повторить рѣчь. Это льстило моему тщеславію, но меня слушали уже не такъ внимательно какъ въ первый разъ. Прелесть новизны была потеряна. Мнѣ вздумалось сочинить другую. То что я сочинилъ была не рѣчь, а описаніе церемоній праздника. Прежде всѣхъ я прочелъ ее Фридеріку, и хотя онъ хохоталъ слушая, но я остался доволенъ, когда онъ сказалъ, что моя рѣчь не хуже той, которую для меня сочинилъ Фра-Мартіно, и что во мнѣ есть зародышъ поэзіи.

Послѣднія слова были для меня неисчерпаемымъ источникомъ размышленій, я ихъ не понималъ. Поэтъ, думалъ я, долженъ быть добрый ангелъ.... можетъ-быть тотъ самый, который посылаетъ мнѣ, во время сна, очаровательныя грезы. Но въ теченіи лѣта представился мнѣ случай получить болѣе ясное понятіе о поэтѣ и поэзіи.

Очень рѣдко мать моя выходила изъ квартала, въ которомъ мы жили; но одинъ разъ послѣ обѣда она мнѣ объявила, что мы пойдемъ навѣстить одну изъ ея пріятельницъ въ Трастеверо. Она нарядила меня въ праздничное платье, и въ маленькой курточкѣ, въ шапочкѣ изъ шитаго бархату, съ шелковымъ блестящимъ платкомъ на шеѣ, я былъ очень милъ.

Посѣтивъ пріятельницу, мы пошли домой. Было уже поздно но свѣтила луна; воздухъ свѣжъ, небо чисто и при свѣтѣ луны ясно были видны остроконечныя верхушки кипарисовъ и сосенъ, покрывающихъ сосѣдственные косогоры. То былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ вечеровъ, которые оставляютъ въ душѣ неизгладимое воспоминавіе, хотя ничѣмъ важнымъ не ознаменованы. Съ-тѣхъ-поръ, когда ни вспоминаю о Тибрѣ, онъ мнѣ представляется такимъ какъ я видѣлъ его въ тотъ прекрасный вечеръ, когда луна серебрила его желтоватую, тинистую воду, почернѣвшіе отъ времени каменные столбы стараго развалившагося моста бросали тѣнь на рѣку, а молодыя дѣвушки весело танцевали салтарелу подъ звуки тамбурина.

Несмотря на поздній часъ ночи, на улицахъ, сосѣднихъ съ улицей Святой Маріи и Ротонды, было много народу и движенія. Мясники и продавцы плодовъ стояли подъ открытымъ не-

бонъ около столовъ, на которыхъ были разложены ихъ товары, между лавровыми вѣтвями и зажженными свѣчами; въ печи, гдѣ жарились каштаны, горѣлъ огонь; разговоры были такъ шумны и перемѣшаны съ восклицаніями, что иностранецъ, не понимавшій языка, могъ подумать что дѣло идетъ о чемъ-нибудь очень важномъ.

На рыбномъ рынкѣ мать моя встрѣтилась съ давнишней своей пріятельницей, и такъ съ нею заговорила, что продавцы стали уже тушить свѣчи, когда мы пошли далѣе. Улицы, по которымъ мы проходили, не исключая и Корсо, были пусты; но на площади Треви снова мы встрѣтили одушевленіе и веселость, въ другихъ кварталахъ прекратившіяся.

Лунный свѣтъ прямо падалъ на старый дворецъ и серебрилъ фонтанъ, бьющій посреди каменныхъ глыбъ, какъ будто рукой природы брошенныхъ въ томъ мѣстѣ. Каменный молотокъ Нептуна отъ брызговъ воды казался двигающимся. Пониже тритоновъ, стоящихъ около Нептуна съ морскими лошадьми, разстилается огромный бассейнъ. Около него толпа простолюдиновъ полулежа на травѣ наслаждалась прохладою ночи; возлѣ нихъ лежали огромные, разрѣзанные на части арбузы, изъ которыхъ вытекалъ розовый сокъ.

Мальчикъ, плотный, маленькаго роста, въ одной рубашкѣ и кожаныхъ штанахъ, не подвязанныхъ у колѣнъ, держалъ въ рукахъ гитару и весело звучалъ по струнамъ. То онъ пѣлъ мелодію, то игралъ на гитарѣ, и слушатели рукоплескали. Мать моя остановилась подлѣ него, и я съ большимъ вниманіемъ слушалъ пѣсню, которая не походила ни на одну изъ тѣхъ, которыя мнѣ прежде случалось слышать. Онъ, подъ музыку, пѣлъ стихами обо всемъ что его окружало, не забывая слушателей, и даже насъ съ матерью.

— Не восхитительно ли, говорилъ онъ, спать простершись на мягкомъ дернѣ, положивъ голову на кусокъ мрамора, вмѣсто подушки, и покрывшись однимъ чистымъ небомъ, въ то время, когда два игрока на волюнкѣ аккомпанируютъ вашимъ грезамъ звуками инструментовъ.

Онъ указалъ на тритоновъ, дующихъ въ раковины, и прибавилъ, что «теперь должны всѣ, кто насладился сокомъ арбуза, пить за здоровье милыхъ, которыя спятъ уже и во снѣ видятъ куполь Святаго Петра, и любовниковъ своихъ, бродящихъ по столицѣ католическаго міра. Да, сказалъ онъ, будемъ пить за здоровье всѣхъ дѣвушекъ, у которыхъ косы приколоты корот-

книги стрѣлками», и прибавилъ, обращаясь къ намъ: «выпьемъ за здоровье матерей, у которыхъ, вмѣсто любовничковъ, мальчики съ неопушенными подбородками.

— Bravo, сказала мать моя. И всѣ простолюдины повторили: bravo, Джакомо, bravo!

Въ эту минуту мы замѣтили на ступеняхъ маленькой церкви нашего знакомаго, друга Фридерика; онъ снималъ карандашомъ эту сцену, освѣщенную луной. Возвращаясь домой, они много съ матерью говорили объ веселомъ импровизаторѣ; такъ называли они мальчика, который пѣлъ.

— Антонио, сказалъ мнѣ Фридерикъ, ты также долженъ импровизировать, у тебя поэтическое воображеніе. Стоитъ только выучиться перекладывать свои фантазіи въ стихи. Тогда я понималъ что значить поэтъ: это такой человѣкъ, который умѣетъ прекрасно пѣть обо всемъ что видитъ и что чувствуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, думалъ я, это было бы для меня очень пріятно и не трудно, если бъ у меня была гитара!

Сюжетомъ первой поэмы я взялъ лавку колбасника, нашего сосѣда. Уже давно я замѣчалъ любопытное собраніе товаровъ въ его лавкѣ, привлекавшей вниманіе чужестранцевъ. Между лавровыми гирляндами висѣли куски сыру, формой строусова яйца; свѣчи искусно завернутыя въ золотыя бумажки освѣщали колоннаду изъ сосисекъ, поддерживающую кусокъ пармезана, желтаго блестящаго цвѣта, похожаго на амбру. Вечеромъ лавка была освѣщена великолѣпно и представлялась мнѣ міромъ волшебнымъ. Заснувшая кошка у конторки, и молодые капуцины, которые долго торговались съ хозяйкой, покупая что-то съѣстное, не были забыты въ моей поэмѣ, которую я такъ глубоко обдумывалъ, что не запинаясь могъ проговорить Фридерикю. Онъ аплодировалъ. Вѣсть объ этомъ скоро разнеслась въ сосѣдствѣ, и дошла до хозяйки той лавки. Она непремѣнно хотѣла ее слышать, и, выслушавъ, осталась довольною, была въ ладоши, и объявила что это чудесная поэма, *divina comedia*.

Съ-тѣхъ-поръ я все пѣлъ стихами и почти постоянно жилъ въ мірѣ вымысловъ. Умъ мой былъ занятъ ими въ церкви, когда я кадилъ, на улицахъ, посреди скачущихъ экипажей и бродячихъ торговцевъ, также свободно, какъ на кровати дома. Зимною я по пѣлымъ часамъ смотрѣлъ на разведенный на улицѣ огонь, на которомъ кузнецы накалявали желѣзо, а вокругъ грѣлись поселяне. Мое воображеніе было такимъ же пламеннымъ міромъ какъ эта жаровня. Мнѣ очень нравилось зимною смотрѣть на об-

мерзлыхъ тритоновъ площаднаго фонтана, когда вокругъ нихъ плясали поселяне, въ сѣрыхъ большихъ плащахъ, радуясь будущему плодородію: это случалось рѣдко, и было признакомъ плодороднаго года.

Но я боюсь слишкомъ разговариваться о простыхъ впечатлѣніяхъ моего дѣтства, которыя не могутъ быть для другихъ такъ привлекательны и важны какъ для меня.

III.

Мать моя и Маручья нѣшли въ городѣ Дженсано общую пріятельницу, которая тамъ съ мужемъ держала маленькую гостиницу. Нѣсколько лѣтъ сряду мать собиралась ѣхать въ этотъ городокъ въ день праздника цвѣтовъ, въ іюнь мѣсяцъ, но исполненію этого намѣренія то одно то другое мѣшало. Въ этомъ году рѣшено было туда ѣхать наканунѣ праздника цвѣтовъ: городокъ былъ такъ недалеко. Радость не давала мнѣ заснуть всю ночь передъ днемъ отправленія. До восхода солнца извожикъ стоялъ у нашихъ воротъ, и мы тотчасъ отправились. Я еще никогда не бывалъ въ горахъ; новость путешествія и ожиданіе праздничныхъ удовольствій волновали все существо мое. Еслибы, достигши зрѣлыхъ лѣтъ, я могъ видѣть природу и жизнь черезъ ту блестящую призму, которая тогда была передъ моими глазами, еслибы притомъ я могъ свободно въ стихахъ выражать свои мысли, о, конечно, изъ того бы вышла удивительная поэма.

Глубокая тишина на улицахъ въ этотъ утренній часъ, окованные желѣзомъ городскіе ворота, окрестности на нѣсколько миль устѣянные отдѣльно стоящими памятниками, густой туманъ, скрывавшій подножіе горъ, все это какъ-будто нарочно сошлось, чтобы приготовить меня къ предстоящему великолѣпію. Даже деревянный крестъ, у края дороги, подлѣ висѣльницы, на которой оставался скелетъ убійцы, вкупившаго свое преступленіе на мѣсть, гдѣ погибъ невинный, имѣлъ для меня особенную привлекательность. Я началъ пересчитывать многочисленныя арки водопровода, но скоро отказался отъ этого занятія и присталъ къ матери и Маручьи съ распросами о большихъ огняхъ, разложенныхъ поселянами вокругъ надгробныхъ обвалившихся памятниковъ, о стадахъ, стерегомыхъ за сѣтяными оградами.

Прибывъ въ Альбано, мы вышли изъ экипажа и должны были вѣшкомъ продолжать наше очаровательное путешествіе въ Дженсано черезъ Арчію. Ладонный кустъ и дикая резеда росли вдоль

тронниковъ, отѣенныхъ оливами. Вдали я увидѣлъ море; а на скатахъ горы, по которымъ шла дорога, молодыя поселенки рѣзались и плясали, останавливаясь каждый разъ когда проходили мимо креста, чтобъ стать предъ нимъ на колѣни и приложиться. Увидавъ высокій куполъ церкви въ Арчинѣ, я вообразилъ что то былъ куполъ Святаго-Петра, перенесенный ангелами въ то мѣсто, и повѣшенный на небесномъ сводѣ, надъ мрачными оливковыми лѣсами.

На главной улицѣ этого города значительная толпа собралась поглазѣть на медвѣдя, плясавшаго на заднихъ лапахъ, а герецъ, который его водилъ на веревкѣ, игралъ колядную пѣсню. Прекрасная обезьяна, въ военномъ платьѣ, которую герецъ называлъ капраломъ, скакала по головѣ и плечамъ медвѣдя. Мнѣ очень хотѣлось остаться на время въ Арчинѣ, такъ какъ праздникъ цвѣтовъ въ Джесано ранѣе завтра не начнется, но мать сочла лучшимъ идти тотчасъ, чтобъ прійти заблаговременно въ Джесано и помочь Анджелинѣ, такъ называлась ихъ знакомая, плести гирлянды и цвѣточные ковры.

Мы пустились въ дорогу и скоро прибыли къ Анджелинѣ. Ея жилище было при входѣ въ городъ; изъ него виднѣлось Немійское озеро. То былъ хорошенькой домикъ, близъ котораго фонтанъ наполнялъ каменный бассейнъ, обыкновенное поило ослонъ, въ это время толпою около него тѣснившихся. Мы вошли въ гостиницу; тамъ было шумно. Обѣдъ кипѣлъ и жарился въ печи. Толпа людей изъ города и окрестностей сидѣла за длинными деревянными столами, запивая вечною виномъ. Передъ образомъ Богоматери стоялъ сосудъ, наполненный бѣлыми розами, и лампа, едва мерцавшая отъ дыму, клубами выходившаго изъ печи. Большая кошка бѣгала между кусками сыру, положенными на столѣ; испуганныя куры металась изъ стороны въ сторону.

Анджелина была намъ очень рада; она повела насъ по довольно крутой лѣстницѣ въ маленькой мезонинъ. Тамъ приготовлена закуска, которая показалась мнѣ царскою. Столъ убранъ былъ цвѣтами, даже бутылка вмѣсто пробки закрыта была розой. Анджелина обняла дружески обѣихъ своихъ пріятельницъ и меня также, не заботясь о томъ, что мнѣ это не нравилось; сказала что я маленькой мальчикъ, а мать моя отъ радости стала поправлять со всѣхъ сторонъ мое платье.

Послѣ обѣда мы пошли набирать цвѣтовъ и листьевъ для гирлянды; сперва въ садъ, такой маленькой, что его можно скорѣе назвать большою бесѣдкой, стѣны которой были сдѣланы

изъ тонкаго палисадника, обвитаго какъ сѣтью, алоемъ, растущимъ безъ всякой обработки. Изъ саду мы вышли въ поле.

Воды озера казались заснувшими въ глубокомъ, обрывистомъ кратерѣ, изъ котораго когда-то вылетало пламя. Мы взошли на поднимающуюся амфитеатромъ гору, на покатосяхъ которой виноградныя лозы обвивались около большихъ буковъ и густыхъ дубовъ. На противоположномъ скатѣ видѣнъ было городъ Неми, отражающійся въ прозрачномъ озерѣ. Дорогой мы плели гирлянды изъ золотистыхъ цвѣтовъ дикаго ладана, темнозеленыхъ оливовыхъ листьевъ и легкой зелени виноградной. По временамъ и прозрачное озеро и свѣтлое небо скрывались отъ насъ за густой роскошной зеленью деревьевъ, въ тѣни которыхъ мы шли; то вдругъ снова показывались, одного цвѣта. Эти красоты природы, мною въ первые видѣнныя, наполняли сердце мое тихою радостью. Еще и теперь прежнія ощущенія ко мнѣ возвращаются, и помогаютъ воспоминаніямъ дѣтства, какъ мозаическіе остатки провалившагося города помогаютъ воображенію представлять, чѣмъ онъ былъ нѣкогда.

Солнце палило; мы должны были пріостановить работу, пока не пришли къ берегу озера, обросшаго высокими деревьями, которыхъ старыя пни омываются при основаніи водою, а вѣтви къ ней наклонились. Воздухъ былъ такъ свѣжъ, что мы снова принялись за гирлянды, влетая въ нихъ кой-какія водяныя растенія, намъ попадавшіяся.

Уже солнце не бросало лучей на озеро; оставались освѣщенными только крыши домовъ въ Джесано и Неми; а то мѣсто, гдѣ мы сидѣли, начинала охватывать тьма. Я бѣгалъ взадъ и впередъ, не далеко отходя впрочемъ отъ матери, которая боялась чтобъ я не упалъ въ озеро, мѣстами глубокое.

Недалеко отъ развалинъ древняго храма Діаны я замѣтилъ огромную смоковницу, со всѣхъ сторонъ обвитую плющемъ. Я подлѣзъ къ самому дереву, сѣлъ на развалинѣ и запѣлъ слова извѣстной пѣсни:

Ahl rossi, rossi fiori,
Un mazzo di violi,
Un gelsomin d'amore...

И внезапно былъ прерванъ голосомъ, страшно свистящимъ, который окончилъ:

Per dar al mio bene!...

И также внезапно показалась передо мною женщина высокая, тощая, одѣтая по обычаю жителей Фраскати. Длинное бѣлое покрывало, падавшее съ головы на плечи, оттѣняло ея лицо и шею бронзоваго цвѣта. Морщины испещрили ея лицо во всѣхъ направленіяхъ и чернѣй зрачекъ ея глаза былъ такъ великъ, что казалось наполнялъ всю глазную впадину. Она засмѣялась, потомъ посмотрѣла на меня такъ неподвижно и проникательно, что ее можно было счесть за мумію, поставленную подъ вѣтвями.

«Цвѣты розмарина, сказала она, кажутся въ твоихъ рукахъ лучшими.» Потомъ, продолжая смотрѣть на меня, прибавила: въ глазахъ твоихъ блеститъ счастливая звѣзда, которая предшествуетъ твоей участи.

Я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, и приложилъ губы къ гирляндѣ, которую держалъ въ рукахъ.

— Есть скрытый ядъ въ этихъ прекрасныхъ, лавровыхъ листьяхъ. Плети гирлянду, но не пробуй вкуса листьевъ, изъ которыхъ она составлена.

— Мудрая Фульвія, изъ Фраскати!... вскричала Анджелина выходя изъ чащи кустовъ. Ты также приготавлиешь гирлянды для завтрашняго праздника, или, продолжала она тише, или ты ждешь заката солнца, чтобъ собирать травы другого рода?

Ни чего не отвѣчая, Фульвія продолжала меня разсматривать съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Твой взглядъ уменъ! Дитя родилось когда солнце было въ знакѣ тельца. Богатство и почести висятъ на рогахъ тельца.

— Посмотримъ, что съ нимъ будетъ, сказала мать моя, въ ту минуту съ Маручей подошедшая, посмотримъ, что съ нимъ будетъ, когда онъ надѣнетъ черное платье и широкую шляпу.

Свѣлла казалось поняла намекъ матери о томъ, что я назначенъ быть монахомъ.

— Широкая шляпа, сказала она, не будетъ оттѣнять его лба, когда передъ многочисленною толпою онъ будетъ говорить, и слова будутъ раздаваться, какъ музыка, нѣжиѣ напѣвовъ монахинь, и торжественнѣе громаго грохота въ горахъ Альбано.— Пребываніе счастья выше горы Кальво, на верху которой отдыхаютъ облака.

— Боже мой! вздыхая сказала мать моя, качая съ недоумѣнностью головой, хотя предвѣщаніе ее обрадовало. Онъ бѣдное дитя; одна Божья Матерь знаетъ что съ нимъ случится.... Колесница счастья выше тѣлги поселеннаго албанскаго, и колеса безпрестанно ворочаются: какъ ему на нее подняться?...

— А ты замѣтила ли какъ обращаются колеса? Спица нижняя поднимается, потомъ снова опускается; когда она внизу, поселянинъ кладетъ ногу, и колесо оборотившись само его поднимаетъ; но если дорога камениста, много толчковъ приходится испытать.

— Не могу ли я, вмѣстѣ съ нимъ, взойти на колесницу счастья? спросила мать шутиво.

Но не окончивъ вопроса, вскрикнула... Величественный орелъ бросился подлѣ насъ въ озеро и съ такою силою ударился объ воду огромными крыльями, что брызги долетѣли до насъ. Съ высоты облаковъ онъ увидѣлъ, на поверхности озера, неподвижно лежащую рыбу, и съ быстротою молніи попалъ на добычу; выпустилъ въ нее острые когти, и готовился поднять на воздухъ; но рыба, какъ можно было заключить по колебанію воды, была огромна и равносильна неприятели; она старалась увлечь его въ глубь озера, а когти его такъ глубоко вонзились, что вытащить ихъ уже было невозможно. Между ними завязалась борьба, такая страшная, что воды мирнаго озера вокругъ закипѣли. То была видна спина рыбы, полуприподнятая орломъ, то, напротивъ, онъ билъ отчаянно крыльями, какъ будто готовый уступить. Борьба длилась нѣсколько минутъ.... Потомъ два крыла его остались на минуту неподвижны, какъ будто для отдыха; потомъ сдвинулись, слышно было карканье: одно изъ крыльевъ погрузилось, между тѣмъ какъ другое съ такою силою билось объ воду, что она подъ нимъ пѣнилась; потомъ все исчезло, рыба увлекла своего неприятеля въ глубь озера, гдѣ нѣсколько минутъ спустя, вѣроятно погибли оба.

Молча мы смотрѣли на эту сцену, а когда оборотились, сивиллы уже не было. Эта встрѣча, которая въ послѣдствіи имѣла вліяніе на судьбу мою, такъ взволновала всѣхъ насъ, что мы тотчасъ же отправились къ жилищу Анджелины.

Темнота, увеличиваясь отъ густой зелени, облака огненнаго цвѣта, отражавшіяся въ озерѣ, и однообразный шумъ мѣльничнаго колеса у сосѣда, напоминали мнѣ адъ. На возвратномъ пути Анджелина рассказала въ полголоса странные слухи, носившіеся объ этой старухѣ, которая умѣетъ, говорятъ, приготовить яды и любовные напитки. Потомъ она говорила о бѣдной Терезѣ Долеве, какъ она сохла отъ нетерпѣнія и тоски ожидая возвращенія прекраснаго Джюзеппе, отправившагося путешествовать на сѣверъ: за горы; какъ старуха Фульвія кипятила травы въ мѣдномъ сосудѣ, на горячихъ угольяхъ, пока Джюзеппе въ свою очередь не загорѣлся нетерпѣвіемъ и не пошелъ днемъ и ночью, не оста-

навливаясь, безъ отдыху, домой, въ то мѣсто, гдѣ непрерывно на тихомъ огнѣ, въ мѣдномъ котлѣ, кипѣли волшебныя травы, и съ ними вмѣстѣ два локона: одинъ Джюзеппе, а другой Терезы.

Я бормоталъ про себя Ave-Maria, и успокоился только когда мы возвратились въ жилище Анджеллины.

Мы украсили одною изъ принесенныхъ гирляндъ мѣдную лампу съ четырьмя зажженными свѣтильниками, и поужинали. Простолюдины, собравшіеся въ комнату подѣ нашею, пили и забавлялись импровизаціей; два изъ нихъ составили дуэтъ; а общество пріиѣвало хоромъ.

Когда я сошелъ въ низъ, чтобы пропѣть съ другими дѣтскими вечерніе кантаты Богоматери, они перестали пѣть и слушали насъ. Удивлялись чистотѣ моего голоса; и похвалы ихъ скоро изгладили непріятное впечатлѣніе, оставленное во мнѣ темнымъ лѣсомъ и старою Фульвіей. Мнѣ хотѣлось импровизировать вмѣстѣ съ поселянами; но мать моя укротила этотъ порывъ тщеславія, сказавъ: неужели я считаю приличнымъ для дитяти, который кадитъ въ церкви, и будетъ со временемъ объяснять слово Божіе, выступать на показъ шутомъ. Она прибавила что время карнавала еще не пришло, и что, однимъ словомъ, она не позволитъ мнѣ сдѣлать подобной глупости.

Не смотря на то, когда пришла пора ложиться спать, и я вскарабкался на огромную кровать, единственную мебель комнаты, она меня иѣжно прижала къ своему сердцу, назвала своимъ утѣшеніемъ, своею радостью, и заснула, обнявъ меня и положивъ мою голову на свое плечо. Я сладко заснулъ въ пріятныхъ грезахъ и спалъ пока солнце, освѣтивъ наше окно, не разбудило меня. Живо поднялся я, вспомнивъ что день этотъ былъ знаменитый праздникъ цвѣтовъ.

Какъ поразила меня улица, когда я на нее выглянулъ! Мнѣ представилась необыкновенная картина. Вся улица, легко показавшаяся, была покрыта цвѣтами. Грунтъ ея голубой. На этомъ голубомъ полѣ вписались зеленыя ленты, составленные изъ древесныхъ листьевъ съ лепестками розы. По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись полосы темно-красныхъ цвѣтовъ, образовавшія койму къ этому чудесному ковру. Середина коймы была усыяна солныцами и звѣздами изъ желто-золотистыхъ лепестковъ. Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія; цвѣты оставались неподвижны, какъ тяжелые драгоценныя камни, твердо вставленные въ опра-

ву. Изъ каждаго окна вдоль стѣнъ висѣли шпалеры цвѣточные, представляющія сцены изъ Священнаго Писанія.

Тамъ Іосифъ велъ осла, на которомъ сидѣла Марія съ Младенцемъ Іисусомъ; лицо, ноги и руки были составлены изъ розъ; левкой и анемоны замѣняли развѣвающимся одежды; вѣпцы были сдѣланы изъ бѣлыхъ невуфаровъ, собранныхъ по берегамъ земійскаго озера. Въ другомъ мѣстѣ архангелъ Михаилъ поражалъ дракона, или святая Розалія роняла изъ рукъ дождь розановъ на темно-голубой шаръ. Вездѣ, гдѣ бы ни остановилось вниманіе, цвѣты искусно расположенные рассказывали библейскія преданія. Всѣ, кажется, радовались не меньше меня. Богатые иностранцы занимали балконы; а вдоль домовъ двигались толпы народу, въ праздничныхъ платьяхъ.

Мать моя избрала мѣсто возлѣ каменнаго бассейна, окружавшаго фонтанъ. Я стоялъ подъ головою сатира вполонну вышедшаго изъ воды.

Жаръ былъ невыносимый въ то время когда загудѣли колокола и процессія стала выходить изъ церкви. Скоро мы увидѣли какъ она двигалась по цвѣточному коврау. Тихая музыка соединенная съ пѣніемъ навѣвала на присутствующихъ благочестивый восторгъ. Дѣти хора кадили около Святыхъ Даровъ; самыя прелестныя дѣвушки слѣдовали за процессіей; за ними маленькія дѣти съ крыльями привязанными къ голымъ плечикамъ, пѣли гимны, ожидая прибытія процессіи къ главному мѣсту. На головѣ мальчиковъ были остроконечныя шапки, съ развѣвающимися лентами и съ изображеніемъ Божіей Матери; на шеяхъ висѣли золотыя или серебряныя цѣпи, и шарфы яркихъ цвѣтовъ украшали ихъ черно бархатныя одѣянія. Дѣвушки изъ Альбано и Фраскати были покрыты узкими вуалями, прелестно наложенными на ихъ черныя волосы, искусно причесанные и собранные подъ серебряной стрѣлкой. Напротивъ, дѣвушки изъ Веллетри имѣли на головахъ цвѣточныя вѣночки. Косынки ихъ были такъ малы, что позволяли любоваться красотой полунагихъ плечъ и груди.

Жители Абруццо, Повтійскихъ Болотъ и другихъ сосѣдственныхъ мѣстъ городка Джеспано толпились по сторонамъ процессіи. Разнообразіе ихъ костюмовъ было поразительно. Подъ балдахинами украшенными множествомъ цвѣтовъ приближались кардиналы, сопровождаемые рядами монаховъ различныхъ ордевовъ съ зажженными свѣчами. Когда процессія вся вышла изъ церкви, толпа народу бросилась ей на встрѣчу и увлекла васъ съ собою. Мать моя крѣпко держала меня за руку, чтобъ васъ не разлучили.

Такимъ образомъ я шелъ впередъ, заключенный въ толпѣ, ничего не видя надъ собой, кромѣ неба.

Вдругъ возлѣ насъ раздались отчаянные крики. Къ намъ приближался экипажъ запряженный двумя бѣшеными лошадьми. Я ничего не помню далѣе, меня опрокинули, я потерялъ чувство; казалось, что потокъ бѣжитъ черезъ мое тѣло.

«О! Пресвятая Матерь Божія! Какой ужасъ! Страшный трепеть обнимаетъ меня, когда я припоминаю эту ужасную сцену. Очнувшись, я лежалъ головою на колѣняхъ рыдающей Маруччи; а мать моя неподвижная подлѣ меня. Насъ обступила толпа. Одно колесо экипажа переѣхало по груди моей матери; кровь струилась изъ ея рта; она уже умерла; вѣки были закрыты. Я соединилъ ея безжизненные руки, такъ недавно меня покровительствовавшія.... Тѣло ея монахи перенесли въ монастырь, а меня, легко раненнаго, Маруччи отвела въ гостиницу, гдѣ наканунѣ еще я былъ такъ счастливъ, гдѣ весело плелъ гирлянды и мать меня вѣжно ласкала....

Хотя я не понималъ своего положенія, но былъ сильно огорченъ. Миѣ дали игрушекъ, плодовъ, пирожковъ и общали, что я завтра увижу мать свою, которая теперь около Мадоны и не скучаетъ съ нею.... Но не избѣжали моего вниманія другія слова Маруччи. Говорили тихо объ орлѣ, о Фульвіи, о свѣ, видѣнномъ въ предшествовавшую ночь моей матерью.... теперь когда она была мертва, каждый хотѣлъ предвидѣть это несчастіе.

Бѣшеные лошади, пробѣжавъ черезъ городъ, остановились разбивъ дышло коляски, изъ которой помогли выйти важному человѣку, лѣтъ сорока, полумертвому отъ страха. Онъ, говорилъ, принадлежитъ къ фамиліи Боргезе, и въ то время жилъ въ виллѣ между Альбано и Фраскати. Онъ до страсти любилъ ботанику и думали, что въ этомъ отношеніи былъ знающъ не меньше Фульвіи. Отъ него былъ присланъ къ намъ въ богатой ливреѣ слуга, принесшій кошелекъ съ двадцатью талерами для сироты.

На другой день вечеромъ меня привели въ монастырь проститься съ матерью. Она лежала въ узкомъ сосновомъ гробѣ одѣтая въ то же платье, въ которомъ была на праздникъ цѣлтовъ. Я цѣловалъ ея оледѣвшія руки; женщины провожавшія меня плакали вмѣстѣ со мною.

У церковныхъ дверей ожидали послушники въ длинныхъ мантияхъ, съ опущенными капюшонами. Два человѣка подняли носилки и братья начали пѣть псалмы смерти. Маруччи шла съ

ной позади гроба. Беззаботно около насъ вертѣлись городскіе ребятишки собирая въ бумажные мѣшечки капли воска, падающія со свѣчей у монаховъ.

Мы прошли тѣ самыя улицы, по которымъ наканунѣ проходила торжественная процессія. Онѣ были еще усыпаны листьями и цвѣтами, но прекрасныя шпалеры исчезли, какъ тихія радости монахъ нервныхъ лѣтъ.

Большой камень, закрывающій входъ въ гробовое подземелье, былъ отваленъ, когда мы пришли. Туда внесли гробъ, заключавшій бранные остатки моей матери. Я слышалъ зловѣщій стукъ отъ гроба объ другіе, на которыхъ онъ былъ положенъ.

Потомъ всѣ ушли. Мы только съ Маручей остались и на колѣняхъ у камня прочитали *Ora pro nobis*.

Въ ту же ночь мы уѣхали изъ Дженсано въ одномъ экипажѣ съ Фридерикомъ, который также былъ на праздникѣ цвѣтовъ съ двумя иностранцами. Черныя облака висѣли надъ горой Альбано, легкій туманъ разстилался по полю и закрывалъ луну. Сидѣвшіе въ экипажѣ мало говорили; я заснулъ и во снѣ видѣлъ Мадону, цвѣты и мать мою, которая смотрѣла на меня, улыбалась, говорила.

IV.

«Что же со мной будетъ!» подумалъ я, возвратившись домой. Фра-Мартинно былъ согласенъ отправить меня въ Самрагна, въ степь, къ родственникамъ Маруччи, которые пасли стада. Они были славные люди; для нихъ двадцать талеровъ показалось бы богатствомъ, они готовы были принять меня какъ роднаго сына. Но я уже вступилъ въ духовный орденъ въ званіи хориста, и живя въ степи, какъ могъ кадить передъ главнымъ алтаремъ церкви Кавуциновъ! Фридерикъ находилъ лучшимъ оставить меня въ Римѣ, въ какомъ-нибудь честномъ семействѣ; онъ боялся, что между настухами я огрубѣю.

Когда Фра-Мартинно ушелъ въ монастырь, чтобъ на свободѣ объ этомъ подумать, дядя Пеппо прибылъ на своихъ деревянныхъ подножкахъ.

Услыхавъ о смерти моей матери и о двадцати талерахъ, мнѣ доставшихся, по этимъ двумъ причинамъ явился предложить на-стать меня свое мѣшѣ. Онъ объявлялъ, что оставшихся моимъ единственнымъ родственникомъ, имѣетъ право взять меня съ собою, что я долженъ за нимъ слѣдовать, и что все бывшее въ жи-

лищѣ моей матери, также какъ и двадцать талеровъ должны были ему отданы. Маручья упорно представляла, что она съ Фра-Мартиномъ уже распорядилась обо мнѣ, и дала понять, что ему нищему калека довольно заботиться о себѣ самомъ, и несправедливо вступаться въ дѣло оконченное.

Когда Фридерикъ вышелъ изъ комнаты и два противника остались наединѣ, они упрекали другъ друга въ корыстномъ желаніи располагать моею судьбой. Слова Пеппо были напыщенныя желчью; Маручья была такъ разсержена, что въ ту минуту не ходила на фурию.

— Я не хочу, кричала она, вмешиваться ни въ твои, ни въ его дѣла. Ты можешь увести его съ собою, дать ему два костюма, чтобъ онъ казался калекой, и помогать тебѣ набивать карманъ подавніями. Ты можешь увести его съ собою, но пока Фра-Мартино не возвратится, не получишь паола изъ денегъ Антонию принадлежащихъ.

Пеппо угрожалъ своими подножками сдѣлать въ головѣ такую дыру, какъ площадь del Popolo.

Во время этой перебранки я стоялъ подлѣ нихъ и плакалъ. Маручья меня отталкивала, а Пеппо тянулъ къ себѣ.

— Ты долженъ за мной слѣдовать и совершенно ко мнѣ привязаться. Взявши на себя обязанность заботиться о тебѣ, я хочу получить награду за свое доброе дѣло. Сенатъ римскій отдастъ справедливость мнѣ, какъ честному человѣку.

Онъ потащилъ меня насильно изъ дому, у воротъ котораго оборванный мальчикъ держалъ осла; потому что въ случаяхъ важныхъ, когда было нужно дѣйствовать поспѣшно, онъ бросался на осла, и сидѣлъ на немъ такъ крѣпко, что животное и онъ, повидному, составляли одно тѣло. Онъ посадилъ меня спереди, мальчикъ стегнулъ осла кнутомъ, и мы рысцею поѣхали.

Дорогой дядя старался утѣшать меня по свѣдому.

— Ну, дитя мое, говорилъ онъ: не правда ли, что это отличный оселъ. Онъ можетъ въ скорости сравниться съ бѣговою лошадыю! Ты, мой миленькой, будешь у меня такъ счастливъ, какъ ангелъ на небѣ.

За этими утѣшительными словами слѣдовали проклятія Маручья.

— Гдѣ ты украдъ этого хорошенькаго мальчика? спрашивали у Пеппо его знакомые, встрѣчавшіеся на дорогѣ, и моя исторія была повторасма дядей почти на каждомъ перекресткѣ. Женщи-

на, продававшая лимонадъ, поднесла намъ стаканъ этой воды, въ благодарность за рассказъ, и подержала мнѣ гиллой аманасъ.

Солнце уже сѣло, когда мы прибыли въ жалкое жилище дяди. Я не говорилъ ни слова, но закрывъ лицо руками, заплакалъ. Пенно, ни сколько не заботясь о моей печали, проводилъ меня въ маленькую комнату и указалъ на кучу кукурузовыхъ листьевъ въ углу, которая должна была служить мнѣ постелью. Онъ прибавилъ, съ ненавистной улыбкой, трепая меня по щекѣ, что я вѣрно не чувствую ни голода, ни жажды, выливши стаканъ прекраснаго лимонаду. Потомъ спросилъ у меня, сколько монетъ было въ кошелькѣ по приѣздѣ въ Римъ; что говорилъ мнѣ слуга принесшій этотъ кошелекъ? Я ему не хотѣлъ ничего рассказывать, а спросилъ: оставусь ли навсегда здѣсь или завтра возвращусь домой.

— Да, конечно, конечно, отвѣчалъ онъ. Спи теперь, не забывай прочесть Ave Maria, потому что дьяволъ бодрствуетъ. Судьба накажетъ огнемъ или ядомъ лукавую Маручью, которая хотѣла воспользоваться твоей невинностью, чтобъ лишитъ тебя того, что принадлежитъ намъ обоимъ. Это маленькое окно пусть остается отвореннымъ.... свѣжій воздухъ подкрѣпитъ тебя лучше ужина.... Не бойся летучихъ мышей, они вреда не дѣлаютъ. Спи спокойно, мой ангельчикъ!

Онъ ушелъ затворивъ дверь засовомъ.

Долго послѣ того я слышалъ какъ возлился въ соседней комнатѣ, потомъ заговорили и черезъ щель перегородки блеснулъ свѣтъ лампы. Я тихо всталъ, боясь чтобъ трескъ сухихъ листьевъ не привлекъ вниманія дяди, и чтобъ онъ не возвратился ко мнѣ. Я увидѣлъ въ скважину столъ, на которомъ положенъ былъ хлѣбъ, рѣдька и бутылка вина. За столомъ сидѣло человѣкъ шесть, изуродованныхъ нищихъ; я ихъ узналъ, хотя они мало походили на тѣхъ, какими являются на видъ народу.

Лихорадочный, умирающій Лоренцо былъ самый веселый и шумливый; онъ смѣялся и говорилъ безъ умолку. А между-тѣмъ я видѣлъ его однажды простертаго на травѣ на Монте-Пинчю, приклоняя головою о древесный пень, и дрожащаго отъ лихорадки; а жена его спрашивала состраданія проходящихъ къ бѣдному больному. Франческа, безъ пальцевъ на рукахъ, пѣлъ пѣсню, барабана остаткомъ руки по плечу слѣпой Катерины. Еще сидѣли двое или трое у дверей, въ тѣни; ихъ не могъ я рассмотреть. Сердце мое сильно билось отъ волненія и страха, они въ ту минуту говорили обо мнѣ.

— Годится ли на что, дитя это? спросилъ одинъ; есть ли у него рана или какое-нибудь безобразіе?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пеппо. Онъ красивъ и статенъ, какъ отъ благородныхъ родителей.

— Какое несчастіе! вскричали всѣ вмѣстѣ.

Потомъ они говорили о моемъ возрастѣ, о томъ что можно сдѣлать со мною, чтобъ обезпечить жизнь мою и счастье. Я не понималъ ихъ намѣреній, но предполагалъ худое и дрожалъ отъ страху. Какъ мнѣ спастись! Мысль эта заняла меня совершенно; а куда я пойду потомъ, меня нисколько не беспокоило. Рѣшившись на все чтобы уйти отъ этихъ злыхъ людей, я подползъ къ окну, вскарабкался на него, съ помощью обрубка, и посмотрѣлъ съ безпокойствомъ изъ окна. На улицѣ не видно было существа живаго и всѣ дома заперты; но приходилось сдѣлать большой скачекъ, чтобъ выдти на свободу. Пока я не услышалъ, что кто-то подошелъ къ моей двери, я не рѣшался скакнуть. Еще минута.... уже входили въ комнату. Я упалъ тяжело, но по счастью, не на камень, а на траву.

Быстро поднявшись, я побѣжалъ самъ не зная куда, по узкимъ, извилистымъ улицамъ, и на дорогѣ встрѣтилъ одного только человѣка, пѣвшаго изъ всѣхъ силъ, и стучавшаго сильно палкой объ мостовую. Наконецъ остановился утомленный посреди большой площади. То было Forum Romanum, коровье поле, какъ мы его называли.

Луна взошла и освѣтила стѣны Капитолія, который представлялся отвѣсною скалою, и составлялъ грань между древнимъ и новымъ Римомъ. На ступеняхъ триумфальной арки Септима-Севера спали нѣсколько нищихъ, закутавшись въ плащи. Высокія колонны древняго храма Мира, и до-сихъ-поръ стоящія, бросали огромныя тѣни на землю усыпанную драгоценными обломками. Мнѣ никогда не случалось прежде быть въ этихъ мѣстахъ по закатѣ солнца, а въ это время всѣ предметы принимали какой-то особенный, фантастическій видъ.

Я бродилъ взадъ и впередъ изумленный, спотыкаясь о морморныя капители, закрытыя травкою, по-временамъ останавливаясь разсматривать великую столицу Цезарей. Плющъ, покрывавшій стѣны, придавалъ имъ чрезвычайную мрачность; черныя кипарисы, въ этомъ пустомъ мѣстѣ походили на привидѣнія. Дѣти коровы и мулъ мирно паслись посреди обрушенныхъ колоннъ и морморныхъ обломковъ. Мнѣ утѣшительно было встрѣтить существа живыя, не думавшія сдѣлать мнѣ вреда.

Было почти также свѣтло какъ день. Я услышалъ шумъ шаговъ и подумавъ, что дядя Пеппо послалъ своихъ товарищей въ погоню, бросился въ Колизей, который возвышался какъ огромная масса скаль. Я вошелъ подъ двойной сводъ, окружающій половину этого зданія; тамъ было темно и холодно. Пукаясь гула своихъ шаговъ, я подвигался впередъ между колоннами осторожно. Недалекъ замѣтилъ большой огонь, и около него трехъ людей. Были ли то поселане, зашедшіе провести ночь въ этомъ мѣстѣ, или солдаты, сторожившіе старый Колизей? А можетъ быть воры? Мнѣ послышался стукъ оружія; я отступилъ и неподвижно остановился подлѣ высокихъ столбовъ, поддерживающихъ цвѣточный сводъ. Лунный свѣтъ придавалъ особенный видъ стѣнамъ; казалось что каменные обломки висятъ на воздухѣ или на густыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, мѣстами растущихъ. Выше, на средней галереѣ прогуливалось много людей; то были вѣроятно путешественники, пожелавшіе ночью посѣтить эти важныя развалины. Съ ними была дама, въ бѣлой одеждѣ. Небо оттуда казалось темно-голубымъ, а деревья и кустарники темно бархатными. Глаза мои слѣдовали за иностранцами, которые то были ясно видны, то скрывались какъ тѣни; потомъ опять показывались между колоннами, освѣщенными луной и красноватымъ свѣтомъ факела. Факель этотъ я долго видѣлъ по уходѣ иностранцевъ. Но и этотъ свѣтъ исчезъ въ отдаленіи; вокругъ меня стало темно, какъ въ могилѣ. Я расположился возлѣ одного изъ деревянныхъ алтарей, выстроенныхъ внутри Колизея; сѣлъ на разбитую капитель; камень былъ холоденъ какъ ледъ; голова моя горѣла, я дрожалъ, и не могъ спать. Во время этого тягостнаго бдѣнія, все что слышалъ я объ этомъ памятникѣ древности, приходило мнѣ на память. Я думалъ о плѣнныхъ Евреяхъ, его построявшихъ, о дикихъ звѣряхъ, которые здѣсь дрались между собою и съ людьми; объ единодушныхъ рукоплесканіяхъ зрителей, сидѣвшихъ на каменныхъ скамьяхъ, амфитеатромъ возвышающихся отъ земли до самой верхней колонны.

Вдругъ слышу шумъ; приподнялъ голову и напряженному воображенію моему представились блѣдныя, мрачныя фигуры, вокругъ меня движущіяся. Я видѣлъ ясно Евреевъ, худощавыхъ, съ черными бородами; они вырывали травы и кустарники, очищая землю; накладывали камни, одинъ на другой, пока это огромное зданіе не было окончено. Тогда оно наполнилось толпами людей. То были весталки въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, великолѣпный дворъ Цезарей; нагіе, окровавленные гладиаторы. Я услышалъ

страшныя мычанія. Съ различныхъ сторонъ бросились въ арену гіены и тигры; нѣкоторые изъ нихъ такъ близко проходили мимо меня, что я чувствовалъ ихъ теплое дыханіе; ихъ пламенные, свирѣпыя глаза встрѣчались съ моими.

Пораженный ужасомъ, я неподвижно лежалъ на камнѣ, моля Божью Матерь о покровительствѣ. Шумъ все увеличивался. Я вспомнилъ что гдѣ-то недалеко есть святой знакъ нашего искупленія, воздвигнутый посреди Колдзея. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе оживить свои ослабѣвшіе способности, и узналъ что нахожусь у подножія этого самаго креста. Въ ту минуту стѣны, люди, животныя, всё химерическіе предметы, созданныя моимъ воображеніемъ, исчезли, и глаза мои сомкнулись. Когда я ихъ снова открылъ, горячки уже не было, я чувствовалъ только чрезвычайную слабость.

Да, я лежалъ на ступеняхъ большаго деревяннаго креста. Осмотрѣвшись вокругъ, ничего страшнаго не замѣтилъ. Торжественная тишина этого уединеннаго мѣста была потревожена пѣніемъ соловья, спрятавшагося въ душистомъ кусту. Мой умъ, успокоенный, снова наполнился религіозными мыслями. Я думалъ о Младенцѣ Іисусѣ, о его Матери, матери всѣхъ сиротъ, и обвившись около креста, прислонивъ къ нему голову, я тихо заснулъ.

Вѣрно сонъ мой продолжался нѣсколько часовъ. Я пробужденъ былъ голосами, пѣвшими славословіе Господу. Солнце уже озолотило верхнія части стѣнъ. Капуцины, съ зажженными свѣчами, ходили отъ одного алтаря къ другому и пѣли *Kyrie eleis* *on*. Они подошли ко кресту, у котораго я сидѣлъ. Фра-Мартинно былъ въ числѣ ихъ; онъ меня узналъ и наклонился. Блѣдность моя, изнеможеніе, присутствіе въ такой часъ въ этомъ мѣстѣ его удивили и обезпокоили. Не знаю какъ я ему рассказалъ, что со мною случилось; но страхъ мой къ дядѣ Пеппо и беззащитное положеніе должны были его тронуть. Я держалъ его за полу платья, умоляя о покровительствѣ; казалось и другіе братья сострадали обоимъ: они всё меня знали.

Фра-Мартинно привелъ меня въ монастырь. Я успокоился и забылъ о голодѣ, усѣвшись въ его маленькой кельѣ, смотря на старыя, мнѣ знакомыя гравюры, висѣвшія на стѣнахъ, на померанцовыя деревья, протянувшія свои зеленыя, покрытыя цвѣтами, вѣтви до самаго окна. Притомъ же Фра-Мартинно общалъ не отсылать къ Пеппо.

— Онъ нищій, изувѣченный нищій, говорилъ при мнѣ монахи,

проводить жизнь бродя по улицамъ, собирая милостыню. Не надобно довести ребенка до того же.

Въ полдень монахъ, оставившій меня на цѣлое утро одного, возвратился и принесъ рѣдкн, хлѣба и вина.

— Бѣдный малютка! сказалъ онъ такъ важно, что я задрожалъ. Если бы твоя мать была жива, мы бы не разлучались; ты взросъ бы подъ тѣнью церкви, пока не сдѣлался бы ея членомъ. Теперь это невозможно. Ты поплывешь по волнующемуся океану жизни на утлой доскѣ. Но, нити вѣру въ благость Спасителя и небесной Его Матери; привяжись къ нимъ; Они твоя единственная опора на землѣ.

— Куда же пойду я?

Онъ отвѣчалъ: въ степь къ родственникамъ Маручья. Совѣтовалъ почитать ихъ какъ родныхъ отца и мать, быть послушнымъ во всемъ, и не забывать молитвъ и его духовныхъ наставленій.

Вечеромъ пришли ко мнѣ Маручья съ отцомъ. Фра-Мартино проводилъ меня до монастырскихъ воротъ, гдѣ они меня ждали. Что касается до одежды, Пешно нѣмъ наружность такую же почтенную, какъ тотъ пастухъ, которому меня отдавали. Я замѣтилъ его пожанные башмаки изодранные, голыя колѣнки, острокопечную шапку, на которой висѣла вѣтвь пустыша. Бенедетто, такъ его звали, сталъ передъ Фра-Мартино на колѣни, поцѣловалъ его руку, и сказалъ что онъ съ женою раздѣлать со мной послѣдній кусокъ хлѣба. Маручья дала ему кошелекъ, заключавшій мое богатство. Мы всѣ четверо пошли въ церковь, помолились; я молиться не могъ. Вниманіе мое не могло оторваться отъ живописи. Когда мы встали, Фра-Мартино положивъ руку на мою голову, благословилъ и далъ мнѣ маленькій молитвеникъ съ картинками. Такъ мы разошлись.

Проходя Площадь Барберини, я оборотился посмотреть на лице моей матери; всѣ окна были въ ночь отворены; тамъ были уже новые жильцы.

V.

Обширная степь, окружающая Римъ, стала съ-тѣхъ поръ моей отчизной, моимъ жилищемъ.

Чужестранецъ, проникнутый любовью и удивленіемъ къ искусству и древности, когда приблизится въ первый разъ къ Вѣчному Городу, вѣрно посмотритъ на известковатую землю, по которой

проходить, какъ на обширную страницу всемірной исторіи; отдѣльно стоящіе холмы представляются ему цѣльями главъ великой книги вселенной. А живописецъ сниметъ эскизъ вѣда, какъ на скалѣ стоитъ уцѣлѣвшій сводъ развалившагося водопровода, около него пастухи со стадомъ; а на первомъ планѣ кусты колючаго дрока, и всѣ скажутъ: какая прекрасная картина!

Такъ различны были чувствованія наши, мон и Бенедетто при взглядѣ на эту бесплодную равнину. Искохшія травы, вредныя испаренія во время лѣта, выходящія изъ земли, горячки и другія болѣзни, оттого происходящія, вѣроятно занимали мысли моего проводника. А я наслаждался созерцаніемъ природы, вовсе для меня незнакомой. Высокія горы, ограничивающія съ одного края эту долину, дикіе буйволы, намъ встрѣчавшіеся, мирные быки, съ длинными рогами, согнутыми подъ ярмо, тлущіе бичевою судна вверхъ по Тибру, привлекали мое вниманіе. Низкія, пожелтѣвшія травы, полу-засохшіе мѣлкіе кустарнички составляли прозябаніе этой степи. Съ непріятнымъ чувствомъ, почти съ ужасомъ увидѣлъ я крестъ и висѣлицу, особенно потому, что они стояли недалеко отъ жилья Бенедетто, устроеннаго въ погребальной памятникѣ, которыхъ такъ много въ окрестностяхъ Рима. Многіе изъ пастуховъ устроиваютъ въ нихъ жилища. Они снимаютъ верхушку мавзолея, покрываютъ его тростниковою крышею, пробиваютъ нѣсколько отверстій и домикъ готовъ. Нашъ стоялъ на холмѣ и былъ въ два этажа. Пиластры, коринтскаго ордена, стоявшіе по сторонамъ входа ручались за его отдаленную древность; по тремъ широкимъ сводамъ, его поддерживавшимъ, можно было заключить, что зданіе это много разъ было исправляемо; вѣроятно въ средніе вѣка оно служило крѣпостцю. Отверстіе надъ входомъ замѣняло окно; половина крыши была покрыта тростникомъ и вѣтвями, а другая хворостомъ и вьющимися растеніями, между конми каприфолиі опустилъ до земли свои густыя космы.

— Вотъ мы и пришли, сказалъ Бенедетто. То были первыя его слова по выходѣ изъ Рима.

— Такъ вы здѣсь живете? спросилъ я, посматривая на это печальное жильё и на висѣлицу.

Вмѣсто отвѣта Бенедетто крикнулъ:

— Домника, Домника!

Показалась женщина пожилая, въ юбкѣ изъ грубой ткани; руки и колѣна были обнажены; сѣдые волосы въ беспорядкѣ упа-

дали на шею. Она была такъ же говорлива, какъ ея мужъ угрюмъ. Она меня обласкала и назвала своимъ Измаилюшкой.

— Ты съ нами не умрешь, ни отъ голода, ни отъ жажды, прибавила она. Старая Доминика⁴ заступитъ тебѣ мѣсто доброй матери, которая теперь на небѣ молится за дѣтя свое. Я приготовила тебѣ постель; бобы сварены. Вы уже можете съ моимъ Бенедетто садиться за столъ.

Потомъ, обратившись къ мужу, продолжала:

— Такъ Марючья не воротилась съ вами? А видѣлъ ли ты добраго Фра-Мартинио? Не забылъ купить ветчины? Но, вѣтъ, вѣтъ, ты человекъ съ головою, ты умѣешь думать, мой Бенедетто.

Точно такъ она продолжала говорить, провожая меня въ маленькую комнату, которая впоследствии мнѣ казалась не менѣе залъ Ватикана. По-истинѣ, я думаю, что это странное жилище много способствовало къ развитію во мнѣ мистическаго чувства. Эта узкая комната производила на меня такое же дѣйствіе, какъ тяжесть на молодую пальму, которая тѣмъ скорѣе растетъ, чѣмъ больше ее сжимають.

Домъ нашъ въ прежнее время вѣроятно служилъ гробницею какой-нибудь знаменитой фамиліи. Вокругъ были продѣланы небольшія ниши въ два яруса; стѣны и потолокъ покрыты удивительною мозаикою. Въ настоящее время, каждая изъ нишъ имѣла особенное назначеніе. Въ одной изъ нихъ прятали провинзію, въ другой разные кухонные приборы, третья служила очагомъ.

Мы съ Бенедетто сѣли за столъ; онъ прочелъ Benedicite; Доминика прислуживала.

Послѣ обѣда добрая старушка повела меня по приставной лѣстницѣ въ верхній этажъ, служившій спальнею. Тамъ были двѣ большія ниши для гробовъ, вмѣсто которыхъ теперь стояли кровати. Одна изъ нихъ была назначена мнѣ; около нее на двухъ обручкахъ лежалъ третій, а на немъ колыбель или скорѣе койка, въ которой спалъ ребенокъ. Думаю что Марючья была его матерью.

Я хотѣлъ лечь. Выпавшій изъ стѣны камень образовалъ въ глубинѣ ниши отверстіе, въ которое видѣнъ былъ небесный сводъ. Въ то время, когда я укладывался, большая ищерица проползла чрезъ отверстіе въ мой альковъ и побѣжала по стѣнѣ. Доминика увѣряла, что это бѣдное животное больше боится меня, чѣмъ я его, что оно не хочетъ и не можетъ сдѣлать никакого вреда; и

прочитать надо мною Ave Maria, она перенесла колыбель въ другую нишу, которую занимала съ мужемъ. Я перекрестился и думал о моей матери, о Мадонѣ, о новыхъ мнѣхъ родственникахъ, о повѣшенномъ бандитѣ, Засулѣ. Все это страннымъ образомъ явилось мнѣ въ сновидѣніяхъ.

Слѣдующій день начался скучно; большой дождь шелъ до самой ночи, и потомъ цѣлую недѣлю, почти безпрерывно; такъ что я не могъ выдти изъ этой комнатки, всегда темной, даже когда вѣтеръ, измѣнивъ направленіе, позволилъ отворить маленькую дверь. Доминика пришла, а я качалъ дитя. Стараясь меня развеселить, добрая старушка пѣла кантаты, учила меня молитвамъ, которыхъ я не зналъ, рассказывала преданія о разбойникахъ, увѣряя что въ окрестностяхъ Рима они не злы. Хлѣбъ съ лукомъ составлялъ нашу всеневную пищу. Она мнѣ нравилась, но очень скучно показалось сидѣть въ комнатѣ. Доминика выкопала возлѣ входа для меня канавку, представлявшую, въ наложъ видѣ, Тибръ. Въ текшей въ ней дождевой водѣ я пускалъ лодочки, деревянные или плетенныя изъ тростника. По несчастью дождь усилился; я опять долженъ убраться былъ наверхъ и думалъ о прекрасныхъ картинахъ, капуцинской церкви. Когда дождь пересталъ, небо показалось чище и голубѣе прежняго. Впрочемъ цѣлаго мѣсяца стояла хорошая погода. Мнѣ было позволено выходить изъ дому, но запрещено отходить далеко, и особенно не подходить къ Тибру, гдѣ могъ я провалиться въ трясину, или встрѣтить буйволовъ, обыкновенно бродящихъ по берегу. Эти дикія животныя больше меня занимали, чѣмъ пугали. Есть что-то дьявольское во взглядѣ буйвола; огонь ихъ глазъ производилъ на меня такое же дѣйствіе, какъ взглядъ змѣи на птицу. Ихъ быстрота, упорныя борьбы другъ съ другомъ привлекали мое вниманіе. Кромѣ того я любилъ на пескѣ рисовать все что меня поражало, а для лучшаго объясненія картинъ своихъ перекладывалъ описаніе въ стихи и на музыку, къ большому удовольствію Доминики, которая называла меня милымъ ребенкомъ и часто хвалила мой голосъ.

Со дня на день солнце палило сильнѣе; поле стало похоже на море огня. Стоячія воды заражали воздухъ. Выходить можно было или утромъ или вечеромъ. Подобнаго знаю въ Римѣ я не чувствовалъ, хотя, помню, бывали такіе жаркіе дни, что нищія просили милостыню, не на кусокъ хлѣба, а на стаканъ холодной воды. Особенно я жалѣлъ объ арбузахъ, которые въ Римѣ продаютъ половниками. Воспоминаніе того времени заставляетъ со-

хвуть губы. Солнце бросало лучи на насъ почти вертикально; тѣнь едва отходила отъ ногъ; буйволы то оставались неподвижными на мѣстѣ, какъ бездушныя массы, то, ожесточившись, принимались бѣгать въ огромныхъ кругахъ съ быстротою стрѣлы. Представляю себѣ томленіе путешественниковъ, проходящихъ черезъ африканскіе пески.

Втеченіи двухъ мѣсяцевъ мы жили совершенно уединенно. Ни одна живая душа не приходила посѣтить насъ. Всѣ работы старались окончать ночью или раннимъ утромъ, чтобъ избѣжать дѣйствія зноя и душнаго воздуха, готоваго зажечь въ крови горячечный жаръ. Не гдѣ было достать какой-нибудь холодной жидкости; источники иссякли; въ Тибрѣ текла мутная и теплая вода; даже арбузный сокъ былъ теплый; вино, скрытое нами отъ жару въ землѣ, подъ хворостомъ, нагрѣвалось и кисло.... а на горизонтѣ не видно было ни малѣйшаго облака! И днемъ и ночью небо оставалось однообразно, неизмѣнно голубое. Утромъ и вечеромъ просили мы у Бога послать немного дождя, или хоть свѣжаго вѣтерка. Утромъ и вечеромъ Доминика смотрѣла на горы, надѣясь увидѣть надъ ними влажные пары. Тщетная надежда! Закатъ солнца давалъ намъ тѣнь, но безъ свѣжести, безъ прохлады!... И Сирокко не переставалъ свирѣствовать въ продолженіи двухъ долгихъ мѣсяцевъ.

Я взнемогалъ отъ нравственнаго разстройства и слабости тѣла. Прибавьте къ этому что малѣйшее движеніе воздуха оживляло нриады насѣкомыхъ, оцѣпенѣвшихъ отъ жару, и они нападали на насъ своими ядовитыми жалами. Буйволы были иногда совершенно прикрыты этими жужжащими роями, и для избавленія отъ нихъ бросались въ Тибръ и валялись въ его тинистыхъ водахъ.

Житель Рима, который во время лѣтнихъ жаровъ стонетъ какъ умирающій, тащась по улицамъ близъ домовъ, чтобъ не потерять узенькой тѣни, не имѣетъ понятія о мучительной тягости степнаго зноя, гдѣ кажется воздухъ состоитъ изъ огня и сѣры, а несносныя насѣкомыя, какъ демоны, тревожатъ того, кто осужденъ жить на этой раскаленной землѣ.

Наконецъ наступилъ сентябрь и погода стала сноснѣе. Къ намъ пришелъ Фридерикъ. Ему хотѣлось снять картину опустошенія Сирокко; онъ помѣстивъ на ней нашъ домикъ, вистлицу и буйволовъ. Снабдивъ меня карандашами и бумагой, обѣщавъ придти опять и взять меня въ Римъ съ собою на одинъ

день, чтобъ увидѣться мнѣ съ Маручей, Фра-Мартиномъ, и другими знакомыми, которые кажется всё меня забыли... Да, то же самое было съ Фредерикомъ: я его не видалъ болѣе въ степи.

Пришелъ ноябрь, а съ нимъ такая погода, лучше которой и желать нельзя было. Свѣжій вѣтерокъ приносился съ горъ, и каждый вечеръ облака принимали тѣ богатые цвѣта, которые можно видѣть только на южномъ небѣ; которыхъ ни одинъ живописецъ не дерзаетъ передать на картинахъ. Зелено-оливковые облака на стромъ полѣ представлялись мнѣ плывущими островами райскаго саду. Темно-голубые, окрашенные лучами заходящаго солнца, представлялись небесными горами, гдѣ, въ долинахъ, прекрасные ангелы волнуютъ воздухъ бѣлыми крыльями, и пробуждаютъ сонное эхо.

Разъ, сидя у входа, я открылъ что на солнце можно свободно смотрѣть черезъ ластокъ, проколотый булавкой. Доминика сказала что я могу такъ легко испортить глаза, и чтобъ прервать мою игру, затворила дверь. Мнѣ казалось скучно сидѣть въ темнотѣ: я такъ усердно сталъ просить старушку меня выпустить, что она наконецъ согласилась. Только что я успѣлъ отворить дверь, какой-то человѣкъ внезапно вбѣжалъ въ нашу домику, сбилъ меня съ ногъ и тотчасъ затворилъ за собой дверь. Едва я успѣлъ разсмотрѣть его блѣдное, разстроенное лице, а онъ произнесши имя Мадоны, страшный ударъ потрясъ нашу дверь, которая упала во внутрь. Черезъ отверстіе буйволъ просунулъ голову и устремилъ на насъ злой и бѣшеный взглядъ.

Доминика вскрикнула, взяла меня на руки и вотащила на лѣстницу. Пришлецъ схватилъ со стѣны ружье Бенедетто, оставленное на случай ночнаго нападенія заряженнымъ. Послѣдовалъ выстрѣлъ; облако дыму наполнило комнату. Пуля прошла въ лобъ животнаго, которое упало на порогъ.

— О всѣ Святые Рая! вскричала Доминика, сложа руки: вы убили буйвола.

— Слава Пресвятой Дѣвѣ! отвѣчалъ пришлецъ; она онасла мою жизнь; и ты также, мой добрый ангелъ, прибавилъ онъ, взявъ меня за руку.

Онъ объяснилъ намъ случай, заведшій его въ нашу пустыню. Желая собрать кой-какія травы, по страсти къ ботаникѣ, онъ оставилъ карету у Монте-Пинчье и пошелъ пѣшкомъ по берегу Тибра. Недалеко отъ нашего жилья встрѣтился съ нимъ стадо буйволовъ; одно изъ этихъ животныхъ его преслѣдовало, такъ что

еслибъ домигъ нашъ не былъ блазко и дверь не отворилась, почти чудомъ, онъ бы непременно погибъ.

— Благодатная Марія, моли за насъ! О, да, это Матерь Божія насъ спасла. Мой Антоніо одинъ изъ ея избранниковъ. Ваше сіятельство не знаете, какой удивительный ребенокъ нашъ Антоніо! Онъ можетъ читать всѣя книги, писанныя и печатныя! Онъ такъ вѣрно рисуетъ, что тотчасъ можно узнать: куполъ святаго Петра, буйволовъ и даже отца Фра-Мартино. А какой у него голосъ! Надобно чтобъ ваше сіятельство его послушали. Пѣвчіе напсаго хора не превзойдутъ его. Кромѣ того онъ славный мальчикъ и притомъ странный мальчикъ. Я не должна была бы такъ говорить при немъ, потому что похвалы портятъ дѣтей, да за него я не боюсь.

— Такъ онъ не сынъ вашъ? спросилъ пришлецъ.

— О, я слишкомъ стара для этого, отвѣчала она. У старыхъ смоконницъ не бываетъ молодыхъ отростковъ. Впрочемъ бѣднодѣтя не имѣетъ никого въ мірѣ, кромѣ Бенедетто и меня.... Но мы съ нимъ не разлучимся, хотя бы ни одного рубля не осталось въ кошелькѣ его. Но, сказала она прерывая себя и схвативъ мертваго буйвола за рога, между тѣмъ какъ изъ головы его струилась кровь, надобно намъ избавиться отъ этого звѣря.... Нельзя ни войти, ни выйти.... О, Боже мой! животное сидитъ какъ въ тискахъ; безъ помощи Бенедетто мы его не вытащимъ.... Лишь бы намъ не досталось за смерть его.

— Будьте спокойны, добрая женщина! возразилъ незнакомецъ; я одинъ отвѣчать буду. Вы вѣрно слышали фамилію Боргезе?....

— О, князь! воскликнула Доминина и хотѣла поцѣловать его одежду.

Но князь не допустилъ, и, пожимая намъ руки, просилъ привести завтра меня въ Римъ, во дворецъ Боргезе. Глаза моей приемной матери наполнились слезами отъ благодарности за приглашеніе: такъ она была тронута этою высокою милостію. Она показала потомъ князю мои ужасныя рисунки, которые сохранила такъ заботливо, какъ будто они начертаны рукой Микеланжелло. Князь, гадая на нихъ, улыбался, потрепалъ меня по щецѣ, и назвалъ вторымъ Сальваторомъ. Эта похвала мнѣ очень понравилась.

— Не правда ли, сказала Доминика, подобный талантъ удивителенъ въ ребенкѣ? Не правда ли, можно тотчасъ угадать что онъ хотѣлъ представить? Вотъ буйволы, лодочка, вотъ нашъ

домикъ! Вотъ еще фигура, это я! какъ похожа; одного не достаетъ въ этихъ картинкахъ, онѣ не раскрашены. Теперь, прибавила она, обращаясь ко мнѣ, спой для его свѣтлости, какъ можно лучше, что нибудь твоего сочиненія.... Вѣдь онъ сочиняетъ исторіи и рѣчи, какъ монахъ. Впрочемъ, вы сами посудите.... Ну, Автовіо, принцъ добръ, милостивъ, онъ желаетъ тебя слушать.... начинай же.

Князя по видимому забавляла эта говорливость. Его свисходительность придавала мнѣ бодрости. Моя импровизація Доминикъ показала образцовою. Я помню, что говорилъ о Мадонѣ, о князѣ и буйволѣ.

Его свѣтлость выслушалъ меня, не говоря ни слова, а Доминика его молчаніе сочла за удивленіе.

— Вы приведете ко мнѣ ребенка, повторилъ онъ когда я окончилъ. Приходите завтра утромъ... вѣтъ, вечеромъ за часъ до Ave-Maria. Мои люди будутъ предъувѣдомлены, и тотчасъ проведутъ васъ ко мнѣ. Но какъ мнѣ выйти отсюда? Есть ли въ домикѣ вашемъ другой выходъ? Да и какъ я дойду до кареты, не подвергаясь опасности быть снова осажденнымъ этими животными?

— Да, отвѣчала Доминика, вѣтъ возможности вашей свѣтлости выйти отсюда прилично.... Намъ это не трудно было бы, но дорога та не хороша для такого господина, какъ вы. Наверху въ комнаткѣ есть отверстіе, въ которое можно пролѣзть и спуститься на-землю.... Несмотря на старость, я иногда спускаюсь тамъ.... Но, какъ я сказала, эта дорога не совѣтъ првлична для людей высокаго званія....

Его свѣтлость взобрался по лѣстницѣ, высунулъ изъ отверстія голову и объявилъ, что онъ тутъ такъ же хорошо сойдетъ, какъ по ступенямъ Ватикана. Буйволы убѣжали далеко, и, по дорогѣ, близъ нашего жилья поселане медленно тащились въ Римъ. Князь рѣшился къ нимъ присоединиться; позади ихъ повозокъ съ троствикомъ онъ надѣялся быть безопаснымъ отъ нападенія буйволовъ. Оставляя насъ, онъ еще разъ просилъ Доминику прийти на другой день въ его дворецъ за часъ до Ave-Maria, далъ руку поцѣловать старухѣ, потрепалъ меня по плечу и спустился по обвитой плющемъ стѣнѣ, скоро догнавъ повозки и скрылся изъ виду.

VI.

Бенедетто съ двумя пастухами вытащили мертвого буйвола; они потомъ съ Доминикой долго о чемъ то говорили, вѣрно о князѣ. На другой день я рано всталъ и готовился идти въ городъ. Изъ моего сундучка достали праздничное платье, а къ шляпѣ приколоты бѣлую розу. Самую худшую часть моего одѣянія составляла обувь. Трудно было рѣшить, башмаки ли то, или древнія сандалии.

Какъ мнѣ показалась длинною дорога въ Римъ! Я такъ давно въ немъ не былъ. Никогда кипрское или палермское вино не казалось мнѣ такъ вкуснымъ, какъ вода, текущая изъ пасти каменнаго льва на площади del Popolo; я пилъ ее съ наслажденіемъ; и потомъ, прислонивъ щеку къ челюсти льва, обдалъ голову водою. Это Доминикѣ не понравилось; ей было досадно что волосы мои и платье немного смочились. Мы вошли въ улицу Ripetta, ведущую къ дворцу Боргезе. Сколько разъ и Доминика и я, проходили мимо этого зданія, не бросивъ на него даже равнодушнаго взгляда! А теперь мы остановились посмотреть на него съ нѣмымъ почтеніемъ. Съ особеннымъ любопытствомъ я разсматривалъ длинныя шелковыя занавѣсы на окнахъ. Мы знали гдѣ живетъ князь! Вчера онъ посѣтилъ насъ, сегодня мы его. Никогда не забуду страшнаго трепета при видѣ пышности этого дворца и палаты. Я разговаривалъ съ княземъ, не чувствуя особеннаго стѣсненія; онъ въ сущности такое же существо, какъ и всѣ мы.... Но богатство, блескъ!... Я появляю тогда, какъ далеко отдѣляютъ слава и счастье своихъ любимцевъ отъ всего обыкновеннаго.

Высокая гипсовая колоннада, уставленная бюстами и статуями окружала небольшой садъ; большіе алоэ и кактусы между лимонными рошцами поднимались до высоты столбовъ. Двѣ бакханки, въ положеніи танцовщицъ, поддерживали огромную чашу, изъ которой вода разливалась по ихъ плечамъ, обвитымъ вьющимися водяными растеніями. Какъ отличалось это прохладное, душистое убѣжище отъ нашей сухой, знойной степи!

Мы вошли на верхъ по широкой, мраморной лѣстницѣ; вдоль ея въ нишахъ стояли прекрасныя статуи. Слуги въ богатыхъ лилзвряхъ встрѣтили насъ съ такою вѣжливостью, что робость моя уменьшилась бы, если бъ зала, въ которую насъ ввели, не была

слишкомъ огромна и великолѣпна. Полъ мраморный; по стѣнамъ прекрасныя картины между огромными зеркалами и рѣзными украшеніями. Эти состояли изъ ангеловъ, поддерживающихъ цвѣточныя гирлянды, и птицъ, яркихъ цвѣтовъ, съ распушенными широкими крыльями, клевавшихъ какіе-то золотистаго цвѣту плоды. Подобнаго мнѣ еще не случалось видѣть.

Нѣсколько минутъ спустя вышелъ къ намъ князь съ прекрасною дамою, въ бѣломъ платьѣ. Она устремила на меня большіе блестящіе глаза, раздвинула волосы на лбу моему и обратившись къ князю, сказала:

— Какой ангельчикъ! Ручаюсь, что у него спрятаны крылья подъ курточкой.

— Да, его пріемная мать не останется довольна, если онъ улетитъ. Не правда ли, матушка, тебѣ трудно будетъ съ нимъ разлучиться?

— О, безъ-сомнѣнія, отвѣчала Доминика; мой домикъ безъ него мнѣ покажется пустъ и мраченъ, какъ будто заложили бы въ немъ двери и окна. Нѣтъ, я не могу разстаться съ этимъ милымъ ребенкомъ!

— Хоть на этотъ вечеръ, оставь его у насъ, сказала дама.

— Да, прибавилъ князь: оставь его у насъ, а сама иди купи что-нибудь для хозяйства. Говоря это, онъ бросилъ на руку Доминикѣ кошелекъ.

Я не слышалъ что еще онъ ей говорилъ; дама увела меня изъ залы, оставивъ ихъ.

Роскошь убранства и блескъ костюмовъ меня ослѣпляли. Я смотрѣлъ, то на фигуры улыбающихся ангеловъ на обояхъ, то на фіолетовыя снмары сенаторовъ, на красныя чулки кардиналовъ, которые казались мнѣ полу-богами: а теперь я былъ между ними! Особенно мнѣ понравился Купидонъ, сидѣвшій на синиѣ дельфина, плавающего въ бассейнѣ; изъ головы его били вверхъ двѣ струи.

Все это общество, не исключая сенаторовъ и кардиналовъ, привѣтствовало меня ласковой улыбкой. Молодой прекрасной парожности офицеръ папской гвардіи протянулъ мнѣ руку, когда молодая дама указала на меня, какъ на ангела спасителя ея дяди. Она предлагала мнѣ тысяча вопросовъ, на которые отвѣчалъ я не запинаясь, что заставило всѣхъ смѣяться.

Потомъ принцъ заставилъ меня пѣть, что я съ удовольствіемъ исполнялъ. Офицеръ подалъ мнѣ стаканъ пѣнстаго вина, но холодая дама покачала головою, не одобряя этого и взяла у меня изъ рукъ стаканъ, прежде чѣмъ я успѣлъ допить; впрочемъ вино успѣло взволновать мою кровь. Фабиано, такъ назывался офицеръ, предложилъ пѣть о дамѣ, которая, улыбаясь, стояла подлѣ меня; я повиновался.

Богъ знаетъ, какое странное сплетеніе идей образовало мою импровизацію; но, или потокъ словъ былъ принятъ за краснорѣчіе, или моя смѣлость за разумъ, необыкновенный для деревенскаго ребенка, только всѣ объявили что мое сочиненіе носитъ отпечатокъ гениальности. Всѣ хвалили, а Фабиано, снязъ съ столъшаго въ углу бюста лавровый вѣнокъ, смѣясь, надѣлъ на мою голову. Эта почестъ, хотя была шутка, но сдѣлала меня на ту минуту счастливѣйшимъ человѣкомъ. Кромѣ того я пѣлъ имъ пѣсни, которымъ выучился у Домпники и Маруччи; описывалъ ичъ сатанинскій взглядъ буйвола и нашу комнату въ разрушенномъ мавзолеѣ.

Быстро пролетѣло время. Уже пришла пора возвратиться опять въ степь съ моею матерью. Надѣленный плодами, лакомствами и деньгами, я за нею послѣдовалъ. Она казалась счастливѣе меня; она несла домой новыя платья, кухонные приборы и двѣ бутылки вина. Вечеръ былъ великолѣпный. Ночная тѣнь легла уже на деревьяхъ и кустахъ, но на небѣ надъ нами блестяла полная луна, какъ серебряный шаръ.

Съ тѣхъ поръ я часто думалъ о блестящей залѣ, о прекрасной дамѣ, о рукоплесканіяхъ, пріятствовавшихъ моему поэтическому началу. Во снѣ и въ минуту пробужденія являлись мнѣ оди и тѣ же видѣнія, которыя должны были со-временемъ изчѣниться въ сущность.

Не одинъ разъ бывалъ я во дворцѣ Боргезе. Милая дама забавлялась моимъ оригинальнымъ умомъ. Она съ удовольствіемъ слушала исторійки, которыя я рассказывалъ, и хвалила меня передъ кляземъ. Онъ также былъ очень ласковъ, по двумъ причинамъ; онъ снѣлъ въ каретѣ, переѣхавшей черезъ тѣло моей матери.

Прекрасную племянницу его звали Франческой. Она часто водила меня въ картинную галерею дворца. Навивность моихъ вопросовъ и замѣчаній объ удивительныхъ твореніяхъ тамъ находящихся вызывала ея улыбку; она ихъ пересказывала другимъ, которые также смѣялись. Утромъ галерея была наполнена мно-

странцами и художниками, снямавшими копій; но послѣ полудня оставалась свободною, и тогда мы ходили по ней съ Франческа, которая мнѣ рассказывала многое объ этихъ картинахъ.

Времена года Альбано были изъ самыхъ любимыхъ мною картинъ. Дѣти, игривыя и прекрасныя, которыхъ я принималъ за ангеловъ, а Франческа называла амурами, осуществляли созданія моихъ грезъ. Съ какимъ искусствомъ они расположены въ веснѣ! Три изъ нихъ точатъ стрѣлы на ставкѣ, четвертый его ворочаетъ, а два летая надъ ними поливаютъ камень. Въ лѣтѣ одни летаютъ между деревьями и срываютъ плоды, другія плачутъ въ прозрачной водѣ и рѣзвятся. Купидонъ съ факеломъ въ рукахъ сидитъ въ колесницѣ, влекомой двумя изъ его товарищей, и указываетъ охотнику мѣсто, гдѣ они могутъ отдохнуть. Зима усыпляетъ амуровъ; нимфы, пользуясь ихъ сномъ, уносятъ ихъ колчаны и стрѣлы и бросаютъ въ оговь.

— Почему они называются Амурами? Зачѣмъ охотятся? спрашивалъ я Франческу. На такіе вопросы она давала мнѣ объясненія, которыя не могли меня вполне удовлетворить.

— Наука объяснить тебѣ все это, говорила она; тебѣ нужно будетъ свыкнуться съ нею, хотя начала ее не привлекательны. Тебѣ придется по цѣлымъ днямъ сидѣть на скамьѣ, съ книгой или перомъ въ рукѣ; уже нельзя будетъ играть съ козлятами, или бѣгать съ маленькими товарищами. Но скажи, что бы тебѣ нравилось больше: сопровождать верхомъ, въ шегольскомъ нарядѣ, въ каскѣ, карету папы, какъ Фабіано, или понимать прекрасныя картины, знать весь міръ, и тысяча исторій, гораздо любопытнѣе тѣхъ, которыя я тебѣ рассказывала?

— Буду ли я тогда видѣть васъ и жить съ доброю Доминикой? спросилъ я.

— Часто ли ты вспоминаешь о своей матери, объ домикѣ, въ которомъ вы жили вмѣстѣ? Однако ты хотѣлъ бы вѣчно не разставаться съ нею. Такъ не думай ни обо мнѣ, ни о Доминикѣ. Съ нами случится тоже въ твоей памяти, что съ матерью.

— Но вѣдь вы не умерли, какъ она, возразилъ я со слезами на глазахъ.

— Мы также можемъ разлучиться такъ далеко, какъ различаетъ смерть. Прійдетъ время, когда мы не будемъ вмѣстѣ, но я всегда желаю быть увѣренною, что ты счастливъ.

Потокъ слезъ былъ моимъ отвѣтомъ. Мнѣ стало грустно, хотя я не могъ дать отчета почему. Франческа приласкала меня, го-

вѣря что я слишкомъ чувствителенъ, что это повредитъ мнѣ въ свѣтъ.

Въ ту минуту вошелъ князь съ Фабіано. Нашъ разговоръ съ Франческаю на томъ остановился.

Немного спустя разнесся слухъ, что въ виллѣ Боргезе дѣлаются приготовленія къ великолѣпной свадьбѣ. Франческа вышла за мужа за Фабіано, и послѣ свадьбы должна была отправиться съ нимъ въ одно изъ его помѣстій, близъ Флоренціи. Назначено было праздновать бракосочетаніе въ виллѣ Боргезе, недалеко отъ Рима, посреди дубовыхъ и лавровыхъ рощъ.

Въ то время, точно какъ и теперь, рощи эти служили общественными мѣстами гуляній для Римлянъ и чужестранцевъ. Великолѣпные экипажи ѣздили по аллеямъ изъ вѣковыхъ дубовъ; на водахъ мирныхъ озеръ плавали лебеди; воды эти, питавшіе множество фонтановъ и каскадовъ, отражали купы растущихъ по берегамъ сосенъ.

Въ день торжества, дорога была покрыта экипажами, и прекрасныя римскія дамы, приглашенныя на празднество, изъ нихъ презрительно посматривали на поселянъ, танцовавшихъ подъ звуки тамбурина.

Мы также пошли туда съ Доминикой и остались внѣ сада, окруженнаго бѣлой стѣной, на которую огромные аloe спустили свои, подобныя опахаламъ, вѣтви.

Окна дворца горѣли огъ освѣщенія. Уже Фабіано и Франческа получили благословеніе. Изъ залы доносились до насъ гармоническіе звуки музыки. На лугу былъ воздвигнутъ амфитеатръ: изъ центра его одинъ за другимъ вылетали фейерверки.

На кисейныхъ занавѣсахъ одного изъ оконъ залы отразилась дѣтъ тѣни, мужчины и женщины.

— То они, сказала Доминика.

Дѣтъ тѣни наклонились другъ къ другу, какъ будто для поцѣлуя. Моя пріемная мать скрестила руки; уста ея шептали молитву; я почти невольно упалъ на колѣни и молился за свою покровительницу. Доминика также преклонилась.

— Дай Богъ имъ счастья, сказала она, когда мы встали.

Въ эту минуту блеснулъ фейерверкъ и разсыпался по землѣ звѣзднымъ дождемъ, какъ будто въ увѣреніе что въ небѣ наше желаніе услышано.

Возвращаясь домой, добрая старушка плакала: мы должны были съ нею скоро разлучиться. Князь помѣстилъ меня въ іезуит-

ское училище, изъ котораго я долженъ былъ выйти въ свѣтъ, отличный отъ того, въ которомъ до-тѣхъ поръ жилъ.

— Такъ это, можетъ быть, въ послѣдній разъ, сказала Доминика, мы возвращаемся виѣстѣ! Скоро ты будешь ходить по паркету, по богатымъ коврамъ.... жить въ роскоши, въ удовольствіяхъ,.... но ты всегда былъ добрымъ, останься такимъ всегда, не забудь старой Доминики и бѣдняка Бенедетто. Помни что на ворсянкахъ нашей степи растутъ красныя цвѣтки, что на гладкихъ, блестящихъ паркетахъ легко поскользнуться! Не забывай что ты рожденъ въ бѣдности, мой малютка Антонио.... Не забывай что въ свѣтѣ прокладывая себѣ дорогу, надобно смотрѣть не видя, слушать не слыша. Когда Господь призоветъ насъ къ себѣ, меня и Бенедетто, а ребенокъ, котораго ты качалъ, въ свою очередь, заживетъ въ нашемъ домицѣ, съ такою же бѣдной какъ самъ онъ подружкой, навѣдывай ихъ. Ты пріѣдешь въ собственной каретѣ, или верхомъ на прекрасной лошади, но не будь съ ними высокомѣренъ; не забывай, что ты родился въ бѣдности, что спалъ, игралъ въ этомъ бѣдномъ жилищѣ; вспомни о твоихъ приемныхъ родителяхъ.... Она обняла меня, поцѣловала и зарыдала. Сердце мое готово было разорваться. При самомъ разставаніи мнѣ не было такъ тяжело и грустно, какъ въ ту минуту. Она плакала тихо, благословила старымъ образомъ Мадоны, висѣвшимъ на двери. Я его часто цѣловалъ, то была единственная отъ нея память.

VII.

Франческа уѣхала съ мужемъ. Я вступилъ въ училище Іезуитовъ; новыя занятія поглотили и умъ мой и время; составились новыя привязанности. Годы летѣли; однообразная жизнь измѣнилась, составивъ, такъ сказать, рядъ картинъ, слившихся для меня въ настоящее время въ одну — моей ученической жизни.

Какъ путешественникъ, переходящій въ первый разъ гору, изъ разсѣвающихся тумановъ, увидить то городъ на зеленомъ холму, то долину, освѣщенную солнцемъ; такъ тихо, постепенно расширялся и разнообразился міръ моихъ знаній.

За горами окружающими римскую степь мнѣ представились страны и города, до тѣхъ поръ неизвѣстныя; исторія передо мною населила весь шаръ земной, рассказала преданія и проис-

нестойкіе совершенно для меня новыя; умъ мой хотѣлъ постигнуть знаніе въ природѣ всякаго цвѣтка, всего до мелочей. Но ни одна страна, нѣтъ гѣкъ, кои нѣтъ стали извѣстны, въ глазахъ моихъ не могла стать на ряду съ знаменитой Италіей, моимъ отечествомъ. Я гордился быть Римляниномъ. Все въ моемъ родномъ городѣ занимало умъ, притягало сердце; даже изломанные памятники на углахъ улицъ, были для меня священными остатками. Тростники, вдовѣ Тибра растущіе, ментали имени Ромула и Рема; триумфальныя арки, колонны, статуи, казались важнѣе героевъ или происшествій, въ память которыхъ воздвигнуты. Я шлъ въ древнемъ Римѣ, витаясь классическими его произведеніями, за что меня очень хвалилъ профессоръ исторіи.

Всякое общество политическое и ученое, народное и частное, имѣетъ своего арлекина. И въ нашемъ училищѣ былъ одинъ: дѣти безъ труда нашли предметъ для насмѣшекъ. Нашъ арлекинъ былъ самый сварливый, мудрый, рѣчистый, и слѣдовательно самый занимательный изъ всѣхъ арлекиновъ. Аббать Хабазь-Дада, хотя и арабской крови, воспитывался съ ранней юности въ папскихъ владѣніяхъ, и въ послѣдствіи сдѣлался нашимъ наставникомъ и руководителемъ поэтическихъ занятій, профессоромъ риторики въ училищѣ Іезуитовъ.

Поэзію, это высокое божественное вдохновеніе я сравниваю съ самороднымъ золотомъ, скрытымъ въ вѣдрѣ земли. Воспитаніе поэта то же что выплавка для металла. Хотя встрѣчаются въ рудникахъ жилы чистаго самороднаго золота, какъ лирическіе стихи импровизатора; но чаще попадаются жилы серебряныя, оловяныя и другихъ металловъ. Имъ не надобно пренебрегать, и чрезъ обработку и шлифовку можно придать имъ видъ серебра и золота. Поэтому я распределяю поэтовъ на разряды съ золотомъ, серебромъ, мѣдью, желѣзомъ и такъ далѣе. Но кромѣ этихъ разрядовъ есть еще одинъ, составленный изъ римачей-ремесленниковъ, также вужныхъ, какъ обожженная глина для горшковъ. Хабазь принадлежалъ къ числу послѣднихъ; онъ лѣпилъ стихи какъ горшки, и легкость стиха часто давала ему преимущество передъ людьми, превосходящими его глубиною мысли и поэтическимъ настроеніемъ. Потому-то стихи, текучіе, плавныя, искусно сложенные заслуживали по преимуществу его похвалу и одобреніе. Трудно сказать что возбудило его любовь къ Петрарку; мелодія ли стиховъ, или общее удивленіе, или лучъ свѣта мгновенно освѣтившій его способности, только между Хабазь-Дадой и Петрар-

кой не было ничего общаго. Онъ заставлялъ насъ выучивать наизусть около четвертой доли длинной эпической поэмы «Африка». Глубокомысленность Петрарки была намъ выказываема ежедневно.

«Кто умѣетъ рисовать только водяными красками, тотъ можетъ быть только поверхностнымъ поэтомъ, говорилъ намъ Хабазъ, и произведенія воображенія похожи на впечатлѣннѣ разврата. Между этими послѣдними отвратительнѣ всѣхъ твореніе того Данте, который желая получить безсмертіе, доставшееся Петраркѣ за одинъ сонетъ, не побоялся играть небомъ, землею и адомъ! Нельзя отнять у него способности владѣть стихомъ; и благодаря этой слабой заслугѣ, его Вавилонскій Столпъ дойдетъ до отдаленнаго потомства; но что-жъ изъ этого? По-крайней-мѣрѣ еслибъ онъ, слѣдуя первоначальному своему плану, написалъ поэму свою по латыни, показалъ бы ученость; но, какъ видно, писать по латыни было для него стѣснительно, и онъ предпочелъ языкъ обыкновенный, которымъ теперь мы говоримъ. Бокаччо объ немъ говоритъ: это потокъ, въ которомъ левъ можетъ плавать и ягненокъ ходить; но я у него не нахожу ни подобной глубины, ни простоты. По моему мнѣнію онъ не далъ прочнаго основанія своему творенію, которое колеблется между настоящимъ и прошедшимъ.

«Но Петрарка не имѣлъ нужды наславать свой поэтический полетъ, и помѣщать въ аду враговъ своихъ. Въ его время, можно было прямо осуждать, точно такъ, какъ въ греческой трагедіи дозволялось хору прорицать. Когда Римъ и Парижъ хотѣли увѣнчать его, съ благородною самоувѣренностью онъ обратился къ своимъ соотечественникамъ, и вынуждалъ ихъ объявить громко: стоитъ ли онъ быть увѣнчаннымъ поэтомъ? И послѣ трехмѣсячнаго добровольнаго испытанія, король неаполитанскій въ Капитоліѣ возложилъ на него пурпурную мантию, а Сенатъ Римскій вручилъ ему лавровый вѣнокъ, чего Данте не получилъ.»

Подобнымъ образомъ старался Хабазъ возвысить Петрарку и унижить Данте, вмѣсто того, чтобъ помѣстить ихъ другъ возлѣ друга, какъ соединяютъ вмѣстѣ пахучую фіалку и пышную розу. Онъ заставлялъ насъ выучить всѣ сонеты Петрарки, но ни одной строки не прочелъ изъ твореній Данте. Я зналъ только изъ разсказа Хабаза-Дады, что Данте воспѣвалъ адъ, чистилище и рай, предметы занимательные для воображенія, и желалъ прочесть эти поэмы; что можно быть сдѣлать скрытно отъ Хабаза,

который никогда не проставъ бы вкушенія этого запрещеннаго шюда.

Прогуливаясь однажды по Навонской Площади, между грудями вонеранцевъ, кусками стараго желѣза и тряпьемъ, я замѣтилъ разложенныя старыя книги и эстампы. Тамъ были карикатуры Дюкошь макаронъ, изображенія Мадоны, у которой сердце пронзено мечемъ, и множество разнообразныхъ предметовъ. Я увидѣлъ томъ *Метастазія*; изъ карманныхъ денегъ, оставшихся отъ динныхъ мнѣ полгода назадъ княземъ, оставался у меня одинъ паоло. Я рѣшался дать за *Метастазія* пять или шесть *bajoschi*, но не цѣлый паоло. Торгъ почти былъ конченъ, когда въ хламѣ печатномъ мнѣ попалась книга, на оберткѣ которой было написано: *Divina Comedia di Dante*. Я бросилъ *Метастазія* и схватилъ эту книгу. По несчастью цѣна его была для меня слишкомъ высока; мнѣ неоткуда было достать три паоло. Я поворачивалъ въ пальцахъ монету, совѣстясь предложить ее продавцу.

— Это, говорилъ онъ, лучшая книга Италіи, первѣйшая поэма въ цѣломъ....

И цѣлый потокъ похвалъ Данте хлынулъ изъ устъ его.

— Каждая страница этой книги, продолжалъ онъ, стоитъ рѣчи. Данте пророкъ воодушевленный Богомъ. Онъ вводитъ насъ въ пропасти ада и въ свѣтлыя селенія рая. Вы его не знаете, молодой человѣкъ, иначе вы не пожалѣли бы дать за книгу и талеръ, еслибъ я за нее попросилъ; а я вамъ лучшую книгу вашего отечества уступаю за два паоло.»

Конечно еслибъ я имѣлъ три, я отдалъ бы не торгуясь; но имѣя одинъ паоло, по неволѣ долженъ былъ осуществить басню о лисцѣ и виноградѣ, и повторилъ передъ продавцемъ часть рѣчи Хабаза, унижая гевій Данте и возвышая Петрарка.

— Вы слишкомъ молоды, сказалъ мнѣ книгопродавецъ, долго, съ жаромъ защищая противъ моихъ нападокъ своего любимаго поэта, вы слишкомъ молоды, а я мало ученъ, чтобъ судить о такихъ поэтахъ. Они, можетъ-быть, стоятъ другъ друга. Но вы никогда не читали Данте.... молодой человѣкъ съ сердцемъ не сталъ бы, прочитавъ его, говорить объ немъ, всемірномъ поэтѣ, съ такою желчью.

Когда я ему откровенно признался что мнѣніе мое объ этомъ поэтѣ основано на мнѣніи моего профессора, честный купецъ, увлеченный энтузіазмомъ къ твореніямъ Данте, протянулъ мнѣ книгу за одинъ паоло, взявъ обѣщаніе тотчасъ прочесть ее и

не пригнать впередъ, славы Италіи, удивительнаго, божественнаго Данте.

Можете представить мою радость. Я всегда сомнѣвался въ справедливости строгаго сужденія поэмы Данте Хабазомъ Дадой. Любопытство, возбужденное фанатическимъ удивленіемъ книги продавца къ этому творенію, едва позволило мнѣ дожидаться пути, когда я могъ начать читать ее, ни кѣмъ не замѣченнаго.

Данте нарисовалъ въ моемъ воображеніи новый міръ, въ которомъ природа достигла высочайшаго развитія; меня поразила невообразимая роскошь цвѣтовъ. Не останавливаясь я прочелъ всю книгу, все это образцовое твореніе и такъ слыхалъ съ поэтомъ, что съ удовольствіемъ раздѣлялъ съ нимъ его страданія и радости. Пока бродилъ я съ поэтомъ въ аду, этомъ жилищѣ отчаянія, надпись на дверяхъ раздавалась внутри меня, какъ звонъ колокола, который призываетъ всѣхъ къ страшному суду.

Я увидѣлъ тамъ смятый дымъ, такой же непроицаемый какъ песчаные вихри, поднимаемые самумомъ въ стѣняхъ африканскихъ, потомковъ Адама, падающихъ туда, подобно осеннимъ листьямъ, сорваннымъ вѣтромъ; а ихъ скорбныя души стонали въ воздушныхъ пространствахъ. Глаза мои наполнились слезами при видѣ столькихъ благородныхъ существъ, которыя, не имѣя возможности воспользоваться благодатью христіанства, были помѣщены въ этомъ мрачномъ убѣжищѣ. Гомеръ, Сократъ, Брутъ, Виргилій и много другихъ добродѣтельныхъ и знаменитыхъ мужей древности обитали тамъ, безъ надежды войти въ рай. Хотя Данте эту часть ада по-возможности улучшилъ, но это меня не могло утѣшить. Жизнь въ томъ мѣстѣ не имѣла страданій, но была вѣчной печалью, непрерывной жаждой блаженства, котораго они никогда не могли получить. Жилище ихъ было окружено гніющими болотами, откуда вздохи осужденныхъ поднимались ядовитыми, заразительными парами. Я забывалъ, что все это выдумка. Глухіе стоны, выходящіе изъ озера кипящей смолы, давили мнѣ сердце. Я видѣлъ на поверхности его грушныя гришниковъ, зараженныхъ симоніей, которыхъ дьяволы вгоняли въ глубь острыми трезубцами.... Многія одушевленные описанія, разсѣянные въ этой поэмі, запечатлѣлись неизгладимо въ моей памяти, смѣшались съ дневными грезами и ночными сновидѣніями. Часто, во время она, слышали, что я произносилъ имя сатаны, предполагая, что я отгоняю нападенія его, а я не сторилъ то, что было прочтано мною.

Даже въ часы ученья тысячи различныхъ мыслей толпились въ умѣ моемъ наперекоръ волѣ, стремившейся изгнать ихъ; а если кто спрашивалъ меня о чемъ мечтаю, я приходилъ въ смущеніе; я очень хорошо зналъ о чемъ мечтаю, но силъ не имѣлъ ни бросить Данте, ни положить конца разсѣянности.

День мнѣ казался такимъ долгимъ и тягостнымъ какъ мантия „золоченнаго свинца, надѣтая на Люциферовъ въ Дантевомъ адѣ“. Съ страшной тоскою ждалъ я часа, когда снова могъ принять за плодъ запрещенный и вызывать ужасные призраки, являшіе карателями моей воображаемой вины.

Товарищи, спавшіе со мной въ одной комнатѣ, были возбуждены полнотамъ моихъ криками, и потому повторяли страшныя и несвязныя фразы, говоренныя мною во снѣ, въ которыхъ адъ и осужденные всегда были вмѣшаны.

Старикъ сторожъ видѣлъ какъ одинъ разъ, передъ утромъ, я во снѣ, съ открытыми глазами, поднялся съ кровати, призывалъ Люцифера, боролся съ нимъ и, утомленный, упалъ на кровать.

Съ-тѣхъ поръ всѣ думали, что я по ночамъ со злымъ духомъ вступаю въ борьбу, и кровать мою окропили святою водою, а передъ сномъ заставляли читать много молитвъ.

Подобное обращеніе было чрезвычайно вредно для моего здоровья; оно увеличивало волненіе крови и безпокойство, потому что я зналъ причину зла. Наконецъ, одно неожиданное обстоятельство измѣнило мое положеніе, сдѣлавшееся невыносимымъ, и за жестокою бурей, бушевавшей во мнѣ, наступила осѣбжительная тишь.

Изъ всѣхъ учениковъ іезуитскаго училища никто не стоялъ выше, по способностямъ и рожденію, Бернарда, веселаго, независимаго Бернарда. Однимъ изъ его любимыхъ удовольствій было — карабкаться по сточной трубѣ, выходившей надъ четвертымъ этажемъ, или скакать по доскѣ, положенной между двумя угловыми окнами входящаго угла. Всѣ смятенія нашего маленькаго государства не напрасно были ему всегда приписываемы. Бернардо протизился всегда желанію начальства, чтобъ въ нашемъ заведеніи было такъ тихо и спокойно какъ въ монастырѣ; впрочемъ, въ поступкахъ его не было власти; только съ Хабазомъ дадой онъ иногда позволялъ себѣ помутить довольно зло. Бернардо не обращалъ вниманія — были ли они въ корешкахъ или въ дурныхъ отношеніяхъ. Племянникъ римскаго сенатора, наследникъ огромныхъ богатствъ, видѣлъ передъ собою блестящую бу-

душность. Хабазъ говаривалъ, что счастье бросаетъ перы въ душистыя деревья, а не на высокія сосны.

Бернардо обо всемъ имѣлъ собственное мнѣніе, и когда его доказательства не убѣждали, онъ употреблялъ къ этому силу эстетическую, и потому всегда одерживалъ верхъ.

Хотя наши характеры были не сходны, но мы жили съ нимъ согласно. Конечно, я ему всегда уступалъ; но учтивость моя не слишкомъ ему нравилась.

— Антонио, говорилъ онъ, я съ удовольствіемъ бы прибилъ тебя палкой, если бъ зналъ, что ты тоже прибьешь меня. Если бъ ты показалъ энергію, я сдѣлался бы твоимъ вѣрнѣйшимъ другомъ; но, кажется, я долженъ отказаться отъ надежды увидѣть въ тебѣ хоть сколько-нибудь характерности.

Однажды утромъ, когда мы остались одни съ нимъ въ большой залѣ, онъ сѣлъ противъ меня за столъ, и съ насмѣшкой сказалъ:

— О! да ты проказникъ больше чѣмъ я; ты въ самомъ дѣлѣ прекрасно разыгрываешь комедію. По твоей милости въ насъ заклали бѣсовъ!... Если ты не догадываешься о чемъ я говорю, то скажу прямо, ты читаешь Данте.

Я покраснѣлъ, но спросилъ почему онъ меня обвиняетъ въ этомъ.

— Въ эту ночь, во снѣ, не описалъ ли ты мнѣ демона, такъ точно какъ онъ описанъ въ «Божественной Комедіи»? У тебя сильное воображеніе, тебѣ должны нравиться подобныя описанія. Хочешь ли, я тебѣ сдѣлаю описаніе? Слушай: въ аду, кромѣ огненныхъ морей и гніющихъ болотъ, есть обширныя замерзшіе пруды, гдѣ души навѣчно остаются обмерзшими. Это наказаніе для тѣхъ, кто измѣнилъ своимъ благодѣтелямъ, и следовательно для Люцифера, возмущившагося противъ Бога. Онъ погруженъ во льду до пояса, и въ пасти, непомерно открытой, держитъ Брута, Кассія и Іуду Искариотскаго, послѣдняго головою внизъ. Вѣрно ли, дитя мое? Когда увидишь разъ дьявола, его не скоро забудешь. Я съ нимъ познакомился въ аду Данте; ты сегодня описалъ его мнѣ точь-въ-точь; а когда я спросилъ тебя, откуда ты взялъ «Божественную Комедію?», ты заставилъ меня молчать, и произнесъ имя нашего любезнаго профессора Хабазы-Дады. Ну, теперь ты открой мнѣ секретъ твой... я не измѣню. Это мнѣ нравится въ тебѣ... я надѣюсь, что у тебя сформируется свободный характеръ. Прошу тебя, скажи, гдѣ ты досталъ эту книгу? Если бы ты когда-нибудь выразилъ мнѣ же-

даніе прочесть ее, я бы далъ тебѣ. Изъ осужденія Хабаза-Дады я заключилъ, что ее стоить прочесть. Меня сначала испугала толстота тома; но начавши читать, я прочелъ три раза сряду. Не правда ли, что картина ада восхитительна! Гдѣ же помѣстить Хабаза? въ Огненномъ Морѣ или въ Ледяномъ Озерѣ?

Такъ мой секретъ былъ открытъ; хоть тѣмъ хорошо, что онъ попалъ въ руки Бернарда; на его молчаніе можно было положиться. Послеъ этого обстоятельства мы съ нимъ сошлись ближе прежняго и, оставаясь воедино, всего чаще говорили о «Divina Comedia». Не удивительно, если первая поэма, написанная мною, была о Данте.

Въ изданіи Божественной Комедіи, мнѣ поповшемся, была помещена жизнь автора, кратко но достаточно, чтобъ понять особенностей его характера. Я пѣлъ объ его платонической привязанности къ Беатриче; описалъ скорбь блуждавшаго въ горахъ изгнанника и его смерть. Посреди чужеземцевъ душа его, отдѣлившись отъ тѣла, во время полета въ надзвѣздный міръ бросила взглядъ на земную жизнь. Начало и завязка поэмы было взято у него. Снова открылось чистилище, въ которомъ древо познанія добра и зла распустило свои вѣтви, отягченныя великолѣпными плодами; оно орошалось неизсякаемымъ источникомъ. Данте вошелъ въ лодку, которою правилъ ангелъ; широкія бѣлыя крылья служили парусами.... Горы дрожали, когда очищенная душа возносилась въ рай, гдѣ солнце и звѣзды отражали, какъ зеркало, свѣтъ превѣчнаго Божества, гдѣ духи всѣхъ разрядовъ вкушаютъ небесное блаженство.

— Бернардо, которому я прочелъ свою поэму, находилъ ее образцовою.

— Антоію, сказалъ онъ, ты долженъ прочесть громко эту поэму въ день праздника.... Она превосходна.... Это будетъ ударомъ Хабазу-Дадѣ.... Да, ты ее долженъ прочесть.

Я отвѣчалъ ему покачавъ головою.

— Ты не осмѣлишься! Ну, такъ я осмѣлюсь. Мнѣ хочется помучить Хабаза похвалою безсмертному Данте. Дай мнѣ, Антоію, свою поэму; я прочту ее, только въ такомъ случаѣ она должна мнѣ принадлежать совершенно.... Что, тебѣ можетъ-быть непротивно уступать твои блестящія перья совѣ!... Нѣтъ, уступивъ, это будетъ съ твоей стороны прекрасная черта.... Ну, что, согласишься?....

Бернарду вовсе не нужно было меня уговаривать, я согласился съ удовольствіемъ и впередъ наслаждался успѣхомъ маленькаго обмана.

Въ то время былъ обычай въ училищѣ Іезуитовъ, какъ теперь въ училищѣ Пропаганды, на Испанской Площади, тринадцатаго января, въ честь Трехъ Царей, читать поэмы на родномъ языкѣ, иностранномъ или какомъ нибудь изъ мертвыхъ. Отъ насъ зависѣлъ выборъ сюжета для сочиненія; впрочемъ до начинанія труда, нужно было объявить сюжетъ профессору.

— А ты, Бернадо, спросилъ Хабазъ въ тотъ день, когда мы объявили ему свои темы, что выбралъ для себя? Ты кажется не принадлежишь къ числу пѣвчихъ птицъ, тебя надобно уолить отъ чтенія!...

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бернардо, на этотъ разъ я попробую воспѣть одного поэта, конечно не изъ великихъ, я не имѣю такого тщеславнаго желанія.... Данте.

— Да, возразилъ Хабазъ, прекрасно! Онъ хочетъ попробовать, да притомъ на Данте! То должно быть образцовое твореніе, я съ удовольствіемъ его послушаю. Только, на чтеніяхъ будутъ присутствовать кардиналы и многіе изъ иностранцевъ, такъ лучше отложить до карнавала чтеніе такого смѣшнаго отрывка распорѣчія.

Аббатъ ушелъ.

Бернардо не считалъ себя побѣжденнымъ; онъ у другихъ профессоровъ получилъ позволеніе писать объ этомъ предметѣ.

У каждаго изъ насъ была своя тема; у меня *Красота Италіи*.

Каждый долженъ былъ трудиться надъ сочиненіемъ безъ посторонней помощи; но лучшимъ средствомъ заслужить благоволеніе Хабаза и освѣтить лучемъ довольства его физиономію, обыкновенно мрачную, какъ бурное небо, было дать ему прочтати свою поэму, попросить его мѣтвія и помощи. Въ этомъ случаѣ онъ псправлялъ все сочиненіе, такъ что слѣда прежняго не оставалось, и хотя было не лучше прежняго, но въ особенномъ родѣ; а если случалось, что кто-нибудь изъ иностранцевъ похвалить то сочиненіе, Хабазъ не пропускалъ случая легко замѣтить, что искры его ума сгладили шероховатости этого опыта и тому подобное.

Онъ ничего не зналъ о моей поэмѣ Данте, переданной Бернарду. Наконецъ великій день наступилъ. Толпа каретъ остановилась у воротъ училища. Старые кардиналы въ красныхъ мантияхъ съ

длинными шлейфами, вошли въ большую залу и заняли почетныя мѣста. Много набралось народу. Посѣтителѣмъ поданы были карточки, на которыхъ были написаны наши имена и выбранныя для сочиненій языки. Хабазь-Дада произнесъ вступительную рѣчь, за нею читаны были поэмы на сирійскомъ, халдейскомъ, коптскомъ, санскритскомъ, англійскомъ и другихъ языкахъ. Чѣмъ поэмы были непонятнѣе и страннѣе, тѣмъ шумнѣе раздавались рукоплесканія и браво, вмѣстѣ съ хохотомъ.

Съ дрожавшимъ сердцемъ и я вышелъ въ свою очередь, и прочиталъ нѣсколько строкъ моей *Италіи*. Безпрерывныя одобренія пріѣздившимъ мой опытъ, даже старые кардиналы хлопали руками; а Хабазь-Дада мило улыбулся и потрясъ лавровымъ вѣнкомъ, который держалъ въ рукѣ; потому что на итальянскомъ языкѣ кромѣ Бернардова сочиненія не было ни одного, а на него Хабазь не надѣялся.

Бернардо взомелъ на кафедру. Я не спускалъ съ него глазъ. Гордо и смѣло онъ началъ читать мою поэму о Данте.... Въ залѣ было тихо. Энергія его чтенія привлекла вниманіе всѣхъ. Я зналъ эти стихи наизусть, но услышавъ ихъ произнесенными звучнымъ и выразительнымъ голосомъ, они показались мнѣ незнакомыми.

Единодушное рукоплесканіе было наградой таланту Бернарда; не оставалось сомнѣнія, что ему присудятъ награду; и хотя, по программѣ, слушали и аплодировали слѣдующей и послѣдней поэмѣ на англійскомъ языкѣ, но едва была она кончена, въ залѣ снова громко заговорили о поэтическихъ красотахъ поэмы Данте.

Щеки мои горѣли, грудь стѣснилась; я чувствовалъ невыразимую радость; душа моя вдыхала похвалы, воздаваемыя Бернарду, который страшно измѣнился. Блѣдный какъ смерть, устремивъ глаза въ землю, мрачный и взволнованный какъ преступникъ, онъ оставался на одномъ мѣстѣ, такъ недавно еще смѣло смотрѣвъ въ глаза каждому. Хабазь-Дада подходилъ на него; онъ готовъ былъ, кажется, разорвать вѣнокъ, когда одинъ изъ кардиналовъ взялъ у него и положилъ на голову Бернарду, который преклонилъ колѣно и закрылъ лицо руками. Послѣ я отыскалъ его.

— До завтра, онъ крикнулъ и убѣжалъ; весь слѣдующій день онъ также убѣгалъ меня. Это меня огорчало; я былъ къ нему очень привязанъ; какъ сирота имѣлъ нужду въ другѣ, и считалъ его своимъ другомъ.

Такъ прошло два дня.... Наконецъ вечеромъ онъ бросился ко мнѣ на шею, пожалъ руку и сказалъ:

— Я не въ силахъ выдерживать долѣе своего положенія. Лавровый вѣнокъ кололъ мою голову. Одобреніе присутствующихъ было для меня хуже насмѣшки, потому что оно не мнѣ принадлежало. Я замѣтилъ твою радость и, повѣришь, ненавидѣлъ тебя. Ты уже пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде.... Прости меня.... Но теперь намъ нужно разлучиться, я не останусь долѣе въ этомъ домѣ, и не хочу быть до будущаго года предметомъ насмѣшекъ для тѣхъ, кто узналъ бы, что я нарядился въ чужія перья. Дядя меня пристроитъ какъ знаетъ. Я ему писалъ уже и просилъ взять изъ училища. Я сдѣлалъ то, что мнѣ вовсе не свойственно, а на тебя я смотрю, какъ на причину проступка. Въ душѣ моей есть что-то противъ тебя, что меня мучитъ. Мы можемъ остаться друзьями при другихъ отношеніяхъ.... Такъ и будетъ; общай мнѣ, Антоію.

— Ты несправедливъ ко мнѣ, отвѣчалъ я, несправедливъ къ себѣ также. Забудемъ объ этой несчастной поэмѣ, и обо всемъ что до нее относится. Дай мнѣ руку; не огорчай меня странными словами.

— Мы всегда останемся друзьями, сказалъ онъ удаляясь.

Поздно вечеромъ онъ возвратился въ училище; а на другой день утромъ намъ объявили, что Бернардо выбылъ изъ училища, для вступленія на другое поприще.

— Онъ скрылся, какъ падающая звѣзда, замѣтилъ Хабазъ, съ ироніей. Заблестѣлъ и исчезъ. Отчаянная голова! Поэма его стоила его. Надобно озаботиться чтобы это драгоценное твореніе не пропало для потомства. Но, спрашиваю, что найдешь въ этой поэмѣ, разобравъ ее! Можно ли назвать поэзіей стихотворную пьесу, какую ни попало, безъ основанія и формы. Въ трехъ мѣстахъ гексаметры имѣютъ мѣру стопой больше надлежащаго; есть страшныя стеченія буквъ, двадцать-пять разъ онъ употребилъ слово божественный, какъ будто отъ повторенія этого слова поэма сдѣлается божественною. Притомъ на каждомъ шагу чувство и чувство.... И не это одно позволилъ себѣ авторъ. Какая борьба съ видѣніями! Одно тутъ, другое тамъ.... Нѣтъ связи въ идеяхъ, порядка въ происшествіяхъ. Поэтъ не долженъ увлекаться своимъ твореніемъ. Онъ долженъ быть холоденъ, какъ ледъ. Безжалостно долженъ терзать дитя своего сердца, чтобы отдать отчетъ въ каждой части; такъ долж-

не быть выдержано твореніе литературы. Вдохновенію не слѣдуетъ отдаваться. И когда я вспоминаю, что присудили призъ этому мальчишкѣ!... а сочиненіе его за промахи, ошибки, зіянія слѣдовало бы изорвать, исключить! Дрянной Бернардо!

Таково было сужденіе Хабазъ-Дады о моей поэмѣ.

VIII.

Мы всѣ жалѣли, особенно я, безразсуднаго, неукротимаго Бернарда. Безъ него мнѣ чего-то недоставало. Читеніе мало приносило удовольствія. Гармонія души разстроилась; я едва могъ успокоивать ее музыкой.

Однажды вечеромъ дѣти собрались пѣть передъ маленькой статуей Мадоны, стоящей въ нишѣ внѣшней стѣны училища. Голоса эти напомнили мнѣ мое дѣтство. Этой пѣснью убаюкивали меня ребенка; эту же пѣсню на Рождество горцы играютъ на волинкахъ. Тѣмъ же голосомъ пѣли провожавшіе гробъ моей матери на кладбище. Я задумался о прошломъ и будущемъ. Грудь моя поднималась; слова старинныхъ мелодій отзывались во мнѣ; являлась потребность выразить ихъ звуками. Я пѣлъ сначала тихо, потомъ все громче и громче, такъ что пѣсни мои достигли отдаленной комнаты, и прервали глубокія размышленія Хабаза Дады. Онъ прислалъ мнѣ сказать, что я не въ оперной залѣ, не въ училищѣ пѣвѣ, и что въ нашемъ заведеніи могутъ раздаваться только пѣсни духовныя. Я пересталъ, и опершись лицомъ объ оковную раму смотрѣлъ разсѣяннo на улицу.

— *Felicissima notte*, Антоніо, кричалъ мнѣ голосъ снаружѣ. Прекрасная, гордая лошадь стала въ ту минуту на дыбы передъ окномъ моимъ.... Потомъ вдругъ бросилась впередъ, унося съ собой такого же, какъ сама, гордаго всадника. То былъ офицеръ папской гвардіи. Съ юношескою живостью наклонился онъ на шею лошади, кланяясь, и махалъ мнѣ шапкой, пока не скрылся изъ виду. Я узналъ его.... То былъ Бернардо, счастливый Бернардо!... Какъ отлична была его жизнь отъ моей! Я рѣшилась объ этомъ не думать. Надвинувъ на глаза шапку, какъ преслѣдуемый злымъ духомъ, бросился я вонъ изъ дому, самъ не зная куда. У меня изъ памяти вышло одно изъ правилъ нашего училища и всѣхъ другихъ въ папскихъ владѣніяхъ, не выходить изъ дому безъ товарища, старшаго лѣтами. Надобно

получить особенное позволеніе выйти на улицу одному. Этотъ законъ былъ всеѣмъ извѣстенъ, такъ что не считали нужнымъ напоминать объ немъ; но я, въ разсѣянности, совершенно позабылъ о немъ; а старикъ сторожъ вѣрно думалъ, что я имѣю позволеніе, и пропустилъ меня.

Корсо былъ загроможденъ экипажами. Кареты, наполненныя иностранцами или городскими жителями, выѣхавшими на вечернюю прогулку, слѣдовали одна за другою. Много пѣшеходовъ тѣснилось передъ окнами магазина эстамповъ, посмотрѣть на выставленныя гравюры, а нищіе осаждали ихъ прося bajocco. Одно средство было идти впередъ между экипажами. Я на него рѣшался, когда рука схватила за полу моего платья и ужасный голосъ, хорошо мнѣ знакомый, кричалъ: Buon giorno, Антоніо! У ногъ моихъ сидѣлъ мой дядя, ужасный Пеппо. Уже давно я не встрѣчался съ нимъ такъ близко, и часто приходилось мнѣ дѣлать большіе обходы, чтобъ миновать Испанское Крыльцо, на которомъ онъ постоянно сидѣлъ; когда же въ процессіяхъ, или на прогулкахъ случалось проходить мимо него, съ моими товарищами, я отворачивалъ голову, чтобъ онъ меня не узналъ.

— Антоніо! кровь моя! сказалъ онъ, удерживая меня за платье, неужели не узнаешь ты брата твоей матери! А тебѣ стоитъ только вспомнить Святаго Іосифа, котораго я ношу имя. О, какой ты сталъ большой и здоровый!

— Оставьте меня, вскричалъ я. На насъ съ любопытствомъ глядѣла толпа.

Но онъ продолжалъ:

— Антоніо, ты забылъ нашу прогулку на ослѣ! Милое, доброе дитя, ты не хочешь узнать своего бѣднаго дядю; и никогда не приходишь на Испанское Крыльцо, со мною увидѣться! Однако, ты прежде цѣловалъ мою руку, спалъ на моей соломенной кровати.... Не будь неблагодарень, Антоніо!...

— Оставьте меня, повторилъ я.

Вырвавшись изъ его рукъ, я пробрался между каретами въ боковую улицу, дрожа отъ страха и отъ оскорбленной гордости. Мнѣ казалось, что я сдѣлался посмѣшищемъ для тѣхъ, кто видѣлъ эту сцену. Но чувство это не долго оставалось въ душѣ моей; мѣсто его заступило другое, болѣе горькое. Все что ни говорилъ Пеппо, было совершенно справедливо.... Дѣйствительно я былъ единственный сынъ сестры его.... Мое обращеніе съ нимъ было слишкомъ жестоко; мнѣ было стыдно

передъ Богомъ и самимъ собою; чувство стыда тяготило меня какъ тяжелая ноша. Еслибъ въ ту минуту я былъ съ Пеппо, я бы цѣловалъ его грубыя руки, вымаливая прощеніе.

Въ ту минуту въ церкви святаго Августина прозвонили Ave Maria. Воспоминаніе вины моей убивало меня. Я вошелъ въ церковь помолиться. Внутренность огромнаго зданія была пуста и мрачна; зажженные на алтаряхъ свѣчи казались свѣтлыми пятнами и бросали на стѣны свѣтъ, едва мерцающій. Опечаленная душа моя вознеслась къ источнику утѣшенія и благодати.

— Синьоръ Антонио, кто-то сказалъ возлѣ меня, его сѣятельство Фабіано съ прекрасной и благородной супругой возвратился изъ Флоренціи. Они привезли съ собою своего маленькаго ангела. Не угодно ли будетъ вамъ посѣтить ихъ и поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ.

Такъ обратилась ко мнѣ старая Фенелла, жена привратника во дворцѣ Боргезе. — Моя благодѣтельница въ Римѣ! съ мужемъ и съ ребенкомъ! много лѣтъ я не видалъ ихъ. И тотчасъ же отправился во дворецъ.

Фабіано встрѣтилъ меня ласково, привѣтливо; Франческа жаждала была такъ довольна, какъ мать увидѣвшая сына послѣ долгой разлуки. Она отыскала дочь свою Фламинію, милое дитя, съ удивительно блестящими глазами. Фламинія подбѣжала ко мнѣ и протянула крошечный ротикъ цѣловаться; а минутъ десять спустя мы съ нею были наилучшими друзьями. Я взялъ ее на руки, танцевалъ вокругъ залы; она хохотала.

— Не дѣлайте будущей аббатисы свѣтскою женщиной, сказалъ сѣясь Фабіано. Вы видите на ней знакъ отличія. Папа подарилъ его..

Изъ благодарности къ Богу, за счастье, которымъ они наслаждались, благородные супруги поклялись посвятить духовной жизни первую дочь, и папа утвердилъ обѣтъ, пожаловавъ ее пугменьей еще въ колыбели. По родственной связи съ фамиліей Боргезе, она должна была получить высшее мѣсто въ женскихъ монастыряхъ Рима, и потому то всѣ ея родственники называли маленькой аббатисой.

Все что ей рассказывали, даже игры, приготавливали ея мысли къ міру, которому она должна была принадлежать, и къ блаженству, ее ожидавшему.

Она показала мнѣ деревянныхъ монашесовъ своихъ, которыя акуратно каждый день ходили въ церковь, и торжественно ставились ею на столѣ, какъ выучила ее няня. Она рассказъ

вала мнѣ всѣ молитвы, которыя знаютъ ея монахини. Я рисовалъ ей веселыхъ поселянъ, въ длинныхъ плащахъ, тавцовавшихъ вокругъ каменныхъ тритоновъ, и шутовъ, сидѣвшихъ на шеѣ своихъ товарищей. Дѣвочка очень забавлялась этими рисунками, цѣловала меня за нихъ, потомъ разрывала; я долженъ былъ снова рисовать, и это продолжалось пока няня не пришла укладывать ее спать.

Франческа и Фабиано спрашивали меня о здоровьи, о занятіяхъ; хотѣли знать доволенъ ли я жизнью въ училищѣ; обѣщали не забывать меня, и желали всѣхъ возможныхъ успѣховъ.

— Мы желали бы видѣть васъ всякій день, или какъ можно чаще, сказали они мнѣ. Приходите, какъ время позволитъ, пока мы останемся въ Римѣ.

Они навѣдывались о старушкѣ Доминикѣ, я имъ рассказалъ что бывалъ у нее, но рѣдко, раза два въ годъ, весною и осенью; какъ она была мнѣ рада, подчивала печеными каштанами, водила въ нашу прежнюю спальню, показывала картинки, мною рисованные, которые она берегла въ молитвенникѣ.

— Какъ онъ неловко кланяется! сказала Франческа, когда я прощался съ ними. Конечно, хорошо образованъ умъ ученъ, да не нужно слишкомъ пренебрегать тѣлесныя упражненія. Въ свѣтѣ предають такую важность ловкости! Но ты, конечно, справишься, Антоніо?

Не слишкомъ было поздно когда я вышелъ на улицу, но чрезвычайно темно. Луны не было; Римъ тогда еще не былъ освѣщенъ фонарями какъ теперь. Лампады, передъ образами, были единственными свѣточами, въ узкихъ немощенныхъ улицахъ. Чтобъ не наткнуться на что-нибудь одушевленное или неодушевленное, нужно было подвигаться, выставивъ впередъ руки. Двигаясь потихоньку, я думалъ о проведенномъ въ тотъ день вечерѣ.

Вдругъ руки мои уткнулись въ какой-то предметъ, въ темнотѣ совершенно невидный.

— Дьяволъ! прозвучалъ знакомый голосъ: если ты выколешь мнѣ глаза, я буду видѣть еще меньше теперешняго.

— Бернардо, вскричалъ я съ радостью.

— Антоніо, милый Антоніо! сказалъ оцъ, взявъ меня за руку. Откуда ты? Съ какого-нибудь пріятнаго свиданія, конечно. О, я этого не ждалъ отъ тебя.... Но гдѣ же твой спутникъ, чичиз-бей, я забылъ какъ у васъ зовется неразлучный товарищъ?

— Я одинъ, отвѣчалъ я.

— Одинъ! повторилъ онъ. О, такъ ты славный мальчикъ! Ты

долженъ вступить въ папскую гвардію. Можетъ-быть мнѣ удастся сдѣлать изъ тебя что-нибудь порядочное.

Я ему разсказалъ о возвращеніи Фабіано и Франчески. Онъ не меньше моего былъ радъ неожиданной встрѣчѣ. Не обращая вниманія на окружающую насъ тьму, мы продолжали разговаривать двигаясь впередъ на произволъ судьбы.

— Видишь ли, Антонио, я только начинаю узнавать, что такое жизнь.... Ты не знаешь ее, не имѣешь объ ней ни малѣйшаго понятія. Да откуда тебѣ узнать ее? Конечно, не сидя въ классѣ и слушая нелѣпныя поученія Хабаза-Дады.... Я умѣю теперь управлять лошадыю.... Прекрасныя дамы смотрятъ на меня очень привѣтливо. Видно я не слишкомъ дурень, особенно вдетъ ко мнѣ мундиръ нашъ! Въ такой темнотѣ ты не можешь судить о немъ. Товарищи ввели меня въ свѣтъ. Не вести же намъ такую отшельническую жизнь, какую ведете вы. Мы пьемъ за благоденствіе нашего государства, шалимъ по немногу, а святѣйшій папа такъ добръ, что не обращаетъ на шалости наши никакого вниманія. Какъ простъ ты, Антонио, до-сихъ-поръ! Последніе мѣсяцы дали мнѣ десятилѣтнюю опытность; теперь я сознаю, что я молодъ. Молодость въ крови моей; она заставляетъ биться мои жилы; я пью удовольствіе полною чашей, и буду пить, пока будутъ горѣть мои губы и не утолится жажда.

— Бернардо! Товарищи твои должны быть порочные люди....

— Порочные! возразилъ онъ. Оставь свои рѣчи, Антонио! Что же укоризненнаго въ моей жизни? Всѣ мои товарищи патриціи самой чистой крови.... Мы составляемъ гвардію его святѣйшества. Вышедши изъ училища; я испыталъ много внутреннихъ бореній, но старался не дать моимъ товарищамъ ихъ замѣтить. Сначала подражалъ имъ.... кровь моя, все наконецъ существо мое затрепетало отъ желаній и радости, я послѣдовалъ непреодолимому влеченію.... Однако въ то же время слышалъ внутри себя голосъ, несносный, ненавистный, который кричалъ: ты потерялъ невинность дитяти. Теперь я смѣюсь, понимая эти слова.... Я сбросилъ то меня тяготившее и теперь свободенъ. Но мы съ тобою теперь возлѣ Chiaivica, лучшаго трактира. Тамъ собираются художники. Войдемъ, выпьемъ бутылку вина, въ честь счастливой встрѣчѣ.... Тамъ очень весело.

— А если въ училищѣ узнаютъ что я вошелъ въ трактиръ, да притомъ съ офицеромъ папской гвардіи.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ужасное несчастіе, выпить стаканъ вина;

и послушать иностранных артистов на разных языках!.. Можешь представить как это весело!

— Что прилично тебѣ, не прилично мнѣ, возразилъ я. Не принуждай меня итти туда.

Я остановился услышавъ восклицанія и хохотъ въ концѣ улицы и увлекъ туда Бернарда.

Взрослые и дѣти изъ низшаго класса народа наполняли улицу. Они составили кружокъ около стараго Жиды, котораго принуждали скакать черезъ палку.

Извѣстно что въ Римѣ Евреи живутъ въ одномъ отдѣльномъ, кварталѣ Гетто, котораго двери каждый вечеръ запираются и ночью стерегутся солдатами, такъ что ни кто, ни туда ни оттуда выйти не можетъ. Одинъ разъ въ годъ старѣйшіе изъ нихъ обязаны собраться въ Капитоліѣ, испросить на колѣняхъ позволенія остаться жить въ городѣ еще на годъ, которое и получаютъ обязавшись внести издержки карнавала и выслушать одинъ разъ въ годъ иезуитскую проповѣдь.

Старикъ Жидъ, остановленный толпою, пробирался одинъ въ тотъ вечеръ по этой темной улицѣ, на углу которой дѣти и взрослые, при свѣтѣ лампы, передъ образомъ Мадоны, играли въ *мору*, когда одинъ изъ нихъ, увидѣвъ старика, закричалъ товарищамъ:

— Жидъ идетъ.

Всѣ окружили этого беззащитнаго человѣка. Одинъ изъ нихъ, плечистый мальчикъ, поднявъ длинную палку, кричалъ: ну, Жидъ, подожди поги къ шеѣ, или ты не застанешь Гетто отвореннымъ. Посмотримъ, какъ гибки твои ноги!

— Скачи, Жидъ! кричали дѣти: Иуда тебѣ поможетъ!

— Чтò я вамъ сдѣлалъ? отвѣчалъ Жидъ. Пустите бѣднаго старика итти своей дорогой, и не оскорбляйте его сѣдыхъ волосъ, передъ тѣмъ, кого вы молитесь о прощеніи своихъ грѣховъ.

— Скачи, старая собака!

Онъ погрозилъ ему кулакомъ, а дѣти еще тѣснѣе окружили его. Бернардо, растолкавъ толпу, вошелъ въ кружокъ, вырвалъ палку изъ рукъ мальчика и, обнаживъ шпагу, сказалъ ему повелительнымъ мужскимъ голосомъ:

— Скачи самъ, или... много не думай. Клянусь, я разобью твой черепъ, если ты не перескочишь....

Шалувъ сталъ въ тупикъ.... Но громовой голосъ, обнаженная шпага и одѣяніе офицера папской гвардіи, его озадачили. Не возрѣши ни слова, онъ снакнулъ черезъ палку, которую самъ дер-

жалъ передъ Жидомъ. Все собраніе перепугалось. Ни кто не говорилъ ни слова; всѣ посматривали другъ на друга съ удивленіемъ.

Едва ихъ товарищъ сдѣлалъ первый скачекъ, Бернардо схватилъ его за плечо и слегка ударивъ плашиа саблей, закричалъ:

— Bravo, моя собака, хорошо! Еще скачекъ и довольно съ тебя. Тотъ долженъ былъ еще скакнуть, къ удовольствію зрителей, которые кричали bravo и хлопали руками.

— Гдѣ ты Жидъ? спросилъ Бернардо: иди, я провою тебя. Но никто не отвѣчалъ: Жидъ ушелъ.

— Пойдешь, сказалъ я, когда мы вышли изъ толпы, пусть думаютъ что хотятъ въ училищѣ.... я выпью съ тобой бутылку вина, чтобъ намъ остаться друзьями при всѣхъ, какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

— Ты глупецъ, Автоіо, возразилъ опъ, и я не меньше тебя, связавшись съ этимъ мальчишкой. Впрочемъ я думаю въ другой разъ у него не придетъ охота заставлять скакать людей противъ воли....

Мы вошли въ трактиръ Chiavica. Ни кто изъ веселыхъ гостей не обратилъ на насъ вниманія. Въ углу залы стоялъ маленькой столъ, на которомъ велѣли поставить бутылку вина, которую выпили въ честь счастливой встрѣчи и продолженія дружбы. Я возвратился въ училище, и старикъ сторожъ, мой особенный пріятель, ввелъ меня туда незамѣтно. Я легъ и тотчасъ же заснулъ.

IX.

Мысль что я, безъ дозволенія, цѣлый вечеръ провелъ внѣ училища, особенно что я входилъ въ трактиръ пить вино съ Бернардомъ, долго меня беспокоила. Судьба помогла мнѣ въ этомъ случаѣ. Никто меня не встрѣтилъ, или по крайней мѣрѣ никто не подозрѣвалъ, что я уходилъ безъ позволенія начальства: я считался между добросовѣстными и порядочными учениками. Тихо текли дни въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Я съ жаромъ учился и часто посѣщалъ свою благородную покровительницу. То было самое большее для меня развлеченіе. Маленькая аббатиса со дня на день становилась для меня драгоцѣннѣе.

Въ то время я читалъ *Виргилія*. Шестая книга, въ которой *Круская Сивилла* повела Энея въ адъ, меня особенно занимала по сближенію съ твореніемъ Данте. Я вспомнилъ о своей поэмѣ и

о Бернардо, котораго я не видѣлъ со времени послѣдней встрѣчи на улицѣ. Мнѣ хотѣлось съ нимъ увидѣться. Въ тотъ день Ватиканская Галерея была открыта для публики. Я получилъ позволеніе идти туда любоваться прекрасными мраморными статуями и изящными картинами, но всего болѣе меня занимала встрѣча съ Бернардомъ.

Я вошелъ въ большую колоннаду, гдѣ стоитъ самый вѣрный бюстъ Рафаэля. Весь потолокъ расписанъ; сюжеты взяты изъ библейской исторіи; картины были начаты этимъ великимъ художникомъ, и окончены его учениками. Для меня не были новы, чудесные арабески на стѣнахъ, легіоны ангеловъ, одни распростертыя, другіе расправляющіе крылья, чтобъ подняться въ безконечность; однако я долго, тихимъ шагомъ, прохаживался по портику, по-видимому занятый разсматриваніемъ произведеній искусства, а въ сущности ожидая Бернардо. Я облокотился на каменную балюстраду и разсматривалъ великолѣпный амфитеатръ горъ, видимый съ одной стороны, и синеватую полосу моря съ другой, оглядываясь по временамъ на дворъ Ватикана, каждый разъ, когда шпага или сабля застучитъ объ мостовую. Я бродилъ подъ арками, останавливался передъ группами Нила и Лаокоона, и начиналъ сердиться отъ неудачи. Наконецъ, утомившись разсматривать торсъ Антиноя, рѣшился возвратиться въ училище.

Въ ту минуту высокаго роста военный, въ каскѣ, со шпорами, привлекъ мое вниманіе. Я бросился за нимъ: то былъ Бернардо. Видимо обрадовавшись нашей встрѣчѣ, онъ поспѣшно потащилъ меня съ собою, сказавъ что много имѣетъ кое-чего мнѣ рассказать.

— Ты не знаешь, какъ я перестрадалъ въ послѣднее время и до сихъ поръ страдаю! Ты будешь моимъ лекаремъ, и одинъ можешь меня утѣшить.

Онъ провелъ меня черезъ большую залу, гдѣ стояли солдаты папской гвардіи, въ обширную комнату, назначенную для дежурнаго офицера.

— Ты однако не боленъ? спросилъ я. Въ глазахъ твоихъ и на щекахъ блеститъ полное здоровье.

— Да, я думаю, отвѣчалъ онъ, мои щеки горять.... Я весь горю.... но здоровъ. Ты моя добрая звѣзда, Антонио! и внушаешь мнѣ прекрасныя мысли. Мнѣ въ одномъ обстоятельствѣ нужна твоя помощь. Садись. Я расскажу тебѣ, какъ я прожилъ съ то-

го вечера, который мы провели вмѣстѣ; ты другъ мой и потому имѣешь право на мои тайны.

— Ты помнишь Жида, котораго одинъ негодяй заставлялъ скакать черезъ палку, и убѣждалъ не благодаря за мое рыцарское заступничество. Нѣсколько дней спустя случай привелъ меня въ Гетто; я бы не замѣтилъ этого, если бѣ часовой у воротъ не сдѣлалъ мнѣ на караулъ, такъ какъ я теперь кое-что значу въ свѣтѣ. Я увидѣлъ внутри Гетто у воротъ многихъ молодыхъ дѣвушекъ, еврейской породы, съ черными большими глазами, и по этому, какъ можешь себѣ представить, захотѣлъ проникнуть въ грязную улицу. Тамъ настоящая синагога; дома высокіе; съ каждаго окна выглядываютъ головы, и кричатъ: *Берашитѣ бара Элохимъ!* На улицѣ такая толкотня, какъ-будто народъ еврейскій опять собирався переходить Чермное Море. Вездѣ висятъ старыя платья, зонтики, разныя лохмотья. Меня осадилъ вопроса-ми.... не хочу ли я купить, продать или промѣнять чего? Я едва могъ замѣтить пару черныхъ глазъ, на меня обращенныхъ изъ дверей одного дома. То была такая прогулка, которую самъ Данте не отказался бы описать.... Вдругъ ко мнѣ бросился Жидъ и кланяясь съ почтеніемъ, сказалъ:

— Ваше сіятельство, мой благородный избавитель, спаситель моей жизни! благословенъ часъ, когда я васъ встрѣтилъ! Не думайте, что старый Энохъ неблагодаренъ!...

« Онъ много насаждалъ мнѣ такого, что я не понялъ и не припомню. То былъ старый Жидъ, котораго я спасъ отъ собачьяго скачка. Вотъ мое бѣдное жилище, продолжалъ онъ. Я не смѣю васъ просить зайти въ него. И говоря, онъ цѣловалъ мои руки и одежду. Все сосѣдство устремло вниманіе, я хотѣлъ уйти, но замѣтилъ въ домѣ Жида головку, такую миленькую, какой еще никогда не видывалъ. Представъ Венеру, у которой щеки залиты молодою горячею кровью, а глаза горятъ какъ у Аравитянокъ. Я пошелъ въ домъ, надѣясь ее увидѣть поближе. Корридоръ, по которому мы шли, былъ такъ узокъ, какъ въ гробницѣ Сципіона. Каменная лѣстница и деревянная галерея, какъ-будто нарочно были построены длятого, чтобъ учить людей жодить, наблюдая строжайшее равновѣсіе, и внушить мудрость до конца ногтей. Комната, въ которую ввелъ меня Жидъ, была лучше всего остальнаго; но молодой дѣвушки тамъ не было. Я сѣлъ и слушалъ длинную рѣчь глубокой признательности, въ которой изобильно разбросаны были восточныя метафоры; твой поэтичскій умъ вѣрно былъ бы ими очарованъ. Я слушалъ терпѣливо, на-

дѣясь, что дѣвушка явится къ концу.... но она не приходила. Въ ту минуту въ жидовской душѣ родилась мысль, которая при другихъ обстоятельствахъ показала бы мнѣ превосходною. Онъ вообразилъ, что я, молодой человѣкъ, живущій въ большомъ обществѣ, долженъ издерживать много денегъ, и часто въ нихъ нуждаюсь, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгаю къ сострадательнымъ душамъ, дающимъ свидѣтельство своего христіанскаго милосердія за двадцать или тридцать процентовъ, а онъ обѣщалъ мнѣ давать безъ процентовъ. Это въ Жидѣ удивительно.... Что я благородный молодой человѣкъ; что онъ вѣритья готовъ моей честности, потому что я покровительствовавалъ Еврею, который мнѣ ничего никогда сдѣлать не могъ ни хорошаго, ни дурнаго.

«Не нуждаясь въ деньгахъ, я отказался отъ предложенія. Тогда онъ просилъ удостойте выпить прекраснаго вина. Я не помню, что отвѣчалъ, но вскорѣ вошла такая прелестная дѣвушка, какой трудно представить даже въ мечтахъ. Она поднесла мнѣ кубокъ прекраснаго кипрскаго вина, и царственная кровь Саломона окрасила ее щечки, когда я пилъ за ея здоровье. О, я желалъ бы, чтобъ ты услышалъ, какъ она говоритъ; какъ она благодарила меня за услугу, оказанную отцу. Голось ея раздавался какъ тихая музыка, я не вѣрилъ, что передо мною стоитъ земное созданіе. Она ушла, я опять остался одинъ со старикомъ.

«Съ того дня я только и думалъ о томъ, какъ бы опять увидѣть эту дочь Сіона, составлялъ много проэктвъ и отказывался отъ нихъ. Наконецъ рѣшился пойти къ нему просить денегъ, въ которыхъ не имѣлъ нужды. Взялъ у него двадцать талеровъ, но Жидовочки не видѣлъ. Три дня спустя возвратилъ ихъ Эноху, который потеръ себѣ руки; онъ видно не падѣялся, чтобъ я былъ слишкомъ честенъ. Я похвалилъ его кипрское вино; мнѣ опять принесли бокалъ, но не она. Онъ самъ налилъ его своею худой, дрожащей рукой. Ее не было, я не видѣлъ ее; только сходя по лѣстницѣ изъ дому на улицу, мнѣ показалось что задержали за навѣску, колебавшуюся передъ открытымъ окномъ.... то могла быть она.

— Прощайте, спибора, сказалъ я, но запавѣска оставалась неподвижною, никто не показывался. Посовѣтуй мнѣ, Автоію, что дѣлать? Я не хочу, не могу отъ нея отказаться! Впусти мнѣ какую-нибудь счастливую мысль, мой другъ. Имѣй ко мнѣ состра-

дѣла, какъ Венера и Юнона шѣли къ Энею, когда онъ повелъ его съ Дидою въ уединенный гротъ.

— Что могу я сдѣлать, спросилъ я. Какъ могу быть тебѣ полезнымъ въ этомъ случаѣ?

— Ты можешь все сдѣлать, если захочешь. Еврейскій языкъ прекрасенъ, ты могъ бы ему учиться у этого Жиды; я бы платилъ за уроки. Обратись къ старику Эноху: онъ принадлежитъ, какъ я узналъ, къ числу ученыхъ въ кварталѣ Гетто. Приобрѣти его довѣренность, ты можешь познакомиться съ его дочерью и меня повести къ ней. Нельзя ли поскорѣе только; въ жилахъ моихъ течетъ горячій адъ любви. Ты пойдешь къ Жиду?...

— Я этого не могу сдѣлать; ты не подумалъ ни о моемъ положеніи, ни о роляхъ, какую я долженъ играть въ этомъ дѣлѣ. И какъ могъ ты, мой милый Бернардо, такъ увлечься, что пожелать завести любовную связь съ Жидовкой?

— Ты этого не понимаешь, Антонио, возразилъ онъ. Что за дѣло до того, Жидовка она или нѣтъ, лишь бы правилась. Ну, мой милый другъ, мой прекрасный Антонио, начинай учиться по-еврейски.... мы будемъ оба учиться, только различнымъ образомъ. Будь благоразуменъ; подумай, какъ ты меня осчастливишь.

— Ты знаешь, сказалъ я, что я привязанъ къ тебѣ всѣмъ сердцемъ, ты знаешь какъ дѣйствуетъ твоя нравственная сила на мою волю. Я не хочу судить тебя; люди не похожи другъ на друга. Дѣла мнѣ нѣтъ, достигаешь ли ты удовольствій порочныхъ или невнятныхъ, ты въ этомъ случаѣ поступаешь по своему уму, не сходному съ моимъ; но не принуждай меня участвовать противъ воли въ предпріятіи, которое даже при удачѣ не доставитъ тебѣ счастья, я увѣренъ въ этомъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Бернардо, перервавъ меня, и бросивъ тотъ высокоумный взглядъ, которымъ онъ часто ставилъ втупикъ даже Хабаза-Даду. Довольно, Антонио. Все это одна шутка. На тебя не наложить покаянія за меня; и я не понимаю, что худаго учиться по-еврейски.... Да, перестанемъ объ этомъ говорить! Благодарю за посѣщеніе. Не хочешь ли выпить стаканъ вина или закусить чего-нибудь?

Я молчалъ; по его тону можно было заключить, что онъ считалъ себя обиженнымъ. На мое дружеское пожатіе руки, онъ отвѣчалъ церемоннымъ поклономъ и ледяными словами. Печальный и убитый духомъ я возвратился въ училище.

Бернардо былъ не правъ; я понималъ, что дѣйствую какъ слѣ-

довало; но иногда мнѣ казалось, что я къ нему мало снисходителенъ. Слѣдствіемъ этой внутренней борьбы было то, что я пошелъ въ жидовскій кварталъ, надѣясь какъ нибудь быть полезнымъ Бернарду. Старога Эноха не нашелъ. Незнакомыя лица показывались въ дверяхъ и въ окошкахъ. Неопрятныя дѣти лежали на каменныхъ ступеняхъ домовъ, посреди старыхъ одеждъ, кусковъ ржаваго желѣза. Ко мнѣ приступили съ вопросами: не хочу ли я купить или продать? Нѣсколько молодежькихъ дѣвухъ играли въ волапъ, перебрасывая его изъ окна въ окно черезъ улицу. Одна изъ нихъ мнѣ показалась красоты замѣчательной. Не была ли то дѣвушка любимая Бернардомъ? Невольно я снялъ шапку, но стыдась своего движенія, показалъ видъ, что открылъ голову отъ жару, а не изъ вѣжливости.

=

ПУФЪ.

=

КОМЕДІА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЕВГЕНІЯ СКРИБА.

=

(Представленная въ Парижѣ въ первый разъ 22 января, въ Петербургѣ 20 сентября 1848 года.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГРАФЪ ДЕ-МАРИНЬЯНЪ, человѣкъ государственный и писатель.

ЦЕЗАРЬ ДЕГОДЕ, дѣловой человѣкъ.

КОРИННА ДЕГОДЕ, дочь его, членъ Общаго Собранія Литераторовъ.

АЛЬБЕРТЪ Д'АНГРМОНЪ, офицеръ африканскаго корпуса.

МАКСИМЪ ДЕЛАРОШЪ-БЕРНАРЪ, баричъ Сенъ-Жерменскаго Предмѣстья, опекунъ сестры своей.

АНТОНІЯ, его сестра.

БУВАРЪ, книгопродавецъ-издатель.

=

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

(Книжная лавка въ нижнемъ этажѣ на набережной Сены. По правую сторону столъ, покрытый сукномъ, съ журналами, газетами и новыми брошюрами. По лѣвую счетная конторка. Стеклянная дверь на улицу, боковая дверь въ хозяйскія комнаты.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ДЕГОДЕ, опираясь на руку АЛЬБЕРТА, входитъ въ дверь съ улицы. БУВАРЪ выскакиваетъ изъ боковой двери.)

БУВАРЪ.

Что это такое? Что за шумъ?

Т. ХСІ. — Отд. II.

АЛЬБЕРТЬ, обращаясь къ ДЕГОДЕ.

Извольте смѣло облокотиться на мою руку; войдите отдохнуть сюда, въ эту лавку, если на то будетъ хозяйское соизволеніе... Вы хозяинъ, не правда ли?

БУВАРЬ.

Имѣю честь.... съ моимъ удовольствіемъ! Чтò же это? чтò случилось?

ДЕГОДЕ.

Ничего, ничего, страху болѣе чѣмъ бѣды. Городской омнибусъ опрокинулся при крутомъ спускѣ съ улицы на вашу набережную, и, не случась тутъ вотъ этотъ добрый и милый молодой воинъ, который нигомъ своротилъ лошадей....

АЛЬБЕРТЬ.

Не получили ль вы ушибу? не чувствуете ли боли гдѣ-нибудь?

ДЕГОДЕ, садясь на стулъ подлѣ конторки.

Я, напротивъ, беспокоюсь объ васъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Обо мнѣ не хлопчите: я служу по кавалеріи, такъ лошади мнѣ — знакомое дѣло.

ДЕГОДЕ, Буварю.

Прикажите, пожалуйста, дать мнѣ стаканъ холодной воды.

БУВАРЬ.

Сейчасъ!... извольте!... Не угодно ли, господа, для отдыха, и чтобы собраться съ силами, почитать газеты, журналы.... Вотъ здѣсь на столѣ все чтò лучшаго выходитъ въ Парижѣ.

Уходить.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ДЕГОДЕ, АЛЬБЕРТЬ.

АЛЬБЕРТЬ.

Газеты?... очень благодаренъ!... не вѣрю я имъ болѣе!... по крайней-мѣрѣ здѣшнимъ.

ДЕГОДЕ, сидя.

Такъ вы ужъ давно изволите жить въ этой столицѣ?

АЛЬБЕРТЬ.

Третій день только. Я пріѣхалъ сюда прямо изъ Алжира: нужно было принести квартиру; экипироваться; кое-что купить; я сталъ разсматривать газеты.... самыя большія.... первоклассныя.... начиная съ задней страницы.

ДЕГОДЕ.

На ней-то часто и попадаетея гораздо больше правды чѣмъ на прочихъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Ну, хороши должны быть прочія!... Посудите только: ни одного правдиваго объявленія! ни одной похвалы, которой бы можно было повѣрить на-волось!

ДЕГОДЕ.

О! такъ вы еще справляетесь съ объявленіями?

АЛЬБЕРТЬ.

Да съ чѣмъ же, скажите, справляться пріѣзжему?... Скажу вамъ боже: во Всякой Всячины, на другой страницѣ, нахожу я статейку, которая гласитъ, что въ тотъ вечеръ, въ такомъ-то театрѣ — спектакль чудо, сочиненіе удивительное, весь Парижъ долженъ съѣзжаться; что толпа покушниковъ билетовъ ломаетъ перья; что полиція съ трудомъ удерживаетъ давку. Я, поскорѣе, доканчиваю обѣдъ, тороплюсь, спѣшу, прибѣгаю.... у входу — ни-кого! въ залѣ — ни живой души!... А между-тѣмъ я читаю собственными глазами.... напечатанное и подписанное!

ДЕГОДЕ.

И вы удивляетесь этому?... *(Слугъ принесшему стаканъ воды:)* Благодарю, любезнѣйшій. *(Вставая.)* Теперь, поглядите на улицу и скажите мнѣ, какъ будетъ подъѣзжать омнибусъ.... только та-кой, что ѣдетъ потише. *(Обращаясь къ Альберту.)* Вы этому удивляетесь, мой добрый другъ?... но вѣдь это извѣстно и принято. Все знаютъ.... развѣ только вы одинъ того не знаете.... что въ этомъ городѣ великомъ, многолюдномъ и многоторговомъ, правды ни даромъ не говорятъ ни за деньги не продаютъ: всеобщее, при-нужденное издѣліе здѣсь — ложь; ложь производится всѣми и повсюду явно, открыто, торжественно.... каждый изобрѣтаетъ собѣ ложь, получаетъ на нее привилегію и пользуется законными съ ней доходами. Истинны только и есть здѣсь что торжество пуфа и задней статейки.

АЛЬБЕРТЬ.

Задней статейки?

ДЕГОДЕ.

Такъ называются явные объявленія, и рекомендаціи скрытыя въ статейкахъ Всякой Всячины.

АЛЬБЕРТЬ.

Пуфъ! задняя статейка!... Я, признаюсь, африканскій житель, всегда, не слыхалъ даже этихъ названій.

ДЕГОДЕ.

Пуфъ, а по-английски *padding*, изобрѣтеніе не наше, а великобританскаго гевія. Англія облагодѣтельствовала насъ пуфомъ, выучила всѣмъ его великимъ тайнамъ, и это — лучшее доказательство дѣйствительности того «сердечнаго единомыслія» между Англіей и Франціей, о которомъ громогласно объявлено Палатамъ, потому что его не существуетъ. Пуфъ сдѣлался первою потребностью жизни Парижанина; чужестранное слово это получило дипломъ на всѣ права полнаго французскаго гражданства; нынче оно — первое слово нашего словаря. Пуфъ есть искусство посягать и вырастить, себѣ на пользу и славу, небывалое; ложь, пущенная въ спекуляціонный оборотъ, приспособленная ко всѣмъ понятіямъ и состояніямъ, облеченная въ санъ общей пользы, къ употребленію общества и промышленности. Великія затѣи, славныя рѣчи, умилительныя чувствованія нашихъ поэтовъ, ораторовъ, государственныхъ мужей, все это — пуфы! Мигрень модной дамы, которой хочется богатыхъ брилліантовъ — пуфъ! Похвала поэта, который всѣмъ жалуется безсмертіе, для того чтобы всѣ взяли его съ собою въ безсмертные — тоже пуфъ! Наши дамы-патронессы, подписки на общепользные предметы, обязательства или виды на выдачу акцій желѣзныхъ дорогъ—опять пуфы! Лестивыя рѣчи избирателямъ, программы патріотическихъ чувствъ со стороны кандидатовъ въ депутаты, добровольныя подачи въ отставку людей, занимающихъ важныя мѣста — пуфы! пуфы! да и только. Чтò и говорить! есть всякіе разные пуфы, пуфы благотворительныя, пуфы челоуѣколюбивыя, пуфы великодушія, самоотверженія, преданности отечеству и общему благу, не считая пуфовъ любви и вѣжности. Пуфъ нынче доведенъ до совершенства, приноровленъ къ потребностямъ всѣхъ классовъ, всѣхъ сословій, всѣхъ десятковъ, и употребляется всѣми съ самымъ блестящимъ успѣхомъ; причемъ справедливость требуетъ сознаться, что самое знатное и лучезарное потребленіе его составляетъ принадлежность адвокатовъ, докторовъ и газетныхъ редакторовъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Такъ вѣдь это, просто, ужасъ, разбой!

ДЕГОДЕ.

Эхъ, Боже мой, совсѣмъ вѣтъ!... оно безопасно... всякой знаетъ въ чемъ дѣло!

АЛЬБЕРТЬ.

Такъ кого же хотять обмануть?

ДЕГОДЕ.

Никого! это, знаете, круговая порука во лжи, всеобщая метода взаимнаго надуванія, которою никого не надуешь, но которою великому любо попользоваться при случаѣ.

АЛЬБЕРТЬ.

Такимъ образомъ, въ обществѣ истина изгнана теперь изъ всѣхъ личныхъ отношеній?

ДЕГОДЕ.

Почти такъ!... и нельзя сказать, чтобъ оно было очень худо.

АЛЬБЕРТЬ.

И вы защищаете подобную систему!

ДЕГОДЕ.

Опытность, почтеннѣйшій!... Я согласенъ съ философомъ, который говорилъ: Будь у меня рука полна истинъ, я не раскрою ея. Онъ былъ правъ. Къ чему служить истина? кому она нужна? кто ее любитъ? никто!... напротивъ, всѣ боятся; и могу васъ увѣрить, что въ наше время гораздо легче и скорѣе дойдешь до существеннаго путемъ лжи чѣмъ путемъ истины. Эта ни къ чему не ведетъ, а та ведетъ всюду и ко всему. Я могъ бы привести трескучіе примѣры....

АЛЬБЕРТЬ.

Изъ уваженія къ примѣрамъ я не перемѣню своего мнѣнія! Назовите меня смѣшнымъ, безтолковымъ, но я полагаю, признаюсь вамъ, что добросовѣстность есть первая обязанность честнаго человѣка, и что обманывать и лгать, для какой бы то ни было цѣли, не благородно.... и божусь вамъ, что я буду всегда....

ДЕГОДЕ.

Говорить правду?

АЛЬБЕРТЬ.

Всѣмъ и вездѣ!

ДЕГОДЕ.

Ну, да! конечно! отличиться можно и этимъ.... Съ кѣмъ же и нѣю честь бесѣдовать?... Вы не захотите отказать мнѣ въ удовольствіи узнать имя и фамилію моего спасителя?

АЛЬБЕРТЬ.

Я — бѣдный кавалерійскій ротмистръ, за пять кампаній въ Африкѣ и за пять ранъ удостоившійся....

ДЕГОДЕ.

Креста почетнаго легіона!

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ....

ДЕГОДЕ.

Повышенія чиноуъ....

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, шести-мѣсячнаго отпуску, которинъ я воспользовался, чтобы побывать въ Парижѣ.

ДЕГОДЕ.

Ваша фамилія?

АЛЬБЕРТЬ.

Альбертъ д'Ангрмонъ.

ДЕГОДЕ.

Я зналъ въ Мезѣ одного д'Ангрмона.... онъ былъ мнѣ другъ и товарищъ.... большой старикъ.... умеръ въ прошломъ году....

АЛЬБЕРТЬ.

Это — мой дядя, мой второй отецъ!

ДЕГОДЕ.

Онъ жилъ небольшимъ пенсіономъ, который доставляла ему каждый мѣсяцъ... рука неизвѣстнаго.... но я отгадываю теперь, чья это была рука.... (Альбертъ дѣлаетъ отрицательный знакъ.) Смотрите! вы божились сейчасъ говорить всегда и вездѣ правду!

АЛЬБЕРТЬ,

Въ этомъ случаѣ я не думаю, чтобы тутъ была непремѣнная обязанность....

ДЕГОДЕ.

А! такъ значитъ есть изъятія!... и скажу вамъ лучше: значитъ эта великодушная рука была ваша. Это еще увеличиваетъ то уваженіе, которое я почувствовалъ къ вамъ съ перваго взгляду.... вы тотчасъ мнѣ понравились.... я даже полюбилъ васъ.... ей, ей! несмотря на мою систему.... вы смѣло можете мнѣ повѣрить.... Вы вѣрно пріѣхали въ Парижъ хлопотать о повышеніи, о наградахъ?...

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ, требовать справедливости.

ДЕГОДЕ, поначавъ головою.

Ого!

АЛЬБЕРТЬ.

Развѣ это такъ трудно?...

ДЕГОДЕ.

Вотъ, если бы вамъ было время выждать справедливости, да поймать ее....

АЛЬБЕРТЬ.

Я хлопочу не за себя, но для вдовы моего бѣднаго генерала....

покойнаго генерала де-Сентъ-Аво. Онъ былъ мнѣ начальникъ и увѣрь при моихъ глазахъ.... мой единственный другъ насвѣтъ....

ДЕГОДЕ.

До-сихъ-поръ, но не теперь.

АЛЬВЕРТЬ, сжимая его руку.

О! какъ я вамъ благодаренъ!...

ДЕГОДЕ.

Вы говорите, что вамъ генералъ....

АЛЬВЕРТЬ.

Былъ храбрѣйшій и благороднѣйшій человекъ въ мирѣ.... онъ думалъ только объ отечествѣ и своихъ солдатахъ.... никогда о себѣ самомъ, и умеръ безъ велиаго состоянiя, оставивъ жену и тронхъ дѣтей.... Я хлопочу о прибавкѣ къ скудному пенсіону, котораго едва достаетъ мнѣ на самыя крайнія нужды. Со вчерашняго дня я стучусь ко всѣмъ дверямъ.... рассказываю всѣмъ дѣло, какъ вамъ теперь, какъ оно есть....

ДЕГОДЕ.

Какъ оно есть?... напрасно!... лучше бы вы рассказывали какъ оно могло быть.... прикрасили, да прибавили кое-что.... Самыя простыя, пошлыя дѣйствiя иной разъ, при моихъ глазахъ, превращались въ чудные геройскіе подвиги.... съ помощію нѣкоторыхъ украшеній.

АЛЬВЕРТЬ.

Развѣ истина въ такихъ случаяхъ сама собой не довольно красворѣчива?

ДЕГОДЕ.

Конечно!... но вы однако еще ни до чего не добились?

АЛЬВЕРТЬ.

Ни до чего.

ДЕГОДЕ.

Не правду ли я сказалъ?... но посмотримъ.... у меня связей мало.... состоянiя еще меньше.... не есть нѣсколько знакомыхъ съ порядочнымъ вѣсомъ, и при ихъ содѣйствiи я, можетъ-быть, успѣю....

АЛЬВЕРТЬ, съ живостью.

Доставить торжество истинѣ?

ДЕГОДЕ.

Почему знать! можетъ-быть!... я, извольте видѣть, философъ.... тащусь вровень съ вѣкомъ.... другими словами, мой всепочтеннѣйшій, пролазничая иногда, чтобы достигнуть.... но достигаю!... пользуюсь людьми какъ они есть, и друзьями, когда они случат-

ся... (Вынимаетъ изъ кармана карточку и подаетъ ему.) Вотъ моя фамилія и мой адресъ; очень радъ, если за жизнь, которую вы спасли мнѣ, я буду въ состоявіи отслужить вамъ чѣмъ-нибудь при случаѣ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ТѢ ЖЕ и БУВАРЬ.

БУВАРЬ, выходя изъ лѣвой двери.

Омнибусъ подъѣзжаетъ.

ДЕГОДЕ.

Благодарю васъ, и сиѣшу домой. Моя дочь и моя воспитанница вѣрно въ безпокойствѣ. (Ищетъ вокругъ.) Гдѣ же моя трость и шляпа?

Альбертъ подаетъ ихъ ему.

БУВАРЬ, возлѣ лѣвой двери, смотря на улицу.

Совѣтую вамъ поторопиться.

ДЕГОДЕ.

Ба! я на все смотрю спокойно и хладнокровно.

БУВАРЬ.

На все?... ну, такъ вы можете посмотреть и отсюда видѣть у омнибусъ, который ужъ проѣхалъ.

ДЕГОДЕ.

Право?... ну, не бѣда!... послѣ такого потрясенія не худо проходиться.... и притомъ же маленькая экономія.... тридцать сантимовъ въ карманѣ.... (Альберту.) Прощайте, любезный другъ!... (Бувару.) Прощайте!

БУВАРЬ, кланяясь.

Наполеонъ Буваръ, книгопродавецъ-издатель....

ДЕГОДЕ.

Позвольте поблагодарить за приемъ, за ласковое обхожденіе....

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

БУВАРЬ, АЛЬБЕРТЬ.

БУВАРЬ, провожая Дегоде.

Помилуйте.... не за что!... Не прикажете ли услужить вамъ какими новыми изданьями, подписочками?...

ДЕГОДЕ, уходя.

Очень благодаренъ!

БУВАРЬ.

Этотъ господинъ, знаете, котораго вы спасли.... онъ долженъ

быть съ-родни Гарпагону.... что бы ему купить у меня что-нибудь для праздниковъ! Мои послѣднія изданія, навригиръ, которыя всѣмъ нейдутъ съ рукъ!

АЛЬБЕРТЬ.

Онъ философъ.

БУВАРЬ.

Котораго философія заключается въ томъ, чтобы не платить.

АЛЬБЕРТЬ.

Всемирная философія!... (*Обращаясь къ Буварю.*) Я имѣю честь говорить съ господиномъ Буваромъ?...

БУВАРЬ.

Я самъ и есть.... Наполеонъ Буваръ, книгопродавецъ-издатель!

АЛЬБЕРТЬ.

Я шелъ къ вамъ, когда встрѣтился съ этимъ господиномъ. Меня прислала къ вамъ одна почтенная и предостойная дама, вдова генерала де-Севтъ-Аво, съ которой вы были уже въ сношеніяхъ....

БУВАРЬ.

Точно! Я скупилъ у ней книги и рукописи послѣ ея мужа.

АЛЬБЕРТЬ.

Стратегическія и математическія сочиненія?

БУВАРЬ.

Нѣтъ!... походныя Записки.

АЛЬБЕРТЬ.

Я и не зналъ, что онъ сочинялъ Записки.

БУВАРЬ.

И прештересныя!... о различныхъ экспедиціяхъ въ Алжирѣ, подробности, не изданныя и достовѣрныя, драгоценныя документы для исторіи. Съ меня просили шестьсотъ франковъ.... Вы понимаете, что въ торговлѣ это далеко не стоить такой цѣны. Но вдова!... мать семейства!... и притомъ слава отечества!... послѣдніе остатки нашей Великой Арміи!... Я расчувствовался и далъ триста франковъ....

АЛЬБЕРТЬ, съ негодованіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ!

БУВАРЬ.

Да, сударь, да!... по чувствительности сердца.... и наличнымъ деньгами.... хотя у меня правило — ничего не платить за рукописи.

АЛЬБЕРТЬ, съ насмѣшкой.

Э! да это въ родѣ того господина, который только-что ушелъ!... та же философія.

БУВАРЬ:

Философія торговли и промышленности-съ-!

АЛЬБЕРТЬ, подавая ему рукопись:

«А я, так по рекомендаціи маркиза де-Сентъ-Авд пришелъ предложить вамъ собраніе моихъ стихотвореній!...»

БУВАРЬ.

Я: не покупаю стиховъ; не пишу даже и запросу нѣтъ въ торговлѣ.

АЛЬБЕРТЬ.

Какъ это лестно для поэтавъ!

БУВАРЬ.

Ихъ такое множество!... и все первоклассныя!... не знаешь даже какъ и классифицировать! Есть, впрочемъ, имена.... (*Читаетъ первую страницу рукописи.*) Васъ зовутъ — баронъ Альбертъ д'Ангрмонъ?

АЛЬБЕРТЬ, покачавъ головою.

Имя совсѣмъ неизвѣстное!

БУВАРЬ.

Однако есть титулець!... для меня это значить что-нибудь! Я вѣдь печатаю сочиненія все только сіятельныя да свѣтлѣйшія! Я книгопродавецъ Сентъ-Жерменскаго Предмѣстья, издатель знатныхъ барынь, княгинь, герцогинь, баронессъ, графовъ, маркизовъ, виконтовъ, которыхъ имена и вензела сіяютъ на вывѣскѣ моей лавки... Оно и красиво и почетно!... оно лестно!...

АЛЬБЕРТЬ.

А прибыльно ли?

БУВАРЬ.

Конечно! Во-первыхъ, какъ я вамъ докладывалъ, за рукописи я ничего не плачу. (*Кланяясь съ любезностью.*) Эти условія и вамъ я предлагаю.... Знатный сочинитель беретъ на себя издержки изданія! это не дорогаго стоитъ.... и газетныя объявленія; ну; это подороже! Зато я расписываю статейки по всѣмъ журналамъ и газетамъ.... Я и для васъ то же самое сдѣлаю, если вы желаете... пишу, что книгопродавецъ Буварь приобрѣлъ за пятьдесятъ или сто тысячъ.... это ужъ какъ вамъ угодно!... прелестное собраніе стихотвореній барона Альберта д'Ангрмона, такъ нетерпѣливо ожидаемое....

АЛЬБЕРТЬ, стараясь улыбнуться.

Понимаю!... это пуѣзъ?

БУВАРЬ.

Именно-съ!

АЛЬБЕРТЬ, в сторону

Старикъ-то былъ правъ!...

БУВАРЬ.

У меня есть тоже, для литературы съ золотымъ гербомъ, и зданія на атласной бумагѣ, раскрашенные, иллюстрированныя первѣйшими художниками.... Это порядочно дорого, но зато, знатно!

АЛЬБЕРТЬ.

И хорошо продается?

БУВАРЬ.

Позвольте!... у меня ихъ покупаютъ люди, пріятые въ домъ знатнаго поэта.... его родные.... часто и самъ авторъ, когда ему хочется втораго изданія, что почти всегда случается у моихъ сѣятельныхъ кліентовъ.... слава дорого имъ обходится!... но когда есть, состояніе.... какое же лучшее употребленіе можно сдѣлать изъ своего богатства?...

АЛЬБЕРТЬ.

Я не богатъ.

БУВАРЬ, отдавая ему рукопись съ холодно-стью.

А! это дѣло другое.... такъ ужъ надо положить пока слава сама къ вамъ пожалуетъ.... оно, конечно, долго.... особенно со стихотвореніями.... Ахъ, если бы вы по-просту, по обывательски, сочинили въ прозѣ!... случаются и между знатію особы, которыя изволятъ писать прозой, и даже изрядной, не унижая своего достоинства!... маленькій романецъ напримѣръ.... въ двѣнадцати или пятнадцати томахъ!...

АЛЬБЕРТЬ.

Я началъ-было писать романъ.... въ Африкѣ, въ лагерѣ, посреди пальбы.... такъ!... для того чтобы убить время.

БУВАРЬ.

А теперь-то именно все вниманіе публики и обращено на Алжиръ! Не угодно ли поговорить со мною?... Ахъ, извините! (*Прислушиваясь.*) Мнѣ послышался стукъ кареты.... (*Посмотрѣвъ на улицу.*) Такъ и есть! графъ де-Мариньянъ. Присядьте, сдѣлайте одолженіе.... черезъ минуту я къ вашимъ услугамъ.... мы потолкуемъ о вашемъ романѣ....

АЛЬБЕРТЬ.

Не беспокойтесь.... Графъ де-Мариньянъ вѣрно лицо важное...

БУВАРЬ.

Вы его не знаете?

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ!... и вѣрно мнѣ одному не далось это счастье....

БУВАРЬ.

Человѣкъ государственный, человѣкъ ученый, писатель, богачъ, еще молодъ, а уже членъ двухъ академій!... да еще вдобавокъ ему сулятъ посольство!

АЛЬБЕРТЬ, садясь у стола, на-право.

Вы съ нимъ пріатели?

БУВАРЬ.

Могу похвастаться!... прежде былъ у него секретаремъ, а теперь — его издатель.

АЛЬБЕРТЬ.

На тѣхъ условіяхъ, какъ вы говорили?...

БУВАРЬ.

Другихъ у меня нѣтъ и въ заводѣ. Я человѣкъ съ твердыми правилами.

Бросается навстрѣчу къ графу, который входитъ въ эту минуту.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

БУВАРЬ, ДЕ-МАРИНЬЯНЪ, входя въ стеклянную дверь, съ улицы. АЛЬБЕРТЬ у стола, направо, съ книгою въ рукахъ.

БУВАРЬ, кланяясь нѣсколько разъ.

Ахъ, ваше сіятельство! какая честь для меня, для моего магазина!... Я скажу.... извините, что стихъ будетъ немножко растянутъ:

La visite d'un grand homme est un bienfait des dieux!

ГРАФЪ.

По дорогѣ въ Государственный Совѣтъ я заѣхалъ къ вамъ за корректурами.... чтó, онѣ готовы?

БУВАРЬ.

Объщали къ нынѣшнему утру.... (*Кричитъ всторону*). Бѣгите скорѣе въ типографію! корректуры графа де-Мариньяна!... (*Возвращаясь*) Какъ! вы соблаговолите сами читать ихъ?....

ГРАФЪ.

Во время засѣданія Совѣта.... это у меня привычка.... есть крайней мѣрѣ занятіе.... и притомъ удобно.

БУВАРЬ.

Очень недурно быть дѣйствительнымъ государственнымъ совѣтникомъ, съ пятнадцатю тысячами жалованья!

АЛЬБЕРТЬ, всторону.

За то, чтобы читать свои корректуры.

ГРАФЪ.

Нельзя же терять времени.... Послѣ такой удачи перваго.... надо издать поскорѣе второй томъ.... выборы вѣдь послѣ-завтра!

БУВАРЬ.

Вамъ всё-таки желательно, графъ?...

ГРАФЪ.

Непремѣнно.

БУВАРЬ.

Вы! такой вельможа!... сіяя уже и въ Академія Художествъ и въ Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ.... что вамъ до Французской Академіи? На вашемъ мѣстѣ я бы предоставилъ се этимъ бѣднякамъ литераторамъ, для которыхъ она единственный пріютъ.

ГРАФЪ.

Да только она одна и важна въ понятіи публики!... прочія не въ счетъ.

БУВАРЬ.

Такая старина!

ГРАФЪ.

Тѣмъ лучше! По части благородныхъ отличій, я только и уважаю старинныя.... Притомъ же, всё вѣроятности успѣху на моей сторонѣ.

БУВАРЬ.

Разумѣется!... будучи однажды въ такомъ ходу!... Осмѣлюсь ли подать совѣтъ?... не надо бы вамъ издавать втораго тома!

ГРАФЪ.

Развѣ онъ не хорошъ?

БУВАРЬ.

Прекрасенъ! превосходенъ! я отъ него въ восторгѣ!...

ГРАФЪ.

Можетъ-быть вы находите, что онъ хуже перваго?

БУВАРЬ.

Напротивъ! гораздо лучше.... Но даже и перваго тома, который просто — удивленіе, не слѣдовало выпускать въ свѣтъ!-Пускаться въ авторство, когда мѣтишь въ академики!... это опасно! Такіе знатные вельможи какъ вы никогда не сочиняютъ! Это гораздо благоразумнѣе. Они боятся подать оружіе критикѣ.... являютъ впередъ ней лично своей особой! Я, дескать, герцогъ, я маркизь, я князь!.... что на это отвѣчать?... ничего! Критика не знаетъ какъ и раскрыть ротъ!.... Между-тѣмъ какъ вы съ своимъ образцовымъ произведеніемъ.... потому что вѣдь это образецъ образцовъ!...

ГРАФЪ.

Знаю! Твои замѣчанія довольно вѣрны.... Но успокойся! въ гостиной прелестной нашей Коринны.... гдѣ готовятся всѣ

академическіе выборы.... большинство голосовъ на моей стороне, но ея ко мнѣ участію.

БУВАРЬ.

Ужъ конечно!... Въ послѣднемъ номерѣ толстаго журнала есть ея статейка въ нашу пользу. Я тотчасъ узналъ ее по слогу. Въ этой статьѣ, она васъ, какъ историка, ставитъ гораздо выше Давида Юма и Робертсона.... я вижу покаяну.

ГРАФЪ.

Да я уже читалъ ее.... я знаю ее какъ-будто самъ.... (Съ матерпнїемъ). Ну, гдѣ же корректуры?...

БУВАРЬ, кричитъ всторону.

Корректуры его сїпталства!... Ну, я знаю, что это значитъ!... наборщики такъ увлеклись занимательностью творенія, что пустились, негодая, читать рукопись, вмѣсто-того чтобы работать.

ГРАФЪ.

Экой лстецъ!

БУВАРЬ, вполголоса.

А вы не забыли ли, графъ, своего обѣщанія?

ГРАФЪ.

Обѣщанія доставить тебѣ видъ на полученіе будущихъ акцій желѣзной дороги?... Получишь, не безпокойся! Я уже говорилъ Максиму Деларошъ Бернару, который вмѣстѣ со мною—главный распорядитель новой компаніи.

БУВАРЬ.

Беру съ благодарностью!... но это не то.

ГРАФЪ.

А! приглашеніе ко мнѣ на балъ?... получишь и это... Дѣло къ сѣху.... мнѣ надо жениться прежде чѣмъ дадутъ посольство. Конечно, я богатъ.... но богатство вѣдъ налагаетъ непреложный долгъ....

БУВАРЬ.

Какой?

ГРАФЪ.

Умножать его! Не далѣе какъ на издержки посольской пышности, мнѣ нужна богатая невѣста, а для гостинной—хозяйка красавица; и скоро, скоро, ты будешь на моей свадьбѣ, обѣщая тебѣ.

БУВАРЬ.

Слишкомъ много чести; покорнѣйше благодарю.... да все не то!...

ГРАФЪ.

Что же такое?

БУВАРЬ.

Я доставилъ вамъ для вашей исторіи Алжира рукопись генера-
ле де-Сентъ-Авд.... такую рѣдкую, такую подлинную рукопись....

ГРАФЪ.

За подлинность которой я же заплатилъ тебѣ двадцать тысячъ
франковъ!

АЛЬБЕРТЬ, всторону.

Что я слышу?

БУВАРЬ.

И которая доставила вамъ извѣстность.... славу.... несчитая
двухъ академій.... что я говорю?... трехъ!... передъ которыми вы
предстаете все съ однимъ и тѣмъ же сочиненіемъ!...

ГРАФЪ, съ нетерпѣніемъ.

Ну! говорите же!

БУВАРЬ.

Такъ и быть, скажу.... Неужто нельзя поживиться и мнѣ ча-
стичкой блага изъ такой кучи наградъ и почестей?... согласно то-
му какъ ваше сіятельство изволили судить мнѣ самн.... помни-
те!... тамъ!... это такъ благотворно въ купеческой конторѣ.... а
впрочемъ и для васъ самихъ полезно.... когда напечатаютъ: «Бу-
варь-нингопродавецъ, издатель твореній знаменитаго графа де-
Мораньяна, удостоеннаго получить знакъ отличія».... О твореніяхъ
вашихъ тотчасъ заговорятъ иначе!...

ГРАФЪ.

Конечно!

БУВАРЬ.

Твореніяхъ, которыхъ заразительная знаменитость сообщаетъ
славу всѣмъ и каждому, даже и нингопродавцу....

ГРАФЪ.

Увидимъ, увидимъ.

АЛЬБЕРТЬ, вставая.

Этого уже слишкомъ!...

ГРАФЪ, оборачиваясь.

Кто это?

БУВАРЬ.

Такъ!... одинъ покупатель.... (Замѣтивъ вошедшаго приказчика.)
А! наконецъ!... корректуры его сіятельства.... ну, наслу-то!....

ГРАФЪ, пробѣгая ихъ.

Да здѣсь не все.... нѣтъ послѣднихъ листовъ...

БУВАРЬ, поговоривъ съ приказчикомъ.

Будутъ готовы черезъ четверть часа.... и я буду имѣть счастье

самъ отнести ихъ въ Государственный Совѣтъ.... а вы прикажите тамъ, чтобы меня впустили.... Бувара.... издателя твореній графа де-Мариньяна!

ГРАФЪ.

Хорошо, прикажу.

БУВАРЬ.

И вы не забудете....

ГРАФЪ.

Обо всемъ позаботимся.

БУВАРЬ, провожая графа.

Это будетъ прекрасно, величественно, колоссально, какъ все что вы дѣлаете. Объ васъ можно сказать, какъ въ Семирамидѣ:

Il a laissé tomber, de son char de victoire,
Au front de son libraire, un rayon de sa gloire!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БУВАРЬ, АЛЬБЕРТЬ.

БУВАРЬ, возвращаясь.

Я люблю цитаты.... Оно тотчасъ показываетъ челоѣка грамотнаго.... а это не худо!... даже и для книгопродавца... (*Обращаясь къ Альберту.*) Извините, я заставилъ васъ ждать.... Впрочемъ, я очень радъ, что вы видѣли какъ меня уважаютъ и на какой я дружеской ногѣ съ вельможами.... Возвратимся къ вашему роману.... написанному въ Алжирѣ... въ лагерѣ.... при пальбѣ пушекъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ, не нужно.... я отказываюсь!

БУВАРЬ.

Зачѣмъ же?... когда вы сами слышали?..

АЛЬБЕРТЬ.

Что такое слава.... и какъ ее приобрѣтаютъ?

БУВАРЬ.

Оно, какъ вы видите, совсѣмъ не трудно.

АЛЬБЕРТЬ, всторону.

Старикъ-то былъ правъ!.... Прощайте!

БУВАРЬ.

Куда же вы идете?

АЛЬБЕРТЬ.

Освѣжитесь.... и постарайтесь забыть!.... Такъ вотъ тѣ великіе люди, которыхъ прославляютъ, превозносятъ до небесъ.... кото-

рыхъ имена журналы ваши, отголоски подобострастные или замеченные, трубятъ каждый день на весь мiръ!.... кричатъ: «падите лицъ!....» Такъ значитъ, мы живемъ въ такой землѣ, гдѣ, при деньгахъ, при безстыдствѣ, можно нажать себѣ честь и сказать: она моя! я купилъ ее на свои собственные деньги!... Такъ вездѣ одиѣ только лицемѣрие и ложь?...

БУВАРЬ.

На кого же вы мѣтаете?

АЛЬБЕРТЬ.

На кого?... на вая... что не постыдился дать триста франковъ бѣдной вдовѣ... за рукопись ея мужа, которую продаете потомъ за двадцать тысячъ!

БУВАРЬ.

Это — торговый оборотъ.

АЛЬБЕРТЬ.

На вая, что домогаетесь креста за то, что продаете сочиненiя богачей, не покидая никогда своей лавки и только зная что мѣнять и отправлять тюки....

БУВАРЬ.

Не домогаюсь.... я только прошу.

АЛЬБЕРТЬ.

И этого уже слишкомъ! У меня пять ранъ, и то я не прошу... а жду!..

БУВАРЬ.

Ну, посмотримъ, посмотримъ! Болѣе я вамъ ничего не скажу!

АЛЬБЕРТЬ.

Прощайте!

Бросается въ двери съ улицы, и встрѣчается съ Максимомъ Деларошъ-Бернаромъ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

БУВАРЬ, МАКСИМЪ, АЛЬБЕРТЬ.

МАКСИМЪ останавливаетъ его.

Ахъ, Господи! Альбертъ!

АЛЬБЕРТЬ.

Максимъ! (Обнимаются.)

БУВАРЬ

Смотри пожалуй!.... они знакомы!....

МАКСИМЪ.

Ты здѣсь!.... гдѣ ты пропадаешь цѣлыя пять лѣтъ?

Т. ХСІ. — Отд. IV

АЛЬБЕРТЬ.

Я былъ все въ Африкѣ.

МАКСИМЪ.

А я все въ Парижѣ. (*Буварю*) Мы оба воспитаны въ Сенъ-сирской Военной Школѣ и вмѣстѣ выпущены.

АЛЬБЕРТЬ.

И вмѣстѣ намъ суждено было дѣлать первыя кампаніи....

МАКСИМЪ.

Да, да!... но я, лишь-только узналъ парижскую жизнь и оперныхъ богинь, я отказался отъ военной славы.... я люблю немножко вѣгу... и скоро распростился съ отечествомъ Югурты и Абдель-Кадера.

АЛЬБЕРТЬ.

Ты, однако, хорошо началъ и могъ бы дослужиться.

МАКСИМЪ.

Конечно!... но тамъ такъ жарко!... между-тѣмъ какъ здѣсь....

БУВАРЬ

Виконтъ правъ!... когда имѣешь счастье принадлежать къ знати.... пользоваться несмѣтнымъ богатствомъ!...

МАКСИМЪ, съ нетерпѣніемъ.

Хорошо, хорошо!

БУВАРЬ.

Когда можешь капиталистомъ царствовать на биржѣ!... командовать повышеніями и пониженіями фондовъ!...

АЛЬБЕРТЬ.

А! ты пускаешься въ биржевыя запуски?...

МАКСИМЪ.

Надо же чѣмъ-нибудь заниматься!... (*съ живостью*) А ты все-еще влюбленъ?....

АЛЬБЕРТЬ.

Да, все-еще!....

МАКСИМЪ.

Какъ пять лѣтъ тому назадъ?....

АЛЬБЕРТЬ.

Еще болѣе!....

БУВАРЬ, вполголоса смѣясь.

Такъ мудрецу что онъ не видитъ ничего съ настоящей точки зрѣнія?... и что его голова....

МАКСИМЪ, Буварю.

Пламенная, истинная, скромная любовь.... Онъ, даже мнѣ, не хочетъ сказать имя своей возлюбленной. Но ты вѣдь бѣгалъ за

славой и богатством.... чтобы возвратиться достойнымъ ея! Уда-
лось ли тебѣ?

АЛЬБЕРТЬ.

И! нѣтъ!... та, которую я люблю, къ несчастію.... хороша.... мо-
лода.... богата.... знатна....

МАКСИМЪ.

Тѣмъ лучше. Невозможно удачѣе влюбиться.

АЛЬБЕРТЬ.

Но я-то вовсе не богатъ. Отецъ мой, мелкій британскій помѣщикъ,
оставилъ мнѣ только двѣ тысячи франковъ доходу съ деревушки.
Двѣ тысячи, да ротмистрское жалованье, вотъ все мое богатство:
и пока участь моя не поправится, какъ мнѣ предстать, какъ сдѣ-
лать предложеніе?

МАКСИМЪ.

Ты пугаешься по-пустому. Я говорю тебѣ, я, знатный ба-
ришь, что теперь не смотреть, ни на званіе, ни на происхожде-
ніе.... вездѣ совершенное равенство!

БУВАРЬ.

Всѣ Французы равны!

АЛЬБЕРТЬ.

Да! знаю!... передъ лицомъ закона.

МАКСИМЪ.

Нѣтъ, передъ лицомъ банковыхъ билетовъ! Разбогатѣй, и всѣ
препятствія исчезнутъ!... Разбогатѣй!... такъ за тебя выдадутъ пер-
вѣйшихъ невѣсть во Франціи.... Стоить только разжиться!

АЛЬБЕРТЬ.

Да какъ!

МАКСИМЪ.

Если хочешь, я скажу какъ.

БУВАРЬ.

Въ однѣ сутки, въ одну часъ!... это зависитъ отъ виконта.

АЛЬБЕРТЬ.

Неужели?

МАКСИМЪ.

Кстати, Буварь.... вотъ вамъ то о чемъ у меня просили для
васъ.... два вида на полученіе акцій желѣзной дороги.

БУВАРЬ.

Только два?... а я рассчитывалъ на десять!... вѣдь это — чистое
золото!

МАКСИМЪ.

Больше нѣтъ. Я вѣхалъ сообщить объ этомъ графу де-Маринья-
ну; мнѣ сказали у него, что я найду его здѣсь.

БУВАРЬ.

Онъ уѣхалъ въ Государственный Совѣтъ.... я долженъ отнести туда его остальные корректуры.

МАКСИМЪ.

Ну, такъ вы тутъ же скажете ему, что я поспѣвалъ сейчасъ бросить послѣднія бомбы, повидаться съ нашимъ великимъ чепухомъ; знаменитымъ капиталистомъ....

БУВАРЬ.

Съ тѣмъ, отъ чего имени, по словамъ графа, зависить успѣхъ предпріятія?

МАКСИМЪ.

Точно такъ.

БУВАРЬ.

Иду, иду!... Какъ жаль! только двѣ акціи! Неужели нельзя получить хоть съ подюжинки?

МАКСИМЪ, съ нетерпѣніемъ.

Никакъ нельзя! Я говорю вамъ, что ихъ расхватываютъ.

БУВАРЬ.

Поэтому-то я и хочу!

Уходитъ.

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

АЛЬБЕРТЬ, МАКСИМЪ.

АЛЬБЕРТЬ.

Какъ я радъ, что встрѣтился здѣсь съ тобою!... ты кажется очень занятъ?...

МАКСИМЪ.

Это правда, у меня пропасть дѣлъ.

АЛЬБЕРТЬ, улыбаясь.

Столбовой дворянинъ попалъ въ стряпчіе! (Видя, что Максимъ вынимаетъ изъ кармана записную книжку.) Промѣнять шлемъ предковъ на записную книжку биржеваго маклера!

МАКСИМЪ, записывая.

Заѣхать въ министерство по дѣлу о завтрашнихъ торгахъ.... потомъ получить отвѣтъ де-Мариньяна.... потомъ побывать у капиталиста, котораго надо задобрить.... потомъ къ нотаріусу на счетъ продажи имѣнія нашего, общаго съ сестрою....

АЛЬБЕРТЬ, съ вошепіемъ.

Антоиѣй!...

МАКСИМЪ.

А ты меня и не спрашиваешь объ ней?... а пять лѣтъ тому на-

задъ, въ деревнѣ у тетушки, съ которой я тебя познакомилъ... вы вѣстѣ рисовали... занимались музыкой!... дамы находили тебя прелюбезнымъ, особенно тетушка!... и сколько разъ Антонія спрашивала меня, отъ ея имени, о моемъ другѣ Альбертѣ!

АЛЬБЕРТЬ, съ радостью.

Нужель?

МАКСИМЪ.

Не выходило ни одной реляции объ африканскомъ корпусѣ, чтобы ея тотчасъ же не прочитала.... тетушка.

АЛЬБЕРТЬ, грустно.

А! это она читала!...

МАКСИМЪ.

Нѣтъ, она была слаба глазами, читала-то Антонія.... а тетушка слушала съ участіемъ....

АЛЬБЕРТЬ.

За которое я очень благодаренъ.... Она все еще живетъ въ деревнѣ?...

МАКСИМЪ.

Что ты!... нѣтъ! она ужъ умерла!... въ прошломъ году.... въ своемъ имѣніи....

АЛЬБЕРТЬ.

Ахъ, Боже мой!... я не зналъ....

МАКСИМЪ.

Это-то имѣніе я теперь и продалъ.... А сестра моя живетъ въ Парижѣ.... Я, какъ старшій братъ, ея—первый опекунъ.... (Смѣясь). Вотъ какъ!... опекунъ дѣвушки, которая частенько бранитъ меня и читаетъ правоученія!... это немножко непріятно!... и потому мнѣ хочется поскорѣе выдать ее за-мужъ.... ну, это не трудно!... Но какъ у нея — изрядное состояніе, то я долженъ найти и ей жениха богатаго, но очень богатаго!... а то всѣ стануть кричать! заѣдать меня!

АЛЬБЕРТЬ, съ живостью.

Другъ мой! ты мнѣ сейчасъ сказалъ.... (Останавливаясь) то есть.... ты былъ такъ добръ, что предлагалъ мнѣ.... прежнему товарищу.... другу твоему съ дѣтства....

МАКСИМЪ.

Мою помощь.... мое содѣйствіе!... ты знаешь, что я тебѣ совершенно преданъ!... и если тебѣ угодно.... но ты всегда казался мнѣ такимъ безкорыстнымъ.... такимъ художникомъ!...

АЛЬБЕРТЬ.

Что же дѣлать!... мое счастье заключалось не въ этомъ!... но

теперь, если бы нужно было за богатствомъ даже броситься въ пропасть.... я бы не усомнился ни на минуту.

МАКСИМЪ, съ жаромъ.

Я это понимаю!

АЛЬБЕРТЬ.

Разбогатѣть или умереть.... вотъ что мнѣ сейчасъ нужно!

МАКСИМЪ, также.

Такъ же какъ и мнѣ!

АЛЬБЕРТЬ.

Что ты говоришь?

МАКСИМЪ, спокойнѣе.

Я говорю, что это славно.... что такимъ образомъ можно достигнуть всего.... Послушай! у насъ затѣвается новая желѣзная дорога, на которую я и нѣсколько капиталистовъ располагаемъ большія надежды.... не знаю отдадутъ ли ее намъ, по торгамъ, потому что есть много другихъ компаній, которыя ищутъ; но уже до завтрашнихъ торговъ, у насъ рвутъ изъ рукъ акціи, или точнѣе, виды на полученіе акцій.

АЛЬБЕРТЬ.

Я не понимаю.

МАКСИМЪ.

И не нужно! Довольно тебѣ знать, что если дѣло останется за нами, наши акціи пойдутъ втрое противъ первоначальной цѣны.

АЛЬБЕРТЬ.

А если не за вами?

МАКСИМЪ.

Что жъ! ничего!... всякой беретъ назадъ свои деньги....

АЛЬБЕРТЬ.

Стало-быть тутъ ты ничего не теряешь.... ни чѣмъ не рискуешь?...

МАКСИМЪ.

Кромѣ какъ тѣмъ. что я, и всѣ, получимъ огромный барышъ въ случаѣ успѣху.... а акціи-то въ моихъ рукахъ!... Я могу тебѣ дать ихъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Какъ ты добръ!.. но ты сейчасъ сказалъ.... что акцій больше нѣтъ.

МАКСИМЪ.

Да говорить иначе нельзя!... это единственное средство поднять ихъ.... возвысить въ цѣнѣ!

АЛЬБЕРТЬ.

Но это — ложь!

МАКСИМЪ.

Ты съ того свѣта прїѣхалъ, что ли?

АЛЬБЕРТЬ.

Изъ лагеря!... и мнѣ кажется, что деликатность....

МАКСИМЪ, съ пронїей.

Эхъ!... ты видно никогда не бывалъ на биржѣ!... то, что ты называешь ложью и обманомъ.... больше ничего какъ ловкость, финансовый геѣш! Такимъ образомъ наживаютъ себѣ домъ.... что домъ! дворцы; получаютъ уваженіе и почетъ; а тамъ и титулы, и ленты, и.... Не бойся, можешь привать.... ты тутъ не подвергаешься ни чему болѣе какъ почестямъ да поклонамъ!

АЛЬБЕРТЬ.

Признаюсь.... нажить состояніе такимъ образомъ.... мнѣ казалось нѣсколько противнымъ, но если ты, столбовой дворянинъ, находишь это позволительнымъ и благороднымъ, я соглашаюсь.... что же надо дѣлать?

МАКСИМЪ.

Ничего! взять сто.... двѣсти акцій.... сколько хочешь.... и заплатить впередъ половину.... сто тысячъ франковъ.... почти!

АЛЬБЕРТЬ.

Очень охотно. Остановка только въ томъ, что деревушку въ двѣ тысячи дохода нельзя продать сію-минуту.... Я эти сто тысячъ франковъ ты долженъ, мой другъ, дать мнѣ взаймы.

МАКСИМЪ, всторону.

Ахъ, чортъ возьми!

АЛЬБЕРТЬ.

Для тебя миллионера, это, я знаю, бездѣлица; потому-то я и обращаюсь за-просто, безъ обиняковъ, къ твоей преданности....

МАКСИМЪ, съ замѣшательствомъ.

Такая довѣренность!... мнѣ очень лестна.... божусь тебѣ!...

АЛЬБЕРТЬ, съ откровенностью.

Я такъ и думалъ.... потому что я бы и самъ.... на твоемъ мѣстѣ.... (Посмотрѣвъ на него) И! да что это съ тобой!... отчего ты смѣшался?... или моя просьба не скромна?... такъ я беру ее назадъ! Если я рѣшился (съ волненіемъ), это потому что мнѣ казалось.... земля на юго-западѣ, въ самой плодородной провинціи — достаточное обезпеченіе для стараго товарища.... для друга.... (съ несодованіемъ.) несчитая моего честнаго слова!

МАКСИМЪ, съ живостью.

Ахъ! не оканчивай!... Ужъ скорѣе открыть тебѣ всю правду, чѣмъ

оставить тебя при такой мысли.... Этихъ ста тысячъ, о которыхъ ты просишь, и которыя пять лѣтъ назадъ я да только бы съ радостью далъ тебѣ взаимы, но и подарилъ..... ихъ у меня нѣтъ!

АЛЬБЕРТЬ.

У тебя нѣтъ!

МАКСИМЪ.

Тише!... это еще никому не извѣстно! Нынѣшняя спекуляція,— моя единственная доска спасенія. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы ссоставить, но чтобы поправить мое состояніе. Если удастся, никто и не догадается; я спасуеь отъ разоренія и нищеты.

АЛЬБЕРТЬ.

Неужели ты въ такомъ положеніи?... ты!... такой богатъ!

МАКСИМЪ.

Ахъ, Боже мой! въ Парижѣ деньги текутъ какъ вода!... особенно когда человѣкъ молодъ и безъ дѣла; праздность стодѣтъ тамъ дорого! это — такая роскошь!... Между-тѣмъ какъ ты тянулъ лампу изъ Африкѣ, я каталъ въ коляскѣ свою скуку, и свою сигарку..... ты дрался, я моталъ!... ты сорилъ кровью, я золотомъ!... и для того же еще, Боже мой!... сколько безумныхъ ночей, сколько дней безтелювыхъ!... оргіи, удалство, безпутство!... и когда послѣ, чтобы свести концы, обратнись къ царю фараону, да къ спекуляціямъ, которыя толкнутъ тебя еще глубже въ прорубь....

АЛЬБЕРТЬ.

Ты игралъ въ банкъ?

МАКСИМЪ.

Какъ всѣ. Это бы еще ничего!

АЛЬБЕРТЬ.

И проигрался?

МАКСИМЪ.

Въ томъ-то и бѣда!... Да я поправлюсь; а покаместъ имѣніе, наслѣдіе предковъ, все у меня заложено.... тайно!... а что свободно, то все въ долгихъ; до-сихъ-поръ званность моего имени, увѣренность въ моемъ богатствѣ.... устраняли всѣ подозрѣнія.... свѣтскому человѣку съ хорошимъ именемъ такъ легко пользоваться огромнымъ кредитомъ!...

АЛЬБЕРТЬ.

То есть, надувать.

МАКСИМЪ.

Нѣтъ..... если мнѣ удастся, я все заплачу. И самъ разбогатѣю, и тебя надѣлю сокровищами.

АЛЬБЕРТЬ.

Отъ которыхъ я отказываюся заранѣе. Они слишкомъ дорого де-

станутся! Если мнѣ вдругъ пришло желаніе..... это для такой цѣли, которая, какъ самъ теперь вижу, недостижима! Поговоримъ о тебѣ: такъ у тебя много кредиторовъ?

МАКСИМЪ.

Ну, порядочно!..... да не число ихъ страшно!.... мелкіе, тѣ, которые сами нуждаются, молчатъ и ждутъ..... но крутые-то, богатые..... особенно одинъ!..... человекъ большого свѣта.... поработилъ меня какого-нибудь сотнею тысячъ франковъ, и теперь онъ —!— властелинъ всей моей судьбы, можетъ или вытащить меня изъ бѣды или погубить! Чтобъ отъ него отдѣлаться, къ кому мнѣ обратиться?... къ сестрѣ?... невозможно! Она несовершеннолѣтняя; да притомъ ея неумолимый второй онекушъ, вѣсто Цезаря Дегаде....

АЛЬБЕРТЬ, съ живостью.

Дегаде?

МАКСИМЪ.

Скупѣйшій изъ всѣхъ милліонщиковъ.

АЛЬБЕРТЬ, отыскивая въ карманѣ.

Кажется, что на визитной карточкѣ.....

МАКСИМЪ.

Впрочемъ, пречестный человекъ!..... сестра моя, которой неловко же жить со мною..... живетъ теперь у него..... съ его дочерью, Коринной Дегаде, синнимъ чулкомъ, десятой музой!.....

АЛЬБЕРТЬ, посмотрѣвъ на карточку.

Такъ и есть!... Знаешь ли, мой другъ, что, нынче утромъ, я почти спасъ жизнь этому же Цезарю Дегаде?

МАКСИМЪ.

Неужели?

АЛЬБЕРТЬ.

Какъ ты думаешь?..... если я попрошу его оказать мнѣ одолженіе.....

МАКСИМЪ.

Онъ откажетъ. Онъ дотога скупъ, дотога скряга, что у него даже нѣтъ ни порядочной прислуги, ни экипажа..... онъ шляется въшкомъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Знаю!

МАКСИМЪ.

У него есть въ концѣ Chaussée d'Antin прекрасный домъ, который онъ допустилъ обветшать, скупясь на починку. Онъ лякутъ въ развалинахъ; къ нему опасно всходить на лѣстницу.

АЛЬБЕРТЬ.

Ба! тому, кто карабкался на стѣны Константины..... я рискну!...

МАКСИМЪ.

Пойти на приступъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Да, мой другъ!

МАКСИМЪ.

Постой, постой! мы поѣдемъ вмѣстѣ! Миѣ именно нужно поговорить о дѣлахъ съ Дегодѣ.... не о своихъ.... а на счетъ компаніи; а ты что?

АЛЬБЕРТЬ.

Я хочу попросить у него сто тысячъ франковъ.

МАКСИМЪ, испугавшись.

Сто тысячъ!..... для себя?

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ, для моего друга!

МАКСИМЪ.

Какъ?

АЛЬБЕРТЬ, протягивая ему руку.

Развѣ ты не угадываешь?

МАКСИМЪ, бросившись къ нему на шею.

Ахъ, Альбертъ! Добрая душа!

АЛЬБЕРТЬ.

Пойдемъ!

МАКСИМЪ.

Какъ? у тебя достанетъ мужества сдѣлать нападеніе, въ мою пользу, на это каменное сердце, на этого Киргиза?.....

АЛЬБЕРТЬ.

Киргизы, ничего! Видали мы и Бедушновъ!... такъ и произведемъ разію, формальный набѣгъ!..... Пойдемъ, пойдемъ!

Уводитъ Максима въ дверь на улицу.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Комната въ домѣ Дегоде. Одна дверь въ серединѣ, а двѣ по бокамъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

АНТОНІЯ, направо у палецъ, съ письмомъ. КОРИННА, налѣво, пишетъ у стола.

АНТОНІЯ, читаетъ.

« Милая сестра, я буду у тебя нынче утромъ. Мнѣ надо поговорить съ тобой серьезно. Для тебя открывается партія, которая и для меня сходна и тебѣ не будетъ противна. За тебя сватается одинъ изъ моихъ друзей.» *(Останавливается, съ радостью)* Возможно ли! *(Продолжаетъ)* « Вельможа! » *(Всторону, грустно)* Ахъ, Боже мой! *(Продолжаетъ)* « Графъ, человекъ знаменитый и въ политикѣ и въ литературѣ. » *(Всторону)* Кто же это, Господи?... не де-Мариньянъ ли?..... онъ съ нѣкотораго времени такъ за мной ухаживаетъ..... О! вѣрно, нѣтъ!.....

Задумывается.

КОРИННА, съ другой стороны, направо пиш-тъ.

« Тайныя Записки Молодой Дѣвицы, служащія дополненіемъ и поясненіемъ къ исторіи Франціи девятнадцатаго столѣтія. Томъ второй. Глава первая. Коринна Дегоде начинаетъ размышлять и чувствуетъ необходимость пристроиться. Бѣглый взглядъ на все окружающее..... Изъ всѣхъ сочинителей, которые за ней ухаживаютъ, графъ де-Мариньянъ, по своему политическому значенію и шестидесяти тысячамъ франковъ доходу, одинъ успѣлъ тронуть ея сердце. »

АНТОНІЯ, всторону.

Странно, что братъ не поговорилъ объ этомъ прежде съ Дегоде, какъ вторымъ опекуномъ!... *(Громко)* Коринна, батюшка твой воротился?

КОРИННА, отвѣчаетъ, не поднимая головы.

Нѣтъ еще!..... Чтò ты тамъ дѣлаешь?.....

АНТОНІЯ, съ замѣшательствомъ прячетъ письмо.

Я?... вышиваю.

КОРИННА, презрительно.

А! вышиваешь!..... какъ это по женски!

АНТОНІЯ.

А ты?

КОРИННА.

Я?... пишу свои Записки.

АНТОНІЯ.

Ты только этимъ и занимаешься.... часто по два, по три часа сряду....

КОРИННА.

Я считаю это долгомъ! Тотъ, кто сколько-нибудь замѣчательнъ въ свой вѣкъ, обязанъ, и за себя и за современниковъ, передать потомству все, что онъ видѣлъ, слышалъ, и, особенно, что чувствовалъ.

АНТОНІЯ.

А по-моему, не стоитъ на это терять время.

КОРИННА.

Какъ ты это можешь говорить? Тайныя Записки — самая драгоценная вещь въ литературѣ; всё бы должны сочинять Тайныя Записки. Это..... какъ бы тебѣ сказать.... дагеротипъ мысли!.... и если бы всё знаменитые люди списывали свои заветныя тайны, историческія истины были бы намъ гораздо извѣстнѣе!

АНТОНІЯ.

Ты думаешь?

КОРИННА.

Какъ это интересно, видѣть великихъ людей безъ всякихъ покрововъ!....

АНТОНІЯ.

Великихъ людей..... пусть такъ.... во женщина!.....

КОРИННА.

И женщина также!..... Есть нѣкоторое наслажденіе пережить себя! передать свой ликъ жаднымъ и любопытнымъ взглядамъ нашихъ звуковъ, порисоваться еще и въ потомствѣ.

АНТОНІЯ.

Ты находишь?... а мнѣ казалось, что, для тебя, должно быть утомительно безпрестанно рисоваться и въ настоящемъ.

КОРИННА.

Утомительно!... скажи лучше, восхитительно! Ты любишь удивленіе, боишься заставить говорить о себѣ, вѣчно прячешься....

АНТОНІА.

А ты любишь выказываться.

КОРИННА.

Это правда!..... ахъ, если бы у меня была твоя фамилія и твоя знатность, и особенно еслибы я была назавенна, я бы всадѣ разгулижала..... на меня одну только бы и смотрѣли!.....

АНТОНІА.

Да ужъ и начинаютъ!

КОРИННА.

Сколько это отъ меня зависить!..... Но съ такимъ отношеніемъ, который не хочетъ ни вывозить меня въ свѣтъ, ни принимать людей къ себѣ, который бонсея малѣйшихъ издержекъ..... какъ девять бабы, вечера, рауты..... все, что можетъ вылазати! Я могу позволить себѣ только литературныя удовольствія.

АНТОНІА.

Это гораздо дешевле!.....

КОРИННА.

Ученыя собранія, чтеніе стихотвореній.

АНТОНІА.

Это стонть только нѣсколькихъ стакановъ сахарной воды....

КОРИННА.

И похвалять.... всякому надо насказать ихъ!...

АНТОНІА.

И отъ всякаго принять! И неужели, какъ женщина, ты не бонься прослыть смѣшною?

КОРИННА.

Да! прежде, во времена Мольера, насмѣхались надъ женщинами-писательницами... потому что онѣ были только ученыя куклы. Но, въ наше время, соскучившись служить предметомъ насмѣшекъ, онѣ сдѣлались журналистками: съ тѣхъ поръ литераторы ужъ не смѣются!... они боятся!...

АНТОНІА.

Право?

КОРИННА.

Конечно! Всѣ они преклоняются передъ могуществомъ фельетона. По милости этого толстаго, европейскаго журнала, для котораго я пишу, ты можешь видѣть какъ они здѣсь въ моей гостиной увиваются за мною, осыпають меня угожденіями; даже враги мои, которымиъ вовсе не нравятся мои стихи, даже они сочиняють для меня баллады... не лучше моихъ!... или, въ прозѣ, превозносятъ меня съ энтузіазмомъ. А я плачу вмѣтъ тѣмъ же! Мы вмѣстѣ вы-

думываемъ любопытные анекдоты, осторожные отвѣты, которые въ свѣтъ взаимно приписываемъ другъ другу. При всякомъ удобномъ случаѣ, я стараюсь вернуть ихъ имена въ мои статьи. А они должны заплатить мнѣ тѣмъ же! Вотъ какимъ образомъ дѣлаешься литературной властью, центромъ, свѣтиломъ, вокругъ котораго вращаются мелкія планеты, неизвѣстныя даже и по имени господину Леверіе!... а до имени-то добывающіяся всѣми силами! У меня въ гостиной рѣшаются и литературная знаменитость и академическіе выборы. Слава и честь моимъ друзьямъ; горе тѣмъ, кто не умѣетъ попасть ко мнѣ въ милость! Однихъ мы возвышаемъ, другихъ не допускаемъ возвыситься; для однихъ мой журналъ служитъ пьедесталомъ, для другихъ заставой.... Это всѣмъ извѣстно!... Помощію этой двойной системы я держу всѣхъ и каждого въ зависимости.... путемъ боязни и надежды. (*Лакею принесшему связку журналовъ.*) Чтò это?.... а! газеты, журналы, брошюры.... (*Беретъ связку у лакея и подаетъ Антоніи.*) Хочешь?

АНТОНІЯ.

Нѣтъ! (*испугавшись.*) Какъ! ты будешь все это читать?

КОРИННА.

Разумѣется! Надобно посмотрѣть, хорошо ли, дурно ли говорятъ обо мнѣ, чтобы безпристрастно отплатить за то и за другое.

АНТОНІЯ.

Но это вѣдь страшный трудъ!

КОРИННА.

Мало-того трудъ. Бомаршѣ сказалъ: жизнь литератора не что иное какъ борьба!

АНТОНІЯ.

Стало-быть литераторша должна быть Орлеанской Дѣвой!

КОРИННА.

Почти!

АНТОНІЯ.

Да это просто ужасъ!

КОРИННА.

Иныя писательницы столько не хлопочутъ, но я!.... (*Пробѣгая газеты*) Новости заграничныя: Алжиръ.... мнѣ этого не нужно!

АНТОНІЯ, приближаясь.

А можетъ быть это и интересно!

КОРИННА.

А прежде не хотѣла?.... (*Читаетъ*) «Господина военный ми-

нистръ получилъ нынче утромъ отъ маршала Бюжб депеша, привезенные Альбертомъ д'Ангрмономъ, ротмистромъ африканскаго конноегерскаго полка....»

АНТОНІЯ, всторону.

Ахъ, Боже мой! онъ въ Парижѣ!

КОРИННА, оборотившись.

Что такое?

АНТОНІЯ.

Ничего.

КОРИННА, посмотрѣвъ на нее.

Ты въ волненіи?... въ замѣшательствѣ?... у тебя вѣрно тутъ что-нибудь да есть....

АНТОНІЯ, стараясь улыбнуться.

У меня?...

КОРИННА.

Мнѣ извѣстны эти вещи... нельзя же написать полдюжины романовъ, не имѣя сколько-нибудь понятія... въ теоріи, по-крайней-мѣрѣ... о различныхъ движеніяхъ сердца!... Я никогда не замѣчала, чтобы газетная статейка производила на тебя такое дѣйствіе... Посмотримъ, кто въ этихъ трехъ строкахъ можетъ такъ сильно интересоваться тобой?... маршалъ?... или старый министръ? (*Взглянувъ на нее*) Нѣтъ? ужъ не ротмистръ ли?... (*Видя, что Антонія задрожала*) А! такъ ты его знаешь?...

АНТОНІЯ, стараясь оправиться.

Ну, да! Зачѣмъ же мнѣ скрывать?

КОРИННА.

Однако ты скрывала! (*Съ живостью*). Ну, расскажи же мнѣ все! У меня нѣтъ ничего на-сегодня, ни одного анекдота. Это составитъ цѣлую главу для моихъ Записокъ.... (*Записываетъ*) Глава вторая. Признаніе Антоніи, моего лучшаго друга....

АНТОНІЯ.

Совсѣмъ нѣтъ!... я тебѣ ни въ чемъ не признаюсь; мнѣ нечего говорить... ни тебѣ... ни... потомству... до котораго это вовсе не касается.

КОРИННА.

Если ты не скажешь... такъ я выдумаю сама!... Я построю на этомъ цѣлую катастрофу!... Лучше же сказать правду.

АНТОНІЯ.

Когда не объ чемъ говорить!... Молодой человѣкъ... безъ состоянія... но добрый и благородный... другъ моего брата... котораго... тетушка очень, очень любила!

КОРИННА.

Какъ это прамитичиво!... видно, настоятельная болѣзнь!

АНТОНІЯ.

Уже пять лѣтъ какъ онъ уѣхалъ.

КОРИННА.

Тѣмъ удобнѣе думать другъ о другѣ.... особенно въ твои лѣта.

АНТОНІЯ.

Но онъ никогда ни словомъ ни взглядомъ не далъ мнѣ замѣтить, что занимается мною.

КОРИННА.

Я говорю не объ немъ.... а о тебѣ.

АНТОНІЯ.

Обо мнѣ?... такія мысли для меня не позволительны.... у брата, отъ котораго я завишу, есть другіе планы.

КОРИННА.

На счетъ этого замужества?... а ты мнѣ и этого не говоришь?

АНТОНІЯ.

Потому что это вовсе не интересно.... я не дорожу.... ни почестями.... ни вельможами....

КОРИННА.

Такъ это еще и вельможа?

АНТОНІЯ.

Да!.... какой-то графъ.

КОРИННА, съ живостью.

Графиня!... ты будешь графиней?... вотъ счастливица-то!... а я мечтаю объ этомъ всю жизнь!

АНТОНІЯ.

Ты! дочь искусствъ и поэзій?... ты!.... артистка, муза?...

КОРИННА.

Когда муза — графиня или маркиза, такъ еще лучше. А я люблю почести, титулы, большой свѣтъ! Въ моихъ произведеніяхъ я говорю все только о герцогиняхъ, княгиняхъ, моихъ искреннихъ пріятельницахъ.... которыхъ я никогда и не видала. Знатное имя — чудесная вещь!... и, признаться ли тебѣ, если чтд отравляетъ мои успѣхи, составляетъ отчаяніе и горе моей жизни, такъ это.... то, что меня зовутъ Коринной Дегодѣ.

АНТОНІЯ.

Полно, пожалуйста!

КОРИННА.

Догодѣ!... «н!»... скажи сама, можетъ ли слава свыкнуться съ такимъ именемъ?

АНТОНІЯ.

Почему же нѣтъ?

КОРИННА.

Догодѣ!....

АНТОНІЯ.

Ну, такъ зачѣмъ же ты не переимѣнишь фамилія?... выходи замужъ!....

КОРИННА.

Я бы не прочь....

АНТОНІЯ.

Твой отецъ такъ богатъ!... и такъ тебя любитъ!....

КОРИННА.

Ну, гораздо менѣе чѣмъ своею шкатулку! Конечно, мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, гдѣ еще есть любители славы, но батюшка громко объявляетъ, на весь міръ, что не дастъ за мной приданого, а это не внушаетъ никому сѣмьлости!... и оттого за меня сватаются одни простые писатели... люди, знаешь, которые только пишутъ.

АНТОНІЯ.

Ну, такъ что жъ!

КОРИННА.

Фя!... я уважаю только такихъ писателей, которые не пишутъ.... а занимаются литературой по-барски, какъ вельможи.... въ свободное время, котораго, слава Богу, у нихъ никогда нѣтъ!... ученыхъ людей въ случаѣ, въ значеніи... политическія знаменитости... какого-нибудь будущаго министра.... онъ станетъ производить исторію, а я стану писать ее.... Видишь, сколько тутъ пользы для моихъ Записокъ!

АНТОНІЯ.

Ну, такъ объяснись же съ батюшкой.

КОРИННА.

Я такъ и намѣрена.... при первомъ случаѣ....

АНТОНІЯ.

Вотъ тебѣ и случай: батюшка идетъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ

АНТОНІЯ, ДЕГОДЕ, КОРИННА.

ДЕГОДЕ, в сторону, говоритъ про себя.

Доброе дѣло никогда не надо откладывать.... поэтому мнѣ хотѣлось тотчасъ же освѣдомиться положительно о племянникѣ моего друга д'Ангрмона. Мой новый пріятель рѣшительно—прекрасный молодой человекъ.... талантливый, благородный, откровенный.... невозможно ужъ слишкомъ!... но онъ исправится!... притомъ состояніе достовѣрное и обезпеченное... двѣ тысячи франковъ дохода съ земли.... а не съ акцій. Эти качества соединяются очень рѣдко въ настоящее время.... и планъ, составленный мною въ его пользу, мнѣ очень нравится.... *(Увидѣвъ подходящую Антонію)* Ахъ! извините, милая Антонія! я не замѣтилъ....

АНТОНІЯ.

Мнѣ бы хотѣлось посовѣтоваться съ вами насчетъ письма, которое я получила отъ брата....

ДЕГОДЕ.

Послѣ, другъ мой.... если вы позволите.... Мнѣ надо прежде поговорить съ дочерью объ одномъ важномъ дѣлѣ....

АНТОНІЯ.

И ей также.

ДЕГОДЕ.

Какъ это кетати пришлось!

Провожааетъ Антонію до правой двери. Между-тѣмъ, Коринна, у стола надѣво, пишетъ на своей тетради.

КОРИННА, пишетъ.

«Глава третья. Свиданіе Коринны съ отцомъ. Ея краснорѣчіе и твердость характера. Побѣжденный силою ея доводовъ, Дегоде принужденъ уступить ей и выдать замужъ за того, кого она любитъ.»

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ДЕГОДЕ. КОРИННА.

ДЕГОДЕ, проводивъ Антонію, подходитъ къ Кориннѣ, которая все-еще пишетъ.

Я тебѣ помѣшалъ?... ты сочиняешь?

КОРИННА, вставая.

Нѣтъ, батюшка.... только нѣсколько словъ.... которыя, позже, будутъ монументами, событіями моей жизни.

ДЕГОДЕ.

Такъ ты видно не намѣрена тратить ея понапрасну?

КОРИННА.

Я и то уже слишкомъ много растратила.... и еще самыхъ лучшихъ, могу сказать.... дней моего существованія....

ДЕГОДЕ.

Какъ такъ?... Я, кажется, никогда не противился ни твоимъ желаніямъ ни наклонностямъ. Конечно, я бы, лучше, желалъ видѣть тебя съ иголкой чѣмъ съ перомъ въ рукахъ!... Мнѣ жаль бывало, что твои пальцы.... и особенно платье.... запачканы чернилами.... но тебѣ такъ хотѣлось!... и развѣ я противился?... нѣтъ! Мнѣ бы пріятнѣе — принимать у себя добрыхъ и честныхъ гражданъ: моя гостиная, напротивъ, сборище всѣхъ спѣсѣй, всѣхъ литературныхъ злобъ и завистей.... друзей ненавидящихъ другъ друга, поэтическихъ и желчныхъ темпераментовъ, которые заемогаютъ отъ чужаго успѣху и готовы хоть сейчасъ окривѣть, чтобы только соперники ослѣпили. Вотъ какъ они понимаютъ просвѣщеніе!... Это—твое общество и твои поклонники!... Ты любишь это! Развѣ я противорѣчу?... нѣтъ!... потому что прежде всего я желаю, чтобы ты была счастлива.... а счастье ты полагаешь въ своей свободѣ!

КОРИННА

Нѣтъ, батюшка!

ДЕГОДЕ.

Ты сто разъ мнѣ говорила!

КОРИННА.

Нѣтъ!

ДЕГОДЕ.

Я читалъ въ твоихъ стихотвореніяхъ!

КОРИННА.

Вотъ прекрасное доказательство! Есть еще другое счастье; и объ немъ-то я желала поговорить съ вами наединѣ....

ДЕГОДЕ.

Слушаю.

КОРИННА.

Мнѣ уже двадцать-два года!

ДЕГОДЕ.

Ты думаешь?

КОРИННА.

Я еще вчера писала объ этомъ въ Monkъ Занискахъ!

ДЕГОДЕ.

Если тамъ все такая правда....

КОРИННА, ТОЛКО.

Говорю вамъ, батюшка, что мнѣ двадцать-два года!

ДЕГОДЕ.

Пусть такъ! пожалуй!... положимъ!... я согласенъ.

КОРИННА, СЪИЩНО.

Мнѣ двадцать два года.

ДЕГОДЕ. ТАКЖЕ.

Такъ, такъ!

КОРИННА.

А вы и не думаете выдавать меня замужъ!

ДЕГОДЕ.

Какъ не думаю!... но ты сама отказываешь всѣмъ женихамъ.

КОРИННА.

Когда нѣтъ ни одного порядочнаго!

ДЕГОДЕ.

Ты сама виновата.

КОРИННА.

Нѣтъ, вы! Зачѣмъ вы вездѣ говорите, что не дадите за мной приданнаго?

ДЕГОДЕ.

Потому что таково и есть мое намѣреніе. К чему имѣть у себя въ семействѣ диво, музу, Сафо... если прозаически надо дать триста, четыреста тысячъ зятю, для того чтобы онъ согласился жениться на моей знаменитой дочери!... Стало-быть ея талантъ.... огромный талантъ.... достанется ему даромъ и въ придачу! Справедливо ли это? Развѣ, смотря съ поэтической точки зрѣнія, эта мысль не приводитъ тебя въ негодованіе?

КОРИННА.

Меня приводятъ въ негодованіе, напротивъ, предлоги, которыми вы, батюшка, сами отъ себя закрываете истину!... меня приводятъ въ негодованіе эта жажда богатства, заставляющая васъ безконечно накапливать сокровища....

ДЕГОДЕ.

Меня!

КОРИННА.

Да! Обладая многими милліонами, вы гораздо лучше любите смотрѣть на золото чѣмъ на счастье вашей дочери, и если

до-сихъ поръ уваженіе заставляетъ меня молчать, то не думайте, что бы я давно уже не страдала отъ вашей.... отъ вашей....

ДЕГОДЕ, видя что она останавливается.

Досказывай!... скажи, какъ всё говорятъ!... отъ моей скудости, не такъ ли? А я надѣялся, что передъ тобою по-крайней-мѣрѣ мнѣ не надо оправдываться!... Но если ты меня принуждаешь, такъ узнай же тайну, неизвѣстную никому, и которую будешь знать одна ты, но которую попробуй-ка разболтать.... она будетъ тебѣ наказаніемъ!

КОРИННА, въ смущеніи.

Что это хотите вы сказать?

ДЕГОДЕ.

Сядь. Намъ было два брата, Александръ и Цезарь Дегоде. Отецъ оставилъ намъ порядочное наслѣдство, по пяти или шести тысячъ франковъ доходу для каждаго. Я находилъ, что этого для насъ довольно. Александръ, мой братъ, былъ другаго мѣнѣя. Онъ былъ честолюбивъ, и ему казалось, что онъ не достигаетъ ни слишкомъ скоро, ни слишкомъ высоко, что для него нужно княжеское богатство. Ты видишь, что онъ опередилъ свой вѣкъ, былъ достоинъ жить въ нашемъ. Онъ простился со мною и отправился въ Чандернагоръ или Калькутту, право не знаю, чтобы подорвать Остъ-индскую Компанію и сдѣлаться раджей, индѣйскимъ султаномъ.... по-крайней-мѣрѣ! Дѣло въ томъ, что объ немъ долго ничего не было слышно; между-тѣмъ какъ я, любя покой, нѣгу, комфортъ, жилъ себѣ холостякомъ, скромнымъ процентщикомъ, пресчастливо, позволяя себѣ вполнѣ всё тѣ удовольствія, которыя строго совмѣстны съ шести-тысячнымъ доходомъ; ихъ довольно, даже и для человѣка благоразумнаго. Это было лучшее время моей жизни. Къ несчастію, любовь все испортила. Я женился на дѣвушкѣ безъ состоянія.... и скоро наши расходы увеличились, потому что Богъ намъ далъ дочь.... Коринну Дегоде, вамъ извѣстную.... потомъ еще вѣскольکو человѣкъ дѣтей, которыхъ мы лишились.... потомъ твоя бѣдная мать сдѣлалась хворою, болѣзненною. Этому уже двадцать осемь лѣтъ....

КОРИННА.

Нѣтъ, двадцать два!

ДЕГОДЕ.

Извини, я ошибся.... потерялъ счетъ за давностью времени. Ты права. Съ тѣхъ-поръ я началъ сберегать, не для себя, а для тебя; я отказался и отъ домашней нѣги, и отъ удобствъ, которыя такъ любилъ; отказался, признаюсь, не безъ труда;

но я говорилъ себя: меня награждать за это уваженіе свѣта и моихъ друзей. Я ошибся!... когда я былъ холостякомъ, мои вздѣ радушно принимали; когда сталъ отцомъ семейства, передо мной захлопнули двери!

КОРИННА.

Это отвратительно!

ДЕГОДЕ.

Согласенъ!... но таковъ свѣтъ! Съ того времени я сдѣлался философомъ... философомъ практическимъ... высшаго разраду... забытый всѣми, я забылъ всѣхъ, и такъ провелъ многіе годы... почти на чердакѣ. Вдругъ въ нѣмецкихъ газетахъ объявляютъ, что Александръ Дегодѣ, который нажилъ-таки огромное состояніе, умеръ въ Венгріи, оставивъ послѣ себя три милліона... Парижскія газеты повторили это извѣстіе; и каждый сказалъ себя: «Да я зналъ прежде Цезаря Дегодѣ, его брата: какой хлѣбосоль! какой милый, умный человекъ!... какой превосходный отецъ семейства! Онъ былъ мнѣ искренній другъ! — И мнѣ также! — Не знаете ли, куда онъ дѣвался? — Нѣтъ, не знаю. — И я тоже! — И я тоже!» Ниссхожу я, въ эту минуту, съ высоты моей квартиры. Тѣ, которые не хотѣли и смотрѣть прежде, тотчасъ меня узнали. Привѣтствія, приглашенія, обѣды посыпались на меня со всѣхъ сторонъ. Я снова нашелъ и комфортъ, и всѣхъ прежнихъ друзей... что я говорю, всѣхъ!... во сто разъ больше! И какъ все это выросло и возмужало въ мое отсутствіе, подъ сѣнью различныхъ нашихъ революцій! какой у меня тотчасъ нашелся кредитъ! Капиталисты по-братски жали мнѣ руку... женщины такъ мило улыбались! Пусть ихъ, думаю; оно не мѣшаетъ. Я принималъ всѣ предложенія дружбы, не гордясь ими, и всѣ обѣды, не напиваясь до-пьяна. Я ужъ сказывалъ тебѣ, что сдѣлался философомъ! Оставивъ на нѣсколько мѣсяцевъ моихъ новыхъ льстецовъ, я поѣхалъ въ Венгрію, для полученія наслѣдства послѣ брата Александра.

КОРИННА.

Трехъ милліоновъ?

ДЕГОДЕ.

Да; по, увь!...

КОРИННА.

Тамъ не было трехъ милліоновъ?

ДЕГОДЕ.

Было... почти. Но, заплативъ всѣ отказы по духовному завѣщанію, которыхъ было пропасть, и долги, которые оказались еще значительнѣе, да огромную казенную пошлину... въ Австріи дорого

обходится умирать!... я скоро увижу, какъ человекъ дѣловой, что ни-то почти ничего не останется.

КОРИННА

Ничего? Ахъ Боже мой!

ДЕГОДЕ.

Что домъ въ Парижѣ.... премиленькій домикъ, купленный мною по порученію брата, который намѣревался провести въ немъ остатокъ своей жизни, и гдѣ онъ однако никогда не жилъ, требуетъ поправокъ.... очень большихъ поправокъ.....

КОРИННА.

Точно, требуетъ!

ДЕГОДЕ.

А на это не достало бы моихъ шести тысячъ годоваго дохода!... Продать его, въ такомъ глухомъ мѣстѣ, и въ такомъ видѣ, это не умножило бы моего состоянія, а показало бы всѣмъ, что я не разбогатѣлъ, и предало бы меня снова презрѣнію и равнодушію моихъ друзей. Я осмотрѣлся кругомъ, и сказалъ себѣ: въ наше вѣкъ, когда истина вышла изъ моды, когда она не въ употребленіи, зачѣмъ же мнѣ-то употреблять ее! что за нужда разсказывать всѣмъ правду!... если у нихъ рѣшено, что я получу три милліона, я не обязанъ выводить никого изъ заблужденія, а еще менѣе объяснять чужимъ мои семейныя дѣла. Возвратившись, я давай молчать! Поселился въ этомъ домѣ, и продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, какъ и бывало, велъ на чердакѣ. Я ни въ чемъ не измѣнилъ своихъ завѣтныхъ привычекъ, которые всѣ называютъ.... скупостью!

КОРИННА.

Ахъ, Боже мой!

ДЕГОДЕ.

Начиная съ моей дочери! Но что же изъ этого вышло? Когда я былъ только расчетливъ, на меня не хотѣли смотрѣть ... когда я сталъ скупъ, всѣ мнѣ кланяются. Когда у меня была добродѣтель, меня бѣгали; какъ завелся порокъ, меня почитаютъ! (Встаетъ).

КОРИННА, тоже.

Но что же вы тутъ выигрываете?

ДЕГОДЕ.

Что я выигрываю!.... да то, что въ наше время, такое скудное друзьями, у меня есть друзья и пріатели повсюду!... да то, что меня угощаютъ, меня ласкаютъ; приглашаютъ! Не проходитъ ни одного бала, ни одной вечеринки, чтобы и меня не звали! Я бы-

ваю нездѣ, а къ себѣ не принимаю никого.... Это такъ просто... я скупъ!!!... Чтѣ я выигрываю?... да то, что бываю у знатныхъ людей, не разоряясь на туалетъ, на лошадей, на экипажи, на подарки къ новому году и на игрушки для чужихъ дѣтей. Я могу отказываться отъ лотерейныхъ билетовъ, предлагаемыхъ дамами, отъ ихъ концертныхъ билетовъ тоже, отъ ихъ подписокъ на благотворительныя дѣла тоже.... я скупецъ!!! По милости этого благодѣтельнаго прозвища я, живя изрядно, но не тратя лишняго, почти удвоилъ свой капитадецъ, для тебя неблагодарной, для одной тебя!

КОРИННА.

Ахъ, батюшка!....

ДЕГОДЕ.

До милліоновъ, на которые ты рассчитываешь, еще далеко! Вотъ почему я все искалъ, и теперь еще ищу, зятя благоразумнаго! вотъ длячего я вездѣ разглашаю, что не дамъ за тобою приданаго.... Это также пуфъ, только справедливый, потому что я не хочу никого надувать, а между-тѣмъ мое предполагаемое богатство можетъ когда-нибудь осуществиться.... до нѣкоторой степени.

КОРИННА, съ радостью.

Чтѣ вы говорите!

ДЕГОДЕ.

Выслушай меня, моя ненаглядная. Въ наше время, надо быть богатымъ, чтобы составить себѣ состояніе. А считая меня богатымъ, всѣ и предлагаютъ мнѣ средства разбогатѣть еще болѣе; наперерывъ, скажу тебѣ, навязываютъ на меня превосходныя спекуляціи, огромныя барыши.... но я беру только то, чтѣ капиталъ мой позволяетъ принять; моя умѣренность считается, у однихъ скупостью, у другихъ пресыщеннымъ милліонерствомъ. Вотъ и теперь еще, двѣ или три компаніи, по соперничеству, осариваютъ другъ у друга кредитъ моего имени.... Ну, теперь ты узнала наконецъ всю сущность скупости твоего отца?... Такъ молчи же! а то, если узнаютъ, что эта скупость — хвастовство и что я осмѣлился присвоить себѣ порокъ, котораго у меня вѣтъ....

КОРИННА.

Ахъ, они васъ растерзаютъ!...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТѢ ЖЕ, СЛУГА, ПОТОМЪ МАКСИМЪ и АЛЬБЕРТЬ.

СЛУГА, докладывающа.

Виконтъ Деларошъ-Бернаръ.

Милости просимъ.

ДЕГОДЕ.

И ротмистръ д'Ангрмонъ.

СЛУГА.

КОРИННА, всторону.

А!.. предметъ обожанія Антонія. (Громко). Вотъ я встрѣча!..

ДЕГОДЕ.

Ты его знаешь?

КОРИННА.

Нѣтъ, но я буду очень рада его увидѣть.

ДЕГОДЕ.

И я также!.. (Указывая на Альберта, который входитъ съ Максимомъ) Какъ онъ тебѣ кажется?

КОРИННА.

Очень не дурень!...

ДЕГОДЕ.

Тѣмъ лучше.

КОРИННА, всторону.

Для Африканца.... для Бедуина, и очень не дурень!... въ моихъ Запискахъ это составить преоригинальную страницу. Во-первыхъ, портретъ.... огненнымъ колоритомъ.... африканскаго солнца.... (Въ это время Максимъ и Альбертъ подходятъ ближе и кланяются Дегоде и его дочери).

АЛЬБЕРТЪ.

Я успѣшилъ воспользоваться вашимъ позволеніемъ.... и на пути къ вамъ встрѣтился съ моимъ другомъ Максимомъ!..

МАКСИМЪ.

А я шелъ къ вамъ по дѣлу. Вы знаете, что графъ де-Марильянь, я, и нѣсколько другихъ капиталистовъ, хлопочемъ о ситиіи на себя, по торгамъ, новой желѣзной дороги; если намъ отдадутъ ее, мы хотимъ просить васъ принять на себя предсѣдательство правленія компаніи.

ДЕГОДЕ.

Но для этого надо быть акціонеромъ; а у меня нѣтъ вашихъ акцій.

МАКСИМЪ.

Ну, такъ киньте.... по-моему.... четыреста или пятьсотъ тысячъ франковъ!.. это бездѣлица!

ДЕГОДЕ.

Для васъ, виконтъ!.. съ такимъ огромнымъ и обезпеченнымъ состояніемъ!.. но для меня, это другое дѣло. •

МАКСИМЪ.

Полноте, пожалуйста!... у васъ миллионы ни почемъ.

ДЕГОДЕ.

Вы ошибаетесь!... Я далеко... даже очень далеко не такъ богатъ, какъ предполагаютъ.

МАКСИМЪ, тихо Альберту.

Старый скряга!

ДЕГОДЕ.

Откуда у меня быть миллионамъ! Всѣ, божусь вамъ, обманываются на этотъ счетъ.... вы — первый!

МАКСИМЪ.

Старыя шутки!... знаемъ мы это! Какъ бы то ни было, намъ такъ хочется видѣть васъ главою компанейскаго правленія, что я пришелъ предложить вамъ, въ случаѣ удачи, отъ имени нашихъ акціонеровъ и отъ своего собственнаго, видъ на полученіе пятидесяти акцій.... даровыхъ... и вознаградительныхъ за успѣхъ, какъ говорится. (*Видя, что Дегоде хочетъ говорить*). Я такъ увѣренъ былъ въ вашемъ согласіи, что почти обѣщавъ за васъ.

ДЕГОДЕ.

И съ моей стороны было бы очень не обязательно уронить данное вамъ слово, если всѣ вы этого непремѣнно хотите.

МАКСИМЪ.

Дѣло!... со мной есть купоны; мнѣ только надо ихъ подписать.... Между тѣмъ другъ мой Альбертъ желаетъ поговорить съ вами.

ДЕГОДЕ, смѣясь.

И я также.... (*Тихо Кориннѣ*). Оставьте насъ.

КОРИННА.

Зачѣмъ?

ДЕГОДЕ.

Послѣ узнаешь. Оставьте насъ.

КОРИННА.

Это странно!

МАКСИМЪ, Кориннѣ.

Потрудитесь сказать сестрѣ, что я здѣсь.

КОРИННА.

Очень хорошо.... (*Всторону*). А я скажу ей, что ея ротмистръ здѣсь.... Удивленіе!... неожиданная встрѣча!...

ДЕГОДЕ.

Ну, что же! Коринна?...

Иду, иду!....

Уходить.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ДЕГОДЕ, АЛЬБЕРТЬ, МАКСИМЪ нагъво у стола, пишеть.

ДЕГОДЕ.

Ну, мой любезный другъ!

АЛЬБЕРТЬ.

Ну, вынче утромъ вы были ко мнѣ такъ благосклонны, что я и рѣшился.... просить васъ.... объ одолженіи....

ДЕГОДЕ.

Одолженіи! Вы уже подали мнѣ прекрасный примѣръ къ подражанію по этой части.... и если только отъ меня зависить....

АЛЬБЕРТЬ.

У меня есть помѣстье въ Бретани.

ДЕГОДЕ.

Знаю!.... я уже собралъ справки.

АЛЬБЕРТЬ,

Стало-быть вамъ сказали также, что мое имѣніе стоить сто тысячъ франковъ.

ДЕГОДЕ.

По-крайней-мѣрѣ!....

АЛЬБЕРТЬ

Дадите вы мнѣ ихъ взаимы!

ДЕГОДЕ.

Вамъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Я бы могъ обратиться къ нотаріусу.... поручить ему само-скорѣйшую продажу этого имѣнія.... но мнѣ нужны эти деньги, вынче же, сейчасъ. Вотъ почему я у васъ прошу ихъ.

ДЕГОДЕ.

Я, кажется, говорилъ вамъ вынче утромъ, что въ дѣлахъ надо быть осторожнымъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Эти деньги не для меня.

ДЕГОДЕ.

Тѣмъ больше!... разоряться для себя, еще пусть такъ!... но для другого, это негъво!

АЛЬБЕРТЬ.

Я ищу для моего друга....

ДЕГОДЕ.

Друга?... полноте, пожалуйста!...

АЛЬБЕРТЬ.

Что это значить?....

ДЕГОДЕ, показывая на Максима.

Спросите-ка виконта?... онъ вамъ то-же скажетъ, что такое въ наши времена другъ, который проситъ денегъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Но когда это человекъ благородный... французскій дворянинъ....

ДЕГОДЕ, испугавшись.

Дворянинъ, говорите вы?... нынѣшній французскій дворянинъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Да.

ДЕГОДЕ.

О, такъ видно къ вамъ пристають съ пистолетомъ въ рукахъ.... кошелекъ или жизнь!

АЛЬБЕРТЬ.

Остерегитесь, пожалуйста!

МАКСИМЪ, съ гнѣвомъ.

Какъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Тотъ, о комъ я говорю, настоящій дворянинъ, честный человекъ!

ДЕГОДЕ.

А! это другое дѣло!

АЛЬБЕРТЬ.

И если бы только я вамъ его назвалъ....

ДЕГОДЕ.

Кто же это?

АЛЬБЕРТЬ, останавливаясь, видя, что Максимъ дѣлаетъ знакъ.

Но мнѣ запрещено!

ДЕГОДЕ, съ насмѣшкой.

А! понимаю!.... изъ уваженія къ знатности фамили!

МАКСИМЪ, подавая ему акци.

Вотъ извольте....

ДЕГОДЕ, кладетъ акци въ карманъ и обращается къ Альберту.

Вамъ вѣрно говорили, что я скупецъ? Дѣло въ томъ, что я

люблю отдавать мои деньги на выгодныхъ условіяхъ. Я не могу принять вашего предложенія, а одобряю вашъ другой, отъ себя: мы вступаемъ въ товарищество.

АЛЬБЕРТЬ.

Въ какое?

ДЕГОДЕ.

Вы видѣли мою дочь?... мою единственную дочь?... женитесь на ней!

МАКСИМЪ, съ удивленіемъ.

О!... вы?... вы предлагаете дочь?

ДЕГОДЕ.

Да!... а!...

АЛЬБЕРТЬ, также.

За меня?

ДЕГОДЕ, съ живостью.

Позвольте, позвольте!... я не дамъ за ней приданого... спѣшу предупредить васъ. Впрочемъ, буду давать ей что-нибудь... пока я живъ; а послѣ моей смерти у ней окажется... столько же какъ и у васъ... по-крайней-мѣрѣ.

МАКСИМЪ.

Я думаю!... А вѣдь это чудесно!... Вы, любезный Дегоде, прекрасный оригиналъ... вы достойны быть Англичаниномъ!

ДЕГОДЕ, Альберту.

Что вы на это скажете?

АЛЬБЕРТЬ, съ волненіемъ.

Вы меня такъ изумили... ошеломили... вашимъ великодушіемъ, что я вижу одинъ только способъ доказать вамъ мою благодарность... сознаться откровенно, что я, какъ честный человѣкъ, не могу принять вашего лестнаго предложенія...

МАКСИМЪ.

Что ты это?

ДЕГОДЕ.

Какъ!

АЛЬБЕРТЬ.

Чтобы быть достойнымъ такого отличія, я считалъ бы долгомъ своимъ обещать вашей дочери неограниченную преданность... любовь... а я уже люблю другую.

МАКСИМЪ.

Ты заираешься!

ДЕГОДЕ.

Вы влюблены?

АЛЬБЕРТЬ.

Давно!... и безъ всякой надежды! Обязываться, когда сердце и мысли стремятся въ другую сторону, это по-моему нейдетъ къ благородному человѣку... ссылаюсь на васъ самихъ... какъ вы думаете?

ДЕГОДЕ.

Я думаю, что вы пресумасбродный и вмѣстѣ съ тѣмъ предостойный молодой человѣкъ!... уклоненіе ваше доказываетъ, что я основательно прочитъ васъ въ свои зятя.

АЛЬБЕРТЬ.

Вы простите меня?

ДЕГОДЕ.

Напротивъ, я долженъ просить у васъ извиненія, потому что, бывъ заранѣе увѣренъ въ вашемъ согласіи, я заѣзжалъ по-дорогѣ къ нѣкоторымъ 'пріятелямъ', между-прочимъ къ Дюперрону, начальнику отдѣленія въ военномъ министерствѣ....

АЛЬБЕРТЬ.

Зачѣмъ?

ДЕГОДЕ.

Ходатайства намъ скупцамъ ничего не стоятъ!... такъ я и отрекомендовалъ васъ какъ зятя.... съ жаромъ!... и.... послушайте меня.... не выводите его изъ заблужденія, нѣсколько дней по-крайней-мѣрѣ!...

АЛЬБЕРТЬ, съ удивленіемъ.

Какъ такъ?

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

ПРЕЖНИЕ. АНТОНІЯ входитъ съ живостью и съ волненіемъ въ среднюю дверь.

АНТОНІЯ, Максиму.

Мнѣ сказали, что.... что.... ты здѣсь.

АЛЬБЕРТЬ, в сторону.

Антонія!...

АНТОНІЯ, в сторону.

Альбертъ!.. (Кланяются другъ другу. Обращаясь къ Дегоде) Графъ де-Марнианъ ждетъ васъ въ кабинетъ по одному важному дѣлу!...

ДЕГОДЕ.

Сейчасъ иду. (Альберту) А вы, мой милый другъ, поѣзжайте поскорѣе къ этому начальнику отдѣленія.... вамъ бы не худо по-толковать съ нимъ!...

АЛЬБЕРТЬ.

Могу ли я поговорить вмѣстѣ и со вдовѣ генерала де-Сентъ-Авд?

ДЕГОДЕ.

Конечно! Я съ своей стороны шепну объ ней нѣсколько словъ де-Мариньяну. Онъ сильнѣе меня, потому что — въ короткихъ связяхъ съ директоромъ канцелярїи министра.

АЛЬБЕРТЬ.

Ахъ, вы меня хотите завалить благодѣяніями!

ДЕГОДЕ.

Нѣтъ!... доказать вамъ только, что я не злопамятенъ.... [Прощайте!]

Уходитъ въ лѣвую дверь.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

АНТОНІЯ, АЛЬБЕРТЬ, МАКСИМЪ.

МАКСИМЪ, съ живостью бросается къ Альберту.

Ну, теперь какъ онъ ушелъ, растолкуй, пожалуйста, Альбертъ, что ты надѣлалъ? Не помѣшался ли ты?

АНТОНІЯ.

Что такое?

МАКСИМЪ.

Ссылаюсь на сестру!... она умная дѣвушка. Этотъ старый скряга, этотъ копѣчникъ-милліонеръ, однимъ словомъ, этотъ Дегоде, въ бреду великодушїа, въ припадкѣ бѣлой горячки, предлагаетъ шу... бѣдному офицеру... жениться на своей дочери....

АНТОНІЯ.

Возможно ли!

МАКСИМЪ.

Ты тоже не можешь образумиться?... это и тебѣ кажется баснословнымъ?... Но вотъ вообрази же!... можешь ли ты это взять въ толкъ?... Альбертъ отказался!...

АНТОНІЯ.

Вы?...

АЛЬБЕРТЬ, съ замѣшательствомъ.

Да!... у всякаго свой образъ мыслей... я не дорожу богатствомъ.... что мнѣ въ немъ?

МАКСИМЪ.

Всѣ таки надо было принять.... если не для себя, то для друзей!... а мы зато вылечили бы тебя отъ твоей страсти!...

АНТОНИЯ, съ любопытствомъ.

Страсти?...

МАКСИМЪ.

Другая страсть?... которой онъ жертвуетъ всемъ своимъ будущимъ счастьемъ.

АНТОНИЯ.

И.... конечно ... вамъ платятъ взаимностью?

АЛЬБЕРТЬ, съ живостью.

Ахъ, нѣтъ!... я не думаю!... это и невозможно!...

МАКСИМЪ.

Какая-нибудь жеманница.... притворница.... ханжа....

АНТОНИЯ.

Ты ее знаешь, Максимъ?...

МАКСИМЪ.

И! нѣтъ!... онъ никогда не хотѣлъ сказать мнѣ ея имени.... а это уже дурной знакъ! Когда я былъ влюбленъ — весь свѣтъ зналъ объ этомъ.... въ подобныхъ случаяхъ надо быть откровеннымъ!...
(Идетъ къ столу налѣво за своими бумагами и портфелемъ.)
Можетъ-быть онъ признается тебѣ?

АНТОНИЯ подходитъ къ Альберту, который бросился въ кресла направо.

Если бы тетушка была жива.... вы бы навѣрное ей сказали....

АЛЬБЕРТЬ.

Можетъ быть!

АНТОНИЯ, садясь возлѣ него.

Не могу ли я замѣнить ея?... и если мои совѣты, моя прежняя дружба, имѣютъ надъ вами сколько-нибудь силы....

МАКСИМЪ, рѣзко.

Ну же!... скажи сестрѣ!... она тебѣ не измѣнитъ.... Назови намъ ту, въ которую ты такъ жестоко влюбленъ!...

АНТОНИЯ.

Ну, да, говорите.... Кто это?

АЛЬБЕРТЬ, послѣ минутной перѣшности, тихо.

Вы!

АНТОНИЯ, вставая съ живостью.

Ахъ, Боже мой!

МАКСИМЪ, озираясь, отъ стола направо.

Ну, что жъ, ты узнала?

АНТОНИЯ, съ живостью.

Нѣтъ!... онъ не говоритъ!

МАКСИМЪ.

Самъ себя врагъ!

АНТОНИЯ, съ возмущеніемъ.

Но мы задерживаемъ ротмистра.... его ждетъ начальникъ отдѣ-
ленія.... тамъ у него важныя дѣла....

АЛЬБЕРТЬ, съ живостью.

Что нужды!

АНТОНИЯ.

Нѣтъ, право!... не надо пропускать случаю!

МАКСИМЪ.

Конечно.

АНТОНИЯ, робко.

А завтра, если братецъ позволить....

МАКСИМЪ.

Что такое?

АНТОНИЯ.

Мнѣ надо будетъ съ вами поговорить.

АЛЬБЕРТЬ, съ волненіемъ.

Возможно ли!

МАКСИМЪ, смѣясь.

Ты хочешь ему сказать все, что думаешь о такомъ его про-
тизаконномъ поступкѣ?...

АНТОНИЯ, ласково.

Да, Максимъ. $\frac{1}{2}$ (Посмотрѣвъ съ живостью на Альберта.) Про-
стите.... (протянувъ ему руку) до завтра!

АЛЬБЕРТЬ, смотря на нее выразительно и
съ надеждою.

До завтра!

Уходитъ съ видомъ ошарашеннаго человѣка.

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

АНТОНИЯ, МАКСИМЪ.

МАКСИМЪ, весело.

Ну, наконецъ мы одни; поговоримте, сестрица, толкомъ!... Это
со мной такъ рѣдко случается!... но если ужъ я разъ приймусь....
(Вполголоса.) Ты получила мое письмо?

АНТОНИЯ, выходя изъ задумчивости.

Да, точно!... я и забыла!

МАКСИМЪ, весело.

Вотъ, какъ ты меня все учишь уму-разуму, да толкуешь про

замужства основательныя, такъ же я для тебя и напелъ нѣчто... удивительное!... (По-секрету.) Онъ здѣсь!

АНТОНІЯ, съ удивленіемъ.

Какъ!

МАКСИМЪ.

Получивъ мое согласіе, онъ пришелъ (показывая на комнату вправо) ходатайствовать о согласіи твоего втораго опекуна, а потомъ о твоёмъ....

АНТОНІЯ, съ живостью.

Что?... какъ!... графъ де-Мариньянъ!

МАКСИМЪ, декламируя.

«Ты изрекла, Сивилла вдохновенна!...»

(Съ жаромъ.) Молодъ, богатъ, уменъ, въ славѣ... пользуется общимъ уваженіемъ....

АНТОНІЯ, холодно.

Общимъ?... Да; литераторы удивляются ему какъ глубокомысленному политику, а политики считаютъ его за великаго литератора; въ обществѣ я всегда находила его холоднымъ, сухимъ, черезъ-чуръ учтивымъ, занятымъ одной только вещью: произведеніемъ эффекта; и одной только особой....

МАКСИМЪ.

Ужъ вѣрно тобой!

АНТОНІЯ.

Ни чуть, а самимъ собою! Эта особа у него — выше всѣхъ и всего, онъ влюбленъ въ нее по-уши! А впрочемъ, онъ мнѣ всё равно: присутствіе его мнѣ не противно и отсутствіе не прискорбно. Отъ его прелестей я — совершенно въ своемъ умѣ, и скажу тебѣ откровенно, что, на мой выборъ, я не взяла бы себѣ такого супруга!

МАКСИМЪ, въ замѣшательствѣ смѣясь.

Ха! ха! ха!... ты стало-быть не раздѣляешь моего энтузіазма?

АНТОНІЯ.

Ни сколько!

МАКСИМЪ, тѣмъ же тономъ.

А если онъ вздумаетъ прійти сейчасъ за твоимъ отвѣтомъ?...

АНТОНІЯ.

Ты попросишь его не приходить.

МАКСИМЪ, тоже.

Какъ хочешь!... сердцу указа нѣтъ. Что жъ касается до моихъ закладныхъ, заемныхъ писемъ, векселей, и другихъ обязательствъ,

подсказанныхъ высканіямъ, то не пугайся.... это своимъ чередомъ.... если моя затѣя удастся, все будетъ заплачено.... а не удастся.... тогда.... расчетъ еще короче!

АНТОНІЯ, посмотрѣвъ на него съ безпокойствомъ.

Что́ это ты хочешь сказать?

МАКСИМЪ, съ принужденной веселостью.

Вотъ видишь ли, сестра: по мнѣ — жить, такъ жить.... пышно, роскошно, въ раздольѣ; а когда нѣтъ осьмидесяти или ста тысячъ для годовыхъ издержекъ, человѣкъ, того и гледи, становится смѣшнымъ; этого я никогда не перевесу: надо хорошо жить или не мѣшаться въ жизнь.... вотъ моя система!

АНТОНІЯ.

Неужели ты говоришь серьезно?... ты!... умный и благородный человѣкъ!

МАКСИМЪ, весело.

Ну, я и докажу это!.... и если я застрѣлюсь....

АНТОНІЯ въ сторону.

Ахъ, Боже мой!.... (съ волненіемъ) Но вѣдь застрѣлившись, ты не заплатишь своихъ долговъ; ты только докажешь, что у тебя нѣтъ ни энергіи, ни мужества, чтобы раздѣлаться съ ними какъ слѣдуетъ.

МАКСИМЪ, съ досадою.

Антонія!....

АНТОНІЯ, съ живостью.

Я знаю, что многіе молодые люди проповѣдуютъ твою систему; они находятъ ее, и легкой, и удобной, и геройской.... А я, какъ толку въ томъ не знаю, такъ просто нахожу, что это нелезость!.... (Видя гнѣвное движеніе Максима). Да! Максимъ! я женщина, но, чтобы спасти твою честь, чтобы сохранить наше имя чистымъ и незапятнаннымъ, ни какая жертва не покажется мнѣ тягостной.... А ты, мужчина, съ талантами, умомъ, образованіемъ, ты не находишь въ себѣ довольно твердости, чтобы трудиться, поправить свое состояніе, опять приобрѣсть уваженіе и почетъ!

МАКСИМЪ, съ нетерпѣніемъ.

Трудиться!.... трудиться!.... другъ мой, это прекрасно!.... въ теоріи!.... но, чтобы поправить состояніе безъ неожиданнаго и богатаго выигрыша, надо много времени!..., а мои кредиторы не станутъ ждать!

АНТОНІЯ, съ волненіемъ.

Да вѣдь ты же говорилъ мнѣ, кажется, что завтра долженъ

ты получить отъ нотаріуса бодѣ милліона за наше жоньешное пораздѣльное имѣніе?

МАКСИМЪ, съ замѣшательствомъ.

Ну, что жъ изъ этого?.... во милости векселей и закладныхъ, моя часть совершенно уничтожена!

АНТОНИА.

Но моя цѣла!... возьми ее! возьми все, что у меня есть!.... зацлати де-Мариньяну, зацлати всѣмъ твоимъ кредиторамъ, и живи! (*Съ твердостью*). Живи!... хоть ддятого чтобы загладить свою прошлую жизнь!

МАКСИМЪ.

Это невозможно!.... это нельзя!.... ты не можешь, и не должна, расподѣлять дядѣмъ.

АНТОНИА.

А если я такъ хочу!

МАКСИМЪ.

Законы не позволяютъ!... и, прежде всѣхъ — я, твой опекунъ!.... Разорвать своихъ кредиторовъ, это — дѣло... но сестру!.... Рѣшительно мое средство лучше, и я держусь его.

АНТОНИА.

Неужели нѣтъ ни какой другой возможности?

МАКСИМЪ.

Ни какой.

АНТОНИА.

А друзья?

МАКСИМЪ.

Друзья!.... Упаси отъ нихъ, Господи! Другъ-то меня и давить! Завтра, сегодня, если захочетъ, онъ можетъ изъ мщенія засадить меня въ тюрьму.

АНТОНИА.

Де-Мариньянъ?... Ахъ, Боже мой!

МАКСИМЪ, съ усмѣшкой.

Ну, да!... онъ затравитъ меня слѣдственными приставами да квартальными, меня, льва первой степени, столбоваго дворянина! Допустить, чтобы въ свѣтъ надо мной насмѣхались, или еще хуже.... сожалѣли обо мнѣ!.... нѣтъ, нѣтъ! я не доставлю имъ этого удовольствія, я твердо рѣшился!

АНТОНИА, съ испугомъ.

Боже милосердый!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

КОРИННА, выходя изъ комнаты, на право; АНТОНІЯ, МАКСИМЪ.

МАКСИМЪ, весело.

А! прелестная Коринна!.... (Громко Антонию) Это совершенно отъ тебя зависть.... можешь отвергнуть или принять де Мариньяна....

КОРИННА.

Какъ! де-Мариньяна?

МАКСИМЪ, также.

Это — какъ ты хочешь!... и что ты рѣшишь, я самъ передамъ ему....

АНТОНІЯ.

Братъ!....

МАКСИМЪ.

А что касается до остальнаго, то не безпокойся!.... не стоить того!

Уходитъ въ лѣвую дверь.

АНТОНІЯ, вѣвъ себя.

И я буду причинкой?...

КОРИННА, взявъ се за руку.

Чего?

АНТОНІЯ, осв бождая свою руку.

Оставь меня!

КОРИННА.

Что же ты хочешь дѣлать?....

АНТОНІЯ.

Принять предложеніе!

Бросается въ лѣвую комнату за бумагомъ.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

КОРИННА, одна, вскрикиваетъ.

Принять предложеніе де-Мариньяна?... О!... онъ хочетъ на ней жениться?... Онъ смѣетъ?... Я не могу прийти въ себя! (Показывая есмль убитъжавшей Антонию). И ей тоже захотѣлось быть графиней!.... Это ужъ ни на что не похоже!... любитъ другаго.... сама сейчасъ мнѣ призналась.... и жертвуетъ честолюбію дружбой и любовью.... Этому не бывать!.... Я не допущу!.... Я выдамъ ее, противъ ея воли, за того, кого она любитъ! (Подходитъ къ столу и кладетъ руку на свои Записки). «Глава четвертая. О томъ, какъ»

«Коринна соединила Альберта съ Антоніей....» (*береть тетрадь и подходит къ краю сцены*) «и какъ она отомстила вѣроломному графу.... вышедши за него за-мужъ.»

Уходить въ правую дверь, и уносить тетради.

=

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Тѣ же декорации.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ДЕГОДЕ входитъ въ лѣвую боковую дверь, а АЛЬБЕРТЪ въ среднія двери.

ДЕГОДЕ.

Это вы, любезный другъ?... такъ рано!

АЛЬБЕРТЪ, оглядываясь кругомъ.

Я всю ночь не могъ заснуть.

ДЕГОДЕ.

Это отчего, позвольте узнать?

АЛЬБЕРТЪ.

Надежда.... мечта.... самъ я не могу ей вѣрить, а рассказать ее другому не смѣю и подавно.... ктому жъ есть одно обстоятельство, которое можетъ вамъ быть неприятнымъ, и я долженъ сообщить объ немъ, чтобъ послѣ вы на меня не сердились. Со вчерашняго дня, я встрѣчаю пропасть людей, которые жмутъ мнѣ руки, осыпаютъ привѣтствіями, говорятъ: «Надѣмся, что вы и въ счастья не забудете своихъ друзей»!... и поздравляютъ меня съ лестнымъ званіемъ вашего зятя. Напрасно я отговариваюсь, увѣряю, что еще не удостоился такой чести: никто не вѣритъ; всѣ принимаютъ мою откровенность за скрытность или осторожность.

ДЕГОДЕ.

Вчера сказалъ я кое-что такое моему пріятелю начальнику отдѣленія: отсюда, вѣроятно, и вышло это недоразумѣніе, которое впрочемъ доказываетъ вамъ справедливость моей системы... а

лишию, что иная крошечная ложь приноситъ болѣе пользы чѣмъ самая крупная истина... Если вы еще въ этомъ сомнѣваетесь, то я же вамъ скажу, что сегодня утромъ мнѣ уже сообщено по-секрету, что мой дочтенный зять ротмистръ произведенъ въ майоры и назначенъ эскадроннымъ командиромъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Я!

ДЕГОДЕ.

Награда по заслугамъ....

АЛЬБЕРТЬ.

Но пожалованная званію вашего зятя, между-тѣмъ какъ она давно слѣдовала мнѣ безъ этого, за мои дѣйствія, за службу, за раны.... Ну, видите, какая несправедливость!...

ДЕГОДЕ.

Вотъ вы еще, пожалуй, станете сердиться да жаловаться?

АЛЬБЕРТЬ.

Непремѣнно!

ДЕГОДЕ.

Эхъ, пустяки! берите чтò даютъ!... чтò вамъ за нужда разбирать, подъ какимъ предлогомъ!

АЛЬБЕРТЬ.

А если послѣ скажутъ, въ укоризну мнѣ, что я достигъ этого интригою и покровительствомъ?

ДЕГОДЕ, пожимая плечами.

Кто же можетъ взвести на васъ такую клевету!...

АЛЬБЕРТЬ.

Ахъ, Боже мой!... такія ли еще нелѣпыя клеветы часто ходятъ по міру!... Вашъ пріятель начальникъ отдѣленія, съ которымъ я сегодня встрѣтился.... человекъ осторожный, потому что со мною не говорилъ обо мнѣ ни слова.... сказывалъ мнѣ, что супругѣ покойнаго моего генерала, мадамъ де-Сентъ-Авд, хотѣлъ опредѣлить прибавку пенсіона, по ходатайству одного вельможи; вы въ самомъ дѣлѣ вчера мнѣ обѣщали пустить въ ходъ, черезъ графа де-Мариньяна, прошеніе....

ДЕГОДЕ.

Которое онъ уже и помѣтилъ собственноручно. Я самъ снесъ эту бумагу къ другу его, директору канцеляріи министра.

АЛЬБЕРТЬ.

Такъ вообразите же, что нѣкоторые, по этому случаю, замѣтили мнѣ съ усмѣшкою: «Его сіятельство, какъ кажется, удостоиваетъ генеральшу де Сентъ-Авд своего особеннаго покровительства, при-

нимасть въ ней тайно живѣйшее участіе....» Я и шепнулъ. Кто, говорю, могъ вамъ сказать такой вздоръ? «Секретарь департамента, отъѣхавъ, а ему говорилъ самъ директоръ канцеляріи всендѣшня министра!...» Разумѣется, я тотчасъ же побѣжалъ въ канцелярію....

ДЕГОДЕ, въ испугъ.

Ахъ, Боже мой!

АЛЬБЕРТЬ, продолжая.

Къ секретарю.... къ директору.... и давай убѣждать ихъ, что генеральшѣ де-Сентъ-Авд пятьдесятъ лѣтъ, что графъ де-Мариньянъ вовсе незнакомъ съ нею.... что онъ даже никогда не видалъ ея....

ДЕГОДЕ.

И вы дали такого промаху?

АЛЬБЕРТЬ,

Какъ же! я совершенно оправдалъ эту почтеннѣйшую женщину!

ДЕГОДЕ.

Вы отняли у ней прибавку пенсіона!

АЛЬБЕРТЬ.

Я?... какъ это образомъ?

ДЕГОДЕ.

Его сіятельство графъ де-Мариньянъ, которому ужасно хочется приобрести какъ можно болѣе друзей, помѣчаетъ, съ своей рекомендаціей, всѣ прошенія не читая. Это извѣстно въ министерствѣ. Такъ чтобы отличить это прошеніе отъ другихъ, чтобы придать ему особенное значеніе, возбудить вниманіе и участіе.... я и шепнулъ секретарю департамента нѣсколько словъ.... съ аккомпаниментомъ улыбки.... такихъ, знаете, словъ, которыми можно толковать различно.... преувеличивать сколько угодно....

АЛЬБЕРТЬ, съ гнѣвомъ.

Такъ у васъ, видно, смертная охота.... непреодолимая страсть.... все преувеличивать!

ДЕГОДЕ, холодно.

Это моя система; единственное средство достигъ чего-нибудь, я, поэтому, видите, я и успѣлъ.... между-тѣмъ какъ вы.... Теперь я не удивляюсь письму, котораго не могъ понять недавно. (По-давая ему письмо) Вы можете объяснить его намъ.

АЛЬБЕРТЬ, смотритъ на него въ волненіи.

«Отъ мадамъ де-Сентъ-Авд?... и адресовано къ вамъ?... (Читая) «Милостивый государь! Я узнала черезъ одного чиновника, слуга-жа вашего по военному министерству, что вы, не зная меня, бла-

«госклонно хлопотали о моемъ дѣлѣ. Скажите, какъ и чѣмъ могу отблагодарить васъ за это. По вашему ходатайству хотѣли назначить мнѣ прибавку пенсіона, какъ вдругъ кто-то.... (я даже не могу этому повѣрить!...) именно, ротмистръ Альбертъ д'Ангрмонъ, человѣкъ облагодѣтельствованный моимъ покойнымъ мужемъ, разрушилъ всѣ ваши старанія. Не моимъ ли что могъ онъ наказать въ министерствѣ *противъ насъ!*... но, только, все благорасположеніе, которое намъ показывали по вашей милости, мгновенно исчезло; и я, въ виду такого гнуснаго поступка, въ виду такой неблагодарности....» (*Не докончивъ письма*). Ахъ, Боже мой! просто, съ ума можно сойти!... И васъ же благодарятъ!... а меня укоряютъ!...

ДЕГОДЕ

Такъ вотъ видите!

АЛЬБЕРТЬ.

Мнѣ ли не чтить памяти моего генерала!... Вѣдь я только защищалъ честь вдовы его!... Бѣгу по-крайней-мѣрѣ разувѣрить ее.

ДЕГОДЕ, останавливая его.

Погодите, почтеннѣйшій; не торопитесь; позвольте передать вамъ приглашеніе графа де-Мариньяна, и мое вмѣстѣ.

АЛЬБЕРТЬ.

Мнѣ?

ДЕГОДЕ.

Какъ стариннаго друга Максиму и его семейству, васъ покорнѣйше просятъ присутствовать сегодня при подписаніи брачнаго договора, имѣющемъ происходить у меня; графъ же де-Мариньянъ льститъ себя надеждою, что вы также не откажетесь отъ славнаго обѣда и пріятнаго вечера, которые даетъ онъ намъ сегодня.

АЛЬБЕРТЬ.

Утромъ договоръ.... вечеромъ обѣдъ!... По какому случаю?

ДЕГОДЕ.

По случаю предстоящаго бракосочетанія дѣвицы Антоніи Деларошъ-Бернаръ, которой я второй опекунъ....

АЛЬБЕРТЬ.

Боже мой! за кого жъ она выходитъ?

ДЕГОДЕ.

За графа де-Мариньяна... Это рѣшилось вчера вечеромъ.... Я и до-сихъ-поръ еще не могу понять, какъ она согласилась... (*Глядя на Альберта, который смѣшался и опирается на кресла*) Ахъ, Господи! что съ вами?

АЛЬБЕРТЬ.

Ничего.... увѣрю васъ, ничего!

ДЕГОДЕ.

Какъ ничего!... вѣдь я вижу!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ТЪ ЖЕ и КОРИННА, входитъ съ правой стороны, держа въ рукахъ тетрадь своихъ Записокъ и читая.

ДЕГОДЕ, увидавъ Коринну подбѣгаетъ къ ней.

Съ нашимъ гостемъ сдѣлалось дурно.... (*Коринна бросаетъ тетрадь на столикъ, стоящій по правую сторону*) пока мы спокойно разговаривали о свадьбѣ Антоніи....

КОРИННА смотритъ на Альберта, который, бросаясь въ кресла, съ лѣвой стороны, подѣ стола, закрываетъ лицо руками.

Очень натурально! онъ любить ее.... обожаетъ....

ДЕГОДЕ.

Такъ это она—предметъ его страсти?... бѣдный молодой человекъ!

КОРИННА, подходитъ къ Альберту.

Что съ вами?

АЛЬБЕРТЬ, обращаясь къ ней.

Благодарю васъ! ничего.... рѣшительно, ничего....

КОРИННА, съ живостью.

Нѣтъ, этому не бывать!... потому что васъ любятъ, я въ томъ увѣрена.

АЛЬБЕРТЬ, вскакивая.

Что вы говорите? можетъ ли это быть?...

ДЕГОДЕ, всторону.

Слава Богу! очнулся.

КОРИННА.

Она сама мнѣ призналась.... Этого мало.... она терпѣть не можетъ жениха своего, графа де-Маривьяна.

АЛЬБЕРТЬ, [а, д, о, с, т, н, о,]

Возможно ли?

ДЕГОДЕ.

Такъ зачѣмъ же....

КОРИННА, съ жаромъ.

Это необъяснимая тайна, которую я объясню... перипетія, романъ, прерваннѣйшая завязка.... Я, дѣйствуя въ моей сферѣ.... хоть бы мнѣ это стоило опасности.... потери добраго имени.... жизни....

ДЕГОДЕ, стараясь успокоить ее.

Коринна!

КОРИННА.

О!... у меня такъ: я сказала!

АЛЬБЕРТЬ, Кориннѣ.

О! благородное сердце!... я оскорбилъ ваше самолюбіе, я отвергнувъ участіе.... вы простили все это.... и, почти не зная меня, предлагаете мнѣ дружбу сестры?.... Ахъ! чтѣ ни говори вамъ батюшка, а на землѣ есть еще благородныя и возвышенныя души!

КОРИННА, воспламеняясь.

Да, есть!... но только между нами!... въ искусствахъ и поэзіи!... О, святая дружба! вдохнови меня! дай средство наказать этого измѣнника.... Мариньяна.... котораго я теперь столько же ненавижу, сколько прежде любила!

ДЕГОДЕ, съ удивленіемъ.

Ты? (*Всторону*). О святая дружба?.... теперь я понимаю!

КОРИННА, съ тѣмъ же жаромъ.

Да, батюшка, да! я такъ была увѣрена въ томъ, что буду графиней!.. вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ это чудовище преслѣдуетъ меня своими изъясненіями.... все стихотворными.... ихъ принимала и читала!

ДЕГОДЕ,

Читала?

КОРИННА.

Да! читала, всё до одного!

ДЕГОДЕ, съ состраданіемъ.

Бѣдвяжка! да какъ же могла повѣрить стихотвореніямъ?... вѣдь ты сама ихъ сочиняешь! Развѣ ты не знаешь, что поэзія — отъявленная врагиня истинѣ?... Это — пусть, визшедшій съ Олимпа!

КОРИННА.

Зачѣмъ же было меня обманывать?... ухаживать за мною?

ДЕГОДЕ.

Опъ не за тобою ухаживалъ, а за твоими безсмертными друзья-

ми, за академиками, да за твоими статьями; съ тѣми онъ встрѣчается и можетъ бесѣдовать въ твоей гостиной; а другихъ боится.

КОРИННА.

О! если такъ, то я же отищу ему за себя!.. въ сегодняшней же книжкѣ толстаго журнала я уже растерзала его съ наслажденіемъ и съ безпристрастіемъ; я разбила его на-повалъ; я уничтожила эту славу, которую онъ намъ же былъ обязанъ. Но этого еще мало: я разстрою его свадьбу!

ДЕГОДЕ, качая головою.

Берегись!..... онъ въ большой силѣ! Люди сильные....

КОРИННА.

Они-то больше всѣхъ и боится!..... имъ страшно паденіе. Ахъ, если бъ только мнѣ узнать, какою хитростью онъ околдовалъ, увлекъ, убѣдилъ Антонію.....

ДЕГОДЕ.

Вотъ и она. Это — мое дѣло!

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

АЛЬБЕРТЪ задумчиво сидитъ въ томъ же положеніи. АНТОНІЯ входитъ въ среднія двери; КОРИННА, ДЕГОДЕ въ отдаленіи.

АНТОНІЯ входитъ, мечтая, и вдругъ при-мѣчаетъ АЛЬБЕРТА; увидѣвъ ее, онъ встаетъ.

Альбертъ?..... Вы здѣсь?!

АЛЬБЕРТЪ.

Вы позволили мнѣ вчера.....

АНТОНІЯ.

Это правда.... но я не думала тогда.... (*увидавъ Дегоде*) Ахъ, мосье Дегоде.....

ДЕГОДЕ.

Мое присутствіе не должно васъ пугать, дитя мое. По закону, я — вашъ защитникъ; такъ говорите; время еще не ушло. И если только правда, что вы выходите противъ вашей воли.....

АНТОНІЯ.

Нѣтъ, я добровольно согласилась. Я обѣщала выйти за графа да Мариньяна.

ДЕГОДЕ.

Между-тѣмъ нѣкоторые увѣряютъ, что вы бы не его выбрали....

АНТОНІЯ.

Можетъ быть.

ДЕГОДЕ.

Даже, что вы его почти не любите.

Какъ это можно!

АНТОНІЯ, въ смущеніи потупляеть глаза.

Да, да!..... она сама мнѣ сказала.

КОРИННА, подходитъ ближе.

Коринна!

АНТОНІЯ, умоляющимъ голосомъ.

Хороша!..... великодушна!..... точно какъ я!

КОРИННА.

Все равно, я дала ему слово, и сдержу.

ДЕГОДЕ.

Позвольте, любезная Антонія: если вы выходите не для того чтобъ составить его или свое счастье, то я долженъ заключить, что вы жертвуете собою для другаго..... Это ясно!.....

АНТОНІЯ, въ замѣшательствѣ.

Помилуйте!

ДЕГОДК.

Я, точно какъ вы, не говорю всего что знаю, и скотичю молчу, чѣмъ разсуждаю. Но, такимъ образомъ, я наблюдаю и часто отгадываю. Можетъ-быть вашъ братъ.....

АНТОНІЯ, съ жаромъ.

Какъ вы это можете говорить?.....

ДЕГОДЕ.

Мишурная эта роскошь обманываетъ всѣхъ, но не меня..... Дерзни его заложены.... не бойтесь!.... я говорю при друзьяхъ. Онъ многимъ долженъ, между прочими и Мариньяну..... Можетъ-быть, онъ долженъ ему еще болѣе того, какъ я полагалъ..... Вы дрожите?

АНТОНІЯ.

Я?

ДЕГОДЕ, взявъ ее за руку.

Я вижу.....

АНТОНІЯ, съ чувствомъ.

Ну, если бы.... это было и правда.... если бъ я и рѣшилась на все..... чтобъ спасти судьбу и жизнь брату.....

ДЕГОДЕ, качая головой.

Жизнь? жизнь?.... Выслушайте меня, Антонія: я знавалъ многихъ модниковъ, львовъ, красавцевъ, у которыхъ, исключая огромнаго наслѣдства, не было другихъ достоинствъ..... Я не о вашемъ братѣ говорю..... Эти моты-философы, ведя разгульную жизнь, говорили: «Коротко да хорошо! послѣ меня хоть провались свѣтъ!...»

« прогуляю состояніе.... а потомъ застрѣлюсь.... » (*холодно*) Имѣете прогуляя, а сами и не застрѣлились!

АНТОНІЯ, всторону.

О, Боже!

ДЕГОДЕ.

Напротивъ, есть философы другой школы.... тѣ согласны жить.... на счетъ другихъ (*Послышно*) Я опять говорю не о вашемъ братѣ. Они обираютъ дѣдушекъ, бабушекъ, матерей.... матерей и сестеръ особенно. Вотъ какъ сочиняется такъ-называемый семейный пуфъ: «Маменька! тетушка! сестрица! дѣло идетъ о моей чести и жизни.... если завтра.... если черезъ часъ.... у меня не будетъ пятнадцать, двадцать, тридцать тысячъ....» болѣе или менѣе, смотря по чувствительности родныхъ.... «вы меня больше не увидите!.... у меня пистолеты.... заряжены....» (*вполголоса и холодно Антонію*) а пистолеты-то у нихъ безъ замковъ!.... но того не знаютъ; волнуются, дрожатъ.... и жертвуютъ всѣмъ! Это мы называемъ иначе — пуфомъ отчаянія.... Прощайте, дорогая! подумайте же хорошенько о томъ, что я сказалъ вамъ. Я иду на Биржу.

Уходить.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

АНТОНІЯ, всторону.

Если это правда.... какая низость!....

КОРИННА, подходя къ ней.

Ну, что.... слышала ты, что говорилъ батюшка?

АНТОНІЯ, съ живостью.

Нѣтъ, невозможно!.... всѣмъ доказывается.... кому жъ, я сама согласилась.... я по собственной волѣ дала слово де-Мариньяну.... и если самъ онъ не возвратитъ мнѣ его....

КОРИННА.

Какъ!.... то есть, если отказъ послѣдуетъ съ его стороны?..

АЛЬБЕРТЬ, съ жаромъ, видя утвердительный знакъ Антоніи.

Я больше ничего и не желаю!

АНТОНІЯ, испугавшись.

Боже мой! что же хотите вы дѣлать?

АЛЬБЕРТЬ.

Сегодня вечеромъ вы будете свободны или я не буду свидѣ-

теломъ при подписаніи вашего свадебнаго акта..... потому что одинъ изъ насъ двухъ долженъ умереть.

АНТОНІЯ, выходя изъ себя-

А я запрещаю вамъ это! я не хочу, чтобъ вы сдѣлали исторію, которая можетъ погубить насъ обоихъ! Я желаю, чтобы, не ссорясь съ братомъ, графъ де Мариньянъ самъ отказался.

КОРИННА.

Отъ этого брака?

АЛЬБЕРТЬ.

Невозможно и надѣяться!

КОРИННА.

Почему невозможно? Надо повскать средства: такъ найдется. Тутъ дѣло касается изобрѣтательности воображенія.... а это по моей части.

АЛЬБЕРТЬ, поспѣшно.

И вы полагаете выдумать....

КОРИННА.

Непремѣнно!

АЛЬБЕРТЬ.

Изобрѣсти новое средство....

КОРИННА.

Нѣтъ, нѣтъ!... новое? какъ можно!... все новое опасно, успѣхъ вылучается только помощью стараго, пошлаго, избитаго. Позволь мнѣ хорошо знать это, а также знать и Мариньяна. Изъ всѣхъ твоихъ добродѣтелей, Антонія, самая важная для него — твое вранное.... и если бъ можно было внушить ему малѣйшее подозрѣніе насчетъ этой твоей великой добродѣтели....

АЛЬБЕРТЬ

Въ самомъ дѣлѣ?

АНТОНІЯ.

Такому тонкому и хитрому человѣку!...

КОРИННА.

Въ томъ то и сила. Но будь твердо увѣрена, что если бъ ты, на твое счастье, лишилась, какнись-нибудь образомъ, всего или хотя части милліона.... которымъ подбиты твои прелести.... то намѣренія благороднаго графа тотчасъ же измѣнились бы существенно, или я совсѣмъ бы отиѣнился. Это всемірная исторія; а также — развязка Молиеровыхъ «Ученыхъ Женщинъ». Для меня это и кстатн.... я вѣдь писательница!

АНТОНІЯ.

Къ несчастію, графа де Мариньяна нельзя назвать Трисоттиномъ.

КОРИННА.

По наружности, да! Форма измѣняется съ вѣкомъ. Нылѣшніе Трисотинны умѣютъ лучше держать себя, придавать себѣ болѣе важности; для люди избирательные.... или даже и по-лучше избирательныхъ; но всё того же десятка. Впрочемъ это — не ваше дѣло. Я сама подумаю о моемъ планѣ.... Оставьте меня одну. (Альберту) Вечеромъ вѣдь мы увидимся?... на этомъ обѣдѣ.... (Антоніи) куда приглашенъ и онъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Я не поѣду!

КОРИННА.

Какъ можно!.... Потѣжайте непремѣнно.

АНТОНІЯ.

Она права.... Прошу васъ не дѣлайте ничего такого... что бы могло подать поводъ къ подозрѣнію или устремить на насъ вниманіе....

КОРИННА, вполголоса.

Да, да!.... Ктому жъ ей очень хочется, чтобъ вы тамъ были. Вы сами видите.

АЛЬБЕРТЬ, съ жаромъ.

Ахъ, если бъ это была правда!

КОРИННА, показывая на Антонію, которая потупляетъ глаза.

Да это правда!.... Ступайте.

АЛЬБЕРТЬ.

А генеральша де-Сентъ Аво? Ахъ! вы заставите меня все за-быть....

КОРИННА, посылая рукою поцѣлуй Антоніи, которая уходитъ въ лѣвыя двери, тогда какъ Альбертъ уходитъ въ среднія.

Прощайте, прощайте!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

КОРИННА, садится за столъ; въ молчалии.

Сколько приключеній! событій!.... не знаю хватитъ ли у меня силъ.... (Пишетъ). «Глава пятая».... (Останавливается). Все-равно!... тутъ есть движеніе, интрига, мщеніе.... какое счастье! «Глава пятая».... гдѣ бишь я остановилась?... (Пишетъ). Сколь-ко хлопотъ! утромъ надо пересговорить съ нашимъ книгопро-

дацца.... къ вечеру нарядиться.... а я хочу сегодня прельщать.... хочу чтобъ всё мною восхищались!.... хочу мучить всёми средствами этого коварнаго человѣка.... вѣтъ!.... этого мало!.... хочу чтобъ онъ страдалъ.... отъ меня.... по мнѣ....

Пишетъ поспѣшно, въ волненіи.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

КОРИННА, продолжаетъ писать. ГРАФЪ ДЕ-МАРИНЬЯНЪ, поспѣшно входитъ въ среднія двери, съ книжкою толстаго журнала въ рукѣ; онъ блѣденъ

ГРАФЪ ДЕ-МАРИНЬЯНЪ.

О! я долженъ узнать что̀ это значитъ!

коринна, увидавъ его, всторону.

Это онъ.... (Положивъ перо и обращаясь къ графу съ любезнымъ видомъ). Вѣрить ли глазамъ?... вы ли это графъ?... такъ рано!

ГРАФЪ, въ волненіи.

Да, милая Коринна.... да! это я, и прихожу.... въ негодованіи.... съ изтерзаннымъ сердцемъ.... спросить васъ, можно ли еще вѣрить дружбѣ.... или это одно только пустое слово, обманчивый звукъ, горькое разочарованіе?...

КОРИННА, вставая.

А я обращаюсь къ вамъ съ тѣмъ же вопросомъ, графъ.

ГРАФЪ.

Ко мнѣ?...

КОРИННА.

Да! къ вамъ! Вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ вы расточаете клятвы въ прозѣ и стихахъ, признанія въ самой вѣрной дружбѣ.... даже болѣе чѣмъ въ дружбѣ.... доверчивой юной дѣвушкѣ, любящему сердцу, восторженному воображенію, которыя такъ легко прельстить, увлечь!... которыя, зажигаясь у алтаря генія и искусствъ, могутъ ошибиться въ лампадѣ.... и, въ то самое время какъ на новой стезѣ, открытой подъ ея ногами.... она полагается.... имѣть право полагаться.... на опору.... я не говорю на руку.... проводника и друга.... вдругъ узнаетъ она, что онъ заковычиваетъ себя въ цѣпи другой.... не посовѣтовавшись... не предупредивъ даже той, чью жизнь онъ обезцвѣтилъ.... Послѣ такого поступка, кому вѣриться?... и чему еще вѣрить, графъ?... развѣ ужъ только безбожью сердца и ничтожеству всёхъ чувствъ!

ГРАФЪ.

Помилуйте!... тутъ чувствительность надо отложить всторону, когда...не дождавшись объясненія...не давъ даже случая объясниться или оправдаться.... позволяютъ нападуть на друзей и терзать тѣхъ, кого бы слѣдовало защищать.

КОРИННА.

Что хотите вы сказать этимъ?

ГРАФЪ.

Да то, что я сейчасъ получилъ послѣдній номеръ журнала, въ которомъ вы участвуете, журнала страшнаго, всѣми читаемаго.... Вы имѣете на него такое сильное вліяніе.... такъ кто бы осмѣлился помѣстить противъ меня подобную статью, если бъ вы не позволили, а можетъ-быть и сами не велѣли, напечатать?...

КОРИННА.

Вы ошибаетесь, графъ.

ГРАФЪ, поспѣшно.

Можетъ ли быть?...

КОРИННА, холодно.

Я сама и написала!

ГРАФЪ.

Какъ!... эти оскорбленія, эту брань, эти горькія насмѣшки.... не только надъ моими сочиненіями.... но и надо мной самимъ.... даже надъ моимъ личнымъ характеромъ!

КОРИННА.

Что жъ дѣлать!... я васъ такъ любила!

ГРАФЪ.

Нападуть на мои политическія и литературныя способности, помрачить мою славу, называть меня шарлатаномъ, фальшивымъ, алчнымъ.... корыстолюбцемъ.... человекомъ, который дѣлаетъ изъ славы предметъ оборотовъ, превращаетъ ее въ товаръ....

КОРИННА.

Я васъ такъ любила!

ГРАФЪ, съ нетерпѣніемъ.

Но всѣ тѣ, которые меня не жалуютъ, станутъ повторять эти клеветы! И какъ согласите вы ихъ съ тѣми похвалами, которыя вчера еще расточили мнѣ въ томъ же журналѣ?... Тутъ все было, умъ, любезность, чувствительность, благородство души, возвышенность характера....

КОРИННА.

Развѣ я звала что писала!... Я васъ такъ любила!..:

ГРАФЪ, съ гнѣвомъ.

Да перестаньте же!...

КОРИННА.

Ктому жъ мысли переменяются.... что нравилось намъ вчера, можетъ не нравиться сегодня.... Да и вы сами, графъ, сегодня отвращаетесь отъ идола, которому вчера еще поклонялись!

ГРАФЪ.

По-крайней-мѣрѣ я не оскорбляю его; не сталкиваю съ жертвенника, не попираю ногами, и обожаніе мое къ нему, что я говорю обожаніе!... фанатизмъ!... всегда беретъ верхъ надъ всеми прочими чувствами.... потому что любовь проходитъ, но талантъ остается.... гевій не погибаетъ.... онъ безсмертенъ! (*Всторону*). И ей же долженъ я льстить!... тогда какъ я ненавижу.... всю жизнь ненавиждь!... ученыхъ женщинъ! (*Громко*). Выслушайте меня, Коринна!...

КОРИННА, садится на правую сторону.

Вы опять станете меня обманывать?

ГРАФЪ

Нѣтъ, не стану. Вы должны узнать заблужденіе, которое меня оглушало.... Я тоже любилъ васъ.... да! васъ, дочь искусства и поэзии; но я думалъ, что эта чистая, небесная, эстетическая душа презираетъ земныя наслажденія.... любовь моя была заветное обожаніе, рай души, святыня; я поклонялся вамъ какъ поклоняются небесному идеалу, святой и непорочной музѣ, которую боялся я оскорбить земными восторгани.... и, будучи увѣренъ, что вы не хотите быть любимой иначе....

КОРИННА, вставая.

Съ чего вы это взяли?

ГРАФЪ.

Если бъ я зналъ.... если бъ могъ только подозревать, что ангельская эта душа не отвергаетъ земныхъ страстей....

КОРИННА, съ живостью.

Право?

ГРАФЪ.

Мы были рождены другъ для друга!... все, казалось, влечетъ насъ другъ къ другу.... тотъ же вкусъ.... тѣ же лѣта.... (*спохватясь*) я хотѣлъ сказать: тѣ же чувства.... одинаковое состояніе.... (*всмущеніи*).... но теперь уже поздно!...

КОРИННА.

Почему поздно?

ГРАФЪ.

Честное слово.... данное другу... священныя обязанности!...

КОРИННА.

Что за священныя обязанности?... объяснитесь.

ГРАФЪ, въ замѣшательствѣ.

Къ сожалѣнiю, не могу.

КОРИННА.

Кто вамъ мѣшаетъ?... говорите! отвѣчайте!...

ЛАКЕЙ, докладывая.

Книгопродавецъ Бувартъ.

ГРАФЪ, послѣжно.

Мой издатель!... вѣрно, ко мнѣ?...

ЛАКЕЙ.

Нѣтъ, ваше сіятельство; онъ желаетъ поговорить съ барышней.

ГРАФЪ.

Эта честная душа, этотъ добрый Бувартъ!... я не хочу лишиться его счастья бесѣдовать съ вами.

КОРИННА, съ досадою.

Вамъ хочется поскорѣй отъ меня отдѣлаться?

ГРАФЪ, съ живостью.

Нѣтъ!... нѣтъ!... я остаюсь... и обожду вашего батюшку... для этого роковаго договора... для счастья, которому я покоряюсь по-неволѣ, все-еще надѣясь на какую-нибудь помѣху...

КОРИННА, съ горечью.

Въ помѣхахъ не будетъ недостатку вашему сіятельству.

ГРАФЪ, подымая къ небу чувствительный и меланхолическій взоръ.

Дай Богъ! дай Богъ!... но все, кажется, покпнуло меня!... и я спрашиваю у васъ, у васъ самихъ, что мнѣ теперь останется?

КОРИННА.

Я!... и мое перо!... О! вы еще не знаете той, которая васъ такъ любила! Она можетъ презирать, ненавидѣть васъ... но покпнуть... никогда!... *(Выходитъ въ лѣвыя двери).*

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

ГРАФЪ одинъ.

C'est Vénus toute entière à sa proie attachée!

Я думалъ обезоружить ее, а теперь вижу, что это — сушая глушность, писателю льститъ этимъ женщинамъ или подлипать къ нимъ! Выгоднѣе гораздо — дѣлать какъ всѣ дѣлаютъ... ненавидѣть ихъ откровенно и безъ отлагательства; потому что если вы послѣ, какъ-нибудь, перестанете за ними волочиться, вы только раздражаете ихъ тщеславіе, самолюбіе, гордость... Онѣ поставятъ это въ обиду себѣ, въ недочетъ по дѣламъ сердца. Олимпъ превра-

тится въ адъ, и муза, ваша союзница, объявить вамъ войну. Да этого мало: всѣ ея поклонники, всѣ ея любовники, становятся вамъ непримиримыми врагами.... конца нѣтъ бѣдѣ!.... Ясно, что эта гостинная, этотъ академическій притонъ, гдѣ обирають честь и славу кандидатовъ, гдѣ готовятъ и рѣшаютъ выборы.... что онъ возстанетъ на меня весь въ одинъ голосъ.... а выборы завтра!.... Перо мамзель Корявы Легодѣ ужъ не пропуститъ такой вѣрной okazji, чтобы подорвать и уничтожить мою славу, и политическую, и литературную.... Слава — вещь такая вѣжная! Самыя прочныя и закоренѣлыя висятъ на волоскѣ: инна сляеть и гремитъ на весь мѣръ.... и вдругъ, глядь, оборвалась!.... иногда отъ одной глупой насмѣшки!... (*Подходя къ столу.*) Что это? я вижу мое имя.... въ этой тетради.... А! еще бранная статейка на меня!... (*Читаетъ*) «Тайныя Записки. Глава пятая. Отчаяніе и смщеніе Корявы. Средства расторгнуть бракъ графа де-Мариньяна, который гонятъ только за приданымъ Антонія. Его стараются увѣрить, какъ въ Молиеровыхъ *Ученыхъ Женщинахъ*, что Антонія всего лишилась.... (*Остановясь.*) Вотъ какъ!.... Переговоры съ братомъ и сестрою, которые не смѣютъ отказать графу, но желаютъ разрыву. Является....» На этомъ она остановилась.... Ну, по-крайней-мѣрѣ, Тайныя Записки, будутъ хоть разъ полезны для раскрытія истины. А! тутъ затѣваютъ заговоръ!.... пуфъ!... Хорошо, что я узналъ во-время. Мнѣ непременно надо какимъ-нибудь способомъ.... какимъ-нибудь противо-пуфемъ.... или контра-пуфомъ.... (*Дверь съ лѣвой стороны открывается; входитъ Антонія.*) Это Антонія.... Какъ она взволнована!.... Ужъ не начинается ли сцена?.... Посмотримъ!....

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

АНТОНІЯ, ГРАФЪ.

Ахъ! это вы, графъ?.... а я въ такомъ безпокойствѣ!

ГРАФЪ.

Отчего?

АНТОНІЯ.

Выдѣли вы сегодня моего брата?

ГРАФЪ.

Не имѣлъ чести.

АНТОНІЯ.

Буварь, вашъ общій съ Коринною книгопродавецъ, сказывалъ вамъ сейчасъ, что онъ встрѣтилъ его, на Вандомской

Площади, въ ту минуту какъ онъ выходилъ отъ нашего нота-
риуса.... Онъ былъ такъ озабоченъ.... такъ взволнованъ.... что по-
чти не видалъ и не слышалъ Буvara, который подошелъ было
и заговорилъ съ нимъ.... Онъ былъ блѣденъ, совершенно раз-
строеныъ....

ГРАФЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

АНТОНІЯ.

Это еще не все.... Я, ту жъ минуту, получила отъ него запис-
ку.... нѣсколько строкъ.... почти не четкихъ.... которыя набро-
салъ онъ, прежде чѣмъ выѣхалъ изъ дому.... Онъ пишетъ, что
ему нельзя заѣхать сегодня поцѣловать меня.... согласно объ-
щанію.... что даже, можетъ-быть.... онъ не будетъ свободенъ....
во времени подписанія брачнаго договора.... и что въ такомъ
случаѣ.... не надо ждать его.

ГРАФЪ, всторону.

Ага! пуфъ!.... Тутъ-то и есть заговоръ!.... поймалъ голубчи-
жовъ!

АНТОНІЯ.

Я ужасно беспокоюсь, графъ! Скажите, ради Бога, скажите,
не знаете ли вы, чтò это значитъ?... чтò могло задержать Максима?

ГРАФЪ.

Я?....

АНТОНІЯ.

Кто-то идетъ!.... Не онъ ли?.... Нѣтъ, нѣтъ, это мой опекутъ.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

ТЪ ЖЕ и ДЕГОДЁ входятъ блѣдный, взволнованный.

АНТОНІЯ.

Ахъ, Господи! какъ онъ блѣденъ!

ГРАФЪ, всторону.

Развѣ и старый скряга тутъ же замѣшанъ?... ну, отецъ Корни-
ны!.... оно естественно!

ДЕГОДЁ, въ смущеніи.

Я радъ, любезная Антонія, что застаю васъ съ графомъ вмѣ-
стѣ и однихъ....

АНТОНІЯ.

Почему это?... И отчего вы такъ взволнованы?... чтò съ вами?

ДЕГОДЁ.

Ничего.

АНТОНІЯ.

Одно слово только. Чтѣ я вамъ говорила сегодня утромъ?...
Мой братъ....

ДЕГОДЕ, представляеть какъ будто прицѣ-
ливается пистолетомъ ко лбу.

Это?... Чтѣ за вздоръ!.. Будьте спокойны.

АНТОНІЯ, вздыхая.

Ахъ! отлегло отъ сердца....

ДЕГОДЕ.

Теперь, другое дѣло. (*Всторону.*) Трудно будетъ приготовить
ее... но понемногу... и съ осторожностью....

ГРАФЪ, не переставая глядѣть на Дегоде.

Гизъ!.. путается въ словахъ.... Дѣло ясное!.. (*Холодно.*) По-
смотримъ, чтѣ далѣе.

ДЕГОДЕ, улыбаясь, съ замѣшательствомъ

Я заходилъ сейчасъ на Биржу.... Уфъ! страсти волнуются! вол-
на въ кипитъ!... зрѣлище великолѣпное.... словно Дантовъ Адъ!.. Всѣ
ваши расчеты, ваше сіятельство, опрокинуты вверхъ-дномъ...
во-первыхъ, тотъ расчетъ, для котораго приказали вы предло-
жить мнѣ виды на полученіе акцій... они теперь ничего не сто-
ятъ.

ГРАФЪ.

Я зналъ объ этомъ еще сегодня утромъ.... Нѣтъ ни какой воз-
можности взять постройку желѣзной дороги по такой цѣнѣ и
на таквхъ условіяхъ.... Это уже было бы, не то чтѣ смѣло... а
просто глупо!..

ДЕГОДЕ, тѣмъ же тономъ.

Кажется, что такъ.

ГРАФЪ.

Всѣ компаніи, всѣ въ одинъ голосъ, откажутся. Это рѣшено
на общей сходкѣ. За неявною никого къ торгамъ, принуждены
будутъ предложить другія условія, по-сходнѣе.

ДЕГОДЕ.

Да! это самая благоразумная мѣра... Но есть такіе люди, такіе
упорѣлыя головы.... такіе смѣльчаки.... между прочими одинъ....
сумасбродъ!.. вѣтренная башка!.. въ отчаяніи, что приходится
отказаться отъ предпріятія, на которомъ онъ былъ увѣренъ
заработать золотыя горы.... потому что даже и на предлагае-
мыхъ условіяхъ находилъ спекуляцію удивительною и просилъ
меня принять пятьдесятъ даровыхъ акцій....

АНТОНІЯ, съ нетерпѣніемъ.

Ну, чтѣ же?

ДЕГОДЕ.

Ну, рискнулъ!... поставилъ все на одну карту... Онъ вѣдь игрокъ!

АНТОНІА.

Боже мой!

ДЕГОДЕ.

И, съ нѣсколькими капиталистами, мало извѣстными, но такими же отчаянными какъ и онъ самъ... побѣждалъ взять подрядъ на свое имя.

ГРАФЪ, насмѣшиво.

Ну, что жъ... раззорится... вотъ и все!...

ДЕГОДЕ.

Это уже навѣрное! Но, прежде чѣмъ взять подрядъ, надо представить залогъ...

ГРАФЪ.

Да еще въ нѣсколько милліоновъ... и тотчасъ же... деньгами или государственными облигаціями...

ДЕГОДЕ.

На его же долю приходилось внести пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ франковъ... А у него ихъ не было!... Безумецъ... не долго думая... взялъ ихъ у нашего нотариуса...

ГРАФЪ, всторону.

Начинаемъ понимать!...

ДЕГОДЕ.

А тамъ было отчасти и приданое сестры его.

ГРАФЪ, всторону.

Вотъ мы и доѣхали!

АНТОНІА, къ Дегодѣ.

Кончайте!

ДЕГОДЕ.

Будучи увѣренъ въ успѣхѣ... онъ и внесъ эту сумму...

ГРАФЪ, тѣмъ же тономъ.

Чудесно!

АНТОНІА, съ живостью.

Такъ что жъ!... никто кромѣ сестры его не имѣетъ тутъ права ни жаловаться ни требовать...

ДЕГОДЕ.

Разумѣется, никто!

АНТОНІА, съ жаромъ.

Такъ въ чемъ же дѣло?

ДЕГОДЕ.

Да дѣло въ томъ, что акціи, которыя, какъ предполагалось,

на Биржѣ покупщики стануть рвать у васъ изъ рукъ, заранѣе упали ниже подписаной цѣны, и оборотъ поступиль въ число неудавшихся; что залогъ или, скорѣе, приданое сестры погибло и пропало.

АНТОНІЯ, съ радостью.

Только это?

ГРАФЪ, восторону.

Все лучшѣ и лучше!

АНТОНІЯ, съ живостью къ Дегодѣ.

Ну, такъ я ни объ чемъ не знаю, ничего не слыхала... и дѣло съ концомъ! Оно останется между нами.

ДЕГОДЕ.

Какъ, между нами?

АНТОНІЯ.

Это мои деньги.... я властна отдать ихъ брату....

ДЕГОДЕ.

Столько пожертвовать!

АНТОНІЯ.

Я еще въ выигрышѣ!...

ДЕГОДЕ, обвиняя ее.

Ахъ! доброе, милое дитя!...

ГРАФЪ, глядя на нихъ про себя.

Айда пуфъ!... мастера надувать!... Нечего сказать, отлично разыграю!

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

ТЪ-ЖЕ, КОРИННА и АЛЬБЕРТЪ, входягь въ среднія двери; за ними БУВАРЪ.

КОРИННА, тихо Альберту, который ведетъ ее подъ руку.

Пустое! не пугайтесь!... Такъ что жъ что нотариусъ пришелъ?... Будьте спокойны. Это еще ничего не доказываетъ.

ДЕГОДЕ, дочери.

Что такое?

КОРИННА.

Нотариусъ пришелъ.

ДЕГОДЕ, съ живостью, и какъ-будто припомяная.

Ахъ, да! точно!

ГРАФЪ.

Нотариусъ?... (Восторону) Теперь моя чередъ!

ДЕГОДЕ.

Мы въ самомъ дѣлѣ назначили ему этотъ часъ.... для поди-
савія.... но теперь, по извѣнчившимся обстоятельствомъ...

КОРИННА И АЛЬБЕРТЬ, съ радостью.

Ахъ, какъ я счастливъ!

ДЕГОДЕ, глядя на Антонію и графа.

Я полагаю.... что онъ не нуженъ.

ГРАФЪ.

Почему жъ такъ и не нуженъ?... Потрудитесь, любезный Бу-
варъ, попросить его сюда.

ДЕГОДЕ.

Какъ!... сюда попросить?

АНТОНІЯ, любезно.

Да! конечно!... чтобъ извиниться передъ нимъ, что мы пона-
прасну его обезпокоили. (*Подходя къ графу*). Я совершенно по-
нимаю, графъ, что, послѣ такого несчастія со мною... намъ не-
возможно и думать о предполагаемомъ союзѣ....

КОРИННА, Альберту.

Что такое?.... что она говорить?....

АНТОНІЯ.

Самая честь обязываетъ меня теперь возвратить вамъ слово,
которое вы мнѣ дали.

АЛЬБЕРТЬ, тихо Кориннѣ.

Я чуть не прыгаю отъ радости!....

Въ это время Буваръ возвращается съ нотариусомъ.

ГРАФЪ, выступая торжественно на сере-
дину сцены.

Господа! горестный, непредвидимый случай.... семейное несча-
стіе.... подробности котораго здѣсь бесполезны.... и я объ нихъ умал-
чиваю.... великое несчастіе, говорю я, постигло мою прекрасную
и благородную невѣсту.... Я узнаю отъ господина Дегодѣ, вто-
раго опекуна несравненной Антоніи, что она вдругъ лишилась
быть-можетъ своего состоянія....

КОРИННА, тихо отцу, съ радостью.

Раззорились!.... bravo!... Антонія, вѣрно, пересказала вамъ мою
идею?.....

ДЕГОДЕ, съ досадою, тихо.

Эхъ, совсѣмъ нѣтъ!

КОРИННА.

Такъ вы сами отъ себя это сочинили?

ДЕГОДЕ, съ удивленіемъ.

Что такое?

коринна, съ восторгомъ, одобрительно.

Ай, хорошо!.... славная штука! Пацаша — прелесть! чудо!

Посылаетъ ему поцѣлуй и подаетъ знакъ молчать.

ГРАФЪ, который во все время исхода при-
сматривалъ за отцомъ и за до-
черью, всторону.

**Они — въ стачкѣ! (Громко, и съ благородствомъ) Господа!... я требую, чтобъ сегодня, ту жъ минутой.... договоръ былъ подписа-
санъ.**

в с ъ.

Возможно ли?

Между-тѣмъ слуги поставили столъ на серединѣ сце-
ны, позади разговаривающихъ.

ГРАФЪ, обращаясь къ нотаріусу и пока-
зывая на столъ.

**Сдѣлайте милость, садитесь. Я желаю доказать тѣмъ, кто.....
можетъ-быть дурию обо мнѣ думалъ..... (поглядывая на Коринну)
что состояніе..... богатство..... для меня ровно ничего, а честь,
данное слово — всё.....**

БУВАРЪ, крича.

**Да это чудесно! баснословно! невообразимо!.... Да это крайняя
степень высокаго и прекраснаго!.... (Кориннѣ) Не правда ли.....
что у этого человѣка..... всѣ великія мысли вылетаютъ прямо изъ
сердца?....**

КОРИННА, всторону.

Свѣтъ вверхъ-дномъ! Ума не приложу!....

БУВАРЪ.

Завтра же весь Парижъ объ этомъ узнаетъ!

АЛЬВЕРТЬ.

**Ахъ! а для меня уже нѣтъ и надежды!.... (Глядя на графа) Но....
со стороны его..... это прекрасная.... благородная черта!... (Къ Де-
годе) И вы, не вѣрили ничему такому.....**

ДЕГОДЕ, вполголоса.

**Я и теперь еще не вѣрю, хотя самъ видѣлъ и слышалъ.... Не
знаю почему, но мнѣ кажется, что онъ все-таки не подпишетъ.**

АЛЬВЕРТЬ, показывая на графа, который
подписался и подаетъ перо Ан-
тоніи.

Ну, что?.... чтò вы на это скажете?....

ДЕГОДЕ, съ нетерпѣніемъ.

Я скажу.... я скажу..... (глядя на дочь и на графа), что ужъ

рѣшительно ничего я тутъ не понимаю.... что тутъ, навѣрное, дѣйствуютъ и содержатъ насъ въ туманѣ, чары какого-то страшнаго, огромнаго пуфа..... Пуфъ пуфомъ!..... и ничего больше какъ пуфъ!.....

КОРИННА.

Внесенный въ маклерскія книги и засвидѣтельствованный нотариусомъ!

Антонія взявъ перо, дрожить, колеблется, потомъ подписываетъ. Коринна, почти бездыханная, падаетъ въ кресла. Альбертъ закрываетъ лицо руками. Графъ потираетъ руки. Дегаде наблюдаетъ за всеми съ недоувѣрчивостью. Буваръ, въ высокопарномъ восторгѣ, подымаетъ руки къ небу. Занавѣсъ опускается.

=

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Богато убранная зала въ домѣ графа де-Мариньяна, въ глубинѣ дверь; по сторонамъ двое боковыхъ дверей; два дивана, одинъ на право, передъ каминомъ, другой на лѣво, близъ стола.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ГРАФЪ сидитъ на лѣвомъ диванѣ, БУВАРЬ стоитъ подлѣ него.

БУВАРЬ.

Да, ваше сіятельство, эффектъ удивительный! симпатическій! всемірный! Я самъ, до-сихъ поръ, взволнованъ, растроганъ.... Я рассказываю это вездѣ, со слезами на глазахъ.... зато какое ужъ вамъ торжество!... слава безсмертія по женскому департаменту!

ГРАФЪ.

Право?

БУВАРЬ.

Во всѣхъ гостинныхъ.... во всѣхъ будоарахъ, даже въ дѣвичьихъ, только и рѣчи что о вашемъ чудномъ, великолѣпномъ поступкѣ.... о вашемъ геройскомъ безкорыстіи.... тѣмъ болѣе удивительномъ, что вѣкъ нашъ не привыкъ къ этому... а нынче особенно восхищаются всѣмъ что странно и необыкновенно.

ГРАФЪ, вставая.

Оно напротивъ естественно!... Я, просто, послѣдовалъ совѣту моей души.... покорился.... голосу совѣсти.... порыву моего сердца!

БУВАРЬ.

Ахъ! ваше сіятельство!

ГРАФЪ, вполголоса, и перемѣняя тонъ.

Надо однако позаботиться, чтобъ газеты проболтались объ этомъ.... Для начала, пустить только однѣ заглавныя буквы.... «Приписываютъ его сіятельству графу М***...» три звѣздочки.... а тамъ.... завтра.... и полное нѣя.... прописью.... нескромность, на которую мы станемъ жаловаться.

БУВАРЬ, улыбался.

Будьте спокойны.... не въ первый разъ!... притомъ же всѣ подробности мнѣ извѣстны: вѣдь я тамъ былъ.... Оно ужъ и сдѣлано. Статейка написана.

ГРАФЪ, съ живостью.

Написана?... ты написалъ?... Мой добрый Буварь! Но, я боюсь, былъ ли ты довольно умѣренъ въ выраженіяхъ?

БУВАРЬ.

Умѣренъ какъ книгопродавецъ.... какъ издатель, который подбиваетъ курсъ на своего автора... Смѣю увѣрить, статейка преисполненная чувства.... и будетъ напечатана въ видномъ мѣстѣ... въ одной изъ самыхъ крупныхъ газетъ. Скоро принесутъ корректуру: я представлю ее вамъ. Ваше сіятельство! намъ непременно надовали купить хорошій журналъ, или завести новый. Иначе безъ своего журнала нельзя быть великимъ человѣкомъ. Посмотрите на нашихъ геніевъ: каждый паритъ подъ сблала на своемъ собственномъ журналѣ. Свой безпристрастный судья всегда какъ-то лучше и вѣрнѣе отдаетъ вамъ справедливость. У Коринны Дегоды есть свои журналы.... а когда у насъ будутъ свои, такъ что она ни дѣлай, вы будете и членомъ Французской Академіи, и посланникомъ, и....

ГРАФЪ.

Такъ ты думаешь, что я-таки имѣю нѣкоторое право....

БУВАРЬ.

На академическія кресла!... Боже мой, да! имѣете право даже на Монтионовскую премію.... за самую образцовую добродѣтель явленную втеченіи года.... Какъ не имѣть права, когда.... энтузіазмъ къ вамъ въ самомъ разгарѣ.... Мы не пойдемъ никогда минуты, болѣе удобной для распродажи.... Я вѣдь уже выпустилъ вашу вторую часть!...

ГРАФЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

БУВАРЬ.

Да, пустилъ съ шумомъ и трескомъ какъ бомбу.... и принесъ

вамъ экземплярчикъ на веленовой бумагѣ, съ картинками, вѣнзетками и разными прочими. Завтра мы печатаемъ, что ире-долженіи для у насъ расхватали двадцать тысячь экземпляровъ, и послѣ завтра я объявлю второе изданіе.... оно готово!

ГРАФЪ.

И прекрасно!

БУВАРЬ.

Теперь бы надо заняться третьимъ томомъ.

ГРАФЪ.

Объ этомъ я подумаю.... Какъ жаль, что этотъ генералъ.... де-Сентъ-Авд.... оставилъ только двѣ части своихъ Записокъ!

БУВАРЬ.

Остановиться вдругъ на Дурской битвѣ... на такомъ патети-ческомъ.... интересномъ мѣстѣ.... этого невозможно!

ГРАФЪ.

Ты навѣрное знаешь, что не было третьей части?

БУВАРЬ.

Еще бы! Я давно бы продалъ ее вашему сіятельству за два-дцать-тысячь франковъ.... за ту же цѣну какъ двѣ первыя части... онѣ стоили этихъ денегъ. Но я посмотрю.... пощю другихъ тайныхъ и незаданныхъ Записокъ: ихъ теперь бездна!... (*Вполголоса*). А неуждно ли вашему сіятельству Записокъ Коринны Дегоде... она предлагаетъ мнѣ купить ихъ.... Замогильныя Записки... съ условіемъ придумать какойнибудь предлогъ. для того чтобъ онѣ явились въ свѣтъ.... противъ ея воли.... при ея жизни.

ГРАФЪ.

Записки Коринны? Нѣтъ! нѣтъ!... не надо! не хочу! ужъ и того слишкомъ, что она сегодня должна здѣсь обѣдать.

БУВАРЬ.

Она будетъ здѣсь?

ГРАФЪ.

Нечего было дѣлать!... Отецъ ея опекунъ моей невѣсты... А какъ это неприятно видѣть свидѣтелини своего счастья... друзей, съ которыми уже находились въ разладѣ!

СЛУГА, докладываетъ.

Господа Дегоде!... отецъ съ дочерью.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ТѢ же, КОРИННА и ДЕГОДЕ съ киною бумагъ подъ мышкою.

ГРАФЪ.

А! вотъ они!... милые друзья мои!... Какъ я радъ васъ ви-

гѣтъ!... Я только-что объ васъ думалъ!... Благодарю, что вы явились первые.... (Бувару, который собирается уйти). Ты вѣдь съ нами останешься, Буваръ? Я ждалъ и тебя въ числѣ гостей.

БУВАРЬ, кланяясь.

Много чести, ваше сіятельство!

ДЕГОДЕ.

Мы, по примѣру прочихъ, спѣшимъ принести вамъ дань нашего справедливаго удивленія. Вы сдѣлались героемъ настоящаго времени.

БУВАРЬ, тихо граю.

Ну что я вамъ говорилъ?

КОРИННА, въ сторону.

Нѣтъ, я никогда не свыкнусь съ мыслью, что онъ вправду... безъ хитрости герой!... развѣ ужъ бросился въ геройскіе подвиги впрочью для того чтобъ взбѣсить меня!...

ДЕГОДЕ.

Ты знаешь, Коринна, что до пріѣзду нашихъ друзей мнѣ нужно переговорить съ графомъ?

КОРИННА.

Я оставляю васъ, батюшка, и пойду къ гостиную ждать дамъ.

БУВАРЬ.

Если позволите, сударыня, мнѣ идти за вами.... (Подаетъ ей руку), то мы поговоримъ о Замогильныхъ Запискахъ!

Выходить съ Коринною въ правыя двери.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ГРАФЪ и ДЕГОДЕ.

ГРАФЪ, смотритъ съ усмѣшкою на Дегоде, всторону.

Я кончаю, въ какомъ онъ долженъ быть замѣнательствѣ и угадываю цѣль этой бесѣды.... Теперь ему приходится, хотя нехота, признаться въ своей хитрости.... (Важно.) Но у меня для этого есть готовая сцена негодованія.... нуѣ своего роду....

ДЕГОДЕ, помолчавъ, подходитъ къ графу.

Я думаю, графъ, что въ такихъ непріятныхъ обстоятельствахъ вы сами чувствуете необходимость заблаговременно привести въ ясность и принять дѣла. Максимъ не будетъ къ обѣду.

ГРАФЪ, приглашаетъ Дегоде знакомъ сѣсть на диванъ и самъ садится подлѣ него.

Въ самомъ дѣлѣ?

ДЕГОДЕ.

Ему не остается ничего.... какъ уѣхать тотчасъ же изъ Парижа....

ГРАФЪ, улыбаясь.

Зачѣмъ?... Отъ должниковъ что-ли, или по причинѣ потери на биржѣ?... Онъ давно знаетъ, что....

ДЕГОДЕ.

Да! конечно! онъ знаетъ самъ.... что потерять все свое.... еще позволительно.... но потерять состояніе сестры.... сестры, которую его такъ любить....

ГРАФЪ, всторону.

Ужъ не намѣренъ ли онъ что-то новое зачать?... или это — продолженіе его прежней шутки?

ДЕГОДЕ.

А впрочемъ.... прошедшаго не воротить.... не станемте объ этомъ говорить!

ГРАФЪ.

Признаться, это самое умное рѣшеніе.

ДЕГОДЕ.

Вы совершенно правы, графъ.... такъ приступайте къ дѣлу. Вы понимаете, что промотавъ имѣніе сестры, онъ не можетъ оставаться ея опекуномъ.

ГРАФЪ, всторону.

Опять!....

ДЕГОДЕ.

Слѣдовало бы, по-настоящему, преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ.... Но Антонія настаиваетъ.... чтобы ему дана была на все квитанція.

ГРАФЪ, съ нетерпѣніемъ.

Эхъ! Боже мой! Это, право, нестерпимо!

ДЕГОДЕ.

Что съ вами?

ГРАФЪ, успокоиваясь.

Ничего.

ДЕГОДЕ.

Такъ тогда.... мнѣ, какъ второму опекуну, нужно условиться съ вами на этотъ счетъ.... За отсутствіемъ ея брата.... я долженъ отдать вамъ отчетъ въ дѣлахъ опеки. Я взялъ у нотариуса.... всѣ бумаги.... до этого касающіеся.... вы разсмотрите ихъ на досугъ.

ГРАФЪ, принуждая себя улыбнуться.

Очень хорошо.... очень хорошо.... Ну, теперь будете говорить серьезно.

ДЕГОДЕ.

Да я говорю вамъ очень серьезно.... вы увидите это изъ бумагу; тутъ все находится.... (Подаетъ бумаги) за исключеніемъ шестисотъ тысячъ франковъ Антоніи, которыя следовало ей получить по слову чести изъ продажи Люмиема....

ГРАФЪ.

Что это вы говорите?

ДЕГОДЕ.

Я говорю, что ихъ нѣтъ. Но они значатся въ роспискѣ викарета Мажена Деларонъ-Бернара ... брата и перваго опекуна....

ГРАФЪ, пробѣгая глазами бумаги.

Возможно ли?....

ДЕГОДЕ.

И еще въ квитанціи казначея департамента Путей Сообщенія во износѣ нѣтъ этой суммы отъ своего имени въ видѣ залога къ торгамъ на желѣзную дорогу. ..

ГРАФЪ, прѣсматривая бумаги.

Подлинное!.... его собственноручная подпись....

ДЕГОДЕ.

Въ полученіи банковыми билетами означенной суммы шестьсотъ тысячъ франковъ.

ГРАФЪ, вскрикиваетъ, дрожа отъ бѣшенства.

Какъ?.... такъ это правда?....

ДЕГОДЕ, съ живостью.

Неужели вы сомнѣвались прежде въ истинѣ того, что я имѣлъ честь....

ГРАФЪ, опомнясь, поспѣшиваетъ.

Я?.... О! нѣтъ, нѣтъ!.... нисколько!.... я никогда не сомнѣвался....

ДЕГОДЕ.

Такъ чему же вы теперь удивляетесь?

ГРАФЪ, въ сильномъ замѣчательствѣ, продолжая разбирать бумаги.

Ну, братецъ!.... нечего сказать!... ну, хорошъ опекунъ!... чѣмъ дальше гляжу.... по мѣрѣ того какъ.... я.... вижу въ эти бумаги....

ДЕГОДЕ.

Негодование ваше возрастаетъ?

ГРАФЪ, читая квитанцію.

Въ самомъ дѣлѣ квитанція!.... шестьсотъ тысячъ франковъ!.... да знаете ли.... вѣдь это, просто, ужасъ!....

ДЕГОДЕ.

Не спорю.... на этотъ счетъ.... всѣ мы одного съ вами мнѣнія.... къ-несчастью, то что я нигдѣ честь вамъ докладывать, была су- щая правда....

ГРАФЪ, всторону, въ волненіи.

Правда?.... и я позволилъ надуть себя такъ жестоко?.... Это западня!.... Это низкій обманъ!....

ДЕГОДЕ, вематриваясь въ него.

Да что съ вами?

ГРАФЪ, глядя на Дегоде и стараясь оправ- даться.

Со мной?.... ничего!.... увѣрю васъ, ничего.... Но вы сами по- стигаете.... (*показывая бумаги*) смущеніе.... испугъ.... и.... какъ прекрасно сказали.... негодование честнаго человѣка....

ДЕГОДЕ, качая головою и смотря на гра- фа. Всторону.

Ну, такъ и вышло, какъ я говорилъ.... Это былъ пучокъ.... не- понятный.... непонятный.... но все-таки пучокъ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТѢ ЖЕ. БУВАРЬ входитъ въ среднія двери.

БУВАРЬ, зопеть.

Москѣ Дегоде!... москѣ Дегоде!...

ДЕГОДЕ, съ нетерпѣніемъ.

Да что тамъ такое?

БУВАРЬ.

Я хотѣлъ сбѣгать самъ въ типографію за корректурою для его сіятельства.... выхожу на улицу, какая-то карета остановилась у подъѣзду.... въ каретѣ сидитъ какой-то господинъ.... плотно за- кутавшійся въ плащъ.... увидавъ меня, онъ спустилъ стекло.... Это былъ виконтъ Деларошъ-Бернаръ....

ДЕГОДЕ.

Да точно ли онъ?

БУВАРЬ.

Онъ самъ!

ДЕГОДЕ.

Чего же онъ хотѣлъ?

БУВАРЬ.

Сказать вамъ нѣсколько словъ.... немедленно!... вся судьба его, говорить, отъ этого зависеть.

ДЕГОДЕ, всторону.

Ужъ не драматическая ли какая сцена?... Во-первыхъ, я не вѣрю такимъ штукамъ.... а во вторыхъ, если онъ вздумалъ занять у меня денегъ.... то весьма ошибается.... и денегъ у меня нѣтъ.... и притомъ я скупецъ!... этого не надо забывать! Позвольте сходить къ нему. Я сейчасъ возвращусь.

Уходитъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ГРАФЪ бросается на диванъ. БУВАРЬ.

БУВАРЬ, съ газетной корректурой въ рукъ,
стоитъ за диваномъ графа.

Къ-счастію, тутъ и подошелъ съ корректурой.... вотъ наша статейка, которою, я думаю, вы будете довольны.... Впрочемъ, вѣдь это только корректура и если вы найдете, что въ энтузіазмъ кое-что забыто.... можно еще переправить.... (*Глядя на графа, погруженнаго въ размышленіе.*) Его сіятельство ничего не слышитъ!

ГРАФЪ, проводя рукою по лбу.

Прости, любезный Буварь! Меня поразило одно неожиданное обстоятельство....

БУВАРЬ.

Непріятное?

ГРАФЪ, вздрогнувъ.

Чрезвычайно!

БУВАРЬ.

Такъ, можетъ-быть, это чтеніе васъ успокоитъ. (*Читаетъ съ напыщенностью; графъ сидитъ въ раздумь и не слушаетъ.*) «Въ большомъ свѣтѣ всѣ на перерывъ пересказываютъ другъ другу въ эту минуту необыкновенно благородную, деликатную и самую высокую черту безкорыстія, которую приписываютъ одному вельможѣ, знаменитому писателю и государственному мужу. Старанія родныхъ и друзей уладили союзъ между нимъ и одною изъ богатѣйшихъ вѣвъ Франціи....

ГРАФЪ, всторону.

Шестьсотъ тысячъ франковъ!... которыя я надѣялся получить!...

БУВАРЬ, продолжая читать,

«При подписании брачного условия вдруг оказывается, что его «дарственная неожиданно лишилась всего своего содержания....

ГРАФЪ, в сторону.

Кто бы подумалъ, чтобъ это была правда!...

БУВАРЬ, продолжая.

«Всѣ, и даже самая нечѣста, были увѣрены, что предлагаемый «союзъ тѣмъ самымъ разотроенъ. Но великодушная рука даже и «не содрогнулась. Выслушавъ голосу благороднаго сердца и чести... «онъ подписываетъ договоръ....

ГРАФЪ, в сторону.

Впрочемъ.... чѣмъ же я тутъ обязанъ непремѣнно сдержать слово?....

БУВАРЬ.

«Подписываетъ охотно, безъ малѣйшаго сожалѣнія, не колеблясь, имя которое мы не хотимъ прописывать.... но которое «слава, литература, искусство уже давно указали всеобщему уваженію и удивленію....

ГРАФЪ, въ петербургъ встаетъ.

Ну, что жъ!... пусть себя говорятъ!... пусть говорятъ что угодно!... мнѣ все-равно!...

БУВАРЬ, наипачему и громко

«Мы останавливаемся. Вѣроятно, всѣ уже отгадали, что мы «говоримъ о графѣ де-М***.... три звѣздочки.... (пониживъ голосъ) «исключительное произведеніе котораго только-что поступило въ продажу.... въ книжномъ магазинѣ Наполеона Буvara, книгопродавца-«издателя, на Малакской Набережной, въ домѣ подъ номеромъ «тридцать-шестымъ.» (Графу, который ходитъ по залѣ въ «салонѣ.) Кажется.... не дурно!... тутъ все такъ подведено, что покрывало безъимянности прозрачно какъ стекло.... ошибиться ужъ нельзя!

ГРАФЪ, въ волненіи.

Хорошо!.... очень хорошо!.... благодарю, любезный Буварь.... хоть, признаться, я почти ничего не слышалъ..... я такъ озабоченъ теперь!....

БУВАРЬ.

Развѣ случилось какое несчастіе?

ГРАФЪ.

Ужасное!

БУВАРЬ.

Которое, можетъ-быть, преувеличено или недостоверно.... (Скла-

дѣла *корректуру*.) Нѣтъ, всѣмъ дѣнь разсказываютъ и печтѣть столько вздоровъ....

ГРАФЪ.

Нѣтъ, это слишкомъ достоѣрно.... (*Вполголоса*.) Такъ знай же, что нашъ виконтъ Максимъ Деларонъ Бернаръ раззорился вухъ!

БУВАРЬ.

Ну, что жь?... вѣдь вы это знали!...

ГРАФЪ.

Разумѣется зналъ!... давно зналъ!... и даже не сомнѣвался, что и мои сто тысячъ франковъ тутъ пропали. Было однако жь средство спасти ихъ.... съ большимъ барышомъ.... До него-то собственно мнѣ дѣла нѣтъ. Но сестра его....

БУВАРЬ.

Ну, съ?

ГРАФЪ, вполголоса, схвативъ Буvara сильно за руку.

Ну! онъ похитилъ у нея шестьсотъ тысячъ франковъ!

БУВАРЬ.

да вѣдь и это извѣстно!... (*Показывая на корректуру*.) Навѣрно.... вотъ въ этой статьѣ!

ГРАФЪ, который все-еще держитъ книгу бумагъ.

Да нѣтъ! нето!... тамъ другое!... а это вѣдь — въ самомъ дѣлѣ.... Посмотри лучше самъ.... шестьсотъ тысячъ франковъ!... которыхъ я теряю....

БУВАРЬ.

Охотно! безъ малѣйшаго сожалѣнiя!... Я это и сказалъ.... въ томъ-то и состоитъ деликатность.... возвышенность.... благородство....

ГРАФЪ, съ досадою.

Совсѣмъ нѣтъ!... это, напротивъ, подлость, низость.... потому что.... вотъ видишь ли?... меня обманули.... мерзко, гнусно обманули....

БУВАРЬ, съ живостью.

Обманули?... Такъ у нея эти деньги не пропадали?... у нея еще есть состоянiе?....

ГРАФЪ, съ нетерпѣнiемъ.

Да нѣтъ!

БУВАРЬ.

Въ такомъ случаѣ статья остается.

ГРАФЪ удерживая Бувара, который хочет уйти.

Нѣтъ, нѣтъ!... постой!... куда ты?... смотри, не печатай ея!

БУВАРЬ.

Зачѣмъ?

ГРАФЪ.

Послѣ скажу.... (*Прохаживаясь*) Я теперь такъ разстроюсь.... что не знаю еще на чтѣ рѣшиться... нето чтобы я почиталъ себя связаннымъ.... меня обманули.... надули.... тутъ произошла ошибка!... слѣдственно я ни к чему не обязанъ.... и ниѣмъ право отказаться!...

БУВАРЬ, съ удивленіемъ.

Отказаться отъ брака?

ГРАФЪ.

Ну, да! разумѣется! Да какъ отказаться?... послѣ такой, огласки, происшедшей отъ этого проклятаго великодушія.... Надо же мнѣ было подниматься на великодушіе!... да вотъ каковъ я всегда!... увлекаюсь первымъ движеніемъ.... а теперь какъ, прошу, отказаться не оскорбивъ приличій?... тѣмъ болѣе, что противъ этой дѣвушки нечего сказать... Но ея родные.... подлець братъ.... Поступокъ его такъ отвратителенъ, противозаконенъ..... безчестенъ.... (*Садится за столъ и пишетъ.*) Ну! пусть ихъ судятъ чтѣ хотятъ.... а честь — прежде всего; съ честью нельзя торговаться.... (*Пишетъ.*) Именно!... нѣсколько эффектныхъ фразъ.... потому что письмо это вѣрно будетъ всѣми читано....

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

ГРАФЪ у стола по лѣвую сторону. БУВАРЬ на серединѣ сцены. КОРИННА входитъ съ правой стороны.

КОРИННА, восторону.

Женщины, которыя говорятъ только о модахъ и нарядахъ.... и находятъ въ этомъ удовольствіе!... право, чувствуешь себя униженной.... красишь за полъ свой.... (*Увидавъ графа.*) А! графъ пишетъ?

БУВАРЬ, вполголоса.

Тсъ!... не мѣшайте ему.... онъ что-то сочиняетъ. Онъ былъ сейчасъ такъ встревоженъ.... но теперь спокоенъ.... съ-тѣхъ-поръ какъ рѣшился....

КОРИННА.

Digitized by Google

На чтѣ рѣшился?

БУВАРЪ.

Рѣшился отказаться отъ этого брака.

КОРИННА.

Отъ брака съ Антоніей?...

БУВАРЪ.

Именно! Онъ сочиняетъ письмо, которымъ учтиво уклоняется отъ руки дѣвицы Антоніи Делароншъ-Бернаръ.

КОРИННА вскрикиваетъ отъ радости.

Ахъ!... (*Подбѣгая къ графу.*) Возможно ли это?

ГРАФЪ.

Я нишу къ виконту Максиму.

КОРИННА.

Такъ это правда, что вы мнѣ говорили сегодня утромъ?

ГРАФЪ, съ чувствомъ.

Вы никогда не хотѣли мнѣ вѣрить!... мнѣ и нечего вамъ отвѣчать.... Но.... прійдетъ время.... когда-нибудь увидать, съ чьей стороны была истинная, чистосердечная привязанность.... Я не обманываю себя.... я знаю, что подвергаюсь насмѣшкамъ.... Но.... дѣлай что должно, а тамъ что Богъ дастъ.... это — мое правило; и если кто-либо вздумаетъ укорять меня зато, что я не сдержалъ своего обѣщанія....

КОРИННА.

Только не Антонія.... божусь вамъ!... напротивъ!... она будетъ вамъ благодарна... будетъ вамъ обязана своимъ счастьемъ.

ГРАФЪ.

Что вы говорите?

КОРИННА.

Да то, что она любитъ другаго!

ГРАФЪ.

Вы это знаете навѣрное?

КОРИННА.

Клянусь вамъ!

ГРАФЪ, подбѣгая къ ней.

Ахъ, Коринна!... Коринна!... вы спасли мнѣ жизнь.... вы — моя благодѣтельница.... покровительница.... ангелъ-хранитель!...

КОРИННА.

Такая радость!... такой восторгъ!... Значить, я васъ не знала?

ГРАФЪ.

Ахъ! не вы оди!... (*Всторону.*) А! она любитъ другаго?... какое счастье!... этотъ предлогъ гораздо лучше перваго.... тотъ былъ

менного опасный.... (Подбѣгаетъ къ столу, рветъ письмо и начиняетъ другое.) «Милостивая графиня!»

КОРИННА.

Что вы дѣлаете?

ГРАФЪ.

У нея уже была склонность къ другому.... и вы мнѣ этого не сказали!... Ахъ! жестокий другъ!... отъ сколькихъ мученій вы бы всѣхъ насъ избавили!...

КОРИННА.

Такъ это рѣшительно.... правда?... такъ я должна вѣрить?...

ГРАФЪ, поднимая глаза къ небу.

Еще сомнѣвается!... (Пишетъ въ альбемъ.) «Милостивая графиня! Я доказалъ вамъ и вашему брату.... что величайшее самопожертвованіе мнѣ ничего не стоитъ....»

БУВАРЬ.

Это правда!

ГРАФЪ.

«Но есть жертвы, къ которымъ я не способенъ. Убить ваше счастье у алтара моего личнаго блаженства было бы дѣломъ недостойнымъ меня, безчестнымъ. Я узнаю за достовѣрное, что... оувы!... ваше сердце бьется страстью къ другому....»

БУВАРЬ, стои подлѣ графа, утираетъ слезу.

Удивительно!... величественно!... и кстати: статейка можетъ остаться.... нужно лишь измѣнить нѣсколько словъ....

КОРИННА, радостно, восторону.

Наконецъ!... такъ наша взяла!... (Увидавъ Альберта, который появляется въ дверяхъ.) Ахъ!... Альбертъ! подите сюда!...

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

ГРАФЪ, у стола. БУВАРЬ, подлѣ него. АЛЬБЕРТЪ, КОРИННА.

КОРИННА, подходитъ къ Альберту.

Подите! подите скорѣ!... Все идетъ какъ нельзя лучше:

АЛЬБЕРТЪ, въ волненіи.

Надѣюсь!... вашъ батюшка.... Я былъ у него.... но мнѣ сказали, что онъ здѣсь....

БУВАРЬ.

Онъ былъ здѣсь... четверть часа тому назадъ....

АЛЬБЕРТЪ.

Не знаете-ли, гдѣ онъ теперь?

КОРИННА.

Да что вамъ до него?... Боже мой! у васъ такой тревожный видъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Мнѣ надо переговорить съ нимъ.... отъ имени Максима.... который тоже поскакалъ отъискивать его....

БУВАРЬ.

Не спокойтесь!... онъ уже съ нимъ видѣлся.

АЛЬБЕРТЬ.

Навѣрное?

БУВАРЬ.

Они сейчасъ поѣхали вмѣстѣ.... въ каретѣ виконта....

АЛЬБЕРТЬ.

Ну, слава Богу! Я могу отвести духъ.... порученіе мое кончено....

КОРИННА.

Такъ вы видѣлись съ этимъ бѣднымъ Максимомъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Онъ? бѣдный!... хорошъ бѣдный!... теперь онъ ужъ не тотъ!

КОРИННА.

Что вы говорите?...

ГРАФЪ, перестаетъ писать и слушаетъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Передъ концомъ биржи.... за кулисами.... между биржевыми игроками распространился слухъ.... что вашъ батюшка.... известный капиталистъ.... богачъ.... дѣлецъ....

КОРИННА.

Скупецъ.... Ну, ну!... по титулъ! Титулъ известенъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Что вашъ батюшка, который никогда не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла такого роду.... сдѣлался главнымъ распорядителемъ новой желѣзной дороги.... что онъ лично правитъ компанію, что Максимъ-Бернаръ подставное имя, а настоящій хозяинъ и душа предприятия Дегоде, который удержавъ за собою огромную массу акцій, скупаетъ и всѣ остальные ниже первоначальной, подписной цѣны.... чтобы захватить ихъ всѣ въ свои руки.... какъ драгоценность.... вѣрное золото.... кладъ!... Когда вѣсть эта разнеслась, акціи, которыя падали все ниже и ниже, вдругъ поднялись какъ по волшебству. Подъ конецъ биржи огромныя дѣла дѣлались или на улицѣ Вивіенъ или на бульварѣ. Максимъ.... когда акціи падали.... въ первую минуту потерялъ было голову дотога что хотѣлъ за-

стрѣлится. Теперь, лишь-только онъ явился, его, буквально, осадил цѣлая рать торговцевъ акціями, биржевыхъ маклеровъ, факторовъ, даже дамъ.... знатныхъ дамъ.... всѣ на перерывъ просили акцій.

КОРИННА, съ радостью.

Что жъ онъ.... далъ имъ?

АЛЬБЕРТЬ.

На его мѣстѣ я бѣ это сдѣлалъ; но онъ.... вдругъ.... вздернулъ голову, расхрабрылся и закричалъ: «Акцій?... Нѣтъ акцій? У меня ихъ больше не имѣется.... да и дать нельзя!... почти всѣ акціи у Дегаде!... онъ оставилъ ихъ за собою.... для себя, да и для зятя своего, ротмистра д'Ангрмона.... онъ здѣсь.... вотъ онъ!» Я собрался было возражать, отговариваться. «Молчи!» сказалъ онъ мнѣ на-ухо: «языкъ вырву! ты погубишь меня!» Тутъ меня окружили просители, меня, невольнаго сообщника этой лжи.... мучили, преслѣдовали.... умоляли, почти на колѣняхъ, сдѣлать милость.... уступить имъ этихъ акцій.... которыхъ у меня не было и въ заводѣ. Можите судить, какъ я это нападеніе отражалъ! какъ сопротивлялся! какъ былъ неумолимъ! «Десять, двадцать процентовъ сверхъ курса!» кричали мнѣ со всѣхъ сторонъ.... Я все повторялъ: «Нѣтъ ихъ у меня! нѣтъ! увѣрю васъ, что нѣтъ!» Наконецъ Максимъ благополучно вытащилъ меня изъ толпы и сказалъ: «Спасибо! состояніе наше возстановлено и обезпечено, и сестрино и мое!»

ГРАФЪ, восторжну.

Неужели!... Ахъ, Боже мой!

АЛЬБЕРТЬ.

Бѣги, говоришь, къ Дегаде, и скажи, что я предлагаю триста тысячъ франковъ за акціи, которыя вручилъ я ему сегодня утромъ, но предлагаю съ тѣмъ, чтобъ онъ ни мнѣ.... ни кому бы то ни было.... не продавалъ ихъ дешевле этой суммы. Въ этомъ вся сила операціи. Я разстался съ нимъ.... побѣжалъ.... и вотъ я здѣсь на лицо.... радъ, что могу сообщить вамъ такія хорошія извѣстія.... удостовѣрить, что Максимъ спасъ честь свою и свое спокойствіе, изворотился такъ удачно, что благодаря Бога, Антонія теперь богаче прежняго.

ГРАФЪ, разорвавъ письмо, тихо Бувару.

Свези статейку въ типографію.

БУВАРЬ, съ удивленіемъ.

Въ типографію?... Такъ какъ есть?...

ПУФЪ.

ГРАФЪ.

Ну, да! свези говорятъ тебѣ!... Ступай и возвращайся.

Буварь уходитъ въ среднія двери.

КОРИННА, тихо Альберту съ радостью.

А у меня.... у меня, есть для васъ еще лучшія извѣстія.

АЛЬБЕРТЪ.

Какія?...

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

ТЪ ЖЕ и СЛУГА, входитъ въ лѣвыя двери.

СЛУГА, докладывая.

Виконтъ Максимъ Деларошъ-Бернаръ съ сестрою.... они въ кабинетѣ.

ГРАФЪ.

Иду! иду!

КОРИННА, стараясь остановить его.

Помилуйте, графъ!

ГРАФЪ.

Мои лучшіе друзья!...

КОРИННА.

Что?... что такое?...

ГРАФЪ.

Моя невеста!... мой шуринъ!...

КОРИННА.

Ахъ!...

ГРАФЪ, громко Кориннѣ и Альберту.

Извините! я бѣгу встрѣтить.... принять ихъ.... *(Уходитъ.)*

КОРИННА, вскрикиваетъ и опирается на диванъ.

Ахъ!...

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

АЛЬБЕРТЪ и КОРИННА.

АЛЬБЕРТЪ, подходя къ ней.

Что съ вами?

КОРИННА, въ волненіи.

Ахъ, онъ негодный!... онъ снова одурачилъ меня!... опять разыгралъ комедію.... Но съ какой цѣлью?... съ какимъ намѣреніемъ?... О! я выведу на чистую воду эту плутню!...

АЛЬБЕРТЬ.

Да отвѣчайте же!... вы мнѣ сейчасъ говорили....

КОРИННА.

Я хотѣла вамъ сказать, что все спасено.... а теперь....

АЛЬБЕРТЬ.

Ну?

КОРИННА.

Все погнбло!... Отъ васъ!... Отъ вашей ошибки!... отъ вашего несчастнаго приходу.

АЛЬБЕРТЬ.

Что жъ я сдѣлалъ такое?

КОРИННА.

Да то, что пришли объявлять не кстати о томъ, чего не слѣдовало говорить.... и что сейчасъ сказали.

АЛЬБЕРТЬ.

Я сказалъ всю правду.

КОРИННА.

Она-то и все испортила.... Правда всегда и губить насъ!

АЛЬБЕРТЬ.

А! это ужъ напримѣръ.... слишкомъ сльво. Я вижу что и вы придерживаетесь системы вашего почтеннѣйшаго батюшки.

КОРИННА.

Де-Мариньянъ.... только то хотѣлъ-было развязаться съ Максимомъ насчетъ взаимнаго даннаго слова.... онъ уже писалъ письмо.... съ отказомъ отъ руки Антоніи.... Письмо уже было написано.... и онъ разорвалъ его.... Я съ него глазъ не спускала.... Какъ скоро вы радостно вскричали, что Антонія теперь богаче прежняго, въ одно мгновение онъ сталъ другой человѣкъ. Значитъ, онъ отказывался отъ Антоніи единственно по причинѣ ея кратковременнаго разоренія.

АЛЬБЕРТЬ.

Вы на него клеветеете!

КОРИННА.

Этого ужъ невозможно!... на него клеветы не придумаешь: все выйдетъ—правда!

АЛЬБЕРТЬ.

Когда онъ не далѣе какъ сегодня утромъ узнавъ о разореніи Антоніи, самъ просилъ, требовалъ этого брака?...

КОРИННА, въ недоумѣніи.

Это правда!... (съ гнѣвомъ.) Такъ вѣтъ же!... этому не бывать!... не должно и не можетъ быть!.... потому что между нимъ и правдой никогда не бывало ничего общаго.

АЛЬБЕРТЬ.

Такъ какъ же вы это объясните?

КОРИННА.

Я ничего не объясняю.... онъ точно какъ его сочиненіе.... какъ и его дарованіе: ничего въ нихъ не поймешь!... Но я добьюсь до толку однако. Это—пари.... это—вызовъ.... и между нами, или двумя....

АЛЬБЕРТЬ.

Отнынѣ война непримиримая....

КОРИННА.

Нѣтъ.... бракъ.... не на животь, а на смерть!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

ГРАФЪ, МАКСИМЪ и АНТОНИА входятъ съ лѣвой стороны. АЛЬБЕРТЬ; КОРИННА, посреди сцены. БУВАРЬ, входитъ въ среднія двери. За ними гости: Между-тѣмъ нѣсколько дамъ входятъ съ правой стороны.

МАКСИМЪ, весело, пока графъ раскланивается съ гостями.

Славно!... Вотъ всѣ собрались!... Пора обѣдать! Обѣдъ — чудесная минута жизни.... когда поварь хорошъ.... а графъ знатокъ по этой части. Въ наше время великіе люди — большіе обѣдалы. И нельзя быть иначе: Все въ этомъ мѣрѣ такъ тѣсно!... особенно гоним!... такъ мало времени жить.

АЛЬБЕРТЬ, всторону.

Какъ онъ теперь веселъ, беззаботенъ. Ну кто бы могъ подумать, что сегодня утромъ этотъ человѣкъ хотѣлъ застрѣлиться!

МАКСИМЪ.

А!... вотъ и ты, любезный Альбертъ! Съ Дегоды я самъ встрѣтился; я такъ отыскалъ его и мы вмѣстѣ повѣхали прихлопнуть дуо.... И прихлопнули на-славу! Дорогой онъ объявилъ мнѣ официально о твоёмъ производствѣ.... Ты — майоръ, и назначенъ эскадроннымъ командиромъ. Это — вѣрно, сударыни!... *(Тихо Альберту, смѣясь.)* Онъ рассказалъ мнѣ тоже о твоей неловкой совѣстливости.... или.... какъ билишь ее?... щекотливости.... о томъ какъ на тебя разсердилась старуха де-Сентъ-Аво!... Ну что, оправдался ли ты передъ своей генеральшей?

АЛЬБЕРТЬ.

Разумѣется! Она думаетъ.... какъ я.... что нищета и честь лучше магіона, купленного цѣною доброй славы....

МАКСИМЪ.

Не беспокойся! мы подумаемъ и объ ней; достанешь ей акцій.... Теперь достать акцій значить — сдѣлать подарокъ.... потому что въ эту минуту, не всѣ кому хочется могутъ получить ихъ. Мнѣ самому будетъ трудно.... У меня вѣдь ихъ нѣтъ больше ни одной. (Тихо Альберту.) На этотъ разъ я не вру, увѣряю тебя....

АЛЬБЕРТЬ.

Ты всѣ акцій спустилъ съ рукъ?... Ничего не оставилъ для себя?

МАКСИМЪ.

Не дуракъ!... И въ другой разъ не попадусь.

БУВАРЬ, ТИХО ГРАФУ.

Статейка явится сегодня вечеромъ.

ГРАФЪ, ТИХО.

Очень хорошо! (Громко гостямъ). Прошу извиненія, что мы объдаемъ немножко поздно.... но я жду только нашего второго опекуна и моего короткаго друга, директора канцеляріи министра.... оба они обѣщали прѣхать, и я надѣюсь....

МАКСИМЪ, СМѢЯСЬ.

Не раззоряйтесь на надежды. Половина ихъ можетъ остаться въ кармазѣ, потому что вотъ вамъ второй опекулъ.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

ТѢ ЖЕ. ДЕГОДЕ, и КОРИННА и АНТОНІЯ сидятъ на диванѣ подлѣ стола, на лѣво АЛЬБЕРТЬ, стоитъ за нимъ, задумавшись. Направо, БУВАРЬ, ГРАФЪ, МАКСИМЪ, гости, мужчины и женщины, сидятъ и стоятъ, составляя въ гостиной нѣсколько группъ.

ГРАФЪ.

Да приходите же поскорѣе, любезный Дегоде.

ДЕГОДЕ.

Извините, что заставилъ ждать. Я пришелъ пѣшкомъ.... по обыкновенію.... ради здоровья.

МАКСИМЪ.

Пѣшкомъ!... въ такой дождь!...

ДЕГОДЕ.

Не досталъ кареты.

ГРАФЪ, ТИХО БУВАРУ.

То есть, не хотѣлъ нанять.... Экой скряга.

ВУВАРЬ.

А сегодня еще нажилъ.... говорить, огромный барышъ.

(Дезде, подходит къ дивану, гдѣ сидятъ Коринна и Антонія. Максимъ, Графъ и Вуварь, составляютъ группу на аванъ-сценѣ и разговариваютъ въ полголоса.)

МАКСИМЪ.

Какъ же не огромный! Онъ сейчасъ при мнѣ, и черезъ меня, заработалъ триста тысячъ франковъ.

ГРАФЪ.

Вотъ какъ?

ВУВАРЬ, Максиму съ радостнымъ видомъ.

На вашихъ же акціяхъ. А я и купилъ ихъ!... то есть, часть....

МАКСИМЪ, пожимая ему руку.

Право! Вотъ люблю такихъ рѣшительныхъ людей!

(Оба удаляются въ глубину театра, разговаривая тихо.)

АНТОНІЯ, сидя на диванѣ и продолжая разговаривать съ Коринной.)

Быть-можетъ! Я вамъ вѣрю. Но онъ принялъ мою руку, когда состояніе мое было разстроено: такъ какъ же мнѣ теперь, когда я опять разбогатѣла, расторгнуть этотъ бракъ, не унизивъ себя въ глазахъ свѣта? Ахъ! я ужасно, ужасно несчастна.

КОРИННА.

А я такъ ужасно взбѣшена!... (Раскрывая книгу, лежащую на столѣ). Это что?... второй томъ твореній графа де-Мариньяна!

ГРАФИНЯ, сидящая на другомъ диванѣ, обращаясь къ другой дамѣ.

Удивительное произведеніе!

МАРКИЗА.

Вы читали, графиня?

ГРАФИНЯ.

Признаться, нѣтъ, а вы?

МАРКИЗА.

И я тоже.

ГРАФИНЯ.

Странно!... а объ книгѣ все говорятъ!

МАРКИЗА.

А спросишь, все признаются, что книги не читали! Мнѣ еще не случилось слышать ни одного признанія въ противномъ.

ДЕЗДЕ, за диваномъ, къ графинѣ и маркизѣ.

Потому что о такой книгѣ легче говорить чѣмъ....

БУВАРЬ, восторженно.

«Живописная Исторія Алжирія и ея покоренія» томъ второй... еще интереснѣе.... смѣю увѣрить.... еще драматичнѣе перваго (Обращаясь къ Дегодю). Надѣюсь, что вы потребуете у меня хоть одинъ экземплярчикъ.... цѣна самая умѣренная.... по десяти франковъ за томъ.... завтра же «Живописная Исторія Алжирія» будетъ доставлена вамъ на домъ....

ДЕГОДЬ.

Ай, ай, ай!... десять франковъ!... позвольте.... почтеннѣйшій!... для меня это слишкомъ дорого!

БУВАРЬ, графиня и маркиза.

Однихъ картинокъ и вышекъ на девять франковъ.

ДЕГОДЬ.

Вѣрю!... (съ пальцемъ) не за оставшееся доротоньки....

МАКСИМЪ, который въ это время прохаживался по гостиной, подходитъ къ графу.

Ну! гдѣ же вашъ директоръ канцелярїи?

ГРАФЪ.

Я приказалъ подавать кушанье лишь только его карета взѣдетъ на дворъ.... но вотъ все еще не видно!...

МАКСИМЪ.

А мой аппетитъ ужъ давно тутъ.

ДЕГОДЬ.

Мой тоже! Что еслибъ графъ, на пользу утоленія аппетитовъ благоволилъ почитать вамъ.... такъ.... нѣсколько страничекъ своего образцоваго творенія....

И СЪ, вставая.

Ахъ!... да, графъ... пожалуйста?...

ГРАФЪ.

Какъ можно!.. передъ такимъ милымъ и любезнымъ обществомъ!... предметъ серьезный!... историческое сочиненіе!... Это нѣдетъ!...

ГРАФИНЯ.

Зачѣмъ же?... Скаронша принималась же разсказывать анекдотикъ....

ДЕГОДЬ.

Когда жаркое не являлось....

КОРИННА.

А когда не является директоръ канцелярїи....

МАРКИЗА.

Это дѣло другое:

ИГРЪ.

ГРАФИНЯ.

Для записки его..

КОРИННА.

Все полковника... записки!

ГРАФЪ.

Передъ тѣмъ доводою... и произошло. (Беретъ книгу, сѣ садится съ полукругомъ ногъ на лампированную скамью). Тамъ я вамъ, если позволите, прочитаю нѣсколько страницъ, которыми тамъ это заключается....

БУВАРЬ, суется.

Стаканъ сахарной воды!

ГРАФЪ, съ истерическимъ.

Эхъ, не надо!... передъ обѣдомъ!...

БУВАРЬ.

И то правда! (Оглядывается). Да всѣ двери открыты... (Кричитъ). Затворите всѣ двери... голосъ теряется.

ГРАФЪ, тѣмъ же тономъ.

По-напрасну.

КОРИННА.

Для васъ.... но не для насъ; мы не хотимъ потерять ни одного слова.

ВСѢ.

Тссъ!

ГРАФЪ.

Расскажетъ объ экспедиціи въ Атласскія Горы и военныхъ дѣйствіяхъ въ этой сторонѣ генерала де-Сентъ-Авд.

АЛЬБЕРТЬ, до-тѣхъ-поръ сидѣвшій въ задумчивости, приподнимаетъ голову и говоритъ всторону.

Моего генерала?... Это что такое?

ДЕГОДЕ.

Должно быть очень живописно....

ГРАФЪ, читаетъ.

«Окруженный со всѣхъ сторонъ несмѣтными полчищами Бедуновъ и Кабилей, и не надѣясь на помощь, ни откуда, генералъ провелъ ночь ужасную. Изъ всего этого полка, (тринадцатаго цѣхотнаго) не оставалось уже пока ни воина, ни животнаго, ни «ургона»....

БУВАРЬ.

Этакой живой трепещущій интересъ!

ГРАФЪ.

« Третій гусарскій, засыпанный пескомъ Пустыни, не двинулся.
 « Луна восходившая надъ мрачными утесамъ отражала лучи
 « свои отъ вершинъ могучаго Атласа, которыя, разстлалась ог-
 « ромнымъ бѣлымъ саваномъ, старалась, казалось, воскресить въ
 « воображеніи нашихъ старыхъ воиновъ, среди раскаленныхъ
 « пѣдръ Африки, снѣжныя равнины Россіи.»

БУВАРЬ.

Какъ это написано!..... словно какъ для Академіи!.... какой пыш-
 ный слогъ!

КОРИННА.

Для исторіи!

БУВАРЬ.

А между тѣмъ, подумайте, это—только исторія!

МАКСИМЪ.

И только проза!

БУВАРЬ.

Но да какая зато проза!

ДЕГОДЕ.

Можно бы принять за стихотвореніе!

КОРИННА.

Да оно и есть стихотвореніе!

ДЕГОДЕ.

Неужто?

КОРИННА.

Изъ всего этого полка,
 Тринадцатаго пѣхотнаго,
 Ужъ неоставалось пока
 Ни воина, ни животнаго....

БУВАРЬ.

Въ самомъ дѣлѣ!... Какъ же онъ этого не примѣтилъ?

МАКСИМЪ.

Онъ ужъ таковъ!... поэтъ и витія во всемъ!... стихи кладетъ,
 какъ блины печетъ....

КОРИННА.

И.... подобно птицѣ.... когда и по землѣ ходитъ, готовъ всякую
 минуту взлетѣть за облака.

БУВАРЬ.

И какъ тутъ мысль взлетаетъ!.... какъ она паритъ, мчитъ, кн-
 шитъ, бросается съ натискомъ....

ПРЪМЪ.

Словно кавалерійская атака.

ДЕГОДЕ

КОРИННА.

Третій гусарскій... прелесть!

В С Ъ.

Чудесно!... чудесно!... очаровательно!...

ГРАФЪ. Клянясь.

Вы ужь слишкомъ добры!... ужь такъ снисходительны!..

В С Ъ.

Продолжайте ради Бога!

ГРАФЪ.

«Генералъ де-Сенъ-Авдъ вдругъ примѣчаетъ все племя Бонн-Балануть....

АЛЬБЕРТЬ, въ удивленіи всторону.

Вотъ это странно!

ГРАФЪ.

«Расположившися на берегу потока, который, низвергаясь съ шумомъ и пѣной въ долину, становится знаменитомъ Дурою, быстрѣйшею и опаснѣйшею изъ рѣкъ Атласа....»

АЛЬБЕРТЬ, досадѣ съ нетерпѣніемъ слушавшій, встаетъ изъ-за стола и идетъ.

Нѣтъ!... это ужь, просто, изъ рукъ вонъ!

КОРИННА, наблюдавшая за Альбертомъ, встаетъ съ дивана.

Что это?... что васъ такъ кольнуло?

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ТЪ ЖЕ и СЛУГА, у среднихъ дверей.

СЛУГА, докладываетъ.

Его превосходительство, господинъ директоръ канцеляріи министра. (*Подходя къ графу.*) Ваше сіятельство, кушанье подаютъ.

ГРАФЪ.

Господа, ведите дамъ....

В С Ъ.

А чтеніе?...

ГРАФЪ.

Мы кончимъ главу послѣ обѣда.

ВУВАРЪ.

Какъ жаль!

ДЕГОДЕ.

Совсѣмъ не жаль.

АЛЬБЕРТЬ. пока гости удаляются въ правую дверь, подкалываетъ къ графу и говорить тихо.

Графъ!... мнѣ надо непремѣнно переговорить съ вами.

ГРАФЪ, улыбаясь.

Со мной?

АЛЬБЕРТЬ.

Съ вами.

ГРАФЪ, улыбаясь.

Очень радъ... не подаетъ обѣда.

АЛЬБЕРТЬ, вполголоса.

Хорошо; здѣсь же, въ этой гостиной.

ГРАФЪ, тѣмъ же тономъ.

Да, въ этой гостиной.

Бѣжитъ за Антонией, подаетъ ей руку и идетъ на правую Коринна и Альбертъ остаются на сценѣ.

АЛЬБЕРТЬ.

О! теперь клянусь и я, что свадьбѣ этой не бывать!... (Бѣжитъ, шлепая и хочетъ идти къ среднимъ дверямъ.) Между-тѣмъ я...

КОРИННА, подбѣгая къ нему.

Что это значитъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Я уйду!... я не остаюсь. обѣда... здѣсь!... у этого чародейка!...

КОРИННА.

Уйти?... надѣлать тревоги?... Я этого не позволю!... Давайте мнѣ руку!... сейчас!... Я такъ хочу!... а нето... (Альбертъ подаетъ руку.) Что вы ему сказали?... вотъ тамъ, сейчасъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Я!... ничего, клянусь вамъ.

КОРИННА.

И вы... тоже... приучаетесь лгать?... Видите какое сильное и благотворное вліяніе имѣетъ эта гостиная... ужъ успѣла поддѣлывать и на васъ.... Но я узнаю всю тайну.

АЛЬБЕРТЬ, ведетъ Коринну въ столовую.

У меня тайны нѣтъ!...

КОРИННА.

Есть, должна быть!... Да я узнаю.

АЛЬБЕРТЬ.

Увѣрю васъ, что нѣтъ.

КОРИННА.

Если жить, такъ.... знаете ли?... на какомъ иголь я бы выду-
вала.

Уходить въ столовую.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Тъ же декорацин.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

КОРИННА, АЛЬБЕРТЬ.

АЛЬБЕРТЬ, входягь живо-

Какой обѣдъ!.... Я уже думалъ, что конца ему не будетъ!...
Какіе разговоры, Боже мой!.... Все ложь! хвастовство! чванство!

КОРИННА.

Безкорыстныхъ похвалы дружбы.... вотъ и все!

АЛЬБЕРТЬ.

Похвалы тѣхъ, кто у него обѣдаетъ!.... Этотъ вашъ графъ де-
Марильякъ.... право!.... ему до того натвердели, за обѣдами, что
онъ великій человѣкъ.... что онъ наконецъ и самъ убѣдился въ
этомъ.

КОРИННА.

Какъ бы не такъ!.... онъ готовъ потянуть въ судъ какъ кле-
ветника, того, кто осмѣлится утверждать противное...

АЛЬБЕРТЬ.

Погодите!... этому будетъ конецъ!... А вотъ сейчасъ увидимъ!

КОРИННА.

Такъ тѣмъ болѣе не надо вамъ казаться мрачнымъ, озабочен-
нымъ.... какъ сейчасъ.... за обѣдомъ!

АЛЬБЕРТЬ.

Зато васъ нельзя упрекнуть въ мрачности. Я все время удив-
лялся вашей любезности, остротѣ, веселости!

КОРИННА.

— Это—хорошее средство. При помощи его, можно все наблюдать и никто этого не подозреваетъ.... Вы не хотѣли мнѣ сказать?.... мнѣ надо было отгадывать!.... такъ я же все знаю; я видѣла.... и ваше угрюмое лицо.... и безпокойство графа; выходя изъ за стола вы сказали ему тихонько, что ожидаете его здѣсь... въ залѣ... я сама это слышала.... стоя позади васъ. Я сюда и прибѣжала. Ну теперь говорите, что это значитъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Послѣ узнаете.

КОРИННА.

Вызовъ.... дуэль?... что ли?

АЛЬБЕРТЬ.

Совсѣмъ нѣтъ! Просто, объясненіе.

КОРИННА.

Вы при мнѣ общались Антонію.... ни на что не рѣшались такое, чѣмъ бы могли повредить ей.... вы поклялись, что между вами и де-Мариньяномъ не будетъ объ ней даже и помину.

АЛЬБЕРТЬ.

И я сдержу эту клятву... я никогда ей не измѣню.... Но теперь, представляется случай.... обстоятельство.... которое, слава Богу, не имѣетъ никакого отношенія ни къ Антонію, ни къ моей любви, и ничто въ мірѣ не помѣшаетъ мнѣ имъ воспользоваться.

КОРИННА.

Какое же это обстоятельство?... мнѣ-то нельзя знать?

АЛЬБЕРТЬ.

По-крайней мѣрѣ, бесполезно.... это—такой вопросъ, который не можетъ быть обсуженъ женщинами. Ужь, повѣрьте, мнѣ не скажутъ, что я, военный человѣкъ, позволилъ похитить у себя.... отдалъ подлецу безъ спору.... ту, которую люблю..... Нѣтъ, нѣтъ, пока я живъ, ему на ней не жениться!.... Я рѣшился!.... И не будь этого, скажите сами, могъ ли бы я присутствовать спокойно при его торжествѣ.... при этомъ праздникѣ....

КОРИННА.

Такъ видите, что вы хотите драться!

АЛЬБЕРТЬ.

Да, хочу.

КОРИННА.

За Антонію?

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ.... не за нее!... а за другое дѣло... за честь, за истину!

КОРИННА.

Я васъ не понимаю.

АЛЬБЕРТЬ

Да я и говорилъ вамъ, что это бесполезно. Но объясненію должно быть!

КОРИННА.

А я не допущу до этого!... Не только для васъ, но и для Мариньяна ... я не хочу, чтобъ вы мнѣ его убили! Ему не такъ слѣдуетъ быть наказаннымъ! Такой конецъ слишкомъ скоръ для него. У меня.... погодите!... у меня есть для него покаяніе... продолжительное.... ужасное.... и до меня лично касающееся (*Съ жасностью.*) Такъ расскажите мнѣ все!... мнѣ, вашей союзницѣ... вашему другу.

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ! дѣло это только до меня касается. Вотъ онъ! Ради Бога оставьте насъ однихъ!... я не хочу, чтобъ онъ видѣлъ васъ выѣсть.

КОРИННА.

Хорошо. (*Всторону.*) Но если я не увижу, такъ все же услышу. (*Входитъ въ комнату на лѣво.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

АЛЬБЕРТЬ. МАРИНЬЯНЪ.

ГРАФЪ, входитъ съ правой стороны и обращаясь къ дверямъ.

Хорошо, любезный Максимъ!... распоряжайтесь за меня, займите моихъ гостей. (*Альберту.*) Они въ гостиной пьютъ кофе, а я пришелъ сюда и готовъ васъ слушать. Что прикажете?

АЛЬБЕРТЬ.

Графъ!... я былъ другомъ генералу де-Сентъ-Авд, который былъ мнѣ покровителемъ на военномъ поприщѣ. Я могъ скорѣе назвать его отцомъ своимъ чѣмъ начальникомъ. Я обязанъ всѣмъ что я есть его наставленіямъ, а жизнью обязанъ я его неустрашимости. Впослѣдствіи.... и вотъ именно что привязало меня къ нему вѣчною благодарностью.... онъ ввѣрилъ мнѣ самыя задушевныя мысли свои. Отличительныя черты его характера были отвращеніе отъ лжи и хвастовства, любовь къ отечеству и поклоненіе, обо-
жаніе чести. Онъ бы не потерпѣлъ, чтобъ кто инако смѣлъ до-

тронуться до нея, и пролилъ бы до послѣдней капли всю кровь свою, чтобъ только сохранить для чести, поврѣжденности. Теперь его нѣтъ съ нами, но онъ намъ, своимъ сослуживцамъ, оставилъ эту заботу, намъ, своимъ сподвижникамъ, и прешуточно мнѣ, своему другу, и я требую у васъ отчету въ выраженіяхъ, которыя вы объ немъ отзывались въ ижеюльскихъ строчкахъ, читанныхъ здѣсь.... передъ обѣдомъ ...

ГРАФЪ, улыбаясь.

Вотъ мило! осердиться со мною, его поклонникомъ!.... съ тѣмъ, кто осыпаетъ его похвалами.... Скажите, пожалуйста, тѣмъ же я тутъ могъ оскорбить его?....

АЛЬВЕРТЬ.

Не значить ли это оскорбить храброго и честнаго воина, если ему приписывать доблести, которыхъ онъ не имѣлъ случая показать.... дѣйствія, въ которыхъ онъ вовсе не участвовалъ.. и бесспорные подвиги, которые могутъ быть опровергнуты единогласнымъ свидѣтельствомъ корпуса... унижить его память, и сдѣлать его всеобщимъ посмѣшищемъ.

ГРАФЪ.

Я не понимаю, какимъ образомъ все это можетъ до меня касаться?

АЛЬВЕРТЬ.

А вотъ я вамъ объясню это сейчасъ. Я никогда не разставался съ моимъ генераломъ; я прибылъ въ Африку съ нимъ, съ дивизіей, которою онъ командовалъ. Со дня нашего пріѣзду и до той минуты какъ онъ умеръ на рукахъ моихъ, я былъ при немъ безотлучно, во всѣхъ экспедиціяхъ, во всѣхъ сраженіяхъ. А въ тѣхъ строчкахъ, которыя вы намъ читали, къ удивленію моему, вы, для красоты рѣчи, для блеску вашего великолѣпнаго слогу....

ГРАФЪ.

Вы слишкомъ добры!

АЛЬВЕРТЬ.

Да я не знаю въ этомъ толку!.... но насчетъ фактовъ.... извините.... это — другое дѣло....

ГРАФЪ, улыбаясь.

Такъ только-то?....

АЛЬВЕРТЬ.

Какъ, только-то!.... Я слышалъ строкъ десять или двадцать, но болѣе, и въ этихъ немногихъ строчкахъ не слышалъ ни одного слова, которое бы не было произвольною выдумкою и явною ложью.

ГРАФЪ.

Позвольте!....

АЛЬБЕРТЪ.

Никогда генералъ мой не сражался въ Горахъ Атласскихъ.... и во весьма основательной причинѣ: нога ваша не бывала тамъ; мы всегда дѣйствовали очень далеко отъ Атласа, миль за сто отъ этихъ горъ, не ближе....

ГРАФЪ.

Помилуйте!....

АЛЬБЕРТЪ.

Никогда у насъ не бывало ни дѣла ни сраженія съ поколѣніемъ или племенемъ Бени-Баламутъ.... и о такомъ племени ни одинъ нашъ солдатъ еще не слыхивалъ, никогда берега вашей знаменитой рѣки Дуры не ознаменовались ни малѣйшимъ подвигомъ вашего оружія, и даже названіе ея намъ неизвѣстно. Конечно, названіе для меня не ново.... я гдѣ-то встрѣчалъ его, но только вѣрно не въ Африкѣ, потому что тамъ такой рѣки нѣтъ и не бывало, и вы мнѣ ея не покажете.

ГРАФЪ.

Вы думаете?....

АЛЬБЕРТЪ.

Не думаю, а знаю навѣрное. Извольте лучше взять карту Африки и поискать. И тотъ, кто рѣшается писать, печатать, выдавать за достовѣрное, такія нечѣности, такую небывальщину....

ГРАФЪ, съ гнѣвомъ.

Вы употреблете, милостивый государь, выраженія....

АЛЬБЕРТЪ.

Единственныя какія можно учтиво употребить въ настоящемъ случаѣ. Если бъ мой генералъ былъ живъ, онъ сказалъ бы на отръзъ: «Вы солгали, сударь!....» Но какъ его нѣтъ, то я, если угодно, становлюсь на его мѣсто и готовъ къ вашимъ услугамъ.

ГРАФЪ, гордо.

И я былъ бы къ вашимъ, если бъ генералъ вашъ осмѣлился говорить мнѣ подобныя вещи.... Но онъ бы остерегся. Вы были въ Африкѣ.... не спорю.... но генералъ де-Сентъ-Авд тоже былъ въ Африкѣ, а онъ утверждаетъ совѣтъ другое.... и, по такимъ предметамъ, о которыхъ его показанія противорѣчатъ вашимъ, вы мнѣ позвольте отдать предпочтеніе его словамъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Что хотите вы сказать этимъ?

ГРАФЪ.

То, что наша обязанность.... обязанность историковъ.... очень важна. Мы, такъ сказать — жрецы истины, которую должны передать свято и неприкосновенно потомству. По этому историкъ, дорожащій своимъ саномъ, поучаетъ человечество не иначе, какъ опираясь на неоспоримыя доказательства, на подлинныя документы. Такъ точно поступалъ и я....

АЛЬБЕРТЬ.

Вы?

ГРАФЪ, подходя къ столу на лѣво.

У меня есть Записки самого генерала де-Сентъ-Авд, найденныя въ бумагахъ покойнаго, послѣ его кончины, и я радъ, что могу доказать вамъ, съ какою точностью и совѣтливостью исполнилъ я въ отношеніи къ отечеству и потомству священную обязанность историка.... *(Взять рукопись и ударяя по ней)*. Вотъ Записки нашего храбраго, незабвеннаго воина.... рассказы, обдуманые среди сраженій и написанныя на пушечныхъ лафетахъ.... отъ нихъ еще пахнетъ порохомъ и сигарою!.... Посмотрите!.... почтайте!....

АЛЬБЕРТЬ, взглянувъ на рукопись.

Возможно ли!

ГРАФЪ.

Знаете ли вы эту руку?

АЛЬБЕРТЬ.

Знаю ли я эту руку!

ГРАФЪ, съ торжествующимъ видомъ.

Такъ видите!

АЛЬБЕРТЬ.

Да это моя рука!....

ГРАФЪ, въ осяздѣнности.

Ваша!

АЛЬБЕРТЬ.

Ну да! моя!.... Это мой романъ.

ГРАФЪ, въ ошѣвѣнности.

Какъ романъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Романъ, который я сочинялъ въ Африкѣ!.... Я считалъ его погибшимъ невозвратно.... и забылъ совершенно. Нынче я не помню ни одного слова изъ моего знаменитаго творенія. Какъ упомянуть!.... пять лѣтъ прошло!....

ГРАФЪ, краснѣя.

Какъ?... что?... что вы говорите?

АЛЬБЕРТЬ.

Я говорю то, что любль счастье забыть свое созданіе.... и никакъ я не думалъ; что вы мнѣ его отдадите.... (*Пробѣгалъ рукопись*). Ну, да!.... точно!.... мой собственный романъ.... Мнѣ пришло въ голову сочинить романъ историческій.... въ Вальтеръ-скотовскомъ родѣ.... Я тутъ вывелъ на сцену, между прочимъ, моего генерала и себя.... мы разыгрываемъ престранныя роли....

ГРАФЪ.

Какъ?.... такъ это....

АЛЬБЕРТЬ, продолжая передвигать рукопись.

Къ несчастію, мое подлинное, неотъемлемое произведеніе!.... признаться, ужасный вздоръ!.... Я вздумалъ было представить этотъ романъ, еще неоконченный, генералу, съ тѣмъ чтобы онъ сообщилъ мнѣ свое мнѣніе. Генералъ де-Сентъ-Авд, прочитавъ, выбранилъ меня нещадно.... сказалъ: «Не смѣй впередъ писать такихъ глупостей!.... сочинять ты не можешь; у тебя нѣтъ дарованія; занимайся своимъ дѣломъ.... да рукописи этой я не отдамъ тебѣ.... я бросаю ее въ огонь.» Такъ она у него и осталась!.... онъ, видно, не исполнилъ своей угрозы.... сохранилъ или забылъ мою рукопись, и, по его смерти, вмѣстѣ съ книгами и собственными рукописями покойника попала къ книгопродавцу....

ГРАФЪ, въ величайшемъ смущеніи.

Позвольте! позвольте!.... вспомните хорошенько.... увѣрены ли вы?....

АЛЬБЕРТЬ, продолжая передвигать.

Какъ не быть увѣреннымъ!.... вотъ всѣ мои дѣйствующія лица.... всѣ имена.... теперь я припоминаю ихъ какъ нельзя лучше.... вотъ и адъютантъ.... въ которомъ я хотѣлъ представить себя.... и дѣва чудная.... которую адъютантъ обожаетъ.... и на которой надѣется жениться по возвращеніи во Францію.... это... (*колеблясь*) одна особа.... о которой бесполезно говорить.... Что жъ касается до могучаго бедунискаго племени Бени-Баламутъ.... да!.... оно-то и есть!.... племя моей выдумки!.... а рѣчка Дура.... то-то я и говорилъ вамъ, что имя мнѣ знакомо.... Я помню, какъ я его придумывалъ; мнѣ нужна была рѣчка.... и нужно было арабское названіе рѣчки.... въ Испаніи, которою вѣкогда владѣли Аравитяне, есть рѣчка *Дуро*.... Въ арабскомъ языкѣ я слышалъ слова *дурра* и *дура*, которыя не помню что значать.... Ну, такъ я и наз-

валъ мою рѣку Дурой.... покажетъ.... и съ отиѣткою на-поль: «*Въ немъ нѣтъ ничего лучшаго и менше*». Оно не очень-то мнѣ нравилось.... я хотѣлъ всеобидетвѣи переиѣзать его и для того отиѣтвалъ.... Вотъ посмотрите!.... ахъ, ахъ!....

ГРАФЪ, восторжену.

Вотъ бѣда!

АЛЬБЕРТЬ.

Такъ вотъ что вы печатаете за исторію!.... вотъ чѣмъ пріобрѣтаете славу и почесть, похвалы газетъ, всеобщій восторгъ?... Славно, графъ!

ГРАФЪ.

Да виновать ли я, если, самъ будучи жертвою ошибки.... стоишь мнѣ очень дорого....

АЛЬБЕРТЬ.

Это я знаю.... Зато я и не знаю васъ. Но ни вы, ни я, не имѣемъ права приписывать генералу де-Сентъ-Аво небылицъ, которые тутъ значатся. Я одинъ виновать въ ихъ существованіи.... и каждому по дѣламъ! меня, за выдумку ихъ, выбралъ мой генералъ.... чуть не посадилъ на абахту.... васъ, за выдачу ихъ въ свѣтъ подъ видомъ исторіи, пусть побранитъ публика.... Для чести и для памяти генерала, все дѣло, какъ оно есть, должно быть торжественно опубликовано.

ГРАФЪ.

Помилуйте!.... объявлять теперь, что эта книга — не исторія.... а романъ! ...

АЛЬБЕРТЬ.

Будто она — первая такова?

ГРАФЪ.

Книга расхваленная, приводимая какъ авторитетъ, принятая университетомъ!....

АЛЬБЕРТЬ.

До завтрашняго дня я буду молчать.... Между-тѣмъ вы извольте сами придумать средство, какъ объявить объ этомъ.... Него я возьму на себя этотъ трудъ.

ГРАФЪ.

Но подумайте только о послѣдствіяхъ!...

АЛЬБЕРТЬ.

Послѣдствія до меня не касаются; а дѣло само по себѣ очень просто. Случилась ошибка!.... вы спѣшите признать въ ней всенародно!... Я тутъ не вижу никакихъ затрудненій...

ГРАФЪ.

Вас не видятъ?...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

АЛЬБЕРТЬ, ГРАФЪ МАКСИМЪ и БУВАРЬ входятъ въ среднія двери.

МАКСИМЪ, графу.

Что же вы зашли здѣсь, любезный графъ, и не приходите въ гостиную послушать что объ васъ говорить.

БУВАРЬ.

Собластъ, прѣхали два члена Французской Академіи... да не-бось провозвѣдать важь старой томъ! Они уже успѣли про- читать.

МАКСИМЪ.

Да весь Парижъ уже прочтатъ.

БУВАРЬ.

Что Парижъ!... весь свѣтъ!

ГРАФЪ, тихо Альберту, съ умоляющимъ

видомъ.

Смилуйте!...

МАКСИМЪ.

Авторъ Руководства въ математической и описательной геогра- фии, посье Пажаньби, восхищается необыкновенною полнотою географическихъ подробностей... точностью и вѣрностью на- званій...

АЛЬБЕРТЬ, съ гнѣвомъ.

Право?... авторъ Руководства?...

ГРАФЪ, съ умоляющимъ видомъ.

Пожалуйста!

БУВАРЬ.

Особенно описаніе нравовъ и обычаевъ бедуинскихъ племенъ выходитъ онъ такимъ отчетливымъ, такимъ дѣльнымъ, живымъ, логичнымъ, свѣтлымъ, блестящимъ....

МАКСИМЪ.

Да!... описаніе племенъ... какъ-бишь его зовутъ?

БУВАРЬ.

Бени-Баламутъ.

МАКСИМЪ.

Именно! Это говоритъ онъ, не описаніе, а оживленіе... самая живописная и вѣрная картина, снятая прямо съ натуры.... Ни- что лучше его и не можетъ судить объ этомъ. Онъ самъ тамъ былъ!

АЛЬБЕРТЬ, съ негодованіемъ.

Самъ былъ у Бени-Баламутовъ?... Вотъ это ужъ, напримѣръ!...

БУВАРЬ, съ жаромъ.

По порученію Института.... (Съ жаромъ). А я такъ и забылъ сказать вамъ, графъ, что другъ вашъ, директоръ канцеляріи маршала, дотога заинтересовался блистательнымъ дѣломъ при рѣкѣ Дурѣ, о которомъ только теперь узналъ онъ впервые....

АЛЬБЕРТЬ.

Я думаю!

БУВАРЬ.

Что выхватилъ у меня изъ рукъ экземпляръ вашего второго тома и поскакалъ прочесть немедленно маршалу это дивное военное событіе!... Что и говорить!... хотите, не хотите, а васъ таки сдѣлають безсмертнымъ, или завтра же вы получите... по меньшей мѣрѣ, полную гобертговскую премію....

АЛЬБЕРТЬ.

Какъ!

БУВАРЬ, Альберту.

Капиталъ, то есть.... въ десять тысячъ процентнаго доходу.... завѣщанный въ пользу того, кто напишетъ по части французской исторіи, книгу самую дѣльную, самую правдивую.... (Указывая на хозяина). Твореніе графа совершенно подходитъ подъ завѣщаніе: Алжирія та же Франція.... (Графу, который съ трудомъ удерживается отъ бѣшенства). Да! да! ваше сіятельство! что ни дѣлайте, какъ ни скромничайте, а право ваше неотъемлемо....

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТѢ ЖЕ, ДЕГОДЕ съ чашкою кофе.

ДЕГОДЕ.

Ну, что жъ вы нейдете, графъ?... васъ просятъ, требуютъ... чтобъ кончить чтеніе.... о дѣлахъ при рѣкѣ Дурѣ.

ГРАФЪ.

Невозможно!... Я такъ усталъ!... и тамъ такъ жарко!... я не въ состояніи читать.

БУВАРЬ.

Я васъ выручу!... я!... издатель!...

ГРАФЪ, въполголоса.

Не надо!... Мнѣ нужно переговорить съ тобою, Буварь.... (Пожилая ему руку) непремѣнно нужно!... Digitized by Google

БУВАРЬ.

Хорошо.... такъ пойдите..... (*Всторону*). Чтò это такое съ нимъ сдѣлалось?.... съ монимъ великимъ авторомъ?.... отчего онъ такъ растроены?....

ГРАФЪ.

Потрудитесь, любезный Максимъ.... извинить меня передъ дамами.... Внезапная боль въ горлѣ....

МАКСИМЪ.

Извольте!.... очень хорошо!....

ГРАФЪ, всторону.

Во чтò бы то ни стало, надо вынутаться изъ этой скверной всторин!.... нето я погибъ!... (*Взаяъ Бувара за рхху, тащитъ его къ среднимъ дверямъ*). Пойдите, пойдите!

МАКСИМЪ, обращаясь къ Дегоде, который сидя на диванѣ прихлебываетъ кофе.

Чтò я вижу!.... кофе!.... вы же мнѣ говорили у себя дома, что не любите кофе?

ДЕГОДЕ.

Вы меня не поняли.... напротивъ!... я кофе очень люблю.... въ гостяхъ.

Максимъ смгяся уходитъ направо.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

АЛЬБЕРТЪ, бросается на одинъ диванъ, ДЕГОДЕ сидитъ на другомъ.

ДЕГОДЕ кончая чашку.

Простаго я не люблю.... но когда кофе отлично хорошъ.... а этотъ — настоящий мокка!.... (*Протягиваясь*). Я не прочь тоже и отъ мягкихъ дивановъ.... и другихъ комфортавъ.... которыми и надѣюсь скоро наслаждаться въ тайнѣ....

АЛЬБЕРТЪ, всгавая и прохаживаясь съ гнѣвомъ.

Это, право, непостижимо!.... Можно съ ума сойти!...

ДЕГОДЕ.

Чтò это съ вами, любезнѣйшій?

АЛЬБЕРТЪ.

Чтò со мною!... чтò со мною?.... (*Останавливается передъ Дегоде*). Вы правду сказали: шарлатаны и ихъ сообщники, надуватели и надуваемые.... вотъ ваше нынѣшнее общество!

ДЕГОДЕ, улыбаясь.

Что жъ!... это не худо!

АЛЬБЕРТЬ, съ негодованіемъ.

Какъ, не худо?

ДЕГОДЕ.

Разумѣется, не худо!... потому что, когда зло перейдетъ черезъ край чаши, изъ дна ея выльется наконецъ добро.

АЛЬБЕРТЬ.

Какое жъ тутъ добро можетъ выйти изъ такой пропасти?

ДЕГОДЕ.

Я вамъ скажу, какое, когда всѣ будутъ также твердо увѣрены какъ вы теперь, что большая часть нашихъ великихъ людей, въ томъ числѣ ихъ слава и ихъ предисловія, не что иное какъ живая, безстыдная ложь, болѣе или менѣе приодѣтая приличіями и богато переплетенная; когда всѣ убѣдятся, что въ искусствѣ составленія громкихъ репутацій не употребляется ни одного слова правды, то публика, съ-временемъ сдѣлается до того не доверчивою, что тѣ, которые лѣзутъ въ великіе люди, принуждены будутъ въ самомъ дѣлѣ имѣть какія-нибудь наличныя достоинства, чтобы позарны ихъ славу!... Такимъ образомъ школа жи произведетъ школу истины!...

АЛЬБЕРТЬ, съ нетерпѣніемъ.

Вы требуете кореннаго перевоту... А покажѣтъ!...

ДЕГОДЕ, улыбаясь.

По части переворотовъ, главное дѣло — умѣть выждать. Надо подождать. А покажѣтъ пусть торжествуетъ пуф!

АЛЬБЕРТЬ.

А если бъ я рассказалъ вамъ, съ какою дерзостью, съ какою наглостью... если бъ вы знали, какими средствами!...

ДЕГОДЕ

Да, я все знаю! Коринна подслушала вашъ разговоръ и уже успѣла рассказать мнѣ всю эту забавную исторію!... вотъ сейчасъ!... въ гостиной!... со всеми подробностями.

АЛЬБЕРТЬ.

И вы говорите объ этомъ такъ спокойно? Это не приводитъ васъ въ негодованіе?

ДЕГОДЕ,

По этому положенію пришлось бы проводить всю жизнь въ негодованіи!... а жизнь такъ коротка!... Признаться вамъ откровенно... (вѣдь у насъ съ вами заключенъ контрактъ на откровенность?...) я даже вовсе не рассердился!... напротивъ, я былъ въ восхищеніи!...

АЛЬВЕРТЬ.

И вы можете въ этомъ признаваться?

ДЕГОДЕ.

Да! Я былъ въ восхищеніи!

АЛЬВЕРТЬ.

Отчего, позвольте спросить?

ДЕГОДЕ.

Отъ васъ!... да! отъ васъ, любезный другъ!... Хотя вы и отказались быть мнѣ зятемъ, я всё таки дѣйствую (въ разсужденіи васъ на правахъ тестя... или, лучше сказать, друга... и слѣжу за вами въ свѣтѣ издали... съ заботливостью и участіемъ, должными къ бѣдному одинокому путнику, заблудившемуся въ незнакомой странѣ....

АЛЬВЕРТЬ.

Благодарю васъ отъ всего сердца.... Но чѣмъ же эта исторія могла порадовать васъ за меня?

ДЕГОДЕ.

А вотъ чѣмъ: когда случайно знаешь истину, есть два способа употребить ее въ дѣло.... первый....

АЛЬВЕРТЬ, съ жаромъ.

Высказать ее!

ДЕГОДЕ.

А второй.... промолчать. Второй почти всегда полезнѣе первого. Попробуйте его, я вамъ совиѣтую!

АЛЬВЕРТЬ.

Я?... молчать?... входить въ гнусныя сдѣлани съ совиѣтью?...

ДЕГОДЕ.

Вотъ ужъ и гнусныя!... я не говорю этого... но вещь, которая умѣетъ храбро защищаться, позволительно, послѣ защиты, сдаться на капитуляцію. Конечно, бываютъ, по части совиѣсти, и такія условія капитуляціи, которыхъ никакъ принять нельзя.... но вы сами, вѣроятно, согласитесь....

АЛЬВЕРТЬ, съ жаромъ.

Никогда, никогда!... Я всегда пребуду другомъ и защитникомъ истины. Ничто въ мірѣ не заставитъ меня преклониться передъ ложью.... или уступить въ правомъ дѣлѣ....

ДЕГОДЕ.

Этого не надо говорить. Статья уваженій такая обширная и разнообразная!... да вотъ.... посмотрите! одна изъ нихъ вотъ уже и идетъ!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

ТЪ же. БУВАРЬ входитъ въ среднія двери.

БУВАРЬ, всторону.

Давать.... мнѣ!... такія порученія!... легко ли?... замать все дѣло?... замать во что бы то ни стало!

ДЕГОДЕ.

Что это, Буварь.... вы вдругъ стали походить....

БУВАРЬ.

На чего?

ДЕГОДЕ.

На дипломата.

БУВАРЬ, отараясь улыбаться.

На дипломата въ поныхахъ, который надѣется на афесъ.... при мѣрно сказать, на васъ.... на дружбу къ вамъ господина майора....

ДЕГОДЕ.

Да въ чемъ дѣло?

БУВАРЬ.

Боже мой! всякой можетъ ошибаться!... даже и [интерпродавецъ!... но когда я виновать.... такъ сейчасъ и признаюсь въ своей дѣлѣ.... да слышу что вчера.... упустилъ изъ рукъ фортуна. Вы предлагали мнѣ свои обязательства.... цѣмъ же вы говорите объ нихъ.... вотъ сейчасъ еще.... въ гостиной.... этотъ толстый господинъ въ лорнетъ каталъ.... фамилія не знаю.... спрашивалъ: «Вы не читали стихотвореній ротмистра.... извините майора.... съ Англича?... прелесть изъ прелестей!... чудесны!... прелесть... да!... (Альберту, улыбаясь) Ужъ видно, вы презентали ихъ кому-нибудь изъ друзей?

АЛЬБЕРТЪ.

Никому въ свѣтъ!

БУВАРЬ, вскрикивая.

Тѣмъ хуже для меня!... Экой я дуракъ!...

ДЕГОДЕ, пре себя, улыбаясь.

Экой ты дипломатъ!

БУВАРЬ.

Просто, дуракъ!... Ужъ когда безъ друзей содженіе становится извѣстнымъ, такъ это чистое золото.... Но я отдаю самолюбіе въ сторону.... и прошу васъ продать мнѣ ваши стихотворенія. Назначьте сами цѣну: я торговаться не стану.

АЛЬБЕРТЬ.

Но стихотворенія, говорили вы мнѣ, нейдутъ съ рукъ въ книжной торговлѣ?

БУВАРЬ.

Ваши сойдутъ!... о! сойдутъ.... въ одно мгновеніе!... въ этомъ я увѣренъ.... и въ доказательство — я покупаю ихъ у васъ. Сколько вы за нихъ просите?... заплачу сію-же-минуту.... и наилучшими....

ДЕГОДЕ.

Смотрите, Буварь! такимъ образомъ.... Я могу подумать, что не вы за нихъ заплатите.

БУВАРЬ, спохватясь.

Ну что-жь!... это правда!... почему не говорить откровенно!... Граждъ мнѣ все рассказалъ.... Васъ просятъ ничего не взмѣнять, не требовать измѣненій, оставить дѣло какъ оно есть.... чтобы не возмущать публики.... пусть она предается своимъ восторгамъ передъ гевіальнымъ твореніемъ.... передъ великимъ человѣкомъ.... образцовымъ историкомъ....

АЛЬБЕРТЬ

Меня просятъ быть сообщникомъ такого обману?...

БУВАРЬ, съ живостью.

Независящаго впрочемъ отъ вашей воли!

ДЕГОДЕ.

Если де-Мариньянъ — великій человѣкъ....

БУВАРЬ.

Въ этомъ не ваша вина!

ДЕГОДЕ.

И не его тоже!

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ! изъ уваженія къ вдовѣ моего генерала, изъ уваженія къ его славному имени, къ его священной для меня памяти, я не допущу.... не долженъ допустить.... чтобы вѣрляя такимъ вздорамъ.... Мой первый и непреложный долгъ — объявить ложнымъ, поддѣльнымъ, постыднымъ сочиненіемъ....

БУВАРЬ..

Признанное оффициально образцовымъ!... Какъ это можно!... особенно когда авторъ пользуется.... богатствомъ, славой, уваженіемъ....

АЛЬБЕРТЬ.

Вотъ это именно и надо заклеить! Вотъ тѣ ндолы, которыхъ должно низвергнуть съ подножія.... Да! въ этотъ вѣкъ хит-

ростей и обмановъ, въ это время всеобщаго притворства, когда каждый укрывается съ своими чувствами и убѣжденіями.... я!... я сорву личину!.. я обнаружу всѣ продѣлки!... Ничѣмъ не оставите меня! Ни какими каверзами не помѣшаете мнѣ высказать правду... Смѣйтесь надо мною!... называйте меня осломъ!... вѣждой!... Бедуиномъ!... Африканцемъ!... но завтра же.... не далѣе какъ завтра....

БУВАРЬ, крича во все горло.

А меня то, меня, за что вы разоряете!

АЛЬБЕРТЬ.

Васъ?

БУВАРЬ.

Вѣдь я продалъ графу эти Записки за подлинныя, и получилъ за нихъ двадцать тысячъ франковъ. Я теперь буду принужденъ возвратитъ ихъ!... возможно ли это?... Вы сами видите, что и я погибъ.... и мы всѣ тутъ теряемъ... Мнѣ поручено переговоритъ съ вами, согласитъся на всѣ ваши требованія.... я увѣренъ, что... по вашей снисходительности.... вы останетесь довольны.... (Тихо.) Вѣрно сказать вамъ, что соглашаются на всѣ, даже на величайшія жертвованія....

АЛЬБЕРТЬ, твердо.

Довольно!... (Глядя на Дегода насмѣшливо.) Вотъ вамъ еще прекрасный обычай вашего общества и вашего вѣка!... слышали вы?... меня хотятъ подкупить деньгами!... (Бувару.) Вы ошибаетесь!... я солдатъ.... я не продаю себя!...

Идетъ къ дверямъ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

ТЪ-ЖЕ и КОРИННА, входя въ среднія двери.

КОРИННА, останавливая Альберта.

Куда вы?

АЛЬБЕРТЬ.

Бѣгу изъ этого дому. Ухожу....

КОРИННА.

Нѣтъ, не уйдете! Я сама говорила сейчасъ съ графомъ, который.... ни живъ ни мертвъ.... Знаете ли?... нельзя сказать.... душа въ немъ прекрасная.... онъ — благородный человѣкъ!...

БУВАРЬ.

Оуъ?!

КОРИННА.

Да!... онъ поступилъ удивительно.... Лишь-только смѣкнулъ, что и все знаю, онъ былъ пораженъ какъ громомъ...: онъ почувствовалъ, что ему нельзя ожидать отъ меня, ни милости, ни пощады... что этотъ ужасный и пренитересный случай составить одинъ изъ чудеснѣйшихъ эпизодовъ для моихъ Записокъ..... несчастнаго рудникъ для моихъ фельетоновъ, выходокъ, статей, одна другою злѣе, одна другою язвительнѣе.... Видя явную опасность, онъ сдался безъ бою, самъ предложилъ миръ, и предоставилъ мнѣ опредѣлять условія, которыя я и пришла рѣшить съ вами, моимъ союзникомъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Со мною?

КОРИННА.

Статья первая. Вы будете молчать.

АЛЬБЕРТЬ.

Нѣтъ!

КОРИННА.

Какъ, нѣтъ?

БУВАРЬ.

Онъ хочетъ разгласить всю истину.

КОРИННА, съ удивленіемъ.

Истину!... какъ можно?... къ чему?....

ДЕГОДЕ.

Я твержу ему то же самое.

КОРИННА.

Это ясно!... (Альберту вполголоса.) Развѣ вы не знаете, что я — побѣдительница?... что мое торжество наступило?... что.... статья вторая.... я — графиня де-Мариньянъ, а Антонія ваша?

АЛЬБЕРТЬ.

Моя!... Ахъ, какъ я счастливъ!

КОРИННА.

Отдѣлавшись такъ благосклонно отъ лютаго дракона, который сбирался пожрать ея руку и ея приданое, она, черезъ меня, отдаетъ вамъ, по принадлежности, и то и другое....

АЛЬБЕРТЬ.

Что вы говорите!

КОРИННА.

И братъ ея согласенъ на это.

ДЕГОДЕ.

И я тоже.... какъ второй опекунъ.

КОРИННА.

И для этого, вамъ стоитъ только сказать слово.... или еще лучше и легче.... не говорить ни словечка... Васъ просать только.... не быть болтуномъ. Вѣдь это даже добродѣтель!

ДЕГОДЕ, улыбаясь.

Вотъ чудесный случай!... сдать на капитуляцію!... теперь, или никогда!...

АЛЬВЕРТЬ.

Нѣтъ!... нѣтъ!... даже и для счастья всей моей жизни, я не предаю совѣсти; я останусь вѣренъ чести.... и истинѣ!...

КОРИННА, указывая ему на Антонію, которая входитъ съ правой стороны.

А ей-то?... ей тоже останетесь вы вѣренъ?... Посмотрите на нее!... можете ли вы еще сопротивляться!... Ну, ну, продолжайте храбриться!... (Всторону.) Забавны мнѣ эти мужчины съ своей твердостью въ долгу.... въ чести.... а лишь только явится женщина, которая имъ приглянулась!...

АЛЬВЕРТЬ.

Автоія!... Ахъ!... у меня голова кругомъ!...

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

ТЪ-ЖЕ и АНТОНІЯ.

АНТОНІЯ, Кориннѣ и Альверту.

Ну, какъ вы были несправедливы къ нему!.... этотъ добрый Марьянъ!... онъ такой деликатный!... такой великодушный!... въ немъ столько же прекрасныхъ чувствъ сколько и прекрасныхъ дарованій!... Я отъ него въ восхищеніи!

ДЕГОДЕ, подходя къ нимъ.

Ну, ну!...

АНТОНІЯ.

Вообразите!... между-тѣмъ какъ я вовсе не ожидала отъ него ничего подобнаго, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: « Вы были « разорены сегодня поутру.... тогда я считалъ долгомъ моей чести « не нарушать въ отношеніи къ вамъ моего слова, которое обез- « печивало для васъ хорошее и безбѣдное положеніе въ обществѣ; « нынче, говорятъ, приданое ваше почти удвоилось, и я узнаю въ « то же время, что сердце ваше давно принадлежитъ другому. Я « не въ силахъ убить ваше счастье въ пользу моего личнаго бла- « женства.... позвольте мнѣ теперь быть подлецомъ.... изъ уваже-

«нѣ къ вашему благу, и не сдержатъ слова.... уничтожить нашъ договоръ....» Что вы на это скажете?... Я тронула до глубинъ души....

ВУВАРЬ, потирая руки, восторгову.

«Евгений останется!....»

ДЕГОДЕ, восторгову, помирая со смѣху.

Ай да пуэъ!... славный пуэъ!... чудо-пуэъ!... Нѣтъ! что вы говорите, а этотъ человѣкъ — рѣшительно гений!

АНТОНІЯ, Альберту.

Вы не находите этого движенія души прекраснымъ?... высокоимъ?... (Альбертъ стоитъ задумавшимъ и не отвѣчаетъ.) «Богъ и люди награждать его за это. Да уже и вознагражденъ.... самымъ благороднымъ, самымъ достойнымъ его образомъ!

ДЕГОДЕ и ВУВАРЬ.

Какъ такъ?

АНТОНІЯ.

Разрѣшить не смѣю. изъ гостиницы.... эти поздравленія.... эти клики радости, всеобщей благодарности.... Онъ — благодѣтель вдовы знаменитаго война.... Директоръ канцеляріи.... который уѣхалъ послѣ обѣда.... сейчасъ воротился....

ВСѢ.

Ну, ну?

АНТОНІЯ.

Ахъ!... что значить сила истиннаго таланта! какъ это сладостно дарованію!... какое торжество гению!

КОРИННА, ДЕГОДЕ и ВУВАРЬ.

Да говорите же!

АНТОНІЯ.

Директоръ прочелъ министру часть втораго тома.... у воевода министра было въ эту минуту три или четыре человѣка его товарищей.... старый маршалъ и прочіе министры были дождо тронуты прекраснымъ подвигомъ при рѣкѣ Дуръ....

ВСѢ.

Возможно ли?

АНТОНІЯ.

Что маршалъ и всѣ они приказали директору приготовить къ завтрашнему докладу записку о назначеніи вдовѣ и дѣтямъ генерала де-Сентъ-Аво шести тысячъ франковъ прибавочнаго пенсіона.

АЛЬБЕРТЬ.

Можетъ ли быть!

АНТОНІА.

И сдѣлаютъ еще такъ, что на его роднѣй... въ Ласертѣ-при-Жуарѣ... жители того города... по добровольному восторгу, захотятъ воздвигнуть памятникъ.... (Взглянувъ на гостиную.) Слышите ли?... какой шумъ!... и крики все болѣе и болѣе усиливаются... Чтѣ тамъ такое? (Приближается къ гостиной и всходитъ туда на минуту).

КОРИННА, Альберту.

Ну, чтѣ жъ? вы еще упрямитесь?

ДЕГОДЕ.

Ужъ не хотите ли вы своимъ рыцарскимъ ревнительствомъ за истину вторично разорить вдову и дѣтей своего генерала?

БУВАРЬ.

Преградить ему путь къ почестямъ и отличіямъ.... которыя для него готовить.

ДЕГОДЕ.

Если все принять въ соображеніе... такъ онъ, собственно, ихъ и заслуживаетъ!

КОРИННА И БУВАРЬ.

Да! да! онъ заслужилъ ихъ!

АЛЬБЕРТЬ, колеблясь.

Конечно.... но все-таки.... это обманъ!

КОРИННА.

Который, всѣхъ надѣляетъ радостью и счастьемъ!

АЛЬБЕРТЬ, все еще колеблясь.

И все-таки остается сущимъ обманомъ!

ДЕГОДЕ.

Совсѣмъ нѣтъ!.... Молчать не значитъ еще лгать..

АЛЬБЕРТЬ, почти соглашаясь.

Не спорю....

ДЕГОДЕ.

Э?

АЛЬБЕРТЬ.

Нельзя сказать.... оно, конечно, такъ!

КОРИННА, ДЕГОДЕ И БУВАРЬ, зажимая ему ротъ.

Такъ молчите же.... и дѣло съ концомъ!

АЛЬБЕРТЬ.

Пусть и такъ!.... но святая справедливость.... и правоученіе всего этого.... нужно же какое-нибудь правоученіе?....

КОРИННА:

Погодите, не торопитесь!.... будетъ и правоученіе?

СЦЕНА ОДИНАДЦАТАЯ.

ТЪ ЖЕ и ГРАФЪ. АНТОНІЯ и МАКСИМЪ ведутъ его объ-руки. За ними всѣ гости.

АНТОНІЯ.

Вотъ онъ!.... вотъ онъ!....

всѣ. еще за кулисами.

Честь и слава таланту!

АНТОНІЯ.

Мы ведемъ его насильно, чтобъ заставить его принять вашу благодарность, наше благоговеніе!....

ВУВАРЬ и ГОСТИ, подымая руки.

Честь и слава гению!

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, графъ, вы не можете уклониться отъ торжества....

ГРАФЪ, раскланиваясь.

Право.... господа.... не знаю какъ и благодарить.... (*Холодно къ Дегоде, которому тоже кланяется.*) Мнѣ надо переговорить съ вами....

ДЕГОДЕ.

Что прикажете? (*Говорятъ шопотомъ.*)

КОРИННА, тихо Альберту.

Вамъ хотѣлось правоученія?

АЛЬБЕРТЬ.

Ну да, разумѣется, мнѣ бы хотѣлось какого-нибудь наказанія такому лукавству, такому лицемерію....

КОРИННА, показывая на графа, разговаривающаго съ Дегоде.

Не хлопчите!.... вотъ оно!...

ГРАФЪ, вполголоса Дегоде.

Ну, такъ завтра я буду просить у васъ позволенія представиться къ вамъ, чтобъ просить о счастьи....

КОРИННА.

Которое онъ вполне заслужилъ.

ДЕГОДЕ. громко.

Позвольте, графъ!.... Я не даю приданого!....

МАКСИМЪ, смѣясь.

Извѣстно!

ВУВАРЬ, тихо Кориннѣ.

А я теперь больше чѣмъ когда нибудь надѣюсь на Записки графини.

КОРИННА.

Второй томъ конченъ. (*Тихо Антоніи.*) Глава седьмая: «Бракъ Коринны и бракъ Антоніи. Великодушіе благороднаго графа.»

АНТОНІЯ.

Въ этой, по-крайней-мѣрѣ, главѣ будетъ истина!

КОРИННА.

А въ прочихъ-то!.... Вотъ люблю! Какъ бы не такъ!.... (*Громко.*)

Et voilà justement comme on écrit l'histoire!

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

САМУИЛЬ РИЧАРДСОНЪ И ЕГО ЭПОХА.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Въ 1689, около года спустя послѣ знаменитой англійской революціи, говоритъ господинъ Жаненъ во Вступленіи къ своему согражденному переводу «Клариссы», которую вы недавно читали: когда вѣкъ славы Франціи прошелъ и начинался вѣкъ славы Англіи ми, лучше сказать, въ то время, когда Англія съ своимъ обществомъ, которому мы не находимъ ничего подобнаго кромѣ сословія римскихъ патриціевъ, находилась въ апогеѣ своего сіянія, въ графствѣ Дерби, семья одного бѣднаго ремесленника умножилась ребенкомъ, котораго рожденіе не принесло ни радости матери ни утѣшенія отцу: и безъ него семейство ихъ было слишкомъ велико, а средства къ содержанію очень ограничены, тѣмъ болѣе что прежде эта семья видѣла благодатные дни. Ребенка звали Самуиломъ; всѣми счастливыми природными способностями

ни ему суждено было облагородить и прославить имя своего отца, столара Ричардсона. Отец его, прежде нежели обстоятельства принудили его приняться за скромное ремесло, испыталъ множество бѣдствій: онъ былъ свидѣтелемъ столькихъ переворотовъ, столькихъ междоусобныхъ войнъ.... Длинная трагедія Стюартовъ, смерть Карла-Перваго, торжество Кромвеля, которому счастье въ преступленіяхъ столько благоприятствовало, царствованіе Карла-Второго, обезславленное кровопролитіями и развратомъ и, наконецъ, владычество Якова-Второго, бѣжавшаго отъ престола, все это могло разорить самыхъ богатыхъ людей, не только родителей маленькаго Самуила. Вскорѣ Самуилъ лишился даже матери, доброй и кроткой женщины, убитой мыслью объ участи своихъ дѣтей, которыхъ, въ мечтахъ, она видѣла окруженными всею роскошью счастья. Оставшись одинокимъ, безъ друга, который до того раздѣлялъ съ нимъ бремя жизни, дербійскій ремесленникъ упалъ духомъ и даже едва не помѣшался на мысли будто замѣшанъ въ дѣлѣ герцога Монмутскаго, потому что кое-что для него работалъ. Эти обстоятельства побудили старика Ричардсона переселиться съ семействомъ въ графство Шрусбери. Здѣсь доходы его были очень малы и потому дѣти воспитывались, волею Божіею, какъ попало. Разумѣется, въ такомъ положеніи не могло быть и рѣчи о другихъ учителяхъ греческаго, латинскаго, еврейскаго и французскаго языковъ, и о всѣхъ тѣхъ средствахъ къ образованію, которыя существуютъ лишь для достаточныхъ людей. Впрочемъ, мы видимъ тысячи примѣровъ, что у славнѣйшихъ геніевъ корзина въ чуланѣ служила колыбелью, наковальня — дѣдушкой, лопата — теткою, а порогъ родной хижины — обсерваторіей, съ которой они созерцали и изучали міръ.

Мы не намѣрены исчислять всѣхъ даровитыхъ людей, рожденныхъ въ низкомъ званіи и нашедшихъ въ своемъ воображеніи и умѣ полезное и славное вознагражденіе за труды жизни; это завело бы насъ слишкомъ далеко. Впрочемъ, к чему жалобы на несчастное и въ нерадѣнія оставленное дѣтство? Бѣдствія дѣлають душу упругою и сильною. Шекспиръ сравниваетъ ихъ съ сурою, морозною зимою, отъ которой земля становится цвѣтущею и плодородною. Что же до отсутствія первоначальнаго образованія, школьнаго воспитанія, которымъ начинаются всѣ біографіи знаменитыхъ людей, развѣ нѣтъ множества убѣдительныхъ доказательствъ, что это препятствіе, слава Богу, не остававляло никогда стремленій истиннаго дарованія. Возьмемъ въ примѣръ

одну Англию: сколько тамъ было славныхъ поэтовъ, которые никогда не питались молокомъ учевыхъ кормилицъ, Оксфорда и Кембриджа! Шекспиръ, Поупъ, Грой, Томсонъ, земледѣлецъ Борнъ, Чаттертонъ, Конгревъ, ремесленникъ Бей — чада собственнаго своего гениа; талантъ имъ данъ Тѣмъ, кто далъ пѣснь птицъ, свѣтъ — звѣздѣ; кормилицей ихъ была фантазія, наставникомъ — вдохновеніе.

Такихъ авторитетовъ достаточно; но относительно воспитанія Самуэля Ричардсона надобно слушать его самого. Онъ — самый угнѣнительный, простодушный примѣръ воспитанія, давшаго природою, воспитанія, котораго простые цвѣтки, нарванныя миклодомъ въ поляхъ, не лишены ни граціи ни аромату. Вполнѣ развитый юноша, Самуэль Ричардсонъ былъ скромнѣе и покоемъ. Онъ получалъ простое, строгое, нѣсколько мѣщанское воспитаніе, воспитаніе не шумное, не изысканное, не наполняющее головы его пустыми, несбыточными, горделивыми надеждами. Дѣтство его прошло въ кругу добрыхъ, немножко любознательныхъ женщинъ и маленькихъ не рѣзвыхъ дѣтей, находившихъ удовольствіе въ тихой домашней бесѣдѣ. Тутъ не могло быть и гнѣи той шумной и буйной живости, отличающей воспитанниковъ англійскихъ коллегій, молодыхъ людей, искусныхъ во всеміръскихъ упражненіяхъ, ловко владѣющихъ шпагою, смѣло управляющихъ конемъ, отличныхъ пловцовъ, душъ гордыхъ, необузданныхъ, неукротимыхъ, располагаемыхъ состояніемъ и притворомъ отцовъ къ удовлетворенію своихъ неистовыхъ помысловъ и страстей, людей, очертя голову, предаются всевозможнымъ излишествамъ, и все это, имѣя не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду! оправдывая свои сумасбродства необходимостью заплатить долгъ лѣтамъ юности. Такого избытка жизненныхъ силъ не было у историка Ловласа. Ричардсонъ съ дѣтства былъ скромнѣе гениемъ, умѣреннымъ въ образѣ жизни, и безукоризненной нравственности. Ставъ молодымъ человѣкомъ, онъ ограничивалъ свои наслажденія прогулкою подъ тѣнью рощи и чтеніемъ повѣстей, которыя онъ перерабатывалъ по своему, чтобы, рассказывая ихъ, заслужить вниманіе своихъ слушательницъ, — нѣсколькихъ женщинъ и двушекъ, — сидѣвшихъ по зимнимъ вечерамъ за рукодѣліемъ. Первою его радостью былъ рассказъ; первую работою повѣсть. Счастливый импровизаторъ едва успѣетъ начать свою исторію, для которой всегда находилисьнисходительные и востаные слушатели, какъ уже всей душой предается своему пытливымъ взоромъ слѣдилъ онъ за подвижнымъ в ли

цами своихъ слушательницъ и, во мѣрѣ возбужденія страстей, обнаруживавшихся во взглядахъ и движеніяхъ ихъ, то убавлялъ, то прибавлялъ, то исправлялъ и продолжалъ романъ. Природа дала Самуилу Ричардсону и голосъ и ручку и кротость двѣ вочки; отъ этого онъ скоро сдѣлался другомъ и повѣреннымъ полупробужденныхъ сердецъ своихъ молоденькихъ сосѣдокъ, убавившихся и трепетавшихъ отъ необъятныхъ, невѣдомыхъ надеждъ, — отъ первой шестнадцатилѣтней мечты! Внимательно и съ сочувствіемъ выслушивалъ онъ стыдливыя рѣчи не ему удѣленной любви и подмѣчалъ страсти какъ-будто нарочно затѣвъ, чтобъ потомъ во всей правдѣ и простотѣ передать ихъ какъ художественное произведеніе. Переходя отъ довѣренности къ довѣренности, влюбленныя пріятельницы дошли наконецъ до того, что стали диктовать ему свои первыя письма, первые отказы, которые почти никогда не бывають слишкомъ жестоки! свой первый гнѣвъ, который такъ легко укрощается! и молодой секретарь все глубже и глубже проникалъ взоромъ въ сердца, вызванныя къ жизни первымъ дуновеніемъ страсти.

Такимъ образомъ протекло дѣтство и первая молодость автора «Клариссы.» Трудъ былъ ему не только привыченъ, но составлялъ потребность жизни. Онъ скоро отгадалъ великую тайну мудрости, жить въ ладу съ самимъ собою и въ самомъ себѣ находить счастье. Въ двадцать лѣтъ онъ не хмурилъ бровей и не жаловался на то, что «одинокъ, совершенно одинокъ посреди безбрежнаго моря»; онъ не желалъ сократить своей жизни ни на одинъ день: онъ любилъ жизнь и смиренно пользовался ею; онъ говорилъ: «Я живу какъ веселый мельникъ, ни о комъ не забочусь, и обо мнѣ никто не заботится.» Онъ не фанфаронилъ своимъ порокамъ, для того, чтобъ показаться старше чѣмъ былъ; не тратилъ лучшихъ и драгоценнѣйшихъ лѣтъ своей жизни на романтическія привязанности къ женщинамъ, доступнымъ во всемъ страстямъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ истинныя опасности жизни, и потому воображаемыя препятствія его не пугали; другимъ предоставлялъ онъ ловить мимолетныя наслажденія въ мутной лужѣ разгульнаго, неметоваго сластолюбія.

«Мы окружаемъ себя деревенскими мечтами, говоритъ онъ, радуемся вѣнку изъ васильковъ и мяты, вѣруемъ въ Бога, вѣрнимъ пословицамъ, и ступаемъ осторожно, чтобы уйти подальше. Какая намъ надобность, куда прійдемъ мы? прійти бы только какъ можно позже. Чтò мы знаемъ? Цѣли не всегда достигается самый проворный, побѣда не всегда остается на сторонѣ сильнаго: силь-

ныя сокрушаются, проворные задыхаются, мечъ истираетъ ножны. Да и что перучится, что хваленныя вами наслажденія дѣйствительно наслажденія. Я довольно зналъ по-латыни, чтобъ понимать два стиха одного изъ самыхъ искусныхъ учениковъ Эпикура:

«...medio de fonte leporum
Sorgit amari aliquid.»

(На потокѣ сладострастья всплываетъ нѣчто горькое.)

Сказавъ себѣ это, нашъ честный молодой человекъ принимаетъ за дѣлю, закрывая глаза, затыкая уши, защищая свою душу и гордость отъ искушенія ума, тщеславія и чувствъ.

На осьмнадцатомъ году Самуэль Ричардсонъ поступилъ ученикомъ въ типографію Вилде, котораго впоследствии прославилъ и обогатилъ. Ученье продолжалось семь лѣтъ, семь тяжелыхъ лѣтъ упорнаго труда, дневнаго и ночнаго. Хозяинъ былъ суровъ, ученикъ повиновался молча; его иногда ободряла улыбка хозяйской дочери, которая питала спокойное и нѣжное расположеніе къ скромному молодому человѣку. У него было столько же мужества, столько же терпѣнія и въ тысячу разъ больше ума, воображенія и таланта чѣмъ у знаменитаго американскаго типографщика, Франклина. Ричардсонъ правду говаривалъ, что бѣдность пожизненное рабство, и дѣйствовалъ на этомъ основаніи, — каждый день онъ дѣлалъ шагъ впередъ. Вилде называлъ его краеугольнымъ камнемъ своей типографіи; однако жъ не давалъ ему за это и сальнаго огарка для вечерняго чтенія. Въ такихъ трудахъ и лишеніяхъ протекла Ричардсонова молодость. Однако жъ, если молодые годы были нѣсколько мрачны и холодны, зато въ будущности сіяли слава и счастье. Ричардсонъ тогда уже могъ видѣть мерцаніе восхитительныхъ лучей семейнаго счастья, свой очагъ, окруженный дѣтьми и благосостояніемъ, зарю дней золотого вѣка.

Наконецъ наборщикъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ несчастіемъ; въ свою очередь онъ сдѣлался хозяиномъ типографіи и записался въ граждане города Лондона. Въ первый разъ въ жизни испыталъ онъ въ это время наслажденіе привольной, независимой жизни въ порядочно меблированной комнатѣ, у затопаившаго кампа, при двухъ ясныхъ свѣчахъ; у него явился свой уголокъ, — a comfortable home, — и онъ воспользовался свободой: сперва читалъ, а потомъ началъ сочинять книги. Званіе содѣлателя типографіи у уже нѣсколько обезпеченное со-

стояніе позволяли ему смѣло приняться за новое давно вожделѣнное литературное ремесло. Прежде, еще среди черной мглы и вонючей типографской, Ричардсонъ видѣлъ тревогу и работу плачевныхъ героевъ мысли, безпокойныхъ и шумливыхъ мучениковъ настоящей минуты, вѣчно томящихся гладиаторовъ, алчущихъ славы и хлѣба, полевщиковъ, которые болѣе терпятъ и менѣе уважаются чѣмъ извозчки, изъ которыхъ одни нуждаются въ дарованіяхъ, другіе въ насущномъ хлѣбѣ, — которые принуждены хвататься за всякое ремесло, — сегодня быть памфлетистами, завтра папегриетами, — бросаться изъ одной крайности въ другую. Благоразумный и осторожный Ричардсонъ долго не рѣшался ступить на эту горячую золу пожарища. Ему памятны были бѣдствія, нищета, униженія и страданія многихъ собратьевъ предшественниковъ, писателей и поэтовъ; онъ помнилъ Райверса, бѣднаго Сорри, Мора, сложившихъ головы на плахѣ; помнилъ изгнаннаго Клерендона, опальнаго, слѣпаго и несчастнаго Мальтона, умершаго съ голоду Ботлера, и глядя на такія бѣдствія благодарилъ Бога, что онъ охранялъ его отъ скорбей и тревоженій гевіа. Онъ медленно принимался за литературу и для начала писалъ только вещи болѣе книгопродавческія чѣмъ литературныя, — объявленія и предисловія, — и предпринималъ «просмотрѣнныя и исправленныя» изданія. Наконецъ онъ однакожъ рѣшился сдѣлаться издателемъ журнала, какихъ въ то время множество выходило въ Лондонѣ. Журналистика въ то время только что основывала свое господство на берегахъ Темзы; это было новое изобрѣтеніе, сила еще невѣдомая, и за нее съ перваго разу взялись самыя свѣтлыя головы въ Англіи, Стиль, Аддисонъ, Свифтъ, Конгревъ, Вэльшъ, Арбэтнотъ, Ге, Попъ, Книгъ, Прайоръ, докторъ Фрайндъ, — *огненные языки* того времени. И надо же было случиться, что ставокъ пилъ поставилъ именно добрый и благоразумный Ричардсонъ, столько же пзумленный страшнымъ дѣйствіемъ этихъ летучихъ листковъ, какъ ребенокъ, который поднесъ зажженный фитиль къ затравкѣ пушки.

Благодаря своему благоразумію, въ которомъ не было ничего безчестнаго, несправедливаго, типографшикъ издатель Ричардсонъ не потерпѣлъ нисколько отъ газетчиковъ общественаго мнѣнія. Одинъ разъ только счастливый королевскій типографшикъ на Сельсберійскомъ Подворьѣ, членъ сословія бумажныхъ торговцевъ, честной господинъ Самуилъ Ричардсонъ, собратъ и другъ типографшика и лондонскаго лорда-мера Барбера, невольно и самъ же зная какъ подпалъ подъ строгія мѣры, принятыя англійскимъ

правительствомъ противъ злоупотребленія книгопечатанія. Торжественныя актинцы того времени шутокъ не терпѣли: примѣръ тому — факторъ «Робинсона», Даниѣль де Фо; преслѣдованія, какимъ онъ подвергся, почти невѣроятны: тюрьма, позорный столбъ, конфискація, ссылка... чего не было употреблено въ дѣло! Самуилу Ричардсону не по плечу были такія опасныя схватки. Можно себя представить, каковъ былъ ужасъ королевскаго типографщика, когда онъ впервые въ жизни «встрѣтилъ льва лицомъ къ лицу» — попалъ въ лапы къ самому неистовому, самому наглому и отчаянному памфлетисту англійскому, герцогу Вартону.

Лордъ-правитель Ирландіи, герцогъ Вартонъ, котораго Польша называла «величайшимъ срамникомъ», который при Карлѣ Второмъ и Яковѣ Второмъ игралъ важную роль въ палатѣ перовъ, вдругъ сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ королевы Анны и ея министровъ. Рѣчами, газетою, самыми опасными продѣлками на съезженной оппозиціи онъ старался вредить правительству безпокойному, подозрительному и шаткому. Онъ еженедѣльно издавалъ газету The True Briton, въ такомъ отчаянномъ духѣ, что всѣ типографщики стали отказываться печатать зажигательные листы благороднаго лорда. Въ отчаяніи лордъ Вартонъ обратился къ Самуилу Ричардсону и тотъ въ первый разъ въ жизни позабылъ осторожность, а можетъ-быть и положась на увѣренія Вартонова секретаря, Аддисона, въ простотѣ души отдалъ свои станки сумасшедшему. Раскаяніе не заставило ждать себя: на третьемъ номерѣ газету запретили, Вартона присудили къ пенѣ, а несчастный типографщикъ чуть-чуть не попалъ въ мошенники. Но министерство увидѣвъ его раскаяніе, тревогу, страхъ, не только простило Ричардсону невольную вину, но даже поручило ему печатаніе журнала Нижней Палаты, изданія очень важнаго и доставлявшаго вѣрный доходъ.

Не думайте, однако жъ, чтобъ Ричардсонъ забылъ когда-нибудь гордое и красивое лицо, огненное, увлекательное краснорѣчіе, разпутную жизнь, ѣдкое остроуміе, адскую насмѣшливость, барскую свѣсь и баснословные пороки герцога Вартова, зачинщика смуты 1723 года, памфлетиста, который первый довелъ англійское вольнодумство до послѣдней крайности. Ричардсонъ никогда ничего не забывалъ, ни похвалъ, ни оскорбленія. Онъ былъ изъ враговъ самой опасной породы, — изъ тихихъ, — которые способны дѣло столѣтіе помнить зло. Къ тому же тутъ былъ и Свифтъ, который, написавъ «Очеркъ характера лорда Вартона», какъ будто отомстилъ за Ричардсона, Свифтъ, Гарлеевъ Алкиадъ, Болдвброковъ

Аякъсь, защитникъ власти, отважный въ поединкѣ, умеренный въ оборонѣ, нещадно бичевавшій самыхъ могущественныхъ своихъ противниковъ, Сондерленда, Годольфина, Коупера, Вальполя, самого герцога Марльбро и наконецъ Вартона, котораго подавляетъ всюю тяжестью нестопаимаго остроумія, ѣдкой прои и немлюсердаго, необузданнаго гнѣву.

Ричардсонъ съ радостью смотрѣлъ на это озлобленіе Свифта и откладывалъ свое собственное мщеніе до удобнѣйшаго времени. Когда политическія страсти поостыли, общественныя бури поутихли, историкъ «Клариссы» вспомнилъ о наглѣмъ баринѣ, который думалъ запутать его въ свое дѣло, и списалъ своего Ловласа съ этого страшнаго и блестящаго образца эгоистовъ, всѣхъ и все, ниспровергавшихъ вокругъ себя для удовлетворенія своей минутной прихоти или озлобленія. Ричардсонъ отдѣлалъ Вартона не хуже Свифта.

Впрочемъ, образцомъ Ловласа служилъ не одинъ лордъ Вартонъ. Въ Англіи въ это время было много и другихъ оригиналовъ, такихъ же «срамниковъ». Едва ли, напримѣръ, можно найти челоуѣка храбрѣе и благовоспитаннѣе, чѣмъ поэтъ джентльменъ Генри Говардъ, графъ Сорри, погибшій на эшафотѣ за оппозицію. Оксфордскій университетъ гордится имъ какъ однимъ изъ лучшихъ своихъ учениковъ; онъ былъ послѣднимъ странствующимъ рыцаремъ въ Англіи, страшный мужчинамъ, любимый женщинами, онъ нарочно ѣздилъ во Францію Медичей, чтобы услужливымъ оружіемъ защищать красоту даму своего сердца, Джеральдину, къ которой писалъ трогательные стихи, такіе, что можно почесть замѣтowanными у Петрарки.

«Сладостный мой соловей развернулъ бутончикъ розы, разостлалъ свою мягкую зелень на пригоркахъ и равнинахъ; жаворонокъ въ новомъ нарядѣ поетъ свою невинную любовь; влюбленная горлица вѣжно воркуетъ, кличетъ милаго; взгляни! все поетъ, все улыбается; ласточка воротилась къ знакомымъ кровлямъ; пчела жужжить около улья; я одинъ не нахожу ни надежды ни любви.»

По возвращеніи въ Лондонъ, изъ походу, гдѣ добылъ высокочестный орденъ Подвязки, графа Сорри, въ одну прекрасную ночь, схватили на улицѣ и привели на судъ перовъ, обвиненнаго въ буянствѣ и нарушеніи спокойствія городскихъ обывателей. Какъ школьника, вырвавашагося на волю, благороднаго лорда, пера королевства, челоуѣка возвышеннаго характера, ума проникательнаго, забавляетъ бить стекла въ домахъ спящихъ горожанъ. Этотъ

блестятельный архиепископъ, ужасъ и бичъ лондонскихъ выѣсковъ и улицъ, который расѣиваетъ на площадяхъ якобинскія пѣсни, съ презрѣніемъ смотритъ на нравы и не ставитъ ни во что общественное мнѣніе, чрезвычайно напоминаетъ собою полную приключеній жизнь Ловласа. Взикнувъ немного въ книги, моды, нравы англійскаго общества тогдашняго времени, мы отыщемъ въ нихъ и другіе оригиналы лицъ, которыхъ Ричардсонъ вывелъ въ своихъ романахъ. Не войдемъ далѣе 1691 года, ознаменованнаго пожаромъ Вайтъ-голлекаго Дворца. Сатира Свѣта на нравы этой знаменитой резиденціи — совершенно Ювеналовская. Впрочемъ и въ самой исторіи мы находимъ прямое объясненіе, какимъ образомъ авторъ Клариссы Гарло осмѣлился впоследствии, не оскорбляя вѣроподобія, вывести въ своемъ романѣ на сцену, убійства, преступленія, оргіи; какимъ образомъ, охъ, душа крѣткая и честная, могъ помѣстить этого ангела Клариссу между Вавилонянками самаго низкаго разбору, и допустить это небесное созданіе сдѣлаться жертвою сластолюбія слугъ сатаны, *servants of Satan*. Отдѣливъ Ловласа отъ нравовъ, которыхъ охъ есть порожденіе, мы, безъ сомнѣнія, не будемъ въ состояніи объяснить себѣ, ни его преждевременнаго развращенія, ни его своеволія, ни его проклятій, ни его глубокаго пренебреженія ко всѣмъ законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Долго длилась эта испорченность нравовъ, которыхъ примѣромъ и причиною были Вавилоняне и Вавилонянки Карла Втораго. «Продолжительный миръ и благополучіе, которыми наслаждалась Англія, не привыкшая къ подобному бездѣйствію, породили пороки, обыкновенно развивающіеся у народовъ, находящихя въ бездѣйствіи: эгоизмъ, хитрость и грубый развратъ. Мы не говоримъ, чтобъ вы, которые такъ громко вопіете теперь противу разврата вашихъ предковъ, были ихъ лучше; нѣтъ: но вы, по крайней мѣрѣ, хоть наружно, но все-таки уважаете приличія, а это — въ нѣкоторой степени признакъ, что вы внутренно признаете существованіе добродѣтели въ обществѣ. Въ настоящее время, слава Богу, герои и героини Вальполя только во мракѣ и ночью позволили бы себѣ предаваться гнуснымъ влеченіямъ своимъ, и оргіямъ Меднемскаго Аббатства, которыя описываетъ Джонсонъ, скоро былъ бы положенъ конецъ общественнымъ негодованіемъ. Самъ развратный, остроумный Вальполь не осмѣлился бы въ наши дни, какъ въ свое время, съ нѣкотораго рода тщеславіемъ, хвастать богатствомъ, награбленнымъ съ народа, порученнаго его управленію; грабительство скрывается какъ порокъ, а это явленіе угѣ-

нительное! Въ это время всеобщаго мира и внутренняго богатства въ Англіи, на которое намѣкаетъ Вальтеръ Скоттъ, происходитъ дѣйствіе Клариссы; Ловласъ достойный современникъ Болливброка и Вальполя; при немъ въ Англіи палъ древній рыцарскій духъ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ цѣлая нація, обратися къ положительной сторонѣ жизни, стала предпочитать полезное страстямъ, трудъ считать необходимою добродѣтелью; при немъ началось господствованіе великихъ ораторовъ, умовъ глубокомысленныхъ, строгихъ, положительныхъ. Тогда Лондонъ не былъ тѣмъ что онъ теперь, самымъ роскошнымъ, самымъ величественнымъ, самымъ благопристойнымъ городомъ въ свѣтѣ. Лондонъ былъ Лондономъ Попе: громадною массою кирпичей, дыму, кораблей, грязною и мрачною; городомъ исчезнувшимъ въ лѣсу мачтъ, гигантскимъ куполомъ, похожимъ на погрешку шута. Таковъ же былъ и Лондонъ Ричардсона, который съ строгою точностью списываетъ съ натуры и городъ и его жителей. Все дышетъ истиной въ его разсказѣ, который онъ долго обдумывалъ; Ричардсонъ слишкомъ честенъ, чтобъ ввѣриться воображенію, которое очаровываетъ и пропадаетъ; онъ не имѣетъ претензіи на даръ возвышать лица выдуманная, на степень существъ дѣйствительныхъ; не заботясь о славѣ романиста, онъ хочетъ сохранить честь моралиста, въ романѣ наполненномъ притѣсненіями, гордостью, преступленіями и тщеславіемъ. Простосердечный романистъ не выдумываетъ даже имени своего героя. У него всегда передъ глазами лицо и характеръ его ужаснаго товарища, лорда Вартона; но когда ему пришлось дать имя своему герою, Ричардсонъ вспомнилъ, что Кромвель имѣлъ дѣло съ роляистскимъ поэтомъ *Ловласомъ*. Этотъ Ловласъ, врагъ протектора, былъ красавецъ, дворянинъ, смѣльчакъ и умница; если бъ онъ имѣлъ немножко болѣе генія и счастья, вѣрно занялъ бы мѣсто на ряду съ тѣми рѣдкими поэтами, которые въ то же время были храбры и дѣятельны: Данте, Тассомъ, Аріостомъ, Эсхиломъ, Софокломъ, и ради справедливости причислимъ сюда же Байрона и Шатобриана. Ловласъ, посаженный въ тюрьму по волѣ палаты депутатовъ, писалъ ѣдкія и смѣлыя пѣсни для своихъ друзей, и пѣснь его, проскользнувъ черезъ затворы и рѣшетки, летѣла утѣшать изгнанниковъ Кромвеля. Вотъ человекъ, котораго именемъ авторъ Клариссы назвалъ главное лицо своего романа. Безъ сомнѣнія, онъ заимствовалъ у него не одно имя, потому что Ловласъ поэтъ былъ въ то же время и баринъ, очень распутный. Тысячи ужас-

ныхъ анекдотовъ разсказывались объ его развращенности. Въ Англіи и теперъ еще есть фамилія лордовъ Ловласовъ.

Скромный, внимательный Ричардсонъ долго готовился къ своему труду; онъ собиралъ разбросанныя черты характеровъ, разнообразныя матеріалы, заимствованныя изъ исторіи того времени и группировалъ ихъ около своей идеи. Книга не была еще напечатана. Впрочемъ ему не было и времени приняться за этотъ важный трудъ. Сначала онъ женился, слѣдуя обыкновенію, существовавшему тогда въ порядочныхъ домахъ Сити, на дочери своего хозяина, миссъ Аллиптонъ Вильдъ, которая сама могла судить о прекрасныхъ качествахъ своего жениха. Съ нею онъ имѣлъ пятерыхъ сыновей и дочь. Одинъ изъ сыновей умеръ, и мать не могла пережить своего ребенка.

За эту двойную потерю послѣдовала вскорѣ кончина старика, отца Ричардсона, и двухъ вѣжно-любимыхъ братьевъ, сестры и вѣжно любимаго друга; и все эти утраты Ричардсонъ понесъ втеченіи двухъ лѣтъ. Горестъ его была сильна, онъ проливалъ горькія слезы; но время, покорность волѣ Провидѣнія, занятія, оставшіяся дѣти, новая супруга, сестра друга книгопродавца Лика, шестеро новыхъ дѣтей, утѣшили Ричардсона. Таковы подробности этой жизни долгой, счастливой, веселой, окруженной уваженіемъ. Домъ въ городѣ, дача за городомъ, преданные друзья, добрые сосѣди, обезпеченное, честнымъ образомъ нажитое состояніе, тихій, скромный, гостепріимный, правильный образъ жизни, здоровье, свѣтлый умъ, славное имя, распространенное отъ одного конца Европы до другаго, популярность и вѣщо поэтическое соединенное съ именемъ, вотъ блага, которыми наслаждался Ричардсонъ. Этотъ счастливый человекъ былъ идиломъ для своихъ дѣтей, другомъ для своихъ работниковъ. Не одинъ разъ владывалъ онъ въ ящикъ наборщика добрую полгинею, чтобъ работнику, явившійся первый на работу, нашелъ у себя подъ рукою награду за свое прилежаніе. Въ числѣ лицъ, которымъ Ричардсонъ помогалъ совѣтами и кошелькомъ, находился и ученый Джонсонъ.

Внучка Ричардсона оставила намъ рисованный ею портретъ этого достойнаго старца. Этотъ образъ души свѣтлый и кроткій долженъ быть чрезвычайно похожъ. Ясное, утреннее солнце озаряетъ комнату, поэтъ только что всталъ, онъ въ шлафрокъ, съ длинными складками, голова его покрыта мягкимъ колпакомъ съ висточкою, толпа молоденькихъ женщинъ въ скромномъ утреннемъ нарядѣ благоговѣнно слушаетъ чтеніе Клариссы. Google

Этотъ портретъ писанъ въ самую торжественную минуту для Клариссы; книга эта была во всеѣ рукахъ, во всякомъ домѣ; ее видѣли и на столахъ въ царскихъ чертогахъ, и въ самыхъ скромныхъ книжкахъ англійскихъ фермеровъ; читая ее плакали самыя прекрасныя женщины Англїи. Ричардсонъ самъ примѣнилъ къ себѣ стихъ Виргилїа: *Nostri non plena laboris?* въ какомъ уголкѣ земли не говорятъ о трудахъ моихъ. Въ это же время одна особа, которая не объявила своего имени, пожелала увидѣть собственными глазами знаменитаго автора Клариссы: «доставьте мнѣ случай взглянуть на живаго героя» сказала одна англійская леди своему соотечественнику. Ричардсонъ получилъ по этому случаю письмо, исполненное выраженїемъ самой чистой, безукоризненной кокетливости. Его просили, въ извѣстный день и часъ, явиться въ Севъ-Джемскій паркъ.

Привыкшїй уже къ подобнаго рода льстивымъ изъявленїямъ удивленїя, Ричардсонъ однако жъ отвѣчалъ прекрасной незнакомкѣ, что увидать его, ничего нѣтъ легче. «Я прохожу черезъ паркъ разъ, и два, въ недѣлю, отправляясь на дачу; вамъ не трудно узнать меня по слѣдующимъ примѣтамъ: человекъ очень небольшого роста, футовъ въ пять, порядочно толстенькїй, въ бѣлокурномъ парикѣ, въ свѣтломъ кафтанѣ, въ чернаго цвѣта нижнемъ платьѣ; обыкновенно я держу руку за камзолъ, другою опираюсь на трость, которую закрываютъ фалды моего кафтана; я иду всегда прямо, довольно скоро, это не мѣшаетъ мнѣ однако жъ наблюдать, что дѣлается на право и на лѣво, хотя я не поворачиваю ни головы ни взоровъ. Цвѣтъ лица у меня смуглый, во рту все зубы, выраженїе лица доброе, щеки розовыя; иной подумаетъ, что мнѣ шестьдесятъ пять лѣтъ, другой, что я моложе моихъ лѣтъ; глаза у меня сѣрые, очень живые; я вижу далеко; лишь только появится хорошенькая женщина, мои сѣрые глаза тотчасъ обращаются на ножки красавицы, а потомъ уже на ея лицо. Вотъ каково то маленькое существо, которое вы желаете видѣть, сударыня.»

Шекспира отъ Ричардсона, Жюльетту отъ Клариссы отдѣляетъ цѣлый вѣкъ, но впрочемъ этого вѣка, англійская литература, если не какъ раба, то какъ снисходительная подражательница литературы французской. При Карлѣ-Первомъ, Венїаминъ Джонсонъ, человекъ ужасающей грубости, играетъ роль Боалдъ, только съ меньшею живостїю; Драйдъ, искусный подражатель Расина, изъ угожденїя Карлу-Второму укрощалъ музу Шекспира. При этомъ дворѣ остроумцевъ и тонкихъ льстецовъ, трагедїя стала прислу-

жизнь, комедія своевольна; литература англійская приняла вкрадчивыя замашки литературы французской; все сдѣлалось французскимъ при дворѣ короля, бѣжавшаго изъ Сентъ-жерменскаго замка; принцесса Ганриетта, Сентъ-Эвремонтъ, кавалеръ де-Граммонтъ, котораго романъ — исторія, сама герцогиня Партемоусъ, и нѣтъ ли Французъ между ними, самъ Карлъ Второй — люди прибывшіе изъ Франціи; при этомъ дворѣ блистали прелестями ума и юности Валлеръ, Бокпемъ, Свдди, Рочестръ, Шефтебери, и едва ли кто-нибудь слышалъ объ имени философа Локка; Шенспиръ былъ негдѣ извѣстенъ чѣмъ Расинъ. Вскорѣ однако жъ, при новой династіи, подъ вліяніемъ парламента Вильгельма и его послѣдникомъ началось новое поколѣніе. Все сдѣлалось англійскимъ; сначала языкъ, прекрасный языкъ, вызванный къ новой жизни Попомъ, Аддисономъ, Свиготомъ, Фильдингемъ; котораго предѣлы расширилъ Байронъ; которому Вальтеръ-Скоттъ далъ чудно блестящій колоритъ. Языкъ Мильтона распространился скорѣ изъ одного свѣта въ другой, признакъ господства и побѣды идей народа. Наконецъ, англійская литература, столь долгое время неизвѣстная или пренебрегаемая во Франціи, переносится черезъ Провансъ, самъ Вольтеръ ѣдетъ въ Англію открывать этотъ языкъ, онъ былъ Хрестофоромъ Колумбомъ этого Новаго Свѣта; въ судьбахъ этой литературы было нанесено, что Вольтеръ будетъ заниматься Шекспиромъ, подражать ему и потомъ раскаиваться въ томъ что боготворилъ этого *пылаго дикаря*, le sauvage ivre, который скорѣ затмилъ его самого. Владычество французскихъ идей и французской литературы на материкѣ Европы было слишкомъ сильно; сомнительно чтобы Европа въ настоящее время могла познать и цѣнить Шенспира, если бъ корифей французской литературы не взялъ на себя труда открыть ея существованіе и говорить объ ней съ восторгомъ. Онъ привезъ въ Лондонъ свои благородныя и богатыя подписчицы свою великую поему, знаменитую Генрияду и вывезъ оттуда Гамлета, Макбета и Потерянный Рай. Французскій умъ, который, несмотря на всѣ протвудѣствія, продолжалъ господствовать въ литературѣ вѣка королевы Анны, былъ уже побѣжденъ въ Лондонѣ; благодаря Вольтеру онъ былъ вдругъ побѣжденъ и въ самомъ Парижѣ и во всѣхъ столицахъ Евревы, которыя рабски подражали Парижу. По обѣимъ сторонамъ Прованса совершилась реакція, и вполнѣ къ пользу Англій. Да и могло ли быть иначе, когда самъ Вольтеръ показалъ примѣръ? Реакція эта была такъ сильна, что даже Вольтеръ, впоследствии раздраженный распространеніемъ славы

англійскихъ литераторовъ, которыхъ достоинство онъ первый протрубилъ въ Европѣ; даже Вольтеръ, ни своею пропіею, ни своимъ сарказмомъ, ни своимъ краснорѣчіемъ не могъ удержать уносившаго его потока. Скоро все англійское до того завладѣло Франціею, что воздвигнувъ сначала триумфальные ворота поэтамъ, романистамъ и философамъ Англии, она стала подражать ея кровавымъ революціямъ, формамъ ея правленія, приняла ея круглую шляпу, ея черныи фракъ, ея сапоги, ея панталоны. Посмотрите какъ важны бываютъ въ исторіи самые ничтожные случаи. Не будь во Франціи лгунишки, развратника, мерзавца, котораго звали шевалие де-Роанъ; не вздумай этотъ подлець, вмѣсто того чтобъ подраться на дуэли, сдѣлать низкую засаду съ своими лакеями, которые, за злую эпиграмму, предательски отколотила палками сидну мосьё Вольтеру, мосьё де Вольтеръ не бѣжалъ бы отъ стыда въ Англію, въ исходѣ 1728 года, не возбудилъ бы своими письмами и посланіями удивленія и энтузіазма ко всему англійскому, на зло всему французскому, въ укоризну Парижу, гдѣ такой человекъ, какъ кавалеръ де-Роанъ можетъ безнаказанно отдирать палками такого поэта какъ мосьё де-Вольтеръ; Французы и донынѣ довольны были бы собою, и въротно французская революція не имѣла бы мѣста въ исторіи. Вольтеръ призъжаетъ въ Лондонъ, его ласково принимаютъ въ этой столицѣ величайшихъ аристократовъ въ Европѣ, ему открываются всѣ гостиницы; англійскіе лорды не позволяютъ, чтобъ Вольтеръ едѣлся, какъ сказалъ Цицеронъ о Катилинѣ, *inquinus agis urbis Romae*, обитателемъ трактира; каждый изъ нихъ предлагаетъ домъ свой французскому поэту.

Фальконетъ, глава богатѣйшаго торговаго дому въ Лондонѣ, тотъ самый, который внослѣдствіи былъ англійскимъ посланникомъ при Высокой Портѣ, угощалъ Вольтера отъ имени города. Ему показываютъ памятники людей, ему объясняютъ механизмы правленія, онъ слышитъ, что люди говорятъ о въротерпимости; онъ видитъ себя поощряемымъ, уважаемымъ, обогащеннымъ; онъ дописываетъ свою Гевріаду, которой первые стихи были начертаны карандашемъ на стѣнахъ Бастиліи, дописываетъ подъ тѣнью величественныхъ липъ въ Вэндворстѣ, прелестномъ загородномъ домѣ въ окрестностяхъ Лондона. Эта поэма, написанная въ честь одному изъ истинно французскихъ королей Франціи, посвящается принцессѣ Валлійской, которая вскорѣ должна явиться королевою Каролиною. Этого мало, эта почти пышная похвала Крыльоновъ, Морне, Сюлли была изда-

на счетъ англійскихъ лордовъ, и излишекъ собранныхъ денегъ составилъ основаніе богатства автору. Такимъ образомъ все въ Англіи благопріятствовало ему, даже лоттерея, даже коммерческія спекуляціи; онъ воротился во Францію богатый, осыпанный почестями, съ новыми идеями, увѣренный въ самомъ себѣ, полный надеждъ на будущее. Поэтъ называлъ его своимъ другомъ, Конгресъ своимъ воспитанникомъ; прибавьте къ этому первыя радости новой любви, мадамъ дю-Шатле, двадцати-четырехъ лѣтнюю красавицу, пріивѣтствующую восторженнымъ, очарованнымъ взоромъ систему Ньютона, которую Вольтеръ излагаетъ Франціи Письма объ Англіи, написанныя человекомъ, находящимся подъ мнѣніемъ удивленія и признательности, умнымъ и парадоксальнымъ, не могли не произвестъ опаснаго впечатлѣнія на народный духъ Французовъ. Каждая страница этого разсказу объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Англіи, была дерзкою новизною. «Письма» наконецъ обратили на себя вниманіе парижскаго парламента, который присудилъ ихъ къ сожженію какъ книгу соблазнительную, противную религіи, добрымъ правамъ и уваженію къ властямъ. Равнъ съ своей стороны, хотя довольно поздно, предалъ ихъ проклятію. Между тѣмъ книга шла своимъ путемъ; она была написана съ жаромъ и съ чувствомъ истиннаго удивленія къ предмету. Энтузіазмъ поэта доходитъ до того, что онъ просямлетъ даже *прекрасное небо.... Лондона!* Къ счастью, солнце яркими лучами освѣщало зеленѣющіе берега Темзы, когда онъ пріивѣтствовалъ ихъ въ первый разъ; онъ видѣлъ прогулку короля и королевы въ украшенной флагами шлюбкѣ, за которою слѣдовали суда, съ музыкантами; каждый гребецъ былъ одѣтъ, какъ нѣкогда одѣвались французскіе пажы; своимъ лицомъ, окляненъ, полнотою тѣла, каждый изъ этихъ моряковъ, какъ будто говорилъ, что онъ свободенъ и живетъ въ довольствѣ.

Вотъ энтузіазмъ, не дожидаящійся даже того чтобъ путешественникъ вышелъ на берегъ. Вольтеръ удивляется всему въ отечествѣ Клариссы. Всѣ молодые люди кажутся ему красивыми и стройными, онъ находитъ, что всѣ женщины очаровательно ѣдутъ верхомъ, онъ съ восторгомъ смотритъ на молоденькихъ дѣвушекъ, прекрасныхъ собою, одѣтыхъ въ индійскія ткани, стройныхъ, опрятныхъ, дышащихъ живостью и самодовольствіемъ, отчего всѣ онѣ кажутся миленькими. Едва успѣлъ выйти на берегъ, Вольтеръ попадаетъ на истинно англійское празднество, на скачку; ему даютъ лошадь, и вотъ онъ верхомъ виѣшивается въ блестящую толпу. «Мнѣ казалось будто я присутствую на

олимпийских играхъ, но красота Тензы, безчисленное множество кораблей, громадная величина города, заставили меня покраснѣть за то, что я осмѣлился сравнить Элладу съ Англіей! Этого мало, восхищенный поэтъ сравниваетъ англійскихъ боксеровъ съ древними гладиаторами. «Сейчасъ узналъ я, что въ Лондонѣ въ это же время былъ бой гладиаторовъ, мнѣ показалось, будто я повреди древнихъ Римлянъ.» Вечеромъ нашъ Парижанинъ пресить представить его нѣкоторымъ придворнымъ дамамъ, потому что нисколько не сомнѣвается въ томъ, чтобы онѣ не были тѣ которыхъ онъ видѣлъ утромъ управляющими конемъ съ такою ловкостью. Это были уже не тѣ женщины, а дамы самой высокой аристократіи Англіи. «Онѣ были навлунуты и холодны, пили чай; шумѣли своими вѣерами, и кричали одна передъ другой, злословя своихъ близкихъ; однѣ играли въ карты, другія читали газеты; наконецъ одна человѣкомобильнѣ другихъ взяла на себя трудъ объяснить мнѣ, что *le beau monde* никогда не ушмашотся до того чтобы присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, которые меня такъ очаровали; что красавицы, которыми я такъ любовался, были служанки или крестьянки; что всѣ эти всадники, которыхъ ловкость въ управленіи конемъ такъ меня поразила, были школьники и купеческіе прикащики, развѣзавшіе на наемныхъ лошадяхъ. Я безъ шутокъ рассердился на даму, которая разсказала мнѣ все это.»

На другой день Вальтеръ былъ за городомъ. Онъ вошелъ въ грязную гостиницу, дурно меблированную, въ которой ничего похвально не было. Онъ находить тутъ тѣхъ же самыхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ вчера веселыми и счастливыми. Они толковали о своихъ дѣлахъ, и объ одномъ происшествіи, которое казалось мало ихъ занимало. «Молли зарѣзалась сегодня утромъ; ея любовникъ нашелъ ее мертвою, въ своей комнатѣ; окровавленная бритва лежала возлѣ нее. Эта Молли, хорошенькая, молоденькая, очень богатая дѣвушка, въ это утро должна была обвѣнчаться съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который нашелъ ее мертвою. Эти господа, все друзья Молли, слушали новость, не шевеля бровью. Только одинъ изъ нихъ спросилъ: А чтѣ случилось съ любовникомъ? — Онъ купилъ бритву, отвѣчалъ кто-то. Молли зарѣзалась потому что вѣтеръ дулъ съ востока.» Представьте же себѣ, послѣ этого, какинъ соображеніи долженъ былъ употребить Ричардсонъ, сколько генія долженъ онъ былъ имѣть, чтобы пооставить свою. Клариссу противъ этихъ надменныхъ дамъ, этихъ сума-

обродныхъ двушдѣль, этихъ «летннческнхъ» нужннхъ, которыя спрашиваютъ толькo: *а что сдѣлалось съ британомъ?*

Вотъ какнмъ представился Вольтеру Лондонъ въ масѣ; потому мало по малу, съ добросовѣстностью и хладнокровннмъ своего гениальнаго ума онъ началъ внннать въ подробности жизни этой націи. Первый серіозный визитъ онъ дѣлаетъ квакеру, и квакеръ приглашаетъ его обѣдать, рассказываетъ ему исторію Вильяма Пенна, основателя своей секты, друга принцессы Елизаветы, супруги Георга Перваго, знаменитой женщины, которой Декратъ посвятилъ первыя свои сочиненія.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Пенсилваніи и съ исторіею друзей, путешественникъ нашъ обращаетъ вниманіе на англиканскую церковь. Онъ изучаетъ бытъ высшаго и низшаго духовенства, одобряетъ бракъ этихъ священниковъ, отцовъ семействъ, столь мало нехожихъ на развращенныхъ французскихъ аббатовъ. Онъ сравниваетъ англійскій парламентъ съ римскимъ сенатомъ. Онъ слышитъ тамъ рѣчи, достойныя Демосоена и Цицерона, слышитъ тамъ пренія о самыхъ важныхъ вопросахъ правленія, происходящія съ достоинствомъ и приличіемъ, которыхъ онъ не видалъ ничего подобнаго въ другихъ странахъ, и онъ становится восторженнымъ поклонникомъ англійскаго образа правленія, которое хорошо на практикѣ только въ одной Англіи.

Своею торговлею, Лондонъ сдѣлался счастливымъ соперникомъ Карфагена, Венеціи, Амстердама. Издавна уже вопросъ о торговлѣ шерстью, о рынкахъ, былъ предметомъ жестокихъ распрій между Англіею и Франціею; миръ и война зависѣли отъ произвола купцовъ. Англійскіе купцы, слишкомъ хорошіе спекулянты, чтобъ не спекулировать даже на славу, заплатили за битвы при Креси, Пуатье, Азенкурфъ, за осаду Парижа, за осаду Орлеана, за занятіе Нормандіи, они заплатили также за побѣды принца Евгенія; поэтому, по мнѣнію Вольтера, сказать, — англійскій купецъ значило тоже, что сказать римскій гражданинъ. Всѣ эти новости воспламенили голову Вольтера, и это пламя должно было воспламенить сумасбродныя головы его соотечественниковъ.

Занятіемъ данъ удивленія порядку, который онъ видѣлъ всюду, богатству, которое онъ встрѣчалъ разннтымъ по всѣмъ классамъ общества, и въ сравненіи съ которыми своеволіе, безпорядокъ и крайняя бѣдность народа во Франціи казались ему хуже, нежели были въ самомъ дѣлѣ, Вольтеръ шелъ отдохнуть въ театръ посмотрѣть трагедію Шекспира. Своими письмами онъ до-

кавышастъ, что понималъ не много въ «Мибетъ», «Король Лиръ», въ горести «Ганлета», или въ ревности «Отелло». Онъ предпочитаетъ Драмама Шекспиру и утверждаетъ, что Аддисонъ, авторъ «Катома Утичоскаго» одинъ изъ англійскихъ драматическихъ писателей умѣлъ написать благородную трагедію. Впрочемъ, онъ скоро переѣхалъ въѣніе, и сдѣлался жаркимъ поборникомъ Шекспира и Милтона и всей англійской литературы.

Но лучшія похвалы свои Вольтеръ расточаетъ англійскимъ вельможамъ, которые имѣли столько ума, чтобъ заниматься литературою, честь, которой французскіе вельможи не оказываютъ ни поэмѣ, ни драмѣ. Придворные французскаго двора едва позволяли лучшимъ писателямъ Франціи забавлять себя какой-нибудь часъ. Вотъ почему Вольтеръ прославляетъ графа Рочестера, лорда Дерсета, лорда Россомона, и ставитъ Валлера выше Вольтера. Всего болѣе ему нравится почтеніе, которое въ Англійскій оказываютъ не литераторамъ, а людямъ гениальнымъ. Какъ онъ далеко выше тѣхъ жалкихъ, ничтожныхъ пенсіонеровъ, которыми во Франціи надѣляютъ гениальныхъ людей! Аддисонъ — статсъ-секретарь; Ньютонъ — начальникъ монетныхъ дворовъ королевства; Кенгровъ — главный судья; Прайеръ — полномочный министр. Пону дають дѣсти тысячъ франковъ за его переводъ Илиады. Уважаемые и послѣ смерти, великіе люди погребаются въ Вестминстерѣ рядомъ съ королями.

Таково происхожденіе *англоманіи*, слова веселаго, и новой моды которая быстро завладѣла Франціею, и скоро всю Европою мода, которая принесла много и въ добра, сдѣлавши ихъ промышленными и трудолюбивыми, и много зла, потому что возволновала умы и волнуеть ихъ до-сихъ-поръ. Съ заглаваніемъ рядомъ и страсть къ англійскимъ романамъ. «Клорисса» заставила вѣдъ дѣть, плакать, мечтать всю твердую землю Европы; къ числу предметовъ вывозной торговли Англій, и безъ того уже необыкновенно большому, присоединилась новая обширная статья, вывозъ англійскихъ романовъ.

Въ это-то время торжества англійской литературы являлся и сцена замучающее, неожиданное произведеніе воображенія, наблюдательности и здраваго смысла превосходившихъ писателей Англій, романъ, — сынъ на лву, отдохновеніе счастливой мысли, театръ постоянно открытый, дѣтя мечты, столь же древнее какъ трагедія, столь же могущественное какъ комедія, но извѣстное болѣе власти надъ собою. Романъ, какъ снѣтъ, это мѣсто обитанія всѣхъ страстей, неисчерпаемый колодець, вырытый во внутрен-

ности человечества. Предоставьте волю искусному романисту, и онъ безъ ошаря отыщеть нужнаго ему человѣка; первый, котораго онъ встрѣтитъ, и есть тотъ кого ему надо; онъ удовлетворяется одною страстью, одною горестью, однимъ жилищемъ. Серioзный или насмѣшливый историкъ дѣйствительной жизни, дѣйствуетъ на васъ истиною, вымысломъ; онъ беретъ себѣ въ помощь разсказъ, разговоръ, одежду, пейзажъ, описаніе, таинственность, онъ престоудушенъ, страшенъ, насмѣшливъ, возвышенъ, великъ, краснорѣчивъ, остракъ, въ одно и то же время, часто на одной и той же страницѣ, если только для выраженія его страсти и совершенства труда нужно такое накопленіе пособій. Обладая средствами для исполненія болѣе многочисленными, нежели ораторъ, поэтъ и историкъ взятые вмѣстѣ, романистъ испытываетъ менѣе затрудненій; онъ повинуется законамъ менѣе строгимъ, онъ имѣетъ болѣе надежды на успѣхъ, нежели они, потому что онъ господствуетъ надъ всѣми странами свѣта: онъ тревожитъ всѣ души, онъ потрясаетъ всѣ сердца; сердца простые и сердца возвышенныя, скромныя и горделивыя, сердца богачей и бѣдняковъ, старцевъ и юношей, сердце невинной дѣвушки, горделивой кокетки, и пожелтой женщины, спускающейся съ холма, ступающей по пожелтѣвшимъ осеннимъ листьямъ. Онъ удовлетворяетъ всѣ мечты воображенія, ума и сердца.

Романъ нравственный есть лучшій товарищъ празднолюбца; разсказъ поглощаетъ его лишнее время, и препятствуетъ употреблять его на дурное.

Откуда беретъ свое начало эта форма поэзии, столь обыкновенная у новѣйшихъ народовъ. Одни говорятъ, будто вымыселъ мы знали у Востока, страны сказокъ и небесъ, усѣянныхъ звѣздами; астрономамъ и сказочникамъ были халдейскіе пастухи; Греція представляетъ намъ примѣры, сколько ума и прелести придаетъ ложь истинѣ, сказка исторіи. Для юношей Греціи романомъ были Илиада и Одиссея; Греція дѣловая восхищалась слушая Демосоена; романъ — занятіе праздности, требуетъ для себя думъ менѣе занятыхъ, умовъ менѣе шумныхъ, жизни болѣе внутренней. Романъ — это семейство, въ которомъ отецъ, мать, дѣти дѣйствуютъ внутри и вѣ своего круга, сами на себя и на людей постороннихъ. Но отецъ семейства древняго міра, вобруженный своимъ всемогуществомъ, не такой человѣкъ, который бы сталъ обращать вниманіе на страсти его окружающія. Чтò же касается до любви, которая, правду сказать, составляетъ самый главный интересъ романа и жизни, то этотъ благородный, очарователь-

ный двигатель всѣхъ человѣческихъ поступковъ, былъ чрезвычайно ослабленъ у древнихъ народовъ, отсутствіемъ всѣхъ препятствій и опасностей, составляющихъ самую привлекательную его сторону. Въ средніе вѣка, когда во Франціи всѣ серіозныя книги писались по латыни, языкъ народа, который изъ презрѣнія называли народомъ римскимъ, *perlo roman*, употреблялся только въ разговорѣ, въ пѣсняхъ и дѣтскихъ сказкахъ; отсюда произошли пѣсни называемыя романсами и чудесныя сказки, — романсы, какъ произведенія исключительно свойственныя языку *романскому*, испорченному и раздѣлившемуся на разные діалекты языку Римлянъ, покоренныхъ Франками.

Во Франціи романъ удерживалъ всегда этотъ характеръ дѣтскихъ и простонародныхъ сказокъ о баснословныхъ подвигахъ колдунь и рыцарей. Впослѣдствіи эти сказки превратились въ сентиментальныя аллегоріи, не измѣняя впрочемъ основнаго своего характера, небывалости. Солдатъ императора Карла-Пятаго и Донъ-Хуана Австрійскаго, Сервантесъ, первый ввелъ въ романъ жизнь общественную, жизнь дѣйствительную; онъ первый низвелъ вымыселъ на общую арену, для того чтобы каждый могъ взять изъ него часть, какъ изъ потока свѣтлой рѣки, чтобъ каждый человѣкъ могъ удѣлять этому произведенію свою прелесть, свой костюмъ, свое лицо, свой умъ, свои странности, свои пороки. Вы помните Донъ-Кихота, этотъ міръ людской, живой, внимательный, всегда готовый на отвѣтъ, всегда готовый на битву, легковѣрный, хвастливый, злой, насильшливый, лакомый; вѣ этихъ знатныхъ дамъ, бросающихъ презрительный взглядъ на Мариторію; и изумительнаго Санчо, котораго котомка полна съѣстными припасами, здравымъ смысломъ и пословицами, и, наконецъ, самаго Донъ-Кихота, простодушнаго, трогательнаго; послѣдній отблескъ умирающаго рыцарства — вотъ та большая дорога, по которой идетъ новѣйшій романъ, вотъ та тропинка, по которой пробѣгаютъ герои дѣйствительной жизни, герои, которыхъ, благодаря Сервантесу, мы знаемъ наизусть имена и лица: цирюльщикъ, комедіантъ, земледѣлецъ, заблудившіяся инфанты, солдатъ, возвращающійся изъ Африки, пилигримы и рыцари. Идеаль смышленый съ дѣйствительностію, однимъ словомъ, жизнь, только — жизнь, но жизнь во всей полнотѣ, съ ея шумомъ, ея фантазіями, условіями и славою. Несмотря на это Донъ-Кихотъ, это чудо новѣйшей литературы, былъ потерянъ для Франціи. Франція Корнелла осталась Франціей манзель Скудерн и ея сестры. Въ кушотѣ простосердечнаго испанскаго романа, Корнелль нашелъ

своего *Сиды*; во всемъ *Донъ-Кихотъ* Франція сначала не отыскала ничего кромѣ *Артамасовъ*, *Александровъ*, *Фестоновъ* и *пастушковъ*; но наконецъ, послѣ долгой нерѣшимости, опытовъ, попытокъ, явился романъ комической, нѣчто движущееся, нѣсколько похожее на дѣйствительность, *Лесаажъ* нашелъ своего *Жиль-Блаза*. Романъ, который былъ прежде сказочною поэмою, невозможною баснею, сдѣлался настоящею комедіею; совершился важный переворотъ, который повелъ насъ отъ романа скитающейся жизни, къ роману внутреннему, къ исторіи семейной жизни. Шагъ этотъ сдѣлать было уже не трудно, и въ этомъ состоитъ слава творенія *Ричардсона*.

Мы видѣли съ какою осторожностью, съ какою нерѣшимостью; этотъ превосходный человѣкъ, какъ скоро онъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ ужасной заботы всѣхъ пишущихъ во ремеслу—необходимости правиться, чтобъ жить—какъ скоро онъ почувствовалъ, что можетъ жить, чтобъ правиться, *Ричардсонъ* рѣшился испытать свои силы въ романѣ. Его планъ былъ начертанъ еще въ юности; онъ хотѣлъ правиться простодушною граціею, которая находится внѣ области искусства. Онъ желалъ лучше убѣждать хорошими совѣтами, мудрыми уроками, нежели привлекать вниманіе и возбуждать интересъ въ читателѣ. Ему было въ это время уже пятьдесятъ лѣтъ, онъ свободно могъ располагать своимъ временемъ и своею мыслію.

Ричардсона упрекаютъ въ томъ, будто въ своемъ романѣ онъ чрезвычайно невѣрно изобразилъ нравы, языкъ и обычаи высшего англійскаго общества: высокоумѣрные критики, потому что каждая литература имѣетъ своихъ критиковъ-деиди, обвиняютъ автора *Клариссы* въ томъ, что онъ изучалъ *большой свѣтъ въ своей кухнѣ*. Слѣдуетъ ли однакожъ изъ этого, чтобы отецъ *Клариссы*, хотя бы онъ и не умѣлъ выставить въ истинномъ свѣтѣ тонкости обращенія въ нѣкоторыхъ избранныхъ гостиныхъ, не былъ писателемъ могущественнымъ, не по принципальности, съ которою онъ наблюдаетъ всѣ мелочи жизни, а по силѣ своихъ мыслей, по энергіи драмы, по могуществу, съ которымъ онъ вадѣетъ страстями. Изящные приемы проходилъ, драма остается. Не осуждать его должно бы, а удивляться, какимъ образомъ онъ, который изъ вельможъ зналъ только лорда *Вартона*, могъ отгадать, что дѣлается въ этомъ мірѣ блестящихъ пороковъ.

Мы видѣли, что *Ловласъ* былъ существо дѣйствительное; все истинно въ *Клариссѣ*, даже имя героя. Что миссъ *Гардо* существовала въ самомъ дѣлѣ, что въ какомъ-нибудь графствѣ Англій

дѣйствительно жило педантическое семейство Гарловыхъ, привязанное къ своему помѣстью, къ своимъ деньгамъ, преданное скудости, которая есть источникъ всѣхъ визостей, всѣхъ преступленій, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя. Кто изъ насъ не встрѣчалъ въ своей жизни такія семейства умовъ посредственныхъ, сердце холодныхъ, надменныхъ и тщеславныхъ. Мы видимъ передъ собою домъ, гостиную, садъ, заросшую травю большую аллею, бесѣдку, въ которой водятся домовые; мы видимъ даже этихъ куръ, которые сбѣгаются утромъ получать кормъ изъ прекрасныхъ рукъ Клариссы. Мы видимъ все это, благодаря искусству съ какимъ Ричардсонъ описываетъ всеневную жизнь, какою она была въ его время въ Англіи.

Но зачѣмъ говорить такъ много о дѣйствительности, которая проявляется на каждой страницѣ, на каждой строкѣ этой превосходной книги. Самъ авторъ нѣсколько разъ старается убѣдить насъ въ дѣйствительности своего романа. Трогательная, немного длинноватая исторія *Памелы* представила автору сюжетъ для разказа, по манерѣ своей напоминающаго «Вакфильдскаго священника», образецъ миниатюрныхъ романовъ, какъ называетъ его Гёте. Какой-то старичокъ дворянинъ разказывалъ Ричардсону, что лѣтъ двадцать тому назадъ, въ одно изъ своихъ путешествій пѣшкомъ по различнымъ графствамъ Англіи, онъ однажды, въ воскресенье, остановился въ трактирѣ, мимо котораго шла дорога къ церкви. Едва путешественникъ успѣлъ уѣсться у окна, какъ мимо проѣхала прекрасная карета, въ которой сѣли мужъ съ женою, оба молодые и красивые, особенно послѣдняя. Бѣдные кланялись ей съ такою признательностью, что путешественникъ послѣдовалъ за нею въ церковь; тамъ онъ вполне имѣлъ время налюбоваться красотою и благочестіемъ этой прекрасной дамы. Эта женщина, окруженная теперь такимъ уваженіемъ и любовью, лѣтъ пятнадцать тому назадъ была бѣдная сирота, воспитанная изъ состраданія, въ близъ-лежащемъ замкѣ лорда ***. Госпожа замка сдѣлала се своею горничною, но любила ее какъ дочь. Эта добрая дама умерла, когда Памелѣ не было еще семнадцати лѣтъ; молодой владѣлецъ полюбилъ Памелу, но ни просьбы, ни страсть, ни угрозы, ни оскорбленія, ни хитрости, ни что не могло поколебать добродѣтели этой дѣвушки. Наконецъ красота и невинность Памелы тронули ея преслѣдователя, и Памела стала графинею, а мужъ ея счастливѣйшимъ изъ отцевъ семейства въ Англіи.

Послѣ двадцати-пяти-лѣтнихъ тяжелыхъ трудовъ, которые до-

оставилъ ему спокойствіе и независимость, Ричардсонъ вспомнилъ объ этой трогательной исторіи. Онъ вникъ живше въ эту драму исполненную слезъ и восторговъ; онъ писалъ медленно, долго, и тѣ часы, когда все улыбалось вокругъ него, когда все молало, дѣти были спокойны, вечеръ тихъ, комната тепла. Онъ торжественно наслаждался своимъ произведеніемъ, создавалъ главу за главою, останавливался на самыхъ лучшихъ мѣстахъ, улыбался самъ, когда было чему улыбаться (свидѣтель этому предисловіе), раздѣляя самъ соучастіе своихъ слушателей. Каждое утро, (точно также какъ было и съ Клариссой,) родственники, друзья, дѣти, слуги спрашивали: «что дѣлаетъ наша Памела?» и если были объ ней какія-нибудь новости, онъ тотчасъ сообщалъ ихъ. Наконецъ въ одинъ прекрасный день, день счастливый для семейства Ричардсона, Памела вышла за мужъ за молодого графа. Первая встрѣча любовниковъ была 10 ноября 1759 года, 11 января 1741 — свадьба, ровно четыре года романа; ясно, что не смотря на всѣ проволочки, влюбленные потеряли не слишкомъ много времени.

Успѣхъ Памелы былъ необыкновенный; ее читали, трогались ею, рукописали ей, со слезами на глазахъ, съ улыбкою на устахъ. Пасторы рекомендовали романъ съ кафедръ, какъ книгу великую цѣны. Ни одинъ литераторъ въ Англіи не мечталъ даже о такой радости. Англичане были увлечены. Они увидѣли наконецъ передъ собою двоихъ влюбленныхъ, очень естественныхъ, совершенно непохожихъ на любовниковъ тогдашнихъ французскихъ романовъ; не было ни запутанныхъ приключеній, ни усилій; простая, обыкновенная исторія сердца, развивающаяся при дневномъ свѣтѣ; дѣвушка самаго ничтожнаго происхожденія интересуется въ тысячу разъ болѣе, нежели всѣ выдуманная принцессы и королевы французскаго романа; слогъ также ясенъ, какъ просто дѣйствіе; люди эти говорятъ, какъ всѣ люди; въ Памелѣ они нашли вѣрное изображеніе чувствъ, людей, съ которыми жилъ Ричардсонъ; въ каждомъ словѣ, въ каждомъ происшествіи видѣнъ порядокъ, спокойствіе, миръ, утвердившіеся въ англійскомъ обществѣ, котораго Ричардсонъ, Фильдингъ, Гольдсмитъ, Смокетъ, Мекензи, и даже самъ Спаризъ были глубокими, притязательными историками.

Говорили, будто знаменитый лондонскій типографщикъ, Ааронъ Гилль, помогалъ Ричардсону писать Памелу. Въ то время когда литература была дѣломъ большой важности, подобные случаи считались клеветою; однакожъ господинъ Гилль считъ своею обязанностію опровергнуть эту маленькую ложь, которая со време-

немъ могла одышаться большою истиною. «Ричардсонъ, писалъ Гилль, одинъ—авторъ этой школы добродѣтели и по моему мнѣнію—мало людей, между умершими и живущими, которые могли бы сравниться съ нимъ по силѣ одного таланта. Во всѣхъ его словахъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ, онъ всегда вѣренъ природѣ. Я знаю за нимъ одинъ только недостатокъ, и признаюсь, у Ричардсона онъ доведенъ до крайности: это недовѣрчивость къ своимъ произведеніямъ.»

Черезъ семь лѣтъ послѣ Памелы явилась въ свѣтъ «Кларисса» блистательная звѣзда, бросающая первые лучи свои въ рѣку жизни. Слишкомъ вроткій образъ для такого зеркала; существо прелестное, едва созрѣвшее, цвѣтокъ едва развернувшійся со всѣми своими ароматами.»

Въ слѣдующей статьѣ представляется въ натурѣ нравы, которые Ричардсонъ представилъ въ фантазіи. Руководителемъ, какъ и въ этой статьѣ, будетъ служить намъ то же «Введеніе» господина Жанена, возродителя «Клариссы», у котораго здѣсь заимствованы главныя мысли и лучшія страницы, съ устраненіемъ всего что не шло къ дѣлу и только запутывало его остроумныя сужденія.

ШАМАНСТВО

У НАРОДОВЪ СЪВЕРНОЙ АЗІИ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Несмотря что всѣ Монголы и большая часть Бурятъ исповѣдуютъ буддизмъ, что всѣ Киргизы — магометане, и всѣ Якуты и турскія племена енисейской губерніи издавна приняли христіанство, шаманство осталось у нихъ въ уваженіи, хотя ламы и нулы жестоко преслѣдуютъ шамановъ, а христіанскіе священники обнаруживаютъ всю нечѣстность жертвоприношеній и заклинаній.

У другихъ народовъ, осѣдлыхъ и составившихъ гражданское общество, шаманское вѣрованіе получило даже степень религіи. Манчжуры, овладѣвшіе Китаемъ, при разившейся гражданственности тотчасъ замѣтили, что вѣра ими исповѣдуемая не имѣетъ правилъ, и царствовавшій, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, богдоханъ повелѣлъ написать правила и обряды шаманскаго служенія, составляющаго придворную религію Китая. Объ этомъ мы поговоримъ послѣ.

Шаманство не имѣетъ собственнаго названія у народовъ исповѣдующихъ его. Китайцы называютъ шаманство *пьяскою предѣ духами*, Монголы *черною вѣрою*, для отличія отъ буддизма, которое они называютъ *желтою вѣрою*, по цвѣту принадлежащему богдохану и слѣдовательно самому уважительному.

Нѣкоторые, по привычѣ выводить все изъ Індіи, хотѣли объ-

яснить шаманство санскритскимъ словомъ *сраманаъ*, которое Греки превратили въ Саманси. Въ этомъ предположеніи главную роль играетъ сходство словъ; чтобъ уничтожить его, нужно только вспомнить, что Русскіе передѣляли слово «шаманъ» изъ манджурскаго «самани», а остальные народы называютъ шамана каждый по своему, о чемъ будетъ говорено послѣ. Другіе производили шаманство изъ буддизма, и возстановителя этой вѣры Шакьямуни называли Шаманомъ. Въ этомъ выводѣ нѣтъ и тѣни правдоподобія. Наконецъ господствъ Словцовъ почиталъ шаманство дребезгами какой-нибудь древнѣйшей религіи. Всѣ эти выводы и догадки основаны на одной мысли, что шаманство проявилось въ колыбели народовъ, Индіи, и передавалось однимъ народомъ другому,—мысли старинной, можно сказать классической. Углубляться въ изысканія, давно ли какой-нибудь народъ исповѣдуетъ шаманство, значило бы то-же что искать давно ли существуетъ этотъ народъ. Если спросите у Бурята, Тунгуса или Якута, давно ли они исповѣдуютъ шаманство и откуда его приняли, услышите одинъ отвѣтъ: не знаю. Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ любому шаману, получите тотъ же отвѣтъ. Правда, иной расскажетъ вамъ нелѣпую сказку, изъ которой вы ничего не поймете. Рѣшительно можно сказать, что ни одинъ народъ не въ состояніи объяснить, откуда взялась вѣра, имъ исповѣдуемая, но всѣ скажутъ: такъ вѣрили наши отцы и такъ велѣли намъ вѣрять. Даже Монголы, единственные грамотѣи на Сѣверѣ Азіи, съ осьмнадцатаго столѣтія не имѣютъ историческихъ памятниковъ о происхожденіи шаманства. Такимъ образомъ мысль, что шаманство проявлялось само собою у этихъ народовъ, не встрѣчаетъ опроверженія.

Утвердительно можно сказать, что шаманство у Монголовъ существовало въ глубокой древности. Китайская исторія замѣтила его еще до Рождества Христова. Въ исторіи дому Цинь-хань-ту говорится о Хюнь-му, древнихъ обитателяхъ Монголіи, что князья ихъ собираются ежегодно въ хавскую орду праздновать новый годъ. Въ пятую луну съѣзжаются они для жертвоприношенія предкамъ, небу, землѣ и духамъ. Поутру ханъ выходитъ поклоняться солнцу, а вечеромъ луиѣ. Въ 121 году до Рождества Христова китайскій полководецъ Хо-цюй-бинъ, разбивъ хюньскаго князя, воевавшего въ сѣверо-восточной части Китая, нанесъ въ его юртѣ золотой истунамъ, который назывался «Царь неба».

За двести лѣтъ до Рождества Христова, Вой-люй, знамени-

тѣмъ вельможа хюанскаго хана, желая сбавить съ руки другаго любимица ханскаго, нѣжнаго китайскаго полководца Ли-гуанъ-ли, научилъ шамана, совершившаго заклятія надъ большимъ матерьяломъ хана, что духъ ее мучащій требуетъ себя въ жертву Ли-гуанъ-ли. Требованіе шамана было исполнено *.

Здѣсь конечно не безъ ошибокъ китайскій историкъ говоритъ о богослуженіи Хюану; онъ смотрѣлъ на него глазами Китайцевъ: поклоненіе небу и землѣ и душамъ умершихъ онъ смѣшалъ съ поклоненіемъ предкамъ.

Есть основанія думать, что въ древности вся средняя Азія призывала шаманское вѣрованіе.

Персидскій историкъ Алай-эддинъ Атта-Мулкъ-Джувейни, жившій въ началѣ тринадцатаго столѣтія, описывая исчезнувшій теперь народъ Уйгуровъ, жилища котораго простиралось отъ вершинъ рѣкъ Селонги, Толы и Орхона къ западу до кочевьевъ Киргизовъ, а на югъ до Туркестана, говоритъ, объ ихъ вѣрѣ, что Уйгуры были волшебниковъ и называли ихъ *камы*, такъихъ же какіе теперь у Монголовъ. Эти люди увѣрили, будто имѣютъ сообщеніе съ демонами и отъ нихъ узнаютъ все что происходитъ на свѣтѣ. Онъ спрашивалъ объ этомъ у многихъ людей достойныхъ вѣроятія. Они отвѣчали, что слышали какъ демоны разговариваютъ съ камнями чрезъ отверстіе въ верху юрты. Монголы по невѣжеству вѣрили до его времени въ своихъ камовъ, и даже большая часть владѣльцевъ изъ дома Чингисова вѣрили имъ. Безъ совѣта съ волхвами они не предпринимали никакого важнаго дѣла. Эти камы лечили и болѣзнь.

Плано-Карпини, посолъ папы къ монгольскому хану въ тринадцатомъ столѣтіи, говоритъ то же о камахъ и жертвахъ духамъ.

Признавъ существова божество, невидимыя, человекъ призналъ духовность своей души и безсмертіе этихъ существъ. Мысль о бесконечности ведетъ къ безначальности, а потому ни одинъ шаманъ не въ состояніи объяснить откуда взялись духи: онъ вамъ только скажетъ, что между ними есть души умершихъ шамановъ и въ некоторыхъ знаменитыхъ людей.

Допустивъ существованіе духовъ, нужно было признать и раздѣленіе ихъ, во-первыхъ, на добрыхъ и злыхъ, во-вторыхъ по мѣсту обитанія, и въ-третьихъ по могуществу. Однако жъ есть народы, которые признаютъ духовъ безъ раздѣленія: добрыми

* Записки о Монголіи: отца Іакинвоа.

и злыми дѣлаются они по обстоятельствамъ. Духи обитающіе на землѣ избираютъ для жительства своего мѣста отдаленныя, непосязаемыя людьми. Въ этомъ случаѣ каждый народъ поселяетъ духовъ своихъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считаются у него неприступными.

Намъ удалось наблюдать шаманство только у народовъ монгольскаго племени, имѣющаго нѣкоторыя книги относительно поклоненія предметамъ почитанія, и мы представляемъ здѣсь очеркъ ихъ мнѣологіи шаманства, а послѣ коснемся вѣрованій другихъ племенъ.

Монгольскія племена не имѣютъ понятія о единствѣ и духовности Существа Всемогущаго, но сливаютъ это понятіе съ матеріальностью. Признавая голубой сводъ неба твердью, они придаютъ ей всемогущество, а потому Существо Высочайшее у нихъ называется Небо, и вѣтъ слова соотвѣтствующаго нашему «Богъ». Этому небу придаютъ они прилагательное такое, какое мы употребляемъ при имени Бога, напримѣръ вѣчный, премудрый, всепронзидящій, всеозерцающій, несравненный, небо небесъ, господь всяческихъ, всеильный, всемогущій, владыка міровъ. Небу подчиняютъ Монголы всѣхъ духовъ. Оно есть источникъ жизни всего видимаго и невидимаго. Послѣ Неба слѣдуетъ Земля, проявительница силъ неба. Затѣмъ уже идетъ почитаніе солнца, луны, звѣздъ, горъ, рѣкъ и всего необыкновеннаго на землѣ. Между небомъ и землею стоятъ духи, *тегри-наръ*; ихъ создало небо; они то мѣшаютъ въ дѣла человѣческія, вредятъ и благотворятъ по прихотямъ своимъ. Небо считается какъ-бы отцомъ, а земля матерью, и потому въ призываніяхъ шамановъ употребляется выраженіе: «Отецъ плѣшивое небо! мать протяженная земля!» Теперь невозможно почти опредѣлить, есть ли признаніе неба высочайшимъ божествомъ догматъ чисто шаманскій, или онъ заимствованъ Монголами изъ буддизма, въ которомъ также Небо признается высочайшимъ существомъ. Шаманство было въ чистомъ состояніи до временъ Чингисхана, но, когда этотъ завоеватель покорилъ Тибетъ, буддизмъ сдѣлался извѣстенъ Монголамъ и понемногу распространился между ними. Хубилай, пятый ханъ послѣ Чингиса, объявилъ ламаиство вѣрою господствующею. Судя однако жъ по тому, что всѣ народы младенчествующіе почитаютъ небо домомъ или обиталищемъ Бога, можно допустить мысль, что и племена монгольскія издревле боготворили его. Можно бы согласиться въ томъ, что словомъ «небо» выражается у восточныхъ

народовъ наше «Богъ», если бы ихъ Небо не раздѣляло своей властью съ Землею, и если бы между ними не завязалась Судьба (Дзаяга, Дзая), существо самобытное, ни отъ кого не зависящее и едва ли не могущественнѣе неба, земли и духовъ. Изъ сожалѣнію у Монголовъ нѣтъ книгъ собственно объ этой вѣрѣ, а изъ разказовъ, неясныхъ и весьма часто противорѣчащихъ одинъ другому, нельзя составить правильнаго понятія объ ихъ Судьбѣ; даже есть основаніе думать, что она заимствована у Ламийствова. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно догадываться, что Дзаяга только воля, опредѣленіе неба, и употребляется тогда, когда небо въ поступкахъ своихъ уклоняется отъ принятаго имъ порядка, измѣняетъ свой законъ. Напримѣръ, Чингисханъ назвавшій себя «сыномъ неба», происшелъ на свѣтъ не по обыкновенному порядку, но по дзаягѣ Неба. Такъ одинъ изъ предковъ Чингисъ хана, Болонцаръ, родоначальникъ поколѣнія Монголовъ, родился не естественнымъ порядкомъ. Къ матери его Арунгѣ спускался въ отверстіе юрты каждую ночь свѣтъ и оплодотворилъ ее. Небо, посылающее на землю необыкновенныхъ людей для спасенія роду человѣческаго, всегда отступало отъ порядка: люди эти получали бытіе сверхъестественнымъ образомъ. Еще повторяемъ, что весьма трудно опредѣлить, есть ли Дзаяга, — Судьба (Fatum) древнихъ, или она неограниченная воля неба, или только предполагаемое отступленіе неба отъ правилъ своихъ въ какихъ-нибудь важныхъ случаяхъ.

Небо у Монголовъ принимается за верховное правительство всего міра, вѣчное, правосудное; оно есть источникъ жизни. Оно видѣть всѣ поступки, знаетъ всѣ помысленія человѣка, отъ него ничего не скрыто. Оно источникъ добра, а духи — только орудіе его воли, не лишеныя однако жъ собственнаго произвола благоприятствовать и вредить человѣку. Безъ милости неба человѣкъ не можетъ быть счастливымъ, и покровительство вѣчнаго неба считается совершеннымъ счастіемъ.

Если народы, владѣтели, оскорбили чѣмъ-нибудь небо, то оно гнѣвъ свой обнаруживаетъ необыкновенными явленіями въ природѣ; насылаетъ засуху, проливные дожди, громы, саранчу, полярныя болѣзни и тому подобное. Въ этомъ случаѣ стараются угодствовать небу и духа, исполняющаго повелѣніе неба, молитвами и жертвами.

Якуты считаютъ девять небесъ, стоящихъ сводани одинъ надъ другимъ, *тогусъ-халланъ*; тамъ водятся скотъ, дикіе звѣри, со-

Боги, бѣны, женщины и все это въ изумительномъ изобиліи, въ неистощимомъ состояніи. Каждый народъ воображаетъ небо и рай съобразно съ понятіями своими о счастьи и богатствѣ.

Въ позднѣйшія времена является у Монголовъ божество Хорнузда. Нѣкоторые полагаютъ, что это персидскій Ормуздъ. Нѣтъ данныхъ по которымъ бы можно было опредѣлить время принятія этого божества въ степи Азіи: всего вѣроятнѣе думать, что оно принесено ламашемъ; оно встрѣчается въ книгахъ писанныхъ уже послѣ Хубилая. Въ монгольской гѣтоникѣ Салагъ-Сецена, написанной въ семнадцатомъ столѣтіи, Чингисъ-Ханъ называется сыномъ Хорнузды. Но Монголы едва ли не слывали понятіе о Хорнуздѣ съ неба; едва ли раздѣляли ихъ власть: кажется, Хорнузда и Небо значилъ одно и то же.

Между племенами монгольскими существуетъ слово *бурханъ*. Между Бурятами по-сво-сторону Байкала, окруженными Русскими, слово Бурханъ выражаетъ исключительно Бога. Но это понятіе заимствовано отъ Русскихъ, потому что у Монголовъ и нашихъ Бурятъ, обитающихъ обокъ съ Монголами, слово это означаетъ только — идолъ, нумеръ. Слово это составлено изъ двухъ словъ *буръ* и *ханъ*. Первое сокращено изъ слова *бурынъ* и значитъ полный, совершенный, а второе означаетъ царя. Такимъ образомъ «Бурханъ» значитъ полный царь.

Послѣ неба вторымъ божествомъ почитается Земля. Въ смыслѣ богини она носитъ названіе *Этугенъ*, тогда какъ собственно земля называется *газаръ*. Поклоненіе Землѣ современно по племению небу; что видно изъ приведенной вышески изъ исторіи дома Цангагъ-ху.

Главнымъ качествомъ богини Этугенъ считается плодородность, которая проявляется въ ней отъ вліянія неба какъ отца, а потому при шаманствѣ ее именуютъ *золотомъ*, или *матерью протяженною землею*.

Ей не приносятся какія-нибудь исключительныя жертвы, и вознесены особыя молитвы, но поклоняются въ общемъ жертвоприношеніи и моленіи небу, духамъ и прочимъ божествамъ.

Европейскіе путешественники посѣщавшіе Монголію во время царствованія дома Чингисова и послѣ него, говорятъ что главнымъ божествомъ Монголовъ почитается богъ Итога, Ирога, Натгай. Кто не пойметъ, что въ этихъ словахъ заключается истинное имя богини Этуганъ?

Монголы почитаютъ огонь, если не божествомъ, то по крайней

жизнь существовать душевными; они приписываютъ ему силу очищать все нечистое, испосылать счастье и богатство, и при этихъ качествахъ они почитаютъ его въ покровителемъ каждаго дома, а очагъ гдѣ огонь разведенъ святилищемъ. Огонь разведенный въ жертвѣ очищаетъ ее, какъ-бы освящаетъ. Монголы чтятъ Огонь подъ именемъ богини *Уть*, и поклоняются ему со временемъ шаманства.

Поклоненіе огню было и есть у многихъ народовъ: древніе Персы вѣрили, что огонь есть источникъ жизни, душа человека, происхожденіе силы Божіей, вѣрили что огонь имѣетъ силу доставлять человеку знаніе будущаго, даръ слова, науки, дѣтой. Демонъ сокращалась въ Персіи религиозная каста огнепоклонниковъ.

Монголы думаютъ, что огонь произошелъ изъ раздѣленія хаоса на твердь и жидкость, въ минуту отдѣленія себя отъ земли и что планета наша оторвалась отъ огня, который будетъ испадать на землю осною солнцани, одне другаго сильнѣе. Это мифическое предположеніе кажется у ламанна.

Въ некоторыхъ монгольскихъ племенахъ есть обыкновеніе: женихъ и невеста въ день свадьбы совершаютъ поклоненіе огню. Вообще отпихи этой оказываются всегда уваженіе. Грѣхомъ почитается бросать въ него вещества, издающія худой запахъ, плюнуть, лить на него что-нибудь нечистое, даже простую воду. Тушить огонь считается грѣхомъ: должно чтобъ онъ погасъ самъ собою. Запрещается шагать черезъ огонь, бранить его, замалчиваться ниими-нибудь сродомъ; даже рубить что-нибудь топаремъ подлѣ огня почитается грѣхомъ. Въ жертву ему приносятся вещества усиливающія пламень, какъ-то вино, масло, жиръ, и въ этихъ случаяхъ ни Монголь, ни сиисейскій Татаринъ, ни Якутъ, ни Тунгусъ не станутъ пить ни вина, ни чаю, но отливши прежде на огонь нѣсколько капель изъ чашки, которую всалъ въ руки.

Огонь у сибирскихъ народовъ почитается единственною очистительною средотвомъ. После ушернаго юрту очищали огонь, и вещи которыя тамъ находились приносили между двумя горащими кострами. Послы, представляясь ханамъ, потешамъ Чингиса, должны были проходить между двумя разведенными огнями: Монголы думали, что огонь толькою очиститъ ихъ наружно, но и внутренно, то есть уничтожитъ въ нихъ все злыя помысленія, и даже лишалъ силы ада. Михаилъ князь Черниговскій принималъ мучительную смерть отъ Хаа Вату за то, что от-

касаясь тутъ между огнями и поворачивая на югъ тѣмъ Чингисъ Хана.

Женщина почитаетъ себя очищеною во всякомъ случаѣ, если перешагнетъ только черезъ огонь; но тутъ соблюдается условіе, шагать должно не черезъ весь разведенный огонь, но черезъ нѣкоторую часть его.

У Якутовъ огонь считается важнымъ божествомъ, выше солнца; онъ можетъ мстить человѣку и посылать на него болѣзни и несчастія; жертва ему приносится ежедневно. Якутъ не ѣстъ мяса, не выпьетъ вина или кумыса, не удѣлитъ никакой части огню, и если при этомъ жертвоприношеніи послышится шепотъ, какой бы слышимъ трескъ отъ горящаго полѣна, значитъ жертва негодна и возмизатель долженъ ожидать несчастія.

Передъ огнемъ они даютъ важныя клятвы или относительною присягу: увлеченный глотаетъ дымъ горящаго на огнѣ масла или жира и клянется въ невинности. Тутъ бываетъ и шаманъ.

Въ обрядъ поклоненія огню пріиѣхали теперь у Монголовъ и Бурятъ, исповѣдующихъ буддизмъ, много ламайскаго, такъ что трудно отличить коренное отъ привитаго: чистое мнѣніе обогнепоклоненія должно исходить у Тунгусовъ или у тѣхъ Бурятъ на которыхъ не сдѣлало сильнаго вліянія ни христіанство ни буддизмъ. Последняя религія допускающая многобожіе приняла много шаманскихъ обрядовъ, не желая лишиться новообращенныхъ поклоненія прежнимъ божествамъ своимъ.

Между забайкальскими Бурятами сохранилась молитва читаемая при бракосочетаніи, но она повреждена ламени, что доказывается тѣмъ, что въ ней упоминается имя знаменитаго Чингисъ Хана.

Вотъ ея начало :

« Матерь. Уть, царица огня, сотворенная изъ дерева вяза, растущаго на вершинѣ горъ Хайчай-Хана и Бурхау-Хана! ты образованная при отдѣленіи неба отъ земли, и происшедшая изъ слѣда матери земли, и созданная отцомъ небомъ. Матерь Уть! твой отецъ твердая сталь, а мать кремль, предки вѣтвы изъ дерева, и которой блескъ достигаетъ до неба и проникаетъ сквозь землю. Огонь вышеченный небожителемъ (Чингисханомъ) и разведенный ханомъ Улуканъ (матерью Чингиса). Богиня Уть! которой приносимъ въ жертву желтое масло и благо барана съ желтой головою! У тебя бодрый сынъ, прекрасная невестка и стройная дочь! Тебѣ Матерь Уть, всегда взарающая вверхъ

«привнеси въ жертву вино чашами, а жиръ пригоршнями. Даруй благополучіе царевичу (женнху) и царицѣ (новѣсть) и всему народу! Поклоняемся!» (*)

Изъ этой молитвы видно, что огонь почитался дѣтищемъ неба и вошелъ и въ то же время стали и кремня: какъ бы нервы его сотворили, а послѣдніе имѣютъ способность возобновлять.

Въ шаманскихъ молитвахъ огонь называется иногда Булуйханъ, а жена его ивдью (Гули).

Пошаръ и нѣкоторыя болѣзни приписываются ищенію раздраженнаго огня и заливать горящую жертву водою считается грѣхомъ. Въ этомъ случаѣ думаютъ что не должно озлобить притетливнаго раздраженное божество, а дать ему усюкоиться самому по себѣ.

Существовавшія, вліяющія на челоуѣка, называются у Монголовъ *Тенери*. Они вѣчны, духовны и обитаютъ въ воздухѣ, водѣ, на вершинахъ горъ, вообще на мѣстахъ необыкновенныхъ. Родѣляются у нѣкоторыхъ народовъ на добрыхъ и злыхъ, а у другихъ дѣлаются добрыми и злыми по обстоятельствамъ. Количество этихъ духовъ неисчислимо и безпрестанно увеличивается присоединеніемъ къ нимъ душъ умершихъ шамановъ и знаменитыхъ людей. У каждаго народа свои имена духовъ, но качества ихъ всегда одинаковы, то есть способность производить добро и зло. Монголы называютъ вообще духовъ *тенери*, слово въ чистотѣ выражающее только небо, но въ обширномъ смыслѣ всѣхъ духовъ вообще.

У Якутовъ количество этихъ духовъ весьма ограничено: они признають только *Тасара* или Аръ тосъ, то есть, чистаго господина; мону его зовутъ Кубей-хатунъ, то есть, важная госпожица: она являлась на землѣ въ видѣ лебеди. Нѣкоторые дополняютъ числомъ духовъ третьимъ лицомъ, котораго называютъ *Сурдлахъ сале-тосъ*, то есть, господинъ страшный татаръ: онъ владѣетъ грономъ и молніею.

Посредникъ между челоуѣчествомъ и божествомъ есть *Зохсунъ*. Въ каждомъ вѣломѣнн онъ чтится подѣ особымъ вѣдомъ: въ однихъ вѣрннхъ уважають орла, въ другихъ лебеди, сокола, стерва, бѣлогубова жеребца. Изъ не поклоняются и жертвъ не приносятъ, но только не убиваютъ ихъ и не употребляютъ въ пищу. Обидннхъ же некрестителнхъ якутскаго народа почитается *Жиснасей-тосъ*, съ женою *Айсунъ*, что значитъ подательница.

(*) Шаманство у Монголовъ. Казань, 1846.

О духословіи Тунгусовъ, мы не знаемъ, но обитатели Сибирской Америки, принадлежащей Россіи, признаютъ многихъ духовъ или духовъ.

Монголы и Буряты имѣютъ богатое духословіе, но дарованство имъ отдаютъ неодинаково. Напримеръ у Монголовъ главнымъ духомъ почитается гений храбрости (*Богатырь Тенгри*). Олимпическія небесныхъ силъ, хранитель царей, покровитель престолюдиновъ, глава храбрыхъ. Онъ столь силенъ, что горы превращаетъ въ равнины, но самъ никогда не воюетъ, можетъ быть потому что не въ силахъ имѣть противника, и напередъ издрезать побѣдъ.

Дайчинъ-Тенгри, управляетъ походами Монголовъ и думаетъ только въ это время молитвы. Можно полагать, что ему приносили въ жертву пѣнныхъ людей. Но побѣду даждь неприятелю даровалъ:

Кисаганъ-Тенгри, онъ бережетъ любимца своего воина, кою его не даетъ спотыкаться и въ тѣсныхъ мѣстахъ дѣлаетъ легко проходъ свободнымъ. Воинъ, покровительстаемый этимъ духомъ, убиваетъ неприятеля, снимаетъ съ него окровавленное платье, вѣшаетъ его на сѣдо по правую сторону, а неприятельскаго ломя влечетъ за собою по лѣвую сторону.

Азалаганъ, гений покровитель стада, и великаго искусства. Онъ дружится подъ двумя видами.

1) *Дэръ-Залаганъ*, то есть, счастье заданъ. Этотъ гений, приходитъ на фортуна древнихъ, прихотливую женщину съ зелеными глазами. *Азалаганъ* не оставяетъ своего вліянія до тѣхъ поръ, пока не вѣдитъ правосудіе неба. Онъ всегда старается влечь человека отъ всего дурнаго, защищаетъ его отъ злыхъ людей и духовъ. *Азалаганъ* у каждаго человека, своей сѣвѣюетъ само онъ есть гений хранитель, демонъ Сохраня, зломъ разитъ борющійся съ нашими страстями, дѣлая, природа желанья.

Азалаганъ почитается не только о духословіи, даждь имъ небрежнаго человека, но и о матеріальномъ его благополучіи, думитъ его стада и искусство. Ему дѣлаютъ молитву: «прошу счастья у *Азалаганъ-Тенгри*, который, выкашиваетъ, глава и дарованность пробѣть моему врагу... опускаетъ дѣланы въ молоко и бросаетъ арканъ къ стадо-мое.»

2) *Эмагалмаджи* *азалаганъ*, второй видъ *азалаганъ*, считается покровителемъ дѣтей, почитается, о дѣхъ мороза и счастья.

Кромѣ сказанныхъ, Монголы почитаютъ еще девять покрови-

тѣмъ Сулде, по числу главныхъ звѣздъ на небѣ. Они суть исполнители воли неба. Число девять уважительно у всѣхъ Азіатцевъ. Чингисъ-Ханъ имѣлъ девять воеводъ, знамя его состояло изъ девяти бунчуковъ; происходя отъ неба, онъ хотѣлъ уподобиться ему избравшимъ девяти силъ своихъ. Всѣ Азіатцы придаютъ особѣ царя какую-то божественность, непосредственное сношеніе съ небомъ.

Сулда изображаются воинственными всадниками, одѣтыми въ латы, съ нагайкою въ одной, и съ флагомъ въ другой рукѣ. Ихъ сопровождаетъ соколъ, левъ, барсъ, медвѣдь и собака.

Кромѣ поминovanýchъ есть еще множество тенгри, но они извѣстны болѣе отдѣльнымъ племенамъ, нежели всѣмъ народамъ. Напримеръ Буряты живущіе по сю сторону Байкала признаютъ хранителями народа и защитниками отъ злыхъ духовъ девяносто югозападныхъ царей, девять бѣлыхъ старцевъ, и Бухо-Нояна. Духи эти обитаютъ частію на высочайшихъ Саянскихъ горахъ, частію на огромной скалѣ стоящей по срединѣ рѣки Ангары при выходѣ ея изъ Байкала. У нѣкоторыхъ бурятскихъ племенъ эти девять тенгри называются девятью родными братьями покровителями народа. Происхожденіе же девяноста югозападныхъ царей опредѣлить не возможно; ни шаманы ни Буряты ничего вамъ не скажутъ удовлетворительнаго: едва ли это число не уделено изъ таинственнаго на всемъ востокѣ числа девяти.

Изъ духовъ постоянно злыхъ извѣстны слѣдующіе:

Элье, являются въ образѣ птицы и появленіемъ своимъ предвѣщаютъ какое-нибудь несчастіе.

Ада, летаютъ по воздуху, распространяютъ болѣзни и возбуждаютъ въ людяхъ бѣшенныя страсти.

Албинъ, бродятъ по степямъ, обманываютъ людей, сбиваютъ ихъ съ дороги или прямого пути, зажигаютъ ложные огни и тому подобное.

Кулчинъ, пугаютъ людей, принимая ужасныя виды.

Злые духи суть служители сатаны и постоянные враги Бурятъ. Они вынимаютъ изъ человѣка душу, упосятъ ее въ столпцу своего царя и заключаютъ въ темницу и оковы. Человѣкъ дѣлается боленъ и умретъ непременно, если духи не будутъ умилостивлены жертвоприношеніемъ: въ этомъ случаѣ переговорщикомъ между большимъ и духами бываетъ шаманъ.

Души шамановъ удавленниковъ и погвбшихъ не естественною смертію, поступають въ разрядъ духовъ; они пристають къ

шартіи добрыхъ или злыхъ духовъ и помогаютъ имъ въ дѣлахъ добра или зла. Во время шаманства призываются эти души для закушенія жертвы. Но если задобрить духъ, а они забыты, то вредятъ сугубо оскорбившему ихъ честолюбіе.

Кромѣ изчисленныхъ духовъ, есть духи домашніе, пелаты древесныхъ: они называются *онгонами*. Духи эти ниже теньги и уважаются только тогда когда благодворятъ хозяину юрты; въ противномъ случаѣ онъ поступаетъ съ ними весьма жестоко. Мало того что онъ не потчиваетъ ихъ приношеніями, онъ сѣчетъ ихъ безъ милосердія нагайкою, и если послѣ столь чувствительнаго поученія онгоны не перестанутъ вредить хозяину, наказаніе повторяется. Такимъ образомъ онгоны ищутъ въ человѣкѣ а не онъ въ нихъ.

Онгоны не суть духи невидимые, но имѣющіе вещественность. Иногда увидите въ юртѣ Бурята узенькой деревянный ящичекъ, висящій на стѣнѣ, а въ немъ шкурки бѣлки, горностая, бурундука и тому подобно. Шаманъ прочитавъ надъ этимъ собраніемъ шкурокъ заклинаніе, сдѣлавъ его огномъ, покровителемъ юрты.

У Остяковъ и Сомодовъ въ каждой юртѣ есть деревянный болванчикъ, топорной работы, одѣтый тряпками. Его ставятъ спереди юрты, передъ нимъ кладутъ куски кушанья и рогъ съ шохательнымъ табакомъ. Иногда вмѣсто болванчика читается обрубокъ дерева или колъ обтесанный наподобіе булавы; иногда такойнибудь ящичекъ, купленный у Русскихъ и обвѣшанный жемчугами, лоскутками и тому подобнымъ почитается какъ домашнее божество. *

У Якутовъ бываютъ такіе же онгоны съ корольковыми глазами; ихъ обшиваютъ по нѣскольку въ бересту и ставятъ куда-нибудь въ приличное мѣсто. Поклоненія предъ ними не дѣлаютъ, но когда будутъ ѣсть жирное мясо или масло, всю рожу тому болванчику вымажутъ масломъ или жиромъ.

Дорджи Банзаровъ, природный Монголъ, бывшій студентъ казанскаго университета, доказываетъ, что онгоны суть души предковъ и другихъ знаменитыхъ людей. Приведенъ его слова въ подлинникѣ **. Поклоненіе предкамъ принадлежитъ къ числу повѣрній, находимыхъ у многихъ древнихъ народовъ. Источникъ его заключается въ мысли о безсмертіи души. Младенчествующій человекъ, который могъ имѣть только предчувствіе, а не ясное по-

* Путешествіе Палласа часть III.

** Черная вѣра или шаманство у Монголовъ. Казань 1846.

вѣтіе о будущей жизни, въ разныхъ странахъ по одинаковому представлялъ ее себя. Мысль о бессмертіи души обнаруживается у всѣхъ народовъ въ обрядахъ, соблюдаемыхъ послѣ смерти человека. Отъ этого произошло поклоненіе предкамъ. Когда умиралъ у кого нибудь любимый человекъ, то сыновья его, дочери, старшіе и младшіе братья дѣлали фигуру на подобіе покойника и хранили ее въ своихъ домахъ. Они почитали ее, ставили передъ нею первое блюдо, цѣловали ее и поклонялись ей. У Китайцевъ поклоненіе предкамъ начинается со времени основанія ихъ государства. У кочевыхъ народовъ средней Азии поклоненіе предкамъ началось также очень рано. Исторія свидѣтельствуетъ, что разные династіи, владѣвшія Монголоіею до Чынгисхана, почти всѣ соблюдали этотъ обычай, что видно изъ древнихъ китайскихъ историковъ. Почитаніе предковъ находимъ у многихъ южныхъ и западныхъ народовъ.

Первоначальное почтеніе предковъ подверглось искаженію и породило *онгоны*. Смотря по мѣстамъ и поколеніямъ, онголовъ такъ много, что невозможно опредѣлить ихъ числа: каждый околотокъ имѣетъ своихъ. Есть однакожъ и признанные всѣми Монголами, напримѣръ семейство Борджигановъ, то есть, ханскій родъ изъ котораго произошелъ Чынгисъ-Ханъ и большая часть вышшихъ монгольскихъ владѣтелей. Народъ почитаетъ души всѣхъ членовъ этого огромнаго семейства добрыми онгонами. Изъ лѣтописи историка монгольскаго Сонанъ-Сецена видимъ, что поклоненіе предъ гробомъ завоевателя какъ бы заступало у монгольскихъ хановъ обрядъ коронованія. Каждый вступающій на престолъ прѣзжалъ къ *осьми бѣлымъ юртамъ* (найманъ цаганъ гырѣ), приносилъ жертву тѣмъ знаменитого своего предка и совершалъ поклоненіе. Кто дерзалъ не признавать замогильную власть Чынгисъ-Хана, того онъ наказывалъ немедленно.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, потому что онгоны у Остяковъ, Самоѣдовъ и Якутовъ, есть болванчики изображающіе ихъ предковъ, знаменитыхъ людей и шамановъ. Студентъ Зуевъ путешествовавшій съ Палласомъ говоритъ: «Жены Остяковъ дѣлаютъ болванчиковъ на память умершихъ мужей своихъ. Когда обѣдаютъ, то кладутъ передъ болванчикомъ часть кушанья, а ложась спать кладутъ его съ собою.»

Онгоны раздѣляются на добрыхъ и злыхъ, но чьи души дѣлаются добрыми или злыми, никто не объяснитъ; кажется онгоны благотворять или вредать человеку по капризамъ своимъ.

Въ восточное время монголы такъ слѣдуютъ съ тѣмъ, что трудно различить одного отъ другихъ. Власть ихъ и влияние на чужеземцевъ, и Монголы и даже немцы, получаютъ объ ихъ искусстве преданіе отъ отцовъ, передаваемое его сообразно своимъ понятіямъ и надобности.

Во все народы сѣверной Азии поклоняются морямъ, большимъ озерамъ, рѣкамъ, горамъ и вообще всему необыкновенному, возбуждающему любовиство или вниманіе. Ни одинъ Бурятъ не пройдетъ мимо грознаго утѣса, мимо скалы высунувшейся изъ земли, или горы, остановится и слѣзетъ съ лошади подѣвъ высокаго кедра растущаго сколько-нибудь отдѣльно на самой вершинѣ горы, сдѣлаетъ поклоненіе, сядетъ и выкурить трубку табаку. Водопадъ, рѣчка съ шумомъ и брызгами вырывающаяся изъ подъ горы есть уже предметъ его поклоненія, а потому въ Сибирѣ все необыкновенныя мѣста называются шаманскими, не потому что шаманы совершаютъ на нихъ свое служеніе, но по одному только поклоненію иородцевъ. Путешественникъ услышавъ отъ крестьянина о какомъ-нибудь шаманскомъ камнѣ, смѣло пишетъ что на этомъ камнѣ шаманы совершаютъ заклинаніе. Напримѣръ камень пирамидально торчащій изъ рѣки Ангары, при выходѣ ея изъ Байкала, называется шаманскимъ. Онъ стоитъ на такой быстринѣ, окруженъ такими подводными камнями, что по всей вѣроятности никогда пога смертнаго не касалась до него. Шаманскимъ же онъ названъ потому, что Буряты, проѣзжая по берегу Ангары, останавливаются противъ него, слѣзаютъ съ лошадей и дѣлаютъ поклоненіе.

Въ строгомъ смыслѣ иородцы поклоняются не мѣсту какому-нибудь, но духу, избравшему это мѣсто своимъ обиталищемъ.

Монголы вообще боготворятъ большія озера, напримѣръ Байкалъ, Гузакулъ и воду изъ нихъ взятую считаютъ не только священной, но даже дѣлительною. Монгольскіе курьеры, прѣзжающіе въ Иркутскъ почти каждый годъ, берутъ изъ Байкала воду и увозятъ съ собою въ Монголію. Буряты, живущіе вдоль китайской границы близъ озера Гузакула, пьютъ его воду какъ лекарство отъ боли въ животѣ. Нельзя не признаться что и наши пограничные казаки христіане подражаютъ въ этомъ Монголамъ.

Нѣкоторыя рѣчки, по мнѣнію Бурятъ, имѣютъ власть производить дождя. Около китайской границы, близъ рѣки Туань, есть ручей Аршавъ-усунъ. Стоитъ побывать у ручья и на дру-

на которыхъ, послѣ жертвоприношенія, совершаются игры и свя-
ти на поляхъ. Вѣроятно ламы приняли, что объ мале вредитъ
ихъ ученію, а потому одинъ изъ нихъ, но имени Ваджрадара
Мэргэнъ Діанчи, составилъ двѣ книжки: первая «Обряды и мо-
литвы», читаемыя при обѣдѣ, вторая, «О сооруженіи обѣдъ.» Со-
чинитель говоритъ, что есть одна старинная монгольская руко-
пись объ обѣдѣ, но она уже не понятна буддистамъ, а потому онъ
рѣшился составить новый обрядникъ. Хотя сочиненіе такихъ
книгъ вѣстелько вѣстидно, — потому что время ихъ уже проше-
ло, — но даже вѣроятно для мудрыхъ, однако невозможно прети-
виться желающимъ устроить обѣдъ. «Кѣму послужатъ тѣ почи-
стныя и грѣшныя жертвоприношенія, которыя состоятъ въ по-
чтеніи беззредныхъ быковъ, барановъ и воловъ, подъ видомъ
жертвъ, но собственно лишь для прованія и насыщенія народа?
«Кѣму вынимать изъ нихъ сердце, лить ихъ кровь, разбивать
«само кусани и обливать (обѣдъ) полосами мокрой кожи?» »

Этотъ отрывокъ доказываетъ, что въ древнія времена при обѣдѣ
закалалась жертва, чтѣ дѣлается и теперь у Бурятъ, но прила-
дникъ ламинна, о чемъ скажемъ послѣ.

Нынѣшнее обѣдъ, у пришедшихъ ламинское исповѣданіе, должно
быть устроено при слѣдующихъ условіяхъ:

Мѣсто для обѣдъ избирается видное, возвышенное, обильное тра-
вою и водою. Тутъ изъ камней и земли дѣлается насыпь, въ ко-
торую зарываютъ шапкы, шлемъ, оружіе, платье, посуду, ку-
щало, шелковыя тисны и лекарственныя вещества. По бокамъ
должны быть также равнаго реду украшенія; на насыпь сидятъ
деревя, или ставятъ изображеніе птицы гаруды, или втыкаютъ
въ расщель концы, метъ, лукъ и стрѣлы. Обѣдъ должно состоятъ
изъ тринадцати слоевъ, и въ каждомъ изъ нихъ свои принадлеж-
ности, шапкы, шапкы, изображенія зѣбры, птицы, листья съ шап-
санными на нихъ молитвами. Вокругъ большой насыпи дѣлается
дѣвнадцать малыхъ, такъ, чтобы всѣ тринадцать составляли цѣ-
лый міръ, какъ его представляютъ буддисты, то есть большой
насыпь составляетъ горѣ Сумеръ, а прочія дѣвнадцать — че-
стидъ міре.

На жертву приносятъ плоды, молоко, вино и сыръ, при чемъ
ламы читаютъ молитвы, омоваютъ воду и окропляютъ ею
стада. По окончаніи священныя обряды, при обѣдѣ, начинаютъ
увоеленія: сначиа, борьба и ширство.

• Шинство у Монголь.

У Якутовъ нѣтъ обѣдъ, но подобное богослуженіе и пиршество отиравается въ началѣ лѣта, когда земля покроеся травой и скотъ начнетъ давать много молока. Весенній якутскій праздникъ называется *исахъ*. Онъ сохранился до-сихъ-поръ во всей чистотѣ своей, потому что не подвергался вліянію другихъ религій. Хотя всѣ Якуты уже давно христіане, однако жъ наши священники смотрятъ на это жертвоприношеніе какъ на праздникъ народный, и все мѣшаютъ имъ соблюдать его по древнимъ обрядамъ.

Какой-нибудь богатый Якутъ, накопивши нѣсколько десятковъ ведеръ кумысу, объявляетъ, что въ такой-то день онъ дастъ «исахъ». Молва распространяется далеко, и въ назначенный день собираются къ его юртѣ мужчины и женщины въ праздничныхъ платьяхъ.

Поутру приходятъ къ хозяйну шаманы и садятся на переднее мѣсто, подлѣ нихъ помѣщаются гости. Старшій шаманъ выбираетъ двухъ или трехъ молодыхъ людей, извѣстныхъ своимъ благоравіемъ и чистотою. Они должны увѣрить, что втеченіи цѣлаго мѣсяца не были ни при одномъ мертвецѣ. Этими молодыми людьми даютъ въ руки по огромному деревянному кувшину съ кумысомъ и ставятъ передъ погасшимъ огнемъ, лицомъ къ востоку. Каждый изъ нихъ, подержавъ нѣсколько минутъ кувшинъ противъ груди, льетъ изъ него по немногу на пепель, до трехъ разъ. Это жертва первому божеству. Поворотясь немного на право, онъ дѣлаетъ возліяніе женѣ его; поворачиваясь такимъ образомъ по немногу все на право и возливая духамъ, оставляются лицомъ къ югу; потомъ поворачиваются на западъ и возливаютъ въ честь двадцати семи мытарствъ; поворотясь къ сѣверу возливаютъ пренеподнимъ духамъ и тѣнямъ умершихъ шамановъ; послѣднее возліяніе дѣлается старухѣ Инахсытѣ, о которой думаютъ, что вредитъ коровамъ въ родахъ. Окончивъ возліянія, опять поворачиваются лицомъ къ востоку. Тогда шаманъ благодаритъ Бога за испосланные благодѣянія, и проситъ о будущихъ благахъ. Кончивъ молитву, онъ сивмаетъ шапку и громко кричитъ *уруй!* (подай, благоволя); сидящіе въ юртѣ повторяютъ это слово трижды; послѣ молитвы провозглашатель беретъ кувшины съ оставшимся отъ возліянія виномъ, пьетъ и передаетъ другимъ. Женщины не могутъ участвовать въ этомъ обрядѣ, какъ существа не чистыя.

Къ вечеру бываютъ пляски, пѣніе, борьба и питье кумыса,

крошѣ вѣды однако жъ. Накормить такую ватагу можно десятками лошадей и быковъ.

У Татаръ сибирейской губерніи подобный праздникъ называется «Тагъ-тая», но исполняется съ другими обрядами. Лѣтомъ они собираются на какуюнибудь гору, обращаются лицомъ къ востоку, закалываютъ барана и сжигаютъ его на жертвенникѣ, причемъ, воздвѣвая руки, молятъ небо, землю и рѣки быть къ нимъ милостивыми. Дѣло кончается вѣдою, попойкою и играми. На этомъ праздникѣ у Татаръ шамана не бываетъ, вѣроятно по тому, что здѣсь нѣтъ ни какихъ заклинаній, а одна благодарность и умилостивленіе.

У Монголовъ есть общія священныя мѣста, чтимыя всѣми ихъ племенами; напримѣръ гора Бурханъ-Халдану, въ сѣверной Монголіи, уважается потому, что около нее кочевали предки Чингисхана. Гэнтэй хану, Хангай-хану, Муна хану и Дзэтку-хану считаются также священными горами и въ жертву имъ возливаютъ вино.

Изъ рѣкъ боготворятся Селенга, Ондонъ, Карулунъ, и другія.

Еще повторяемъ, что Монголы боготворятъ собственно не горы и рѣки, но духовъ, избравшихъ здѣсь жилище свое.

Такимъ образомъ сѣверные Азіяты наполнили весь видимый міръ духами и отдали имъ во власть всѣ стихіи и свою судьбу.

Поклоненіе солнцу и прочимъ свѣтиламъ небеснымъ началось въ глубокой древности и продолжается до нынѣ. Человѣкъ убѣждается при самомъ поверхностномъ размышленіи, что солнце — источникъ жизни всего земнаго. Особенно могущество его проявляется въ потребностяхъ народовъ пастушескихъ. Трава, всключительная пища домашнихъ животныхъ, безусловно зависитъ отъ великолѣпнаго свѣтила дня. Едва лишь первые лучи весенняго солнца сгоняютъ снѣгъ съ покатоств горы, показывается трава, и скотъ, извуренный зимнимъ голодомъ, оживаетъ. Съ возрастающею теплотою увеличивается обиліе корма; скотъ начинаетъ давать болѣе молока и пастухъ съ семействомъ своимъ наѣдается до-сыта. Какъ же не благоговѣть ему передъ свѣтиломъ-боготворителемъ пажитей, подателемъ пищи, истребителемъ зимнихъ морозовъ. Вотъ почему у кочующихъ народовъ главные праздники совершаются лѣтомъ: довольствіе располагаетъ къ веселости и признательности къ виновнику его.

Въ китайской исторіи дома Цянъ-хань-ту говорится, что ханъ Гуинговъ каждое утро выходитъ поклоняться солнцу, а вечеромъ спитъ.

Съ теченіемъ времени поклоненіе обратилось только въ почтеніе. Теперь народы монгольскаго племени не поклоняются солнцу, не приносятъ ему жертвъ, вѣроятно потому, что не видятъ надобности умолять постоянного благотворителя, но тѣмъ не менѣе уважаютъ его. Даже нашъ народъ почитаетъ солнце священнымъ и никогда не дерзаетъ произнести имя его въ ругательствѣ.

Луна гораздо менѣе уважается, вѣроятно потому, что вліяніе ея на благосостояніе человѣка не такъ ощутительно; однако жъ ей приписывали власть надъ успѣхомъ и неудачами въ начинаніяхъ человѣческихъ. Напримѣръ, Монголы не предпринимали ничего важнаго на ущербъ мѣсяца. Дни счастья продолжались отъ рожденія луны до ущерба.

Во время затмѣнія луны бьютъ въ тазы, стрѣляютъ изъ ружей, кричатъ и производятъ всевозможный шумъ. Монголы думаютъ, что въ это время нападаетъ на луну огромный драконъ и старается проглотить ее, а потому часть луны скрывается въ пасти этого чудовища. Шумъ, крикъ и стрѣльба устрашаютъ дракона и онъ удаляется.

Звѣздамъ приписывается могущество доставлять человѣку здоровье, долгоденствіе и богатство. Кочующіе уважаютъ болѣе прочихъ Большую Медвѣдицу; у Монголовъ семь звѣздъ, ее составляющихъ, называются « семь старцевъ »; не менѣе почитаютъ и девять звѣздъ первой величины; въ это число входятъ и планеты: Венера, Юпитеръ и Марсъ; иногда называются эти звѣзды «Девятью бѣлыми старцами.» У Якутовъ Большая Медвѣдица называется *аргасъ сулусъ*; по ней раздѣляютъ время ночью. Плеяды называются *ургелъ* и суть предсказатели ранней или поздней весны. Звѣзды только чествуются, а поклоненія имъ не дѣлаютъ; но при божбѣ и клятвѣ глядятъ на солнце, какъ бы свидѣтельствуется имъ.

Вотъ предметы поклоненія исповѣдающихъ шаманство, изчисленные по-мѣрѣ возможности и, конечно, не безъ пропусковъ и промаховъ. Можно сказать рѣшительно, что никто почти не занимался изслѣдованіемъ этого вѣрованія на мѣстѣ; каждый говорить объ немъ мимоходомъ, потому что изслѣдователи не знали языка туземцовъ, а шаманство почитали фокусничествомъ. Племя Тунгусовъ, сохранившее шаманство въ совершенной чистотѣ, могло бы удовлетворить изслѣдователя; но образъ жизни этого народа, незнаніе учеными ихъ языка лишаетъ всякой возможности постигнуть это вѣрованіе. Тунгусы не имѣютъ посто-

явныхъ жилищъ, но два-три семейства бродятъ вѣстѣ съ одной рѣчки на другую или только разъ или два въ годъ собираются въ какое-нибудь извѣстное урочище для промѣна своихъ промысловъ на порохъ, свинецъ, ружья и съѣстные припасы. Только въ этомъ случаѣ могъ бы ученый, знающій тунгусскій языкъ, постигнуть вѣрованіе и бытъ этого народа, столь образцоваго.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛѢ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Неурожай на хлѣбъ и появленіе картофельной болѣзни произвели, въ 1846 и 1847, крайній недостатокъ въ продовольствіи и чрезвычайно возвысили цѣны хлѣбныхъ припасовъ во многихъ странахъ Европы. Въ эту достопамятную эпоху, Россія, Сѣверная Америка и Левантъ служили главными житницами для странъ, нуждавшихся въ привозѣ хлѣба. Отпускъ его изъ Россіи никогда не доходилъ до такого огромнаго количества, какое вывезено за границу въ 1847 году. Необыкновенныя обстоятельства, въ которыхъ находилась тогда хлѣбная торговля, заслуживаютъ особаго изслѣдованія относительно къ ихъ вліянію на цѣны и на ходъ этой торговли въ нашихъ портахъ; но предварительно нужно обратиться къ заграничнымъ событіямъ, источнику этого чрезвычайнаго движенія въ хлѣбной торговлѣ, обнаружившей изобиліе запасовъ, которыми Россія можетъ, въ случаѣ нужды, снабдить иностранныя земли.

Великобританія, въ обыкновенные годы пополняющая недо-

статокъ собственнаго урожая подвозами хлѣба изъ Ирландіи и, смотря по внутреннимъ запасамъ, болѣе или менѣе нуждающаяся въ иностранномъ привозѣ, должна была въ 1847 году вынуждаться хлѣбъ въ большомъ количествѣ изъ за границы не только для своего продовольствія, но и для снабженія Ирландіи: этотъ край терпѣлъ крайнюю нужду въ жизненныхъ припасахъ, по случаю совершеннаго неурожая картофеля, составляющаго тамъ главную народную пищу. Еще въ 1845 году болѣзнь, появившаяся на картофелѣ въ Ирландіи, истребила половину его сбора и оттого на слѣдующій годъ Ирландцы крайне нуждались въ продовольствіи; но бѣдственное положеніе ихъ усугубилось, когда, послѣ такого неурожая, картофель родился еще хуже въ 1846 году. Изчислено, что въ этотъ годъ пропало болѣе двухъ третей всего сбора. Притомъ и другіе хлѣбные продукты родились неудовлетворительно. Во всей Великобританіи, урожай пшеницы едва равнялся средней жатвѣ, которая никогда не бываетъ достаточною для внутренняго продовольствія. Яровой хлѣбъ и овощи сильно пострадали тамъ отъ засухи; картофельная болѣзнь распространилась также въ Англіи и Шотландіи. Большой вывозъ хлѣба изъ англійскихъ портовъ въ Ирландію, откуда прежде они снабжались продовольственными припасами, увеличилъ дороговизну въ самой Англіи, которая менѣе пострадала отъ неурожая хлѣба. Для отвращенія голода, свирѣпствовавшаго особенно въ западной части Ирландіи, само правительство распорядилось о покупкѣ хлѣба и заготовленіи муки для этого края.

При такихъ обстоятельствахъ, необходимо было устранить всѣ препятствія, могущія затруднить привозъ хлѣба изъ за границы. Съ этою цѣлію англійское правительство разрѣшило съ 1 января 1847 года по 1 марта 1848 года безпошлинный ввозъ хлѣбныхъ припасовъ всякаго рода, безъ различія происхожденія ихъ и флага, подъ которымъ они привезены будутъ. Послѣднее условіе составляло временное изъятіе изъ навигаціоннаго акта, по которому привозъ хлѣба на внутреннее потребленіе въ Великобританіи дозволенъ только на корабляхъ англійскихъ или тѣхъ странъ, откуда этотъ товаръ прибылъ; въ противномъ случаѣ, онъ допускается только на складку въ тамошнихъ портахъ для обратнаго вывоза. Напримѣръ: Великобританія могла снабжаться пшеницею изъ Одессы не иначе, какъ на русскихъ, или англійскихъ корабляхъ; изъ Турціи можно было привозить ее только подъ англійскимъ, либо подъ турецкимъ флагомъ; но какъ число русскихъ и турецкихъ кораблей очень маловажно, и для хлѣбной

торговля недостаточна была английских кораблей в портах южной России и Турции, то грузы пшеницы, купленной тамъ съ английской ссуды, отправлялись въ Триестъ, либо въ какой-нибудь другой портъ Средиземнаго Моря, гдѣ, послѣ выгрузки этой пшеницы, нагружались ею тамошніе корабли, для доставки въ Великобританію, по предписанію навигаціоннаго акта. Очевидно, что эти перегрузки должны были причинять кунду большаго, лишніе расходы, отъ которыхъ возвышались цѣны на товаръ. Английское правительство, отмѣнивъ, хотя временно, это стѣснительное постановленіе, оказало хлѣбной торговлѣ большое облегченіе.

Во время мѣсяца увеличилась потребность въ хлѣбныхъ привазахъ для продовольствія Великобританіи съ Ирландіею въ 1846 и 1847 годахъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которой показаны количества иностраннаго хлѣба, оплаченнаго пошлиною въ 1845 и 1846 годахъ и привозеннаго беспошлинно въ 1847 году.

Хлѣба въ зернѣ:	Въ 1845	1846	1847	годахъ.
Пшеницы	134,679	1,992,875	2,650,058	квартеровъ.
Ячменя	297,653	398,314	772,349	—
Овса	582,910	766,134	1,706,780	—
Ржи	15	958	68,817	—
Гороха	79,606	179,834	157,245	—
Бобовъ	197,631	208,872	443,719	—
Кукурузы	42,201	714,119	3,614,637	—
Гречи	1,102	22,387	22,938	—
Итого	1,335,197	4,273,493	9,436,643	квартеровъ.

Муки :

Пшеничной	624,977	3,363,678	6,329,546	центнеровъ.
Овсяной	2,213	10,720	57,983	—
Ячмой	—	14,404	12,412	—
Ржапой	—	282	785,412	—
Кукурузной	—	124,954	1,451,020	—

Сарачинскаго пшена :

чищеннаго	269,314	433,851	1,550,000	—
неочищеннаго . .	25,740	28,008	43,032	квартеровъ.

Во время дѣйствія прежняго тарифа, весь привозъ хлѣба въ первые пять мѣсяцевъ 1846 года составлялъ 586,384 кварта; изъ этого количества и запасовъ, оставшихся на складкѣ отъ прошлагодняго привоза, оплачено пошлиною 307,425 квартеровъ и въ концѣ мая еще оставалось на складкѣ 2,226,614 квартеровъ, по

случаю предстоявшаго измѣненія въ привозныхъ пошлинахъ съ хлѣба.

По вступленіи въ силу новыхъ пошлинъ, то есть съ 26 іюля 1846 года до января 1847 въ теченіи шести мѣсяцевъ выпущено привознаго хлѣба на внутреннее продовольствіе 4,950,249 кварталеровъ наъ прежнихъ запасовъ и новаго привоза, составившаго въ этотъ періодъ 3,045,264 квартера. Весь остатокъ хлѣба на складѣ въ концѣ декабря 1846 года былъ не свыше 540,873 кварталеровъ.

Въ теченіи 1847 и по 1 марта 1848 по разрѣшеніи безпошлиннаго ввоза, все количество хлѣба, привезеннаго въ Великобританію и въ Ирландію, простиралось до 12,421,568 кварталеровъ.

Чрезвычайная разница между привозомъ хлѣбныхъ припасовъ въ эти три года показываетъ, какой великій недостатокъ оказался по случаю неурожая хлѣба и картофеля. Если бы большой привозъ иностраннаго хлѣба въ 1846 году сравнительно съ 1845 могъ достаточно пополнить внутренніе запасы, то вліяніе его вскорѣ обнаружилось бы на цѣнахъ; напротивъ того, въ концѣ 1846 года осталось очень мало иностраннаго хлѣба на складѣ и цѣны не переставали возвышаться, какъ видно изъ слѣдующей таблицы ежемѣсячныхъ среднихъ цѣнъ на пшеницу, ячмень и овесъ за кварталеръ, съ іюля 1846 по октябрь 1847 года.

	1836 года. Пшеница,			Ячмень.			Овесъ.		
Въ іюль	51	шиллин. 6	пенс. 27	шиллин. 6	пенс. 23	шиллин. 7	пенс. 4	—	
— августъ	46	— 3	— 27	— 5	— 23	— 4	—	—	
— сентябрь	50	— 10	— 34	— 4	— 23	— 5	—	—	
— октябрь	53	— 7	— 38	— 10	— 25	— 7	—	—	
— ноябрь	60	— 7	— 43	— 7	— 26	— 5	—	—	
— декабрь	60	— 3	— 43	—	— 26	— 6	—	—	
1847 года.									
Въ январь	69	— 11	— 50	— 2	— 29	— 6	—	—	
— февраль	72	— 10	— 53	— 5	— 32	— 5	—	—	
— мартъ	75	— 4	— 52	— 8	— 31	— 6	—	—	
— апрѣль	75	— 4	— 49	— 5	— 30	— 10	—	—	
— май	88	— 9	— 52	— 11	— 33	— 2	—	—	
— іюнь	92	— 10	— 52	— 11	— 34	— 2	—	—	
— іюль	79	— 2	— 47	— 8	— 31	— 2	—	—	
— августъ	66	— 3	— 40	— 3	— 29	—	—	—	
— сентябрь	52	— 9	— 33	— 3	— 23	— 10	—	—	
— октябрь	54	— 3	— 32	— 9	— 22	— 11	—	—	

Среднія цѣны на пшеницу возвысились отъ 11 рублей 52 копейкъ до 23 рублей 20 копейкъ серебромъ, на ячмень отъ 6 рублей 85 копейкъ до 13 рублей 35 копейкъ и на овесъ отъ 5 рублей 83 копейкъ до 8 рублей 54 копейкъ за четверть.

Значительное возвышеніе цѣнъ привлекло огромныя подвозы хлѣба, отъ стеченія которыхъ, при видахъ на благопріятный урожай внутри государства, цѣны съ іюля 1847 года сильно упали.

Посмотримъ теперь въ какой мѣрѣ возрасталъ привозъ иностраннаго хлѣба, съ помощью предоставленныхъ ему льготъ въ тарифномъ отношеніи и подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ, существовавшихъ съ іюля 1846 года.

Изъ отчета, представленнаго парламенту въ 1847 году, видно, что втеченіи пятнадцати мѣсяцевъ, съ іюля 1846 по октябрь 1847 года, привезено иностраннаго хлѣба 12,926,907 квартеровъ (17,235,876 четвертей), и что, по собраннымъ отъ консуловъ свѣдѣніямъ о цѣнахъ, по которымъ хлѣбъ покупался за границу, съ присовокупленіемъ десяти процентовъ на страхованіе, порчу и расходы всякаго рода, весь этотъ привозъ обходился въ 33,452,775 фунтовъ стерлинговъ (около 200 милліоновъ рублей серебромъ). По времени подвозовъ, это количество хлѣба распредѣлялось слѣдующимъ образомъ :

П р и в е з е н о :	Квартеровъ.	По цѣнъ.
Съ іюля 1846 по январь 1847 года	2,752,148	5,139,476 ф. ст.
— января по іюль 1847 года	5,253,629	14,072,579 —
— іюля по октябрь 1847 года	4,921,130	14,240,720 —
* Всего	12 926,130	33,452,775 ф. ст.

Въ томъ числѣ было :

Пшеницы и пшеничной муки	4,719,143	квартера.
Ячменя и ячменной муки	1,011,203	—
Овса и овсяной муки	2,059,944	—
Ржи и ржаной муки	255,780	—
Гороха и гороховой муки	260,527	—
Бобовъ и бобовой муки	469,143	—
Кукурузы и кукурузной муки	4,106,605	—
Гречи и гречневой муки	45,706	—

* Въ парламентскихъ отчетахъ нѣтъ подобнаго исчисленія о привозѣ съ октября 1847 по 1 марта 1848 года, то есть до возобновленія пошлинъ съ хлѣба; въ этотъ періодъ доставлено еще 2,246,809 квартеровъ.

Разсматривая этотъ привозъ, нельзя не замѣтить, что значительнѣйшую часть его составляли хлѣбные припасы низшаго разбора, которые потребовались вслѣдствіе неурожая картофеля, и что первое мѣсто между ними занимала кукуруза, которая въ прежнее время почти вовсе не употреблялась, а въ 1846—1847 годахъ стала замѣнять картофель, преимущественно въ Ирландіи.

Втеченіи этихъ пятнадцати мѣсяцевъ Великобританія снабжалась хлѣбомъ изъ всѣхъ частей свѣта. Значительнѣйшіе подвозы прибыли изъ Сѣверной Америки, Россіи, Германіи и Леванта. Весь привозъ хлѣба, всякаго роду, составившій 12,926,912 квартеровъ, распредѣлялся на слѣдующія количества:

Изъ Сѣверной Америки:

— Соединенныхъ Штатовъ 4,648,016

— англійскихъ колоній 686,593

5,334,609 кварт.

Изъ Россіи:

— сѣверныхъ портовъ 1,590,515

— южныхъ портовъ 315,594

1,906,109

Изъ Пруссіи 943,029

— Давіи 983,831

— Швеція и Норвегія 170,159

— ганзейскихъ портовъ 176,912

— Мекленбурга, Ганновера и Ольденбурга 295,305

— Голландіи 233,833

— Франціи 322,253

— Португаліи 105,763

— Испаніи 214,825

— Италіи 471,110

— Триеста 396,159

Изъ Леванта:

— Молдавіи и Валахіи 302,640

— Египта 518,705

— другихъ турецкихъ владѣній 355,215

1,176,560

— прочихъ мѣстъ 196,405

Итого 12,926,912 кварт.

Привозъ хлѣба изъ Сѣверной Америки составлялъ единicomъ сорокъ процентовъ или двѣ-пятыхъ всего количества и состоялъ главнѣйше изъ пшеницы, пшеничной муки и кукурузы.

Привезено:	Из Соединенных Штатов.	Из английских колоній.
Пшеницы и пшеничной муки	2,107,694	579,419 квартера.
Кукурузы и муки кукурузной	2,483,444	2 469 — —
Прочихъ хлѣбныхъ припасовъ	166,878	164,705 — —
Итого	4,648,016	686,593 квартера.

Въ сравненіи съ огромнымъ привозомъ американской пшеницы и кукурузы въ зернѣ и мукѣ, количество этихъ хлѣбовъ, привезенное изъ другихъ странъ, было не значительно: изъ Сѣверной Америки доставлено пшеницы и пшеничной муки пятьдесятъ-шесть процентовъ, а кукурузы и муки изъ нее около шестидесяти процентовъ всего привоза.

Россія имѣла значительный перевѣсъ надъ другими странами въ привозѣ ржаной муки, ржи и овса. Изъ русскихъ портовъ привезено ржи и ржадой муки 216,577 квартеровъ или осемьдесятъ-четыре процента всего привоза; овса 1,045,574 квартера, что составляло въ пропорціи ко всему привозу не менѣе пятидесяти процентовъ. Прочіе хлѣбные припасы: ячмень, горохъ, бобы и греча, въ зернѣ и мукѣ, привозились большею частью изъ другихъ странъ.

Количество хлѣба всякаго рода, привезеннаго изъ Россіи, простиралось до 1,906,149 квартеровъ (2,541,532 четверти). Значительнѣйшую часть этого привоза составляли хлѣбные припасы, доставленные изъ сѣверныхъ портовъ Россіи, снабжавшихъ Великобританію пшеницею, овсомъ, ржаною мукою и другимъ.

Привезено изъ русскихъ портовъ:

	Сѣверныхъ.	Южныхъ.
Пшеницы	273,267	256,793 квартера.
Ячменя	37,487	13,883 — —
Овса	1,041,128	4,146 — —
Ржи и ржаной муки . .	212,912	8,665 — —
Гороха	19,019	746 — —
Кукурузы	6,402	36,361 — —
Всего	1,590,515	315,594 квартера.

И такъ, въ пропорціи ко всему привозу изъ Россіи, количество хлѣба, полученнаго изъ сѣверныхъ ея портовъ, составляло осемьдесятъ три процента, а изъ южныхъ только семнадцать.

Большая часть хлѣбныхъ припасовъ доставлена изъ Россіи уже къ то время, когда цѣны ихъ въ Великобританіи стали подвигаться отъ стеченія подвозовъ изъ другихъ мѣстъ. Въ періодъ без-

прерывнаго возвышенія цѣнъ, съ іюля 1846 по іюль 1847 года, привезено изъ Россіи хлѣба всякаго роду только 562,520 квартеровъ, а съ іюля по октябрь 1847 года, когда цѣны начали упадать, привозъ составлялъ 1,343,589 квартеровъ. Совмѣстничество другихъ странъ съ Россіею въ хлѣбной торговлѣ обнаруживается наиболѣе по привозу пшеницы. Кромѣ Сѣверной Америки, откуда доставлено пшеницы и пшеничной муки пятьдесятъ-шесть процентовъ всего привоза, многія другія страны снабжали Великобританію этимъ хлѣбомъ и значительная часть подвозовъ успѣла прибыть туда изъ разныхъ европейскихъ портовъ, прежде нежели успѣлся привозъ пшеницы изъ Россіи.

	Съ іюля 1846 по іюль 1847.	Съ іюля по ок- тябрь 1847.	Всего.
Изъ Россіи: сѣверныхъ портовъ .	53,310	219,957	273,267 кварт.
южныхъ	92,274	164 519	256,793 —
— Пруссіи	435,193	227,796	662,989 —
— другихъ портовъ Европы . .	392,879	193,478	586,357 —
— Турціи и Египта	47,975	180,598	228,573 —
— Сѣверной Америки	1,489,321	1,197,792	2,687,113 —
— прочихъ мѣстъ	21,356	2,695	24,051 —
Всего	2,532,309	2,186,835	4,719,143 кварт.

Изъ этой таблицы видно, что съ іюля 1846 по іюль 1847 года весь привозъ изъ Россіи составлялъ 145,584 квартера, а съ іюля по октябрь 1847 года 384,476 квартеровъ, между тѣмъ какъ изъ Пруссіи и другихъ портовъ Европы привезено въ первый періодъ 826,072 квартера, а въ послѣдній только 421,274 квартера. Слѣдовательно, весьма незначительное количество пшеницы доставлено прямо изъ Россіи къ тому времени, когда существовали высокія цѣны, которыми воспользовались значительные подвозы, прибывшіе изъ Сѣверной Америки, равно какъ изъ прусскихъ и другихъ европейскихъ портовъ. Должно замѣтить притомъ, что русская и польская пшеница составляла главнѣйшую часть привоза изъ этихъ портовъ; они успѣли доставить грузы съ хлѣбомъ изъ своихъ запасовъ въ то время, когда подвозы изъ Россіи были мало важны. Наши южные порты, по своей отдаленности отъ Великобританіи, не могли имѣть значительнѣйшаго участія въ непосредственномъ отпускѣ туда пшеницы и должны были уступить первенство сѣвернымъ портамъ; но послѣдніе, въ свою очередь, за прекращеніемъ въ нихъ навигаціи и за позднимъ прибытіемъ

подвозовъ изъ внутреннихъ мѣстъ, не могли предупредить другіе порты въ снабженіи Великобританіи значительнѣйшимъ количествомъ пшеницы.

Что касается до овса, ржи и ржаной муки, то большая часть подвозовъ ихъ направилась туда прямо изъ Россіи, потому что другія страны не были въ состояніи снабдить Великобританію достаточнымъ количествомъ этихъ припасовъ.

Франція также нуждалась въ большомъ привозѣ хлѣба въ 1846 году, и особенно въ 1847. При посредственной жатвѣ и по недостатку внутреннихъ запасовъ поступило иностраннаго хлѣба на внутреннее продовольствіе въ 1846 году 2,454,000 четвертей, а въ 1847, по случаю скуднаго урожая, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной половѣ, внутренней сбытъ иностраннаго хлѣба увеличился до 5,000,000 четвертей. Правительство, имѣя въ виду значительную потребность въ хлѣбныхъ припасахъ для народнаго продовольствія, приняло разныя мѣры къ облегченію заграничнаго привоза на 1847 годъ: оно разрѣшило ввозъ хлѣба въ зернѣ и мукъ сухимъ путемъ и моремъ, на корабляхъ французскихъ или иностранныхъ, безъ различія происхожденія, съ низшею пошлиною по закону, отъ 15 апрѣля 1832 года*; освободило приходящіе съ хлѣбомъ корабли отъ ластоваго сбора, допустила иностранныя суда къ перевозкѣ хлѣбныхъ припасовъ между французскими портами изъ Средиземнаго Моря въ Океанъ и обратно**; облегчило карантинныя правила, въ отношеніи кораблей, приходящихъ изъ Леванта, и отпавило въ Дарданеллы, Гибралтарскій Пролівъ и Ла-Маншь пароходы для буксированія судовъ, идущихъ съ грузами хлѣба во Францію. Въ то же время, для пересѣченія вывоза за границу кукурузы и гречи, родившихся во Франціи довольно изобильно, отпускная пошлина съ этихъ хлѣбовъ возвышена. Всѣ эти правительственныя распоряженія послѣдовали не прежде какъ въ началѣ 1847 года, и оттого невозможно было своевременными подвозами иностраннаго хлѣба отвратить непрерывное возвышеніе цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ, продолжавшееся съ іюля 1846 по іюнь 1847 года, какъ видно изъ слѣдующаго обзорѣнія среднихъ цѣнъ на пшеницу.

* Эта пошлина составляетъ съ четверти пшеницы 43 копѣйки, ржи 8, кукурузы $7\frac{1}{2}$, ячменя 6, гречихи $5\frac{1}{4}$ и овса $4\frac{1}{2}$ копѣекъ серебромъ.

** По общимъ правиламъ каботажное судоходство предоставлено исключительно французскому флоту.

Въ мѣсѣ 1846 году .	22 франк. 50 $\frac{1}{2}$ центъ за четверть.		
— августъ	22	74 $\frac{1}{2}$	_____
— сентябрь	24	9	_____
— октябрь	25	2	_____
— ноябрь	26	36	_____
— декабрь	27	76	_____
— январь 1847 году	28	41	_____
— февраль	31	17	_____
— мартъ	35	4	_____
— апрѣль	36	90	_____
— май	39	69	_____
— июнь	40	97	_____
— июль	35	55	_____

Среднія цѣны, втеченіи этихъ мѣсяцевъ подыались отъ 11 рублей 80 копѣекъ до 21 рубля 50 копѣекъ серебромъ за четверть. Съ половины 1847 года, вслѣдствіе значительныхъ подвозовъ иностраннаго хлѣба, цѣны стали упадать ко времени окончанія жатвы, тѣмъ болѣе, что въ этомъ году она оказалась недостаточною для внутренняго продовольствія.

Привозъ хлѣбныхъ припасовъ во Францію въ 1846 году арестирался до 2,651,873 четвертей и въ концѣ этого года, несмотря на умноженіе подвозовъ въ осенніе мѣсяцы, внутренній сбытъ иностраннаго хлѣба усилился такъ, что на складахъ оставалось только 113,500 четвертей во всѣхъ портахъ Франціи. Въ январѣ и февралѣ 1847 года, подвозы были незначительны, по случаю остановки навигаціи на Черномъ Морѣ и въ балтійскихъ портахъ, которые открылись для судоходства не прежде какъ въ апрѣлѣ. Впослѣдствіи, хлѣбная торговля, при безпрерывномъ возвышеніи цѣнъ, оживилась необыкновенною дѣятельностью: съ марта по ноябрь ежемѣсячные подвозы хлѣба составляли не менѣе 500,000 четвертей. Втеченіи всего 1847 года привезено до 5,841,836 четвертей. Изъ этого количества и запасовъ, оставшихся на складахъ отъ предъидущаго года, (113,500 четвертей) оплачено пошлиною 5,085,17 четвертей и осталось къ 1848 году на складахъ 560,140; за границу отпущено привознаго и собственнаго хлѣба 1,089,100 четвертей. Ближайшіе къ Англіи порты сѣверной Франціи отпускали туда хлѣбъ болѣею частью въ началѣ 1847 года, пользуясь высокими цѣнами на англійскихъ рынкахъ.

Значительнѣйшіе подвозы стекались въ Марсель, главный для хлѣбной торговли портъ южной Франціи, которая ежегодно бо-

гве или менше нуждается въ привозѣ иностраннаго хлѣба. Этотъ привозъ составлялъ слѣдующія количества:

	Изъ Россіи.	Прочія мѣста *.	Всего.
Въ 1841 г.	391,936	180,837	572,772 четв.
— 1842 —	251,701	335,553	588,254 —
— 1843 —	495,043	456,707	951,750 —
— 1844 —	702,108	427,979	1,130,087 —
— 1845 —	967,460	267,163	1,234,623 —
— 1846 —	1,875,239	669,581	2,544,910 —
— 1847 —	1,918,398	1,425,863	3,344,261 —

Изъ этого обозрѣнія видно, что втеченіи послѣднихъ семи лѣтъ привозъ хлѣба къ марсельскому порту ежегодно возрасталъ, а самый значительный былъ въ 1846 и 1847 годахъ. Въ южной Франціи урожай въ 1845 и 1846 годахъ былъ скудный, особенно въ 1846 году пшеница родилась очень худо и жатва другихъ хлѣбовъ, кромѣ кукурузы и гречи, была менше средняго урожая; но въ 1846 году другіе края Франціи не нуждались въ иностранномъ привозѣ и могли отчасти продовольствоваться южныя провинціи собственнымъ хлѣбомъ: изъ 2,651,873 четвертей хлѣба, привезеннаго въ 1846 году, поступило въ Марсель 2,544,910 четвертей. Напротивъ того, въ 1847 году потребность въ иностранномъ привозѣ значительно увеличилась не только на югъ, но и въ другихъ краяхъ Франціи, такъ, что изъ 5,841,836 четвертей, доставлено въ Марсель 3,344,261 четверть, а въ прочія мѣста 2,497,575 четвертей изъ балтійскихъ портовъ, Сѣверной Америки, Испаніи, Германіи и другихъ странъ.

Во время самыхъ высокихъ цѣнъ на пшеницу, доходившихъ въ Марсель отъ 13 рублей 75 копѣекъ до 17 рублей 50 копѣекъ серебромъ за четверть, въ первые три мѣсяца 1847 года привозъ изъ Россіи былъ незначителенъ, но впоследствии, съ умноженіемъ подвозовъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, цѣны сильно упали: въ іюнь, русская пшеница продавалась въ Марсели около 10 рублей 50 копѣекъ, а въ ноябрѣ отъ 8 рублей 44 копѣекъ до 9 рублей 37 копѣекъ серебромъ за четверть. Замѣчательно, что въ первое полугодіе, когда существовали высшія цѣны, весь привозъ изъ Россіи простирался до 831,275 четвертей (въ томъ числѣ 529,496 четвертей привезено съ апрѣля до іюля), а изъ прочихъ мѣстъ 1,463,880 четвертей; въ послѣднюю половину года, когда цѣны уже стали понижаться, привозы еще

* А именно: Молдавіи, Валахіи, Турціи и Египта.

привезено изъ Россіи 1,087,123, а изъ другихъ странъ только 261,982 четверти. Нельзя не замѣтить также, что привозъ хлѣба въ Марсель изъ Россіи въ 1847 году былъ только на 43,159 четвертей болѣе чѣмъ въ 1846 году, между тѣмъ какъ привозъ изъ прочихъ мѣстъ увеличился на 756,282 четвертей. Это приводитъ къ заключенію, что значительнѣйшіе закупки хлѣба на 1847 годъ для Марселя были сдѣланы въ портахъ Леванта и Египта во время самыхъ высокихъ цѣнъ для успѣшнѣйшей доставки пшеницы изъ этихъ портовъ, откуда могли подоспѣть подвозы скорѣе, нежели изъ южной Россіи.

Бельгія, при средней жатвѣ хлѣба, не нуждается въ большомъ привозѣ его изъ-за границы; но въ послѣдніе три года постоянно снабжалась иностраннымъ хлѣбомъ для внутренняго продовольствія. Въ 1845 году привезено зерноваго хлѣба 963,755 четвертей. Въ эти годы привозъ значительно усилился, вслѣдствіе недостаточныхъ урожаевъ хлѣба и въ-особенности по случаю появленія болѣзненной порчи на картофелѣ, составляющемъ главную пищу многочисленнаго рабочаго класса въ этой странѣ. Для облегченія народнаго продовольствія, правительство расширило въ это время беспошлинный ввозъ жизненныхъ припасовъ. Въ прежніе годы, Бельгія получала хлѣбъ изъ Россіи въ небольшомъ количествѣ, но въ 1846 и 1847 годахъ значительные подвозы его прибыли туда изъ нашихъ сѣверныхъ и южныхъ портовъ. Въ Антверпенѣ — главный бельгійскій портъ, привезено пшеницы и ржи изъ Россіи въ 1846 году 445,000 четвертей, а въ 1847 году 470,000 четвертей.

Голландія нуждается въ иностранномъ хлѣбѣ гораздо болѣе нежели Бельгія; но потребность въ немъ также измѣняется смотря по состоянію мѣстнаго урожая. Отчеты о привозѣ, отпускѣ и транзитѣ хлѣба съ 1837 по 1845 годъ показываютъ, что изъ иностраннаго привоза поступало на внутреннее потребленіе ежегодно:

Пшеницы . . .	6,435	ластовъ.
Ржи	26,166	— —
Ячменя	4,733	— —
Гречи	2,054	— —

Итого 57,388 ластовъ.

Овесъ рѣдко требуется изъ-за границы, и въ обыкновенные годы Голландія даже отпускаетъ его въ иностранныя земли.

По случаю скуднаго урожая хлѣба, и вслѣдствіе появленія

картофельной болѣзни въ 1846 году, потребность въ привозѣ хлѣбныхъ припасовъ значительно увеличилась, какъ видно изъ слѣдующаго обозрѣнiя.

Въ главные порты Голландiи, Амстердамъ и Роттердамъ, привезено:

	Въ 1846.	1847 г.
Пшеницы . .	20,420	25,367 ластовъ.
Ржи	90,700	82,238 —
Ячменя . . .	12,848	12,929 —
Гречи	4,137	3,848 —

Итого 128,105 124,382 ластовъ.

Иностраннаго хлѣба отпущено и привезено транзитомъ изъ этихъ портовъ:

Пшеницы . .	9 610	13,483 ластовъ.
Ржи	49,850	30,261 — —
Ячменя . . .	3,145	3,715 — —
Гречи	355	458 — —

Итого 52,960 47,917 ластовъ.

Если изъ привоза выключить отпущъ, то остатокъ иностраннаго хлѣба, поступившаго изъ Амстердама и Роттердама на внутреннее потребленiе, составитъ въ 1846 году 75,145 ластовъ (1,127,175 четвертей), а въ 1847 76,465 ластовъ (1,146,975 четвертей). Изъ Россiи привезено:

	Въ Амстердамъ.		Роттердамъ.	
	Въ 1846 —	1847.	Въ 1846 —	1847.
Пшеницы	1,560	2,839	494	1,629 ластовъ.
Ржи	31,962	25,856	27,010	26,770 —
Ячменя	—	476	2,118	2,982 —

Итого 33,512 29,171 29,622 31,281 ластовъ.

Весь привозъ зерноваго хлѣба изъ Россiи въ эти порты простирался въ 1846 году до 63,134 ластовъ, а въ 1847 до 60,452 ластовъ, тогда какъ въ обыкновенное время туда доставляется не болѣе 10—15,000 ластовъ хлѣба изъ русскихъ портовъ.

Въ Амстердамъ, хлѣбная торговля оживилась въ 1846 и 1847 необыкновенною дѣятельностью, при большомъ требованiи на хлѣбъ, для внутренняго потребленiя и для отпуски на Рейнъ въ Германiю, частью также въ Бельгiю и Францiю. Цѣны воз-

выяснено въ этомъ портѣ, въ чрезвычайной пропорціи, къ началу 1847 года, не съ половины іюня, большіе подвозы хлѣба и шеды на хорошій урожай разсѣяли опасенія на счетъ дальнѣйшаго недостатка въ продовольствіи. Въ 1846 и 1847 годахъ, пшеница польская и рожь овинная (санктпетербургская, рижская и архангельская), продавались по слѣдующимъ цѣнамъ:

Въ 1846 году.	Пшеница.	Рожь.
Въ половинѣ апрѣля	12 р. до 14 р. 40 к.	8 р. до 10 р. с. за четв.
— іюля	12 р. 60 к. — 14 р. 80 к.	9 р. 40 к. — 10 р. 80 к.
Въ 1847 году.		
Въ половинѣ января	14 р. 80 к. до 16 р. 60 к.	11 р. 90 к. до 12 р. 20 к.
— апрѣля	17 — — — — 21 — 40 —	14 — 60 — — 15 — 60 —
— мая	21 — 80 — — 34 — — —	16 — 80 — — 17 — 80 —
— іюня	20 — — — — 22 — 40 —	15 — 60 — — 18 — 80 —
— августа	16 — 80 — — 18 — 40 —	8 — 60 — — 9 — 30 —
Въ концѣ октября	14 — — — — 17 — 40 —	7 — 60 — — 7 — 80 —

Среднія цѣны на пшеницу упали въ октябрѣ, противъ майскихъ цѣнъ до 63 процентовъ, а на рожь до 124 процентовъ.

Во многихъ краяхъ Германіи также оказался неурожай хлѣба и картофеля, и цѣны на хлѣбные припасы возвысились до чрезвычайной дороговизны, какой не бывало тамъ съ 1817 года. Для облегченія народнаго продовольствія, въ Пруссіи, Баваріи, Виртембергѣ былъ разрѣшенъ беспошлинный ввозъ хлѣбныхъ припасовъ, и, къ ограниченію выпуска ихъ въ сосѣдственныя государства, возвышена отпускная пошлина съ хлѣба на западной границѣ германскаго таможеннаго союза. Въ австрійской имперіи также увеличены отпускныя пошлины съ хлѣба и вывозъ его на нѣкоторое время оставался запрещеннымъ. Пограничные округи австрійской Галиціи и Буковины снабжались хлѣбомъ въ 1847 году изъ Россіи чрезъ сухопутную границу. Иностраннй хлѣбъ доставлялся въ рейнскія земли чрезъ Амстердамъ и Роттердамъ, а въ другія внутреннія мѣста Германіи болыюю частью чрезъ Гамбургъ, Бременъ и Штеттинъ.

Вверхъ по Рейну отправлено разнаго хлѣба: въ 1846 году 725,550, а въ 1847 692,972 четверти, на продовольствіе рейнской Пруссіи и сосѣдственныхъ странъ, откуда въ прежніе годы хлѣбъ славлялся этимъ путемъ въ Роттердамъ и Амстердамъ.

Гамбургъ, одинъ изъ важнѣйшихъ для хлѣбной торговли портовъ, принималъ въ ней дѣятельное участіе въ 1846 и 1847 го-

дакт. Весь привоз хлеба къ этому порту распространялся въ 1846 году до 527,550 четвертей, а въ 1847 до 604,800 четвертей, въ томъ числѣ было около 300,000 четвертей пшеницы, доставленной по рѣкѣ Эльбѣ для отпуща за море. Этого хлеба вывезено изъ Гамбурга въ 1846 году около 120,000 четвертей, а въ 1847 223,000 четвертей, большую частью въ Англію. Такой отпуща можно считать для гамбургской торговли незначительнымъ; въ благоприятные годы, вывозилось отсюда нѣмецкой пшеницы до 500,000—600,000 четвертей и болѣе; но въ 1846 и 1847 годахъ, высокія цѣны на пшеницу въ Германіи, по случаю недостаточнаго урожая, ограничили заморскій сбытъ этого хлеба. Ржи, ячменя, овса и гороха вывезено изъ Гамбурга въ 1846 году 230,700 четвертей, а въ 1847 года 217,095 четвертей, въ томъ числѣ одной ржи отпущено вверхъ по Эльбѣ во внутреннія мѣста 55,000 четвертей, а за море только 13,500 четвертей. — Въ теченіе 1847 года, хлебныя цѣны на гамбургской биржѣ были подвержены чрезвычайнымъ колебаніямъ, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра:

	Въ январѣ.	Въ мѣз.	Въ концѣ декабря.
Пшеницы около .	13 руб.	22 руб.	10¼ руб. за четверть.
Рожь	8¾—	11½—	6¾ — — —
Ячмень	9¾—	12 —	8¾ — — —
Овесь	6 —	7½—	3¾ — — —

Время, всегда уступавшій Гамбургу первенство въ хлебной торговлѣ, приобрѣлъ въ ней важное значеніе въ 1846 и 1847 годахъ, по привозу хлеба для продовольствія сосѣдственныхъ странъ Германіи, пострадавшихъ отъ неурожая. Рожь, составляющая главную статью въ хлебной торговлѣ этого порта, доставлялась сюда въ значительнѣйшемъ количествѣ: въ 1845 году привезено только 86,450 четвертей, въ 1846 году 225,642, а въ 1847 году 448,446 четвертей, въ томъ числѣ 385,328 четвертей изъ Россіи, а именно изъ южныхъ ея портовъ 153,657, изъ Риги 108,561, изъ Санктпетербурга 66,584, изъ Архангельска 56,526 четвертей. — Ржи отпущено изъ Бремена въ 1846 году 309,261, а въ 1847 356,110 четвертей. Она продавалась здѣсь въ іюнѣ 1847 года по 9½ до 11½ рублей, въ іюлѣ по 7½ до 8¾ рублей, а въ августѣ по 6¾ до 7½ рублей серебромъ за четверть. Отпуща хлеба составлялъ въ сложности до 50,000 четвертей въ 1846 году и до 56,000 четвертей въ 1847 году, тогда какъ въ прежніе годы онъ шерѣдко былъ вдвое болѣе этого количества.

Мекленбургскіе порты Ростокъ и Висмаръ, въ 1846 — 1847 году отпускали за море большою частью пшеницу, а рожь, ячмень и овесъ вывозились въ незначительномъ количествѣ, оттого, что при недостаточномъ урожаѣ этихъ хлѣбовъ и картофеля, запасы ихъ должны были обратиться преимущественно на внутреннее продовольствіе. Весь отпускъ хлѣба изъ Ростока и Висмара составлялъ въ 1846 году 291,172 четверти, а въ 1747 191,710 четвертей.

Въ Любекъ привезено ржи 64,000 четвертей, ячменя, овса и пшеницы 9,600, и муки 10,340 четвертей, всего 83,340 четвертей, въ томъ числѣ изъ Россіи 74,400 четвертей, и остальное количество изъ Швеціи. По мѣрѣ прибытія подвозовъ хлѣба, онъ отправлялся изъ Любека въ окрестныя мѣста Сѣверной Германіи. До открытія навигаціи, недостатокъ въ продовольствіи увеличился тамъ до такой степени, что въ маѣ хлѣбныя припасы продавались въ Любекѣ по неслыханнымъ цѣнамъ: пшеница около 21½ рублей, рожь до 14 рублей, ячмень до 11½ рублей, овесъ около 8 рублей, горохъ до 12 рублей 70 копѣекъ, греча до 9 рублей серебромъ за четверть.

Штетинъ, отпускавшій въ прежніе годы не маловажное количество хлѣба, долженъ былъ въ 1847 году получать его изъ-за границы. Отсюда снабжались привознымъ хлѣбомъ внутренніе края Пруссіи, пострадавшіе отъ неурожая. Хлѣба въ зернѣ привезено въ 1847 году къ штетинскому порту 352,176 четвертей, въ томъ числѣ ржи изъ Россіи 304,160, изъ Даніи, Швеціи и Норвегіи 36,568, всего 340,728 четвертей. Кромѣ ржи въ Штетинъ привезено изъ Россіи, въ первый разъ, большое количество ржаной муки, 243,828 четвертей. Значительнѣйшіе подвозы ржи и ржаной муки прибыли въ лѣтніе мѣсяцы; въ апрѣлѣ и въ началѣ мая цѣны на рожь, по недостатку мѣстныхъ запасовъ, доходили до 14 рублей 70 копѣекъ серебромъ за четверть; но съ прибытіемъ первыхъ подвозовъ изъ Россіи, въ концѣ мая упали до 11 рублей 50 копѣекъ. При быстрой распродажѣ этихъ подвозовъ въ теченіе іюня, цѣны на русскую рожь держались около 11 рублей 20 копѣекъ до 11 рублей 90 копѣекъ, а въ концѣ іюня и въ іюлѣ непрерывно упали и съ августа понизились въ значительной пропорціи, при видахъ на изобильный урожай внутри края и на дальнѣйшіе подвозы изъ Россіи. Рожь, за которую платили въ іюлѣ отъ 9 рублей 24 копѣекъ до 7 рублей 56 копѣекъ, продавалась въ августѣ отъ 5 рублей 30 копѣекъ

до 5 рублей 60 копѣекъ, а въ ноябрѣ по 5 рублей 20 копѣекъ. Въ мѣсяцъ мая платили за ржаную муку до 1 рубля 50 копѣекъ, а съ августа до конца года она продавалась не дороже 60 до 75 копѣекъ серебромъ за пудъ. Многіе изъ тѣхъ, которые прежде успѣли приобрести значительный барышъ отъ высшихъ цѣнъ на рожь и на ржаную муку, старались потомъ сбыть этотъ товаръ скорѣе, съ малою прибылью, либо съ убыткомъ, болѣе или менѣе значительнымъ. вмѣстѣ съ убытками, возникли жалобы на худое качество ржаной муки, о чемъ прежде ничего не было слышно, пока держались высокія цѣны. Многіе дома, законтрактовавшіе ее, стали подѣ этия предлогомъ отказываться отъ пріема. Чрезвычайный привозъ этого товара имѣлъ слѣдствіемъ быстрый упадокъ цѣнъ. Осенью большія партіи ржаной муки проданы съ аукціоннаго торга: въ началѣ сентября еще платили до 60 копѣекъ, а въ началѣ октября нельзя было выручить болѣе 50 и 54 копѣекъ серебромъ за пудъ.

Вывозъ пшеницы, отправляемой изъ Штетина большою частью въ Англію, въ благопріятные годы доходившій до 200,000 четвертей, составлялъ въ 1847 году только 115,900 четвертей, отъ того, что высокія цѣны и недостатокъ запасовъ ея въ этомъ портѣ ограничивали требованія на нее для заморскаго отпуща.

Значительное количество польской пшеницы вывезено въ 1846 и 1847 годахъ изъ *Данцига*, большою частью въ Англію; отпущъ другихъ хлѣбовъ изъ этого порта былъ маловаженъ. Пшеницы отпущено въ 1846 году 346,752 четверти, а въ 1847 году 531,870 четвертей. Она продавалась здѣсь въ іюнь 1847 года по 20 и 21½ рубля, въ іюль отъ 13¾ до 16½ рублей, а въ августъ отъ 10½ до 14¾ рублей серебромъ за четверть.

Изъ *Кенигсберга* и *Мемеля* отпущено разнаго хлѣба, доставленнаго къ этимъ портамъ по рѣчному сообщенію, изъ Россіи: въ 1846 году 396,858 четвертей, а въ 1847 году 452,718 четвертей.

Вывозъ хлѣба изъ *Дании*, значительно успившійся въ 1845 и 1846 году, долженъ былъ уменьшиться въ 1847 году по случаю неудовлетворительнаго урожая въ датскихъ владѣніяхъ, особенно въ герцогствахъ Шлезвигѣ и Голштиніи, откуда, въ обыкновенные годы, вывозится хлѣбъ въ иностранныя земли, а въ 1847 году правительство признало необходимымъ разрѣшить безпошлинный ввозъ его изъ-за границы. Потребность въ хлѣбныхъ припасахъ увеличилась въ этой странѣ тѣмъ болѣе, что и здѣсь появилась, въ сильной степени, болѣзнь на картофелѣ.

О привозѣ и отпускѣ хлѣба еще нѣтъ официальныхъ свѣдѣній за 1847 годъ, а изъ отчетовъ за 1846 и 1845 годъ видно, что вывозъ хлѣбныхъ припасовъ всякаго рода изъ датскихъ владѣній простирался въ 1845 году до 1,753,701, а въ 1846 году до 1,878,361 четверти, и что въ оба года ячмень составлялъ почти половину всего отпуска.

Недостатокъ хлѣбныхъ запасовъ въ датскихъ, прусскихъ и другихъ нѣмецкихъ портахъ въ 1847 году побудилъ иностранцевъ обратиться къ Швеціи, для закупки тамъ хлѣба; но какъ и въ этомъ государствѣ цѣны стали быстро подниматься, при возраставшемъ вывозѣ хлѣба за границу, то правительство, опасаясь что внутреннихъ запасовъ будетъ недостаточно для мѣстаго продовольствія, запретило отпускъ хлѣбныхъ припасовъ съ іюня до половины августа, и разрѣшило ввозъ ихъ въ Швецію и Норвегію по 1 августа 1847 года.

Подобныя мѣры въ отношеніи къ хлѣбной торговлѣ были приняты также во многихъ государствахъ южной Европы: въ Испаніи, въ неаполитанскомъ королевствѣ, въ Тосканѣ и въ папскихъ владѣніяхъ, былъ разрѣшенъ безошлипный ввозъ; въ Португаліи допущенъ привозъ съ низкою пошлиною, и въ сардинскомъ королевствѣ сбавлена пошлина со всехъ хлѣбныхъ припасовъ. Сверхъ того въ Испаніи, въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ и въ неаполитанскихъ владѣніяхъ, для обезпеченія внутренняго продовольствія, вывозъ хлѣба за границу былъ воспрещенъ. Съ такою же цѣлю, турецкое правительство ограничило вывозъ хлѣба изъ Булгаріи, Румелии и Анатоліи.

Хлѣбная торговля въ портахъ Средиземнаго Моря чрезвычайно оживилась въ 1847 году, отъ большаго требованія на хлѣбъ для продовольствія разныхъ прибрежныхъ странъ и для отправки портовыхъ запасовъ во Францію, въ Англію и другія мѣста. Привозъ и отпускъ хлѣбнаго товара въ складочныхъ портахъ, Генуѣ, Ливорно и Триестѣ, производился съ необыкновенною дѣятельностью. Въ Генуѣ цѣны на пшеницу доходили въ 1847 году отъ $10\frac{3}{4}$ до $17\frac{1}{2}$ рублей серебромъ за четверть, тогда какъ въ 1846 году она продавалась здѣсь отъ 3 рублей 65 копѣекъ до 7 рублей 30 копѣекъ серебромъ. Весь привозъ пшеницы къ этому порту въ 1847 году составлялъ 1,200,000 четвертей (противъ 1846 года на 700,000 четвертей болѣе), въ томъ числѣ изъ Россіи 779,235 четвертей (въ 1846 году 426,443 четверти). Пшеница сбывалась изъ Генуи въ Піемонтъ, Ломбардію и другія итальянскія владѣнія, также въ Англію и Францію. Въ Ливорно

привезено этого хлѣба въ 1847 году 916,837 четвертей (противъ 1846 года на 350,000 четвертей болѣе), въ томъ числѣ изъ Россіи 435,120 четвертей (въ 1846 году 222,779 четвертей). Изъ этого порта пшеница поступала большею частью на продовольствіе Тосканы, также отправлялась въ ближайшія мѣста Италіи, во Францію и въ Англію. Въ Триестѣ, весь привозъ хлѣба простирался въ 1847 году до 1,040,000 четвертей (противъ 1846 года на 504,000 четвертей болѣе); въ томъ числѣ было 405,076 четвертей пшеницы (изъ Россіи 188,000, а въ 1846 году только 45,000 четвертей), и около 300,000 четвертей кукурузы изъ турецкихъ владѣній. Разныхъ хлѣбныхъ припасовъ отпущено изъ Триеста въ 1847 году 722,400 четвертей (противъ 1846 года на 254,000 четвертей болѣе), большею частью въ содѣственные порты Адриатическаго Моря; около 136,000 четвертей кукурузы вывезено изъ Триеста въ Англію.

И такъ, въ этихъ трехъ складочныхъ для хлѣба портахъ (Генуѣ, Ливорно и Триестѣ) привозъ одной пшеницы въ 1847 году составлялъ слишкомъ два съ половиною милліона четвертей; въ этомъ количествѣ было до 1,400,000 четвертей пшеницы, вывезенной изъ южныхъ портовъ Россіи, и около 1,100,000 четвертей изъ Турціи, Египта и другихъ мѣстъ. Большая часть этого привоза поступила на внутреннее продовольствіе разныхъ странъ Италіи, гдѣ, по недостаточному урожаю, значительно увеличилась потребность въ иностранномъ хлѣбѣ, такъ, что даже тѣ края, изъ которыхъ въ обыкновенное время отпускался хлѣбъ за границу, должны были пресѣчь вывозъ его въ 1847 году.

При такихъ обстоятельствахъ хлѣбной торговли 1847 года, чрезвычайно увеличился отпускъ хлѣба изъ всѣхъ портовъ, которые были въ состояніи снабжать имъ иностранныя земли. Значительнѣйшія закупки хлѣбныхъ припасовъ всякаго рода для отпуска за море производились въ Россіи, Турціи, Египтѣ и Сѣверной Америкѣ. Соперничество этихъ странъ съ Россіею въ хлѣбной торговлѣ усилилось тогда тѣмъ болѣе, что по случаю дороговизны на хлѣбъ въ концѣ 1846 года и въ началѣ 1847 и при видахъ на огромный сбытъ его въ западной и южной Европѣ, иностранцы спѣшили скупать хлѣбные припасы въ тѣхъ портахъ, откуда возможно было скорѣе получить подвозы. Такимъ образомъ большое количество хлѣба прибыло въ Европу изъ Сѣверной Америки и Леванта еще до открытія навигаціи въ нашихъ портахъ.

По отчетамъ о вывозѣ хлѣба изъ Сѣверо-Американскихъ Соеди-

ненныхъ Штатовъ, видно, что въ теченіе тамошняго коммерческаго года, который считается съ 1 сентября, отпускъ хлѣбныхъ припасовъ съ 1 сентября 1846 по 31 августа 1847 года составлялъ слѣдующія количества:

	Въ Великобританію и Ирландію.	Во Францію.	Въ другія мѣста.	Всего вообще.
Муки:				
Пшеничной	2,633,557	498,225	490,734	3,612,316 четв.
Кукурузной	502,408	22,267	43,795	568,470 —
Хлѣба въ зернѣ:				
Пшеницы	645,533	196,797	54,522	896,852 —
Кукурузы	2,839,237	5,562	79,640	2,924,439 —
Ржи	14,710	11,848	137,645	164,203 —
Овса	72,428	640	7,233	80,301 —
Ячменя	49,546	16	1,833	51,395 —
Итого	6,747,719	735,265	815,502	8,298,476 четв.

Изъ этой таблицы видно, что пшеницы и пшеничной муки отпущено всего 4,509,668 четвертей, кукурузы въ зернѣ и мукѣ 3,492,929, а прочихъ хлѣбовъ только 295,899 четвертей. Вывозъ всѣхъ хлѣбныхъ припасовъ въ Великобританію и Ирландію составлялъ четыре пятыхъ всего отпуска, а именно:

Пшеницы и пшеничной муки	3,269,390 четв.
Кукурузы и кукурузной муки	3,341,645 —
Ржи, ячменя и овса	136,634 —

Во Францію и другія мѣста отпущено разнаго хлѣба 1,550,657 четвертей, въ томъ числѣ: пшеницы и пшеничной муки 1,240,278, кукурузы въ зернѣ и мукѣ 151,284, ржи, ячменя и овса 158,195 четвертей.

Въ общемъ итогѣ отпуска, доходившемъ почти до 8,300,000 четвертей, пшеница составляла 54 процента, кукуруза 42 процента, а на долю прочихъ хлѣбовъ приходилось 4 процента.

Вывозъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1846 и 1847 годахъ могъ увеличиться до такого огромнаго количества, отъ того, что къ осени 1846 года во внутреннихъ мѣстахъ накопился большіе запасы хлѣба, при низкихъ цѣнахъ, послѣ трехъ изобильныхъ урожаевъ. Необыкновенное требованіе на хлѣбъ для отпуска въ Европу возвысило цѣны и фрахты въ американскихъ портахъ, такъ, что въ февралѣ и мартѣ 1847 году тамошняя пшеничная мука обходилась въ Ливерпулѣ вдвое дороже, чѣмъ въ сентябрѣ 1846 года. Слѣдующая таблица пока-

зываетъ цѣны, существовавшія въ Нью-Йоркѣ на лучшій сортъ пшеничной муки.

Въ 1846 году		Цѣна за бочку.		Фрахтъ до Ливерпуля.		Стоимость и фрахтъ на англійскія деньги.	
Сентября	1	4 дол.	12½ цѣн.	2 шил.	3 пен.	19 шил.	4 пенса
—	16	4 —	75 —	2 —	6 —	22 —	1 —
—	30	5 —	— —	2 —	9 —	23 —	5 —
Октября	14	5 —	50 —	4 —	— —	26 —	10½ —
—	31	6 —	— —	3 —	6 —	28 —	8½ —
Ноября	14	6 —	— —	4 —	3 —	29 —	5½ —
—	28	5 —	37½ —	5 —	— —	27 —	9¼ —
Декабря	16	5 —	37½ —	4 —	6 —	27 —	4½ —
—	30	5 —	62½ —	5 —	3 —	29 —	3¼ —
Въ 1847							
Января	15	5 —	62½ —	5 —	— —	28 —	10¼ —
—	29	7 —	— —	7 —	— —	36 —	8 —
Февраля	15	7 —	25 —	7 —	6 —	38 —	6 —
—	27	7 —	12½ —	8 —	6 —	38 —	11¼ —
Марта	15	7 —	— —	6 —	9 —	37 —	1 —
—	31	7 —	25 —	7 —	3 —	34 —	8 —
Апрѣля	16	7 —	75 —	4 —	3 —	37 —	4 —
—	29	8 —	— —	3 —	— —	36 —	9 —
Мая	14	7 —	87½ —	3 —	— —	36 —	1½ —
—	29	8 —	12½ —	3 —	— —	37 —	2½ —
Июня	5	9 —	25 —	3 —	3 —	42 —	3 —
—	14	8 —	81¼ —	3 —	9 —	41 —	3 —
—	29	7 —	25 —	3 —	3 —	34 —	½ —
Июля	14	6 —	12½ —	3 —	9 —	29 —	9 —
—	30	5 —	75 —	3 —	9 —	28 —	2½ —
Августа	13	6 —	— —	2 —	5 —	27 —	8 —
—	30	5 —	87½ —	1 —	6 —	26 —	1 —

Цѣны на пшеничную муку, постепенно возвышались съ 4 долларовъ 12½ центимовъ за бочку въ 196 фунтовъ (около 1 рубля серебромъ за пудъ), доходили въ началѣ 1847 года до 7 — 7¼, 7¾ долларовъ, а въ маѣ и въ июнѣ, отъ 8 и 12½ долларовъ до 9 долларовъ 25 центимовъ (около 2 рублей до 2 рублей 30 копѣекъ серебромъ за пудъ) и на послѣдокъ, къ исходу августа понизились до 5 долларовъ 87½ центимовъ. Возвышеніе цѣнъ съ осени 1846 года составляло до 124 процентовъ.

Фрахтъ отъ Нью-Йорка до Ливерпуля, при чрезвычайномъ требованіи на корабли для погрузки хлѣба, непрерывно возвышался.

особенно въ концѣ 1846 и въ началѣ 1847 года платили необыкновенно высокія цѣны за провозъ: въ сентябрѣ 1846 года фрахтъ составлялъ отъ 27 до 31 пенса, въ октябрѣ 48, въ декабрѣ поднялся до 63, въ концѣ января и въ февралѣ отъ 84 до 102 пенсовъ съ бочки. Впослѣдствіи отъ большаго прихода кораблей, фрахты стали понижаться и въ лѣтніе мѣсяцы платили отъ 39 до 45 пенсовъ, а въ августѣ отъ 29 до 18 пенсовъ. И такъ, съ осени 1846 до весны 1847 года фрахты поднялись на 277 процентовъ.

Пшеничная мука лучшаго сорта обходилась съ доставкою изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль, въ сентябрѣ 1846 года, отъ 19 шиллинговъ 3 пенсовъ до 23 шиллинговъ 6 пенсовъ за бочку (около 1 рубля 16 копѣекъ до 1 рубля 40 копѣекъ серебромъ за пудъ); потомъ, съ возвышеніемъ нью-іоркскихъ цѣнъ и фрахтовъ, въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, стояла отъ 26 шиллинговъ 10½ пенсовъ до 29 шиллинговъ 5½ пенсовъ, а съ начала 1847 года по апрѣль отъ 36 шиллинговъ 8 пенсовъ до 38 шиллинговъ 11¼ пенсовъ; съ весны, когда фрахты стали вдвое дешевле, стоимость муки почти нисколько не понизилась, потому что съ тѣхъ поръ цѣны не переставали возвышаться до половины іюня, такъ, что мука купленная въ этомъ мѣсяцѣ обходилась въ Ливерпульѣ 42 шиллинга 3 пенса и 41 шиллингъ 3 пенса за бочку (около 2 рублей 53 копѣекъ до 2 рублей 47 копѣекъ серебромъ за пудъ). Впослѣдствіи, цѣны стали упадать, и при низкихъ фрахтахъ въ августѣ, пшеничная мука стояла въ Нью-Йоркѣ, съ доставкою въ Ливерпуль, отъ 27 шиллинговъ 8 пенсовъ до 26 шиллинговъ 1 пенса за бочку (около 1 рубля 66 копѣекъ и 1 рубля 56 копѣекъ серебромъ за пудъ).

Огромные подвозы пшеницы и кукурузы изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію и въ Ирландію, въ 1847 году, значительно уменьшили тамъ потребность въ привозѣ изъ Россіи пшеницы и другихъ родовъ хлѣба, которые, для употребленія въ пашу, болшею частью замѣнялись кукурузою. Соперничество Соединенныхъ Штатовъ было не такъ ощутительно въ нашей торговлѣ съ Франціею, потому что хлѣбные припасы доставлялись оттуда только въ сѣверные и западные ея порты, между тѣмъ какъ южная Франція, терпѣвшая крайній недостатокъ въ продовольствіи, снабжалась пшеницею преимущественно изъ черноморскихъ, дунайскихъ и левантскихъ портовъ.

Значительное требованіе на хлѣбные припасы въ 1847 году способствовало чрезвычайному прращенію ихъ отпуска изъ ту

редкихъ владѣній. Къ сожалѣнію, нѣтъ полныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о вывозѣ хлѣба изъ всѣхъ портовъ Европейской и Азіатской Турціи. Кромѣ Молдавіи, Валахіи, откуда хлѣбъ вывозился черезъ дунайскіе порты, Галацъ и Брашловъ, другія области Турціи, Булгарія, Румелія, Сирія, также сбывали хлѣбные припасы въ западную и южную Европу. Впрочемъ, значительнѣйшій отпускъ ихъ производился изъ дунайскихъ портовъ. Изъ Галаца и Брашлова отпущено въ Англію, Францію и въ разные порты Средиземнаго Моря:

	Въ 1846 году.	Въ 1847 году.
Пшеницы	513,644	807,440 четвертей.
Кукурузы	623,815	1,200,013 ———
Ячменя	216,504	429,269 ———
Итого 1,353,963		2,436,692 четвертей.

Вывозъ хлѣба изъ этихъ портовъ значительно увеличился еще въ 1846 году, а въ 1847 году былъ на 80 процентовъ болѣе; въ тогдaшнемъ отпускѣ кукуруза составляла около 50 процентовъ, пшеница 33 процента, а ячмень 17 процентовъ.

Большое количество хлѣбныхъ припасовъ отпущено также изъ Египта, черезъ Александрію.

	Въ 1846 году.	Въ 1847 году.
Пшеницы	242,450	556,428 четвертей.
Кукурузы	31,068	113,734 ———
Ячменя	71,984	329,640 ———
Бобовъ (фасоли)	310,250	784,267 ———
Итого	659,752	1,784,069 четвертей.

Въ обыкновенное время, хлѣбъ вывозился изъ Александріи большею частью въ Марсель, Триестъ, Ливорно и другіе порты Средиземнаго Моря; но въ эти два года, особенно въ 1847 году значительнѣйшій отпускъ былъ въ Англію: туда отправлено разныхъ хлѣбныхъ припасовъ въ 1846 году 363,241, а въ 1847 году 1,102,049 четвертей.

Въ какой мѣрѣ усилилось въ 1847 году совиѣстничество съ Россією со стороны Египта, Молдавіи, Валахіи и Леванта вообще по привозу пшеницы въ порты южной Европы, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которой показанъ совокупный привозъ этого хлѣба въ Марсель, Геную, Ливорно и Триестъ, въ 1846 и 1847 годахъ, изъ Россіи и вышеупомянутыхъ странъ.

	Въ 1846 году.	Въ 1847 году.
Изъ Россіи	2,569,461	3,320,753 четвертей.
— Леванта, Египта и другихъ дунайскихъ портовъ.	983,916	2,479,616 ———

Пшеницы вывезено изъ Россіи въ 1846 году на 161 процентъ, а въ 1847 году только на 33 процента болѣе, чѣмъ изъ Леванта, Египта и дунайскихъ портовъ. Въ 1847 году, въ сравненіи съ 1846, привозъ пшеницы изъ этихъ мѣстъ увеличился на 152 процента, а изъ Россіи только на 29 процентовъ.

Присоединивъ къ отпуску пшеницы изъ Молдавіи, Валахія и Египта, составлявшему въ 1847 году 1,363,868 четвертей, вывозъ этого хлѣба въ зернѣ и мукѣ изъ Соединенныхъ Штатовъ, 4,509,668 четвертей, находимъ, что изъ всѣхъ этихъ странъ въ совокупности отпущено пшеницы 5,873,534 четверти, тогда какъ весь отпускъ ея изъ Россіи въ 1847 году простирался до 5,945,612 четвертей, а съ присовокупленіемъ 531,870 четвертей польской пшеницы, вывезенной чрезъ Данцигъ, составлялъ 6,477,482 четверти. Въ этотъ годъ, значительно увеличилось требованіе на пшеницу въ нашихъ сѣверныхъ портахъ, по маловажности ея запасовъ въ Гамбургѣ и другихъ нѣмецкихъ портахъ, откуда она, въ обыкновенное время, вывозится въ большомъ количествѣ. Годичный отпускъ ея изъ этихъ портовъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, доходилъ иногда до семисотъ или осмисотъ тысячъ четвертей, а въ 1847 году едва составлялъ половину этого количества. Изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ отпущено пшеницы въ 1846 году только 72,732 четверти, а въ 1847 году 688,432 четверти. Вывозъ ея изъ южныхъ портовъ Россіи, при чрезвычайномъ требованіи на хлѣбъ за границу, долженъ бы былъ увеличиться по крайней мѣрѣ вдвое; но значительнѣйшему препятствію сбыта тамошней пшеницы воспрепятствовалъ усилившійся вывозъ этого хлѣба изъ Соединенныхъ Штатовъ, Леванта, дунайскихъ портовъ и Египта. Въ 1846 году, отпущено пшеницы изъ нашихъ южныхъ портовъ 3,036,424, а въ 1847 году 5,066,183 четверти, на 66 процентовъ болѣе.

Несмотря на усилившееся соимѣстничество этихъ странъ въ торговлѣ хлѣбомъ, вывозъ его изъ Россіи въ 1847 году почти равнялся совокупному отпуску хлѣбныхъ припасовъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, Египта и дунайскихъ портовъ, составлявшему до двѣнадцати съ половиной милліоновъ четвертей. Изъ Россіи отпущено:

Пшеницы	5,945,612	четвертей.
Ржи	2,699,162	—
Ячменя	248,407	—
Овса	1,562,340	—
Гороху	22,944	—
Кукурузы	53,882	—
Муки всякаго рода .	912,246	—
Итого		11,485,293 четверти.

И такъ, весь отпускъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи въ 1847 году, простирался до одиннадцати съ половиной милліоновъ четвертей и пшеница составляла болѣе половины этого количества. Если къ отпуску ея изъ Россіи присовокупить вывозъ изъ царства польскаго, то вся масса пшеницы, отправленной въ иностранныя земли изъ предѣловъ Имперіи, едва ли не превзойдетъ отпускъ этого хлѣба ихъ всѣхъ другихъ странъ въ совокупности.

Пшеницы вывезено изъ Россіи.

	Въ 1846.	Въ 1847.
Въ Швецію	1,514	213 четвертей.
— Пруссію	24,159	146,847 —
— Данію	26	92,107 —
— Зундъ, за приказами	15,690	200,755 —
— Ганзейскіе города	4,285	8,285 —
— Голландію	16,319	53,527 —
— Бельгію	111,661	111,270 —
— Англію	340,564	1,101,231 —
— Францію	976,698	2,390,057 —
— Геную	531,683	459,417 —
— Ливорно	457,105	368,108 —
— Неаполитанское королевство.	6,080	98,167 —
— Австрію	129,491	228,051 —
— Ионическіе острова	18,113	20,142 —
— Грецію	3,850	17,160 —
— Турцію	533,978	646,576 —
— Прочія мѣста	—	3,698 —
Всего . 3,171,756		5,945,612 четвертей.

Сравнивая между-собою эти два года, достопамятные въ хлѣбной торговлѣ, находимъ, что значительное приращеніе отпуска въ

. Почти все количество пшеницы, объявляемой къ отпуску въ Турцію изъ нашихъ южныхъ портовъ, обыкновенно получаетъ дальнѣйшее назначеніе въ Константинополь, гдѣ останавливаются корабли, приходящіе съ Червато́ моря.

1847 году послѣдовало главнѣйше отъ усилившагося сбыта пшеницы во Францію и въ Англію. Въ 1847 году, отпущено пшеницы во Францію на 1,413,359, а въ Англію на 760,667 четвертей болѣе, чѣмъ въ 1846 году, но настоящее количество отпуска ея въ эти два государства должно быть еще значительнѣе, потому что туда направилась большая часть пшеницы, отправленной по рѣчному сообщенію въ Пруссію, для отпуска чрезъ тамошніе порты, и объявленной въ нашихъ таможняхъ къ вывозу въ Зундъ и въ Константинополь (или въ Турцію), для полученія тамъ приказовъ о дальнѣйшемъ назначеніи кораблей. Вывозъ пшеницы во Францію и въ Англію, составлявшій, по таможеннымъ отчетамъ, 3,491,388 четвертей, можно, безъ преувеличенія, считать круглымъ числомъ въ четыре милліона четвертей. Изъ остальнаго количества (около двухъ милліоновъ четвертей), почти половина поступила на складку въ Геную, Ливорно и Триестъ, и отсюда пшеница отправлялась частью также въ Англію и Францію, частью въ разныя прибрежныя страны Средиземнаго Моря. Другая половина (около одного милліона четвертей) доставлена въ Бельгію, Голландію, Данію, Неаполь, Грецію и другія мѣста.

Вывозъ другихъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи въ 1847 году составлялъ 5,539,618 четвертей, и распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Ржи.	Ржаной и проч. муки.	Ячменя.	
Въ Швецію	31,771	14,880	3,430	четвертей.
— Норвегію	19,780	35,821	821	—
— Пруссію	459,575	253,119	25,424	—
— Данію	268,812	82,780	16,665	—
— Зундъ	318,121	232,568	1,112	—
— Гавзейскіе города	197,455	23,355	1,04	—
— Голландію	596,175	19,834	63,078	—
— Бельгію.	169,538	33	7,101	—
— Великобританію и Ирландію.	249,360	164,144	70,912	—
— Францію	114,402	2,404	19,704	—
— Италію.	24,879	11	8,283	—
— Австрію	172,212	11,247	39,308	—
— Турцію и Грецію	46,562	46,513	31,920	—
— Прочія мѣста	30,820	25,537	—	—
Всего	2,699,462	912,246	288,807	четвертей
Въ 1846 году	1,708,401	— *	81,882	—

* Въ «Видахъ Торговли» за этотъ годъ не показано количество отпущен-

	Овса.	Гороха.	Кукурузы.	
Въ Пруссію	72,497	6,973	—	четверти.
— Давію	76,431	109	—	—
— Зундъ	185,477	2,600	—	—
— Голландію	62,997	100	—	—
— Англію	1,078,742	9,473	34,296	—
— Францію	23,743	1,164	870	—
— Австрію	36,732	1,323	13,433	—
— Прочія мѣста	25,721	1,202	5,283	—
Всего	1,562,340	22,944	53,882	четверти
Въ 1846 году	362,442	24,950	65,145	— — —

Рожь, ржаная и прочихъ родовъ мука, ячмень, горохъ и кукуруза требовались во многія страны Европы, по случаю недостаточнаго тамъ урожая этихъ хлѣбовъ и худаго сбора картофеля. Разнаго хлѣба (кромѣ пшеницы и овса) отпущено: въ Швецію, Норвегію, Давію, въ ганзейскіе города, Пруссію и Австрію 1,679,342 четверти, въ Голландію, Бельгію, Великобританію, Ирландію, Францію и другія мѣста, лежащія по ту сторону Зунда 2,100,732 четвертей, а въ южную Европу 158,168 четвертей.

Эти хлѣбные припасы отпускались въ 1847 году преимущественно въ разные порты Балтійскаго и Нѣмецкаго Морей. Рожь и ржаная мука въ первый разъ потребовались въ Великобританію и въ Ирландію въ значительномъ количествѣ, по случаю неурожая картофеля: отпускъ туда разнаго хлѣба (кромѣ пшеницы и овса) составлялъ въ 1847 году, 528,185 четвертей. Должно однако замѣтить, что въ то время, какъ другія страны, пострадавшія отъ неурожая картофеля, снабжались хлѣбомъ большою частью изъ Россіи, значительный сбытъ кукурузы въ Ирландію ограничилъ тамъ потребность въ привозѣ другихъ хлѣбныхъ припасовъ. Кукуруза доставлялась въ ирландскіе и въ англійскіе порты изъ Соединенныхъ Штатовъ, частью также изъ Галаца, Брашова, Египта и Леванта; вообще небольшое количество этого хлѣба отпущено въ Англію изъ Одессы. Весь привозъ кукурузы и кукурузной муки въ Великобританію и въ Ирландію простирался въ 1847 году до 5,790,000 четвертей.

Овесъ въ 1847 году, какъ и въ предъидущіе годы, отправлялся изъ Россіи большою частью въ Англію, но вывозъ его новой муки. Весь вывозъ ея въ 1846 году составлялъ по цѣнѣ 707,586 рублей серебромъ, въ томъ числѣ: въ Турцію на 364,628 рублей, въ Норвегію на 187,039 рублей и въ прочія мѣста на 155,919 рублей серебромъ.

когда еще не доходилъ до такого значительнаго количества, какое отпущено туда въ 1847 году. Кромѣ недостаточнаго урожая овса, скудный сборъ картофеля былъ причиною чрезвычайнаго требованія на овесъ въ Великобританіи и въ Ирландіи. Это государство снабжалось имъ преимущественно изъ Россіи; туда отправлено изъ нашихъ портовъ почти двѣ трети всего отпуска овса, а третья доля распределялась, въ небольшихъ количествахъ, между другими иностранными землями.

Весь вывозъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи составлялъ слѣдующія количества:

Въ Великобританію съ Ирландіей . . .	2,708,158	четвертей.
— Францію	2,552,314	—
— Нидерланды, Германію и другія страны сѣверной Европы	2,932,603	—
— Австрійскія владѣнія	492,306	—
— Геную и Ливорно	857,615	—
— Италію, Ионическіе Острова и Грецію.	147,056	—
— Зундъ и Константинополь, для дальнѣйшаго отправленія	1,719,955	—
— Прочія мѣста	75,256	—
Итого	11,485,293	четверти.

Но нашимъ таможеннымъ отчетамъ нельзя опредѣлить съ точностью количество отпуска въ разныя страны, ибо многіе грузы объявляемые къ вывозу изъ Кронштата въ Зундъ, а изъ Одессы и другихъ южныхъ портовъ въ Константинополь, получаютъ дальнѣйшее назначеніе по прибытіи ихъ въ эти мѣста. Такимъ образомъ, отправлено изъ Россіи болѣе десятой части всего отпуска хлѣбныхъ припасовъ. Объявленный вывозъ ихъ въ Великобританію и въ Ирландію составлялъ 23 процента, во Францію 22 процента, въ Нидерланды, Германію и другіе порты сѣверной Европы 25 процентовъ, въ Геную и Ливорно 7 процентовъ и въ австрійскія владѣнія 4 процента.

Изъ 11,485,293 четвертей разнаго хлѣба отпущено въ 1847 году:

Черезъ Санктпетербургъ	2,387,618	четвертей.
— Архангельскъ	948,259	—
— Іагу	1,459,193	—
— Одессу	3,241,644	—

И такъ вывозъ черезъ эти четыре порта составлялъ почти 70 процентовъ всего отпуска.

Необыкновенное движенье хлѣбной торговли въ этихъ главныхъ портахъ нашего отпуска въ 1846 и 1847 году проявило много поучительныхъ фактовъ, разительно выставивъ случайности, которымъ подвержена эта торговля, обстоятельства, отъ которыхъ она зависитъ, и препятствія, которыя затрудняютъ ея успѣшнѣйшее развитіе. Но важности хлѣбнаго торговаго для Россіи полагаемъ не бесполезнымъ представить здѣсь отчетъ о движеніи его въ нашихъ главныхъ портахъ въ 1846 и 1847 году и начнемъ это обзорнѣе Санктпетербургскимъ портомъ, гдѣ хлѣбная торговля, въ эту эпоху, ознаменовалась чрезвычайною дѣятельностью и показала Европѣ какое важное значеніе можетъ приобрести Санктпетербургскій отпущекъ хлѣбныхъ продуктовъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ.

По случаю неурожаа картофеля въ западной Европѣ отправнаго ржи изъ Санктпетербурга началась еще въ 1845 году, а въ 1846 и 1847 году отпущекъ ея возвысился до огромнаго количества, какое никогда не вывозилось изъ этого порта. Самый большой отпущекъ ржи изъ Санктпетербурга былъ въ 1817 году, 609,496 четвертей, а въ 1847 году, отпущено 685,378 четвертей. Первые контрактныя покупки состоялись весною 1845 года, по 14 и 14½ рубля ассигнаціями * и мало-по-малу цѣна наличной ржи подвигалась до 19½ рубля за четверть. Отпущекъ въ этотъ годъ, по маловажности мѣстныхъ запасовъ, составлялъ не болѣе 42,000 четвертей, и почти все это количество отправлено въ Голландію и Бельгію. Требованіе на рожь продолжалось и по закрытіи навигаціи: многія контрактныя покупки на 1846 годъ состоялись большою частью по 19 рублей на іюнь, по 17½ рубля на іюль, съ задаткомъ до 7 рублей. Въ лѣтніе мѣсяцы 1846 года платили отъ 17 до 19½ рубля, а подъ конецъ навигаціи отъ 20 до 22½ рубля за четверть. Послѣ значительнаго отпуска ржи въ этомъ году (до 583,000 четвертей), возобновились заграничныя заказы и покупки на слѣдующую навигацію. Въ зимніе мѣсяцы, цѣны за наличную рожь доходили до 24½ и 26 рублей; въ мѣзъ платили за нее 29 до 33 рублей и въ тоже время контрактныя цѣны

* Цѣны показаны здѣсь на ассигнаціи, отъ того, что какъ на Санктпетербургской биржѣ, такъ и на внутреннихъ пристаняхъ, слѣжки еще производятся по старому счету. Переложеніе настоящихъ ассигнаціонныхъ цѣнъ на серебро, по установленному курсу, привело бы пязъ въ дробный видъ, при которомъ трудно слѣдить а порежьлами, происходившими въ цѣнахъ. Но этому мы предпочли оставить ихъ въ первоначальномъ видѣ.

возвысились отъ 23 до 24½, и наконецъ до 28 и 29 рублей 75 копѣекъ. Къ открытію навигаціи 1847 года уже куплено было до 600,000 четвертей. Съ исхода мая, по окончаніи главныхъ закупокъ, цѣны стали упадать: рожь на мѣстѣ продавалась въ іюлѣ отъ 21½ до 24½ и 25 рублей. Съ уменьшеніемъ требованія для отпуска, при видахъ на хорошій урожай за границею, цѣны упали еще болѣе въ іюлѣ: въ началѣ платили отъ 21 до 23 рублей, потомъ отъ 20 до 21 рубля, и наконецъ, въ августѣ, послѣднія цѣны состоялись отъ 18½ до 19¼, рублей ассигнаціями.

При чрезвычайной нуждѣ въ ржаномъ хлѣбѣ за границею, по случаю скуднаго сбора картофеля, иностранцы стали закупать на савктпетербургской биржѣ не только рожь въ зернѣ, но и ржаную муку, которая до-тѣхъ поръ отпускалась за море изрѣдка и то въ незначительныхъ количествахъ. Въ 1845 году покупали ее для отпуска сперва по 17½, на послѣдокъ по 20 до 22¼, рублей, и вывезено до 18,400 четвертей, большою частью въ Швецію. Въ 1846 году, ржаная мука мало требовалась за границу, хотя была гораздо дешевле ржи, которую тогда преимущественно покупали для отпуска. За ординарную, добротную, муку платили 17½ до 18½, рублей за куль въ 9 пудовъ, но лучшіе сорта, стоившіе дороже, не требовались. Въ навигацію 1846 года отпущено до 21,000 четвертей. Сильное требованіе на ржаную муку обнаружилось въ зиму съ 1846 на 1847, когда за границею оказался большой недостатокъ хлѣбныхъ запасовъ, побудившій прибѣгнуть къ покупкѣ дешеваго ржаного хлѣба, для обезпеченія народнаго продовольствія. По случаю значительныхъ закупокъ ржаной муки въ началѣ 1847 года для Англій и Ирландіи, цѣны поднялись отъ 17½ до 20 и 21 рубля и наконецъ, весной, когда ржаная мука потребовалась также въ Пруссію, платили до 28 рублей за наличную. Къ открытію навигаціи было куплено уже до 675,000 кулей. Въ исходѣ мая и въ іюлѣ, ржаная мука стоила на мѣстѣ, отъ 21 до 24 рублей; въ іюлѣ, съ уменьшеніемъ спросу, она продавалась уже отъ 20 до 22½, а въ августѣ отъ 15 до 15 рублей 75 копѣекъ за куль.

Отпускъ ржаной муки изъ Санктпетербурга въ 1847 году простирался до 770,000 четвертей и никогда еще она не вывозилась изъ Россіи въ такомъ огромномъ количествѣ.

Вывозъ пшеницы изъ Санктпетербургскаго порта послѣ 1817 до 1847 года, въ теченіи тридцати лѣтъ, былъ свыше 100,000 четвертей только съ 1829 по 1832 годъ, и въ 1839 году; но и тогда ни разу не доходилъ до 400,000 четвертей; въ дру-

те годы отпускалось незначительное количество, а иногда вовсе не было отпуска.

Въ 1845 году при возобновившемся требованіи на пшеницу вывезено только до 15,000 четвертей, почти исключительно въ Англію. Первые покупки состоялись по 22 рубля и напоследокъ платили 28 рублей за четверть. Въ 1846 году пшеница опять потребовалась за море: отпущено до 51,000 четвертей и большая часть этого количества отправлена въ Англію, часть въ Голландію и Бельгію и нѣсколько во Францію. Последнія цѣны въ 1846 году состоялись: на кубанку 33½ и 34, на русскую 29 и 29½, и на озимую до 31 рубля за четверть. Въ 1847 году, покупки пшеницы на санктпетербургской биржѣ чрезвычайно увеличались. Къ открытію навигаціи уже было продано до 450,000 четвертей и весь отпускъ пшеницы въ этотъ годъ простирался до 524,000 четвертей; она требовалась наиболѣе въ Англію. Въ началѣ покупали озимую пшеницу наличную и на июль по 28 рублей, потомъ цѣна поднялась мало по малу до 35 рублей, а въ апрѣлѣ и маѣ требованіе усилилось такъ, что за кубанку платили до 50 рублей; на позднѣйшіе сроки, на августъ и сентябрь, продавали сперва по 26 рублей, но многія закупки сдѣланы въ послѣдствіи по 36 до 40 рублей за четверть. При неблагопріятныхъ извѣстіяхъ изъ-за границы въ июлѣ, дѣла остановились и цѣны постепенно упали такъ, что въ концѣ навигаціи можно было купить пшеницу за 29 и 28 рублей.

Овесъ также требовался для отпуска въ 1847 году въ значительномъ количествѣ. Для Англіи его покупали еще въ 1846 году, но отпущено тогда только до 65,000 четвертей. Къ открытію навигаціи 1847 года контрактowano было до 450,000 кулей. Овесъ шаставый, въ 7 пудовъ, продавался: наличный отъ 16 до 20 рублей, на июнь по 19¼ рублей; за обыкновенный, въ 6 пудовъ съ кулемъ, платили: отъ 14 до 17½ рублей на мѣствѣ, на июль отъ 12½ до 15½ рублей, на июль отъ 13 до 14 рублей ассигнаціями за четверть. Съ прекращеніемъ требованій дляграничнаго отпуска, цѣны стали упадать; овесъ доходившій въ насъ при покупкахъ для внутренняго продовольствія, отъ 19¼ до 22 рублей, продавали въ концѣ іюня по 14 и 15 рублей, въ июлѣ по 13 рублей, въ августѣ по 11½ рублей за четверть въ 6 пудовъ 10 до 15 фунтовъ, а шаставый въ 7 пудовъ по 15 рублей ассигнаціями.

Сверхъ того, изъ санктпетербургскаго порта отпускались за

море, въ небольшомъ количествѣ, горохъ, ячмень, пшеничная мука и крупа разнаго рода.

Весь вывозъ хлѣбнаго товара простирался въ 1845 году до 80,591 четвертей, на 408,605 рублей серебромъ, въ 1846 году до 739,631 четверти на 4,289,603 рубля серебромъ и въ 1847 году до 2,394,504 четвертей на 15,649,766 рублей серебромъ (54,774,181 рубль ассигнаціями).

Огромныя закупки хлѣба, сдѣланныя на санктпетербургской биржѣ въ зиму 1846 на 1847, возбудили за границею сомнѣніе въ возможности доставить отсюда на иностранныя рынки, въ условенное время, весь купленный хлѣбъ, и даже распространились слухи, будто едва ли можно будетъ получить изъ санктпетербургскаго порта такое количество хлѣба, какое запрошено для отпуска. Эти ложныя извѣстія, распушенные спекулянтами съ намѣреніемъ воспользоваться колебаніемъ цѣнъ, опровергнуты на самомъ дѣлѣ: въ 1847 году отпущено изъ Санктпетербурга около 2,400,000 четвертей разнаго хлѣба и на мѣстѣ еще оставалось къ концу навигаціи: пшеницы до 231,500 четвертей и ржи до 261,700 четвертей, заготовленныхъ для отпуска.

Мы можемъ теперь обратиться къ изслѣдованію внутреннихъ обстоятельствъ хлѣбной торговли, чтобы разсмотрѣть въ какой мѣрѣ подѣйствовало на нихъ столь необыкновенное движеніе этой торговли при санктпетербургскомъ портѣ въ 1846 и 1847 годахъ. Но предметъ этотъ требуетъ отдѣльнаго и подобраго разбору, который нужно отложить до слѣдующей книжки.

Г. Н—ъ.

=

V.

КРИТИКА.

=

КИТАЙ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ И ПРАВСТВЕННОМЪ СОСТОЯНІИ.
Сочиненіе монаха Іакинѣа. Санктпетербургъ, 1848. Четыре части.

Никто безспорно не сдѣлалъ въ Европѣ столько для славы и чести Китая какъ нашъ знаменитый русскій синологъ. Каждое новое твореніе почтеннѣйшаго отца Іакинѣа — новый монументъ, воздвигнутый исторіи, внутреннему благоустройству, мудрости или промышленности великаго народа Азіи, защищаемаго и любимаго имъ тѣмъ справедливецъ, что никто лучше его не знаетъ этого *вѣчнаго государства*, о которомъ, во многихъ отношеніяхъ, господствовали на Западѣ многія сбивчивыя понятія еще весьма недавно, несмотря на провицательность оріенталистовъ, посвятившихъ себя изученію самой восточной части Востока. Число важныхъ, капитальныхъ фактовъ, извлеченныхъ имъ изъ тьмы китайской грамоты, количество свѣту, пролитаго имъ на самые запутанные вопросы по части исторіи и законодательства этой любопытной страны, почти невѣроятны. Сколько предметовъ, прежде непонятныхъ или чрезвычайно затруднительныхъ даже для синологовъ, объяснились самымъ и простымъ и неожиданнымъ образомъ съ тѣхъ поръ какъ онъ взялъ перо въ руку! Указаніе на нихъ, къ сожалѣнію, здѣсь не возможно, потому что каждая такая статья потребовала бы длинныхъ поясненій, для читателей,

не причастныхъ къ путаницѣ китайской филологіи; но тѣмъ не менѣе права почтеннѣйшаго отца Іакина на признательность ученаго свѣта несомнительны. Если столь богатые приношенія на пользу науки не все извѣстны западной эрудиціи, или не все вполне прославились въ оріентальномъ мірѣ, причиною тому, конечно, отчасти — самая форма его сочиненій, такъ сказать, слишкомъ китайская: нѣсколько той ясности, той увлекательности изложенія, которыя такъ нравятся намъ *западнымъ варварами*, много содѣйствовали бы къ громогласной извѣстности трудовъ его, не уменьшая вовсе ихъ важнаго, *оановательнаго* и ученаго характера. Почтенный нашъ синологъ такъ горячо любитъ все китайское, до того сроднился съ китайщиною, съ манерою полнебесныхъ писателей, съ особенными оборотами самой крайней восточной мысли, что, болѣею частью, русская его фраза, кажется, какъ-будто, носитъ надъ суровымъ лбомъ и сжатыми въ лаконизмъ губами мадаминской золотой шарикъ первой степени: она, несомнѣнно, привела бы въ восторгъ весь пекинскій Приказъ Десяти Тысячъ Церемоній, и оттого не можетъ она имѣть большаго успѣху на Западѣ, гдѣ церемоніи въ слогъ — несравненно хитрѣе и гдѣ притомъ церемоніи эти — совсѣмъ другія.

Тѣ, которые подумаютъ, будто мы осуждаемъ нашего синолога за это пристрастіе къ Китаю, за таковой мадаминскій слогъ его, не поймутъ вовсе нашей мысли. Мы желаемъ только указать на весьма примѣчательное дѣйствіе китайской атмосферы на западныхъ людей и, вообще, на иностранцевъ. Въ этомъ многаданномъ народѣ есть какая-то притягательная сила, которой вліяніе непреодолимо и постоянно. Скорѣе чѣмъ Римъ пошлаго титла своего «сладчайшій городъ», тѣмъ болѣе неумѣстнаго что рядомъ съ Римомъ есть города древнѣе Рима, Китай достоинъ безпримѣрнаго отличія — получить названіе «вѣчнаго государства». Все прочія царства, рушившіеся однажды, преобразовались въ различныя политическія тѣла, дали на своихъ развалинахъ мѣста другимъ народамъ, другимъ языкамъ, понятіямъ, нравамъ, върамъ, законодательствамъ. Digitized by Google

неизгладимый, и неизменный съ незапамятныхъ временъ, разрушался разъ двадцать, десять разъ дѣлался добычею чужеземниковъ, каждый разъ перемѣнялъ названіе, и все-таки остался Китаемъ — съ тѣми же нравами — съ тѣми же понятіями — съ тѣми же законами — какъ былъ за четыре тысячи лѣтъ. Приливы инородныхъ началъ, народностей и народонаселеній, не размыли его, не перекрасили, даже не обезцвѣтили. Всю насильственную примѣсь чужаго, какъ бы она преобладающей ни казалась сначала, онъ весьма скоро переварилъ въ нѣдрахъ своихъ, уподобилъ себѣ, превратилъ въ чистую кровь китайскую. Это необычайное нравственно-народное явленіе, можетъ-статься, объясняется тѣмъ физическимъ закономъ, который служитъ основаніемъ прочности вселенной: чѣмъ огромнѣе и плотнѣе центральная масса, тѣмъ сильнѣе притягиваетъ она къ себѣ все окружныя меньшія массы. А масса китайщины огромна! Сказать — Китай, значить сказать — половина всего человѣчества, не болѣе и не менѣе. На пространствѣ почти равномъ Европейской Россіи толпится тамъ слишкомъ четыреста милліоновъ человѣкъ; а на всей землѣ считается не болѣе осьми сотъ пятидесяти или девяти сотъ милліоновъ. Половина человѣчества!.. и въ одномъ мѣстѣ!... въ одномъ народѣ!... подъ одною формою!... подумайте только, какую страшную увлекательную силу должна эта необъятная нравственная масса извергать на все что погружается въ сферу ея дѣйствія. Въ этой силѣ есть что-то похожее на чародѣйство. Нѣтъ ничего легче какъ *окитаниться* — даже въ наше образованное время — и вопреки собственному своему желанію. Вся Европейцы, съ какими предубѣжденіями ни отправились бы въ Китай, какъ бы много ни думали о своей образованности, и какъ бы ни презирали все несходное съ роднымъ, европейскимъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ этой странѣ, возвращаются сущими китайскими патриотами. Много страдали они тамъ отъ невѣжественной гордости народной, отъ нетерпимости, отъ презрѣнія туземцевъ ко всему чужому, и, несмотря на это, все тамошнее имъ чрезвычайно нравится — все превосход-

но — и лучше быть нельзя. Восторгъ доходитъ иногда до фанатизма, готоваго вѣрить всѣмъ хвастовствамъ, и самымъ грубымъ плутнямъ многоцеремонныхъ сыновъ Поднебесья. Случалось, въ эпоху послѣдней войны между Англiей и Китаемъ, встрѣчать и слушать весьма умныхъ и образованныхъ Европейцевъ, которые во время этихъ любопытныхъ событiй еще проживали въ Пекинъ, но вскорѣ потомъ воротились въ Европу: они, право, были болѣе закоренѣлые Китайцы нежели Китайцы сами. Если вы у нихъ спрашивали :

— «Объясните намъ, пожалуйста, какъ это случилось, съ какого чуда зависѣло, что городъ, многочисленный — въ Кантонъ вѣдь болѣе милiона жителей! — богатый — очень богатый—когда въ одинъ сутки могъ заплатить тридцать милiоновъ контрибуцiи! — хорошо укрѣпленный и снабженный сильнымъ гарнизономъ — тамъ находилось пятьдесятъ четыре тысячи человекъ войска съ огромною артиллерiей! — что этотъ городъ былъ почти безъ сопротивленiя взятъ англiйскимъ отрядомъ въ полторы тысячи человекъ, передъ которымъ эти пятьдесятъ четыре тысячи героев положили оружье, проходя церемонiальнымъ маршемъ?»

— «И вы этому вѣрите?...» обыкновенно возражали вамъ путешественники, возвращавшiеся изъ Пекина, глядя на васъ съ душевнымъ сожалѣнiемъ. «Вы вѣрите такимъ сказкамъ?»

— «Какiя это сказки! Это факты... историческiе!... несомнѣнные!... Читайте официальные донесенiя.»

— «Вы вѣрите напечатаннымъ въ Европѣ донесенiямъ?... вы полагаете, что Кантонъ былъ въ самомъ дѣлѣ взятъ?... Все — ложь, выдумка, чванство!...»

— «Какъ? взятiе Кантона — выдумка?»

— «Сушая басня!... Помилуйте! да вѣдь мы въ то время были въ Пекинъ!... мы лучше знаемъ всѣ эти дѣла!... Мы говорили съ очевидцами, со знающими Китайцами... мы читали всѣ официальные бумаги китайскаго правительства... Куда Англичанамъ взять Кантонъ!... Они тамъ

«только появились; ихъ побили и прогнали... и болѣе не было объ нихъ рѣчи.»

— «Это однако жъ странно!... Такія басни не выдумываются для Европы, въ которой все гласно. все мгновенно можно вывести на чистую воду, къ посрамленію краснобаевъ. Взятіе города, котораго вовсе не брали, если угодно, можетъ еще быть выдумано дерзкимъ полководцемъ, дѣйствующимъ въ отдаленной сторонѣ, но тридцати милліоновъ денегъ полученной съ города контрибуціи, согласитесь, выдумать нельзя, потому что это — наличныя деньги; въ нихъ надо дать отчетъ контролю.»

— «А между-тѣмъ, вотъ, выдумали!»

— «Такъ, по-вашему, и эта контрибуція, которую нынче Китай торжественно обязался уплатить Великобританіи въ четыре срока за военныя издержки и которой первый срокъ, первый платежъ, недавно привезли въ Лондонъ...»

— «Выдумка!... вздоръ!... небывальщина!... комедія!... «возять собственныя свои деньги и показываютъ ихъ за китайскія!...»

— «Китайцы, слѣдственно, не были побѣждены?»

— «Никогда!... Помилуйте, да мы тогда находились въ Пекинѣ!... Ну, что значить Англія для Китая!... глотокъ!... Можно ли сравнять ихъ въ какомъ-нибудь отношеніи?...»

— «Но вѣдь все мы читали трактатъ?..»

— «Какой трактатъ?»

— «Да трактатъ нанкинскій, заключенный въ Нанкинѣ, второй столицѣ Китая, которая была взята, подобно Кантону, ничтожнымъ отрядомъ Европейцевъ...»

— «И вы этому вѣрите!?!...»

— «Да вамъ покажутъ куски знаменитой Фарфоровой Башни, которой Англичане обили прикладами весь углы, чтобы взять обломки ея съ собой на память...»

— «И вы вѣрите?»

— «Какъ же не вѣрять!... трактатъ напечатанъ... по-китайски и по-англійски... поднесенъ къ подписанію королевы... представленъ въ парламентъ...»

— «И все — гущая выдумка, будьте въ томъ увѣрены!
 «Ну, скажите сами, станетъ ли!... Китай!... заключать!...
 «съ Англіей!... или съ кѣмъ бы то ни было!... трактаты!...
 «Да это противно кореннымъ китайскимъ законамъ! Богдо-
 «хань, отъ иностранныхъ народовъ, можетъ принимать
 «только дань и поздравленія съ новымъ годомъ... а вхо-
 «дить съ ними въ сношенія другаго роду ему никакъ нель-
 «зя... все государство возстало бы... Англичае надувають
 «всю Европу самую неправдоподобною, самую смѣшною не-
 «бывальщиною...

— «Почему же вы полагаете однихъ Англичанъ плута-
 «ми въ этомъ дѣлѣ?... Вѣдь сами вы не были на мѣстѣ
 «войны. Вы слышали только рассказы. Китайцевъ и читали
 «реляціи ихъ правительства, какъ мы слышали рассказы
 «Англичанъ и читали ихъ официальные донесенія? Такъ
 «же легко могли бы вы, кажется, предположить, что богдо-
 «ханское правительство надуло своихъ Китайцевъ ложны-
 «ми реляціями, скрывъ отъ нихъ не только свои неудачи
 «и свой срамъ, но даже и всю войну, а Китайцы, народъ
 «тщеславный и, слѣдовательно, доверчивый, легковѣрный,
 «надули васъ въ свою очередь, хвастливо повторяя передъ
 «вами то, что...

— «Какъ это можетъ быть!... О! такъ вы не знаете Ки-
 «тая!... тамъ ничего нельзя скрыть или переименить; все
 «дѣлается по законамъ, все вѣрно и неукоснительно слѣ-
 «дуетъ вѣчнымъ и непреложнымъ правиламъ... высшія мѣ-
 «стныя начальства присылаютъ донесенія свои прямо госу-
 «дарю, тотъ передаетъ ихъ въ надлежащія государственные
 «совѣты и коллегіи, которыя разобравъ и обсудивъ дѣло,
 «представляютъ его въ видѣ доклада вѣрично Богдохану,
 «и на слѣдующій же день этотъ самый докладъ, съ рѣше-
 «ніемъ государя, выставленъ на стѣнѣ публичной залы, ку-
 «да всѣ приходятъ читать его, списывать для себя, для
 «знакомыхъ или для печати... За малѣйшую погрѣшность
 «противъ формы или противъ истины, виновные, несмотря
 «на санъ, значеніе и милость, подвергаются жесточайшимъ
 «наказаніямъ...

— «А если формы такъ хорошо закрываютъ истину что «и самъ богдоханъ до нея не добьется, при всемъ благомъ «своемъ намъреніи?...

— «Въ Европѣ, пожалуй!... доказательство тому — ан- «глійскія выдумки. Но въ Китаѣ... вѣтъ, никогда!... это- «го тамъ невозможно. О! вы не знаете Китая!... не знае- «те удивительнаго китайскаго порядку... во всемъ!... вт- «малѣйшей бездѣлицѣ!... Спросите у насъ: вѣдь мы долго «жили въ Пекинѣ и имѣли время наглядѣться, изучить. «сравнить, повѣрить...»

Противъ такой восторженности нѣтъ возраженій. Она могла бы итти за невѣроятность, если бы не повторялась ежедневно при первой встрѣчѣ со счастливцами, всѣхъ язы- ковъ и народовъ, которые, въ Китаѣ, умирали отъ скуки и, вырвавшись оттуда, не надвигая мудрой и блаженной стороны —

..... гдѣ чай-дерево цвѣтеть.

Но самый уже фактъ такого восторженнаго пристрастія, внушаемаго его своимъ гостямъ, чрезвычайно примѣчате- лень, тѣмъ болѣе что гости, какъ мы сказали — люди свѣдущіе и положительные. Должно же, тутъ, въ этомъ странномъ государствѣ, въ этомъ невообразимомъ обществѣ, быть что-то удивительное до очарованія, что-то невольно увлекающее къ себѣ Европейцевъ, на зло всѣмъ претерпѣ- ваемымъ ими непріятностямъ. Растолкованіе столь рѣдкаго нравственнаго явленія важно и для философическихъ раз- мысленій и для всякаго разумнаго любопытства; и, долж- но сказать правду, ученый нашъ синологъ, помощью мно- гочисленныхъ твореній своихъ о Китаѣ и Китайцахъ, почти уже объяснилъ намъ загадку. Мы, люди темные, не бывав- шіе въ Китаѣ, мы, по церемонному выраженію поднебес- ной учтивости, западные льшіе, начинаемъ уже кое-какъ понимать Серединное Государство — и благо намъ хун- мау-жиямъ, «рыжимъ челоуѣкамъ»: — едва ли не утѣши- тельнѣе всего, въ настоящее время, созерцать во мглахъ от- даленнѣйшаго Востока, этотъ незыблемый чертогъ вѣчно-

одинаковаго, вѣчно-тихаго и вѣчно-счастливаго человѣчества, которое своихъ десяти тысячъ церемоній не принимаетъ на весь европейскій хартин, и своей наследственной мудрости не отдастъ — и по-дѣломъ! — за наши прогрессы, усовершенствованія и успѣхи.

Мы говоримъ, что почтеннѣйшій отецъ Іакинѣвъ уже почти объяснелъ загадку, и это сказано не на-обумъ: потому что, даже и послѣ послѣднихъ четырехъ томовъ его о Китаѣ, которые теперь лежатъ передъ нами, многое, весьма многое остается непонятнымъ. А между-тѣмъ, въ этихъ четырехъ томахъ — цѣлый рудникъ новыхъ свѣдѣній, новыхъ взглядовъ, новыхъ истолкованій, которые, изъ всѣхъ Европейцевъ, одинъ онъ могъ намъ доставить. Если онъ и теперь еще не вполне достигъ своей великой цѣли, причиною этого мы опять полагаемъ принятую имъ издавна методу переодѣвать китайское государство въ европейскія правительственныя формы, для большаго удобства читателей; подводить дѣла и вещи Поднебесья подъ наши техническіе термины; сравнивать между собою предметы существенно несравнимые, крайній Востокъ съ крайнимъ Западомъ; находить сходства тамъ, гдѣ гораздо разительнѣе по-дѣйствовала бы на наше воображеніе вѣрная и живая картина противоположности или кореннаго различія. Въ этомъ нарядѣ Китай можетъ казаться намъ только плохую Европой: а изображенный просто, безъ натяжекъ и прибарвленій, въ своемъ особенномъ, инородномъ и иноразумномъ видѣ, въ своихъ подлинныхъ, оригинальныхъ, китайскихъ формахъ и приѣмахъ, онъ бы явился навѣрное превосходнымъ Китаемъ!... онъ бы оправдалъ вполне энтузіазмъ китаелюбцевъ! Зачѣмъ усиливаться доказывать, что все европейское находится также и въ Китаѣ? что *Китай* — государство устроенное, не по азіатскимъ, а по европейскимъ понятіямъ? (Предисловіе, VІІ). Боже мой, да это отнюдь не похвала Китаю!... Если бы подобная мысль не была простымъ парадоксомъ, пришедшимъ въ голову ученому и умному человѣку для удовольствія поддерживать остроумно невозможное, Китай погибъ бы въ нашемъ мнѣніи. Какъ-будто все

европейское было умное, чудо мудрости, и верхъ совершенства!... Увы! посмотрите на западъ, на югъ... и подивитесь *понятіямъ европейскимъ*... Нѣтъ, Европа далеко не обладаетъ монополіей на все умное въ человечествѣ, и отъ уподобленія Китая ей Китай не можетъ ничего выиграть въ разумѣніи самихъ же разсудительныхъ Европейцевъ. Умное — вещь чрезвычайно относительная; образованное — и того болѣе! Можно быть и умнымъ и образованнымъ по различнымъ методамъ. Въ этихъ китайскихъ черепахъ, отлитыхъ по другой модели самою природою, должна быть и другая логика, другое глубокомысліе, другая мудрость. Покажите намъ все это въ подлинникъ, съ его невиданной физиономіей, съ его отличительнымъ типомъ: мы и поймемъ легче, и скорѣе усмотримъ красу.

Рама, въ которую оправлено авторомъ такое богатое собраніе данныхъ и воззрѣній, порядочно нова; можно сказать, непредвидима, неожидана. Китай разобранъ имъ по волоскамъ на *вопросы и отвѣты*. Вопросы о Китаѣ всѣ — европейскіе; отвѣты на нихъ — не такъ-то... они, позволительно сказать, нѣсколько египетскіе, и требуютъ много труда чтобы постигнуть ихъ сущность. Напримеръ, на вопросъ: Всѣ ли Китайцы равны передъ закономъ? — отвѣтъ гласитъ: Всѣ Китайцы совершенно равны передъ закономъ; а, между-тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ книги вы находите, что Китаецъ можетъ, по закону, откупиться деньгами, не только отъ тѣлеснаго наказанія, но и отъ изгнанія, для чего, разумѣется, надо, чтобы у него были деньги, и даже порядочныя. Слѣдовательно богатый и бѣдный Китаецъ уже не равны передъ закономъ. Вопросъ: обезпечена ли въ Китаѣ частная собственность законами? — этотъ вопросъ также рѣшенъ утвердительно; частная собственность, сказано, совершенно обезпечена китайскими законами; но нѣсколько далѣе вы находите, что, по закону же, «если частное лицо *по чрезвычайному богатству своему становится опаснымъ для общественнаго спокойствія*... «въ сихъ случаяхъ имущество ихъ безъ важныхъ *законныхъ* причинъ описывается въ казну и обирается въ пользу богодо-

«хана.» Такой способ обращенія съ частною собственностью извѣстенъ и въ Турціи, и въ Персіи, и повсюду на Востокъ.

Ясно, что подобные вопросы напрасны и невозможны, когда рѣчь идетъ о такихъ странахъ, гдѣ собственность сосредоточивается вся въ главѣ общества, представляющемъ небо, и куда тщеславныя требованія несбыточнаго равенства еще вовсе не проникали, да и проникнуть не могутъ, какъ противныя мѣстной логикѣ.

Китай однако жъ, какъ мы видали, можно успѣшно защищать: государство это образовано, явственно, не по европейскимъ началамъ; но въ устройствѣ его должно непременно заключаться многое отлично хорошее, когда онъ такъ восхищаетъ собою умныхъ Европейцевъ, и хотя это отлично хорошее китайское не прилагается къ нашимъ обществамъ, такъ далеко не похожимъ, ни духомъ, ни правомъ, ни стремленіемъ на общество сыновъ Поднебесья, однако жъ оно достойно, не только нашего любопытства, но и уваженія. Оставивъ вопросы и отвѣты книги всторонѣ, мы постараемся найти на ея же страницахъ, въ самомъ устройствѣ Китая, причину этого энтузіазма западныхъ путешественниковъ.

Поразительныя всего въ этомъ случаѣ — невообразимая простота правительственнаго дѣйствія въ такомъ многочисленномъ государствѣ, простота служащая вмѣстѣ и величайшею похвалою кротости китайскаго народнаго характера, изъ котораго она истекаетъ, и доказательствомъ ограниченности его политическихъ, мануфактурныхъ и коммерческихъ предпріятій, придающей большое однообразіе быту тамошнихъ людей. Провинціи китайскія равны западнымъ державамъ по народонаселенію: тридцать *милліоновъ жителей* въ провинціи, въ томъ; что авторъ такъ несвойственно называетъ *губерніей* (!) — тамъ ни по чемъ. На Западѣ, для содержанія тишины и порядку въ такой плотной массѣ людей, съ разнообразными западными стремленіями и при безпокойномъ, восторженномъ или напряженно вѣятельномъ нравѣ большей части западныхъ племенъ, нужны были бы сто тысячъ чиновниковъ, арміи, флоты, и провинціальныи бюд-

летъ въ тысячу милліоновъ деньгами, по-крайней-мѣрѣ. Въ Китаѣ, *губерніей* въ тридцать милліоновъ человекъ управляетъ какая-нибудь сотня чиновниковъ, изъ которыхъ самыя важныя держать при себѣ не болѣе пяти или шести дьяковъ и писцовъ, называемыхъ въ книгѣ нашей *канцелярскими служителями*. Штатъ этихъ *губерній*, то есть, провинцій, чрезвычайно простъ, но послѣ почтеннѣйшаго отца Іакиннова довольно трудно объяснить его. Во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ онъ, вмѣсто того чтобы привести предметъ къ настоящей простотѣ его и къ самому строгому выраженію, находитъ особенное удовольствіе преобразовать его въ фантастическіе образы посредствомъ обманчивыхъ красокъ европейскаго политическаго языка. Стараясь всѣми силами, и во что бы то ни стало, европеизировать Китай и Китайцевъ, чтобы высказать ихъ какъ-можно болѣе умными и милыми, онъ всегда примѣнялъ, и теперь еще примѣняетъ, повсюду, къ ихъ приказамъ и чинамъ нынѣшнія русскія правительственныя названія, которыхъ смыслъ такъ точно опредѣленъ въ понятіи всякаго современнаго читателя, что названій этихъ ни къ чему другому въ мірѣ примѣнить невозможно, не произведя множества заблужденій въ умъ и безпрестанной сбивчивости въ разсказѣ. Такъ, у него постоянно являются въ китайской *губерніи* (провинціи) китайскіе *военные* и *гражданскіе губернаторы*, *губернскіе прокуроры*, *предсѣдатели казенныхъ палатъ*, и тому подобное, хотя, явственно, ни одинъ изъ этихъ терминовъ не сходствуетъ нисколько съ сущностью предмета, къ которому онъ приклеенъ произвольно. Напримѣръ, чѣмъ бы вы думали занимаются китайскія *казенныя палаты*?.. онъ занимается *и гражданскими дѣлами*!.. Страсть эта превращать значеніе нашихъ словъ самыхъ положительныхъ рѣзительно не объяснима въ серіозномъ писателѣ; но при помощи такого злоупотребленія западныхъ политическихъ терминовъ авторъ имѣлъ удовольствіе отыскать въ Китаѣ все что онъ видитъ въ Россіи и въ Европѣ *губерній, губернаторовъ, военныхъ и гражданскихъ, прокуроровъ, министерства, коллегіи, цензуру, лордовъ, перовъ* и даже *Государственныя Чины*, которые, между тѣмъ, просто — родъ *думы*, составляемой, по особеннымъ слу-

чаямъ, изъ *головъ* разныхъ приказовъ и ихъ *товарищей*, въ точности то же самое что *полное собраніе Дивана* въ Константинополѣ.

Все это правительственное образованіе, такъ неумѣстно переодѣваемое на пынтшній европейскій фасонъ посредствомъ неправильнаго употребленія терминовъ, существовало уже у Монголовъ, Татаръ, и прежнихъ Турковъ, разнесено ими по всей Азіи. сообщилось отчасти прежней Руси, господствовало и у насъ, и донынѣ болѣе или менѣе сохраняется у всѣхъ восточныхъ народовъ въ память великаго Чингисхана. Составъ китайскихъ правительственныхъ мѣстъ, называемыхъ авторомъ *палатами, коллегіями и министерствами*, удивительно сходенъ съ составомъ старинныхъ *приказовъ* «Московского Государства»; въ Китаѣ, какъ и у насъ, до уничтоженія этого мнимаго европейзма Петромъ Великимъ, въ каждомъ приказѣ присутствуютъ *головы*, одинъ или два боярина, съ *товарищи*, *дьякомъ* и *подьячими*, и дѣла ведутся точно также. Если ужъ слѣдовало переименовать китайскую правительственную іерархію, то ближе всего было употребить для этого наши старинные термины — *приказъ, голова, товарищъ, дьякъ, воевода, намѣстникъ, намѣстничество*. Китайскій титулъ такъ называемыхъ министровъ, въ буквальномъ переводѣ значитъ — человекъ, который *кланяясь помогаетъ*, или *низкопоклонный помощникъ*. Ученому автору книги извѣстно, что титулъ этотъ давно переведенъ на другіе языки: слово *везирь* или *визирь* имѣетъ тотъ же самый смыслъ, оно — общее восточное, и автору слѣдовало употреблять его предпочтительно. Въ самомъ дѣлѣ, китайскіе *дзянь-сяо* суть чистые азіатскіе *визири*; названіе, санъ, должности и отношенія — совершенно тѣ же. Мнимые *военные генералъ-губернаторы* автора плачевно прославились въ нашей отечественной исторіи подъ именемъ *баскаковъ*; это тѣ же «царскіе намѣстники», которыхъ весь свѣтъ знаетъ подъ названіемъ *нашей* (*най-ша*, намѣстникъ царя, *рго теге*). Къ чему, послѣ этого, нуженъ былъ весь этотъ новоевропейскій маскарадъ среди староазіатскаго Поднебесья? Благодаря ему, мы не знаемъ, какъ и называть китайскіе чины и мѣста, что-

бы согласить показаніе книги съ дѣйствительностью. Названій, употребляемыхъ авторомъ, принять однако жъ невозможно никакъ: *баскаковъ* и *нашей* мы не станемъ называть военными генераль-губернаторами, которыхъ права, обязанности и подчиненность такъ же опредѣлительны для насъ какъ и самое званіе. Употребимъ слова по-старѣе и поближе къ дѣлу.

Во всемъ военномъ и гражданскомъ распредѣленіи нынѣшняго Китая, съ перваго взгляду, бросаются въ глаза духъ учрежденій Чингисхана, его «Уложеніе», знаменитое донинѣ на всемъ Востокъ, введенное нѣкогда въ Китай побѣдоносной династіей этого геніальнаго Монгола, разстроенное и ослабѣвшее впоследствии, и опять принесенное сюда изъ степи Манджурами, которыхъ цари гордятся происхожденіемъ отъ *бѣлой кости* Чингисхановой. Въмѣсто невозможныхъ сближеній съ Европой, авторъ гораздо болѣе удовлетворилъ бы этнографовъ и оріенталистовъ, изучивъ сущность Чингисхановыхъ учрежденій и показавъ намъ, что изъ нихъ еще существуетъ въ манджурскомъ Китай, а что измѣнилось по обстоятельствамъ, и въ какой степени. Нынѣшняя династія въ особенности дробитъ власть болѣе и болѣе, приставляя разныхъ *товарищей* и *надзираете ей* къ главнѣйшимъ сановникамъ: однако жъ это — вовсе не коллегіальное правленіе, а только недовѣрчивое стѣсненіе прямаго правительственнаго дѣйствія.

Китай, котораго владыка носить монгольскій титулъ *хана*, или великаго хана (по-манджурски *богдо-хань*, по-китайски *хуань-ди*, *хань-царь*), и котораго авторъ неизвѣстно почему постоянно называетъ «императоромъ», какъ будто слова «великій ханъ» были чужды русскому уху, — Китай раздѣленъ, въ административномъ отношеніи, по-монгольски и по-турецки: именно, государство дѣлится, не на губерніи, а на *страны*, или *намѣстничества* (у Турковъ *илъ*, или *іалеты*, управляемые намѣстниками, по-турецки — бейлербеями, или полными пашами, имѣющими чинъ визирей); намѣстничества — на *воеводства* (у Турковъ *лива* или *санджакъ*, собственно «знамя», въ просторѣчій же «паша-

лыкѣ, состоящій подъ управленіемъ *санджакъ-бея*, воеводы, второстепеннаго паши); воеводства — на *уьзды* (у Турковъ *нахіѣ*); уьзды — на *округи*, которыми правятъ въ Турціи головы, старосты, агя или примасы.

Авторъ, введя по всему Китаю европейскіе чины и титулы, не говоритъ даже, какъ они собственно называются по-китайски, и — что еще досадише — излагаетъ порядокъ ихъ не совсѣмъ точно. Мы принуждены взять изъ другаго, болѣе вѣрнаго, источника списокъ провинціальныхъ властей.

Намѣстничества китайскія, какъ у Монголовъ и Турковъ, дѣлятся на нѣсколько *фу* и *чоу*, или воеводствъ, различной важности.

Фу и *чоу* дѣлятся на *хянь* или *сянь*, которые можно назвать уьздами.

Хянь или *сянь* дѣлятся на *сюньдзяньсы*, или округи, которые въ свою очередь состоятъ изъ извѣстнаго числа деревень, общинъ, *дзунь*.

Намѣстничествомъ управляютъ :

I. Два намѣстника, или намѣстникъ и его товарищъ: одинъ изъ нихъ, *дзунды*, или *читай*, бываетъ чиномъ старше другаго, и въ публичныхъ церемоніяхъ занимаетъ первое мѣсто, но приказать второму намѣстнику ничего не можетъ: они — товарищи по должности, рѣшаютъ дѣла сообща, и только въ случаяхъ разногласія представляютъ вопросъ въ Пекинъ, великому хану или его визирямъ, помощникамъ.

II. Второй намѣстникъ, или товарищъ намѣстника называется *сюньфу*. Часто намѣстникъ съ своимъ товарищемъ раздѣляютъ между собою воеводства, *фу* или *чоу*, и завѣдываютъ ими каждый отдѣльно отъ другаго: этою стачкою избѣгаютъ они благоразумно, но не совсѣмъ законно, разногласія, ссоръ и взаимныхъ доносовъ.

III. Кого ученый нашъ синологъ называетъ китайскимъ *губернскимъ прокуроромъ*, рѣшительно нѣтъ возможности угадать, такъ какъ онъ никого, изъ этихъ *лордовъ*, *перовъ*, *министровъ*, *директоровъ*, *губернаторовъ*, *прокуроровъ* китайскихъ, по-китайски не называетъ. По подлиннымъ спискамъ провинціальныхъ чиновъ, послѣ намѣстника *дзунту*

и его товарища *сюньфу*, первымъ чиновникомъ намѣстничества значится *дигусьо чинь*, то есть, чинъ, или мандаринъ, по учебной части". Этотъ *дигусьо*, кромѣ надзору за обученіемъ грамотъ и преподаваніемъ науки о Великомъ Корѣ, въ известныхъ случаяхъ имѣетъ вліяніе на дѣла мѣстной военной части. Въ какомъ смыслѣ онъ переименованъ въ прокуроры, которыхъ должность въ Европѣ — совершенно специальная, юридическая, мы не понимаемъ. Въ нужномъ случаѣ онъ заступаетъ мѣсто намѣстника и его товарища. Это — въ точности турецкій *кады*.

IV. Четвертый чинъ намѣстничества, *бучинсы*, есть знаменитый чинъ баскака, собирателя или «выжимателя» казенныхъ доходовъ, который въ то же время вмѣшивается во все гражданскія дѣла и начальствуетъ надъ высшими чиновниками провинціи. При немъ дворецкій, родъ дѣлака, *джинли*, печатникъ, *джауму*, и казначей, *гудасы*. Этотъ же порядокъ существуетъ почти во всей Азіи.

V. Судья, *гальчадзи*, слѣдуетъ за баскакомъ. Это — турецкій кадіи, и ничего болѣе. Собственно, онъ долженъ разбирать все уголовныя дѣла, но въ Китаѣ, подобно тому какъ и во всей Азіи, палачи составляютъ непремѣнную принадлежность свиты намѣстниковъ, которые тутъ же судятъ и казнятъ кого ни вздумается полицейскимъ образомъ, такъ, что судья, его дьяку, *джаому*, и его тюремщику, *сыю*, остается очень не много дѣла или — еще хуже — остаются все дѣла безприбыльныя. Если справедлива аксіома, что сочиненія комическихъ и сатирическихъ писателей — вѣрнѣйшіе источники данностей о нравахъ страны и эпохи, то, прочитавъ нѣсколько романовъ и комедій китайскихъ, должно признаться, что этотъ классъ чиновниковъ и тайскихъ безнравственностью своей не уступаетъ ни турецкимъ ни персидскимъ кадіямъ, если только не превос-

* Слово *чинь*, въ значеніи — «должность», званіе, отъ котораго происходитъ слово *чиновникъ*, есть собственно китайское, вѣроятно перенесенное къ намъ Монголами. Это-то слово *чинь*, Португальцы перевели своимъ словомъ *мандаринъ*. Славянское слово *чинъ*, которое значитъ «дѣйствіе», фактъ, только случайно сходствуетъ съ нимъ звуками.

ходить ихъ, несмотря на постоянное удивленіе автора по-небесному правосудію.

VI. Шестое мѣсто въ провинціальной іерархіи занимаетъ *дьяльоньсы*, соляной смотритель, съ своимъ *юмьчуномъ*, который смотритъ за перевозкою соли изъ соляныхъ городковъ въ другія мѣста, дворецкимъ или дьякомъ, *дзиньли*, помощникомъ, *джысы*, и казначеемъ, *гудасы*.

VII. Наконецъ, хлѣбный голова, *ляндау*, или смотритель казенныхъ запасныхъ магазиновъ, и помощникъ его, главный магазинщикъ, *дзандасы*.

Таково главное управленіе намѣстничества. Воеводства, на которыя оно дѣлится, и изъ которыхъ одни бываютъ побольше и называются *фу*, воеводствами, а другія — менѣе значительныя, и извѣстны подъ именемъ *чоу*, или областей, управляются непосредственно воеводами и головами, *чифу*, и *чичоу*. Мандаринъ *чичоу*, голова области — чиномъ ниже мандарина *чифу*, головы воеводства. При каждомъ воеводѣ состоитъ по нѣскольку *тунджи*, собственно товарищей ему, но на дѣль приказчиковъ, размѣщенныхъ по разнымъ частямъ воеводства и распоряжающихся тамъ и отъ его и отъ своего имени вмѣстѣ. Дворецкій или намѣстникъ воеводы называется *тункань*; за нимъ слѣдуютъ голова воеводской учебной части, *хьочинь* или *сьочинь*, его дворецкій или дьякъ, *дзиньли*, учитель, *сюньдао*, и тюремщикъ, *сыйо*.

Въ уѣздѣ, *хьян* или *сян* — тотъ же порядокъ. Уѣздный голова называется *чисянь*. Его товарищъ, *дзудань*, подобно товарищамъ намѣстниковъ и воеводъ, для избѣжанія споровъ, правитъ особою частью уѣзда и чинитъ судъ и расправу отдѣльно. Третье лицо и здѣсь — смотритель по учебной части и грамотности, *сянъ съодзямуй*; четвертое — уѣздный учитель *сюндау*; пятое — приказчикъ, *джубу*, родъ чиновника по особымъ порученіямъ при уѣздномъ головѣ и его товарищъ, баскакъ въ маленькомъ видѣ; шестое — деревенскій приставъ, *сюньдзюнь*, съ дьякомъ *тяньшы*; седьмое — *хубусу*, водяной приставъ, турецкій су-башы. Общинами, деревнями, улицами городовъ, правятъ ста-

росты, сотники и десятники. Каждый десять домовъ имѣютъ своего голову, или десятника, который смотритъ за соблюденіемъ въ нихъ правилъ благочинія и долженъ знать поимянно cadaго ихъ жильца.

Каждый изъ этихъ чиновъ, или мандариновъ, отъ самаго старшаго до самаго младшаго, держитъ свой приказъ, то есть, сидитъ у себя дома и творитъ судъ и расправу отдѣльно, на свой собственный счетъ. Если законъ назначилъ его собственно только товарищемъ къ другому или далъ ему товарища, эти почтенные господа совѣщаются между собою только въ такихъ случаяхъ, гдѣ нужно дѣйствовать дружно, чтобы избѣгнуть бѣды. Вотъ мнимое коллегіальное правленіе Китая: круговая порука хищниковъ и плутовъ. Всѣ они мѣста свои покупаютъ по тарифу взяточничества, рассчитанному весьма точно въ Пекинѣ, и съ безпримѣрною, даже для Азіи, наглостью вовсе нескрываемому отъ всеобщаго свѣдѣнія, и живутъ взятками. Но какъ законъ повелѣваетъ, взятки, подносимыя мандаринамъ, отбираются въ дворцовую казну, то, для вѣщей безопасности и большаго удобства мандаринской жизни, знатная часть этихъ господъ отдаютъ взятки свои на откупъ спекулянтамъ, какъ въ Европѣ отдаются разныя статьи амцизнаго сбора.

При каждомъ такомъ приказѣ, въ намѣстничествѣ, воеводствѣ, уездѣ и общинѣ, находится по нѣскольку человекъ млы, писцовъ, сторожей и другихъ приказныхъ, обыкновенно не получающихъ ни какого жалованія и питающихся мелкими взятками.

Если бы ученый авторъ книги изслѣдовалъ въ то же время правительственное устройство, порядки и обычаи другихъ странъ Востока, онъ бы удостовѣрился, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего ни новаго, ни особенно замѣчательнаго. Такая же Европа господствуетъ во всей Азіи. Даже и сьочины, начальники учебной или грамотной части, существуютъ въ другихъ мѣстахъ. Это—областные муфьи, или улема-башы, «начальники ученыхъ», то есть, богослововъ и юрисконсультовъ въ турецкихъ, персидскихъ и узбекскихъ владѣніяхъ. За исключеніемъ торжественныхъ экзаменовъ, кото-

рѣшь въ Китаѣ придана государственная важность, все остальное падаетъ и у мусульманъ: у нихъ также званіе «ученаго», *алимъ*, *улемъ* — въ большомъ уваженіи и пользуется различными преимуществами передъ лицомъ закона; тогда также существуютъ ученые степени; и, также какъ въ Китаѣ, безъ степени, полученной въ *медресѣ*, высшею учебницею, семинаріею, или академіею, никто не можетъ занимать ни судейской, ни мечетной, ни учительской должности. *Шеріатъ*, «законъ», духовное, гражданское, уголовное, вредное и политическое законодѣніе, капитальная статья знанія, дѣрьдъ которою всякая власть преклоняется, въ точности соответствуетъ китайскому *Да-сью*, Великому Ученію, и по предѣлительной важности, и по общественному назначенію. Въ Европѣ, правда, мало цѣнятъ объ этомъ познаніи, хотя знаменитое твореніе Мураджи-Дессона стоитъ въ библіотекахъ уже дѣтъ пятьдесятъ; никто однако жъ, изъ тѣхъ, которыми предметъ извѣстенъ и которые стараются отдалить справедливость всему хорошему въ восточныхъ учрежденіяхъ, не вздумалъ вникать въ образованіе основанія удумаго и безчисленныхъ мусульманскихъ академій или семинарій, правительственнаго устройства, образованнаго, не по азіатскимъ, но чисто по европейскимъ помышлѣмъ.

Не безполезно, можетъ-статься, будетъ для этой книги еще напомнить ей, что даже и княжескій приказъ — не китайская особенность въ Азіи. Не всѣхъ мусульманскихъ странъ какъ есть таіе же князья какъ въ Китаѣ: это — *эмиры*, люди отъ колѣна Пророка, пользующіеся тѣсно таими же правами, болѣею частью также бедные, и также составляющіе бремя династій, которыя должны кормить ихъ. Начальникъ княжескаго приказа у мусульманъ называется *эмиръ-аль-умера*. Въ каждой провинціи есть *накибъ*, или смотритель за нуждами и поведеніемъ такихъ князей. Азія по всему пространству своему одинакова.

Несложность провинціального правленія въ Китаѣ, общая Китаю съ цѣлымъ Востокомъ, бесспорно — большое преимущество при невѣроятной населенности провинцій. Мы видали, какъ мало чиновниковъ требуетъ это правленіе для своего

дѣйствія. Въ самомъ значительномъ намѣстничествѣ не бываетъ болѣе пяти сотъ мандариновъ. Въ безлюдныхъ мусульманскихъ намѣстничествахъ, гдѣ и число чиновниковъ и должности ихъ — тѣ же самыя, пять сотъ хищниковъ, живущихъ лихоимствомъ — разореніе для трехъ или четырехъ сотъ тысячъ жителей. Но что значить пять сотъ такихъ пьавицъ для китайской провинціи въ двадцать или тридцать милліоновъ душъ! Авторъ, въ цѣломъ Китаѣ, на 400,000,000 душъ народонаселенія, насчитываетъ только 10,000 мандариновъ, отъ «низкокланяющагося помощника» богодоханскаго до приказнаго сторожа включительно: это представляетъ по 1 мандарину на 40,000 жителей. Если бы каждый изъ нихъ награбилъ въ годъ, круглымъ числомъ, 10,000 рублей серебромъ, что, конечно, не вѣроятно, такъ и тогда уже вся несправедливости бюксистелей Великаго Корня обошлись бы народу въ четвертакъ на брата. При ничтожности китайскихъ законныхъ податей, эта незаконная, но тѣмъ неменѣе дѣйствительная, подать — болѣе чѣмъ ничтожество, не говоря уже о томъ, что одинъ представитель закона не можетъ стѣснить сорока тысячъ человекъ его формами, какъ бы формы эти ни были взыскательны: и онъ, и законъ, и формы, исчезаютъ въ этой толпѣ, непринадлежно руководствующейся заученными съ дѣтства церемоніями. Вотъ гдѣ — тайна китайскаго благоденствія и романтической привязанности сыновъ Поднебесья къ своимъ стариннымъ учрежденіямъ, несмотря на несовершенство законовъ и на лихоимство законоисполнителей. Въ пустынныхъ и непромышленыхъ областяхъ исламизма, жители, при всемъ фанатизмѣ и невѣжествѣ, далеко не такъ восхищены своимъ національнымъ правительственнымъ порядкомъ. Они вопіютъ, и если позволяютъ обирать себя безъ сопротивленія, то единственно потому что боятся увеличенія горя отъ новыхъ хищниковъ при перемѣнѣ существующаго порядка. Но, когда они освобождены Русскими или Англичанами отъ гнету своихъ природныхъ восточныхъ властей, привязанность къ правосуднымъ спасителямъ скоро и легко замѣняетъ у нихъ племенную и даже религіозную неприязнь

къ Европейцу. У Китайцевъ этого не бываетъ; гдѣ бы ни находились, они встрѣчаютъ болѣе стѣсненій отъ европейской честности, обремененной законными формальностями, чѣмъ отъ мандаринскаго сговорчиваго лихоимства, и вездѣ толкуютъ они только о своемъ несравненномъ Поднебесьѣ.

Государственный доходъ Китая, по весьма подробному вычисленію, которое никто не усомнится признать самую любопытную и даже единственную, истинно важную частью новой книги, составляетъ до сорока четырехъ милліоновъ ланъ, то есть, до 1,000,000 пудъ серебра, или около 250,000,000 рублей. Сюда не входятъ разные акцизные сборы деньгами и вещами. Положимъ, что эти сборы, надвѣсъ или обвѣсъ въ пользу казны и мандариновъ и взятки при взысканіи податей, простираются на такую же сумму. Все составитъ не болѣе 500,000,000 рублей серебромъ, что, при 400,000,000 душъ народонаселенія, дастъ по 1 рублю 25 копѣекъ на душу. Общій итогъ взятокъ мы оцѣнили въ 25 копѣекъ съ души. Считаая широко, Китаецъ, въ общей сложности, платитъ въ годъ не болѣе полтора рубля. Это невообразимо мало. Во Франціи съ каждаго человѣка приходится въ пользу казны болѣе 10 цѣлковыхъ, въ Англіи до 20.

Но мы слишкомъ щедры къ мандаринамъ. Зачѣмъ беремъ мы для нихъ по 25 копѣекъ съ души? Развѣ они не довольны тѣмъ, что крадутъ у богдохана? Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій, авторъ нашъ, защищая ихъ удивительную умѣренность, показывалъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, что «самые честные» между ними, именно, мандарины Желтой Рѣки, изъ отпускаемыхъ имъ на казенныя издержки денегъ удерживаютъ въ карманѣ своемъ *только* семьдесятъ процентовъ. Мы согласимся даже, чтобы, въ общей сложности, честные и нечестные удерживали *только* пятьдесятъ процентовъ. Если полный государственный доходъ, съ акцизами и обвѣсами, простирается до 400,000,000 рублей серебромъ и изъ нихъ *только* 200,000,000 остается въ рукахъ насаждателей Великаго Корня, такъ вѣдь это, на 10,000 человѣкъ мандариновъ, представитъ по 20,000 рублей

серебромъ въ годъ для каждаго! Еще по 10,000 рублей серебромъ вольными взятками : итого, годово́й доходъ каждаго мандарина, малаго и великаго, былъ бы, кромѣ жалованья, 30,000 рублей. Этого для нихъ слишкомъ много! Ни въ какомъ случаѣ нельзя считать болѣе одного целоковаго пожертвованіе въ пользу государства на долю одного Китайца. Какая ничтожная тяжесть для такого трудолюбиваго и промышленнаго племени!....

Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы предложить автору одинъ вопросъ, котораго самъ онъ не предлагаетъ себѣ — и понапрасну! — а именно: на какихъ данныхъ основано вычисленіе его о 356,000,000 китайскаго народонаселенія при началѣ нынѣшняго столѣтія, умножившихся нынче, весьма естественно, до 400,000,000?

Мы такъ привыкли вѣрить на-слово знаменитому нашему синологу, что донинѣ никому изъ насъ и въ голову не приходило оспаривать основательность его показанія, заимствованнаго, по словамъ его, изъ официальной статистики Китая. Недля насъ — мы ему вѣримъ совершенно — но для порядку и ясности дѣла пора бы представить свѣту подробный расчетъ населенности китайскихъ городовъ и увздовъ, каковъ представлялъ покойный Моррисонъ, тоже великій синологъ, большой и общеуважаемый знатокъ китайщины. Мы не можемъ наконецъ, при столь быстро возрастающемъ количествѣ книгъ Отца Іакинеа о Китаѣ, умолчать о томъ странномъ обстоятельстве, что Моррисонъ, пользовавшійся въ 1817 году официальнымъ твореніемъ китайскаго правительства, весьма извѣстною нашему автору статистикою *Дацинь-и-тундзи*, и вмѣсно изданіемъ, принадлежащимъ исходу прошедшаго столѣтія и послѣднимъ годамъ Цянлуна, находитъ народонаселенія, въ собственномъ Китаѣ, только 143,000,000, а съ войскомъ и лодочными жителями около 150,000,000. Грозіе, правда, имѣлъ въ рукахъ своихъ другой источникъ, который онъ называетъ *Джунъ миньшу*, «Счисленіемъ народа», и по которому народонаселеніе Китая выходило гораздо значительнѣе. Синологи, бывшіе при англійскомъ посольствѣ, въ 1798 году показывали съ своей стороны до

250,000,000, также по официальнымъ документамъ. Моррисонъ сознается, что онъ не знаетъ, на чемъ основано это вычисленіе, и что въ Кантонъ самыя ученые авторитеты не могли объяснить ему, откуда оно почерпнуто. Самымъ достовернымъ руководствомъ на этотъ случай онъ полагаетъ официальную статистику, о которой мы сейчасъ говорили.

Свидѣтельство незабвеннаго англійскаго ученаго такъ уважительно въ глазахъ европейской критики, что вмѣсто многихъ неожиданныхъ для науки вопросовъ и разразительныхъ для читателя отвѣтовъ, которыми нашъ авторъ обременилъ себя въ этихъ четырехъ томахъ, несравненно полезнѣе было бы, кажется, разсмотрѣть и рѣшить какъ слѣдуетъ чрезвычайно важный и донынѣ весьма темный вопросъ о настоящемъ народонаселеніи Китая. Мы безпрекословно готовы вѣрить, что документы, на которые онъ опирается — самыя вѣрныя изъ всѣхъ, но, послѣ Моррисона, надобно доказать это, и доказать неоспоримо—надо критически сравнить источники его, Грозіе и англійскаго посольства — надо ясными доводами обпаружить ихъ неточность и утвердить подлинность тѣхъ, которымъ дано предпочтеніе — надо наконецъ, подобно ему, дать подробную выписку изъ этихъ документовъ, признаваемыхъ за самыя непреложныя, съ показаніемъ числа душъ въ каждомъ городѣ и въ его уездѣ. Тогда только, но не прежде, задача будетъ рѣшена окончательно и для всѣхъ равно. Трудъ такой совершенно достоинъ ученой заботливости отличнѣйшаго русскаго сиолога, и мы не скромемъ отъ него, что пока онъ этого не сдѣлаетъ, повторительныя показанія его о 350,000,000 и 400,000,000 жителей въ Китаѣ останутся законною истиною только передъ лицомъ личной нашей довѣренности, которой въ Европѣ послѣдуютъ вѣроятно немногіе — можетъ-статься и никто!...

Должно замѣтить, въ пользу документовъ нашего автора, что официальная статистика Китая, которой руководствовался Моррисонъ, показываетъ число жителей по «двернымъ въдомостямъ», *мынь-бай*, или доскамъ, вывѣшеннымъ на наружной двери дому, на которыхъ каждый хозяинъ обязанъ, подъ тяжкимъ штрафомъ, отмѣчать имена и прозванія

всѣхъ живущихъ подъ его кровлей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и по которымъ десятники составляютъ свои списки. Эти «дверныя вѣдомости» часто бывають невѣрны. Люди зажиточные имѣють разныя уважительныя причины скрывать многочисленность своей дворни, какъ вывѣски богатства домовладельца, — вѣрно потому что частная собственность такъ совершенно обезпечена китайскими законами, — и показываютъ у себя какъ-можно менше слугъ. Дѣло это складывается прекрасно между ними и десятниками. Одни только бѣдняки, по признанію самого Моррисона, содержатъ «дверныя вѣдомости» съ примѣрнымъ правдолюбіемъ; законъ китайскій для нихъ неумолимъ; они это знаютъ, и не хотятъ вѣрять ни какаго неприятнаго случая съ десятниками. Слѣственно, народонаселеніе должно на-дѣль быть значительнѣе того, которое представляетъ официальная статистика. Но несравненно значительнѣе оно не можетъ быть по этой одной причинѣ: людей богатыхъ повсюду очень немного, гораздо менше нежели какъ обыкновенно полагають. Мало, если такимъ образомъ скроють милліоновъ десять въ цѣломъ государствѣ. И то сказать — что какъ въ вообще китайскія народныя переписи сочиняются по «двернымъ вѣдомостямъ», то трудно предположить, чтобы десятники сдѣлали исключеніе изъ своихъ заветныхъ правилъ въ угоду тѣмъ документамъ, которые, противорѣча официальной статистикѣ, обнаруживаютъ народонаселеніе болѣе чѣмъ вдвое многочисленнѣе противъ ея итоговъ, и которымъ слѣдуетъ надѣть деторъ. Множество другихъ столько же сомнительныхъ обстоятельствъ связаны съ тѣмъ же вопросомъ: влзгать ихъ было бы бесполезно; должно надѣяться, что ученый нашъ синологъ, для чести Китая и для пользы всеобщей статистики, приве етъ все это въ совершенную ясность, и вычисленіямъ своимъ, донынѣ слишкомъ неположительнымъ для читателя, придастъ ту неоспоримость, которой требуетъ наука.

Мы почти никогда не имѣемъ счастья быть согласными съ ними въ мнѣніяхъ, — именно, только въ мнѣніяхъ, въ выводахъ, въ воззрѣніяхъ, а не въ фактахъ: но, тѣмъ, гдѣ дѣло

идеть о положительных свѣдѣніяхъ, мы всегда преклонялись съ полнымъ уваженіемъ передъ его безконечною китайскою эрудиціей, и всегда будетъ намъ пріятно указать на ихъ новостъ и важность для историческихъ наукъ. Нынче, насчетъ мнѣній или воззрѣній, мы съ нимъ еще въ большемъ разладѣ чѣмъ когда-либо: онъ хочетъ показать намъ въ Китаѣ настоящую Европу, а мы, по его же книгѣ видимъ въ этомъ благословенномъ Китаѣ еще болѣе чѣмъ настоящую Азію,—Азію преувеличенную,—самую азиатскую Азію, какую только можно себя представить европейскимъ воображеніемъ. Конечно, многое въ этомъ разногласіи нашемъ зависитъ отъ того, какъ онъ понимаетъ Европу и какъ мы понимаемъ Азію, но, какъ бы ни было, тѣмъ, чего досель мы коснулись, нельзя кончить пренія. Оно интересно. Оно требуетъ развитія, по которому читатели могли бы разсудить между нами, сдѣлать заключеніе и приговоръ по дѣлу. Продолженіе необходимо тѣмъ болѣе, что мы вовсе не коснемся въ заблужденіи насчетъ цѣли книги. Авторъ, мы это видимъ и знаемъ, принялъ методу вопросовъ и отвѣтовъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы афористически, безотвѣтно, уничтожить всѣ дѣланныя ему возраженія, предупредить всѣ еще могущія возникнуть сомнѣнія, и доставить окончательно торжество понятіямъ своимъ о высокой образованности Китая, нравственной и политической. Мы, съ своей стороны, смѣемъ думать, что этою книгою онъ именно докончилъ Китай, которому, послѣ ея вопросовъ и отвѣтовъ, уже не встать—а погибнуть горькой Азіей—во мнѣніи Европы. Чѣмъ и доказывается, что книга должна быть чрезвычайно любопытна, и по способу изложенія, и по содержащимся въ ней фактамъ, когда она неизбежно, приводитъ къ заключенію, діаметрально противоположному основной мысли писателя! Вы увидите, какъ она любопытна.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

ИВАНЪ МАТВѢЕВИЧЪ ПРЯНИКОВЪ И ФОМА ПЕВАНОВИЧЪ ШИРЯКОВЪ, *оба люди русскіе. Изъ юмористическихъ записокъ Бурсака. (СП.-бурзь, 1849, св-8., стр. 130).*

Въ отсутствіи литературы, всякая печатанная бумага — литература. Эта тетрадь, эти листы, этотъ обломокъ сѣнника безъ головы и безъ хвоста, эта середина какаго-то начала, этотъ эпизодъ какой-то неизвѣстной исторіи — эта вещь — или эта сказка — не знаю какъ назвать ее — въ другое время, болѣе обильное произведеніями воображенія и искусства, едва ли обратила бы на себя что-нибудь вниманіе: нынче, съ какимъ любопытствомъ читаете вы ее! съ какою жадностью ищете въ ней слѣдовъ таланта?... и какъ бы счастливы были вы, если бѣ тутъ вдругъ открылось дарованіе — веселость или печаль, какъ онѣ есть въ натурѣ — развлеченіе или отрада въ скукѣ!... И въ самомъ дѣлѣ, тутъ есть что-то, сколько можно судить по безвидному обломку, похожее на дарованіе, есть искусство, если не создавать, такъ по крайней-мѣрѣ говорить; есть умѣнье подслушивать, если не наблюдать. Драма — слово это, какъ извѣстно, значитъ *дѣйствіе* — заключается здѣсь въ желудкѣ: дѣйствующія лица ничего не дѣлаютъ — они только спятъ, просыпаются, завтракаютъ, объдаютъ

вьютъ чай, и опять спать; вся перипетія совершается въ тави-
ственномъ мірѣ пищеваренія, и событія дня разрѣшаются на
слѣдующее утро головою болью или засореніемъ большого ка-
нала. При этомъ, къ счастью, они говорятъ; и разговоры ихъ —
лучшая часть книги. Прямыковъ и Бирюковъ *оба* — *люди русскіе*,
какъ сказано въ заглавіи, и, въ этомъ отношеніи, интересно по-
смотреть ихъ: любопытно видѣть, какъ авторъ понимаетъ рус-
скаго человѣка, чего въ немъ ищетъ, и какимъ бы желалъ ви-
дѣть его, — потому что, какъ кажется, назидательная сторона тво-
ренія состоитъ именно въ этомъ пунктѣ: требуется всѣхъ Рус-
скихъ обратить въ Прямыковыхъ и Бирюковыхъ, и драму рус-
ской жизни, изъ внѣшняго міра, зараженнаго чумой нѣмецкихъ
выдумокъ и французскихъ вкусовъ, перенести во внутренней
міръ желудка, для каковой цѣли и предлагаются два сказанные
идеала.

Иванъ Матвѣевичъ Прямыковъ — первый идеалъ русскаго
человѣка — прослуживъ вѣрой и правдой слишкомъ двадцать лѣтъ
въ столицѣ Россіи, отправляется на родину, въ уѣздный городъ
свой, *чтобы въ патриархальной русской простотѣ дожить бла-
гополучно и спокойно остальную половину вѣка*. Второй идеалъ,
Фома Михенчъ Бирюковъ, уже находится тамъ на мѣстѣ. Есть
тамъ тоже и — такъ оказать — идеалки, помѣщица Марья Андре-
евна и купчиха Прасковья Федосеевна, *обѣ жены русскія*. Въ
противоположность имъ, какъ и слѣдуетъ, поставлены существа
не идеальныя, одинъ молодой дворянинъ, который — человѣкъ не
русскій, потому что играетъ на скрипкѣ и страстно любитъ ита-
ліанскую музыку, и одна не совсѣмъ молодая помѣщица, кото-
рая также — жена не русская, потому что обожаетъ французскія
ленты и не носитъ московскихъ городепапей. Всѣ снѣжные не-
достатки, разумеется — на ихъ сторонѣ. Какая разница съ ними! —
Иванъ Матвѣевичъ Прямыковъ или Фома Михенчъ Бирюковъ!...
Марья Андреевна или Прасковья Федосеевна!...

Въ праздничный день. Иванъ Матвѣичъ, какъ благочестивый
русскій гражданинъ, отслушалъ въ приходской церкви обѣдню,
и, отобѣдавъ дома, легъ послѣ стола, по обыкновенію своему,
часокъ другой уснуть. Проснувшись, онъ всталъ, и пошелъ къ
окну посмотреть на погоду. Солнце сіяло. Облокотясь на окно,
долго онъ сидѣлъ въ раздумьѣ, и именно до тѣхъ поръ, пока не
попала ему подъ руку табакерка. Понюхавъ усердно табаку, онъ
ощутилъ въ головѣ счастливую мысль, идти къ Марьѣ Андреев-
нѣ на чай. Въ это время, достопамятная древность, стѣнные ча-

сы, затрещали, кукушка, выглянувъ въ дырку надъ циферблатомъ, прокуковала шесть разъ, и спряталась опять въ свою обитель, и дверцы захлопнулись. «Пора!» сказалъ Иванъ Матвѣвичъ: «тамъ рано чай пьютъ: живутъ по-русски, по-просту, не такъ какъ *нынѣшній народъ*».

Наговоривъ про себя много обиднаго *нынѣшнему народу* по случаю того, что *нынѣшній народъ* пьетъ чай не по-русски, въ девять часовъ, идеалъ Иванъ Матвѣвичъ отправляется къ идеалкѣ Марьѣ Андреевнѣ, которая сидѣла уже за чаемъ. Рядомъ съ нею сидятъ идеалъ Ома Михеичъ Барюковъ и двѣ гостьи, идеалка купчиха Прасковья Федосѣевна и не идеальная помѣщица Евгенія Алексѣевна, обѣ — вдовушки.

Прасковья Федосѣевна Торгашева — женщина *здоровая, дебелая, простая*, набожная, добрая, *истинно русская* купчиха, какъ Марья Андреевна *здоровая, дебелая, красная — истинно русская* помѣщица. У ней двѣ дочери и два каменныхъ дома, три сына и три овошениыя лавки; ктому же хорошій капиталъ. Дѣла у ней идутъ въ порядкѣ: сынъ Алексѣй ходитъ уже въ лавку, и *помаленьку* приучается, подъ рукою опытныхъ приказчиковъ, къ торговымъ продѣлкамъ; дочь Дуя уже невѣста, и Прасковья Федосѣевна намѣревается пристроить ее за какого-нибудь самостоятельнаго владѣльца суконныхъ лавокъ, *пожалуй, даже и мясныхъ*, лишь былъ бы онъ купецъ, съ бородой, съ деньгами и съ сердцемъ. Нечего сказать — идеальная купчиха; *не любитъ не съ свои сани садиться.... Да и умно!*

Дворянка Евгенія Алексѣевна, владѣтельница трехъ-сотъ душъ — совершенная противоположность идеальной русской купчихѣ, жирной Прасковьи Федосѣевнѣ, и идеальной русской помѣщицѣ, жирной Марьѣ Андреевнѣ. Вотъ ужъ неидеальная женщина, *идеальнаго* сочинителя!... а *существенно вещественная*: росту *высокаго, худощавая*, и — что всего неидеальнѣе — *воспитана!*... только Богъ уже знаетъ, когда и какъ. Въ ней видна смѣсь нѣмецкой экономіи съ *французскою роскошью*, а больше *впрочемъ съ жванствивостью*. *Судачить, сплетничать, переносить изъ дому въ гости, осмѣливать своихъ знакомыхъ, цыганить всѣхъ невѣсть* — онъ ужъ это дѣло. Всѣ недостатки, которыми страдаютъ многія женщины, она въ одной себѣ соединила. Вотъ что значитъ, сударыня, имѣть стройную талію, одѣваться по модѣ и быть воспитаной. Сочинитель этого не любитъ. Оно — не русское дѣло, по его мнѣнію. Онъ, какъ вы видите, принадлежитъ къ реакціи.

— «Здравствуй, батюшка, Иванъ Матвѣвичъ!» говорила Марья

Андреевна, «добро пожаловать!.... прошу покорно!.... Возьми ка стулъ, да садись сюда къ столу, поближе къ самовару».

«Иванъ Матвѣичъ, засвидѣтельствовавъ свое нижайшее почтеніе всѣмъ вообще и каждому порознь, взялъ стулъ и сѣлъ. На диванѣ помѣщалась сама хозяйка; по обѣимъ сторонамъ, на креслахъ, ея пріятельницы; напротивъ хозяйки, Ома Михенчъ Брюковъ, и около его, какъ весельчака и занимательнаго человека, двѣ дочери хозяйки, Любовь и Надежда.

— «А я было, сегодня, батюшка Иванъ Матвѣичъ», продолжала истинно русская помѣщица, «поджидала тебя къ обѣду! День, думаю, праздничный, и, вѣрно, какъ православный христіанинъ, изъ церкви зайдешь къ старинной знакомкѣ на горячешкій пирогъ?.... Ахъ-нѣтъ!.... не тутъ-то было: поцеремонился, звать, не пришелъ къ обѣду; да ничего, впрочемъ, не потерялъ: пирогъ какъ то, для праздника, не удался, не много сверху сыроватъ, а снизу подгорѣлъ».

— «А это оттого», замѣтилъ идеальный Ома Михенчъ, занимательный человекъ съ серьезнымъ видомъ: «что печка велика, не держитъ сверху жару, а снизу подъ палитъ, и что лучше бы передѣлать, чѣмъ портить пироги.... Пирогъ у Русскаго не самая важная статья: безъ кулебяки въ праздникъ какой обѣдъ?.... и выдешь-то изъ за стола ни сытъ, ни голодедъ!»

— «Нѣтъ, батюшка, Ома Михенчъ, не оттого, а отъ оплошности моей:» засуетилась, зазѣвалась, за-тѣмъ, за-сѣмъ, и опустила жерь.... Иванъ Матвѣичъ! прошу покорно чашечку чайку!... Ому Михенча также ждала, и этотъ пріятель къ обѣду не пришелъ....»

— «Да я хотѣлъ прійти», возразилъ Ома Михенчъ, «я вчера съ утра еще собирался, но что то мнѣ не поздоровилось сегодня. Поутру очень долго спалъ: болѣла голова: насилу пробудился. Напившись чаю съ кренделями, немного захотѣлось ѣсть: желудокъ какъ то ослабѣлъ. Волѣлъ я завтракать подать, и скушалъ, кажется, умѣренно; пятокъ япчекъ въ сметку, немножко сыру съ колбасою, немного ветчины, кусочикъ поросенка съ хрѣномъ, да рябчика одного!.... Ну, что это за много?.... да вотъ забылъ еще: кружку выпилъ молока.... И съ этихъ пустяковъ стало тяжело, начало ко сну клонить; прилежъ сдремнуть, да и заснулъ. Встаю, гляжу: ахъ-ба! втораго половинца!.... Ну, думаю, проспалъ!... Теперь уже поздно итти къ Марѣ Андреевнѣ на обѣдъ: у ней обѣдаютъ въ двѣнадцать. Поэтому я остался дома, велѣлъ накрыть на столъ, и обѣдалъ у себя: потомъ, какъ во-

дѣла, прилежь заснуть часокъ другой; вставши, напился кофею, и прямо къ вамъ на чай. Вотъ въ чемъ моя причина! Видите, бѣда-то въ томъ, что захворалъ поутру, а то, ей-ей, пришелъ бы къ обѣду!»

— «Все это не бѣда, мой батюшка, Оома Михенчъ! Слава Богу, что поправился: здоровье всего дороже на свѣтѣ!»

— «Всего дороже, матушка Марья Андревна, всего дороже на свѣтѣ!» подхватилъ Оома Михенчъ, «а я сталъ выпѣ что-то цоховать здоровьемъ: желудокъ ослабѣлъ!... вовсе нѣтъ аппетита, не то что, прежде, бывало.... одинъ съѣшь за тропхъ!... А выпѣ, нѣтъ!... Не то!... Знать силы-то уже упадаютъ....»

— «Еще чашечку, Иванъ Матвѣичъ! Прошу покорно!...» говорила Марья Андревна, усердно повторяя свои чашечки. «Да полоте-же церемониться: лейте сливокъ больше, на свѣтѣ проживете дольше!... Такъ вотъ, мой батюшка, Иванъ Матвѣичъ,» продолжала хозяйка: скучновато, да дѣлать нечего, принуждена была для праздника одна съ дѣтьми обѣдать, а я это не очень-то люблю: для праздника Господня, одной ѣсть Божій даръ за дверни, запертыми на крючекъ!... Статное ли дѣло!... это не по русски и не по-христіански?... По-моему, хлѣбъ соль надобно дѣлить со всякимъ добрымъ человѣкомъ, особенно съ пріятелемъ короткимъ: что есть, то виѣстѣ; чего нѣтъ, пополамъ! Все надобно виѣстѣ раздѣлить — и радости, и горе!»

— «Правда, матушка Марья Андревна, истинная ваша правда!» говорилъ Иванъ Матвѣичъ, «прискорбно для души христіанина православнаго, и скучно для сердца русскаго, не раздѣлить съ ближнимъ куска насущнаго, для праздника Господня. Русскій человекъ и въ будни не откажется накормить собрата, кто-бъ ни былъ овъ ему, землякъ или чужой. Гостепрѣимство и хлѣбосольство отличительныя качества русскаго народа: противъ этого, думаю, не стануть спорить и иноземцы?»

— «Не стануть! нѣтъ, не стануть спорить!» подхватилъ Оома Михенчъ. Да надобно правду, братъ, сказать, Иванъ Матвѣичъ, что такое хлѣбосольство у Русскихъ у однихъ и есть.... У насъ чужой прѣди къ обѣду, голоднаго домой не пустятъ; а вотъ въ чужихъ земляхъ, когда я бывалъ въ походахъ, такъ впадаль совсѣмъ другое: у нихъ прѣиди отецъ родной къ обѣду, за столъ обѣдать не посадятъ, когда пришелъ незванный. Сынъ обѣдаетъ съ женою, а отецъ его родной сигарку курить въ уголку, и то свою... Пивца, пожалуй, нальютъ стакачикъ, но, спросивши: хочешь ли? А какъ сказалъ: не хочу, — баста, братъ!... и подчи-

вать не стапуть. Не такъ вотъ, какъ у насъ: «прошу покорно! пожалуйте! пожалуста! да сдѣлайте же одолженъе!...» И когда много такого наговорятъ тебѣ, глядишь, поневолѣ возбудился аппетитъ, и, хотъ сейчасъ только обѣдалъ, а сядешь за столъ снова!... Это случалось и со мною: отобѣдалъ, а сажусь опять кушать, и, бывало, дома пообѣдаешь, да сряду въ двухъ мѣстахъ въ гостяхъ!... Вотъ, это такъ по-моему! Не такъ ли, братъ, Иванъ Матвѣичъ?....»

— «Точно такъ, Оома Михенчъ!»

— «Вѣдь, Русскіе, братъ, молодцы: умѣютъ накормитъ!» продолжалъ Оома Михенчъ, хлопнувъ Ивана Матвѣича по плечу, «не такъ ли? А?... Вѣдь справедливо!...»

— «Точно такъ, Оома Михенчъ, истинно!... Молодцы Русскіе: умѣютъ накормитъ, да уже умѣютъ и поѣсть, какъ ты, напри- мѣръ, можешь пообѣдать три раза въ день!...»

— «Тебѣ, мой батюшка, Оома Михенчъ, лишь только съ нами Русскими и жить, а съ Нѣмцами давно бы ты погилъ съ голоду... замѣтила Марья Андреевна. Они люди, вѣдь, великатные, и кушаютъ, и пьютъ весьма *суптилно*, вѣжно... Не такъ, какъ мы, по-русски, поплотнѣе. У насъ, чтѣ есть въ печи, то все на столъ мечи... Не правда ли, Оома Михенчъ?....»

— «Правда, матушка Марья Андреевна, правда ваша: я съ ними съ голоду бы померъ! У нихъ и доброе-то все идетъ безъ толку! Обѣдъ иногда приготавливать, хотъ большой и дорогой, однако проку-то въ немъ нѣтъ! Случалось мнѣ обѣдать съ ними: супъ варятъ жиденькой, одна вода, да плаваютъ по ней красивенькіе жорешки, морковка и петрушка; а пироги пекутъ претонкіе, точно бумажки, и то, вѣдь, не съ говядиною, а только съ запахомъ говяжьимъ. Тамъ, смотришь, соусы пойдуть: въ одномъ — вода съ мукой, въ другомъ — съ какою то меленькою крупною, а въ третьемъ — съ сахаромъ вода, — и все съ духами!... Потомъ пирожныя начнутся: одно вбитое изъ сливокъ, лишь въ ротъ возьмешь, и нѣтъ его! одна останется сливочная пѣна!... какія-нибудь красивенькія *фитюльки*. какое-то *безе*, какія-то корочки изъ мипдалю, да *вптеръ испанской*!... И все это, чтѣ съѣшь, какъ свѣситъ, не будетъ даже полу-фунта. Напоследокъ, къ концу стола, принесутъ такое сквозное разливное, или залливное, не знаю, какъ называть: чтѣ за кушанье! Лимонная склеенная на сахарѣ вода, и сдѣлана такой красивой пирамидой! Виноградники, какъ глазки, поватыканы тутъ вокругъ ея, и въ красивыхъ корочкахъ отъ апельсинновъ, какъ въ черешочкахъ, сидитъ по ягодкѣ варенья!...

Вотъ хитрости какія!... А въ серединѣ, для красоты, зажжешь красивый огонекъ!... Ужъ надобно сказать, мило, очень мило, и на глаза куда какъ хорошо!... но выдешь вонъ изъ-за стола ни сытъ, ни голоденъ, и снова хочешь ѣсть.... Да чтѣ и говорить, кому съ Русскими равняться? Умѣютъ наши ѣсть хлѣбъ свой родной, да умѣютъ и работать.... Вѣдь, такъ, сударыня, Евгенья Алексѣвна?

— «Не такъ, Оома Михенчъ, нѣтъ, не такъ! отвѣчала неидеальная, тощая Евгенья Алексѣвна: гдѣ вы сойдетесь съ Иваномъ Матвѣичемъ, да съ Марьей Андревной, тамъ все у Русскихъ будетъ хорошо!... Нѣтъ, сударь мой, Оома Михенчъ! Памъ можно кое-чему поучиться у иностранцевъ!... И въ Русскихъ есть свои недостатки?...

Тутъ завязался споръ о преимуществахъ всего русскаго и иностраннаго. Тощую Алексѣвну переговорили плотные люди русскіе: мало того — разругали въ глаза; дотого что уже хозяйка принуждена была сказать одному изъ идеаловъ:

»Ну; батюшка, Иванъ Матвѣичъ! ужъ точно ты прочелъ ей *рацею съ натаціей!* Мы слушали съ Прасковьей Оедосѣвной, да только хлопали глазами, какъ ты вычитывать изволялъ. П дѣло!.. Не надобно бѣ Евгеньи Алексѣвнѣ насъ, Русскихъ, обижать. Со-звайся, матушка, сама: вѣдь, православный народъ русскій—добрый и простой? Вотъ мы всѣ, на-примѣръ, что есть у насъ на душѣ, тогъ мы не закроемъ, и выскажемъ на языкѣ; особенно Оома Михенчъ: онъ дочпста все скажетъ, чего-бъ, пожалуй, и неважно; но все говоритъ отъ сердца, любя, а не въ обиду кому. И Иванъ Матвѣичъ не дастъ своихъ обидѣть; спасибо имъ за это: молодцы, люди чисто Русскіе!... Такъ, матушка, Евгенья Алексѣвна, осмотрѣдись, въ Русскихъ не все разглядѣли. Вы долго зажились въ столицѣ; говорятъ, нынче не распознаешь тамъ Русскаго отъ Шѣмца. Въ Русскихъ много Шѣмцевъ стало: одѣвшись по нѣмецки, ѣдятъ и говорятъ все по-нѣмецки; только русское, старинное свое, въ одномъ кушечествѣ осталось, и то въ купцахъ очень старыхъ, коренныхъ, а вынѣшніе также нѣмецкаго духу повабрались, и мѣтятъ все, кто въ почетные, — кто куда нибудъ на службу.... Охъ, Господи!.. все просвѣщается народъ!... Доживемъ мы до того, что Русской будетъ пахать землю во фракѣ, по книгѣ, съ цыгаркою въ зубахъ, и, вмѣсто лошади въ сохѣ, съ машиною паровой, безъ поту, труда!... Дойдетъ.... дойдетъ до того!...»

— «Правда, моя голубушка, совершеннѣйшая твоя правда»

заговорила идеальная купчиха Прасковья Федосѣевна, понавъ на свою колею, «что и купечество-то наше сбивается уже на иностранную статью; особенно же молодежь!... Чего?... вотъ я вамъ расскажу исторію со мной: въ прошедшемъ году, была я въ Петербургѣ; иду по широкой Невской улицѣ, немного, признаться сказать, призадумавшись о своихъ торговыхъ дѣлишкахъ; вдругъ слышу, кто-то окликаетъ меня: здравствуйте, говорить, Прасковья Федосѣевна! — Мое вамъ низжайшее почтеніе, батюшка, отвѣчаю я, да и гляжу пристально: стоитъ передо мной, объ руку съ барынею не молодою, такую разодѣтою, какой-то иностранный господинъ: собою красивый, молодецъ, кругомъ лица такая заморская подстриженная борода, и, не знаю для чего, для моды ль, для красоты какой, подъ нижнюю губою оставленъ волосъ клочечикъ. Исподнее платье на немъ такое пестрое, все въ клѣткахъ и красныхъ и зеленыхъ; сюртукъ, широкой, модной, сшитъ изъ звѣриной шкуры, шестью вверхъ, для шегольства или тепла, не знаю; на головѣ соломенная шляпа, и съ толстою палкою въ рукѣ: ужъ видно по всему что баринъ иностранный!... Стою, моя голубушка, изумлена!... смотрю на него, и не знаю, что сказать; онъ тоже глядитъ на меня, и улыбается: вы, вѣрно, говорить, Прасковья Федосѣевна, меня не узнаете? Вотъ я такъ васъ сейчасъ узналъ: вы много измѣнились, а еще похожи на себя; но я, вѣрно, и на себя не сталъ похожъ?... Припомните Ванюшу, который отданъ былъ къ вамъ въ лавку, въ мальчики, осьмнадцать лѣтъ тому назадъ.... Конечно, что давно, но вспомните Ванюшу Костылькова, и вы узнаете меня?... Ахъ, батюшка ты мой! отцы мои родные!... ужели это ты, Иванъ!... Иванъ.... Иванъ.... хочу назвать по отчеству, да и припомнить не могу, какъ звали его покойника отца; а знаю, что онъ былъ тряпичникомъ!... Вдругъ вспомнила тряпичника Григорья, который съ гвоздикомъ на палкѣ собиралъ тряпочки въ мѣшечекъ. Тутъ-то я догадалась сказать: ужели это вы, мой батюшка, Иванъ Григорьевичъ?... Да гдѣ же васъ узнать! Ей, ей, я почла... ужъ извините вы меня!... почла за иностраннаго господина!»

Идеальная русская купчиха пустилась въ предлинную и предпробную исторію бывшего своего сядѣльца, изъ которой оказывается, что онъ преумный малой, образовался, нажилъ трудомъ и удачными оборотами прекрасное состояніе и сдѣлалъ хорошія знакомства въ обществѣ. Непонятно, зачѣмъ авторъ съ своей идеальной купчихой столько надъ нимъ насмѣхаются! Вся вина его — что онъ брѣшетъ бороду!.. Но рація бороду обожаетъ

это — капитальная статья ея върваній, знамя, подъ которымъ она давно уже воюеть противъ преобразованій, введенныхъ въ старинный русскій бытъ въ началѣ прошедшаго столѣтія и которыя, по ея разумѣнію, все испортили.

Послѣ такой идеальной бесѣды, гости стали собираться домой, обѣщая сойтись въ слѣдующій четвергъ въ томъ же домѣ по случаю именинъ идеальной помѣщицы.

Когда Иванъ Матвѣичъ воротился домой, было еще не поздно. Раздѣвшись и, по правиламъ идеала, поужинавъ, онъ легъ спать, но долго не могъ уснуть. Наконецъ, вздохнувъ, и, услышавъ изъ за отворенной въ переднюю дверь, что слуга его, Аеонасій, такъ же ворочается съ боку на бокъ, онъ рѣшился поговорить съ нимъ, какъ это у нихъ нерѣдко случалось.

— «Ты спишь, или нѣтъ, Аеонасій?»

— «Нѣтъ, батюшка, Иванъ Матвѣичъ, не сплю; совсѣмъ хотѣлъ-было заснуть, и началъ было засыпать, какъ вдругъ пришла мнѣ въ голову такая штука хитрая, что не могу никакъ и толку въ ней добиться: въ одной книжонкѣ читалъ я какъ чертъ отъ сочинителя бѣжалъ, а сочинитель-то держалъ его за хвостъ, и все ему читалъ стихи; и думаю себѣ: ну хорошо, что такъ случилось; а еслибъ хвостъ-то въ рукахъ остался!... куда-бы онъ дѣвался съ нимъ!... Не знаю, что вы, Иванъ Матвѣичъ, скажете: куда бы тогда дѣвали этотъ хвостъ?...»

Идеальная бесѣда о чертяхъ, о домовыхъ, и о прочемъ.

Наконецъ Иванъ Матвѣевичъ заснулъ, выспался, проснулся, позавтракалъ, пообедалъ, опять заснулъ, и вечеромъ онъ и Тома Михеичъ, оба идеала, отправляются на семикъ. Дорѣдой, они заходятъ къ Сергѣю Сергѣевичу, человѣку неидеальному и неспособному.... какъ же! онъ образованный малой, любитъ искусства, читаетъ журналы: на что это похоже!... Заходятъ, собственно, выпить самовара два-три чаю, потому что чай у него — отличный, и изъ благодарности бранять его за страсть къ музыкѣ по нотамъ, за свѣдѣнія кое въ чемъ текущемъ и обыкновенномъ, и за прочее, особенно же за то, что онъ не охотникъ слушать фальшивый пискъ дѣвичьихъ хоровъ на семикѣ. Они отдѣлываютъ его такъ же вѣжливо, какъ отдѣлали вчера несчастную Евгению Алексѣевну. Великій споръ объ италіанской музыкѣ. Оба идеала объявляютъ, что, выслушавъ внимательно, какъ дерутъ Рубини и Вiардѣ, они, по долгу совѣсти, обязаны сказать откровенно, что характеръ нашъ — не италіанскій и что душа ихъ не можетъ прійти въ восторгъ отъ того, что дѣлаетъ ей не сродно.

Послѣ чего отправляются они на семикъ, гдѣ безладное пѣніе деревенскихъ Віардѣ-Гарсіей приводитъ ихъ въ такой восторгъ, что они пускаются плясать съ ними за полночь.

Наступаетъ четвергъ, день именинъ идеальной помѣщицы.

Иванъ Матвѣичъ привнесъ пребольшой пряникъ заказной, съ изображеніемъ какой то крѣпости, на которой замысловатый пряничникъ, вмѣсто пушекъ, утыкалъ бастіонъ изюминками, а гранитныя стѣны богато помазалъ медомъ, и, для большей красоты и вкусу, на мѣстѣ главныхъ воротъ, запекъ частичку клюквенной пастыли.

Оома Михенчъ прислалъ съ здоровымъ мужикомъ огромнѣйшій московскій калачъ, такой, что двое едва втащили въ дверь, повернувъ его бокомъ. Прасковья Федосѣевна рано утромъ презентовала крендель съ вензелемъ. Евгенья Алексѣевна прислала съ горничной свою пирогу съ вареньемъ, украшенную цвѣтами. Почти всѣ родные и знакомые подпесли именинницѣ крендели, булки, сухари, словомъ каждый что-нибудь принесъ въ подарокъ.

Обѣдъ русскій. Послѣ обѣда варенія и кофе. Послѣ кофе, Иванъ Матвѣичъ, по обыкновенію пошелъ идеально спать на стѣнникъ. Оома Михенчъ отправился туда же. Прасковья Федосѣевна удалилась въ спальню хозяйки немощечко вздремнуть. Одна лишь псевдеальная Евгенья Алексѣевна не хотѣла спать, и ушла въ садъ съ своею пріятельницею, рассказывать, съ какими кружевами были подушки въ придапомъ за одной богатою дѣвицею, недавно вышедшей за-мужъ за отставнаго штабсъ-ротмистра.

Къ чаю опять собрался всѣ въ гостиную; именинница сѣла къ самовару. Она угостить умѣла; къ ней только въ руки попалась, не пойдешь домой голоднымъ.

— Матушка, Марья Андревна, изволили ль вы быть на семикѣ? спросилъ Оома Михенчъ; я съ Иваномъ Матвѣичемъ тамъ пробылъ до самой зари. Вотъ весело то было!... Я дотога зарезвился, что, съ радости, и самъ пошелъ выплясывать!...

— Я была съ дѣтми на семикѣ, сказала Марья Андревна, и видѣла, какъ ты позволилъ выплясывать.... Паденька чуть не умерла отъ смѣху, глядя какъ ты выдѣлывалъ колесца.... Мастеръ, ты, батюшка, Оома Михенчъ, настеръ ты плясать! Повраилось имѣ хоть куда; но вѣдъ ты, батюшка, знаешь, я сама-то я люблю и пѣсни, и пляску. Радуюсь сердечно, когда простой нашъ народъ веселится; вспоминаю старину, какъ съ молоду сама пѣвала и плясывала.... Бывало, съ покойнѣйшъ старикомъ, навечерникѣ, вдвоѣмъ мы русскую пройдемъ! любо!... Вспомнишь, такъ слезы на глазахъ

завернутся отъ радости..... А вывѣшннхъ *кадрелевъ* не люблю: скучные, сонные танцы!

— «Точно, кадрили мертвый и бездушный танецъ, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, и пошелъ бранить эти заморскія потѣхи.

— «Да какіе это танцы!... Можно ли ихъ сравнивать съ нашими русскими! воскликнулъ Оома Михенчъ, и давай порочить иностранныя пляски и тѣхъ, кто ихъ пляшетъ.

Отъ этой краснорѣчивой филиппики двухъ Демосоевъ противъ искусства и граціи въ самой дорогой и самой полезной потѣхѣ для юности и невинности, слезы навернулись на глазахъ у дочерей хозяйки.

— «Спасибо вамъ, Оома Михенчъ и Иванъ Матвѣичъ, спасибо вамъ обоемъ, сказала одна изъ нихъ, Любовь Петровна: отдѣлали же вы насъ; а мы хотѣли-было сейчасъ же начать кадрили.... Чѣмъ же прикажете намъ заняться у маменьки на шмяннкахъ?... Русскую одну плясать?... Надоѣсть!... Притомъ же тутъ не могутъ принять участія всѣ кавалеры и дѣвицы: двое будутъ танцовать, а другіе дремать, сидя на стульяхъ. Веселый будетъ праздникъ....

— «Нѣтъ, Любовь Петровна!... помиуйте!... танцуйте что и сколько вамъ угодно: кадрили, польки, мазурки!... Танцуйте и веселитесь!... Дремать у маменьки на шмяннкахъ, сидя на стульяхъ не угламъ, это дурно!... Я самъ пойду плясать, и товарища стащу; мы вдвоемъ такую вамъ пройдемъ лихую *бутаражку*, что со свѣху животики надорвете!... Нѣтъ, барышни, танцуйте что вамъ угодно! Мы съ Иваномъ Матвѣичемъ толковали объ этомъ, разсуждали, не въ обиду кому другому, а такъ, для разговору.... Нѣтъ, дѣвицы, танцуйте.... Не обижайтесь на меня: я человекъ русской, прямодушный!

— «Эхъ, братъ, Оома Михенчъ, оторопѣлъ, запутался и много заболталъ! сказалъ Иванъ Матвѣичъ. Плохо, братъ, стыдненько?

— «Оторопѣлъ! другъ! потерялся!... не помню, что и говорилъ!.. Давай мнѣ полсотни мужичиъ, всѣхъ я переспорю; но съ дѣвцею не сговорюсь съ одною, не умѣю съ прекраснымъ поломъ толковать; тотчасъ отретируюсь отъ страху, отъ сердечнаго смѣшнаго; нарвлю, чтобъ деликатности не потерять, и не обидѣть невпривѣтливимъ словцомъ; думаю о томъ, а говорю о другомъ.... какъ разъ и свутаюсь со-всѣмъ!...

— Вы, значить, очень стыдливы, и *всюсливы* ужъ черезъ-чуръ, Оома Михенчъ, замѣтила Любовь Петровна съ *чужествомъ*.

— «Нѣтъ! этого-то нельзя сказать; а просто, отъ природы, не-

множко я застлнчивъ при женищинахъ, чувствую, что я какъ-то робковать. Покойница моя матушка, не тѣмъ будь помянута, женщина была очень бойкая: расходится бывало такъ, что дымъ стоять коромысломъ; а батюшка покойникъ больно былъ смирень: не смѣлъ и слова пикнуть передъ нею; ужасно какъ ее боялся; за-что, перѣдко, она его поколачивала.... Кажется, что страхъ-то къ женщинамъ во мнѣ наслѣдственный....

— «Вотъ, какая откровенность! сказала Евгенія Алексѣевна, и громко засмѣялась.

— Позволь, батюшка, Ома Михенъ, я подолью тебѣ ромцу-то въ чай побольше, просила Марья Андреевна, подливая рому въ стаканъ Бирюкова: *авось посмѣлье будешь съ женскимъ поломъ* Что-то ты сегодня больно оробѣлъ, для имянннъ monkъ?...

— «Поправлюсь, матушка!... поправлюсь!... погодите....

Въ самомъ дѣлѣ, оба идеала такъ отлично поправились, въ честь имяннннцѣ, въ теченіе вечера, что хозяйка не отпустила ихъ домой, и они почевали у нея въ мезонинѣ. Иванъ Матвѣевичъ, проснувшись ночью и не зная гдѣ онъ находится, вышелъ ощупью изъ комнаты, попалъ на чердакъ, и провалился въ какое-то отверстіе, прямо въ чуланъ и въ кадку съ свѣжими яйцами. Читатель легко можетъ представить себѣ живописное положеніе идеала въ этой лншнѣ, между-тѣмъ какъ другой идеалъ, пробужденный его крикомъ, вскакиваетъ съ постели, зажигаетъ свѣчу и, садясь съ огнемъ надъ отверстіемъ, распрашиваетъ несчастнаго, съ *юморомъ*, который вы знаете, о томъ что и какъ случилось.

Повѣствованіе заключается этимъ *забавнымъ* приключеніемъ, которое въ городѣ, на слѣдующій день, было многими приписано злымъ продѣлкамъ домового. Можно было бы подумать, послѣ этого, что дѣлъ сочиненія состоятъ собственно въ томъ, чтобы *обоихъ русскихъ людей* предать посмѣванію. Но, вѣтъ! несмотря на все смѣшное, которое они говорятъ, и на все карикатурное, въ которое авторъ ихъ поставляетъ, они таки остаются для него идеалами и образцами къ подражанію. Есть различныя способы выказывать любовь свою къ отечественному: тотъ, который вы видѣли — одинъ изъ многихъ. Любовь здѣсь близка уже къ изступленію, но все же, сначала она была чистою, благородною любовью: потомъ уже спуталась немножко системою — преувелеченіями школы — особеннымъ ученіемъ, которое не одобряетъ старыхъ нововведеній и желало бы воротить насъ къ варварству, чтобы имѣть удовольствіе преобразовать съзнава

по-своему. Это одна изъ тѣхъ странныхъ, но впрочемъ совершенно ненужныхъ мечтъ, которыя иногда залѣзаютъ, и въ свѣтлыя головы, гдѣ онѣ производятъ полное затмѣніе, и подъ даровитыя перья, которыя сбиваютъ съ толку, къ великому ущербу русской литературы. При направленіи, болѣе благоразумномъ, эти перья нредѣло составляли бы наслажденіе читателей.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. *Семья ассесорши. Сочиненіе М. Коренина. (СП.-бурзь, 1848, въ-16., два томика).*

Это — только начало или вступленіе къ удовольствію, — самое же удовольствіе еще впереди, — которое господитъ Коренинъ обѣщать привести читателямъ цѣлымъ рядомъ своихъ романовъ, предназначенныхъ къ постепенному выносу подъ общимъ названіемъ «Очерковъ современной жизни». Въ весьма ученомъ и обстоятельномъ предисловіи авторъ счелъ нужнымъ объяснить читателямъ, чтѣ такое романъ, каковы обязанности романиста и писателя, какъ тонко и глубоко понимаетъ все это, и въ чемъ состоятъ *духъ и направленіе* его собственныхъ романовъ — предусмотрительность весьма благоразумная, потому что, пожелай, читатели готовы не примѣтить ихъ и, главное, не зная толку въ романѣ, не слушаютъ наслаждаться и станутъ звать тамъ, гдѣ должно приходить въ восторгъ или въ глубокоемысліе. Господитъ Коренинъ столько разсуждаетъ о благосклонности къ человѣку, изображаемому романистомъ, о долгѣ его любить и уважать чело-вѣчество, о неумѣстности насмѣхаться надъ его странностями, о необходимости, въ романѣ, глубокаго познанія сердца, тонкаго анализа чувствованій и страстей и — могъ бы онъ прибавить — сильной занимательности, что ему надо предоставить время оправдать всѣ эти требованія, имъ же самимъ предначертанныя. Судить о цѣломъ по началу, по этимъ книжечкамъ, заключающимъ въ себѣ разсказъ о «Семьѣ ассесорши», который господитъ Коренинъ, какъ видно, принимаетъ за романъ, было бы преждевременно и несправедливо: пусть это перо, которое вообще пишетъ гладко и плавно, расписнется, разыграется, размахнется во всю ширину ученія своего о романѣ и о *великой отвѣтственности* романиста; пусть оно восхититъ насъ или наскучитъ намъ положительно своими *Любовью свѣтскихъ людей—Удачною перемьлюю—Самолюбіемъ, губящимъ насъ* — и *Недоразумнымъ* — готовыми уже у него романами, и которые явятся вслѣдъ за *Ассесоршей*: тогда мы будемъ судить объ немъ съ доказательствами въ рукахъ, и произнесемъ приговоръ, если не уснемъ.

Странная сила предисловій! Не будь предисловій при этихъ книжкахъ, мы бы добродушно и откровенно сказали, что объ нихъ думаемъ: онѣ такіа маловѣкія!... такіа невинныя!... судить объ нихъ такъ легко!.... Къ-несчастью, по прочтеніи этого разсказа, мы, неумышленно, по неосторожности, совершенно противъ своего желанія, прочитали предисловіе — два предисловія — и они сбили насъ съ толку — ротъ зажали — перо изъ рукъ вытолкнули: можно ли было подумать!... въ этихъ крошечныхъ и невинныхъ книжечкахъ затѣвается дѣло огромное — хотять осуществить цѣлую высокопарную теорію романа какъ художественнаго творенія и какъ философиче-ской книги — все сердце по ниточкѣ разбирать — всего чело-вѣка разложить, вскрыть и въ куски взрѣзать съ благосклон-ностью, съ любовью, съ нѣжными ласками и не улыбаясь — писателямъ прихвѣръ подать, подъ *великою отвѣтственностью* за такіа кафельныя преступленія какъ эти два томика!.... Нѣтъ, передъ такимъ достоинираднымъ начинаніемъ, хоть какое дерз-новенное сужденіе останется съ изумленіемъ и будетъ смирен-но ждать окончанія монумента.

Хорошо: мы подождемъ — увидимъ, какъ авторъ «Очерковъ современной жизни» приведетъ въ дѣйствіе свою теорію романа и обязанности романиста и писателя — будемъ любоваться и поучаться.

Но если это только авторская уловка, чтобъ запугать рецен-зентовъ и возбратить критикѣ

.....снѣтъ

Свое сужденіе нѣтъ?

Если въ романахъ, которые послѣдуютъ за подлежащимъ рома-номъ «Семья ассессорши», не будетъ ни челоуѣка, ни челоуѣче-ства, ни страстей, ни сердца, ни нравовъ, ни характеровъ?... То-то господниѣ будетъ смѣяться! То-то критикѣ будетъ до-садно, что ее такъ надули!

Впрочемъ не въ первый разъ испытаетъ она эту неприятность. Хитрость авторская также безпредѣльно искусна какъ бывшая авторская-скромность, что нынѣ авторская надменность.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГЛАВНЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ И ОТКРЫТІЙ по части наукъ, искусствъ и общежитія, сдѣланныхъ въ Европѣ до девятнадцатаго столѣтія. Переводъ съ французскаго. (СП.-буревъ, 1848, въ-12., стр. 131.)

По свидѣтельству заглавнаго листа, сочиненіе это одобрено

французскимъ Обществомъ первоначальнаго обученія, — и хорошо что издатель не забылъ наметнуть объ этомъ, а то рѣшительно никто бь не угадалъ, къ чему оно можетъ пригодиться — и, по тому же свидѣтельству, переводъ сдѣланъ по шестому изданію, которое еще переводчикъ *пополнилъ* до такой степени, что вся исторія *изобрѣтеній и открытій* по части наукъ, искусствъ и общежитія, составила сто тридцать страничекъ. Чтò тут почтенное Общество *одобряло*, чему изъ этой книжечки можно *обучиться*, даже *первоначально*, съ какою цѣлью исключено изъ исторіи *изобрѣтеній и открытій* девятнадцатое столѣтіе, въ какой мѣрѣ книжечка, назначенная къ *первоначальному обученію* Французовъ и гдѣ повсюду, на первомъ планѣ, кстати и не кстати, стоятъ Франція, ея законы, ея сужденія, ея самолюбіе, ея притязанія, можетъ служить пособіемъ къ такой же цѣли другому народу, все это — вопросы, превосходящіе наше соображеніе.

Между *изобрѣтеніями и открытіями* по части наукъ, искусствъ и общежитія, вы найдете также *гильотину*.

Знаете ли когда *изобрѣтены или открыты* сестры милосердія?... Сестры милосердія открыты или *изобрѣтены* въ году отъ Рождества... Ну, извините — хотѣлъ блеснуть хронологической ученостію — да исторія *изобрѣтеній и открытій* забыла выставить годъ этого открытія или *изобрѣтенія*.

=

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

— СОВРЕМЕННАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ПѢСНЬ (Москва, 1848). — Стихотвореніе, исполненное прекрасныхъ чувствъ любви къ русскому Царю и русскому отечеству, преданности Престолу, и національной гордости при видѣ внутренняго благоденствія Россіи въ то время какъ дикія страсти и ложныя ученія низвергають другія земли въ бездну неустройства, нищеты и гора.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Несмотря на всѣ усилія редакціи и издателя, съ половинны августа, матеріальныя затрудненія, возникшія изъ холерныхъ обстоятельствъ, не дозволили никакъ книжкамъ этого журнала во-

ротиться выходомъ своихъ къ первымъ числамъ каждого мѣсяца. Чтобы возстановить порядокъ и исправность въ выпускѣ книжекъ «Библиотеки для Чтенія», редакция и издатель рѣшились назначить срокомъ выходу ихъ, отнынѣ впередъ, вмѣсто перваго, послѣднее число мѣсяца. Декабрская книжка выйдетъ 31 декабря, январская 31 января, и такъ далѣе.

— Въ Харьковѣ изданъ, господиномъ Амвросіемъ Метелнскимъ, «Южный сборникъ», интересное собраніе стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ, между которыми многія, по отзывамъ знатоковъ этого языка, чрезвычайно примѣчательны по своему поэтическому достоинству. Въ концѣ книги, помѣщена комедія покойнаго Основьяненка (Григорія Глики), въ прозѣ, подъ названіемъ *Щыра любовь* (истинная любовь). Прозу малороссійскую мы понимаемъ нѣсколько лучше малороссійскихъ стиховъ, и комедія эта показалась намъ особенно занимательною частью сборника. Здѣсь, въ этомъ національномъ произведеніи, мы усмотрѣли болѣе легкости, добродушной веселости, настоящаго юмору, лучшую шутку и развязыйшую рѣчь, чѣмъ въ русскихъ сочиненіяхъ того же автора.

— Господинъ Снегиревъ, въ Москвѣ, издалъ весьма интересное жизнеописаніе знаменитаго тамошняго архипастыря, участника великихъ отечественныхъ событій въ борьбѣ Россіи съ Наполеономъ, превосходнаго учителя Церкви и отличнаго ученаго, — подъ заглавіемъ «*Очерки жизни московскаго архіепископа Августина.*» Сочиненіе это, предпринятое по порученію Императорскаго Московскаго Общества Любителей Исторіи, составлено съ тою тщательностью и ученостью, какими отличаются все вообще труды господина Снегирева.

==

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ГОЛЛАНДСКУЮ ЧЕРНУЮ РѢЧКУ. Нѣкто изъ новъхъ друзей чрезвычайно богатый, хотъ и не литераторъ, чрезвычайно остроумный, хотъ немножко и литераторъ, чрезвычайный любитель путешествій, хотъ никогда не сочиняетъ впечатлѣній, сказалъ мнѣ однажды:— Знаете ли вы чтò я видѣлъ самага любопытнаго, самага страннаго, не скажу самага прекраснаго, съ-тѣхъ-воръ какъ пятнадцать лѣтъ катаю свою многослучную особу отъ тропика Рава до тропика Козерога?

- Мало ли сколько есть вещей любопытныхъ и странныхъ!
 - Нѣтъ, постарайтесь отгадать.
 - Египетскія пирамиды?
 - И, полноте! зачѣмъ же ужъ не выставку народной промышленности?
 - Ніагарскіе водопады?
 - Совсѣмъ нѣтъ. Нынче уже садовые фонтаны менѣе рококо тѣмъ природные водопады.
 - Я отказываюсь угадывать.
 - Ну, такъ прогуляемся по Голландіи, сказалъ мнѣ мой сеникъ,
 - По Голландіи!
 - Ну, да; а если угодно, такъ по Китаю, потому что Голландіи.
- Т. ХСІ. — Отд. VII.

дія — европейскій Китай. Если когда-нибудь Китайцевъ лишать Китай, они могутъ прїѣхать въ Амстердамъ, и найдутъ его. То же терпѣніе, та же холодная фантазія, тотъ же важный и ребячeskій расчетъ, та же симметрія, та же чистота у Голландцевъ какъ у народовъ Желтой Рѣки.

— Да, есть нѣкоторое сходство....

— Сходство! совершенное подобіе. Впрочемъ, я не убѣждать васъ намѣренъ, продолжалъ другъ мой, путешествующій баронъ: а разсѣять немного, если возможно. Послушайте:

Я увѣзжалъ изъ Амстердама, довольно налюбовавшись и на великолѣпныхъ Нидерландокъ, которыя словно выскочили съ картинъ Рубенса, и на мосты брошенные черезъ большіе и маленькіе каналы, и на саранъ съ лвайскимъ перцомъ, когда флегматическій хозяинъ гостиницы сказалъ мнѣ:

— Какъ! вы увѣзжаете, а не видали Брука.

— Чтѣ вы говорите?

— Я говорю, что вы не видали Брука.

Трактирщикъ опять принялся за трубку и за флегму. Онъ какъ будто былъ въ Китаѣ и разговаривалъ съ Китайцемъ.

— Чтѣ такое Брукъ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Зачѣмъ мнѣ надо видѣть Брукъ?

Вмѣсто отвѣту голубоватый дымъ.

— Чтѣ это, человѣкъ, рыба, монументъ?

— Нѣтъ, деревня.

— Напрасно же я спрашивалъ. Какъ! вы хотите, чтобы послѣ Местрихта, Роттердама, Амстердама, Гааги, я поѣхалъ смотрѣть деревню?

— Брукъ, Брукъ! бормоталъ грызя чубукъ непоколебимый Голландецъ.

— Чтѣ я увижу необытнаго въ Брукъ?

— Вы увидите Брукъ.

— А еще чтѣ?

— Брукъ.

— Но....

Собесѣдникъ уже спалъ.

— Чтѣ дѣлать? Если я уѣду не видавши Брука, думалъ я, размышляя о важности, съ которой спрашивалъ меня трактирщикъ, можетъ-быть я пропущу случай увидѣть чтѣ-нибудь такое чудное, чего послѣ не встрѣчу нигдѣ, даже въ Англіи. Ну, поѣдемъ въ Брукъ.

Я позналъ моего камердинера, Француза Безіе, который десять лѣтъ сопровождаетъ меня повсюду, и въ рудоконни Гарца, и на вершину Темернеа: для него результатъ всѣхъ странствованій состоитъ въ той опытности, приведенной имъ въ аксіому, что нигдѣ не обѣдаютъ лучше и дешевле какъ въ Парижѣ, въ Пале-Рояль.

— Что изволите? спросилъ Безіе.

— Мы ѣдемъ въ Брукъ, любезный Безіе.

— Ну, хорошо, въ Брукъ, такъ въ Брукъ. А гдѣ же эта земля?

— Я право не знаю, отвѣчалъ я.

— Пойдемте, сударь; сравнимся послѣ.

Когда мы вышли на одну изъ главныхъ площадей Амстердама передъ церковью Святаго Николая, я спросилъ у проходящаго пивовара, въ которой сторонѣ Брукъ.

Онъ сдѣлавъ два размаха, одинъ направо, другой налево, потомъ удостоилъ прибавить: — Возьмите лодку и велите везти себя въ Бейксло, — и пошелъ своимъ путемъ.

— Стало-быть повозка по морю? спросилъ Безіе.

Я хотѣлъ отвѣчать, но пивоваръ воротившись сказалъ мнѣ по-нѣмецки:

— Развѣ вы хотите взять слугу съ собою въ Брукъ?

— Конечно!... зачѣмъ вы спрашиваете?... отчего же мнѣ не брать его?

— Такъ, ничего.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, скажите?

— Право, ничего, сказалъ пивоваръ посмотрѣвъ на Безіе и на меня съ усмѣшкою, вовсе не свойственной Голландцамъ. — Онъ тотчасъ же и оставилъ насъ.

— Ну, скажи же!...

— Оставь его, Безіе. Мы послѣ увидимъ чтѣ это значитъ.

— Богъ помощь, сказалъ Безіе.

— Пойдемте къ гавани, сказалъ я, и отправимся въ Бейксло, о которомъ я столько же знаю какъ и о Брукѣ.

— Я видѣлъ Татаронцевъ, Гренландцевъ, Татаръ, Китайцевъ, Кохинхинцевъ, говорилъ несравненный Безіе: но никого не встрѣтилъ забавнаго Голландцевъ. Они думаютъ только половину, а говорятъ треть.

У гавани мы всѣмъ вѣли въ катеръ, и я не успѣлъ сказать хозяину — въ Бейксло, какъ уже онъ отчалилъ и выплылъ въ широкое море.

«Бейксло существуетъ, думалъ я, это уже доказано фактомъ. Стало-быть существованіе Брука тоже становится вѣроятнымъ.»

— Я все думаю, сказалъ Безіе, зачѣмъ этотъ негодяй пивоваръ спрашивалъ, возьмете ли вы меня въ Брукъ? Почему бы вамъ не брать меня туда?

— Стоить ли объ этомъ думать, Безіе?

— Да я вѣдь знаю Голландцевъ, сударь!... они даромъ слова не выговаряютъ.

— Ну, полно, оставь меня въ покоѣ.

— Я не понимаю, чего тутъ столько заботиться о замѣчаніи какой-нибудь пивной бочки.

Катерщикъ, не слушая нашего разговору, быстро мчалъ насъ къ берегу, куда мы и пристали минутъ черезъ двадцать, послѣ выѣзду изъ Амстердама. Расплачиваясь съ нимъ, я спрашивалъ — въ какую сторону надо идти въ Брукъ?

— Вы пойдете вдоль этого канала, отвѣчалъ онъ, который соединяется Тексель съ Судерзе, и, черезъ полчаса, будете въ Брукъ.

— Благодарствую, мой другъ.

— А! вы идете въ Брукъ! прибавилъ онъ съ видомъ глубокаго уваженія.

— Да, мы идемъ въ Брукъ.

— На житье?

Недолго думая я отвѣчалъ:

— Да.

— На житье! вскричалъ онъ, выпрыгнувъ изъ катера: на житье!

И онъ принялся отвѣшивать намъ поклоны, которыхъ смыслу я рѣшительно не могъ растолковать себѣ.

— Но въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство!... ваша свѣтлость!... вамъ надо было предупредить меня....

— Зачѣмъ?

— Да потому что не всѣ такъ идутъ въ Брукъ.

— Почему же?

— Будто вы не знаете, ваше превосходительство!

— Конечно!... знаю!... поспѣшилъ я прибавить, боясь прослыть невѣждой въ томъ, что было извѣстно нидерландскому лодочнику.

Однако тайна эта начинала меня озадачивать и я, чтобы просвѣтиться скольконибудь, продолжалъ смѣяться:

— Я шутилъ; я иду не зачѣмъ, чтобы остаться въ Брукъ, а только... посмотреть. Нынче же вечеромъ я возвращаюсь въ Амстердамъ.

— Только посмотреть! сказалъ презрительно катерщикъ, уро-

нѣвъ весло вѣстѣ съ уваженіемъ въ воду: ну, такъ счастливый путь!

Онъ оттолкнулъ катеръ отъ берегу, жалѣя, что растратилъ столько поклоновъ по такимъ пустякамъ.

— Позвольте, закричалъ онъ мнѣ, шаговъ за пятьдесятъ отъ берегу: вы берете съ собой слугу въ Брукъ?

— Да, беру, если это тебѣ не противно.

— Берите, берите! Ступайте вдоль канала. Брукъ недалеко.

Онъ отправился въ одну сторону, а мы въ другую.

— Скажите, сударь! вѣдь они просто всё какъ условились спрашивать васъ, вѣду ли я съ вами въ Брукъ или нѣтъ?

— Знаешь ли что, они замышляютъ противъ тебя что-то недоброе, сказалъ я смѣясь.

— Не знаю, что они замышляютъ, но сказать по правдѣ, меня ужасно мучить ихъ дьявольское любопытство.

— Безіе, не говорилъ ли ты чего противъ голландскихъ се-ледокъ?

— Нѣтъ. Я следокъ вовсе не ѣмъ. Послѣ того, пить ужасно хочется.... а какъ начнешь пить....

— Не проболтался ли ты о голландскомъ сырѣ или о голландскомъ полотнѣ? Можетъ-быть ты скалалъ, что знаменитаго полотна нѣтъ и не бывало на свѣтѣ, что это — обманъ, мистификація; что все голландское полотно для заграничной торговли и для себя амертердамскіе купцы заказываютъ въ Пруссіи и оно изготовляется въ вестфальскомъ городкѣ Билефельдѣ. Ну, такъ и есть! ты проболтался, что знаешь ихъ великую тайну....

— Развѣ съ Голландцами можно болтать о чемъ-нибудь.

— Не сказалъ ли ты?...

Но мы вдругъ очутились у оконечности дуги довольно обширнаго пруда, который поразилъ насъ своимъ видомъ. Даже Безіе замолчалъ, чтобы любоваться.

Мы были уже не въ Голландіи, не въ Европѣ, но въ Нанкинѣ или въ въ Пекинѣ, самомъ китайскомъ городѣ Китая. Съ поверхности этого спокойнаго озера, зеленого какъ изумрудъ, глаза съ восхищеніемъ перешли на стѣны какого-то фантастическаго городка, бѣлаго, розоваго, желтаго, голубаго, сѣраго, который возвышался на уступахъ изъ муравы, причесанной какъ волосы баядерки. Каждый домъ какъ-будто рѣзалъ облака остроконечною крышей, загнутой въ видѣ татарскихъ туфель, словно крыша на пагодѣ. Настоящія пагоды: однѣ изъ бѣлаго муравленаго или голубоватаго фарфору, другія изъ кирпичу, третья изъ

чистаго мрамора, четвертыя изъ позолоченаго дерева, съ колокольчиками серебряными, золотыми или изъ прозрачныхъ камней; а сквозь гряду этихъ воздушныхъ дворцовъ, какіе только бываютъ на японскихъ чашкахъ или на китайскихъ лакированныхъ ширмахъ, видѣлись деревья, какихъ не видно нигдѣ; растительность вѣчто въ родѣ той, какую рисовалъ полусонный Гомаъ на столахъ бамбергскихъ харчевень; деревья выросшіе на дрожжахъ, тонкія и тошія, чрезвычайно густыя у вершинъ, словно тюльпаны, или совершенно желтыя, какъ - бы ульяныя милліонами бабочекъ. Цвѣты колыхались на нихъ подобно лѣннвымъ тропическимъ птицамъ. Я замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ деревьяхъ были только бѣлыя почки, и ни одного листа. Далѣе громоздились горы розъ, настоящія горы, въ шестьдесятъ футовъ вышины; а за этими горами скоплялись облака плющу и каприфоли. Благоуханіе этого райка обдавало насъ на томъ разстояніи, гдѣ остановились мы безмолвными отъ удивленія. Мѣстами золотистыя отблески пробѣгали какъ молніи между всѣми этими хитросплетеніями. Присоедините къ этой картинѣ, невыразимой никакой живописью, отраженіе ея въ мелковолнистой водѣ озера. Какой удивительный оттискъ! Точно будто Китай таинственно перешагнулъ въ Европу, и выходилъ изъ прозрачной оболочки, чтобы очаровать двухъ бѣдныхъ путешественниковъ, остолбенѣвшихъ отъ удивленія.

— Теперь я начинаю понимать, сказалъ Безіе, когда къ нему возвратился даръ слова, почему они столько хлопотали обо мнѣ; мы, сударь, попали, то есть, прямо, въ рай голландскій; а какъ я Провансаецъ....

— Такъ молчи же, дуракъ!

— Ей-ей, вскричалъ Безіе, мы—въ голландскомъ раю! Посмотрите, есть ли тутъ хоть одна живая душа?

— Ты съ ума сошелъ, что-ли? Будь это рай, въ немъ былъ бы кто-нибудь.

— Вы думаете?

— Пойдемъ, сказалъ я, да посмотримъ, живеть ли кто въ этомъ заколдованномъ саду?

Мы подошли къ азіатско-волшебному граду, слѣдуя по дугѣ круга, который онъ описываетъ такъ рѣзко и правильно по берегу озера. Черезъ десять минутъ ходьбы по землѣ, содержимой гораздо лучше чѣмъ главныя аллеи королевскихъ садовъ во Франціи, мы остановились у позолоченой желѣзной рѣшетки превосходной работы. Она огибаетъ кругомъ, какъ мы замѣтили послѣ,

эту баснословную деревню, согласуясь съ причудами ея страннаго наружнаго образованія. Мы увидали, за изытіемъ матеріалу, точно неизвѣримую Китайскую Стѣну. Съ этой точки мы могли пригнѣти и другія красоты, и другія чудеса, которыхъ не было видно изъ глубины перспективы. Въ центрѣ городка находится бульваръ изъ акацій и тюльпановыхъ деревьевъ, а въ концѣ бульвара красуется церковь, заключая его какъ-бы готическимъ медліономъ. Вопреки законамъ перспективы, которая умножаетъ благородство предметовъ по мѣрѣ удаленія ихъ отъ глаза, японскіе дома, шидѣйскія избы, фарфоровые чертоги, обрисованные пирамидальными зигзагами, вблизи не потеряли нисколько своего чародѣйства. Существенность, если это была существенность, не пропала свидѣнія. Напротивъ, тысяча новыхъ чудесъ, выкраденныхъ изъ мнѳологіи Поднебесной Имперіи, навели на насъ обаяніе. Мы погружались въ пучину этого сна, изъ которой являлись намъ мосты изъ черепахи, съ перилами изъ янтарию, каскады, падающіе въ порфировыя чаши, миртовые лабиринты, свернутые вокругъ спица, вышитыя клѣточкой, гдѣ, въ каждой дырочкѣ, рѣла рѣдкая птица, съ чорнымъ носикомъ, съ пурпуровымъ зобомъ, съ золотымъ хохломъ.

Скажите сами, какъ не захотѣтъ придвинуться поближе къ этой елисейской обители, спокойной какъ ночь и забавной какъ парадоксъ! Но какъ попасть туда? Ни какаго входу; кругомъ рѣшотка и ея препоны. Въ надеждѣ, что гдѣ-нибудь есть проломъ, разрывъ, мы пошли вдоль ея, удаляясь отъ озера. Предположеніе наше оправдалось. Мы достигли наконецъ воротъ, правда запертыхъ, но съ бархатнымъ спуркомъ сбоку. Я позвонилъ. Явился человѣкъ.

— Ну, вотъ человѣкъ! вскричалъ Безід.

Сторожъ или швейцаръ, право не знаю какъ назвать его, если вспомню о костюмѣ, вышелъ тихо изъ бамбуковой лакированной бесѣдки и медленно приблизился къ намъ: на немъ былъ кафтанъ гранатоваго бархату, слишкомъ богатаго для человѣка въ такой должности; туфли тоже бархатныя, по другаго отливу, а перчатки свѣтло фіолетовыя; изъ-подъ жилета, на рубашкѣ, сіяла вся роскошь голландскаго полотна; и эти барскія части наряду казались совсемъ новыми, вчера только купленными; ни вытертой пестельки, ни складочки, ни изъяву.

— Чтѣ вамъ угодно?

— Посмотрѣть Брукъ.

— Да кто вы?

— Я баронъ такой-то.... а это мой слуга.

— Слугъ не пускають въ Брукъ.

— Какъ! а если я останусь здѣсь на нѣсколько дней?

— Никому нельзя оставаться въ Брукъ на нѣсколько дней.

— Отчего?

— Оттого что здѣсь пѣтъ гостиницы; а въ домѣ не принимаютъ.

— Ну, нечего дѣлать, бѣдный мой Безіе, оставайся у воротъ рая!

— Вопросы пивовара и катерщика теперь не удивительны. Но какъ на васъ смотрять этотъ сторожъ! Зачѣмъ онъ васъ разсматриваетъ?

— Ваше платье....

— Ну, что жъ? черное, сказалъ я сторожу, котораго почти дерзкія наблюденія озадачивали Безіе и кипятили въ немъ злую кровь провансальскую.

— Вашъ галстухъ?...

— Ну, что жъ, бѣлый.

— Почти бѣлый, продолжалъ сторожъ. А вашъ жилетъ?

— Зеленый шелковый.

— Немножко поношенный. Ваши сапоги?

— Лакированные! видите, что лакированные. Я не ношу другихъ.

— Оботрите ихъ платкомъ.

— На силу-то!...

— Извольте обтереть, а то вы не войдете въ Брукъ.

— Не войду!

— Нѣтъ, если ваши сапоги не будутъ почище.

— Меня не пустять!..

— Не вамъ первому откажутъ, по поводу какой-нибудь несправности въ одеждѣ. По этой причинѣ было отказано многимъ путешественникамъ, по-важнѣ васъ; даже самъ Наполеонъ не могъ попасть сюда иначе какъ надѣвъ туфли на свои побѣдоносные сапоги.

Я замолчалъ. Когда уже Наполеонъ согласился надѣть туфли, съ моей стороны было бы дерзко отказаться обчистить лакированные сапоги. Я покорился.

— Если вы согласны, вотъ вамъ платокъ, сказалъ сторожъ, подавая мнѣ кусокъ чрезвычайно тонкаго батисту. — И такой платокъ подаетъ садовый сторожъ!

— Безіе, подожди меня. Я иду за вами, сказалъ я сторожу.

— Послушайте меня, сударь; не пускайтесь вы туда. Тутъ должна быть какая-нибудь преопасная штука. Съ вами случится несчастіе; а васъ не увижу больше. Мы въ землѣ колдуновъ; воротимся въ Амстердамъ.

Разумѣется, что опасенія и прозбы Безіе не могли остановить меня. Я далъ ему двѣ отличныя сигары и пошелъ за сторожемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы вышли на шоссе, не изъ бѣлаго камня насыпанное, съ мелкимъ пескомъ, и приглаженное валкомъ, но складенное изъ разноцвѣтныхъ кирпичей, совершенно гладкихъ, чистыхъ, блестящихъ и выложенныхъ какъ дворцовый паркетъ. Говорятъ, что ни лошади ни ослы не пользуются преимуществомъ грязнить эту богдоханскую мостовую, которую постоянно содержатъ въ величайшей опрятности. Если случайно упадетъ перышко, листокъ тополя, клочекъ шелку изъ шубки ангорскаго кота, сейчасъ смотрители за общественной опрятностью убираютъ эти ужасы, и зеркало опять блеститъ по-прежнему.

— Но кто же живетъ въ Брукъ? спросилъ я проводника. Я еще не видалъ ни одного человѣческаго лица. Чтò тутъ витають ангелы или демоны?

— Милліонщики, отвѣчалъ онъ.

— Какъ вы сказали?

— Милліонщики.

— Милліонщики?

— Да; чтобы поселиться въ Брукъ надо владѣть милліонами. Здѣсь у самаго бѣднаго жителя не менѣе двухъ милліоновъ гудденовъ. Такъ вы никогда не бывали въ Брукъ?

— Никогда.

— И вы здѣсь никого не знаете?

— Никого.

— Ну, такъ совѣтую вамъ не идти дальше, потому что васъ нигдѣ не примутъ; вамъ придется уѣхать не выдавши внутреннихъ домовъ.

— Миѣ бы надо было взять рекомендательныя письма?

— О! рекомендательныя письма здѣсь ни къ чему не служатъ. Хоть бы вы привезли ихъ отъ Великаго Монгола и отъ Великаго Ламы, ни одна бы дверь не растворилась. Канингъ уѣхалъ изъ Брука не проникнувъ ни въ одинъ покон.

— Стало быть у Канинга не было здѣсь друзей или было слишкомъ много враговъ?... Право самъ не знаю, что о | г | говорю; у меня умъ изъ головы вонъ отъ этого страннаго захо-

лустья. Чѣмъ же надо быть, чтобы получить приютъ въ страшныя жилища Брука?

— Они ни сколько не страшны, напротивъ они кротки какъ устрицы, которыхъ глотаютъ сотнями. Но какъ они составили себѣ состояніе торговлей, банкирствомъ, вексельнымъ учтомъ, то и непонимаютъ ничего кромѣ денегъ, милліоновъ, талеровъ, гульденовъ; не любятъ, кромѣ себѣ подобныхъ банкировъ, и то богатыхъ, чрезвычайно, безмѣрно.

— Стало-быть я здѣсь у себя дома.

— Какъ это?

— Я довольно богатъ, три милліона дохода.

— Такъ зачѣмъ же вы мнѣ тотчасъ не сказали? Но банкиръ ли вы?

— Сынъ, внукъ, племянникъ банкира.

Проводникъ мой пришелъ въ восторгъ. Отнынѣ я не былъ чужой для этой деревни, не былъ болѣе паріей для этой Азіи.

— Я племянникъ извѣстнаго банкира Коута, тестя сэръ-Френсиса Бордета, прибавилъ я, чтобы придать болѣе вѣсу моему объявленію.

— Вы!...

— Да! я его племянникъ.

— Но вѣдь и я также банкиръ, сказалъ мнѣ проводникъ.

Я подумалъ-было, что онъ тоже объявитъ себя племянникомъ Коута, и испугался, солгавъ такъ смѣло.

— А! вы банкиръ?

— Да, я банкиръ, но несостоятельный; мои товарищи оказали мнѣ уваженіе, позволивъ жить здѣсь; посудите сами: у меня только двѣсти пятьдесятъ тысячъ гульденовъ доходу!

— Это дѣлаетъ честь жителямъ.

— Я принялъ должность садоваго сторожа. Вотъ здѣсь, въ этомъ домѣ,—мы были тогда въ главной улицѣ,—живетъ человекъ, у котораго осемьдесятъ милліоновъ нажитыхъ на пердѣ и на черепаховой кости. Онъ воротился изъ Явы пять лѣтъ тому съ большой печонкой; она его и докончитъ. Впрочемъ людямъ не здоровится въ Брукѣ, хотя воздухъ чистъ; до глубокой старости никто не доживаетъ. Здѣсь нѣтъ довольно развлеченій, довольно удовольствій.

— Понимаю: значитъ, экономничаютъ.

— Но какъ вы имѣете право представиться пашимъ брукскимъ господамъ, то мы можемъ идти далѣе, пока вамъ не заблагоразсудится сказать, кому я долженъ объ васъ доложить.

— Представьте меня тамъ, гдѣ по вашему мнѣнію меня лучше пріймутъ и гдѣ я увижу самые любопытные обычаи и утвари.

— Обычаи вездѣ одинаковы. Тишина, снокойствіе, безмолвіе, молитва утромъ, сеты вечеромъ.

— Какъ сеты?

— Въ Брукѣ всё считаютъ, госнода, слуги, дѣти; холодно разбирая средства, которыми обогатились или могутъ обогатиться.

— А музыка?

— Нѣтъ музыки.

— Танцы?

— Здѣсь никогда не танцуютъ.

— Но общество?

— Жители никогда не выдаются между собою. Смѣю даже сказать, что и не очень любятъ другъ друга.

— Ну, что же они любятъ?

— То, что должно любить: деньги, цвѣты, ангорскихъ кошекъ, птицъ.

— Въ самомъ дѣлѣ въ каждомъ окнѣ за рѣшоткой изъ-за позолоченныхъ палочекъ я примѣтилъ ангорскаго кота, бѣлаго, сѣраго или чернаго, но такъ же скучнаго какъ, вѣроятно, самъ хозяинъ.

Эти коты были жирны какъ бараны; настоящіе коты миллионщики; всё съ большой печонкой; всё задумчивы: размышляли, казалось о послѣднемъ курсѣ государственныхъ облигацій. Я доложилъ имъ о вожделѣнномъ здравіи бароновъ Ротшильдовъ и пошелъ далѣе.

Черезъ полчаса прогулки я могъ дать себѣ отчетъ въ архитектурномъ складѣ Брука. Каждый домъ огороженъ желѣзными перилами съ позолотой, параллельно съ улицей, а промежутокъ между перилами и домомъ — мозанка изъ камней чудно подобранныхъ. Лава, зеленый базальтъ, розовый гранитъ, пестрый мраморъ представляютъ, въ замысловатомъ составѣ, солнца, звѣзды, цвѣты, арабески. Горе тому, кто осмѣлится плюнуть на эти прелести. Такая дерзость впрочемъ безпримѣрна. Когда вы устали ходить по этой пышной мостовой, вы можете отдохнуть на скамейкахъ палсаandroваго дерева художественной отдѣлки.

— Жители выходятъ ли сюда подышать чистымъ воздухомъ?

— Рѣдко. Утромъ, тѣ, которые жили на Борнео, курятъ здѣсь трубки и пьютъ чай.

— Курятъ, и никогда не плюютъ?

— У нихъ съ собой «лигранныя плевалницы съ розовымъ пескомъ. Замѣтите, сказалъ мнѣ проводникъ, остановясь у дверей одного дому, что большая часть здѣшнихъ жителей пересели сюда образъ жизни, обычаи и привычки голландскихъ колоній въ Индѣйскомъ Морѣ. Брукъ просто авайскій кварталъ.

— За исключеніемъ невольниковъ?

— У нихъ есть и индѣйскіе невольники для приготовленія чаю и рису съ пигментомъ. Однако пора войти. Подождите здѣсь, я доложу о племянникѣ Коута.

Покажѣтъ проводникъ мой стряпаль мое представленіе, я уловилъ еще одну особенность. Черепицы блестятъ какъ зеркала; въ верхнихъ оконныхъ рамахъ и въ окнахъ надъ дверями стекла расписаны масляными красками какъ въ бельгійскихъ соборахъ.

Люди, которые живутъ въ такихъ игрушечныхъ чертогахъ, не могутъ, разумѣется, терпѣть другихъ жильцовъ подъ своей кровлей. Каждый живетъ одинъ; въ одной оправѣ одинъ брилльянтъ. У каждаго дому двое воротъ; одни великолѣпныя: эти всегда заперты; другія маленькія, для входу, потому что надо же входить, даже и оригиналамъ. Большимъ воротамъ—три торжественныя назначенія: ихъ отворяютъ въ день крестинъ, брака и похоронъ. Эти два символическіе входа встрѣчаются впрочемъ по всей Голландіи. Мнѣ нравится этотъ обычай. Человѣку нужно что-нибудь напоминающее о важности и печальности главныхъ обстоятельствъ жизни. Правда что Голландцы уже и безъ того черезчуръ важны!

Повидимому пріемъ мой представлялъ нѣкоторыя затрудненія, потому что мой путеводитель долго не являлся. Я и не жалѣлъ о замедленіи. Каждую минуту я открывалъ новую нечаянность; прелестнѣйшая изъ всѣхъ была нижеслѣдующая. Всѣ нижнія окна отворились вдругъ, и я могъ примѣтить тогда, за глубокой кисейной драпировкой, молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, возведенныхъ въ безсмертіе кистью Рубенса, розовыхъ, бѣлыхъ, спокойныхъ созданийъ, за работой или за рисованьемъ. Птички порхали надъ головами; богатые попуган издавали по-временамъ дикіе крики; заколдованный принцъ могъ бы выбрать себѣ супругу, поэтъ музу, живописецъ модель, изъ этихъ волшебницъ по красотѣ и, особенно, по богатству. Въ Брукъ дѣйствительно можно найти тѣхъ золотоносныхъ невѣстъ, о которыхъ идетъ дѣло въ романахъ и комическихъ операхъ. Но онѣ, дочери, внучки, правнучки банкировъ, выходятъ только за банкировъ. Уже три или четыре

сталѣтія онѣ берутъ себя супруговъ по этой методѣ. Умноженія гнѣчаются со сложеніями.

Наконецъ проводникъ пришелъ сказать мнѣ, что племянника знаменитаго мистера Коута благоволятъ просить пожаловать.

Меня приняли, но прежде попросили надѣть туфли изъ бѣлаго тончайшаго кашмиру. Я покорился обычаю, и меня ввели въ гостиную, гдѣ уже ожидалъ хозяинъ дому. Казалось, передо мной сидѣть великій ханъ Золотой Орды. На халатѣ, въ который была завернута его особа азіятской дородности, по сѣрой шелковой матеріи, ползали золотые драконы и еще какія то чудовища, извергавшія пламя поздрямн. Прекрасные бѣлые волосы выбивались изъ подъ четырехъ-угольнаго колпака, походившаго на ярусъ китайской нагоды. Я бы подробнѣе разсмотрѣлъ хана, если бы все мое вниманіе не обратилось на мебель и украшеніе гостиной. Блескъ, богатство, чистота превосходили все, что воображеніе можетъ выдумать или представить себѣ. Это уже слишкомъ хорошо для человѣка. Его чувства не созданы для такихъ утонченностей.

Такія преувеличенія съ одной стороны касаются утомленія, съ другой уже смѣшнаго. Точно, не смѣшно ли надѣвать на лапы собакъ и кошекъ родъ перчатокъ, изъ опасенія, чтобы они не осквернили мху ковровъ или алмазной воды чернаго дерева?

А какія картины историческія! какіе пейзажи! Тениѣ, Вуверманъ, Гоббемъ, Бергемъ работали для этихъ хижинъ, и со дня выходу изъ мастерской произведенія ихъ не снимались со стѣны: неподвижность сдѣлала ихъ еще прекраснѣе и почтеннѣе.

— Хотите взглянуть на цвѣты? сказалъ хозяинъ.

— Я только-что хотѣлъ просить васъ объ этомъ.

— Пойдемте же въ садъ.

Только ступилъ я въ этотъ садъ, и опять вналъ въ сновидѣніе, обившее меня при первомъ видѣ Брука и его китайщины.

Всѣ деревья, отъ корня до самой высокой вѣтки, были позолочены; листья получали эффектъ невыразимый отъ сосѣдства съ золотомъ. Мнѣ не понравилось обыкновеніе одѣвать деревья по-камергерски, но я пришелъ сюда не затѣмъ чтобы сочинять теоріи вкуса; размышленія прійдутъ своимъ чередомъ. Къ счастью, цвѣты не были позолочены и показались мнѣ прерѣдкими, хотя и не могу вамъ сказать какъ ихъ зовутъ. Я не знаю ни по-китайски, ни по-татарски, ни теленгъ, ни пакри, ни фалу, ни другихъ такихъ языковъ. Довольно вамъ знать, что нѣкоторыя цвѣточки стояли по десяти тысячъ. Надо вамъ доложить

еще объ одномъ обстоятельстве, поразившемъ меня при входѣ въ садъ, въ сравненіи съ которымъ сады Тасса, — какуютные огороды. Мнѣ показалось, будто садъ странно населенъ. Впечатлѣніе мое не было ложно. Садъ былъ исполненъ львовъ, тигровъ, пантеръ, носороговъ, но изъ дерева или изъ глины, и расписанныхъ такими цвѣтами, какіе этимъ животнымъ не даются на землѣ. Пантера была цвѣту сѣвернаго сивія, тигръ — лазуревый со звѣздами на спинѣ, левъ зеленый съ отливомъ. Я примѣтилъ коралловую лису, и мельницу съ крышей изъ огромной губки. Не безумны ли эти люди? нѣтъ, они только слишкомъ богаты.

Сказать ли вамъ, что хозяинъ, казался, ужасно скучалъ посреди своей разорительной китайщины. Болѣзнь его заразила и меня; мнѣ хотѣлось хоть нѣсколько шуму; безмолвіе распростертое надъ этимъ жилищемъ наводило на меня тоску.

Мы перешли въ молочную. Рога и копыты коровъ были позолочены, а хвостъ привязанъ къ потолку розовой лентой. Счастливыя коровы!

Я не передаю вамъ подробнаго разговору съ хозяиномъ, потому что онъ не много разговаривалъ. Онъ зналъ, что я богатъ, этого было довольно; не о чемъ больше и говорить.

— Сколько жителей въ Брукъ? спросилъ я.

— Пять сотъ.

— Около ста семействъ?

— Да, и всё богачи.

— А счастливы ли?

— Гизъ! гизъ!

— Понимаю, у васъ тоже есть свое горе.

— Вотъ знаете ли: буду счастливъ, совершенно счастливъ, когда получу изъ Суматры цвѣтокъ, который жду уже четырнадцать лѣтъ.

— Какой цвѣтокъ?

— Крубуль.

— Что это Крубуль.

— Розанъ фунтовъ въ девять округности, въ чашечку входитъ три ведра пива, а вѣсомъ цвѣтокъ фунтовъ въ двадцать...

— Роза въ полъ-нуда! А запахъ-то въ соразмѣрности съ величиной?

— Листья имѣютъ вкусъ говядины; запахъ же цвѣтка такъ похожъ на ароматъ мертвечины, что мухи даются въ обманъ и складываютъ туда свои яйца.

— Какъ!...

Я остановился въ уваженіи къ хозяину.

— Прощайте, благодарю за благосклонный пріемъ.

Хозяинъ не отвѣчалъ, мечталъ о Крубулѣ.

Такъ вотъ въ чемъ заключается счастье этого человѣка, который спитъ на сорока или пятидесяти милліонахъ въ надеждѣ послѣ четырнадцатилѣтняго ожиданія имѣть вонючую розу въ колуذا вѣсомъ!

Я побѣжалъ опростею туда, гдѣ оставилъ Безіе, который чрезвычайно мнѣ обрадовался.

— Ну что жъ, сударь!

— Сегодня мнѣ на ужинъ селедку, кусокъ сыру и вина на колгану шѣлю.

— Но...

— Пожалуйста безъ но; я чуть было не пошелъ въ милліонщики. Можно быть счастливымъ безъ этого!

званный китайскій обѣдъ. *Разсказъ путешественника.* «Мистеръ Дентъ, англійскій агентъ въ Кантонѣ, вѣжливо постарался, чтобы и меня пригласили на большой обѣдъ, который членъ великобританской факторіи давалъ богатъ Санъ-ква, членъ Китайской Компаніи (по-китайски: хань) для торговли съ Западомъ (по-китайски: съ западными людьми). Я тоже получилъ отъ хозяина пригласительный билетъ, футовъ десять длиною, на красной бумагѣ, писанный какими-то каракульками, которыя мнѣ послѣ перевелъ. Въ шесть часовъ мы отправились къ Санъ-ква, который принялъ насъ чрезвычайно радушно. Санъ-ква человѣкъ видный и съ благородными пріемами. Къ-несчастью, онъ ни слова не знаетъ по-англійски. До обѣда оставалось съ полчаса. Я сталъ разсматривать расположеніе и убранство комнатъ. Длинный, вытянутой баллонъ (*веренда*) давалъ видъ на рѣку, возвышавшійся надъ безчисленнымъ множествомъ лачужекъ, построенныхъ на обширныхъ насыпяхъ среди воды, два раза въ день омываемыхъ приливомъ. Въ нихъ живетъ самый бѣдный народъ. Печальная ихъ наружность рѣзко отдѣляется отъ веселаго виду рѣки, по которой во всѣмъ направленіи скользятъ лодки и янки. Изъ лодокъ раздавались шумныя восклицанія, которыми Китайцы всегда прощаются съ послѣдними лучами заходящаго солнца. Къ-несчастью, сосѣдство факторій немножко измѣнило китайскую эніономию комнатъ. Кабинетъ былъ убранъ почти по-европейски; на столѣ стояли часы, на этажеркахъ лежа-

ли книги; можно было подумать, что находишься въ кабинетъ нашего дѣльца. Другія комнаты были интереснѣе: въ столовой, высокой и просторной, потолокъ увѣшанъ разноцвѣтными бумажными фонарями, прелестнаго эффекта; большіе буфеты, стулья, драгоцѣнныя вазы, модели китайскихъ кораблей, и двѣ или три софы дополнили меблировку.

Эта зала отдѣлялась отъ другой комнаты перегородкой изъ очень тонкой матеріи съ разноцвѣтнымъ узоромъ; прозрачность этой матеріи заставила меня сначала принять ее за рядъ длинныхъ стеколъ, покрывающихъ картины; только дотронувшись пальцемъ, я открылъ свою ошибку. Въ этой комнатѣ находились также диваны, стѣнные часы, столы мраморные и другіе, обложенные бронзовыми досками, съ рѣзбой, драгоцѣнной по древности; но всего болѣе привлекъ мое вниманіе чудесный арувишскій органъ: карнизы его были увѣнчаны сквозной рѣзбой изъ дерева, отлично тонкой, съ страшнымъ иногда рисункомъ.

На концѣ балкона находилась статуя бога торговли, а по сторонамъ ея — гравюра, представляющая Наполеона на Симплонѣ и портретъ герцога Рейхштатскаго. Китайская географическая карта особенно поразила меня. Она показывала, какое понятіе Китайцы имѣютъ объ иностранныхъ земляхъ: карта имѣла около двадцати квадратныхъ футовъ поверхности; изъ нихъ Китай занималъ по крайней мѣрѣ девятнадцать. Желтая Рѣка шириною въ ладонь; далѣе знаменитая Стѣна съ зубчатыми башнями и безчисленными воротами; потомъ въ уголку Россія, которой едва ли бы составилъ крошечный островъ на Желтой Рѣкѣ; Англія величиною съ орѣхъ; Франція и Голландія какъ зернышки, а нѣсколько черныхъ, разбросанныхъ точекъ, изображали остальные страны свѣта. Просто, было обидно! Я еще былъ занятъ картою, когда пришла сказать, что кушанье подано. Общество увеличилось четырьмя богатыми навнинскими купцами, важными и серьезными, какъ мусульманы; всѣхъ гостей было осымнадцать. Накрыто было три стола, каждый для шести особъ. Въ Китаѣ никогда болѣе шести человекъ не садятся за одинъ столъ. Красное сукно, богато вышитое, служило скатертью; стулья были обиты тою же самою матеріей. Столы составляли треугольникъ и были расположены такимъ образомъ, что слуги могли свободно проходить между ними. Мы помѣстились по двое, у трехъ сторонъ cadaго изъ столовъ, оставляя пустою противоположную сторону.

Меня посадили между Самъ-ква и толстымъ навнинскимъ купцомъ, котораго звали, кажется, Ку-вюнь. Описать китайскій

обѣдъ почти такъ же трудно, какъ и съѣсть его. Деять просилъ какъ милости, чтобы обѣдъ былъ изготовленъ совершенно по-китайски, безъ всякой примѣси европейскаго, и добрый хозяишь въ точности сдержалъ слово. Я попробую, однако, описать нѣсколько кушаньевъ. Прежде всего надо сказать, что обѣдъ состоялъ по-крайней-мѣрѣ изъ пятидесяти блюдъ. Приборъ составлял: крошечная серебрянная тарелочка, такая же чашечка вмѣсто стакана, двѣ палочки изъ слоновой кости, и родъ круглой ложки изъ очень толстаго фарфору. Этими-то орудіями надо было намъ сдѣлать нападеніе на самый страшный обѣдъ, какой мнѣ случалось видѣть. Намъ подали сначала родъ супу изъ ласточкиныхъ гнѣздъ. Вы конечно слышали о ласточкиныхъ гнѣздахъ, но вѣрно никогда ихъ не кушали. Мнѣ это блюдо было уже знакомо. Въ Маниллѣ я нѣсколько разъ отвѣдывалъ его изъ любопытства, но тогда я ѣлъ ложкой. Теперь же надо было употребить въ дѣло палочки: толстой ложкой невозможно было захватить этой густой жидкости, походившей вкусомъ и видомъ на вермишели. Я взглянулъ на Китайцевъ: они опустошали свои тарелки съ удивительной быстротою, между тѣмъ какъ у насъ палочки съ трудомъ удерживались въ пальцахъ. Обѣ палочки надо держать въ правой рукѣ: одну между мизинцемъ и указательнымъ пальцемъ, другую между большимъ и четвертымъ, въ видѣ треугольника, котораго конецъ открывается и захватываетъ пищу. Важныя лица Китайцевъ разглядились, когда они примѣтили, какъ бесполезно усиливались мы подражать имъ, и мнѣ уже показалось было, что басня о «Лисицѣ и анетѣ» осуществится съ нами. Наши друзья однако дали намъ нѣсколько уроковъ, такъ что мы наконецъ выучились порядочно работать. Мои успѣхи были даже такъ быстры, что послѣ часоваго упражненія, я могъ захватывать палочками самыя крошечныя зернышки рису.

Всѣ нашли, что ласточкиныя гнѣзда превосходны; это блюдо очень славится въ Китаѣ, и намъ его подавали пять или шесть разъ въ надлежащихъ промежуткахъ и въ различныхъ видахъ. Голубиные яйца, сваренныя цѣлкомъ въ соку ягнатины, послѣдовали за гнѣздами, и каждый изъ гостей объявилъ, что онъ ничего лучшаго не ѣдалъ. Потомъ явились котлеты изъ собачьяго мяса; но хотя у Китайцевъ считается неучтивостью отказываться отъ предлагаемыхъ кушаньевъ и у нихъ лучше подвергнуться дурному пищеваренію, чѣмъ рѣшиться на отказъ; я однако не могъ себя принудить дотронуться до мяса этого животнаго. Намъ

подали потомъ перья акулы, которыхъ вкусъ очень походить на вкусъ раковъ. Ловля акулъ происходитъ вокругъ маленькихъ, пустынныхъ островковъ, гдѣ бѣдные китайскіе рыбаки подвергаются, въ продолженіи трехъ четвертей года, ужаснымъ лишениямъ. для того, чтобы доставить это лакомство своимъ богатымъ соотечественникамъ. Послѣ акуловыхъ крыльевъ принесли *голотури*, морскихъ червей, сваренныхъ цѣликомъ, для того, чтобы не испортить ихъ наружности. На этотъ разъ опять отвращеніе взяло верхъ; мнѣ такъ было противно смотрѣть на этихъ толстыхъ, длинныхъ, черныхъ глистовъ, которые какъ будто оборонялись и сжимали свои колечки, вооруженныя острыми рожами, что пока мои сосѣди, вѣжно захватывая ихъ концами палочекъ, глотали какъ удавы, я закрылъ своего червяка ложкой, чтобы только не имѣть его передъ глазами. Что еще сказать вамъ? подавали множество вещей, которыхъ я не могу ни запомнить названій. ни понять составу; оленьи жиры, рыбыи глаза, овощи, мяса различнаго роду, и все это до такой степени измѣненное, что, бьюсь объ закладъ, вы бы никакъ ничего не отгадали. Въ моемъ желудкѣ скоро начался такой страшный хаосъ, что приемы горячаго китайскаго вина (*самъ-шу*), которымъ подчивали меня безпрестанно, едва могли меня успокоить.

За обѣдомъ я не довольствовался одной ѣдою, хотя это была уже довольно трудная обязанность, но еще старался всѣми силами поддерживать разговоръ съ моимъ сосѣдомъ, Ку-ньюномъ. Его веселость, сначала немного степенная, становилась все живѣе и живѣе. Ку-ньюнь отлично обезопасилъ себя отъ холоду: славный ватошный халатъ изъ голубой шелковой матеріи, длинные, черные атласные сапоги, великолѣпная шуба, и Богъ знаетъ еще сколько превосходныхъ предохранительныхъ мѣръ, придавали его особѣ самый отраднѣйшій видъ. Ему было такъ хорошо, между тѣмъ какъ я, въ своемъ тоненькомъ, облизаномъ черномъ фракѣ, дрожалъ отъ холоду. Термометръ показывалъ шесть градусовъ; конечно, это не большая стужа, но чтобы оледенить мою кровь, привыкшую къ жару манильскаго климата, этого уже было довольно. Каминны не извѣстны Китайцамъ. Только нѣсколько лѣтъ тому, какъ иностранцы ввели ихъ въ факторіи. Въ залѣ зажгли жаровню; но скоро дымъ сталъ еще несноснѣе холоду, и мы принуждены были велѣть затушить ее. Мало-по-малу самъ-шу произвелъ свое дѣйствіе надъ Ку-ньюномъ: онъ сбросилъ свою шубу, которую я тотчасъ поспѣшилъ падѣть. Это возбудило неистощимый смѣхъ между Китайцами. Ку-ньюнь докончилъ костюмъ мой,

надѣвъ мнѣ на голову свой колпакъ, замѣнивъ его моею шляпой. Его дородная, добродушная рожа чрезвычайно насъ смѣшила. Мы не остановились на развѣивъ одеждъ: Ку-ньюму вздумалось непремѣнно помѣняться со мною именами, и до конца обѣда онъ отъчалъ только, когда его называли моимъ именемъ.

Между тѣмъ мы наѣлись досыта болѣе изъ любопытства, нежели по аппетиту и принялись убѣждать Самъ-ква велѣть принести ризъ, служащій прощальнымъ блюдомъ китайскаго обѣда. Мы воткнули въ петлицы цвѣты, которыми былъ украшенъ столъ, и перешли на балконъ. Тамъ ожидалъ насъ десертъ, составленный изъ всѣхъ пирожныхъ, извѣстныхъ въ Китаѣ; испанскіе, португальскіе и бордосскіе вина замѣнили самъ шу; задымившись сигары и веселость Китайцевъ такъ заразила насъ, что мы отъ всего сердца приняли въ ней участіе; англійскія и французскія пѣсни безпрерывно смѣнялись одна другую продолженіемъ трехъ или четырехъ часовъ, и не знаю право, кто въ этомъ чудномъ концертѣ болѣе прожужжалъ уши своему сосѣду. Я замѣтилъ, что наши Китайцы не имѣли привычки къ европейскимъ винамъ; изъ угожденія, они выпили по нѣскольку стакановъ, но съ такимъ видомъ, какъ будто бы въ нихъ былъ ядъ. Скоро наше вино произвело надъ ними самое чудное дѣйствіе. Былъ почти часъ по полуночи, когда мы разстались, конечно, очень утомившись нашимъ вечернимъ пиршествомъ, но въ восхищеніи отъ хозяина и его друзей, угощавшихъ насъ такъ радушно и съ такимъ благороднымъ тономъ, даже тогда, когда самъ-шу и хересь вывели наружу всю подноготную характеровъ.»

НАПОЛЕОНЪ — ДРАМАТИЧЕСКІЙ КРИТИКЪ НА ОСТРОВѢ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ. Знаменитый завоеватель, несмотря на свой всеобъемлющій гений, былъ довольно сомнительнымъ судьей по дѣламъ издѣліяго и искусства. Напыщенность Давида и Тальмы восхищала его до крайности. Оссианъ былъ для него образцомъ поэзии. Керубини по его мнѣнію не понималъ музыки. Между-тѣмъ Наполеонъ не былъ чуждъ поэтическаго чувства, обожалъ театръ, и на островѣ Святой-Елены, гдѣ всѣ роды воспоминаній ожили въ памяти великаго изгнанника, воспоминанія о театрѣ были не изъ послѣднихъ. Бесѣды его объ этомъ предметѣ, въ Лонгвудѣ, были очень оригинальны. Подробности, которыя онъ рассказывалъ о Тальмѣ, особенно заслуживаютъ любопытства. Какъ у Наполеона имѣлась своя теорія драматическаго искусства, то раз-

оужденія эти составляли въ цѣломъ довольно интересный курсъ литературы.

У Тальмы, говорилъ онъ, было все что нужно для великаго антера: лицо, голосъ, умъ, чувство. Онъ произвелъ совершенный переворотъ на французской сценѣ: посредствомъ изученія онъ безъ труда преодолѣлъ препятствія, которыми обыкновенно старый навыкъ останавливаетъ нововводителей. Будучи ниже Лекена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, Тальма превосходилъ его физическими преимуществами и мелочнымъ стараніемъ изслѣдовать роль свою во всѣхъ ея видахъ. Однако, я далъ этому великому актеру два урока.... хотъ самъ, повѣрите мнѣ, не бралъ у него уроковъ, даромъ что многіе утверждали это. Тальма умѣлъ воспользоваться, потому что, какъ всѣ великіе художники, онъ не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы достигнуть совершенства. Мои замѣчанія ему — касались двухъ ролей, которыя онъ особенно любилъ: Нерона въ «Британникъ» и Магомета въ трагедіи Волтера. Въ прекрасной сценѣ Магомета съ Омаромъ, въ третьемъ актѣ, Тальма, слѣдуя Лекеновымъ преданіямъ, говорилъ вдохновеннымъ тономъ, и казался убѣжденнымъ въ справедливости своихъ словъ: — Развѣ вы не чувствуете, сказалъ я Тальмѣ, что Магометъ не вѣритъ ничему изъ всѣхъ этихъ изувѣрствъ и политическихъ вздоровъ, которые онъ вретъ высокими слогами своему намѣстнику и преемнику. Перемѣните положеніе тѣла въ этомъ пассажѣ, пусть въ выраженіи вашего лица будетъ меньше убѣжденія, и вся сцена улучшится; вы представите истину.

Тальма понялъ справедливость моего замѣчанія, продолжалъ Наполеонъ, и игралъ по этимъ указаніямъ. Торжество его было полное, и онъ благодарилъ меня въ пылкихъ выраженіяхъ.... Я былъ тогда генераломъ по арміи. — Трагедія «Британникъ» дѣло другое, рѣчь шла просто о знаменитомъ выходѣ Нерона. Тальма входилъ какъ Лекенъ, впереди всѣхъ, размѣренными шагами какъ бонъ, сопровождаемый преторами, центуріонами, придворными; оттого появленіе главнаго лица, потопленное сволочью фигурантовъ, не производило никакого эффекта. Однажды — въ то время я былъ консуломъ, какъ теперь номію — Тальма пріѣхалъ ко мнѣ въ Севъ-Клу; онъ играла «Нерона» наканунѣ, и Жозефина первая жена моя была въ театрѣ. Мнѣ утромъ говорили объ успѣхѣ Тальмы въ этой трудной роли, и я сказалъ ему, что втеченіи его роли чего-то недоставало къ полнотѣ царскаго величія. Онъ спросилъ меня въ чемъ онъ погрѣшилъ; я не хотѣлъ тотчасъ сказать, а просилъ прійти на другой день въ Тюильри. Это было

запросишь, и онъ ждалъ съ многими другими въ галерѣ Джалы. По моему обыкновенію передъ выходомъ въ залу я велѣлъ раз-
тѣрнуть обѣ половинки двери. Всѣ офицеры моей свиты шли
впереди меня шаговъ на двадцать; и я одинъ скорыми шагами
слѣдовалъ за этой незолоченой шлейдой. Какъ я предполагалъ,
этотъ истинно царскій выходъ не ускользнулъ отъ вниманія
Тальмы; онъ воспользовался имъ, и черезъ нѣсколько дней, въ
представленіе *Британника*, онъ вышелъ точно такимъ образомъ,
и по огромному эффекту въ зрителяхъ онъ примѣтилъ, что очень
приблизился къ настоящему достоинству представляемаго лица.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, пріѣхавъ въ Сенъ Кла
съ поэтотъ Лемерсіе и мыслителемъ Кабанисомъ, Тальма ска-
залъ мнѣ: — Благодарю васъ, генералъ, за косвенный урокъ, ко-
торымъ вы меня удостоили. Публика, аплодируя мнѣ, не подозрѣ-
вала какому знаменитому учителю обязанъ я этими рукоплеска-
ніями. Позвольте же мнѣ раздѣлить ихъ съ вами, гражданинъ
первый консулъ. Драматическіе лавры могутъ достойно пере-
цѣтаться съ лаврами военными. Великій Сципіонъ помогалъ пи-
сать комедіи другу своему Теренцію, Сулла заботился о славѣ дру-
га своего Росція. Видите, генералъ, отъ Римской Республики до
Фридриха Великаго, который держалъ труппу французскихъ акте-
ровъ въ Потсдамѣ, герои всегда посвящали остатки свободного вре-
мени представителямъ Мельомены и Талив. Милостью этой наше
искусство можетъ похвастаться. Только въ представленіе *Брита-
ника* чувствовалъ я сколько симпатіи великаго человѣка заклю-
чаетъ въ себѣ пользы и величія.

Впрочемъ, прибавилъ Наполеонъ, Тальма былъ не глупъ
и преобрѣтѣннѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Онъ сдѣлалъ переворотъ въ
костюмѣ, — самое полезное и благоразумное, что только могъ
актеръ сдѣлать въ тѣ времена, когда Оросманъ являлся въ хала-
тѣ съ разводами, а Манлій въ напудренномъ трехъ-этажномъ па-
рикѣ. Тальма былъ, по этому, преобразователь и со всѣмъ тѣмъ
очень скромный человѣкъ — качество рѣдкое въ актеряхъ: они
обыкновенно надуты какъ павлины.

Когда я сказалъ ему, продолжалъ Наполеонъ, что онъ полу-
читъ Почтеннаго Легіона, если оставитъ сцену, онъ очень остро-
умно отвѣчалъ:

— Государь! отъ солдатъ ваше величество требуетъ против-
наго. Вы желаете, чтобы я бѣжалъ отъ знаменъ, подъ которыми
пріобрѣлъ нѣсколько славы, для того чтобы получить орденъ.
На мое горе, я, думаю, умру на театрѣ, какъ умеръ актеръ Ба-

ронъ. Это мое поле сраженія, и потому я никогда не буду жить чести пользоваться великолѣпной наградой, которую ваше величество благоволило обѣщать мнѣ. Но, государь, если вы наделите меня достойнымъ награды, этого для меня довольно.

«Эта небольшая рѣчь, высказанная Тальмой безъ напыщенности, понравилась мнѣ, прибавилъ Наполеонъ, и я чуть было не снялъ запрещенія; я только-что хотѣлъ сказать ему: — Ну, такъ и быть, возьмите ужъ орденъ!... Но мнѣ пришло въ голову, какіе неслѣпые толки возбудитъ эта награда, которая собственно слѣдовала ему по справедливости, и я удержался. Можетъ быть я былъ неправъ, потому что Тальма великій артистъ и нарушение орденскаго устава не могло послужить дурнымъ примѣромъ для будущаго.

«Актеры моей придворной труппы были все съ замѣчательнымъ дарованіемъ, продолжалъ Наполеонъ. Никогда во Французскомъ Театрѣ не соединилось столько различныхъ и совершенныхъ талантовъ: Флёрнъ былъ неподражаемъ въ характерныхъ комедіяхъ, никто лучше его не представлялся во французскомъ театрѣ, особенно хорошо игралъ онъ въ «Glorieux» въ «Monscade» въ «Jocent»; и всѣхъ маркизовъ большаго репертуара, какъ будто онъ цѣлый вѣкъ жилъ между версальскими придворными. Здѣсь я долженъ сказать мимоходомъ, что только Молиеръ и Флёрнъ понимали мнѣ возстановить титулъ маркиза въ моемъ новомъ дворянствѣ; Молиеръ такъ осмѣялъ этихъ франтовъ; Флёрнъ такъ забавно ихъ представлялъ! Мишло былъ удивительно натураленъ въ роляхъ крестьянъ. Мишло, оба Баттиста, Девинни въ второстепенныхъ комическихъ роляхъ; Тенаръ, Дюгазовъ, Кортинья были чрезвычайно тонки и остроумны въ роляхъ слугъ. Актрисы все были красавицы и отличны по наружнымъ прелестямъ и по талантамъ совершенно необыкновеннымъ. Имена дѣвицъ Дюшеноа въ трагедіи и Марсъ въ комедіи будутъ знамениты до скончанія французской сцены, и потому у моего театра были свои герои и свои дни побѣдные.

«Я доставлялъ всемъ случай сіять полнымъ блескомъ, продолжалъ Наполеонъ, любившій распространяться о артистическихъ подробностяхъ своего царствованія. Я призвалъ ихъ въ Эрфуртъ, въ 1807 году, и въ Дрезденъ въ 1812 году, чтобы давать представленія моимъ вѣнчѣннымъ гостямъ. Вы будете играть, сказалъ я Тальмѣ, передъ публикой состоящей изъ царей, и я не обмануль его. При этихъ представленіяхъ присутствовало много князей; а въ 1807 году шесть королей и два императора. Мои

актеры отличились на славу; Тальма немножко смутился при видѣ такого величественнаго собранія, но превзошелъ самого себя въ «Авдромахѣ», въ «Эдипѣ», въ «Маннѣ», въ «Гораціяхъ». Флёрри также поддержалъ честь французской сцены въ классической комедіи, и обонимъ чудесно помогали Дюшеноа и Марсъ. Тальмъ и мамзель Марсъ однако досталась самая знатная часть доказательства всеобщаго восхищенія.

«Подарки, которые оба получили отъ разны́хъ государей, были великолѣпныя. Я самъ богато наградилъ моихъ актеровъ; исключая издержекъ путешествія, я оказалъ каждому щедроты, соразмѣрныя съ его талантомъ; Марсъ получила кажется осемь тысячъ франковъ, а Тальма двѣнадцать тысячъ. Но для такихъ превосходныхъ артистовъ истиннымъ бенефисомъ были слезы и смѣхъ, которые они возбудили въ отборѣ умнѣйшихъ зрителей въ Европѣ.

«Пребываніе въ Эрфуртѣ доставило иностранцамъ новое доказательство нашихъ умственныхъ достоинствъ: мы тутъ выиграла новое сраженіе.

«Я всегда очень любилъ театръ, продолжалъ Наполеонъ. Родиться новымъ Корнелиемъ и Молиерамъ зависѣло не отъ меня, но я покровительствовалъ авторовъ, которые, казалось, шли по ихъ слѣдамъ. Я очисти́лъ французскую сцену отъ всѣхъ революціонныхъ дразгъ, наполненныхъ нашими междуособными раздорами. Ужъ конечно нельзя сравнить такихъ сочиненій каковы *le Modéré*, *Charles IX*, *la Perruque blonde*, и другихъ трагическихъ и комическихъ глупостей республики, съ *Templiers*, *Hector et les Deux gendres*, игранными въ мое царствованіе. Разница огромная. Хорошій вкусъ въ театральныхъ сочиненіяхъ возвращался съ благопрістойностью въ нравахъ и вѣжливостью въ общественныхъ сношеніяхъ. Я ободрялъ авторовъ и актеровъ. Первымъ давалъ кресла въ Институтѣ, другихъ осыпалъ деньгами и почестями.

«Въ мое время актеровъ уважали и принимали повсюду, когда они были добродѣтельны и воспитаны. Предразсудокъ преслѣдовалъ ихъ только въ такомъ случаѣ, когда поведеніе не соответствовало дарованію.

«Я сдѣлалъ много для Французскаго Театра; и сдѣлалъ бы больше, если бы мнѣ дали еще поцарствовать. О классической комедіи я заботился даже въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ моей жизни, даже въ Москвѣ я думалъ объ ней.

«Мой декретъ подписанный въ Кремлѣ... (изъ Кремля, гдѣ

Наполеонъ упалъ было духомъ, гдѣ уже предвидѣлъ свою гибель, онъ хотѣлъ еще изумлять по прежнему Французомъ, заставивъ ихъ думать, будто ему такъ очень весело, что вся эта война — для него игрушка и что отъ нечего-дѣлать онъ сочиняетъ для своей потѣхи, среди дымящейся Москвы, театральные уставы!) Мой декретъ, подписанный въ Кремлѣ, настоящая хартия, которая при благоразумномъ и удачномъ приложеніи, могла бы навсегда упрочить благоденствіе Французскаго Театра.

«Но, разумѣется, мнѣ надо было бы самому, въ мирное время, сдѣлать различныя распоряженія. Если онъ попадетъ въ хорошія руки, все пойдетъ славно; но если посредственности нѣмъ овладѣють, чтобы сдѣлать себѣ изъ него оружіе, наступательное и оборонительное, этотъ декретъ, признаюсь, принесетъ гораздо болѣе вреда чѣмъ пользы.

Однажды на островѣ Святой-Елены — это было двадцатаго марта 1820 года, въ день рожденія римскаго короля — Наполеонъ, собравъ къ себѣ маленькій кружокъ друзей, сталъ разсуждать болѣе печально чѣмъ весело:

— Намъ надо достойнымъ образомъ кончить этотъ день, друзья мои. Я вамъ предлагаю ѣхать во Французскій Театръ. Пусть намъ съиграютъ образцовое произведеніе Мольера «Мизантропъ». Я возьму на себя роль Алцеста, а другія буду просто читать; но этотъ прекрасный типъ человѣка, эту дюжую и благородную натуру постараюсь я передать какъ можно лучше: для меня это высшій идеалъ человѣческаго сердца.»

Маршанъ, первый камердинеръ Наполеона, по его приказанію привнесъ изъ библіотеки томъ сочиненій Мольера, и всѣ замолчали. Бавопарте началъ читать.

Не странно ли было видѣть человѣка бывшаго на вершинѣ человѣческихъ почестей, читающимъ комедію въ дружескомъ обществѣ на скалѣ, заброшенной въ Атлантическій Океанъ.

Наполеонъ передавалъ въ души слушателей мысли Мольера. Но особенно въ слѣдующемъ капитальномъ мѣстѣ сцены пятаго акта, между Филиппомъ и Алцестомъ, Наполеонъ явилъ много жару и увлеченія:

«Quoi! contre ma patrie, on viole tout à la fois,
L'honneur, la probité, la pudeur et les lois?
On publie en tous lieux l'équité de ma cause,
Sur la foi de mon droit mon âme se repose;
Cependant je me vois trompé par le succès,
J'ai pour moi la justice et je perds mon procès?»

Un traître, dont on sait la scandaleuse histoire,
 Est sorti triomphant d'une fausseté noire!
 Toute la bonne-foi cède à sa trahison!
 Il trouve, en mégorgeant, le droit d'avoir raison!
 Le poids de sa grimace, où brille l'artifice,
 Renverse le bon droit, la justice!
 Il fait par un arrêt couronner son forfait.

.....
 Et les hommes, merbleu! sont faits de cette sorte!
 C'est à ses actions que la gloire les porte!
 Voilà le bonne foi, le zèle vertueux,
 La justice et l'honneur que l'on trouve chez eux!

Наполеонъ прочелъ до конца комедію Молиера. Ее выслушали со вниманіемъ. Окончивъ чтеніе, Бонапартъ, который не казался сколько утомленнымъ, положилъ книгу на столъ и сказалъ съ восторгомъ.

«Что за человекъ Молиеръ, и что за превосходное произведеніе Мизантропъ! Я не удивляюсь, что герцогъ Монтансіе которому сказали, что онъ списанъ съ натуры въ лицѣ Алцеста, вскричалъ: «Дай Богъ, чтобы я походилъ на него!» Въ самомъ дѣлѣ не можетъ быть человека благороднѣе, скромнѣе, достойнѣе Алцеста. Это воплощенный добродѣтель и откровенность. Посмотрите, какой могучій гевій, этотъ Молиеръ! То что должно бы разрушить очарованіе въ характерѣ Алцеста, напротивъ возвышаетъ его въ комедіи. Молиеръ хотѣлъ изобразить Мизантропа влюбленнымъ и успѣлъ. Создалъ себѣ препятствіе, непреодолимое для другихъ. Молиеръ однако преодолѣлъ его! Алцестъ влюбленъ, а Мизантропъ только любезенъ, но не такъ, какъ бываютъ обыкновенные пужичны. Это благоуханіе чествостя и благородства проливается даже и на его слабость: онъ любитъ кокетку, но любовь къ такому низкому идолу прощаетъ изъ уваженія къ такимъ возвышеннымъ чувствамъ. Тотчасъ видно, что Алцестъ, любя Селимену, только платитъ дань человѣческой природѣ; душа его не тутъ; онъ гораздо болѣе воспаляется противъ злости людской, противъ ложныхъ друзей и взяточниковъ, чѣмъ противъ недостатковъ и мерзостей своей любовницы, которой вѣтренность онъ давно измѣрилъ и не проклинаетъ, оттого что истинная нравственная сила оказываетъ болѣе состраданія чѣмъ презрѣнія къ слабостямъ человѣческимъ. Мизантропъ удивителенъ съ начала до конца; и я, продолжалъ Наполеонъ, который, казалось, слѣдился въ од-
 ноландо съ авторомъ, утверждаю, что эта пиеса отличнѣйшее произве-

деніе человѣческаго ума. Молиеръ все схватилъ, все понялъ, все изобразилъ въ Мизантропѣ, отъ кокетки до жеманницы; отъ человѣка до пустомели и льстеца. Совершенно справедливо, что драматическіе авторы послѣ Молиера воспользовались типическими лицами его комедій, чтобы дѣлать изъ нихъ героевъ для своихъ піесъ.

Нѣкоторые авторы хотѣли вывести сравненіе между Тартюфомъ и Мизантропомъ, и большая часть отдаетъ предпочтеніе первому, призывая однако Мизантропа произведеніемъ высокой мысли. Я зрѣло взвѣсилъ различныя достоинства этихъ-обоихъ мастерскихъ произведеній и, отложивъ всторону нравственную цѣль, скажу откровенно что предпочитаю мизантропа тартюфу.

Послѣ минутнаго молчанія, Наполеонъ прибавилъ:

«Конечно характеръ Тартюфа очерченъ художественной рукою. Впрочемъ эта піеса такова, что для меня совсѣмъ не удивительны переговоры, держанные объ ней въ Версали, и нерѣшимость Людовика—Четырнадцатаго дозволить ее къ представленію. И я не понимаю какъ онъ ее дозволилъ; потому что, по моему мнѣнію, набожность выставлена здѣсь съ такой невыгодной стороны, и есть одна сцена такая неблагопристойная, что, будь эта піеса сочинена въ мое время, я, съ моей стороны, право запретилъ бы ее.»

Слушатели были изумлены этимъ объявленіемъ. Наполеонъ продолжалъ:

«Это вамъ кажется странно? Я деспотъ, я ханжа. хуже Людовика - Четырнадцатаго, не правда - ли? Совсѣмъ не то. Деспотизмъ—вещь преблагодатная для такого народу какъ Французы, особенно когда деспотизмъ имѣетъ въ предметъ общую пользу; и чтобы народъ былъ дѣйствительно счастливымъ, онъ долженъ вѣрить и уважать свою вѣру. Тогда только народъ и будетъ единъ, силенъ и славенъ. Ни какое государство не можетъ безнаказанно отречься отъ своей старины, отъ своихъ преданій, какъ скоро ихъ пренебрегаетъ, онъ близокъ къ паденію.»

Было уже поздно. Наполеонъ, посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ что стрѣлка показывала полночь.

— Полночь, вскричалъ онъ: вотъ какъ время летитъ когда читаешь Молиера.

— И когда ваше величество изволите объяснять его, подхватилъ одинъ изъ слушателей.

— Комедія доставила мнѣ много удовольствія въ жизни, при-

башнѣ Наполеонъ, и я, на свою долю, принялъ-таки въ ней порядочное участіе....

— Да и всѣ мы тоже, ваше величество, промолвилъ тотъ же голосъ.

— Ну! и славно!... сказалъ Наполеонъ, вставая. Надо же убить время пріятнымъ образомъ. Спокойной ночи, господа!...

ФАУСТЪ ПРИ ДВОРѢ АНГЛІЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ ЕЛИСАВЕТЫ. Елисавета славилась въ свое время красотой, талантами, пышностью своего двора и великодушіемъ. Ревность и зависть, слабости обыкновенныя въ женщинѣ, которой и молодость и прелесть увядаютъ, начинали уже помрачать ея блестящія достоинства. Но какъ ни велики однако были эти недостатки, слава объ ней гремѣла до глубины глухой Германіи, и Фаустъ черно книжникъ отправился къ англійскому двору.

Королева, которая наслышалась чудесъ о черно книжникѣ, желала его увидѣть. Фаустъ очаровалъ ее съ перваго разу, и самъ нашелъ ее гораздо лучше, нежели какъ ожидалъ, хотя тотчасъ примѣтилъ, какое высокое мнѣніе имѣетъ она о красотѣ своей.

Однажды Елисавета, по окончаніи аудіенціи посланникамъ, въ великолѣпномъ нарядѣ, окруженная всѣмъ блескомъ двора, удалилась въ кабинетъ и велѣла позвать Фауста. Прежде она посмотрѣлась во всѣ зеркала, полюбовалась на свое отраженіе, сѣла въ кресла, бархатныя съ золотомъ. Въ этомъ положеніи засталъ ее Фаустъ. Какъ ловкій придворный, зная слабость королевы, онъ притворился совершенно очарованнымъ ея красотой. Елисавета изъ признательности за это восхищеніе, сняла съ пальца великолѣпный брилльянтъ и подарила ему.

— Такъ вы находите меня еще не дурною? спросила она улыбаясь.

Черно книжникъ отвѣчалъ, что онъ не встрѣчалъ женщины, ни царицы, ни подданной, которая могла бы сравниться съ нею.

— Ахъ, докторъ! сказала она, я боюсь, что вы мнѣ льстите... Если бы красавицы, которыхъ прославляла древность, могли сюда явиться.... если бы вы наиримѣръ ихъ вызвали.... при нихъ навѣрное вы бы не сказали этого.

— Можно вывести дѣло на справку, отвѣчалъ онъ: вашему величеству стоитъ только сказать слово и всѣ онѣ явятся передъ вами.

Разумѣется, Фаустъ не ожидалъ, что воспользуются его словомъ, но, или Елисавета желала испытать, способна ли магія

творить такіа чудеса, или ей хотѣлось удовлетворить любопытство, мучившее ее въ тайнѣ, только она поспѣшила сказать черномощнику, что ей очень нравится эта идея и она проситъ его тотчасъ же доказать свое могущество.

Фаустъ просилъ дозволить ему дать представленіе вечеромъ, въ галереѣ, смѣжной съ той комнатой.

Въ обоихъ концахъ этой галереи были двери. Рѣшено, что женщины, вызываемыя Фаустомъ, будутъ входить въ одну дверь и выходить въ другую, чтобы королева могла лучше рассмотреть ихъ. Только двумъ придворнымъ, графу Эссексу и сѣру Филиппу Сидни позволено было присутствовать при этомъ магическомъ представленіи, для котораго искусный модистъ сдѣлалъ къ вечеру всѣ нужныя приготовления, обставилъ галерею черными зеркалами, освѣтилъ ее особеннымъ образомъ, увѣшавъ стѣны таинственными драпировками, и скрывъ за ними свои машины, машинистовъ, движущіяся картины съ изображеніями славнѣйшихъ историческихъ красавицъ, и все нужное для явленія тѣней помощію оптической игры отраженій и переломленій свѣту.

Когда вечеромъ Фаустъ принесъ большую книгу, колдунское кольцо и черный плащъ, королева сѣла посреди галереи; по правую и по лѣвую сторону стали два приглашенные. Фаустъ начертилъ около нихъ таинственные круги, дѣлая странные жесты и сатанинскія кривлянья. Потомъ описалъ кругъ около самого себя, оставивъ свободный проходъ для дѣйствующихъ лицъ.

Фаустъ просилъ королеву хранить полное молчаніе, пока призраки будутъ на сценѣ, особенно не показывать ни малѣйшаго испугу, что бы ни представилось ей глазамъ.

Послѣднее предостереженіе бесполезно: у Елисаветы была душа твердая, самъ Сатана не испугалъ бы ее. Чернокнижникъ спросилъ королеву, которую изъ древнихъ красавицъ благоугодно ей видѣть прежде.

— Слѣдуйте порядку времени, сказала королева, начните съ прекрасной Елены.

— Тихе! вскричалъ таинственнымъ тономъ чернокнижникъ, и на лицѣ его выразился ужасъ. Тихе!

Сердце у Сидни сильно забилось; храбрый Эссексъ поблѣднѣлъ нагъ смерть. Ова королева нисколько не смутилась.

Фаустъ началъ заклинанія.

Галерея задрожала, оба царедворца тоже.

— Дщерь Леды, произнесъ Фаустъ, удостой вникъ моему глазу изъ блаженной елсейской обители. Явись также благолѣпной,

какъ явилась ты, когда Венера обѣщала тебѣ Шарису въ награду за свою побѣду надъ безсмертными соперницами.

Прекрасная Елена заставила долго ждать себя, но когда наступила завѣтная минута, она предстала такъ внезапно, что не придумали откуда взялась она. Она была одѣта по-гречески; жемчугъ блистаетъ въ волосахъ, а голову украшало великолѣпное алмазное перо. Она медленно прошла по галерей, остановилась на минуту передъ королевой и исчезла.

Едва успѣла она выйти, Елисавета вскричала:

— Какъ! неужели это знаменитая красавица Елена? Право, если бы я хотѣла прослѣдить красавицей, все же бы я не поимѣлась съ ней лицомъ.

— Я вамъ говорилъ, ваше величество, замѣтилъ черноминжикъ. Вы видѣли ее такою, какъ она была, въ лучшее свое время.

— Я впрочемъ нахожу, что у ней прекрасные глаза, замѣтилъ Эссексъ.

— Это правда, отвѣчалъ Сидни; они довольно хороши. Больше, черные, блестящіе, но что они выражаютъ? Ничего, ровно ничего!

Королева спросила, не похожа ли Елена на китайскую фарфоровую куклу: такъ она была нарумянена.

— Совершенно такъ, ваше величество! примолвилъ Эссексъ.

— Можетъ быть, продолжала королева, въ то время была такая мода! но не замѣтили ли вы, что она ходитъ какъ утка! Ахъ какъ забавно! ходи такъ другая, всѣ бы помирили со снѣху. Нарядъ ея впрочемъ мнѣ довольно нравится, и мнѣ кажется, что наши дамамъ онъ былъ бы болѣе къ лицу, чѣмъ эти пеловкія филимы, въ которыхъ они совершенно похожи на крѣпости.

— Нарядъ ея точно очень изященъ, сказалъ графъ: болѣе въ ней я не замѣтилъ ничего хорошаго.

Поэтъ Сидни отъ души согласился съ этимъ заключеніемъ и даже импровизировалъ стихи по этому случаю.

Благосклонная критика на прелестную Елену этикъ и кончилась, и королева пожелала видѣть прекрасную и несчастную Марианну.

Начертивъ кабалистическіе знаки и пробормотавъ непонятныя слова, Фаустъ обернулся четыре раза къ востоку, три раза къ югу, два раза къ сѣверу и одинъ разъ къ западу; потомъ произнесъ тихо на еврейскомъ языкѣ.

— Встань изъ гроба, прелестная Марианна, возсіи во всемъ блескѣ и пышности, какъ ты возсіала на престолѣ іудейскомъ въ торжественный день твоего бракосочетанія.

Только что оны произнесъ эти слова, супруга Ирода явилась, важно дошла до середины галереи и приостановилась.

На головѣ была гирлянда изъ іорданскихъ цвѣтовъ; длинное, бѣлое покрывало живописно спускалось до колѣнъ. Этотъ легкій уборъ придавалъ лицу прекрасной Израильянки выраженіе невыразимаго достоинства. Остановившись немного, она пошла далѣе, не поклонившись Елисаветѣ.

— Неужели, сказала королева, когда она исчезла, неужели это та самая Марианна, которую такъ прославляютъ столько столѣтій! Какъ могла она считаться красавицей!

— Однако, сказалъ Сидни, въ ней есть какое-то величіе и прелекательная простота.

Елисавета нахмурила брови.

— Фи! возразилъ Эссексъ, это не величіе, а нахальство, не простота, а тщеславіе.

Послѣ минутнаго размышленія, Елисавета захотѣла видѣть Клеопатру. Прелестная Египтянка явилась въ концѣ галереи. Тотчасъ въ воздухѣ разливается запахъ богатыхъ аравійскихъ духовъ. Грудь обнажена, прозрачное платье скорѣе покрываетъ чѣмъ скрываетъ ее прелести. Оно приподнято выше лѣваго колѣна алмазною запанкой.

Въ этомъ легкомъ и кокетливомъ нарядѣ она медленно прошла по галереѣ, остановившись съ минуту передъ королевой. Только что она вышла, придворные начали разбирать ея наружность и нарядъ. Королева приказала отворить окна, чтобы вывѣтрить запахъ клеопатринныхъ благоуханій; нашла ее гораздо хуже супруги Ирода и дочери Леды, раскричалась противъ неблагопристойности одежды и этой драпировки, придуманной для выказанія самой дрянной ноги въ мірѣ.

— Видали ль вы гдѣ такой неуклюжій носъ? продолжала королева: совершенно пѣтушій клювъ.

— А взгляды-то каковы?... дерзкій до наглости! прибавилъ Эссексъ.

— Да какая толстая талія, да какіе ноги короткіе! подхватилъ подобострастный поэтъ.

— Воля ваша, господа, замѣтилъ Фаустъ, а между-тѣмъ она держала прикованнымъ у ногъ своихъ владыку міра.

— Но, ваше величество, продолжалъ онъ, обращаясь къ короле-

гь: если древнія красавицы не нравятся вамъ, зачѣмъ не поискать ювѣйшихъ въ вашемъ же королевствѣ? Англія всегда производитъ совершенство. Достоиную вашего свѣтлаго вниманія, можетъ-быть, окажется прекрасная Розамунда.

Фаустъ слыхалъ, что королева часто сравнивала себя съ этой знаменитой красавицей, и только-что онъ произнесъ это имя, какъ она съ нетерпѣніемъ пожелала увидѣть ее.

— Въ этомъ нетерпѣніи есть что-то инстинктивное, ваше величество, замѣтилъ хитро чернокожижникъ: по преданію прекрасная Розамунда очень походила на вашу королевскую милость..... конечно, въ низшей степени!

— Ну, увидимъ, увидимъ, отвѣчала королева съ живостью. Сидни! когда она явится, рассмотрите ее хорошенько, и послѣ вы ее намъ опишите, если она стѣитъ того.

Едва заклинательныя слова были произнесены, Розамунда явилась. Она возбудила восторгъ обоихъ царедворцевъ, которые объявили, что они вполне одобряютъ вкусъ Генриха-Второго. Нарядъ ея отличался простотою, и со всѣмъ тѣмъ она затмила бы красотою самыхъ великолѣпныхъ красавицъ. Розамунда оставалась въ галереѣ долѣе другихъ и, какъ-будто отгадавъ приказанія королевы, она обернулась къ Сидни съ обольстительной улыбкой.

— Ахъ, какое милое созданіе! вскричала королева только-что вышла Розамунда: нѣтъ! я никого не видала чудеснѣе ея: какое лицо! какія прелестныя черты! какое непринужденное благородство! сколько изящества, безъ всякихъ поддѣлокъ! А, говорить, что я на нее похожа!... Какъ вы думаете, Эссексъ?

— «Хорошо, если бы походила!... Ну, гдѣ тутъ сходство?...» подумалъ графъ, а вслухъ прибавилъ: — Вашему величеству стѣитъ только сдѣлать нѣсколько шаговъ по галереѣ въ вашемъ чудномъ розовомъ платьѣ, и если самъ господинъ докторъ не приметъ васъ за Розамунду, пусть меня назовутъ величайшимъ осломъ во всей Великобританіи!

Королева была въ восторгѣ, а Сидни тотчасъ отпустилъ мадригалъ.

Потомъ начали разсуждать о томъ, кто долженъ замѣнить Розамунду. Жребій палъ на знаменитую графиню Селзбери, въ честь которой установленъ орденъ Подвязки; хотѣли увѣряться, достойна ли была причина — дѣйствія, то есть, нога — подвязки. Королева однако объявила, что хочетъ прежде увидѣть еще разъ двойникъ свой Розамунду.

Чернокнижникъ увѣрялъ, что это очень трудно и почти невозможно. Вторичное явленіе тѣни не зависитъ уже отъ тѣхъ сокровенныхъ силъ, которыя управляютъ первымъ. Чѣмъ болѣе Фаустъ отговаривался, тѣмъ сильнѣе настаивала королева. Наконецъ онъ покорился ея волѣ, предупредивъ однако, что Розамунда явится съ другими обстоятельствами, и просилъ Елисавету и придворныхъ быть осторожными, потому что онъ не отвѣчаетъ за послѣдствія.

Королева ни сколько не перепугалась. Мы уже сказали, что она не знала страху. Царедворцы тоже утверждали, что не части привидѣній онъ въ себѣ увѣренъ. Фаустъ приготовился исполнить желаніе. Никогда заклинанія не бывали для него ни такъ трудны, ни такъ утомительны. Послѣ ужаснѣйшихъ судорогъ и корчей, онъ бросилъ свою магическую книгу на полъ, обошелъ галерею три раза на четверенькахъ, потомъ полѣзъ на стѣну, потомъ всталъ на голову. Видя, что никто не является, докторъ приблизилъ къ послѣднему и самому могущественному заклинанію, котораго тайны мы не можемъ открыть, и трижды закричалъ громовымъ голосомъ: «Розамунда! Розамунда! Розамунда!» Окно съ трескомъ растворилось и прекрасная Розамунда явилась по срединѣ галерей.

На лбу чернокнижника выступилъ кровавый потъ. Прежде чѣмъ онъ успокоился, Елисавета, забывъ въ первый разъ благоуміе, бросилась съ восторгомъ изъ круга, очерченнаго около нея, и, протягивая руки къ тѣни, вскричала:

— О, мой дорогой двойникъ!

Только-что она произнесла эти слова, ужасный ударъ грома потрясъ дворецъ; галерея наполнилась чернымъ дымомъ, и тысячи фантастическихъ молній ослѣпили испуганные взоры зрителей.

Когда мракъ разсѣялся, они увидѣли Фауста, повисшимъ въ воздухѣ, съ тѣною во рту. Шляпа на одной сторонѣ, парикъ — на другой, и прежній типъ высокаго былъ только смѣшною нарядатурою. Одна только Розамунда вышла здрава и невредима изъ этого страннаго приключенія. У Эссекса молнія опалила брови, у Сидни усы; чепецъ королевы пропахъ сѣрой, а переломанныя фижмы ея повѣшены были въ сентъ-жемскомъ гардеробѣ, съ тѣмъ, чтобы служили навсегда придворнымъ дамамъ указкою на послѣдствія неумѣстнаго любовныства. Эту юбку показываютъ и донынѣ въ числѣ достопримѣчательностей дворца.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ ПАРИЖѢ. *Замогильныя Записки Шатобриана.* Литературы, словесности, искусства, — книгъ, картинъ, статуй, музыки, — нѣтъ болѣе въ Европѣ; съ февраля мѣсяца эти благоуханныя и нѣжныя розы мира, эти благодатныя увѣщенія человѣчества, побиты политическими грозами, занесены ителью дикихъ страстей, погябли въ крови и сумасбродствахъ Западной Европы. Первая хорошая, занимательная книга — когда она тамъ явится — но.... когда?... увы! — будетъ оливковою вѣткой послѣ этого потопа, который поглотилъ все прекрасное, все высокое, изящное, усладительное, и угрожаетъ Европѣ, ежели продлится, возвратомъ безвкусія, невѣжества и варварства среднихъ вѣковъ. Геніи Франціи, Германіи, Италіи, вдругъ угасли. Звуки поэзіи, фантазіи и мудрости человѣческой затихли на огромномъ пространствѣ образованной земли. Въ этомъ страшномъ безмолвіи ума, появленіе въ свѣтъ творенія, отлично написаннаго, труда не новаго, но труда принадлежащаго перу первоклассному, перу писателя великаго во Франціи, по справедливости привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, будитъ уснувшее любопытство. Шатобрианъ былъ дѣйствительно великій писатель между Французами: онъ служилъ образцомъ всѣмъ прочимъ писателямъ и писакамъ, в одинъ между ними умѣлъ писать настоящимъ изящнымъ слогомъ, настоящимъ французскимъ художественнымъ языкомъ. Притомъ, благородная роль, которую разыгрывалъ онъ въ послѣднее двадцати-лѣтіе между политическими людьми своего отечества и которую умѣлъ одинъ выдержать до конца съ непоколебимымъ постоянствомъ, даже съ величіемъ, стоическая вѣрность послѣдняго изъ Галловъ законнымъ государямъ своимъ, благоговѣнное уваженіе къ долгу присяги среди разращенія общественныхъ правилъ, все это должно придавать неминуемо оставленному имъ творенію новую и высокую степень занимательности. До-сихъ-поръ *Замогильныя Записки*, какъ кажется, не вполне оправдываютъ ожиданіе читающей Европы. Но имя автора такъ велико, что не смотря на это, вся Европа ихъ читаетъ, всѣ журналы перепечатаваютъ. Чтобы и читатели этого изданія могли удовлетворить свое законное любопытство, мы считаемъ нужнымъ представить имъ также переводъ прославленнаго литературнаго наслѣдія, которое, быть можетъ, въ другое время, урожайное на хорошія книги, не удостоилось бы такого значительнаго числа переводовъ. Исторія «*Замогильныхъ Записокъ*» Шатобриана извѣстна: нѣсколько лѣтъ тому онѣ были куплены въ

рукописи у автора, компаніей на акціяхъ, съ условіемъ не предавать ихъ тисненію прежде его кончины и съ правомъ прежде всего напечатать въ газетѣ *la Presse*, къ акціонерамъ которой принадлежали главные участники въ этой спекуляціи. Недавняя смерть знаменитаго автора разрѣшила наконецъ ихъ ожиданія. Печатаніе началось. «Замогильныя Записки» начинаются слѣдующимъ *Предисловіемъ*, написаннымъ 14 апрѣля, 1846.

Какъ нельзя предвидѣть часъ своей смерти, и, въ мои лѣта, дни дарованные человѣку не что иное какъ дни льготные или скорѣе, дни кары, то я желаю объясниться.

Четвертаго будущаго сентября мнѣ исполнится семьдесятъ-семь лѣтъ: пора покинуть свѣтъ, который меня покидаетъ. Я объ немъ и не сожалею.

Записки, въ началѣ которыхъ явится это предисловіе, слѣдуютъ, въ раздѣленіи своемъ, естественному раздѣленію моихъ поприщъ.

Горькая нужда, съ ножомъ приступавшая всегда ко мнѣ, принудила продать это сочиненіе. Никто не можетъ знать, чего мнѣ стоило заложить свою могилу; но этою послѣднею жертвою я повиненъ моему вѣрнопопдавической присягѣ и сохраненію единства въ поступкахъ. По привязанности, быть-можетъ малодушной, я смотрѣлъ на мои Записки какъ на довѣреннаго друга, съ которымъ не хотѣлось бы разстаться; я желалъ оставить ихъ моей женѣ; она, по своему усмотрѣнію, передала бы ихъ печати или огню. Последнее было бы для меня крайне желательно, особенно въ настоящее время.

Ахъ! если бы мнѣ, прежде чѣмъ покинуть землю, найти чело-вѣка съ такимъ состояніемъ и съ такой увѣренностью въ будущемъ, что онъ рѣшился бы скупить акціи *Компаніи* и не былъ бы въ необходимости, какъ эта компанія, отдать мое писаніе въ печать, лишь-только ударятъ въ колоколъ на мои похороны! Одинъ изъ акціонеровъ — мнѣ добрые друзья; многіе — люди обязательные, желавшіе быть мнѣ полезными; но, какъ бы то ни было, акціи, можетъ-быть, уже перепроданы, перешли въ третью руку, достались лицамъ мнѣ неизвѣстнымъ и которымъ своя семейная польза важнѣе всѣхъ постороннихъ уваженій. Очень естественно, что мнѣ всякой лишній день моей безконечной жизни будетъ, если не въ доuku, такъ навѣрное въ убытокъ. Однимъ словомъ, будь я теперь еще хозяинъ моими Записками, я завѣщалъ бы сохранить ихъ въ рукописи или отдалъ бы обнародованіе ихъ лѣтъ на пятьдесятъ, по-крайней мѣрѣ.

Записки эти составлены въ разное время и въ разныхъ странахъ. Оттого въ нихъ есть неизбежные прологи, изображающіе мѣста, бывшія тогда у меня передъ глазами, чувствованія, занимавшія меня въ ту минуту какъ, съ прежнею, разорванною, связывалась новая нить моего повѣствованія. Такимъ образомъ мѣняющіяся формы моей жизни входили одна въ другую; мнѣ случалось, въ минуты для меня счастливыя, говорить о временахъ бѣдственныхъ, въ дни тревоженій описывать дни блаженства. Юность моя, пропаякая въ старость, степенность лѣтъ опытныхъ омрачая мои свѣтлые годы, лучи моего солнца, съ восходу до заката, пересѣкаясь и перемѣшиваясь; все это произвело въ разсказахъ моихъ какое то смѣшеніе, или, если хотите, нѣчто въ родѣ неизяснимаго единства; въ колыбели моей есть что-то отъ могилы; въ могилѣ моей, что-то отъ колыбели: что было для меня страданіемъ, то дѣлается теперь удовольствіемъ, что было удовольствиемъ, дѣлается страданіемъ. Дочитывая эти Записки, я не знаю, право, въ черповолосой ли или плѣшивой головѣ родился онѣ.

Понравится или нѣтъ это смѣшеніе, которому пособить уже нельзя, я не знаю, а знаю только, что это плодъ непостоянства судьбы моей: бури часто не оставляли мнѣ другаго письменнаго стола кромѣ подводныхъ камней, о которые разбивался мой корабль.

Еще при жизни моей, часто уговаривали меня выпустить въ свѣтъ нѣкоторые отрывки этихъ Записокъ; но я предпочитаю говорить со дна гроба; разсказу моему будутъ вторить тогда голоса, исполненные священнаго, — голоса замогильные.

Если здѣсь, на землѣ, я довольно страдалъ, чтобы тамъ, въ небѣ, быть блаженною тѣнью, то лучъ, выскользнувшій изъ Елисейскихъ Полей, покровительственнымъ свѣтомъ озарить послѣднія картины бытія моего: жизнь не шла мнѣ къ лицу, быть-можетъ смерть лучше приставетъ.

Записки эти были предметомъ моей нѣжной привязанности. Блаженному Бонавентурѣ небо разрѣшило продолжать свои записки послѣ смерти; я такой милости не надѣюсь, но желалъ бы воскреснуть въ часъ привидѣній, чтобы по крайней-мѣрѣ прочесть корректуру. Впрочемъ, когда вѣчность обѣими руками заткнетъ мнѣ уши, въ пыльной семьѣ глухихъ я уже никого не услышу.

Если къ одной изъ частей моего труда я привязался болѣе то это къ той, которая касается моей юности, безвѣстнаго уголка жизни моей.

Тамъ я долженъ былъ пробуждать міръ, известный только одному мнѣ; блуждая въ этомъ исчезнувшемъ обществѣ, я встрѣчалъ одни только воспоминанія и безмолвіе; изъ всѣхъ кого я знавалъ, много ли осталось теперь въ живыхъ?

Двадцать-пятаго августа 1828, жители Сень-Мало обратились ко мнѣ чрезъ посредство мера, съ просьбою о дозволеніи устроить имъ на землѣ моей бассейнъ. Я не замедлилъ отвѣчать и просилъ, въ замѣнъ этого, уступить мнѣ нѣсколько футовъ земли на Гранъ-бе*, для моей могилы. Въ удовлетвореніи просьбы моей встрѣтилось затрудненіе, заключавшееся въ несогласіи на то инженернаго вѣдомства. Наконецъ 27 октября 1831, я получилъ отъ мера господина Говіуса, письмо. Меръ мнѣ пишетъ: «Мѣсто покоя, которое вы желаете имѣть на берегу моря вблизи вашей колыбели, будетъ приготовлено сыновнею любовью жителей Сень-Мало. Какая печальная мысль! Но памятникъ этотъ да останется долго еще незанятымъ! Честь и слава переживають все преходящее на землѣ!»

Съ признательностью привожу это прекрасное изрѣченіе господина Говіуса: лучшее только слово — слава.

И такъ, прахъ мой будетъ покониться на берегу моего любимаго моря. Если я умру въ Франціи, то желаю, чтобы тѣло мое перевезли въ мое отечество не ранѣе какъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ перваго погребенія. Да избавятъ останки мои отъ святотатственнаго вскрытія, да не заботятся отыскивать въ моемъ оледенѣломъ мозгу и угаснувшемъ сердцѣ тайны моего бытія. Смерть не открываетъ секретовъ жизни. Трупъ, скачущій на почтовыхъ, приводитъ меня въ ужасъ; поблѣвшія и легкія кости перевозятся удобнѣе: онѣ менѣе утомятся отъ этого послѣдняго путешествія, чѣмъ когда я волочилъ ихъ повсюду, обремененныя печалами.»

=

ЗАПИСКИ.

Sicut nubes.... quasi naves.... velut umbra.

Ж о в.

Четыре года назадъ, возвратившись изъ путешествія въ Святую Землю, я купилъ близъ мѣстечка Онѣ, въ соѣдствѣ Со и

* Островокъ на рейдѣ Сень-Мало.

Шатне, домикъ садовника, скрытый лѣсистыми холмами. Неровный, несчастный клочокъ земли, принадлежащій дому, занятъ былъ дикимъ фруктовымъ садомъ, въ концѣ котораго былъ оврагъ и каштановый лѣсокъ. Это тѣсное пространство, казалось мнѣ, могло удобно заключить мои долги надежды: *Spatio brevi spem longam resceses*. Деревья, здѣсь мною насаженныя, растутъ хорошо; но они такъ еще малы, что я доставляю имъ тѣнь, когда становлюсь между ними и солнцемъ. Со временемъ, возвращая мнѣ эту тѣнь, они будутъ покровительствовать мою старость, какъ покровительствовалъ я ихъ юность. Я выбралъ ихъ, сколько могъ, изъ различныхъ климатовъ, гдѣ странствовалъ; они напоминаютъ мнѣ мои путешествія и дѣлѣютъ другія мечты въ глубинѣ моего сердца.

Если Бурбоны когда-нибудь снова взойдутъ на тронъ, то за вѣрность мою попрошу наградить меня такъ, чтобъ я могъ прикупить къ моему наслѣдію опушку окружающихъ его лѣсовъ: во мнѣ родилось честолюбіе, — я бы хотѣлъ увеличить мѣсто моихъ прогулокъ нѣсколькими десятинами, и, несмотря что я странствующій рыцарь, однако жъ, подобно монаху, люблю сидчую жизнь. Съ-тѣхъ-поръ какъ я поселился въ этомъ убѣжищѣ, я и трехъ разъ не переступалъ за изгородь. Если мои сосны, ели, лиственницы, кедры сдѣлаются такими, какими обѣщаютъ быть, то Волчья Долина превратится со временемъ въ настоящій садъ картезіанскаго монастыря. Я бы желалъ знать, когда Вольтеръ родился въ Шатне, 20 февраля 1697, какой видъ представляло тогда мѣсто, куда долженъ былъ удалиться въ 1807 авторъ «Генія Христіанства?»

Мѣсто это мнѣ нравится; оно замѣнило мнѣ родительскія поля; я заплатилъ за него плодами моихъ мечтаній, моего бдѣнія; обширной пустынѣ Аталы я обязанъ малою Ольнейскою Пустынею; чтобъ создать для себя это убѣжище, я не долженъ былъ грабить флоридскаго Индѣйца, подобно Ашера Конелому Колотиту. Я люблю мои деревья, я писалъ имъ элегіи, сонеты, оды. Нѣтъ ни одного, за которымъ бы я не ухаживалъ, не избавлялъ отъ червя приставшаго къ корню, гусеницы прилипшей къ листу; всѣ деревья я знаю по имени, какъ дѣтей моихъ: они — моя семья, другой у меня нѣтъ; близъ нихъ я надѣюсь и умереть.

Здѣсь я написалъ: «Мучениковъ», «Абенсераговъ», «Путешествіе ко Святымъ Мѣстамъ» и «Моисея»; что же мнѣ теперь дѣлать въ осенніе вечера? Сегодня, 4 октября 1811 года, день

моего рожденія и годовщина вступленія въ Иерусалимъ, и по этому то мнѣ хочется вачать исторію моей жизни.

Если Наполеонъ, овладѣвъ престоломъ мнѣхъ законныхъ государей, подавляетъ настоящее, прошедшее не страшится его, и я воленъ располагать тѣмъ, что предшествовало его славѣ.

Большую часть мнѣхъ чувствованій я затаилъ въ глубинѣ души; если же они и проявились въ мнѣхъ сочиненіяхъ, то не болѣе какъ примѣненіе къ лицамъ, созданнымъ мнѣмъ воображеніемъ. Теперь, хотя я и сожалею еще о мнѣхъ мечтахъ, но ихъ не преслѣдую, я хочу только мыслью стать въ уровень моимъ юнымъ лѣтамъ: Записки эти будутъ храмомъ смерти, воздвигнутымъ при свѣтѣ мнѣхъ воспоминаній.

Рожденіе отца моего и первыя испытанія, имъ перенесенныя, образовали въ немъ характеръ самый мрачный, какой только существовалъ. Характеръ этотъ имѣлъ на мысли мои сильное вліяніе: пугалъ мое дѣтство, опечаливалъ юность, и наконецъ рѣшилъ образъ моего воспитанія.

Я столбовой дворянинъ по рожденію.

Кто захочетъ навести справки о моей фамиліи, тотъ можетъ заглянуть въ лекспконъ Морери, въ «Исторію Бретани», д'Аржантрѣ, донна Лобиндъ, донна Мориса, въ генеалогію многихъ знаменитѣйшихъ домовъ Бретани, отца Дюпъ, въ «Туссендъ» Сенъ-Мало, въ Леборна и, наконецъ, въ исторію высшихъ сановниковъ короны, отца Ансельма.

Документы о моемъ происхожденіи сначала находились въ рукахъ Шеренъ, по случаю вступленія сестры моей, Люсиан, въ канониссы аржантьерскаго капитула, откуда она должна была перейти въ капитулъ ремиремонскій; потомъ ихъ требовали, когда мнѣ нужно было представляться Людовику Шестнадцатому, и также при поступленіи моемъ въ Мальтійскій Орденъ и, наконецъ, еще разъ были вытребованы эти документы, когда братъ мой представлялся тому же несчастному Людовику Шестнадцатому.

Фамилія моя писалась сначала Brien, потомъ Briant и Briand, когда приняли французское правописаніе. Во Франціи нѣтъ ни одного имени, которое не представляло бы такихъ измѣненій въ буквахъ.

Вначалѣ одиннадцатаго столѣтія баронъ Brien назвалъ по своему имени большой замокъ въ Бретани (Château Brien или Château Briand, впоследствии городокъ), и этотъ замокъ сдѣлался главвымъ мѣстомъ баронства шатобріанскаго. Гербъ бароновъ шатобріанскихъ изображалъ сначала сосновыя шишки, съ девизомъ: *Съю золото*. Готфридъ,

баронъ шатобрианскій, ратовалъ съ Людовикомъ-Святымъ въ Палестинѣ, взятъ былъ въ плѣнъ въ массурскомъ сраженіи, воротился петомъ домой и жена его, Сибилла, увидѣвъ снова мужа, умерла отъ радости. Людовикъ-Святой въ награду заслугъ Готфрида Шатобрианскаго пожаловалъ ему и наслѣдникамъ, въ замѣнъ прежняго герба, другой: красный щитъ, усаженный золотыми лиліями, какъ о томъ свидѣлствуютъ монастырскія грамоты берейскаго приорства: «Cui et ejus hæredibus, sanctus Ludovicus, tum Francorum rex, propter ejus probitatem in armis, flores lilii auri, loco pomogum pini auri, contulit.»

Родъ Шатобриановъ съ самаго начала раздѣлился на три отрасли: первая, бароны на Шатобрианѣ, или Шатобрианскіе (barons de Châteaubriand), заключавшая въ себѣ родоначальника двухъ послѣднихъ, началась съ 1000 года, въ лицѣ Тьерна, сына Бриана (Brien), внука Алена-Третьяго, графа, то есть, старосты бретанскаго; вторая получила прозваніе — бояре на Ларошъ-Баритотѣ (seigneurs de la Roche Baritaut) или Анжерскаго Льва; третья появилась подъ именемъ Государей или Господиновъ на Бофортѣ (sires de Beaufort) *.

Когда со смертію Госпожи Реней (dame Renée) прекратилась бофорская линія, герандское помѣстье, въ Морбиганѣ, перешло къ Христофору-Второму, происходившему изъ боковой линіи. Въ эту же эпоху, то есть, около половины семнадцатаго столѣтія, возникъ въ дворянскомъ сословіи большой безпорядокъ, заключавшійся въ самовольномъ присвоеніи многихъ именъ и титуловъ. Людовикъ-Четырнадцатый, желая обезпечить и ввести cadaго въ свои права, приказалъ произвести для этого слѣдствіе, по которому Христофоръ-Второй, доказавшій свое старинное дворянство, утвержденъ былъ, опредѣленіемъ палаты, учрежденной въ Реннѣ, для разбору дворянскихъ грамотъ Бретани на обладаніе титулами и гербами. Опредѣленіе это состоялось 16 сентября 1669:

«Палата, учрежденная повелѣніемъ Его Королевскаго Величества Людовика-Четырнадцатаго, для разбору правъ и титуловъ дворянства бретанской провинціи, въ присутствіи королевскаго

* Въ старинномъ русскомъ языкѣ слово *государь* (отъ чего и осталось: *милостивый государь*) значило въ точности то же что старо-французское *seigneur*, или *messiege*, слово *болринъ* -- то же что феодальное *seigneur*, *староста* -- то же что *comte* (графъ), *воевода* -- то же что *duc* (герцогъ). Частица *de* выражалась у насъ предлогомъ *на*: говорили и писали -- князь *на* Бѣлозерѣ, князь *на* Ростовѣ, соверш. пво такъ же какъ у Французовъ *duc de...*, *comte de...*, *seigneur de*.

«прокурора и честнаго господина Христофора де-Шатобриана, опредѣленіемъ отъ сего числа постановила: поименованнаго Христофора признать въ старинномъ дворянскомъ достоинствѣ, дозволивъ ему именоваться кавалеромъ, и утвердить за нимъ гербъ: въ красномъ полѣ золотыя лиліи, безъ счету, — на основаніи представленныхъ имъ документовъ, изъ которыхъ видно,» — и прочая. «Опредѣленіе подписалъ: Малеско.»

Въ опредѣленіи этомъ, между прочимъ, сказано, что Христофоръ Шатобрианскій на Герандѣ происходитъ по прямой линіи отъ Шатобриановъ на Бофортѣ (sires de Beaufort), какъ видно изъ документовъ, первыхъ потомковъ, бароновъ Шатобрианскихъ. Шатобрианы же на Вилльневѣ, на Плесса и на Комбургѣ были моложе Шатобриановъ на Герандѣ, что доказывается происхожденіемъ Амори, брата Михаила, сына Христофора на Герандѣ, утвержденного въ родѣ и достоинствѣ своемъ, опредѣленіемъ палаты, занимавшейся разсмотрѣніемъ правъ бретанскаго дворянства.

Послѣ представленія моего Людовику XVI, братъ вздумалъ улучшить мое положеніе какъ младшаго, доставленіемъ мнѣ нѣсколькихъ бенефицій называвшихся бенефиціями простыми. Но я былъ свѣтскій и къ тому же военный, — и не имѣлъ права этимъ воспользоваться: оставалось одно средство причислить меня къ Мальтійскому Ордену. Для этого братъ отправилъ мои документы въ Мальту и вскорѣ за тѣмъ подалъ отъ моего имени капитулу великаго пріорства аквитанскаго, собиравшагося въ Поатье, прошеніе о назначеніи комиссаровъ для рѣшенія означеннаго дѣла. Прошеніе было принято и исполнено 9, 10 и 11 сентября, 1789. Въ опредѣленіи между прочимъ сказано, что я по многимъ причинамъ заслуживаю испрашиваемой милости и что глубокое уваженіе, внушаемое мною, достойно этого отличія.

И все это происходило послѣ взятія Бастиліи, наканунѣ сценъ разыгранныхъ 6 октября 1789 и перевезенія королевской фамиліи въ Парижъ! Въ засѣданій же 7 августа того же года, Национальное Собраніе уничтожило всѣ дворянскіе титулы! Не знаю, по какому поводу кавалеры и тѣ, которые разсматривали мои документы, признали меня, бѣднаго пѣхотнаго подпоручика, вовсе неизвѣстнаго, безъ довѣрія, не пользовавшагося милостями двора и безъ состоянія, заслуживающимъ по многимъ причинамъ испрашиваемой милости и прочаго!

Старшій сынъ моего брата (это прибавляю я въ 1831 къ тому что написано въ 1811) графъ Луи де-Шатобрианъ женился на

дѣвцѣ д'Аргландъ, съ которой прижилъ пять дочерей и одного сына, Готфрида. Христіанъ, младшій братъ Луи, правнукъ и крестникъ Мальзербъ (Malesherbes) и чрезвычайно на него похожій, въ 1823 служилъ съ отличіемъ въ Испаніи, капитаномъ гвардейскаго драгунскаго полка, потомъ вступилъ въ Римъ въ общество Іезуитовъ. По мѣрѣ того, какъ пустыня исчезаетъ съ лица земли, Іезуиты замѣняютъ ее собою. Христіанъ умеръ недавно въ Кіери, близъ Турина. По лѣтамъ и болѣзни я долженъ бы былъ ему предшествовать, но добродѣтели призвали его на небо прежде меня, которому остается много еще оплакивать проступковъ.

При раздѣлѣ фамильнаго наслѣдія, Христіану досталось помѣстье Мальзербъ; Луи — помѣстье Комбургъ. Христіанъ, признавая равный въ этомъ случаѣ дѣлежъ не законнымъ, передъ смертію отказалъ имущество, которымъ пользовался не по праву, старшему своему брату.

Если бы я наслѣдовалъ дворянскую спѣсь отца и брата, то при видѣ своихъ пергаменовъ легко бы почелъ себя потомкомъ герцоговъ Бретанскихъ, происходившихъ отъ Тьерна, внука Алена-Третьяго.

Два раза кровь этихъ Шатобріановъ сливалась съ кровью англійскихъ государей: Готфридъ-Четвертый Шатобріанскій вступилъ въ супружество, вторымъ бракомъ, съ Агнесою де Лаваль, внучкою графа Анжуйскаго и Матильды дочери Генриха-Перваго, а Маргарита де-Люзианъ, вдова короля англійскаго и внучка Людовика Дебелаго (Louis le-Gros), вышла за мужъ за Готфрида-Пятаго, двѣнадцатаго барона Шатобріанскаго.

Въ испанскомъ королевствѣ донинѣ встрѣчается Бриенъ (Brien) второй братъ девятаго барона Шатобріанскаго; онъ былъ женатъ на Жаннѣ, дочери Альфонса, короля Аррагонскаго. Въ отношеніи же французскихъ знатныхъ фамилій, можно указать на Эдуарда де-Роганъ, женатаго на Маргаритѣ де-Шатобріанъ; потомъ на одного изъ Крои женатаго на Шарлотѣ де-Шатобріанъ; кромѣ того Тивбеніакъ, побѣдитель въ сраженіи Тридцати и Конетабль дю-Гескленъ, были также въ сродствѣ съ нами въ трехъ отрасляхъ. Тифень дю-Гескленъ, внука брата Бертранова, уступила своему двоюродному брату и наслѣднику, Бриану де-Шатобріану, владѣніе Плесса-Бертранъ. По разнымъ договорамъ, Шатобріановъ отдавали въ заложники мира французскимъ королямъ. Герцоги Бретаніи посылали Шатобріанамъ копія съ протоколовъ судебныхъ засѣданій. Шатобріаны были высшими сановниками

короны и при дворѣ пантскомъ значилась именитыми: на нихъ возлагалось обереженіе провинціи отъ Англичанъ.

Бріанъ Первый участвовалъ въ гаспінгскомъ сраженіи. Онъ былъ сынъ Эвдома (Eudon), герцога пантievрекаго. Гви де-Шатобріанъ былъ въ числѣ вельможъ, сопровождавшихъ сына Артура Бретанскаго, въ посольствѣ къ папѣ въ 1309 году.

Простите, что я принужденъ былъ погрузиться въ такіе скучные рассказы, для того чтобы показать преобладающую страсть моего отца, которая сдѣлалась завязкою драмы моей юности. Что до меня, то я не горжусь ни стариннымъ обществомъ, ни жалуюсь на нынѣшнее: въ томъ я былъ кавалеръ и виконтъ де-Шатобріанъ, въ этомъ — я просто Францискъ Шатобріанъ. Имя свое я предпочитаю титулу.

Теперь, восходя отъ моего родителя, доберемся до Христофора, боярина-господина на Герандѣ и потомка по прямой линіи высокородныхъ бароновъ шатобріанскихъ, а отъ него сойдемъ до меня, Франциска боярина-господина на Волчьей-Долинѣ, безъ холопей и безъ денегъ.

Такимъ образомъ родъ Шатобріановъ раздѣлился съ самаго начала на три отрасли; двѣ первыя прекратились; третья, Бофорская, продолжалась особенною вѣтвью (Шатобріаны на Герандѣ) и впала въ нищету, неизбѣжный результатъ тогдашнихъ законовъ о наследствѣ; потому что старшіе въ дворянскомъ родѣ получали двѣ трети всего имущества, а младшіе дѣлили между собою остальную треть отцовскаго добра. Жалкая доля послѣднихъ приходила къ крайности тѣмъ скорѣе, что они вступали въ бракъ, а какъ тотъ самый раздѣлъ существовалъ и для нихъ дѣтей, то младшіе доходили скоро дотого, что должны были иногда дѣлить между собою голубя, кролика, утиный дворъ и охотничью собаку, хотя между прочимъ они все-таки оставались высокородными рыцарями и ясновельможными государями голубятни, жабьей лужи и загородки для кроликовъ. Въ старинныхъ семействахъ встрѣчаешь множество младшихъ братьевъ, слѣдишь за ними два или три поколѣнія, а потомъ они исчезаютъ, обратившись къ плугу или перейдя въ рабочій классъ, и тогда никто уже не знаетъ что съ ними случилось.

Представителемъ имени и герба нашей фамиліи, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія, былъ Алексѣй де-Шатобріанъ, бояринъ на Герандѣ, сынъ Михаила, а у Михаила былъ сынъ тотъ Христофоръ, который причисленъ къ роду Бофоровъ и бароновъ Шатобріанскихъ, выше приведеннымъ опредѣленіемъ. Алексѣй на Ге-

рандѣ былъ вдовѣ, отъявленный пьяница, велъ распутную жизнь съ своими служанками я важнѣйшими фамильными актами покрывалъ крынки съ масломъ.

Въ одно время съ этимъ представителемъ нашего имени и горба, жилъ двоюродный братъ его Францискъ, сынъ Амори, меньшаго брата Михаила. Францискъ родился 19 февраля 1683, владѣлъ небольшими помѣстьями Тушъ и Вильнёвъ и женился 27 августа 1713, на Петроннелѣ Клавдіи Латуръ де-Ланжею, отъ которой имѣлъ четверыхъ сыновей; Франциска Генриха Ренея (моего отца), Петра (боярина на Плесси) и Иосифа (боярина на Парно). Дѣдъ мой умеръ 28 марта 1729; бабуку я зналъ бывъ ребенкомъ; прекрасный взоръ еще озарялъ улыбкою прака преклонныхъ ея лѣтъ. По смерти мужа, она поселилась въ помѣстьи Вильнёвъ, близъ Дивана. Все состояніе ея заключалось въ пяти тысячахъ ливрахъ доходу, изъ которыхъ приходилось на долю старшаго двѣ трети.

Къ довершенію несчастія, всѣ предположенія моей бабушки разстроены были характеромъ ея сыновей: старшій, Францискъ Генрихъ, наслѣдовавшій богатое помѣстье Вильнёвъ, отказался отъ женитьбы и вступилъ въ духовное званіе; но вмѣсто того, чтобы домогаться бенефицій, которыя бы могла ему доставить знатность роду и тѣмъ самымъ помочь братьямъ, онъ, по безпечности и гордости, не искалъ ничего. Онъ совершенно посвятилъ себя обязанностямъ сельскаго священника и былъ ректоромъ сначала въ Сенъ-Лонёкѣ, потомъ въ Медриьякѣ, въ епархіи Сенъ-Мало. Онъ имѣлъ страсть къ поэзіи, и я видѣлъ многія изъ его стихотвореній. Веселый характеръ этого Раблэ во дворянствѣ, служеніе этого христіанскаго священника музамъ, возбуждали любопытство. Онъ раздавалъ все что имѣлъ, и умеръ въ неоплатныхъ долгахъ.

Четвертый братъ моего отца, Иосифъ, отправился въ Парижъ, заперся въ библіотекѣ, и, получая ежегодно свою долю четыреста-шестнадцать ливровъ, прожилъ въ безвѣстности, окруженный книгами и занимаясь историческими изысканіями. При жизни, которая была не долговѣчна, онъ перваго ливаря каждаго года писалъ къ матери, и это было единственнымъ признакомъ его существованія. Странная судьба! Вотъ двое моихъ дядей, одинъ ученый, другой поэтъ; мой старшій братъ писалъ довольно порядочные стихи; одна изъ сестеръ мадамъ де-Фарси, имѣла истинное дарованіе къ поэзіи, другая сестра графиня Люсия могла бы пріобрѣсть извѣстность вѣсколькими превосходными страницами;

я, въ свою очередь, перемаралъ пропасть бумагъ. Братъ мой погибъ на эшафотѣ, обѣ сестры умерли въ скорби, томившись нѣсколько времени въ тюрьмѣ, двое дядей моихъ не оставили чѣмъ заплатить даже за четыре доски гроба. Литература была для меня и радостью и горемъ, и съ Божіею помощію, я не отчаяваюсь умереть въ богадѣльнѣ.

Бабка истощивъ всѣ средства, въ пользу старшаго и младшаго сыновей, ничего уже не могла сдѣлать для двухъ другихъ, отца моего Ренея, и дяди Петра. Родъ, который по девизу своему сѣялъ золото, видѣлъ изъ своего дворянскаго помѣстья богатыя аббатства, имъ основанныя, гдѣ покоились останки предковъ, предсѣдательствовалъ въ качествѣ владѣтеля одного изъ девяти баронетовъ на бретонскомъ сеймѣ, подписывался на договорахъ государей, служилъ заложникомъ Клиссону, теперь не имѣлъ и столько вѣсу, чтобы добыть чинъ подпоручика наслѣднику своего имени.

Бѣдному бретонскому дворянству оставалось одно средство, морская служба: туда хотѣли опредѣлить отца моего; но прежде всего надобно было ѣхать въ Брестъ, жить тамъ, нанимать учителей, сдѣлать обмундировку, закупить книгъ, математическихъ инструментовъ: гдѣ же было взять на это денегъ? Патента, котораго просили у морскаго министра, не высылали, потому что некому было ходатайствовать объ этомъ, и владѣтельница вильневскаго замка, съ горя, занемогла.

Тогда отецъ мой въ первый разъ показалъ рѣшимость характера. Ему было около пятнадцати лѣтъ: замѣтивъ безпокойство матери, онъ подошелъ къ постелѣ, на которой она лежала и сказалъ: «не хочу больше быть вамъ въ тягость.» Бабка заплакала. (Отецъ мой разъ двадцать рассказывалъ мнѣ эту сцену). Реней, отвѣчала она, что ты хочешь дѣлать? паши свое поле. — Но оно не прокормитъ насъ, позвольте мнѣ уйти. «Ну такъ иди куда Богъ поведетъ тебя», отвѣчала мать, и рыдая обняла сына. Въ тотъ же вечеръ отецъ мой покинулъ родительскій домъ и пришелъ въ Динанъ, гдѣ родственница наша дала ему рекомендательное письмо къ одному изъ жителей Сенъ Мало. Отважный спрота вступилъ волонтеромъ на вооруженную шкуну, которая черезъ нѣсколько дней вышла въ море.

Маленькая республика Сенъ-Мало, одна подерживала тогда на моряхъ честь французскаго флага. Шкуна присоединилась къ флоту, отправленному кардиналомъ Флери, на помощь Станиславу, осажденному Русскими въ Данцигѣ. Отецъ мой вышелъ на

берегъ и участвовалъ въ достопамятномъ сраженіи, 18 и 29 мая 1734, въ которомъ полторы тысячи Французовъ, подъ начальствомъ храбраго Бретонца де-Брегана, графа Пелло, дрались съ сорока-тысячною русскою арміею, подъ предводительствомъ Миниха. Де-Бреганъ, дипломатъ, воинъ и поэтъ, былъ убитъ, а отецъ мой получилъ двѣ раны, и возвратился во Францію, снова пустился въ море. Потерпѣвъ кораблекрушеніе у береговъ Испаніи, онъ попался въ Галисію въ руки разбойниковъ, которые, ограбили его до чиста. Тогда онъ сѣлъ въ Байоннѣ на корабль и возвратился подъ отцовскій кровъ. Мужество и любовь къ порядку доставили ему извѣстность. Онъ переселился на острова, нашлъ себѣ состояніе въ колоніяхъ и положилъ начало новому богатству своей фамиліи.

Бабка вѣрила своему сыну Ренею, сына Петра де-Шатобриана на Плессе, сынъ котораго Арманъ де Шатобрианъ, разстрѣлявъ по приказанію Бонапарте, въ Великую Пятницу 1810 года. Онъ былъ одинъ изъ послѣднихъ французскихъ дворянъ, положившихъ голову за дѣло монархіи *. Отецъ мой взялъ на себя попеченіе о судьбѣ своего брата, хотя отъ постоянныхъ страданій, характеръ его сдѣлался суровымъ, и сохранился такимъ во всю жизнь. Non ignara mali, не всегда справедливо : Несчастью равно свойственны и суровость и лѣжность чувствъ.

Часть первая.

Шатобрианъ, отецъ мой, былъ высокъ ростомъ и худощавъ; носъ у него былъ острый, губы тонкія и блѣдныя, глаза впалые, маленькіе, зелено-синіе или сѣро-зеленыя, какъ у львовъ или древнихъ варваровъ. Я никогда не встрѣчалъ подобнаго взгляду; когда въ немъ выражался гнѣвъ, то сверкающій зрачокъ, казалось, готовъ былъ выскочить и поразить васъ какъ пулю.

Въ отцѣ моемъ преобладала одна страсть : безпрестанная забота о поддержаніи чести своего имени. Обыкновенное расположеніе его духа была глубокая грусть, увеличившаяся съ лѣтами, и молчаливость, изъ которой выводила его одна только вспыльчивость. Скупой, въ надеждѣ возвратитъ своей фамиліи прежній блескъ, гордый съ дворянами на бретанскомъ сеймѣ, жестокий съ своими холопами въ Комбурѣ, молчаливый, грозный деспотъ въ домашнемъ быту, онъ появленіемъ своимъ наводилъ страхъ.

* Писано въ 1811 году. Примѣчаніе 1831 года. Женева.

Еслибъ онъ дожилъ до революціи и былъ моложе, то игралъ бы важную роль, или налъ бы защищаясь въ своемъ замкѣ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ одаренъ гениемъ, и я увѣренъ, что будь онъ министромъ или начальствуи надъ войскомъ, онъ былъ бы человекомъ необыкновеннымъ.

Онъ подумалъ о женитьбѣ, когда возвратился изъ Америки. Онъ женился тридцати-пяти лѣтъ, на Аполлинь де-Бедѣ (Bedée), родившейся 7 апрѣля 1726, и дочери Анибала, графа де-Бедѣ, боярина на Бутардѣ. Онъ поселился съ женою въ Сенъ-Мало, въ семи или осми миляхъ отъ котораго они оба родились. Изъ омонъ ихъ жилища видѣнъ былъ горизонтъ ихъ родины.

Матушка моя, одаренная обширнымъ умомъ и пышнымъ воображеніемъ, образовалась чтеніемъ Фенелона, Расина, мадамъ де-Севиньё и анекдотовъ о дворѣ Людовика - Четырнадцатаго; она знала наизусть всего «Кира».

Аполлиня де-Бедѣ, при крупныхъ чертахъ лица, была черна, маленькаго роста и дурна; взяточность ея манеръ и веселый характеръ совершенно различествовали съ суровостью и безмолвіемъ моего отца. Любя столько же общество, сколько онъ любилъ уединеніе, столько же рѣзвая и одушевленная, сколько онъ былъ неподвиженъ и холоденъ, она не имѣла ни одной-наклонности, которая бы не казалась противоположна вкусамъ ея мужа. Безпрестанное во всемъ противорѣчіе сдѣлало ее изъ вѣтренной и веселой задумчивою. Принужденная молчать, когда ей хотѣлось говорить, она вознаграждала себя за это какою-то шумною печалью и вздохами, которые одни только могли вывести отца моего изъ безмолвной грусти. Въ отношеніи къ благочестію, матушка была совершенный ангель.

Волчьа долина, 31 декабря 1811 г.

РОЖДЕНІЕ МОИХЪ БРАТЬЕВЪ И СЕСТЕРЬ. — Я являюсь на свѣтъ.

Матушка родила въ Сенъ-Мало перваго сына, умершаго младенцемъ и названнаго Готфридомъ: имя это носили почти всѣ старшіе братья нашей фамиліи. Послѣ него родились другой сынъ и двѣ дочери, которые жили только нѣсколько мѣсяцовъ.

Всѣ четверо умерли отъ разлитія въ мозгу крови. Наконецъ матушка произвела на свѣтъ третьяго сына, названнаго Жанъ-Батистомъ и женившася впоследствии на внучкѣ Мальзерб-ба. Послѣ Жанъ-Батиста родились четыре дочери: Марія-Анна, Беннива, Юлія и Люцилія, всѣ рѣдкой красоты; изъ нихъ

только двѣ старшія пережили бурное время революціи. Красота, суета такая важная, остается, когда всѣ прочія суеты уже прошли. Я былъ послѣднимъ изъ десятирехъ дѣтей.

Вотъ свидѣтельство о моемъ крещеніи:

«Выписка изъ книгъ гражданскаго правленія общины Сень-Мало за 1768 годъ.

«Францискъ-Ренеи де-Шатобрианъ, сынъ Ренеи де-Шатобриана и супруги его, Полины-Юанны-Суванны де-Бедѣ, родившійся 4 сентября 1768, крещенъ на слѣдующій день, въ церкви, Петроу-Герихомъ Ноалемъ, великимъ викаріемъ епископа сень-мало-скаго. Восприемникомъ отъ кунели былъ братъ его, Жанъ-Батистъ де-Шатобрианъ, восприемницею Франциска-Гертруда де-Контадъ, которые и подписались вмѣстѣ съ отцомъ. Въ книгахъ подписались: Контадъ де-Плуэръ, Жанъ-Батистъ де-Шатобрианъ, Бривонъ де-Шатобрианъ, и генералъ-внй викарій Намъ.»

Изъ этого видно, что я ошибаюсь въ своихъ сочиненіяхъ, показывая себя родившимся 4 октября, а не 4 сентября; имена мои: Францискъ-Ренеи, а не Францискъ-Августъ.

Домъ, въ которомъ жили тогда мои родители, стоитъ въ узкой и мрачной улицѣ Сень-Мало, называемой Жидовскою. Домъ этотъ превращенъ теперь въ гостиницу. Комната, гдѣ я родился, господствуетъ надъ пустынною частью городскихъ стѣнъ и изъ оконъ ея видно необозримое море, которое разбивается о подводные камни. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ, какъ видно изъ метрическаго свидѣтельства, братъ мой, а крестною матерью графиня де-Плуэръ, дочь маршала де-Контада. Я почти былъ мертвъ, когда явился на свѣтъ. Ревъ волнъ, который надымалъ сильный вихрь, возвращавшій осеннее равноденствіе, заглушалъ крики мои; мнѣ часто рассказывали эти грустныя подробности и они никогда не могли изгладиться изъ моей памяти. Нѣтъ дня, чтобы я мысленно не представлялъ себѣ скалы, на которой родился, комнату, гдѣ матушка наложила на меня бремя жизни, бурю, которой завываніе убаюкивало меня въ моемъ младенствѣ, несчастнаго брата, давшаго мнѣ имя, которое я волюнчалъ въ злополучіи. Нсбо, казалось, съ умысломъ соединило всѣ эти различныя обстоятельства, чтобы въ колебеліи показать ожидающую меня судьбу.

Возвѣтъ должна, январь 1812 г.

ПЛАНКУЭ.— ОБЪТЪ.— КОМБУРГЪ.— ПЛАНЪ ОТЦА ДЛЯ МОЕГО ВОСПИТАНІЯ.— ВИЛЬНЕВЪ.— ЛЮСИЪ.— ДЪВНИЦА КУПАРЪ.— Я ДУРНОЙ УЧЕНИКЪ.

При выходѣ изъ утробы матери, я уже осужденъ былъ на изгнаніе; меня отправили въ Планкуэ, хорошенькую деревню, лежащую между Динаномъ, Сенъ-Мало и Лашбалемъ. Единственный братъ матушки, графъ де-Бедѣ, построилъ близъ этой деревни замокъ Моншоа. Помѣстья бабушки простирались въ окрестностяхъ до села Корсѣль, извѣстнаго въ коментаріяхъ Цезаря подъ названіемъ *Curiosoletes*. Бабушка, за нѣсколько лѣтъ до этого овдовѣвшая, жила съ своей сестрою дѣвицею де-Боательель, въ деревушкѣ отдѣленной отъ Планкуэ мостомъ и называвшейся аббатствомъ, но той причинѣ, что на томъ же мѣстѣ было бенедиктинское аббатство, посвященное Пресвятой Богородицѣ Назаретской.

Когда у моей кормилицы скрылось вдругъ молоко, то другая бѣдная крестьянка приняла меня на грудь. Она посвятила меня покровительницѣ деревни, Пресвятой Богородицѣ Назаретской и дала обѣтъ, что я буду носить въ честь ея, до семи лѣтъ, бѣлый и голубой цвѣта. Жизнь моя едва только началась, а уже смутность времени обозначилась на моемъ челѣ. За чѣмъ не далъ мнѣ умереть? Видно Богу было угодно по обѣту безвѣстности и невинности, продлить дѣв, которымъ грозила суетная извѣстность.

Этотъ обѣтъ, произнесенный бретанскою крестьянкою, уже обѣтъ не нашего вѣка: сколько было трогательнаго въ этомъ посредничествѣ Небесной Матери, становящейся между ребенкомъ и небомъ и раздѣляющей попеченія матери земной.

Спустя три года меня перевезли въ Сенъ-Мало, тогда было семь лѣтъ какъ отецъ мой снова прибралъ помѣстье Комбургъ. Ему хотѣлось владѣть имѣніями, гдѣ жили его предки; но не имѣя возможности купить ни владѣнія Бофоръ, доставшагося фамиліи де-Гайонъ, ни баронства Шатобрианскаго перешедшаго въ руки фамиліи де-Кондѣ, онъ обратилъ вниманіе на помѣстье Комбургъ или, какъ называетъ Фроассаръ, Кобуръ, которымъ владѣли многія отрасли нашей фамиліи, черезъ браки съ Коткенами (*Coëtquen*). Комбургъ служилъ защитою Бретани на границахъ нормандской и англійской: замокъ этотъ построилъ въ 1016 году дольскій епископъ Юнкенъ.

Я назначенъ былъ въ морскую службу; всякіи Бретонцы, а

въ особенности мой отецъ по врожденному чувству, удался двора.

Аристократія нашего сейма укрѣпила въ немъ это чувство.

Въ то время когда меня перевезли въ Сенъ-Мало, отецъ мой былъ въ Комбургѣ, братъ мой въ сенъ-брекскомъ коллегіумѣ, четыре же сестры мои жили съ матушкою.

Вся пѣжность матушки сосредоточивалась на старшемъ сынѣ, не потому, чтобъ она не любила другихъ дѣтей, но маленькому грѣшу на Комбургѣ она оказывала какое-то слѣное предпочтеніе. Правда, что и я какъ мальчикъ и меньшій изъ всѣхъ, и какъ кавалеръ (такъ называли меня) пользовался также многими преимуществами предъ сестрами; но все-таки предоставленъ былъ попеченію слугъ. Сверхъ того матушка моя, исполненная ума и добродѣтели, была очень занята и религіозными и свѣтскими обязанностями. Графиня де-Шлуэръ, моя крестная мать, была ея душевная подруга. Она видалась также съ родственниками Монкэрти и аббата Триблѣ; любила политику, шумъ, свѣтъ; потому что и въ Сенъ-Мало занимался политикою и домой возвращалась въ сердитомъ расположеніи духа, съ разсѣянными воображеніемъ, съ склонностью къ скупости: все это не позволяло намъ сначала узнать ея прекрасныя качества. Любя порядокъ, она между тѣмъ не соблюдала его въ отношеніи къ дѣтямъ; бывъ щедрою, казалась скупой; имѣла душу кроткую, всегда бранилась: отецъ мой былъ ужасомъ слугъ, мать — ихъ бичомъ.

Подъ вліяніемъ такого характера родителей, образовались первые мои чувствованія. Я привязался къ особѣ, которая ходила за мною, превосходной женщиной: ее звали Вильневъ, и имя это я пишу съ признательностью и со слезами. Вильневъ была у насъ въ домѣ въ родѣ ключницы или управительницы, носила меня на рукахъ, давала мнѣ тайкомъ все, что могла найти, отирала мои слезы, бросала меня въ уголь, потомъ опять схватывала и приговаривала всегда: «Этотъ не будетъ гордецомъ; у него доброе сердце; онъ не отталкиваетъ бѣдныхъ людей; вотъ тебѣ, мальчишечка,» — и она пичкала меня сахаромъ и поила виномъ.

Мое дѣтское расположеніе къ Вильневшѣ скоро превратилось въ болѣе достойную дружбу.

Люсилъ, четвертая изъ моихъ сестеръ, была старше меня двумя годами. Ею какъ младшею мейѣ занималась, нарядъ ея состоялъ изъ обносковъ сестеръ. Представьте себѣ дѣвочку худенькую, высокую не по лѣтамъ, съ длинными, безобразными

руками, робкую, которая говоритъ съ трудомъ и ничѣмъ не можетъ выучить, надѣньте на нее платье шитое на другой ростъ, затяните ее въ корсетъ, котораго острые концы дѣлаютъ на бокахъ раны, подоприте шею желѣзнымъ ошейникомъ, обшитымъ темнымъ бархатомъ, зачешите все волосы на верхъ, прикройте ихъ маленькою шапочкою изъ темной тѣсты; и вы увидите передъ собою жалкое существо, которое поразило меня, по возвращеніи въ родительскій домъ: ни кто не могъ подозревать въ этой слабой Люсилі, тѣхъ дарованій и красоты, которыми она блистала въ послѣдствіи.

Какъ игрушку отдали ее въ мое распоряженіе; но я не употреблялъ во зло моей власти; вмѣсто того чтобы подчинить своей волѣ, я сталъ ея защитникомъ.

Каждое утро меня и ее водили къ сестрамъ Купнаръ, двумъ старымъ горбушнямъ, одѣтымъ въ черное платье, которые учили читать. Люсилі читала очень плохо; я еще хуже. Когда ее бранили, я царапалъ учительницъ, и онѣ приносили потомъ на меня жалобы матушкѣ. Меня начали называть негодникомъ, бунтовщикомъ, лѣнтяемъ и наконецъ осломъ. Вотъ каковы были мысли моихъ родителей. Отецъ мой говорилъ, что все какаеры де-Шатобрианъ были пьяницы, спорщики и ужьли только гонять зайцевъ. Матушка вздыхала и ворчала, видя мою курточку въ безпорядкѣ. Несмотря что я былъ ребенокъ, однакожъ слова отца моего меня оскорбили; когда же матушка заключала свои выговоры похвалою моему брату, котораго она называла Катонъ и героемъ, я готовъ былъ надѣлать всѣхъ возможныхъ мерзостей.

Мой учитель чистописанія, мосье Допре, въ матросскомъ парикѣ, былъ столько же мною недоволенъ, сколько родители; онъ заставлялъ меня вѣчно списывать, съ его собственной прописи, слѣдующіе два стиха, которые мнѣ стали отвратительны, но не потому, что въ нихъ были ошибки противъ языка:

C'est à vous mon esprit à qui je veux parler:

Vous avez des défauts que je ne puis celer.

Выговоры свои онъ сопровождалъ ударами кулакомъ въ шею и называлъ меня tête d'achôgre: можетъ-быть онъ хотѣлъ сказать achôgre *.

* По-гречески Achôgre, значитъ короста.

Сенъ-Мало не что иное какъ скала, возвышавшаяся некогда по-
среди соленого озера; она сдѣлалась островомъ, по причинѣ раз-
литія моря, которое въ 1709 году вырыло заливъ и поставило
Гору Святаго Михаила посреди волнъ. Въ настоящее время, Сенъ-
Мало соединяется съ твердою землею посредствомъ насыпи, кото-
рую называютъ поэтически бороздой (le Sillon). Силлонъ съ од-
ной стороны омывается открытымъ моремъ, съ другой проли-
вомъ, который поворачиваетъ, чтобы войти въ портъ, почти во-
все разрушенный въ 1730 бурей. Во время отлива, портъ оста-
ется сухимъ и на восточной и сѣверной закраинахъ моря
открывается отмель прекраснѣйшаго песку. Тогда можно мое
родительское мѣсто обойти кругомъ. Вблизи и вдали разсѣяны
скалы, форты, необитаемые островки, и королевскій фортъ,
Ковшѣ, Сезамбръ и Гранъ-Бѣ, гдѣ будетъ моя могила; не зная
значенія слова *бе*, выборъ мой оказался удачнымъ: *бе* по-бретон-
ски значитъ — могила.

На оконечности Силлона, на берегу открытаго моря находится
пещерная горка. Эта горка называется la Huguette, на ней стоятъ
старая вѣстница; столбъ, который служилъ намъ для игры въ
четыре уголка и которые мы оспаривали у морскихъ птицъ.
Однако жъ, не безъ страха приходили мы на это мѣсто.

Тамъ встрѣчаются также les Miels, отмели покрытыя травою,
на которыхъ паслись овцы; на право отъ нихъ, у подошвы Па-
рандъ, луга, почтовая дорога нѣтъ Сенъ-Сервена, новое кладбище,
хозяинъ съ крестомъ, мельницы на пригоркахъ, подобныя возвы-
шавшимся на могилѣ Ахиллеса при входѣ въ Геллееспонтъ.

Мнѣ было почти семь лѣтъ, когда матушка повезла меня въ
Нланкуэ, чтобы свѣтъ объѣтъ кормилицы; мы остановились у
бабки. Если я когда-нибудь видывалъ счастье, то, конечно, въ томъ
домѣ.

Бабка моя жила въ улицѣ Hameau de l'Abbaye; сады ея дома
террасами спускались въ долину, въ глубинѣ которой была
опята обруженный пещи. Гранниа де-Бодѣ не могла уже
ходить, но за то промѣ этого недуга она не знала другихъ, свой-
ственныхъ престарѣлости. Это была приятная старушка, полная,
блѣлая, съ важнымъ видомъ, съ благородными и прекрасными ма-
керами; она носила платье со складками à l'antique, черный кру-
жевой чепецъ, завязанный подъ подбородкомъ. Умъ у нея былъ
образованный, тонъ разговора важный, расположеніе духа серъ-
озное. За ней ухаживала сестра ея дѣвица де-Боательёлъ, кото-

рая походила на нее одною добротой. Она была маленькаго росту, худощавая, веселая, разговорчивая и насмѣшливая.

Она влюблена была въ графа де-Тремигона, который обѣщалъ на ней жениться, но потомъ отказался. Тетушка утѣшилась, востывая свою любовь въ стихахъ, потому что она была поэтъ. Я помню, какъ бывало она, вышивая для сестры шарукавники въ два ряда, напѣвала въ носъ родъ эпиграма, который начинался:

Un épervier aimait la fauvette,
Et, ce dit-on, il en était aimé.

Что казалось мнѣ всегда страннымъ, для коршуна. Пѣсня оканчивалась припѣвомъ:

Ah! Tremigon, la fable est-elle obscure?
Ture lure.

Сколько на свѣтѣ вещей, которыя оканчиваются подобно любви моей тетушки!.... Всѣ распоряженія въ домѣ, бабка возложила на сестру. Она обѣдала въ одиннадцать часовъ, потомъ отдыхала; въ часъ просыпалась, потому что ее сносили по садовымъ террасамъ, подъ нвы фонтана, тамъ она встала, окруженная сестрою, дѣтьми и внучатами. Въ то время старость была достоинствомъ, теперь она — бремя. Въ четыре часа бабушку снова приносили въ гостиную; Петръ, слуга, ставилъ карточный столъ; дѣвица де-Боательель ударила щипцами въ металлическую доску камина и черезъ нѣсколько минутъ, по призыву моей тетушки, явились изъ сосѣдняго дома три другія старыя дѣвы. Это были три сестры дѣвицы Вильдене, дочери небогатаго дворянина. Въ-сто того, чтобы раздѣлить между собою доставшееся небогатое наследство, онѣ пользовались имъ со-обща, никогда не разлучались другъ съ другомъ и нигуда изъ своей деревни не выѣзжали. Дружныя съ моей бабушкой съ самаго дѣтства, онѣ жили рядомъ съ нею и по условному сигналу, приходили каждый день играть со своей пріятельницей въ ломберъ. Игра начиналась, добрыя женщины ссорились; это было единственнымъ событіемъ въ ихъ жизни, случаемъ, который нарушалъ ихъ одинаковое расположеніе духа. Въ семь часовъ, ужинъ возстановлялъ прежнее спокойствіе. Дядя графъ де-Бедѣ часто бывалъ съ своимъ сыномъ и тремя дочерьми на ужинахъ моей бабки. Она рассказывала множество анекдотовъ стараго времени; дядя въ свою очередь говорилъ о битвѣ при Фонтеноа, въ которой онъ участвовалъ и заключалъ свои хвастливыя выходки, довольно нескром-

выми исторіями, заставлявшими старыхъ дѣвъ помирать со смѣху. Въ девять часовъ, когда ужинъ окончивался, входили слуги, всѣ становились на колѣна и дѣвица де-Боательель читала вслухъ молитву.

Въ десять часовъ, всѣ уже спали въ домѣ, кромѣ одной бабки, которой горничная читала чтò-нибудь до часу утра.

Это общество было первое, которое я замѣтилъ въ моей жизни, и оно первое исчезло изъ глазъ моихъ. Я видѣлъ, какъ смерть входила подъ этотъ мирный и благословенный кровъ, мало-по-малу опустошала его, запирала комнату за комнатою, и онѣ больше уже не отворялись. Я видѣлъ, какъ бабка должна была отказаться отъ своего домбера, потому что не съ кѣмъ было играть; я видѣлъ какъ убавлялось число ея искреннихъ пріятельницъ, до того дня, когда скончалась и моя бабка; она послѣдняя сошла въ могилу. Обѣ сестры дали другъ другу обѣщаніе, что та, которая опередитъ другую, должна призвать къ себѣ сестру, и обѣщаніе она сдержала: графиня де-Бедѣ только въсколькими мѣсяцами пережила дѣвицу де-Боательель. Я одинъ можетъ-быть на свѣтѣ знаю, что онѣ нѣкогда существовали. Двадцать разъ, съ того времени, я дѣлалъ подобныя замѣчанія, и двадцать разъ видѣлъ, какъ общества образовывались и потомъ разстроивались. Эта невозможность продолжительности и долговременности отношеній, существующихъ между людьми, это глубокое забвеніе, которое слѣдуетъ за нами, это неварушимое безмолвіе овладѣвающее нашею могилою и проникающее въ семейства, безпрестанно наводило меня на мысль о необходимости одиночества. Рука каждаго можетъ подать стаканъ воды въ предсмертной лихорадкѣ, лишь бы только она не была намъ слишкомъ дорога. Какъ, безъ отчаянія, покинуть руку, которую покрывалъ поцѣлуями и хотѣлъ бы вѣчно прижимать къ сердцу!

Замокъ графа де-Бедѣ стоялъ въ одной милѣ отъ Планкуе; мѣстоположеніе было возвышенное и пріятное. Тамъ все дышало радостью. Дядя былъ всегда веселъ. У него было три дочери: Каролина, Марія и Флора и сынъ графъ Бузгардѣ, совѣтникъ въ парламентѣ. Всѣ они раздѣляли отъ души веселое расположение дяди. Часто въ Моншуа собирались двоюродные братья жившіе въ сосѣдствѣ; тогда все общество занималось музыкою, или танцовало, или же отправлялось на охоту, однимъ словомъ веселились съ утра до вечера. Бабка графиня де-Бедѣ, видя что сынъ ея проживаетъ и доходы и капиталъ, сердилась, и не безъ

основаніа; но ея не слушали и ея неудовольствіе еще болѣе увеличивало веселость всего семейства, тѣмъ болѣе, что у бабки были также своего роду прихоти; наприимѣръ: она любила держать на колѣнахъ большую, злую охотничью собаку и ходить въ сопровожденіи ручнаго кабана, котораго хрюканье раздавалось по всему замку. Когда я пріѣзжалъ изъ родительскаго дому въ это жилище праздниковъ и шума, — мнѣ казалось, что я былъ въ раю. Эта противоположность сдѣлалась еще разительнѣе, когда мы совѣмъ переселились въ деревню: перейти изъ Комбурга въ Моншуа, всё-равно что перейти изъ пустыни въ свѣтъ, изъ башни бароновъ ередникъ въковъ въ загородный дворецъ какого-нибудь римскаго князя.

Въ день Вознесенія Господня 1775 я отправился отъ моей бабки, съ матушкою, теткою де-Боательёлъ, дядею де-Бедѣ и его дѣтми, съ моею кормилицею и моимъ молочнымъ братомъ въ церковь Пресвятой Богородицы Назаретской. На мнѣ была большой длинный сюртукъ, башмаки, перчатки, бѣлая шляпа и голубой шелковый поясъ. Мы прибыли въ аббатство въ десять часовъ утра. Монастырь, стоявшій у самой дороги, казался еще болѣе старымъ отъ окружающей роши вязовъ, современныхъ Іоанну-Пятому Бретанскому. Изъ роши выходятъ на кладбище; Христіанцъ непнначе могъ достигнуть церкви, какъ пройдя черезъ ряды могилъ: смерть ставитъ насъ передъ ликъ Божій.

Монахи стояли уже на своихъ мѣстахъ, алтарь освѣщенъ множествомъ свѣчъ; съ роскошныхъ сводовъ опускались лампы: своды эти въ готическихъ церквахъ представляютъ какъ бы теряющіеся въ отдаленіи одинъ за другимъ горизонты. Жезлоносцы церемоніально встрѣтили меня у дверей и повели на клиросъ. Тамъ приготовлены были три стула; я сѣлъ по срединѣ, кормилица слѣва, а молочный братъ справа.

Началась обѣдня; во время проскомидіи, совершавшій служеніе обратился ко мнѣ и прочелъ молитвы; послѣ чего съ меня сняли мои бѣлыя платья и повѣсили ихъ въ видѣ ex voto, подъ образомъ Богородицы. На меня же надѣли платье фіолетоваго цвѣта.

Пріоръ произнесъ слово о дѣйствительности обѣтовъ; онъ напомнилъ исторію барона Шатобріанскаго, ходившаго съ Людовикомъ Святымъ въ Святую Землю и сказалъ, что можетъ-быть и мнѣ случится поклониться въ Палестинѣ Пресвятой Богородицѣ Назаретской, которой я обязанъ живнію, по молитвѣ бѣдныхъ, всегда всемлемой Богомъ. Этотъ монахъ, рассказавъ мнѣ исторію моей фамиліи, какъ дѣдъ Данте разказывалъ ему исторію его

предковъ, могъ бы также подобно Каччагундѣ, прибавить къ
 сей предсказаніе о моихъ изгнаніи.

Tu proverai si come sà di sale
 Il pane altrui, e come é duro calle
 Lo scendere e'l salir per l'altrui scale.
 E quel che più ti graverà le spalle,
 Sarà la compagnia malvagia e scempia
 Con la qual tu cadrai in questa valle;
 Che tutta ingrata, tutta matta ed empia
 Si para contra te....

.....
 Di sua bestialitate il suo processo
 Sarà la pruova, si ch'a te la bella
 Averti fatta parte, per le stella.

(Ты узнаешь какъ солонъ чужой хлѣбъ, какъ труденъ всходъ и спускъ
 по чужой лѣстницѣ. А больше еще будетъ тяготить тебя, общество дурное
 и безумное, съ которыми ты падешь и которое, вполнѣ неблагодарное,
 вполнѣ нечестивое, обратится противъ тебя.... Доказательствомъ его без-
 смысленности будутъ его поступки; а тебѣ будетъ благо, что ты сдѣла-
 ешь свое дѣло.)

Съ - тѣхъ - поръ какъ слышалъ проповѣдь этого бенедиктинца,
 я мечталъ о путешествіи въ Іерусалимъ, и наконецъ мнѣ удалось
 совершить. Я былъ посвященъ религін, одежда моей невинности
 покоилась на ея алтаряхъ: теперь не платье мнѣ надобно повѣ-
 сить въ храмахъ, а мое злополучіе.

Меня снова перевезливъ Сень-Мало. Сень-Мало не тотъ Алетъ
 (Aleth), о которомъ говорится въ Notitia imperii; Римляне дали
 Алету лучшее положеніе; онъ находился въ предмѣстіи Сень-
 Сервоа, и имѣлъ военный портъ, называвшійся Солидоръ (So-
 lidor), при устьѣ Рансы. Напротивъ Алета была скала, est
 in conspectu Tenedos, но она служила не убѣжищемъ для ковар-
 ныхъ Грековъ, а обителью отшельника Аарона, поселившагося
 тамъ въ 507, въ годъ побѣды, одержанной Хлодовикомъ надъ
 Аларикомъ. Одинъ основалъ небольшой монастырь, другой — вели-
 кую имперію, но какъ монастырь такъ и имперія одинаково ру-
 шались. Мало, по-латыни Maclovius, Maculus, Machulus, по назна-
 ченію его въ 541 году епископомъ Алетскимъ, привлеченный
 довою объ Ааронѣ, посѣтилъ его и по кончинѣ этого святаго
 отшельника, бывъ капелланомъ его молельні, воздвигъ отшель-

ническую церковь, in praedio Machulis. Отъ имени Мало получилъ названіе островъ, а потомъ и городъ Maslovium, Masloroia.

Отъ святаго Мало, перваго алетскаго епископа, до блаженнаго Іоанна, прозваннаго «За Рѣшеткою» de la Grille, который посвященъ въ санъ епископскій въ 1140, и соорудилъ кафедральный соборъ — было до сорока-пяти епископовъ. Какъ Алетъ былъ почти оставленъ жителями, то Іоаннъ за-Рѣшеткой перенесъ епископскій престолъ изъ римскаго города въ бретонскій, который возникалъ на скалѣ Аароновои.

Сенъ-Мало много потерпѣлъ въ войнахъ, происходившихъ между королями французскимъ и англійскимъ.

Графъ Ричмонтъ (Richemont), въ послѣдствіи Генрхъ-Седьмой, король Англійскій, съ которымъ кончились распри Бѣлой и Алой Розы, былъ привезенъ въ Сенъ-Мало. Герцогъ Бретанскій выдалъ его посламъ Ричарда и они везли уже въ Лондонъ на казнь, какъ ему удалось бѣжать и укрыться въ кафедральномъ соборѣ, asylum, quod in ea urbe est inviolatissimum. Это право убѣжища получило начало еще при Друидахъ, первыхъ жрецахъ Ааронова Острова.

Одинъ епископъ сенъ-малоскій былъ въ числѣ трехъ любимцевъ (другіе двое — Артуръ де-Монтобанъ и Іоаннъ Эго Hingaut), погубившихъ несчастнаго Жилля Бретанскаго, какъ видно изъ «Histoire lamentable de Gilles, Seigneur de Chateau Briand et de Chantocé, prince du sang de France et de Bretagne, étranglé en prison par les ministres du favori, le 24 avril 1450» (Плачевная исторія Жилля, боярина Шатобрианскаго и Шантосейскаго, принца изъ роду королей французскихъ и герцоговъ бретанскихъ, погибшаго въ темницѣ 24 апрѣля 1450.)

Сохранилась замѣчательная капитуляція между Генрихомъ-Четвертымъ и городомъ Сенъ-Мало: городъ договаривался съ королемъ, какъ государь съ государемъ; покровительствуетъ тѣмъ, которые укрылись въ его стѣнахъ и по предписанію французскаго гротмейстера артиллеріи, Филибера де ла Гюяша, получаетъ право отлить сто орудій. Если устранивъ солнце и искусства, то можно сказать, что ни одинъ городъ до такой степени не походилъ на Венецію богатствомъ и морскимъ рыцарствомъ, какъ эта маленькая республика Сенъ-Мало. Она помогала Карлу-Пятому въ африканской экспедиціи и Людовику-Тринадцатому при осадѣ Ла-Рошелли. Флагъ ея развѣвался на всѣхъ моряхъ; она была въ сношеніяхъ съ Моккою, Суратомъ, Пондшери и посредствомъ образовавшейся въ ней компаніи производила изысканія въ Южномъ Океанѣ.

Со времени царствованія Генриха-Четвертаго, моя родина отличалась своею преданностью и вѣрностью Франціи. Англичане бомбардировали Сентъ-Мало въ 1693 году; 29 ноября они бросили въ городъ адскую машину, — обломками которой я часто игрывалъ съ своими товарищами. Въ 1758 году, они бомбардировали Сентъ-Мало во второй разъ.

Во время войны 1701 года жители Сентъ-Мало ссудили Людовика-Четырнадцатаго значительными суммами, а онъ, въ знакъ благодарности за оказанную ему услугу, подтвердилъ имъ право охранять городъ собственными силами и сверхъ-того повелѣлъ, чтобы экипажъ перваго корабля королевскаго флота состоялъ исключительно изъ матросовъ города Сентъ-Мало и его территоріи.

Въ 1771 году жители Сентъ-Мало снова доказали свою приверженность, давъ Людовику-Пятнадцатому взаймы тридцать милліоновъ. Въ 1758 году знаменитый адмиралъ Ансонъ сдѣлалъ высадку въ Канколь и сжегъ Сентъ-Сервонъ. Въ замкѣ Сентъ-Мало Ла-Шалоте записалъ на своемъ бѣльѣ зубочисткою и смѣсю воды съ сажей, Записки, которыя надѣлали въ то время столько шуму и которыя теперь преданы совершенно забвенію. Одни событія изглаживаются другими, и подобно надписямъ, начертаннымъ на надписяхъ, составляютъ страницы исторіи.

Сентъ-Мало снабжалъ нашъ флотъ лучшими матросами. Это можно видѣть изъ изданнаго въ 1682 году фоліанта подъ заглавіемъ: *Rôle général des officiers, mariniers et matelots de Saint-Malo*. Въ собраніи городскихъ уставовъ помѣщено: «*Coutume de Saint-Malo*». Въ городскихъ архивахъ много найдется хартій, полезныхъ для исторіи и морскаго права. Сентъ-Мало родина Іакова Кортье, французскаго Колумба, открывшаго Канаду. Сверхъ того Малуанцы нашли у противоположнаго края Америки острова, названные по ихъ имени Малунскими.

Въ Сентъ-Мало родился и Дюгъ Труэнъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ моряковъ, какіе когда-либо существовали въ наше время. Тотъ же городъ далъ Франціи Сюркуфа. Знаменитый Магъ де-ла-Бурхоннэ, губернаторъ Иль де-Франса, родился въ Сентъ-Мало; тамъ же родился Ламетри, Мопертюя, аббатъ Трюбле, надъ которымъ смѣялся Вольтеръ; этихъ людей кажется достаточно для клочка земли, который пространствомъ своимъ уступаетъ даже тюльрійскому саду.

Бруссе и благородный другъ мой графъ де-ла-Ферроннэ родился также въ Сентъ-Мало.

Чтобы не пропустить ничего замѣчательнаго, упомяну наконецъ о

иодіанскіхъ собакахъ, составляющихъ гарнизонъ Седъ-Мало; они происходили отъ замечательныхъ цесовъ, воспитанныхъ въ галльскихъ войскахъ, которые, если вѣрять Страбону, сражались вмѣстѣ съ своими хозяевами противъ Римлянъ. Альбертъ-Великій, монахъ ордена доминиканцевъ, писатель столь же правдивый какъ и греческій географъ, говоритъ, что въ Седъ-Мало охраненіе такого важнаго мѣста вѣрялось на ночь псамъ, которые составляли лучшую и вѣрнѣйшую стражу. Они были приговорены къ смертной казни за то, что необдуманно обгрызли ноги какому-то дворнику. Это событіе послужило въ наше время темой для пѣсни: *Воп voyage*. Люди изъ всего дѣлаютъ смѣшное. Преступницъ посадили въ тюрьму, одна изъ нихъ отказалась принимать пищу изъ рукъ сторожа, проливавшаго слезы; благородное животное умерло себя голодомъ: собаки, какъ и люди, наказываются за вѣрность. Впрочемъ и Капитолій, подобно мосту Деласу, былъ охраняемъ псами, которые воздерживались отъ лаю, когда Сципіонъ Африканскій приходилъ на разсвѣтѣ совершать молитвы.

Седъ-Мало, кромѣ-того, что обнесень въ разное время стѣнами, раздѣляющимися на *большія* и *малыя*, гдѣ прогуливается теперь народъ, защищенъ еще замкомъ, о которомъ я говорилъ. Герцогиня Анна укрѣпила его башнями, рвами и бастионами. Издали, Седъ-Мало походитъ на гранитную цитадель.

Здѣсь, на песчаномъ берегу открытаго моря, между залвомъ и королевскимъ фортомъ, собираются играть дѣти; здѣсь воспитывался и я, въ обществѣ волнъ и вѣтровъ. Однимъ изъ первыхъ испытанныхъ мною удовольствій было — борьба съ бурей, игра съ волнами, которыя убѣгали отъ меня или взбѣгали за мною на берегъ. Другой моей забавой было строить изъ прибрежнаго песку памятники: товарищи называли ихъ печами. Впоследствии мнѣ часто случалось видѣть замки, которые воздвигались для вѣчности и разрушались скорѣе моихъ песочныхъ дворцовъ.

Когда судьба моя была окончательно рѣшена, мнѣ позволили предаваться праздности. Поверхностныя свѣдѣнія въ рисованіи, англійскомъ языкѣ, гидрографіи и математикѣ, казались болѣе чѣмъ достаточными для мальчишки, предназначеннаго къ суровой жизни моряка.

Я росъ дома безъ всякаго ученья: мы жили уже не въ томъ домѣ гдѣ я родился. Матушка занимала домъ на площади Святого Викентія, почти напротивъ воротъ выходящихъ на Силлоуъ.

Уличные мальчишки стали моими лучшими друзьями; они ва-

валлаи двора и лѣтницы нашего дому. Я показывалъ на цѣхъ во всемъ: капорнъ нѣкъ не дымовъ, держалъ и велъ себя подобно нѣкъ; одѣтъ былъ такъ же наоборотно какъ они; рубашки мои были въ лохмотьяхъ; я не зналъ другихъ вулковъ какъ съ огромными дырами; башмаки были всегда стонтаны и на каждомъ шагу сваливались съ ногъ; часто тералъ я шляпу и даже иногда платъе. Лицо у меня всегда было запачкано, изцарапано, въ лзынахъ: руки всегда грязныя. Однимъ словомъ, наружность моя была такая страшная, что матушка въ порывахъ гнѣва не могла удер- живаться отъ смѣху и говорила: «Какой онъ уродъ!»

Однако жъ я любилъ всегда охридность и даже излишность. Ночью, я принимался чинить мои лохмотья; добрая Виалльевна и сестра Люсилъ, желая избавить меня отъ брани и наказаній, помогали поправлять тоалетъ; но отъ ихъ починковъ и поправокъ мой костюмъ становился еще страшнѣе. Миѣ всего было досаднѣе показываться оборваннымъ на глаза дѣтямъ, которые гордились новыми платъями и щегольствомъ.

Въ моихъ землякахъ было что-то иностранное, напоминающее Испанію. Семейства изъ Сенъ-Мало переселились въ Кадиксъ, семейства изъ Кадикса переселились въ Сенъ-Мало.

Положеніе города, насыпь, архитектура домовъ, цитерны, гранитныя стѣны Сенъ-Мало, придаютъ ему нѣкоторое сходство съ Кадиксомъ.

Жители Сенъ-Мало, запертые вечеромъ въ своемъ городѣ общимъ ключомъ, составляли какъ-бы одну семью. Нравы были такъ скромны, что молодыя женщины, которыя выписывали изъ Парижа ленты и газъ, считались слишкомъ свѣтскими, и строгія подруги убѣгали ихъ сообщества. Любовныя интриги были дѣломъ неслыханнымъ: одна графиня Аббевилль, которую подозревали въ *амурахъ*, сдѣлалась предметомъ пѣсни, и пѣсню эту пѣли не иначе какъ крестясь. А между тѣмъ поэтъ, вѣрный противъ воли преданіямъ трубадуровъ, былъ на сторонѣ жены и называлъ мужа свирѣпымъ чудовищемъ.

Въ извѣстные дни года, городскіе и сельскіе жители сходились на ярмаркахъ, вокругъ Сенъ-Мало. Если вода въ морѣ стояла низко, туда отправлялись пѣшкомъ; если же была висока, то въ лодкахъ. Тутъ бы вы увидѣли множество матросовъ и мужиковъ, телѣги съ холстяновыми покрышками; цѣлыя караваны лошадей, ословъ и муловъ; толпы купцовъ; палатки, раскинутыя по берегу; процессіи монаховъ и разныхъ духовныхъ братьевъ, которые съ крестами и хоругвами пробирались въ толпѣ;

людки отходившія или приходившія на нарусахъ или веслахъ, корабли вступающіе въ портъ или становившіеся на рейдѣ; слышались залпы артиллеріи, звонъ колоколовъ.

Я одинъ изъ свидѣтелей этихъ празднествъ не раздѣлялъ общаго веселья; не начтѣ было купить ни игрушекъ, ни пирожковъ. Избѣгая презрѣнія, которое вѣчно преслѣдуетъ нужду и бѣдность, я садился далеко отъ толпы, у одной изъ лужъ, образуемыхъ моремъ во впадинахъ скалъ. Тамъ я любовался на полеты чашекъ или гагарокъ, смотрѣлъ на синеватую даль, собиралъ раковинки, вслушивался въ припѣвъ волнъ, пробиравшихся между скалами. Вечеромъ дома не былъ счастливѣе; къ нѣкоторымъ кушаньямъ я чувствовалъ отвращеніе, а меня принуждали ихъ ѣсть. Я умолялъ Лз-Франса сжалиться надо мною, и онъ ловко снималъ мою тарелку, какъ-скоро батюшка отворачивалъ глаза. Въ отношеніи къ огню была та же строгость: запрещали подходить къ камину. Какая разница между этими древними родителями и нынѣшними, которые только балуютъ своихъ дѣтей! Но если я зналъ горести, неизвѣстныя настоящему дѣтскому поколѣнію, зато зналъ и удовольствія, которыхъ оно не знаетъ.

Теперь уже не имѣютъ понятія о тѣхъ религіозныхъ и семейныхъ празднествахъ, которыхъ радость казалось раздѣляла цѣлое отечество и Богъ отечества. Рождество, Новый Годъ, Богоявленіе, Пасха, Троицынъ день, Ивановъ день, были для меня днями блаженства. Быть-можетъ вліяніе моей родной скалы подѣйствовало на мои чувстваванія и мое ученье. Еще въ 1015, Малуинцы дали обѣтъ участвовать *своими руками и средствами* въ сооруженіи колоколенъ собора въ Шартрѣ: не помогалъ ли и я своими руками къ возстановленію низпровергнутой главы древней христіанской базилики? «Солнце, говоритъ отецъ Моноаръ, никогда не освѣщало страны, гдѣ бы проявилась болѣе постоянная, болѣе неизмѣнная вѣрность истинной религіи, какъ въ Бретани.»

Въ праздники, о которыхъ я упомянулъ, меня водили съ сестрами къ святымъ мѣстамъ въ городѣ: въ часовню святаго Аарона, въ женскій монастырь de la Victoire; слухъ мой поразили сладостные голоса невидимыхъ женщинъ; гармонія ихъ священныхъ пѣсень смѣшивалась съ шумомъ волнъ. Когда зимою, во время вечерни, соборъ наполнялся народомъ; когда старыя матросы на колѣняхъ, молодыя женщины и дѣти съ маленькими свѣчами въ рукахъ, читали молитвенники; когда толпа, въ минуту благословенія, хоромъ повторала *Tantum ergo*; когда въ

промежуткахъ этого вѣнія, такъ-называемый рождественскій вѣтеръ стучалъ въ окна и потрясалъ своды; надъ которыми когда-то раздавались мощные голоса Іакова, Кортиѣ и Дюге-Труэна, я ощущалъ необыкновенное религиозное чувство. Безъ напоянія Вильгельми, я складывалъ руки и призывалъ Бога всѣми именами, которыми научила меня матушка, и мнѣ казалось, что я вижу отверзтыя небеса и ангеловъ несущихъ къ престолу Всевышняго наши омианъ, наши молитвы; и я преклонялъ голову; ея не отягощали еще тогда огорченія, которыя такъ ужасно бременяли насъ, что, разъ преклонивъ голову къ подножію алтаря, не хочешь и приподнимать чела.

Одинъ морякъ, отстоявъ божественную службу, пускался въ море, укрѣпленный молитвою противъ ночной бури; другой входилъ въ портъ, направляя путь къ освѣщенному куполу церкви: такъ религія и опасности были всегда лицомъ къ лицу и образы ихъ представлялись мысли моеи неразлучными. Едва явился я на свѣтъ, какъ уже слышалъ о смерти; но вечерамъ человекъ съ колокольчикомъ въ рукѣ ходилъ изъ улицы въ улицу и призывалъ христіанъ помолиться объ усопшемъ братѣ. Почти каждый годъ корабли гибли передъ моими глазами, и, когда я игралъ на берегу моря, волны приносили къ ногамъ моимъ трупы чужеземцевъ, умершихъ вдалекѣ отъ отечества. Мать моя говорила мнѣ, какъ говорила святая Меллика своему сыну: «Ничего нѣтъ далекаго отъ Бога». Воспитаніе мое предоставлено было Providѣнцію.

Посвященный Пресвятой Богородицѣ, я зналъ и любилъ мою Покровительницу; образъ ея прикрѣпленъ былъ надъ моимъ изголовьемъ. Я долженъ былъ бы жить въ тѣ времена, когда Дѣвъ Маріи говорилъ: «*Douce Dame du ciel et de la terre, mère de pitié, fontaine de tous de biens, belle très douce Dame, je vous meteue et vous prie*».

Первое, что я выучилъ наизусть, была матросская духовная пѣснь, начинавшаяся такъ:

*Je mets ma confiance,
Vierge, en votre secours;
Servez-moi de defense,
Prenez soin de mes jours;
Et quand ma dernière heure
Viendra finir mon sort,
Obtenez que je meure
De la plus sainte mort*

Впоследствии я слышалъ, какъ экипажъ вѣлъ эту нѣсеню во время кораблекрушенія. До сихъ поръ я повторяю эти стихи съ такимъ же удовольствіемъ, какъ бы читалъ стихи Гомера.

О, если бы эти стихи могли утишить волненіе моей жизни! Но вѣтъ, ей суждено было волноваться даже и въ годы моего младенчества, подобно вѣтви еникковаго дерева Аравитягъ, которая, едва возмкнувъ изъ скалы, уже служить игралищемъ непогодъ.

Я сказалъ уже, что мое преждевременное возмущеніе противъ учительницъ Люсиан, было началомъ моей дурной славы; товарищъ довершилъ ее. У дяди моего, де-Шатобриана дю-Плесси, поселившася, какъ и братъ его, въ Сень-Мало, такъ же какъ у него, было четыре дочери и два сына. Изъ двухъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, Петра и Армана, которые сначала составляли мое общество, первый принятъ былъ въ число пажей королевы, а послѣдній, предназначавшійся къ духовному званію, отправленъ въ коллегіумъ. Петръ, не выходя изъ пажей, вступилъ въ морскую службу и утонулъ у береговъ Африки. Арманъ, пробывъ довольно долго въ коллегіумѣ, оставилъ въ 1790 году Францію, служилъ во все время эмиграціи, съ неустрашимостью совершилъ въ шлюпкѣ двадцать путешествій къ берегамъ Бретани и наконецъ умеръ за короля на равнинѣ гренельской, въ Великую Пятницу 1810 какъ я уже сказалъ разъ, и еще повторю, когда буду говорить объ его несчастной кончинѣ *.

Лишившись общества моихъ двоюродныхъ братьевъ, я занялъ его другою связью.

Во второмъ этажѣ дома, который мы занимали, жилъ одинъ дворянинъ, по имени Жериль. У него были сынъ и двѣ дочери. Мальчишка этого воспитывали не такъ какъ меня; его баловали, и все что онъ ни дѣлалъ, находили прекраснымъ. Онъ любилъ драться, особенно же заводить ссоры, въ которыхъ игралъ и ролъ судьи.

Часто дѣлалъ онъ злыя шутки надъ нянками, которыя водили гулять дѣтей, и только и рѣчи было, что объ его проказахъ:

* Онъ оставилъ послѣ себя сына Фредерика, котораго я сначала опредѣлилъ въ гвардію графа д'Артуа и который перешелъ потомъ въ кирасиры. Онъ женился, въ Нанси, на дѣвицѣ де-Гастаьдо, прижиль съ пою двухъ сыновей и вышелъ въ отставку. Старшая сестра Армана, моя двоюродная сестра нѣсколько лѣтъ уже настоятельница монастыря траппистокъ. (Примѣч. 1831 Женева).

изъ выдвигали за страшныя преступленія. Отецъ принимая все въ шутку, не менѣе прежняго любилъ своего Жювана. Жериль сталъ немнѣ искреннимъ другомъ и приобрѣлъ надъ мною некоторую власть; несмотря что наши характеры были совершенно различны, я не замедлилъ воспользоваться уроками подобнаго наставника. Я любилъ игры удивительныя и не заводилъ ни съ кѣмъ ссоры. Жериль напротивъ того любилъ до безумія удовольствія, гуевыя забавы, дѣтскія драки. Когда какой-нибудь малушъ обращался ко мнѣ, Жериль говорилъ мнѣ: «И ты это терпишь?» При этихъ словахъ, я чувствовала, что честь моя задѣта и я бросаюся на дерзкаго, не разбирая ни росту его ни лѣтъ. Другъ мой былъ зрителемъ драки, одобрялъ мою отвагу, но нисколько за меня не вступался. Иногда онъ собиралъ войско изъ всѣхъ попадавшихся мальчишекъ, дѣлалъ на два отряда, и мы вачинали на берегу сраженіе камнями.

Другая игра, придуманная Жерилемъ, была еще опаснѣе: въ высокую воду и въ бурю, волны, разбиваясь объ уступъ замка, подымались до большихъ башенъ. Въ двадцати футахъ надъ основаніемъ одной изъ этихъ башенъ, висѣлъ гранитный, узкій, скользкой и покатый выступъ, который сообщался съ равелиномъ, защищавшимъ ровъ: дѣло состояло въ томъ, что нужно было ловить минуту между двумя волнами и быстро перебѣжать опасное мѣсто прежде чѣмъ волна разобьетъ и покроетъ башню. Видны какъ съ ревомъ приближается водяная гора, которая, если опоздаешь хоть минутой, можетъ унести тебя или раздавить прижавъ къ стѣнѣ, но ни одинъ изъ насъ не отказывался отъ этой попытки. Многія дѣти блѣднѣли, прежде чѣмъ рѣшались на это.

Эта страсть возбуждать другихъ къ дракѣ и оставаться равнодушнымъ зрителемъ легко могла бы заставить думать, что Жериль впоследствии не долженъ былъ отличаться слишкомъ великодушнымъ характеромъ; однако жъ, онъ, можетъ быть, затѣнулъ самоотверженіе Регула, хотя на меньшемъ поприщѣ: слава его доставала только Рима и Тита-Ливія. Бывъ морскимъ офицеромъ, онъ попался въ плѣнъ въ дѣлахъ при Киберонѣ. Когда дѣло уже кончилось, и Англичане, не переставая стрѣлять по республиканской арміи, Жериль бросается въ воду, подымаясь къ кораблямъ, проситъ враговъ прекратить огонь и сообщаетъ имъ вѣсть о несчастіи и капитуляціи эмигрантовъ. Желая спасти его, бросаютъ веревку и умоляютъ взойти на корабль. «Я плѣнный на слово», вскрикиваетъ онъ среди волнъ и слышитъ

взращается на берегу. Онъ былъ разотрѣлянь, выхотѣ съ Сомбрелемъ и его товарищами.

Жериль былъ моимъ первымъ другомъ; насъ обонхъ душно принимали въ дѣтствѣ, и мы подружались по истинкту, какъ бы предчувствуя то, чѣмъ будемъ впоследствии.

Два приключенія окончили эту первую часть моей исторіи и произвели значительное измѣненіе въ системѣ моего воспитанія.

Въ одно воскресенье, мы играли на песчаномъ берегу моря, у Ворота Семъ-Тона и вдалѣ Силлона; въ этомъ мѣстѣ толстыя свая вбитыя въ песокъ, защищаютъ стѣны отъ напору волкъ. Часто собирались мы на эти свая, чтобы смотрѣть какъ проходятъ подъ нами первыя воды приливу. Мы заняли мѣста, по обыкновенію; къ мальчикамъ пришлалось нѣсколько дѣвочекъ. Я былъ ближе всѣхъ къ морю: только впереди меня сидѣла хорошенькая дѣвочка Гервина Магонъ, которая смѣлась отъ удовольствія и плакала отъ страху. Жериль находился на другомъ концѣ, ближе къ землѣ. Волны приближались; было вѣтрено; уже няньки и слуги кричали: «Сойдите скорѣй! бѣгите!... опасно!» Жериль ожидаетъ большой волны; только что волна ударила въ свая, онъ толкаетъ мальчика, сидѣвшаго возлѣ; тотъ падаетъ на другаго, этотъ на третьяго; весь рядъ валится, какъ карточные куклоки; но каждого удерживаетъ сосѣдъ: одна лишь Гервина Магонъ, которая сидѣла на самомъ концѣ и на которую я упалъ, неподдерживаемая ни кѣмъ, свалилась въ воду. Приливъ увесъ ее; въ ту же минуту раздался крики; всѣ няньки, подобравъ платья, бросились къ морю, и каждая, схвативъ своего питомца, давала ему толчекъ. Гервину вытащили, но она объявила, что ее столкнулъ въ воду Францискъ. Няньки кинулись на меня; я вырвался изъ ихъ рукъ и побѣжалъ къ погребу нашего дому, гдѣ хотѣлъ укрыться; толпа женщинъ бросилась вслѣдъ за мной.

Къ счастью, матушки и батюшки не было дома. Вильневша храбро защищала дверь и оплеухами отъажала непріятельскій авангардъ. Настоящій виновникъ всего зла, Жериль, явился по мнѣ на помощь: онъ взбѣжалъ въ свою комнату и, вмѣстѣ съ сестрами, сталъ обливать осаждающихъ водою и кидать въ нихъ печенныя хлѣбаны. Непріятель, при наступленіи ночи, долженъ былъ снять осаду; но слухъ объ этомъ происшествіи разнесся по городу и девятнадцатый кавалеръ де Шатобрианъ прослылъ безчеловѣчнымъ потомкомъ тѣхъ пиратовъ, отъ которыхъ святой Ларошъ очистилъ свою скалу.

Вотъ другое приключеніе.

Я шелъ съ Жерилемъ въ Сенъ-Серванъ, предмѣстье отдѣленное отъ Сенъ-Мало купеческою гаванью. Чтобы дойти туда, въ низкую воду, нужно пробраться черезъ небольшіе потоки, по узкимъ мостамъ изъ плоскихъ камней, которые во время прилива покрываются водою. Лакеи, насъ сопровождавшіе, отстали на довольно далекое разстояніе. На оконечности одного изъ этихъ мостовъ, мы замѣчаемъ двухъ юнговъ, идущихъ къ намъ на встрѣчу. Жериль говоритъ мнѣ: «Неужели мы пропустимъ этихъ болвановъ?». И въ ту же минуту онъ кричитъ мнѣ: «Въ воду, утки!» Тѣ, какъ юнги, не терпя подобныхъ шутокъ, продолжаютъ идти прямо на насъ. Жериль отступаетъ; мы становимся на краю моста и, схвативъ камни, начинаемъ швырять въ юнговъ. Они бросаются на насъ, заставляютъ обратиться въ бѣгство и, вооружившись камнями, преслѣдуютъ насъ до нашего резервнаго корпуса, то есть, до лакеевъ. Я былъ пораженъ, но не въ глазъ, подобно Горацию: ударъ камня пришелся въ ухо и былъ такъ силенъ, что оно, почти оторванное, повисло къ плечу.

Я думалъ въ эту минуту не о боли, а о томъ какъ явлюсь домой. Когда другъ мой приходилъ со своихъ прогулокъ съ подбитымъ глазомъ, разорваннымъ платьемъ, то его жалѣли, ласкали, лелѣли, переодѣвали: меня же въ подобныхъ случаяхъ подвергали наказанію. Нанесенный мнѣ ударъ былъ опасенъ, но, не смотря на это, Ла-Франсъ никакъ не могъ уговорить меня воротиться домой: такъ я боялся своихъ родителей. Я спрятался во второмъ этажѣ, у Жериля, который обвернулъ мнѣ голову салеткою. Но наконецъ пришлось сойти въ низъ: сердце мое сильно билось. Удивленные моимъ разстроеннымъ и запачканнымъ кровью лицомъ, отецъ не сказалъ ни слова, а мать испустила крикъ. Ла-Франсъ рассказалъ мнѣ жалкое приключеніе и старался извинить меня; но это ни къ чему не послужило. Ухо мнѣ перевязали, и батюшка съ матушкой рѣшили какъ можно скорѣе разлучить меня съ Жерилемъ.

Мнѣ кажется, что въ этотъ самый годъ графъ д'Артоа пріѣхалъ въ Сенъ-Мало, гдѣ въ честь ему представляли морскую битву. Съ высоты бастіона надъ пороховымъ погребомъ я увидалъ молодого принца, въ толпѣ собравшейся на берегу. Сколько неизвѣстнаго скрывалось въ его блескѣ и въ моей ничтожности! Если не ошибаюсь, въ Сенъ-Мало видѣли только двухъ французскихъ королей, Карла Девятаго и Карла Десятаго.

Вотъ картина моей первой молодости. Не знаю, хорошо ли само по себѣ суровое воспитаніе, которое я получилъ: знаю только, что родители мои приняли эту систему безъ напѣренія и по одному природному расположенію своего духа. Достоверно только то, что этому обряду воспитанія я одолжѣть идеями, нѣсколько различествующими съ идеями другихъ людей; и еще болѣе достоверно то, что это воспитаніе наложило на чувствованія мои отпечатокъ меланхоліи, родившейся отъ привычки страдать въ возрастѣ слабости, неопытности и безпечности.

Можетъ-быть скажутъ, что такой образъ воспитанія могъ бы заставить меня ненавидѣть родителей. Воистинну такъ; воспоминаніе, сохранившееся объ ихъ строгости, мнѣ почти пріятно; я уважаю и чту ихъ высокія качества. Мой товарищи наварскаго полка были свидѣтелями, сколько я жалѣлъ, когда лишился своего отца. Матушкѣ я обязанъ утѣшеніемъ моей жизни: она внушила мнѣ религіозныя чувства: въ устѣ ея я научался истинной христіанской религіи, подобно Петру Лангресскому, который учился по ночамъ въ церкви, при свѣтѣ лампы, вѣсившей передъ дароносицей. Развѣ способности ума моего развились бы лучше, если бы начали обучать меня раньше? Врядъ ли. Волны, сестры и уединеніе, которые были моими первыми учителями, навѣрное гораздо лучше соотвѣтствовали моимъ врожденнымъ склонностямъ; навѣрное этимъ дикимъ наставникамъ обязанъ я нѣкоторыми добродѣтелями, которыхъ бы не зналъ. Дѣло въ томъ, что ни какая система воспитанія сама по себѣ не можетъ быть предпочтена другой: развѣ теперь дѣти любятъ своихъ родителей болѣе, говоря имъ ты и не боюсь ихъ? Жерла баювали въ томъ самомъ домѣ, гдѣ меня бранили; и, при всемъ томъ, мы сдѣлались оба людьми честными, сыновьями нѣжными и почтительными. То, что вы считаете за дурное, можетъ иногда лучше развитъ дарованія нашего ребенка, и, напротивъ, то, что всѣмъ кажется хорошо, иной разъ въ состояніи погубить тѣ же дарованія. Дѣйствія Провидѣнія направлены всегда ко благу: оно заранѣе назначаетъ играть извѣстную роль на сценѣ міра.

Діепъ, сентябрь, 1812.

ЗАПИСКА БАРОНА ПАКІЕ. — ДІЕПЪ. — ПЕРЕМѢНА ВЪ МОЕМЪ ВОСПИТАНІИ.

Четвертаго сентября 1812, я получилъ отъ барона Пакіе, преемника поляціи, слѣдующую записку.

« Кабинетъ проситъ.

« Господниъ просектъ полиціи приглашаетъ господина де-Шато-бриана пожаловать къ нему, въ кабинетъ, сегодня въ четыре часа пополудни, или же завтра въ девять часовъ утра.»

Господниъ просектъ полиціи хотѣлъ предъявить мнѣ предписаніе о томъ, чтобы я выѣхалъ изъ Парижа, и удаллся въ Дюпшъ, который нѣкогда назывался Бертвиллемъ и лѣтъ четыреста назадъ получалъ нынѣшнее названіе отъ англійскаго слова deer, глубокой (рейдъ). Въ 1788 году я стоялъ здѣсь со вторымъ батальономъ моего полка: жить въ этомъ городѣ застроенномъ каменными домами, украшенномъ магазинами, въ городѣ, съ опрятными улицами, съ прекраснымъ освѣщеніемъ, значило для меня возвратиться къ годамъ моей юности. Прогуливаясь, встрѣчалъ я развалины Аркеаго замка, окруженнаго тысячами облаковъ. Еще сохранилось въ памяти людей, что Дюпшъ — отечество Дюкена. Оставался дома, я восхищался зрѣлищемъ моря. Сидя за столомъ, я созерцалъ это море, которое видѣло мое рожденіе и, далѣе, омываетъ берега Великобританіи, мѣсто долговременнаго моего изгнанія. Взоръ мой обозрѣвалъ волны, которыя носили меня въ Америку, бросили опять въ Европу, перенесли къ берегамъ Африки и Азии. Привѣтъ тебѣ, море! колыбель моя и мое подобіе! Я разскажу тебѣ продолженіе моей исторіи: если солгу, волны твои, снутницы всѣхъ дней моихъ, увлчатъ меня во дни передъ будущими поколѣвіями.

Моя матушка все желала дать мнѣ классическое образованіе. Жизнь моряна, къ которой меня предназначали, можетъ быть, не соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ, говорила она. Ей казалось полезнымъ, поставить меня на всякій случай въ возможность идти другимъ путемъ. Побуждаемая набожностью, она желала, чтобы я посвящалъ себя церкви. Поэтому она присоветовала отдать меня въ коллегіумъ, гдѣ бы я могъ учиться математическимъ наукамъ, рисованію, фехтованію и англійскому языку; о греческомъ и латинскомъ языкахъ она не упоминала, чтобы не рассердить моего отца, но полагала учить меня и этимъ языкамъ, сначала тайно, а потомъ явно, когда я сдѣлаю въ нихъ нѣкоторые успѣхи. Отецъ согласился на ея предложеніе, и оба рѣшили опредѣлить меня въ коллегіумъ въ Долъ. Городъ этотъ предпочли потому что онъ лежитъ на дорогѣ изъ Сенъ-Мало въ Комбургъ.

Въ холодную зиму, передъ вступленіемъ моимъ въ школу, въ

домѣ гдѣ мы жили, случился пожаръ; я былъ спасенъ старшею сестрою, которая вынесла меня изъ пламени на рукахъ.

Графъ де-Шатобрианъ, удался въ свой замокъ, звалъ жену переѣхать къ нему: весною надобно было ей отправиться туда.

Въ Бретани весна гораздо теплѣе чѣмъ въ окрестностяхъ Парижа и начинается тремя недѣлями ранѣе.

Пять птицъ предвѣщаютъ наступленіе ея, ласточка, иволга, кукушка, перепелъ и соловей. Онѣ прилетаютъ вмѣстѣ съ вѣтерками: ихъ множество въ заливахъ полуострова Арморика. Земля покрывается маргаритками, незабудками, фіалками, жонкочками, іацинтами, нарциссами, раникулами, анемонами, будто пустоши, окружающія церкви Святаго Іоанна Латранскаго и Святаго Креста Іерусалимскаго въ Римѣ. Прогалины убираются красивымъ и высокимъ папоротникомъ; поля, поросшія дрокомъ и дикимъ тервомъ, блестятъ цвѣточками, которые можно почесть за золотыхъ мотыльковъ. Вдоль плетней растутъ въ изобиліи земляника, малина и фіалка, боярышникъ, душистая жимолость, ежевика, у которой темные изогнутые отпрыски красуются великолѣпными листьями и плодами. Все наполняется пчелами и птицами; рон и гнѣзда на каждомъ шагу останавливаютъ ребятишекъ. Мѣстами, на открытомъ воздухѣ, растутъ мирта и лавровая роза (пуховникъ), какъ въ Греціи; фи́га зрѣетъ какъ въ Провансѣ; каждая яблоня, покрытая карминными цвѣтами, походитъ на большой букетъ сельской невѣсты.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, округи фужерскій, рейнскій, бемерельскій, испанскій, сенъ-мало и дольскій заняты были Брешельянскимъ Лѣсомъ; онъ служилъ полемъ сраженія Франкамъ и народамъ Домнонен. Васъ (Wase) рассказываетъ, что въ этомъ лѣсу жилъ дикій человекъ и находились Фонтанъ Берантонскій и Золотой Вододемъ: «пространствомъ онъ великъ и обширенъ,» говоритъ Рамонъ Ру: «въ немъ четыре замка, множество прекрасныхъ прудовъ, прекрасныя мѣста для охоты, гдѣ нѣтъ ядовитыхъ животныхъ, ни мухъ; двѣсти дубравъ, столько же фонтановъ, въ томъ числѣ фонтанъ Белентонскій, у котораго дрался рыцарь Понтусъ.»

И нынѣ эта страна сохраняетъ черты первобытныя: она перерѣзана рвами, которые заросли деревьями, изъ-дали походить на лѣсъ и напоминаетъ Англію: это — жилище фей, и вы сейчасъ увидите, что я встрѣтилъ здѣсь Сильфиду. Узкія долины орошаются несудоходными рѣчками. Эти долины раздѣлены пустырями и рощами хмѣлю. По берегамъ тянутся маяки, сторо-

лѣвыя башни, домены, римскія сооруженія, развалины замковъ среднихъ вѣковъ, колокольни временъ Возрожденія: все это окаймлено моремъ. Плиній говоритъ о Бретани: «Полуостровъ, созерцатель Океана.»

Между моремъ и землею простираются пеласгическія поля, неопредѣленныя границы двухъ стихій: тамъ полевой жаворовокъ летаетъ вмѣстѣ съ морскимъ; соха и лодка, въ разстояніи ста шаговъ одна отъ другой, бороздятъ землю и воду. Мореплаватели и пастухъ заимствуютъ другъ у друга языкъ: матросъ говоритъ — волны выются барашками (*les vagues moutonnent*); пастухъ говоритъ — флоты барановъ (*des flottes de moutons*). Песокъ разныхъ цвѣтовъ, отмели изъ разнообразныхъ раковинъ, вывѣдки изъ моря, каймы серебряной пѣны, обрисовываютъ желтоватую или зеленую опушку полей, засѣянныхъ хлѣбомъ. Не помню, на которомъ изъ острововъ Средиземнаго Моря видѣлъ я барельефъ съ изображеніемъ Неренды, прикрѣпляющихъ гирлянды къ краямъ одежды Цереры.

Но особенно заслуживаетъ въ Бретани удивленія, луна, восходящая надъ землею и заходящая въ морѣ.

Поставленная отъ Бога владычицей бездны, луна имѣетъ свои облака, свои испаренія, свои лучи, свои тѣни, подобно солнцу; но она не заходитъ уединенно, подобно солнцу; ее сопровождаетъ хороводъ звѣздъ. По мѣрѣ какъ надъ берегомъ моей родины спускается она на край неба, она становится безмолвице, и сообщаетъ это безмолвіе морю; скоро она достигаетъ горизонта, пересѣкаетъ его, показываетъ одну половину усыпающаго своего лица, склоняется и исчезаетъ въ мягко-колеблющихся волнахъ. Звѣзды ближайшія къ своей царицѣ, прежде чѣмъ погрузиться въ слѣдъ за нею въ море, какъ будто виснутъ на верхахъ волнъ, и остававливаются. Едва зашла луна, какъ вдругъ дыханіе морскаго вѣтерка разбиваетъ образъ созвѣздій: такъ погасаютъ свѣтильники послѣ празднества.

Я долженъ былъ провожать сестеръ до Комбурга; мы отправились въ дорогу въ первой половинѣ мая. Матушка, четыре новыя сестры и я, выѣхали изъ Сенъ-Мало при восхожденіи солнца, въ огромномъ старинномъ берлинѣ, съ позолоченными дверцами, съ наружными подножками, съ пурпуровыми кистями по угламъ инверіала. Насъ везли восемь коней, убранныхъ какъ испанскіе мулы; на шеѣ колокольчики, на уздахъ гремушки, на спинѣ шерстяные чепраки и бахрама. Матушка вздыхала, а сестры разговаривали безъ умолку; я смотрѣлъ въ оба глаза, слушалъ въ оба

уха, дивился при каждом оборотѣ колеса: то былъ первый шагъ Странствующаго Жюда, которому суждено не останавливаться никогда. Пусть бы еще человекъ перемѣнилъ мѣсто, а то нѣтъ: у него перемѣняются и дни и сердце.

Мы дали лошадямъ роздыхъ у рыбацкѣй деревнѣ, на канкальскомъ прибрежїи. Потомъ мы проѣхали при дольскїя болота и городъ Доля, гдѣ царствуютъ лихорадки; и, миновавъ коллегіумъ, куда мнѣ должно было воротиться, мы углубились во внутренность страны.

Впродолженїи четырехъ смертельно длинныхъ часовъ, мы ничего не видали, кромѣ пустырей, окопленныхъ тѣсомъ, полей лежавшихъ въ пару, пашень засѣянныхъ рожью и овсомъ, и бѣдно покрытыхъ низкою зеленью. Угольщики вели вереницы тощихъ лошаденковъ съ растрепанной гривой; длинноволосые поселяне въ одеждѣ сауона изъ козїихъ шкуръ, понуждали тощихъ быковъ пронзительными криками и шли за тяжелыми сохами, будто фауны-земледѣльцы. Наконецъ мы увидѣли долину, въ глубинѣ которой, не далеко отъ пруда, возвышался шпиль сельской церкви; изъ-за деревьевъ дубравы выходили башни феодальнаго замка.

Я долженъ былъ приостановиться: сердце мое призабылось такъ сильно, что, казалось, въ состоянїи потрѣсти столъ, на которомъ пишу. Пробужденныя въ памяти воспоминанїя бременять меня силою и множествомъ: а между тѣмъ, зпачать ли они что-нибудь для остальнаго міра?

Спустившись съ пригорка, мы перешли въ бродъ ручей; черезъ полчаса, свернули съ большой дороги и экипажъ нашъ покатиъ по опушкѣ роши и по аллеѣ обсаженной грабїиновыми деревьями, которыхъ верхушки слетались надъ нашими головами: живо помню ту минуту, когда я очутился подъ этимъ тѣнистымъ навѣсомъ и тревожное удовольствїе, которое я ощущалъ тогда.

Выйдя изъ ираку лѣснаго, мы проѣхали черезъ переднїй дворъ обсаженный орѣшникомъ, примыкающїй къ саду и дому управляющаго; потомъ повернули по дорогѣ, продѣланной во дворѣ, поросшемъ травою, и который назывался «зеленымъ дворомъ». На правой сторонѣ было длинное строенїе для конюшенъ и куща каштановыхъ деревьевъ; на лѣвой такая же куща. Въ глубинѣ двора, который незамѣтно шель въ гору, возвышался между двумя группами деревъ, замокъ. Его фасадъ, мрачной и тяжелой архитектуры, представлялъ куртину, съ крытою галереєю, сверху

украшенною зубцами. Эта куртйна соединяла двѣ башни, построеныя въ разное время, изъ различныхъ матеріаловъ, и не одинаковой высоты и объема. Башни эти оканчивались стѣннымп зубцами, съ остроконечными кровлями, на подобіе колпака, надѣтаго на готическій вѣнецъ.

На голыхъ стѣнахъ видѣлись мѣстами нѣсколько рѣшетчатыхъ оконъ. Широкоє, прямое крыльцо съ двадцатью двумя крутыми ступенями, безъ перилъ, замѣняло, на засыпанныхъ рвахъ, подъемный мостъ. Это крыльцо упиралось въ дверь замка, продѣланную посреди куртйны. Надъ дверью видны были гербъ вельможныхъ государей Комбурга и мѣста, въ которыя проходили въ прежнія времена цѣли подъемнаго моста.

Экипажъ остановился у крыльца; батюшка вышелъ къ намъ на встрѣчу. Это семейное соединеніе такъ смягчило, въ ту минуту, его всегдашнее тяжелое расположеніе духа, что черты лица приняли веселый видъ. Мы поднялись по крыльцу, вошли въ стѣны съ пересѣкающимися сводами, а оттуда на маленькіи внутренней дворъ.

Съ этого двора мы вошли въ зданіе съ двумя маленькими башнями, выходившее на полдень и обращенное къ пруду.

Весь замокъ имѣлъ фигуру четырехъ-колесной повозки. Мы очутились въ нижнемъ этажѣ, въ залѣ, прежде называвшейся караульною залою. На каждомъ концѣ ея было по окну, и два окна на боковой сторонѣ. Чтобы увеличить эти четыре окна, нужно было проламывать стѣны въ десять футовъ толщины. Два наклонные корридора, подобно корридору Большой Пирамиды, отдѣлялись отъ двухъ вѣшнихъ угловъ и вели въ маленькія башни. Въ одной изъ нихъ была витая лѣстница: она служила сообщеніемъ между караульною залою и верхнимъ этажемъ; таково размѣщеніе этой части зданія.

Высокая же и широкая башня, выходившая на сѣверъ, со стороны «зеленаго двора», состояла изъ квадратнаго темнаго дортора, замѣнившего кухню, сѣней, крыльца и часовни. Надъ этими помѣщеніями была зала архивовъ, или гербовъ, или птицъ, или рыцарей, носившая эти названія потому что потолокъ ея усеянъ расписанными щитами, арматурами, птицами. Амбразуры узкихъ крестовыхъ оконъ были такъ глубоки, что составляли родъ нищери или кабинетовъ, вокругъ которыхъ шла гранитная скамья. Прибавьте ко всему этому разбросанныя въ различныхъ частяхъ зданія проходы, потаенныя лѣстницы, темницы, башенки, цѣлыя лабиринты крытыхъ и некрытыхъ галерей, под-

земелья, окружныя стѣны, которыя неизвѣстно къ чему годились, повсюду тишину, мракъ, холодъ камня, и вы видите предъ собою комбургскій замокъ, замокъ французскаго барона блаженной старшны.

Ужинъ приготовленный въ караульной залѣ, гдѣ я ѣлъ безъ помѣхи, окончилъ для меня первый счастливый день въ моей жизни. Настоящее счастье стоитъ не дорого; если же оно пріобрѣтается дорогою цѣною, ты уже теряешь свое достоинство.

На другой день, только-что я всталъ, какъ отправился осматривать виѣшнія мѣста замка и праздновать мое возвращеніе къ уединенію.

Мадамъ де-Севиньё въ свое время выхваляла тѣнь комбургскихъ деревьевъ. Протекшія съ той поры сто сорокъ лѣтъ, сдѣлали ихъ красоту еще болѣе замѣчательною.

Изъ оконъ большой залы видны были дома Комбурга, прудъ съ плотиною и большою дорогою на Рейнъ, водяная мельница, лугъ, гдѣ паслись стада коровъ, отдѣленный отъ пруда плотиною, на концѣ луга деревушка, принадлежащая пріорству основанному въ 1149 году Ривальономъ, комбургскимъ бояриномъ и гдѣ находилась его статуя, изображающая человѣка лежащаго на спинѣ въ рыцарскихъ доспѣхахъ. Начиная отъ пруда, плоскость земли постепенно возвышалась и образовывала изъ деревъ амфитеатръ, откуда показывались сельскія колокольни и башни загородныхъ дворянскихъ домиковъ. На послѣднемъ планѣ горизонта, между западомъ и полуднемъ, видѣнъ былъ разрѣзъ высотъ бешерельскихъ. Съ этой стороны подножія замка, тянулась терраса, окаймленная подстриженными буковыми деревьями и, огибая строеніе для конюшенъ, въ различныхъ изгибахъ, соединялась съ садомъ, гдѣ были ванны.

Могъ ли бы художникъ по этому подробному описанію, набросить вѣрный эскизъ замка? Я не думаю; а между-тѣмъ всѣ эти предметы сохранились въ мой памяти такъ живо, какъ-будто они представляются еще мнѣ глазамъ. Чѣмъ и доказывается, въ матеріальныхъ вещахъ, ничтожество слова и могущество воспоминанія! Начавъ говорить о Комбургѣ, я пою первые куплеты жалобной пѣсни, которая можетъ быть пріятна только мнѣ одному. Спросите тирольскаго пастуха, почему нравится ему три или четыре ноты, которыя онъ безпрестанно поетъ своимъ козамъ, эти горныя ноты, повторяемыя и переносимыя эхомъ съ одного берега потока на другой?

Мое первое появленіе въ Комбургѣ было непродолжительно.

Едва прошли двѣ недѣли, какъ явился къ намъ аббатъ Паршеръ, катальникъ дольскаго коллегіума. Меня отдали ему на руки, и я, несмотря на слезы, долженъ былъ за нимъ слѣдовать.

Я былъ не совсѣмъ чужой въ Домъ: отецъ мой — тамъ каноникомъ, какъ потомокъ и представитель дома Вильгельма Шатобрианскаго, боярина Бофортскаго, который основалъ въ 1529 году первое мѣсто на клиросѣ тамошняго кафедральнаго собора. Епископомъ дольскимъ былъ графъ де Герсѣ, другъ нашего семейства, прелать, съ чрезвычайно умѣренными политическими мнѣніями, который на колѣняхъ, съ крестомъ въ рукахъ, разстрѣлялъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, аббатомъ де-Герсѣ, въ Киберонѣ, на полѣ мучениковъ. По прибытіи въ коллегіумъ, меня встрѣили особеннымъ почетомъ аббата Лепренса, преподававшего риторикѣ и основательно знавшаго геометрію: онъ былъ человѣкъ умный, пріятной наружности, любилъ искусство и довольно хорошо писалъ портреты. Онъ взялся учить меня математикѣ, а аббатъ Эгб, регентъ третьяго класса, латинскому языку; математикѣ я учился въ своей комнатѣ, по-латыни — въ общей залѣ.

Нужно было время, чтобы такой филинъ, какъ я, привыкнулъ къ клѣткѣ коллегіума и принаровилъ бы свой полетъ ко звону колокольчика. Я не могъ имѣть друзей, которые такъ скоро приобретаются посредствомъ богатства, потому что нечѣмъ было поживиться отъ бѣднаго шалуна, у котораго не водилось даже карманныхъ денегъ; я же съ своей стороны не хотѣлъ искать ни въ комъ покровителя, потому что ненавидѣлъ милости. Въ играхъ я не имѣлъ притязанія на управленіе; но также и не желалъ, чтобы мною управляли: я не годился ни въ тираны, ни въ рабы, и такимъ остался навсегда.

Между-тѣмъ сдѣлался я скоро душою всѣхъ собраній; и впоследствии имѣлъ то же вліяніе въ полку: несмотря что я былъ не болѣе какъ подпоручикъ, всѣ старые офицеры приходили проводить у меня вечера и предпочитали мою квартиру кофейному дому. Не знаю, что было причиною. Можетъ-быть это происходило отъ того, что я умѣлъ согласоваться съ мнѣніями другихъ и приспособляться къ ихъ нраву. Я столько же любилъ бѣгать и охотиться, сколько читать и писать. Мнѣ досихъ-поръ совершенно равно: говорить ли о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ или о предметахъ самыхъ возвышенныхъ. Не слыхкомъ подчинялся уму, я чувствую даже къ нему въ некоторомъ роду антипатію, хотя самъ то и не глупецъ.

Ни какой недостатокъ не оспорблалъ меня, исключая только на-
сидѣтельности и самоувѣренности, на которыя я не могу смотреть
равнодушно. Мнѣ кажется, что другіе имѣютъ всегда болѣе или ме-
нѣе передо мной преимущества; если же иногда я чувствую, что
превосходство на моей сторонѣ, то мнѣ становитея какъ-то не-
ловко.

Качества, которыя не открывались во мнѣ при первоначаль-
номъ моемъ воспитаніи, проявились въ коллегіумѣ. Мои способ-
ности къ занятію стали замѣчательны, память имѣлъ я необычно-
венную, и дѣлалъ быстрые успѣхи въ математикѣ, гдѣ выказы-
валъ ясность соображенія, удивлявшую аббата Ленренса. Вмѣстѣ
съ тѣмъ я обнаруживалъ сильное расположеніе къ изученію язы-
ковъ. Латинская грамматика, мученіе всѣхъ учениковъ, была мнѣ
ни почемъ; я ожидалъ часа латинскихъ уроковъ съ нѣкоторымъ
нетерпѣніемъ, какъ будто отдыху послѣ цифръ и геометрическихъ
фигуръ. Менѣе чѣмъ въ годъ я вышелъ изъ первыхъ пятого
класса. По какому-то странному случаю моя латинская фраза
такъ естественно превращалась въ пентаметръ, что аббатъ Эгё
назвалъ меня *элегистомъ*, и прозвище это едва не сохранилось
и между моими товарищами.

Что касается до моей памяти, то вотъ два опыта. Я вы-
училъ наизусть таблицы логарифмовъ, то есть, я могъ присказать
на память число арифметической пропорціи, соответствующее чис-
лу пропорціи геометрической, и на оборотъ.

Послѣ вечерней молитвы, для которой мы собирались всѣ въ
часовню, начальникъ коллегіума читалъ намъ что-нибудь. Одинъ
изъ насъ, вызванный на удачу, долженъ былъ разсказать содер-
жаніе прочитаннаго.

Мы приходили на молитву усталые отъ игры, и, полусонные,
бросались на скамьи, стараясь спрятаться въ какой-нибудь тем-
ный уголокъ, чтобы не быть замѣченными и спрошенными. Осо-
бенно мы оспаривали другъ у друга исповѣдную, которая была
самымъ надежнымъ убѣжищемъ. Однажды, вечеромъ, мнѣ посчаст-
ливилось добратся до этой пристани и я думалъ, что уже укрылся
отъ взоровъ моего начальника; но, къ несчастію, онъ замѣтилъ мою
уловку и рѣшился показать на мнѣ примѣръ другимъ. Нарочно
онъ сталъ читать второй пунктъ какой-то проповѣди, протяж-
нѣе: всѣ заснули. Одинъ я, не знаю по какому случаю, не спалъ
въ исповѣдной. Начальникъ, видя только концы моихъ ногъ,
думалъ, что я тоже сплю какъ другіе, и потому, обратившись ко
мнѣ, спросилъ что онъ читалъ. Второй пунктъ заключался въ ис-

человѣки простукиновъ, которыми можно прогнѣвить Бога. Я не только разсказалъ содержаніе проповѣди, но кромѣ того повторилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ подраздѣленія и почти слово въ слово нѣсколько страницъ высокой прозы, совершенно непонятной для ребенка. Шумъ одобрителный пробѣжалъ во часовнѣ: начальникъ подозвалъ меня и, потрепавъ по плечу, позволилъ, въ вознагражденіе, проспать на другой день до завтрака. Я скромно укрылся отъ похвалъ товарищей и воспользовался вполнѣ оказанною мнѣ милостью. Эта память словъ, которой я почти сомнѣнъ являлся, замѣнилась у меня другимъ, болѣе страннымъ, родомъ памяти. Объ этой памяти я, можетъ быть, найду случай поговорить.

Одно меня унижало — что память часто бываетъ принадлежностью глупости и вообще умовъ тяжелыхъ, которые становятся еще тяжелѣе отъ грузу, наваливаемого на нихъ памятью. А между-тѣмъ, что бы мы были безъ памяти? Мы забывали бы все, дружбу, любовь, удовольствія, дѣла; гений не могъ бы собрать своихъ идей; сердце, самое любящее, потеряло бы свою нѣжность; существованіе наше ограничилось бы послѣдовательными минутами настоящаго, и не стало бы прошедшаго! О! жалость! жизнь наша такъ тщетна, что она просто — отблескъ нашей памяти.

Я поѣхалъ на вакаціи въ Комбургъ. Жизнь въ замкахъ окрестностей Парижа не можетъ дать ни какого понятія о жизни въ замкѣ какой-нибудь отдаленной провинціи.

Комбургу принадлежали только пустоши, нѣсколько мельницъ и два лѣса, Бургуэ и Тамозриэ, которые въ этой сторонѣ не составляли почти ни какой важности. Но Комбургъ былъ богатъ феодальными правами; права эти — разнаго рода: одни изъ нихъ состояли въ освобожденіи отъ поземельной подати, взамѣнъ извѣстныхъ льготъ, или въ пользованіи обычаями по-прежнему политическому положенію страны; другія, казалось, были вначалѣ только забавами.

Отецъ мой возобновлялъ нѣкоторыя изъ этихъ правъ, для того чтобы онѣ не пропали за давностью. Когда все семейство собиралось, мы принимали участіе въ этихъ готическихкихъ забавахъ. Три главныя были *le Saut des poissonniers*, *la Quintaine* и арка, называвшаяся *l'Angevine*. Мужики въ деревянныхъ башмакахъ и въ-портахъ, моды Франціи уже не существующей, смотрѣли на эти игры Франціи, уже не существовавшей. Тутъ была награда для побѣдителя и штрафъ для побѣжденнаго. Google

La Quintaine сохранила преданія турнировъ: она, безъ-сомнѣнія, имѣла нѣкоторое соотношеніе съ прежнею военною службою, которую несли лены. Она очень хорошо описана у дю-Канжа (voce Quintana). Штрафъ платили старшиной нѣдвой монетою до цѣны двухъ золотыхъ барановъ съ короною, по двадцати пяти парижскихъ солдовъ на каждаго.

Ярмарка, называвшаяся анжвинскою (l'Angevaine), бывала ежегодно на лугу пруда, четвертаго сентября, въ день моего рожденія. Холопые должно было вооружиться и приходили въ замокъ поднимать знамя боярина; оттуда они отправлялись на ярмарку, чтобы наблюдать за порядкомъ и въ случаѣ нужды дѣйствовать силою, при взиманіи въ пользу графовъ комбургскихъ, въ видѣ государственнаго права, пошлины съ каждой головы скота. Въ это время у отца моего бывалъ открытый столъ. Три дня сряду шли балы; господа танцевали въ большой залѣ подъ хриплые звуки скрипки, холопые на зеленомъ дворѣ подъ шумливую волюнку. Тутъ пѣли, кричали ура, стрѣляли изъ пищалей. Шумъ этотъ смѣшивался съ ревомъ скота, приведеннаго на ярмарку; толпа бродила по садамъ и лѣсамъ, и по-крайней-мѣрѣ разъ въ годъ бывало въ Комбургѣ нѣчто похожее на веселье.

Такимъ образомъ, по какому-то странному случаю, я присутствовалъ еще въ жизнь мою при игрѣ Квитанѣ и при провозглашеніи богини Разума, видѣлъ милицію бретонской деревни и національную стражу Франціи, знамя бояръ комбургскихъ и знамя революціи. Я — послѣдній свидѣтель феодальныхъ нравовъ.

Обыкновенными посѣтителями замка были жители мѣстечка и соседніе дворяне: эти добрые люди стали первыми моими друзьями.

Тщеславіе придаетъ слишкомъ много важности роли, которую мы играемъ въ свѣтѣ.

Парижскій мѣщанинъ смѣется надъ мѣщаниномъ маленькаго города; дворянинъ, принятый при дворѣ, надъ дворяниномъ провинціаломъ; человекъ извѣстный презираетъ человека безъизвѣстнаго, не думая, что время не разбираетъ этихъ различій и что они всѣ равно смѣшны или одинаково ничтожны для поколѣній, которыя слѣдуютъ одно за другимъ.

Знатѣйшимъ изъ жителей мѣстечка былъ нѣкто мосье Ротелле, старый капитанъ одного изъ кораблей Индѣйской Компаніи, рассказывавшій предлинныя исторіи о Пондишери. Какъ онъ рассказывалъ ихъ опершись обѣими локтями на столъ, то батюшка всегда готовъ былъ бросить въ него тарелкою. За нимъ слѣдовалъ смотритель складочнаго мѣста табука, мосье Лонэ де-

ла-Билльярдіеръ, отецъ семейства, состоявшаго, подобно семейству Іакова, изъ двѣнадцати человекъ: девяти дочерей и трехъ сыновей, изъ которыхъ самый младшій, Давидъ, всегда игралъ со мною. Этому добряку вздумалось сдѣлаться въ 1789 году дворяниномъ; хорошее выбралъ время! Въ домѣ его было много веселья, и много также долговъ. Остальную часть общества составляли сенесканъ Жеберъ, прокуроръ-фискаль Пети, сборщикъ податей Корвоазіе и капеланъ аббатъ Шармель. Болѣе этого знаменитыхъ людей я не встрѣчалъ и въ Аеннахъ.

Господа дю-Пети-Боа, де-Шато-д'Асси, де-Тентениакъ, и еще одинъ или два дворянина, пріѣзжали по воскресеньямъ, слушать въ приходской церкви обѣдню, и потомъ обѣдать у хозяина замка. Всего дружнѣе были мы съ семействомъ Тремодановъ, состоявшимъ изъ мужа, жены, необыкновенной красоты, побочной сестры и нѣсколькихъ дѣтей. Семейство это жило на фермѣ, и только по голубатиѣ можно было догадаться, что тамъ обитали дворяне.

Тремоданы до-сихъ-поръ еще живы. Они благоразумнѣе и счастливѣе меня: никогда не теряли изъ виду башни замка, который покинулъ я тридцать лѣтъ назадъ, и теперь дѣлаютъ то же самое что дѣлали, когда я приходилъ ѣсть съ ними ситный хлѣбъ. Они не выходили изъ гавани, въ которую я болѣе уже не возвращусь. Можетъ-быть, въ ту самую минуту, когда я пишу эти строки, они говорятъ обо мнѣ: но зачѣмъ извлекаю я ихъ ния изъ покровительственнаго мраку! Они долго не могли повѣрить, чтобы человекъ, о которомъ много слышали, былъ тотъ самый *маленькій кавалеръ*. Ректоръ или священникъ комбургскій, аббатъ Севенъ, котораго я слушалъ поученія, также не хотѣлъ вѣрить этому. Онъ не могъ представить себѣ, чтобы защитникомъ религіи былъ тотъ самый шалуиъ, игравшій всегда съ деревенскими мальчишками; но наконецъ этотъ убѣдился-таки въ истинѣ, хоть самъ держалъ меня прежде на колѣняхъ. Эти достойные люди, не примѣшивающіе къ образу моему никакой новой идеи, видящіе меня такимъ, каковымъ я былъ въ дѣтствѣ и молодости, узнаютъ ли они теперь меня, подъ этой одеждой, въ которую переодѣло насъ время? Они обвинятъ меня тогда только, когда скажу имъ мое ния.

Я привошу друзьямъ моймъ несчастіе. Одинъ лѣсной сторожъ, по имени Ро, который искренно любилъ меня, былъ убитъ браконьеромъ. Это убійство произвело на меня необыкновенное впечатлѣніе. Какая непостижимая тайна скрывается въ жертвѣ че-

ловѣческой жизнью! къ чему должно непремѣнно, чтобы самое ужасное преступленіе и великая слава заключались въ пролитіи человѣческой крови? Воображеніе мое представляло мнѣ Ре, который руками придерживалъ внутренности и тащился къ хижинѣ гдѣ и умеръ. Мнѣ пришло на мысль мщеніе и я готовъ былъ драться съ убійцею. Въ этомъ отношеніи, я странно созданъ: въ первую минуту нанесеннаго мнѣ оскорбленія, я едва его чувствую; во оно запечатлѣвается въ моей памяти; воспоминаваніе объ немъ не только современемъ не ослабѣваетъ, но еще усиливается; оно снится въ моемъ сердцѣ, мѣсяцы, цѣлые годы и потомъ, при малѣйшемъ обстоятельстве, пробуждается съ новою силою и рана становится еще чувствительнѣе, чѣмъ въ первый день. Но также, если я не прощаю своимъ врагамъ, то и не дѣлаю имъ никакого зла; я злопамятствую, но не метителенъ. Если я чувствую, что въ силахъ отмстить, то уже теряю къ тому охоту; я могу быть опасенъ только въ несчастіи. Тѣ, которые притѣсненіемъ думали заставить меня отступить, всегда ошибались; злополучія для меня то же, что для Антея была Земля: родная грудь придастъ мнѣ новыя силы. Если бы когда-нибудь счастье унесло меня въ своихъ объятіяхъ, оно бы задушило меня.

Съ крайнимъ сожалѣніемъ возвратился я въ Долю. На слѣдующій годъ предполагалась на островъ Джерси высадка и близъ Сенъ-Мало раскинули лагерь. Войска заняли Комбургъ: отецъ мой, изъ вѣжливости давалъ у себя поочередно приютъ командирамъ полковъ Туренскаго и принца Конти: одинъ изъ нихъ былъ герцогъ де-Сенъ-Симонъ, другой маркизъ де-Козанъ. Каждый день человѣкъ двадцать офицеровъ приглашался къ столу моего батюшки. Шутки этихъ чуждыхъ для меня людей мнѣ не нравились; ихъ прогулки нарушали тишину нашихъ лѣсокъ. Мысли о странствованіи пришли мнѣ въ голову въ первый разъ когда я увидѣлъ подполковника полка Конти, Мориса де-Вилькура, галопировавшаго по дѣревьямъ.

Когда наши гости говорили о Парижѣ и о дворѣ, мнѣ становилось грустно, я старался угадать, что такое общество: мнѣ представлялось что-то темное и отдаленное, и мысли мои скоро перекутывались. Взвѣсивъ на свѣтъ изъ мирныхъ предѣловъ величности, я чувствовалъ головокруженіе, подобное тому, какое ощущаешь когда смотришь въ низъ съ верху башенъ, теряющихся въ облакахъ. Впрочемъ одно восхищало меня: парадъ. Каждый день отрядъ, сѣбянующій караулъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, проходилъ мимо крыльца на зеленый дворъ. Маркизъ де-Ко-

запѣ вызвался показать мнѣ расположеніе лагеря: батюшка согласился на это.

Меня повезъ въ Сенъ-Мало нѣкто де-Ламорандѣ, дворянинъ старинной фамиліи, но котораго бѣдность принудила принять мѣсто управляющаго помѣстьемъ Комбургъ. Онъ ходилъ въ кафтанѣ изъ сѣраго камлота, съ узенькимъ серебряннымъ галуномъ, на воротникѣ, въ сѣрой поярковой шляпѣ съ ушами, и угловатымъ козырькомъ. Онъ посадилъ меня верхомъ сзади себя, на свою кобылу Изабеллу. Я держался за его поясъ съ охотничьимъ ножомъ, повязанный сверхъ платья, и былъ въ восторгѣ.

Мы остановились обѣдать въ бенедиктинскомъ аббатствѣ, которое, по малому числу монаховъ, присоединено было только что къ главному монастырю ордена. Мы нашли тамъ одного отца эконома, которому поручено было распоряженіе движимостью монастыря и лѣсомъ. Онъ угостилъ насъ отличными поствными обѣдомъ, въ старинной настоятельской библиотекѣ: мы встрѣбили кучу свѣжихъ яицъ, съ огромными карпами и щуками. Сквозь аркаду монастыря видѣлись высокія смоковницы, росшія вокругъ пруда. Тоноръ подрублялъ ихъ въ корнѣ, верхушки дрожали въ воздухѣ и онѣ падали, какъ-бы для зрѣлища. Шютники изъ Сенъ-Мало отпиливали на землѣ зеленые вѣтви, какъ-будто обрѣзывали молодые кусты, и обтесывали срубленные стволы. Сердце мое обливалось кровью, при видѣ этого срубленного лѣса и опустѣлаго монастыря.

Пріѣхавъ въ Сенъ-Мало я отыскалъ маркиза де-Козана и подъ его покровомъ, осмотрѣлъ весь лагерь. Паматки, пирамиды оружія, лошади привязанныя у столбовъ, составляли прекрасную картину за одно съ моремъ, кораблями, отдаленными стѣнами и колокольнями города. Принцъ Кариньянскій (de Carignano), пріѣхавъ въ лагерь, женился на дочери графа де-Боагарена (de Boisgarin) нѣсколько прихрашивавшей, но прекрасной собою: это надѣлало много шума и подало поводъ къ процессу, который ведетъ и донынѣ Лавретель старшій. Но какое соотношеніе имѣеть это съ моею жизнью? По мѣрѣ того, какъ память моихъ короткихъ друзей, говоритъ Монтань, обновляетъ для нихъ прошедшее, они отдаютъ свой рассказъ такъ далеко, что если предметъ разсказу занимателенъ, то они заглушаютъ всю занимательность; если же неинтересенъ, то вы готовы проклинать или ихъ счастливую память или ихъ несчастный рассудокъ. Мнѣ случалось слышать очень забавные разсказы, которые становились прескучными въ устахъ индоньянскихъ сынковъ.» Боюсь быть такимъ сынкомъ. Братъ

мой былъ въ Сенъ-Мало, когда де-Ламоранде привезъ меня туда. Однажды вечеромъ онъ сказалъ мнѣ: «я хочу свести тебя въ театр: бери свою шляпу.» Я совершенно растерялся отъ радости и прямо побѣжалъ за шляпою въ погребъ, тогда какъ она была на чердакѣ. Въ Сенъ-Мало пріѣхала трупа странствующихъ комедіантовъ. Я видѣлъ маріонетки, и воображалъ себѣ, что на театрѣ увижу полишинелей гораздо наряднѣе уличныхъ.

Съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ я въ деревянный театръ построенный въ пустынной улицѣ города. Не безъ страху, иду по темнымъ корридорамъ. Намъ отворяютъ маленькую дверь и мы очутились съ братомъ въ ложѣ почти набитой зрителями.

Занавѣсъ былъ поднятъ, пьеса уже началась: давали «Отца семейства» (le Père de famille). Вижу, два человека разгуливаютъ по сценѣ другъ съ другомъ разговаривая: всѣ смотрятъ на нихъ. Я принялъ ихъ за директоровъ маріонетокъ, болтающихъ между собою передъ балаганомъ мадамъ Жигонъ, въ ожиданіи пока соберется публика: меня удивило только то, что они толковали о своихъ дѣлахъ такъ громко, и что всѣ слушаютъ ихъ и хранятъ молчаніе. Изумленіе мое удвоилось, когда на сцену явились другія лица, которые начали всплескивать руками, плакать, а за ними и всѣ, будто заразясь отъ нихъ. Занавѣсъ опустился, но я все-таки ничего не понималъ. Въ промежуткѣ двухъ піесъ, братъ сошелъ въ фойе. Оставшись въ ложѣ посреди людей мнѣ незнакомыхъ, что по робости моей было для меня мученіемъ, я желалъ лучше быть въ это время въ Коллегіумѣ. Таково было первое впечатлѣніе произведенное на меня искусствомъ Софокла и Мольера.

Третій годъ моего пребыванія въ Долѣ ознаменовался выходомъ замужъ двухъ старшихъ моихъ сестеръ: Маріанна вышла за графа де-Мариньи (de Marigny) а Бенigna за графа де-Кебрияка (de Quebriac). Онѣ уѣхали съ мужьями въ Фужерь: это было сигналомъ къ разсѣянію семейства, члены котораго должны были вскорѣ отдѣлиться. Сестры мои вѣнчались въ Комбургѣ, въ одинъ день, въ одинъ часъ, у одного алтаря, въ часовнѣ замка. Онѣ плакали, матушка тоже плакала; горестъ эта удивляла меня. Теперь я ее понимаю. Я не могу присутствовать ни при крещеніи ни при бракѣ, чтобы горько не улыбнуться или не почувствовать сжатія сердца. Послѣ несчастія родиться, а не знаю большаго, какъ произвести на свѣтъ человѣка.

Въ томъ же году начался переворотъ во мнѣ самомъ и нашемъ семействѣ. Случайно попались мнѣ въ руки двѣ весьма раз-

личныя книги: Гораций, безъ выправокъ, и одна исторія, *Les Confessions malfaites*. Книги эти возмутили идеалъ мой до неизмовѣрности: вокругъ меня создадеа странный мѣръ. Съ одной стороны я подозрѣвалъ тайны, непонятныя для монахъ лѣтъ, существованіе, совершенно различное съ моимъ, удовольствія, превосходящія мои забавы, невѣдомыя прелести того пола, въ которомъ я видѣлъ только мать и сестеръ; съ другой стороны, привидѣнія, волочащія за собою цѣпи, изрыгающія пламя, возвѣщали мнѣ вѣчныя муки за утаенный грѣхъ. Я потерялъ сонъ; ночью представлялись мнѣ то черныя, то бѣлыя руки просунутыя сквозь занавѣсъ моей постели; я воображалъ себя, что бѣлыя руки прокляты и эта мысль еще болѣе страшила меня адскимъ мракомъ. Напрасно искалъ я въ небесахъ и въ аду объясненія двойкой тайны. Пораженный нравственно и физически, я боролся еще моею невинностью съ бурями преждевременной страсти и съ страхами суевѣрія.

Съ той поры я почувствовалъ въ себѣ нѣсколько искръ этого животворнаго огня. Я переводилъ четвертую книгу «Энеиды» и читалъ «Телемаха»: я увидѣлъ въ Дидонѣ и въ Эвхаристѣ прелести, которыя привели меня въ восхищеніе, и сдѣладеа чувствительнымъ къ гармоніи этихъ дивныхъ стиховъ и этой античной прозы. Однажды я перевелъ не приготовивъ Лукреціеву *Aeneadam genitrix, hominum divumque voluptas*, съ такимъ жаромъ, что аббатъ Эгдъ вырвалъ изъ монахъ рукъ поэму и засадилъ меня за греческіе корни. Я тайкомъ читалъ Тибулла; и когда дошелъ до стиха—*Quam juvat immites ceutos audire cubantem*, эти ощущенія нѣги и меланхоліи, казалось, раскрыли мою собственную природу. Я не оставялъ ни на минуту тѣхъ томовъ Массальона, гдѣ помѣщались притчи: о Грѣшницѣ и о Блудномъ сынѣ. Мнѣ позволяли ихъ перелистывать, потому что вовсе не подозревали, какъ это сходно со мною.

Я похищалъ изъ часовни огарки свѣчь, чтобы читать по ночамъ эти трогательныя описанія разврату души. Я засыпалъ прозвися безсвязныя фразы, которыми старался придать сладость, полноту и грацію писателя, удачнѣе всѣхъ перенесшаго въ прозу расиневское сладкозвучье.

Если внослѣдствіи я описалъ съ нѣкоторою вѣрностью увлеченія сердца, обуздываемыя хрстіанскими угрызеніями совѣсти, то вполне увѣренъ, что этимъ я обязаю случаю ознакомившему меня въ одно время съ двумя враждебными властями.

Вредъ, причиненный мысли, воображенію, дурною книгою, заглушенъ страхомъ, произведеннымъ другою книгою, а страхъ этотъ, такъ сказать, смягчился вѣжными мыслями, внушенными прозрачностью картинъ.

То что говорятъ о бѣдѣ, будто она никогда не приходитъ одна, можно сказать и о страстяхъ: онѣ являютъ вѣсть, какъ музы или какъ фурія. Съ наклономъ къ вѣгѣ, начавшему уже меня тревожить, родилась во мнѣ и честь восторженной души, которая поддерживаетъ чистоту сердца посреди разврату, родъ возстановительнаго начала, поставленнаго рядомъ съ началомъ разрушительнымъ, подобно вѣнцѣ источнику чудесъ, которыхъ требуетъ любовь отъ юности, и пожертвованій, которыя она налагаетъ.

По четвергамъ и воскресеньямъ, если погода была хороша, пенсіонеры коллегіума ходили гулять. Намъ часто водили на гору Доль (Mont-Dol), на вершинѣ которой находились нѣсколько галло-римскихъ развалинъ. Съ верху этой уединенной возвышенности взору представляется море и болото, гдѣ летаютъ блудячіе огоньки, свѣтъ колдуновъ, который нынче горитъ во веѣхъ лампахъ. Другимъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ были луга, окружающіе семинарію Эдистовъ (Eudistes), получившихъ это названіе отъ имени Eudes, брата историка Mezgerai, основателя ихъ конгрегаціи.

Въ одинъ майскій день, аббатъ Это, дежурный смотритель той недѣли, повелъ насъ въ эту семинарію: намъ дозволили всѣ игры, только запретили лазить по деревьямъ. Регентъ, расположивъ насъ на дорогѣ, поросшей травой, удалился читать свой требникъ.

По краямъ дороги росли вязаы; на верхушкѣ одного самаго высокаго видѣлось сорочье гнѣздо. Мы любуемся, указывая другъ другу матку, сидящую на яичахъ и ужасно желаемъ достать эту завидную добычу. Но кто осмѣлится на попытку? Запрещеніе было такъ строго, регентъ такъ близко, дерево такъ высоко! Всю надежду полагаемъ на меня; я лазилъ какъ кошка. Я колеблюсь, но желаніе отличиться беретъ перевѣсъ; я снимаю платье, обхватываю вязъ и начинаю взбираться. Стволъ дерева былъ безъ сучьевъ до вышины двухъ третей его росту, гдѣ образовалась развилка, на одномъ изъ концовъ которой держалось гнѣздо.

Товарищи мои, собравшіеся подъ деревомъ, рукоплескали мнѣ усліямъ, посматривая то на меня, то на мѣсто откуда могъ

прійти смотритель, трепетали отъ радости въ надеждѣ до-
стать лица, обмирали отъ страха думая о наказаніи. Я доби-
рался до гвѣзда; сорока слетаетъ, я схватываю лица, кладу ихъ
на рубашку и слѣзаю. Къ несчастію я поскользнулся и попалъ
прямо въ промежутокъ двухъ вѣтвей, гдѣ повисъ верхомъ.
Какъ дерево было гладкое, то я не могъ упереться ногами ни
справа, ни влѣво, чтобъ приподняться и передвинуться на вѣш-
ный край: такимъ образомъ я остаюсь повисшимъ на воздухѣ въ
пятидесятъ футахъ отъ земли.

Вдругъ слышу крикъ: «Смотритель!» и вижу себя покину-
тымъ, какъ это водится, товарищамъ. Одинъ только Легобиенъ
вытася помочь мнѣ, но скоро долженъ былъ отказаться отъ
своего великодушнаго намѣренія. Одно средство оставалось чтобъ
выйти изъ моего непріятнаго положенія, — свѣситься на ру-
кахъ съ одной вѣтви и постараться обхватить ногами стволъ де-
рева, ниже раздвоенія. Я выполнилъ этотъ маневръ съ опасностью
для жизни. Среди этихъ напастей, я не выпустилъ изъ рукъ мо-
его сокровища, а лучше бы сдѣлалъ, если бъ его бросилъ, какъ
бросалъ впоследствии много подобныхъ. Спускаясь по стволу, я
исцарапалъ себѣ руки, ободралъ ноги и грудь и передавилъ птичь
лица: это-то меня и погубило. Наблюдатель не выдалъ меня на
визѣ, кровь я съумѣлъ скрыть, но невозможно было утаить яр-
кую золотистую краску, которой я былъ испачканъ. «Хорошо,
сударь, сказалъ онъ мнѣ, вамъ будутъ розги.»

Если бы этотъ человѣкъ объявилъ мнѣ, что переимѣнитъ это
наказаніе на смертную казнь, я бы обрадовался. Мысль о сты-
дѣ была чужда моему дикому воспитанію: во всѣ возрасты мо-
ей жизни, я всякую казнь предпочелъ бы ужасу краснѣть передъ
живымъ существомъ. Негодование пробудилось во мнѣ; я отвѣ-
чалъ аббату Эгд, не токомъ ребенка, а взрослога человѣка, что
ли онъ и ни кто не посмѣетъ поднять на меня руку. Этотъ отвѣтъ
разгорячилъ его; онъ назвалъ меня бунтовщикомъ и обѣ-
щалъ наказатъ примѣрно. «Посмотримъ!» возразилъ я, и при-
нялся играть въ мячъ съ такимъ хладнокровіемъ, что аббать
смутился.

Мы возвратились въ коллегіумъ; регентъ позвалъ меня къ се-
бѣ и велѣлъ покориться. Мои восторженные чувства уступили
мѣсто потокамъ слезъ. Я напомнилъ аббату Эгд, что онъ училъ
меня по-латыни; что я его ученикъ, его воспитанникъ, его сынъ;
что онъ не захочетъ опозорить своего воспитанника и сдѣлать для
меня невыносимымъ видъ моихъ товарищей; что онъ можетъ по-

садить меня подъ арестъ, на хлѣбъ и на воду, лишить меня рекреаций, наложить на меня лишніе уроки; что я буду ему благодаренъ за такую милость и буду еще болѣе любить его. Я упалъ, со сложенными руками, передъ нимъ на колѣни, умолялъ его, ради Христа, пощадить меня; но онъ не внималъ моимъ мольбамъ. Я вскочилъ въ бѣшенствѣ, и такъ сильно ударилъ его ногою, что онъ вскрикнулъ. Прихрамывая, онъ бросается къ двери, запираетъ ее ключемъ на два раза и возвращается. Я укрѣпляюсь за его кроватью, онъ начинаетъ хлестать меня ферилой, черезъ постель. Я закутываюсь въ одеяло, и, одушевляя себя на бой, вскрикиваю: «Macte animo, generose puer!»

Эта школьническая ученость заставила нехотя разсѣяться моего непріятеля; онъ заговорилъ о перемиріи: мы заключили договоръ; я согласился передать дѣло на судъ начальника коллегіума. Ни сколько не оправдывая меня, начальникъ рѣшилъ однако освободить меня отъ наказанія, которое я отвергалъ. Когда этотъ добрый пастырь произнесъ мой приговоръ, я поцѣловалъ рукавъ его рясы съ такимъ избыткомъ чувствъ и признательности, что онъ не могъ не благословить меня. Такъ окончилась первая битва, вынужденная честью, сдѣлавшеюся кумиромъ моей жизни, и которой я столько разъ жертвовалъ спокойствіемъ, удовольствіями и состояніемъ.

Вакаціи, въ которыя мнѣ минуло одиннадцать лѣтъ, были для меня не веселы; аббатъ Лепренсъ (Leprieux) поѣхалъ со мною въ Комбургъ. Я не выходилъ иначе, какъ съ своимъ наставникомъ; мы дѣлали большія прогулки, безъ цѣли. Онъ страдалъ грудью, былъ грустенъ и молчаливъ; я также не былъ веселымъ. Мы ходили по цѣлымъ часамъ, другъ за другомъ, не говоря ни слова. Однажды мы заблудились въ лѣсу; Лепренсъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: «Куда же надо идти?» Я отвѣчалъ нисколько не задумавшись: «Солнце садится: оно ударяетъ теперь въ окно большой башни, пойдите туда.» Лепренсъ вечеромъ разсказалъ объ этомъ батюшкѣ: въ моихъ словахъ выказывался будущій странникъ. Часто, видя заходеніе солнца въ лѣсахъ Америки, я вспоминалъ комбургскій лѣсъ: воспоминавія мои-эхо одно другому.

Аббатъ Лепренсъ желалъ, чтобъ мнѣ дали лошадь; но по мнѣнію батюшки, морской офицеръ долженъ умиѣть управлять только своимъ судномъ. Я принужденъ былъ ѣздить украдкою на двухъ толстыхъ упряжныхъ кобылахъ или на большой пѣгой лошади. Этотъ пѣгій конь не былъ подобно тюремному, одинъ изъ тѣхъ

ратныхъ коней, которыхъ Римляне называли *desultorios equis*, приученныхъ помогать своему господину: то былъ пегасъ своеправный, который, на рыси, задѣвалъ подковой о подкову и кусалъ меня за ноги, когда я заставлялъ его перескакивать черезъ рвы. Я никогда не занимался особенно лошадьми, хотя и велъ татарскую жизнь, и вопреки дѣйствию, какое должно было произвести мое первое воспитаніе, я ѣзжу верхомъ скорѣе красиво тѣмъ твердо.

Переменяющаяся лихорадка, которой зародышъ привезъ я съ собою съ дольскихъ болотъ, освободила меня на время отъ аббата Лепренса. Черезъ селеніе проѣзжалъ какой-то площадной лекарь; отецъ мой невѣрившій медикомъ, вѣрилъ шарлатанамъ; онъ послалъ за лекаремъ, который объявилъ, что вылечитъ меня въ одніи сутки. На другой день онъ явился въ зеленомъ кафтанѣ съ золотыми галунами, въ огромномъ напудренномъ парикѣ, съ большими грязными кисейными манжетами, съ фальшивыми бриллиантовыми перстнями на пальцахъ, въ изношенныхъ черныхъ атласныхъ штанахъ, въ синевато-бѣлыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ огромными пряжками. Онъ раскрываетъ занавѣсъ моей постели, щупаетъ у меня пульсъ, заставляетъ показать языкъ, бормочетъ на итальянскомъ нарѣчій нѣсколько словъ о томъ, что тутъ надо очистительное и даетъ мнѣ съѣсть маленькій кусочекъ карамели. Батюшка одобрилъ это, потому что полагалъ, что всѣ болѣзни происходятъ отъ дурнаго пищеваренія и что отъ всѣхъ недуговъ нужно очищать человѣка до-крови.

Спустя полчаса, послѣ того какъ я проглотилъ карамель, у меня сдѣлалась страшная рвота; сказали объ этомъ батюшкѣ: онъ готовъ былъ выкинуть за окно этого несчастнаго лекаря. Тотъ перепугавшись, сбрасываетъ съ себя платье, засучиваетъ рукава рубашки и дѣлаетъ уморительныя кривлянья. При каждомъ движеніи парикъ вертѣлся на немъ то туда то сюда, онъ повторялъ мои крики и потомъ приговаривалъ: «*Che? топ-шоу Lavandier?*». Этотъ Лавандіе былъ сельскій аптекаръ, котораго призвали на помощь. Посреди мученій, я не зналъ отъ чего я могъ умереть скорѣе, отъ гадости, данной мнѣ лекаремъ, или отъ хохоту, который онъ возбуждалъ во мнѣ своею фигурою.

Наконецъ остановили дѣйствіе этого слишкомъ сильнаго приему рвотнаго и я поправился. Вся наша жизнь проходитъ въ броженіи вокругъ сырой могилы; наши различныя болѣзни нечто иное какъ дуновенія, которыя приближаютъ насъ болѣе или ме-

нѣе къ пристани. Первый покойникъ, котораго мнѣ пришлось видѣть, былъ одинъ каноникъ изъ Сенъ Мало: онъ лежалъ бездыханный на постели; лицо его было искажено предсмертными судорогами. Смерть прекрасна, она нашъ другъ; однако жъ мы не узнаемъ ее, потому что она является намъ замаскированной, а маска ея ужасаетъ насъ.

Въ концѣ осени меня снова отправили въ коллегіумъ.

Волчья Долина. Декабрь, 1813 года.

Изъ Діеппа, куда я принужденъ былъ удалиться по требованію полиціи, мнѣ позволили переѣхать въ Волчью Долину, гдѣ и продолжаю мой рассказъ. Земля дрожитъ подъ ногами чужеземныхъ солдатъ, которые въ настоящую минуту вторгаются въ мое отечество; я пишу, какъ писали послѣдніе Римляне, при шумѣ нашествія языковъ. Днемъ я начертываю страницы такъ же смутныя, какъ событія того дня; ночью, когда гулъ далекой пушки замираетъ въ моихъ лѣсахъ, я возвращаюсь къ безмолвію минувшихъ лѣтъ, почивающихъ въ могилахъ, перехожу къ миру молодыхъ моихъ воспоминаній. Какъ тѣсно, какъ коротко прошедшее одного человѣка, въ сравненіи съ огромнымъ настоящимъ народомъ и ихъ необъятною будущастью!

Въ коллегіумѣ я провелъ цѣлую зиму за математикой, греческимъ и латинскимъ языкомъ. Время, свободное отъ ученія, проходило въ играхъ, обычныхъ первоначальнымъ годамъ жизни, и вездѣ одинаковыхъ. Малютка Англичанинъ, малютка Нѣмецъ, малютка Италианецъ, малютка Испанецъ, малютка Ирокезецъ, малютка Бедуинъ, катаютъ обручъ и бросаютъ мячъ. Дѣти, братья огромнаго семейства, утрачиваютъ черты сходства вмѣстѣ съ утратой невинности, вездѣ одинаковой. Тогда страсти, условленные климатомъ, образъ правленія и нравы, производятъ различные народы; родъ человѣческой перестаетъ понимать другъ друга и говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ: вотъ общество, настоящее столпотвореніе вавилонское.

Однажды утромъ, я забавлялся на большомъ дворѣ коллегіума бѣганьемъ въ запуски; вдругъ приходятъ мнѣ сказать, что кто-то меня спрашиваетъ. Я иду за слугою къ наружной двери и вижу толстаго, краснощекаго мужчину, съ суровыми пріемами, показывающими нетерпѣливый и грубый характеръ, съ палкою въ рукѣ,

въ черномъ, дурно завитомъ парикѣ, въ изодранной расѣ, съ по добравными въ карманы полами, въ запыленныхъ башмакахъ, въ чулкахъ, проношенныхъ на пяткахъ: «Маленькій шалунъ, сказалъ онъ мнѣ, не ты ли кавалеръ Шатобрианъ изъ Комбурга? — Точно такъ, отвѣчалъ я, озадаченный вопросомъ. «А я, возразилъ онъ, почти съ пѣною у рта, я послѣдній старшій въ твоемъ родѣ, я аббатъ Шатобрианъ Герандскій: погляди-ка на меня хорошенько.» Надменный аббатъ опускаетъ руку въ карманъ старыхъ плісовыхъ штановъ, достаетъ почернѣлую шести-франковую монету, завернутую въ засаленную бумагу, бросаетъ мнѣ ее подъ носъ и отправляется въ пѣшеходное путешествіе, сердито бормоча утреннія молитвы. Впослѣдствіи я узналъ, что принцъ Кондѣ предлагалъ когда-то этому мелкопомѣстному дворянину-викарію, знаніе наставника герцога Бурбонскаго. Оскорбленный аббатъ отвѣчалъ, что принцъ, покупательъ шатобрианскаго баронства, долженъ бы былъ знать, что наслѣдники этого баронства сами могутъ имѣть учителей, но не служить учителями у другихъ. Это высокоуміе общій порокъ нашей фамиліи; оно было отвратительно въ моемъ отцѣ; братъ мой простиралъ его до смѣшнаго; частичка его перешла и къ старшему его сыну. Несмотря на мой умѣренный образъ мыслей, я не ручаюсь, чтобы и я былъ совершенно свободенъ отъ этого пороку, хотя и старался скрывать его.

Привближалось время перваго моего приобщенія, та мнута, когда семейство рѣшало будущую судьбу ребенка. Этотъ религіозный обрядъ у первыхъ христіанъ замѣнялъ принатіе виральной тоги у Римлянъ. Графиня де-Шатобрианъ не преминула присутствовать при первомъ приобщеніи сына, который, соединясь съ Богомъ, долженъ былъ разлучиться съ матерью.

Набожность моя казалась искреннею; я служилъ назидательнымъ примѣромъ для всего коллегіума: глаза мои горѣли; пощеніе доходило до того, что учителя начинали обо мнѣ беспокоиться. Опасались крайностей пылкаго благочестія; просвѣщенная религія старалась умѣрить его пылкость.

Духовникомъ моимъ былъ настоятель семинаріи Эвдистовъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, суроваго виду. Всякій разъ какъ я являлся въ исповѣдальную, онъ спрашивалъ меня съ душевнымъ безпокойствомъ, былъ изумленъ легкостью моихъ грѣховъ, не зналъ какъ согласить мое смущеніе съ маловажною тайнъ, которыя я повѣрялъ ему. Чѣмъ ближе подходилъ день Пасхи, тѣмъ настойчивѣе становились вопросы духовника. «Не скрываетъ

васъ ли ты отъ меня чего-нибудь?» говорилъ онъ. Я отвѣчалъ: — Нѣтъ, батюшка! — «Не совершилъ ли ты такого-то грѣха?» — Нѣтъ, батюшка. На все былъ одинъ отвѣтъ: «нѣтъ, батюшка.» Онъ отшучивалъ меня съ сомнѣніемъ, вздыхалъ, смотрѣлъ на меня стараясь проникнуть мнѣ въ душу, а я удался отъ него блѣдный, смущенный, будто преступникъ.

Разрѣшеніе грѣховъ мнѣ должно было получить въ Великую Среду. Ночь со вторника на среду я провелъ въ молитвахъ. Въ среду, въ три часа по-полудни, мы отправились въ семинарію; насъ провожали родители. Весь суетный шумъ, который сопутствовалъ вполсѣдствіи моему имени, на минуту не внушилъ бы графинѣ де-Шатобрианъ той радости, какую ощущала она, какъ христіанка и мать, при видѣ сына, готовившагося приобщиться великому таинству Вѣры. Войдя въ церковь, я повергся на землю предъ алтаремъ и лежалъ какъ бездыханный. Когда я всталъ, чтобы идти въ ризницу, гдѣ ожидалъ меня настоятель, колѣна дрожали подо мной. Я бросился къ ногамъ священника и едва слышнымъ голосомъ могъ произнести: *Confiteor*. «Ну, не забылъ ли еще чего?» сказалъ добрый служитель Христовъ. Я оставался нѣмъ. Онъ сталъ повторять мнѣ вопросы, и роковое «нѣтъ, батюшка» вырвалось изъ устъ моихъ. Онъ погрузился въ самого себя, испросить совѣта у Того, Кто далъ Апостоламъ власть связывать и разрѣшать души грѣшниковъ; потомъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе и приготовляясь дать мнѣ разрѣшеніе.

Если бы молнія слетѣла на меня съ неба, я такъ бы не ужаснулся; я вскричалъ: «Я не все высказалъ!» Этотъ страшный судья, тайно-повѣренный Судья Вышняго, — чье лицо мнѣ внушало такую боязнь, превратился въ чадолюбиваго пастыря: «Мужайся, сынъ мой, сказалъ онъ, мужайся!»

Въ жизни моей не быть другой подобной минутѣ. Если бы съ меня сняли тяжесть горы, я не почувствовалъ бы такого облегченія: я рыдалъ отъ блаженства. Смѣю сказать, что съ этого дня я пересозданъ въ честнаго человѣка; я почувствовалъ, что не переживу угрызенія совѣсти: какъ же должно мучить насъ сознание преступленія, когда я столько страдалъ отъ одного умолчанія младенческихъ слабостей! Но какъ божественна религія, которая до такой степени можетъ овладѣть нашими добрыми наклонностями! Какими правилами нравственности замѣнить эти христіанскія наставленія!

Стоило сдѣлать первое признаніе, остальное было уже не трудно; скрытыя мною шалости, которыя заставили бы другихъ по-

спѣваться, взвѣшены были на вѣсахъ религіи. Настоятель находился въ очень затруднительномъ положеніи; онъ хотѣлъ бы отложить мое приобщеніе, но мнѣ должно было оставить дольскій коллегіумъ и вскорѣ вступить въ морскую службу. Какъ ни мало-значущи были мои дѣтскіе грѣхи, онъ съ большою проникательностью открылъ въ нихъ характеръ свойства моихъ склонностей; онъ первый постигъ тайну того, чѣмъ я могъ быть.

Онъ угадалъ мои будущія страсти; не скрылъ отъ меня того, что предвидѣлъ во мнѣ добраго, но предсказалъ мнѣ и много горя въ будущемъ. — Ну, прибавилъ онъ, для твоего покаянія нѣтъ времени; но ты омылъ грѣхи мужественнымъ, хотя и позавнимъ признаніемъ. Онъ поднялъ руки и произнесъ разрѣшеніе грѣховъ. На этотъ разъ рука его низвела на мою голову не громъ, а росу небесную; я преклонился для воспріятія ея, что я чувствовалъ похоже было на блаженство ангеловъ. Я поспѣшилъ броситься въ объятія матери, ожидавшей меня у подножія алтаря. Мои учителя, товарищи, меня не узнавали; я ходилъ легкою поступью, съ поднятою головою, съ веселымъ лицомъ, во всемъ торжествѣ раскаянія.

На другой день, въ Великій Четвертокъ, я допущенъ былъ къ этому трогательному, высокому обряду, котораго картину я напрасно пытался начертать въ Духъ Христіанства (*Génie du christianisme*). И при этомъ случаѣ мое мелкое тщеславіе могло бы страдать: букетъ и платье у меня были не такъ хороши, какъ у моихъ товарищей, но въ этотъ день всѣ мысли мои были о Богѣ. Я очень хорошо знаю, что такое вѣра: дѣйствительное присутствіе жертвы въ священномъ таинствѣ алтаря было для меня также осязательно, какъ присутствіе подлѣ меня матери. Когда тѣло Христово прикоснулось къ моимъ устами, я почувствовалъ себя какъ бы озареннымъ внутренно. Я трепеталъ отъ благоговѣнія, и единственный матеріальный предметъ, занимавшій меня, былъ страхъ осквернить священный хлѣбъ.

Я постигъ и мужество мучениковъ; въ эту минуту я готовъ бы былъ исповѣдывать Христа на колесѣ пытки или посреди львовъ.

Люблю припоминать эти минуты блаженства, которыя въ душѣ моей вѣсколькими мгновеніями предшествовали скорблямъ міра.

Сравнивая эти восхищенія сердца съ потрясеніями души, которыя я намѣренъ описать; видя какъ одно и тоже сердце въ промежуткѣ трехъ или четырехъ лѣтъ можетъ ощутить все что

есть сладостнѣйшаго, спасительнѣйшаго въ невѣности и религiи, и все что есть обаятельнаго, гибельнаго, въ страстяхъ, легко рѣшиться, которую избрать изъ двухъ радостей; легко увидѣть, съ которой стороны искать счастья, особенно покою.

Спустя три недѣли послѣ перваго приобщенiя, я оставилъ коллегиумъ. Объ этомъ домѣ сохранилось у меня прiятное воспоминанiе; дѣтство наше оставляетъ часть самого себя на тѣхъ мѣстахъ, которыя украшались имъ, какъ цвѣтокъ сообщаетъ свое благоуханiе предметамъ, къ которымъ онъ прикасался. И теперь еще я думаю съ умилениемъ, какъ разсѣялись первые мои товарищи, первые мои учителя. Аббатъ Лепренсъ, назначенный въ послѣдствiи въ одинъ приходъ близъ Руана, жилъ не долго; аббатъ Эго (Egault) получилъ паству въ реннской епархiи, а начальникъ коллегиума, аббатъ Поршѣ, умеръ на моихъ глазахъ, въ началѣ революцiи: онъ былъ ученъ, кротокъ и простъ сердцемъ. Память объ этомъ безвѣстномъ Ролленѣ на всегда пребудеть для меня драгоценною и священною.

Вечеръ Дюнна, конецъ декабря 1813.

Въ Комбургѣ я нашелъ пищу для моей набожности, духовную миссiю; я раздѣлялъ всѣ труды ея, и вмѣстѣ съ крестьянами и крестьянками на крыльцѣ замка принялъ отъ руки епископа сенъ-мальскаго миропомазанiе. Послѣ этого приступили къ водруженiю креста; я помогалъ его поддерживать, между-тѣмъ какъ другiе устанавливали. Онъ еще существуетъ, и стоитъ передъ башнею, въ которой умеръ мой отецъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ никто не глядитъ на него изъ оконъ башни; дѣти уже не приходятъ изъ замка поклониться; напрасно каждую весну онъ поджидаетъ ихъ; къ нему возвращаются однѣ ласточки, товарищи моего дѣтства, болѣе вѣрные своему гнѣзду, чѣмъ человѣкъ своему дому. Счастливъ былъ бы я, если бы жизнь моя протекла у подножiя креста миссiи, еслибъ волоса мои убѣлило одно только время, которое покрыло ихомъ этотъ крестъ.

Я не замедлил отправиться въ Реннъ: тамъ долженъ я былъ продолжать ученiе и окончить курсъ математики, чтобы потомъ выдержать въ Брестѣ экзаменъ на гардемарина.

Начальникомъ реннскаго коллегиума былъ аббатъ де-Файоль (Fayolle). Въ этомъ бретанскомъ лицѣѣ славилась три отличныхъ профессора: аббатъ де-Шато-Жиронъ, преподававшiи во второмъ классѣ, аббатъ Жермѣ читавшiи риторику, и аббатъ Маршанъ, фзику. Пэнсионеровъ и приходящихъ учениковъ было очень

много; науки преподавались основательно. Въ послѣднее время, изъ этого коллегіума вышли Жоффроа и Жювье, которые бы сдѣлали честь коллегіумамъ сенъ-барскому и плессійскому. Кавалеръ Парри учился также въ Реннѣ; я наследовалъ его кровать.

Реннѣ представился мнѣ Вавилономъ, коллегіумъ міромъ. Множество учителей и учениковъ, обширность зданія, саду и дворовъ, казались мнѣ непомѣрными; однако жъ я привыкъ къ нимъ. Въ именины начальника насъ освобождали отъ ученья; въ честь ему мы пѣли во все горло великолѣпныя куплеты нашего издѣлія.

Надъ новыми моими товарищами я взялъ тотъ же верхъ, какъ надъ прежними въ Долѣ: это мнѣ стоило нѣсколькихъ тумановъ. Бретонскіе мальчишки права сварливаго; они посылали другъ другу вызовы на драку, назначая для того праздничные дни, въ чащахъ саду Бенедиктинцевъ, называемаго Фаворомъ: смотря по важности дѣла, мы, или сражались математическими циркулями, припрѣвленными къ палкамъ, или вступали въ рукопашный бой, бѣгле или менѣе свирѣпый. У насъ были судьи, которые рѣшали, долженъ ли состояться бой и какимъ оружіемъ драться обѣимъ партіямъ. Побойще прекращалось не прежде какъ одна изъ сторонъ признаетъ себя побѣжденною.

Я встрѣтилъ въ коллегіумѣ моего друга Жериля, который и здѣсь, какъ въ Сенъ-Мало, былъ предсѣдателемъ этихъ битвъ. Онъ вызвался быть моимъ секундантомъ въ дѣлѣ, которое я имѣлъ съ Сенъ-Ривѣлемъ, молодымъ дворяниномъ, сдѣлавшимся впоследствии первою жертвою революціи. Я упалъ подъ моего противника, не хотѣлъ сдаться и дорого заплатилъ за мою храбрость. Какъ Жакъ Демарѣ, идя на эшафотъ, я говорилъ: «Я прошу прощенія только у Бога.»

Въ этомъ коллегіумѣ воспитывались также вмѣстѣ со мною Морѣ и Ламозланъ. Есть одинъ только портретъ Люсли, и эта дрянная миниатюра написана Ламозлапомъ, который во время смуты революціи сдѣлался живописцемъ. Морѣ былъ вольноприходящимъ, а Ламозланъ — пансіонеромъ. Рѣдко встрѣчаются въ одну эпоху, въ одной провинціи, въ одномъ городкѣ, въ одной школѣ двѣ судьбы такія странныя. Не могу удержаться, чтобы не рассказать одной школьнической продѣлки, которую мой товарищъ, Ламозланъ, сыгралъ надъ однимъ зрителемъ коллегіума.

Когда ученики уходили спать, этотъ зритель имѣлъ обык-

повеніе обходить корридоры, чтобы удостовѣриться все ли въ порядкѣ; дляэтого онъ заглядывалъ въ отверстіе, нарочно сдѣланное въ каждой двери. Ламозланъ, Жериль, Сенъ-Ривѣль и я сидѣли въ одной комнатѣ.

Напрасно нѣсколько разъ мы пробовали затыкать отверстіе въ нашей двери бумагой. Смотритель выбивалъ бумагу и заставлялъ насъ на самомъ преступленіи: мы скакали по кроватямъ и ложились стулья.

Однажды, вечеромъ, Ламозланъ, не сообщая намъ своего намѣренія, предлагаетъ ложиться въ постели и загасить свѣчу. Черезъ четверть часа на ципочкахъ приближается смотритель. Имѣя причину подозрѣвать насъ, онъ останавливается у нашей двери, прислушивается, присматривается, не видитъ свѣту....

«Кто это потушилъ свѣчу?» кричитъ онъ, вбѣгая въ комнату. Ламозланъ задыхается отъ смѣху, а Жериль, гнуся, говоритъ: «Что? что такое?... мы спимъ.... оставьте насъ....» Сенъ-Ривѣль и я принимаемся хохотать не хуже Ламозлана, и прачемся подъ одѣяла.

Отъ насъ ничего не могли вывѣдать; мы оказали геройскую твердость духа, и насъ четверыхъ посадили въ погребъ. Сенъ Ривѣль подкопалъ землю подъ дверьми, выходящими на задній дворъ, и завязъ головой въ этой лазейкѣ: прибѣжала свинья и чуть не выѣла у него мозгъ; Жериль пробрался въ погребъ коллегіума и выпустилъ бочку вина; Ламозланъ разобралъ стѣну, а я, новый Перренъ Данденъ, вскарабкавшись къ отдушникѣ, удивлялъ своимъ краснорѣчіемъ уличную сволочь.

Хотя воспитаніе въ ренскомъ коллегіумѣ имѣло характеръ очень религіозный, однако же моя набожность охолодѣла: нѣкоторые учителя и товарищи представили много случаевъ къ разсѣянности. Я подвигался въ изученіи языковъ; сталъ силенъ въ математикѣ, къ которой имѣлъ рѣшительную склонность; я могъ бы быть хорошимъ морскимъ офицеромъ или инженеромъ. Говоря вообще, я не лишень былъ хорошихъ способностей, равно доступный впечатлѣніямъ предметовъ серіозныхъ и пріятныхъ; я началъ съ поэзіи, прежде чѣмъ приступилъ къ прозѣ; искусства приводили меня въ восторгъ; я страстно любилъ музыку и архитектуру. Несмотря что мнѣ скоро все наскучило, я былъ способенъ вникать въ мельчайшія подробности; обладалъ терпѣніемъ непоколебимымъ, и хотя утѣшался предметомъ, занимав-

шимъ меня, однако же упрямство превозмогало скуку. Я никогда не бросаю дѣла, если оно стоило окончанія; надъ нѣкоторыми предметами я трудился въ продолженіи пятнадцати, двадцати лѣтъ моей жизни, и въ послѣдній день занимался ими съ такимъ же жаромъ какъ въ первый.

Такая же гибкость ума обнаружилась и въ предметахъ второстепенной важности. Я былъ искусенъ въ игрѣ въ шахматы, въ бильярдѣ, въ охотѣ, въ фехтованіи; порядочно рисовалъ; могъ бы хорошо пѣть, если бы постарались обработать мой голосъ. Все это, въ соединеніи съ образомъ моего воспитанія, съ жизнью солдата и страстнователя, было причиною тому, что я не сдѣлался педантомъ, не казался никогда ни глупымъ ни самодовольнымъ, не имѣлъ неумности и грязныхъ привычекъ литераторовъ прежняго времени, еще менѣе слѣпвой самоувѣренности, зависти и хвастливаго тщеславія новыхъ писателей.

Музыкальныя новости. Берліозъ, который нынче дастъ концерты въ Версали, — потому что въ Парижѣ нѣтъ другой музыки кромѣ воплей нищеты и шопоту политическихъ интригъ, — былъ лѣтомъ въ Лионѣ и, по этому случаю, сочинилъ «Музыкальное путешествіе по Франціи», — какъ всегда, — въ видѣ писемъ къ сальстону.

«Солнце уже высоко на горизонтѣ, а я только-что всталъ съ постели чтобы писать къ вамъ. Вчерашній вечеръ замучилъ меня, и мнѣ необходимо было уснуть хорошенько послѣ тяжкихъ страданій. Вчера я былъ въ числѣ жертвъ чрезвычайнаго представленія, даннаго Оперою въ пользу пенсіонной кассы. Я олицетворялъ собою идеалъ Балзака, и вы можете теперь смотрѣть на меня какъ на живой образъ *l'artiste en pâtitement*. Прежде нежели примусь за рассказъ о моемъ странствованіи въ Лионѣ, скажу два слова о томъ, что происходило вчера въ Национальномъ Театрѣ: это будетъ введеніемъ въ мои провинціальныя письма. Программа была тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ менѣе заключала въ себя музыкальнаго. Афиша объявила второй актъ «Орфея» и солгала: исполнена была только одна сцена ада, что не составляетъ и половины акта. Отрывокъ «Семирады» Россини состоялъ изъ увертюры, арии и дуо. Вотъ весь музыкальный запасъ торжества, которое началось въ семь часовъ вечера и кончилось ровно въ полночь. Винавать; чуть-было не

забылъ нѣсколько бискайскихъ пѣсенъ, вставленныхъ въ балетъ *l'Apparition*, и половину мѣнуэта изъ Моцартовой симфоніи *en Sol mineur*, которую оркестръ принялся играть передъ поднятіемъ занавѣса и долженъ былъ прекратить при появленіи актеровъ на сценѣ, несмотря на свое сильное желаніе продолжать. Моцартъ точно такъ же уважается и на Театрѣ Республики (*Théâtre Français*), съ тою только разницею что здѣсь оркестръ умолкаетъ по приказанію. Ему говорятъ—«Играйте же!» когда онъ молчитъ, и «Замолчите же!» когда играетъ; и онъ исполняетъ то и другое нѣсколько не обижаясь; онъ воолгѣ полниааетъ, что нѣмъ вовсе не дорожать. Онъ смотритъ на симфоніи Моцарта и Гайдна какъ на музыкальный шумъ, имѣющій назначеніемъ возбуждать начало или прекращеніе драматическихъ дѣйствій.

«Роза Шери рѣшилась играть въ первой нісѣѣ, нісѣѣ самой по себѣ очень миленькой (Женевьева, Скриба), но тѣмъ не менѣе на этотъ разъ назначенной для пустыхъ креселъ: извѣстно, что наша публика любитъ съѣзжаться въ большой театръ не ранѣе половины девятаго. Кто повѣритъ, что я еще ни разу не видалъ этой юной знаменитости? И таково упорство Парижанина заключать себя въ кругъ своихъ театралныхъ привычекъ, что даже саму Рашель я увидалъ въ первый разъ не ранѣе какъ на пятый годъ ея славы, и то въ мѣсу Монморанси. «Это доказываетъ только то, скажутъ мнѣ, что вы варваръ.» Я согласился бы съ этимъ, если бы не постановилъ себѣ обязанностію сопротивляться всѣмъ энергическимъ мѣрамъ моеѣ прежней страсти къ водевилямъ, трагедіямъ, куплетнымъ остротамъ и александрійскимъ стихамъ. Я жилъ три мѣсяца въ Лондонѣ прежде нежели отправился слушать Линдъ. До того времени я ходилъ только по вечерамъ смотрѣть на толпу народу ожидавшую при входѣ въ театръ появленія богини. Что будете дѣлать! у меня вѣтъ раснѣя; мои вѣрованья запечатлѣны равнодушіемъ, и богини имѣютъ во мнѣ самаго холоднаго поклонника. И притомъ, что значитъ одинъ голосъ болѣе или менѣе въ этомъ оглушительномъ концертѣ похвалъ, гимновъ, кантатъ, пламенныхъ одъ, страстныхъ дирамбовъ!

«Но такъ велика сила, притягивающая къ этимъ неземнымъ существамъ даже природы самыя грубыя, что и я, прохлопавъ однажды Линдъ цѣлый вечеръ въ Луци, никакъ не могъ отказаться отъ желанія увидать ее поближе и отправиться въ Ричмонтъ. Прибывъ къ Темзѣ, я по разсѣянности сѣлъ на другой пароходъ и вмѣсто Ричмонта попалъ въ Гриничъ. Здѣсь пересмо-

тѣмъ я нуту звѣрковъ, которые показывалъ за одинъ пенни какой-то директоръ странствующаго звѣрница, потому разлегся въ паркѣ на травѣ, и проспалъ на-славу три добрыхъ часа. Впрочемъ, шутки въ сторону, Лидъ, независимо отъ своего необыкновеннаго таланта, молодець-дѣвушка. Вы знаете, какъ она приняла москѣ Дюпоншеля, когда тотъ явился въ Лондонъ, чтобы ангажировать ее на парижскую сцену, и какъ нашъ почтенный директоръ изумился, увидѣвъ во сколько цѣнить его оперу и его блестящія предложенія. Право, Лидъ въ эту минуту была неодолима.

Возвратился однако же къ вчерашнему. Но что сказать объ этомъ явномъ умыслѣ уничтожить послѣдвіе остатка музыкальнаго вкусу въ Парижѣ, и безъ того уже самою не музыкальною, самою тупомъ на мелодію и гармонію горедъ въ мірѣ? Былъ Парижъ дрянъ въ музыкальномъ отношеніи: но теперь онъ — ужъ право незнаю что такое и какъ его называть!... развѣ только — республикой!... Довыиѣ, до февраля мѣсяца, Парижъ дитяго не смыслилъ въ музыкѣ: но у него былъ по-крайней-мѣрѣ талантъ, — музыкальный фельетонъ; было художество, — шарлатанство; посредствомъ этихъ двухъ рычаговъ, доведенныхъ у насъ до совершенства, мы аза въ глаза не видавъ по части музыки, создавали огромныя музыкальныя репутаціи, стряпали всемірныя славы, имѣли въ рукахъ своихъ поставку знаменитостей музыкальныхъ на всю Европу и Америку. Намъ принимали за знатоковъ; намъ вѣрили; суда нашего боялись: фельетонамъ нашимъ кланялись. Все это разстроила февральская буря. Наши фельетоны, наше шарлатанство, погибли на баррикадахъ. Что же хорошаго вы сдѣлали разрушивъ *прежній порядокъ дѣль*? Вы только предали наше невѣжество посмѣланію иностранцевъ, отняли все очарованіе, все могущество у Парижа, лишившагося средствъ пускать пыль въ глаза. Тотъ кто нынче заглянетъ въ нашу Национальную Оперу и увидитъ, безъ фельетонныхъ очковъ, какіе ны ослы музыкальные, какіе вы варвары, чему вы хлопаете, что пропускаете безъ вниманія, станеть ли впередъ вѣрить Парижу какъ судѣ, станеть ли давать деньги за репутаціи его фабрики? Издѣліе музыкальной славы, наравнѣ съ перчатками и вышивками, составляло всегда одинъ изъ важнѣйшихъ *articles de l'industrie parisienne*....

8 октября.

Письмо это прервано было различными обстоятельствами. о которыхъ не стоить и говорить, и я только сегодня могу принять-

ся за продолженіе. Я началъ-было разсказать о моемъ путешествіи въ Ліонъ. Перечитывая теперь написанное, я вижу, что я, пока, еще ни слова не сказалъ о самомъ путешествіи, и занимался единственно чрезвычайнымъ представленіемъ въ Национальной Оперѣ. Простите мнѣ мою болтовню; я былъ боленъ отъ этого представленія и мнѣ необходимо было излить свою скорбь. И такъ обратился къ Ліону и къ моимъ музыкальнымъ опытамъ въ этомъ городѣ. Надобно вамъ сказать, что я родился въ окрестностяхъ Ліона, и слѣдовательно какъ землякъ имѣлъ полное право разсчитывать на равнодушіе Ліонцевъ. И вотъ почему, вздумавъ въ августѣ мѣсяцѣ угрожать имъ концертомъ, я рѣшился предварительно наложить на городъ музыкальное осадное положеніе. Я послалъ изъ Марселя письмо къ Жоржу Гэлю, главѣ исполнительной власти ліонскаго театральнаго оркестра, письмо въ которомъ извѣщалъ о моемъ намѣреніи посѣтить Ліонъ, и подробно излагалъ всѣ способы, какими онъ долженъ противодействовать въ этомъ случаѣ вредному вліянію лѣтняго времени. Вотъ они: огромныя афиши, программы, припечатанныя въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ во всѣхъ журналахъ департамента, извѣщенія, прибитыя на всѣхъ пароходахъ Соны и Роны, приглашенія къ разославію къ академіямъ пѣнія, ко всѣмъ ліонскимъ аматерамъ, къ филармоническимъ обществамъ Дижона, Шалона и Гренобля, а гдѣ нѣтъ такихъ обществъ, то колокольный звонъ и пушечные выстрѣлы, выпускъ разноцвѣтнаго шара, великолѣпный фейерверкъ во время прибытія моего къ Сенъ-Клерской Набережной, пономари, упоминающіе обо мнѣ прихожанамъ въ своихъ поученіяхъ, и прочая и прочая.

Жоржъ, который по праву слыветъ за самаго смѣлаго и искуснаго хвастуна въ Ліонѣ или даже во всемъ Дофинатѣ, былъ необыкновенно пораженъ моимъ проектомъ. Въ глазахъ у него потемнѣло, въ ушахъ зазвенѣло, однимъ словомъ самолюбіе его было жестоко оскорблено. «Чортъ возьми! сказалъ онъ, передавая мое письмо режиссеру: я побѣжденъ: этотъ перещеголялъ и меня!» Впрочемъ онъ ни сколько не сконфузился, и выполнилъ мой проектъ въ точности, за исключеніемъ однако жъ колокольнаго звона, пушечныхъ выстрѣловъ, восхожденій аэростатическихъ, взрывовъ протехническихъ, и пономарей католическихъ. А и это дополненіе къ программѣ было вовсе не неисполнимо: два года тому назадъ въ Норвичѣ Дженин Линдъ не только была пригласована подобными почестями, но даже самый толстый кюстеръ города вышелъ къ ней на встрѣчу, предложилъ ей свой домъ, и

потомъ публично объявилъ съ колокольніи, что съ той минуты какъ онъ услышалъ эту величайшую пѣсню, духъ его просвѣтлѣлъ.

Какъ бы то ни было, мы принялись за публичку обыкновеннымъ образомъ; что-жъ дѣлать.... Успокоивши свою совѣсть съ этой стороны, мы занялись главнымъ, именно оркестромъ и хорами. Общества Дижонское и Шалонское весьма лестно отозвались на наше приглашеніе: они посулили намъ десятка два аматеровъ скрипачей и басистовъ; повальный обыскъ всѣхъ музыкантовъ и хористовъ въ городѣ и предмѣстіяхъ; городской военный оркестръ; многочисленный и опытный оркестръ Большаго театра, подкрѣпленный нѣсколькими музыкантами отъ Целестяцевъ: все это составило намъ двѣста невольниковъ, которые въ день битвы, клянусь вамъ, вели себя какъ нельзя лучше. Въ числѣ ихъ находился одинъ артистъ рѣдкаго достоинства, артистъ играющій на всѣхъ инструментахъ и который нѣкогда былъ моимъ учителемъ; мнѣ было тогда лѣтъ пятнадцать. Случайно встрѣтился я съ нимъ на Place des Terreaux. Онъ только-что прибылъ изъ Вѣны и первые его слова были: — Я вашъ; какой инструментъ вы мнѣ назначите? скрипку, басъ, кларнетъ или офиклеандъ? — Сейчасъ видно, мой любезный учитель, что вы меня не знаете; вы будете держать скрипку: когда же у меня изнѣщество въ скрипкахъ? — Хорошо. Но вотъ въ чемъ дѣло: я буду въ вашемъ оркестрѣ какъ чужой, я никого тамъ не знаю. — Будьте покойны, я васъ представляю.

«На другой день предъ началомъ репетиціи, когда всѣ артисты были на мѣстахъ, я сказалъ имъ, указывая на моего учителя: — Господа! честь имѣю вамъ представить мосьё Дорана, отличнаго вѣнскаго наставника; онъ имѣетъ здѣсь признательнаго ученика; ученикъ этотъ я; вы сейчасъ увидите, что я можетъ-быть не дѣлаю чести моему учителю, но тѣмъ не менѣе прошу васъ принять мосьё Дорана такъ же дружественно, какъ если бы вы были убѣждены въ противномъ и какъ онъ того заслуживаетъ. Можете себѣ представить всеобщее изумленіе и послѣдовавшіе за тѣмъ аплодисменты. Доранъ оробѣлъ еще болѣе; но, однажды поглощенный симфоніею, онъ забылъ все; демонъ музыки овладѣлъ имъ. Онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ понавалъ слышать, да и я въ свою очередь чувствовалъ какое-то странное волненіе, дирижируя la Marche au supplice, la Scène aux champs, ко-

торыя выполнялъ мой старый гитарный учитель, не выдавшійся со мною болѣе двадцати пяти лѣтъ.

«Трубы такъ же рѣдки въ Лионѣ, какъ и въ Марсели, я какъ стоило большого труда прискать что-нибудь порядочное въ этомъ родѣ. Прелесть шотландскаго рожка и успѣхъ его на сельскихъ балахъ привлекаютъ къ этому инструменту большую часть провинціальныя артистовъ. Если объ этомъ не позаботятся, труба въ скоромъ времени сдѣлается во Франціи мнѣомъ, баснословнымъ инструментомъ, какъ напимѣръ теперь гобой. Оркестръ Лионскаго большого театра случайно обладаетъ первостепеннымъ гобоистомъ, который равно прекрасно играетъ и на флейтѣ; это мосье Доммонъ. Въ числѣ прочихъ артистовъ мосье Шербланъ, первый скрипачъ, тоже очень замѣчательный талантъ, дѣлающій честь Парижской Консерваторіи. Что касается до Жоржа Гэнля, директора оркестра, то вотъ его портретъ въ нѣсколькихъ словахъ: съ безукоризненною игрою на виолончелѣ, доставившею ему знаменитость, онъ соединяетъ всѣ качества отличнаго капельмейстера: онъ дирижируетъ понятно, вѣрно, съ одушевленіемъ и выразительностью; умѣетъ, при постановкѣ новой пьесы, прикрыть сообразно своимъ средствамъ недостатки исполненія. Однимъ словомъ, онъ — отличный управитель въ своемъ музыкальномъ владѣніи, не пугающійся ни какихъ затрудненій, въ сожалѣнію частыхъ и неизбѣжныхъ въ провинціи. При вѣрномъ музыкальномъ взглядѣ онъ обладаетъ неутомимою настойчивостью. При соединеніи ко всему этому внутренней пылъ, и вы повѣрите, что въ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлалъ для Лионской музыки гораздо болѣе нежели всѣ его предшественники въ теченіи полулѣтія.

«Въ день моего концерта онъ былъ попеременно, то дирижеромъ, то исполнителемъ. Онъ управлялъ хоромъ, исполнилъ на виолончелѣ большую часть симфоническихъ отрывковъ, игралъ на цимбалахъ въ увертюрѣ Карпавала, на литаврахъ въ *la Scène aux champs*, и на арфѣ въ *la Marche des pèlerins*. Да, на арфѣ. Это — одинъ изъ забавныхъ случаевъ нашей послѣдней репетиціи. Извѣстно, что аронисты въ Лионѣ такъ же рѣдки, какъ въ Поаеси или Кемперѣ. Арфа тоже скоро сдѣлается въ нашихъ провинціяхъ инструментомъ баснословнымъ, подобно гобою и трубѣ. Мы указали на одного любителя, котораго талантъ для арфы пользуется въ Лионѣ нѣкоторою извѣстностью. Прежде нежели я обратился къ содѣйствію этого артиста, Жоржъ просилъ меня показать ему партію арфы.

— Ого! да она вовсе не трудна, сказалъ онъ: въ ней всего только двѣ ноты *si* и *ut*. — Да! продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, въ ней всего только двѣ ноты, но дѣло въ томъ, что эти ноты надо умѣть брать во время, а нашъ музыкантъ навѣрно не сдумаетъ этого сдѣлать. Ваша музыка такого рода, что ее могутъ исполнить только музыканты. Впрочемъ не безпокойтесь, я беру это на себя. — На другой день, когда намъ пришлось репетировать отрывокъ, Жоржъ внезапно оставилъ свой виолончель и потребовалъ арфу. Когда инструментъ былъ поданъ, онъ снялъ съ него струны ближайшія къ *ut* и *si*, чтобы не промахнуться, и, несмотря на насмѣшки и шутки, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ (всѣ знали, что онъ не умѣетъ и взяться за арфу), принялся разыгрывать маршъ Пилигримовъ. Дѣло пошло какъ нельзя лучше. Мнѣ еще въ первый разъ въ жизни удалось слышать эту часть симфоніи, разыгранную съ разу такъ удачно. Да! лучше всѣхъ выполнилъ ее человекъ, который ни разу не бралъ въ руки арфы, но зато былъ увѣренъ въ своемъ музыкальномъ чувствѣ.

«Я уже упомянулъ объ ліонскихъ академіяхъ пѣнія: одна изъ нихъ, меньшая по числу членовъ, состоитъ изъ Нѣмцевъ, молодыхъ аматоровъ, принесшихъ въ Ліонъ преданія своей отчизны. Они сходятся по временамъ для изученія образцовъ, которыми восхищаются. Превосходство ихъ голосовъ передъ голосами французскими очевидно. Почти вся эта молодежь принадлежитъ къ лучшимъ торговымъ домамъ города; они предложили мнѣ свои услуги съ особенною готовностью, и были въ этомъ отношеніи чрезвычайно полезны. Тоже должно сказать и о другомъ обществѣ, которое многочисленнѣе перваго и состоитъ преимущественно изъ артистовъ и ремесленниковъ; оно основано господиномъ Манникъ, котораго талантъ, рвеніе, наконецъ необыкновенная преданность дѣлу, должны были бы давнымъ давно обратить на себя и на самое общество вниманіе ліонскаго городского совѣта.

«Одинъ изъ актеровъ большаго театра обладающій прекраснымъ басомъ, москѣ Баріель, пропѣлъ мою кантату *Cinq mai* съ необыкновеннымъ выраженіемъ. Вообще, за исключеніемъ *Marcel au zupflice*, немного пострадавшаго отъ мѣдныхъ инструментовъ, концертъ удался какъ нельзя болѣе, и въ музыкальномъ отношеніи, и въ матеріальномъ. Жоржъ непремѣнно хотѣлъ, что

бы при входѣ была давка; однако, несмотря на значительный притливъ слушателей изъ Гренобля, Вьены и Мавтоа, давки не было. Впрочемъ мнѣ дали серенаду, на подобіе марсельской, и прислали два безыменныхъ письма. Первое письмо упрекало меня въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ въ томъ, что я пріѣхалъ отбивать деньги у лѳонскихъ музыкантовъ; второе, болѣе въ комическомъ родѣ, прислано было отъ какого-то артиста, самолюбіе котораго я вѣроятно задѣлъ неумышленно на репетиціи. Ово состояло изъ двухъ афоризмовъ. Вотъ они:

«Можно быть вѣстѣ и великимъ артистомъ и вѣжливымъ человекомъ.
И комаръ можетъ подѣ часъ насолить льву.»

Подписано: «Оскорбленный любитель.»

«Что скажете вы объ этомъ эпистолярномъ лаконизмѣ? объ этой угрозѣ? о сравненіи? Мнѣ очень жаль, что я оскорбилъ любителя, и, кто бы онъ ни былъ, я прошу его извинить меня. Во всякомъ случаѣ, если подѣ львомъ этой басни разумѣютъ меня, можно предположить, что комаръ уже забылъ свой гнѣвъ, потому что, покуда, мнѣ никто еще не насолить.»

Комическая опера, въ Парижѣ, дирекція которой всегда отличалась особенною дѣятельностью, постановила на сцену піесу въ одномъ актѣ *la Sournoise*, слова Соважа, музыка Тиса. Эту піесу надо слушать не иначе какъ въ фельетонѣ. Графъ Орн, граціозная піеска, полная чувства и мелодій, никогда не имѣла другой участи. Три четверти дилетантовъ и не подозрѣвали бы ея существованія, если бы не читали журналовъ.

Авторъ назвалъ свою піеску «*la Sournoise*», Хитрица. Название это не точно: дѣвушка, о которой идетъ дѣло, вовсе не хитрица; она просто умная дѣвушка въ родѣ Розины въ Севильскомъ Цирюльникѣ, мамзель де-Бель-Иль, однимъ словомъ всѣхъ жещивъ, ни болѣе ни менѣе. Эта піеса — третья партиція, написанная господиномъ Тисомъ для комической оперы. Его музыка изящна и полна одушевленія. Куплеты героини, квинтеть и тріо понравились всего болѣе. Въ увертюрѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Ужъ не употребилъ ли москѣ Тисъ въ этомъ случаѣ способу, рекомендованнаго Россинамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лядѣ одного изъ французскихъ молодыхъ композиторовъ. Племянникъ написалъ оперу, которая уже репетировалась на теа-

трѣ, а увертюра къ ней еще не была начата. Извѣстно, что композиторы оперъ отличаются отъ обыкновенныхъ грѣшниковъ тѣмъ, что они начинаютъ всегда съ конца, а кончаютъ началомъ. Съ незапамятныхъ временъ увертюры пишутся послѣ финальнаго хора. Молодой композиторъ послѣдовалъ примѣру всѣхъ старыхъ композиторовъ, и отдалъ оперу въ театръ, не написавъ увертюры. Оперу разучили, требуютъ увертюру, а увертюры нѣтъ. Композиторъ не спитъ по цѣлымъ ночамъ, работаетъ безъ усталы; но вдохновеніе улетѣло, и всѣ старанія его остаются безуспѣшными. Къ счастью дядя узнаетъ о затруднительномъ положеніи племянника, и обѣщаетъ устроить дѣло. «Успокойся, другъ мой, у тебя будетъ увертюра,» говоритъ онъ, и немедленно садится за письменный столъ. Вы можетъ быть думаете, что дядя самъ музыкалъ и сѣлъ за письменный столъ для того чтобы тутъ же написать требуемую увертюру. Ни чуть не бывало; дядя слышалъ о знаменитомъ Россини и рѣшился просить его помощи. Онъ написалъ къ нему слѣдующее письмо:

«Милостивый государь! Вы извѣстны у насъ какъ человѣкъ талантливый, обязательный и обжора. Я посылаю вашему обжорству страсбургскій пирогъ, и прибѣгаю съ просьбою къ вашей обязательности, надѣясь, что ваше искусство выведетъ меня изъ затрудненія. Племянникъ мой не знаетъ, какъ взяться за дѣло, чтобъ написать увертюру къ своей оперѣ. Вы много въ свою жизнь написали всякаго вздору, будьте же добры, пришлите мнѣ рецептъ, по которому вы составляли увертюры. Въ прежнее время, когда вы еще не отказывались отъ славы, моя просьба могла бы показаться вамъ неумѣстною, но теперь уже вамъ нечего опасаться соперничества.

Примите увѣреніе, и прочая.»

Россини былъ тогда въ Болоньѣ; онъ успѣшилъ отвѣчать на письмо слѣдующимъ не менѣе оригинальнымъ посланьемъ.

«Мнѣ очень лестно, милостивый государь, что вы, желая вывести изъ затрудненія вашего племянника, обратились ко мнѣ предпочтительно передъ моими собратіями.

«Прежде всего я долженъ объявить вамъ, что я писалъ только тогда, когда былъ къ тому вынужденъ. Я не понимаю удовольствія ломать голову, утомлять руку и доводить себя до лихора-

дочнаго состоявія для удовольствія публики : ей очень скоро надѣдають тѣ, которые стараются услужить.

«Я вовсе не защитникъ права на трудъ, и нахожу, что драгоценнѣйшее и прекраснѣйшее изъ всѣхъ правъ человека есть право ничего не дѣлать. Я ровно ничего не дѣлаю съ тѣхъ поръ, какъ приобрѣлъ себѣ, ужъ конечно не трудами, но нѣсколькими счастливыми спекуляціями, несравненное право, право по-преимуществу, право изъ правъ, право на лѣнь. Если вы мнѣ позволите дать вашему племяннику одинъ предварительный совѣтъ, то я посоветовалъ бы ему послѣдовать моему примѣру и ничего не дѣлать, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ счастье обладать такимъ почетнымъ дядею.

«Но если онъ вздумаетъ упорствовать въ своемъ жалкомъ напѣревнѣ, то вотъ главнѣйшіе рецепты, которыми я пользовался въ грустную эпоху моей жизни, когда принужденъ былъ трудиться. Пусть выберетъ онъ изъ этихъ рецептовъ тотъ, который покажется ему наиболѣе удобнымъ.

«*Первый рецептъ.* Главное и неизмѣнное правило: писать увертюру не иначе какъ наканунѣ перваго представленія. Ничто не можетъ столько вдохновить человека какъ необходимость, присутствіе переписчика, который по клочкамъ уноситъ отъ васъ ваше произведеніе, и ужасающій видъ директора, рвущаго на себѣ волосы. Ни одно изъ истинно великихъ произведеній музыкальнаго искусства не писалось безъ этихъ побудителей. Въ мое время всѣ директоры театровъ въ Италіи плѣшивѣли ранѣе тридцати лѣтъ.

«*Второй рецептъ.* Я написалъ увертюру къ «Отелло» въ небольшой комнатѣ палатца Барбая, въ которую заперъ меня безчеловѣчнѣйшій и плѣшивѣйшій изъ всѣхъ директоровъ; онъ поставилъ передо мной кружку воды и нѣсколько макаронъ, и объявилъ, что не выпуститъ, пока я не допишу увертюры до послѣдней ноты. Вы могли бы употребить это средство съ вашимъ племянникомъ; но, ради Бога, не давайте ему страсбургскихъ пироговъ. Страсбургскіе пироги хороши только для тѣхъ композиторовъ, которые ровно ничего не дѣлаютъ, и я благодарю васъ отъ всего сердца за тотъ, который вы мнѣ прислали.

«*Третій рецептъ.* Увертюру къ «Сорокъ Воровкъ» написалъ я, не наканунѣ, а въ самый день представленія, на чердакъ театра

del la Scala въ Миланѣ, куда занесъ меня директоръ, достойный послѣдователь Барбая, приставивъ ко мнѣ караулъ изъ четырехъ машинистовъ. Эти изверги выбрасывали каждую фразу моего произведенія за окно, а переписчики, раскормленные на дорѣ, переписывали и немедленно отправляли въ капсюль-стеру, который тотчасъ же отдавалъ музыкантамъ и разгрызвалъ. На случай, если бы я отказался писать, стражи получили приказаніе выбросить меня самого переписчикамъ. Чердакъ вашего дому, милостивый государь, можетъ послужить вамъ для приведенія въ исполненіе этого рецепта. И дай Богъ, чтобы племяннику вашему не пришлось испытывать другихъ надевій!

Четвертый рецептъ. Еще оригинальнѣе написалъ я увертюру «Севильскаго Цирюльника»; лучше сказать, я совсѣмъ не написалъ ея, потому что, вмѣсто увертюры, которую я сочинялъ еще для этой оперы, комической въ высочайшей степени, къ ней приладилъ другую, написанную для «Елизаветы,» оперы въ высочайшей степени серьезной. Публика была въ восторгѣ. Вашъ племянникъ ничего, еще не издавшій, могъ бы воспользоваться этимъ средствомъ, занявъ у себя другую увертюру.

Пятый рецептъ. Увертюру, или лучше сказать, инструментальную интродукцію къ «Графу Ори» сочинилъ я во время рыбной ловли; я удель въ Петъ-Бургъ, стоя на колѣяхъ въ водѣ, рядомъ съ сенyorsомъ Агуадо, который толковалъ мнѣ объ испанскихъ финансахъ и надобѣ до смерти. Я не сомнѣвался, милостивый государь, что, въ подобномъ случаѣ, вашъ разговоръ произведетъ на нервы и воображеніе вашего племянника то же самое вдохновительное дѣйствіе.

Шестой рецептъ. Въ подобныхъ же обстоятельствахъ я написалъ увертюру къ «Вильгельму Теллю»; я жилъ тогда въ Парижѣ, и окна мои выходили на Монмартрскій Бульваръ, на которомъ собиралось все что ни есть скучнаго въ Парижѣ: туда приходили курить, пить, болтать, кричать, шумѣть, браниться, — а я въ это время работаю со всѣмъ возможнымъ усердіемъ, чтобы только не слышать бульварнаго шума. Я думаю, что, несмотря на преувѣщеніе умовъ во Франціи, вамъ всё-таки не трудно будетъ найти около себя достаточное количество дураковъ, способныхъ послужить вашему племяннику упомянутымъ мною средствомъ возбужденія. Притомъ же и вы сами можете лично содѣйствовать

къ этому случаю и заслужить такимъ образомъ полную его признательность.

«Седьмой рецептъ.» Къ «Монсею» я не написалъ ни какой увертюры: я увѣренъ, что вашъ племянникъ съ успѣхомъ могъ бы воспользоваться этимъ средствомъ. Другъ мой Мейербергъ употребилъ его для своихъ оперъ, «Роберта» и «Гугенотовъ» и, кажется, оно вполне удалось ему. Говорятъ, что и увертюра къ его новой оперѣ «Пророкъ» написана съ помощью того же средства. Я увѣренъ, что другъ мой Мейербергъ не будетъ расканваться.

«Примите, милостивый государь, виѣсть съ желаньемъ успѣху вашему племяннику и благодарностию за страсбургскій пирогъ, увѣреніе, и прочая. *Россини, бывшій композиторъ.»*

Вотъ составъ парижской италіанской труппы. Пѣвцы: Лаблашъ, Ронкони, Морелли, Арнольди, Лучесси, Бордасъ, Сольди, Данѳіори, Бонконсигліо; пѣвицы: Персіани, Кастелланъ, Бозио, Ронкони, Клари, Сара, Беллини; директоръ пѣвца Баццони. Цѣна мѣстамъ въ нынѣшнемъ году уменьшена. Маріо, Гриси и Альбони тоже въ Парижѣ.

— Нынѣшній сезонъ италіанской оперы на Ковентгартенскомъ Театрѣ, гдѣ участвовали Тамбурини и Сальви, окончился дефицитомъ въ 40,000 фунтовъ стерлинговъ. Тѣмъ не менѣе антрепренеры, два богатые пивовара, намѣреваются открыть его въ мартѣ мѣсяцѣ съ новымъ блескомъ.

=

1849.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ отчетнѣ дошли намъ, со времени своего основанія, *Музыкальнѣ* постоянно пользовался самымъ лестнымъ вниманіемъ образованныхъ любителей музыки

Журналъ этотъ будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1849 году, съ тѣмъ же усердіемъ, съ тою же дѣятельностью, съ какою Редакція не переставала стремиться къ достиженію цѣли этого изданія.

Число подписчиковъ, значительно увеличившееся въ последнее время, доставило Редакціи *Музыкальнѣ* полную возможность распространить этотъ общепользующій журналъ и ввести въ него всѣ улучшенія, чтобы еще болѣе оправдать лестное мнѣніе, которымъ онъ пользуется въ публикѣ.

Цѣль *Музыкальнѣ* — доставлять подписчикамъ самый строгій выборъ лучшихъ новыхъ пьесъ, выходящихъ въ продолженіе года въ Европѣ, и, соединяя, сколько возможно, полезное съ пріятнымъ, удовлетворять музыкальнымъ требованіемъ всѣхъ возрастовъ и вкусу каждаго. Музыка серьезная, музыка салоновъ, музыка вокальная, музыка балетная, музыкальная литература — идти въ этомъ журналѣ рука объ руку, въ самой безупречной гармоніи. Ученикъ, еще не посвященный въ тайны искусства, и опытный виртуозъ, — любитель, основательно изучающій музыку, и свѣтскій человѣкъ, который занимается ею только для препровожденія времени, одинаково находятъ себѣ пишу въ обширной области *Музыкальнѣ*,

такъ что, при вытѣненіи музыкальнаго образованія, журналъ этотъ составляетъ необходимую принадлежность каждаго общества, гдѣ только есть фортепіано.

Не говоря уже о выборѣ пьесъ, на которомъ преимущественно основанъ, успѣхъ *Нувеллиста*, мы обратимъ вниманіе публики только на дешевизну этого журнала: за *десять рубл. сереб.* подписчикъ получаетъ въ годъ 125 пьесъ лучшихъ композиторовъ, между-тѣмъ какъ то-же количество нотъ, покупаемыхъ отдѣльно обещалось бы, во-крайней-мѣрѣ, въ десятисто рублей.

Первые петербургскіе пианисты, постоянно содѣйствовавшіе труднѣй редакціи *Нувеллиста* выборомъ пьесъ для этого изданія, также *Фудуръ*, по прикѣру прежнихъ лѣтъ, украшаютъ его своими произведеніями. Многіе лучшіе иностранные композиторы развѣтливо обещали доставлять, отъ-времени-до-времени, пьесы, написанныя исключительно для *Нувеллиста*:

При такихъ средствахъ, Редакціи *Нувеллиста* остается только или продать дорогою, не распространяясь въ никакихъ обществѣхъ тѣхъ, гдѣ дѣло говорить само за себя.

Нувеллиста выходитъ аккуратно во первое число каждаго мѣсяца, тетрадка, но меньше тетрадки страницъ. Каждая тетрадь содержитъ въ себѣ:

1) ЧЕТЫРЕ или ПЯТЬ ПЬЕСЪ, большой или меньшей трудности, для фортепіано, какъ-то: фантазіи, вариации, вальсы, романсы безъ словъ, и проч.

2) ДВА ПОДЫЕ ТАЦА;

3) ДВА РОМАНСА для гитъ, русскій и французскій;

4) ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ;

5) Тетрадь, отдѣльную отъ *Нувеллиста*, подъ названіемъ:

АЛЬБОМЪ МОЛОДЫХЪ ПИАНИСТОВЪ,

содержащій ежемѣсячно ДВѢ ЛЕГКІЯ ПЬЕСЫ для дѣтей, съ аппендатурою.

6) КАТАЛОГЪ новѣйшихъ музыкальныхъ сочиненій для всѣхъ инструментовъ.

По временамъ прилагаются къ журналу портреты, рисунки, и проч.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ,

раздававшее при *Музыкалиста*, содержитъ въ себѣ извѣстiя объ операхъ русскихъ, италiйскихъ и нѣмецкихъ, и концертахъ, даваемыхъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ; извѣстiя о событiяхъ въ области музыки; критическiя работы помѣныхъ оперъ и балетовъ, даваемыхъ въ главнѣйшихъ городахъ Россiи; описанiя знаменитыхъ музыкантовъ; объявленiя о новыхъ музыкальныхъ сочиненiяхъ, выходящихъ въ Россiю и за границею, описанiя новоизобрѣтенныхъ инструментовъ; корреспонденцiи, и проч.

Цѣна годовому изданiю *Музыкалиста*, состоящему изъ двѣнадцати тетрадей, 10 руб. сереб.; съ пересылкою или доставкою въ домъ 11 руб. 50 коп.

Подписка принимается *исключительно*: въ С. ПЕТЕРБУРГѢ; въ конторѣ *Музыкалиста*, съ Малой М. Берггольцъ, на Невскомъ Промонтоарѣ противъ Малой Берггольцъ, на днѣ: Пискаревъ № 11, въ МОСКВѢ у М^{ра} Мухоморова.

Изгородные благоволятъ адресоваться въ Главную Экспедицiю С. Петербургскаго Почтамта.

Редакция отвѣчаетъ за вѣрную доставку тѣхъ только экземпляровъ, на которые подписка принята въ означенныхъ мѣстахъ. На полгода подписка не принимается.

Редакторъ и Податель М. Берггольцъ.

МОДЫ.

— Новый фасонъ шляпокъ обращаетъ общее вниманіе; накушки круглыя, выпуклыя; поля вверху плоскія, согнутыя и связанные у подбородка, сохраняя прежнюю легкость и нѣжность размѣровъ. Эти маленькія шляпки очень милы и какъ видно будутъ приняты всѣми на нынѣшнюю зиму. Такого же фасону поля съ маленькимъ всерединѣ мыскомъ показались, но по странности своей на-взглядъ, не многимъ нравились, и теперь встрѣчаются рѣже и рѣже. Цвѣта сѣроватыя всѣхъ тѣней, желѣзныи темный и свѣтлый, сѣрый-перловый, и всѣ цвѣта называемыя неопредѣленными, какъ то, гороховыя, шоколадныя, песочныя, для зимнихъ шляпокъ изъ атласу и неразрѣзнаго бархату—въ общемъ предпочтении. Къ такого цвѣту шляпкамъ подкалываютъ ленты яркихъ цвѣтовъ, красныя, сирізовыя, лиловыя и розовыя, непременно вмѣстѣ съ бѣлымъ тюлемъ, что и эфектно и нѣжно. Розовыя и голубыя шляпки, какъ и всегда, очень хороши и видны, но только очень яркихъ тѣней; и потому блѣдныя цвѣта нынче вообще не употребляются; бѣлыя, розовыя и голубыя атласныя и неразрѣзнаго бархату шляпки, очень милыя, украшены внизу полей бѣлымъ тюлемъ безъ лентъ.

— Мантии дѣлаются непременно съ рукавами, и столько длинны, что на прогулкахъ онѣ очень хорошо замѣняютъ бурнусы, и, наоборотъ, эти бурнусы въ комнатахъ можно употреблять вмѣсто мантий: она весьма удобны для утреннихъ визитовъ. Покрой теплыхъ клоковъ или мантий очень простыя и, такъ же какъ и шубы, дѣлаются съ длиннымъ пелериномъ, округленнымъ впереди. — Другихъ новостей въ модномъ свѣтѣ, пока, не замѣтно.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ПЕРВАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Наемъ дачи. Повѣсть. <i>А. Вельтмана.</i>	1
Замосковная лѣтопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и о дру- гихъ. Статья первая. Сочиненіе <i>Лейлы.</i>	65

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Импровизаторъ. Часть первая.	1
Пушъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. <i>Евгенія Скриба.</i>	65

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Самуэль Ричардсонъ и его эпоха.	1
Шаманство у народовъ Сѣверной Азіи. Статья первая. <i>Н. Щукина.</i>	25

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Статистическія изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ. Статья вторая. <i>Н—на.</i>	1
--	---

КРИТИКА.

Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Сочиненіе монаха Іакинѣа. Санктпетербургъ, 1848.	1
---	---

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя книги и брошюры.	1
Разныя извѣстія.	15

VII.

СМѢСЬ.

Путешествіе на голландскую Черную Рѣчку	1
Званый китайскій обѣдъ. Разказъ путешественника.	15
Наполеонъ — драматическій критикъ на Островъ Святой Елены.	19
Фаустъ при дворѣ англійской королевы Елисаветы.	27
Литературныя новости въ Парижѣ. Замогильныя Записки Шатобріана.	33
Музыкальныя новости.	93
Моды.	108

=

**БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
XII.**

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τὸ αἰσχρὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶσθαι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ВТОРОЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отчетамъ представлено было въ Ценсурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 13 января 1849.

Цензоръ В. Лангеръ.
Цензоръ М. Срезневскій.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

БЫТЬ РУССКАГО ДВОРЯНИНА ВЪ РАЗНЫЯ ЭПОХИ ЕГО ЖИЗНИ.

Разказы, воспоминанія и замѣчанія сосѣда моего посредника любовныхъ специальныхъ размежеваній.*

=

СОЧИНЕНІЕ АВТОРА «СЕМЕЙСТВА ХОЛМСКИХЪ».

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

« Кто хочет писать объ Россіи, тотъ долженъ и думать по-русски.»

Слова Императрицы Екатерины II помѣщенные въ журналъ Собесѣдникъ 1783 года.

Помните ли вы разказъ мой объ офицерѣ генеральнаго штаба, сослуживцѣ моемъ въ Кавказскомъ Корпусѣ, который дѣлалъ

* Здѣсь между прочимъ будутъ помѣщены Записки одного дворянина, который, не взирая на общее мнѣніе о совершенной негодности необитаемыхъ степей въ *** губерніи, простирающихся на весьма большое разстояніе, отважился проникнуть въ глубь этихъ степей для личнаго обозрѣнія и отысканія мѣстъ, удобныхъ къ поселенію и заведенію скотоводства. Предпріятіе его было увѣнчано полнымъ успѣхомъ; онъ открылъ отличную землю,

весьма хладнокровно съемку неприятельской позиціи подъ градомъ пуль. Впродолженіи нашей службы, мы сблизились и искрен-

соединяющую въ себѣ всѣ удобства и умѣлъ приобрѣсть нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ въ этихъ степяхъ, посредствомъ покупки за дешевую цѣну правъ на нихъ у разныхъ лицъ; словомъ, черезъ удачную и выгодную спекуляцію свою, онъ въ самое непродолжительное время чрезвычайно обогатился.

Издатель рѣшился сообщить этотъ дневникъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до его рукъ, не исключая даже мелочныхъ подробностей о дѣйствіяхъ смѣльчака, отважившагося предпринять оригинальное странствіе въ эти степи, вопреки общему мнѣнію о совершенной ихъ негодности.

Издатель, печатая этотъ дневникъ, имѣлъ въ виду слѣдующія соображенія.

У насъ въ Россіи и до-сего-времени еще остается много необитаемыхъ степей, по тому же можетъ-быть ошибочному заключенію, что онѣ ни къ чему не способны; въ примѣръ поставить можно вотъ какія земли:

Астраханской губерніи, въ енотаевскомъ уѣздѣ, полагается до пяти милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ полъ населеніемъ, пашнею, пастбищами и лѣсомъ. доселѣ находится всего только сто-двадцать-три-тысячи четырехста осемьдесятъ-девять десятинъ, а остальное количество признано совершенно ни къ чему неудобною землею. Сверхъ-того извѣстно также, что пространство на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ въ оренбургской губерніи до самаго берега Каспійскаго Моря необитаемо, и признано также, можетъ быть по неправильному мнѣнію, неудобнымъ и совершенно ни къ чему негоднымъ; но, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, невозможно предполагать, чтобы въ числѣ слишкомъ четырехъ милліоновъ десятинъ въ енотаевскомъ уѣздѣ и пространство на нѣсколько сотъ верстъ въ оренбургской губерніи до Каспійскаго Моря, представляли повсюду совершенную невозможность къ заведенію хлѣбопашества и скотоводства. Впрочемъ, кромѣ указанныхъ здѣсь мѣстъ, есть еще, какъ предполагать должно, такія же и въ другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, о чемъ издателю, какъ частному человѣку, не извѣстно.

Можетъ-быть найдется подобный же смѣльчакъ, который рѣшится на такое же необыкновенное странствіе, для личнаго обозрѣнія указанныхъ здѣсь или другихъ необитаемыхъ земель; для него, описанныя въ дневникѣ, дѣйствія и распоряженія дворянина, совершившаго столь удачно свое предпріятіе, рассказы о мѣрахъ употребленныхъ имъ къ отвращенію неизбежныхъ затрудненій и препятствій при освидѣтельствованіи необитаемыхъ земель, могутъ послужить весьма важнымъ руководствомъ.

Впрочемъ, этотъ дневникъ, который будетъ продолжаться и въ слѣдующихъ частяхъ, самъ по себѣ интересенъ, потому что въ немъ описанъ русскій бытъ прямо съ натуры; сверхъ того здѣсь же изложены, какъ издалека ка-

но полюбили другъ друга. Во время походовъ и военныхъ дѣйствій, мы были почти всегда вмѣстѣ, и по стеченію обстоятельствъ мнѣ удалось спасти ему жизнь, и онъ также имѣлъ случай избавить меня отъ явной смерти. Вотъ какимъ образомъ и то другое случилось.

Въ одномъ сраженіи, были мы вмѣстѣ впереди въ стрѣлкахъ, я по обязанности съ моею ротою, а онъ по собственному желанію, потому что именно гдѣ только раздавались ружейные или пушечные выстрѣлы, онъ прямо спѣшилъ туда, если только не имѣлъ другихъ занятій по своей должности. Перепадка наша съ непріателемъ была въ лѣсу; я замѣтилъ, что одинъ Лезгинецъ, прокрадываясь между деревьями, приближался на самое близкое къ нему разстояніе и прицѣлывалъ ружье свое прямо на него. Я закричалъ ему, чтобы онъ остерегся, и въ то же время, выхвативъ шашку мою, бросился на Лезгинца, однако жъ онъ успѣлъ выстрѣлить; и если бъ любезный товарищъ мой также не успѣлъ по моему предостереженію хоть одну секунду отскочить въ сторону, то пуля попала бы ему прямо въ лобъ. Между-тѣмъ проворный и ловкій сопровитникъ мой, увидѣвъ, что я съ обнаженною шашкою бѣгу на него, успѣлъ закинуть ружье за спину и не имѣя времени выхватить также и свою шашку, выстрѣлилъ въ меня изъ своего пистолета и въ одно мгновеніе потомъ обнажилъ кинжалъ. Я бросился на него съ своею шашкою, но онъ успѣлъ отпрыгнуть въ сторону и устремился на меня съ кинжаломъ: я отпарировалъ его ударъ, а онъ опять съ большимъ проворствомъ и ловкостью отпрыгнулъ въ сторону и вновь бросился на меня съ боку. Словомъ, хотя опять я отразилъ его

жется, самыя правильныя и дѣльныя предложенія о мѣрахъ осторожности къ сохраненію здоровья при переселеніи во время пути и водвореніи жителей на новымъ мѣстахъ.

Весьма вѣроятно, что *нѣкоторымъ* судьямъ—читателямъ не понравится коммѣнцианный здѣсь дневникъ дворянина, предпринявшаго необыкновенное странствіе въ необитаемыя степи, и они, пожалуй, назовутъ этотъ дневникъ *несносно-скудно-утомительно-пошлою болтовнею* (такія вѣжливыя и умныя выраженія употребляются довольно часто въ рецензіяхъ). Однако жъ, допустивъ вѣроятность такого сужденія, издатель имѣетъ право также предполагать и то, что если печатаютъ въ весьма плохомъ переводѣ описанія американскихъ степей и необитаемыхъ мѣстъ въ Африкѣ, то Русскимъ позволительно узнать, какія мѣры употребилъ нашъ отважный соотечественникъ къ открытію и освидѣтельствованію глухихъ подосъ Россіи.

ударъ, но признаться должно, что рукопашный бой нашъ ногъ бы очень дурно для меня кончиться, если бь солдаты моей роты не подоспѣли ко мнѣ на помощь: они услышали выстрѣлъ и крикъ мой, бросились ко мнѣ на выручку и тотчасъ подняли Лезгица на штыки. Между-тѣмъ и любезный мой товарищъ также стремглавъ бросился ко мнѣ на помощь, но увидѣвъ, что Лезгинецъ противникъ мой не существуетъ уже въ здѣшнемъ мѣрѣ, взялъ меня за руку и подвелъ къ дереву, подлѣ котораго стоялъ онъ, когда Лезгинецъ вѣтилъ въ него; смѣрилъ вышину куда попала пуля и сказалъ мнѣ:

— Посмотри-ка гдѣ бы была пуля, если бь ты не предостерегъ меня, подвергая опасности собственную жизнь.

Онъ показалъ, что пуля была именно на той высотѣ дерева, гдѣ находилась его голова.

— Ты видишь, продолжалъ онъ: покойный Лезгинецъ былъ очень хорошій стрѣлокъ, а я состою у тебя въ долгу и надѣюсь, авось дастъ Богъ, и мнѣ предстанеть случай отплатить тебѣ тѣмъ же.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того при переходѣ нашемъ въ горахъ, по ужой тропинкѣ, висѣвшей надъ ужаснѣйшей пропастью, я какъ-то поскользнулся и полетѣлъ прямо въ пропасть, но онъ шедши сзади меня схватился руками за воротникъ моего сертука и, имѣя необыкновенную геркулесовскую силу, удержалъ отъ паденія.

— Ну, братъ, ты видишь, сказалъ онъ: что по благодати Providѣнія открылась и мнѣ возможность уплатить тебѣ мой долгъ; я прежде мало уважалъ дающую мнѣ отъ природы силу, думалъ, что она ни к чему болѣе не годится, какъ для потѣхи, разгибать подковы, рвать колоды картъ и на прочія ташеншилерскія штуки; но теперь на самомъ опытѣ я увѣрился, что и тѣлесная сила можетъ быть полезна.

Я благодарилъ его, и притомъ сказалъ, что очень и очень понятно для меня, что онъ съ опасностью собственной своей жизни спасъ меня отъ явной смерти и что сдѣланную мною ему услугу никакъ нельзя сравнить съ тѣмъ, на что онъ отважился спасая меня.

— Чтѣ ты братецъ за вздоръ говоришь! какая же мнѣ могла быть опасность схватить за воротникъ такого сухопараго, такую пугалицу какъ ты?

А я сухопарая пугалица былъ осьми вершковъ росту, здоровый, плечистый и довольно дородный мужчина. Словомъ, если бь

онъ не имѣлъ такой необычайной силы, то послѣдствіемъ того, что онъ схватилъ меня за воротникъ сертука, было бы то, что и онъ вмѣстѣ со мною полетѣлъ бы и погибъ въ пропасти; все это хотѣлъ я ему объяснить, но онъ прервалъ меня на первомъ словѣ.

— Давай руку, сказалъ онъ : здравствуй, любезный братъ, мы съ тобою побратались взаимною другъ другу услугою. Снимай съ себя крестъ.

Съ этимъ словомъ разстегнулъ онъ сертукъ свой, развязалъ воротъ на рубашкѣ и снявъ съ себя крестъ подаль миѣ.

— Ну, а ты снимай съ себя крестъ и подавай миѣ, продолжалъ онъ: съ этой минуты мы съ тобою крестовые братья.

Я съ полнымъ удовольствіемъ бросился цѣловать его, хотѣлъ объяснить ему, съ какою радостью прикипаю я предложеніе его быть съ нимъ крестовымъ братомъ, но онъ остановилъ меня.

— Полно, полно объясняться, толковать долго нечего, сказалъ онъ : мы знаемъ и понимаемъ другъ друга. Помни только, что по стариннымъ русскимъ обычаямъ, крестовые братья обязаны сохранять другъ къ другу на всю жизнь истинную, искреннюю и непоколебимую дружбу. Слышишь ли? Дружбу во всей силѣ и въ настоящемъ значеніи этого слова.

Съ-тѣхъ поръ мы исполняли вполнѣ взаимныя обязанности крестовыхъ братьевъ.

Внезапный отъѣздъ мой съ Кавказа къ умирающему отцу лишилъ меня возможности проститься съ нимъ. Онъ былъ въ то время гдѣ-то въ отдаленной командировкѣ. Однако жъ я сообщилъ ему, по какимъ именно горестнымъ причинамъ долженъ разстаться съ службою и поспѣшить моимъ отъѣздомъ не простившись лично съ нимъ. Черезъ нѣсколько времени, по пріѣздѣ моемъ сюда, получилъ я отвѣтъ его, что онъ не только одобряетъ намѣреніе мое оставить службу, но что я былъ бы извергъ, если бъ даже хотя одну минуту колебался исполнить священный долгъ сына. Послѣ того сношенія мои съ нимъ продолжались, хотя и не такъ часто, потому что мы оба были порядочные лѣнтяи писать письма; но все что случалось съ нами интереснаго и необыкновеннаго, сообщали мы другъ другу.

Онъ продолжалъ служить съ тѣмъ же отличіемъ какъ и прежде, и обратилъ на себя особенное вниманіе кавказскаго вѣдѣвника. Но несмотря на то, что былъ всегда и вездѣ впереди, гдѣ только представлялась опасность, непріятельскія пули шадли его; зато злая лихорадка такъ жестоко атаковала молодца, что, не

взирая на необыкновенное, желѣзное здоровье и геркулесовскую силу, онъ былъ доведенъ до крайности. Ему давали лошадиные приемы хины, а когда весь запасъ хины былъ уже нѣмъ истощенъ, то продолжали давать такими же приемами дубовую кору. Все это имѣло послѣдствіемъ совершенное разслабленіе желудка его. Однако жъ онъ самъ себя на то время вылечилъ необыкновенными способами. Лихорадка атаковала его впродолженіи экспедиціи въ горахъ, и онъ кое-какъ могъ добраться до одной вновь выстроенной небольшой крѣпости, гдѣ болѣзнь совсѣмъ его одолѣла. Добрый крестовый братъ мой предвидѣлъ, что не одобровать ему, если онъ останется долѣе въ этомъ мѣстѣ, желѣлъ осѣдлатъ своего коня и, несмотря на всѣ убѣжденія лекаря и предвѣшанія самыхъ дурныхъ послѣдствій, отправился верхомъ вереть за триста въ Тифлисъ. Онъ описывалъ мнѣ, каково ему было въ сильныхъ пароксизмахъ лихорадки сидѣть на лошади; однако жъ упорство и сила душевная превозмогли тѣлесный недугъ. Онъ добрался до Тифлиса, гдѣ пекусый медикъ хотя и прервалъ его лихорадку, но для подкрѣпленія силъ его, ослабѣвшихъ отъ величайшихъ приемовъ хины и дубовой жоры, совѣтовалъ ему ѣхать на кавказскія воды. Онъ пробылъ тамъ цѣлое лѣто, чувствовалъ себя гораздо лучше и возвратился опять на службу; но, къ несчастію, старинная русская пословица совершенно справедлива: «Здоровье выходитъ пудами, а возвращается золотниками!» Желудокъ его до такой степени былъ разстроенъ, что отъ малѣйшей неумѣренности въ пищѣ, или отъ легкой простуды, лихорадка опять возвращалась и обыкновенное хинное лекарство не приносило ему ни какой пользы. Всѣ принимали въ немъ участіе и самъ главнокомандующій требовалъ, чтобъ онъ отправился - въ Петербургъ или Москву лечиться у тамошнихъ лучшихъ медиковъ. Москва была его родина, и онъ рѣшился ѣхать туда; но неумолимая судьба преслѣдовала его какъ будто нарочно: подъѣзжая къ Москвѣ сломалась его коляска, лошади начали бить и онъ очень ушибъ себѣ ногу. Этотъ ушибъ, при совершенномъ истощеніи прежде жизненныхъ силъ, оборотился въ какую-то странную хроническую болѣзнь.

Получивъ отъ него письмо о прибытіи въ Москву, я нарочно отправился туда для свиданія съ нимъ. Чрезвычайно грустно было смотрѣть на него: изъ крѣпкаго, сильнаго, цвѣтущаго молодостью и здоровьемъ молодца, онъ сдѣлался блѣднымъ, худымъ, вѣстоющимъ мертвецомъ; онъ безпрестанно задыхался, съ трудомъ могъ говорить, и отъ ужасной боли едва могъ двигаться по ком-

натѣ. Я не могъ удержаться отъ слезъ при первомъ свиданіи съ нимъ.

— Посмотри, братъ, какъ меня отдѣлали! на что я похожъ? сказалъ онъ мнѣ. Вотъ скоро годъ какъ я лечусь: прежде въ Тифлисѣ, потомъ на кавказскихъ водахъ, а теперь здѣсь.... и не вижу ни какой пользы. Что дѣлать? вмѣстѣ съ потеряннымъ здоровьемъ долженъ я лишиться также и службы; по необходимости я обязавъ былъ послать просьбу объ отставкѣ, потому что болѣзнь моя, какъ кажется, должна окончиться путешествіемъ на кладбище въ Донской Монастырь на вѣчный покой, подлѣ мошкѣ предковъ. Странная судьба моя, продолжалъ онъ: ты самъ знаешь, что я не прятался отъ непріятельскихъ ядеръ и пуль, но они были гораздо для меня милостивѣе, чѣмъ врачебное искусство.

Я пробылъ у него въ Москвѣ болѣе мѣсяца и былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ конспіуумовъ и производствъ: испытывали холодныя и теплыя, соляныя и ароматическія ванны, ставили фонтанели и заволочки, напускали на него сотни пѣвочекъ, растирали разными спиртами, давали внутрь Богъ знаетъ сколько лекарствъ: и въ пилюляхъ, и въ капляхъ, и въ порошкахъ, но все было бесполезно; упорная болѣзнь его не уменьшилась, однако жъ не могла поколебать твердость его духа.

Зная семейныя мои обстоятельства, онъ меня благодарилъ, что я, пріѣхавъ на короткое время только навѣстить его, пробылъ такъ долго; но требовалъ настоятельно, чтобы я возвратился домой. Прощаясь со мною, онъ сказалъ:

— Посмотри, братъ, какъ я падую всѣхъ своихъ докторовъ. Только дай Богъ, чтобы они не положили меня въ гробъ въ продолженіи зимы. Весною я тотчасъ уѣду отсюда, и посмотри какъ я самъ себя вылечу.

Впоследствии времени онъ сообщилъ мнѣ объ удачномъ исцѣленіи своемъ, по собственно изобрѣтеннымъ способамъ.

« Въ бытность твою въ Москвѣ, писалъ онъ ко мнѣ, я не открылъ тебѣ въ чемъ именно состояло предпріятіе мое: надуть Эскулаповъ и самому себя вылечить, потому что я опасался не только возраженій твоихъ, но что ты признаешь все, что бы я ни сталъ говорить тебѣ, за полное сумасбродство и скажешь и отцу моему и доктору, что я въ бѣлой горячкѣ; теперь опытъ мой совершенно удался и я поспѣшаю увѣдомить тебя, какія средства употребилъ я для исцѣленія моего. Слишкомъ полтора года былъ я въ передѣлѣ у докторовъ, уже советамъ подготовлен-

« ный къ могилѣ безпрестанно перемѣнными лекарствами, теплы-
 « ми и холодными ваннами, пѣвками, испанскими мухами и всѣ-
 « кими гадостями, въ особенноти же безразсудною и ни съ чѣмъ
 « несообразною діетою: они совѣтъ свалили меня съ ногъ и при-
 « вели въ такое положеніе, что я, не зная отроду что значить
 « простуда, или несвареніе желудка, доведенъ былъ по ихъ не-
 « лости до того, что, при малѣйшемъ дуновеніи сквознаго вѣтра,
 « страдалъ и чувствовалъ нестерпимую боль во всемъ тѣлѣ; или
 « употребленіе въ пищу какой нибудь тощей котлеты и ситнаго
 « хлѣба, производило спазмы въ моемъ желудкѣ. Все это до та-
 « кой степени мнѣ надоѣло, что я нѣсколько разъ желалъ поско-
 « рѣй умереть; наконецъ, сядѣвши или лежавши безвыходно въ
 « теплой комнатѣ и не смѣя даже лѣтомъ отворить окно, чтобы
 « подышать чистымъ воздухомъ, я сталъ размышлять: да что жъ
 « въ самомъ дѣлѣ, неужели я отдался въ вѣчное и потомствен-
 « ственное владѣніе лекарямъ? Обдумывая, какъ мнѣ отъ нихъ отдѣ-
 « латься, я рѣшился испытать лечѣться какъ простой народъ, то
 « есть «клинь клиномъ выгонять.» Первый опытъ я сдѣлалъ надъ
 « больною ногою, изрѣзанною разными операціями и ослабленною
 « спиртами, мазями и пластырями, такъ, что я даже не могъ не толь-
 « ко ходить, но и стоять на ней. Бывши одинъ въ комнатѣ, я вы-
 « слалъ своего камердинера, чтобы онъ не видалъ и не довелъ на
 « меня моему доктору; я попробовалъ стать на эту ногу и, немо-
 « трия ни на что, сдѣлать нѣсколько шаговъ: съ самаго начала я
 « почувствовалъ ужаснѣйшую боль, но въ твердомъ намѣреніи
 « исполнить непременно во что бы то ни стало мое рѣшеніе, то
 « есть постоять и походить на этой ногѣ, я перетерпѣлъ боль и
 « съ неизъяснимымъ удовольствіемъ увѣрился, что придуманное
 « средство совѣтъ не глупо: боль постепенно стала уменьшаться
 « и я свободно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Послѣ того я довольно
 « часто повторялъ этотъ опытъ и началъ чувствовать, что отъ
 « ходьбы ногъ моей становится часъ отъ часу лучше. Я сказалъ
 « объ этомъ своему доктору, но онъ смѣялся и не вѣрилъ моему
 « разсказу и совѣтовалъ не дѣлать такихъ опытовъ, потому что
 « можно повредить ногу и усилить болѣзнь, что, можетъ быть,
 « нужно будетъ сдѣлать весьма опасную операцію, и что я ря-
 « скую лишиться ноги. Но нельзя же мнѣ было вѣрить доктору,
 « когда я чувствовалъ совѣтъ противное тому что онъ гово-
 « рилъ; однако жъ я не сталъ противорѣчить, чтобы не раздра-
 « жить его, а болѣе всего чтобы не растревожить моего отца и
 « ближнихъ родныхъ, которые имѣли полную довѣренность къ

моему доктору, бывшему тогда въ большой модѣ въ Москвѣ;
 но, оставаясь одинъ въ комнатѣ своей, я часто повторялъ мои
 опыты и чувствовалъ часъ-отъ часу болѣе облегченія въ моей
 болѣзни; кончилось тѣмъ, что я стоялъ уже свободно и пере-
 ступалъ безъ всякой боли въ ногѣ. Увѣрившись такимъ обра-
 зомъ въ возможности исцѣлить ногу однимъ движеніемъ и пре-
 кращеніемъ всѣхъ лекарствъ, мнѣ вздумалось также испытать
 собственнаго изобрѣтенія методу подвѣрженія желудка, ослаб-
 леннаго сильными приѣмами разныхъ латинскихъ слабодѣевъ. Я
 всегда любилъ настоящій русскій, хорошо уваренный квасъ; ра-
 зумѣется, доктора запретили мнѣ пить его, и дѣйствительно,
 при безпрестанныхъ приѣмахъ множества часто перемѣняемыхъ
 лекарствъ, квасъ непременно былъ бы вреденъ для меня, но я
 рѣшился надуть моего доктора. Пилюли его, порошки и миксту-
 ры въ назначенное время приѣмовъ, черезъ часъ или два, я
 очень исправно высыпалъ или выливалъ въ полоскательную
 чашку и, вмѣсто лекарствъ, я убѣдилъ моего камердинера
 подать, скрытно отъ всѣхъ въ домѣ, квасъ, черный хлѣбъ и
 кислую капусту, къ которой пришла мнѣ страшная, неодолимая
 охота. Черезъ нѣсколько дней послѣ того я чувствовалъ себя
 гораздо лучше и свѣжѣе, то есть вновь увѣрился, что придуман-
 ный мною способъ, подкрѣпить желудокъ, также былъ хо-
 рошъ. Докторъ, видя, что я становлюсь день-отъ-дня лучше, радо-
 вался успѣху употребляемыхъ имъ лекарствъ; я не выводилъ его
 изъ заблужденія и продолжалъ по-прежнему очень усердно вы-
 ливать и высыпать все прописанное имъ въ полоскательную
 чашку. Между тѣмъ я съ нетерпѣніемъ ожидалъ весны, чтобы
 совсѣмъ избавиться отъ враговъ своихъ, господъ докторовъ, и
 уѣхалъ въ подмосковную деревню моего отца; ему, по служ-
 бѣ, нельзя было отлучиться изъ Москвы, слѣдовательно, мнѣ
 предстояла вся возможность лечиться одному на свободѣ по
 собственной методѣ. Передъ отъѣздомъ моимъ, по настоятельно-
 му желанію отца, опять былъ собранъ консилиумъ для совѣща-
 нія, какой мнѣ должно вести образъ жизни въ деревнѣ, какія
 употреблять лекарства и какую содержать діету, но все это
 давно уже было придумано мною, и тотчасъ, по прибытіи въ
 подмосковную, я приступилъ къ леченію себя по собственной
 методѣ.

«Лягавая собака, любезный мой Медоръ, привезенная мною съ
 Кавказа, не много было поотвыкла отъ своего дѣла, но наста-
 вить ее по прежнему на путь истинный не много было лю-

« потъ: охотничье ружье было у меня славное, и я ежедневно, « не смотря ни на какую погоду, рано утромъ отправлялся на « охоту; дичины въ нашихъ и въ окрестныхъ дачахъ было мно- « жество; я весь день проводилъ на охотѣ и возвращался домой « поздно вечеромъ. Сначала было мнѣ очень тяжело, боль въ « ногѣ была ужасная, ходить долго безъ отдыха я не могъ, но отъ « движенія становилось мнѣ часъ отъ часу лучше, наконецъ боль « совсѣмъ прошла и я пересталъ хромать. Послѣдствіемъ избран- « наго мною образа жизни была самая строгая діета, потому « что выходилъ я на охоту рано утромъ, напившись только чаю, « а потомъ въ продолженіи цѣлаго дня, вся пища моя состояла « въ кускѣ хлѣба съ сыромъ или холодномъ жаркомъ и рюмкѣ « водки. Этотъ запасъ клалъ мнѣ въ мой патронташъ и около « полудня, утомившись отъ ходьбы, я садился гдѣ-нибудь въ лѣ- « су подъ тѣнистымъ деревомъ, насыщался запаснымъ моимъ « провіантомъ, отдѣливъ нѣкоторую часть вѣрному моему спут- « нику, лягавой собакѣ, а потомъ прочитавъ нѣсколько страницъ « изъ взятой съ собою книги малаго формата, стереотипнаго из- « данія, крѣпко засыпалъ. Сонъ продолжавшійся часъ или два, « освѣжалъ меня и я вновь отправлялся на охоту. Возвратившись « поздно вечеромъ домой, старинная такъ называемая охотни- « чья солянка и жаркое изъ убитой мною дичи, стаканъ квасу, « и рюмка хорошей мадеры составляли мой ужинъ. Утомленіе « отъ сильнаго движенія и не обремененный неумѣренною пи- « щей желудокъ, способствовали къ покойному сну, и проснув- « шись рано утромъ съ свѣжею головою и обновленными послѣ « отдыха силами, я отправлялся опять на цѣлый день на охоту.

« Продолжая такой образъ жизни, почувствовалъ, не далѣе какъ « черезъ мѣсяцъ, совершенное возстановленіе здоровья моего. « Боль въ ногѣ совсѣмъ прошла, желудокъ исправился и все по- « шло по старому; пересталъ я бояться сквознаго вѣтра, « и даже однажды, таскавшись долго за дичью по болоту, какъ- « то прорвались мои охотничьи сапоги и я промочилъ ноги. « Очень было испугался я, чтобъ отъ этого не возобновилась моя « прежняя болѣзнь, но, возвращаясь домой, ноги мои отъ ходьбы « просохли и отъ усталости клонило меня ко сну; я только-что « успѣлъ вытереть ноги одеколономъ, крѣпко заснулъ и про- « снулся на другой день какъ встрепанный. »

Я нарочно распространился въ подробностяхъ о болѣзни моего крестоваго брата и о необыкновенной собственнаго его изобрѣ- тенія методѣ леченія, чтобы доказать, что единственно только

такой человекъ, какъ онъ съ упорною сильною волею и привыкшій къ кочевой суровой жизни, во время служенія его на Кавказѣ, могъ отважиться и съ успѣхомъ свершить предпріятіе, казавшееся всѣмъ полнымъ сумасбродствомъ; но вы увидите изъ дальнѣйшаго моего разсказа, какія полезныя послѣдствія были отъ этого, названнаго умными и дальновидными людьми, сумасбродства собственно для него.

Мѣсяцевъ черезъ осемь послѣ свиданія моего съ любезнымъ мнѣ крестовымъ братомъ въ Москвѣ, однажды въ сумерки ямская телѣга на лихой почтовой тройкѣ подскакала къ моему крыльцу. Я увидѣлъ, что сидѣвшій въ телѣгѣ путешественникъ, прїѣхавшій какъ видно изъ далека, весь въ пыли, легко спрыгауль на крыльцо. Я поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, и кого же я увидѣлъ? Здороваго, краснощекаго, плечистаго молодца, крестоваго моего брата. Со слезами радости бросился я къ нему на шею, онъ также съ удовольствіемъ цѣловалъ меня.

— Чтò, братъ, ты видишь, что я писалъ къ тебѣ правду, сказалъ онъ: посмотри, какимъ опять я сталъ молодцомъ. Кажется есть маленькая разница противъ того, какъ ты меня видѣлъ въ Москвѣ.

— Глазамъ своимъ не вѣрю, отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на него съ удовольствіемъ: это просто невѣроятное чудо. Да неужели ты не употреблялъ никакихъ укрѣпительныхъ лекарствъ, ни минеральныхъ водъ, и вылечился именно точно такъ, какъ ты писалъ ко мнѣ?

— Отъ слова до слова, отвѣчалъ онъ.

— Ты чудесный, великій медакъ, продолжалъ я: но врядъ ли кто захочетъ подражать тебѣ.

— Это дѣло другое: кому какъ угодно, такъ и лечись, а я на самомъ опытѣ увѣрился въ томъ, что всякій долженъ быть самъ себѣ предварительнымъ лекаремъ: сама природа предупреждаетъ насъ, чтò надобно дѣлать для изцѣленія своего; утомился отъ сильнаго движенія? отдохни и дай время обновиться твоимъ силамъ; обременилъ желудокъ излишнею или какою-нибудь неудобо-сваримою пищею? поддержи діету, дай способъ желудку твоему поправиться; простудился? постарайся согрѣть тѣло свое, или теплою одеждою, или напившись чего-нибудь горячаго, и такъ далѣе; наблюдай за собою въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, а главное — не убивай и не уничтожай сокровища внутренняго, то есть жизненной своей силы. Словомъ, я, по крайней-мѣрѣ собственно для себя, приобрѣлъ

ту величайшую пользу от моей болѣзни, что теперь рѣшительно никогда во всю мою жизнь, ни съ однимъ докторомъ не буду знакомъ и никогда никакого лекарства принимать не буду. Это дѣло конченное, прибавилъ любезный мой крестовый братъ: послушай дайте, какъ и почему я здѣсь у тебя. Первое да будетъ тебѣ известно, что я сдѣлалъ довольно большой крюкъ, именно только за тѣмъ, чтобы повидаться съ тобою и рассказать куда и зачѣмъ ѣду.

— Очень и очень благодаренъ тебѣ, отвѣчалъ я: но на радости увидѣвшись съ тобою, я такъ заговорился и засмотрѣлся на тебя, что только теперь замѣтилъ, что мы стоимъ на одномъ мѣстѣ. Ты вѣроятно усталъ съ дороги и не откажешься, въ ожиданіи ужина, выпить чаю; пойдѣмъ ко мнѣ въ кабинетъ. У насъ въ деревнѣ такой обычай, что коль скоро только издали увидятъ ѣдущихъ гостей, тотъ-часъ безъ всякаго приказанія становить самоваръ. Теперь, вѣрно, чай уже готовъ; пойдѣмъ, пойдѣмъ ко мнѣ, а я кстати напишу къ женѣ моей записку, чтобъ она поспѣшила воротиться; ее нѣтъ теперь дома, она съ дѣтьми, поѣхала къ доброму старику отцу своему.

Чай былъ тотчасъ поданъ, мы сѣли на диванъ, закурили трубки, и крестовый братъ мой объявилъ мнѣ, что онъ отправляется въ необитаемая *** степи.

— Какъ! зачѣмъ тебя Богъ несетъ туда? спросилъ я съ удивленіемъ.

— А вотъ зачѣмъ! Разумѣется, прежде всего надобно тебѣ подробно рассказать, что именно могло меня заставить рѣшиться ѣхать въ неизвѣстныя необитаемыя мѣста, вести кочевую жизнь, приготовиться ко всякимъ лишеніямъ и безпокойствамъ, и Богъ знаетъ, еще можетъ-быть къ какимъ-нибудь опасностямъ, потому что предстоитъ мнѣ путешествовать верхомъ, въ сопровожденіи только одного любезнаго, вѣрнаго моего Санчо-Панса, знакомаго тебѣ кавказскаго героя, прозваннаго, какъ ты вѣрно помнишь, «Comrège Mathieu», то есть, извѣстнаго тебѣ «esrèce d'ami» (родъ друга), камердьянера моего, Матвѣя Гаврилова. Приготовляясь къ необыкновенному моему странствію, я поставилъ себѣ долгою, объяснить моему «esrèce d'ami», по какимъ именно уважительнымъ причинамъ не могу я взять его съ собою; рассказалъ ему, что въ необитаемыхъ, дикихъ мѣстахъ, куда я отправляюсь, кромѣ безпокойной кочевой жизни, и неизбѣжныхъ лишеній и недостатковъ иногда въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ, могутъ еще сверхъ того встрѣтятся и большія опасно-

сти отъ внезапныхъ нападений кочующихъ хищныхъ народовъ, и отъ дикихъ звѣрей. Но этотъ типъ старинныхъ русскихъ слугъ не далъ мнѣ окончить, онъ прервалъ мою рѣчь, объявивъ мнѣ, прямо и рѣшительно, что онъ готовъ въ огонь и въ воду со мною, и ни за что меня не оставитъ. Когда же я сталъ противорѣчить и доказывать ему, что онъ довольно уже послужилъ и отцу моему и мнѣ, что онъ приближается къ старости, и что пора ему отдохнуть и пожить съ женою и съ дѣтьми своими, то онъ просто разсердился на меня и съ досадою сказалъ: что онъ ни за что въ свѣтъ не отпуститъ меня одного, и что хочу ли я или не хочу, а онъ непременно со мною пойдетъ, потому что онъ будетъ жаловаться на меня старому барину, что я его Богъ знаетъ за что обижаю, и старый баринъ вѣрно прикажетъ мнѣ взять его съ собою. Послѣ этого толковать даже было нечего, мы запаслись съ нимъ бурнами, ружьями, пистолетами, лебешиными лезвими кавказскими шашками и подобно древнимъ рыцарямъ, отправляемся странствовать и искать приключеній; впрочемъ надобно еще и то замѣтить, что можетъ быть я въ предпріятіи моемъ очень удачно сыгравъ роль Долъ-Рихота, а онъ Санчо-Панса. Однако жъ, что будетъ, то будетъ, а одна мысль о предстоящей мнѣ кочевой жизни восхищаетъ меня; странствіе мое будетъ пѣсколко напоминать нашу веселую, разгульную, кавказскую жизнь, съ тою только разницею, что тамъ караулились мы на крутыхъ, неприступныхъ горахъ, а теперь буду я путешествовать по океану степей, гдѣ ничего, кромѣ неба и необозримаго пространства плоской земли, я не увижу. Впрочемъ тѣ же недостатки и лишнія, и въ пристанищѣ, и въ плетѣ, и въ шатрѣ, и, можетъ-быть, такіа же опасности отъ нападений и людей и звѣрей.

— Все это прекрасно, отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на него критически: но самая главная разница въ томъ, что на Кавказѣ были ты по обязанности русскаго дворянина, на службѣ, а теперь по повину, изъ чего ты будешь хлопотать. Я не вѣрю, чтобы ты посвящалъ себя въ сословіе «chevaliers errans», странствующихъ, или просто, проказниковъ рыцарей, изъ одной только страсти къ сильнымъ ощущеніямъ: у тебя есть вѣрно другая цѣль, которую признаваться я совѣтъ не понимаю.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я отправляюсь вовсе не изъ страсти къ сильнымъ ощущеніямъ, а имѣю въ виду собственныя, личныя свои выгоды, и кто знаетъ, можетъ-быть, весьма оригинальное странствіе мое принесетъ и общую пользу. Выслушай

меня, продолжалъ онъ, и скажи откровенно мнѣ мое сужденіе, ошибаюсь я или нѣтъ въ моихъ предположеніяхъ. Прежде всего надобно тебѣ знать, что хотя отецъ мой и имѣетъ довольно достаточное состояніе, но находясь на службѣ и живя безвыѣздно въ Москвѣ, получаетъ онъ, подобно многимъ нашимъ сельскимъ хозяевамъ не имѣющимъ личнаго наблюденія за хозяйствомъ въ деревняхъ своихъ, самый ничтожный доходъ, и отъ того дѣла его очень разстроились; онъ взошелъ въ долги, которые постепенно увеличиваются и процентами и новыми займами для прожитка, потому что жалованья и доходовъ съ деревень весьма недостаточно для поддержанія того образа жизни, къ которому добрый мой старикъ такъ давно привыкъ. Отецъ мой очень и очень сталъ задумываться; онъ рѣшился продать часть имѣнія, для уплаты долговъ, но ему предлагаютъ цѣну самую дешевую. Вздумалось было ему пуститься въ обороты, а именно: по изобилію дѣла, въ одномъ отдаленномъ его имѣніи, хотѣлъ онъ устроить какой-нибудь заводъ, или фабрику; но имѣя плохое понятіе и о хозяйствѣ, и о промышленности и торговлѣ, онъ не рѣшался, въ какую именно спекуляцію пуститься ему, и обратился ко мнѣ, чтобъ я придумалъ и подалъ ему совѣтъ. Я самъ, какъ ты можешь повѣрить, все это плохо знаю, но соображая по здравому разсудку, отвѣчалъ ему: что безъ достаточныхъ познаній, опытности, смѣтливости и самаго неусыпнаго присмотра и попеченія, всякіе коммерческіе обороты, предпринимаемые еще притомъ на заемныя деньги, а не на свой собственный капиталъ, не только, по мнѣнію моему, не принесутъ никакой пользы, а еще болѣе и болѣе запутають, и ближайшимъ трактомъ приведуть къ совершенному раззоренію; а потому совѣтую я ему просто и безъ всякихъ околичностей, продать хоть за дешевую цѣну часть имѣнія для уплаты долговъ, но вмѣстѣ съ уменьшеніемъ достоянія своего, надобно также умѣрить и переимѣнить образъ жизни, соображая издержки съ способами своими. Отецъ мой согласился со мною, и разсуждая, какую часть и въ которой губерніи продать имѣніе, между прочимъ сказалъ мнѣ, что я могу приобрести пять тысячъ десятинъ земли, въ губерніи, но извѣстно, что земля эта ни къ чему не годна: пески, солонцы, калдобины, словомъ, на всемъ пространствѣ, занимаемомъ этою землею, на большомъ разстояніи, не произрастаетъ ни одной травки и не одного деревца; слѣдовательно она, будучи не способна ни къ хлѣбопашеству, ни къ заведенію скотоводства, остается необитаемою. Отецъ мой прибавилъ,

что хотя конечно можно еще получить земли въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, но тамъ такая даль и глушь, что и подумать объ этой странѣ ужасно: за тѣмъ остаются еще сѣверныя губерніи, въ которыхъ раздаются жалованныя земли. Но какую пользу можно извлечь изъ тамошнихъ болотъ и непроходимыхъ лѣсовъ, все это, продолжалъ мой отецъ, изъяснялъ мнѣ одинъ, какъ кажется, смѣтливый спекуляторъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ мнѣ передать ему право полученія принадлежащей земли, принималъ на себя всѣ хлопоты и издержки по отводу и нежеванію этой земли, но давалъ такую ничтожную цѣну, что ситино сказать, не болѣе, какъ по полтинѣ за десятину. Я отказалъ ему, но кажется дѣлать нечего, надобно будетъ согласиться, потому что лучше же что-нибудь чѣмъ ничего.

— Все это что-то очень странно, отвѣчалъ я.

— Какъ, кажется, на такомъ большомъ пространствѣ, на нѣсколько сотъ верстъ, можетъ быть все одна только ни къ чему негодная земля! Воля ваша, это невѣроятно. Да и кто же углубился въ середину этихъ необитаемыхъ степей? Можетъ-быть у самаго въѣзда, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, и въ самомъ дѣлѣ пески и солончаки неудобныя ни для земледѣлія, ни для скотоводства; но чтобы такая же почва земли простиралась повсемѣстно, въ обширныхъ, необитаемыхъ степяхъ, это невѣроятно. Еще повторяю вопросъ, кто же былъ въ серединѣ этихъ степей и дѣлалъ какіе-нибудь опыты, по которымъ можно бы было заключить рѣшительно, что вообще земля въ тѣхъ степяхъ совершенно ни къ чему негодна?

— Конечно твоя правда, сказалъ мой отецъ: но кто отважится пуститься въ такую глушь, для личнаго обозрѣнія и освидѣтельствованія?

— Я готовъ пуститься на такое предпріятіе, потому что если земля въ этихъ необитаемыхъ мѣстахъ окажется годною, то кромѣ личныхъ нашихъ выгодъ, открытіе мое доставитъ чрезвычайную общественную пользу, указавъ другимъ мѣста, заслуживающія ихъ вниманія, капитала и промышленнаго труда. Отецъ мой; разумѣется, сначала смѣялся монѣ, какъ называлъ, фантазіямъ и ни какъ не соглашался, потомъ уже всерьезно утверждалъ, что предпріятіе мое не только слишкомъ отважно, но просто полное сумасбродство; притомъ же послѣ жестокой болѣзни и здоровье мое не такъ еще поправилось, чтобы пускаться въ дальное, тягостное и даже, можетъ-быть, опасное странствіе. Но я убѣждалъ его, изъяснялъ, какія будутъ

мнею употреблены нѣры къ отвращенію опасностей и доказывалъ, какая большая польза будетъ отъ успѣшнаго свершенія моего предпріятія. Словомъ, послѣ преній, продолжавшихся нѣсколько дней, я восторжествовалъ. Отецъ мой благословилъ меня, далъ мнѣ вѣрующее писъмо, для принятія и полученія, гдѣ я признаю удобнымъ, принадлежащей ему земли, а передъ отъѣздомъ мнѣ сказалъ, что землю отдаетъ мнѣ въ личную мою собственность и что я могу располагать ею по своему произволу. Такимъ образомъ отправляюсь я прямо въ необитаемыя *** степи. Ну, любезный мой крестовый братъ, продолжалъ онъ, теперь тебѣ извѣстно куда и зачѣмъ я ѣду. Скажи отароенно мнѣніе свое объ моемъ предпріятіи, можетъ ли оно точно имѣть полезныя послѣдствія или нѣтъ?

— Много можно сказать pro et contra, отвѣчалъ я. Рассмотрѣвъ предпріятіе твое съ одной стороны, кажется, по правиламъ системы о вѣроятностяхъ, нельзя предполагать, чтобы пространство земли, на нѣсколько сотъ верстъ, было повсюду ни для хлѣбопашества, ни для скотоводства совершенно не способно; однакожь есть же арабскія степи пустыныя. Но чтобы на вѣрно и колебательно убѣдиться въ томъ или другомъ, разумѣется должно лично обозрѣть и освидѣтельствовать; слѣдовательно и предпріятое тобою странствіе можетъ имѣть полезный результатъ. Кто знаетъ, можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ откроешь ты, какъ говорится, невѣдомое до сего времени золотое дно, землю удобную, въ которой и теперь по умножающемуся постепенно народонаселенію начинаютъ уже во многихъ внутреннихъ нашихъ губерніяхъ нуждаться, а чего еще должно ожидать черезъ двадцать или тридцать лѣтъ? Но какія благонадѣжныя средства можешь ты употребить къ испытанію годности земли въ этихъ необитаемыхъ степяхъ, чтобы имѣть право прямо и достойно сказать, что она способна къ земледѣлію или нѣтъ? Откуда ты возьмешь людей для воздѣланія земли, еслибъ она дѣйствительно оказалась удобною? Потомъ, допустивъ даже и то, что можетъ быть ты и найдешь наемныхъ работниковъ за дорогую цѣну, слѣдовательно это, впрочемъ весьма вѣроятное, затрудненіе будетъ отвращено: но самое главное должно имѣть въ виду то, что здоровье твое не такъ еще послѣ тяжелой болѣзни поправилось, чтобы тебѣ можно было пускаться безопасно на чрезвычайныя безпокойства и лишения необходимыхъ потребностей жизни, къ которымъ ты теперь, находясь въ отставкѣ, уже привыкъ. Сообрази самъ, тебѣ предстоитъ кочевать среди необитаемыхъ степей, одному въ сопровож-

дешн только, хотя и названнаго нами кавказскимъ героемъ, твоего коммерцисера сопрѣге Маѳіеи (кума Матвѣя), но въ самомъ дѣлѣ человекъ уже пожелдало и не совсѣмъ благонадежнаго здоровья. Конечно есть отважные люди пускающіеся для новыхъ открытій въ Ледовитое Море, или въ неизвѣстныя страны, внутри Африки; но они ищутъ въ виду награды, почести и славу, а ты въ чего будешь хлопотать? Разумѣется, твое страстіе не можетъ представлять такихъ же опасностей, какимъ тѣ подвергаются, но за то имъ преподаны все средства къ отвращенію этихъ опасностей и къ достиженію предположенной цѣли. А ты, напротивъ, ежели съ величайшими усиліями успѣешь продвинуть въ самую глубь необитаемыхъ *** степенъ и своими собственными глазами увѣрившись, что тамъ не вездѣ безводныя земли и солонцы, а есть и годныя для хлѣбопашества и поселенія мѣста, то для произведенія оныхъ и на другія издержки надобно употребить довольно значительный капиталъ.

Что касается до этого, отвѣчалъ онъ, то для первыхъ опытовъ у меня денегъ есть. Надобно тебѣ сказать, что со мною случилось, можно сказать, чудо, какъ будто нарочно въ то время, когда я обдумывалъ, какъ мнѣ приступить къ свершенію моихъ предположеній; получалъ я совсѣмъ неожиданно довольно значительную сумму. Помнишь ли ты добраго старика коменданта *** крѣпости? У него большое семейство и онъ очень часто бывалъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а у меня были всегда лишніи деньги. Ты самъ знаешь, какой велъ я образъ жизни; въ карты не игралъ, никакихъ прихотей не имѣлъ и вообще некуда и некогда было мнѣ тратить жалованье и присылаемыя отцемъ деньги: два или три добрыхъ коня горскихъ, бурка и небольшое количество платья и бѣлья, потому что много и возить съ собою на вьюкахъ было нельзя, вотъ все что мнѣ было нужно въ непрерывныхъ походахъ и экспедиціяхъ или командировкахъ для съемки. Я дѣлился избытками своими со всѣми кому было нужно, и между прочимъ давалъ доброму нашему пріятелю старому коменданту, иногда рублей двѣсти, триста и болѣе, ни сколько не думая, что я даю ему въ займы съ тѣмъ, чтобы когда нибудь получить уплату; но честный старикъ записывалъ все, что бралъ у меня и велъ аккуратный счетъ съ приложеніемъ къ капиталу слѣдуемыхъ процентовъ. Вообрази себѣ, что все это составило сверхъ всякаго моего ожиданія сумму десять тысячъ рублей. Во время по-

слѣднато моего проѣзда изъ Тифлиса для излеченія болѣзни въ Москву, заѣхалъ я на короткое время проститься съ нимъ, а онъ вручилъ мнѣ актъ на эту сумму. Я не хотѣлъ брать и говорить, что никогда и не думалъ давать ему въ займы, но старикъ обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ съ неудовольствіемъ, что онъ подарковъ принимать отъ меня не хочетъ. Вдругъ, въ Москвѣ, получаю я повѣстку съ почты о присылкѣ на мое имя десяти тысячъ рублей: мнѣ и въ голову не приходило, что это уплата по векселю, который насилу могъ я отыскать между мовни бумагами. Честный, благородный должникъ мой писалъ ко мнѣ, что онъ получилъ въ наслѣдство отъ умершаго роднаго брата своего небольшой капиталъ, въ двадцать тысячъ рублей, изъ которыхъ поспѣваетъ съ полною благодарностью уплатить мнѣ долгъ по его акту. Эти деньги, упавшія ко мнѣ совсѣмъ неожиданно, какъ будто съ неба, расположила я обратить на какое-нибудь общепольное дѣло; слѣдовательно невозможно сдѣлать изъ нихъ лучшаго употребленія какъ на необходимыя издержки и опыты по моему предпріятію. И такъ ты самъ видишь, что на первый случай въ деньгахъ не будетъ недостатка. Чтò жъ касается до обработыванія земли, то я не вѣрю, чтобъ въ селеніяхъ по близости необитаемыхъ степей не нашелъ я небольшого числа людей, нужныхъ мнѣ для произведенія первыхъ опытовъ, можетъ быть и за дорогую цѣну, но для этого денегъ у меня достанетъ. А когда я самыми опытами увѣрюсь, что въ степяхъ есть земля удобная для хлѣбопашества и скотоводства, а потому безопасно можно сдѣлать поселеніе, то вотъ еще чтò надобно тебѣ рассказать. Послѣ покойной матушки осталось имѣніе, которое отецъ мой уже давно передалъ въ полное мое владѣніе и распоряженіе: это имѣніе въ самой лучшей плодородной внутренней нашей губерніи. Но вообрази себѣ, что слишкомъ при четырехъ стахъ душахъ, земли всего, смѣшно сказать, подъ усадьбами, пашнями, лѣсомъ и покосомъ, менѣе осьми сотъ десятинъ, полагая въ то число и неудобную. Пока я служилъ на Кавказѣ, ты самъ знаешь, что мнѣ слишкомъ было достаточно жалованья раціоновъ и той суммы, которую отецъ присылалъ на прожитокъ; но возвратясь домой и узнавъ, что дѣла моего почтеннаго старичка очень и очень разстроились и онъ этимъ чрезвычайно тяготятся, я самъ предложилъ ему продать имѣніе на уплату долговъ. Отецъ мой не соглашался, и это было предметомъ частыхъ нашихъ разговоровъ. О намѣреніи моемъ продать имѣніе не

знаю какинъ образомъ узналъ тамошній сосѣдъ мой: онъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ купить все за сорокъ тысячъ рублей. Я посмѣялся такому предложенію и ничего не отвѣчалъ; но крестьяне, узнавъ о дѣлѣ, прислали въ Москву избранныхъ всѣмъ міромъ *ходаковъ*, убѣдительнѣйше просить меня, чтобы я не продавалъ. Я былъ въ то время такъ боленъ, что готовился къ смерти, и ко всякимъ житейскимъ заботамъ сталъ совершенно равнодушенъ, слѣдовательно и не было нужды *ходакамъ* употребить большое краснорѣчіе къ убѣжденію: они сами, въ нѣжныхъ изъясненіяхъ своихъ любви и привязанности ко мнѣ, предложили, лучше, переселиться вмѣстѣ со мною, куда угодно, гдѣ я найду способнѣйшее мѣсто. Нечего дѣлать, я переселию ихъ, предоставивъ имъ всѣ возможныя выгоды и льготы и сверхъ-того не оставаю принять мѣры къ сохраненію ихъ здоровья во время переѣзда и къ снабженію ихъ всѣмъ нужнымъ на свой счетъ, при поселеніи на новомъ мѣстѣ. Оставшюся же послѣ ихъ землю продамъ другому сосѣду и вырученныя деньги употреблю на заведеніе и устройство новаго хозяйства, сообразнаго съ ихъ и собственными мнѣ идеями и съ мѣстнымъ положеніемъ. Вотъ тебѣ, любезный другъ, планъ мой. Въ дополненіе къ этому надобно еще сказать, что за нѣсколько дней до моего отъѣзда, крестьяне чрезвычайно кстати прислали полный оброкъ за прошедшій годъ, четыре-тысячи рублей. Такимъ образомъ у меня теперь всего наличнаго капитала на мои затѣи четырнадцать тысячъ рублей. Этого, кажется, будетъ слишкомъ достаточно, не только для обозрѣнія необитаемыхъ степей, но даже ежели бы мнѣ вздумалось отправиться въ Америку или въ Австралію.

— Чтѣ дѣлать? сказалъ я подумавши нѣсколько послѣ его разсказа. Видно само Провидѣніе избрало тебя, на весьма, можетъ-быть, важное дѣло: обозрѣть и лично освидѣтельствовать большое пространство земли, остающееся столь долгое время впустѣ. Христось съ тобою, отправляйся исполнять твое предназначеніе въ здѣшней жизни.

— Ну, такъ благослови же меня, любезный крестовый мой братъ, сказалъ онъ, и помолись, чтобы Богъ помогъ мнѣ совершить съ успѣхомъ доброе мое намѣреніе.

Я Черекрестилъ его, мы прямо отъ души обнялись и поцѣловались.

Онъ пробылъ у насъ въ деревнѣ нѣсколько дней. Жена моя,

дѣти и вообще семейная, покойная счастливая жизнь наша, ему очень понравилась. Но утрамы бесѣдовали мы вдвоемъ и о прошлой нашей службѣ и о предстоящихъ ему подвигахъ. Онъ склоненъ былъ къ энтузіазму, говорилъ съ жаромъ о благотворныхъ послѣдствіяхъ, ежели предпріятіе его, основанное на всѣхъ широкостяхъ, будетъ уснѣшно, то есть, ежели онъ отпроесть и самими опытами докажетъ, что необходимое и признаваемое имъ къ чему негоднымъ большое количество земли, простирающееся на нѣсколько сотъ верстъ, напротивъ того удобно для поселенія, хлѣбопашества и скотоводства. Однако жъ, за всѣмъ тѣмъ, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, что хотя я не завидуютъ мнѣ, но очень и очень сожалѣеть, что не встрѣтилась ему на поприщѣ его жизни, такая же женщина, какую Богъ послалъ мнѣ, потому что семейная жизнь есть истинно достойное предназначеніе челоуѣка, счастье въ здѣшнемъ мірѣ. Какъ быть, прибавилъ онъ, надобно покориться жребію своему. Я еще не совсѣмъ забылъ университетскую свою латынь и въ утѣшеніе свое повторяю пословицу: *Suum cuique*, то есть, всякому свое: тебѣ предназначена покойная семейная жизнь, а мнѣ тревожная, кочевая; будемъ каждый итти предопредѣленнымъ намъ путемъ.

— Образъ мыслей твоихъ, любезный мой крестовый братъ, отвѣчалъ я, доказываетъ, что сердце твое не охладѣло и что ты именно способенъ понимать и наслаждаться счастливою семейною жизнью. Окончи теперешнее предпріятіе твое и возвратись къ намъ. Я найду тебѣ знатную бабу, не хуже моей жены; поселись по сдѣлству съ нами, и мы славно заживемъ съ тобою.

Очень замѣтно было, что разговоръ о самомъ важномъ событіи въ нашей жизни сильно взволновалъ любезнаго моего крестоваго брата; онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и мы оба сохранили безмолвіе нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ преодолѣлъ свое смущеніе и съ уснѣшкою сказалъ мнѣ:

— Давай мнѣ, давай такую же жену, какъ твоя, иначе я не жениюсь; только врядъ ли ты найдешь подобную ей.

— Да ужъ ты объ этомъ не безпокойся, отвѣчалъ я: ручаюсь смѣло, что и для тебя найду я, какъ говаривалъ общій нашъ знакомецъ, кавказскій рыцарь, славную бабу.

Мы оба засмѣялись, вспомнивъ о сношеніяхъ нашихъ съ этимъ отважнымъ, неустрашимымъ, храбрѣйшимъ молодцомъ; разсказывали другъ другу много анекдотовъ объ немъ.

— А знаешь ли ты, сказалъ я, какъ странно иногда скользятъ

и перелетаютъ мысли наши отъ одного предмета къ другому, совершенно противоположному. Напримѣръ, теперь вдругъ пришла мнѣ на память, сказанная тобою, при началѣ нашего разговора, латинская пословица; это возбудило воспоминаніе объ одномъ очень смѣшномъ случаѣ. Вообрази себѣ, что я недавно весьма серьезно поссорился было за латинскій и греческій языки, съ самымъ ближнимъ и любезнымъ для меня человѣкомъ, роднымъ братомъ моей жены.

Я принялся рассказывать ему этотъ случай — исторію длинную и которой подробности были бы здѣсь неумѣстны, но я долженъ признаться, что это была только хитрость съ моей стороны. Рассказывая о спорѣ съ моимъ шурномъ, я намѣкалъ на хорошія послѣдствія знакомства съ семействомъ моей жены, и имѣлъ въ виду обратить постепенно разговоръ на родную сестру моей жены, умную, прелестную, молодую дѣвушку, которая точно могла бы составить его счастье. Я говорилъ уже объ этомъ съ моею женою и она была одного со мною мнѣнія, однакожъ зная пылкій, склонный къ энтузіазму, характеръ моего крестоваго брата, я одумался, нашелъ что говорить ему объ этомъ въ настоящее время было бы неумѣстно и даже могло бы повредить плану нашему, а потому счелъ нужнымъ тотчасъ остановиться.

— Отвѣчай мнѣ, любезный другъ, прямо и откровенно на вопросъ мой, сказалъ я ему: все ли ты также упрямъ, какъ былъ прежде?

— Именно все точно также, имѣю умъ прямой, отвѣчалъ онъ съ усмѣшкою.

— Слѣдовательно ты никакъ не откажешься отъ предпринятаго тобою странствія въ необитаемыя степи?

— Ни за что! на свѣтѣ не откажусь и ничто не можетъ поколебать твердаго моего намѣренія.

— Такъ на что-жъ говорить преждевременно о такомъ дѣлѣ, которое еще Богъ знаетъ, можетъ ли когда нибудь свершиться. Ступай, Христосъ съ тобою, въ путь твой, а когда ты опять къ намъ возвратишься, тогда побесѣдуемъ и потолкуемъ.

— Ты совершенно правъ, сказалъ онъ, пожавъ крѣпко мою руку.

Этотъ разговоръ нашъ былъ вечеромъ, наканунѣ его отъѣзда. Мы съ женою моею, которая также чрезвычайно любила истиннаго моего друга и крестоваго брата, расположились провожать его до уѣздаго города, отстоявшаго въ 25 верстахъ отъ

нашей деревни; въ особенности же дѣтя наши убѣдительно просили взять и ихъ, провожать добраго дяденьку; они чрезвычайно полюбили его, потому что онъ съ ними игралъ, бѣгалъ, ловилъ ихъ, заставлялъ прекрасно тресированную свою лягавую собаку, дѣлать передъ ними разныя штуки, то есть просто во все время пребыванія его у насъ забавлялъ и потѣшалъ ихъ.

Жена моя, по деревенскому обычаю, наготовила ему на дорогу множество пироговъ, кренделей, бѣлаго деревенскаго хлѣба, называемаго папушникъ, двухъ жареныхъ индѣекъ, ветчины и нѣсколько бутылокъ разныхъ наливокъ собственнаго своего издѣлія. Онъ не хотѣлъ ничего брать, утверждая, что такого большаго количества разнаго снадобья не гдѣ положить въ перекладной его телѣгѣ, но призванный на совѣщаніе Санчо-Панса, такъ называлъ онъ своего камердинера, разрѣшилъ споръ тѣмъ, что онъ найдетъ мѣсто гдѣ все уложить и что отказываться отъ съѣстнаго большой грѣхъ.

Грустно и очень грустно было мнѣ разставаться съ добрымъ моимъ крестовымъ братомъ, и цѣлуясь съ нимъ на прощаніе, на силу могъ я удержаться отъ слезъ; болѣе всего опасался я за его здоровье, разстроенное продолжительною сильною болѣзнію и неудачнымъ леченіемъ: но мнѣ извѣстно было напередъ, что всѣ мои увѣщанія, отложить оригинальное его странствіе, были бы бесполезны. Онъ повторялъ часто правило Франклина, которому всегда постоянно слѣдовалъ, а именно обдумывать и разсматривать со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ всякое свое предпріятіе, но когда уже на что рѣшился, то непремѣнно, преодолевая всѣ затрудненія и препятствія, настоятельно достигать того, на что рѣшился.

Нѣсколько мѣсяцевъ не имѣлъ я отъ него никакого извѣстія и начиналъ уже сильно беспокоиться; наконецъ получилъ письмо отъ его изъ^{***}. Онъ сообщалъ мнѣ, что, благодаря Бога, предположенія его были безошибочны и что онъ отправляется въ Петербургъ, откуда будетъ писать подробно о дѣйствіяхъ и предположеніяхъ своихъ.

Передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ получилъ я отъ него слѣдующее, весьма странное письмо:

«Нустился я, любезный другъ и крестовый братъ мой, весьма въ бурный океанъ. Чтѣ-то будетъ? Наполеонъ сказалъ: *du sub-lime au ridicule il n'y a qu'un pas* (отъ высокаго къ смѣшному — одинъ только шагъ). Я рѣшился по нѣкоторымъ особымъ мо-

«ниъ соображеніямъ, оставитъ тебя теперь въ неизвѣстности о дѣйствіяхъ моихъ и, можетъ-быть, очень долго, то есть, по крайней-мѣрѣ годъ, ты никакихъ другихъ извѣстій не будешь получать отъ меня кромѣ только того, что я живъ и здоровъ; по прошествіи же предназначеннаго срока, когда самый опытъ покажетъ какъ должно назвать мое предпріятіе, sublime или ridicule (высокимъ или смѣшнымъ), я пришлю къ тебѣ мой дневникъ, въ которомъ ты прочитаешь всѣ мои продѣлки. Между-тѣмъ будь здоровъ и пиши ко мнѣ почаще по приложенному при семъ адресу.»

Онъ твердо сдержалъ свое слово. Въ продолженіи цѣлаго года, ничего болѣе не писалъ, кромѣ только того, что онъ живъ и здоровъ. На убѣжденія же мои, чтобы онъ изъяснилъ загадочное свое письмо, отвѣчалъ, чтобы я подождалъ и вооружился терпѣніемъ и что въ назначенный имъ срокъ, онъ пришлетъ ко мнѣ самый подробный отчетъ о всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ. Наконецъ получилъ я отъ него письмо въ видѣ преогромной тетради, заключающей въ себѣ описаніе всѣхъ дѣйствій его и всего, что съ нимъ случилось со дня нашей разлуки.

Письмо это заслуживаетъ особеннаго вниманія; оно можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и твердою непоколебимою волею, долженъ непременно имѣть успѣхъ въ предпріятіяхъ своихъ; притомъ же удачное свершеніе предположеній его доказываетъ, что Россія можетъ во многихъ отношеніяхъ быть уподоблена Америкѣ, то есть, что еще много и очень много у насъ не початыхъ источниковъ народнаго богатства и что тѣ, кто первые отважатся приступить къ разработкѣ этихъ источниковъ, могутъ получить превышающія всякое вѣроятіе выгоды.

Вотъ письмо его ко мнѣ или, лучше сказать, обширное и подробное описаніе дѣйствій его. «Я не писалъ къ тебѣ, любезный крестовый братъ и истинный другъ мой, такъ долго потому, что мнѣ хотѣлось сообщить тебѣ однимъ разомъ уже достовѣрно хорошее. Теперь имѣя право, прямо и рѣшительно сказать, что я не ошибся въ моихъ предположеніяхъ, сообщаю тебѣ всѣ подробности, какимъ образомъ приступилъ я съ самаго начала къ свершенію моего предпріятія, какія встрѣтилъ затрудненія, какія употреблялъ мѣры къ отвращенію этихъ затрудненій и наконецъ какой послѣдовалъ результатъ отъ настоятельныхъ усилій къ не-

превратили достиженіе предположенной влече цѣли. Я вступилъ съ самаго начала.

«Путешествіи на перекладной телегѣ я на самомъ опытѣ убѣдился, что, увы! утратилъ бурю крутыхъ горни. Прошло, и уже видно безъ возврата, то, что я могъ легко переносить во времена древности. Прежде сказать нѣсколько дней и ночей безъ отдыха на перекладныхъ, бывало для меня ни по чему, а теперь спина и бока и голова моя долаживали мнѣ, что они уже потеряли способность служить вѣрой и правдой безъ отдыха. Тряска телегга и двѣ ночи, проведенныя мною безъ сна, совершенно меня разстроили. Я долженъ былъ остановиться на сутки въ одномъ бѣдномъ уѣздномъ городкѣ, потому что чувствовалъ себя весьма нехорошо; однакожъ слѣдуя данному мною себѣ обѣту, рѣшительно не имѣть никакихъ сношеній съ медиками и никогда не принимать лекарствъ, я прибѣгнулъ къ обыкновенной методѣ пользованія самого себя. Болѣзнь моя происходила отъ утомленія и отъ бессонницы: я попросилъ хозяина моего, содержателя постоялаго двора, постлатъ мнѣ въ отдаленной свѣтелкѣ мягкую перину; разлегся, протянулся на этой перинѣ, выпрямился и заснулъ молодецкимъ сномъ; часовъ шесть проспалъ я и такъ крѣпко, что, проснувшись, не скоро могъ опомниться гдѣ я и что со мною сдѣлалось. Между тѣмъ желудокъ мой напоминалъ мнѣ о себѣ: я велѣлъ подать хозяйскихъ жирныхъ наварныхъ щей. Спутникъ и собесѣдникъ мой, *compère Mathieu* (кумъ Матвѣй), сохранилъ изъ отпущенныхъ вами запасовъ, славную индѣйку, которую онъ во время сна моего успѣлъ разогрѣть. Такимъ образомъ явилось у меня прекраснѣйшее жаркое. Роскошный пиръ мой окончился яшиницею съ оставшеюся также изъ числа вашихъ благодѣяній ветчиною. Наконецъ, въ заключеніе спектакля, онъ же, мой Санчо-Панса, представилъ вамъ же подарокъ, чудесную, самую мою любимую наливку вишневку. Я выпилъ за ваше здоровье и опять отправился спать, но попросилъ хозяина приготовить мнѣ къ вечеру всероссійскую баню. Словомъ, выспавшись, покушавши препорядочно и выпарившись въ банѣ, я на другой день сталъ какъ встрепанный, опять молодцомъ хоть куда. Однакожъ этотъ опытъ, уже весьма замѣтнаго ослабленія прежней богатырской моей силы и желѣзнаго здоровья, то есть, неизбежнаго послѣдствія знаменитыхъ подвиговъ господъ лекарей, которые такъ долго забавлялись надъ моимъ грѣшнымъ тѣломъ, заставилъ меня очень и очень призадуматься.

Я долженъ былъ самъ себя сознать, что нельзя мнѣ позволить себѣ такого же родаprodълки, какія прежде легко стодили съ рукъ, и что въ темеренномъ положеніи моего здоровья, подобно уже измѣннвать способы, чтобы по возможности, послѣ трудовъ и сильнаго движенія, имѣть нѣкоторыя удобства для отдыха и успокоенія.

• Такимъ образомъ составилъ я себѣ вотъ какой планъ предстоящей мнѣ мечевой жизни. По прїѣздѣ въ *** рѣшился я купить трехъ или четырехъ казацкихъ или башкирскихъ верховыхъ лошадей, для разѣзда моего съ наперсникомъ моимъ Санчо-Панса по степямъ, еще сверхъ того отъискать укладистую бричку или большую помѣстительную кибитку, для поклажи моихъ пожитковъ, съѣстныхъ припасовъ и прочихъ принадлежностей для странствія по необитаемымъ степямъ; имѣя притомъ въ виду, чтобы эта бричка или кибитка могла служить мнѣ вмѣсто палатки, которую возить съ собою, разбивать и потомъ снимать и укладывать ежедневно было бы слишкомъ много хлопотъ. Для подъема же и возки этого подвижнаго лагера, прїискать тройку добрыхъ крѣпкихъ упряжныхъ лошадей и нанять кучера. Потомъ разсуждая о томъ, что мнѣ предстоитъ путешествовать можетъ-быть по пескамъ и солончакамъ, гдѣ нѣтъ ни воды, ни корму для лошадей и не только лѣсу, но даже и кустарника для дровъ, надобно было изъискать способы къ обезпеченію продовольствія своего и свиты моей, то есть, людей и лошадей моихъ. Вотъ какъ придумалъ я учредить свой подвижной провіантскій магазинъ. Я призналъ необходимымъ нанять или купить шесть паръ воловъ съ фурами и сверхъ того нанять, по-крайней-мѣрѣ, двадцать человѣкъ работниковъ; фуры и лошадей расположить эшелонами, на близкомъ разстояніи одну фуру отъ другой, оставивъ при каждой изъ нихъ по два человѣка. Распоряженіе это хотѣлъ я сдѣлать на слѣдующихъ основаніяхъ.

• Предпріемлемое мною личное обозрѣніе и освидѣтельствованіе необитаемыхъ степей, намѣревался я произвестъ такимъ образомъ, чтобы въ послѣднемъ къ тѣмъ степямъ селеніи учредить резервъ мой и главное депо, для чего и нанять особый дворъ, для складки нужныхъ для странствія моего потребностей, какъ-то: дровъ, сѣна, овса и съѣстныхъ припасовъ, и отъ этого селенія начать путешествіе мое по компасу, прежде на сѣверъ, и проѣзжавъ по этому направленію разстояніе на десять часовъ ѣзды на верховой лошади шагомъ, что составитъ по малой мѣрѣ, по-

лагая приѣздно по пяти верстѣ въ часъ , не мѣше пятидесяти верстѣ , остановиться , и если на пути моемъ встрѣтятся одни только пески , солончакн и безводныя мѣста , то не углубляться далѣе въ степь , но возвратясь назадъ въ селеніе къ резервамъ моимъ , предпринять отсюда новое путешествіе , также по компасу , на югъ , потомъ на западъ и востокъ , смотря по мѣстнымъ соображеніямъ и распросамъ старожиловъ , гдѣ , основываясь на нѣкоторыхъ вѣроятностяхъ , скорѣе и ближе можно отыскать удобныя мѣста . А чтобы при такомъ обзорѣни степей по разнымъ направленіямъ , на разстояніе десяти-часовой верховой ѣзды шагомъ , обезпечить продовольствіе свое и не подвергаться весьма непріятнымъ послѣдствіямъ отъ недостатковъ съѣстныхъ припасовъ , дровъ и въ-особенности воды , намѣревался я распорядиться фурами и работниками , вотъ какимъ образомъ : одну изъ фуръ и при ней два человѣка , оставить при главномъ моемъ провіантскомъ магазинѣ въ пограничномъ селеніи ; на этой фурѣ должно ежедневно рано утромъ отправлять въ первый этапъ , учрежденный на пути моемъ , бочку съ свѣжею водою , дровами и съѣстными припасами и потомъ возвращаться опять въ селеніе . Первый этапъ , то есть , одну фуру и при ней два работника , устроить среди степи , проѣхавъ верхомъ и шагомъ два часа ; затѣмъ проѣхавъ еще впередъ два часа , на томъ же основаніи учредить второй этапъ , и такъ далѣе , на разстояніяхъ двухъ часовой ѣзды шагомъ , расположить всѣ пять моихъ этаповъ . Достигнувъ же до конца предназначеннаго мною десяти-часоваго пути , остановиться , и если откроются отыскиваемые мною удобныя мѣста для поселенія , пашни и скотоводства , то остановиться , учредить главную мою квартиру и отсюда предпринимать дальнѣйшее обзорѣніе степей и пріисканіе мѣстъ гдѣ удобнѣе сдѣлать поселеніе ; продовольствіе же водою , дровами , съѣстными припасами , получать посредствомъ предварительно устроенныхъ эшелоновъ и этаповъ , то есть , воловьихъ фуръ , которыя ежедневно рано утромъ должны были отправляться отъ одного этапа до другаго и забравъ все , что нужно , доставлять ко мнѣ , оставая и собственно для себя потребное количество .

По расчету моему достаточно было для пяти ежедневно двумъ человѣкамъ по одному ведру , а для каждого вола по два ведра воды . Такимъ образомъ одной сороковой бочки воды было слишкомъ достаточно для всѣхъ моихъ людей , лошадей и воловъ , и эту бочку привезенную на одной парѣ воловъ изъ селе-

нїя переливать въ другїе маленькіе боченки и вмѣстѣ съ съѣстными припасами, дровами, сѣномъ или свѣжею травою доставлять ко мнѣ по этапамъ. Чтѣ жъ касается до пищи людямъ, то сухарями, пшеномъ, крупою, ветчиною, свинымъ саломъ и солью, можно было заpastись однимъ разомъ на долгое время; нужно было только иногда дополнять запасы свѣжимъ хлѣбомъ, капустою, солониною и бараниною; и еще сверхъ-того назначена была отъ меня винная порція, на каждого человѣка по штофу въ недѣлю, и этою необходимою потребностью для русскаго рабочаго человѣка, то есть, по двѣ или по три чарки въ сутки, расположился я непремѣнно снабжать моихъ спутниковъ. Далѣе затѣмъ надобно было изыскать способы, чтобы въ необитаемыхъ сыпучихъ пескахъ и солончакахъ, какъ объ этихъ степяхъ рассказывали, поддержать безостановочное движеніе отъ одного этапа до другаго. Для этого хотя казалось и былъ бы достаточенъ слѣдъ проѣхавшихъ впереди фуръ, но слѣдъ могъ бы сильнымъ вѣтромъ или буруномъ (какъ въ степяхъ называется), совсѣмъ изгладиться, а потому я расположился, на какихъ нибудь холмахъ или оврагахъ, которые на пути могутъ встрѣтиться, ставить вѣхи, закапывая ихъ сколько возможно глубже въ землю, для чего и надобно также заблаговременно сдѣлать большой запасъ вѣхми: на шести моихъ воловьихъ фурахъ, много можно было помѣстить всякой всячины. Однако жъ несмотря и на ту предосторожность, чтобы ставить вѣхи, думалъ я воспользоваться и другими мѣстными признаками на пути моемъ, а самое главное, можно было въ этомъ случаѣ положиться со всею благонадежностью на природную русскую смѣтливость и догадливость. Соображая далѣе, чтѣ предстоитъ мнѣ въ моемъ странствїи, я предвидѣлъ необходимость заpastись, кромѣ бочекъ для воды, нужнымъ по числу наемныхъ людей количествомъ лопатокъ, заступовъ, топоровъ и косъ, потому что при обзорѣнїи моемъ степей и отысканїи мѣстъ удобныхъ для поселенїя, Богъ знаетъ, какія могутъ встрѣтиться работы; а на случай внезапной, преждевременной стужи имѣть также въ запасъ нужное количество тулуповъ, шапокъ и теплой обуви. Сверхъ-того хотя у русскаго простаго работающаго народа, здоровье точно можно назвать желѣзнымъ, однако жъ непрерывное нахождение день и ночь на открытомъ воздухѣ во всякую погоду, во время сильныхъ жаровъ или частыхъ проливныхъ дождей, слякоти, также утреннихъ морозовъ, всякое, самое желѣзное здоровье можетъ разстро-

и пьеза; а потому я призналъ необходимымъ купить для моихъ рабочихъ по-крайней-мѣрѣ сто большихъ войлочныхъ полостей, которые, если гдѣ отперется возможность, употребляютъ вмѣсто шалаши, воткнувъ ихъ на колья и черезъ то доставить имъ пріютъ и крышу отъ солнечнаго зноя и отъ дождей.

Собственно же для себя, я взялъ, отправляясь въ путь, компасъ, математическіе инструменты для съемки, бумагу разныхъ форматъ и все что нужно для чертежей и письма, нѣсколько книгъ любимыхъ мною авторовъ, самоваръ, погребецъ съ необходимою посудою, небольшую машинку для очищенья воды, также теплое платье и обувь, и вмѣстѣ съ тѣмъ кавказскіе мои потребности, ружья, сабли, пистолеты, бурки, архалуки и прочее. Лягавую, славно дрессированную мою собаку, имѣлъ я честь рекомендовать въ бытность мою у тебя въ деревнѣ, она благополучно свершила путешествіе со мною на перекладной телегѣ. Что жъ касается до съѣстныхъ припасовъ и питья, лично для собственной моей персоны, то я надѣялся заpastись всѣмъ, что будетъ нужно, въ городѣ, куда и пріѣхалъ я за двое сутокъ до начала бывающей тамъ ежегодно, довольно значительной ярмарки, и въ первый же день моего пріѣзда свершилось событіе, которое я призналъ хорошимъ предзнаменованіемъ успѣха въ моемъ предпріятіи. Отдохнувши послѣ дороги въ гостинницѣ, пошелъ я бродить по городу, гдѣ отъ-роду не бывалъ и рѣшительно никого знакомыхъ не имѣлъ. Шедши по улицѣ по направленію къ берегу рѣки, встрѣтился мнѣ безрукой инвалидъ, молодецъ собою; лицо его казалось мнѣ какъ-будто знакомое, однако жъ я не могъ припомнить гдѣ и когда я его видѣлъ; но онъ самъ всматриваясь мнѣ въ лицо, остановилъ меня восклицаніемъ: — Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! Я глядѣлъ на него со вниманіемъ, но никакъ не могъ привести себя на память когда и гдѣ былъ я съ нимъ знакомъ. — Вы не изволите узнавать меня, ваше высокоблагородіе, продолжалъ онъ: я отставной за ранами фельдфебель Павѣловъ, служилъ прежде въ ротѣ вашего крестоваго брата, мнѣ удавалось нѣсколько разъ быть съ вами вмѣстѣ въ сраженіи и вы были всегда ко мнѣ милостивы.

«Вотъ какъ печально встрѣтился я въ *** съ чудеснѣйшей храбрости молодцомъ, бывшимъ твоимъ фельдфебелемъ Павѣловымъ, котораго ты такъ любилъ. Я очень обрадовался счастливой встрѣчѣ; мы долго бесѣдовали о прежней службѣ, о нашемъ житъѣ-бытѣ на Кавказѣ, о сраженіяхъ, въ кото-

рыкъ намъ удалось быть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ прямо отъ души хвалилъ и вспоминалъ о бывшемъ своемъ начальникѣ, то есть, о тебѣ; потомъ разговоръ нашъ обратился на предпріятіе. Онъ дѣлалъ мнѣ весьма правильныя и дѣльныя замѣчанія, подавалъ совѣты какъ мнѣ должно дѣйствовать. Бесѣда наша окончилась тѣмъ, что онъ по убѣжденію моему согласился быть мѣнѣ спутникомъ. Я предлагалъ ему значительное жалованье, но онъ отказался, предоставивъ мнѣ самому право награждать его, по моему усмотрѣнію, по окончаніи нашей экспедиціи. Одно только чрезвычайно затрудняло его, это разлука съ женою и молоденькою дочерью его; но я сказалъ ему, что если жена его не блѣноручка и возьметъ на себя нечъ хлѣба для работницкавъ и вообще имѣть присмотръ за нашимъ домашнимъ хозяйствомъ, то я его убѣдительноше прошу взять сое и дочь свою съ собою, потому что и безъ того хотѣлъ я ему поручить нанять особую для этого женщину; такъ лучше же мнѣ платить деньги его жемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ я ему планъ мой, оставить его въ резервъ въ награничномъ къ необитаемымъ степямъ селеніи, съ тѣмъ, чтобы онъ закупалъ и доставлялъ ко мнѣ, посредствомъ предполагаемыхъ мною этаповъ, всѣ нужные припасы для продовольствія лично моего и спутниковъ моихъ, а потому жена и дочь его могутъ спокойно жить вмѣстѣ съ нимъ въ селеніи и не таскаться со мною по степямъ. Панфиловъ отвѣчалъ мнѣ, что жена его не блѣноручка, а добрая работающая баба и съ удовольствіемъ приметъ на себя предлагаемую мною должность, даже и безъ всякой платы, лишь бы только не разлучиться съ нимъ и съ дочерью.

Такимъ образомъ все дѣло уладилось, и Панфиловъ, увѣрившись, что онъ можетъ не разлучиться съ семействомъ своимъ, сказалъ мнѣ, что онъ теперь еще съ большимъ удовольствіемъ готовъ служить мнѣ вѣрою и правдою, и на самомъ опытѣ доказалъ мнѣ, что онъ говорилъ прямо отъ сердца. Я расскажу тебѣ въ послѣдствіи моей реляціи, какъ много я обязанъ нашему любезному кавказскому сослуживцу, который тебя очень помнитъ и всегда съ благодарностью отзывается о тебѣ... и въобрази, что я узналъ въ продолженіи нашей съ нимъ бесѣды о кавказской нашей службѣ. Панфиловъ болѣе всѣхъ содѣлывалъ къ основанію взаимной нашей дружбы съ тобою, любезный мой крестовый братъ. Ты спасъ мнѣ жизнь, предупредивъ меня во время о томъ, что отличный стрѣлокъ, покойный Лезгинецъ, мѣтилъ

мнѣ прямо въ голову, но за то ты самъ былъ въ величайшей опасности и навѣрное сдѣлался бы жертвою ловкости и проворства Лезгинца, которому ты помѣшалъ отправить меня на тотъ свѣтъ. Я побѣжалъ къ тѣбѣ на выручку, но вѣроятно не поспѣлъ бы, еслибъ Панфиловъ не предупредилъ меня, подъявъ Лезгинца прямо на молодецкой штыкъ своей. Мнѣ очень было досадно, что до-сихъ-поръ неизвестно было имя твоего спасителя, и теперь, узнавъ объ этомъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ удовольствія смотрю на него. Но возвращаюсь къ продолженію моей реляціи.

Во время ярмарки Панфиловъ купилъ мнѣ верховыхъ и упряжныхъ лошадей со всѣми для нихъ принадлежностями, какъ то: сѣдлами и хомутами, отыскалъ поѣзженную, но довольно еще крѣпкую и помѣстительную бричку, словомъ, вскупилъ всѣ потребности для нашего странствія очень дешево, какъ опытный старожилъ, занимавшійся прежде самъ мелочною торговлею. Что жъ касается до порученной мною ему покупки воловъ и фуръ для учрежденія подвижнаго моего провіантскаго магазина, то онъ растолковалъ мнѣ, что это вовлечетъ меня въ большія издержки, потому что по окончаніи нашей экспедиціи обязанъ я буду бросить все за безцѣнокъ, и что гораздо будетъ выгоднѣе, нанять воловъ и фуръ съ чумаками помѣсячно, и это дѣло уладилъ онъ какъ нельзя лучше; отыскалъ только-что возвратившихся изъ Крыма чумаковъ съ купленою ими солью. Они послѣ сентиментальнаго своего путешествія, совершивши около двухъ тысячъ верстъ, по образу пѣшаго ходенія, занимались вновь везти пшеницу въ Москву. Панфиловъ доказалъ имъ, что они совсѣмъ сгубятъ воловъ своихъ, пускаясь вновь въ такую дальнюю дорогу, и что они гораздо болѣе получатъ денегъ отъ меня за легкую работу и не въ дальнемъ разстояніи отъ домовъ своихъ; словомъ, онъ убѣдилъ и нанялъ ихъ за весьма сходную цѣну. Рабочихъ людей нужно мнѣ было, по соображеніямъ моимъ, по-крайней мѣрѣ двадцать человекъ, но Панфиловъ напередъ предупредилъ меня, что по небольшому народонаселенію въ здѣшней сторонѣ, очень будетъ затруднительно, въ особенности же въ настоящую рабочую пору, отыскать даже и за самую дорогую цѣну людей. Однакожъ онъ же послѣ придумалъ, что множество косцовъ и жнецовъ приходятъ изъ внутреннихъ губерній и что изъ числа ихъ кажется можно нанять на нашу работу не такъ дорого, и это дѣло совершилъ онъ также очень удачно; выѣхавъ верстъ за

двадцать за городъ, встрѣтилъ артель изъ осмнадцати человекъ и подрядилъ ихъ, какъ онъ мнѣ сказалъ, очень дорого, а я противъ того нашелъ, что очень дешево, по двадцати рублей въ мѣсяцъ остальныхъ двухъ работниковъ; если я захочу, то я болѣе надѣялся онъ отыскать въ пограничныхъ къ степямъ селеніяхъ, замѣтивъ притомъ очень правильно, что можетъ быть въ этихъ селеніяхъ найдемъ мы людей бывалыхъ въ степяхъ. Оставалось только нанять кучера, и Панфиловъ же предложилъ мнѣ взять въ эту должность знакомаго ему отставнаго солдата, знающаго еще притомъ нѣсколько и поваренное искусство, а самое главное, Панфиловъ ручался мнѣ за его честность, трудолюбіе и хорошее поведеніе.

«Такимъ образомъ съ пособіемъ Панфилова, всѣ дѣла мои устроились какъ нельзя лучше, и я отправилъ его съ женою и дочерью, со всѣми нанятыми работниками, верховыми лошадьми и со всѣми запасами нашими на воловьихъ фурахъ впередъ въ назначенное мною, по распросамъ и собраннымъ свѣдѣніямъ, пограничное къ степямъ селеніе, съ тѣмъ, чтобъ онъ на пути или въ томъ же селеніи отыскалъ двухъ или болѣе работниковъ и нанялъ бы особый дворъ, для учрежденія нашего запаснаго депо. Самъ же остался я на нѣсколько дней въ*** за тѣмъ чтобы сдѣлать справки и собрать нѣкоторые хотя поверхностныя свѣдѣнія объ необитаемыхъ *** степяхъ, куда я отправлялся: но я не нашелъ ни плановъ, ни описаній, словомъ, рѣшительно ни какихъ свѣдѣній. На губернской картѣ помѣзано было только на границѣ къ сосѣдственной губерніи, довольно большое пространство земли съ отмѣткою: «необитаемая и неудобная степи» и я ни съ чѣмъ отправился въ путь мой. На дорогѣ къ селенію, гдѣ ожидалъ меня Панфиловъ, вездѣ спрашивалъ я и у старшихъ, и у молодыхъ, и повсюду былъ мнѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что отъ самаго берега рѣки внутрь вездѣ пески, солончаки, сухія калдобины и въ къ чему негодная земля; но далеко ли идетъ негодная земля, отвѣчали мнѣ, что они не только сами никогда тамъ не бывали, но даже и не слышали, чтобъ кто-нибудь отважился отправиться внутрь тѣхъ степей. Даже и въ пограничномъ селеніи, гдѣ Панфиловъ нанялъ мнѣ двухъ работниковъ, никто ничего не зналъ и я никакого толку добиться не могъ.

«Это заставило было меня очень и очень призадуматься. Какъ бы, казалось, самымъ близкимъ сосѣдямъ къ этимъ мѣстамъ не имѣть ни какого объ нихъ понятія. Но потомъ принялъ я въ соображе-

не, что по чрезвычайной большому изобилію у нихъ собственной своей земли, не было имъ никакой нужды распространять свои владѣнія. Изъ любопытства же проѣхать можетъ быть нѣскольکو десятковъ верстъ, но солончакамъ и безводнымъ мѣстамъ могъ рѣшиться только одинъ я, свободный, ничѣмъ незамѣтый и притомъ еще упрямый человѣкъ. Точно также на зѣбрюую ловаю или на охоту за дичью, отправляться въ глубь степей не было никому нужды, по большому изобилію зѣбрей и дичи въ собственныхъ ихъ степяхъ. Словомъ не было никакого повода пускаться имъ въ необитаемыя, безводныя мѣста. Эти соображенія нѣсколько успокоили меня. Впрочемъ я рѣшился, напередъ обдумавъ какія затрудненія и препятствія могутъ мнѣ встрѣтиться, во что бы то ни стало, оставить на своемъ, на пятьдесятъ верстъ со всѣхъ сторонъ проѣхать по солончакамъ и щескамъ внутрь этихъ степей, и если не найду удобныхъ мѣстъ, тогда только увѣряться въ несбыточности моего предпріятія.

«Я нашелъ Панфилова и всю мою команду въ назначенномъ мною селеніи, и у него уже было все приготовлено, что я приказывалъ.

«Необитаемыя степи начинались отъ послѣдняго большаго села, гдѣ кромѣ еженедѣльныхъ базаровъ, можно было во всякое время отыскать сѣбѣстные припасы и все нужное, но оно было въ дальнемъ разстояніи отъ береговъ рѣки***; а мнѣ хотѣлось освидѣтельствовать мѣстное положеніе, то есть за сколько верстъ отъ рѣки могутъ открыться удобныя для земледѣлія и поселенія мѣста. Это признавалъ я необходимымъ, потому что близкое или дальнее разстояніе отъ большой судоходной рѣки можетъ служить нѣкоторымъ масштабомъ для дальнѣйшихъ соображеній, то есть, ежели откроются удобныя мѣста въ близкомъ разстояніи отъ рѣки, то доставленіе лѣсныхъ матеріаловъ для постройки, а потомъ, когда дастъ Богъ устроится мое хозяйство, то для сплава водою урожая хлѣба, будетъ выгодно; а чѣмъ далѣе, то и выгоды постепенно уменьшатся.

«Селеніе, избранное мною для учрежденія запаснаго моего депо, было въ верстахъ въ десяти отъ рѣки***, такъ говорили мнѣ жители, но я рѣшился самъ проѣхать и освидѣтельствовать это пространство. Я нашелъ, что грунтъ земли почти отъ самаго селенія былъ песчаный, однакожъ попадались нѣкоторыя произрастенія; но приближаясь болѣе къ рѣкѣ, песокъ становился глубже и наконецъ представился просто сыпучій песокъ. Черезъ это

оснащѣтельствовадіе мѣстности я увѣрился, что въ половодье наносило песокъ изъ рѣки и что лѣтомъ, въ сухое время, песокъ посредствомъ сильныхъ вѣтровъ ежегодно распространялся далѣе и далѣе; слѣдовательно со всею достовѣрностію можно было предвидѣть, что ежели не будутъ заблаговременно предприняты нужныя предосторожности къ удержанію песка, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и самое селеніе будетъ имъ занесено; но это также послужило доказательствомъ, что постояншій грунтъ земли къ здѣшней сторонѣ не есть настоящій песчаный и глинистый.

«Въ этомъ селеніи, избранномъ мною для учрежденія главнаго запаснаго моего депо, оставилъ я Панфилова и при немъ двухъ работниковъ и одну пару воловъ, а съ остальными осмнадцатью работниками и пятью фурами, наложенными съѣзными припасами, дровами, бѣчками съ водою, вѣхами нужными для установленія примѣтъ на пути нашемъ, также съ большаго количествомъ колесъ, изъ которыхъ намѣревался я дѣлать, на мѣстахъ отдохновенія и ночлеговъ, собственнаго моего изобрѣтенія шалаши для рабочихъ изъ приготовленнаго мною запаса войлочныхъ полостей, взявши также бричку свою и верховыхъ лошадей, отправился я рано утромъ, сходно съ прежнимъ моимъ предположеніемъ, по компасу на сѣверъ въ необитаемыя степи.

«Первые два часа путешествія, то есть по расчету моему пространство отъ селенія на сѣверъ верстъ на десять, не представлялось ничего болѣе, кромѣ сначала глубокаго песку, потомъ содомчатовъ и сухихъ калдобинъ дикаго и даже болѣе кориндезаго дѣла, то есть, земля была совершенно негодная ни къ чему. Это не совсѣмъ было удивительно; но я рѣшился во что бы то ни стало непремѣнно исполнить свое намѣреніе, пройти вкутьѣ степей по пятидесяти верстѣ во всѣ стороны. Такии образомъ послѣ двухъ-часовой ѣзды отъ селенія, оставилъ я на этомъ мѣстѣ воловью фуру и двухъ человекъ, пища для нихъ, бѣчку воды, нужное количество дровъ, колья для построения шалаши изъ полостей; все это находилось на каждой фурѣ и обезпечивало продовольствіе дни на три. По прошествіи же этого времени Панфиловъ обязанъ былъ по предварительно сдѣланнымъ мною распоряженіямъ, доставлять новые запасы; а чтобы ему извѣстно было какъ отыскать меня, то велѣлъ я поставить, на попавшемся намъ возвышеніи, вѣху, привязавъ къ ней бѣлую веточку.

«Слѣдуя далѣе въ степь по компасу, отъ перваго моего стана,

продолжались все такіе же солончаки и колдобины, но послѣ, слишкомъ часу ѣзды, кое-гдѣ начиналась показываться трава, произрастающая на удобной для хлѣбопашества землѣ. Я остановился и велѣлъ работникамъ моимъ копать землю: кое-гдѣ на вершокъ или полтора былъ плохой черноземъ, смѣшанный съ пескомъ, а далѣе — сухая, бѣлая глинистая земля. Однако жъ, для опыта, я велѣлъ пустить на-эти солончаки нашихъ воловъ и лошадей; они очень охотно и даже съ жадностью бросились грызть мелкую траву и лизать соленую землю; опять и это внушило нѣкоторую надежду, что я, углубляясь далѣе въ степь, найду, можетъ-быть, что-нибудь порядочное.

«Слѣдуя далѣе по компасу на сѣверъ, я сталъ замѣчать, что какъ-будто начинается нѣкоторое возвышеніе, и чѣмъ далѣе я ѣхалъ, тѣмъ замѣтнѣе оно казалось; наконецъ, проѣхавъ еще полчаса, мы приблизились къ крутому оврагу, гдѣ открылась намъ обширная плоскость земли, покрытая бѣлымъ цвѣтомъ ковыля и, въ отдаленіи, на горизонтѣ, нѣсколько небольшихъ зеленѣющихъ кустовъ. Можно вообразить себѣ до какой степени обрадовало меня это неожиданное открытіе, въ разстояніи не болѣе осьмнадцати или двадцати верстъ отъ рѣки^{***}, удобной и самой лучшей земли, потому что ковыль растетъ только на черноземѣ; наконецъ, думалъ я, догадки и правильность моихъ соображеній оправдались самымъ событіемъ и что необыкновенное странствіе, предпринятое мною, будетъ не бесполезно.

«Я оставилъ обоимъ мой на томъ мѣстѣ, гдѣ открылась намъ обтраванная земля, а самъ съ моимъ Санчо-Панса, то есть камердинеромъ, — онъ звался Матвѣй, — отправились верхами; мы спустились въ оврагъ, чтобъ переѣхать на ту сторону для освидѣтельствованія открывшейся намъ мѣстности. Переѣздъ черезъ оврагъ былъ болотомъ, изъ котораго даже съ нѣкоторымъ затрудненіемъ могли вытащить насъ верховые лошади. Тѣмъ лучше, думалъ я, это явный признакъ степной рѣчки, заросшей травой и заносимой шломъ въ половодье. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе берегомъ, я увѣрился, что догадка моя о существованіи на этомъ мѣстѣ степной рѣчки вполне справедлива. Мы увидѣли довольно большой плесъ, то есть пространство стоячей воды, въ видѣ озера; подѣхавъ ближе къ плесу, заросшему съ береговъ камышемъ, мы увидѣли ужасное множество дикихъ утокъ и гусей. Медоръ, извѣстная тебѣ лягавая моя собака, почула дичину, бросилась впередъ, прямо въ воду, и спугнула мирныхъ

обитателей этого плеса, не видавшихъ, вѣроятно, никогда ни людей ни собакъ; всё поднялось съ воды и съ страшнымъ крикомъ полетѣло въ степь; за гусями и утками послѣдовали бывшія у береговъ стаи аистовъ, чаекъ и рыболововъ; однако жъ Медоръ мой успѣлъ поймать одного молодого утенка, котораго принесть въ зубахъ своихъ ко мнѣ.

« — Какъ тебѣ это нравится? спросилъ я у моего спутника и собесѣдника. Видишь, братъ, какая здѣсь куча дичи, — не умрешь съ голоду.

« — Конечно, отвѣчалъ онъ, гдѣ водятся дикія утки, гуси, аисты и рыболовы, значитъ, что въ плесѣ много рыбы. Да видно и далѣе въ степи есть мѣста привольныя, такъ мы вѣрно найдемъ здѣсь и другую степную дичь, и журавлей, и стрепетовъ, и драхвовъ, и перепелокъ, и зайцовъ.

« — Все это не дурно, братъ, сказалъ я: и мнѣ кажется, что мы не отыщемъ мѣста лучше для нашего табора, какъ здѣсь на берегу этого плеса. Поѣдемъ переправлять нашъ вагенбургъ, а ты нарви по-больше ковыля, навяжемъ его на шесть и поставимъ на самомъ крутомъ берегу, такъ, чтобы видно было нашимъ, оставшимся на солончакахъ, а можетъ быть Панфиловъ, увидя ковыль, догадается, что мы добрались до мѣстъ угрожихъ. Впрочемъ, кажется, что теперь всѣмъ намъ можно будетъ собраться въ одинъ таборъ, потому что мы нашли здѣсь все что нужно: кормъ для лошадей и воловъ, и хорошій водопой; дичины также вдоволь; но обо всемъ этомъ потолкуемъ послѣ, а теперь поѣдемъ переправлять нашъ обозъ.

« Мы проѣхали далѣе берегомъ отыскавъ нами степной ручьи и отыскали для переправы не очень топкое мѣсто; переѣхавъ на другой берегъ также отыскали спускъ подъ гору, въ сколько по-отложѣе того, гдѣ мы сначала спускались верхами. Поставивъ шесть съ большимъ пучкомъ ковыля, мы приступили къ переправѣ. Бричка моя, порядочно наложенная, завязала при переѣздѣ на другой берегъ; лошади бились и не могли ее вытаскать, но мы запрягли воловъ и наконецъ благополучно достигли до мѣста, избраннаго для нашего табора.

« — Ну, ребята, сказалъ я своимъ рабочимъ и чумакамъ, отправляйте и пускайте скотъ на траву, варите себѣ кашницу и отдыхайте; потомъ поочистьте берегъ отъ камыша, чтобы лошади и волю не завязли, при водопоѣ, въ тинѣ, да поищите мѣстечко, гдѣ бы лучше ихъ было напоить. Сегодня дѣла немного, а съ

завтрашняго дня будетъ работа порядочная; намъ надобно на этомъ мѣстѣ поосторожиться, потому что мы, кажется, простоямъ здѣсь до глубокой осени. Мы съ Матвѣемъ пойдемъ добывать и для себя и для васъ дичины на ужины.

« Мы взяли наши кавказскія ружья и отправились вмѣстѣ съ Медоромъ далѣе по берегу. Пройдя небольшое разстояніе, мы увидѣли въ дали, около версты, еще плесъ, на которомъ плавало такое же множество дикихъ утокъ и гусей. Я держалъ Медора подлѣ себя; мы потихоньку подошли къ плесу и первыми выстрѣлами убили двѣнадцать утокъ и осемь гусей. Медоръ все перетаскалъ намъ изъ воды и мы съ этимъ порядочнымъ запасомъ отправились назадъ, а Медоръ, бѣгая по сторонамъ, спугнулъ стадо стрепетовъ, которые, перелетѣвъ небольшое разстояніе, сѣли и скрылись въ травѣ. Мы зарядили ружья, удерживая Медора при себѣ, и потихоньку приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ скрылись стрепеты, я закричалъ Медору, чтобъ онъ бросился и спугнулъ ихъ; мы пустили въ нихъ наши заряды и четыре стрепета сдѣлались нашею добычею.

« — Ну, на сегодняшний день довольно, сказала я моему спутнику: пойдемъ домой.

« — Посмотрите, что за жирныя гуси и утки, и въ особенности стрепеты, отвѣчалъ онъ мнѣ. Видно въ здѣшнихъ степяхъ корму для дичины въдоволь, а не худо бы еще поохотиться. Посмотрите, вотъ тамъ, въ дали, какъ расхаживаютъ долговязые журавли, прибавилъ онъ: а вотъ сюда, въ правой сторонѣ, что-то чертится. Это вѣрно должны быть драхвы.

« — Нѣтъ, братъ, сказалъ я: становится ужъ немного поздно и тебѣ надобно хорошенько отдохнуть, потому что завтра рано, на зарѣ, ты отправишься съ всемомъ мовиъ и деньгами къ Падэялову, да и мнѣ надобно много писать къ нему.

« — Воля ваша, коли домой такъ домой. На ужинъ и даже на завтрашній обѣдъ запасу у васъ довольно.

« Возвратясь къ нашему табору, нашли мы, что рабочие мои люди приступили къ необыкновенной ловлѣ рыбы въ плесѣ. Они снажи пѣсколко веретевъ, которыми обыкновенно покрываются воловь фуры, привязали къ нимъ длинныя веревки и эти, собственно ихъ изобрѣтенія, сътнями, приступили къ ловлѣ рыбы. Начало было не только не удачно, но могло бы даже имѣть дурныя послѣдствія. Одинъ изъ работниковъ хвастался тѣмъ, что онъ большой мастеръ плавать и нырять. Онъ вѣдалъ перо-

плыть съ однимъ концомъ веревки на другой берегъ и такимъ образомъ захватить все пространство плеса, но лишь только хотѣлъ взойти въ воду, поскользнулся и попалъ въ омутъ, неизмѣримой глубины, бывший у самого берега: это часто встрѣчается въ стенихъ рѣчкахъ. Онъ какъ ключъ пошелъ ко дну; всѣ перепугались и думали, что онъ утопулъ; однако жъ одинъ изъ работниковъ мастеръ дырять, не потерялъ присутствія духа, бросился въ воду и нырнулъ, чтобы вытащить утопавшаго изъ ому-та. Къ счастью что и тотъ не совсѣмъ оробѣлъ; онъ употребилъ послѣднія свои силы, чтобы вынырнуть; бросившійся спасать его подалъ ему руку; съ берега кинули имъ веревку, и они, благода-ря Бога, благополучно выскочили изъ воды. Но послѣ трагиче-ской сцены открылось весьма комическое представление: попав-шій первый въ омутъ, былъ почти весь облѣпленъ сотнями пѣ-вокъ. Онъ сталъ кататься по землѣ, обрывалъ ихъ руками и гром-ко кричалъ: всѣ смѣялись, однако жъ многіе поспѣшили помочь ему отрывать пѣвки. Я возвратился къ концу этой траги-коми-ческой сцены и нашелъ его въ крайнемъ изнеможеніи силъ. Тот-часъ велѣлъ обтереть кровь лившуюся изъ его тѣла отъ укуше-нія пѣвокъ, вытереть его простымъ виномъ, подать ему чистое бѣлье и накрыть его тулупомъ, чтобы онъ согрѣлся и отдох-нулъ. Потомъ обратился къ лучшимъ распоряженіямъ о ловлѣ ры-бы, посредствомъ изобрѣтеннаго работниками монми необыкно-веннаго невода. Я велѣлъ лягавой своей собакѣ взять въ ротъ одинъ конецъ веревки и переплыть на другой берегъ, куда и самъ съ нѣсколькими работниками перешелъ по кочкамъ черезъ тинау. Медоръ мой благополучно перешелъ съ поволокою, и мы стали тянуть веревку съ своей стороны, а оставшіяся на мѣстѣ по другому берегу. Но чѣмъ далѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ часъ отъ часу тяжелѣе становилось тянуть нашъ неводъ. Я не какъ нѣ воображалъ, что намъ тягостно тянуть отъ множества попавшейся рыбы, а полагалъ, что мы вѣроятно захватили ка-кія-нибудь сгнившія коренья, растенія или большое количество илу, и чтобъ совсѣмъ не разорвать веретьевъ, велѣлъ я, не дойдя еще до половины плеса, остановиться, и Медора своего отправилъ опять по-прежнему съ концомъ веревки на другой берегъ, а самъ съ бывшими при мнѣ людьми поспѣшилъ помогать вытянуть на-шу толю. Съ большимъ усиліемъ наконецъ вытащили мы импро-визированныя особаго рода рыболовныя наши сѣти. И хотя на-ши, какъ я прежде предполагалъ, много сгнившихъ кореньевъ и

твыи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное множество, невѣроятно великихъ желтыхъ жирныхъ карасей. Работники мои бросались съ радостью вытаскивать ихъ изъ веретьевъ; но я, опасаясь, чтобы неумѣренное употребленіе въ пищу такихъ необыкновенно жирныхъ карасей не произвело между ими болѣзней, велѣлъ отобрать не много, такъ, чтобы только достало на хорошую наварную уху, а прочіихъ бросить опять въ воду.

Тотчасъ приступили къ приготовленію ужина. Я отдалъ работникамъ застрѣленныхъ мною утокъ и гусей на жаркое, и изъ предосторожности велѣлъ въ уху, изъ чаловлепныхъ карасей, подсыпать пшена. Между тѣмъ попробовалъ я самъ воду, почерпнутую изъ плесса и нашель, что она очень пахнетъ твюю и имѣеть какой-то непріятный вкусъ, вѣроятно оттого, что вода была не проточная, а стоячая. Опасаясь, чтобы такого рода вода не была вредна для здоровья, я строго подтвердилъ пить ее не иначе, какъ отваривъ прежде въ дорожныхъ котлахъ и за всѣмъ тѣмъ прибавлять не много уксусу, котораго, предвидѣвъ прежде большую въ немъ, въ разныхъ случаяхъ, необходимость, во время странствія моего, было у меня въ запасѣ нѣсколько ведеръ.

Для своего ужина велѣлъ я отдѣлить не много изъ общей ухи и жарить на вертелѣ двухъ стрепетовъ. Дровъ на нашихъ фурахъ было довольно; однако жъ, чтобы сберечь ихъ, велѣлъ я плавить по берегу нѣсколько засохшаго камыша. Сдѣлавъ всѣ распоряженія, вынулъ я изъ брѣчки дорожную мою шкатулку и въ ожиданіи ужина принялся писать къ Панфялову. Я поручалъ ему искупить и прѣстать ко мнѣ, сколько можно поспѣшнѣе, слѣдующіе съѣстные припасы: нѣсколько кулей ржавой муки и всю нужную посуду для печенія хлѣба и дѣланія квасу, четверти пшена и гречневыхъ крупъ; сколько можно болѣе кислой капусты, два пуда меду для сбитня, которымъ хотѣлъ я поить моихъ спутниковъ, въ случаѣ холодныхъ утренниковъ, и вообще во время болѣзни котораго-нибудь изъ нихъ отъ простуды: для сбитня купить также лавроваго листа или другихъ какихъ-нибудь пряностей, и стручковаго перцу; пудъ коровьяго масла, два пуда свиного сала, двадцать барановъ, двѣ или три коровы, десятка три куръ, гусей и утокъ. Эту послѣднюю домашнюю птицу велѣлъ я купить, чтобы испробовать, могутъ ли овѣ водиться въ здѣшней водѣ. Сверхъ того купить кирпичей на печь, которые самѣренъ я былъ скласть въ землянкахъ, одну для печенія хлѣ-

бобъ, а другую для бани, столь необходимой для русскаго простаго народа. Наконецъ, имѣя въ виду сдѣлать также опытъ, какой хлѣбъ и какого рода овощи могутъ произрастать на здѣшнемъ грунтѣ земли, поручилъ я своему комиссіонеру, купить хотя по небольшому количеству сѣмянъ: ржи, озимой пшеницы и яровой, называемой бѣлотуркою арнауткою или каргаленкою, овса, проса, гречихи, гороха, ячменя, маку; а изъ овощей: картофелю, капусту, огурцовъ, свеклы, рѣпы, моркови, рѣдки и прочая. Все это намѣревался я посѣять для опыта, раскопавъ землю кое какъ лопатами, чтобы имѣть хотя нѣкоторое поверхностное понятіе, какіе именно сѣмена хлѣба и овощей могутъ произрастать на здѣшней землѣ. Въ особенности же подтверждалъ я ему не забыть, необходимо пужной для русскаго человѣка потребности, то есть, веселящаго сердце человѣческое, всероссійскаго простаго вина. Вообще предоставлялъ я ему закупить все, чтѣ пужно будетъ для кочевой нашей жизни, по собственнымъ его соображеніямъ, о чемъ теперь, писавши къ нему, можетъ быть не пришло мнѣ въ голову. Нужное для покупокъ количество денегъ вложилъ я въ мое письмо и, призвавъ моего вѣрнаго спутника и наперсника *compère Mathieu*, кума Матвѣя, какъ называли на Кавказѣ всѣ знавшіе этого добраго, привязаннаго ко мнѣ всею душою, стариннаго русскаго слугу, приказалъ я ему отправиться, какъ можно равнѣе, лишь только будетъ разсвѣтать, къ Панфилову, взявъ съ собою оставленную на солонцахъ воловью фуру, и какъ на ней, такъ и на оставшейся въ распоряженіи Панфилова, вмѣстѣ съ нимъ постараться, какъ можно поскорѣй закупить все, чтѣ мною къ нему написано, и потомъ поспѣшнѣе явиться въ нашъ таборъ, со всѣми людьми, также съ женою и дочерью Панфилова; при чемъ поручилъ я сказать Панфилову, что у насъ остается уже не много въ запасъ печенаго хлѣба, то чтобы пуще всего не забылъ онъ запастись всею пужною посудою и потребностями, для печенія хлѣба и дѣланія квасу.

«Между-тѣмъ ужинъ былъ готовъ. Уха, изготовленная моими спутниками, была превкусная, жирная, наварная, но я боялся слишкомъ много ее ѣсть и совѣтовалъ также и прочимъ. Жареные на вертелѣ стрепеты были также превосходны. Вода для питья, кромѣ того, что она была отварная, но и еще сверхъ того пропушена черезъ взятую мною очистительную машинку; однакожъ и за всѣмъ тѣмъ изъ предосторожности и самъ я для

себя и для спутниковъ моихъ прибавилъ въ нее нѣсколько утѣсу. Словомъ, зная по опыту, во время моей кочевой жизни, до какой степени надобно быть осторожнымъ для сохраненія здоровья на новыхъ мѣстахъ, при употребленіи пищи и питья, я придумывалъ всѣ способы къ тому, и, въ дополненіе къ принятымъ мною предосторожностямъ, я приказалъ всѣмъ своимъ людямъ, чтобъ они, избравъ между собою по очереди кому придется стеречь скотъ нашъ, сами устроили изъ колебъ покрытіе войлочными полостями изобрѣтенныя мною шалаши, ложивсь спать, не на голую, сырую землю, но подстлали бы подъ себя по болѣе сухаго камышу, покрыли бы камышъ веретьями съ суръ и укутались своими тулупами, чтобы вечерняя и утренняя роса, въ особенности подлѣ воды, гдѣ былъ нашъ таборъ, не могла имѣть вреднаго вліянія на ихъ здоровье. Послѣ ужина велѣлъ я имъ поднести по доброй чепорухѣ русскаго вина. Они поразвеселясь благодарили меня за заботливость мою объ нихъ, называли добрымъ баринкомъ и увѣрили, что будутъ мнѣ служить вѣрою и правдою. Я въ этомъ и не сомнѣвался, потому что зналъ по многимъ опытамъ свойства русскаго человѣка, изъ котораго привѣтливостью и ласкою можно сдѣлать все что захочешь и притомъ еще заставить страстно полюбить себя.

«Ночь была тихая, луна въ полномъ блескѣ. Я закурилъ трубку и сѣлъ на блучку моей брички. Спутники и собесѣдники мои скоро заснули. Повсюду водворилась тишина, прерываемая только заунывными пѣснями двухъ работниковъ, оставшихся стеречь лошадей и воловъ, пущенныхъ на траву, но и волю скоро улеглась.

«Я привелъ себя на память странное стеченіе обстоятельствъ въ моей жизни. Могъ ли я думать, чтобъ мнѣ, страстно любившему военную службу, предстояло совершенно противно моему желанію, оставить преждевременно въ цвѣтѣ моихъ лѣтъ военное поприще и также совсѣмъ неожиданно предпринять необыкновенное странствіе по необитаемымъ мѣстамъ? Ни кто не можетъ предузнать, что можетъ случиться въ жизни. Что дѣлать? Надобно исполнить предназначеніе свое. Можетъ-быть Богу угодно было избрать меня орудіемъ къ открытію новаго источника, неизвѣстнаго до-сихъ-поръ внутренняго богатства въ моемъ отечествѣ, и, какъ до-сихъ-поръ кажется, я не ошибся въ предположеніи моемъ, что столь обширное пространство земли не можетъ-быть повсюду неудобно. Словомъ надобно дѣйствовать и

нѣтъ твердо и постоянно избравъ путь, не оставилъ безъ вниманія и точнѣйшаго изслѣдованія даже малѣйшей бездѣлицы, могущей способствовать къ успѣху моего предпріятія. Всѣ мысли мои обратились тогда къ одному предмету: я придумывалъ, какъ лучше и удобнѣе приступить мнѣ къ обзорѣню степи и къ возможному по соразмѣрности силъ и средствъ монхъ намѣренію оружной межи будущей моей дачи и къ съемкѣ внутренней ситуациі. Но прежде всего, думалъ я, надобно устроить и для себя и для людей монхъ, сколько обстоятельства позволятъ, удобное и покойное пристанище, для отдохновенія послѣ трудовъ ихъ, также и убѣжище отъ дурной ненастной погоды, потому что устроенныя мною особеннаго рода шалаши не могутъ служить мнѣ благонадежнымъ пріютомъ во время сильныхъ, продолжительныхъ дождей. Строить избы въ настоящее время разумѣется было не возможно, надобно ограничиться выконаніемъ землянокъ, ежели только грунтъ земли позволитъ, или изъ кустарника, растущаго, верстахъ въ пяти отъ нашего табора, сдѣлать плетневые сараи, а для крыши употребить растущій въ изобиліи по берегамъ плесовъ камышъ, который еще сверхъ того употребить и на топливо, ежели перевозна хвороста изъ кустовъ будетъ по какимъ либо причинамъ затруднительна. Къ устройству пристанища нашего рѣшился я приступить не дагѣ какъ съ завтрашняго дня, и задавъ работу рабочимъ въ копаніи землянокъ самому съѣздить освидѣтельствовать видныя изъ табора кусты.

«Дагѣ и дагѣ воображеніе мое завлекало меня за тридевять земель. Я мечталъ, что дѣло мое совсѣмъ кончено, что на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь остановились, которому придумалъ я дать наименованіе оврагъ «Доброй Надежды», уже сдѣлано значительное поселеніе, что хозяйство мое въ обширномъ видѣ уже во всѣхъ отношеніяхъ устроилось, что у меня большая запашка разнаго хлѣба, что урожай чудесной и я на собственныхъ выстроенныхъ мною баркахъ сплавляю по рѣкѣ *** десятки тысячъ четвертей хлѣба въ *** и дагѣ, можетъ-быть даже и въ Петербургъ, что сверхъ того у меня заведено большое скотоводство, прекрасный конный заводъ, лучшія англійскія, голландскія, тирольскія и холмогорскія коровы и нѣсколько тысячъ отличныхъ мериносовъ. Можно себѣ представить, куда можетъ завести челоувѣка воображеніе, которому дана полная свобода. Я рассчитывалъ сколько можетъ-быть у меня тысячъ десятковъ земель,

кромѣ пяти тысячъ, мнѣ уступленныхъ. Зимною хотѣлъ я ѣхать въ Петербургъ, какъ для того, чтобы хлопотать объ отводѣ избранной мною дачи, такъ и для покупки у разныѣхъ лицъ права полученія пожалованныхъ мнѣ земель. Всѣ говорили и это казалось вѣроятнымъ, что можно будетъ купить у тѣхъ, кто на службѣ или по дѣламъ своимъ живутъ безвыѣздно въ Петербургѣ, по рублю и ни какъ уже не дороже двухъ рублей за десятину, слѣдовательно для покупки двадцати пяти или тридцати-тысячь десятинъ нужно будетъ мнѣ имѣть пятьдесятъ или шестдцать-тысячь наличныхъ денегъ. Я надѣялся выручить эту сумму за землю, которая останется отъ переселенія моихъ четырехсотъ душъ. Это имѣніе хотя уже очень давно, еще при жизни покойной моей матушки, было заложено въ опекунской совѣтъ, но уплата по займу продолжалась слишкомъ двадцать лѣтъ, слѣдовательно и долгъ остался уже не значительный и я буду имѣть возможность по взносѣ остальной суммы въ совѣтъ и по переселеніи крестьянъ моихъ на новое мѣсто, вновь заложить ихъ слишкомъ за семьдесятъ-тысячь рублей и эти деньги намѣревался я употребить на покупку земли въ здѣшнихъ же мѣстахъ. А когда устроится мое хозяйство въ обширномъ объемѣ и я буду, разумѣется, получать значительный доходъ, то за ежегодною уплатой сколько будетъ нужно, по займу въ Опекунской Совѣтъ, будутъ у меня, при умѣренной моей жизни, значительные остатки отъ дохода, которые также обращать опять на покупку земли въ здѣшнихъ же мѣстахъ. Словомъ пользоваться всякою возможностью увеличить мою дачу, пока цѣны на землю не слишкомъ возвысятся. Притомъ же, еще былъ у меня въ запасѣ живущій безвыѣздно въ Петербургѣ скупой, старый, родной дядюшка, братъ покойной моей матери; но къ этому скрягѣ думалъ я прибѣгнуть въ случаѣ только совершенной крайности. За тѣмъ обращаясь къ соображеніямъ, изъ чего и какой доходъ могу я получать, пришло мнѣ въ голову, какъ казалось, самое ничтожное обстоятельство, а именно то, что нѣсколько часовъ назадъ, одинъ изъ моихъ рабочихъ неудачно показавшій искусство свое плавать и нырять былъ вытащенъ изъ воды обфреленный сотнями пѣвковъ. Я вспомнилъ, что теперь въ модѣ употреблять пѣвки почти во всѣхъ болѣзняхъ; мнѣ самому ставили ихъ безпрестанно, когда я лечился въ Москвѣ, и одинъ изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ въ то время медиковъ, ѣздившихъ ко мнѣ часто на конспіумъ, носилъ перстень съ изображеніемъ пѣвки и съ

надписью кругомъ «спасительница рода человѣческаго». Привелъ я себѣ также на память, что иногда брали съ меня, за каждую изъ такихъ спасительницъ, слишкомъ по рублю и никогда дешевле семидесяти или пятидесяти копѣекъ. Судя же потому, что въ работника моего въ самое короткое время впились сотни этихъ спасительницъ, со всею достовѣрностью предполагать было можно, что ихъ величайшее изобиліе въ пlessахъ открывшейся мнѣ степной рѣчки, и что ежели я успѣю наловить ихъ ежегодно до ста-тысячъ и мнѣ вмѣсто рубля, почемъ онѣ продаются въ Москвѣ, очистится за всѣми издержками при доставленіи ихъ въ Москву и за неизбежною убылью во время дороги, хотя не болѣе, круглымъ числомъ, какъ по двадцати копѣекъ за каждую спасительницу, то это одно можетъ дать дохода ежегодно до двадцати тысячъ рублей. Этотъ предметъ промышленности въ здѣшней сторонѣ призналъ я весьма важнымъ. Въ это же время пришло мнѣ на память, что въ продолженіи болѣзни моей приобрѣлъ уже я нѣкоторыя поверхностныя свѣдѣнія о пивкахъ отъ словохотливаго цырульника, который обыкновенно травилъ меня, то есть ставилъ мнѣ своихъ кровопійцъ. Операция продолжалась всегда часа полтора или два. Можно вообразить до какой степени нестерпимо скучно бывало мнѣ сидѣть на одномъ мѣстѣ, пока спасительницы питаются моею кровью и сами отпадутъ отъ пресыщенія. Въ это время, отъ нечего дѣлать, вступалъ я въ пріятельскіе разговоры съ цырульникомъ, спрашивалъ о семействѣ, его обстоятельствахъ и о подробностяхъ занятій по его ремеслу. Отъ него узналъ я, что кругомъ Москвы и въ ближнихъ губерніяхъ нѣтъ хорошихъ пивокъ и что занимающіеся этимъ промысломъ, большею частью крестьяне помѣщичьяго села Молоди на большой изъ Москвы въ Тулу дорогѣ, отправляются для ловли лучшихъ пивокъ очень далеко, а именно на Кавказскую Ливію, за городъ Кизляръ и иногда даже попадаютъ въ плѣвъ къ Черкесамъ. Онъ не умѣлъ хорошъ объяснить, какимъ образомъ ихъ ловятъ и доставляютъ въ Москву, но самое любопытное осталось въ моей памяти, то есть, о чрезвычайно великомъ требованіи пивокъ въ Москвѣ. Напримѣръ онъ самъ покупаетъ ихъ ежегодно тысячъ до осьми и до десяти, а по подрядамъ въ госпитали ставятъ можетъ быть до милліона штукъ, потому что въ одну городскую больницу на тотъ годъ, какъ мнѣ сказывалъ мой собесѣдникъ, вызывались къ торгамъ на поставку девяноста тысячъ штукъ пивокъ. Мнѣ пришло въ голову, какъ

это ни кто изъ промышленниковъ московскихъ или сосѣдственныхъ губерній не вздумаетъ сдѣлать заведеніе искусственнаго развода пшавокъ. Кажется тутъ нѣтъ мудрецаго, стоитъ только навѣсть на Кавказѣ, гдѣ водятся онѣ въ большомъ изобиліи, нѣсколько подводъ, положить на нихъ глину и шлъ изъ озера или болота, гдѣ они пойманы; или что всего бы было ближе и удобнѣе, и на одной подводѣ привезти съ мѣста такое количество этой глины и шла, чтобы безъ затрудненія можно было разложить составныя ихъ части; и хотя со всею достовѣрностью предполагать должно, что глина и шлъ, въ которомъ водятся пшавки на Кавказѣ, такого же свойства какъ и московскій, однакожь еслибъ не доставало какихъ-либо частицъ, то подмѣшать и сдѣлать искусственную кавказскую глину и шлъ, удобную для разведенія пшавокъ. Кажется ни сколько не было бы затруднительно, сверхъ того, взять съ мѣста сѣмена травъ и водяныхъ растений, выкопать сажелки, наполнить ихъ настоящими или искусственными глиною и иломъ, посѣять сѣмена травы и водяныхъ растений взятыхъ съ мѣста; потому, что Богъ знаетъ, пшавки чѣмъ же нибудь должны питаться и эти растенія можетъ быть необходимы имъ для пищи и поддержанія ихъ существованія. А самое главное принять надобно въ соображеніе климатъ на Кавказской Линіи и въ Москвѣ, или въ сосѣдственныхъ мѣстахъ: а потому должно заблаговременно изыскать всѣ мѣры къ предохраненію пшавокъ отъ сильныхъ морозовъ; на зиму ограждать сажелки гдѣ посажены пшавки плетневыми сараями или даже рублеными настоящими иструбами съ крышами, и въ сильные морозы даже и нагрѣвать ихъ. Словомъ вообще искусственное разведеніе пшавокъ, кажется не стоило бы большихъ издержекъ, а приносило бы величайшій доходъ, потому что еслибъ вмѣсто рубля за штуку, по чѣмъ берутъ цирюльники, содержатель такого заведенія продавалъ бы ихъ вдвое дешевле, то есть, по пятидесяти копѣекъ, то ежегодная продажа примѣрно ста тысячъ пшавокъ, приносила бы доходу пятьдесятъ тысячъ рублей, то есть проценты на капиталъ слишкомъ до милліона рублей. Это кажется совѣтъ не шутка. А недостатка въ требованіи пшавокъ быть не можетъ, потому что если въ одной Москвѣ потребляется ихъ вѣрно болѣе милліона, то по этому масштабу можно судить, какое ужасное количество потребно этихъ снасительницъ рода человеческого въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ. Надобно признаться, что многія отрасли промышленности у насъ въ Россіи

въ слабости младенчества. А что устройство и содержаніе такого рода заведенія не представляетъ сильныхъ непреодолимыхъ затрудненій, въ этомъ кажется и сомнѣваться нельзя, потому что если въ нашемъ климатѣ умѣютъ выводить и сохранять въ оранжереяхъ тропическія растенія, то искусственно разводить и содержать пѣвковъ гораздо будетъ легче.... и какая разница! Тропическія растенія, бесполезная роскошь и содержаніе ихъ въ оранжереяхъ требуетъ значительныхъ издержекъ, тогда какъ пѣвки могутъ доставлять десятки тысячъ дохода. Однакожъ все это лично до меня не относится; мнѣ нѣтъ никакой нужды въ будущей моей дачѣ разводить искусственно этихъ спасительницъ рода человеческого; и судя потому, что въ нѣсколько мгновеній утѣпавшій мой работникъ былъ облѣпленъ сотнями пѣвковъ, можно сдѣлать заключеніе, каковъ ужасное изобиліе ихъ въ здѣшнихъ пѣссахъ. Но завѣсивъ гѣвъ въ бытность мою нынѣшнею зимою въ Москвѣ и Петербургѣ, намѣренъ я собрать самыя подробнѣйшія свѣденія, какъ ихъ ловить, содержать и сберегать во время пути. А всего лучше, думаю я, будетъ то, чтобы нанять въ селѣ Молодахъ привыкшихъ уже къ этой промышленности людей или по крайней мѣрѣ указать имъ мѣста, гораздо ближе Кавказкой Ливніи, гдѣ безопасно и удобнѣе могутъ они добыть пѣвки, заплативъ имъ за право лова небольшую сумму*.

* Предположеніе объ искусственномъ разведеніи и содержаніи пѣвковъ приведено въ исполненіе, какъ то теперь издателю сдѣлалось извѣстнымъ. Вождь Рингъ господинъ фонъ-Груль (Grubl) основалъ недавно хранилище для воспитанія пѣвковъ, (Blutegel-Colonie), которое будетъ состоять изъ нѣсколькихъ бассейновъ и прудовъ, для помѣщенія пѣвочнаго лазарета, карантинна и торговаго пруда. Подобное же заведеніе принадлежащее господину Рингу уже существуетъ въ Рингѣ и состоитъ изъ осьми прудовъ. (Сѣверная Пчела № 209, сентября 18 1846 года). Вотъ нашимъ великоросійскимъ промышленникамъ, для образца, заведеніе, которое могутъ они принять въ примѣръ и основаніе; весьма вѣроятно, что по нѣмецкой акуратности придумано въ этихъ заведеніяхъ все, что можетъ способствовать къ сохраненію, размноженію и отыранію болѣзней и преждевременной гибели пѣвковъ. А что Нѣмцы не предпринимаютъ ничего легкомысленнаго и не употребляютъ значительныхъ поддержекъ, не имѣя въ виду выгоды своей, объ этомъ и говорить нечего. Но пусть въ Рингѣ разводится пѣвки для тамошней стороны и отправленія въ чужіе края, куда, какъ утверждаютъ, за нѣсколько лѣтъ передъ этихъ пѣвки вывозились милліонныя варочныя устроенныхъ для того фурахъ; но промышленники москов-

« Мечтанія мои, о томъ какъ предстоитъ мнѣ дѣйствовать для извлеченія всѣхъ возможныхъ выгодъ отъ предполагаемаго мною устройства хозяйства въ обширномъ видѣ, продолжались очень долго; такъ что хотя и легъ я на приготовленную мнѣ постель въ бричкѣ, однакожь ни какъ не могъ заснуть и вертѣлся съ боку на бокъ. Наконецъ все это мнѣ надоѣло. Фу! ты чертовщина какая! подумалъ я: да на чтѣ мнѣ надобно большое богатство, мнѣ человѣку одинокому, съ самыми ограниченными желаніями и привыкшему не только къ умѣренному, но даже и къ суровому образу жизни. Потомъ пришло мнѣ въ голову, что примѣръ мой можетъ быть полезенъ для другихъ и что имѣть много денегъ во всякомъ случаѣ очень хорошо, ежели и не лично для собственной своей персоны, то для вспомошествованія другимъ. Съ этою мыслью, наконецъ, я крѣпко заснулъ.

« На другой день рано утромъ, я приступилъ къ исполненію моихъ предположеній объ устройствѣ нашего убѣжища. Отыскавъ мѣсто удобное, по близости къ плессу, для сдѣланія землянокъ, и показавъ моимъ работникамъ, какъ ихъ дѣлать, я вволю съ удовольствіемъ увѣрился, что предпріятіе мое должно имѣть успѣхъ; потому что когда начали рыть землю, то оказалось самаго лучшаго чернозема глубины въ иныхъ мѣстахъ аршина на два, потомъ пошла, какъ обыкновенно бываетъ въ черноземной грунтѣ, желтая глина и даже попадался кое-гдѣ песокъ. Все это служило доказательствомъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ, земля самая лучшая для произрастенія всякаго рода хлѣба, и что она не скоро можетъ выпахаться и требовать удобренія. Впрочемъ по этому первому опыту нельзя было сдѣлать общаго заключенія, что вообщемъ по всему пространству обширныхъ степей, повсюду земля имѣетъ одинаковый грунтъ; но на первый случай достаточно было и того увѣренія, что можно отыскать хорошую землю и что прежнее общее мнѣніе, о томъ что вообщемъ всѣ

симизъ или соседственнымъ съ Москвою губерніяхъ предстоятъ и безъ отъправленія въ чужіе края чрезвычайныя выгоды отъ сбыта пивовъ внутри Россіи. Утверждаютъ, что въ Москвѣ сдѣланъ уже какинъ-то иностранскимъ опытъ искусственнаго разведенія пивовъ на Дѣвичьихъ Поляхъ въ новотырскихъ прудахъ и что эта новая отрасль промышленности приноситъ чрезвычайныя выгоды. Тѣмъ лучше. Такого рода заведенія въ Рязѣ и Москвѣ, служатъ доказательствомъ, что можно распространить ихъ и въ другія мѣстахъ обширной Россіи.

здѣшнія мѣста не годны ни къ хлѣбопашеству, ни къ скотоводству, совершенно несправедливо.

Пробывъ нѣкоторое время на работѣ и давши поставленіе какъ продолжать далѣе, велѣлъ я осѣлать верховую свою лошадь, запречь одну воловьѹ фуру и отправился въ степи для личнаго освидѣтельствованія бывшихъ въ виду нашемъ кустовъ.

Я взялъ съ собою охотничье ружье и на случай смели гдѣ въ степи или въ кустахъ попадутся волки или лисцы, то велѣлъ положить на фуру славную мою кавказскую винтовку; любезный Медоръ разумѣется сопровождалъ меня. Фуру отправилъ я къ кустамъ, а самъ поѣхалъ туда впередъ одинъ верхомъ. Но чѣмъ далѣе углублялся я въ степь, тѣмъ болѣе попадалось мнѣ ужасное множество дичины: стрепетовъ, журавлей, драхвовъ, перенелокъ, которыхъ Медоръ бѣгая въ разныя стороны безпрестано спугивалъ. Страсть моя къ охотѣ превозмогла на тотъ разъ всякія другія соображенія. Стрѣлять съ лошади было невозможно, потому что это былъ не кавказскій приученный конь, а просто башкирскій, впрочемъ очень покойный иноходецъ, но совсѣмъ еще обѣзженный и смирный. Я рѣшился подождать свою фуру, съ тѣмъ чтобы привязать къ ней верховую лошадь и нѣшкомъ подходить къ стадамъ журавлей и драхвовъ. Остановившись подождать фуры, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что эти обитательницы степей, не выдавшіе никогда людей и не имѣвшіе понятія о предстоящей имъ опасности, спокойно сидѣли и стояли на своихъ мѣстахъ при проѣздѣ мимо ихъ фуры. Увѣрившись такимъ образомъ, что лучшій способъ охотиться, безъ утомленія и не отвлекаясь отъ настоящаго своего дѣла, есть тотъ чтобы сѣсть на фуру, я отдалъ лошадь свою одному изъ работниковъ, взялъ съ собою своего Медора и отправился на фургъ, прямо по направленію къ кустамъ.

Я подѣзжалъ на самое близкое разстояніе къ стадамъ журавлей и въ особенности драхвовъ, стрѣлялъ въ нихъ, убивалъ однимъ зарядомъ двухъ, трехъ, иногда по пяти и по шести штукъ, а остальные отлетѣвъ не далеко, садились и вновь подпускали къ себѣ близко. Словомъ, въ самое короткое время убилъ я двадцать штукъ драхвовъ и двѣнадцать журавлей. Этого всего было слишкомъ много, и хотя намѣревался я не только кормить ими моихъ спутниковъ, но засушить и сдѣлать изъ нихъ крѣпкій бульонъ, однако жъ еще времени было много впереди; въ дѣлѣ же, какъ по первымъ опытамъ открылось, было большое

избиліа, а потому я рѣшился прекратить на этотъ разъ мою охоту и заняться настоящимъ дѣломъ, то есть освидѣтельствованіемъ кустовъ.

« Сдѣлавъ опять вершокъ, отправился я впередъ. На пути моемъ прямо по глазомѣру, была не одна только безпрерывно плоская земля, какъ казалось мнѣ нашему табору, но попадались вѣсколько довольно крутыхъ овраговъ. Это служило доказательствомъ существованія заросшихъ травою и занесенныхъ пломъ степныхъ ручьевъ, которые впоследствии времени можно будетъ очистить, расчистить и запрудить для сохранения весенней воды отъ растаивающаго снѣга, то есть сдѣлать эти мѣста удобными, ежели не для посѣленія, то хотя для скотоводства, укрывъ ихъ оврагами вѣща для водопоя.

« Я не ошибая по глазомѣру въ разстояніи кустовъ отъ нашего табора. Замѣтивъ по часамъ выѣхавши съ мѣста, употребилъ я всего два часа для проѣзда до кустовъ, считалъ и то, что для охоты моей должно было вѣсколько разъ останавливаться, свертывая съ прямой линіи въ сторону, выѣзжать вѣсколько разъ изъ оуры для поднятія застрѣленной мною дичи; на все это, со всею вѣроятностію, должно положить по крайней мѣрѣ часъ времени; а если бы ѣхать отъ нашего табора прямою линіею безъ какой остановки, то потребно бы было не болѣе одного часу, следовательно и разстояніе было не болѣе пяти или шести верстъ.

« Но къ большому удовольствію моему, очень ошибая я по глазомѣру въ качествѣ этихъ кустовъ. Съ мѣста нашего табора казалось мнѣ, что тамъ не можетъ быть ничего болѣе кромѣ самаго малаго кустарника, но подѣхавши ближе увидѣлъ я на протавѣ холм, хотя и не строевой, хороший лѣсъ, но очень много деряберъ, водыкъ на перекладны, снега и колы; следовательно предстола мнѣ возможность устроить для временнаго пребыванія моего въ степи, не одна только землянка, не только удобныя и благоудѣльныя, но обширныя пастбищныя сарои, которые можно обрѣзати грядою и покрыть камышомъ; следовательно и я самъ и люди мои и скотъ могли бы имѣть покойное убѣжище отъ дурной погоды и сверхъ того можно бы было устроить родъ магазина, для поклажи запасовъ нашихъ и разныхъ орудій.

« Кусты эти занимали по поверхности по обзору и глазомѣру пространство десятинъ на восемьдесятъ. Они росли на землѣ вѣсколько болотистой и кочковатой, а потому большая часть ле-

ревень березовыхъ, липовыхъ, осиновыхъ и ивовыхъ, были кривые, корявые и много сгнившихъ и посохшихъ, но вообще для временнаго и легкаго строенія, лѣсъ этотъ очень годился. Вислѣдствіи же думалъ я, когда эти мѣста будутъ принадлежать мнѣ, можно будетъ прокопать каналы, высушить болото и со временемъ имѣть очень порядочный лѣсъ.

« Углубляться далѣе въ кусты было рѣшительно невозможно по множеству кочекъ, топей и лежавшаго почти повсюду засохшаго и сгниваго валежника; но и по опушкѣ представлялось много лѣса годнаго для предполагаемаго мною временнаго плетневаго строенія. Я успѣлъ объѣхать по опушкѣ довольно большое пространство, пока фура моя явилась ко мнѣ; тотчасъ приказалъ я бывшимъ на ней тремъ работникамъ приступить къ рубкѣ лѣса. Указавъ имъ деревня и пробывши съ ними довольно долго, подтвердилъ работникамъ, чтобы они наклали на фуру, сколько можно будетъ по силѣ воловъ, срубленныхъ деревьевъ, а самъ я поспѣшилъ возвратиться въ таборъ, съ тѣмъ, чтобы прекратить дальнѣйшее устройство землянокъ и всѣхъ моихъ рабочихъ, также и остальныхъ воловъ фуры, отправить въ кусты для рубки и подъема лѣсу и хворосту.

« Бѣжавши назадъ въ таборъ, я съ удовольствіемъ увѣрился, что мѣсто, на которомъ поставленъ былъ на другомъ берегу плесса шестъ съ пучкомъ ковыля, было очень замѣтно. По дорогѣ попадались мнѣ опять множество дичины и между прочимъ Медоръ мой, отправившись по чутью въ глубь кустовъ, выгналъ оттуда множество зайцевъ: они во весь опоръ пробѣжали мимо меня въ степь, но я преодолѣлъ страсть мою къ охотѣ, оставилъ и птицъ и зайцовъ на этотъ разъ въ покоѣ и поспѣшилъ къ табору. Пріѣхавши туда, приказалъ остановиться рытьемъ земли всѣмъ рабочимъ, тотчасъ садиться обѣдать и отдохнувши отправляться на остальныхъ фурахъ въ кусты; самъ также пообѣдалъ на скорую руку, немного уснулъ и отправился въ кусты. Бѣжавши туда встрѣтился я на дорогѣ съ первою фурую накладенною срубленнымъ лѣсомъ. Работники сказали мнѣ, что они вырубали такъ много деревьевъ, что на одной фурѣ поднять всего было невозможно. Тѣмъ лучше, отвѣчалъ я: другимъ черезъ это будетъ менше работы, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ я имъ, сложивъ въ нашемъ таборѣ привезенный ими лѣсъ, накормить и напоить воловъ, самимъ пообѣдать и отдохнувъ немного, опять пріѣхать въ кусты. Лежавшую на этой фурѣ кавказскую мою винтовку, взялъ

я съ собою и очень кстати, потому что въ теперешнее прибытіе наше въ кусты, отъ шуму и рубки деревьевъ выбѣгали изъ средины кустовъ, одинъ за другимъ. уже не испуганные мѣнѣ Медоромъ зайцы, а нѣсколько матерыхъ большихъ волковъ, изъ числа которыхъ успѣлъ я застрѣлить трехъ, а остальные во весь опоръ побѣжали въ степь по направленію въ другіе дальніе кусты. Испугъ и устраненіе этихъ не весьма пріятныхъ гостей отъ мѣста нашего жительства, обезпечивали воловъ и лошадей нашихъ отъ внезапныхъ враждебныхъ на нихъ нападений, во время частыхъ, въ особенности ночью.

« Работники мои усердно трудились и зарубили такъ много лѣсу, что за нагруженіемъ всѣхъ оуры осталось еще большое количество для мѣста. Не чтобъ предстоящая намъ работа шла безъ остановки и сколь возможно успѣшнѣе, я отправилъ съ оурами въ таборъ только двухъ работниковъ; прочимъ же велѣлъ продолжать рубку и остался самъ съ ними, съ тѣмъ чтобы заготовить какъ можно болѣе лѣсу и завтра утромъ прислать съ оурами не болѣе какъ двухъ или трехъ работниковъ, для покладки приготовленнаго уже лѣса и доставленія въ таборъ, а остальныхъ людей употребить завтра же съ утра, для разбивки мѣста, на которомъ я хотѣлъ строиться и приготовленіемъ кольевъ для плетня.

« Поздно вечеромъ возвратился я съ остальными работниками въ таборъ; велѣлъ имъ поднести по хорошей чепорухѣ вина и отдалъ имъ на ужинъ нѣсколько журавлей и драквоновъ, застрѣленныхъ мною утромъ. Работники мои хорошо поужинавъ легли спать, а я долго ходилъ разсмѣря шагами мѣсто, гдѣ хотѣлъ выстроить мои плетневые сараи; придумывалъ, какъ удобнѣе расположить и устроить временное наше убѣжище и рѣшился по обѣимъ сторонамъ обширнаго сарая сдѣлать небольшіе особые бараки, съ одной стороны для собственнаго моего пристанища, раздѣливъ его на двѣ половины, одну для моей спальни, столовой, гостиной и кабинета, а другую половину для моего Санчо-Панса, кума Матвѣя, и для собственной моей поклажи; на другомъ же концѣ сарая, хотѣлъ я устроить точно такой-же особой баракъ, раздѣливъ и его на двѣ половины, одну для жилища моего драгоценнаго Панфилова съ семействомъ, а другую для помѣщенія и храненія нашихъ съѣстныхъ припасовъ; оба эти барака обмазать глиною и сдѣлать въ нихъ двери и окошки, и хотя, разумѣется, не имѣя ни досокъ для дверей, ни су-

каго глѣсу для рамъ, сдѣлать ихъ было темеръ не изъ чего и не кому, а надобно было се временемъ купить все это готовое, не на первой случай, при постройкѣ, оставить только мѣста для оконъ и дверей и закрывать ихъ, когда будетъ нужно, особыми щитами изъ намыша. Нутрь сараа хотѣлъ я разгородить на нѣсколько отдѣленій, одно мѣсто для лошадей, а другое для воловъ, гдѣ ночью во время дурной погоды, проливныхъ дождей или утреннихъ морозовъ мѣли бы они покойное и теплое убѣжище. Для корма же ихъ по ночамъ хотѣлъ я заготовить заблаговременно достаточное количество сѣна. Потомъ по кощамъ сараа придумалъ я отгородить небольшое мѣсто для моей брички, воловыхъ фуръ и храненія разныхъ нашихъ орудій, а другой конецъ оставить для ночлега и отдохновенія рабочимъ.

• Для кухни съ отдѣленіемъ для печенія хлѣба и приготовленія квасу, хотѣлъ я сдѣлать особое также плетневое строеніе, въ дальнемъ разстояніи отъ сараа и бараконъ. Эту предосторожность необходимо должно было употребить, на случай пожара, который очень и очень легко могъ случиться отъ невниманія и неосторожности въ такомъ строеніи, гдѣ должно было часто разводять огонь. А чтобъ отвратить бѣдствіе пожара отъ нашего убѣжища, то рѣшился я строго запретить курить трубки, въ сараѣ и въ баракахъ; а кому угодно будетъ забавляться куреніемъ табаку, то предоставилъ каждому трубокуру право отправляться подальше отъ общаго убѣжища, куда-либо на свѣжій воздухъ. А такъ какъ и самъ я любилъ и часто курилъ, то надъ первымъ самнитъ собою показать примѣръ, и чтобъ это распоряженіе исполнялось въ строжайшей точности, то возложить наблюденіе на Панфилова, который, какъ мнѣ было извѣстно, и самъ не курилъ и не очень любилъ табачный запахъ, за чтò во время службы на Кавказѣ называли его раскольникомъ и онъ, какъ я помню, очень сердился за это названіе. Наконецъ къ довершенію моихъ распоряженій сдѣлать нашу жизнь въ здѣшнихъ необитаемыхъ мѣстахъ сколь возможно покойнѣе и удобнѣе, рѣшился я устроить русскую нашу любезную баню, въ землянкѣ, за работу которой мы было принялись, но остановились, когда открылась возможность приступать къ устройству плетневыхъ сараевъ.

• На другой день рано утромъ, прежде чѣмъ спутники мои успѣли встать, умыться и одѣться, начертилъ я карандашемъ планъ предполагаемыхъ мною строеній. Большому сараа назначилъ я длины пятьдесятъ сажень, ширины семь сажень. Можн бы сдѣ-

дать гораздо шире, но должно было предвидѣть, что въ кустахъ нельзя отыскать деревьевъ на перекладины для утвержденія стропилъ длиннѣе этой мѣры; даже врядъ ли и въ семь сажень найдется достаточное количество? Но въ такомъ случаѣ думалъ я, такъ какъ крыша будетъ легкая, то можно сколотить два дерева и связать ихъ веревками и прутьями, потому что и стропила, которые надобно укрѣпить въ эти перекладины, будутъ не тяжелыя. Баракамъ съ обѣихъ сторонъ назначилъ я длины по пятнадцати, а ширины также по семи сажень. Хотя все это будетъ, думалъ я, не слишкомъ удобно и просторно, на за то *magnifique et pas cher* (великолѣпно и не дорого).

« Отправивъ трехъ работниковъ со всѣми воловыми фурами въ кусты, остальнымъ приказалъ я собраться съ топорами и заступами на мѣсто предназначенное для строенія.

« — Ну, ребята, сказалъ я, надобно приниматься за дѣло съ молитвою. Если бѣ гдѣ-либо по близости здѣсь былъ священникъ, то слѣдовало бы отслужить молебень съ освященіемъ воды и окропить все мѣсто; но вы сами знаете, что священника отыскать теперь нельзя. Впрочемъ Богъ милосердъ и на всякомъ мѣстѣ владычество его. Помолитесь ему усердно и онъ приметъ милостиво грѣшныя наши молитвы. Снимайте шапки, кладите каждый по три земныхъ поклона и слушайте молитвы, которыя я буду читать. Съ этимъ словомъ, я самъ три раза поклонился въ землю и прямо отъ души просилъ Бога, чтобы онъ благословилъ начинанія мои предприемлемыя, какъ Ему сердцевицу извѣстно, съ добрымъ намѣреніемъ. Потомъ громогласно прочиталъ я Вѣрую во Единого Бога, Отче нашъ, Богородица Дѣво радуйся и послѣ каждой молитвы, дѣлалъ по три земныхъ поклона. Всѣ работники также кланялись за мною въ землю и, какъ видно было, усердно молились.

« По окончаніи молитвы, я обратился опять къ моимъ спутникамъ.

« — Послушайте братцы, сказалъ я имъ, плетень заплестъ конечно каждый изъ васъ знаетъ, но этого мало: надобно умѣть хорошенько поставить угловые и средніе столбы, положить на плетень перекладины, утвердить въ нихъ стропила, умѣючи свести крышу и положить рѣшетныя. Кто изъ васъ лучше знаетъ плотничать? Ежели кто ладно все сдѣлаетъ, то по окончаніи постройки, я къ обыкновенному ежемѣсячному жалованью, за что вы нанялись, готовъ сдѣлать порядочную прибавку; только

знаете, братцы, что я самъ довольно понимаю, какъ должно строиться и буду строго смотрѣть. Если же кто взявшись да не сдѣлаетъ, какъ надобно, а еще испакоститъ, то на меня тогда не повайте: я не только ничего не прибавлю, но еще вычту изъ жалованья и прогоню отъ себя. Понимаете ли вы это? Я напередъ говорю вамъ, кто не хорошо знаетъ плотничать; лучше не берись; уговоръ лучше денегъ.

«Двое вышли изъ толпы и объявили мнѣ, что они берутся сдѣлать все какъ надобно, и что всякая постройка для нихъ не перуюченка; прочіе подтвердили, что они у себя въ деревнѣ не только плетневые сараи, но и нѣсколько избъ выстроили.

«— Ну, такъ ладно же, ребята, вы будете у меня, какъ называется на строеніяхъ, десятками. А вы, прибавилъ я, обращаюсь къ прочимъ, слушайте ихъ; они за все отвѣчаютъ. Пойдите же теперь отыскивать въ привезенномъ лѣсѣ деревья, годныя для угловыхъ столбовъ.

«Мы всѣ отправились вмѣстѣ. Пока десятники выбирали деревья для столбовъ, я самъ выбралъ одну слегу по-прямѣе, вынулъ складной аршинъ, отмѣрилъ сажень, велѣлъ ее обтесать и поставилъ знаки въ четверть, въ половину и въ цѣлый аршинъ. Между-тѣмъ десятскіе мои отыскали четыре довольно толстыя березы; осмотрѣвъ ихъ и найдя годными, я велѣлъ ихъ обтесать, обжечь и нести на мѣсто. При закладкѣ я думалъ положить подъ каждый столбъ, какъ это обыкновенно водится, серебряныя деньги, хоть по полтиннику; но сообразивъ, что деньги будутъ положены при всѣхъ и что очень легко какому-нибудь проказнику, изъ числа работниковъ, вздумается выкопать ихъ и черезъ это можетъ поколебаться все строеніе, я отмѣнилъ это намѣреніе; притомъ же мнѣ хотѣлось знать мнѣніе моихъ десятниковъ, что надобно ли при закладкѣ класть деньги подъ угловые столбы?

«— У насъ вотъ какъ это дѣлается, отвѣчали десятскіе: когда мы выроемъ ямы, то подъ столбы кладемъ съ молитвою мѣдныя или оловячныя кресты, а если у хозяина нѣтъ приготовленныхъ крестовъ, то дѣлаемъ ихъ изъ дерева; положивъ въ каждую яму по такому кресту, съ молитвою становимъ столбы, и когда всѣ уже поставлены, то хозяинъ обыкновенно даетъ намъ, вмѣстѣ со всѣми работниками, *вспрыснуть* новое строеніе. Тогда и пойдетъ все дѣло ладно.

«— Ну, такъ и мы теперь тоже сдѣлаемъ, отвѣчалъ я: за

вспрыскиваніемъ дѣло не ставеть. Съ Богомъ приближайтесь, ребята, за работу.

«Общественное вспрыскиваніе придаю новую силу и живость имъ сотрудникамъ. Работа заняла; мѣста, гдѣ ставить столбы, уже были мною напередъ назначены и сдѣланы замѣтки, и тотчасъ за тѣмъ послѣдовало вспрыскиваніе, то есть десятскими и рабочимъ поднесено было по порядочной чепорухѣ вина; потому я приказалъ десятскимъ готовить лѣсъ на середніе столбы, поперечины, перекладины, балки и стропила, а рабочимъ — готовить и ставить колья для плетня. За всѣмъ этимъ я самъ наблюдалъ, указывалъ, гдѣ по размѣру оставлять мѣста для воротъ, также для дверей и оконъ въ баракахъ. Я также смотрѣлъ за десятскими, измѣряя лично саженью длину и толщину избираемыхъ ими деревьевъ. Не видать было какъ прошелъ день: свутники мои сработали гораздо болѣе чѣмъ я предполагалъ; но десятские сказали мнѣ, и самъ я личнымъ освидѣтельствомъ увѣрился, что лѣсу, годнаго на столбы, балки и стропила, будетъ недостаточно; надобно было совершить еще нѣсколько путешествій въ кусты. Хорошихъ деревьевъ по опушкѣ почти уже не оставалось, и я рѣшился по серединѣ всего пространства кустовъ сдѣлать обширную просѣку, такъ чтобы воловьѣ фуры могли безъ затрудненія проѣзжать по ней. Всѣ попавшіяся на просѣкѣ деревья, годныя для строенія, также мѣлкій лѣсъ и хворостъ перевести въ нашъ таборъ, а подсушенный валежникъ брать на дрова и такимъ образомъ очистить и сдѣлать удобнымъ для прѣзда предложенную мною просѣку, съ тѣмъ, чтобъ и впредь, когда понадобится лѣсъ, то, срубивъ въ чащѣ средь кустовъ, вытаскивать на рукахъ на просѣку для перевозки въ таборъ.

«Рано утромъ, оставивъ при строеніи только трехъ человѣкъ для приготовленія намъ обѣда и для тасканія кольевъ и хвороста, а со всею прочею командою моею и воловьими фурами отправился въ кусты. Дорогою опять предстала мнѣ возможность предаться страстно любимой мною охотѣ; попалось множество разной дичины, которой мнѣ удалось настрѣлять вдоволь.

«Но для сдѣланія просѣки среди кустовъ, представилось гораздо болѣе затрудненій чѣмъ я предполагалъ. Вездѣ, гдѣ мы только приступали къ рубкѣ, оказалось такъ много топей и кочекъ, что не только на фурахъ, но и пѣшкомъ пройти было невозможно. Въ пяти мѣстахъ мы начинали дѣлать просѣку и по необходимости должны были оставить; наконецъ уже не въ серединѣ кустовъ,

а съ края нашлось мѣсто нѣсколько посуше, гдѣ мы приступили къ рубкѣ; но прямой просѣки сдѣлать было нельзя, по той же причинѣ. Встрѣчая по прямому направлению множество топей, дорогу надобно было прокладывать извилинами; но зато, продолжая рубку по сухимъ мѣстамъ, мы нашли много годныхъ деревьевъ для нашего дѣла; слѣдуя дагѣе, прорубая и очищая дорогу отъ валежника и сухихъ деревьевъ, мы наконецъ могли свободно ввести наши воловьи фуры, наклали ихъ и возвратились въ таборъ довольно поздно.

Хотя въ эту поѣздку мы нарубили много годнаго лѣсу, что, казалось, было бы довольно достаточно на всѣ потребности для строенія, но мнѣ непрѣнно хотѣлось прорубить и очистить дорогу отъ одного конца кустовъ до другаго. На слѣдующій день, рано утромъ, мы принялись опять за то же дѣло, и чѣмъ дагѣе углублялись въ середину лѣса, тѣмъ болѣе находили деревьевъ годныхъ даже и на порядочное строеніе; сверхъ-того нашли нѣсколько обширныхъ полянъ, на которыхъ росла хорошая трава. Это служило доказательствомъ, что пространство, занимаемое кустами, не есть болото; а что по опушкѣ встрѣчались кочки и топи, то, вѣроятно, это происходитъ отъ множества снѣга, наложеннаго зимою сугробами изъ степи вѣтрами и мятелями, который весною медленно таетъ, отчего лѣтомъ эти мѣста не скоро могутъ высохнуть и топи ежегодно увеличиваются.

Хотя, казалось, мы наготовили слишкомъ много деревьевъ и хворосту, даже болѣе чѣмъ требовалось на все строеніе, однако жъ не успѣли добраться до другаго конца кустовъ; а мнѣ хотѣлось непрѣнно исполнить мое намѣреніе, чтобы сдѣлать дорогу черезъ все пространство этихъ кустовъ. Для этого я назначилъ четырехъ работниковъ и, вступивъ между всѣми ими жеребій, велѣлъ тотчасъ на одной полянѣ сдѣлать для нихъ обширный шалашъ и приказалъ имъ явиться на другой день, рано утромъ, взявъ съ собою для на три или на четыре съѣстныхъ припасовъ, и тотчасъ приступать за дѣло; причѣмъ предупредилъ, что ежедневно буду присутствовать для наблюденія и указанія какъ вести просѣку до самаго конца кустовъ. Такимъ образомъ прошло четыре дня въ производствѣ строенія и въ проложеніи дороги. Между-тѣмъ вѣрный мой напереникъ Санчо-Панса и Панфиловъ не возвращались; но я ни сколько не сомнѣвался въ вѣрности и привязанности ихъ ко мнѣ, также какъ и въ хорошемъ поведеніи, а полагаю, что причиною замедленія было то, что они не могли

найти и закупить все что было приказано мною въ томъ селеніи, гдѣ я оставилъ Панфилова, я, вѣроятно, по необходимости они должны были отправиться на дальное разстояніе въ другія мѣста, для пріисканія всего нужнаго.

«Наконецъ на пятый день къ обѣду присоединился ко мнѣ послѣдній мой резервъ. Я очень обрадовался по многимъ причинамъ, первое и самое главное потому, что явились ко мнѣ два ревностные мои помощники, притомъ же и съѣстные припасы наши начали истощаться, въ-особенности оказывался недостатокъ въ важнѣйшей потребности въ кочевомъ нашемъ житьѣ-бытьѣ, то есть, въ простомъ винѣ; оно веселитъ сердце человѣческое и для русскаго простаго народа во многихъ отношеніяхъ необходимо, да и число работниковъ также и воловыхъ фуръ съ прібытіемъ моего резерва увеличилось.

«Причину замедленія я угадалъ; въ томъ селеніи гдѣ я оставилъ Панфилова, нельзя было закупить все, что было мною приказано и онъ долженъ былъ отправиться на базаръ въ другое большое селеніе верстъ за тридцать въ сторону. Панфиловъ исполнилъ въ точности все, что было мною ему написано; закупилъ все довольно дешево и самъ отъ себя придумалъ купить нѣкоторыя вещи необходимо нужныя, о чемъ я забылъ написать ему, и именно, большія сѣти для ловли рыбы, разные гвозди, пробоя, петли, крючки для строенія, нѣсколько пудовъ каната и веревокъ и пять тачекъ или маленькихъ тележекъ, для возки выкопанной земли. Я благодарилъ его за догадливость и полагая предоставить его наблюденію дальнѣйшее производство строенія съ тѣмъ, чтобы самому заняться обзорѣніемъ и хотя нѣкоторую поверхностною съемкою мѣста, я показалъ ему планъ строенія, мною кое-какъ начертанный, и чтобы лично изъяснить дальнѣйшія подробности, то есть, какъ разгородить баракъ и сарай, гдѣ сдѣлать ворота и прочее, мы пошли съ нимъ вмѣстѣ на строеніе.

«Я самъ удивился, какъ быстро и успѣшно шла наша работа: уже болѣе половины колевъ были поставлены и плетень сдѣланъ. Произведенные мною въ десятскіе, также не лѣнились. Перекладины балки, стропилы уже болѣею частію были подготовлены и прилажены, но по общему совѣщанію нашему съ Панфиловымъ, признали мы необходимымъ обратить преимущественное вниманіе на скорѣйшее устройство землянки и сдѣланіе въ ней печки для печенія хлѣбовъ и приготовленія квасу. Тотчасъ

приступилъ онъ къ этому съ работниками прибывшими съ нимъ. Землянка назначалась только на первый случай для кухни съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи времени когда поставится плетневая настоящая кухня, то эту землянку обратить въ баню. Она уже была прежде начата, надобно было только пораспространить ее и сложить печь: кирпичъ былъ привезенъ, въ глинѣ и пескѣ не было недостатка: въ горѣ, на противоположномъ берегу плесса, гдѣ былъ учрежденъ нашъ таборъ, я въ томъ и въ другомъ было большое изобиліе. Двое изъ нашихъ работниковъ сами вызвались сложить намъ обыкновенную крестьянскую печь. Я обѣщалъ имъ и денежную награду и вина вдоволь.

«Еще повторить должно: добрымъ словомъ и пріятливостью именно можно подвинуть русскаго человѣка къ невѣроятнымъ усиліямъ, въ-особенности когда онъ увидитъ, что занимаются хорошимъ его содержаніемъ и доставленіемъ возможныхъ средствъ къ подкрѣпленію бодрости и врожденной въ него веселости. Я на самомъ опытѣ увѣрился въ этомъ. Работа у насъ кипѣла; землянка съ печкою поспѣла очень скоро; испеченный въ ней жезлю Панфилова, первый хлѣбъ распространилъ какую-то особенную радость между моими спутниками. Тоже самое повторилось, когда поднесли имъ приготовленный въ той же землянкѣ квасъ, похожій впрочемъ болѣе на любимую русскими крестьянами брагу чѣмъ на квасъ. Я очень былъ благодаренъ Панфилову, что онъ догадался купить порядочный запасъ хмѣлю нужнаго для браги.

«Между-тѣмъ какъ подъ наблюденіемъ Панфилова шло дальѣйшее производство строенія, я приступилъ къ предположеннымъ мною испытаніямъ свойства здѣшней земли, но прежде всего, велѣлъ привезенныхъ ко мнѣ дворовыхъ утокъ и гусей пустить въ плессъ: имъ было тамъ большое приволье и черезъ нѣсколько дней замѣтилъ я, что дикія утки и гуси удалившіеся при нашемъ поселеніи на берегу плесса постепенно опять начали собираться, увидѣвъ, что дворовые сотоварищи ихъ безопасно плаваютъ на плессѣ. Я строго запретилъ не только убивать, но и пугать ихъ, и вскорѣ появилось опять множество дичины.

«Для испытанія, годится ли грунтъ земли для произрастенія разныхъ сѣмянъ хлѣба и овощей, я отдѣлилъ двухъ работниковъ и самъ, пригласивъ также камердинера моего кума Матвѣя, взялъ заступъ. Мы окопали прежде всего довольно глубокимъ ровомъ пространство земли около полу десятины; устроивъ такимъ обра-

зои́ опытный нашъ хуторъ или огородъ, выковырляя кобы́и́ землю и посѣявъ разныя сѣмена хлѣба и овощей привезенныхъ Панфиловымъ; причемъ я также былъ ему благодаренъ, что онъ догадался купить сѣмена табаку, который, какъ я прежде считалъ, хорошо родится въ здѣшнемъ краю и составляетъ значительную отрасль доходовъ поселенъ.

«Сдѣлавъ эти опыты и увидѣвъ, что строеніе наше быстро выигрывается впередъ, я обратилъ вниманіе Панфилова на заблаговременное заготовленіе камыша нужнаго для крыши нашего зданія, а самъ приступилъ къ распоряженіямъ о свершеніи предполагаемаго мною обзрѣнія и поверхностной съемки степи. Все нужное для правльнаго измѣренія земли привезъ я съ собою, какъ-то, астролябію, цѣпь съ колушками, и прочее. Но взявъ съ собою инструменты, имѣлъ я въ виду отыскать въ степяхъ и измѣрить только слѣдующія пять тысячъ десятинъ, но теперь предлежало все право надѣяться, что я могу переселить безземельныя мои четыреста душъ, не только безопасно, но съ личною для себя выгодною и сверхъ-того приступить къ заведенію обширнаго скотоводства, въ особенности меринсовъ, отъ которыхъ можно ожидать доходу гораздо болѣе чѣмъ отъ хлѣбопашества, и, для приведенія всѣхъ моихъ предположеній въ исполненіе, предусматривалась возможность посредствомъ покупки правъ у многихъ лицъ, которымъ пожалована земля, увеличитъ земляную дачу мою до двадцати, тридцати и даже до сорока тысячъ десятинъ, то есть, продавъ землю оставшуюся послѣ переселенія моихъ крестьянъ и употребивъ другіе способы, о которыхъ я упоминалъ прежде.

«По всѣмъ этимъ соображеніямъ предстояло мнѣ обзрѣть степь на значительномъ пространствѣ, и, для измѣренія по правиламъ геодезій и посредствомъ астролябіи, потребовалось бы слишкомъ много времени; словомъ, я рѣшился начать обзоръ мой прямыми линіями и назначилъ начальный пунктъ, отъ самаго нашего табора, по степной рѣчкѣ, на двадцать верстъ длины, потомъ остановиться на этомъ разстояніи и поставить для замѣтки большой шестъ съ пучкомъ ковыля, повернуть и пройти поперечнику также двадцать верстъ. Тутъ поставить другой шестъ, также съ пучкомъ ковыля для замѣтки, пройти еще двадцать верстъ длиннику и кончить поперечникомъ съ другой стороны еще на двадцать верстъ. На этомъ квадратѣ имѣющемъ со всѣхъ сторонъ по двадцати верстъ, предполагать можно было по поверхностному соображенію тысячу тридцать десятицъ, а можетъ-быть и

болѣ или менѣе, смотря по мѣстному положенію. Очень будетъ жаль, если въ этомъ квадратѣ не попадетъ мѣсто, на которомъ учрежденъ теперь мой таборъ, потому что оно мнѣ очень нравится, и въ воспоминаніе того, что на немъ открылась мнѣ первая надежда, что я не ошибся въ предположеніяхъ и что идеалъ мой можетъ осуществиться, очень бы мнѣ хотѣлось имѣть это мѣсто въ своемъ владѣніи. Впрочемъ, при измѣреніи послѣдняго поперечника можно будетъ нѣсколько искривить прямую линію, затѣмъ чтобы замежевать это мѣсто въ мое владѣніе. При измѣреніи на пространствѣ съ каждой стороны по двадцати верстѣ, волатагъ я достаточнымъ ограничиться съемкою на бумагу извилинны степной рѣчки, по теченію которой мы пойдемъ двадцать верстѣ и сверхъ-того замѣтить на бумагѣ и лично осмотрѣть овраги впадающіе въ рѣчку. Это необходимо было нужно для дальнѣйшихъ соображеній, какую пользу можно извлечь, запрудить часть этихъ овраговъ для водопоя скота, а можетъ-быть и для устройства скотныхъ дворовъ или отдѣльныхъ хуторовъ.

Для предполагаемаго мною поверхностнаго обозрѣнія и измѣренія степи предлежало употребить не менѣе четырехъ дней, такъ, чтобы ежедневно проходить по двадцати верстѣ. Распоряженія мои заключались въ томъ, что изъ числа веревокъ привезенныхъ Панфиловымъ, отмѣрять я сто сажень, велѣлъ приготовить нужное количество колышковъ, такъ, чтобы отмѣривъ отъ одного колышка до другаго сто сажень, снимать веревку и такъ продолжать далѣе; пройдя же версту ставить на случай повѣрки небольшую вѣху; а свершивъ все пространство двадцать верстѣ поставить высокую, крѣпкую вѣху съ пучкомъ ковыля, для чего избирать, ежели откроется возможность, какое-нибудь возвышеніе, такъ чтобы вѣху можно было видѣть изъ нашего табора. Впрочемъ все это былъ планъ мой, а приступя къ дѣлу можетъ быть откроется, что по мѣстному положенію надобно бы было распорядиться совѣмъ иначе. Во всякомъ случаѣ отсутствіе изъ главной моей квартиры, должно было продолжиться не далѣе четырехъ дней, потому что я располагалъ ежедневно утромъ до обѣда, измѣрять десять верстѣ, потомъ пообѣдать и, отдохнувъ, окончить остальные десять верстѣ и останавливаться для ночлега съ тѣмъ, что ежели останется свободнаго времени до ночи, то проѣхать мнѣ одному за линію измѣреннаго уже длинника или поперечника еще далѣе нѣсколько верстѣ, для личнаго освидѣтельствованія положенія и свойства оставшейся за моею линіею степи. Но еще повторяю, всѣ эти предположенія были

мною составлены на мѣстѣ, а что можетъ случиться при исполненіи, предвидѣть нельзя, и потому, слѣдуя пословицѣ: «ѣдешь на день, а запасай хлѣба на недѣлю,» я приказалъ взять провизіи для себя и для спутниковъ мопхъ дней на пять или на шесть. Впрочемъ брать съ собою большую свиту, я не находилъ нужнымъ, тѣмъ болѣе, что у меня было всего только четыре верховыя лошади: изъ нихъ двѣ нужны для меня и для моего Санчо-Пансы, слѣдовательно болѣе двухъ работниковъ мнѣ и взять съ собою было нельзя. Для подъема съѣстныхъ припасовъ, дровъ, вѣхъ, кольевъ и бочекъ для воды, достаточно было двухъ воловыхъ фуръ съ чумаками; бричка же моя на тройкѣ ѣзжалыхъ лошадей назначалась замѣнить палатку для отдыха и сна въ ночь. Кучеръ мой долженъ былъ находиться безотлучно при лошадяхъ и сверхъ того исправлять званіе повара для меня съ компаніею. На Санчо-Пансу, съ прикомандированными къ нему работниками, хотѣлъ я возложить обязанность измѣренія веревкою: это думалъ я распорядить такимъ образомъ, что, воткнувъ колышокъ съ первоначальнаго пункта и привязавъ къ нему одинъ конецъ веревки, Санчо-Панса долженъ съ остальною веревкою ѣхать рысью на разстояніи ста сажень, потомъ остановиться, и привязавъ веревку къ другому колышку, махнуть рукою работнику, чтобы онъ снималъ съ того-колышка веревку и ѣхалъ бы къ нему также рысью, а Санчо-Панса, принявъ отъ него конецъ той веревки, обязанъ ѣхать опять рысью еще вновь сто сажень, и такимъ образомъ продолжать далѣе; отмѣривъ же пять сотъ сажень, то есть, версту, воткнуть шесть и дожидаться меня. А я между-тѣмъ, слѣдуя за ними, хотѣлъ дѣлать съемку, на бумагѣ, мѣстоположенія, по направленію степной нашей рѣчки, осматривая вмѣстѣ съ тѣмъ входяшіе въ эту рѣчку овраги и вершины и проѣзжать по нимъ сколько можно далѣе, для свидѣтельствованія, какой по тѣмъ оврагамъ и вершинамъ грунтъ земли, то есть, болотистой ли или сухой, не растутъ ли въ нихъ какіе-либо кусты, или нѣтъ ли песку или камней и признаковъ ключевой воды, и на какомъ они между собою разстояніи; по измѣреніи же вершинъ подѣхать къ моимъ землемѣрамъ, сдѣлать повѣрку съемки моей и окончательно отмѣтить на бумагѣ число и разстояніе овраговъ, вершинъ, и ручейковъ, впадающихъ въ рѣчку; означивъ вмѣстѣ съ тѣмъ для памяти, который оврагъ крутой, или отлогой. Каждому изъ тѣхъ овраговъ хотѣлъ-было я дать особое названіе, но это слишкомъ бы меня затруднило, и на первый случай я думалъ означить ихъ только нумерами, съ тѣмъ, что

когда я рѣшусь сдѣлать въ этихъ мѣстахъ поселеніе, тогда дамъ каждому оврагу и вершинѣ приличное прозваніе.

«Составивъ такимъ образомъ планъ предполагаемаго мною обзора и измѣренія степи, назначилъ я походъ моей экспедиціи на другой день рано утромъ. Съ вечера были навьючены двѣ воловьѣ фуры приготовленными заблаговременно шестами, вѣхами, колышками, сухими дровами, полостями для временныхъ шалашей моимъ спутникамъ и нужнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, то есть, вѣсколыми печеными хлѣбами, крупю, масломъ, свинымъ саломъ, ветчиною, солью и порядочнымъ боченкомъ съ простымъ виномъ, а для питья съ водою, штофомъ уксусу, потому что квасу взять съ собою было невозможно; сверхъ-того, на случай холодныхъ утренниковъ, или простуды отъ спанья ночью на сырой землѣ, хотѣлъ, я сходно съ прежнимъ моимъ предположеніемъ, повѣть моихъ спутниковъ сбитнемъ съ перцемъ, для чего и велѣлъ взять нужное количество меду, перцу и мѣдный чайникъ. Все это можно было помѣстить на одной фурѣ; но, имѣя въ виду, что можетъ-быть во время странствованія моего по степямъ углублюся я въ такія мѣста, что не найду воды, ни для себя и компаніи моей, ни для лошадей и воловъ, я велѣлъ положить на каждую фуру по большому боченку съ водою, съ тѣмъ чтобы на всякой случай имѣть ее всегда въ запасѣ и не встрѣтить въ этой необходимой потребности непріятнаго и тягостнаго недостатка.

«Что жъ касается до собственной моей пищи, то въ бричку свою велѣлъ я положить все нужное, какъ то, самоваръ, погребецъ въ вѣсколыко бутылокъ мадеры, рому и бѣлаго столоваго вина, окорокъ хорошей ветчины, почти цѣлый кругъ швейцарскаго сыра, вѣсколыко копченыхъ и высушенныхъ дикихъ гусей, утокъ, стрепетовъ, зайцовъ; сверхъ того достаточное количество сухаго буліону, прежняго запаса, и еще вновь сдѣланнаго изъ застрѣленной мною дичины. Впрочемъ, я надѣялся, что во время путешествія моего попадется мнѣ опять такъ много дичины, что и для меня и для спутниковъ моихъ будетъ достаточно.

«На кавунѣ выступленія моего въ походъ, толковалъ я долго начальнику моего поѣзда, Панфилову, какъ въ отсутствіи моемъ продолжать работу, показывалъ гдѣ и какъ сдѣлать ворота въ сараѣ и перегородки въ баракахъ, гдѣ именно поставитъ также плетневой сарай для кухни; разиѣрялъ, гдѣ и какъ класть печку и очагъ и какъ устроить въ землякѣ баню: при чемъ замѣтилъ

ему также и то, что колья для плетня уже вездѣ разставлены, да и самый плетень приближается къ концу, и къ довершенію нашей работы осталось только положить перекладины, балки и стропила, но и то все уже подготовлено; слѣдовательно, окончивъ плетень, можно большую часть работниковъ употребить для выкладки на воловьѣ фуры и подвоза къ строенію приготовленнаго уже по берегамъ плесовъ и высушеннаго камыша для крыши; и затѣмъ, ежели время позволитъ и фуры будутъ свободны, отправить ихъ въ кусты, для перевозки оттуда срубленныхъ на просякъ деревьевъ, хвороста, и лежащаго на устроенной нами дорогѣ валежника.»

=

Т:
іъ

ЗАМОСКОВНАЯ ДЪТОШИСЬ

О НАШИХЪ ЖЕНСКИХЪ ДЪЛАХЪ, И О ДРУГИХЪ

=

КНИГИ ПЕРВЫЯ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

IX.

Пусть читатель перенесется въ свальню Грулевой, пусть полюбуется на эту чудесную Ольгу. Черные глаза блестятъ какъ брилліанты, на губахъ улыбка полная совершеннаго, невозмутимаго счастья и, время отъ времени, эти коралловыя, подернутыя роскошной нѣгой губки страстно дѣлуютъ.... что такое?... ничего! перуреть.... тотъ самый портретъ, которому суждено было играть столь важную роль въ судьбѣ другой Ольги.

— Послушайте, сударыня, не отнести ли мнѣ тенора? Благо Григорій Ивановичъ-то долге не вернется. Давайте-ка-съ!

— Нѣтъ, корнвалла, постой! Еще успѣешь; жаль расстаться!... и Ольга опять принималась дѣловать и любоваться.

— И, матушка, не надолго расстанется! Въ Питерѣ-то, чай, какихъ мастеровъ нѣтъ....

— Больше двухъ мѣсяцевъ, корнвалла, надо ждать. Два
Т. ХОН. — Отд. I.

мѣсяца самый короткій срокъ. Скучно мнѣ будетъ, я такъ привыкла любоваться на моего милаго, чудеснаго Николая. Не правда-ли, какой онъ красавецъ, Настя?...

— Хорошъ-то хорошъ! да все не будетъ супротивъ тебя, моя сударыня; ты вѣдь красное солнышко, что твой ясный мѣсяцъ!

Ольга улыбулась.

— Я знаю, что ты меня очень любишь, сказала она.

— Еще бы не любить! Вѣдь своимъ молокомъ вскормила, сама вынянчила, ты вѣдь словно дитя мое родное!

Ольга опять улыбулась. Она подумала въ эту минуту, что пріятно быть любимой, очень пріятно. Безъ Николая и Насти, этихъ двухъ существъ, предназначенныхъ и преданныхъ ей до безжизненности, имхо бы принялась Ольга. Одинъ доставлялъ ей счастье, блаженство жизни, другая охраняла безопасность этихъ благъ. Благодаря преданности и хитрой смышленности Насти, любовь Ольги была прикрыта непроницаемымъ покровомъ. Настя была искусница въ дѣлахъ такого рода. Красивая и бойкая женщина, она въ молодости, по коренному обычаю нашей стороны, сперва водила за носъ своего мужа, а потомъ дружокъ мужчинъ, и теперь еще любила похвастать множествомъ поклонниковъ. «Этого добра не оберешься!» говорила она: такъ и сохнутъ, окаянные, отъ любви, какъ трава на болотѣ въ лѣтнее время!» Обожая молочную дочь, Настя ненавидѣла ея мужа за его киргизскія обращеніе съ такими «авгезыками», и, видя, съ какою грустью, тоскою, она не переставала, до старости въ Даманоскннхъ, соображать вѣселие своей влюбленной тещи! — для старости! — чтобы душѣ было теплѣе — на ял анно-дисневу маракению.

Ольга слушала и улыбалась. Неужели прятать отъ тещи, чтобы душѣ было теплѣе, надежда души мерзнуть на ледовитомъ морѣ безотрадной жизни?... да страшно кита, поверьшь плавать и окаркасть окомоватъ.

— Бѣдось, Настя! говорила она, дружка при одной мысли о ревности грознаго мужа, который, не думая внушить жонѣ любовь къ себѣ, преслѣдовалъ волкомъ дамарию ея тещи въ сторону отъ своихъ притязаній на званіе едеде.

И надо замѣтить, замечательнѣе, что по крайтай-цѣрѣ половина мужчинъ, считающихъ себя красавцами, полежа въ этомъ отношеніи на несомнаго господина Грулева. Потому что былъ ростомъ съ мамонта, онъ воображалъ себя Аполло-

ноги: но мужикомъ понятнѣе о мужской красотѣ этого и не могло быть иначе, и какъ притомъ жгуче-гордые государи наши вообще удивлены, что передъ красивымъ мужчиною всякое женское сердце таетъ непреодолимое, такъ, что намъ, кромѣ ихъ наружности, болѣе ничего и не нужно для любви и счастья, то и не мудрено, что имѣете эти возмечтавшіе о своей воображаемой прелести приводить въ бѣшенство просто изъ одного невообразимаго злеще-завида, когда видятъ или подозреваютъ, что та, которая «обязана» любить ихъ, не стоитъ на колѣняхъ къ обожанію передъ ними. Какъ я объясняю себѣ ревнивецъ безъ любви — явленіе странное — но все же рѣдкое. Иначе, я не понимаю тѣхъ же: труда, который принимаютъ они ревновать, но помысливъ удовольствія любить мучительно! Словомъ Ольга говорила: — Некося, боюсь, Настя!...

— Я, мать ты моя родная! а я-то у тебя на что!... Мужа только бояться не надо, такъ онъ станетъ бояться тебя и, вѣнхуй, какъ-разъ влюбится въ тебя.... притихнетъ.... станетъ такой смирный, такой послушный!... Я видѣла это знаю по опыту. Не въ хвостовство тебѣ сказать, былъ-то и у меня муженекъ презлой, вредоносный; да я имъ такъ повернула.... Ну, ужъ будетъ онъ почитать меня и на томъ свѣтѣ!.. Поажни имъ только, что боишься ихъ!... Бѣда! Влюбись, матушка, въ кого-нибудь..., по моему слову.... хоть на страхъ мужу.... Увидишь, какъ онъ перенугается... какъ станетъ деликатень....

Отважная Настя была истиннымъ кладомъ для женщины бояливой и запуганной мужемъ тираномъ. Невозможно себѣ представить какъ ловко и какъ искусно прикрывала она любовь Грулевой къ Долоновскому, какъ проворно доставляла имъ возможность свиданій. Письма передавались по особенному способу, ею же придуманному. Когда Ольга увидѣла ее о скоромъ приездѣ Долоновскаго, который писалъ на имя Насти, она тотчасъ отправилась къ Григорію Ивановичу и повалилась ему въ ноги.

— Что тебѣ, Настя? спросилъ Грулевъ.

Она указывала собственное благополучіе Настѣ. Хитрая женщина притворилась преданною ему до безконечности, и часто въ его присутствіи читала правоученія Ольгѣ Александровнѣ а темъ какъ она обязана любить и почитать суженника.

— Я къ вашей милости, Григорій Ивановичъ! Не откажите отецъ родной! и Настя опять бухъ въ ноги.

— Говори же, моя милая, чего ты хочешь?

— Извѣстно вамъ, чай, али нѣтъ, что я, сударь ты мой, прачка пресотличная!

— Ну, что-жь изъ этого?

— А вотъ что-съ. Шитьемъ заниматься не могу, глаза злежи стали, а сложа руки сидѣть терпѣжь не бареть. Позовельте мнѣ, батюшка, по чужимъ людямъ бѣлье тонкое стирать. Всего денька два въ недѣлю, часокъ какой-нибудь другой, вамъ безъ убыли, а мнѣ въ прибыль.

— Оно бы ничего, сказалъ Григорій Ивановичъ, да ты сама знаешь, весь домъ у тебя на рукахъ: какъ же ты будешь отлучаться?

— Да я сюда буду брать, отецъ родной!

— Ты хочешь въ домъ прачешную завести? Да ты весь дворъ тряпками займешь!

— И, батюшка, какія тряпки! Стану я тряпками руки марать! Я только самую деликатность, манишечки, платочки, чепчички....

«Честная душа! подумалъ Григорій Ивановичъ: другая бы, не спросясь, тихонько стирала бы моими дровами и мочью мыломъ. — Хорошо, Настя, занимайся! примолвлялъ онъ съ благосклонной улыбкой.

И вотъ Настя, искусная прачка въ самомъ дѣлѣ, еще до приѣзду Долоновскаго имѣла практику въ нѣсколькихъ домахъ. Долоновскій, по совѣту Ольги, также препоручилъ искусству Насти свои манишечки и платки. Относя ему бѣлье, она отдавала и брала записки, и, благодаря этой мудрой мѣрѣ кормилицы, корреспонденція шла дѣятельно и безопасно.

— Ну, что, наглядѣлась, моя сударыня? спросила Настя, воротившись черезъ нѣсколько времени.

— Хорошо, ступай кормилица! сказала Ольга, все еще не сводя глазъ съ портрета. Поди одѣнься, а я между-тѣмъ приготавливаю браслетъ.

— Что же сказать Николаю Петровичу?

— Я ужъ ему написала, а ты скажи только, чтобы онъ приказалъ задѣлать покрывце. Портретъ былъ дурно прикрѣпленъ.

— Осторожнѣе надо поступать, сударыня! А то, какъ не сломаться!... то и дѣло все въ ручкахъ вертите....

Настя ушла принарядиться. Ольга полюбовалась еще съ минуту на милыя черты возлюбленнаго и уже приводилась съ своего мѣста, чтобы вынуть изъ шкатулки сломанный браслетъ, какъ вдругъ сильная рука, рука желѣзная, знакомая, сзади выхватила у ней злополучный портретъ. Пораженная точно ударомъ кинжала Ольга упала въ кресла, обротно, закрывъ вѣки. Она до-того испугалась, что, убитая, уничтоженная, въ первое мгновение не нашла въ себѣ силы встрѣтить страшное лицо мужа. Нѣсколько минутъ, минутъ ужасныхъ, молчаніе не прерывалось. Наконецъ Ольга медленно подняла голову; мужъ стоялъ передъ нею въ театральномъ положеніи Тирана Чадуанскаго — du tyran Pas-doux. Облокотившись одною рукою о столъ, Грулевъ держалъ въ другой рукѣ, живописно протянутой, портретъ Долоновскаго. Глаза метали искры, губы дрожали, лицо горѣло, мозгъ находился въ одномъ изъ тѣхъ страшныхъ припадковъ бѣшеннаго броженія, которые столько разъ заставляли трепетать жену, даже невинную. Теперь смертный холодъ разлился по ея жиламъ; она походила на преступника, надъ головою котораго уже занесенъ топоръ. Но вдругъ, подобно погибающему, который на краю бездны, въ волнахъ моря, на-волосъ отъ смерти, собираетъ въ себѣ послѣдній остатокъ средства и рѣшается на сверхъестественное усиліе, она встрепенулась, и надменно подняла голову.

— Чтѣ это значить? сказала она. На васъ страшно смотрѣть! Вы подкрадываетесь ко мнѣ.... подстерегаете меня?... Вы мнѣ ломаете руки?.... Благородно ли это?

Грулевъ, не говоря ни слова, указалъ на портретъ.

— Чтѣ жъ! вы не узнаете кто это?... Такъ я вамъ скажу.. Это Долоновскій.... Николай Петровичъ.

— И вы смѣете?... вы имѣете дерзость?... вы еще насмѣхаетесь надо мной, сударыня?... заревѣлъ Грулевъ, съ гнѣвомъ бросивъ портретъ въ другой уголъ комнаты.

— Ахъ, Боже мой! чтѣ это вы сдѣлали? вскричала Ольга. А если вы разбили портретъ? Чтѣ скажу я Долоновскому?..

И она вскочила съ кресла и побѣжала за портретомъ.

Грулевъ предупредилъ: онъ схватилъ жену, не допустилъ ея, и самъ поднялъ портретъ.

— Скажите, пожалуйста, чтѣ это вы дѣлаете?... растолкуйте!.... право, вы не въ своемъ умѣ!.... оставьте меня!...

отдайте.... чужая вещь.... надо возвратитъ въ кѣлести.... говорила Ольга, вырываясь изъ рукъ мужа.

— Возвратитъ?... зачѣмъ вамъ возвращать?... подарки такого рода не возвращаются.... они хранятся далеко, глубоко, въ запыленной шкапулкѣ, или носятя на сердцѣ.... возвратитъ!.... хорошо!... Знаю я эти штуки.... теперь улика въ моихъ рукахъ.... вы меня не проведете.... кричалъ Грулевъ, воссламеняясь болѣе и болѣе по мѣрѣ словъ, и простирая безцѣлность до употребленія выраженій, неслыханныхъ въ порядочномъ домѣ и не писанныхъ въ лѣтописяхъ благовѣститанныхъ семействъ.

Для чести всего сословія мужей, я не повторяю этого знаменитаго монолога—не рѣшаюсь—рука моя не поднимается на такія слова—перо не начертитъ такихъ наглостей. Этотъ человѣкъ, который всѣмъ обязанъ былъ своей жонѣ, прекрасной, умной и богатой, который ничего не принесъ ей за собой въ приданое, не только того значенія въ свѣтѣ, на которое она по роду своему имѣла полное право, но даже и самой пошлой, самой дешевой вещи въ домашнемъ обиходѣ, любви супружеской, этотъ человѣкъ разилъ ея гордость самыми мерзкими упреками, обижалъ въ ней достоинство женщины и человѣка самую унижительною бранью: онъ грозилъ, метался, гремѣлъ, представлялся несчастной жертвою, смѣлъ даже говорить о своемъ «великодушіи» и о «благодарности» угнетеннаго существа, которое онъ будто бы прирѣлъ, облагодѣтельствовалъ и возвысилъ!... Полъ трещалъ подъ его топаніемъ, окна дрожали отъ шуму, стулья валялись и ломались, оторванные куски батисту и тюлю пролетали по воздуху. Просто, ужась!....

Ольга сначала плакала—потомъ окаменѣла и, безчувственно, слушала всю эту грозу изступленнаго тщеславія — наконецъ, когда буря стихла на мгновеніе, она встала и бояливо подошла къ мужу.

— Вы кончили? сказала она: ну, слава Богу!... не въ первый разъ вы обижаете меня безвинно и не въ послѣдній.... Я не хочу возражать вамъ, на незаслуженные упреки, упреками быть-можетъ менѣе несправедливыми и оставляю на вашей совѣсти это обращеніе со мною.... которое.... не ручаюсь.... буду ли я долго сносить подъ этою кровлею.... Вы хотите дѣйствовать на меня страхомъ.... но.... при всей пугливости, я когда-нибудь могу, дрожа передъ вами, вспои-

нить, что мнѣ дрожать ничего и не нужно, и что я имѣю средства жить независимо, въ тишинѣ и спокойствіи.

Этого-то Грудевъ и страшился болѣе всего! Онъ вспыхнулъ еще хуже. Возобновившаяся буря была такъ яростна, рѣчи—такъ крупны, угрозы—такъ свирѣпы, что Ольга совершенно потерялась. Она треметала.

Грудевъ хотѣлъ разломать въ куски портретъ.

Она вскочила и кинулась обѣими руками на драгоценную собственность.

— Не ломайте!.... не ломайте!.... говорю вамъ, что это чужая вещь.... она мнѣ только вѣрена.... я должна сейчасъ отослать ее....

— Не чужая, а ваша!.... я вижу подпись.... *Моей Ольгѣ*... глаза мои еще довольно хороши, чтобы разобрать эти подлости, какъ-бы мелко онѣ ни были прописаны.

— Да развѣ я одна Ольга на свѣтѣ?

— Не одна, а именно та, которая нужна портрету, или которой онъ нуженъ. Чтѣ это за хитрости? Кого хотите вы обмануть? Зачѣмъ портрету, принадлежащему другой Ольгѣ, находится у васъ? Другая Ольга не дала бы вамъ. И Долоновскому съ какой стати повѣрять вамъ свои интриги... Это противно здравому смыслу!

— Интриги?.... какое слово!.... если вы не умѣете уважать жены своей, говорите же по-крайней-мѣрѣ съ большимъ уваженіемъ о другѣ, отъ котораго мы еще не испытали ничего кромѣ ласкъ и одолженій.... чѣму безкорыстному, благородному ходатайству вы обязаны даже....

— Я убью его!.... вмѣстѣ съ вами!...

— За чтѣ?

— За дерзость, которую онъ принялъ.... изготовить этотъ подарокъ....

— Для своей невѣсты?...

— Для невѣсты?! это чтѣ за новость?... Гдѣ у него невѣста?... Никогда не говорилъ онъ о намѣреніи жепиться. Никогда рѣчи не было объ его невѣстѣ?... Гдѣ она?... Въ Петербургѣ?... въ Москвѣ, чтѣ ли?... Зачѣмъ же онъ ее оставилъ и пріѣхалъ служить сюда?... Здѣсь ли нашелъ онъ ее?

— Здѣсь! твердо отвѣчала Ольга.

— Какъ здѣсь!.... Не правда!.... вы лжете!.... Кто она такая?....

— Я не имѣю права прежде времени объявлять эту тайну. Я дала слово.

— Я требую!.... Это вздоръ!.... ваша выдумка!.... старая продѣлка! Я хочу знать....

— Повремените.... онъ вамъ скажетъ.

— Я хочу знать сейчасъ же! закричалъ Грулевъ, такъ страшно топнувъ ногою, такъ люто посмотрѣвъ на Ольгу дикими, сверкающими глазами, такъ судорожно сжавъ огромные, угловатые кулаки, что и каменная статуя Мемнона, которая нынче, какъ я слышала, только глухо звучитъ среди ячменнаго поля, заговорила бы внятно отъ боли и испугу, закричала бы съ отчаяніемъ подобно подсудимому, у котораго пытка исторгаетъ ложныя показанія.

— Ольга Менкова.... произнесла несчастная жена такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ-будто въ груди у ней лопнула главная артерія и сердце потонуло въ крови.

— Кто-о-о? протяжно промычалъ носорогъ.

— Ольга Менкова.... Ольга Константиновна.... онъ думаетъ жениться на ней.... онъ уже рѣшился.... это еще — ихъ тайна, лепетала пугливая газель, становясь смѣлѣе послѣ перваго слова, которое стоило ей такого мучительнаго усилія.

— Долоновскій женится на Ольгѣ Менковой?.... какъ это можетъ быть?.... спросилъ свирѣпый супругъ, отъ ярости перешедшій къ удивленію, въ которомъ однако жъ уже не заключалось рѣшительной недовѣрчивости.

— Да! на Ольгѣ Менковой! прибавила она твердымъ голосомъ. Ольга Менкова ему нравится.... онъ влюбленъ въ нее.... Чтò жъ тутъ удивительнаго?.... вы сами были отъ нея въ восхищеніи!... вы находили ее чрезвычайно граціозною.... прелестною....

— Находить прелестною... сказалъ Грулевъ, полу-смущенный: но жениться!.... Она ему не партія.

— Мнѣ тоже показалось это намѣреніе нѣсколько страннымъ.... сказала Ольга: но, вы знаете Николая Петровича... великодушіе—его слабость.... онъ желаетъ изъ себя и своего состоянія сдѣлать благодѣяніе для какой-нибудь бѣдной дѣвушки, счастье для всего ея семейства, отъ котораго требуетъ онъ только честности и безпорочнаго имени. Онъ избралъ Ольгу Менкову.... которая.... какъ я примѣтила.... въ тайнѣ обожаетъ его.... полюбилъ ее.... и, кажется, объ-

яснился уже съ отцомъ.... О помолвкѣ ихъ вскорѣ будетъ объявлено.... но еще есть какое-то затрудненіе.... все займись отъ одного обстоятельства, котораго онъ не сказываешь.... Боже мой! зачѣмъ вы заставляете меня говорить все это!... я нарушаю чужія тайны.... и мое торжественное обещаніе.... ихъ счастье можетъ-быть разстроено по случаю моей нескромности....

Ольга опустила на диванъ и залилась горькими слезами. Она не могла болѣе выдержать; силы ей измѣнили. Всѣ послѣдствія лжи, на которую она отважилась въ минуту отчаянія, вдругъ представились ея воображенію и она, несмотря на присутствіе мужа, ломала въ отчаяніи руки, задыхалась отъ рыданій.

Грулевъ подошелъ и взялъ ее за руку.

— Не плачь, мой другъ!.... о чемъ тутъ плакать? сказалъ онъ равнодушно.

— О чемъ плакать!.... послѣ того какъ вы довели меня до низости?.... послѣ такой сцены?.... Господи! какъ я несчастна!....

— Успокойся!.... ничего!.... пустяки!.... мужу сказать можно все.... даже должно....

— Тайну, до него не касающуюся и ввѣренную вашей честности?.... исторгнутую быть-можетъ моимъ нескромнымъ любопытствомъ и отданную подъ поручительство моего честнаго слова?....

— Ну, чтѣ же!... я не измѣню тебѣ.... не скажу никому ни слова, если это — такая важная тайна.... Перестань плакать .. ты сама виновата: Долоновскій приходитъ къ тебѣ сегодня такъ рано.... въ мое отсутствіе.... лишь-только я со двора, онъ — тутъ, и прямо — къ тебѣ, ... ко мнѣ и не заглядываетъ .. даже и не спрашиваетъ обо мнѣ.... я вдругъ вхожу и застаю тебя съ его портретомъ въ рукахъ.... какъ?... для чего?... съ какой стати?... согласишься, что это подозрительно!....

Ольга снова испугалась.

— Долоновскій приходилъ ко мнѣ посоветоваться насчетъ оправы этого портрета, поговорить о своей избранной, объ ихъ предначертанномъ бракѣ, объ ихъ будущемъ счастьи, быстро примолвила она. Онъ имѣетъ ко мнѣ довѣріе, уважаетъ мою дружбу и мои разсужденія.... Тутъ даже нѣтъ ничего мудренаго! Мужчины въ такихъ случаяхъ чувствуютъ необходимость, и любятъ бесѣдовать о своей судьбѣ съ

Женщинами, которыхъ умъ и понятія кажутся имъ основательными, то есть, которыя умѣютъ ловко разгадать ихъ и, своей испытанной скромностью, не подвергаютъ ихъ планъ ни какой опасности....

— Оно такъ!... примолвилъ Грулевъ съ видомъ человека, который ищетъ оправданій для себя, и не оставляетъ допрашивать своего противника, чтобы придратъся еще къ чему-нибудь и обвинить его: да зачѣмъ же онъ оставилъ этотъ портретъ у тебя?... зачѣмъ ты такъ пристально на него глядѣла?...

— Я хотѣла хорошо рассмотреть живопись и эту чудесную оправу.... и послать черезъ Долоновскаго въ Петербургъ, къ тому же живописцу, свой огромный медаліонъ, съ тѣмъ чтобы такъ же уменьшили твой портретъ и такъ же оправили его.... Мнѣ вздумалось носить твой портретъ всегда.... вотъ въ этомъ браслетѣ ...

Она указала на первый браслетъ, который увидала на своей рукѣ.

— Оленька, другъ мой!... возможно ли?... ахъ, какая ты милая!... право, можно извинить меня!... вскричалъ искусно укрощенный носорогъ, бросаясь къ жещѣ, какъ всегда послѣ подобныхъ исторій, съ притворными и, слѣдовательно, безконечными ласками. Это... изъ любви къ тебѣ!... Я тебя обожаю, и.... сама подумай!... вхожу.... у тебя въ рукѣ портретъ чужаго мужчины: это хоть кого можетъ сбить съ толку!

— У васъ всегда такія идеи!... сказала Ольга, прелество надувшись. Обидѣть меня, нанести мнѣ оскорбленіе, для васъ ничего не значить. Вы забываете, что у меня не желѣзное здоровье чтобы выдерживать такія сцены.... вы меня убьете.... подите, оставьте меня, я больна!

— Нѣтъ! какъ можно!... позволь поцѣловать.... ты такая добрая!... постой, я рассмотрю получше эту оправу.... я самъ закажу точно такой же медаліончикъ.... и къ нему прелестнѣйшій браслетъ... въ тысячу разъ получше этого...

— Я теперь не хочу!

— Нѣтъ, нѣтъ!... я непременно сдѣлаю!... ты такой ангелъ!

— А я носить не стану!...

— Нѣтъ, ты будешь носить.... Правда, что это.... очель мило!... Сначала, второядъ, я не примѣтилъ.... Узнай только адресъ живописца и ювелира.... я все готовъ сдѣлать для

тебя, говорилъ Григорій Ивановичъ, рассматривая портретъ и пошнутаю возвращаясь съ своими поцѣлушками къ женѣ, которая его отшучивала.

Онъ былъ готовъ, на радостяхъ, въ безпредѣльномъ блаженствѣ только-что обманутаго мужа, выдерживать терпѣливо всѣ вѣнчики ея гнѣву; но Ольга, взволнованная страшной перспективой, развивавшейся передъ ея испуганнымъ воображеніемъ, слишкомъ тревожилась опасностью своего положенія, чтобы сердиться на него или осыпать его упреками. Она молчала, или, блѣдная, дрожащая, умоляла его.

— Оставьте меня! мнѣ нуженъ покой!... право, я теперь не въ состояніи ни слушать ни понимать васъ....

Грулевъ наконецъ посмотрѣлся въ зеркало, поправилъ свои волосы, поцѣловалъ ея руку, и ушелъ, сказавъ: — Ну, хорошо!... успокойся!... въ самомъ дѣлѣ тебѣ нужно прийти въ себя.... потому что я-то.... ужъ совершенно не виноватъ!... ты видишь: я совсѣмъ спокоенъ... я даже и не разсердился... а такъ только!... Ну, приревновалъ немножко....: велика бѣда!... вы, женщины, это любите.... Мнѣ показалось страннымъ.... Успокойся, мой другъ.... Прощай!... мнѣ нужно ѣхать....

— Ахъ! онъ — погуги!... мы это любимъ? Ахъ, онъ — дикобразъ! людоѣдъ! синяя-борода!... Ну, наконецъ ушелъ.

Ольга слышала, какъ черезъ нѣсколько минутъ дверь кабинета затворилась и экипажъ подѣхалъ къ крыльцу. Она хотѣла было позвонить, но Настя явилась сама.

— Голубушка моя, что ты натерпѣлась! вскричала она, со слезами на лицѣ.

— Тихе, Настя, тихе!

— Онъ, матушка, уже уѣхалъ.

— Зачѣмъ онъ возвращался, Настя? Вѣрно догадывается что-нибудь и хотѣлъ застать враспlohъ?

— Нѣтъ! такъ, грѣхъ попуталъ! Забылъ, видите, какой-то пакетецъ... и воротился.

— Ступай же, кормилица, поскорѣе, къ Николаю Петровичу, отдай письмо.... портретъ.... вотъ этотъ браслетъ.... и расскажи все, что случилось....

Она побѣжала къ комоду и вынула чудесный браслетъ, принадлежащій къ портрету.

— Расскажу, расскажу.... я все слышала.

— И попроси, чтобы самъ онъ непременно побывалъ у меня сегодня.... передъ обѣдомъ....

— Ну, какъ тотъ вернется опять?

— Нѣтъ, не вернется.... До обѣда онъ уже не возвратится; а если и такъ, то я скажу, что Николай Петровичъ заѣхалъ за портретомъ. Ступай! мнѣ нужно видѣться и говорить съ нимъ.... ради Бога, бѣги скорѣй!

Вскорѣ Долоновскій, встревоженный и блѣдный, вошелъ къ Ольгѣ. Она привѣтствовала его слезами.

— Мой другъ, сказалъ онъ, усиливаясь казаться спокойнымъ, удержите слезы и поговоримъ. Времени терять невозможно. Что нужно сдѣлать?... Я готовъ на все.

— Что нужно сдѣлать?... я уже сдѣлала за васъ!... я васъ погубила.... и сама пропала! вскричала она, рыдая: я боялась, что онъ меня опозоритъ, убьетъ меня и васъ!

— Ради Бога, не плачь Ольга!... я не могу видѣть твоихъ слезъ. Онъ не убьетъ тебя. .. успокойся.... Я за себя не боюсь.... а тебя я спасу во что бы то ни стало ... я здѣсь, и не оставляю тебя.... не плачь, мой другъ!

— Спасти меня невозможно!

— Придумаемъ вмѣстѣ какое-нибудь средство.... Въ чемъ же дѣло? Расскажи.

— Развѣ Настя тебѣ не сказывала?

— Она мнѣ кое-что говорила о портретѣ.... о шумѣ.... о стукѣ....

— А объ Ольгѣ Менковой?

— Да! говорила и объ этомъ.

— Видишь, мой другъ, какъ я во зло употребила твою благородную преданность!... Помнишь ли, какъ мѣсяца три тому назадъ.... однажды вечеромъ.... вотъ здѣсь, на этомъ диванѣ... мы съ тобой разсуждали о неприятныхъ слухахъ, которые вдругъ распространились по городу на счетъ твоихъ посѣщеній? .. помнишь ли мой испугъ, мое отчаяніе, твое великодушіе въ первую минуту, твою деликатность въ послѣдствіи?... Ты вѣрно забылъ все это, но оно сохранилось глубоко въ душѣ моей. Я тогда сказала тебѣ мимоходомъ: «Какая досада, что ты не женатъ!... наружная дружба съ твоей женой составила бы, для завистливыхъ глазъ, хорошій предлогъ къ нашей болѣе истинной и болѣе глубокой дружбѣ, къ нашему обоюдному счастью!» Ты отвѣчалъ мнѣ сейчасъ: «Если это нужно для твоего спокойствія, я готовъ жениться.... когда тебѣ угодно и на комъ угодно.... именно на той, которую сама ты выберешь и назначишь для меня.... скажи, выбери!...» Я не соглашалась. Ты, шутя, сталъ пере-

сирать равныхъ здѣшнихъ невестъ, готовай, при первомъ моемъ словѣ, принести себя въ жертву... Я возражала противъ каждой, и очень хорошо помню, что сказала тебѣ: «Ну, ужь если бы согласилась подѣлиться съ другою женщиною, такъ уже скорѣе всего указала бы тебѣ на Ольгу Менкову, о которой ты забывалась.... она мнѣ кажется очень доброю, кроткою, скромною.... безъ самолюбія, безъ тщеславія.... и притомъ же она тебя любитъ.... очень любить... я это вижу ясно, хоть она и старается удерживаться въ обществахъ н, можетъ-быть, замучить въ сердцѣ своемъ эту неумѣстную любовь.... ты былъ бы ея благодѣтелемъ, и она не помѣшала бы намъ....» Помнишь ли эти слова, Николай?

— Помню.

— Ты ухватился-было за эту идею, которую я съ трудомъ успѣла тогда вырвать изъ твоего уха.... Мы въ некоторое время видались рѣже, но я замѣчала, что въ то же время ты сталъ избѣгать Ольги Менковой и обращаться съ ней холоднѣе, осторожнѣе прежняго, чтобы не разжигать въ ней надежды. Вскорѣ злоязычіе людей укротилось за недостаткомъ въ пищу, сплетни утихли, твоя покровительница Бигуллина горячо приняла нашу сторону, и мы, изъ благодарности, много сдѣлались объ ея усердіи на нашу пользу. Сегодня, когда надъ моею бѣдною головою разразилась страшная гроза по случаю твоего портрета, когда она прочитала подпись: *Моей Ольгѣ* — которая — другъ мой! — я тебѣ тотчасъ замѣтила — была тутъ лишняя.... неумѣстная — не зная какъ оправдаться и что сказать, я, въ безпамятствіи страшнаго менугу, сказала, что этотъ портретъ назначенъ твоей невестѣ.... вспомнилъ нашъ разговоръ... и.... остальное ты понимаешь!... у меня голова кружится....

Ольга закрыла лицо руками и снова зарыдала.

— Что жъ!... это очень натуральное оправданіе!... скажи Долоновскій, съ чувствомъ пожавъ ея красивую руку: другое трудно было и придумать.... и какъ оно удалось, то я великъ одобряю его. Не плачь, мой другъ. Виновать — я.... ты права.... надпись была не нужна....

— Но что намъ дѣлать теперь? съ живостью спросила Ольга, устремляя на него свои прекрасные глаза. Какъ выпутаться изъ этой джунгли!... она годится только на время.... на очень короткое время.... А потомъ что?... что станетъ со мною?... съ тобою?... ты будешь принужденъ уехать отъ

стала... не знаю, возможно ли будет... я надеюсь... Я несчастна! я несчастна!... О, Боже мой, что я надеялась!

— Ольга! друг мой! успокойся!... Ты ничего не надеялась... средство выпутаться очень просто... я пойду и женюсь на моей неожиданной невесте... если только она меня захочет, как вдова Долововой спокойнее, с кротостью, но он не был бы доволен ни мной и провалъ рухнет по лбу, на жемчужный выступил холодный потъ. — Дай мнѣ такое милую руку. Какъ скоро это нужно, я женюсь... твой выборъ будетъ мнѣ пригоденъ....

— Ты женишься? вскричала она, зарываясь въ грудь, а не могу чтобы ты женился!... нѣтъ, нѣтъ, ни за что!... Я умру, если ты женишься!

— Ты не хочешь? прошепталъ онъ страстно, дѣлая ей бездвную щеку. Ты же лучше! я не женюсь.

— Но что я скажу ему? проговорила она чуть слышно.

— Такъ я женюсь!

— А я умру!..

— А если я не женюсь!...

— Такъ онъ убьетъ меня!..

— Такъ ужь мнѣ лучше жениться!

Она смотрѣла другъ на друга въ смущеніи. Ольга заплакала тихо.

— Мой милый, добрый, нежный другъ! сказала Долововой серьезно и съ глубокою преданностью: ты сама обдумай все и реши. Я не хочу, чтобы ты страдала, не могу видѣть твоего счастья, твоихъ слезъ... я сделаю все, что ты найдешь нужнымъ для твоего покоя и для нашего счастья. То что была бы величайшей жертвой для другаго — для меня ровно ничего. Я люблю тебя, Ольга; это слово мерка за все. Говори же, что надо дѣлать? Убѣжать? жениться? умереть?...

Она страстно обвила его руками и прислонилась головою къ плечу.

— Ты не умрешь! ты не уйдешь! проворила она замурмывая голосомъ: разве я могу жить безъ тебя? О! не покидай меня!... съ тобою я переживу все. Но, Боже мой, время уходитъ, а мы еще ничего не сказали... Послушай другъ! скажи мнѣ теперь... слушай!.. я отдохну, успокоюсь, обдумаю, верну къ тебе, и пойду къ тебѣ.

Она выпросталась изъ его объятій, указала на дверь, шепнула: до завтра и, безъ движенья, почти безъ жести, опу-

спиралась на подушки. Долоновскій удалился. Ему тоже нужно было уединеніе.

Что передумала и перечувствовала Грулева, какую борьбу выдержала она, этого описать невозможно. Одно изъ двухъ: или Долоновскій долженъ жениться, или страшный мужъ узнаетъ все. То и другое было ужасно. Ольга принялась сравнивать два ужаса. Женитьба Долоновскаго.... о! это хуже смерти.... она ломала руки, плавала въ слезахъ, выходила изъ себя. Но.... что хуже жизни?... такой адской жизни, какая для ней готовилась, если окажется, что Долоновскій и не думаетъ жениться? Едва въ умъ ея утверждалось рѣшеніе противъ ненавистнаго брака, какъ страхъ коварнаго ревнивца грозно возставалъ передъ нею. Тутъ нечего было обманывать себя: корыстолюбіе держалось обѣ руки съ ревностью въ врачюмъ сердцѣ Григорія Ивановича, и онъ совершенно былъ въ состояніи воспользоваться первымъ важнымъ случаемъ, чтобы ограбить и заточить юную супругу свою. Она слишкомъ хорошо знала его бѣшеный характеръ, его непреклонную волю, его злость и жадность, и ясно видѣла, какая страшная будущность предстояла ей. Она дрожала какъ въ лихорадкѣ, съ ней дѣлалось дурно при одной мысли объ этомъ. Если бы еще любовь Долоновскаго оставилъ ей въ отраву, но о такомъ счастіи нечего было и думать. Грулевъ пожертвуетъ всѣмъ на свѣтѣ, чтобы разлучить ихъ. Онъ уже грозился часто, что погубить Ольгу, подастъ жалобу, унизитъ, или увезетъ въ деревню, будетъ держать въ заперти, приставитъ шпионовъ, станетъ подстерегать за каждый шагъ. Отъ Долоновскаго надобно будетъ отказаться совершенно, и она потеряетъ все, и друга, и спокойствіе, и свободу... Съ этой стороны ни малѣйшаго луча надежды — все тьма и пропасть — между тѣмъ какъ женитьба Долоновскаго, спасая честь и покой Ольги, сохранитъ ей малчайшее въ мірѣ благо — вѣрнаго, ушнаго и благороднаго друга. Они не разстанутся, они будутъ по-прежнему наслаждаться. Конечно, горько видѣть другую женщину — съ непреложными правами надъ вѣрнымъ другомъ; но — что же дѣлать, что дѣлать! говорила въ отчаяніи Ольга: тутъ еще остается что-нибудь.... даже очень многое.... а тамъ ужъ точно ничего!

Выборъ невѣсты сдѣланъ злымъ рокомъ. Долоновскому и думать не нужно. Какъ это удобно!... только взять да и жениться!... что можетъ быть легче и немногосложнѣе этого?

Ольга такъ хорошо знала его любящее сердце и неограниченную преданность, что она и не сомнѣвалась въ успѣхъ такого предпріятія. Долоновскій положительно обѣщалъ сдѣлать все, что сама она признаетъ за лучшее.

Когда Грулевъ возвратился, онъ нашелъ жену въ постели. Ольга не хотѣла обѣдать, заперлась въ спальнѣ подъ предлогомъ желанія заснуть, но между-тѣмъ, часа черезъ два, Настя отнесла къ Долоновскому огромное посланіе въ нѣсколько листовъ и всѣ его письма. Ольга боялась, послѣ такой сцены съ мужемъ, оставлять ихъ у себя. Жалѣя уничтожить, она возвращала ихъ Долоновскому съ просьбою сохранить до лучшихъ временъ. Такимъ образомъ поступала она и впослѣдствіи.

Когда Ольга вторая, содрогаясь и блѣднѣя, читала письмо это Грулевой, она невольно сознавалась, что Долоновскому невозможно было поступить иначе: чтобы спасти честь и покой одной Ольги, онъ долженъ былъ жениться на другой—казусъ странный, и рѣдкій—но таковъ былъ казусъ въ самомъ дѣлѣ, и онъ случился у насъ, въ нашей губерніи, гдѣ ровно ничего не случается—отъ чего, надѣюсь, онъ и покажется читателямъ моимъ еще любопытнѣе. Ольга вторая поняла его совершенно. Мужъ ея былъ давно влюбленъ—онъ любилъ такъ пламенно, такъ возвышенно, что не могъ не пожертвовать своей свободой счастію и безопасности обожаемой женщины и долгу истиннаго друга. Не ему, доброму, можетъ-быть слишкомъ доброму, готовому всегда посвятить себя радости другихъ, не ему, преданному и любящему до самозабвенія, можно было устоять противъ неумолимой логики такого обстоятельства. Грулева, въ этомъ письмѣ, убѣждала его отдать руку свою соперницѣ, назначенной будто бы слѣбнымъ случаемъ. Доводы ея были неопровержимы. Ни она ни онъ не могли, въ ту минуту по-крайней-мѣрѣ, рѣшиться потерять испытаннаго друга, взмѣнить самимъ себѣ, разстаться навсегда. Съ другой стороны, долгъ благороднаго мужчины, подвергшаго опасности любимую женщину, не позволялъ ему и колебаться.

Въ прошломъ столѣтіи — когда еще были мужчины и любовники — нынче остались только кавалеры и волокиты—маркизъ де-Виллонъ, благородный другъ одной французской герцогини, которой имя такъ утонуло въ пучинѣ тайны, находился у нея однажды вечеромъ, какъ вдругъ возвращается домой неожиданно грозный герцогъ, мужъ и известный

ревнивецъ, настоящій Григорій Ивановичъ время Регентства. Испуганная герцогиня толкнула друга своего на балконъ, который былъ растворенъ, заперла дверь ключомъ, и ключъ бросила, второпяхъ, сама не помнила куда. Всѣ пять пальцевъ маркиза де-Виллона случайно попали между рамъ балконной двери, когда она захлопнулась, и крѣпко-накрѣпко были прищемлены дубовыми досками. Маркизь не выпустилъ ни малѣйшаго стону—не шорохнулъ—не зашевелился. Онъ простоялъ въ этомъ положеніи всю ночь до утра, въ легкомъ платьѣ, безъ шляпы, подъ дождемъ, вѣтромъ и холодомъ октябрьской ночи. Рука его была измята и изорвана, какъ кружево его манжетовъ; всѣ косточки переломаны. Но спокойствіе, честь и даже самое имя обожаемой женщины были спасены отъ мужа носорога, отъ публики и отъ исторіи. Маркизь де-Виллонъ приобрѣлъ себѣ этимъ подвигомъ безсмертіе у своихъ современницъ. Когда уже онъ былъ старъ, бабушки наши изъ всѣхъ странъ Европы еще ѣзжали нарочно въ Парижъ, чтобы посмотрѣть на этого образцоваго мужчину, чтобы дотронуться съ почтеніемъ до этой великодушной руки, доблестно изломанной на великомъ полѣ чести — на балконѣ возлюбленной.

Ну, что жъ!... собственно говоря, у Николая Петровича Долоновскаго рука не переломилась бы отъ того, что она вдругъ, безъ ухаживаній, клятвъ, вздоховъ, надеждъ, слезъ, любви и другихъ приготовленій, очутилась бы въ рукахъ молоденькой и пригожей дѣвушки передъ налоемъ. На балконѣ ночевать ему не приходилось, хоть это и было въ октябрѣ; и, сообразивъ одно съ другимъ, онъ, любя одну, безропотно пошелъ къ алтарю съ другой. Вотъ весь случай!

Грулева побуждала его къ женитбѣ совѣмъ на другомъ основаніи. Она, какъ женщина, болѣе заботилась, не объ его рукѣ, но объ его сердцѣ, о чемъ мужчины и не заботятся, дорожа рукою гораздо болѣе чѣмъ сердцемъ своимъ. Она полагала, что Долоновскій можетъ усомниться въ способности своей составить счастье женщины неизвѣстной и вѣряющей ему свою судьбу случайно. Все, что только страсть и отчаянное положеніе могли внушить Ольгѣ краснорѣчиваго и убѣдительнаго, употребила она въ дѣло, чтобы доказать другу, какъ онъ милъ, чудесенъ, несравнимъ, какъ нѣтъ міръ въ женщины, которая бы не сочла для себя за величайшее счастье называться женою такого отличнаго человѣка и смотрѣть на

него какъ на мужа, даже не обладая его сердцемъ, какъ въ немъ заключается все — все безъ исключенія — что только входитъ въ составъ женскаго благоденствія....

«О! не удерживайся, Николай, писала она, этимъ уваженіемъ, если хочешь спасти меня и наше счастье. Провидѣніе, щедрое къ тебѣ, накопило въ твоей особѣ, въ твоёмъ высокомъ умѣ, въ твоихъ возвышенныхъ качествахъ души, во сто разъ болѣе и того что нужно для постояннаго очарованія счастливой спутницы твоей жизни—кто бы она ни была. Какая нужда быть влюбленнымъ, чтобы быть мужемъ «счастьемъ для женщины! Совершенно достаточно для блаженства жены, чтобы она была влюблена—чтобы мужъ—былъ такой, что нельзя не обожать его. Браки по любви—исключеніе въ общемъ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ—роскошь — утонченность общественнаго состоянія, болѣе или менѣе образованнаго; и — увь! — нельзя сказать, чтобы это были самые счастливые браки. Напротивъ, изъ тысячи новыхъ супружествъ навѣрное девять сотъ девяносто девять составляются по обстоятельствамъ, по приличіямъ, по нуждѣ, даже противъ желанія: и сколько изъ нихъ вполнѣ довольны своей судьбою и благодарны слѣзному случаю, который соединилъ ихъ. Если только мужчина совершенно достоинъ нашей любви, тѣ изъ насъ — сумасшедшія, вѣтренны или избалованы непростительно, которыя не умѣютъ чувствовать себя счастливыми съ нимъ какъ съ мужемъ. Бери, бери, Ольгу Менкову. Женщинѣ нужно любить: это—элементъ ея существованія, воздухъ ея жизни, свѣтъ ея души; безъ любви въ сердцѣ для нея нѣтъ и не можетъ быть «счастія. Но быть любимой!... Боже мой! кто изъ насъ женщинъ можетъ сказать навѣрное, что мы дѣйствительно любимы вами. Знаешь ли, Николай? я сама, иногда, въ самыя «сладостныя минуты восторгу и блаженства моего, сомнѣваюсь, обладаю ли я твоей любовью въ самомъ дѣлѣ... Ты такъ добръ, такъ благороденъ, такъ великодушенъ, такъ «готовъ всегда пожертвовать собою благу другихъ!... я — такъ слаба, такъ страстна, такъ ничтожна передъ тобою, такъ жажду восхищаться тобою, такъ изнываю потребностью сердца удивляться тебѣ, обожать тебя, видѣть въ тебѣ идеалъ всѣхъ совершенствъ!... Съ твоей стороны, быть можетъ, это — снисхожденіе только, а не любовь, настоящая, такая, которую мы однѣ чувствуемъ... Можетъ—быть тебя увлекаетъ и руководствуетъ одно лишь благород-

«мое желаніе осчастливить меня — удовлетворить мои мечты — показаться мнѣ такимъ, какимъ я воображаю тебя для моего полного восторгу, для моей любви, для моего счастья?... Скажи, Николай, скажи, обманываюсь ли я? — «допроси себя — объяви тайну твоей души... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не говори! — молчи! — ради Бога, молчи! пусть я живу въ заблужденіи — пусть умру въ обманѣ мечты, если заблужденіе — такое счастье!... если обманчивая мечта — источникъ такой красы въ жизни, такого сладкаго упоенія во всемъ существѣ моемъ. Ты — это заблужденіе, ты — этотъ золотой сонъ, ты волшебникъ, окружающій меня радужнымъ туманомъ: этого довольно, слишкомъ довольно!... и я тебя обожаю... и я счастлива безпредѣльно. Волшебникъ! волшебникъ!.. осѣни и эту бѣдную дѣвушку твоимъ колдовскимъ словомъ: пусть и она обманывается подобно мнѣ — если я обманываюсь — и пусть будетъ такъ же счастлива въ туманѣ. Для тебя это ничего не стоитъ. О! какъ она будетъ счастлива, если только эта дѣвушка въ состояніи постигнуть твои достоинства!... Я отдала бы всю жизнь мою за то только, чтобы одинъ сутки быть на ея мѣстѣ. А если она не создана понимать тебя, такъ подумай только, сколько матеріальнаго счастья принесешь ты ей собою — состояніе — значеніе въ обществѣ — роскошь — удовольствія — потѣхи — наслажденія изящнаго быту — все чего она до нынѣ не знаетъ — о чемъ даже и подумать не смѣетъ нынче, считая себя рожденною мыкать горе съ какимъ-нибудь подъячимъ. Ты же, мой другъ, ты, мой несравненный, ты будешь счастливъ — пока я жива — если безграничная любовь моя нужна для твоего счастья. Увидишь, увидишь, какой я буду другъ тебѣ. Я буду искренно и любить и уважать твою жену — изъ благодарности къ тебѣ — и къ ней, моей испустильницѣ. Мы вдвоемъ постараемся вѣе ея счастья».

Я привожу только отрывокъ этого любопытнаго письма, настоящей диссертациі заданному вопросу: когда вы любимыя двумя Ольгами, слѣдуетъ ли, чтобы сохранить себѣ одну, жениться на другой? Вслѣдъ за нимъ найдена небольшая записка, нѣсколько строкъ, набросанныхъ явственно въ большомъ волненіи. Это — послѣдній крикъ погибающаго сердца. «Николай, оставь, не читай того длиннаго письма, которое недавно отправила я къ тебѣ — брось въ огонь — я написала вздоръ — я не хочу дѣлиться твоимъ сердцемъ ни съ кѣмъ на свѣтѣ — не хочу — не могу — не перенесу.» Эта

«мысль убьетъ меня. Я умру. Позоръ, неволя, нищета, адъ, пусть все на меня обрушится: я заслужила свое горе собственною моею неосторожностью, живостью, безхарактерностью—я буду наказана, и выдержу тяжкую кару безъ пропота, благословляя твое имя. Ты далъ мнѣ узнать настоящую сладость жизни, и я вѣчно благодарна тебѣ за тѣ минуты высокаго блаженства, которыя испытала я съ тобою. Я рождена быть преслѣдуемою и страдать. Пожертвуй мною. Не женись, не женись—не нужно—не хочу—не позволяю».

Долоновскій отвѣчалъ ей на все это немногими словами: «Завтра рано утромъ будетъ сдѣлано предложеніе, Вечеромъ—къ Бигулинымъ, гдѣ будетъ весь городъ. Поѣзжай къ нимъ. Я не приѣду. Я пришлю Мирвулова разболтать тайну о моей помолвкѣ. Будь спокойна. Не плачь. Дѣло—мое, а не твое. Я *долженъ* такъ поступить. Могу ли я допустить, чтобы ты, слабый, бѣдный мой другъ, была обезславлена и уничтожена моею привязанностью къ тебѣ? Такого мужчину я первый назвалъ бы подлецомъ. Руку—защитницу, не исполнившую долгу своего, римскій гражданинъ положилъ въ огонь. Ты мой Капитолій и мой храмъ Счастія. Ольга! послѣ такихъ радостей, надо умѣть встрѣтить общее горе свѣтлымъ челомъ и твердымъ сердцемъ. Я влюбленъ въ тебя, Ольга, болѣе чѣмъ когда-либо. На этотъ разъ можешь даже и *не сомнѣваться*. Голова болитъ. Не могу писать болѣе».

За тѣмъ новая записка отъ Грулевой: «Я вчера была у Бигулиныхъ. Сегодня уже успѣли побывать у меня нѣкоторые изъ ея пріятельницъ. Вообрази, какая негодная женщина эта Бигулина: разсердилась на меня, не знаю за что—за то кажется, что я приняла сторону Ольги Менковой и твою, противъ ея мнѣнія, и теперь рассказываетъ всѣмъ, что я влюблена въ тебя. Какая клевета!... можно ли сказать это?... особенно, ничего не зная! Но я опять дрожу вся: эти злобные слухи будутъ навѣрное переданы *ему*. Ты хорошо сдѣлалъ, Николай, что не послушался моей послѣдней записки. Женись. Я благословляю васъ всей моею любовью, и мѣшать не стану. Теперь уже рѣшительно нѣтъ другаго средства. Злость Бигулиной рѣшила вопросъ окончательно. Я оставляю свой планъ. Сказать ли тебѣ правду? Я поѣхала вчера къ Бигулинымъ въ надеждѣ встрѣтить тамъ Ольгу Менкову. У меня было предположено сбли-

«зяться съ нею, обласкать ее, приобрести вскорѣ ея довѣренность и — тогда — обратиться къ ея великодушію, открыть ей всю истину и убѣдить ее, чтобы сама она тебя отказала. Она, мнѣ кажется, сдѣлала бы это. Но теперь уже поздно. Ольги Менковой тамъ не было — и я отказываюсь искать ее. Пусть состоится твоя воля. Оно можетъ — стать и къ лучшему....»

Изъ послѣдующихъ писемъ Долоновскаго видно, что онъ совѣмъ не одобрялъ плана Грулевой обратиться къ великодушію его невѣсты, во-первыхъ, потому что тайна ихъ взаимной привязанности уже была бы извѣстна третьему лицу и, съ тѣхъ поръ, волшебный чертогъ ихъ незримаго счастья непремѣнно началъ бы клониться къ паденію; а «во-вторыхъ, писалъ онъ, такой откровенностью ты убила бы это невинное существо, эту разцвѣтающую жизнь, которая еще можетъ быть счастливою. Моя невѣста, я увѣренъ, отказала бы мнѣ. Но мы погубили бы ее навсегда. Она не вынесла бы такого удара.»

— О! я вынесла бы!.... вскричала Ольга вторая, дочитавъ до этого мѣста и вскакивая съ постели съ восторженностью. Я вынесла бы.... я бы отказала Николаю.... была бы всю жизнь ужасно несчастною, но не допустила бы Николая пожертвовать своей свободою безъ сердечнаго увлеченія, ввергнуться въ пропасть вѣчной досады и скуки въ бракъ безъ любви. Нѣтъ, нѣтъ, я сумѣла бы, въ этомъ случаѣ, и быть великодушною къ двумъ несчастнымъ, и показать твердость характера въ моемъ незаслуженномъ горѣ. Я плакала.... я соболѣзновала.... я любила душевно эту жепщину, читая предъидушія письма. Но теперь.... теперь я ее ненавижу.... презираю.... Пустая женщина!.... эгоистка!... пугливый ребенокъ, который все приносить въ жертву первому своему страху!.... Она *должна* была.... ни на что не смотря.... обратиться ко мнѣ, открыть мнѣ все, все, и отдать дѣло на судъ моего сердца. Она не достойна такой чудесной любви, какую нашла въ прекрасной душѣ Николая. Я не прощу ей никогда того, что она меня не предувѣдомила, имѣвъ уже эту счастливую идею.... угадавъ благородство моего бѣднаго сердца.... положивъ надежду на меня. Злоязычіе Бигулиной испугало ее.... какая низость!.... Пустая женщина! я имѣю право презирать ее. Да! я заключила бракъ по приличію, а не по взаимной любви. Николай не возбуждалъ во мнѣ страсти ухаживаніемъ, любезностью, вздохами, клятвами. Онъ не:

предъщаль меня своей страстью. Онъ, просто, предложилъ свою руку, какъ человѣкъ, который ищетъ жены по необходимости, и я приняла ее, любя страстно этого человѣка, но не спрашивая, любить ли онъ также меня. Я надѣялась на одну любовь свою, полагая, что со временемъ она заставитъ его полюбить меня, что я заслужу любовь его, что онъ изъ признательности за мои попеченія объ его счастьи почувствуетъ наконецъ ко мнѣ сильную и прочную привязанность. Покажѣсть, я не заслужила, и не въ правѣ требовать любви отъ него. Но я въ правѣ стараться заслужить. Это право мое неотъемлемо. Я предполагала, должна была предполагать, что сердце Николая свободно и еще можетъ быть тронуту мною. А оно принадлежало другой!.... И Грулева, зная это, имѣя намѣреніе предварить меня, ожидая отъ меня помощи, не предварила, не рѣшилась спасти и себя и меня вмѣстѣ, изъ робости оставила меня въ заблужденіи!.... Фи!.... это мерзко!.... Если бы, зная, что сердце его не можетъ принадлежать мнѣ, я однако жъ приняла его руку, одна я была бы тогда виноватою.... я лишилась бы даже единственнаго права моего — заслужить любовь мужа.... я не могла бы имѣть ни какого притязанія.... Но теперь.... теперь.... о! Боже мой! что вы оба сдѣлали со мною!.... зачѣмъ избрали меня игрушкою своихъ наслажденій, жертвою своихъ расчетовъ!....

Ольга долго ходила по комнатѣ, волнуясь, всныхивая, стихая, размышляя объ этихъ странныхъ обстоятельствахъ и, по временамъ, разсуждая вслухъ съ собою. Въ концѣ всѣхъ этихъ волненій и разсужденій, она не знала сама, сердиться на Николая и ненавидѣть ли Грулеву за ея малодушіе — за обиду нанесенную имъ великодушію ея, бѣдной дѣвушки, которою такъ произвольно распорядились въ пользу своихъ опасеній, или быть благодарной соперницѣ: потому что, конецъ концовъ, такимъ чудеснымъ мужемъ она была обязана Грулевой — которая заранѣе отличила ее, угадала ея любовь, и, первая подумала о возможности подарить ей честь и счастье завиднаго союза съ Долоновскимъ. Среди этой нерѣшимости, она снова усѣлась за письма. Переписка послѣ брака была не менѣе любопытна. Бигулину немедленно задобрили въ свою пользу посредствомъ особенной вѣжливости Николая, который поспѣшилъ тотчасъ по минованіи надобности избрать ее въ повѣренныя и совѣтницы по предмету своего брака. Ему не трудно было убѣдить жеманную

прокуроршу, что все сдѣлалось по ея наставленіямъ, потому что она выбирала кружева и ленты для подарковъ невѣстѣ, и что Грулева не чувствуетъ къ нему ни малѣйшаго расположенія; напротивъ, ей досадно, что Бигулина, а не она, занимается устройствомъ его блаженства въ предстоящемъ супружествѣ. Носорога очень искусно загнали въ разставленные сѣти, и онъ явилъ себя однимъ изъ самыхъ рѣзвыхъ и усердныхъ барановъ похмѣлья на чужомъ пиру. Ольга ни сколько не упала въ глазахъ Николая: письма его дышали тою же горячею привязанностью къ другу, тою же сильною любовью къ прекрасной женщинѣ, тѣмъ же восторгомъ отъ ея обворожительнаго ума. Только женатая эта страсть уже не походила на свободную *холостую* страсть. Переписка уже не отличалась тѣмъ безмятежнымъ спокойнымъ счастьемъ, которое составляло отличительную черту любви до свадьбы. Грустное тревожное чувство проглядывало въ каждой строкѣ Николая. Ольга приписывала это невыносимой для него тяжести новыхъ обязанностей, и, съ огорченіемъ, съ невыразимою тоской, слѣдила за постепеннымъ умноженіемъ заувнливной настроенности его писемъ. Мысль, что союзъ съ нею такъ обременяетъ Николая, ложилась свинцомъ ей на сердце. Но вдругъ одно изъ писемъ блеснуло легкою отрадой, слабымъ, но сладкимъ утѣшеніемъ. Николай объяснял самъ свои страданія и свою грусть.

«Ты ошибаешься, другъ Ольга. Упреки твои дороги мнѣ, но не основательны. Счастія у меня въ душѣ нѣтъ, но не потому что я принужденъ нести *ига*, какъ говорила ты вчера. Я не хотѣлъ пускаться въ объясненія, которыя завели бы насъ далеко: ты была не въ духѣ, разстроена, раздражена, и я предпочелъ молча цѣловать твою руку. Но теперь, если ты хочешь выслушать, я объясню все. Я скажу чистую правду, положи руку на сердце. Слушай, другъ милый, и вѣрь. Во-первыхъ *ига* тутъ нѣтъ. Жена моя — доброе, кроткое, благородное созданіе; она всѣмъ довольна; ничего не домогается своенравно и неумѣстно; я такъ спокоенъ дома какъ-только можно вообразить. Ища нарочно, невозможно было бы найти женщины съ характеромъ болѣе удобнымъ для моихъ отношеній къ ней. Мои обязанности такъ легки, что объ нихъ не стоить говорить. Не повѣришь, какъ мнѣ отрадно думать, что предсказанія твои сбываются вполнѣ, что мнѣ такъ мало нужно труда чтобы счастливить это довѣрчивое, любящее сердце: оно сладост-

«но таетъ отъ одного призраку любви и ласки; оно всѣмъ
«восхищается; оно довольно и счастливо. Совѣсть моя спо-
«койна на этотъ счетъ. Вокругъ нея — все что можетъ ум-
«ножить наслажденіе жизнью, все что составляетъ удоволь-
«ствіе, развлеченіе, потѣху. Она пользуется этимъ съ чисто-
«сердечною радостью ребенка и платитъ мнѣ съ избыткомъ
«тѣмъ ненарушимымъ покоемъ, который царствуетъ въ моей
«домашней жизни, благодаря ея кротости и добротѣ. Стало-
«быть *ига нѣтъ*. При всей мрачности этой грустной мысли,
«что она — не ты, и занимаетъ твое мѣсто въ моей попе-
«чительности, жизнь моя можетъ быть уподоблена зеркальной
«глади утренней морской тиши, въ сравненіи съ тѣмъ какъ
«могла бы она быть съ другой женою, бурною или кислою,
«менѣе добронравною или болѣе взыскательною. Ахъ, Оль-
«га! къ-сожалѣнію, не тутъ — источникъ моихъ страданій.
«Онъ — въ тебѣ. Неужели ты не отгадываешь? Другъ мой,
«когда я женился, мы съ тобой все предусмотрѣли — ты о-
«собенно, твоимъ чудеснымъ умомъ: все пошло и идетъ
«такъ, какъ ты предсказала. Одного только мы не успѣли
«предвидѣть, а именно, что эта женидьба придастъ другой
«характеръ твоей любви, что ты будешь недовольна собою,
«недовольна жизнью, что мучительная борьба займетъ въ
«твоемъ сердце мѣсто безмятежной отрады, и что все это,
«неволью, вопреки твоему желанію, отразится на твоей люб-
«ви. И теперь, какъ прежде, одна ты наполняешь собою
«лучшія мои помышленія и чувства; я такъ же равнодушенъ
«ко всему что не ты или не къ тебѣ относится, такъ же ду-
«маю безконечную думу о тебѣ и сосредоточиваю весь инте-
«ресъ моей жизни въ твоемъ восторгѣ, въ твоемъ удоволь-
«ствіи. Да и не можетъ быть иначе. Кто другой предста-
«вить мнѣ такіа сокровища ума тонкаго, свѣтлаго и прелест-
«наго, ясновидящей мысли, волшебнаго воображенія, кра-
«соты, граціи, игривости и нѣжности? Въ комъ другомъ на-
«шелъ бы я такую плѣнительную дружбу, такіа упоенія
«для сердца, столько свѣту для мысли, столько утѣшеній
«для жизни! Но со времени нашей встрѣчи до этой женить-
«бы, любовь наша была однимъ долгимъ днемъ блаженства,
«ни какое облако не налетало на это чистое небо взаимныхъ
«восторговъ, ничто не смущало чудесной гармоніи нашихъ
«душъ. Мы мыслили одною мыслью, мы существовали од-
«нимъ бытіемъ, которое было — радость. Я привыкъ къ э-
«тому раю, нами отысканному на землѣ и который, другъ

«мой, исчезаетъ при нашихъ глазахъ — блекнетъ — сохнетъ — теряетъ лучшіе цвѣты свои — и вскорѣ явится вѣкругъ насъ пустыннымъ зимнимъ лѣсомъ, безъ тѣни и безъ благоуханія, если мы не умолимъ общими силами гнѣву судьбы, прогремѣвшаго надъ нимъ со дня этой злополучной женидбы. Подумай только, Ольга, что стало съ нашимъ раемъ! Я не узнаю его. Ты блуждаешь въ немъ одиноко и задумчиво, или отталкиваешь меня съ гнѣвомъ, или прижимаешь, разсѣянная, невнимательная, раздраженная. Я не думаю, что привязанность твоя ослабѣваетъ; пылкіе порывы сердца, которые время отъ времени возвращаются къ тебѣ, говорятъ мнѣ ясно, что ты любишь такъ же сильно, какъ любила прежде, но только любовь твоя уже не та. Она отравлена той же мѣрою, которою мы надѣялись спасти ее, спасая тебя. Не говори, Ольга, что я ошибаюсь: змѣй ревности невидимо обвилъ твое сердце, щемитъ его въ своихъ кольцахъ, сосетъ ядовитымъ ртомъ своимъ. Оно уже не ощущаетъ счастья, какъ ты ни стараешься скрывать это отъ меня и отъ самой себя. Ты несчастна, Ольга!... Могу ли я быть счастливъ? Безпокойное, тягостное чувство гнететъ тебя. Оно проявляется въ каждомъ твоемъ движеніи, въ каждомъ твоемъ словѣ, какъ-скоро ты не наблюдаешь надъ собою, и я, почти послѣ cadaго нашего свиданья, ухожу въ сильномъ волненіи, разстроенный, печальный, недовольный. Да, Ольга, я страдаю; мнѣ невозможно не страдать. Но признайся откровенно: ты несчастна?... ты страдаешь-также?....»

Письмо оканчивалось этимъ. Внизу была приписка:

«Я не могъ кончить; мнѣ помѣшали. При свиданіи доскажу остальное.»

Ольга сложила руки съ невыразимымъ чувствомъ благодарности къ Богу. Мужъ не тяготится ею, онъ спокоенъ дома, онъ не проклинаетъ незваной жены. Это уже было большимъ утѣшеніемъ въ безотрадномъ положеніи молодой женщины. Ее ужасала мысль быть для мужа предметомъ ненависти или отвращенія. Слѣдующее письмо Николая удостовѣрило ее, что онъ угадалъ тайну Грулевой. Бѣдная женщина! она въ самомъ дѣлѣ ревновала! Она терзалась ужасно. Ольга, то улыбалась, то плакала при чтеніи этого письма. Выраженія Долоновскаго объ ней самой не могли не трогать душу радостно, но мученія несчастной соперницы-благодѣтельницы, такъ жестоко наказанной за общую ихъ вину, но

удержанія Николая въ неизмѣнной любви, исторгали у ней слезы, слезы горькія и безнадежныя. Надежды Ольгѣ не оставалось ни какой.

«Ольга, Ольга, писалъ Николай, несчастный другъ мой: «ты даже несправедлива! Ты находишь меня слишкомъ «близкими съ нею!.. Не могу ли я иначе обращаться съ тою, «за счастье которой я долженъ отвѣчать передъ своей со- «свѣстью? Если мнѣ нельзя дать ей сердце полное любви, не «обязанъ ли я, какъ честный человекъ, исполнить ей этотъ «ущербъ хоть наружною нѣжностью? Другъ мой, мы не въ «правѣ отнять у ней этотъ призракъ счастья. Мы, напротивъ, «обязаны оба постоянно заботиться объ ея удовольствіи и «восторгѣ. Пусть она покѣится въ невѣдѣніи лучшихъ благъ. «Хорошо еще, что оно такъ; а то что было бы съ нею, со «мною, съ тобою, если бы она поняла чего недостаетъ ей, «чего мы ей не уступили, и чего я не въ состояніи дать ей! «Къ ея и нашему счастью она не доступна страстямъ. Ни не- «нависть, ни любовь, ни ревность, не прекрадываются въ эту «безмолвную, тихую, спокойную до холодности душу. Со- «чувствовать мнѣ она не могла бы никогда. Если бы я былъ «влюбленъ въ нее, я былъ бы несчастливъ съ нею. Но я «только уважаю и нѣжу ее изъ благодарности, берегу какъ «вѣренный мнѣ залогъ, люблю какъ сестру или какъ ребен- «ка. Какъ намъ не быть признательными ей? Вѣдь она могла «бы отравить все наше блаженство, а она напротивъ, такъ «невинна, такъ добра!.. Но ты, вѣрно уже, сердился за эти «похвалы? Я хвалю по неволѣ, мой другъ, а не по восторгу «души. Мнѣ хотѣлось только объяснить тебѣ, — что, впрочемъ, «сама ты знаешь и чувствуешь въ глубинѣ твоего измученнаго «и растерзаннаго сердца, — что долгъ и совѣсть предписыва- «ютъ мнѣ именно такъ обращаться съ нею. О письмахъ не «безпокойся. Они запрятаны въ надежномъ мѣстѣ, въ моей «библіотекѣ, въ греческихъ книгахъ. Они тутъ безопаснѣе «чѣмъ за замкомъ. Жена моя по-гречески не читаетъ и ни- «когда не вздумаетъ заглянуть въ этотъ шкафъ...»

— Вотъ онъ ошибся, прошептала Ольга, какъ ошибается и въ томъ, что я не способна любить! Вотъ какъ они судятъ, мужчины, не принимая на себя даже труда рассмотреть пред- данныя имъ души поглубже!....

Она вздохнула и продолжала читать. Писемъ еще оставалось много, и всѣ они были страсть и огонь. Но Ольга уже чувствовала утомленіе. Надлежало перестать. Она едва нанла

въ себя силъ чтобы уложить листочки на прежнее мѣсто. Руки ея тряслись, голова горѣла, дрожь пробѣгала по тѣлу. Съ трудомъ дотацилась она до кабинета, и установила книги на полкѣ. Возвратясь въ спальню, она легла.

Черезъ сутки пріѣхалъ мужъ и нашелъ ее въ сильной горячкѣ.

Х.

— Что, докторъ?...

Я познакомлю васъ скоро съ этимъ докторомъ: онъ — очень интересенъ, и притомъ — другъ Ольгѣ.

— Теперь вы можете быть спокойны, она выздоравливаетъ примѣтно.

Глубокій вздохъ прервалъ разговоръ. Долоновскій поспѣшилъ къ кровати тихо, отдернулъ занавѣски и наклонился надъ изголовьемъ. Ольга лежала блѣдная какъ покрывавшій ее батистъ. Она тяжело вздыхала и слезы струились изъ ея закрытыхъ глазъ.

— Боже мой! что съ тобою? о чемъ ты плачешь Ольга? прошептала испуганный Долоновскій.

Докторъ тихо отвелъ его прочь. Потомъ, придвинувъ кресла, онъ усѣлся возлѣ постели, взявъ руку больной и углубился въ соображенія. Долоновскій вопросительно глядѣлъ на доктора; тотъ молча указалъ ему на дверь. Когда Долоновскій вышелъ, докторъ наклонился къ Ольгѣ и сказалъ ей:

— Вамъ нынче гораздо лучше, я смѣло могу поздравить васъ съ выздоравливаніемъ. Отрите же ваши слезы, плакать вамъ нѣтъ ни к кой причины, плакать вредно. Радуйтесь вмѣстѣ съ нами!

— Чему? кто вамъ сказалъ, что я хочу жить? прошептала Ольга.

— Никто не говорилъ, но это въ порядкѣ вещей, моя милая больная. Ваши мрачныя мысли не что иное какъ слѣдствіе нервнаго расстройства, и теперь когда вамъ на столько лучше, что вы въ состояніи выслушать и понять меня, вы должны обѣщать мнѣ бороться съ ними, отгонять ихъ...

— Я ничего не обѣщаю, отвѣчала холодно Ольга.

— Ну, хорошо, я подожду! нынче вы не хотите, зато можете быть завтра ..

— Ни завтра и никогда!

— Что это такое? или вамъ понравилось глотать лекарства

и лежать въ постели? Признаюсь, это для меня первый примѣръ...

— Неужели вамъ не случилось встрѣчать людей, желающихъ смерти?...

— Какъ не случаться! попадались и такіе, да все же это понятнѣе, а безъ цѣли разстроивать свое здоровье...

— Да вѣдь это также дорога къ смерти...

— О, нѣтъ! смерть не такъ легко дается. Быть больной, и умереть, это совсѣмъ другое дѣло.

— Такъ вы думаете, что одного сильнаго желанія при не менѣе сильной физической болѣзни не довольно, чтобы умереть?

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, которому хотѣлось доказать больной, что мрачная настроенность ея мыслей ни къ чему не поведетъ.

— Да! это правда, прошептала со вздохомъ Ольга, и я была отчаянно больна, и я призывала смерть съ мольбою, но она не шла...

— Эти мысли нисколько не удивительны при вашемъ болѣзненнымъ состояніи, продолжалъ спокойно докторъ, и если вы не хотите отгонять ихъ, это потому, что какъ женщина твердая вы не боитесь смерти... не такъ ли?

Ольга пристально посмотрѣла на доктора. Ей хотѣлось прочесть на его лицѣ, точно ли онъ приписываетъ одной твердости, то что было слѣдствіемъ ея душевнаго отчаянія, но докторъ былъ непроницаемъ.

— Зачѣмъ думать только о себѣ? продолжалъ онъ, если смерть не страшитъ васъ, будто изъ этого слѣдуетъ, что вамъ надо пренебрегать жизнью? а подумали ли вы о томъ, какъ бы перенесъ вашу потерю Николай Петровичъ?

Легкая краска разлилась по блѣдному лицу Ольги. Она молчала нѣсколько минутъ, потомъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою, сказала тихо:

— Ахъ, докторъ! я была такъ близка къ блаженству, я видѣла вѣчность передъ собой...

— Вѣчность всегда передъ вами: зачѣмъ же покамѣстъ не наслаждаться жизнью? Не говорю уже о васъ счастливой, любящей и любимой, но возьмемъ самыхъ несчастныхъ людей, зачѣмъ имъ желать смерти? почему знать что хранится для нихъ въ будущемъ?

— Есть такія несчастія, я говорю вообще, для которыхъ въ будущемъ нѣтъ никакой надежды.

— Надежда есть всегда.

Ольга печально покачала головою.

— Да! продолжалъ докторъ, какъ-будто не замѣчая ея движенія, отчаяніе непростительная слабость. Зачѣмъ отчаиваться, скажите? Какова бы ни была горестъ, развѣ она не пройдетъ со-временемъ?

— Есть горести, которыя не могутъ пройти, которыхъ нельзя забыть, потому что онѣ всегда передъ нами и при насъ....

— И! полноте! какъ не могутъ пройти, какъ нельзя забыть? Самое ужасное несчастіе конечно, потеря дорогой особы, не такъ ли? но и тутъ, черезъ какіе-нибудь пять шесть лѣтъ... что я говорю! даже гораздо прежде. .

— Мы утѣшимся, хотите вы сказать, перебила Ольга. Но слушайте, докторъ, я еще молода, мало знакома съ жизнью, а полагаю, что кромѣ потерь, есть несчастія не менѣе ужасныя....

— Съ тою разницею, что ихъ поправить можно.

— А если нельзя?

— Можно всегда. Исключая смерти, надъ которой человѣкъ не имѣетъ власти, въ жизни нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было передѣлать. Достигнуть можно всего. Было бы только желаніе, да сила воли.

— Вы думаете?...

— Я увѣренъ въ томъ.

Ольга задумалась.....

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговору, она сидѣла въ креслахъ. Долоновскій читалъ газеты, докторъ внимательно слушалъ, что не мѣшало ему однако взглядывать по временамъ на больную. Ольга, все еще слабая и блѣдная, разсѣянно прислушивалась къ чтенію. Для всякаго другаго, ея пониклая головка и томность, проглядывавшая во взорахъ и движеніяхъ, были необходимыя слѣдствія болѣзни, но для проницательныхъ глазъ медика, подъ этой болѣзненной оболочкой виднѣлись слѣды грусти, къ которой онъ присматривался съ тайнымъ удовольствіемъ, потому что эта грусть не походила уже на мрачное отчаяніе, блиставшее въ глазахъ Ольги когда она, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, говорила о смерти: теперь это была грусть тихая, кроткая, покорная — важный шагъ къ выздоровленію!

Долоновскаго вызвали за чѣмъ-то. Когда дверь за нимъ за-

творилась, Ольга быстро подняла голову и знакомо подошла к доктору своего къ себѣ.

— Иванъ Павловичъ, сказала она, когда я поправляюсь совершенно, вы должны предписать мнѣ загородный воздухъ.

— Я бы сдѣлалъ это и безъ вашей просьбы, отвѣчалъ онъ.

— Этого мало. На дачѣ меня закидаютъ посѣщеніями, а мнѣ нуженъ покой. Знаете *** скую пустынь? я хочу туда!

— Въ монастырь!

— Ну, да!

— Нѣтъ! Это для васъ не годится....

— Не возражайте, ради Бога! Я желаю провести нѣсколько времени въ уединеніи, это необходимо.... мнѣ теперь спокойствіе нужнѣе всего.

— Это такъ! но въ томъ мрачномъ расположеніи духа, которое развила въ васъ ваша болѣзнь, жизнь въ монастырѣ....

— Мрачное расположеніе! перебила Ольга. Вы ошибаетесь, Иванъ Павловичъ; оно уже прошло мое мрачное расположеніе, я уже не желаю смерти. Напротивъ мнѣ бы тяжело было умереть теперь. Я хочу жить! прибавила она съ необыкновенной энергіей.

— Я это знаю, отвѣчалъ докторъ, но все-таки нахожу неудобнымъ для васъ такое совершенное уединеніе, какого желаете вы. Ваши мрачныя мысли могутъ возвратиться...

— О, нѣтъ, нѣтъ! онѣ не возвратятся, увѣряю васъ... Послушайте! перебила Ольга съ жаромъ, если бы мнѣ сказали, что я должна умереть теперь я бы сошла съ ума отъ отчаянія, что мнѣ надо разстаться съ жизнью.... вотъ какъ велико во мнѣ желаніе жить!... Не возражайте же, не спорьте, я уѣду не больше какъ педѣли на двѣ. Мнѣ нужно много думать, много размышлять на свободѣ, собраться съ силами... физическими, прибавила она поспѣшно. Впрочемъ, какъ хотите! я рѣшилась; если вы и не возьмете на себя сказать моему мужу, что мнѣ полезенъ монастырскій воздухъ, я все-таки уѣду, хоть бы мнѣ пришлось бѣжать.

Съ больными спорить невозможно. Докторъ обѣщалъ все, чего хотѣла Ольга, льстя себя надеждою, что эта новая фантазія скоро пройдетъ; Не тутъ-то было! Тотчасъ по выздоровленіи Ольга заговорила о поѣздкѣ въ монастырь. Иванъ Павловичъ, докторъ, испыталъ еще нѣсколько возраженій, но Ольга объявила съ живостью, что не хочетъ ничего слушать. Онъ принужденъ былъ согласиться, тѣмъ болѣе, что здоровье Ольги замѣтно укрѣплялось, а *** ская пустынь

славилась своимъ воздухомъ и мѣстоположеніемъ. Долоновскій не противился по этимъ же самымъ причинамъ, и Ольга уѣхала въ монастырь.

Зачѣмъ она такъ сильно желала этой пѣздки, этого не зналъ даже всевѣдущій докторъ. — Пока душевная болѣзнь тѣсно связывалась съ тѣлесною, онъ, интересный докторъ, внимательно слѣдилъ за развитіемъ и ходомъ нравственнаго недуга, но, какъ-скоро здоровье больной возстановилось, онъ не хотѣлъ допытываться того, чему не могло пособить это искусство. Долоновскій нѣсколько разъ освѣдомлялся письменно о здоровьи Ольги. Она отвѣчала всегда, что чувствуетъ себя лучше день-о-то-дня. Въ самомъ дѣлѣ, когда Ольга возвратилась, послѣ трехъ-недѣльнаго отсутствія, даже самъ докторъ остался вполне доволенъ успѣхами выздоровленія. Ольга поправилась совершенно. Если румянецъ здоровья не такъ ярко какъ прежде игралъ на ея щекахъ, за то глаза свѣтились необыкновеннымъ блескомъ, блескомъ какой-то чудной, полной жизни энергіи, несвойственной дотошъ томнымъ очамъ молодой женщины. Долоновскій нашелъ, что блѣдность—натуральный результатъ недавней болѣзни—нисколько не портила хорошенькое личико Ольги; но хотя онъ и видѣлъ, что она замѣтно похорошѣла, весь занятый своей любовью, онъ не замѣчалъ нравственной причины новой прелести, разлитой по всему существу жены его. А было бы чему подивиться и чѣмъ полюбоваться! Ольга какъ будто переродилась. Слабое и робкое дитя, не умѣвшее отдать себѣ отчету въ своихъ чувствахъ, уступило мѣсто женщинѣ въ полномъ смыслѣ этого слова, то есть, прекраснѣйшему созданію Божію, съ сердцемъ, запечатлѣннымъ тремя неоцѣненными Его дарами: любовью, самоотверженіемъ и надеждой.

Долоновскій, какъ мы уже сказали, не замѣчалъ ничего. Онъ не зналъ что происходило въ душѣ Ольги, когда она въ первый вечеръ возвращенія, небрежно бросила ему эти холодныя слова:

— Я еще слаба, Николай Петровичъ. Мнѣ нуженъ покой и тишина. Отдай пожалуйста эту комнату еще на нѣсколько времени въ полное мое распоряженіе.

Эта просьба такъ хорошо согласовалась съ собственнымъ желаніемъ Долоновскаго, что онъ не рѣшился на возраженія. Онъ повиновался, не подозрѣвая, какія горькія слѣзы проливала жена его во время своихъ бессонныхъ ночей. Время шло, а Ольга и не думала измѣнять своихъ отноше-

ній къ мужу. Всегда ласковая и дружески съ нимъ предупредительная, она съ своимъ притворно-спокойнымъ видомъ умѣла продолжать ихъ взаимное отчужденіе, не подавая поводу думать, что въ этомъ кроется заранѣе обдуманнѣйшій планъ. Если мужъ какъ-нибудь невзначай оставался у ней вечеромъ долѣе обыкновеннаго, она притворялась утомленною и небрежно протягивала ему ругу, съ своимъ обычнымъ: до завтра! Долоновскіи не удивлялся. Онъ считалъ Ольгу холодной и безстрастной женщиной. Слепой!

Не подозрѣвая тайныхъ страданій жены, Долоновскіи беззаботно наслаждался мирнымъ бытомъ своей домашней жизни. Свободный, не стѣсняемый супружескими обязанностями, онъ былъ счастливъ дома. Ольга была для него пріятной собесѣдницей, милой и доброй сестрой, которая всегда находила для него и нѣжную улыбку, и ласковый привѣтъ. Онъ каждый день все болѣе и болѣе поддавался обаянію той дружеской прелести, которую Ольга умѣла разлить на ихъ взаимныя отношенія. Ольга все видѣла, все замѣчала. Она слѣдила за мужемъ съ неусыпнымъ вниманіемъ и знала, что онъ счастливъ съ нею. Смотря на ея ласковую предупредительность, на кроткую улыбку, съ которой она всегда встрѣчала Долоновскаго, никто не могъ бы догадаться, что каждый вечеръ, сставаясь одна въ своей уединенной спальнѣ, Ольга съ отчаянной мольбою и съ горькими слезами, повторяла тихо: мнѣ этого мало, о, мой Боже! Любви его, любви!...

XI.

Лучи заходящаго солнца обливали яркимъ потокомъ свѣту блѣдное лицо Ольги. Она сидѣла на балконѣ, облокотясь на балюстраду. Она была видимо взволнована. Глаза, ея вмѣсто того, чтобы пробѣгать по страницамъ книги которую она держала въ рукахъ, безпокойно, безпрестанно и украдкой устремлялись въ полуоткрытую дверь залы. Тамъ большими шагами ходилъ Долоновскіи. Со вчерашняго дня Ольга находила его въ какомъ-то странномъ, ненатуральномъ состояніи. Онъ былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ и усилія его скрыть это отъ Ольги не укрылись отъ зоркихъ глазъ молодой женщины. Ей нечего было сомнѣваться, она знала, что только одна любовь имѣла силу такъ волновать Долоновскаго. Не зная настоящей причины, Ольга подозрѣвала какую-нибудь непріятность, ссору, можетъ-быть размолвку между влюб-

ленными друзьями и, вѣроятно, на этотъ разъ дѣло было нешуточное, потому что никогда не видали Николая Петровича въ такой степени разстроеннымъ. Сначала радость закралась въ ея сердце. Размолвка! Это лучъ отрады, заря счастья, начало надежды наконецъ. Но кто объяснитъ тайны человѣческаго, я хочу сказать, человѣко-женскаго сердца! Была ли Ольга исключеніемъ, или всякая любящая женщина, то есть, женщина какъ ее создалъ Богъ, доброе, преданное и еще неиспорченное свѣтомъ созданіе, всякая ли такая женщина, тронется до глубины души страданіемъ любимого ею человѣка, несмотря что это страданіе благопріятствуетъ ея личнымъ пользамъ? Я не знаю. Всякій и, особенно, всякая имѣетъ свои понятія о любви. Я... признаюсь... для меня такая любовь, которая не въ состояніи возвыситься до самоотверженія и довести до полного самозабвенія, не есть любовь, а только сильное волненіе крови въ сухой оболочкѣ сердца. Какъ бы то ни было, радость Ольги истязала по мѣрѣ того какъ лицо Николая становилось блѣднѣе, а въ потухшихъ глазахъ все глубже и глубже означалась внутренняя тоска. Ей стало жаль мужа, такъ жаль, что не будучи въ состояніи долѣе выдержать виду этихъ страданій, она встала съ мѣста и тихо растворила дверь.

— Николай, какъ ты себя чувствуешь?... ты не здоровъ? сказала она, стараясь придать голосу равнодушный тонъ.

— Я?... нѣтъ ничего,... легкая головная боль.... это скоро пройдетъ.... отвѣчалъ онъ съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Ты бы легъ, мой другъ! продолжала Ольга, которой хотѣлось уложить мужа въ постель, для того чтобы онъ, такимъ образомъ, былъ избавленъ отъ тягости подавлять свою тоску.— Лягъ! продолжала она настойчивѣе: я постараюсь, чтобы тебя оставили въ покоѣ. Ты отдохнешь, Ты еще нечувствуешь, но повѣрь мнѣ, ты не здоровъ.

— Кто не здоровъ? спросилъ вдругъ вошедшій Сергій Павловичъ: и здѣсь развѣ нездоровы? Что это все вездѣ больны?....

— А кто же еще боленъ? спросила Ольга.

— А вы развѣ не слышали? Наша красавица-то... Все говорятъ объ этомъ,...

— Грулева больна? вскричала Ольга.

— Да какъ еще!... При смерти!... да-съ! при смерти, и, говорятъ, ни какой надежды....

— Какъ жаль! такая молодая женщина.... замѣтила Ольга.

Съ неимовѣрнымъ усиліемъ старалась она укротить свое волненіе. Теперь ей объяснилось все.

— Мой мужъ также нездоровъ, хоть и не хочетъ сознаться, сначала она опять, послѣ минутнаго молчанія. Не говорите же ему ни о смерти, ни о больныхъ, Сергѣй Павловичъ. Расскажите, лучше, что-нибудь веселое, чтобы развлечь его, оставивъ Мирвулова съ Долоновскимъ, она незамѣтно ускользнула.

«Прости мнѣ, о, мой Боже! повторяла она передъ образомъ Спасителя, сдерживая рукой сильно бьющееся сердце. Отгони мои преступныя мысли! Одно изъ твоихъ прекраснѣйшихъ созданій умираетъ, а я радуюсь!... Спаситель мой, скажись надо мною!

Она долго молилась, долго подавляла невольное чувство удовольствія: неотвязныя мысли не давали ей покою. Они толпились неотступно; они осаждали роемъ обольстительныхъ надеждъ. Ольга дрожала отъ негодованія на себя, но не могла преодолѣть своихъ чувствъ; ни голова ни сердце не слушались ея. Вдругъ блѣдный образъ нѣжно любимаго мужа явился въ ея воображеніи грустнымъ, безпокойнымъ, огорченнымъ. Она положила еще нѣсколько усердныхъ поклоновъ и пошла къ Николаю. Онъ лежалъ на диванѣ. Она остановилась въ дверяхъ, и, глубоко пораженная страшнымъ выраженіемъ лица его, отворотилась, чтобы скрыть слезу.

— Горька надежда, купленная такой цѣною! сказала она про себя. Лучше, въ тысячу разъ лучше страдагь самой, чѣмъ видѣть какъ онъ страдаетъ....

— Она сѣла вольгъ мужа и начала разговаривать съ Мирвуловымъ. Но пока языкъ повторялъ общія мѣста бесѣды безъ цѣли, голова придумывала какъ бы утѣшить Долоновскаго. Можетъ-быть онъ страдаетъ отъ неизвѣстности: съ обѣда онъ не выходилъ изъ залы и, стало-быть, не освѣдомлялся....

— Знаете ли, Сергѣй Павловичъ, что вы меня ужасно перепугали? сказала она вдругъ.

— Какъ это?... чѣмъ?

— Да вашимъ извѣстіемъ о Грулевой. Какъ не испугаться!... Но не преувеличиваете ли вы опасности? Мало ли что говорятъ! Вѣдь и обо мнѣ въ городѣ говорили, будто я при смерти и безъ надежды.... Я, лучше, пошлю узнать....

Она позвонила.

— Да оно и было такъ, Ольга Константиновна. Больны-то вы были опасно....

— Однако выздоровѣла. И Грулева можетъ-быть также. Бѣги скорѣе, сказала она вошедшему слугѣ, сходи къ Грулевымъ, вызови кого-нибудь потолковѣе изъ ихъ людей, и скажи, что я прислала спросить о здоровьи Ольги Александровны. Разспроси подробно объ ея болѣзни.

Черезъ нѣсколько времени посланный воротился съ отвѣтомъ, что — чрезвычайно благодарятъ — Ольга Александровна очень больна.

— Только? спросила Ольга съ метерпѣніемъ.

— Только-съ.

— Кого ты видѣлъ?

— Лакей выходилъ.

— Зачѣмъ же ты не вызвалъ горничной? Чтô можетъ знать лакей?

— Требовалъ я Настасью Ѳоминышну, чтô бѣлье тонкое стираетъ; она у нихъ изъ самыхъ приближенныхъ; да не пошла: нельзя, говоритъ, отойти; лекарство, говоритъ, надо безпрестанно подавать.

— Ужъ если дома говорятъ, что очень больна, стало-быть — въ опасности, замѣтилъ Сергѣй Павловичъ.

— Это чтô за доказательство? возразила Ольга. Чтô знаютъ лакеи?

— Они только тогда и знаютъ объ опасности, когда опасность велика. Доктора всегда скрываютъ; но если ужъ всѣмъ домашнимъ извѣстно....

— Но вы слышали, перебила Ольга: Наталья не можетъ отойти, потому что безпрестанно подаетъ лекарство. Если бы не было ни какой надежды, не стали бы безъ пользы пить лекарствомъ.

— Эхъ, матушка Ольга Константиновна! мало ли что дѣлается безъ пользы!... Иногда, просто.... такъ.... для утѣшенія домашнихъ....

— Полноте, Сергѣй Павловичъ.... охота же вамъ пророчить бѣду!... Поговоримте, лучше, о другомъ, — и Ольга закидала его вопросами о городскихъ новостяхъ, о знакомыхъ, а сама думала между-тѣмъ: — Я сдѣлала глупость.... вмѣсто того чтобъ утѣшить, только огорчила его еще болѣе.... Посмотримъ, нельзя ли поправить какъ-нибудь....

Она пошла въ свой кабинетъ, и на-скоро написала эти

слова: «Если вамъ дѣлать нечего, прїѣзжайте къ намъ, докторъ. Я получила нѣсколько музыкальных новостей. Не пугайтесь, въ своей великой скромности: эти новости довольно стары и, наѣрное, вамъ знакомы, потому что онѣ прекрасны. Не измѣняйте славѣ о своей любезности: явитесь сейчасъ ко мнѣ. Вы знаете какъ нетерпѣлива, особенно когда жду васъ. О. Д.»

Докторъ немедленно явился — только не подумайте, что — какой-нибудь гадкій докторъ — не Карлъ Адамовичъ — не тотъ старый, знаменитый докторъ, котораго видѣли вы у Бигулиныхъ — фи!... какъ можно!... а молодой и интересный докторъ, нисколько не знаменитый и очень миленькій — превосходный докторъ — Ольгинъ и мой докторъ — который лечитъ у насъ всѣхъ интересныхъ женщинъ, знающихъ толкъ въ докторсахъ, и съ которымъ я общалась васъ познакомить. Ахъ, какой чудесный докторъ!... Ольга уже ожидала его въ залѣ.

— Я думала уже, что вы не придете.

— Это почему?... Развѣ я опоздалъ?... или когда-нибудь не являлся по вашему призыву?... Я такъ люблю....

— Физиологію и музыку.

— И васъ тоже.

— Я это знаю.... (А надо вамъ знать, что миленькій докторъ былъ немножко вдюбленъ въ Ольгу, до ея замужства).... вы любите всѣхъ вашихъ больныхъ.... всѣхъ пациентокъ.... Я полагала, что въ эту минуту вы очень заняты, огорчены, взволнованы.... такая прекрасная женщина, и такъ опасно больна.... Я полагала, что вы непременно тамъ.... безотлучно....

— Опасно больна?... кто это?... У меня есть нѣсколько больныхъ, но не такихъ опасныхъ, чтобъ....

— Какъ! развѣ не вы лечите Грулеву?

Докторъ улыбнулся.

— Я?... какъ можно!... о, нѣтъ!... ее лечитъ Карлъ Адамовичъ.

— А! понимаю!... васъ туда не пускаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, Григорій Ивановичъ — мужъ мудрый и осторожный. Я признаюсь, сдѣлала бы то же на его мѣстѣ. Я бы васъ не пустила къ своей женѣ.... еще такой красавицѣ!... Съ вами конца нѣтъ болѣзни: такъ и хочется все быть больной!... Я это знаю отъ многихъ.

— Волюно вамъ шутить надо мною.... вы шутите такъ ми-

ло!... но кажется, что и съ другими врачами... съ Карломъ Адамовичемъ напимѣрь.... случается точно то же самое: съ нимъ также — многимъ.... такъ и хочется быть больной!... напимѣрь Ольгѣ Александровнѣ Грулевой. Онъ только-что забѣжалъ ко мнѣ.... въ ужасномъ негодованіи.... въ бѣшенствѣ.... что его растревожили по такимъ пустякамъ въ самую интересную минуту его жизни.... когда онъ, самъ, своею умной рукою, приготовилъ себѣ блюдо сырой капусты къ подлинному вестфальскому окороку, который прислалъ ему одинъ изъ постоянныхъ и усерднѣйшихъ пациентовъ....

— Такъ Грулева не очень больна?... Ахъ, какъ я рада!... сказала Ольга. Пойдемте къ мужу. Онъ жалуется на головную боль. Не присовѣтуете ли вы ему что-нибудь въ облегченіе?... Грулева, въ самомъ дѣлѣ, не такъ больна какъ увѣряютъ?...

Докторъ опять улыбнулся. Ольга удвоила шаги.

— А кто изъ насъ правъ, Сергѣй Павловичъ? сказала она, растворивъ дверь. Все, что вамъ наговорили о Грулевой, не имѣетъ ни какого основанія.

— Какъ! вскричали Сергѣй Павловичъ и Николай Петровичъ вмѣстѣ.

— Да!... Вотъ пусть вамъ скажетъ докторъ.

— Просто, вздорный слухъ! сказалъ докторъ. Грулева такъ больна какъ мы съ вами.

— А Сергѣй Павловичъ увѣрялъ.... сказала Ольга.

— Я слышалъ по-крайней-мѣрѣ челоуѣкъ отъ десяти, отъ началъ Мирвуловъ.

— Жена моя посылала узнать.... замѣтилъ Долоновскій.

— И, вѣрно, отвѣчали, что — при смерти, безъ надежды!... Но это только... такъ!... фантазія... женскій капризъ, какъ выражается Карлъ Адамовичъ. Ей захотѣлось помучить.... мужа или его.... этого Карлъ Адамовичъ навѣрное не знаетъ.... а знаетъ только, и говоритъ, что она вовсе не больна. Словомъ, она гораздо здоровѣе васъ, Николай Петровичъ, потому что у васъ, я слышу — головная боль, а у ней даже и этого нѣтъ.

— Ахъ, докторъ, какъ вы нескромны!... замѣтила улыбаясь Ольга: если женщина притворяется больною, то для этого у ней должны быть чрезвычайно важныя причины. Зачѣмъ вы измѣняете тайнамъ медицины?

— Развѣ я обязанъ хранить тайны больныхъ Карла Адамовича? возразилъ миленькій докторъ. Я, напротивъ, только оду-

шевляюся его негодованіемъ. Я стою за права и достоинство врачебнаго сословія. Возможно ли, позволительно ли, притвориться опасно больной въ то самое время какъ такой важный, такой знаменитый врачъ садится за вестфальскій окорокъ, свѣжую икру и сырую капусту, разстроить его аппетитъ изъ непонятнаго капризу, заставить его скакать безъ нужды черезъ весь городъ по ужасной мостовой, надѣвъ парикъ на выворотъ, забывъ табакерку и платокъ?...

— Но можетъ быть она точно страдаетъ, сказала Ольга.

— Полноте, она совершенно здорова, и кругомъ виновата. Обманывай она кого хочетъ, а Карла Адамовича она ужъ не проведетъ. А что ваша головная боль, Николай Петровичъ?

— Ничего, почти проходитъ....

— Стало быть музыка вамъ не помѣшаетъ?... Ольга Константиновна, пойдете, посмотримъ тѣ новыя піесы, которыя вы мнѣ обѣщали сообщить?...

— Такъ это ты пригласила Ивана Павловича сюда?

— Да! Мнѣ хотѣлось заняться музыкой, мой другъ....

Концертъ начался. Долоновскій просилъ растворить дверь кабинета и долго смотрѣлъ на жену.

— Ангель! сказалъ онъ, прислушиваясь къ гармоническимъ звукамъ инструментовъ: самъ Богъ вложилъ тебѣ счастливую мысль послать за нимъ. Ты, сама того не понимая, служишь мнѣ источникомъ утѣшеній. Богъ да благословить тебя!...

ХII.

Болѣзнь Ольги первой окончилась въ тотъ день и часъ, какіе ей самой угодно было прописать себѣ, и на большой загородный вечеръ у Бигулиныхъ причудливая красавица явилась еще восхитительнѣе обыкновеннаго. Ольга, внимательно слѣдуя за влюбленными, замѣтила тотчасъ, что они, всегда удалявшіеся въ обществѣ другъ отъ друга, теперь какъ-будто желали сойтись наединѣ. Это желаніе проявлялось въ такихъ скрытныхъ, неуловимыхъ движеніяхъ, что никто на свѣтѣ, кромѣ любящей безнадёжно женщины, не умѣлъ бы отгадать его. Дорого дала бы Ольга, чтобы услышать ихъ объясненіе. Ей такъ хотѣлось знать, въ какихъ они отношеніяхъ теперь. Въ саду было одно мѣсто, удобное къ уединенію. Ольга видѣла, что Грулева отправилась туда. Она уловила ее взглядъ, призывавшій Долонов-

скаго, и быстрѣе ласточки очутилась тамъ, за большимъ, раскидистымъ кустомъ, который, скрывая ее совершенно, позволялъ слышать разговоръ. Напрасно голова Ольги возмущалась противъ этого неблагороднаго поступка: непослушное сердце влекло ее туда. Ей уже было извѣстно, какъ они пишутъ, но она еще не слыхала, какъ говорятъ. Какая страсть могла бы устрѣять противъ такого искушенія? Ольга, вся, превратилась въ слухъ. Къ счастью, она уже не застала начала объясненія, а изъ остальной бесѣды не уловила почти и трехъ словъ сряду. Я и очень рада этому! Да и Ольга не жалѣла объ неудачѣ такой неприличной мѣры любопытства. Она только слышала голоса и могла судить по тону и наклоненіямъ звуковъ, что нѣжные друзья ссорились — что Николай сердился — что Грулева сперва упрекала — потомъ оправдывалась — наконецъ обижалась. Слова: ревность — притворство — Настя — ложная болѣзнь — химера — мученіе — пытка — неблагодарность — обманъ — капризъ — повторялись довольно часто, но, за этими сладкозвучными словами, вдругъ раздавались слова ужасно дикія, адскія, острия какъ иголки: люблю — обожаю — жить не могу безъ тебя — вѣчно твой — вѣчно твоя — счастье — согласіе — любовь — примиреніе — блаженство!... Ольга не проронила ни одного такого слова. Каждая буква ихъ, каждое измѣненіе тону, отдавались болѣзненно въ ея сердцѣ; она судорожно мила въ рукахъ платокъ, кусала себѣ губы, всѣми силами удерживала рыданія. Она была внѣ себя. Когда это волненіе утихло, когда она снова могла сосредоточить свое вниманіе на томъ, чего нельзя было разслышать, голосъ Долоновскаго не звучалъ уже страстнымъ тономъ, грусть и подавляемое нетерпѣніе проявлялись въ этомъ голосѣ, рѣчь зашла снова о болѣзни, о притворствѣ, о капризахъ.... Ольга убѣждала.

Когда она возвратилась въ танцевальную галерею, тамъ уже всѣ собиралась итти смотрѣть фейерверкъ. Женщины надѣвали платки и мантильи, мужчины суетились около женщинъ. Грулева стояла у дверей, готовая выйти, и ея блестящіе глаза какъ-будто снова призывали Долоновскаго. Ольга вспомнила недавнюю сцену, и вся кровь закипѣла въ ней. — Посмотримъ, имѣю ли я право помѣшать вамъ, сударыня?... прошептала она про себя и, побѣдивъ свое волненіе, сказала громко спокойнымъ тономъ.

— Николай, дай мнѣ руку, прошу тебя!... я хочу быть съ тобою.

Этому предложенію нельзя было противиться. Рука ея руку, молодые супруги прошли мимо Грулевой, и если бы у ней былъ даръ читать тайную грамоту глазъ, она прочтала бы въ ясномъ взглядѣ жены: «Меня не любятъ, меня взяли безъ любви, но я могу, имѣю средства, и имѣю довольно мужества, недопустить, чтобы другія мучили мнѣ безсовѣстно моего мужа: это — мое право!... исключительно мое!... есть ли тутъ любовь или нѣтъ.... да, сударыня, мое!...»

Во все продолженіе фейерверка, Ольга удержала мужа возлѣ себя. Она завлекла его въ интересный разговоръ, ослѣпила любезностью, закидала милыми вопросами и остроумными замѣчаніями. Долоновскій никогда еще не видалъ жены въ такомъ живомъ, веселомъ, прелестномъ расположеніи духа. Она воротилась въ галерею, торжественно опираясь на его руку, и въ галереѣ еще продолжала съ нимъ разговаривать, подстрекаясь невиннымъ и совершенно законнымъ желаніемъ раздосадовать капризную и ревнивую соперницу. Насладившись вдоволь этой восхитительною местию, она наконецъ дала свободу мужу, который, однако, не тотчасъ поспѣшилъ къ Ольгѣ Александровнѣ. Послѣ сцены въ саду онъ былъ недоволенъ ею. Мужчины не охотники выслушивать наши упреки, а въ эту минуту чудесные глаза красавицы смотрѣли на Долоновскаго такъ грозно, что онъ предпочелъ имъ телачій взоръ Марьи Алексѣевны Бигулиной, ласково приглашавшіе его къ себѣ.

Между-тѣмъ Ольга ускользнула въ садъ. Усиліе, съ которымъ она наложила на себя притворную веселость, довело ее до нервическаго раздраженія. Она не шла, а почти бѣжала по аллеѣ: такъ сильно волновалась у ней кровь. Ей былъ нуженъ воздухъ, уединеніе, тишина. Къ счастью садъ былъ почти пустъ. Было уже поздно, а ночь свѣжа. Вдругъ на поворотѣ одной дорожки, до Ольги долетѣло глухое восклицаніе. Она остановилась въ замѣшательствѣ. Подумавъ, что могутъ найти странными, и ея уединенную прогулку, и ея взволнованный видъ, она хотѣла повернуть назадъ, когда имя ея мужа, произнесенное съ яростью, оказало шаги ея. Николай ссорится съ кѣмъ-то, прошептала она задрожавъ. Но напрасно напрягала она слухъ: слышенъ былъ только одинъ голосъ чей-то, гнѣвный, раздраженный,

ограниченно повторявшій бранила слова. Векорѣ увидѣла она и дѣйствующее лицо этого страннаго монолога. Грулевъ, Григорій Ивановичъ, въ странномъ авертѣ, бѣгалъ какъ сумасшедшій по аллеѣ и рычалъ какъ дикій звѣрь: негодная! обманщица!... вотъ я же дамъ вамъ знать себя!... поплачутесь вы мнѣ, и ты, и Долоновскій!... разглашу!... не пощажу!... публично нанесу обиду... пусть всѣ узнаютъ....

Въ рукахъ Григорія Ивановича былъ браслетъ, тотъ обличительный браслетъ, съ портретомъ, который Ольга видѣла на рукѣ Грулевой и на незабвенномъ балѣ, и здѣсь, не болѣе какъ съ часъ тому назадъ, и который вѣроятно обронила она въ саду. Ольга знала изъ писемъ, что въ то время когда Грулевъ увидалъ у жены своей портретъ, браслетъ не былъ вынутъ изъ шкатулки, и Григорій Ивановичъ не вѣдалъ до-сихъ-поръ, что та хорошенькая веница, на которую самъ онъ часто любовался, скрывала въ себѣ такой вѣроломный секретъ. Когда браслетъ свалился съ руки Грулевой, пружина вѣроятно повернулась и портретъ очутился на виду. Грулевъ такъ страшно бѣсновался, что Ольга забыла все, и сцену въ саду и досаду соперницы и свою радость: голова ея кружилась, ноги подгибались, одна всепоглощающая мысль, мысль о Николаѣ, опутала ее кругомъ. Ему публичная обида! ему насмѣшки всего города! можетъ-быть дуэль.... нѣтъ! этому не бывать! Ольга легонько отодвинулась назадъ, зашумѣла платьемъ, закашляла. Носорогъ остановился и притихъ. Ольга обошла тропинку, и встрѣтилась съ нимъ лицомъ къ лицу.

— Ахъ это вы, Григорій Ивановичъ!.... какъ я рада, что встрѣтила кого-нибудь.... я — въ какомъ горѣ!.... посудите только!.... ради Бога, помогите мнѣ съискать....

Грулевъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Ольгу.

— Вы что нибудь потеряли? спросилъ онъ, видя, что Ольга наклонившись искала чего-то на пескѣ.

— Я обронила браслетъ съ портретомъ мужа.... что если я не найду его!....

— Ахъ! да онъ у васъ, Григорій Ивановичъ! гдѣ вы его нашли? и молчите! охота вамъ такъ меня мучить....

— Это *вашъ* браслетъ? спросилъ протяжно Грулевъ.

— Я думаю, что мой!.... У одной только Ольги Александровны есть здѣсь другой точно такой же.... Развѣ вы не узнаете? А сходство необыкновенное!.... Благодарю покорно.

— Портретъ этотъ долженъ быть давно знакомъ вамъ, Григорій Ивановичъ, продолжала Ольга, застегивая браслетъ на рукѣ. Ольга Александровна была такъ любезна, что присовѣтовала моему мужу, когда онъ еще былъ женихомъ, вдѣлать этотъ портретъ въ браслетъ, въ родѣ того, который былъ у ней, и которымъ всѣ восхищались. Она даже позволила ему послать въ Петербургъ этотъ чудесный браслетъ, для образца. Онъ такъ нравился моему мужу, что ему непременно хотѣлось подарить мнѣ совершенно такой же....

— Да; я это помню, отвѣчалъ укрощенный скорѣе чѣмъ успокоенный Грулевъ. — Чортъ возьми! опять ошибся! ворчалъ онъ вслѣдъ за уходомъ Ольги: опять не поймалъ!.... а казалось, въ рукѣ уже держу!.... Женщинъ никакъ не поймашь. Угри! змѣи!.... чѣмъ крѣпче сжимаешь, тѣмъ проворнѣе ускользаютъ изъ рукъ!.... Два одинаковые браслета сочинили!.... Поди узнай, который.... Вздумаешь ревновать и, какъ-разъ, въ дуракахъ останешься!.... Уфъ!....

И Грулевъ бросился на скамейку, отирая платкомъ потъ. Ольга между-тѣмъ спѣшила къ мужу.

— Николай Петровичъ, сказала она, подозвавъ его къ себѣ. Вотъ посмотри, что я нашла! Этотъ браслетъ я кажется видѣла у Грулевой.... пожалуйста отнеси его ей. Она вѣрно въ безпокойствѣ: не очень весело потерять такой хорошенькій браслетъ!....

Она отдала его мужу и ушла.

— Какое счастье, думалъ Долоновскій, что ей, а не кому другому попался въ руки онъ!... что если бы тотъ, кто нашелъ, полюбопытствовалъ открыть?... всегда когда нужно утѣшить или спасти, всегда является она.... безсознательно, но кстати.... И Долоновскій вспомнилъ бумажникъ, болѣзнь другой Ольги, браслетъ.

— Эта женщина, мой ангель-хранитель, думалъ онъ, смотря Ольгѣ въ слѣдъ. Воображалъ ли это я! Какъ жаль, что она такъ холодна!... и что я влюбленъ въ другую!....

Послѣ этого приключенія, Ольга Грулева просила Долоновскаго велѣть задѣлать на-глухо пружину.

— Это необходимо для моего спокойствія, говорила она. Конечно жаль, что я не буду видѣть твоего портрета, но.... все равно... я буду чувствовать, что онъ тутъ.

Часто послѣ заставляла она мужа застегивать браслетъ. Это очень ее забавляло.

— Онъ и не чувствуетъ, кого помогаетъ мѣѣ надѣвать.... говорила она Настѣ смѣясь.

XIII.

Однажды,—это было мѣсяца черезъ три послѣ вечеру съ фейерверкомъ,— Ольга напрасно ждала утромъ мужа за чайнымъ столомъ. Долоновскій не приходилъ. Соскучившись дожидаться, она позвонила.

— Проси Николая Петровича кушать чай! сказала она вошедшему лакею.

— Чтѣ же ты? ступай! продолжала она, видя, что тотъ не трогается съ мѣста.

— Да я не смѣю войти въ кабинетъ, отвѣчалъ онъ запинаясь. Знать баринъ еще не одѣвались: они камердинера не звонили до-сихъ-поръ.

— Это странно! подумала Ольга.

Она прождала еще съ часъ. Наконецъ ею овладѣло безпокойство. «Пойду провѣдаю чтѣ съ нимъ», сказала она сама себѣ. Когда она отворила дверь кабинета, ей показалось, что Долоновскій спитъ. Онъ лежалъ на диванѣ, который служилъ ему постелью, и Ольга съ удивленіемъ замѣтила, что Николай Петровичъ былъ совсѣмъ одѣтъ. «Онъ не призывалъ камердинера, стало-быть не раздѣваясь легъ», подумала она, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ. Вдругъ она вздрогнула. Долоновскій не спалъ.... онъ лежалъ съ открытыми глазами, лицо его было необыкновенно красно, губы шевелились. Въ испугѣ Ольга схватила его руку: она горѣла какъ огонь.

Черезъ минуту по всему городу разсланы были гонцы: три врача явились на призывъ. Не смотря что каждый, по положенію, старался успокоить Ольгу, Ольга понимала, что доктора, по обыкновенію, морочатъ. У сердца есть своя патологія, вѣрнѣе академической. Сердце Ольги чувствовало, что опасность велика. Зная по опыту, какъ физическія болѣзни развиваются отъ чисто нравственныхъ причинъ, Ольга догадывалась смутно, что какое-нибудь неожиданное и страшное горе сразило бѣднаго Николая. Ей такъ хорошо была знакома игра его лица, что въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ приходилъ въ себя, ей не трудно было читать въ его чертахъ уныніе и скорбь. Ему становилось хуже день отъ дня. Сказать докторамъ свои сомнѣнія о нравственномъ недугѣ она

не рѣшалась, потому что сама не знала что и какъ сказать. Не открыть же постороннимъ лицамъ исторію его любви! и если бы даже это можно было сдѣлать, чѣмъ тутъ помогутъ доктора? Что дѣлать! Боже мой, что дѣлать! твердила Ольга внѣ себя.

Тотъ не страдалъ, кто не проводилъ ночей возлѣ больнаго, близкаго къ сердцу, драгоценнаго больнаго, кто не всматривался каждый день въ его постепенно измѣняющіеся черты, кто не слѣдилъ за развитіемъ смертельнаго недуга, повѣрьте мнѣ тотъ не страдалъ!... Сколько заглушаемыхъ рыданій, сколько обѣтовъ и молитвъ возносилось къ Богу въ тѣ страшно-безмолвные часы, когда одна возлѣ постели мужа, Ольга не слыхала ничего, кромѣ его прерывистаго дыханія и тяжкаго стону по временамъ. Пришла пора когда силы измѣнили Ольгѣ, и когда она начала бояться, что сойдетъ съ ума.

— Иванъ Павловичъ, сказала она однажды миленькому доктору, судорожно сжимая его руки: не правда ли, надежды нѣтъ?...

— Надежда никогда не прекращается въ медицинѣ, отвѣчалъ серьезно докторъ. Даже послѣ смерти, можно еще надѣяться; иногда мертвые воскресаютъ. Николай Петровичъ очень боленъ, я скажу вамъ откровенно. Лекарства не спасутъ его. Простудная горячка, которою страдалъ онъ, прекратилась... но... онъ въ глубочайшей ипохондріи... онъ самъ не хочетъ жить.. Ипохондрія въ такой степени и силѣ, какова у него, можетъ свести въ могилу даже здороваго человѣка, а при такомъ расслабленіи, когда больной еще не оправился отъ острой болѣзни, чуть не положившей его въ гробъ, за послѣдствія еще менѣе можно отвѣчать.... Надо принять другія мѣры. Ольга Константиновна, я обращаюсь къ вамъ.... придумайте какое нибудь сильное потрясеніе: напримѣръ, недалѣе, не скрывайте вашего горя, вашихъ слезъ; отчаяніе ваше можетъ пробудить въ немъ любовь къ жизни, онъ захочетъ выздороветь для васъ.... Словомъ дѣйствуйте на его нравственность, вы лучше меня знаете родъ его впечатлительности.... его мечты ... его страсти... дѣло въ томъ, что надо вывести его изъ этой апатіи, которая отнимаетъ у него послѣдній остатокъ силъ.... Тогда станутъ и лекарства производить дѣйствіе.

Миленькій докторъ ушелъ, оставивъ Ольгу неподвижной и безмолвной. О, Боже! думала она: что я могу тутъ сдѣлать?..

Развѣ для него я значу что нибудь? Боже мой, цаставь меня!...

Вдруг смѣлая и свѣтлая мысль прорѣзала лучомъ своимъ ея отуманенный горемъ умъ.

— Ольга Константиновна пріѣхала, доложилъ лакей.

— Кто? съ удивленіемъ спросила Грулева.

— Ольга Константиновна... Долоновская, повторишь слуга.

— Хорошо, проси!

Когда двѣ Ольги встрѣтились въ гостиной, каждая была поражена смущеніемъ другой. Грулева, удивленная визиту Долоновской въ такое время, когда она едва живъ, и испуганная ея блѣдностью, безпокойствомъ, взволнованнымъ видомъ, съ трудомъ могла произнести нѣсколько несвязныхъ словъ. Долоновская, не разслушавъ ея вопросовъ, отвѣчала ей безмолвно поклономъ и дрожа, опустила на диванъ.

— Ольга Александровна, сказала она послѣ минутнаго молчанія, собравъ всѣ свои силы и удерживая слезы, готова брызнуть изъ глазъ: мужъ мой очень боленъ...

— Да! я знаю.... отвѣчала Грулева: но надѣюсь, ему теперь лучше. ..

— Лучше! перебила Долоновская, бросивъ на нее долгій и грустный взоръ: если бы ему было лучше, я не пріѣхала бы къ вамъ....

Грулева смутилась и не отвѣчала ничего.

— Да! продолжала Долоновская, онъ очень боленъ, такъ боленъ что возвратить его къ жизни можетъ только чудо... или... вы....

Грулева покраснѣла. Нѣсколько секундъ она не находила что отвѣчать.

— Я васъ не понимаю... сказала она наконецъ.

— Я васъ прошу поѣхать со мной.... вы скажете ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ.... Это облегчитъ его страданія,... и даже, я увѣрена, спасетъ его....

Губы Грулевой зашевелились, она хотѣла что-то сказать... но нервическій трепеть вдругъ оковалъ ея языкъ. Слова Долоновской оледенили кровь ея. Ихъ тайна была явственно въ рукахъ *его жены*. Какое униженіе для самолюбія гордой свѣтской женщины!... и вмѣстѣ съ тѣмъ какой страхъ для пугливой и безхарактерной красавицы!

Обѣ женщины молча смотрѣли другъ на друга. Каждой было неловко. Долоновская, озадаченная молчаніемъ Груле-

вой, не знала какъ продолжать. Испуганная Грулева не могла придумать отвѣту.

— Что-же! сказала наконецъ Долоновская; поѣдете ли вы со мной?

— Мнѣ ѣхать съ вами?... зачѣмъ?...

Гордая холодность, съ которою были сказаны эти слова, возмущила Долоновскую.

— Зачѣмъ? сказала она, бросивъ на Грулеву взглядъ, полный негодованія. Если вы сами не догадываетесь, я растолкую вамъ: Николай Петровичъ на краю гроба, и совѣсть предписываетъ вамъ сдѣлать все возможное для его спасенія, или, по крайней мѣрѣ, облегчить его послѣдніе дни.

Презрительный тонъ Долоновской еще болѣе раздражил и безъ-того уже раздраженную Грулеву. Щекотливая мысль, что она, его жена, владѣетъ ея тайной, странность просьбы, въ которой чудилась ей насмѣшка, все это сильно взволновало красавицу.

— Позвольте мнѣ самой судить о томъ, что предписываетъ совѣсть, сказала она.

— Это какъ вамъ угодно! отвѣчала Долоновская. Я желаю только, чтобы ваша совѣсть предписала вамъ теперь что-нибудь лучшее, нежели то что она внушала вамъ до сихъ поръ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому вы добровольно испортили будущность обожающаго васъ человѣка. .. теперь вы не находите въ вашемъ сердцѣ ничего, для того кто принесъ вамъ въ жертву болѣе чѣмъ жизнь—спокойствіе и счастье своей жизни—ваша совѣсть—странная совѣсть, Ольга Александровна!

Долоновская холодно поклонившись хозяйкѣ сдѣлала уже шагъ къ дверямъ.

Вдругъ она задрожала, ноги подогнулись, слезы ручьями полились изъ глазъ. Она медленно воротилась на свое мѣсто и, въ отчаяніи, закрыла лицо.

— Боже мой! говорила она, рыдая: и вы позволяете мнѣ уйти!.. и вы не сжалитесь ни надъ нимъ, ни надо мною!.. Зачѣмъ вы обратили вниманіе на мои язвительныя слова? Зачѣмъ не подумали вы, счастливая и любимая, что можете мнѣ, несчастной, многое простить!.. что давно накопленные страданія должны же наконецъ вырваться изъ моей груди! Неужели вы не понимаете, какую страшную борьбу должна была выдержать я, прежде чѣмъ рѣшилась обратиться къ вамъ?... Униженіе, гнѣвъ, оскорбленную гордость, я все забыла для него!... Зачѣмъ же вы приняли меня такъ холодно, такъ гордо!... За-

чѣмъ вывели меня изъ себя?... Я увлеклась.... я такъ давно страдаю!... но, ради Бога, забудьте все, что я сказала вамъ!... Онъ боленъ... онъ умираетъ.... спасите его!... не дайте ему умереть!...

Грулева, блѣдная и смущенная, опустила голову на грудь.

— Но что же я могу сдѣлать?... прошептала она, отирая выкатившуюся слезу.

— Что можете вы сдѣлать? Развѣ мнѣ давать вамъ советъ?... Поищите въ вашемъ собственномъ сердцѣ словъ утѣшенія и надежды....

Слова не помогутъ при сильномъ физическомъ разстройствѣ.... Я право не могу понять.... объясните мнѣ вашу мысль.... что вамъ угодно?... Развѣ онъ желаетъ самъ?...

— Мой мужъ, сказала Ольга, печально покачавъ головою: не говорилъ мнѣ ничего... Онъ не знаетъ, и никогда не долженъ знать, что мнѣ извѣстно все....

— Но почему же вамъ угодно?...

Она съ видимымъ усиленіемъ произнесла послѣднія слова.

Долоновская замѣтила ее испугъ.

— О! будьте спокойны! перебила она, отвѣчая на ея мысль. Ни доктора, и никто на свѣтѣ не знаютъ ничего... Мнѣ самой пришла въ голову эта идея.... отчего и какъ—зачѣмъ вамъ знать? Я скажу вамъ только, что онъ угасаетъ каждый день, въ немъ притупились жизненные силы.... надо пробудить ихъ.... пусть онъ увидитъ васъ.... пусть услышитъ голосъ друга.... давно любимаго.... и....

Она не договорила: слова замерли у ней на губахъ....

— Я рада бы сдѣлать все на свѣтѣ, сказала Грулева, завиваясь.... но.... мой мужъ....

— Какое дѣло вашему мужу, что вы пріѣдете навѣстить меня!...

— Ахъ, вы его не знаете, Ольга Константиновна!... Сколько разъ я уже собиралась къ вамъ въ послѣднее время!... онъ все находитъ препятствія... то полагаетъ неумѣстнымъ докучать вамъ теперь.... то даже замѣчаетъ мнѣ, что я слишкомъ много безнокоюсь.... Онъ какъ—будто подозреваетъ меня....

— Но если вы поѣдете теперь со мною?...

— Это невозможно! Онъ предупредилъ меня, что воротится къ обѣду съ гостями. Уѣхать мнѣ никакъ нельзя.... Да притомъ.... психологическое леченіе.... безъ совѣтовъ вра-

ча.... развѣ это возможно?... а вводить третье лицо.... что если это разнесется.... и дойдетъ до моего мужа?...

— О! какъ вы прекрасно рассчитали! Когда любовь могла доставить вамъ наслажденія, то не страшно было рисковать, забыватьъ все для сладкой страсти, жертвовать для нея всѣмъ... и всѣми.... въ томъ числѣ и мною.... А теперь... о! теперь, конечно, совсѣмъ другое!... теперь наслажденія смѣнились горечью, печалью, грустью, скукою: зачѣмъ же компрометировать себя безъ пользы!...

Глубокая иронія этихъ словъ вызвала яркую краску на лицо Грулевой. Долоновская продолжала, одушевляясь болѣе и болѣе негодованіемъ:

— Жаль только, что вы не подумали о томъ, что отказать мнѣ вамъ никакъ нельзя.... Въ замѣну моей испорченной жизни я имѣю право требовать какого-нибудь вознагражденія съ вашей стороны. Долгъ платежемъ красенъ, Ольга Александровна. Ваша честь искуплена несчастіемъ всей моей жизни: какъ вы думаете, не справедливо ли было бы также вамъ пожертвовать чѣмъ-нибудь для меня?... И, право, эта жертва не такъ велика, не такъ невозможна!... только нѣскольکو часовъ страху, и больше ничего! Или вы все еще такъ боитесь грубой взыскливости вашего мужа, что эта боязнь превозмогаетъ въ васъ все.... и святость воспоминаній, и долгъ совѣсти, и любовь?...

— Да! я боюсь моего мужа! вскричала Грулева, позволяя наконецъ вспыхнуть давно удерживаемому чувству: да! этотъ страхъ превозмогаетъ во мнѣ все! Хорошо вамъ клеймить жена презрѣніемъ: вы не знаете, какую жизнь я осуждена вести!... Поневолѣ бросишься въ омутъ страсти за тѣнью отрады, за призракомъ счастья!... Я была такъ несчастна, когда встрѣтилась съ вашимъ мужемъ, что мое извиненіе...

— Кто вамъ говоритъ объ извиненіи? перебила Ольга: не обвинять васъ я пришла сюда! За что обвинять? Не вы ли сами отдали мнѣ его руку? Сердца его вы не могли отдать мнѣ, когда бы даже и хотѣли. Въ одномъ только вы виноваты передо мною: вы хотѣли предупредить меня, вы должны были сдѣлать это, и не сдѣлали.... изъ всепревозмогающаго страху! Было время, когда вы, въ отчаяніи, рѣшились уже прибѣгнуть къ моему великодушію.... и оно, повѣрьте, не обмануло бы вашихъ ожиданій. Нынче я пріѣхала.... видите ли, я смѣлае васъ... я пріѣхала прямо къ вашему великодушію.... и зову его поспѣшить на спасеніе друга.... и кака-

го еще друга!... О! нѣтъ, нѣтъ, я васъ не обвиняю! Во мнѣ есть болѣе чувства нежели какъ вы.... и онъ.... предполагаете. И къ чему послужили бы расчеты? Наши личные интересы должны умолкнуть передъ его смертнымъ одромъ. Повѣрьте мнѣ, я умѣю цѣпить некрепнее чувство, при какихъ обстоятельствахъ оно бы ни создалось. Я бы нашла въ себѣ довольно и силы и умѣнія, чтобы почтить вашу любовь, если бы я видѣла, что это истинная, глубокая страсть и что вы сами преклоняетесь передъ нею съ тѣмъ почтеніемъ и тою благодарностью, которыхъ заслуживаютъ испытанныя черезъ нее блаженства, доставленные ею радости.... Но вы ошибались всегда, и теперь ошибаетесь, думая, будто любите его истинно.... онъ умираетъ, а вы рассчитываете на гибель чей-нибудь! Развѣ это высокая привязанность? развѣ это истинная любовь?... Прощайте. Я сдѣлала все, что я могла....

— Я прѣйду.... сказала Грулева быстро: сегодня.... или завтра.... или на-дняхъ....

Доломовская недоувѣрчиво покачала головою, поклонилась, и ушла.

XIV.

— Ольга Константиновна!... Ольга Константиновна! что это вы?... полноте.... вѣдь это грѣшно!... ей Богу грѣшно! и что за польза, позвольте спросить?... ему не поможете, а себя уходите!

Но Ольга Константиновна ничего не слыхала. Сергѣй Павловичъ продолжалъ свои увѣщанія, уговаривая не отчаяваться и не плакать, и не загибая между тѣмъ, что у самого слезы струились, но Ольга не обращала на него ни малѣйшаго вниманія. Запавъ руками лицо, она судорожно перегибалась, она дремала какъ въ лихорадкѣ, она была въ отчаяніи, и въ себя.

— Ольга Константиновна! началъ опять Мирвуловъ, долго ли это продолжится? вѣдь на васъ нельзя смотрѣть! Поглядите матушки! сердце все вышло.... вы спяжете сами, ей Богу, спяжете! ну что хорошего?... Эхъ!...

И старикъ опять поднесъ къ глазамъ платокъ.

— Развѣ вы не слыхали, сказала вдругъ Ольга, быстро поджавъ голову, что онъ умираетъ?... слышите ли? умираетъ!... ни какой надежды, ровно ни какой!

— Да кто это вамъ насаказалъ такого вздору?.. Мало ли кто былъ отчаянно боленъ да выздоровѣлъ!

— Онъ не выздоровѣлъ.... онъ умретъ!

— Заладили свое!... Да что вы, позвольте спросить, въбудущемъ что-ли умѣете читать!

— Зачѣмъ читать въ будущемъ? Довольно взглянуть на него.... довольно посмотреть на докторовъ....

— Ахъ, ужъ мнѣ эти доктора!... Доктора, позвольте сказать.... ну, ужъ позвольте ничего не говорить.... Доктор-просто, ошибаются!... сплошь да рядомъ ошибаются. Стало бы изъ-за докторовъ вамъ не слѣдъ такъ себя тиранить.... Вы бы то подумали: вѣдь онъ, благодаря Бога, еще живъ!... какъ же это вы надъ нимъ какъ надъ мертвымъ шлепаете!... Вѣдь это не хорошо! право не хорошо!

— Когда я вамъ говорю, что онъ долженъ умереть!... Развѣ вы не понимаете что такое для меня его смерть?... вскричала Ольга раздирающимъ голосомъ. Я не переживу его, я не хочу его пережить!

— Ольга Константиновна! ахъ, Ольга Константиновна! вскричалъ испуганный Мирвуловъ: что это вы?... призовите Господа на помощь; покоритесь Его Святой волѣ.... Знаю я, что тяжело.... да что же дѣлать, матушка; всякому свой крестъ! нельзя же вѣкъ прожить въ счастіи!... Кажется, вы же долго наслаждались, что и говорить! Да ужъ такъ суждено на этомъ свѣтѣ.... А сколько есть такихъ, я вамъ скажу, которые счастія-то вѣкъ не знали и не видали, а живутъ же, когда Богъ велѣлъ?

— Я наслаждалась?... я жила въ счастіи?... вскричала Ольга, глядя на него блуждающимъ взоромъ отчаянія: кто это вамъ насаказалъ?... Я?... я такъ страдала какъ не страдала: не могла быть никто, потому что мнѣ надо было сатантъ въ душѣ моей страданія, молчать, не повѣрять ихъ никому!... Весь свѣтъ кричалъ о моемъ блаженствѣ, меня называли счастливѣйшей женой.... а это неправда: мой мужъ не любилъ и не любилъ меня никогда!...

Сергѣй Павловичъ, испуганный, подуманный, вскрикнувъ на Ольгу неподвижными глазами: онъ думалъ, что она сошла съ ума.

— И знаете ли, отчего я нашла въ себѣ довольно силъ чтобы улыбаться, молчать, скрыть мою тайну такъ хорошо, что онъ не могъ угадать, что мнѣ известно все?... Я любила моего мужа!... я любила его давно, еще до моей свадьбы,

когда онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на меня. Я люблю его и теперь, когда знаю, что онъ любить другую и не любилъ меня никогда.... Я люблю его дотого что отъ звуку его голосу вся кровь приливаетъ къ сердцу.... Я люблю его до безумія, говорю вамъ! До-сихъ-поръ я жила надеждой, я мечтала, что придетъ пора, когда онъ забудетъ ту, другую, и пойметъ меня. Постигаете ли вы, сколько душевной энергій, сколько мужества и терпѣнія надо было имѣть?... Вотъ до какой степени онъ мнѣ дорогъ! вотъ какъ велика моя любовь! Избавьте же меня отъ вашихъ утѣшеній. Его жизнь для меня все, говорю я вамъ!

Ольга остановилась, рыданія заглушили ея голосъ, а Сергій Павловичъ все-еще не зная, на яву или во снѣ были произнесены передъ нимъ эти странныя слова. Но тутъ въ головѣ его мелькнула мысль о внезапной женитьбѣ Долоновскаго; онъ вспомнилъ его задумчивость, его странное расположеніе духа передъ свадьбой, и съ состраданіемъ взглянулъ на Ольгу. Въ здравомъ ли умѣ или въ помѣшательствѣ, она была одиноково жалка.

Ольга уже не плакала. Яркій румянецъ покрывалъ щеки. Она вдругъ наклонилась къ Мирвулову, и прошептала едва слышно:

— Забудьте все, что я сказала вамъ.... голова моя горитъ, мысли путаются, я сама не знаю что говорю.... Забудьте, Сергій Павловичъ, это не правда!

— Это правда! сказалъ онъ.

Ольга задрожала и откинулась на спинку кресель, блѣдная какъ полотно.

— Ольга Константиновна, чего вы испугались? продолжалъ Мирвуловъ. Вы знаете, какъ я его люблю.... хоть бы о комъ другомъ довелось услышать, я бы и то не заикнулся: вѣдь у меня тоже, слава Богу, совѣсть есть!... а тѣмъ больше о Николаѣ Петровичѣ. Да онъ для меня точно сынъ родной!...

— О, Сергій Павловичъ! сказала Ольга, я знаю, что вы добрый и благородный другъ, я вѣрю, что вы свято сохраните мою тайну, но, не смотря на то, я бы дорого дала, чтобъ вы не знали.... мнѣ совѣстно.... мнѣ жаль!... Зачѣмъ я вамъ сказала! зачѣмъ я не умѣла до конца молчать!... вы такъ высоко его цѣнили!... а теперь, пожалуй, вы готовы подумать, что онъ не такъ великъ душой, не такъ безпредѣльно добръ, какъ вамъ казалось до-сихъ-поръ.... Нѣтъ! нѣтъ!

божусь вамъ, Сергѣй Павловичъ, онъ не виноватъ ни въ чемъ... Это такое странное стеченіе обстоятельствъ... онъ самъ былъ жертвой... Послушайте! я вамъ открою все... я вамъ скажу одну чистую правду.... вы увидите, что онъ не виноватъ!

— Конечно, гдѣ ему быть виноватымъ! Такая ангельская душа!... Да не насажали ли вамъ вздору? не обманули ли васъ?

— Никто не говорилъ мнѣ, я видѣла сама, я читала ихъ письма, онъ любилъ ее давно, давно....

Ольга отерла слезы и начала грустную повѣсть о своей любви, о своемъ замужствѣ, о своихъ любопытныхъ открытіяхъ, и о томъ, что послѣдовало, до настоящаго часа. Она не скрыла ничего, но рассказывала такъ осторожно, съ такою бережливостью на подробности, что добродушный слушатель ея не могъ угадать ни дѣйствующихъ лицъ ни мѣста дѣйствія.

— И вы промолчали! вы не сказали ему ничего? вскричалъ нашъ Сергѣй Павловичъ, когда Ольга остановилась наконецъ, подавленная силой душевнаго волненія.

— Зачѣмъ говорить?... к чему повели бы объясненія? что могъ онъ мнѣ сказать?... Онъ бы отвѣчалъ мнѣ прямо: «Я давно и истинно любилъ ее; дѣло шло объ ея спокойствіи и чести: мы полагали, что спасемъ то и другое, если я предложу мою руку тебѣ, чужой мнѣ особѣ, почти незнакомой, и я предложилъ.... руку, замѣть.... а не любовь и руку.... ты приняла ее, вотъ и все тутъ!... бракъ по приличію!... и ничего больше. Ты сама навѣрное сдѣлала бы то же для искупленія спокойствія и чести отца твоего!» О, я предвидѣла этотъ унижительный отвѣтъ!... Благоразумно ли было вызывать его?... протягивать руку подъ его убійственное жало?... Ктому жъ Николай Петровичъ дѣлалъ рѣшительно все что возможно было дѣлать для моего счастья. Я понимала это хорошо. Чего не доставало мнѣ? Его любви?... Любовь была не въ его власти. Любить меня онъ не могъ и обѣщать....

— Но какъ не потребовать, чтобъ онъ прекратилъ сношенія?

— Да развѣ такихъ требованій слушаются? Какъ могла я, нелюбимая жена, бороться съ тою, которую онъ обожалъ? Это была, не простая связь, а глубокая привязанность, страсть пламенная и долгая.... Мои требованія о прекращеніи свиданій могли ли вырвать ее изъ сердца? Предположимъ не-

возможное: если бы онъ и общалъ мнѣ, не только не видаться съ нею, но даже и не писать къ ней, чего, конечно, я не могла требовать — какая мнѣ польза отъ-того? Развѣ, прекративъ всѣ сношенія, онъ бы не продолжалъ любить ее? Такую страсть нельзя разрушить разомъ. Нѣтъ, пѣтъ! я считала все; и сердце и разумокъ велѣли мнѣ молчать.

— Да какъ это вы выдержали? Ну, какъ при случаѣ не вышли вы изъ себя, да не наговорили ему того да сего?...

— Ахъ, Сергѣй Павловичъ! развѣ, въ воздаяніе за его усилія сдѣлать меня счастливою, мнѣ слѣдовало лишить его единственнаго блага, которое могъ онъ найти со мною, домашняго спокойствія, семейной тишины? Зачѣмъ мнѣ было унижать себя до упрековъ? Упреки ожесточаютъ; упреки могутъ-быть заставляли бы его возненавидѣть и безъ-того обременительную жену; а я любви его домогалась; я хотѣла приобрѣсти ее во что бы то ни стало.... О! тутъ надо было осторожно поступать!

— Я надивиться не могу, какъ вы прекрасно рассудили. Чудеса! Точно будто вы вѣкъ учились какъ съ мужьями обращаться ... Даже я вамъ скажу.... это просто непонятно, какъ вы все вдругъ соображаете!

— Кто же вамъ сказалъ, что я вдругъ сообразила и сразу составила свой планъ? Не случись моей болѣзни, не уѣзжай я въ монастырь, я не знаю что было бы со мною; я была въ отчаяніи, я хотѣла умереть. Потомъ мнѣ стало жаль разстаться съ жизнью,... съ нимъ.... я такъ его любила! .. и въ головѣ моей образовался смѣлый планъ.... Я вздумала лѣпить моего мужа тѣми качествами, которыхъ не доставало въ ней. Я хотѣла, чтобы ему было отрадно и привольно жить со мною, чтобы онъ полюбилъ меня какъ друга, прежде чѣмъ полюбитъ какъ жену.... Это было трудно, очень трудно! Я боялась, что у меня не хватитъ силъ....

— Да, ужъ признаюсь! Не всякой съумѣетъ и придумать; а исполнить, я бы побожился, что просто никто. Вы, Ольга Константиновна, созданы на удивленіе. Этакое терпѣніе! Этакая доброта!

— Ахъ, Сергѣй Павловичъ, не хвалите, не хвалите; я не могу себя простить.... я употребляла средства недостойныя меня.... я утатила письма.... я подслушивала.... тяжело мнѣ было, но какъ быть!... любовь перевозмогала...

— Помилуйте, что вы это?.. всѣ женщины подслушиваютъ!.. а письма такъ и таскаютъ, что Боже упаси! Даже распечатыва-

заютъ!... ей ей, правда!... такія любопытныя!... Сколько разъ мнѣ самому надѣлали женщины хлопотъ такимъ образомъ!... Въ нашей сторонѣ этотъ порядокъ еще не заведенъ... чтобы, то есть, жены не распечатывали писемъ къ мужу. Въ другихъ мѣстахъ, говорятъ, существуетъ и строго соблюдается. Ну, тамъ, знаете, образованность, хелосохвія!... А у насъ дѣло по-просту: я, дескать, законная жена, мнѣ все позволено, я имѣю право знать чтò тамъ написано.... и, глядь, если мужъ строгъ—въ уголокъ съ ножикомъ и подрѣзываетъ печать.... даже какую.... ей ей!... особенно если на конвертѣ написано: *по секрету!*... И секретъ разболтаетъ!... И суда на нихъ нѣтъ!... то есть, мужъ же еще будетъ виновать за проказы жены.... А вы даже и не воспользовались тѣмъ, чтò прочитали!.. вы молчали, не занкнулись, не зашумѣли, дѣйствовали тихомолкомъ, учтивостью, ласкою... вы, просто, предобродѣтельная женщина! А позвольте спросить кстати: какъ фамилія той.... другой.... въ которую онъ влюбленъ?

— Вотъ этого ужъ я вамъ не скажу!... скорѣе мужа потеряю.... и сама умру.

— Даже фамиліи ея не скажете?... Ну, это, просто, баснословіе! Вотъ ужъ скромность такъ скромность!... добродѣтель добродѣтелю!... А я такъ люблю.... когда ужъ что-нибудь рассказываю или слышу.... для порядку дѣла тутъ же и подвести справку о чинѣ, имени и фамиліи каждаго и каждой. Оно какъ-то яснѣе. Насчетъ любопытства и обстоятельности изложенія я, признаться—сущая баба!

— Это не хорошо, Сергѣй Павловичъ.

— Да и не дурно! Чтò жъ тутъ дурнаго.... сказать все чтò знаешь?... особенно, когда спрашиваютъ. Вы, я вижу, совсѣмъ не похожи на меня: ужась чтò за добродѣтель!... Не сказать никому ни слова!... даже мужу своему.... покрыть все молчаніемъ!... даже фамилію соперницы.... превозмочь себя!... страдать!... терпѣть!... не вспыхнуть!... Не постижимо, какъ вы это могли....

— Я любила, Сергѣй Павловичъ! Это слово объясняетъ все. Три недѣли, въ уединеніи, въ молитвѣ я приготавлилась твердо и терпѣливо нести свой крестъ. И я несла его твердо и терпѣливо, нечего сказать! Не осуждайте же, если теперь, когда ноша превосходитъ мои силы, я теряю голову, я въ отчаяніи и желаю умереть. Горька была моя жизнь, Сергѣй Павловичъ, но все-таки надежда оставалась мнѣ. Я могла говорить себѣ въ утѣшеніе: еще прійдетъ пора! Но смерть!...

развѣ смерть оставляетъ что-нибудь въ отраду? развѣ она не уноситъ всего съ собой?...

— Да, Господи Боже мой! неужели ужъ нѣтъ лекарствъ въ аптекахъ, нѣтъ ума у докторовъ!...

— Послушайте, Сергѣй Павловичъ: надежда есть, да онъ самъ не хочетъ жить!...

— Это какъ?...

— Да! онъ третій день не принимаетъ, ни пищи, ни лекарства; онъ ослабѣлъ. Мнѣ сказали, что онъ въ ипохондрию, въ апатіи, что его надо расшевелить, пробудить въ немъ любовь къ жизни, и что тогда можетъ-быть онъ оживетъ....

— Экихъ чудесъ нагородили! Расшевелить, да пробудить!.. что они? .. Пускай же научатъ какъ!

— Я сама догадалась, я поняла тотчасъ, что одна она въ состояніи совершить такое чудо.... я была у ней...

— Какъ! вы рѣшились?

— Дѣло шло объ его жизни; я помнила только одно это...

— Ну что жъ?

— Она не поѣхала!... боится мужа.

— Возможно ли?... Да вы бы ее насильно притащили?... Боится мужа, такъ не куролесь!... а то напутала, да и на попятный дворъ!..

— Это низко! это гадко!... не найти въ себѣ довольно силъ.... Но я не удивляюсь, я знаю ее хорошо. Эта слабая, эгоистическая натура не въ состояніи понять, что есть и въ страданіяхъ отрада, когда несешь ихъ за него....

Ольга замолчала. Сергѣй Павловичъ не смѣлъ болѣе пускаться въ утѣшенія. Онъ понималъ, что есть горести, противъ которыхъ слова безсильны, взялъ руку Ольги, и съ чувствомъ поднесъ ее къ губамъ.

— Сергѣй Павловичъ, сказала вдругъ она, съ живостью вставая съ мѣста: я надѣюсь на ваше благородство.... дайте мнѣ честное слово, что никогда.... ни кому.... ни подъ какимъ видомъ не намекаете даже о томъ, что вы отъ меня слышали.

— Какъ это можно!... вскричалъ Сергѣй Павловичъ: Ольга Константиновна!... неужели вы сомнѣваетесь во мнѣ?... Такое лестное довѣріе ко мнѣ, и чтобъ я, послѣ этого.... Нѣтъ, никогда! даю вамъ честное слово.... вотъ вамъ моя рука.... назовите меня подлецомъ, если когда-либо.... передъ кѣмъ бы то ни было....

• — Хорошо, я вамъ вѣрю....

— Вы такая добродѣтельная!

— Я полагаюсь на ваше обѣщаніе, Сергѣй Павловичъ.

— Я готовъ за васъ, Ольга Константиновна, въ огонь и въ воду!.... Пусть въ куски меня изрѣжуютъ.... ни словечка!.... вотъ какъ!... Я, просто сказать, обожаю васъ....

— У меня есть къ вамъ еще одна просьба, добрый Сергѣй Павловичъ.

— Прикажите!... все сдѣлаю!

— Подите къ Николаю Петровичу и посидите при немъ.... онъ васъ такъ любитъ: можетъ-статься вамъ удастся завести съ нимъ разговоръ и это облегчить его.... исторгнетъ изъ безчувствія.... у васъ всегда есть въ запасъ какая-нибудь любопытная исторія.... Я не могу идти туда.... я чувствую сама, что присутствіе мое не можетъ ему быть пріятно.... но ваше.... но вы....

Она не могла продолжать. Слезы брызнули изъ глазъ бѣдной Ольги, и она поспѣшно удалилась въ другую комнату. Сергѣй Павловичъ, разстроганный ея горемъ, съ искреннимъ соболѣзнованіемъ провожалъ ее взоромъ — вздохнулъ — взявъ шляпу — и на цыпочкахъ вошелъ къ больному.

Долоновскій, казалось, не примѣчалъ его. Сергѣй Павловичъ по-тихоньку сѣлъ у постели.

Прошло съ четверть часа. Больной раскрылъ глаза, посмотрѣлъ на стараго друга, и спросилъ слабымъ голосомъ:

— Вы здѣсь?... вы плачете?...

— Да!... я здѣсь!... какъ не плакать! сказалъ Сергѣй Павловичъ: плачу!... плачу, Николай Петровичъ!... слезъ удержать не могу!... У меня, знаете, сердце вверхъ дномъ вернулось... такая трогательная вещь!... Вы такъ больны!... а у васъ въ домѣ такая добродѣтель!... и я здѣсь, при васъ!... Я, просто, въ удивленіи... умъ изъ головы вонъ!...

Сергѣй Павловичъ остановился. Больной молчалъ нѣсколько мгновеній; потомъ медленно произнесъ:

— Отчего?... что случилось?...

— А вотъ что случилось, Николай Петровичъ.... продолжалъ Сергѣй Павловичъ одушевляясь: я зашелъ къ вашей супругѣ... къ почтеннѣйшей Ольгѣ Константиновнѣ.... узнать объ вашемъ здоровьѣ.... слово за слово.... и я узналъ такое чудо!... Я поклялся не говорить о томъ ни одного слова ни кому въ свѣтѣ.... но вамъ.... нѣтъ, не выдержу!.... вамъ я долженъ рассказать.... по секрету.... Убейте меня, а

затаять въ душѣ того что услышалъ, что узналъ.... особенно, когда дѣло примѣрное.... я не въ состояніи. Такая ужъ глухая натура!... покою не даетъ, пока не перескажешь хорошей вѣсточкѣ доброму человѣку.... Баба!... просто, баба!... меня бранять.... да что жъ мнѣ дѣлать!... такимъ Богъ создалъ.... Я васъ не беспокою, Николай Петровичъ?

Больной не отвѣчалъ.

— Ну, хорошо!... ничего!... не беспокойтеся отвѣчать.... вамъ трудно говорить.... я буду рассказывать, а вы слушайте. Когда вамъ надоѣстъ слушать, махните рукой, я уйду.... Вотъ захожу я къ Ольгѣ Константиновнѣ.... смотрю, она плачетъ. Что съ вами, Ольга Константиновна? — Садитесь, говорить. Вотъ мы и сѣли. Рѣчь зашла объ вашей болѣзни.... и знаете ли, какую удивительную, безпримѣрную достохвальность узналъ я по этому случаю?... Какой умъ!... какое соображеніе!... какая скромность!... Нѣтъ, лучше, чтобы не перевернуть, я повторю вамъ отъ слова до слова всю нашу бесѣду.... — Что, какъ Николай Петровичъ? говорю я: зачѣмъ вы плачете, Ольга Константиновна? — Развѣ вы не слышали, говорить, что онъ умираетъ? — Да кто вамъ, говорю я, насказалъ такого вздору....

И почтеннѣйшій Сергѣй Павловичъ, въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу пересказалъ больному мужу весь разговоръ съ женою, которой только-что поклялся хранить ея тайну неприкосновенно до изрѣзанія его въ мелкіе куски. Не подозрѣвая даже сколько въ этомъ нескромномъ разказѣ могло быть оскорбительнаго для самолюбія мужа и перемѣшивая текстъ приводимой бесѣды восклицаніями удивленія уму и восторгами, отъ добродѣтели почтеннѣйшей Ольги Константиновны, онъ вѣрно и правдиво довелъ исторію свою до посольства его въ спальнѣ больнаго и уходу ея въ другую комнату, въ слезахъ, а больной во все это время и не пошевелился; онъ казался мертвымъ или каменнымъ, что ни сколько не мѣшало Сергѣю Павловичу продолжать свое любопытное повѣствованіе. Въ одну только ту минуту, когда знаменитый историкъ повторялъ слова Ольги, негодующей на его любопытство узнать фамилію любимой женщины — *скорѣе соглашусь потерять мужа и умру сама, нежели произнесу это имя* — въ эту только минуту Долоновскій обнаружилъ признакъ жизни. Историкъ хотѣлъ воспользоваться его движеніемъ, чтобы узнать мнѣніе его о такой невѣроятной дели-

катности, твердости, великомысленности, но не получил ни какого отвѣту.

Копчивъ разсказъ, Сергѣй Павловичъ отеръ свои слезы — змолкъ — и; спустя немного, примолвилъ еще:

— Вы спите, Николай Петровичъ!... Уснуль!... Я думаю, спалъ все время.... и ничего не слыхалъ.... Ну, пусть его отдыхаетъ! Сонъ — полезное дѣло....

И онъ такъ же тихо вышелъ изъ спальни. Ольга встрѣтила въ дверяхъ гостинной.

— Что?... какъ онъ? спросила она съ безпокойствомъ.

— Ничего.... спать.... Я усыпилъ его своими новостями.... Это ужъ не въ первый разъ.... И прежде, бывало, я стану что-нибудь разсказывать, онъ слушаетъ.... слушаетъ.... и уснетъ! Такое сложеніе! Вотъ погодите.... какъ выспится да проснется, такъ я....

— Ольга Константиновна, Ольга Константиновна! вскричала вдругъ въѣжавшая служанка: васъ просятъ Иванъ Павловичъ, пожалуйста скорѣй!

Ольга испугалась. Старикъ затрясся отъ страху.

— Сергѣй Павловичъ, Сергѣй Павловичъ! что это значить? Не надо ли уже проститься съ нимъ?... не сказали ли вы ему чего-нибудь такого?

Сергѣй Павловичъ совершенно растерялся. Онъ не зналъ что отвѣчать, и напустился на служанку.

— Что прибѣжала впопыхахъ?... надо знать осторожность! Кричишь, будто домъ горить! Чай, тамъ больнаго-то перепугала...

— Что вы это, сударь!... черезъ три-то комнаты?... да тамъ словечка не слыхать....

— То-то, не слыхать! А здѣсь-то какъ перепугала!... Ольга Константиновна, вы погодите... вотъ я прежде пойду узнать...

Но Ольга Константиновна ничего не слушала; она вскочила съ своего мѣста и, блѣдная, почти бездыханная, проскользнула въ дверь.

Въ спальнѣ было довольно темно. Тусклый свѣтъ лампы бросалъ слабый отблескъ на кровать больнаго, но если бы сотни свѣчъ обливали ее яркимъ потокомъ свѣту, если бы даже само солнце сіяло тутъ во всемъ своемъ блескѣ, Ольга и тогда не разглядѣла бы ничего. Она подошла, не поднимая глазъ; такъ она боялась встрѣтить его угасающій, послѣдній взглядъ. Безмолвно наклонилась она надъ изголовьемъ, сложивъ руки и закрывъ глаза, какъ-будто душа ея го-

топилась летѣть вслѣдъ за его душою. Вдругъ легкий шорохъ привелъ ее въ себя. Она обернулась. Возлѣ нея стоялъ докторъ, серьезный, озабоченный, нетерпѣливый.

Она наклонилась къ мужу, безсознательно. Но передъ ней лежалъ, не блѣдный и безжизненный привракъ, какимъ она оставила мужа за нѣсколько времени передъ тѣмъ: въ глазахъ Долоновскаго свѣтилось необыкновенное одушевленіе, и яркая краска покрывала лицо. Вовсе не ожидая такой чудной перемены, Ольга не успѣла еще опомниться отъ изумленія, какъ уже рука Долоновскаго тихо привлекла ее къ себѣ.

— Ольга!.. сказалъ онъ слабымъ, но полнымъ чувства голосомъ. Ахъ, вотъ и докторъ!... Гдѣ лекарство?... пусть лечатъ, пусть спасутъ меня.... Ольга!... я хочу жить, мой милый другъ!... я тебя не оставляю....

Онъ съ жадностью выпилъ буліону. Ольга имѣла только силу безмолвно приложиться губами къ блѣдно-прозрачной, исхудалой рукѣ, которая сжимала ея руку съ слабымъ судорожнымъ трепетаніемъ; она не могла произнести ни слова: сердце ея такъ сильно билось! Надежда осѣняла ее своими волшебными крылами, но являлась такъ неожиданно, что она боялась предаться ей. Съ трепетомъ подняла она на доктора глаза. Тотъ былъ веселъ и съ торжествующимъ видомъ указывалъ на Долоновскаго, который тихо приподнимался....

XV.

Протекло нѣсколько времени послѣ того томительнаго вечера, который кончился такъ неожиданно счастливо для Ольги. Долоновскій былъ уже совершенно здоровъ. Хотя въ жизни супруговъ все пошло по-видимому своей обычной чередой, хотя та же дружеская кротость, тѣ же добрыя отношенія, тотъ же спокойный тонъ, не болѣе, продолжали царствовать между ними, для Ольги однако началось новое, необъяснимое ей самой существованіе. Она не понимала, отчего самыя простыя слова и дѣйствія Долоновскаго получили особенное выраженіе и имѣли силу волновать ее до такой степени, что она часто оставалась одна по цѣлымъ часамъ, разбирая и перетолковывая эти фразы, эти жесты, не находя въ нихъ ничего, и все-таки утопая въ неизъяснимо сладостномъ ощущеніи. Голосъ его звучалъ какъ-то особенно, странно, и глаза порой покоились на Ольгѣ такъ долго, что всѣ жилы ея трепетали отъ этого продолжительнаго и сожигающаго взгляду.

О Грулевой ничего не было слышно. Ольга не знала, въ какихъ отношеніяхъ находилась съ ней Долоновскій. Послѣ болѣзни мужа она почти не выѣзжала и не встрѣчалась съ Грулевой нигдѣ.

Однажды вечеромъ, когда Долоновскій на прощаньѣ долго не выпускалъ ея руки, Ольга бросилась въ кресла, взволнованная и трепещущая. Николай Петровичъ такъ никогда не сжималъ руки жены. Голова ея горѣла и сердце замира-ло при мысли объ этомъ долгомъ, нѣжномъ пожатіи.

Наконецъ она осмѣлилась поднять на мужа глаза.

— Мой ангелъ! сказалъ онъ съ чувствомъ: отнынѣ всѣ минуты моей жизни посвящены тебѣ одной.... Ты можешь быть спокойна, никто и никогда не вытѣснитъ тебя изъ моего сердца, потому что ни одна женщина на свѣтѣ не въ состояніи сравниться съ тобою въ добротѣ, благородствѣ и любви. Забудь прошедшее, если можешь, и прости меня! Я не оправдываюсь, Ольга, я очень, очень виноватъ! Я добровольно согласился обречь тебя несчастьемъ, испортить твою будущность, бѣдное дитя мое! Но, боюсь тебѣ, я не зналъ, какъ ты страдала....

— Какъ я страдала?... спросила она съ удивленіемъ. Что это, Николай?... о какомъ страданіи ты говоришь? Я тебя не понимаю, мой другъ!

Долоновскій улыбнулся и нѣжно обнялъ жену.

— Ты знаешь все, продолжалъ онъ: но и я все знаю.

— Тогда, мой другъ, подхватила Ольга, мои страданія я должна благословлять: они доставили мнѣ эту несравненную минуту... Нѣтъ худа безъ добра! безъ твоей любви къ другой я бы не была твоей женою....

— И обожаемой, понимаемою женою!... Когда подумаю, чѣмъ я тебѣ обязанъ, мой милый, добрый, благородный другъ! Ни одного упреку, всегда постоянная ласка и доброта!... Ты устроила мнѣ рай въ моей домашней жизни.... ты спасла меня отъ смерти наконецъ!...

— Я спасла тебя отъ смерти?... какъ? когда?

— Я былъ боленъ.... ты однажды рассказывала о своемъ горѣ Мирвулову.... я слышалъ все.

— Ты слышалъ?... нѣтъ! это невозможно.... такъ далеко!....

— У меня есть такая слуховая труба, что я могу слышать все черезъ три стѣны... черезъ десять стѣнъ... черезъ горы и лѣса... Берегись, мой другъ, продолжалъ онъ весело, улыба-

всѣ и цѣлуя Ольгу: когда ты захочешь меня обманывать, какъ я тебя обманывалъ.... до моей болѣзни... когда мнѣ вѣдуется ревновать тебя какъ тотъ.... ревнуетъ женщину, которой я уже не люблю... я все узнаю! все услышу!... Да! мой несравненный другъ, я не люблю ее болѣе; будь спокойна; мы не выдаемся, и, со времени моей болѣзни, всѣ прежнія отношенія наши уничтожились сами собою. Дружба наша кончена, и никогда не возобновится. Я узналъ всю сухость этой эгоистической души.... Я понялъ наконецъ, что я служилъ ей только средствомъ развлекаться отъ утомленія ея супружеской жизни, что мое счастье, мое спокойствіе и даже моя жизнь для нея ничто.... Можешь ли ты вообразить, каково было наше послѣднее свиданіе?.. Послушай и удивишься! Я былъ у нея, въ тотъ вечеръ, помнишь, на слѣдующее утро, послѣ котораго я заболѣлъ? Мужъ былъ приглашенъ на вечеръ къ кому-то, но вдругъ воротился рано, не знаю право почему. Точно ли желчная боль была тому причиной, или онъ подосрѣвалъ насъ. Какъ бы то ни было, мнѣ нельзя было выйти; съ трудомъ успѣли спрятать меня въ темный корридоръ. Какъ ты думаешь, Ольга? она не пожелала оставить меня тамъ три цѣлыхъ, долгихъ часа! Въ двадцать пять градусовъ морозу, въ отопленномъ корридорѣ!.... Я едва не ожестѣлъ. Наконецъ кривлица ея сжалась надо мною и тихонько вывела меня. «Барыня, сказала она мнѣ, не велѣла выпускать васъ до-тѣхъ-поръ какъ встанетъ Григорій Ивановичъ: она боится, какъ бы онъ не уезжалъ. Да мнѣ жаль васъ, вы простудитесь, ступайте!..» Я поблагодарилъ ее и ушелъ. Ты знаешь остальное, Ольга, знаешь, какъ я сильно заболѣлъ. Когда я все узналъ.... помощью моей чудесной слуховой трубы.... я чуть не сошелъ съ ума. Я уже не любилъ ее, Ольга; я не могъ ее любить! Глаза мои открылись, я понялъ ее хорошо.... но мнѣ еще жаль было моихъ ошибочныхъ очарованій, моихъ чувствъ, моей любви, растраченныхъ такъ глупо, такъ напрасно.... Я сдѣлалъ-было изъ любви моей кумиръ, которому поклонялся, я шелъ только для одной этой дружбы, на которой хотѣлъ основать счастье великое и неподражаемое.... Кумиръ — былъ какъ всѣ кумиры, холодной мраморъ, жадный къ куреніямъ и жертвамъ и безжалостный для вѣрнѣша поклонника, для преданнаго жреца. Ахъ, Ольга! зачѣмъ я не понялъ прежде, и ее, и тебя!... Но лучше поздно, чѣмъ никогда, не правда ли, мой другъ?... Сдѣ-тѣхъ-поръ

какъ любовь моя исчезла и мною овладѣло безпредѣльное удивленіе тебѣ, настоящая цѣль жизни была уже найдена для меня. Прости, Ольга, если я пожелаю любоваться нѣкоторое время на твою добродѣтель въ безмолвіи, но обнаружившая мнѣ настоящихъ чувствъ.... чтобы любить тебя глубже, вѣрнѣе, съ бѣльшимъ убѣжденіемъ.....

Когда на другой день Константинъ Петровичъ и Сергій Павловичъ вошли къ Ольгѣ, оба были поражены необыкновеннымъ выраженіемъ счастья, блиставшаго въ ея чертахъ.

— Что съ тобой, матушка? спросилъ Менковъ: расскажи, одѣлай милость! или мужъ опять обрадовалъ подаркомъ?

— Нѣтъ, папаша, этой радостью обязана я вамъ!...

— Маѣ?...

— Да, мамъ, милый, добрый мой папаша! позвольте радѣловать васъ....

— За что? за что?... не понимаю, хотъ убай!...

— Вѣдь это вы меня назвали Ольгой?

— Я-то, я! Покройницѣ мнѣ хотѣлось окрестить тебя Катериной, да шѣтъ! я оставилъ на своемъ. Полюбилась мнѣ это имя! мать, сестру у меня звали такъ!... да все-таки за что тутъ благодарить меня?

Ольга улыбнулась. Она почувствовала, что заболталась черезъ-чуръ.

— За то, что это имя очень нравится моему мужу, отвѣчала она покраснѣвъ.

— Паутуешь! шепнула ей на-ухо вѣжливый, любимый голосъ.

Ольга, еще боѣе покраснѣвъшея, скрыла свое лицо на груди мужа.... Константинъ Петровичъ хохоталъ.

— Влюблены, Сергій Павловичъ! сказалъ онъ: влюблены какъ голубки!...

Сергій Павловичъ не смѣлся: онъ глядѣлъ на супругу во все глаза. Ольга взглянула на Долговецкаго; тотъ незамѣтно кивнулъ ей головою, она встала и увидла Мирзулова въ своей кабинетѣ. Тамъ, предупредивъ его разпросы, она дружески взяла его руку и рассказала ему все. Добрый старикъ выслушалъ ее съ восторгомъ и перекрестился нѣсколько разъ.

— Благодарю Тебя, мой Боже! сказалъ онъ, Ты услышалъ мои молитвы, благодарю Тебя!... Но вы не подумайте, нечестнѣйшая Ольга Константиновна, будто я тутъ надѣлалъ

каких-нибудь опьяненной?... Будто перезъ меня узналъ онъ обо всемъ?... Нѣтъ, каинусь вамъ, онъ спалъ во все время!... Ну, вѣрно, такъ спалъ крѣпко, что, во снѣ, Богъ просвѣтилъ его и даровалъ ему здравье.... Знаете ли что, Ольга Константиновна! продолжайте онъ: убажайте-ка отсюда немедленно, убажайте по-дальше.

Ольга улыбнулась.

— Я не боюсь никого, Сергѣй Павловичъ! сказала она: я крѣпкому мужу...

— Эхъ, по-напрасну, Ольга Константиновна! Я хоть чело-вѣкъ не дурачій, а снѣжкато жес-что въ сердцѣ человѣче-ское. На нашемъ свѣтѣ, я бы не оставался здѣсь на одной минутѣ дивной....

— Мы точно уѣдемъ. Мой мужъ вчера сказалъ мнѣ, что тотчасъ по выздоровленіи онъ поедетъ въ отпускъ и ждетъ его на-дняхъ....

XVI.

Черезъ три года послѣ разсказанной въ предыдущей гла-вѣ сцены, въ одной изъ аллей Павловскаго Саду сидѣли на скамейкѣ мужчина и женщина. Мимо ихъ безпрестанно мелькали группы гуляющихъ, и молодая дама съ любопытствомъ взглядывалась въ проходящихъ.

— Еще ни одного знакомаго лица, сказала она наконецъ. А пріятно бы встрѣтить послѣ годовой разлуки кого-нибудь изъ нашихъ добрыхъ, петербургскихъ знакомыхъ. Какъ удивились бы они, воображая еще насъ въ Италіи!

Вдругъ она остановилась, и неподвижно устремила встре-воженный взоръ на конецъ аллеи....

Видъ предмета, который произвелъ такое странное дѣй-ствіе на молодую даму, не имѣлъ однако въ себѣ ничего ужаснаго. Напротивъ, трудно было вообразить что-нибудь прекраснѣе той прекрасной женщины, которая шла опира-ясь на руку огромнаго и угрюмаго мужчины. Шопотъ удивленія, раздававшійся на пути красавицы, казалось, былъ очень не по вутру ея спутнику. Онъ бросалъ по сторонамъ гнѣвные взгляды и рвался впередъ, а она, гордая и вели-чественная, наслаждалась могуществомъ своей дивной кра-соты, не снѣвшила укрыться отъ взоровъ удивляющейся толпы и медленно подвигалась по аллеѣ.

Увидѣвъ ее, нѣкогда такъ имъ любимую, и сіяющую по-

прежнему ослабительной красотой, молодая дама несколько едрогнулась. Это будет первое свиданіе послѣ корридора, болѣзни и слуховой трубы: не проснутся ли воспоминанія?... или они угасли навсегда?...

Когда красавица поровнялась со скамейкой и отвѣчала на поклонъ сидѣвшихъ тутъ, ни одинъ мускулъ ея лица не измѣнилъ мишувшей тайнѣ. Разсѣянно скользнули ея глаза по знакомымъ чертамъ и.... метнули молнію къ противоположную сторону. Тамъ, верхомъ на англійской лошади, рисовался москѣ Валуновъ.

Валуновъ послѣ Долоновскаго!... Скажите, пожалуйста!...

Съ трепетомъ глядѣла молодая дама на него.... Спокойно смотрѣлъ онъ вслѣдъ за уходившей, и вдругъ, какъ-будто отвѣчая на тайную мысль жены, обернулся къ ней, взял ея руку и нѣжно прижалъ къ губамъ своимъ.....

ЛЕЙЛА.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

=

РОМАНЪ АНДЕРСОНА.

(съ датскаго.)

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

По случаю того, если вы помните, что я докладывалъ вамъ о любви Бервардо и прогулкѣ моей по Гетто, между Жидами, необходимо разсмотрѣть два года жизни моей вдругъ. Эти два года привели къ результату очень важному, къ тому, что я сталъ старѣе двадцатью-четырьмя мѣсяцами. Они составляютъ родъ интермедіи въ драмѣ моей жизни.

Я рѣдко встрѣчался съ Бервардомъ; онъ былъ со мною по-прежнему безпеченъ, вѣтренъ и смѣлъ; недоставало одной довѣренности. Подъ видомъ дружбы скрывалась холодная осторожность, такъ что у меня недоставало духу спросить, чѣмъ кончилась его любовная интрига.

Я часто бывалъ во дворцѣ Боргезе. Въ кругу князя, Фран-

чески и Фабіано, я считалъ себя какъ между родными, хотя не разъ они меня огорчали. Душа моя была полна благодарностью къ моимъ покровителямъ, а потому малѣйшее выраженіе неудовольствія или неодобренія съ ихъ стороны омрачало мое счастье. Франческа знала мои хорошія качества, но хотѣла сдѣлать меня лучшимъ. Моя походка, обращеніе, способъ объясняться, подвергались ея строгому суду, можетъ-быть, даже слишкомъ строгому, который приводилъ меня въ слезы, хотя мнѣ уже было осьмнадцать лѣтъ. Старый князь, вызвавшій меня изъ хижины Доминики въ свои великолѣпныя палаты, былъ постоянно благосклоненъ, но также принялъ деспотическую систему воспитанія своей племянницы. Изъ того, что я меньше его любилъ ботанику, онъ заключалъ, что я не люблю познаній основательныхъ и полезныхъ. Онъ находилъ, что я слишкомъ занятъ собою, что у меня нѣтъ общественнаго характера, что я не люблю блистать умомъ въ большомъ кругу общества.

Правда, каждый разъ послѣ подобныхъ упрековъ, онъ меня ласкалъ и утѣшалъ, говоря шутивымъ тономъ, что мы живемъ въ неспорченномъ мірѣ, что лучшіе изъ насъ немного стоятъ. Фабіано, смотрѣвшій на все слегка, смѣялся суровымъ замѣчаніемъ своей жены и дяди, увѣряя, что не сдѣлавшись такимъ ученымъ какъ князь и такимъ острымъ какъ Франческа, я могу имѣть способности, которыми не слѣдуетъ пренебрегать, хотя они низшаго разряда. Потомъ приказывалъ привести маленькую аббатиссу, которая скоро заставляла меня забывать мои неприятности.

Эти благородныя существа предположили провести будущій годъ на сѣверѣ Италіи; лѣто въ Генуѣ, а зиму въ Миланѣ; къ тому же времени я долженъ былъ, послѣ строгаго экзамена, получить званіе аббата, что доставляло мнѣ положеніе гораздо высшее того, какое я занималъ до-тѣхъ поръ.

Передъ отъѣздомъ мои покровители въ дворцѣ Боргезе дали большой балъ, на который я также былъ приглашенъ. Передъ дворцомъ горѣли ряды плошекъ; факелы, прирѣзанные къ желѣзнымъ ручкамъ въ стѣнѣ, сыпали искры огненнымъ фонтаномъ. У воротъ стояли солдаты шапкой гвардіи. Садъ былъ иллюминированъ разноцвѣтными шкаликами; мраморная лѣстница величественно освѣщена. На каждой ступени, по бокамъ, стояли вазы съ цвѣтами, распространявшими вокругъ благоуханіа. Толпа акробатовъ въ богатыхъ лавреяхъ наполняла прикомужу.

Франческа, въ бѣломъ платьѣ изъ гласѣ, украшенномъ чудесными кружевами, съ наколотой на головѣ райской птицей, была удивительно хороша. Замѣтивъ меня, она протянула дружески руку, и это движеніе, сопровождаемое ласковой улыбкой, едѣла ее въ моихъ глазахъ еще привлекательнѣе. Двѣ обширныхъ залы, изъ которыхъ въ каждой стоялъ полный оркестръ, наполнились танцующими; между ними былъ и Бернардо, въ малиновомъ мундирѣ, шитомъ золотомъ, и въ бѣлыхъ кожаныхъ панталонахъ. Онъ танцевалъ съ знатнѣйшими дамами; онѣ ему пріятливо и дружески улыбались. Я очень былъ недоволенъ на себя за то, что не танцую. Въ этомъ дворцѣ; принятый какъ родной, я сталъ въ эту минуту чужимъ.... но Бернардо подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку, и неудовольствіе разсѣялось. Мы удалились къ окну за пышныя драпировки изъ краснаго штофа и выпили за здоровье другъ друга пѣнистаго шампанскаго. Очаровательныя мелодіи доходили до сердца; мы забыли что наша взаимная привязанность была омрачена набѣжавшимъ облакомъ. Я напомнилъ ему о прекрасной Жидовкѣ; онъ хохоталъ и увѣрялъ, что излѣчился отъ этой раны.

— Я нашелъ, сказалъ онъ, другую позлоченную птичку, не такую дикую, и приучилъ ее къ себѣ. Что же дѣлать, что потерялъ первую. Она улетѣла.... Въ самомъ дѣлѣ она уѣхала изъ жидовскаго квартала, даже изъ Рима, какъ донесли мнѣ мои люди.

Мы еще выпили; пары этого искрестаго вина и плѣнительныя звуки музыки, кажется, входили въ кровь нашу и смѣшивались съ нею.

Бернардо снова пошелъ танцевать; я остался одинъ, на томъ самомъ мѣстѣ, но печальное чувство, закравшееся въ душу мою, было изгнано. Я плавалъ въ морѣ блаженства и, кажется, готовъ былъ раздѣловать весь міръ. На улицѣ, подъ балкономъ, вскрикивали бѣдные дѣти, когда изъ площадкы выскакивали искры; слушая ихъ я перенесся въ свое дѣтство, когда, будучи такимъ же бѣднымъ ребенкомъ, подобно имъ забавлялся. Теперь я принятъ былъ въ великолѣпную залу, посреди самаго блестящаго римскаго общества, какъ-будто я самъ принадлежалъ къ ея мнѣи, дававшей балъ. Какъ я долженъ благодарить Бога! Я склонилъ колѣна съ чувствомъ обожанія и благодарности; драпировка скрывала меня отъ взоровъ. Я чувствовалъ себя безконечно счастливымъ.

Спусти два дня, покровители мои оставили Римъ. Хабазъ Дада почти ежедневно повторялъ мнѣ, что въ тотъ самый годъ я сдѣлаюсь аббатомъ. Я съ жаромъ предался ученію, отказавшись отъ всѣхъ обществъ, включая Бернардова. Недѣли и мѣсяцы пролетѣли; пришелъ день экзамена; я нарядился въ черное платье и короткую шелковую мантию. Побѣда! Мнѣ казалось, черные кипарисы, разцвѣтшіе анемоны, публичный крикунъ, легкія облака, летящія по небу, радуются вмѣстѣ со мной моему торжеству.

Франческа прислала мнѣ билетъ въ стр. талеровъ для моихъ нуждъ и удовольствій. Въ избыткѣ счастья я побѣжалъ на Испанское Крыльцо; бросилъ талеръ моему дядѣ и убѣжалъ, слыша за собою: «Антонио, ваше сіятельство!»

Наступилъ февраль; миндаляныя деревья уже цвѣли, померанцы желѣли, и приближалось веселое время карнавала. Оно уже было объявлено герольдами съ трубами и бархатными знаменами въ рукахъ.

Я ни разу еще не предавался вполне удовольствіямъ этого времени, назначеннаго для шалостей. Бывши ребенкомъ, съ матерью, изъ болзни, помѣщались мы гдѣ нибудь въ уединенномъ уголку, откуда видѣли одни отблески праздника. Пока былъ ученикомъ, я также былъ лишенъ возможности посмотрѣть вблизи на карнавалъ. Съ большимъ трудомъ получили мы съ товарищами позволеніе смотрѣть съ плоской крыши дворца Доріа. Но вмѣстѣ свободу бѣгать вдоль Корсо, изъ края въ край, взойти въ Капитолій, прогуливаться въ Трастеверо, наконецъ идти всюду куда вздумается; вотъ что весело, и это было для меня прежде рѣшительно невозможнымъ. Не естественно ли, что я готовъ былъ броситься въ вихрь удовольствій предстоящаго карнавала и принять участіе въ увеселеніяхъ этихъ радостныхъ дней.

Карнавалъ поглотилъ всѣ мои помышленія. Наканунѣ, рано утромъ, я пошелъ на Площадь del Popolo посмотрѣть на приготовленія конскихъ скачекъ въ Корсо, на маски и костюмы. Я купилъ себѣ платье адвоката; характеръ этотъ казался мнѣ однимъ изъ самыхъ занимательныхъ, и всю ночь не смыкалъ глазъ, обдумывая роль свою.

Слѣдующій день казался для меня такимъ важнымъ какъ высокоторжественный праздникъ. Я былъ счастливъ какъ дитя. Вдоль улицы продавцы confetti разбили палатки, приготовили столы и раскладывали товары. Корсо былъ подметенъ, прекрасныя ковры висѣли со всѣхъ оконъ. Къ тремъ часамъ по полудни я пошелъ

въ Капитолій, желая насладиться особеннымъ зрѣлищемъ, которыми открывался карнавалъ. Промежутки между столбами были наполнены иностранцами высшаго разряда; сенаторъ, одѣтый въ пурпуръ; сидѣлъ на бархатномъ тронѣ; молодые пажы, въ шапкахъ со сборами, въ перьяхъ, стояли по лѣвую сторону трона, впереди швейцарской гвардіи. Показалась группа старыхъ Евреевъ; они простерлись съ обнаженными головами передъ сенаторомъ. Одного изъ нихъ я узналъ; то была Элохъ, дочь котораго воспламенила сердце Бернарда. Именно онъ началъ говорить рѣчь, въ которой, по старинному обычаю, просилъ у сенатора позволенія остаться еще на годъ въ Римѣ въ назначенномъ кварталѣ, обѣщая одинъ разъ въ годъ слушать проповѣдь въ католической церкви, испрашивая кромѣ того позволенія прогуливаться въ Корсо, посреди римскаго народа, и заплатить издержки конскихъ скачекъ, выдать награды побѣдителямъ и, наконецъ, доставить богатыя бархатныя знамена.

Сенаторъ отвѣчалъ утвердительною движеніемъ головы. Прежній обычай, класть ногу на плечо просителя, былъ уничтоженъ; потомъ, при звукахъ трубъ, сенаторъ сошелъ съ лѣстницы и вошелъ въ великолѣпную коляску, возлѣ которой пажы заняли свои мѣста. Такимъ образомъ открылся карнавалъ. Зазвучалъ большой колоколъ Капитолія; я поторопился одѣться въ платье адвоката, и чувствовалъ себя совершенно инымъ человѣкомъ.

Довольный своимъ нарядомъ, я бросился на улицу, гдѣ былъ встрѣченъ привѣтствіями группы масокъ. То были бѣдные ремесленники, наряженные пышными дворянами; нарядъ ихъ былъ до чрезвычайности оригиналенъ и не дешево стоилъ; они надѣли сверхъ обыкновенной одежды грубую рубашку, на которой были насажены большія пуговицы изъ лимонной корки; къ плечамъ и башмакамъ были прикрѣплены пучки салату, на головахъ парики изъ укропу и большія очки изъ померанцовой корки. Я грозилъ повести ихъ въ судъ, указывая въ уложеніи, которое держалъ въ рукѣ, законъ, запрещающій пышность и роскошь въ одеждѣ. Гордый отъ ихъ рукоплесканій, я направился по длинной улицѣ Корсо, преобразованной въ прекрасную галерею, наполненную масками. Со всѣхъ оконъ и подмостковъ, нарочно устроенныхъ для этого случая, висѣли ковры яркихъ цвѣтовъ. У домовъ, вдоль всей улицы, стояло безчисленное множество стульевъ для найма. Коляски, наполненные масками, слѣдовали одна за другою въ двѣ линіи, съ противоположнымъ движеніемъ;

нѣкоторыя были совершенно покрыты, исключая колесъ, лавровыя вѣтви, такъ, что походили на качающіяся люльки изъ зелени. Между рядами экипажей толкалась одушевленная толпа пѣшеходовъ. Прекрасныя римскія дамы, одѣтыя въ офицерскую форму, съ черными ушками, прильпленными надъ нѣжными розовыми губками, бросали конфеты въ знакомыхъ. Я присталъ къ нимъ и угрожалъ судомъ зато, что она не одни конфеты бросаютъ въ проходящихъ, но даже взгляды, зажигающіе сердца; вмѣсто отвѣту я былъ закиданъ цвѣтами.

Потомъ я встрѣтилъ низенькую женщину, одѣтую старухой, съ чичибсеми. Улица въ томъ мѣстѣ была такъ тѣсна и набита толпой полищичелей, заведшихъ ссору, что почтенная дама съ своимъ кавалеромъ должна была остановиться и нехотя выслушала ною рѣчь.

— Сеньора, сказалъ я ей, такъ-то вы сохраняете суиружескую вѣрность, по увѣщаніямъ римско католической церкви! О! гдѣ теперь можно отъискать женщину, похожую на Лукрецію, супругу Колатива? Вмѣсто-того, чтобъ ей подражать, вы и многія изъ римскихъ дамъ выпѣшняго времени, посылаете мужей своихъ въ уединеніе къ транстеверскимъ монахамъ, общаете имъ вести въ домахъ своихъ самую скромную жизнь, занимаясь одними молитвами; а на дѣлѣ, пока ваши мужья убиваютъ свою плоть работами внутри монастырскихъ стѣнъ, вы, пользуясь свободой, съ любовниками наслаждаетесь всѣми удовольствіями Корсо и Фестиво. Предлагаю вамъ явиться передъ судомъ, въ силу шестидесятой статьи тридцать-седьмаго закона.

Крѣпкій ударъ опухлою по щеку моей былъ отвѣтомъ дамы. Думаю что обязанъ этой грубости совершенно нечаянно, тронувъ чувствительное мѣсто.

— Не съ ума ли ты сошелъ, Антоніо? тихо сказалъ мнѣ ея кавалеръ. Они скрылись среди сбировъ, грековъ, пастуховъ. По голосу я узналъ Бернардо; кто же была его дама?...

— *Luoghi! luoghi, radroni!* кричали торговашіе стульями. Я задумался, не можно ли задумываться въ день карнавала? Труппа арлекиновъ съ гремушками на плечахъ и башмакахъ, пустились около меня танцовать, и новый адвокатъ на высокихъ ходуляхъ проникнулъ въ среднюю кружка. Какъ будто узнавъ во мнѣ жюрльника, онъ началъ сибѣяться надъ язвнымъ мончъ положеніе, увѣряя слушателей, что онъ одинъ можетъ выигрывать дѣла всякаго рода, потому что на землѣ, на которой я стою, нѣтъ

правосудія, оно выше.... онъ показалъ что дышетъ чистымъ воздухомъ. Въ такомъ родѣ онъ долго болталъ...

На площади Колонна, я встрѣтилъ музыкантовъ; около нихъ танцовали франтики доктора съ рѣзвыми пастушками; вдоль расхаживали солдаты, для соблюденія порядка. Тамъ я снова началъ важную рѣчь, прерванную при самомъ началѣ. Мимо меня пробѣжалъ пистецъ, и такъ громко зазвонилъ въ колокольчикъ, подъ самымъ ухомъ, что я долженъ былъ перестать, я не слышалъ своихъ собственныхъ словъ. Притомъ въ ту же минуту раздался выстрѣлъ изъ пушки; карнавалъ на тотъ день окончился, коляски должны были разъѣзжаться. Я досталъ себѣ мѣсто на деревянныхъ подмосткахъ. Подо мною волновалась толпа, солдаты кричали чтобы дали мѣсто лошадямъ. На концѣ улицы, выходящей на площадь Del Popolo, была протянута веревочная преграда, за которою стояли приведенныя лошади. На спинахъ прикрѣплены были у нихъ куски зажженной губки, позади ушей привѣшены маленькія петарды; по бокамъ висѣли желѣзные шпоры, при быстрой скачкѣ пронзающія ихъ до крови. Конюхи едва удерживали бѣшеныхъ лошадей. Снова загремѣла пушка, веревочная преграда упала и лошади повеселись мимо меня по Корсо, съ быстротою вихря. Мишурныя ихъ попоны блестѣли отъ лучей заходящаго солнца; изъ-подъ копытъ сыпались искры. Толпа наполнявшая улицу, мгновенно сбѣжалась къ сторонамъ, возбуждая лошадей восклицаніями, и тотчасъ, какъ они пробѣжали, снова сомкнулась, подобно морскимъ валамъ, раздѣленнымъ на мгновеніе влечь корабля.

Я поспѣшилъ домой снять платье адвоката, и не мало удивился, заставъ у себя Бернардо....

— Ты здѣсь, вскричалъ я, гдѣ же твоя спутница?

— Тсъ, сказалъ онъ, шуточно грозя пальцемъ. Это можетъ сдѣлаться дѣломъ чести! Но что за странная мысль пришла тебѣ въ голову наговорить пустяковъ? Пойдемъ сегодня въ театръ Алиберто, тамъ даютъ оперу Дидону. Музыка восхитительная. Тамъ будутъ многія изъ высшего круга; главную роль дебютируетъ недавно пріѣхавшая пѣвица, красавица. Говорятъ, что она весь Неаполь взволновала. Возьми карандашъ; если въ проловну справедливо то, что говорятъ объ ней, она внушитъ тебѣ удивительный советъ, а я приготовилъ букетъ фіалокъ, если она удовлетворитъ моимъ ожиданіямъ.

Мнѣ очень пріятно было идти въ театръ съ Бернардо, и не

хотѣлъ терять ни одного изъ карнавальныѣхъ удовольствій. То былъ важный вечеръ для насъ обоихъ. Въ моемъ дневникѣ третье февраля подчеркнуто двойною чертою. Вѣрно то же сдѣлалъ и Бернардо въ своемъ.

Мы пошли въ театръ Алиберто, первѣйшій въ Римѣ, слушать новую пѣвицу въ роли Дидоны. Великолѣпный потолокъ, съ порхающими музами; занавѣсъ, представлявшій Олимпъ, золотые арабески, украшающіе внутренность ложъ.... меня поразили. Я видѣлъ это въ первый разъ. Театръ былъ полонъ, отъ партера до шестаго яруса. Каждая ложа освѣщена была восковыми свѣчами; глаза мои блуждали въ этомъ океанѣ свѣта, по указаніямъ Бернарда. Онъ много говорилъ злаго о пріѣзжихъ.

— Заиграли увертюру; то было изъясненіе піесы. Жестокая буря взволновала море и кинула Энея на лидійскій берегъ; ужасный вой вѣтра перешелъ въ благодарственные гимны за спасеніе. Сладкіе, нѣжные звуки флейты пробуждали предчувствіе рождающейся любви Дидоны. Чувство, мною тогда испытанное, было вовсе для меня незнакомо. Затрубили рога, буря прояснилась, и я вошелъ съ любовниками въ таинственный гротъ.... Любовь, страсть бурная, выразилась громкими аккордами. Занавѣсъ поднялся.

Эней готовъ къ отъѣзду, онъ хочетъ завоевать Эсперійское царство для сына своего Асканія и готовъ оставить Дидону, пожертвовавшую для него, чужеземца, честью и покоемъ. Она еще не знаетъ его намѣреній, «но, говоритъ Эней, ея мечты скоро распадутся, она скоро увидитъ армию дѣтей Тевтра, направляющуюся къ морскому берегу».

Показалась Дидона. Чуть вступила она на сцену, вся зала умолкла. Ея прелестная наружность, важный и кроткій взглядъ поразили всѣхъ, меня особенно. Однако она не была Дидоной созданной въ моемъ воображеніи: то было нѣжное, восхитительное созданіе, красоты духовной, какъ Рафаэль представлялъ женщину. Черные волосы придавали особенную бѣлизну лицу. Со всѣхъ сторонъ раздавались рукоплесканія, отдавали почести красотѣ. Румянецъ набѣжалъ на ея щеки. Она поклонилась собранію, ее встрѣтившему. Всѣ приготовились слушать.

— Антоніо, сказалъ въ полголоса Бернардо, схвативъ мою руку.... то она! Да, если только мой разсудокъ цѣлъ, то—моя улетѣвшая птица. О, я не обманываюсь.... Ея голосъ; сердце мое ее твердо помнить.

— О комъ ты говоришь? спросилъ я.

— О прекрасной Жидовкѣ изъ Гетто; однако это кажется невозможнымъ.... не можетъ быть чтобъ она была та самая дѣвушка!....

Онъ замолчалъ погружившись въ разсматриваніе этого чудно-прекраснаго ооздавія, которое можно было принять за Сильфиду.

Она воспѣвала наслажденія любви. Изъ ея груди, пріятнѣйшей мелодіей, выливалась чистѣйшія и пламенные впечатлѣнія сердца. Эти звуки пробуждали въ душѣ моей отдаленныя воспоминанія. То была она, та самая, о которой я давно не вспоминалъ, она передо мною въ полномъ блескѣ свѣжести и красоты. То была маленькая дѣвочка, съ необыкновенно гармоническимъ голосомъ, которая со мною вмѣстѣ читала рѣчь въ церкви Ага Соелі и отняла у нея награду. Чѣмъ больше я смотрѣлъ на нее и слушалъ, тѣмъ больше увѣрялся, что то была она сама.

Когда Эней объявилъ королевѣ, что хочетъ ѣхать, что брачный свѣтильникъ не былъ зажженъ для нихъ, что они другъ съ другомъ не связаны.... съ какимъ искусствомъ она выразила различныя чувства ее волновавшія: удивленіе, горестъ; отчаяніе! Пѣніе ея было шумомъ моря, вступившаго въ борьбу съ облаками. Какъ опишу я міръ мелодіи, открывшейся тогда душѣ моей. Умъ мой искалъ вышшняго образа чудеснымъ звукамъ, которыя казалось не могли выйти изъ груди человѣческой; я представлялъ себѣ лебедя, то разсѣкающаго крыльями пространства эфирныя, то погружающагося въ глубины моря, и снова изъ волнъ выплывающаго, чтобъ летѣть въ небо.

Первое дѣйствіе кончилось; зала огласилась криками: Аниунціата, Аниунціата! Она снова должна была показаться приведеннымъ въ восторгъ зрителямъ.

Однако это пѣніе было несравненно ниже дуэта во второмъ дѣйствіи: она умоляетъ Энея не ѣхать еще, не оставлять ее, изъ любви къ нему обезчестившей родъ свой, для чужеземца пожертвовавшей невинностью и долгомъ. «Я не посылала кораблей противъ Трои, говорила она, не нарушила спокойствія потомковъ Ахиза, не оскорбила его цѣпа».

Ея пѣнье было такъ выразительно, она такъ умѣла придать дѣйствительность своему отчаянію, что глаза мои наполнились слезами, а глубокая тишина въ залѣ показывала, что всѣ зрители ей сочувствуютъ.

Когда Эней уѣхалъ, она на минуту осталась неподвижною,

какъ безжизненная, мраморная статуя. Она походила въ то время на Ниобею. Но вдругъ кровь закипѣла въ ея жилахъ.... То не была уже вѣжная любовница, то была оставленная супруга, то была Фурія, убѣжавшая изъ ада. Ея прелестныя черты сжались. Ядъ, смерть, занимали ея мысли. Анунциата такъ быстро измѣнилась, что не я одинъ вздрогнулъ отъ ужаса, при видѣ ея страданій.

Во Флорентинской Галереѣ виситъ голова Медузы, Леонарда да-Винчи. Съ трудомъ можно оторваться отъ этого изображенія. Точно, духи ада наполнили ядомъ и адскою пѣною эту новую Медицейскую Венеру. Взглядъ, ротъ, дышали смертью. Такую намъ показала тогда Дидона.

Приготовленъ былъ костеръ по приказанію царицы, сестрой ея Анной. Вдали видѣлось судно, несшее Енея, по взволнованному морю. Сначала Дидона разсматривала оружіе, забытое троянскимъ принцемъ. Голосъ ея раздался сначала глухо, потомъ постепенно перешелъ въ раздрающія сердце жалобы падшихъ ангеловъ. Костеръ зажегъ и сердце Дидоны, казалось, разрывалось въ послѣдней мелодіи.

Раздался громъ рукоплесканій. Занавѣсъ упалъ. Всѣ были въ восторженномъ удивленіи таланту, красотѣ и голосу несравненной пѣвицы.

— Анунциата, Анунциата! кричали изъ партера и ложъ.

Занавѣсъ поднялся; она показала скромно, очаровательно. Все выражало въ ней внутреннее довольство. Дождь цвѣтовъ упалъ вокругъ нее на сцену; женщины махали платками, мужчины съ восторгомъ повторяли ея имя. Занавѣсъ упалъ. Восклипанія удвоились. Она снова показала съ пѣвцомъ, исполнявшимъ роль Эдея; но всё-таки продолжали кричать.... Она опять показала со всѣми актерами, содѣйствовавшими ея успѣху; но восклицанія не прерывались. Она явилась одна, въ четвертый разъ, произнесла трогательнымъ голосомъ нѣсколько словъ благодарности за одобренія. Въ восторгѣ я написалъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги, и бросилъ къ ея ногамъ на сцену, между вѣнками и гирляндами.

Занавѣсъ не поднимался болѣе.... хотя еще вызывали Анунциату. Зрители не уставали ей рукоплескать, не хотѣли съ нею разстаться. Она показала, поднявъ уголь занавѣса и прошла около лампъ, посылая поцѣлуй торжествующимъ зрителямъ. Въ глазахъ ея горѣло счастье; о, конечно то была одна изъ лучшихъ минутъ

ей жизни; они и для меня также были лучшими. Я наслаждался ея удовольствіемъ со всѣми ея обожателями; въ душѣ моей впечатлѣлся ея прекрасный образъ. Я видѣлъ одну Аннуціату и ни о чемъ, кромѣ нее, не могъ думать. Толпа разошлась; увлеченный общимъ движеніемъ я бросился къ малому выходу изъ театра, тамъ карета ожидала пѣвицу. Я былъ прикованъ къ самой стѣнѣ потокомъ любопытныхъ. Когда она показалась, всѣ сняли шапки, кланялись, кричали; я также произнесъ ея имя, но тихо, сердце мое сильно билось. Бернардо бросился отворять дверцы. Въ одну минуту лошади были выпряжены ея молодыми поклонниками, захотѣвшими съ торжествомъ отвезти ее домой. Смущеннымъ голосомъ она умоляла ихъ оставить свое намѣреніе, но снова раздались восклицанія. Бернардо вскочилъ на запятки, а я схватился за дышло, чрезвычайпо довольный тѣмъ, что запрегъ себя въ ея колесницу. Все это, какъ пріятный сонъ, продолжалось нѣсколько минутъ.

— Ну что скажешь? спросилъ меня Бернардо; твое сердце не тронуто. Если ты и теперь не воспламененъ до мозга костей, тебя не стоитъ называть человѣкомъ! Не сознаешь ли ты, какъ глупо поступилъ, отказавшись идти къ ней! Какъ будто скука учиться по-еврейски не высплатилась бы съ избыткомъ, удовольствіемъ ее видѣть, говорить съ нею. Да, Антонио, какъ ни кажется непонятнымъ, но Аннуціата — моя Жидовочка, я не сомнѣваюсь. Ее видѣлъ я, годъ назадъ, у стараго Эвоха; она мнѣ подносила кипрское вино, и потомъ скрылась. Наконецъ я нашелъ ее. Какъ гордый фениксъ она оставила свое гнѣздо, ужасное Гетто.

— Это невозможно, Бернардо, отвѣчалъ я. Аннуціата пробудила мои воспоминанія, которыя съ твоими не сходятся. Еслибы ты также внимательно посмотрѣлъ на нее, то увѣрился бы что она не Жидовка; въ ея чертахъ нѣтъ тѣни этого несчастнаго, презираемаго народа, который носитъ на себѣ печать Канны. Языкъ, выговоръ не обячаетъ въ ней Жидовки. О! Бернардо, какъ я былъ тронутъ, одушевленъ широмъ мелодіи, который она раскрыла передо мною. Но, что она говорила съ тобой? Ты былъ къ ней такъ близко.

— Ты въ самомъ дѣлѣ одушевленъ, Антонио, вскричалъ онъ прерывая меня. Ледъ начинаетъ таять! Ты спрашиваешь о чемъ она со мной говорила? Она была испугана, но гордилась тѣмъ, что вы вѣли ея карету. by Она опу-

стила вуаль, и спряталась въ углу кареты. Я старался ее успокоить, говорилъ все что можно сказать царицѣ красоты и невинности; она не сказала ни слова; даже и руки моей не взяла, взоити въ карету.

— Какой ты смѣлый? Она не знаетъ тебя! Я бы никакъ не рѣшился на подобный поступокъ.

— О, я этому вѣрю! Ты мало знаешь свѣтъ и женщинъ. Она меня замѣтила, и значить шагъ впередъ уже сдѣлавъ.

Я прочелъ ему экспромтъ, написанный мною Аннунціатъ; онъ похвалилъ его, объявивъ что стоитъ его внести въ мой дневникъ. Мы вошли въ кофейную и выпили вмѣстѣ за здоровье прекрасной пѣвицы. Всѣ объ ней говорили; то былъ единодушный концертъ похвалъ.

Было очень поздно, когда я воротился домой, но заснуть не могъ. Невыразимый для меня удовольствіемъ было пробѣжать въ умѣ все представленіе Аннунціаты, большую пѣсню, дуэтъ и окончательную сцену. Въ восхищеніи я принялся ей аплодировать, громко произносить ея имя, и вслухъ читать свои стихи, коворые мнѣ очень нравились. Теперь я смотрю на нихъ иначе. О, вѣрно, она подняла ихъ, думалъ я, и теперь полулежа на мягкой софѣ, опершись на прелестную ручку, читаетъ, какъ мои чувства вылились на бумагу.

«Моя душа, трепетная и растроганная, слѣдовала за тобой по узкой тропѣ, по которой ходилъ одинъ Данте. Твой голосъ и взглядъ серафима привели меня въ глубины ада и эфирныя пространства неба. То что Данте выразилъ безплодными стихами, ты напечатлѣла въ душѣ моей пѣснями.»

Я не звалъ духовнаго міра богаче и прекраснѣе представляемаго Данте; а теперь онъ мнѣ представился или пробудился во мнѣ съ большею живостью и блескомъ, чѣмъ прежде. Звуки Аннунціаты, ея взглядъ, горесть, отчаяніе, которыя она умѣла такъ выразить, казалось осуществляли видѣнія Данте. Меня восхищала мысль что мои стихи ей понравятся, что она захочетъ узнать имя автора, и пока не заснулъ, кажется болѣе думалъ о своей ничтожной поэмкѣ, чѣмъ объ ея дарованіяхъ и своихъ чувствахъ.

XI.

На слѣдующій день утромъ я много разъ проходилъ площадь

Колонна, не для того чтобъ любоваться колонной Антонина, а въ надеждѣ увидѣть какъ-нибудь Аннуціату: она тамъ жила. У нее было много посѣтителей... Счастливые люди!... Я услышалъ звуки фортепьянъ, кто-то пѣлъ басомъ. То былъ можетъ быть учитель пѣнія, или кто-нибудь изъ труппы. Какъ заведена ихъ участь! Но изъ ихъ всѣхъ счастливѣе исполнявшій роль Энея. Имѣть возможность смотрѣть ей въ глаза! топить въ нихъ безконечные взгляды любви! ъздить съ нею изъ города въ городъ, возбуждая вездѣ удивленіе, приобрѣтая славу!

Ардекины, полишиняли, магики танцовали вокругъ меня. Занятый своими мыслями, я совершенно забылъ что въ тотъ часъ на-чались карнавальныя увеселенія.

Пестрая толпа, буйная радость производили во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Сѣзжались кареты; многіе изъ кучеровъ были перодѣты жевшинами. Ихъ черные усы, грубыя движенія, противныя положенія, непріятно соединялись съ кокетливыми нарядами. Надобно же было случиться, что я былъ тогда не въ духѣ, не могъ во вчерашнему веселиться. Я хотѣлъ уже йтти домой, но бросивъ прщальнѣйшій взглядъ на домъ, гдѣ жила Аннуціата, увидѣлъ выходящаго оттуда Бернардо, который хохоча бѣжалъ ко мнѣ и кричалъ.

— Пойдемъ, мой другъ! Я не хочу чтобъ ты здѣсь стоялъ, какъ будто окаменѣлый. Я поведу тебя къ Аннуціатѣ. Она уже приготовлена принять тебя.... Ну, что, хорошо ли я доказываю свое расположеніе къ тебѣ?

— Къ ней! бормоталъ я: мнѣ казалось что кровь кипитъ въ головѣ. Къ ней! Не шути со мной такъ Бернардо. Куда ты хочешь вести меня?

— Да къ той же, кого ты воспѣвалъ, къ той, которая обезумила тебя, меня и всѣхъ кажется... къ несравненной Аннуціатѣ.

Онъ увлекъ меня въ домъ.

— Но изъясни мнѣ, какъ ты самъ попалъ къ ней, какъ получилъ позволеніе ввести меня?

— Тотчасъ, все это узнаешь. Теперь приготовься, смотри нѣмѣ....

— Но, возразилъ я, моя одежда....

— Все прекрасно, отвѣчалъ онъ, какъ-нельзя лучше. Притомъ, вотъ мы уже у ея дверей.

Дѣйствительно дверь передъ нами отворилась, и я стоялъ пе-

редъ Аннуциатой. Она была въ черномъ платьѣ, изъ богатой шелковой матеріи, со складками; покрой не скрывалъ совершеннѣйшихъ округлостей ея груди и плечъ. Поднятая прическа выказывала широкій, чистый лобъ, на которомъ я замѣтилъ чернѣйшій камень, вѣроятно антикъ. У окошка сидѣла старушка въ темномъ платьѣ. Ея глаза, фюзіомія и совокупность чертъ лица съ перваго взгляда обличали Еврейку.

Я почти убѣждался что Бернардо правъ, что Аннуциата и красotka изъ Гетто одно лицо; но всматриваясь пристальнѣе въ Аннуциату, считалъ это невозможнымъ.

Тамъ еще былъ одинъ человекъ, мнѣ незнакомый; онъ при входѣ моемъ приподнялся вмѣстѣ съ пѣвицей, которая съ полуулыбкой подошла ко мнѣ на нѣсколько шаговъ, а Бернардо шутивымъ тономъ сказалъ:

— Предестная синьора, имѣю честь представить одного изъ друзей моихъ, поэта, аббата Антоніо, любимца фамиліи Боргезе.

— Вы простите меня, сказала она обращаясь ко мнѣ. Какъ бы ни велико было мое желаніе съ вами познакомиться, я никогда бы не приступила къ этому съ такою грубою поспѣшностью. Вы сдѣлали мнѣ честь, адресовавъ ко мнѣ стихи безъ подписи, продолжала она краснѣя. Другъ вашъ сказалъ, что они ваши и просилъ привести васъ ко мнѣ; а увидавъ случайно васъ на площади, противъ моихъ оконъ, сказалъ: вы увидите его тотчасъ, и вышелъ такъ скоро, что я не успѣла ни отвѣчать ему ни удержать.... Впрочемъ, вы должны лучше меня знать образъ дѣйствіи вашего друга....

Бернардо обратилъ все это въ шутку; а я робко, въ нѣсколькихъ словахъ, выразилъ радость и удовольствіе знакомства съ нею....

Когда я говорилъ, щеки мои горѣли. Она протянула мнѣ руку, которую я съ восхищеніемъ прижалъ къ губамъ. Она представила меня незнакомцу; то былъ директоръ труппы. Старая дама, которую она назвала своимъ другомъ, посмотрѣла на меня и Бернардо сурово, почти строго; но это меня не тревожило; милый пріемъ Аннуциаты дѣлалъ меня счастливымъ.

Директоръ благодарилъ меня за стихи, которыми я просмѣлялъ его примадону; и уговаривалъ написать либретто для оперы, какъ можно поскорѣе.

— Не слушайте его, прервала Аннуциата. Вы еще не знаете какъ васъ будутъ мучить, когда вы согласитесь. Музыкальнѣйшій

композиторы не имѣютъ сожалѣнiя къ своимъ жертвамъ, а публика еще мѣше. Вы увидите сегодня вечеромъ *la Prova d'un opera seria*, и узнаете, сколько должны вытерпѣть бѣдные авторы, хотя тамъ картина еще не совершенно полна.

Директоръ хотѣлъ возражать, но Аннунциата засмѣялась, и обратясь ко мнѣ продолжала:

— Вы написали пьесу... ваша душа вылилась въ ней удивительными стихами; единство, характеры, выдержаны, все прекрасно обработано... приходитъ композиторъ, у него есть своя идея, которую надобно вставить въ оперу; вы должны пожертвовать своею. Въ одномъ мѣстѣ онъ хочетъ вставить музыку наъ флейтъ и барабановъ... въ началѣ и концѣ дѣйствiй вы должны будете вставить танцы. Является примадона, и отказывается пѣть, если вы по крайней мѣрѣ при входѣ не дадите спѣть блистательной ари; она превосходна въ *maestoso furioso*. Что ей за дѣло до того, придется ли такого рода ария къ вашей пьесѣ: авторъ одинъ за все отвѣчаетъ. Первый теноръ также имѣетъ свои требованiя. И этимъ не все кончится; отъ примадоны вы перейдете къ терцадонѣ, отъ тенора къ альту; вамъ надобно льстить, угождать, кланяться, подвергаться всѣмъ капризамъ, а это чего-нибудь да стоитъ.

Директоръ снова хотѣлъ прервать Аннунциату, но она ему не позволяла, и продолжала:

— Является директоръ; онъ все мѣрять, взвѣшиваетъ, обсуживаетъ, какъ умѣетъ, и вы должны исполнить все его желанiя, хотя вы замѣтите что онъ немного тупъ и не совсѣмъ образованъ. Машинистъ объявитъ вамъ что средства не позволяютъ того или другого устройства или декорацiи; нельзя же всю сцену нарисовать снова; надобно измѣнить что-нибудь въ вашей пьесѣ. Театральный живописецъ не согласится чтобъ море входило въ декорацию... надобно измѣнить. Наконецъ примадона не можетъ сдѣлать рулады, на слогѣ, которымъ оканчивается вашъ стихъ; она требуетъ, чтобъ стихъ вашъ непременно оканчивался на *a*: дѣлайте какъ хотите. Когда же новое творенiе будетъ представлено и освистано, композиторъ первый закричитъ: Дрянное либретто причиной паденiя пiесы, мелодiя не могла его поддержать, вздоръ долженъ былъ упасть.

Въ ту минуту веселая музыка привлекла всеобщее вниманiе: маски жужжали на площади и на улицахъ; громкiя рукоплесканiя вызвали всѣхъ на балконы. Быть около Аннунциаты, желанiе

сердца такъ скоро выполненное, составило для меня высочайшее счастье, и карнаваль мнѣ показался веселѣе вчерашняго, въ которомъ я самъ участвовалъ.

Человѣкъ пятьдесятъ полишинелей собрался подъ окнами выбирать себѣ короля; онъ уже вошелъ въ колесницу, увѣшанную флагерами самыхъ яркихъ цвѣтовъ и гирляндами изъ лавровыхъ и померанцевыхъ листьевъ. Подданные возложили на его голову корону изъ позолоченныхъ и крашеныхъ яицъ, и дали вмѣсто скипетра гремушку, обвѣшанную макаронами. Потомъ начали вокругъ колесницы пляску; запряглись въ колесницу, чтобъ тащить по улицамъ. Вдругъ король увидѣлъ Аннуциату, узналъ ее, и, сдѣлавши дружеское движеніе головою, сказалъ ей:

— Вчера ты, сегодня я.

Отъ этого сравненія Аннуциата покрасѣла и отступила, но черезъ мгновеніе возвратилась, наклонилась къ балкону и громко сказала: наслаждайся торжествомъ твоимъ; ты также, какъ я, его недостоинъ.

Полишинели ее увидѣли и услышали. Загремѣло вивать, стали бросать букеты, изъ которыхъ одинъ упалъ ей на плечо, и потомъ мнѣ на грудь. Я его спряталъ; онъ былъ для меня сокровищемъ, которое мнѣ хотѣлось сохранить.

Бернардо сердился; онъ хотѣлъ бѣжать проучить полишинелей, но Аннуциата и директоръ удержали его, давъ понять, что на это надобно смотрѣть, какъ на одну изъ шутокъ, допускаемыхъ карнаваломъ.

Объявили о приходѣ перваго тенора труппы. Онъ вошелъ съ сопровождаемъ аббата и чужестраннаго артиста, которые желали быть представленными великой пѣвицѣ. Потомъ приходили еще много посѣтителей, они сами представлялись. Составилось веселое общество; говорили о Фестино, бывшемъ наканунѣ представленіи въ театрѣ Арджентино, объ артистахъ, представлявшихъ знаменитыя статуи Аполлона мюсачетскаго, гладиаторовъ. Одна только старушка, которую я счелъ за жидовку, не принимала участія въ общемъ разговорѣ. Она сидѣла по прежнему въ углу комнаты, занятая вязаньемъ, и хотя Аннуциата не разъ къ ней обращалась, та отвѣчала однимъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Аннуциата не имѣла сходства съ образомъ, нарисованнымъ въ мремъ воображеніи послѣ вчерашняго представленія. Она была жива, весела, почти вѣтренна; но эта легкость характера и

обращенія меня еще болѣе увлекала. Острыми замѣчаніями, быстрыми возраженіями она всѣхъ слушателей очаровала.

Въ жару разговора, она посмотрѣла на часы, встала и просила извиненія, что должна насъ оставить.... Ей нужно было зайти въ туалетомъ для вечерняго представленія, и дружески поклонившись, она вышла въ другую комнату.

— Какъ много ты мнѣ доставилъ удовольствія, Бернардо, вскричалъ я выходя изъ дому. Ея разговоръ также очарователенъ, какъ и пѣніе. Но скажи, ради Бога, какъ ты попалъ къ ней? я этого не могу понять. Все мнѣ кажется сномъ, хотя я видѣлъ ее близко!

— Ты спрашиваешь, какъ я съ ней познакомился? очень и очень просто. По моему тройственному званію: благороднаго Гимназиста, офицера папской гвардіи и почитателя красоты, я съею обязанностью ей представиться. Для любви довольно было бы половины побудительныхъ причинъ. Что жъ тутъ удивительнаго? Я успѣлъ въ этомъ также, какъ и всѣ тѣ, кто при тебѣ приходилъ представляться. Когда я влюбленъ, то умѣю быть внимательнымъ, и ты самъ былъ свидѣтелемъ, какъ я успѣлъ. Въ теченіи четверти часа, мы съ нею были такъ знакомы, что когда я тебя увидѣлъ, тотчасъ пошелъ привести и представить ей.

— Ты ее любишь, спросилъ я, благородно любишь?

— Люблю ее больше, чѣмъ когда-нибудь, отвѣчалъ онъ, и не вижу ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что говорилъ тебѣ прежде, что она та самая дѣвушка, которая подносила мнѣ кипрское вино въ домъ стараго Еврея. Она узнала меня, я это ясно видѣлъ. Эта старуха, которая сидѣла въ углу, не говоря ни слова, какъ печать Саломона, не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости моихъ предположеній. Однако Аннуцита не Жидовка. Черные глаза и волосы, и мѣсто, гдѣ я увидѣлъ ее въ первый разъ, ввели меня въ ошибку.

Вечеромъ я пошелъ въ театръ. Стеченіе народу было значительное. Бернардо не былъ; съ большимъ трудомъ я нашелъ себѣ мѣсто; тѣснота и жаръ были невыносимы. Кровь моя была въ лихорадочномъ состояніи; на происшествія того дня я смотрѣлъ какъ на грезы. Представляемая піеса меня успокоила.

Фарсъ *La Prova d'una orega seria*, какъ извѣстно всѣмъ, есть твореніе самаго причудливаго воображенія. Едва замѣтна связь различныхъ сценъ. Очевидно, что писатель и композиторъ

желали только возбудить смѣхъ и доставить пѣвцамъ случай поблестать. Тутъ есть тщеславная, смѣшная, вспыльчивая примadona, и почти такого же характера композиторъ. Оба совершаютъ по капризамъ между собою и съ прочими актерами... на родомъ страннымъ, предающимся своимъ фантазіямъ и похожимъ на тѣ ядовитыя растенія, которые имѣютъ двойное свойство исцѣлять и губить. Бѣдный поэтъ брошенъ среди этихъ безупрочныхъ существъ, для которыхъ служить игрушкой.

Воскликанія и цвѣточныя вѣнки привѣтствовали появленіе Аннуциаты. Всѣ приписывали ей веселость и живость изученію искусства; я, напротивъ, принималъ за проявленіе природныхъ наклонностей и горячаго сложенія. Она была точно такая, какою я видѣлъ ее дома у себя.

Когда она пѣла, можно было подумать, что тысячи колокольчиковъ звѣтели въ ея груди, производя очаровательныя переливы, которые наполняли наши сердца безумною радостью, отражавшуюся въ ея глазахъ.

Дуэтъ съ композиторомъ, гдѣ они иѣняются ролями, былъ торжествомъ для обоихъ; но насъ особенно удивили переходы ея голоса отъ самыхъ низшихъ нотъ тенора до самыхъ высокихъ сопрано. Танцуя, она напоминала Грацій, легкостью Терпсихору на этрусской вазѣ; каждое ея положеніе могло служить этюдомъ скульптору и живописцу.

Трудныя аріи, извлеченныя изъ другихъ оперъ, и вставленныя въ эту піесу, безъ всякой связи съ нею, она выполняла съ такою силою, что я былъ убѣжденъ въ мысли, что роль примоданы ея собственная роль.

Въ концѣ піесы композиторъ объявляетъ что все готово; что увертюра можетъ быть начата. Онъ раздаетъ музыкальныя тетради настоящему оркестру; примadona присутствуетъ при репетиціи. Сигналъ поданъ, увертюра начата; они оба поютъ подъ ея музыку, хлопая руками и крича браво. Публика отвѣчаетъ тѣмъ же. Хохотъ заглушаетъ оркестръ. Непонятный восторгъ объялъ мою душу, мнѣ почти сдѣлалось дурно.

Аннуциата была прихотливое, своенравное дитя, и потому вдвойнѣ увлекательное. Ея пѣсни катились какъ дикіе диевранбы вакханки. Но какъ бы сумазбродною и востерженною она ни являлась, все оставалась прекрасною, высокою, духовною. Смотри на нее, я невольно вспомнилъ о знаменитомъ потолкѣ Авроры, написанномъ Гвидо Репи, на которомъ часы танцуютъ вдругъ ко-

лестницы солида. Одно изъ осуществленій часовъ необыкновенно походить на портретъ Беатриче ди-Тенди. Аннунціата была также на него похожа; и еслибъ я былъ скульпторомъ, я выстѣкъ бы изъ мрамора ея бюстъ и міръ назвалъ бы ее богиней невинной радости.

Оркестръ продолжалъ играть нескладную увѣртюру, а композиторъ и примадона акомпанировали ему.

— Чудесно! вскричали они оба. Увѣртюра кончена, пусть пойдимутъ завѣсъ.

Но завѣсъ упалъ. Фарсъ окончился.

Аннунціата была вызвана, и вѣнки, букеты, стихи и ленты полетѣли на нее.

Много изъ молодежи, въ числѣ ихъ были мои знакомые, согласилась дать пѣвицѣ, въ тотъ же вечеръ, серенаду. Я прѣсталъ къ нимъ, хотя цѣлой вѣкъ кажется прошелъ съ-тѣхъ-поръ какъ я не-пѣлъ.

Когда Аннунціата воротилась домой, мы отправились на площадь Колонна и помѣстились подъ ея окномъ, за длиннымъ занавѣсомъ, сквозь который достигалъ къ намъ свѣтъ. Душа моя была взволнована, я могъ думать только о ней. Сначала вмѣшался я въ общее пѣніе, потомъ запѣлъ соло. Я чувствовалъ всѣ страсти, о которыхъ пѣлъ, все земное изгладилось изъ моей памяти, и голосъ мой получалъ такую пріятность, какой я въ немъ никогда не замѣчалъ. Мои товарищи сказали въ полголоса браво, и это меня сдѣлало внимательнымъ къ пѣнію.

Чудная радость наполняла мое сердце; я чувствовалъ вдохновеніе. Голосъ мой возвысился надо всѣми, какъ духъ этой гармоніи, и когда серенада окончилась, Аннунціата вышла на балконъ, поклонилась и поблагодарила за честь съ особеннымъ чувствомъ. Мнѣ чудилось, что слова ея относились только ко мнѣ одному. Я удивлялся своимъ дорованіямъ.

На слѣдующій день снова отправился къ Аннунціатѣ. У нея уже былъ Бернардо и нѣсколько постороннихъ. Она съ удивленіемъ заговорила о прекрасномъ тенорѣ вчерашней серенады. Я покраснѣлъ. Одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что то могъ быть я. Она повела меня къ фортепiano, и просила спѣть съ нею дуэтъ. Это предложеніе меня уничижало; я долженъ былъ отдать себя общему суду. Напрасно я увѣрялъ, что не могу исполнить, чего отъ меня требуютъ; они не переставали уговаривать; а Бернардо упрекнулъ, что я лишая другихъ удовольствій

сдышать сеньору. Она взяла меня за руку; я былъ въ пѣву; дѣлать нечего, надобно было пѣть. По счастью дуэтъ былъ изъ тѣхъ, которые я пѣвалъ прежде. Смѣло его начала Аннунціата; я началъ адажіо дрожащимъ голосомъ, но глаза несравненной пѣвицы одушевили меня, оны какъ-будто говорили мнѣ: смѣлѣй, смѣлѣй слѣдуй за мной въ мірѣ гармоніи, въ которомъ я давно летаю.

Я занялся музыкой и Аннунціатой. Страхъ прошелъ, такъ что я могъ смѣло окончить пѣніе, посреди восклицаній, привѣтствовашшихъ насъ обоихъ. Молчаливая старуха подарила меня ласковымъ наклоненіемъ головы.

— Другъ мой, сказалъ Бернардо, ты меня удивилъ.

Потомъ оны передалъ обществу, что я имѣю другой замѣчательный талантъ, импровизировать.

Каждый выразилъ желаніе слушать. Я былъ въ сильномъ раздраженіи; опытивъ отъ похвалъ за пѣніе, съ полною увѣренностью въ мою способность, я рѣшился исполнить общее желаніе, лишь только Аннунціата выразила желаніе.

Она дала мнѣ гитару и сюжетомъ — безсмертіе. Подумавъ нѣсколько минутъ объ этомъ богатомъ идеями предметѣ, я тронулъ гитару, и началъ поэму, такъ какъ она въ первую минуту представилась въ головѣ моей.

Мой благодатный геній перенесъ меня черезъ Средиземное Море въ плодоносныя долины Греціи. Аэины были тогда въ развалинахъ; дикая смоковница росла посреди разбитыхъ капителей. Геній мой скорбѣлъ. Я перенесся во времена Перикла. Оживленная толпа двигалась подъ портиками. То былъ день праздника красоты; женщины, плѣнительныя какъ Лалса, танцовали на улицахъ, съ гирляндами розъ въ рукахъ; а поэты воспѣвали вѣчное царство красоты и радости. Но теперь эти прекрасныя созданія обратились въ прахъ. И въ то время когда мой геній скорбѣлъ на развалинахъ, передъ глазами мои явились восхитительныя фигуры, созданныя рукой скульптора, могущественныя богини, одѣтыя въ мраморъ. Геній узналъ дѣвъ аинскихъ, обоготворенныхъ древними, которыхъ изображенія бѣлый мраморъ передаетъ грядущимъ поколѣніямъ. «Безсмертіе, пѣлъ мой геній, принадлежитъ красотѣ, но не силѣ, не могуществу всего земнаго.»

Снова перешлывъ море, геній присталъ къ берегамъ Италіи и носился надъ столицей міра, разсматривая въ безмолвіи остатки

древняго Рима. У ногъ его Тибръ катилъ желтыя воды; гдѣ Гораций Коклесь сражался тамъ суда нагруженныя деревомъ и масломъ спускались по рѣкѣ въ Остію; гдѣ Курцій бросился въ пропасть, тамъ скотъ щиплетъ траву, которою заросъ Форумъ.

Августъ и Титъ, имена знаменитыя, сохранившіяся только на триумфальныхъ аркахъ и развалившихся храмахъ! Птица Юпитерова умерла въ воздухѣ! Римъ, гдѣ твое безсмертіе! Но Римъ стоитъ твердо посреди развалинъ. Древнія статуи и новѣйшія картины всему міру указываютъ правила безсмертнаго искусства. О Римъ: сыны Европы всегда будутъ приходить страшиками на холмы твои; они придутъ съ востока, запада и сѣвера, и скажутъ:

— Римъ, твое могущество безсмертно.

Когда я окончилъ этотъ стансъ, раздались рукоплесканія; одна Аннунціата сидѣла тихо. Прекрасная и безмолвная, какъ статуя Венеры, она не сводила съ меня глазъ. Взглядъ ея выражалъ умиленіе; я продолжалъ, слова текли легкими стихами, — плоды минутнаго вдохновенія.

Съ великаго театра міра я перешелъ на сцену ограниченную. Я описалъ прекрасную артистку, покоровшую сердца, совершенствомъ игры и пѣнія. Аннунціата опустила глаза; она не могла не узнать себя въ описанномъ мною портретѣ.

«И, когда послѣдній звукъ ея голоса замолкъ, вскричалъ я, оканчивая, когда опустилась завѣсъ и восклицанія толпы прекратились, ея прекрасный голосъ остался погребеннымъ въ сердцахъ слушателей. Но память поэта, какъ гробница Мадоны, наполняется цвѣтами и благоуханіями; погребенныя въ ней возносятся съ большею славою, и могучій голосъ вызываетъ ея безсмертіе.»

Взглядъ мой остановился на Аннунціатѣ; я выразилъ стихами собственныя мысли. На поклонъ мой собраніе осыпало меня похвалами и благодарностью.

— Вы много доставили мнѣ удовольствія, сказала Аннунціата, устремивъ на меня глаза свои.

Я поцѣловалъ ея руку. Поэтической талантъ замѣтно заслужилъ ея расположеніе. Она замѣтила, что пристрастіе ввело меня въ ошибку, помѣщая искусство, которымъ она занимается, и ее также въ кругъ безсмертныхъ; ни то ни другая не могутъ его ждать. Драматическое искусство, какъ радуга — есть мостъ соединяющій землю съ высшими небесными пространствами; ему

удивляются, какъ радугъ, которая быстро исчезаетъ со всѣми блестящими цвѣтами.

Карнавалъ проходилъ быстро, какъ сновидѣнiе; я имъ двойнѣ наслаждался, всякой день бывая у Аннувиаты и выпивая возлѣ нее блаженство, до-тѣхъ поръ мною неизвѣданное.

— Да, мнѣ говорилъ Бернардо, ты сдѣлался человѣкомъ, какъ и всѣ другiе, однако до сихъ поръ не мочилъ губъ въ жизненномъ сосудѣ.... Я готовъ поручиться, что ты еще не цѣловалъ дѣвушки, не клалъ головы на ея плечи. Предположимъ, что Аннувиата тебя любитъ!

— Что тебѣ приходитъ въ голову? почти съ гнѣвомъ возразилъ я. Кровь бросилась мнѣ въ лицо. Аннувиата, эта удивительная женщина слишкомъ высоко стоитъ надо мною.

— Да, мой другъ, но она женщина, а ты поэтъ; между вами есть влеченiе, въ которомъ вы сами не отдаете себѣ отчету!

— Во мнѣ есть чувство удивленiя, а не любви. Я обожаю ея красоту, умъ, искусство. А любить ее! Этого мнѣ и въ голову не приходило.

— Какой важный, торжественный тонъ! прервалъ Бернардо. Твоя правда, ты не влюбленъ; я вѣрю; ты похожъ на тѣхъ духовныхъ созданий, настоящихъ амфибiй, не принадлежащихъ никакому миру. Ты не влюбленъ какъ я, или кто другой; однако любишь, по своему. Зачѣмъ же красишь ее, когда она къ тебѣ обращается, и бросаешь на нее пламенные взгляды, значенiе которыхъ каждый понимаетъ. Я потому только это говорю, чтобы ты былъ остороженъ и постороннiе не подумали чего-нибудь, судя по наружности. Она послѣ завтра уѣзжаетъ и Богъ знаетъ возвратится ли къ Пасхѣ, какъ общается?

Дѣйствительно Аннувиата, имѣя обязательство съ флорентинскимъ театромъ, должна была недѣль на пять оставить Римъ, и днемъ отъѣзду назначила первый день Великаго Поста.

— Тамъ окружить ее новая толпа обожателей, продолжалъ Бернардо; старые будутъ позабыты.... позабудутъ о твоей прекрасной импровизацин, за которую она дарила тебя нѣжными взглядами. Глупъ тотъ, кто думаетъ только объ одной женщинѣ! не всѣ ли онѣ созданы для насъ?... Въ поляхъ много цвѣтовъ, надобно вездѣ собирать.

Вечеромъ мы пошли въ театръ. То было послѣднее представленiе Аннувиаты передъ отъѣздомъ. Мы ее снова увидѣли въ оперѣ Дидона. Въ тотъ разъ ни въ пѣньи, ни въ игрѣ она не

была ниже того, какъ и въ первое представленіе; болѣе успѣтъ было невозможно; она достигла въ искусствѣ высшаго совершенства. Я возвратился домой съ прежнимъ мнѣніемъ что въ Дидотѣ она раскрываетъ себя, свою внутреннюю природу. Рѣзвая радость, которой она отдавалась въ оперѣ-буффѣ и въ свѣтѣ, казалась мнѣ произвольнымъ нарядомъ, ея на себя наброшеннымъ. Восторгъ, произведенный въ тотъ вечеръ, можно только сравнить съ восторгомъ Римлянъ при встрѣчѣ съ Цезаремъ или Ти-томъ.

Поблагодаривъ публику за добрый приемъ, она простилась и обѣщала скоро явиться. Единодушное bravo раздалось въ залѣ. Много разъ ее вызывали, и точно также какъ и въ первый разъ съ триумфомъ проводили домой.

Слѣдующій день былъ послѣднимъ днемъ карнавала и вмѣстѣ съ тѣмъ пребыванія Аннунціаты въ Римѣ. Я пошелъ къ ней проститься. Она была очень тронута почестями, отданными ей старанію, желала поскорѣе возвратиться, хотя Флоренція, съ прелестными окрестностями и богатѣйшею картинной галерей, ей очень нравилась. Въ нѣсколькихъ словахъ она такъ живо и вѣрно нарисовала мнѣ городъ съ окрестностями, что я легко представилъ ихъ; мнѣ ясно видѣлись Апеннины, ихъ лѣсистые склоны усеянные виллами, площадь герцога и всѣ великолѣпные дворцы, находящіеся въ столицѣ Тосканы.

— Я опять пойду, сказала она, въ удивительную галерею пробудившую во мнѣ любовь къ скульптурѣ; въ ней поняла я, что искусство, подобно Прометею, можетъ одушевить камень. Какъ бы я желала повести васъ въ одну изъ залъ, самую меньшую, но для меня самую лучшую и любимую мной. Эта осмугольная комната вся уставлена прекрасными твореніями, по всѣ они блѣднѣютъ передъ живою, мраморной статуей Венеры Медицейской. Въ ней, безъ преувеличенія можно сказать, камень говоритъ душѣ. Даже глаза, въ другихъ статуяхъ лишенные выраженія, въ этой кажутся одушевленными. То настоящая богиня, родившаяся изъ морской пѣны. На стѣнѣ противъ статуи висятъ двѣ великолѣпныя картины, изображающія Венеру, работы Тиціана. То богиня также, красоты блестящей, роскошной, но земной. Мраморная богиня—богиня неба. Форнаррина Рафаэля и его женскія лица очаруютъ сердце, по отъ нихъ я возвращусь къ Венерѣ. Я не знаю другой статуи, съ такою жизнью и одушевленіемъ, не исключая даже группы Лаокоона, хотя онъ кажется дрожать отъ страданій. Съ нею можетъ

сравниться одинъ только Аполлоуъ Ватиканскій. Сила и преле-
ходство ума, которыми скульпторъ надѣлялъ бога поэзи, на-
чатаемы въ Венерѣ, только въ жице.

— Мнѣ случилось видѣть сабни этой знаменитой статуи, ска-
залъ я.

— Эти несовершенныя копія не могутъ дать о ней понятія,
возразила Аннунциата. Гипсъ не можетъ принять выраженія. Одинъ
мраморъ къ тому способенъ; этотъ камень представляется дѣ-
ломъ, кажется жилы бьются подъ тонкою кожей. Какъ бы я хо-
тѣла, чтобъ вы побывали со мной вмѣстѣ во Флоренціи: вы бы
обожали, боготворили это произведеніе. Я бы поведла васъ во
всему городу, какъ вы поведете меня по Риму когда я возвра-
щусь. Не такъ ли?

Я почтительно поклонился; ея желаніе меня ошастливо и
польстило мнѣ.

— Такъ мы непременно увидимся послѣ Пасхи? спросилъ я.

— Да, я возвращусь сюда къ иллюминаціи Святаго Петра и
его купола. Не забудьте меня, а я вспомню о васъ въ Флорен-
тинской галереѣ, и надѣюсь что мы вмѣстѣ будемъ рассматри-
вать Венеру. Если я вижу что хорошее, мнѣ хочется раздѣлить
это удовольствіе съ другими, съ тѣми кого знаю и кто любитъ
хорошее.

Она протянула мнѣ руку; я поцѣловалъ и попросилъ передать
мой поцѣлуй Венерѣ Медицейской.

— Такъ онъ не мнѣ принадлежитъ? сказала Аннунциата. Въ
такомъ случаѣ я буду считать себя только хранительницей и еще
разъ благодарю за пріятныя часы, проведенныя вмѣстѣ.

— До свиданія!

Я ушелъ, совершенно растерянный отъ подобнаго разговора.

Выходя изъ комнаты Аннунциаты, встрѣтился со старушкой; она
поклонилась мнѣ пріятливѣе обыкновеннаго, и когда я поцѣло-
валъ у нее руку, ударила меня по плечу и тихо сказала:

— Добрый, честный молодой человекъ!

Я чувствовалъ себя способнымъ наслаждаться послѣднимъ днемъ
карнавала. Прощанье наше съ Аннунциатой такъ мало походило на
прощанье, что я почти не вѣрилъ ея отъѣзду. По прежнему вдоль
Корсо стулья около домовъ были заняты; окна, балконы на-
полнены; между двумя рядами экипажей тѣснились пѣшеходы.
Я вошелъ въ середину. Маски пѣли хоромъ, другіе играли на
разныхъ инструментахъ; позади одной кареты морской разбой-

дникъ при звукахъ трубы возвѣщалъ о своихъ храбрыхъ подвигахъ на землѣ и на морѣ; дѣти на деревяндыхъ лошадакахъ вбѣжали въ середину и подняли страшную суматоху. Не имѣя возможности выйти изъ этого хаоса, обрызганный пѣною лошадей, я вскочилъ на задокъ фэтона, въ которомъ сидѣли двѣ маски: старый, толстый господинъ въ халатѣ и ночномъ колпакѣ съ молодой цвѣточницей. Эта послѣдняя бросила на меня нѣсколько confetti, а господинъ въ халатѣ высыпалъ на меня цѣлую коробку; я принужденъ былъ, осыпанный пудрою этихъ confetti, сочкочать поскорѣе съ мѣста, гдѣ думалъ найти спасеніе. Два арлекина приняли на себя обязанность чистить меня вальками; а немного спустя, когда фэтонъ воротился назадъ, я снова былъ осыпанъ градомъ confetti. Въ эту минуту раздался выстрѣлъ и кареты стали разъѣзжаться по сосѣдственнымъ улицамъ, оставляя Корсо свободнымъ для конской скачки. Я потерялъ изъ виду тѣ двѣ маски; они вѣроятно меня знали, иначе не бросали бы confetti, и я ни какъ не могъ догадаться, кто они; мнѣ пришло на мысль что старый господинъ—переодѣтый Бернардо, а цвѣточница — его ручная птичка. Я желалъ видѣть ея черты.

Когда раздался выстрѣлъ снова, и лошади понеслись вдоль Корсо, я занялъ стулъ на самомъ углу улицы. Но только что толпа сомкнулась и я всталъ съ мѣста, закричали: лошадь, лошадь! Передняя лошадь достигши преграды повернула назадъ и понеслась по прежнему пути. Въ этой густой толпѣ, въ которой каждый двигался съ полною увѣренностью въ безопасности отъ подобнаго случая, могло произойти много несчастій. Воспоминаніе о смерти матери промелькнуло въ умѣ моемъ; я чувствовалъ такую же тоску, какъ въ то время, когда неслись на насъ разъяренные лошади. Толпа прижалась къ домамъ, лошадь фыркающая пробѣжала; грива ея развѣвалась въ беспорядкѣ, бока были окровавлены и внезапно упала мертвою. Каждый спрашивалъ у сосѣда, не случилось ли какого несчастія? Нѣтъ, Мадона простерла благодѣтельную руку на свой народъ, ни кто не былъ раненъ; и опасность счастливо миновавшаяся еще болѣе увеличила расположевіе къ безумной радости.

Снова былъ подавъ сигналъ, что экипажи могутъ съѣзжаться и начался знаменитый Моколло, этотъ блестящій финалъ римскаго карнавала. Экипажи ѣхали уже не рядами какъ прежде, а какъ кому вздумалось; смятеніе и шумъ увеличились вдвое. Становилось темно и каждый спѣшилъ зажечь свою маленькую свѣчку;

въкоторые несли ихъ цѣлыми пучками. Поперегъ улицы на длинныхъ жердяхъ качались бумажные фонари и огненные пирамиды; всѣ окна, балконы, дома, экипажи были освѣщены.

Всѣ кричали: *Sia amazzato chi non porta moscolo*, и каждый старался сохранить свою свѣчу и потушить у сосѣда.

Напрасно я старался защитить свой *moscolo*, его задували каждую минуту. Я бросилъ его и старался заставить всѣхъ сосѣдей сдѣлать тоже. Дамы, стоявшія возлѣ домовъ и спрятавшія свои свѣчи за оконныя ставни, кричали смѣясь: *Senza moscolo!* Они воображали что свѣчи ихъ въ совершенной безопасности, между тѣмъ какъ дѣти изъ оконъ ихъ задували. На окнахъ верхнихъ этажей показались транспараны и лампы, а зрители, сидѣвшіе на балконахъ выставляли впередъ длинныя палки, утыканныя свѣчами и кричали: *Sia amazzato chi non porta moscolo!* а другіе платками на длинныхъ шестахъ гасили ихъ, вскарабкавшись по желобамъ, и держа свои зажженными, кричали: *senza moscolo!*

Кому не случалось видѣть этого зрѣлища, тотъ представить не можетъ безумной радости, оглушительнаго шуму и общаго смятенія.

Когда въ Корсо оставалось немного уже экипажей, я снова примѣтилъ знакомый фаэтонъ съ двумя масками. Свѣча у господина въ халатѣ погасла, а молодая его спутница на высокой палкѣ держала цѣлый пучокъ зажженныхъ свѣчей. Она хохотала надъ, бесполезными усиліями тѣхъ, кто хотѣлъ платкомъ затушить ея свѣчки, а господинъ въ ночномъ колпакѣ осыпалъ всѣхъ приближающихся *confetti*. Въ этотъ разъ я не сробѣлъ, вскочилъ на задокъ экипажа, схватилъ палку, а дѣвушка кричала умоляющимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ.

Кавалеръ ея обсыпалъ меня безъ пощады *confetti*. Я держалъ крѣпко палку и не хотѣлъ выпустить пока не погашу свѣчей; но палка переломилась и огненный букетъ упалъ посреди хохотавшей толпы.

— Фи, Антонио! сказала букетница.

Голосъ заставилъ меня вздрогнуть. То была Аннунціата. Она бросила въ меня всѣ оставшіеся *confetti* и коробку вмѣстѣ. Я соскочилъ, но въ знакъ примиренія бросили мнѣ букетъ цвѣтовъ. Я снова побѣжалъ за экипажемъ, но догнать не могъ; экипажи такъ перепутались, что я долженъ былъ спастись въ ближай-

шей улицѣ, и вздохнувши свободнѣе, задумался. Меня безпокою: кто былъ спутникомъ Аннуціаты?

Натурально, она захотѣла воспользоваться удовольствіями карнавала.... но господинъ въ халатѣ.... Вѣрно мой первый предположенія справедливы, думалъ я. Это былъ безъ сомнѣнія Бернардо. Чтобъ увѣриться въ этомъ, я побѣжалъ на площадь Колонна, и ожидалъ на углу дома, въ которомъ она жила. Когда фазтонъ остановился, я бросился къ дверцамъ. Аннуціата спустилась не замѣтя меня. За нею слѣдовалъ господинъ въ халатѣ. Онъ сходилъ слишкомъ медленно для Бернарда.

— Благодарю, мой другъ, сказала она.

По голосу, обуви и по платью, видѣвшемуся изъ-подъ короткаго халата, я узналъ что то была старушка, пріятельница Аннуціаты.

— Felicissima notte! закричалъ я.

Аннуціата захохотала, назвала меня злымъ шалуномъ, и что потому именно она завтра ѣдетъ во Флоренцію; впрочемъ дружески пожала мнѣ руку.

На душѣ у меня стало легко. Я обезумѣлъ отъ радости. Добрая старушка, изъ угожденія своей пріятельницѣ, надѣла халатъ и колпакъ, хотя конечно ей не совсѣмъ была пріятна прогулка въ ея лѣта! Какъ хорошо поступила Аннуціата, что не взяла съ собою ни Бернарда, ни директора, и никого. Вотъ о чемъ я думалъ возвращаясь домой. Я очень завидовалъ ночному колпаку.

Довольный и счастливый, я рѣшился посвятить удовольствіямъ вѣсколько часовъ, оставшихся до конца карнавала и пошелъ въ Фестиво. Театръ былъ освѣщенъ гирляндами изъ свѣчъ, лампъ и стаканчиковъ. Всѣ ложи были полны. Партеръ и сцена соединены были въ одну залу; на сценѣ танцовали; она была украшена драпировками; два оркестра играли попеременно. Веттурины составили кружокъ около группы Бахуса и Ариадны; я въ первый разъ пустился танцевать. Это удовольствіе мнѣ понравилось; я предался ему совершенно и вмѣстѣ съ другими кричалъ: Счастлива та ночь, которая продолжаетъ веселый карнавалъ!

Ночью почти не спалъ. Рано проснувшись думалъ объ Аннуціатѣ, которая, можетъ-быть, въ эту минуту собиралась уѣзжать; о веселыхъ дняхъ карнавала, для меня счастливыхъ, открывшихъ новый міръ чувствъ душѣ моей. Сердце сильно билось; мнѣ нужно было прогуляться на свѣжемъ воздухѣ. Какъ все переменялось. Ворота домовъ и лавки были заперты: улицы, въ которыхъ

вчера едва можно было двигаться, были пусты; нѣсколько каторжниковъ, въ обыкновенныхъ своихъ бѣлыхъ одеждахъ съ голубыми полосами, сметали съ улицъ кучи confetti, и тощая лошадка тащила возъ, наложенный дрянью и соромъ.

Передъ однимъ домомъ остановился веттурино; на имперіалѣ они укладывали пожитки, сундуки, покрыли все большими рогожами и заперли желѣзную цѣпь, связывавшую сундуки позади кузова. Изъ ближайшей улицы выѣзжалъ экипажъ, точно также нагруженный. Всѣ уѣзжали или въ Неаполь, или во Флоренцію. На пять долгихъ недѣль Римъ оставался мертвымъ.

XII.

Весь день прошелъ тихо, безмятежно какъ за гробомъ. Одушевленные сцены карнавала, мои собственные похождения, въ которыхъ Аннуциата занимала первое мѣсто, не выходили изъ памяти. Дни, смѣняясь одинъ другимъ, были однообразны. Въ жизни открылась пустота, которую книги не могли наполнить. Прежде Бернардо былъ для меня всѣмъ, теперь насъ раздѣляла пропасть. Его присутствіе меня стѣсняло; одна Аннуциата занимала все мое сердце.

Это открытіе на время доставило мнѣ счастье; но потомъ мысли перенеслись къ Бернарду, который полюбилъ Аннуциату прежде меня, онъ познакомилъ меня съ нею. А я увѣрилъ его, что чувствую одно удивленіе, ничего болѣе. Такъ я солгалъ ему, моему единственному другу, которому обѣщаль вѣрность, искренность. Угрызеніе совѣсти жгло меня, но несмотря на то, я не могъ отказать отъ Аннуциаты. Воспоминаніе часовъ проведенныхъ съ нею наводило меня на страшную задумчивость. Такъ мы смотримъ на портретъ, полный жизни, улыбающійся, существо котораго мы любимъ, котораго нѣтъ въ живыхъ; чѣмъ ласковѣе онъ улыбается, чѣмъ болѣе похожъ, тѣмъ намъ грустнѣе становится.

Опыты жизни, которые въ училищѣ мнѣ представлялись затрудненіями по службѣ, по должности, нерасположеніемъ и несправедливостями профессора, теперь начиналъ я понимать иначе. Развѣ не возвратится ко мнѣ спокойствіе душевное, если я изгону страсть изъ сердца? И къ чему приведетъ меня моя любовь? Аннуциата въ искусствѣ занимаетъ первое мѣсто, но свѣтъ будетъ порицать меня, если слѣдуя за ней, я измѣню своему

призванію. Бернардо никогда не проститъ моего поступка, который ему покажется измѣной! Притомъ же развѣ я могу быть увѣренъ, что Аннуціата меня любитъ?... Въ сущности эта послѣдняя мысль была самая горькая...

«Я искореню это чувство изъ моего сердца, говорилъ я себѣ, не хочу болѣе видѣть Аннуціаты».

Тогда я понялъ, что физическими страданіями можно изгнать изъ тѣла желанія и похоти. Цѣлуя пламенными губами ледяныя ноги мраморной Мадоны, я становился спокойнѣе. Мысли мои переносились къ дѣтству, къ моей матери. Какъ я былъ счастливъ тогда! Какъ пріятно шло время, даже въ эти однообразныя и печальныя дни поста!

А между-тѣмъ все оставалось по прежнему. На углахъ улицъ и площадей стояли маленькія хижины изъ листьевъ, покрытыя серебряными и золотыми звѣздами; вокругъ висѣли красныя щиты, на которыхъ продавались постныя кушанья; каждый вечеръ въ этихъ хижинахъ зажигались фонари изъ цвѣтной бумаги. Какъ все это меня занимало, ребенка! Съ какимъ удовольствіемъ разсматривалъ я великолѣпную лавку колбасника, которая во время поста казалась мнѣ міромъ воображенія. Прекрасныя ангелы изъ масла танцовали въ храмѣ изъ сосисекъ; сосиски обвитыя свинцовой бумагой закрывали колонны, а куполомъ служилъ пармезанскій сыръ. Въ первой моей поэмѣ все это великолѣпіе было описано; и жена колбасника сравнила эту поэму съ Божественной Комедіей Данте. !Тогда еще я не слышалъ ни Аннуціаты, ни какой другой пѣвицы! Ахъ, зачѣмъ я не могу, силъ не имѣю забыть о ней!

Я ходилъ съ процессіей по семи церквамъ Рима, вмѣшивался въ хоры странниковъ; ощущенія мои были искренны и живы. Однажды Бернардо, встрѣтивъ меня, съ горькой насмѣшкой сказалъ:

— Какъ! смѣлый импровизаторъ, веселый адвокатъ Корсо, осыпалъ свою голову пепломъ! Въ самомъ дѣлѣ, ты понимаешь и выполняешь роли всякаго рода! Я не съумѣю тебѣ подражать въ этомъ, Автоніо.

Въ этой насмѣшкѣ было правдоподобіе; она меня чувствительно оскорбила.

Наконецъ наступила послѣдняя недѣля поста; уже иностранцы возвращались въ Римъ. Почти непрерывно экипажи вѣзжа-

ли воротами дель-Пополо и Санъ Джовани. По полудни въ страстную среду въ Сикстинской Капеллѣ служили Misereere. Душа моя жаждала музыки; только въ мирѣ мелодіи казалось я могу найти себѣ утѣшеніе и симпатію. Стеченіе любопытныхъ и набожныхъ кругомъ и внутри капеллы было огромно. Мѣсто за оградой было наполнено дамами; великолѣпный амфитеатръ драпированный бархатомъ и золотыми кистями занятъ былъ иностранцами и людьми высокаго званія. Папская гвардія — въ полной парадной формѣ; офицеры въ легкихъ кирасахъ, съ перьями на каскахъ. Былъ тамъ и Бернардо. Я занялъ мѣсто возлѣ ограды, близъ папскаго хора; около меня было много Англичанъ.

Вошли старые кардиналы въ фіолетовыхъ мантияхъ, съ горностаевыми воротниками; они шли полукругомъ внутри ограды, другъ возлѣ друга; священники, которые несли ихъ шлейфы, помѣстившись у ихъ ногъ. Въ маленькую боковую дверь, у алтаря, вошелъ святѣйшій папа, въ пурпуровой мантии, съ серебрянной тиарой на головѣ, и взошелъ на престолъ. Около него кадили епископы; молодые священники въ красныхъ одѣяніяхъ стояли на колѣнахъ, лицомъ къ алтарю и трону. Началось чтеніе поученій. Я не могъ удержать глазъ на страницахъ молитвенника; они поднимались вмѣстѣ съ мыслями къ обширной вселенной, представленной Микель-Анджеломъ на стѣнахъ и потолкѣ капеллы. Я разсматривалъ пророковъ, изъ которыхъ каждый могъ быть сюжетомъ отдѣльной картины; не могъ оторвать взгляда отъ великолѣпныхъ процессій, группъ ангеловъ.... они казались мнѣ живыми, движущимися; тамъ привлекло вниманіе древо познанія добра и зла, плодъ котораго Ева подаетъ Адаму; Вседержитель, не поддерживаемый ангелами, какъ представляли художники старинныхъ школъ, а окруженный ихъ группами, поддерживающихся на немъ и на его развѣвующихся одеждахъ. Все это прежде было мною видано, но никогда не производило такого живаго впечатлѣнія, какъ въ ту минуту. Разнообразіе окружающихъ предметовъ, а, можетъ-быть, восторженность мыслей навели на меня поэтическія ощущенія; о, я увѣренъ, сердце не одного поэта забилось также въ то время, какъ у меня.

Въ оцѣпчивиіи останавливаешься, подобно Рафаелю, передъ стѣной Микель-Анджело. Эти гигантскія картины невольно привлекаютъ вниманіе; но когда посмотришь въ глубину капеллы, гдѣ изображенъ храмъ, произведеніе искусства и мысли, достигшихъ возможнаго развитія, фрескъ покрывающей стѣну снизу

до верху представится драгоценнымъ камнемъ, а все остальное обдѣлкой его. На томъ фрескѣ изображенъ страшный судъ.

Заходящее солнце освѣтило верхнія окна капеллы. Миѣ показалось, что фигуры картины движутся, что я слышу голоса небесныхъ духовъ. Въ этой атмосферѣ гармоніи, душа моя выдыхала новую жизнь; я былъ такъ бодръ и счастливъ, какими давно себя не чувствовалъ. Всѣ тѣ, кого любилъ я, представились моему уму. Душевный миръ, котораго я такъ напрасно искалъ, вмѣстѣ въ молитвою, гармоническими звуками проникла въ мое сердце.

Miserege было кончено; всѣ вышли изъ Сикстинской Капеллы, а нѣсколько минутъ спустя я сидѣлъ возлѣ Бернарда, въ его комнатѣ. Я протянулъ ему руку съ душевною откровенностью, и говорилъ то, что вышало самое искреннее чувство. Я говорилъ о нашей взаимной привязанности, о Miserege Аллегри, о всѣхъ происшествіяхъ моей жизни; описалъ состояніе духа, въ которомъ былъ, тоску, грусть, не оставлявшія меня во весь постъ; о нравственной силѣ сообщенной миѣ удивительной музыкой. Одного только не сказалъ, что онъ съ Аннуціатою были причиною моихъ страданій; этотъ сгибъ души моей остался неразвернутымъ.

Онъ смѣялся надо мною, надъ моею жалкою организаціей.

— Мы существенно разнимся другъ отъ друга, отвѣчалъ я: но, несмотря на то, я искренно къ тебѣ привязанъ, и желаю бы жить съ тобою вмѣстѣ.

— Это погубило бы нашу дружбу, сказалъ онъ. Нѣтъ, нѣтъ, мы бы сами не замѣтили, какъ ее бы не стало. Дружба похожа на любовь; она живетъ разлукою. Я представляю себѣ иногда, что бракъ долженъ быть прескучнымъ состояніемъ. Всегда и всегда быть другъ съ другомъ! Многіе изъ женатыхъ тяготеютъ цѣплями; но приличіе и природная доброта заставляютъ иныхъ до конца жизни тянуть ихъ. Хотя мое сердце, и той женщины, которую я люблю, до сихъ-поръ пылають, однако я начинаю понимать, что жаръ и пылкость угаснутъ со временемъ. Любовь есть желаніе, а желаніе, удовлетворенное, умираетъ.

— Однако, если бъ твоя жена была также скромна и прекрасна какъ...

— Какъ Аннуціата! сказалъ онъ, замѣтя что я нѣ рѣшаюсь произнести это имя.

Она захохотала и приняла меня къ сердцу. Потомъ прибавилъ полусерьезно, полуслушливо:

— Я покажу тебѣ мою ручную птичку; она тебѣ понравится. Довѣрчивые друзья имѣютъ необходимость открывать другъ другу свои тайны. Пойдемъ сегодня вечеромъ къ ней; мы тамъ весело проведемъ время.

— Нѣтъ, Бернардо, я не пойду съ тобой.

— Какой ты трусъ, Антонио! Кажется глаза твои блѣстятъ не меньше моихъ, но ты не знаешь самъ причину тоски и грусти; я тебѣ открою.... Прижми къ сердцу молодую хорошенькую женщину.... но ты не осмѣлился? Ты трусъ?...

— Твои предположенія оскорбляютъ меня, Бернардо, сказалъ я.

— Однако надобно же когда-нибудь ихъ выслушать.

Кровь бросилась мнѣ въ голову, глаза наполнились слезами.

— Какъ тебѣ не стыдно смѣяться надъ моимъ расположеніемъ къ тебѣ, вскричалъ я. Не думаешь ли ты, что я хочу стать между тобой и Аннунціатой? Не думаешь ли ты, что она ко мнѣ благосклоннѣе чѣмъ къ тебѣ?...

— О! вы хорошо знаете, что подобной глупой мысли мнѣ не прійдетъ въ голову! Зачѣмъ вмѣшивать Аннунціату въ нашъ разговоръ? Мы говоримъ о другомъ. Твоя привязанность ко мнѣ непонятна. Мы друзья и даемъ другъ другу руки; мы друзья, положимъ такъ, но вы должны понимать кто я, а вы часто въ восторгѣ забываете объ этомъ....

Слова его были язвительны; они доходили до сердца, всасывались въ кровь.... а онъ, казалось, не понималъ, какую рану нанесъ мнѣ. При прощаніи дружески пожалъ руку.

На другой день, въ четвергъ, я пошелъ въ соборъ Святаго Петра. Предхраміе было наполнено народомъ; огромность и великолѣпіе заставляли многихъ иностранцевъ предполагать, что это уже церковь. Сосѣднія улицы, площадь и мостъ Святаго-Ангела были усеяны народомъ. Можно было подумать, что всѣ жители Рима сбѣжались къ этому мѣсту, которое кажется еще обширнѣе, когда оно наполнено. Надъ нами раздавались восхитительные голоса; два хора, поставленные съ обѣихъ сторонъ трапезы, отвѣчали другъ другу; всѣ тѣснились къ мѣсту, гдѣ должно было совершиться омовеніе ногъ; дружескій поклонъ привѣтствовалъ меня изъ-за ограды, гдѣ стояли дамы. Аннунціата мнѣ кланялась. Она возвратилась изъ Флоренціи и была въ церкви! Сердце мое

сильно забилось. Я успѣлъ пробраться къ ней такъ близко, что могъ поздравить съ возвращеніемъ.

Она возвратилась наканунѣ, но не успѣла быть на Miserege Аллегри, а была на Ave-Maria въ церкви Святаго Петра.

— Служеніе въ темпотѣ было торжественнѣе вышшняго, сказала она: одна гробница Святаго Петра была освѣщена, но такъ тускло, что ближайшіе столбы и колонны не были видны. Я почувствовала могущество религіозной тишины.

Старушка, спутница Аннуціаты, была съ нею, покрытая длиннымъ, бѣлымъ покрываломъ. Церемонія кончилась; многіе замѣтили, что удивительная пѣвица въ церкви, слѣдожали за ея малѣйшими движеніями; это ей не нравилось; она хотѣла выйти изъ церкви, и я предложилъ проводить ихъ до кареты. Старушка оперлась на мою руку, которую я не смѣлъ предложить ей. Въ жилахъ моихъ текло пламя.

Подали карету. Аннуціата, садясь, пригласила меня къ себѣ на скромный обѣдъ. Глухая старушка поняла, что Аннуціата меня приглашала, но куда или на что не разобрала, и подумавъ, что я приглашенъ въ карету, отодвинула шали и протянула мнѣ руку, говоря:

— Да, да, сеньоръ аббатъ, взойдите, вамъ здѣсь найдется мѣсто.

Аннуціата не имѣла этого намѣренія; легкая краска выступила на лицѣ ея. Но я уже сидѣлъ противъ нее и карета тронулась съ мѣста.

Насъ ждалъ восхитительный обѣдъ. Мы много съ Аннуціатой говорили; она рассказывала о пребываніи своемъ во Флоренціи, о церемоніи, на которой мы только что были; спрашивала о постѣ, какъ я провелъ его. Отвѣтъ мой на послѣдній вопросъ не былъ искренній.

— Вы вѣрно захотите посмотрѣть крещеніе жидовъ, въ день Пасхи? спросилъ я, и тогда уже вспомнилъ, что объ этомъ не прилично говорить при старушкѣ.

Аннуціата поняла мою мысль и отвѣчала:

— Она не разслушала васъ, Антоніо.... Будучи ребенкомъ, я видѣла....

— Вы это видѣли ребенкомъ, здѣсь въ Римѣ? вскричалъ я.

— Да, отвѣчала она смутившись. Однако, я не Римлянка.

— Когда я увидѣлъ васъ впервые и услышалъ ваше пѣніе, мнѣ показалось, что я васъ давно знаю. И теперь еще часто думаю

объ этомъ. Если вѣрить переселенію душъ, то мы оба какъ-будто были птицами, летавшими и прыгавшими на одной вѣткѣ, и давно были дружны. Нѣтъ ли у васъ подобнаго отдаленнаго воспоминанія?

— Нѣтъ, отвѣчала Аннунціата, пристально смотря на меня.

— Когда вы сказали, что ребенкомъ были въ Римѣ, то воспоминаніе, родившееся во время перваго представленія, снова пришло ко мнѣ. Не помните ли вы церкви Ага Соелі? Не говорили ли вы тамъ ребенкомъ рѣчи?...

— Да, да, вскричала она: а вы, Антонио, вы были тотъ самый мальчикъ, который обратилъ на себя общее вниманіе?

— Которое вы отняли у меня? возразилъ я.

— Такъ это были вы, Антонио!

Она схватила мои руки и устремила на меня глаза съ невыразимой добротой. Старушка подошла къ намъ съ серьезнымъ видомъ; Аннунціата объяснила ей въ чемъ дѣло, и та смѣялась этой сценѣ возобновленнаго знакомства.

— Моя матушка и всѣ были отъ васъ въ восторгѣ! сказали я: какъ хвалили ваше нѣжное личико и звучный голосъ! Я завидовалъ вамъ, сердился, что изъ за васъ неожиданно былъ поставленъ въ тѣни....

— Я очень хорошо васъ помню, сказала она: на васъ была маленькая курточка съ большими бѣлыми пуговицами; это заставило меня обратить на васъ вниманіе.

— А на васъ былъ прекрасный малиновый шарфъ; но не одежда, а ваше лицо и глаза меня очаровали. Я узналъ васъ; вы не измѣнились, только черты обозначились. Я бы, кажется, узналъ васъ, если бы даже черты измѣнились: Я это говорилъ Бернарду; онъ не хотѣлъ вѣрить, и увѣрялъ, что это не вы.

— Бернардо! вскричала она, прервавъ меня.

Мнѣ казалось, что голосъ ея дрожалъ.

— Да, продолжалъ я, смѣшавшись: онъ тоже думалъ, что зналъ васъ прежде.... видѣлъ, хотѣлъ я сказать, но въ обстоятельствахъ, которыя не сходились съ моими предположеніями.... Ваши черные глаза и волосы.... не сердитесь на меня.... онъ скоро измѣнилъ свое мнѣніе.... онъ думалъ въ первую минуту.... я медлил.... что вы не католичка, и что потому я не могъ васъ видѣть въ церкви Ага Соелі.

— А можетъ-быть я имѣла одну вѣру съ монимъ другомъ! сказала Аннунціата, указавъ на старуху.

Я невольно сдѣлалъ утвердительный знакъ, и робко спросилъ: — Не оскорбилъ ли я васъ?

— Что другъ вашъ принялъ меня за Жидовку, сказала она, смѣясь: вы, право, престранный человекъ!

Я понялъ, что воспоминаніе нашей дѣтской встрѣчи придаетъ что-то странное ея обращенію. Я забылъ о рѣшеніи не видѣть и не любить Аннунціаты. Сердце мое пылало.

Все картинныя галереи; за два дня до праздника Пасхи, бываютъ закрыты. Аннунціата замѣтила, что ихъ гораздо пріятнѣе разсматривать уединенно, когда нѣтъ публики; но это было почти невозможно. Я зналъ привратника дворца Боргезе, и потому предложилъ ей, на другой день, смотрѣть галерею этого дворца. Она приняла предложеніе съ большимъ удовольствіемъ.

Возвратясь домой, я снова задумался о Бернардо. Онъ ее не любитъ, думалъ я, желая успокоить угрызение совѣсти: притомъ его любовь чувственная, и не такъ чиста и безкорыстна какъ моя. Воспоминаніе объ его гордости привело меня въ гнѣвъ. Нѣтъ сомнѣнія, что предпочтеніе Аннунціаты задѣло его самолюбіе. Онъ ввелъ меня къ ней, желая, быть-можетъ, только посмѣяться. Оттого-то онъ удивился, когда я хорошо пропѣлъ и импровизировалъ, воображая, что я хочу его затмить, его, прекраснаго, смѣлаго.... Можетъ-быть ему хотѣлось, чтобъ я съ нею не видѣлся. Геній мой рѣшилъ иначе: ласки, взгляды Аннунціаты, все наконецъ меня убѣждало въ ея привязанности, и что она понимаетъ и принимаетъ любовь мою. Къ сладкому чувству безнадежной любви присоединилось горькое воспоминаніе о Бернардо. Мнѣ хотѣлось увѣрить себя, что я на него не сердитъ; но тысячи колкихъ вопросовъ вертѣлись на языкѣ. Движенія гнѣва отогнали сонъ; едва къ утру могъ я заснуть.

На другой день, рано утромъ, я пошелъ во дворецъ Боргезе, предупредить сторожа, что въ такой-то день одна иностранка желаетъ посѣтить галерею; оттуда я зашелъ къ Аннунціатѣ. Мы втроемъ съшли въ экипажъ и вскорѣ прибыли во дворецъ.

XIII.

Мнѣ очень пріятно было вести Аннунціату туда, гдѣ я игралъ ребенкомъ, гдѣ моя покровительница показывала мнѣ столько прекрасныхъ произведеній, забавляясь моими вопросами и престо-

душными замѣчаніями. Я зналъ всё произведеніе въ этой галерей; Аннуціатъ онѣ были болѣе извѣстны чѣмъ мнѣ. Ея замѣчанія были чрезвычайно справедливы; она съ опытнымъ взглядомъ и рѣдкою разборчивостью открывала красоты въ каждой картинѣ. Мы остановились передъ картиной Ажерарда ди-Потти, «Лотъ съ дочерью», заслужившей много похвалъ. Мнѣ нравилась обработка, рѣзкая физіономія Лота, избытокъ жизни, выражающійся на лицѣ дочери, подносящей ему вино, и покрасѣвшее вечернее небо, мерцающее сквозь темную зелень деревьевъ.

— Эта картина полна души и огня, сказала Аннуціата: я удивляюсь кисти артиста въ колоритѣ и въ выраженіи, но не одобряю выборъ подобаго предмета. Для искусства надобно избирать предметы чистые и благородные; потому Давидъ Корреджіи мнѣ не столько нравится, какъ бы стоило подобное произведеніе. Какъ ни хороша Давидъ, какъ ни прелестенъ маленькій амуръ съ прозрачными крыльями, сидящій у нее на колѣняхъ, и помогающій дочери Ахриза собирать золотой дождь, падающій около нее, но сюжетъ не благороденъ и оскорбляетъ то чувство, которое рождается въ душѣ при видѣ красоты.

Вотъ почему Рафаэль кажется для меня необыкновенно высокимъ. Онъ во всѣхъ произведеніяхъ поэтъ невинности. Не потому ли ему такъ удалось изобразить Мадону?

— Однако, замѣтилъ я, красота твореній искусства иногда заставляетъ забывать недостатокъ въ благородствѣ сюжета.

— Никогда, отвѣчала Аннуціата. Искусство должно быть высоко и свято во всѣхъ отрасляхъ; чистота духа выше чистоты формы. Образы, писанные старинными художниками глубоко насъ трогаютъ, несмотря на ихъ грубость, на сходство по рѣзкости съ китайскою живописью. Духъ въ картинахъ художника долженъ быть также свѣтелъ, какъ въ пѣсняхъ поэта. Можно извинить нѣкоторыя сумасбродства, но нельзя не пожалѣть объ артистѣ, уклоняющемся отъ своего призванія.

— Однако въ искусствахъ необходимо разнообразіе предметовъ.

— Вы меня не поняли; возразила она. Я не того желаю, чтобъ артисты представляли однихъ Мадонъ! конечно вѣтъ! Можно найти много удовольствія въ разсматриваніи прекраснаго пейзажа, морскаго вида, разбойничей жизни.... Но я не хотѣла бы находить ничего оскорбительнаго въ произведеніяхъ искусства. Мнѣ никогда не нравилась картина Сквидони, во дворцѣ Кіара. Два

посланныя, верхомъ на осязая, проходятъ около стѣны, на которой воткнута мертвая голова; внутри головы видны — манья, червякъ и навозинъ, а на стѣнѣ надпись: «И я въ Аркадіи.»

— Я знаю эту картину, сказалъ я: она виситъ воалѣ виллаго игрока на скрийкѣ, Рафаэли.

— Да, сказала Аннунціата: эта надпись гораздо приличнѣе была бы къ этому прелестному созданію, нежели къ той отвратительной картинѣ.

Мы подошли къ *Временамъ года*, Альбана. Я рассказалъ Аннунціатѣ какое впечатлѣніе произвели на меня эти маленькіе амурь, когда я ребенкомъ бывалъ въ этой галерей.

— У васъ были въ дѣтствѣ счастливыя минуты, сказала она со вздохомъ, который я приписалъ какому-то горькому воспоминанію.

— О! вѣрно, у васъ также, сказалъ я. Въ первый разъ я увидѣлъ васъ счастливымъ дитятею; во второй разъ вы очаровали весь Римъ и, казалось, были счастливы.... Развѣ это не такъ?

— Счастливое дитя не имѣло ни отца ни матери; то была бѣдная птица, посаженная въ гнѣздо на сухомъ, безлиственномъ деревѣ; она бы съ голоду умерла, если бѣ одинъ изъ презираемыхъ Евреевъ не далъ ей убѣжища, и не выкормилъ, пока не отросли у нее крылья.

Она замолчала и, опустивъ голову, прибавила:

— Эти происшествія не могутъ быть занимательны для чужаго; я сама не понимаю какъ я увлеклась.

Она хотѣла идти далѣе, но я схватилъ ее за руку и спросилъ:

— Неужели она считаетъ меня совершенно чужимъ?

Она взглянула на меня и отвѣчала съ грустной улыбкой:

— Да, въ моей жизни были прекрасныя минуты, и я хоту думать только объ нихъ. Воспоминаніе нашей первой встрѣчи дѣтми, и потомъ разговоръ вашъ о прошедшемъ, отвлекли мое вниманіе отъ твореній искусства, окружающихъ насъ, и перенесли меня въ мое собственное прошедшее.

Возвратясь на квартиру Аннунціаты, мы узнали, что прикомандиръ Бернардо засвидѣтельствовалъ свое почтеніе. Ему сказали, что она вышла со старушкой и со мной. Я предчувствовалъ, что это ему не понравится, но не тревожился; любовь къ Аннунціатѣ измѣнила мои къ нему отношенія. Я оскорбленъ былъ его обращеніемъ. Притомъ же, не удержалъ ли онъ меня столько

разъ въ недостатокъ характера? Я готовъ былъ двойнѣ ему выказать характеръ.

Слова Аннунціаты, что одинъ изъ презрѣнныхъ Евреевъ далъ ей убѣжище, раздавались въ ухахъ моихъ. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, она была та самая молодая дѣвушка, которую Бернардо видѣлъ у стараго Эноха. Это обстоятельство меня очень интересовало; но какъ я ни старался снова завести разговоръ объ этомъ, Аннунціата отклонилась.

На слѣдующій день я не былъ принятъ Аннунціатой; она въ своемъ покоѣ изучала новую роль. Я сѣлъ со старушкой, и долго говорилъ съ нею. Она была такъ глуха, какъ я не воображалъ даже; ей нравилось что я завелъ съ нею разговоръ; со времени моей импровизаціи она выказывала мнѣ расположеніе.

Общность моей поэмы, она поняла по нѣсколькимъ словамъ и по выраженію моего лица. По лицу Аннунціаты я понимаю ея речитативы, продолжала она; чѣмъ слабѣе мой становится слухъ, тѣмъ больше укрѣпляется взглядъ.

Она спрашивала меня о Бернардо, и очень жадѣла, что его не было съ нами. Она къ нему также была расположена; и какъ я раздѣлялъ ея похвалы его характеру и добротѣ, она вскричала:

— Да, у него благородное сердце! Я знаю его одинъ прекрасный поступокъ. Богъ наградитъ его.

Она мало-по-малу разговорилась. Привязанность ея къ Аннунціатѣ была глубока и трогательна. Отъ нее успѣлъ я узнать объ Аннунціатѣ то, чего она сама не хотѣла договорить.

Она родомъ Испанка; еще въ дѣтствѣ привезена въ Римъ. Оставшись сиротою, по смерти отца и матери, она была принята старикомъ Энохомъ, который зналъ ея родителей бывши по дѣламъ торговымъ еще въ Испаніи. При случаѣ онъ отвезъ ее въ Испанію, къ одной знатной дамѣ, которая занялась ея воспитаніемъ. Тамъ она обработала свой голосъ и драматическій талантъ. Какой-то богачъ въ нее влюбился, и не получивъ взаимной любви хотѣлъ привлечь ее силою и средствами укоризненными. Старушка говорила что даже жизнь Аннунціаты въ то время была въ опасности. Одинъ случай ее спасъ и помогъ убѣжать тайно въ Римъ, гдѣ она скрылась отъ преслѣдованій своего обожателя въ Гетто. Въ то время видѣлъ ее Бернардо. Мѣсяцевъ осьмнадцать назадъ ея преслѣдователь умеръ, Аннунціата уѣхала со старушкой въ Неаполь, отдалась любимому искусству

и вступила въ театръ, на которомъ пожала первыя лавры, обвороживъ всѣхъ своей красотой и дарованіемъ.

Когда я съ нею простился, было уже поздно и начинались потѣнные огни. На улицахъ, площадяхъ, съ балконовъ и оконъ, люди всѣхъ званій стрѣляли изъ пистолетовъ, бросали гранатки и петарды. То былъ знакъ что постъ уже кончился; его провожали. Темныя завѣсы покрывавшія въ церквахъ живописи были сняты; миновалось время печали и покаянія; Пасха наступала; торжественный празникъ, для меня двойнѣ день радости и удовольствія.

Загудѣли колокола, Великолѣпныя кареты кардиналовъ, сзади которыхъ стѣяло по три и по четыре гайдука, легкіе экипажи иностранцевъ и толпы пѣшеходовъ наполняли улицы. На верхушкѣ замка Святаго-Ангела развѣшалось знамя съ гербомъ папы и образомъ Богоматери. На площади Святаго-Петра стояли музыканты. Всѣ фонтаны были въ дѣйствіи; вдоль колонпады помосты и скамьи были заняты также тѣсно, какъ на площади.

Обширная площадь обратилась въ муравейникъ изъ головъ человѣческихъ. Ряды экипажей были стѣснены до невѣроятности; даже пьедесталы и статуи были покрыты дѣтьми и простолунами. Торжественно вынесли папу изъ церкви. Онъ былъ на престолѣ, который на плечахъ поддерживали шесть священниковъ въ лиловыхъ одеждахъ; два младшіе вѣяли около святаго отца большими опахалами изъ павлиньихъ перьевъ. Впереди шедшіе діаконы вадилы; сзади его шли кардиналы, воспѣвая гимны.

При выходѣ процессіи музыканты заиграли торжественный маршъ; папу донесли до вышнихъ ступеней галереи, на балконѣ которой онъ показался, окруженный кардиналами. Солдаты, женщины, дѣти, люди всѣхъ возрастовъ и состояній упали на колѣна. Аннунціата даже въ каретѣ стала на колѣна, обративъ на святаго отца взоры, въ которыхъ блистала чистѣйшая вѣра. Все было тихо, пока торжественное благословеніе подобно невидимымъ языкамъ снисходило на вѣрныхъ.

Потомъ съ балкона на площадь полетѣли двѣ бумаги; въ одной было отпущеніе грѣховъ, а въ другой анагема врагамъ Западной Церкви; и присутствовавшіе бросились, толкая другъ друга, получить кусочекъ этихъ бумагъ.

Снова загремѣли колокола; заиграла музыка. Я также былъ счастливъ, какъ Аннунціата. Въ ту минуту когда карета наша

двинулась, Бернардо верхомъ проѣхалъ мимо; онъ поклонился обвѣи дамъ, но мѣла не замѣтилъ.

— Какъ онъ блѣденъ! сказала Аннуциата. Не боленъ ли онъ?

— Не думаю, отвѣчалъ я: но знаю причину его блѣдности.

Эта встрѣча ускорила мою рѣшимость. Я уже понималъ что пламенно люблю Аннуциату, и еслибъ она подарила мнѣ свою любовь, я готовъ былъ за нею слѣдовать. Въ своемъ драматическомъ дарованіи я былъ почти увѣренъ, въ дѣйствіи моего голоса уже удостовѣрился. Вѣрно я имѣлъ бы блистательные дебюты, показавшись на сценѣ.... Къ чему могла клониться требовательность Бернарда? Онъ могъ искать ея расположенія, и еслибъ получилъ, я удался бы немедленно.

Въ тотъ же день написалъ Бернарду письмо, надѣясь что каждое выраженіе вылилось изъ теплыхъ, искреннихъ чувствъ сердца, потому что не одна слеза упала на строки, гдѣ напоминалъ я о прежней дружбѣ.

Отправивши письмо, я чувствовалъ себя спокойнѣе, хотя мысль потерять Аннуциату, какъ коршунъ Прометей, раздирала мое сердце. Однако мнѣ представлялось также, что я вездѣ сопровождаю Аннуциату, приобретаю при ней извѣстность и славу. Драматическое поприще я уже началъ, какъ импровизаторъ и пѣвецъ.

По окончаніи Ave Maria мы отправились съ Аннуциатою и старымъ ея другомъ смотрѣть на иллюминацію. Вся церковь Святого Петра, три купола, и фасадъ этого величественнаго зданія, былъ украшенъ транспаранами и разноцвѣтными бумажными фонарями, такъ расположенными, что всѣ контуры обрисовывались свѣтящимися полосами на темно-голубомъ небѣ. У церкви толпа народу была не меньше значительна, какъ на благословеніи. Мы сначала поѣхали на мостъ Святого Ангела и оттуда посмотрѣли на великолѣпное зрѣлище иллюминаціи этого гигантскаго строенія, отражавшагося въ водахъ Тибра, по коему плавали суда, нагруженныя любопытными.

Потомъ подѣхали къ самой церкви въ то мгновеніе, когда былъ поданъ сигналъ измѣнять иллюминацію. Въ одну минуту сотни существъ зашевелились на крышѣ, на куполѣ, ставя тамъ желѣзныя площадки съ горячей смолою. Зданіе превратилось въ огненный храмъ, который блисталъ надъ Римомъ какъ солнце. Восторгъ зрителей возрасталъ постепенно; восторгъ Аннуциаты достигъ высочайшей степени.

— Страшно подумать, сказала она, какой опасности подвергается человекъ, взлѣзшій на себя освѣщеніе купола и верхняго креста.

— Да, пирамиды египетскія не выше этого купола, сказалъ я. Кто рѣшается подняться на такую высоту, долженъ быть очень силенъ.

Въ это время много каретъ проѣхало мимо нашей; всѣ направились къ Монте-Пинчю, оттуда посмотрѣть на освѣщеніе всего города съ церковью.

— Весь свѣтъ города падаетъ на церковь, замѣтилъ я; эта прекрасная и свѣтлая мысль вѣрно одушевила Кореджіо, когда онъ сочинялъ свою «Ночь».

— Нѣтъ, отвѣчала она. Вы забыли что картина эта кончена прежде церкви. Эта мысль родилась въ его сердцѣ. И намъ также нужно посмотрѣть на общность освѣщенія. Поѣдьте на Монте-Марія, тамъ не должно быть такъ тѣсно, какъ на Монте-Пинчю.

Мы проѣхали позади колоннады и скоро выѣхали въ поле. Экипажъ остановился близъ маленькой гостиницы на вершинѣ холма. Оттуда куполъ казался составленнымъ изъ горящихъ солнцевъ. Фасадъ не былъ виденъ, но картина отъ этого не много теряла. Блестящій куполъ плавалъ въ океанѣ свѣта; вокругъ насъ было мрачно. Звуки музыки и звонъ колоколовъ едва достигали до нашего слуха; звѣзды казались бѣлыми пятнами на темно-голубомъ сводѣ; освѣщеніе святаго города затемнило ихъ блескъ.

Надѣясь найти въ гостиницѣ чего-нибудь для дамъ прохладительнаго, я вышелъ изъ экипажа. Въ узкомъ коридорѣ, освѣщенномъ лампадою горящею передъ образомъ Богоматери, встрѣтился со мной Бернардо; онъ былъ также блѣденъ какъ въ училищѣ, когда получилъ лавровый вѣнокъ. Глаза его блестѣли огнемъ горячки; какъ помѣшанный онъ схватилъ меня за руку.

— Я не убійца, сказалъ онъ, задушаемымъ голосомъ, иначе я возылъ бы шпагу въ твое коварное сердце... Ты долженъ драться со мной, хочеть того или не хочеть твоя трусость. Поидемъ...

— Въ умѣ ли ты, Бернардо? вскричалъ я вырываясь.

— Кричи громче, сказалъ онъ, зови на помощь, конечно ты не осмѣлишься драться со мной; но, прежде чѣмъ меня свяжутъ, ты будешь мертвъ.

Онъ протянулъ мнѣ пистолетъ и увлекъ за собою. Google

— Ты вздумалъ тщеславиться любовью Аннуциаты, передъ цѣлымъ Римомъ и передо мною, котораго обманулъ.

— Ты нездоровъ Бернардо, ты обезумѣлъ.

Онъ бросился на меня, — я оттолкнулъ его; рука моя съ пистолетомъ дрогнула; раздался выстрѣлъ. Бернардо упалъ окровавленный.

На выстрѣлъ сбѣжались люди; явилась Аннуциата. Тогда только я понялъ свое несчастное положеніе. Аннуциата стала передъ нимъ на колѣна, и старалась остановить платкомъ текущую изъ раны кровь.

До-сихъ-поръ я вижу ея блѣдное лицо и строгій взглядъ, на меня брошенный. Ноги мои какъ будто пустили корни въ землю; я не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Спасайтесь, спасайтесь, кричала старушка, схвативъ меня за руку.

— Я невиненъ, клянусь Богомъ, я невиненъ. Онъ хотѣлъ меня убить, далъ мнѣ пистолеть, который случайно выстрѣлилъ. Да, Аннуциата, теперь я скажу вамъ, чего никогда не рѣшился бы сказать: мы любили васъ оба. Скажи, кто изъ насъ дороже твоему сердцу? Скажи, любишь ли ты меня?... я удаюсь....

— Удалитесь, шептала она, отталкивая меня. Ея вниманіе было сосредоточено на Бернардѣ.

— Спасайтесь, повторила старушка.

— Аннуциата, скажите, кто изъ насъ былъ дороже для васъ?

Она не отвѣчая наклонилась къ мертвому и рыдая приложила губы ко лбу Бернарда.

Сбирьы, сказалъ кто-то возлѣ меня, бѣгите, бѣгите!... и невидимыя руки меня вытолкали.

XIV.

Она любитъ Бернарда! Эта мысль наполнила мое сердце, отравила мою кровь, и смирля ужасный голосъ, внутри меня говорившій: Ты убилъ своего друга и брата.

Инстинктивно бросился я между кустами, по срубленному лѣсу, перескакивая черезъ стѣны виноградниковъ. Вдали, за мною блестѣлъ куполь Святаго-Петра.

Много часовъ сряду я шель наудачу; Тибръ остановилъ меня; отъ Рима до впаденія въ море нѣтъ на немъ ни мостовъ, ни лодки для переѣзда на другую сторону.

Это пренятетвіе угомонило на время червя, грызущаго мое сердце; но скоро боль сердечная удвоилась.

Недалеко отъ меня стояла гробница, обширѣе и дряхлѣе той, въ которой мы жили съ Доминикой. Три лошади были привязаны къ наменнымъ кольцамъ. Черезъ огромное отверстіе, служившее входомъ въ гробницу, видѣвъ былъ разможенный огонь. Два рослые поселенива, въ овчинныхъ полушубкахъ, большихъ сапогахъ, въ остроконечныхъ шапкахъ, съ прикрѣпленнымъ къ нимъ образкомъ Богоматери, лежа передъ огнемъ курли изъ маленькихъ трубокъ. Третій, меньшаго роста, прислонясь къ стѣнѣ пилъ вино изъ бутылки. На немъ былъ сѣрый-суковный плащъ, и шляпа съ широкими полями.

Они замѣтили меня, схватились за оружіе и подошли ко мнѣ съ вопросомъ: что мнѣ нужно?

— Лодку, перейти черезъ Тибръ, отвѣчалъ я.

— Вамъ придется долго искать ее, возразилъ одинъ. Здѣсь нѣтъ ни моста, ни лодокъ, если вы не вздумали съ собой привести.

— Вы, синьоръ, продолжалъ другой осматривая меня съ ногъ до головы, вы слишкомъ отошли далеко отъ большой дороги. Это неблагоразумно.

— Хоть бы съ вами было оружіе, замѣтилъ третій. Видите ли какъ мы осторожны. Въ этомъ ружьѣ тройной зарядъ; а пистолеть на случай когда осѣчется ружье.

— А у меня есть маленькая полоска, сказалъ первый, вынимающая острый блестящій ножъ.

— Ну, Эмилио, вложи его въ ножны, примолвилъ второй: развѣ ты не видишь, какъ этотъ господинъ поблѣднѣлъ? Онъ, какъ видно, не знакомъ съ оружіемъ. Первый мошенникъ возьметъ у него кошелекъ. Онъ не такъ скоро получитъ отъ каждаго изъ насъ. Вотъ, продолжалъ онъ обращаясь ко мнѣ, мнѣ кажется вы лучше всего сдѣлаете, если отдадите намъ на сбереженіе кошелекъ вашъ ...

— Можете взять все что найдете, отвѣчалъ я; вы не много поживетесь.

Я зналъ что у меня оставалось въ карманѣ только два талера, и чрезвычайно удивился ошупавъ въ немъ полный кошелекъ. Откуда и какъ онъ попалъ ко мнѣ? Осмотрѣвши, узналъ что такой точно видѣлъ я у старушки, подруги Аннунціаты. Добрая старушка вѣрно всунула его мнѣ въ карманъ въ минуту разлуки.

Три бандита, всё вдругъ, бросившись овладѣть мнѣ, но я высыпалъ на камень все что въ мнѣ было.

— Золото и серебро! вскричали они увидя лунддоръ между шпестрами. Не грѣшно ли оставить эти монеты ворамиъ.

— Теперь, если хотите, убейте меня, сказалъ я; жизнь тяготивать меня; смерть положитъ конецъ моимъ страданіямъ.

— Клянусь Мадонной! вскричала Эмилио. За кого вы насъ принимаете? Мы поселяне, изъ Рокка-дем-Папа, и никогда не отнимаемъ жизни у братьевъ нашихъ, христіанъ. Выпейте съ нами стаканъ вина, да расскажите зачѣмъ вамъ вздумалось прогуляться въ эти мѣста.

— Это останется моей тайной, отвѣчалъ я, принимая стаканъ съ виномъ: губы мои высохли отъ жажды.

Они шепотомъ переговорили о чѣмъ-то; потомъ тотъ, кто былъ въ шляпѣ съ широкими полями, всталъ и сказалъ мнѣ съ насмѣшкой: Вамъ придется провести холодную ночь, послѣ теплаго и веселаго вечера. Съ этимъ словомъ вышелъ изъ погреба и ускакалъ. Оставшіеся тоже стали собираться въ дорогу.

— Хотите вы переѣхать черезъ Тибръ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, иначе вамъ придется долго ждать случая переправиться. Вы сядете на лошадь позади меня; я думаю что вамъ не понравится переплывать Тибръ держась за хвостъ лошади.

Въ моемъ настоящемъ положеніи быть во власти бандитовъ было безопаснѣе. Гдѣ я могъ найти безопасное убѣжище? Я согласился ѣхать; впрочемъ мое согласіе было лишнимъ; меня бы заставили слѣдовать за ними. Эмилио сѣлъ впереди и помогъ мнѣ вскочить на горячую, сильную лошадь.

— Позвольте обвязать васъ веревкой, иначе вы можете свалиться съ лошади и попасть не на землю.

Онъ обвязалъ меня веревкой, скрутилъ руки, и привязалъ конецъ къ своему поясу. Лошадь тихонько, пробуя землю, входила въ рѣку. Скоро лука сѣдла покрылась водою; благородное животное, не безъ усилій, вынесло насъ на противоположный берегъ. Бандитъ развязалъ веревку, и еще крѣпче связалъ мои руки.

— Вы можете упасть и сломать себѣ шею; держитесь крѣпче; мы теперь покатемъ въ степь.

Онъ сжалъ лошадь ногами; товарищъ сдѣлалъ тоже; и мы поспешили вскачь черезъ пустую, бесплодную степь. Я крѣпко держался ногами и отчасти связанными руками за лошадь. Мы бы-

стре прѣхали мноо разрушительныхъ гробницъ, мимо волопровадъ; надъ нами легкія облачки летѣли по противоположному напрѣвленію.

Смерть Бернарда, разлука съ Андуніатой, бѣгство въ бандитомъ, верхомъ на летящей лошади, могло казаться для меня сиювѣніемъ, страшищемъ евокаліпіемъ. Какъ бы я желалъ изгнать изъ мысли эти ужасные образы! Я закрылъ глаза и ничего не чувствовалъ, кромѣ холоднаго вѣтерка, освѣжавшаго мой горячій лобъ.

— Мы скоро будемъ на мѣстѣ, сказалъ всадникъ, когда мы подъѣзжали къ горамъ. Не правда ли что моя лошадь хороша. Она получила благословіе Святаго Антонія. Одинъ изъ монаховъ товарищей нарядилъ ее, какъ слѣдуетъ, въ шелковые латы, открылъ передъ нею Евангеліе и окропилъ святой водой; теперь на цѣлый годъ ее не всвертять ни демоны, ни дурной глазъ.

Заря начинала заниматья когда мы вѣхали въ горы.

— Скоро день, замѣтилъ другой, я слышу дамъ зонтикъ.

Онаъ наклонувъ на меня кусокъ холста и такъ туго обвязавъ его около моей головы, что я ничего не могъ видѣть.

Сначала мы поднимались довольно долго, потомъ стали спускаться по значительной крутизнѣ. Вѣтви били меня по лицу; вѣрно фхали мы по малопрѣзжей дорогѣ. Наконецъ меня ссадили, повелъ впередъ. Мы спустились по лѣстницѣ въ пещеру. Много лѣтъ спустя я хорошо зналъ тѣ мѣста, въ которыхъ были; многіе изъ иностранцевъ посѣщаютъ ихъ; художники снимаютъ виды. То было мѣсто древняго Тускулума. Эти развалины, обросшія дикимъ шиповникомъ и боярышникомъ, находятся позади Фраскати, покрытаго каштановыми и лавровыми листьями. Во многихъ мѣстахъ тамъ встрѣчаются и теперь пещеры, обожренныя кирпичемъ, и обросшія растеніями. По ту сторону долины видны высокіе холмы Абрудцо, прилегающіе къ Понтійскимъ Бодотамъ.

Наконецъ мы остановились; одинъ изъ монаховъ свутниковъ засвисталъ; вслѣдъ за этимъ скрипнула подъемная дверь. Мы еще сошли нѣсколько ступеней внизъ и съ глазъ монаховъ сяди покрывало. Въ большомъ погребѣ за длиннымъ столомъ сидѣло много людей, здоровыхъ, въ овчинныхъ полушубкахъ, или вино и играли въ карты. На столѣ стояла огромная мѣдная лампа съ нѣсколькими фитилями. Приходъ мой никого не удивилъ; мнѣ дали мѣсто у стола, придвинули стопку вина, кусокъ сосиски, и

продолжали играть, говоря на какомъ-то, совершенно непонятномъ для меня, нарѣчїи.

Голода я не чувствовалъ, но жажда томилъ меня и я съ удовольствїемъ пилъ поставленное предо мною вино. На стѣнахъ висѣло оружіе и одежда. Во внутренности пещеры было углубленіе, на сводѣ висѣлъ ободранный заяцъ; подъ нимъ сидѣла сухая, но здоровая старуха и прѣла нитки; ея серебряные волосы рассыпались по щекамъ и бронзовой шеѣ; черные глаза оставались неподвижно прикованными къ веретену; вокругъ нее на камняхъ горѣли уголья.

Меня не долго оставили въ покоѣ. Бандиты стали распрашивать о моемъ положенїи въ обществѣ, о родѣ жизни, о друзьяхъ моихъ. Я имъ объявилъ что отдалъ имъ все что у меня было; что въ Римѣ ни кто не дастъ за выкупъ мой ни одного талера; что я бѣденъ, хотѣлъ ѣхать въ Неаполь испытать тамъ свой талантъ импровизировать; и не скрылъ, что причиною моего бѣгства было печальное убійство; но въ подробности не входилъ. Я прибавилъ, что единственный выкупъ, который они могутъ надѣяться за меня получить, есть плата, даваемая привѣтствомъ за похищенію преступника; что я желаю быть представленъ въ судъ

— Забавное желанїе! сказалъ одинъ изъ нихъ: можетъ быть у васъ въ Римѣ есть какаа-нибудь хорошенькая дѣвушка, которая не откажется за вашъ выкупъ пожертвовать своими золотыми серьгами; тогда бы вы могли отправиться въ Неаполь импровизировать; въ этомъ случаѣ мы вамъ могли бы быть очень полезны; мы помогли бы перейти черезъ границу.... Хорошо, мы умѣемъ держать слово, вы увѣритесь въ этомъ. Теперь ложитесь спать, послѣ объ этомъ подумаемъ. Вотъ вамъ постель и одѣяло, подъ которымъ не страшенъ холодный вѣтеръ и сирокко не вредитъ.

Онъ бросилъ мнѣ свой черный плащъ, висѣвшїй на желѣзномъ крючкѣ, показалъ на посланную соломѣ, у оконечности стола, и вышелъ, напѣвая любимый припѣвъ жителей Альбани: «Discendi, ô mia Bettina!»

Я растянулся, но спать не думалъ. Какъ случилось, что Бернардо попалъ въ гостиницу? Онъ ждалъ меня тамъ, иначе за дѣмъ же ему брать было пистолеты! Какъ же онъ могъ предугадать, что я туда найду, когда я самъ не зналъ этого?... Я не зналъ, что думать; и до-сихъ-поръ эти обстоятельства остались для меня непонятными. Немного спустя, въ пещеру вошло новое

лицо. За поясомъ у него торчали два пистолета, на плечи накинута была сѣрый плащъ. Я узналъ его; то былъ третій человекъ въ гробницѣ, изъ тѣхъ, которые меня схватили. Онъ съѣлъ верхомъ на скамью и завелъ разговоръ.

Въ углу подземелья старуха мѣднаго цѣпта, по прежнему неподвижно сидѣла и пряла.

— Пуля попала въ правый бокъ, онъ потерялъ много крови; но скоро опомнился.

— Такъ вотъ какъ сеньоръ, закричалъ мнѣ Эмилию, зашѣтя, что я не спалъ. Грегорію принесть намъ вѣсти изъ Рима о васъ. Такъ это вы вздумали выстрѣлить въ племянника сенатора. Конечно то были вы. Это смѣло!

— Что, умеръ онъ? бормоталъ я.

— Нѣтъ, не совсемъ, отвѣчалъ Грегорію, и можетъ-быть не уреть, такъ говорятъ доктора. Прекрасная иностранка, пѣвица, сидѣла надъ нимъ цѣлую ночь; и тогда только его оставила, когда ей сказали, что опасность миновалась и что ему нужно избѣгать волненія.

— Такъ вы не вѣрно попали въ сердце и той и другаго, зашѣтя одинъ изъ бандитовъ. Эту парочку лучше было бы для васъ не трогать. Ну, дѣло сдѣлано, оставайтесь съ нами, мы ведемъ веселую, свободную жизнь. Вы будете жить какъ принцъ, въ такой же безопасности какъ и всѣ коронованныя главы. Приключеній и вина вдоволь, дѣвушекъ также; вмѣсто одной потерянной, вы будете имѣть десять. Какъ быть, лучше пить жизнь глотками, чѣмъ по каплѣ.

«Бернардо живъ, я не убійца его», повторилъ я про себя. Эта мысль обновила мои нравственные силы, но печаль о потерѣ Аннуццаты не оставила меня. Я отвѣчалъ бандитамъ, что они могутъ со мной дѣлать что хотятъ, но что, ни по природѣ, ни по воспитанію, не могу принять ихъ предложенія.

Разбойникъ насупился.

— Шестьсотъ талеровъ самая крайняя цѣна вашей свободы, вскричалъ онъ: если эти деньги не будутъ внесены втеченіи шести дней, вы будете принадлежать намъ живой или мертвый. Вамъ не поможетъ ни хорошенькое лицо, ни мое расположеніе къ вамъ. Шестьсотъ талеровъ! а безъ нихъ или придется вамъ соединиться съ нами, или будете лежать въ колодцѣ, обнявшись съ другими трупами, туда брошенными. Такъ напишите къ вашему другу или къ прекрасной пѣвицѣ; они должны быть вамъ

оуды признательны зато, что вы довели ихъ до объясненія; они, конечно, не откажутъ заплатить за васъ эту сумму. Мы отсюда еще никого не отпускали за такую малую плату. Подумайте, прибавилъ онъ смѣясь, что вы должны заплатить за путешествіе сюда и за содержаніе и помѣщеніе. Наши требованія справедливы.

Отвѣтъ мой былъ тотъ же что прежде.

— Какой упрямый мальчишк! сказалъ онъ. За всѣмъ тѣмъ упрямство твое мнѣ нравится; мнѣ очень непріятно будетъ пустить тебя пулю въ сердце. Какъ! поэтъ, импровизаторъ, ты стыдишься свободной жизни! Однако если бъ я потребовалъ у тебя вопѣть смѣлую и свободную жизнь въ горахъ; ты бы пришелъ въ восторгъ.... а пренебрегаешь. Ну, выпей стаканъ вина, и покажи намъ свое искусство. Если ты споешь какъ художникъ, я продолжу срокъ еще на одинъ день.

Онъ снялъ со стѣны гитару и положилъ ко мнѣ на колѣна; вокругъ меня собрались бандиты и принуждали пѣть.

Мнѣ надобно было пѣть о лѣсахъ, горахъ, ущельяхъ, а я ихъ не видалъ даже. Они привели меня съ завязанными глазами, я провелъ жизнь въ Римѣ и не видалъ другихъ лѣсовъ кромѣ виллы Боргезе. Съ Доминикой, я видѣлъ горы издали, и проѣзжалъ черезъ нихъ только одинъ разъ, въ Дженсано. У меня осталось живое впечатлѣніе о темнотѣ и тишинѣ, подъ высокими яворами около Немейскаго Озера. Эта картина представилась моему уму и оживила мое воображеніе гораздо быстрее, чѣмъ все это можно пересказать. Тысячи идей тѣснились въ головѣ моей.

Я ударилъ въ струны; мысли мои переводились въ слова; слова складывались пышными стихами. Я описалъ тишину лѣсовъ, обрисовалъ скалы, которыхъ гордые вершины терялись въ облакахъ; указалъ на орлицу, оставшуюся на своемъ гнѣздѣ, учить птенцовъ своихъ владѣть крыльями и устремлять взглядъ на солнце.

«Вы царя птицъ, говорила она имъ. Ваши глаза провицательны и когти сильны. Летите, я буду смотрѣть на полетъ вашъ и радоваться вамъ».

Орленки улетѣли. Одинъ изъ нихъ достигъ вершины самой ближайшей скалы, и остался тамъ, устремивъ глаза на сіяющее солнце, какъ-будто хотѣлъ насытиться его пламенемъ; другой началъ смѣло носиться надъ скалами и глубокимъ озеромъ. На поверхности озера отражались лѣсистые берега и голубое небо.

Вдругъ онъ замѣтилъ на поверхности воды огромную рыбу, съ быстротою молніи повнесся на добычу свою и воткнулъ въ ея хребетъ свои острые когти. Сердце матери затрепетало отъ радости. Но птица и рыба были равносильны. Когти орленка слишкомъ глубоко вошли въ тѣло рыбы; онъ ихъ уже не могъ вытаскивать. Между ними завязалась борьба, и воды мирнаго озера заколебались. Постепенно орелъ ослабѣвалъ. На мгновеніе его широкія крылья распустились; онъ какъ-будто отдыхалъ. Вдругъ они поднялись.... раздалось карканье, одно изъ крыльевъ погрузилось, а другое билось съ такою силою объ воду, что вода подъ нимъ обращалась въ пѣну. И потомъ все исчезло; и рыба и птица погрузились въ глубь озера.

Орлица испустила пронзительный крикъ и обратила взглядъ къ другому певцу. Его на скалѣ уже не было: но по направленію къ солнцу видѣлся едва замѣтной точкой и скоро исчезъ въ лучахъ свѣта. Сердце матери забилось гордою радостью; она пѣла могучую смѣлость, которая тѣмъ выше становится, тѣмъ выше предметъ достиженія.

Пѣснь моя окончилась; бандиты пріѣхствовали меня рукоплесканіями. Глаза мои остановились неподвижно на старушкѣ; она на половинѣ импровизаціи бросила веретено и смотрѣла на меня мрачнымъ проникательнымъ взглядомъ. Миѣ казалось, что одна сцена моего дѣтства обновилась. Когда я окончилъ, она встала и подошла ко мнѣ, крича:

— Ты выигралъ выкупъ. Пѣснь твоя дороже золота. Смѣло направляй полетъ свой къ солнцу! Никто не подрубитъ твоихъ крыльевъ.

— Мудрая Фульвія! сказалъ почтительно наклонясь передъ старушкой, тотъ разбойникъ, который предложилъ мнѣ пѣть, развѣ ты знала снѣгора? и слышала прежде его импровизаціи?

— Я знала его, когда онъ еще былъ ребенкомъ, и читала въ глазахъ его будущую славу. Онъ тогда плелъ гирлянду.... Послѣ онъ сплететъ гирлянду получше.... Но для этого долженъ имѣть свободныя руки.... Не думаешь ли ты, что я позволю всадить пулю въ моего молодого орленка, зато что онъ не хочетъ впускать свои когти въ спину рыби! Онъ останется еще шесть дней въ гнѣздѣ, и потомъ направитъ свой полетъ къ солнцу.

Она достала изъ маленькаго въ стѣнѣ вѣланнаго шкафа бумаги и чернилицу съ перомъ.

— Червила высохла, сказала она. Не мы землянимъ ихъ жадностью другаго цвѣта. Опарай себѣ руку, Касимо.

Не говоря ни слова, бандитъ подрѣзалъ кожу и подаль ей перо омоченное въ его крови. Старуха передала его мнѣ и приказала написать: «Я ѣду въ Неаполь», и подписать внизу мое имя.

— Это чтó такое? спросилъ одинъ изъ молодыхъ бандитовъ, гнѣвно поглядывая на Фульвию.

— Развѣ земляной червякъ смѣетъ разсуждать! сказала она. Позаботься лучше, какъ не попасть подъ ногу, которая можетъ тебя раздавить....

— Мы отдаемся твоей мудрости, Фульвия, возразилъ старшій изъ нихъ. Воля твоя хранить при насъ благословеніе и дастъ усѣхъ.

Тѣмъ и кончился разговоръ, такъ что объ этомъ не сказали ни слова.

Веселость возобновилась: бутылки съ виномъ обходили кругомъ стола, отъ одного бандита къ другому. Они очень дружески обращались со мной, и подавали самыя лучшія кушанья. Я узналъ покровительницу свою; то была колдунья, предсказавшая мнѣ будущее въ Дженовѣ, на берегу Неминскаго Озера. Участъ мой теперь была въ ея рукахъ. Но къ чему она заставила написать: «я ѣду въ Неаполь». Какъ я могу перейти черезъ границу безъ паспорта, и чѣмъ буду жить въ городѣ, гдѣ я никого не знаю? Нельзя же мнѣ было начать импровизировать—мнѣ бѣглецу изъ сосѣдняго государства. Вѣра, съ дѣтства, въ покровительство Мадонны, укрѣпила мой духъ; я былъ такъ спокоенъ, какъ морякъ съ потонувшаго корабля въ маленькой лодочкѣ направляясь къ незнакому берегу.

Проходилъ день за днемъ; приходили и уходили люди; даже Фульвия отлучалась куда-то на цѣлый день, который я провелъ съ однимъ изъ разбойниковъ, моимъ сторожемъ.

То былъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати; черты лица его не выѣли ничего замѣчательнаго; но выраженіе его было такъ дико и свирѣпо, что его можно было бы принять за сумасшедшаго.

Онъ долго молчалъ, потомъ спросилъ у меня: умѣю ли я читать, и просилъ прочесть молитву. Онъ далъ мнѣ молитвенникъ, я исполнилъ его желаніе; чувство искреннаго благочестія блеснуло въ его черныхъ глазахъ во время чтенія.

— Зачѣмъ хочешь ты насъ оставить? спросилъ онъ, протягивая ко мнѣ руку. Вѣроломство живетъ вездѣ и въ городахъ и въ

лѣсахъ; но у насъ въ лѣсахъ до-крайней-мѣрѣ людей меньше и воздухъ чище.

Мы подружались. Его грусть меня трогала, хотя странность поведенія наводила страхъ.

— Ты вѣрно знаешь легенду о принцѣ Савелли и веселой свадьбѣ въ Аричин? Женихъ былъ бѣдный крестьянинъ, невеста простая поселанка, но хорошенькая и умная. Принцъ приказалъ явиться послѣ бала молодой къ нему на свиданіе. Она рассказала объ этомъ мужу, а тотъ, нарядившись въ женское платьѣ, покрытый воалью пошелъ въ садъ принца, на мѣсто назначеннаго свиданья. Когда влюбленный синьоръ, принявъ его за новобрачную, прижалъ къ сердцу, онъ провзвизнулъ его кинжаломъ. Я зналъ еще графа и двухъ новобрачныхъ, съ которыми случилась подобная исторія, но молодая не была откровенна съ мужемъ и пошла на свиданье. Богатый графъ праздновалъ съ нею свадебную ночь, а супругъ ночь смерти. Грудь новобрачной побѣлѣла какъ снѣгъ, когда острый ножъ дошелъ до сердца.

Я смотрѣлъ на него и не находилъ словъ.

— Ты думаешь, продолжалъ онъ, что я не зналъ любви, что никогда не шелъ, какъ пчела, съ душистаго нектара. Англичанка высокаго рода пріѣзжала въ Неаполь; съ нею была молодая прекрасная компаньонка. Здоровье красило ея щеки, огонь блестѣлъ въ глазахъ. Ограбивши, мы повели ихъ въ горы, а прежде чѣмъ пришелъ выкупъ, щеки молодой дѣвушки поблѣднѣли, глаза лишились блеску.... Лѣса наши густы!....

Я отворотился отъ него; онъ, какъ-будто извиняясь, прибавилъ: то была протестантка, дочь сатаны.

Вечеромъ возвратилась Фульвія и дала мнѣ письмо, которое запретила читать.

— На горахъ уже надѣты бѣлые чепчики; пора намъ отправиться, прибавила она. Ъшь и пей, мы идемъ въ дальнюю дорогу; вездѣ не встрѣтимъ гостиницъ, ни даже жилья.

На-скоро молодой бандитъ принасъ на столъ, хлѣба, говядины, вина. Когда мы поужинали, Фульвія набросила на плечи плащъ и повела меня.

— Въ этомъ письмѣ, сказала она, ты найдешь крылья; ни одинъ солдатъ не прикоснется къ твоимъ перьямъ, молодой орленокъ; тамъ найдешь и волшебную палочку, которая доставитъ тебѣ серебра и золота, пока самъ не откроешь сокровищъ.

Она раздвинула свою сухую, голой рукой плюшевое покрыв-

вало, закрывавшее входъ въ пещеру... Ночь была темная, горы одѣты бѣлымъ туманомъ. Я шелъ за Фульвией держась за ея плащъ, и едва успѣвалъ, такъ скоро она шла.

Послѣ довольно продолжительной ходьбы мы пришли въ узкое ущелье, окруженное обрывистыми скалами. Недалеко отъ насъ была хижина безъ стѣнъ, покрытая тростникомъ; такія хижины нерѣдко встрѣчаются въ Понтійскихъ Болотахъ. Черезъ дверную щель видѣвъ былъ огонь. Мы вошли въ этотъ земляной улей, почерѣвшій отъ дыму; сажа блестя на брусьяхъ, столбахъ и на тростниковомъ потолкѣ. Посреди стоялъ продолговатый каменный очагъ, на которомъ горѣли дрова. Къ этой комнаткѣ примыкала другая. Тамъ спала женщина съ дѣтми; оселъ, вытянувъ шею, изъ-за нихъ смотрѣлъ на насъ. Къ намъ на встрѣчу вышелъ старикъ, почти нагой, въ одномъ кожаномъ исподнемъ платьѣ. Онъ поцѣловалъ руку Фульвии, набросалъ на плеча неочищенную баранью шкуру, вывелъ осла и далъ мнѣ знакъ выйти изъ хаты.

— Конь, который везетъ колесницу счастья, пойдетъ скорѣе этого осла, сказала Фульвия.

Мы пошли за старикомъ. Фульвия не допустила меня поцѣловать у нее руку, когда я прощался; она раздвинула мнѣ волосы на лбу и впечатлѣла холодный поцѣлуй, и не успѣлъ я вскочить на осла, какъ она скрылась между кустами. Старикъ стегнулъ осла и пошелъ за нимъ. Я хотѣлъ заговорить съ нимъ, онъ отвѣчалъ мнѣ неяснымъ звукомъ и далъ знать рукой, что онъ глуховатой. Любопытство узнать, что такое въ письмѣ заключается, не давало мнѣ покою. Я вынулъ его изъ кармана, но въ темнотѣ ничего не могъ разобрать.

На разсвѣтѣ для мы были на вершинѣ горъ; только въ расщелинахъ голыхъ гранитныхъ скалъ видѣлася зелень. Небо устано еще было звѣздами; море облаковъ растянулось надъ болотами, простирающимися отъ Велетри до Террачины, отъ горъ Албано до Аbruццо и до самаго моря. Волнующійся туманъ началъ рѣдѣть; голубое небо измѣнилось въ лиловое, потомъ въ розовое; а горы казались покрытыми голубымъ бархатомъ. Богатство цвѣтовъ меня ослѣпило. Невольно въ этомъ обширномъ храмѣ природы душа моя вознеслась молитвой, и съ теплою вѣрой я сказалъ: «да будетъ воля Твоя.»

Въ письмѣ Фульвии былъ паспортъ на мое имя засвидѣтельствоваанный въ полиціи Рима, и подписанный неаполитанскимъ

посланникомъ, а съ нимъ билетъ въ пятьсотъ талеровъ, на домъ Фальконета въ Неаполѣ, и записочка: «жизнь Берварда не въ опасности, но не возвращайтесь въ Римъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.»

Фульвія сказала правду, что въ письмѣ я найду крылья и магическую палочку... Я свободенъ. Вздохъ благодарности вырвался изъ груди моей.

Скоро мы выѣхали на проложенную дорогу, вблизи которой нѣсколько пастуховъ поладничали. Кажется пастухи звали моего проводника. Онъ показалъ знаками, чтобъ они меня накормили. Кусокъ хлѣба съ буйволовымъ сыромъ и ослинымъ молокомъ меня подкрѣпили.

Проводникъ указалъ мнѣ по какой дорогѣ, въ какую сторону идти, а пастухи сказали что къ вечеру я могу дойти до Террачаны; но совѣтовали не отходить отъ дороги; и дойдя до канала выйти на большую дорогу, которая сквозь разсѣвающійся туманъ была замѣтна по двумъ рядамъ деревьевъ. Идя вдоль по каналу, я долженъ былъ выйти на большую дорогу около развалинъ монастыря, обращеннаго въ гостиницу подъ названіемъ Башни трехъ мостовъ.

Я хотѣлъ дать что-нибудь проводнику; вспомнилъ о двухъ талерахъ, которыхъ не отдавалъ бандитамъ, но ихъ не было въ карманѣ; я снялъ съ шеи шелковый платокъ и отдалъ ему, и поблагодаривъ пастуховъ отправился по тропинкѣ, ведущей къ Понтійскимъ Болотамъ.

XV.

Многимъ Понтійскія Болота представляются обширнымъ мѣстомъ, покрытымъ стоячими тинистыми водами; а эти болота, напротивъ того, по богатству и пышности пастбищъ могутъ сравниться съ прекрасными лугами Ломбардіи.

Черезъ нихъ проходитъ дорога между двумя рядами липъ, коихъ густыя вѣтви защищаютъ путешественника отъ докуки палящаго солнца. Съ обѣихъ сторонъ видны необозримыя степи, покрытыя травами и тростниками. Эти степи изрѣзаны во всѣхъ направленіяхъ канавами, дающими стокъ водамъ прудовъ, почти совершенно покрытыхъ тростникомъ и широколистной кувшинкой. Влѣво, по дорогѣ изъ Рима, видны высокіе

холмы Абрупцо, усіянные небольшими городами, концы близки отъсны рѣзко отдѣляются отъ сѣрыхъ скалъ. Вправо, равнина тянется до самаго моря, надъ которыми возвышается нынѣ Цирценъ, вѣкогда бывший островомъ и царствомъ волшебница, прославленнаго въ похожденияхъ Энея.

Хотя мартъ было только въ половинѣ, солнце палило какъ лѣтомъ. Между высокими травами бродили стада буйволовъ, скакали лошади, в вода брыганми поднималась изъ-подъ нихъ копоть. Возлѣ одной хижинѣ разложены были вѣстухами огромныя костры, широкно для очищенія воздуха. Блѣдные, блѣзновыя лица жителей во гармонировали съ богатой растительностью болотъ. Одинъ изъ поселявъ, похожій на мертвеца, прѣхалъ мимо меня верхомъ на вороной лошади, держа въ рукѣ копьё. Этими копьями они гоняють буйволовъ, заходящихъ иногда такъ далеко въ болота, что едва видны ихъ безобразныя головы съ коварными глазами.

Почтовые домики, трехъ и четырехъ-этажные стояли удивленно по этой дорогѣ; на нихъ дурное вліяніе лиѣли пары, выходящія изъ земли; стѣны были почти совершенно покрыты зеленою плесенью; и дома какъ люди портились отъ зараженнаго воздуха, а растительность развивалась великолѣпно.

Къ вечеру вышелъ я изъ Болотъ и приближался къ скалистымъ горамъ; предо мною открылась плодородная Эсперія. Три большія пальмы обремененныя плодами стояли по дорогѣ; сады фруктовые покрывающія скаты горъ походили на богатые обширные ковры, на которыхъ разсыпаны были миллионы золотистыхъ плодовъ. Померанцы и лимоны нагнули до самой земли свои вѣтви; возлѣ хижинъ поселянина огромныя кучи лимоновъ, только что снятыхъ, сложены были на подобіе каштановъ. Въ расщелинахъ скалъ росли розмаринъ и гвоздичныя фіалки; на вершинѣ стоялъ развалившійся замокъ, построенный королемъ остроготскимъ Теодорикомъ. Очарованный красотой этой картины, я задумавшись вошелъ въ Террачину, а тамъ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ море, прекрасное Средиземное Море. То само небо необозримой равниной разостлалось передо мною. Вдали видѣлись острова, какъ облака темно-лиловаго цвѣта. На горизонтѣ столбъ дыму, издали казавшагося бѣлымъ, обозначалъ Везувій. Море было тихо, но высокіе, прозрачныя, голубые валы разбивались о берегъ съ шумомъ, который въ горахъ отдавался громовымъ грохотомъ. Ни глаза мои, ни ноги не хотѣли оторваться

отъ берега. Слезы невольпо текли; казалось что все, что было во мнѣ матеріей, становилось духомъ готовымъ улетѣть въ пространство между небомъ и землею.

Не вдали отъ меня стояло большое бѣлое строеніе, объ основаніе котораго разбивались волны. Впереди длинная деревянная галерея на столбахъ укрывала экипажи путешественниковъ. Это была террачинская гостиница, лучшая изъ всѣхъ гостиницъ по дорогѣ изъ Рима въ Неаполь.

Эхо сосѣднихъ горъ повторяло удары бичомъ почтальона. Берлинъ, запряженный четырьмя почтовыми лошадьми, приблизился къ гостиницѣ. Вооруженные слуги стояли сзади экипажа. Бѣлокурый господинъ въ широкомъ яркаго цвѣта халатѣ полулежалъ внутри берлина. Почтальонъ соскочилъ и хлопалъ бичемъ пока впрягали лошадей. Иностранецъ не хотѣлъ остановиться; потребовалъ конвой для переѣзда черезъ горы, населенныя потомками Фра-Дьяволо и Цезаря; это его задержало. Опъ началъ ворчать вполонину по-англійски, вполонину по-итальянски; наконецъ уставши бравиться вынулъ изъ кармана футляръ, сдѣлалъ изъ него лочной копакъ и залѣзъ въ уголъ экипажа, закрывъ глаза и рѣшившись по видимому покориться своей участи. То былъ Англичанинъ, который въ десять дней изѣздилъ весь сѣверъ и югъ Италіи, чтобъ получить о ней ясное понятіе; онъ былъ въ Римѣ одинъ день и теперь ѣхалъ въ Неаполь, намѣреваясь подняться на Везувій; послѣ хотѣлъ на пароходѣ отѣхать въ Марсель, желая приобрести ясное понятіе объ южныхъ провинціяхъ Франціи, чего надѣялся достигнуть въ самое непродолжительное время.

Наконецъ прибыли восемь вооруженныхъ всадниковъ; почтальонъ вскочилъ на сѣдло, и берлинъ съ конвоемъ шумно выѣхалъ изъ гостиницы и углубился между высокихъ желтоватыхъ скалъ.

— Съ его конвоемъ и оружіемъ онъ не будетъ такъ безопасенъ, какъ мои путешественники, сказалъ коренастый мальчикъ, крутя свой кнутъ. Кажется Англичавѣ очень пристрастны къ путешествіямъ; они всегда скачутъ: престранныя птицы! *Santa Philomela di Napoli!*

— Много у тебя сѣдоконъ, другъ? спросилъ я.

— По сердцу въ каждомъ углу, такъ это выходитъ всего четыре; да еще одинъ въ кабриолетѣ. Если сеньоръ желаетъ увидѣть Неаполь, его желаніе можетъ быть исполнено послѣ зав-

тра, прежде чѣмъ солнце переставеть освѣщать вершину Сент-Эльма.

Мы договорились, и я былъ выведенъ изъ затрудненія отъ недостатка мелкихъ денегъ.

— Можетъ-быть вамъ понадобится мелочь, сивъйоръ, спросилъ ветурияно, поворачивая между пальцами монету въ пять паоло.

— Нѣтъ, мнѣ только пужно мѣсто, пища и пристанище въ пути, отвѣчалъ я. Мы отправимся утромъ?...

— Да, если угодно будетъ святому Автонію и моимъ лошадкамъ, мы отправимся часа въ три утра; два раза остановимся въ таможенныхъ, три раза для осмотра паспортовъ. Завтра самый тяжелый день. Онъ приподнял шапку, махнулъ головою и отошелъ.

Меня проводили въ комнату, изъ которой было видно море. Свѣжій вѣтерокъ дулъ въ лицо; обширная и однообразная картина передъ глазами напомнила мнѣ степь, въ которой я жилъ съ Доминикой: тамъ недоставало только шума валовъ. Добрая женщина! Какъ я рѣдко бывалъ у нее; а между-тѣмъ она меня очень любила, вѣрно, больше чѣмъ кто другой. Князь и Франческа были расположены ко мнѣ, но это расположеніе не похоже было на расположеніе Доминики. Благодаренія даваемые и получаемыя были единственною связью между нами; а тамъ, гдѣ нѣтъ взаимности услугъ, всегда между дающимъ и получающимъ остается бездна, которая можетъ-быть снаружи прикрыта ползучими растеніями, благодарностью и преданностью, но никогда не наполнена. Потомъ я вспомнилъ объ Аннуціатѣ и Бернардо, и слеза оросила мои щеки.

На слѣдующій день до свѣта мы оставили Террачину, и когда начала занимать заря достигли границы. Тогда только я увидѣлъ моихъ спутниковъ. Между ними блондина, лѣтъ тридцати, съ пріятнымъ и добрымъ выраженіемъ лица, обратилъ на себя мое вниманіе. Я его какъ будто гдѣ-то прежде видѣлъ, но гдѣ именно не могъ припомнить. Изъ словъ его было замѣтно, что онъ чужеземецъ.

Насъ долго задержали при осмотрѣ паспортовъ, большею частью писанныхъ на языкахъ иностранныхъ.

Въ это время бѣлокурый путешественникъ вынулъ альбомъ, и

нарисовалъ мѣсто, гдѣ мы были: двѣ высокія башни подлѣ воротъ, ближнія пещеры, и вдали на горѣ видѣющійся городъ.

Я подошелъ къ иностранцу; онъ указалъ мнѣ прекрасную группу козъ, находившихся въ гротѣ. Онѣ выходили изъ него попарно, какъ послѣ потопа животныя изъ Ноева ковчега. Мальчикъ шелъ сзади; остроконечная шапка, разорванные чулки, сандалы и короткій темный плащъ, придавали ему живописную форму. Козы щипали надъ гротомъ траву, инья разбѣжались по кустамъ, а пастухъ сѣлъ на камень у грота, и зѣвалъ на путешественниковъ.

— Maledetto, кричалъ ветурино бѣжа къ намъ. Есть какая нибудь несправность въ паспортахъ. Можетъ быть въ моемъ, подумалъ я, и отъ беспокойства кровь бросилась мнѣ въ голову. Иностранецъ разсердился на неграмотность чиновниковъ, и мы пошли за ветурино въ одну изъ башень, гдѣ полужележи на столѣ, на которомъ были разложены пять челоуѣкъ.

— Кого зовутъ Фридерикомъ? спросилъ одинъ изъ нихъ, гордо взглянувъ на насъ.

— Меня, отвѣчалъ чужеземецъ, я Фридерикъ, по-итальянски Федерико.

— Такъ Федерико Шестой...

— Нѣтъ, вы читаете имя моего государя, написанное вверху паспорта.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ чиновникъ и прочелъ медленно и громко: Фридерикъ Шестой, Божіею милостью, король Датскій, Вавдальскій, Готскій, и прочая, и прочая. Но что же это значитъ? вскричалъ онъ прерывая чтеніе, вы Вавдалъ, вы принадлежите къ этому варварскому народу!

— Да, отвѣчалъ Фридерикъ, я варваръ и пріѣхалъ въ Италію образоваться, имя мое внизу; я также называюсь Фридерикомъ, какъ и государь мой.

— Не Англичанинъ ли онъ? спросилъ другой чиновникъ.

— Нѣтъ, Боже мой! отвѣчалъ первый. Ты смѣшиваешь всѣхъ народовъ! Не видишь-ли, онъ изъ Сѣвера.... это Русской....

Фридерикъ, Данія!.... эти слова напомнили мнѣ друга дѣтства, жальца моей матери, живописца, съ которымъ я ходилъ въ ка-такомбы, который подарилъ мнѣ часы и рисовалъ картинки.

Паспортъ былъ правленъ, а часовой нашелъ его вдвойнѣ правильнымъ, когда получилъ паоло, для ускоренія пропуска.

Когда мы вышли изъ башни, я подошелъ къ Фридерико и

спросить его, не узнаетъ ли онъ меня?... Да, я не ошибся, то былъ художникъ Датчанинъ Фридерикъ, жнецъ моей матери.

Онъ очень обрадовался, и по прежнему назвалъ меня своимъ маленькимъ Антонию. Мы рассказали другъ другу тысячи мелочей. Онъ уговорилъ путешественника, сидѣвшаго со мною въ кабриолетѣ, помѣняться мѣстами и садясь снова пожалъ мою руку.

Я ему рассказалъ въ немногихъ словахъ главныя происшествія моей жизни, съ того дня, какъ оставилъ хижину Доминики, пока не сдѣлался аббатомъ. Потомъ пересказавъ все недавно прошедшее, окончилъ рассказъ словами:

— Теперь я ѣду въ Неаполь.

Онъ вспомнилъ объ неисполненномъ обѣщаніи, взять меня съ собою въ Римъ отъ Доминики. Получивъ въ то время письмо изъ родины, онъ долженъ былъ туда возвратиться. Однако любовь къ Италіи снова привела его подъ наше прекрасное небо.

— Теперь, прибавилъ онъ, я вполне наслаждаюсь: вдыхаю чистый воздухъ и посѣщаю мѣста, въ которыхъ прежде бывалъ. Эта страна родина моего сердца: здѣсь цвѣтъ и форма достигли совершенства.

Время быстро летѣло въ обществѣ съ Фридерикомъ; я и не замѣтилъ продолжительной остановки въ фундинской таможнѣ. Онъ легко находилъ во всемъ поэтическую сторону и передавая мнѣ свои ощущенія разговаривалъ мою грусть.

— Вотъ мрачная и грязная Итри! вскричалъ онъ указывая на городъ, къ которому мы подъѣзжали. Я часто жалѣлъ, Антонию, въ нашихъ сѣверныхъ городахъ, гдѣ улицы чисты, правильны и широки, жалѣлъ о вашихъ грязныхъ городахъ, изобилующихъ характеристическими чертами, драгоценными для живописца. Эти узкія, нечистыя улицы, неопрятныя балконы, на которыхъ сушится бѣлье, неправильныя окна, одни маленькія, другія большія, одни пониже, другія повыше, каменные лѣстницы передъ крыльцами, на которыхъ часто встрѣташь за пражей мать семейства, лимонныя деревья, нагнувшія на стѣны отягченныя плодами вѣтви, все это представляетъ картину. Напротивъ того однообразныя улицы, на которыхъ дома вытянуты въ одну линію, какъ солдаты, гдѣ нѣтъ ни балконовъ, ни лѣстницъ, не могутъ быть занимательны для живописца.

— Это родина Фра Дьяволо! вскричалъ кто-то изъ путешественниковъ, когда мы въѣзжали въ грязное Итри. Городокъ этотъ стоитъ на высокой, обрывистой скалѣ; улицы такъ узки, что въ рѣдкихъ мѣстахъ могутъ развѣхаться два экипажа.

Во многихъ домахъ на улицу нѣтъ ни одного окна; черезъ двери можно видѣть внутренность этихъ, похожихъ на погреба, жильевъ. Насъ окружила толпа оборванныхъ нищихъ, дѣтей и женщинъ, протягивающихъ руки за подаваніемъ. Женщины смѣлялись, дѣти кричали и кривлялись. Никто не рѣшался высунуть головы изъ экипажа, боясь быть облитымъ чѣмъ-нибудь нечистымъ съ балконовъ, которые такъ высунулись впередъ на улицу, что можно было подумать что мы ѣдемъ подъ сводами. Съ обѣихъ сторонъ тянулись стѣны, почернѣвшія отъ дыму, выходящаго изъ дверей.

— Вотъ знаменитый городъ! сказалъ Фридерикъ.

— Городъ воровъ, прибавилъ ветурино, когда мы изъ него выѣхали. Полиція, думая его исправить, переселила половину жителей въ другіе города, а этотъ населила новыми. Но это не помогло. Все что здѣсь растетъ, дѣлается дурною травою.... Что же дѣлать! Надобно же чѣмъ-нибудь жить бѣднякамъ!

Фридерикъ замѣтилъ, что все благопріятствуетъ разбойничеству по дорогѣ изъ Рима въ Неаполь. Густые оливковые лѣса, пещеры, развалины зданій служатъ притономъ для бандитовъ. Онъ указалъ мнѣ на огромную, отдѣльно стоящую башню, совершенно прикрытую каприволіями и другими вьющимися растеніями. То была гробница Цицерона... На томъ самомъ мѣстѣ кинжалъ убійцы поразилъ бѣглеца, и смерть сомкнула его краснорѣчивые уста.

— Мы остановимся въ виллѣ Цицерона, Molle di Gaeta, сказалъ Фридерикъ. Видъ на море въ томъ мѣстѣ можетъ соперничать съ видомъ Неаполитанскаго Залива.

Дорога становилась занимательнѣе; кругомъ открывались холмы, покрытые пышными растеніями. Мы ѣхали въ аллеѣ изъ огромныхъ лавровыхъ деревьевъ, и издалека увидѣли домъ на Цицероновой виллѣ. Трактирный слуга, съ тарелкой въ рукѣ, встрѣтилъ насъ на лѣстницѣ, уставленной бюстами и горшками.

— Это вы, ваше сіятельство! сказалъ онъ, высаживая изъ кареты высокую и плотную даму.

Лицо ея было довольно приятно; по блестящимъ глазамъ можно было угадать что она уроженка изъ Неаполя.

— Да, я.... я прїѣхала сюда, съ одною горничною, при мнѣ нѣтъ даже слуги. Что, не удивительна моя смѣлость! такъ путешествовать изъ Рима въ Неаполь! •

Взойдя въ общую залу гостиницы, она бросилась на софу и облокотясь на свою жирную руку, начала просматривать листъ кушаньевъ.

— Brodetto, cipollata, faverella. Вы знаете, что я не люблю суповъ. Телятина съ укропомъ!... хорошо, это все что мнѣ нужно. Намъ придется закусить въ Савта-Агатъ!... Ахъ!... я теперь начинаю дышать свободнѣе, продолжала она, развязывая ленты шляпки!... я чувствую дыханіе неаполитанскаго воздуха!... *Bella Napoli!*!...

Она открыла дверь на балконъ и протянувъ руки къ морю, вдыхала свѣжій воздухъ.

— Не видѣнъ ли отсюда Неаполь? спросилъ я Фридерика.

Мы вышли на балконъ. Подъ нами шумѣли лимонныя и померанцовыя роши; кипарисы, такіе же высокіе, какъ ломбардскіе тополи, окружали садъ; они еще мрачнѣе казались, вблизи моря, омывающаго волнами основанія древнихъ бань и храмовъ, возвышавшихся за садовою оградою. Въ газетскомъ портѣ, съ распущенными парусами плавали корабли и барки.

Надъ городомъ Газтой видна гора, покрытая развалинами.

— Видите ли какъ дышетъ Везувій! сказалъ Фридерикъ, указывая на лѣво, гдѣ какъ легкое облако Везувій возвышался надъ этимъ, неописанной красоты моремъ.

Мы сошли съ Фридерикомъ въ садъ, бродили подъ густыми померанцовыми деревьями; я бросалъ плоды въ море и на воздухъ, оба сафирно-голубые.

— Прекрасная Италия! вскричалъ съ восторгомъ Фридерикъ. Такою же я представлялъ тебя себѣ, когда былъ отъ тебя далеко! Вдыхая нашъ суровый воздухъ, жалѣлъ о сладкомъ вѣтеркѣ, которымъ теперь наслаждаюсь; видя величественныя сосны и груши пашихъ пахучихъ полей, не могъ забыть твоихъ оливковыхъ и померанцовыхъ рошь! Никогда зеленыя воды Балтійскаго Моря не принимаютъ голубаго цвѣта! Сѣверное небо никогда не бываетъ такъ прозрачно!

Я слушалъ его съ любопытствомъ; его восторгъ былъ вдохновеніемъ; слова — поэзіей.

— Съ какимъ нетерпѣніемъ я возвращался сюда, продолжалъ онъ. Лучше не знать рая, чѣмъ знать и быть изгнану! Мое отечество прекрасно! Давія похожа на богатый, обширный цвѣтникъ; ни одна изъ странъ за Альпами не можетъ съ нею сравниться. Но что значитъ земное великолѣпіе передъ небеснымъ. Италия — страна поэзін. Вдвойнѣ счастливъ, кто можетъ увидѣть ее во второй разъ.

Въ слезахъ онъ бросился ко мнѣ на шею. Я готовъ былъ открыть ему свое сердце; онъ не былъ для меня чужимъ; не онъ ли былъ первымъ мнѣ другомъ? Я рассказалъ ему послѣднее, важнѣйшее происшествіе моей жизни. Мнѣ было пріятно произносить громко имя Ануунціаты, описывать мои страданія: печаль моя какъ будто слабѣла отъ признанія. Притомъ же Фридерикъ слушалъ меня съ такимъ участіемъ и вниманіемъ. Я ему рассказалъ о бѣгствѣ, о плѣнѣ у бандитовъ, о встрѣчѣ съ Фульвіей.... Онъ жаль мою руку въ своихъ, и симпатическій взглядъ его голубыхъ глазъ проникалъ внутрь души моей.

Вдругъ за заборомъ, къ которому мы сидѣли спиной, послышался тяжелый вздохъ. Тамъ могъ быть кто-нибудь, подслушать.... Мы раздвинули густыя вѣтви, и увидѣли что передъ входомъ въ развалины цистероновыхъ бань сидѣла дама, наша сопутница. Лицо ея было омочено слезами.

— Молодой человѣкъ, мое любопытство было невольное, сказала она. Я уже сидѣла, когда вы пришли сюда. Это мѣсто такъ свѣжо и пріятно! Вы говорили громко, и я болѣе половины вашего разсказа слышала, забывъ что вы говорили о вашихъ собственныхъ, личныхъ дѣлахъ.... Вашъ разсказъ меня глубоко тронулъ, но вы не раскаетесь въ невольной ко мнѣ довѣренности....

Я поклонился ей съ видимымъ смущеніемъ. Фридерикъ утѣшалъ меня, увѣряя что худаго ничего быть не можетъ.

— Я, прибавилъ онъ, настоящій магометанинъ, въ томъ, что касается вѣры въ судьбу. Въ вашей исторіи нѣтъ секретовъ государственныхъ; а едва ли есть сердце, въ которомъ не было бы скоронено какихъ-нибудь тягостныхъ воспоминаній. Можетъ быть ваша исторія похожа на исторію молодости этой дамы. Я готовъ этому повѣрить; мало найдется такихъ людей, которые бы плакали надъ несчастіями ближняго, если они не имѣли такихъ же, подобныхъ несчастій. Мы всѣ эгоисты, даже въ томъ, что касается нашихъ чувствъ, радостей и страданій.

Мы поѣхали далѣе. Поля, прилегающія къ дорогѣ, становились

все пышите и пышите. Широколистное алое, выотою въ ростъ человѣка, слышало изгородною владѣній. Плакучая ива казалась ласкаться вѣтвями свою тѣнь.

Вечеромъ мы перѣѣхали рѣку Карильано, съ развалинами стариннаго города Минтурна; прѣѣхали мимо болота, въ которомъ Марій скрылся отъ преслѣдовавй насинныхъ убійцъ, подославныхъ Силою; но еще далеко было до Санта-Агаты.

Становилось темно; неаполитанская синьора очень боялась воровъ; она поминутно выглядывала въ окошко, не отрѣзываетъ ли кто сзади чемодановъ. Ветурино кричалъ безъ устали *shale-detto*, поощряя этимъ лошадей своихъ, но было совершенно темно, когда мы замѣтили впереди огоньки въ Санта-Агатѣ.

Неаполитанская синьора во время ужина была необыкновенно молчалива; глаза ея постоянно на меня устремлялись. На утро передъ отправленіемъ я сошелъ въ общую залу выпить стаканъ кофе. Тамъ уже была синьора; она подошла ко мнѣ, протянула руку, и съ милой простотой сказала:

— Вы мной не довольны, не такъ ли? Я стыжусь васъ, хотъ право, не виновата.

Я просилъ ее не беспокоиться, увѣряя что вполнѣ полагаюсь на благородство ея характера.

— Однако вы меня еще нисколько не знаете.... но это, вѣдьюсь, не всегда будетъ такъ.... мужъ мой можетъ-быть вамъ полезенъ въ нашемъ городѣ, гдѣ молодой человѣкъ долженъ быть очень остороженъ въ выборѣ друзей.

Я благодарилъ ее. Доброта ея дѣйствительно меня тронула. Вездѣ, думалъ я, можно встрѣтить услужливыхъ людей.

— Неаполь опасный городъ, прибавила она.... Но въ эту минуту Фридерикъ вошелъ; она замолчала.

Мы сѣли въ карету. Окна были спущены. Чѣмъ ближе прѣдвигались мы къ цѣли путешествія, тѣмъ становились дружнее, необходимѣе другъ для друга. Фридерикъ восхищался живописными группами, встрѣчавшимися по дорогѣ: женщины на ослахъ тихо тащились, одни съ ребятами на колѣвахъ, другія съ привѣшанными у ногъ корзинами; или цѣлая семья на одной лошади; жена позади мужа, прислонясь къ его плечу, дремала; свѣреди сидѣлъ ребенокъ и махалъ кнутомъ.

Небо было сѣро; накрапывалъ дождь; мы не могли видѣть ни острова Кипра ни Везувія, за то любовались полями, покрытыми

зеленойшей пшеницей, на которыхъ разбросаны были фруктовые деревья, обвѣты виноградными лозами.

— Видите ли, замѣтила сеньора, наши неаполитанскія поля похожи на столъ, на которомъ въ наобиліи хлебъ, фрукты и вино.

Раннимъ вечеромъ мы прибыли въ городъ. Толедская улица показалась мнѣ великолѣпнымъ гульбищемъ. Съ обѣихъ сторонъ бродили въ глаза освѣщенные магазины; подъ открытымъ небомъ разставлены столы съ фигами, номеранцами и цвѣтными фонариками. Дома высокіе; у каждаго окна балконы набиты дамами и мужчинами. Можно было подумать что у Неаполитанцевъ былъ тогда карнавалъ. Экипажи быстро катились по плитамъ изъ лавы, которыми вымощена улица. Съ нами встрѣтился экипажъ, называемый тутъ *coffcio*: онъ похожъ на кабриолетъ; шестъ особъ сидѣло внутри, нѣсколько мальчишекъ сзади, и еще на подвижной вагѣ внизу полулежалъ почти нагой лазарони; одна лошадь тащила весь этотъ грузъ, вскачь. На углу улицы, примыкающей къ Толедской, около фонаря два челоѣка играли въ карты; ихъ нарядъ состоялъ изъ шароваръ и куртки, застегнутой одной пуговицей. Вблизи расположился органщикъ съ пѣвцами; кругомъ толпа солдатъ, Грековъ, Турковъ, Англичанъ кричала, бѣгала, коверкалась. Южная жизнь была въ полномъ разгарѣ.

Сеньора хлопала руками отъ удовольствія, говоря: не правда ли, послѣ этого веселаго города Римъ покажется могилей?

Мы остановились на площади дель-Кастелло, одной изъ самыхъ лучшихъ въ Неаполѣ; толпа народу и шумъ были на ней не меньше чѣмъ на Толедской улицѣ. Недалеко отъ насъ видѣнъ былъ освѣщенный театръ, съ выѣсками изъ главныхъ сценъ пьесы. Цѣлая семья гаеровъ занимала подмостки и шумѣла. Впередѣ жена созывала зрителей, мужъ гудѣлъ въ трубу, сынокъ скакалъ и хлопалъ бичемъ, сзади маленькая лошадка стоя на заднихъ ногахъ читала книгу. Въ сторонѣ отъ нихъ импровизаторъ пѣлъ что-то въ кружкѣ моряковъ; другой читалъ *Orlando furioso*, какъ мнѣ сказали; слушатели дружно ему хлопали.

— Везувій! вскричала сеньора.

Я увидѣлъ въ концы улицъ, гдѣ блисталъ маякъ, вершину Везувія; по склонамъ горы текли ручьи раскаленной лавы; надъ жерломъ неподвижно стояло облако красно-багроваго цвѣту. Мнѣ времени не было разсмотрѣть его лучше; вниманіе

обратилось на предметы ближайшіе. Перетѣхавъ площадь, мы остановились у Нѣмецкой Гостиницы. Возлѣ расположенъ былъ кукольный театръ, гдѣ полишинель скакалъ, свисталъ, шутилъ, дурачился, и окружавшая толпа хохотала.

Фридерикъ хлопоталъ отыскать экипажъ для синьоры, отѣхать домой. Ему дала на прощанье руку, а меня обняла и поцѣловала въ лобъ, говоря тихонько: «Очень желаю чтобъ наш Неаполь вамъ понравился!» И потомъ, отѣзжая, еще кланялась намъ и посылала поцѣлуш. Мы съ Фридерикомъ велѣли отвести намъ комнаты.

=

ГАРОЛЬДЪ, ПОСЛѢДНІЙ САКСОНСКІЙ КОРОЛЬ ВЪ АНГЛІИ.

РОМАНЪ ЭДУАРДА БУЛЬВЕРА (1847).

КНИГА ПЕРВАЯ.

НОРМАНСКІЙ ГОСТЬ И СКАНДИНАВСКАЯ ВАЛА.

I.

Веселье было май мѣсяць въ лѣто Господне тысяча пятьдесятъ второе. Мало парней, мало дѣвушекъ проспало въ первый день этого радостнаго мѣсяца. Еще задолго до зари, толпа молодежи потянулась на луга и въ лѣса, рѣзать березки и вить вѣнки. Много было тогда цвѣтущихъ, зеленыхъ луговъ за деревнею Черрингомъ и за Торнейскимъ Островомъ, на которомъ среди терновнику и шиповнику, быстро воздвигались въ то время вестминстерскія палаты и аббатство; много еще лѣсовъ червилось при свѣтѣ звѣздъ, вдоль неровныхъ береговъ, склоняясь надъ рѣкою и ея безчисленными заводьями и рукавами; и по обѣ стороны кентской большой дороги, вблизи и вдали раздавались по лугамъ и рощамъ свирѣли и рожки, смѣхъ и пѣсни, и трескъ ломаемыхъ сучьевъ.

Когда показалась на востокъ свѣтлая заря, рѣзвые румяныя лучики наклонились, чтобы умыться майскою росой. Терпѣливые

волы дремали у душистыхъ живыхъ изгородей, пока веселая толпа проказниковъ не вышла изъ лѣсовъ съ майскими прутьями, таща за собою дѣвушекъ, которыхъ они застали спящими и которыя въ наказаніе должны были нести цѣлые подолы цвѣтовъ. Березки были обвиты цвѣтами, а рога у воловъ опутаны четками. На разсвѣтъ толпа хлынула назадъ въ городъ черезъ всѣ заставы; впереди шли мальчики съ майскими вѣнками, обвитыми бѣлой буквицею; и изъ этой ходячей роши, среди рѣзвыхъ звуковъ рожковъ и свирѣлей раздавалась хоромъ кака-нибудь старинная саксонская пѣсня, предшественница позднѣйшей пѣсни: «Привели домой мы лѣто!»

Встарину, до царствованія короля монаха, сами короли и элдермены часто хаживали на май; но благочестивый король-монахъ не любилъ подобныхъ увеселеній, отзывавшихся лъичествомъ; пѣсня впрочемъ была такъ же весела и березки такъ же зелены, какъ если бы дворъ и графы участвовали въ шествіи.

Самыя цвѣтушіе дуга и самыя зеленыя роши, по большой кентской дорогѣ, окружали обширное зданіе, принадлежавшее нѣкогда какому-нибудь римскому сластолюбцу, а въ это время уже искаженное и обвалившееся; но парни и дѣвушки боялись подходить къ этимъ палатамъ; даже на возвратномъ пути, лишь только они поравнялись съ ними, и увидѣли около развалившихся стѣнъ и покосившихся пристроекъ сѣдые друидическіе камни, памятники до-саксонскихъ и даже до-римскихъ временъ, мелькавшіе сквозь утренній полусвѣтъ, шумное веселье ихъ утихло; пѣсня замолкла; кто по-моложе, тотъ перекрестился, а старшіе совѣтовали шопотомъ смѣнить пѣсню псалмомъ: потому что въ этомъ зданіи обитала значенитая, недоброй памяти, Гильда; Гильда, о которой ходила молва, будто она, вопреки церковнымъ и гражданскимъ законамъ, занимается тайнымъ искусствомъ Вики и Мортъ-вирты (вѣдьмъ и труполовительницъ). Но какъ-скоро мрачныя стѣны остались позади, забыть страхъ, и опять раздалась веселая хорваля, громко, звонко, серебристо.

Съ восходомъ солнца вступила толпа въ Лондонъ; всѣ двери и окна тотчасъ украсились вѣнками и гирляндами; въ каждой деревнѣ подгородной былъ свой майскій шествіе, стоявшій на площади круглый годъ. Въ этотъ радостный день всякая работа прекращалась, и была одна забота — поплясать, повеселиться вокругъ майскаго шеста. Такъ молодость, веселье и музыка приводили домой лѣто.

На другой день можно еще было видѣть, гдѣ проходили нака-

шумѣ веселыя толпы; можно было прослѣдить весь путь ихъ по разсыпавшимъ цвѣтамъ и зелени и по глубокимъ слѣдамъ воловьихъ копытъ: ихъ впрягалось иногда отъ двадцати до сорока въ телеги, на которыхъ везли домой майскіе шесты. Съ любаго пригорка можно было видѣть кругомъ березни въ каждой деревушкѣ; и воздухъ еще былъ пропитанъ ароматомъ вѣнковъ.

Въ этотъ-то день, то есть, втораго мая тысяча пятьдесятъ-втораго года начинается мое сказаніе съ дому Гильды, прославленной Мортъ-вирты. Онъ стоялъ на прелестномъ зеленомъ пригоркѣ; и несмотря на безжалостныя увѣчья, нанесенныя рукою времени и варваровъ, оставалось еще много слѣдовъ, рѣзко отличавшихъ его отъ обыкновенныхъ саксонскихъ жилищъ.

Дѣйствительно, по всей Англій было еще много остатковъ римскаго зодчества; но Саксонецъ рѣдко селился среди виллъ прежнихъ завоевателей; онъ болѣе клонился къ истребленію чѣмъ къ усвоенію.

По какому чуду это зданіе сдѣлалось исключеніемъ изъ общаго правила, нынче нельзя даже и угадать; но вѣрно то, что оно некогда служило кровомъ нѣсколькимъ поколѣніямъ тевтонскихъ владыкъ.

Тамъ гдѣ теперь стояли главныя сѣни, встарину очевидно былъ атриумъ; по колоннамъ, обвитымъ нѣкогда цвѣтами, было развѣшано старинное тевтонское оружіе, круглыя щиты съ выпуклою, заостренною серединою, мечи, копья, и небольшія сѣкиры съ рѣзными узорами; на полу среди залы, гдѣ еще свѣтились изъ подъ крѣпко убитой глины обломки старой мозаики; а гдѣ — теперь очагъ, прежде былъ импловіумъ, и дымъ лѣниво выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ кровлѣ для пропуска дождя. Вокругъ сѣней еще сохранились древнія почивальни, небольшія и высокія, получавшія свѣтъ только черезъ дверь: онѣ теперь служили спальнями для гостей высшаго разряда и домашней прислуги; въ противоположномъ же концѣ палаты, обширное пространство между колоннами, откуда прежде за пышными занавѣсами открывались таблиумъ и виридаріумъ, было завалено булыжникомъ и римскимъ кирпичомъ, и тутъ оставлена была только одна низкая, круглая дверь, ведшая по прежнему въ таблиумъ. Но собственный таблиумъ, нѣкогда самая веселая, самая парадная комната римскаго вельможи, теперь находился заставленъ всякимъ хламомъ, дровами и земледѣльческими орудіями. По правую сторону этого разжалованнаго покоя былъ древній лараріумъ, лишенный своихъ сокровищъ, изображеній.

предковъ хозяина и боговъ; по-лѣвую, женская половина, тереть, гниекей.

Лараріумъ былъ, впрочемъ, обращенъ въ парадную комнату; вѣроятно какимъ-нибудь саксонскимъ тегномъ или эльдеромъ, и уже очень давно, еще до введенія христіанства; потому что по гладкой глазури, вѣкогда богато расписанной сюжетами изъ классической мифологіи или дѣяніями героическихъ временъ, мѣстами были намалеваны, рукою полудикаго художника, какія-то безобразныя фигуры, представлявшія Генгистова бѣлаго коня или Воденова чернаго ворона; полуистертыя руническія надписи невѣжественно испещряли полныялый фризъ, изображавшій играющихъ амуровъ; нѣсколько огромныхъ волчьихъ головъ, источенныхъ до половины временемъ, сыростью, молью и червями, висѣли надъ стариннымъ, неуклюжимъ, каменнымъ стуломъ, гдѣ они пребывали въ надменной печали съ самаго того дня, какъ весь родъ волковъ былъ вѣроломно истребленъ ихъ саксонскими братьями. Во всѣхъ этихъ покояхъ были вѣкогда двери въ открытую галерею, ввирдаріумъ, а черезъ нее сообщались они съ перистильемъ или продолговатою колоннадою; но теперь въ одномъ таблиннѣ сохранилась дверь; прочія обращены въ окна; въ прежнемъ лараріумѣ это окно защищено отъ дождя частою проволоочною сѣтью; въ гниекей тусклыми сѣрыми стеклами. Стекло, введенное около временъ Биды, было въ то время гораздо въ большемъ употребленіи нежели позднѣе при Пантажнетахъ; но у однихъ богатыхъ людей. Древній перистиль былъ очень обширенъ; одна сторона его обратилась въ конюшни, хлѣва, стойла. Съ другой стороны молельня, изъ необтесанныхъ дубовыхъ досокъ, связанныхъ сверху желѣзными скобами, и крытая тростякомъ. Колонны и стѣна въ противоположномъ концѣ перистыля представляли одѣ развалины, сквозь широкія трещины которыхъ видѣлся зеленый холмъ, поросшій кругомъ густымъ крапивникомъ. На этомъ холму стояли изуродованные остатки древняго друидческаго кромлека (жертвенника), среди котораго, подлѣ кургана съ надгробнымъ камнемъ въ одномъ концѣ, могила вѣроятно какого-нибудь давнишняго саксонскаго вождя, воздвигли жертвенникъ Тору; это доказывала форма жертвенника, грубо изсѣченное на немъ, полустертое уже, рельефное изображеніе бога съ поднятою сѣкирою, и нѣсколько руническихъ буквъ. Саксонецъ поставилъ въ храмѣ побѣжденнаго Британца кумирь своего торжествующаго бога войны. Среди развалинъ этого конца перистыля, выходившаго къ холму, еще сохранилась также, въ то время, древній римскій фонтанъ.

танъ, служившій теперь водоюемъ для свиней, и небольшая божница, посвященная Бахусу, какъ можно было догадываться по уцѣлѣвшимъ барельефамъ и фризу. Такимъ образомъ отсюда однимъ взглядомъ можно было окинуть святыни четырехъ вѣроисповѣданій: друидическаго, — мистическаго и символическаго; римскаго, — чувственнаго, но человѣколюбиваго; тевтонскаго, — безошаднаго и разрушительнаго; и наконецъ послѣдней пришедшей сюда религій, пережившей всѣ прочія, хотя благотворное ея вліяніе еще мало отражалось въ дѣяніяхъ людей, — религій мира.

Теовы и свинопасы ходили взадъ и впередъ по перистиллю; въ атриумѣ люди нѣсколько высшаго разряда, полувооруженные, шли, играли въ кости, шутили съ огромными собаками, или ласкали соколовъ, которые важно и чопорно сидѣли на своихъ насѣстахъ.

Лараріумъ былъ пустъ; гинекей былъ теперь, какъ и во времена Римлянъ, любимымъ мѣстопробываніемъ женской половины домохозяевъ: онъ даже сохранялъ у Англосаксовъ свое римское названіе. Группою, собравшеюся тутъ, мы теперь и займемся.

Убранство комнаты доказывало, что владѣтели были люди знатнаго званія и богатые. Домашняя роскошь богатыхъ людей въ это время была гораздо значительнѣе, нежели какъ обыкновенно полагаютъ. Трудолюбіе женщинъ украшало стѣны и мебель шитьемъ и обоями; а какъ тегнъ, проживая свои помѣстья, лишался и своего званія, то у знатнѣйшихъ членовъ этой аристократіи, — аристократіи по богатству столько же какъ и по роду, — было всегда достаточное количество запаснаго имущества, которое они могли тратить на восточныхъ базарахъ, или на произведенія ближайшихъ странъ, Фландріи и сарацннской Испаніи.

Стѣны этой комнаты были обиты шелковыми, богато вышитыми шпалерами. На буфетѣ сіяли разставленные роговые кубки, оправленные въ серебро, и нѣсколько сосудовъ изъ чистаго золота. Среди комнаты стоялъ небольшой круглый столъ, на искусно выточенной ножкѣ, представлявшей какихъ-то миоологическихъ животныхъ. Вдоль одной стѣны, на длинной скамейкѣ, сидѣло пять или шесть дѣвушекъ: однѣ изъ нихъ пряли, другія ткали. Поодаль отъ нихъ, у окна — пожилая женщина, которой наружность поражала несбыкновеннымъ величіемъ. Передъ нею, на маленькомъ треножникѣ, была руническая рукопись, а подлѣ — красивая чернильница и серебрянное перо. У ногъ сидѣла дѣвушка лѣтъ шестнадцати, съ длинными белокурыми волосами, прочесанными спереди и падавшими по плечамъ. На ней было длинное полотняное платье, съ высокимъ воротомъ и

длинными рукавами; и хотя въ немъ не скрывалось никакихъ хитростей новѣйшаго покрою, однако же престою поясъ достаточно обрисовывалъ тонкій и гибкій ставъ. Платье, при ослѣпительной бѣлизнѣ, украшалось богатымъ шитьемъ по краямъ и рубцамъ. Красота дѣвушки была вѣчто чудесное; въ странѣ, издавна славившейся красотой женщинъ, она уже стяжала себѣ прозваніе красавицы. Въ красотѣ ея сливались, не преобладавая одна надъ другою, двѣ черты рѣдко соединяющіяся въ одномъ лицѣ: красота и благородство; но, собственно, во всей ея наружности выражалась какая-то внутренняя борьба; ея духовная жизнь не достигала еще полного своего развитія; душа и сердце еще не были приведены въ единогласіе. Эдвоэ, христіанская дѣва, жила еще у Гильды, языческой прорицательницы. Голубые глаза дѣвушки, казавшіеся еще темнѣе подъ тѣнью густыхъ рѣсницъ, были неподвижно устремлены на мрачное, безпокойное лицо бабушки, которая наклонилась надъ эту прелестною головкой, но смотрѣла на нее разсѣяннѣмъ взглядомъ, доказывавшимъ, что мысли ея блуждали.

— Бабушка, сказала дѣвочка почти шопотомъ, послѣ долгаго молчанія, и голосъ ея такъ поразилъ работавшихъ дѣвушекъ, что веретена и челноки мгновенно остановились, но тотчасъ же опять пошли ходить живѣе прежняго: — бабушка, чѣмъ смущаетъ тебя?... о чемъ ты такъ задумалась? не о могучемъ ли графѣ и его прекрасныхъ сыновьяхъ, что теперь скитаются изгнанниками по широкимъ морямъ?

При первыхъ словахъ внучки Гильда вздрогнула, будто пробудившись отъ сна; когда же дѣвочка кончила вопросъ, она медленно встала и выпрямилась какъ статуя: лѣта еще не согнули ея росту, превышавшаго обыкновенный ростъ даже мужчинъ. Она отвернулась отъ ребенка, и глаза ея устремились на рядъ дѣвушекъ, которыя работали поспѣшно, безмолвно, будто украдкою.

— Вчера, сказала она, и гордый, холодный взоръ ея засверкалъ огнемъ: вчера вы привели домой лѣто, сегодня готовитесь вести зиму. Тките прилежно.... бережно переплетайте утокъ съ основою; Скульда * стоитъ за вами.... невидимый палецъ ея снуетъ вашу ткань!

Дѣвушки не смѣли поднять глазъ; румянецъ мгновенно исчезъ съ ихъ лицъ при этихъ словахъ госпожи. Веретена закружились, челноки заходились быстрѣе, и опять водворилось молчаніе, еще грознѣе прежняго.

* Скульда — судьба, распредѣлительница будущаго.

— Ты спрашиваешь, продолжала наконецъ Гильда, обращаясь къ внучкѣ, какъ-будто вопросъ только-что теперь коснулся ея слуха: ты спрашиваешь, не о графѣ ли?... я задумалась.... и его прекрасныхъ сыновьяхъ?... да, я слышала какъ молотъ слесари ковалъ оружіе на нековальнѣ, какъ топоръ корабельщика тесалъ крѣпкія ребра для морскихъ коней. Не успеетъ сахаръ убрать хлѣба съ поля, а графъ Годвинъ размететъ Норманновъ въ летахъ короля-монаха, какъ истребъ разметалъ вчера иттенцовъ на голубатнѣ. Тките прилежно, юныя дѣвицы; перешейте бережно утокъ съ основою.... крѣпка должна быть ваша ткань, потому что сильно точитъ червь.

— Что же они ткуть, бабушка? спросила дѣвочка съ удивленіемъ и почти со страхомъ устремивъ на нее свои кроткіе глаза.

— Саванъ для великаго.

Гильда умолкла; но глаза ея горѣли свѣтлѣе прежняго, впившись въ пустоту, а блѣдная рука чертила какіе-то таинственные знаки, будто руны, по воздуху. Потомъ она медленно обернулась, посмотрѣла въ тусклое окно. — Подайте мнѣ фату и посохъ, сказала она съ живостью.

Всѣ дѣвушки вскочили, чтобы исполнить приказаніе; онѣ всѣ рады были предлогу оставить недавно начатую работу, которая имъ, разумѣется, не стала пріятнѣе съ тѣхъ поръ какъ онѣ узнали ея назначеніе.

Гильда взяла фату, не обращая вниманія на руки, оспаривавшія честь податъ уборъ, и надвинула ее почти на самыя брови. Опираясь слегка на длинный посохъ, котораго набалдашникъ представлялъ ворона и былъ выточенъ изъ чернаго какъ смоль дерева, она вышла въ сѣни, потомъ черезъ разжалованный таблинумъ на обширный дворъ, образуемый крытымъ перестилемъ. Тутъ она остановилась въ размышленіи и кликнула Эднѣ; дѣвочка въ одно мгновеніе была подлѣ нея.

— Пойдемъ со мною; тамъ увидишь ты человѣка, котораго тебѣ суждено видѣть только два раза въ жизни: — сегодня... Гильда остановилась; грозное, и суровое, но прекрасное выраженіе ея лица нѣсколько смягчилось.

— А въ другой разъ когда, бабушка?

— Дитя, положи свою теплую ручку въ мою. Такъ!... Видѣніе исчезаетъ.... Когда въ другой разъ, Эднѣ?... увы! не знаю.

Съ этими словами, Гильда медленно продолжала путь мимо римскаго фонтана и языческаго храма, взшла на холмъ, и съ

на траву, съ противоположной стороны, сиюною къ друидскому кромлеку и къ тевтонскому жертвеннику.

Вокругъ расло множество маргаритокъ и буквицы. Эднѣе принялась рвать цвѣты и плестъ изъ вѣяки, панѣвая простую пѣсенку, которой и языкъ и смыслъ обличали происхожденіе отъ какой-нибудь скандинавской баллады. Сѣверная поэзія, своею безискусственною простотою рѣзко отличалась отъ вычурной поэзіи Саксовъ. Мы востараемся, хотя очень несовершенно, передать эту пѣсенку:

Вьется подь небомъ иволга,
Весу напѣваетъ.
Пѣсню слышу я иволга,
Сердце изываетъ.

Въ листьа лѣсъ убирается,
Но мнѣ не на радость.
Сердце на море просится,
На широкое море.

Мнѣ не въ радость цвѣты майскіе,
Мнѣ не въ радость пѣсня иволга:
Была радость мнѣ въ пору зимнюю,
Когда былъ со мной свѣтъ души моеѣ.

Вьется подь небомъ иволга,
Весу напѣваетъ.
Пѣсню слышу я иволга,
Сердце изываетъ.

Когда она пропѣла послѣдній стихъ, иѣжный голосъ ея будто пробудилъ хоръ веселыхъ роговъ, трубъ, и другихъ духовыхъ инструментовъ, употреблявшихся въ то время. Холмъ былъ подлѣ большой лондонской дороги, которая тогда вилась сквозь поросшія мелкимъ лѣсомъ пустыри: мгновенно изъ-за деревьевъ, влѣво, показалось нѣсколько всадниковъ. Впереди ѣхали рядомъ два знаменосца съ хоругвями. На одной изъ нихъ были изображены крестъ и пять безхвостыхъ птичекъ — девизъ короля Эдуарда, прозваннаго впоследствии Исповѣдникомъ; на другой — большой гладкій крестъ съ широкимъ ободкомъ; самая хоругвь была вырѣзана въ видѣ двухъ острыхъ концовъ.

Первое знамя было знакомо Эднен, и она опустила вѣнокъ, чтобы смотрѣть на поѣздъ; другое она примѣтила въ первый разъ.

Она привыкла видѣть всегда рядомъ съ знаменемъ саксонскаго короля хоругвь графа Годвина, и почти съ негодованіемъ вскричала:

— Кто осмѣливается, бабушка, ставить свое знамя тамъ, гдѣ должна бы развѣваться хоругвь графа Годвина?

— Молчи, отвѣчала Гильда; молчи и смотри.

Вслѣдъ за знаменосцами выѣхали два человѣка, рѣзко отличившіеся между собою фizioномією, лѣтами и пріемами; у каждаго былъ на лѣвой рукѣ соколъ. Одинъ ѣхалъ на бѣломъ какъ снѣгъ конѣ, на которомъ чапракъ блестѣлъ золотомъ и восточными камнями. Онъ былъ не такъ старъ, — еще далеко до шестидесяти, — но по наружности и осанкѣ казался старикомъ. Лицо его было, правда, очень бѣло, и съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, но длинно и сморщено, а изъ подъ шапки его, похожей на тѣ шапки что носятъ донынѣ въ Шотландіи, струились длинные, сѣдые какъ луны волоса, и мѣшались съ широкою, раздѣлявшеюся на двое, бороною. Онъ повидимому обрекъ себя бѣлому цвѣту; на немъ видѣлось бѣлое верхнее платье, застегнутое на плечѣ огромною заповкою; бѣлое исподнее платье обтягивало его изсохшія ноги; плащъ его былъ также бѣлый, но съ широкою опушкою, багряною съ золотомъ. Покрой его платья былъ таковъ, какъ носили въ то время знатные люди; но онъ плохо вязался съ сухошавою и угловатою его наружностью. Несмотря на то, какъ скоро Эднѣ увидѣла его, она встала, съ видомъ глубокаго почтенія, и сказала: — Король! — Потомъ она сошла съ холма, и остановилась, сложивъ руки на груди и забывъ совершенно въ своей юношеской невинности, что она вышла изъ дому безъ плаща и безъ фаты, безъ которыхъ дѣвушка, и даже замуженной женщиной, выходить со двора считалось въ то время весьма неприличнымъ.

— Господинъ и любезный братъ, сказалъ басовымъ голосомъ другой всадникъ, казавшійся гораздо моложе, на романскомъ или франко-норманскомъ языкѣ. Я неразъ слыхалъ, что твоя земля обильна тѣмъ милымъ народомъ, о которомъ много рассказываютъ мои сосѣди, Бретонцы; и если бы я не ѣхалъ рядомъ съ человѣкомъ, къ которому не посмѣетъ подступить никакое некрещенное существо, клянусь, я бы готовъ поспорить, что вотъ одна изъ тѣхъ обворожительныхъ фей.

Король Эдуардъ взглянулъ въ ту сторону, куда указывалъ товарищъ; спокойный лобъ его слегка нахмурился, когда онъ увидѣлъ Эднѣ, стоявшую неподвижно въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ

него, между тѣмъ какъ ея золотыя кудри развѣвались теплымъ майскимъ вѣтеркомъ. Онъ остановилъ коня, и произнесъ нѣсколько латинскихъ словъ; спутникъ узналъ въ нихъ молитву, и отвѣчалъ, снявъ шапку — *Аминь!* — съ такимъ выраженіемъ благочестія и почтенія, что набожный король награждалъ его легкой улыбкою одобренія, и сказалъ дружески: — *Bene, bene, pió-sissime.*

Потомъ, поворотивъ голову лошади къ холму, онъ сдѣлалъ знакъ дѣвушкѣ, чтобы она приблизилась. Эднѣ, покраснѣвъ, повиновалась, и подошла къ самой дорогѣ. Знаменосцы послѣдовали примѣру короля и его товарища; за ними остановился и весь поѣздъ, тридцать рыцарей, два епископа, осемь аббатовъ, всѣ на лихихъ лошадяхъ и въ норманскомъ нарядѣ, множество мелкихъ дворянъ и пѣшихъ слугителей. Весь этотъ великолѣпный поѣздъ стоялъ неподвижно: только пара собакъ, отдѣлившись отъ своры, бѣгала по опушкѣ лѣсу, вытянувъ головы и почти касаясь носомъ земли.

— Эднѣ, дитя мое, сказалъ Эдуардъ по-нормандски, потому что онъ съ трудомъ изъяснялся на своемъ родномъ языкѣ, а романскій языкъ, давно уже знакомый высшимъ сословіямъ въ Англіи, со вступленія его на престолъ сдѣлался придворнымъ языкомъ и потому считался понятнымъ каждому, принадлежавшему къ благородному сословію: Эднѣ, ты, кажется, забыла мои наставленія; исправно ли ты поешь гимны, которые я далъ тебѣ, и всегда ли носишь на шеѣ привѣски?

Дѣвушка потупила глаза, и молчала.

— Какъ же ты, продолжалъ король, тщетно стараясь придать своему голосу выраженіе строгости: какъ же ты, дитя, которой всѣ мысли должны бы возноситься надъ нашимъ плотскимъ міромъ и быть посвящены служенію пречистой и пресвятой Богородицѣ, стоишь одна и безъ фаты, у большой дороги, на виду всѣхъ прохожихъ? Не хорошо, моя милая, не хорошо!

При этомъ выговорѣ, сдѣланномъ въ присутствіи такого многочисленнаго и великолѣпнаго общества, дѣвушка то краснѣла, то блѣднѣла, и грудь ея сильно волновалась; однако же она пересилила робость своихъ лѣтъ, удержала слезы, и сказала кротко: — Моя бабушка, Гильда, приказала мнѣ идти съ нею, и я пошла.

— Гильда! воскликнулъ король, дернувъ узду коня, въ явномъ смущеніи: но Гильды нѣтъ съ тобою, я ее не вижу.

При этихъ словахъ Гильда встала, и такъ мгновенно вытянулась во весь ростъ на вершинѣ холма, какъ будто вышла

изъ недъ-земли. Легкимъ и скорымъ шагомъ приблизилась она къ смущенной вичаѣ, и, поклонившись слегка и величаво, сказала: — Гильда здѣсь; что прикажетъ король своей рабѣ Гильдѣ?

— Ничего, ничего, отвѣчалъ король торопливо, и на лицѣ его выразилось вѣчто похожее на страхъ: — только, продолжалъ онъ голосомъ челоуѣка, исполняющаго противъ желанія долгъ совѣсти, только хотѣлъ я просить тебя хранить эту дѣвочку въ непорочности для святой обители....

— Нѣтъ, сынъ Этельреда, сына Воденова; послѣдняя внука Пенды должна жить чтобы воспитать витязей на защиту отчизны. Мало остается людей, подобныхъ витязямъ старины, и, пока пришелецъ занимаетъ саксонскую почву, не слѣдуетъ срѣзать въ зародышѣ ни одной вѣтви на Воденовомъ стволу.

— Per lo splendat de Deu, клянусь сіяніемъ Божьимъ, дерзкая старуха, вскричалъ всадникъ, стоявшій подлѣ короля, и яркій румянецъ мгновенно покрылъ его смуглыя щеки: ты, для подданной, слишкомъ много даешь воли языку, и слишкомъ много говоришь о язычникѣ Воденѣ для христіанки.

Гильда встрѣтила огненный взглядъ рыцаря съ надменнымъ, почти презрительнымъ спокойствіемъ, но не безъ вѣкотораго тайнаго содроганія.

— Дитя, сказала она, положивъ руку на бѣлокурую головку Эднелъ: вотъ челоуѣкъ, котораго ты встрѣтишь только два раза въ жизни; смотри, и запечатлѣй въ памяти его черты.

Эднелъ инстинктивно подняла глаза, и взоръ ея остановился на рыцарѣ, будто заколдованный волшебною силою. Камзолъ его былъ такого густаго малиноваго цвѣту, что казался чернымъ подлѣ бѣлой одежды Эдуарда; былъ опушенъ широкимъ золотымъ шитьемъ, и оставлялъ шею совершенно обнаженную, шею толстую и твердую какъ гранитный столбъ; изъ подъ короткой мѣховою спанчи, накинутой на плечи, видѣлась вся ширина его груди, которая, казалось, могла бы остановить цѣлую армію; на лѣвой рукѣ, согнутой для того чтобы держать сокола, сквозь гладкія рукавъ вились толстыя, узловатыя жилы.

Ростомъ онъ былъ не болѣе многихъ спутниковъ; но его благородная осанка и могучій складъ такъ поражали взоры, что онъ казался несравненно выше всѣхъ.

Лицо его было еще замѣчательнѣе осанки; онъ не перешагнулъ первой молодости; но при первомъ взглядѣ казался гораздо моложе, а при второмъ старше, нежели какъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ былъ совершенно гладко выбритъ, не носилъ даже усовъ, отъ

которыхъ саксонскію царедворцы, какъ ни старались подражать Норманамъ, еще не рѣшались отказаться, и гладкое лицо придавало гордой физиономіи чрезвычайную молоджавость. Небольшая шапочка не закрывала его лба, болѣе широкаго чѣмъ высокаго, и обѣшеннаго коротко остриженными волосами, густыми, прямыми, черными, досидавшими какъ воронье крыло. На лбу его время преимущественно запечатлѣло свои слѣды: лобъ угрюмо насунулся надъ бровями, и глубокія морщины бороздили всю его поверхность. Насупленные брови изобличали вспыльчивый и строгій нравъ и привычку повелѣвать: морщины свидѣтельствовали о глубинѣ мысли и силѣ соображенія; первая черта была слѣдствіемъ темперамента и обстоятельствъ; вторая, болѣе благородная, простекала изъ душевныхъ и умственныхъ способностей. Лицо почти квадратное; львиный взглядъ; ротъ небольшой, и даже красивый по очертанію, но съ несприятнымъ выраженіемъ чрезмѣрной твердости; челюсть широкая, крѣпкая, будто выкованная изъ стали, показывала упорную, непреклонную, желѣзную волю; такіа челюсти бываютъ между звѣрями у львовъ, а между людьми у завоевателей; такую же челюсть видимъ мы на портретахъ Цезаря, Кортеса и Наполеона.

Такая наружность должна была возбуждать благоговѣніе въ женщинахъ, и внушать почтеніе мужчинамъ; но не то благоговѣніе, смѣшанное съ невольнымъ страхомъ, какое онъ внушилъ Эдну. Она долго съ безмолвнымъ вниманіемъ смотрѣла на него, и странное ощущеніе цѣпило ее, какъ птичку — взглядъ закодзованной змѣи. Никогда не могла она забыть этого лица; и неразъ впоследствии являлось оно ей днемъ на яву, хмурилось ночью во снѣ.

Рыцарю наконецъ сталъ несприятель этотъ неотвдимый взоръ; улыбкою, свойственною людямъ привыкшимъ къ власти, сгладилъ онъ свои нахмуренныя брови и несприятное выраженіе рта, и сказалъ: — Милое дитя, не слушай нелюдимыхъ совѣтовъ своей брюзгливой бабушки; не учишься у нея ненавидѣть чужеземцевъ. Ты уже выходишь изъ ребячества, пора тебѣ знать, что норманскіе рыцари — самыя преданныя рабы красавицъ. — Съ этими словами онъ снялъ шапку, и вынулъ изъ нея восточный камень, направленный въ византійскій филигранъ. — Подставь свое платье, красавица; когда будутъ при тебѣ съ презрѣніемъ отзываться о чужеземцахъ, приколи этотъ камень въ волосы, и поминай добромъ Вильгельма, графа Нормановъ.

Эти слова не смягчили дѣвушки; она отступила, и не подста-

вила платья; и дорогой камень упалъ на землю. Гильда, съ которою Эдуардъ говорилъ до тѣхъ поръ вполголоса, подошла и посохомъ оттолкнула камень подъ копыта королевской лошади.

— Сынъ Эммы Норманки, осудившей твою юность на изгнаніе, попри подарки твоего норманскаго родственника. А если, какъ рассказываютъ люди, ты такой святой человѣкъ, что небо дало твоей рукѣ власть цѣлить, а голосу проклинать, то исцѣли свою родовую землю, и проклятии пришельца!

Она протянула правую руку къ Вильгельму, и въ гнѣвѣ ея было столько величія, столько силы, что невольный страхъ объялъ всѣхъ присутствующихъ. Потомъ, опустивъ фату на глаза, она медленно отворотилась, взошла на вершину холма, и стала неподвижно какъ статуя, съ закрытымъ лицомъ, подлѣ жертвенника сѣвернаго бога.

— Побѣжайте, сказалъ Эдуардъ, перекрестясь.

— Клянусь моимъ родовымъ мечомъ, сказалъ Вильгельмъ послѣ короткаго молчанія, во время котораго проникательный взглядъ наблюдалъ безпокойную думу, осѣнившую кроткое лицо короля: — дивлюсь я въ своей простотѣ, какъ, при всемъ возможномъ благочестіи, можно безъ гнѣву слушать такія безразсудныя и оскорбительныя рѣчи. Признаюсь, если бы самая гордая боярыня во всей Нормандіи (хоть бы даже жена могучаго моего барона Вильгельма Физосборна) осмѣлилась говорить со мною такимъ языкомъ....

— Ты бы поступилъ точно такъ же, какъ я, перебилъ Эдуардъ: молилъ бы Господа Бога простить ее, и удалился бы съ состраданіемъ.

Губы Вильгельма дрожали отъ гнѣву; однако же онъ воздержался отъ рѣзкаго отвѣту, готоваго сорваться съ языка, и взглянулъ на своего спутника съ непритворною любовью, въ которой было болѣе благоговѣнія чѣмъ досады. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: какъ ни суровъ и ни беспощаденъ былъ герцогъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ былъ искренно набоженъ; это свойство преимущественно доставило ему дружбу благочестиваго Эдуарда, и оно же, съ другой стороны, внушало герцогу невольное, почти суевѣрное благоговѣніе къ человѣку, старавшемуся подчинять всѣ свои дѣла небу. Такъ всегда бываетъ съ твердыми и пылкими душами: онѣ, по какой то странной противоположности, привязываются наиболѣе къ душамъ кроткимъ. И этимъ также свойствомъ человѣческой природы объясняется энтузіазмъ, который возбудили кроткія страданія Спасителя въ сердцахъ самыхъ

необузданныхъ грабителей сѣвера. Часто, чѣмъ непреклоннѣе, чѣмъ жесточе была душа война, тѣмъ сильнѣе его любовь къ божественному Учителю; онъ плакалъ надъ Его страданіями, босоножій ходилъ на поклоненіе къ гробу Его, но въ то же время вовсе не слѣдовалъ Его примѣру терпѣнія и кротости.

— Клянусь честью, я уважаю и люблю тебя, Эдуардъ, сказалъ герцогъ съ добродушіемъ и откровенностью, рѣдко проявлявшимся въ его обращеніи: — и будь я твой подданный, горе бы тому выи той, чьи уста дерзнули бы однимъ дыханіемъ оскорбить тебя. Но кто такова эта Гильда, и что она такое? родня она тебѣ что ли?.... кажется, одна только высокая порода можетъ говорить такъ смѣло!

— Любезный Вильгельмъ, отвѣчалъ король, правда твоя. Гильда, да хранять ее Святые подъ своимъ покровомъ — королевской крови, хотя не изъ нашего королевскаго роду. — Подозрѣваютъ, продолжалъ Эдуардъ робкимъ шопотомъ и оглядываясь украдкой вокругъ, что эта несчастная донынѣ придерживается языческихъ обрядовъ своихъ праотцевъ, что она приобрѣла отъ нечистой силы или колдовствомъ разныя тайныя знанія, которыхъ должна избѣгать каждая благочестивая душа. Впрочемъ, будемъ надѣяться, что она только немного разстроена въ умѣ, влѣдствіе всѣхъ несчастій, которыя она претерпѣла.

Король вздохнулъ; герцогъ вздохнулъ также, но отъ потерпѣнія. Онъ обернулся назадъ и бросилъ угрюмый, недовольный взглядъ на Гильду, стоявшую все въ томъ же положеніи за деревьями, и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Королевской крови! надѣюсь однако же, что у этой Воленовой вѣдьмы нѣтъ сыновей или родственниковъ, имѣющихъ претензіи на саксонскій престолъ?

— Она тетка Гитѣ, жонѣ Годвиновой, отвѣчалъ король. Это самое опасное родство; вѣдь ты знаешь, что изгнанный графъ не думалъ занять престола, но хотѣлъ зато управлять всѣмъ нашимъ народомъ.

Затѣмъ король составилъ для своего спутника очеркъ исторіи Гильды; но рассказъ его былъ такъ искаженъ суевѣріемъ, предразсудками, и незнаніемъ главныхъ событій и дѣтелей страны, что, между тѣмъ какъ повѣздъ тянется далѣе по лугамъ и нерелѣкамъ, мы расскажемъ вкратцѣ на основаніи другихъ источниковъ хроникъ о Гильдѣ, скандинавской вальѣ.

II.

Дивное племя были эти воинственные сыны древняго сѣвера, которыхъ старинныя лѣтописцы называли общими именами, въ Англіи, *Дановъ*, въ Германіи *Готтовъ*, во Франціи *Нормановъ*, въ Греціи, въ Аравіи, Испаніи и Россіи — *Руссовъ*, и которыхъ мы выше называемъ также общимъ именемъ *Скандинавовъ*, разумѣя подъ нимъ какъ разумѣли и лѣтописцы, безъ различія, норвежскій, датскій и шведскій. Эти Даны, Готы, Руссы, Норманы, или Мурманы, приносили всегда, въ страны, покоряемыя ими, разрушеніе и варварство, но изъ этого варварства и разрушенія возникли два прекраснѣйшія государства въ мірѣ, Россія, начавшаяся въ Новгородѣ, и Англія, начавшаяся въ Руанѣ, на землѣ Фравковъ, въ одно и то же время. Здѣсь Роллъ, Ролло, Роллонъ, Ролъ, или Хролофъ, тамъ Рорекъ, Рюрикъ, или Рурикъ, оба уроженцы одной страны, оба — *викинги*, то есть, витязи, морскіе князья, навѣрное родственники, бють-можетъ даже родные братья, были предводителями и основателями. Норвежцы, Шведы и Датчане, рѣзко различались между собою въ мелочахъ и при внимательномъ разсмотрѣніи; но издали представляли почти однѣмъ характеръ. Та же богатырская сила, та же привязанность къ независимости, личной и гражданской, та же жажда славы, тѣ же ложныя, но увлекательныя понятія о чести; и въ особенности та же гибкость и готовность слиться съ покореннымъ народомъ, первое условіе общественнаго развитія. Этою чертою они преимущественно отличаются отъ кельтскаго племени, котораго упрямый характеръ чуждался сліянія съ другими племенами, и не заботился объ успѣхахъ гражданской жизни.

Архіепископъ Фравкесъ крестилъ вождя Роллу, говоритъ знаменитый «Романъ о Роллѣ»: проходитъ послѣ того съ небольшимъ столѣтіе, и потомки тѣхъ язычниковъ, не щадившихъ ни священнослужителей, ни алтарей, являются самыми грозными защитниками Христіанской Церкви; они уже забыли и старинный свой языкъ (за исключеніемъ очень немногихъ, въ городѣ Байё); а родныя прозвища ихъ, (кромѣ нѣкоторыхъ знатныхъ домовъ), измѣнены во французскія имена; и въ нравахъ и искусствахъ франкскихъ Нормановъ не остается уже почти слѣда скандинавскаго, кромѣ непобѣдимаго мужества.

Точно также и храбрые сподвижники ихъ, нахлынувшіе на саксонскую Англію, чтобы жечь и грабить, едва получаютъ отъ

Альфреда-Великаго постоянныя жилища, и тотчас дѣлаются самою сильною и едва ли не самою надежною частью англосаксонскаго народонаселенія. Въ то время, когда открывается наше сказаніе, эти сыны сѣвера, подъ общимъ именемъ Датчанъ, уже мирно жили въ пятнадцати графствахъ Англіи; норманское дворянство уже было многочисленно во многихъ городахъ, вѣтъ графствъ, собственно называвшихся Датскою Землею (Данелагомъ). Въ Лондонѣ они были такъ многочисленны, что имѣли даже свое особенное кладбище, и дали даже свое названіе главному городскому судилищу, Густипгесъ. Неразъ вліяніе ихъ въ витангемотѣ рѣшало избраніе королей. Такимъ образомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ законахъ и въ нарѣчіяхъ, эти безпокойные нѣкогда завоеватели, мирно слились съ туземцами; и донынѣ, по-крайней-мѣрѣ въ цѣлой трети Англіи, въ тѣхъ графствахъ, которые занимаютъ первое мѣсто по развитію и просвѣщенію, дворянство, купечество и земледѣльцы — потомки старыхъ викинговъ, пережившихся на дочеряхъ Саксовъ. И въ самомъ дѣлѣ, уже при Генрихѣ-Первомъ почти не было племеннаго различія между норманскимъ рыцаремъ и саксонскимъ тегвомъ Норфольскаго или Йоркскаго графства; и тотъ и другой, по матери, вѣроятно, былъ саксонской крови, а по отцу восходилъ къ скандинавскимъ пришлецамъ.

Однако же, несмотря на это общее свойство ихъ сливаться съ покореннымъ племенемъ, необходимо должны были являться исключенія. Въ такихъ случаяхъ степень ихъ упорства преимущественно зависѣла отъ того, сохраняли ли они свое древнее языческое вѣрованіе или искренно обратились въ христіанство. Норвежскія хроникки, а также нѣкоторыя мѣста англійской исторіи, показываютъ, какъ ложно и лукаво бывало часто мнимое обращеніе этихъ свирѣпыхъ поклонниковъ Одина. Они довольно охотно покорялись внѣшнему обряду крещенія, но обрядъ ни сколько не измѣнялъ ихъ понятій и вѣрованій. Не далѣе какъ за семнадцать лѣтъ до того времени, о которомъ мы говоримъ, самъ Гарольдъ, сынъ Канута, не могъ добиться, чтобы архіепископъ кенторберійскій, принявшій сторону его брата Гардиканута, вѣнчалъ его на престолѣ. Гарольдъ жилъ и царствовалъ рѣшительнымъ отступникомъ отъ христіанства.

Духовенство, въ особенности на Скандинавскомъ Полуостровѣ, часто принуждено было давать льготы новокрещенцамъ и смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторые языческіе обычаи, напримѣръ, на многоженство. Обыкновеннымъ условіемъ, котораго тре-

бывали язычники, при обращеніи въ христіанство, было — позволеніе ѣсть лошадиное мясо въ честь Одину, и имѣть произвольное число женъ. Учителл, не находя возможности переубѣдить насчетъ числа женъ, твердо отстаивали по-крайней-мѣрѣ статью о неупотребленіи въ пищу конины.

Сверхъ-того, когда даже Норманны искренно принимали христіанство, они, разумѣется, вовсе не понимали его, и переносили въ новую религію всё свои языческія суевѣрія, сросшіяся съ самыми упорными побужденіями ихъ челоуѣческаго сердца. За нѣсколько лѣтъ до царствованія Эдуарда Исповѣдника, великій Кануть издалъ множество законовъ противъ колдовства и наговоровъ, поклоненія камнямъ, источникамъ, ясенымъ и кленовымъ рунамъ, и заклинанія въ честь умершихъ; эти законы, очевидно, имѣли преимущественно въ виду новообращенныхъ Датчанъ, а не Англо-Саксовъ, которые уже нѣсколько вѣковъ душою и тѣломъ преданы были власти духовенства.

Гильда, внука датскихъ королей и двоюродная сестра Гиты (племянницы Канута, которую онъ отдалъ во второй бракъ за Годвина), прибыла въ Англію съ своимъ мужемъ, свирѣпымъ ярлемъ, во второй годъ царствованія Канута; оба были по имени христіане, но въ душѣ упорные поклонники Тора и Одина.

Мужъ Гильды погибъ въ одномъ изъ сраженій на сѣверныхъ моряхъ между Канутомъ и Святымъ Олаемъ, королемъ Норвежскимъ. (Замѣтимъ мимоходомъ, что святой король, безпощадный гонитель вѣры отцовъ, самъ крѣпко стоялъ за языческую льготу — не подчиняться строгому закону, ограничивавшему его семейное счастье одною супругою. Побочный сынъ его, Магнусъ, былъ въ это время на датскомъ престолѣ.) Ярль умеръ какъ всегда желалъ умереть, послѣднимъ на кораблѣ, съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что Валькиріи перенесутъ его прямо въ Вальгаллу.

Гильда осталась одна съ единственною дочерью, которую Кануть выдалъ за Этельвольфа, богатаго и сильнаго саксонскаго графа, прямаго потомка Пенды, того стариннаго короля Мерціи, который сказалъ: «Я не буду досадовать на сосѣдей за измѣну вѣрѣ предковъ, если только они будутъ соблюдать законъ любви и прощенія, составляющій основаніе новаго ученія.»

Этельвольфъ попалъ въ немилость Гардиканута, можетъ быть, потому что былъ болѣе Саксонецъ нежели Датчанинъ, и, по приказанію его, былъ убитъ у собственнаго очага, въ объятіяхъ же-

ны; она вскорѣ затѣмъ умерла съ горести и испугу. Единственная дочь несчастныхъ супруговъ, сирота Эднѣ, осталась на попеченіи Гильды.

Необходимымъ слѣдствіемъ гибкости и уживаемости, отличавшей Датчанъ, было то, что они скоро перенесли на страну, гдѣ селились, всю прежнюю любовь свою къ землѣ отцовъ. Въ этомъ отношеніи Гильда была такою же вѣрною и искреннею Англичанкою, какъ если бы родилась и выросла среди холмовъ и рощей, гдѣ клубился дымъ ея очага изъ древняго римскаго комплувіума.

Во всякомъ другомъ отношеніи она была Датчанка: по вѣрованіямъ и обычаямъ, по своему мощному, необузданному воображенію; по душѣ, полной поэзіи, населявшей воздухъ дѣлами и видѣніями, и придававшей таинственную силу каждому листочку на деревьяхъ. Она любила мужа пламенною, самоотверженною любовью Скандинавки, и по смерти его жила въ совершенномъ удаленіи отъ свѣта и его суетствій. Вслѣдствіе этой уединенной, созерцательной жизни, умъ ея съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ тѣмъ видѣніямъ изъ невѣдомаго міра, которыя восторженными служатъ собесѣдниками въ одиночествѣ и въ горести.

Волшебство принимало на скандинавскомъ сѣверѣ различныя виды, и составляло множество степеней. Была у Скандинавовъ старая, изсохшая колдунья, сохранившаяся и въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ, какъ представительница этой сверхъестественной силы; была у нихъ и вѣдьма, или колдунья-волчица, существо не человѣческаго рода и не человѣческихъ свойствъ, какъ нечистыя сестры въ «Макбетѣ», существа, прокрадывающіяся ночью въ дома, похищающія витязей и пожвравшія ихъ, скользящія по морскимъ волнамъ съ кровавыми волчьими остовомъ въ исполнинской пасти; была, наконецъ, чистая классическая вала или сивилла, пользовавшаяся уваженіемъ вождей и народовъ, предсказывавшая имъ будущее и дававшая витязямъ совѣты на бранные подвиги. Норманскія хроникки много говорятъ объ этихъ валахъ; онѣ часто принадлежали къ самымъ знатымъ и богатымъ дамамъ, были сопровождаемы многочисленною прислугою обоего пола; короли сами сажали ихъ на почетное мѣсто въ своихъ палатахъ, когда нуждались въ ихъ совѣтахъ; особа ихъ была также священна и неприкосновенна, какъ особа жрецовъ.

Само собою разумѣется, что эту послѣднюю степень въ драч-

ноя царствѣ волшебства должна была избрать, и по своему высокому рожденію и по возвышенной, хотя ослѣпленной, и совращенной съ прамого пути душѣ, вьвукъ воннственныя королей. Гордая дочь Одина * считала недостойнымъ себя употреблять тайны науки, которой она уже давно посвятила себя, для разгадыванія скромныя судьбы толпы; предметомъ всѣхъ ея размышленій были судьбы царей и царствъ; она хотѣла защищать или воспитать династїи, призванныя властвовать надъ нерожденными еще поколѣніями. Гордая и честолюбивая съ юныхъ лѣтъ, какъ всѣ ея соотечественницы, вступивъ въ болѣе мрачный міръ, она перенесла въ него тѣже предубѣжденія и страсти, которыя руководили ея въ міръ подсолнечномъ.

Всю нѣжность своей человѣческой души Гильда сосредоточила на своей вьвукѣ Эднот, послѣдней представительницѣ двухъ королевскихъ родовъ. Гаданія о будущемъ убѣдили ея, что жизнь и смерть прекрасной дѣвушки были неразрывно связаны съ судьбою короля, и что такая же таинственная, неразрывная цѣпь связывала ея падшїй родъ съ цвѣтущимъ родомъ графа Годвина, мужа ея двоюродной сестры Гиты; такимъ образомъ кровныя узы, привязавшіе ея къ этому славному дому были еще скрѣплены и упрочены узами суевѣрія. Сначала ея любимцемъ и предметомъ особеннаго попеченія, былъ Свейнъ, старшїй сынъ Годвина; онъ же, получивъ отъ природы болѣе поэтическую душу, нежели его братья, охотно подчинялся ея вліанію. Но, какъ мы увидимъ далѣе, изъ всѣхъ братьевъ, поприще Свейна было самое неотрадное и самое пагубное для его отечества; и когда некрѣпное участіе всей Англіи и негодованіе на ихъ гонителя сопровождали въ изгнаніе прочіихъ членовъ несчастнаго дома, никто не сказалъ о Свейнѣ: — Да хранить его Богъ!

Но когда второй сынъ Гарольдъ вышелъ изъ дѣтства и вступилъ въ юношество, Гильда избрала его, и стала оказывать ему еще болѣе явное предпочтеніе, нежели оказывала прежде Свейну. Небесныя свѣтила и таинственные руны возвѣстили ей его будущую славу, а прекрасныя свойства души и способности молодого графа, при самомъ началѣ его поприща, подтвердили истину пророчества. Пристрастію ея къ Гарольду содѣйствовало отчасти и то, что когда она пытала судьбу о будущности своей

* Мы называемъ это божество Однимъ, когда говоримъ о немъ, какъ о предметѣ поклоненія Скандинавовъ; и Водномъ, какъ собственно саксонское божество.

внуки Эдион, она всегда находила ее связанною съ судьбою Гарольда; отчасти наконецъ и то, что гаданія ея не могли проникнуть въ связь ихъ судьбы далѣе извѣстной черты, и потому сердце ея и фантазія всегда колебались между надеждою и страхомъ. Впрочемъ, старанія ея пріобрѣсти вліяніе на здравый и энергическій умъ молодого графа не имѣли рѣшительно никакого успѣха, и хотя до изгнанія своего, онъ чаще другихъ сыновей Годвинновыхъ приходилъ въ древній римскій дворецъ, однако же онъ всегда улыбался съ гордою недовѣрчивостію ея загадочнымъ пророчествамъ, и на предложенія ея содѣйствовать ему невидимыми силами, отвѣчалъ съ спокойною усмѣшкою:—Храброму воину не нужно волшебствъ для ободренія его въ исполненіи своего долга, а благородный человѣкъ презираетъ всѣ знаменія и кovy, слящіяся совратить его съ истиннаго пути.

И въ самомъ дѣлѣ, хотя Гильда въ своемъ волшебствѣ не имѣла никакихъ злобныхъ помысловъ, и источникомъ своихъ прорицаній считала, не злыхъ духовъ, а своихъ боговъ, однако же многіе уже замѣчали, что всѣ, подчинявшіеся ея вліянію, подвергались преждевременной, жалкой гибели; въ доказательство приводили не только ея мужа и зятя, которые были въ рукахъ ея какъ мягкій воскъ, но и многихъ другихъ вождей, которымъ знатное рожденіе или честолюбіе позволяло обращаться къ ней за совѣтомъ. Несмотря на то, она пріобрѣла такое вліяніе на умы народа, что опасно было бы подвергнуть ее строгости законовъ, запрещающихъ колдовство и волшебство. Всѣ сильнѣйшіе датскіе роды почитали въ ней кровь своихъ древнихъ королей, и единодушно возстали бы на защиту вдовы одного изъ своихъ славнѣйшихъ вождей. Чернь боялась ея, но всё-таки защищала бы до послѣдней капли крови; потому что она была гостепріимна, щедра, благотворительна къ бѣднымъ, снисходительна къ многочисленнымъ своимъ сеорлямъ. Ктому жъ трудно было бы уличить ее въ волшебствѣ и гаданіи; потому что толпа соприсяжниковъ явилась бы свидѣтельствовать ея невинность; если бы даже подвергли ее очистительному испытанію, съ ея богатствомъ не трудно было задобрить владѣтелей тайныхъ средствъ и выйти съ торжествомъ изъ суевѣрнаго суда. Она уже, по предусмотрительности, рѣдко называющей геніальнымъ людямъ, даже въ самыхъ заветныхъ заблужденіяхъ ихъ фантазіи, оградила себя отъ возможности преслѣдованія богатыми дарами въ пользу всѣхъ окружающихъ фанатиковъ.

Словомъ, Гильда была женщина съ высокими помыслами и

огромными дарованіями; женщина, наводившая невольное содроганіе, но только какъ страдательное орудіе вопрошаемой ею судьбы: сама же лично, внушаѣа къ себѣ смутное благоговѣніе и даже безотчетное состраданіе; была не вѣдьма, изчадіе ада, выходящая изъ сферы человѣчества злобою и могуществомъ, а существо вполне человѣческое, даже въ самомъ стремленіи своемъ вывѣдать тайны природы. Допустимъ на этотъ случай, что помощью сильнаго напряженія фантазіи, лица извѣстнаго настроенія нервовъ и извѣстнаго темпераменту, могутъ достигать такого тайнаго сродства съ міромъ, не подлежащимъ нашимъ вѣдѣніямъ, которое не позволяетъ безусловно отвергать животный магнетизмъ и древнюю магію. Но не на гилломъ и смрадномъ болотѣ, покрытомъ смертоносною ночью мглой и не выдавшемъ свѣту небснаго, являлись ей таинственные, страшные духи и тѣни, а на живой рѣкѣ, поросшей по берегамъ душистою травою, и на волнахъ которой игрались яркія звѣзды.

Такъ жила Гильда, огражденная отъ всякой опасности, предметъ всеобщаго уваженія и страху; а подъ ея защитою, какъ вѣшная роза подъ тѣнью намогильнаго кедра, разцвѣтала ея внука Эдвѣ, крестная дочь господини англійской.

И самъ Эдуардъ и его дѣвственная супруга, такая же набожная какъ онъ, очень желали бы оградить бѣдную сироту отъ опасности, которою могло угрожать ея душѣ пребываніе въ домѣ, подозрѣваемомъ въ язычествѣ; и считали монастырь лучшимъ убѣжищемъ для юности. Но они не имѣли права отдать ее въ монастырь безъ согласія воспитательницы или безъ собственнаго ея желанія; Эдвѣ же не изъявляла ни малѣйшаго желанія поступить противъ воли бабушки, а Гильда отвѣчала на всякое предложеніе о томъ съ гордымъ презрѣніемъ.

Между-тѣмъ дѣвочка выросла подъ вліяніемъ двухъ боровавшихся вѣрованій; понятія ея о томъ и о другомъ были по необходимости очень неопредѣлѣнны и сбивчивы. Но у нея было отъ природы такое кроткое, прямое, любящее самоотверженное сердце, — въ ней было столько врожденнаго высокаго женскаго чувства, что въ каждомъ движеніи этого сердца видно было стремленіе безпокойной души къ болѣе чистому свѣту и болѣе ясной атмосферѣ. Въ обращеніи, въ образѣ мыслей, даже во вѣншемъ развитіи, была она еще почти дѣтя; но одна женская тайна уже глубоко залегла въ ея сердцѣ, и хотя она сама едва созвасала ее, однако же эта тайна, лучше всѣхъ гордыхъ рѣчей и насмѣ-

шекъ Гильды, научила ее любить жизнь съ ея удовольствіями и пугаться затворничества.

III.

Между тѣмъ, какъ король Эдуардъ разсказывалъ герцогу Норманскому все, что онъ зналъ и чего не зналъ о жизни и тайной наукѣ Гильды, путь ихъ вился по такимъ дикимъ и лѣснымъ мѣстамъ, какихъ можно бы ожидать развѣ только въ нѣсколькихъ сотняхъ миль отъ столицы Англіи. Довыиѣ такія дикія пустоши, въ окрестностяхъ Норвуда, могутъ дать понятіе о томъ, что была эта страна въ глубокую старину, когда глухой лѣсъ, обильный всякою дичью, буйволами и кабанамъ, опоясывалъ лондонскія предмѣстья, и служилъ для забавы Саксонца и его тегновъ. Народъ обижаетъ норманскихъ королей, приписывая имъ однимъ жестокіе лѣсные законы. Уже при Англо-Саксахъ эти законы были строги и притѣснительны; также строги могутъ быть для сеоря и простолюдина, какъ при Вильгельмѣ-Рыжемъ, хотя гораздо снисходительнѣе къ дворянамъ. Кто не былъ по крайней мѣрѣ аббатомъ или тегномъ, тому королевскіе лѣса, даже при кроткомъ Эдуардѣ-Исповѣдникѣ, были также завѣтны и неприкосновенны, какъ въ бывшее время роши друновъ; и смертная казнь ожидала простолудина-охотника, дерзавшаго нарушить завѣтъ.

Охота была единственнымъ мірскимъ развлеченіемъ Эдуарда, и рѣдко проходилъ день, чтобы онъ по окончаніи обѣдин, не выѣзжалъ съ соколами или собаками. Такъ, что хотя пора соколиной охоты начиналась только въ октябрѣ, однако же у него во всякое время былъ на рукѣ то молодой соколъ для обученія, то старый любимецъ для упражненія. Такъ было и теперь; и только-что Вильгельму началъ надобѣдать многословный разсказъ добраго брата, какъ вдругъ собаки залаяли и огромная цапля съ глухимъ стономъ поднялась съ заросшаго травю болота, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги.

— Птица! птица! тише! воскликнулъ король, прищпоривъ коня и спустивъ своего перелетнаго сокола*. Вильгельмъ послѣдовалъ примѣру короля, а за нимъ и весь поѣздъ пустился рысью по неровной, заросшей мелкимъ кустарникомъ дорогѣ,

* Перелетный соколъ водился на Мландуянскихъ островахъ и высоко цѣнился для охоты даже во времена королевы Елисаветы. Бурлейгъ министр Елисаветы считалъ парутскихъ соколовъ цѣннымъ подаркомъ.

оперивъ глаза въ взлетѣвшую добычу и въ кружащихся надъ нею соколовъ. Поднявъ такимъ образомъ глаза вверхъ, Эдуардъ едва не упалъ черезъ голову лошади, когда она вдругъ остановилась передъ высокими плетеными воротами, привѣшенными къ крѣпкой стѣнѣ, сложенной изъ кирпича и булыжнику. На воротахъ сидѣлъ неподвижно и равнодушно здоровый сеорль или хлѣбопашецъ; въ нѣкоторомъ же разстояніи за нимъ стояла любопытная группа такихъ же хлѣбопашцевъ, въ синихъ рубахахъ, опершись на косы и молотила. Непріязненно, угрюмо смотрѣли они на норманскихъ всадниковъ. Всѣ они были по-крайней-мѣрѣ также хорошо одѣты, какъ одѣваются люди ихъ сословія нынче; а крѣпкое тѣлосложеніе и румяныя щеки доказывали, что они не знали недостатка въ хорошей пищѣ, подтверждающей силы работника. Вообще положеніе рабочаго класса за исключеніемъ теововъ, то есть, настоящихъ рабовъ, было въ то время въ материальномъ отношеніи, гораздо счастливѣе чѣмъ когда-либо въ Англіи; въ-особенности поселянъ, принадлежавшихъ богатому тегну чистой саксонской крови; самый титулъ лорда означалъ для крестьянина — раздавателя хлѣба *. Эти же поселяне незадолго были сеорлями изгнаннаго Гарольда, сына Годвинава.

Король поправился въ сѣдлѣ, прошепталъ молитву, три раза перекрестился, и потомъ закричалъ по саксонски, но съ сильнымъ чужеземнымъ выговоромъ:

— Эй, отворите ворота, ребята, живѣе!

Никто не трогался съ мѣста.

— Никакая лошадь не потопчетъ хлѣба, который мы посѣяли для нашего графа, Гарольда, сказалъ сеорль сердито, и не слѣзая съ воротъ; а товарищи громкимъ крикомъ одобряли его отвѣтъ.

Никогда еще не видали Эдуарда въ такомъ гнѣвѣ, какъ въ эту минуту; онъ далъ шпоры лошади, подскочилъ къ дерзкому мужику, и занесъ на него руку. На этотъ знакъ двадцать мечей засверкало позади, и норманскіе всадники подскочили къ воротамъ. Эдуардъ одною рукою удержалъ своихъ слишкомъ усердныхъ слугъ, а другою погрозилъ Саксонцу.

— Подлецъ, закричалъ онъ, — разшибъ бы я тебя, если бы могъ!

Въ этихъ словахъ, которымъ опредѣлено было сохраниться въ

* По-саксонски: hlaf, каравай хлѣба, — hlaford, откуда англійское lord, раздаватель хлѣба.

исторіи, было вѣщо, вѣстѣ и смѣшное и трогательное. Норманы замѣтили въ нихъ только черную сторону, и отвернулись, чтобы скрыть невольную усмѣшку; Саксонецъ полагъ ихъ во второмъ, въ истинномъ значеніи, и потушилъ глаза: могучій король,—онъ теперь узналъ его,—по одному слову котораго обнажалось столько мечей, не могъ наказать его; ему не доставало на то духу. Сеорль соскочилъ съ воротъ, и отворилъ ихъ съ низкимъ позволомъ.

— Проѣзжай впередъ, любезный братъ, графъ Вильгельмъ, сказалъ король спокойно.

Глаза саксонскаго сеорля сверкнули ненавистью, когда онъ услышалъ имя норманскаго герцога, произнесенное по нормански; но онъ держалъ ворота, пока не проѣхалъ весь поѣздъ. Король остался позади, и когда всѣ отѣхали, сказалъ тихо крестьянину:

— Эй, грубиянъ, ты говорилъ мнѣ о графѣ Гарольдѣ и его хлѣбѣ; развѣ не знаешь ты, что земли эти уже не принадлежатъ ему, что онъ изгнанъ изъ нашихъ владѣній, и что не его сеорлямъ собирать хлѣбъ съ его полей?

— Съ вашего позволенія, могучій господинъ и король, отвѣчалъ простодушно Саксонецъ; эти земли принадлежали прежде нашему графу, Гарольду, а теперь принадлежатъ его шестисотенному Клепе.

— Это какъ? возразилъ Эдуардъ съ удивленіемъ: мы не жаловали ихъ ни шестисотеннымъ, ни Саксонцамъ. Всѣ земли Гарольда мы раздѣлили между аббатами и благородными рыцарями, и все Норманами.

— Эти прекрасныя поля, вмѣстѣ съ тѣми огородами и пажитями достались Норману Фульку, а Фулькъ продалъ ихъ графскому шестисотенному Клепе. А чего у Клепе не хватало, чтобы заплатить за эти земли, мы, графскіе сеорли, сложились и дополнили изъ того, что сами нажили на графской службѣ. И сегодня же, для скрѣпленія своей складчивы, пили мы у него помочное пиво *. И вотъ теперь мы держимъ эти земли събща съ Клепе; а воротится Гарольдъ, въ чемъ мы всѣ увѣрены, по-крайней-мѣрѣ сбережемъ ему отчину.

* *Bedder-ale*. Когда кто желая приобрести [помѣстье] приобѣгалъ къ помощи друзей, дѣлавшихъ складчиву въ его пользу, онъ долженъ былъ дѣть нѣзъ пиръ; и эль, который пили на этой пиршкѣ, назывался *bedder-ale* отъ слова *bedden*, молиться, или приглашать.

Эдуардъ, несмотря на свое удивительное простодушіе, которое иногда можно было почти принять за слабоуміе, былъ однакоже довольно проникателемъ, когда вниманіе его было сильно-напряжено. Онъ измѣнился въ лицѣ при этомъ свидѣтельствѣ искренней привязанности поселянъ къ изгнанному свояку; онъ призадумался, и потомъ сказалъ крестьянину съ кротостью:

— Хорошо, братецъ; я не сержусь на васъ за вашу вѣрную любовь къ вашему тегну; но есть люди, которымъ она будетъ не по-нутру, и я совѣтую тебѣ по-братски, не говорить о ней такъ неосторожно, не то, можешь поплатиться за нее носомъ и ушами.

— Сталь на сталь, кулакъ на кулакъ, сурово сказалъ Саксонецъ, хватаясь рукою за длинный ножъ заткнутый за поясъ; — кто посмѣетъ поднять руку на Сексвольфа, сына Эльгельмова, заплатитъ двѣ виры вмѣсто одной.

— Я тебя только предупредилъ, глупецъ, а тамъ ужъ твое дѣло. Только молчи, отвѣчалъ король, и, покачивая головою, сталъ нагонять Нормановъ, которые, выѣхавъ на широкое поле, покрытое молодымъ хлѣбомъ, повидимому топтали его для забавы, гарцуя по полю на своихъ лихихъ коняхъ, и слѣдя за движеніями цапли и налетавшихъ на нее соколовъ.

— Побьемся объ закладъ, милостивый господинъ и король, сказалъ прелать, въ которомъ, по разительному сходству его съ Вильгельмомъ, не трудно было узнать сиблаго и надменнаго герцога брата, Одо, епископа байёскаго; — побьемся объ закладъ, моего жеребца противъ твоей лошади, что соколъ герцога первый схватитъ цаплю.

— Святой отецъ, отвѣчалъ Эдуардъ, съ тѣмъ едва примѣтнымъ измѣненіемъ въ голосѣ, которое одно изобличало его неудовольствіе: такіе заклады пахнутъ язычествомъ... Стыдись, это не хорошо.

Епископъ, не сносившій выговоръ даже отъ своего грознаго брата, нахмурилъ брови, и готовился отвѣчать по своему, но Вильгельмъ, котораго проникательность была всегда на сторожѣ, вмѣшался между братомъ и Эдуардомъ, и сказалъ:

— Ты по дѣломъ выговариваешь намъ, нашъ господинъ и король; мы, Норманы, легкомысленны. Смотри, твой соколъ первый занялъ мѣсто. Эхъ, соколикъ-то, ясное око! какъ плавно онъ взвизгивается! вотъ накрылъ добычу крыльями!... смотри же, какъ стоитъ на крыльцѣ! Вотъ опускается!.... налетѣлъ.... славная птица!

— Да, а его же разорванное сердце у цапли на клювъ! сказал епископъ.

Дѣйствительно въ эту минуту и соколъ и цапля пошли кувыркомъ по воздуху, между тѣмъ какъ норвежскій соколъ герцога, поменьше ростомъ чѣмъ эдуардовъ, спускался стрѣлою, и порхалъ надъ обонин. И соколъ и его добыча были мертвы.

— Мнѣ знаменье! прошепталъ герцогъ по-латыни: пускай туземцы рѣжутся между собою! Онъ приложилъ къ губамъ свистокъ, и соколъ его прилетѣлъ на зовъ и сѣлъ ему на руку.

— Пора домой, сказалъ король Эдуардъ.

IV.

Королевскій поѣздъ вступилъ въ Лондонъ черезъ большой мостъ, отдѣлявшій Саутваркъ отъ столицы. Тутъ мы остановимся немного, чтобы полюбоваться на живую картину, которую представляло это достопамятное мѣсто.

Все предмѣстье, передъ Саутваркомъ, было наполнено огородами и садами, окружавшими дома богатыхъ купцовъ и горожанъ. Подходя къ рѣкѣ, вы увидѣли бы валы, два огороженные круга, одинъ для медвѣжьей травли, другой для боя быковъ. Вправо, на дерновомъ возвышеніи, въ виду многолюднаго мосту, играли музыканты; тутъ ловкій фокусникъ показывалъ свое искусство, бросая на воздухъ по очередно три мяча и три ножа, и ловя ихъ на лету по одначкѣ. Тамъ другой важно заставлялъ огромнаго медвѣдя плясать на заднихъ лапахъ, между-тѣмъ какъ товарищъ его игралъ на дудочкѣ. Многочисленная толпа окружала ихъ, лѣнливо смотрѣла и смѣялась; но смѣхъ мгновенно замолкъ, когда раздался топотъ норманскихъ лошадей; и вниманіе зрителей перешло съ медвѣдя на славнаго герцога, который ѣхалъ подлѣ короля, улыбаясь, и въ то же время, наблюдая своими ястребными глазами, все происходившее вокругъ него.

Приближаясь къ мосту, на которомъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, происходилъ страшный бой между Датчанами и союзникомъ Этельреда, Олаемъ Норвежскимъ, вы бы увидѣли еще, хотя въ запущенномъ и полуразвалившемся состояніи, двойное укрѣпленіе, которымъ былъ благоразумно огражденъ входъ въ городъ. По обонимъ концамъ деревяннаго мосту, стояли крѣпостцы, построен-

ныя частью изъ дерева, частью изъ камня, и брустверки; а подлѣ каждой крѣпости часовня. Мостъ, довольно широкій для проѣзду двухъ экипажей рядомъ, былъ покрытъ проходимми, и заставленъ палатками и лотками. Тутъ было любимое мѣстопрѣбываніе народнаго пѣсенника и сказочника. Тутъ же встрѣчались смуглый Сарацинъ, съ испанскими и африканскими товарами; и нѣмецкій купецъ, тащившійся съ Желѣзнаго-Двора домой въ предмѣстье; тутъ же городской любезникъ останавливался пошутить съ деревенскою дѣвушкою, пришедшею въ городъ съ корзиною майскихъ вѣтокъ и цвѣтовъ. Словомъ, тутъ во всемъ, и въ дѣлѣ и въ бездѣлн, проявлялась та дѣятельность, которая должна была сдѣлать этотъ городъ средоточіемъ всего міра, и которая уже тогда связывала торговлю Англо-Саксовъ съ отдаленнѣйшими концами торговой Европы. Черные глаза Вильгельма съ восторгомъ останавливались на шумныхъ грунпахъ, на широкой рѣкѣ, на лѣсъ мачтъ, стоявшемъ у извилистаго берега, у Беллиновыхъ воротъ.—Онъ, которому, каковы бы ни были его прегрѣшенія противъ угнетеннаго и обманутаго имъ народа, Лондонъ, по-крайней-мѣрѣ, донынѣ долженъ быть благодаренъ, не только за дарованныя ему льготы, но и за то, что въ его не продолжительное, но твердое царствованіе, торговля и богатство города возрасли болѣе, чѣмъ въ вѣковое, но слабое владычество Англо-Саксовъ,—онъ съ завистью смотрѣлъ на все это движеніе, и воскликнулъ вслухъ:

— Клянусь, любезный король, славное наслѣдіе выпало на твою долю!

— Гмъ! отвѣчалъ Эдуардъ протяжно; ты не знаешь, что за безпокойный народъ эти Саксонцы. Да вотъ еще, кстати, вонъ на этихъ развалившихся стѣнахъ, построенныхъ, говорятъ, блаженной памяти королемъ Альфредомъ, слѣды Датчанъ. Вспомни, сколько разъ они приплывали по этой рѣкѣ. Кто мнѣ ручается, что на будущій годъ не будетъ опять развѣваться на этихъ водахъ ихъ черное знамя? И то уже Магнусъ Датскій объявилъ свои притязанія на мой престолъ, какъ наслѣдникъ всего царства Канутова, а... (тутъ Эдуардъ замаялся, но скоро оправился, и продолжалъ) а Годвинъ и Гарольдъ, которыхъ, изъ всѣхъ моихъ тегновъ, однихъ боятся Датчане и Норманы, въ изгнаніи, далеко....

— Можно обойтись и безъ нихъ, любезный братъ, отвѣчалъ герцогъ торопливо. Если будетъ угрожать тебѣ опасность, пошли только за мною. Довольно у меня кораблей ждуть твоихъ

приказаній въ моей новой шербургской гавани. И скажу тебѣ въ утѣшеніе, что будь я королемъ англійскимъ, и владыкою этой рѣки, лондонскіе граждане могли бы спать спокойно съ вечера до заутрени, не боясь набѣгу Датчанъ. Никогда бы уже черный флагъ не показался у этого мосту!... никогда, клянусь тебѣ!

Не безъ умыслу говорилъ Вильгельмъ съ такимъ жаромъ, и не безъ причины устремилъ онъ на короля свои сверкающіе глаза, которымъ такъ дивились лѣтописцы. Онъ посѣтилъ даже короля въ той надеждѣ, что Эдуардъ торжественно объявитъ его наследникомъ англійскаго престола. Но король не отвѣчалъ на его предложеніе, и поѣздъ безмолвно приближался къ концу моста.

— А это что за старыя развалины? спросилъ Вильгельмъ, стараясь скрыть свою досаду и смущеніе: это, кажется, остатки великолѣпнаго зданія, и если судить по постройкѣ, римскаго?

— Да, отвѣчалъ Эдуардъ, говорятъ, что оно построено Римлянами; одинъ изъ старыхъ ломбардскихъ зодчихъ, которые строятъ мой новый вестминстерскій дворецъ, называетъ ихъ, какъ и нѣкоторыя другія развалины въ моихъ владѣніяхъ, Іюльскою Башнею.

— Эти Римляне были мастера на всякія умныя и славныя дѣла, сказалъ Вильгельмъ: и я предсказываю вамъ, что, рано ли поздно ли, какой-нибудь англійскій король опять постронтъ на этомъ самомъ мѣстѣ новый дворецъ и башню. А тотъ замокъ, что къ западу?

— Это дворцовая башня, гдѣ обитали наши предшественники, и мы сами нѣкоторое время; но теперь мнѣ лучше полюбилось сладостное уединеніе Торнейскаго Острова.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они вѣхали въ Лондонъ, мрачный безобразный городъ, состоявшій почти весь изъ деревянныхъ домовъ, съ узкими, кривыми улицами, по большей части безъ стеколъ въ окнахъ, а вмѣсто нихъ съ полотняными ставнями; впрочемъ, отъ времени до времени открывались восторонъ обширныя площади, вокругъ монастырей, за низкими оградами которыхъ росли старыя деревья. По перекресткамъ стояли кресты и иконы, отъ которыхъ улицы донынѣ сохраняютъ свои имена*; сюда стекались толпы богомоловъ. Колоколенъ въ то время еще не было; грубая, остроконечная башенка, въ видѣ пирамиды, возвышалась иногда

* Rood-lane, Lady-lane.

надъ соломенной или тростниковою кровлею, и означала храмъ. Но почти на каждомъ шагу глазъ антикварія могъ встрѣтить остатки римскаго величія, слѣды того стараго города, который нынче зарытъ подъ улицами и площадями, и котораго прекрасные обломки отрываются каждый годъ.

Вдоль Темзы еще тянулась, но уже развалившися во многихъ мѣстахъ, Константинова Стѣна. Вокругъ скромной и взрачной церкви Святаго Павла, — гдѣ лежалъ прахъ Себби, короля восточныхъ Саксовъ, отказавшагося отъ престола, чтобы посвятить жизнь Спасителю, и слабого, несчастнаго Этельреда, отца эдуардова, — видны были еще дивныя и величественныя развалины огромнаго храма Діаны. Не въ одной церкви, не въ одномъ монастырѣ, между кирпичами и бревнами были заложены римскія капители или даже цѣлыя колонны. Подлѣ башни, получившей впоследствии сарацинское названіе Барбикана, находились остатки римскаго поста, гдѣ когорты сторожили день и ночь, на случай пожара или непріятельскаго нашествія.

Близъ Ольдерсгета стояла въ нишѣ безголовая статуя Терпсіи, неизвѣстнаго святаго былыхъ временъ. А посреди Бишопсетской Улицы сидѣлъ еще на престолѣ изувѣченный Юпитеръ, съ орломъ въ ногахъ; и толпы полуязычниковъ Датчанъ останавливались передъ нимъ, принимая его за Одина съ его соколомъ. Въ другомъ мѣстѣ еще стояли арки одного изъ тѣхъ дивныхъ водопроводовъ, которые Римляне замѣтвовали у Этрусковъ. Подлѣ винокуреннаго двора, занимаемаго имперскими купцами, стоялъ римскій храмъ, почти не поврежденный, существовавшій еще во время Джозефа Монмутскаго. За городскими стѣнами еще тянулись римскіе виноградники съ своими зелеными листьями и незрѣлыми гроздами по Смитфилдскимъ Равнинамъ, Сентъ-Джайлзскимъ Полямъ, и по тому мѣсту, гдѣ нынче находится Гаттонскіе Сады. Франкскіе и нѣмецкіе купцы еще торговали въ палаткахъ и на лоткахъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ задолго до нихъ торговали Римляне. При каждомъ новомъ завоеваніи возрастающаго народонаселенія, внутри или вѣтъ городскихъ стѣнъ, урны, вазы, оружіе, человѣческія кости вырывались, и выкидывались съ презрѣніемъ въ кучи сору и щебню.

Но не на эти памятники исчезнувшей образованности былъ устремленъ практическій взоръ норманскаго графа; не на вещи смотрѣлъ онъ, а на людей; проѣзжая безмолвно изъ улицы въ улицу, въ этихъ людяхъ, рослыхъ и здоровыхъ, трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ, онъ угадывалъ будущее просвѣщеніе.

Безмолвно проѣхалъ поѣздъ въ небольшой городъ, черезъ мостъ, стоявшій на рѣчкѣ Флитъ, потомъ вдоль по берегу Темзы; вѣво — гладкіе пески, вправо — превосходныя нажиты; дагѣ зеленыя роши, изрѣдка пересѣкаемыя домами; безпрестанно пересѣжали они черезъ канавы и ры, спускавшіеся къ рѣкѣ. Это было въ то время года и въ такое время дня, когда молодежь преимущественно праздновала возвращеніе лѣта, и веселья толпы спѣшили къ Говивельскому Ключу, любимому въ то время гулянію лондонскихъ жителей.

Наконецъ пріѣхалъ поѣздъ къ деревнѣ Черингъ, которую король не за долго передъ тѣмъ пожаловалъ своему вестминстерскому аббатству; она была наполнена работниками, туземными и иностранными, строившими аббатство и при немъ дворецъ. Тутъ король и норманскій герцогъ остановились на минуцу на Соколиномъ Дворѣ; потомъ проѣхали мимо грубаго дворца, построенаго изъ камня и булыжника и принадлежавшаго королю шотландскому, данникамъ Англіи (король Эдгаръ подарилъ его Кеннету), и наконецъ достигли устья рѣчки, которая оглябалъ Торнейскій (нынче Вестминстерскій) Островъ, и отдѣляла возникшую церковь, аббатство и дворецъ отъ твердой земли. Тутъ они сошли съ лошадей, и переѣхали на паромѣ къ обширной полянѣ, окружавшей королевское жилище.

V.

Вышедши на берегъ, король и норманскій герцогъ сѣли опять на лошадей и поѣхали рядомъ къ воротамъ новаго дворца, открывшихся для ихъ приему. Герцогъ, нахмуривъ по обыкновенію брови, смотрѣлъ сначала на величественное зданіе, съ его длинными рядами круглыхъ оконъ въ зубчатыхъ, рѣзныхъ рамахъ, съ его твердыми колоннами и аркадами, съ его тяжелыми, грозными башнями. Потомъ онъ взглянулъ на толпу царедворцевъ, въ гладкихъ камзолахъ и короткихъ плащахъ, съ гладко выбритыми лицами, высыпавшихъ на поляну, посмотрѣть съ почтеніемъ на знаменитаго гостя. Сердце его забилось; онъ дернулъ узду лошади, и поравнявшись съ братомъ, сказалъ ему вполголоса:

— Развѣ не норманскій уже дворъ? Смотри, какъ графы и дворяне стараются перенимать нашу одежду! смотри, какъ самыя камни въ воротахъ прямо строятся, будто высѣченныя рукою

норманскаго каменщика! Право, братъ, въ этихъ палатахъ уже показывается тѣнь восходящаго солнца.

— Если бы въ Англіи не было народу, отвѣчалъ епископъ, она была бы уже твоею. Но развѣ ты не видалъ, когда мы вѣхали, этихъ нахмуренныхъ бровей и потупленныхъ головъ? не слыхалъ зловѣщаго ропоту? Чернь многочисленна и крѣпка вражда ея.

— Силенъ мой сѣрый жеребецъ, возразилъ герцогъ; но искусный всадникъ укрощаетъ его сталью мундштука, и заставляетъ повиноваться остріемъ шпоры.

Когда король и его знатный гость подъѣхали къ воротамъ дворца, хоръ мецестрелей, находившихся въ услуженіи герцога, заигралъ и запѣлъ свою родную пѣсню, домашнюю пѣсню Нормановъ, ратный гимнъ Роланда, славнаго паладина Карла-Великаго. При первомъ стихѣ пѣсни, норманскіе рыцари и юноши, которыхъ было очень много между ономанчившимися Саксонцами, подхватили ее и согласнымъ хоромъ, съ огнемъ удовольствія въ глазахъ, пріѣтствовали вступленію могучаго герцога во дворецъ послѣдняго, кроткаго преемника Воденова.

Вѣхавъ на внутренній дворъ, герцогъ соскочилъ съ лошади у самаго подѣзда и поспѣшилъ держать королю стремя. Эдуардъ слегка оперся рукою на широкое плечо гостя, и медленно сошедши съ лошади, обнялъ и поцѣловалъ его въ виду всего многочисленнаго собранія; потомъ повелъ его за руку въ приготовленные для него отдѣльные покои и оставилъ его съ приближенными.

Вильгельмъ погрузился въ глубокую думу и не замѣтилъ какъ служители раздѣли его; но когда его любимый наперсникъ и самый гордый баронъ, Фицосборъ, ставившій себѣ въ честь быть самымъ покорнымъ служителемъ своего вождя, повелъ его въ соседнюю комнату, гдѣ была приготовлена ванна, онъ отступилъ назадъ, и запернувшись въ мѣховой халатъ, накинутый ему на плечи, сказалъ вполголоса:

— Нѣтъ, если на мнѣ есть хоть одна пылинка англійской земли, пусть она остается! Это мое вступленіе во владѣніе англійскою землею, Фицосборнъ.

Потомъ, махнувъ рукою, онъ отослалъ всѣхъ приближенныхъ, кромѣ Фицосборна и Рольфа, графа Гирфордскаго, племянника Эдуардова, но Нормана по рожденію и участника всѣхъ плановъ герцога. Вильгельмъ два раза прошелся по комнатамъ, не говоря ни слова; потомъ остановился у окна, выходящаго на Темзу; зрѣ-

лице было прекрасное: склонившееся къ западу солнце играло на безчисленномъ множествѣ челноковъ, шмыгавшихъ взадъ и впередъ между Лондономъ и Вестминстеромъ, или къ противоположному ламбетскому берегу. Взоръ его силился отыскать, по извилинамъ рѣки, стѣрые остатки баснословной Юліевой башни и стѣны, ворота, башенки, возвышавшіяся подлѣ рѣки или надъ густою массою крышъ; потомъ онъ силился различить вершины самыхъ отдаленныхъ мачтъ юнаго флота, основаннаго дальновиднымъ Альфредомъ для развитія просвѣщенія по невѣдомымъ странамъ и завоеванія всѣхъ морей.

Герцогъ усильно вдыхалъ воздухъ и попеременно открывалъ и закрывалъ протянутую руку, будто хотѣлъ схватить лежавшій передъ нимъ городъ.

— Рольфъ, сказалъ онъ наконецъ, ты навѣрное знаешь, какъ богатъ каждый изъ вашихъ англійскихъ купцовъ? вѣдь ты, по чести, любезный мой рыцарь, настоящій Норманъ, и чуешь золото, какъ не чуешь собака кабана!

Рольфъ улыбнулся, восхищенный этимъ комплиментомъ, который другому показался бы по-крайней-мѣрѣ двусмысленнымъ, и отвѣчалъ:

— Такъ точно, государь; англійскій воздухъ, слава Богу, изощряетъ чутье, потому что въ этой гадкой, пестрой странѣ, составленной изъ всякихъ племенъ, Саксонцевъ и Финновъ, Датчанъ и Фламандцевъ, Пиктовъ и Валлоновъ, — не то, что у насъ, гдѣ храбрость и благородство происхожденія составляютъ достоинство человѣка; здѣсь деньги и земли, вотъ вамъ ния и знатность.... Человѣкъ сегодня сеорль: но пусть онъ разбогатѣетъ, завтра можетъ сдѣлаться графомъ, породниться съ высокою кровью и поведетъ войско подъ своимъ собственнымъ знаменемъ; другой же, котораго предки были графы и князья, если, силою или обманомъ, мотовствомъ или щедростью, обдѣлѣтъ, его тотчасъ презираютъ, онъ лишается своего сана и переходитъ въ классъ, который на ихъ варварскомъ языкѣ называется «шестисотенными»; дѣти его, пожалуй, выпадутъ еще ниже, станутъ сеорлями. Вотъ почему здѣсь всѣ очень жадны къ золоту; а порокъ этотъ заразителенъ....

Вильгельмъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ эту рѣчь.

— Хорошо, сказалъ онъ, медленно глядя лѣвую руку правою ладонью; страну, крѣпко сплотившуюся, силою и единствомъ племени, племени воинственнаго, какъ были наши отцы, не знающаго другаго безчестья, кромѣ трусости или измѣны, — такую

грану, Рольфъ Гирфордскій, трудно было бы покорить, или прельстить, или укротить....

— Такихъ нашли вы, герцога, Бретонцовъ; таковы же Валлийцы въ моей Гирфордской маркѣ.

— Тамъ же, продолжалъ Вильгельмъ, не обращая вниманія на перерывъ, гдѣ богатство значитъ болѣе крови и рожденія, тамъ вождей можно подкупить или настрашать; а толпа.... одна и та же вездѣ: сильна при храбрыхъ вождяхъ, бессильна какъ стадо барановъ, когда вожди боязливы или предатели. Но возвратился къ моему вопросу, любезный Рольфъ; Лондонъ долженъ быть очень богатъ?

— Такъ богатъ, отвѣчалъ Рольфъ, что можеть начекавить денегъ на дружину, которая будетъ тлнуться съ одной стороны отъ Руана до Фландрїи, а съ другой до Парижа.

— Въ жилахъ Матильды, твоей возлюбленной невесты, сказалъ неожиданно Фицосборнъ, течетъ кровь Карла-Великаго. Дай Богъ его обширное царство дѣтямъ, которыхъ она родить тебѣ.

Герцогъ склонилъ голову, и поцѣловалъ висѣвшія у него на шеѣ моши. Это было его единственнымъ одобреніемъ словамъ любимица; помолчавъ нѣсколько, онъ сказалъ:

— Когда я уѣду, Рольфъ, ты отправляйся въ свою марку. Твои Валлийцы народъ храбрый и непокорный; они тебѣ еще довольно надѣлаютъ хлопотъ.

— Да, ужъ признаюсь; плохой сонъ подлѣ улья, который самъ только что разшевелилъ.

— А если такъ, воскликнулъ Вильгельмъ, такъ пусть Валлийцы разтерзаютъ Саксонцевъ, а Саксонцы Валлийцевъ: чтобы ни тѣмъ, ни другимъ не видѣть побѣды. Помни наше сегодняшнее знаменье: валлийскій соколъ и саксонская цапля, а надъ ихъ трупами норрежскій соколъ герцога Вильгельма!... Но пора намъ одѣваться ко второй вечернѣ и обѣду.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЛАНФРАНКЪ.

Четыре трапезы въ день, и трапезы плотныя, обильныя, вотъ какъ толковалъ Саксонецъ насущный хлѣбъ. И это у сеоря, точно также какъ у графа. Пьянство, порокъ воинственныхъ

сѣверныхъ народовъ, едва ли принадлежало къ слабостямъ первыхъ саксонскихъ переселенцевъ, когда дѣятельные, строитивые Бриты, а потомъ мелкія распри между королями Гептархіи принуждали воинновъ къ трезвости изъ осторожности; но примѣръ Датчанъ испортилъ ихъ. Эти морскіе витязи, какъ всѣ люди, которыхъ жизнь есть безпрестанный переходъ отъ усильнаго труда къ бездѣйствію, отъ бурь къ покою гавани, любили исчерпать до дна представлявшееся имъ удовольствіе. вмѣстѣ со многими такимъ что облагородило и возвысило характеръ Саксонцевъ, внесли они и многое такое, что унизило его временно. Отъ нихъ Англы научились пировать до пресыщенія, упиваться до безпамятства. Впрочемъ дворъ Эдуарда Исповѣдника не былъ зараженъ этимъ порокомъ. Воспитанный съ юныхъ лѣтъ въ монашескомъ лагерѣ Нормановъ, онъ болѣе всего любилъ въ ихъ нравахъ примѣрную воздержность и строгую въ исполненіи вѣшнихъ обрядовъ набожность, которыми эти скандинавскіе выходцы отличались отъ прочихъ, родственныхъ имъ племенъ.

Замѣтимъ, что положеніе Нормановъ во Франціи во многомъ было очень похоже на положеніе Спартанъ въ Греціи. Съ горстью людей завоевали они себѣ жилище среди многолюднаго враждебнаго имъ народа; безпрестанно угрожали имъ сильные, непримиримые враги. Поэтому воздержность была для нихъ первымъ условіемъ безопасности, и вожди ихъ, изъ здоровой политики, должны были поддерживать наставленія проповѣдниковъ. Подобно Спартанцу, каждый чистый Норманъ былъ независимъ и благороденъ; и слѣдствіемъ сознанія этого достоинства была та благородная наружность, которою отличался и тотъ и другой, а вмѣстѣ съ тѣмъ гордое уваженіе къ своей личности, не позволявшее ему унижаться въ глазахъ подчиненныхъ. Наконецъ, ихъ малочисленность, окружавшія ихъ опасности, и ожидавшая каждого ихъ слава, питали въ Спартанцахъ твердое упованіе на помощь небесную, и поддерживали въ нихъ благочестіе, какого мы не находимъ у другихъ греческихъ народовъ. Такой же былъ, вѣроятно, источникъ примѣрнаго благочестія Нормановъ: они переносили въ свои религіозныя понятія феодалную преданность духовнымъ вождямъ.

Отслушавъ вторую вечерню во временной часовнѣ, устроенной въ неоконченномъ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, воздвигавшемся на мѣстѣ древняго Аполлонова храма, король и его гости отправились въ большую залу дворца ужинать. Подъ эстрадою былъ

поставлены три длинные стола для рыцарей Вильгельмовой дружины, и для цѣту саксонскаго дворянства, который, по врожденной юношеству склонности къ новизнѣ и подражанію, тѣшилъ по двору ономанившагося короля, и презиралъ грубый патріотизмъ отцовъ. Но вѣрныхъ англійскихъ сердцець тутъ не было, и даже не одинъ изъ благородныхъ соперниковъ Годвина вздыхалъ о графѣ, ревностномъ поборникѣ роднаго, изгнавшемъ по просямъ хитраго Нормана, за свое усердіе къ англійскимъ законамъ.

На эстрадѣ былъ накрытъ овальный столъ для избранныхъ гостей. По правую руку короля сидѣлъ Вильгельмъ, по лѣвую епископъ Одо. Надъ ними тронми былъ поставленъ балдахинъ изъ золотой парчи; они сидѣли на металлическихъ, богато высеребренныхъ креслахъ, которыхъ ручки были украшены искусно вырѣзанными арабесками. За этимъ же столомъ сидѣли герцогъ Гирфордскій, племянникъ короля, и Вильгельмъ Фицосборнъ, любимый баронъ и сенешаль герцога. Въ Нормандіи онъ не сѣдился за герцогскій столъ, но Эдуардъ удостоилъ его этой чести какъ родственника герцога. Другихъ гостей за этимъ столомъ не было, такъ что, кромѣ Эдуарда, тутъ были одни Норманы. Блюда и тарелки были золотыя и серебряныя, кубки и стоны украшены жемчугомъ и дорогими каменьями. Передъ каждымъ гостемъ лежалъ ножикъ, въ богатоубранномъ каменьями черенкѣ и салфетка, обшитая серебряною бахромю. Мяса не ставились на столъ, а разносились на вертелахъ; послѣ каждого сервиза пажы, бывшіе всѣ изъ знатнѣйшихъ домовъ, обносили кругомъ чашу душистой воды. За обѣдомъ не было ни одной женщины; потому что та, которая должна бы быть хозяйкою, — она, образецъ красоты безъ тщеславія, благочестія безъ суровости, учености безъ поданства, — она, блѣдная роза Англій, любимая дочь Годвина и нелюбимая супруга Эдуарда, раздѣлила судьбу родныхъ; кроткій король, или его жестокіе совѣтники, отослали ее въ монастырь, въ Гемпшайръ, подъ предлогомъ, что неприлично дочери и сестрѣ жить въ довольствѣ и роскоши, когда отецъ и братья ѣдятъ чужой хлѣбъ въ изгнаніи и горести.

Какъ ни голодны были гости, обычай благочестиваго двора не позволялъ садиться за столъ, не исполнивъ надлежащаго духовнаго приготовленія. Прочли сперва девять псалмовъ, и особенный гимнъ въ честь святаго, которому посвященъ былъ день. Исполнивъ этотъ обрядъ, гости сѣли по мѣстамъ.

Скучно было за королевскимъ столомъ, несмотря на шутки Рольфа и на попытки самаго Вильгельма оживить бесѣду; впрочемъ герцогъ мало заботился о томъ, что дѣлали его собесѣдники; глаза его безпрестанно блуждали по другимъ столамъ, стараясь отличить Саксонцевъ отъ Нормановъ, и угадать кого изъ первыхъ онъ могъ уже считать въ числѣ своихъ приверженцевъ. Не то было за длинными столами придворныхъ и Вильгельмовой дружины. Тутъ шелъ пиръ горою; стоны элю, меду, вина и наливockъ, не выходили изъ рукъ, и развязали уже языкъ Саксонцамъ; даже Норманы утратили нѣсколько своей величавой степенности. Солиде ночи (по выраженію одного датскаго поэта, а по нашему кипучій жаръ вина) только что достигъ своей полуденной силы, какъ за дверью залы, гдѣ стояла толпа нищихъ, въ ожиданіи крохъ, которыя по обычаю раздавались имъ по окончаніи пира, послышался шумъ, и вслѣдъ за тѣмъ вошли два незнакомца; распорядители пира немедленно очистили имъ мѣсто въ концѣ одного изъ столовъ. Новые гости были оба одѣты очень просто; одинъ не совсѣмъ по монашенски, а въ платьѣ, какое носило духовенство низшихъ разрядовъ; другой былъ въ длинномъ сѣромъ плащѣ и широкой гончѣ (рубакѣ), которой подолъ былъ заткнутъ за широкій ременной поясъ, обнажая такимъ образомъ его запыленное и забрызганное грязью исподнее платье, обрисовывавшее атлетическія и жилистыя формы. Первый былъ небольшого росту и довольно нѣжнаго сложенія; второй — росту и сложенія сыновъ Анаковыхъ. Лицъ ихъ нельзя было рассмотреть, потому что оба опустили фату, которую носили и міряне и духовенство, когда выходили со двора, почти до половины лица.

При появленіи этихъ незнакомцевъ въ такомъ нарядѣ, ропотъ удивленія, презрѣнія и неудовольствія прошелъ по ихъ сосѣдямъ; уваженіе, которое распорядители оказывали обонимъ, и въ-особенности высокому, усмирло его на время; но принужденіе только болѣе разгорячило умы, и недовольные заговорили громче прежняго, когда высокій незнакомецъ безцеремонно протянулъ руку черезъ столъ и придвинулъ къ себѣ огромную кружку, принадлежавшую собственно (по обычаю распредѣлять гостей по четыре) Датчанину Ульфу, Саксонцу Годриту и двумъ молодымъ норманскимъ рыцарямъ, родственникамъ могучаго лорда Грамменля. Взявъ кружку, незнакомецъ предложилъ вина своему товарищу, который потрясъ головою въ знакъ отрицанія; потомъ сталъ

пить съ усердіемъ, доказывавшимъ, по-видимому, не норманское происхожденіе, и потомъ невѣжливо отеръ губы рукавомъ.

— Вѣжливый господинъ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ норманскихъ рыцарей, Вильгельмъ Маллѣ, изъ дому Маллѣ-де-Гравиль, отодвигаясь какъ-можно далѣе отъ безпокойнаго, атлетическаго гостя: не взыщите, если я вамъ замѣчу, что вы испачкали мнѣ плащъ, отдавили ногу, и выпили мое вино; и если я пожелаю, съ вашего позволенія, взглянуть въ лицо тому, кто причинилъ такой троякій ущербъ Вильгельму Маллѣ де-Гравиллю.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, изъ-подъ фаты незнакомца послышалось нѣчто въ родѣ смѣху, — настоящимъ смѣхомъ этого называть было нельзя; потому что онъ еще болѣе натянулъ на лицо свою фату рукою, которая, казалось, могла бы обхватить всю грудь его вопрошателя, и сдѣлалъ знакъ, будто не понялъ вопроса.

Тогда Норманъ, вѣжливо наклонившись черезъ столъ къ Саксонцу Годриту, сказалъ:

— *Par dex*, благородный Годри, извини, если уста мои не умѣютъ съ точностью произносить твоего имени, — нашъ прекрасный гость и милосердый господинъ, если не ошибаюсь, долженъ быть саксонской крови; онъ не понимаетъ романскаго языка. Скажи мнѣ, сдѣлай милость, въ саксонскихъ ли это нравахъ: входить въ королевскія палаты въ такомъ нарядѣ и, не говоря ни слова, выпивать вино своего сосѣда, благороднаго рыцаря?

Годритъ, молодой Саксонецъ знатнаго происхожденія и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ подражателей чужеземнымъ обычаямъ, понялъ ловкую иронию рыцаря, покраснѣлъ до ушей, и, обращаясь къ невѣжливому гостю, который въ это время убиралъ подъ свою фату огромные куски пирога, сказалъ ему по-саксонски, но пришептывалъ, чтобы показать, что этотъ языкъ ему чужой:

— Если ты Саксонецъ — не срами насъ своимъ мужицкимъ обращеніемъ; проси извиненія у норманскаго тегва, который, вѣроятно, великодушно простить тебя. Открой лицо.... и....

Тутъ рѣчь молодаго Саксонца была внезапно прервана; слуга поднесъ Годриту вертелъ, изящно наизаженный десятками двумя жирныхъ жаворонковъ; но Годритъ не успѣлъ еще поднять руки, какъ ручища невѣжливаго гостя протянулась передъ самымъ его носомъ и овладѣла жаворонками, вмѣстѣ съ самымъ вертеломъ. Незнакомецъ снялъ двухъ птичекъ и положилъ ихъ на тарелку товарища, не обращая вниманія на его отрицательные знаки; остальное онъ положилъ на свою тарелку. У молодыхъ ры-

царей, Саксонцевъ и Нормановъ, отнялся голосъ отъ гнѣва и недогованія при этомъ новомъ оскорбленіи.

Маллѣ де-Гравиль заговорилъ первый, смотря съ завистью на жаворонковъ, потому что если Норманецъ не былъ прожорливъ, зато былъ лакомка.

— Клянусь рыцарскою честью, надо ѣхать къ дикарямъ, чтобы видѣть такого урода! Мы еще счастливы, продолжалъ онъ, обращаясь къ своему земляку Эймеру, графу д'Эврѣ, — тѣмъ, что не нужно было ѣхать за Полифемомъ такъ далеко, какъ ѣздилъ Улессъ!

Потомъ, указывая на исполна, онъ довольно удачно привелъ стихъ:

«*Monstrum, horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum.*»

Исполниъ между-тѣмъ продолжалъ уплетать жаворонковъ съ такимъ же наслажденіемъ какъ чудовище, съ которымъ его сравнивали, пожиралъ Грековъ въ своей пещерѣ. Но товарищъ его будто прослуся при звукѣ латинскихъ словъ; онъ вдругъ поднялъ голову и искрививъ ротъ въ одобрительную улыбку, и показывая два ряда ровныхъ, бѣлыхъ зубовъ, сказалъ:

— *Bene, mi fili! bene, lepidissime; poetæ verba in militis ore non indecora sonant.* (Хорошо, хорошо, любезный сынъ! слова поэта пріятно звучатъ въ устахъ воина.)

Молодой Норманъ устремилъ глаза на незнакомца, и сказалъ съ тою же жеманною важностью:

— Почтенный сэръ, одобреніе такой знаменитой духовной особой, какою я считаю васъ по скромности, съ которою вы скрываете свое достоинство, не можетъ не возбудить зависти всѣхъ моихъ друзей въ Англии, привыкшихъ клясться *in verba magistri*, замѣняя однако же *verba* словомъ *vina*.

— Ты подшучиваешь, сэръ Маллѣ, сказалъ Годригъ, покраснѣвъ: но я знаю, что латынь пристала однимъ монахамъ.... да и ямъ тутъ нечѣмъ хвастать!

Норманъ презрительно усмѣхнулся.

— Латынь? О, мой возлюбленный Годри!... Латынь — языкъ Цезарей и сенаторовъ, славныхъ завоевателей и храбрыхъ рыцарей. Не знаешь ты, видно, что непобѣдимый герцогъ Вильгельмъ еще на девятомъ году зналъ на память «Комментаріи» Юлія Цезаря и что онъ презираетъ невѣжды? Прицмайся же за букварь, и говори съ уваженіемъ о томъ, кто умѣе тебя. Можахъ, потому

что знаютъ латынь, у насъ часто бываютъ и храбрыми вождями и мудрыми совѣтниками... и заруби себѣ на память, что когда голова полнѣе, такъ и руки грузнѣе.

— Твое имя, господи́нь рыцарь? спросилъ незнакомецъ на нормано-французскомъ языкѣ, но съ легкимъ иностраннымъ выговоромъ.

— Я тебѣ скажу, подхватилъ исполнивъ въ первый разъ заговоривъ вслухъ, на томъ же языкѣ и грубымъ голосомъ, въ которомъ тонкій слухъ тотчасъ узналъ бы поддѣлку. Я могу открыть тебѣ его имя, и рожденіе, и достоинства. По имени, этотъ молодецъ Вильгельмъ Маллѣ, иногда прозывающійся де-Гравилемъ, потому что у насъ каждому норманскому дворянину надо какъ-нибудь прицѣпить къ своему имени частичку «де»; все право его на родовую отчину Гравиль, принадлежащую главѣ его роду, ограничивается тѣмъ, что онъ имѣетъ какую то старую башню въ глухомъ концѣ помѣстья, и при ней довольно земли на прокормленіе лошади и двухъ мужиковъ, да и то давно перешло въ руки ростовщика Жюда для покупки бархатной епанчи и золотой цѣпи. По происхожденію онъ потомокъ Маллѣ, храбраго норвежскаго витязя во флотѣ Рольфа, короля морей: мать его была франкскаго племени; отъ нея-то онъ получилъ въ наслѣдство лучшее свое добро, именно колкій умъ и злой языкъ. Достоинства его — воздержность; онъ никогда не ѣстъ иначе, какъ на чужой счетъ; невозможно латыни, потому что его, по слабости сложенія считали неспособнымъ къ военной службѣ и прочили въ монахи; довольно храбрости; несмотря на малый ростъ онъ собственною рукою убилъ трехъ Бургундцевъ. Герцогъ Вильгельмъ пожаловалъ его въ безземельные рыцари; впрочемъ....

— Впрочемъ, перебилъ сирь де-Гравиль, глухимъ голосомъ, и посиживъ отъ ярости: если бы не то, что герцогъ Вильгельмъ сидитъ за тѣмъ столомъ, я бы давно воткнулъ шесть дюймовъ стали въ твое безобразное туловище, чтобы помочь твоему желудку сварить украденный обѣдъ, и проучить твой дерзкій языкъ.

— Впрочемъ, продолжалъ незнакомецъ равнодушно, будто не замѣчая перерыву: впрочемъ, онъ похожъ на Ахиллеса тѣмъ только, что такъ же *impiger, iracundus*. Большіе люди могутъ приводить латинскія слова нехуже маленькихъ людей, вельможный государь мой, Маллѣ, благородный грамотѣй.

Рука Маллѣ невольно сжала рукоять меча; глаза его выпучились, какъ глаза пантеры, готовой броситься на добычу; къ

счастью, въ эту минуту ясно раздался по всей залѣ густой, звучный голосъ Вильгельма: не нужно было ему для этого напрягаться; онъ привыкъ объявлять свою волю передъ рядами войскъ.

— Богатъ твой пиръ, и крѣпки твои вина, господишь король и любезный братъ, говорилъ онъ. Но недостаетъ того, безъ чего храброму рыцарю пиръ чтò обѣдъ безъ соли, и вино безъ аромату; не достаетъ пѣсни менестреля. Говори что хочешь, а Саксонцы и Норманы дѣти одного отца, и любятъ въ палатахъ да въ терему послушать дѣяній своихъ сѣверныхъ отцовъ. Прикажи же своимъ гуслирамъ и пѣсенникамъ сѣсть намъ пѣсню о старомъ о быломъ!

Шопоть удовольствія прошелъ по рядамъ Нормановъ. Саксонцы подняли головы; но болѣе опытные царедворцы тяжело вздохнули, потому что они уже знали, какія пѣсни допускались при дворѣ набожнаго Эдуарда.

Король отвѣчалъ такъ тихо, что невозможно было разслушать его словъ; но кто привыкъ читать едва примѣтныя измѣненія его фязіономіи, прочелъ бы въ ней выговоръ. Всѣ это угадали, когда вслѣдъ за тѣмъ раздалась мрачная прелюдія изъ угла залы гдѣ сидѣло нѣсколько пѣвчихъ, въ бѣлыхъ рясахъ, точно привидѣнія въ саванахъ: плачевный, погребальный голосъ затянулъ длинную легенду на латинскомъ діалектѣ. Напѣвъ былъ такъ однообразенъ, что когда Эдуардъ, по окончаніи пѣсни, обратился къ гостямъ, ожидая ихъ одобренія, онъ увидѣлъ, что племянникъ едва не вывихнулъ себѣ челюстей зѣвая; сосѣдъ его спалъ, сложивъ на животѣ унизанные перстнями пальцы; голова Фицосборна качалась взадъ и впередъ, по временамъ вздрагивая съ безпокойствомъ; а Вильгельмъ устремилъ глаза въ пустоту, и мысли его блуждали далеко отъ мистическихъ подвиговъ, о которыхъ шла рѣчь въ латинской балладѣ.

— Весьма умилительная пѣснь, графъ Вильгельмъ, сказалъ король.

Герцогъ пробудился изъ думы, кивнулъ головою, и сказалъ отрывисто: — Это кажется гербъ короля Альфреда, вонъ тамъ!

— Да!... почему?

— Гмъ!... Матильда Фландрская прямая потомница Альфреда; ии и родъ его, кажется, донынѣ въ чести у Саксонцевъ.

— Какъ же; Альфредъ былъ великій человекъ, исправилъ псалтирь, отвѣчалъ Эдуардъ.

Хотя погребальная пѣсня давно кончилась, но дѣйствіе ея бы-

ло такъ снотворно, что никто не могъ освободиться отъ дремоты. По всей залѣ было унылое, мертвое молчаніе; какъ вдругъ раздался голосъ, внезапно, громко, ясно, какъ звукъ трубы среди безмолвія могилы. Всѣ вострепешулись, и обратили взоры въ одну сторону: голосъ раздавался изъ самаго конца залы. Рослый незнакомецъ вытащилъ изъ подъ своего платья небольшой трехструнный инструментъ, нѣсколько похожій на новѣйшія люти и запѣлъ:

БАЛЛАДУ О РОЛЛѢ.

«Изъ Блоа къ Санлису, волна за волною, идетъ норманскій потокъ; и Франкъ за Франкомъ бѣжитъ передъ кровавымъ приливомъ; не остается за ними ни одного замка не преданнаго огню; всѣ жены оплакиваютъ супруговъ; всѣ осиротѣлые дѣти зовутъ отцовъ. Бѣгутъ къ королю Карлу бароны въ броняхъ; а за ними дрожатъ земля подъ копытами грозной конницы Роллы.

«Король, король! вопіютъ смѣлые бароны: не спасутъ насъ щиты и латы; надемъ мы подъ норманской сѣкирою, какъ рожь подъ градомъ.» Стонутъ войны, плачутъ женщины, а все ближе и ближе, какъ черные вороны, на смертный пиръ, идутъ темныя хоругви Роллы.

«Говоритъ Карлъ король: «Гдѣ дрожатъ тысячи, устоятъ ли одному мнѣ! Когда война смущаетъ монхъ смѣлыхъ бароновъ, знать пора кончить войну. Идите, святые люди, съ крестомъ и молитвой, идите въ норманскій лагерь, и пастырскимъ посохомъ заманите въ овчарню грознаго язычника, Роллу.

«Я отдамъ ему весь берегъ морской, отъ Горы Святаго Михаила до Эвры; дамъ ему дочь свою, Жилью, въ невѣсты, чтобы скрѣпить нашъ союзъ; пусть онъ только поцѣлуетъ крестъ Христовъ, и вложитъ языческій мечъ въ ножны; и пусть держитъ земли, которыхъ не могу удержать, леномъ отъ короля своего Карла.» И пошли пастыри церкви, исполнять долгъ пастырскій и обязать золотымъ словомъ львиныя ребра Роллы.

«Съ святою пѣсню, входятъ монахи въ грозный лагерь; среди своей дружины стоитъ Ролла Норманъ, выше всѣхъ головою. И говоритъ ему франкскій архіепископъ, благочестивый и мудрый служитель Божій: «К чему война и кровопролитіе, когда миръ и богатство ждутъ одного твоего слова? К чему опустошать нашу землю, самую благословенную подъ сводомъ небеснымъ, на

которой самъ ты можешь сѣять и жать? Прислажь насъ король сказать тебѣ Ролль:

«Отдамъ я тебѣ весь берегъ морской отъ Горы Святаго Михаила до Эвры; дамъ тебѣ дочь любимую, Жилью, въ невѣсты, чтобы скрѣпить нашъ союзъ; ты поклонись только нашему Богу, и вложи свой языческій мечъ въ ножны, и, какъ сынъ Церкви, держи свою землю левомъ отъ короля твоего Карла.»

«Смотритъ Норманъ на свою дружину, и выходитъ посоветоваться съ нею. Сжалилось небо надъ Франками, тронуло сердце грознаго Роллы.

«Идетъ онъ назадъ, и говоритъ смиренному архіепископу: «Беру я берегъ морской, что даетъ мнѣ король, отъ Горы Святаго Михаила до Эвры; беру я въ придачу невѣсту, будь она хороша или дурна; принимаю и вѣру твою. Иди же назадъ, и скажи своему государю, пусть держитъ онъ слово крѣпко, и будетъ ему сыномъ покорнымъ, а Церкви вѣрнымъ слугою, князь великій Ролла.»

«Черезъ рѣку рубежную Эпту, идетъ Ролла Норманъ. Окруженный баронами, въ Сенъ-Клерѣ сидитъ на престолѣ король. Въ Карлову руку, руку кладетъ онъ; радость имъ рукоплещетъ народъ; но на глазахъ короля выступили слезы — крѣпко пожатіе руки грознаго Роллы! — «Къ ногѣ приложися, говоритъ епископъ, какъ подданный вѣрный.» — Брови наморщилъ и зло улыбнулся свирѣпый Ролла.

«Беретъ онъ ногу, будто хочетъ къ ней приложиться; ропшутъ Норманы; но тронъ покачнулся и падаетъ Карлъ назадъ головою. Радостно Норманы смѣются, блѣднѣютъ въ ужасѣ Франки. А Ролла поднимаетъ голову, какъ вѣтромъ нагнутая мачта: — «Поклонитесь Богу я обѣщала, а не тебѣ Карлу... не цѣлую я ноги, бѣжавшей передъ врагомъ...»

Нѣтъ словъ, чтобы выразить восторгъ норманскихъ гостей при этой грубой пѣснѣ, о которой этотъ блѣдный прозаическій переводъ даетъ только слабое понятіе; и не такъ можетъ быть радовался онъ пѣсни, какъ самому пѣвцу; присутствіе короля удержало ихъ отъ радостныхъ кликовъ, когда онъ допѣлъ послѣдній стихъ, и болѣе ста голосовъ повторилъ съ восторгомъ.

— Тайльферъ, нашъ Норманъ Тайльферъ!

— Клявусъ, любезный братъ и король, воскликнулъ Вильгельмъ, съ непринужденнымъ смѣхомъ: я не зналъ, что дерзкій языкъ моего воина пѣвца можетъ оскорбить нашъ слухъ такою пѣснью.

Прости смѣлость пѣсни ради благородной души. Я знаю — тутъ въ лицѣ герцога выразилась тревожная дума — что только какая-нибудь важная и неприятная вѣсть изъ монахъ безпокойныхъ владѣній, могла привести изъ-за моря этого гуся-риемоплета.... позволь своему служителю привести ко мнѣ мою пѣвчую птицу, которая, боюсь я, на этотъ разъ окажется и зловѣщею.

— Чтò угодно тебѣ, будетъ и мнѣ угодно, отвѣчалъ Эдуардъ сухо; и отдалъ приказаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ богатырская фигура знаменитаго воина-поэта выдвинулась на средину залы, между столами; впереди шелъ слуга, а сзади монахъ. Оба гостя сбросили свои фаты назадъ, и открыли два совершенно противоположныя лица, но равно достойныя возбужденнаго ими любопытства. Лицо баяна было открыто и ясно, какъ день; лицо монаха мрачно и спокойно, какъ ночь. Густые, темно-каштановые (самаго обыкновеннаго цвѣту у Нормановъ) кудри въ вольномъ беспорядкѣ окружали огромный, гладкій лобъ Тайльфера; въ свѣтлокарихъ глазахъ горѣли смѣлость и разумъ; уста были осѣнены веселою, но нѣсколько насмѣшливою и лукавою улыбкою. Вся его фizioномія отличалась пріятностію и богатырствомъ.

У монаха, напротивъ, щеки были впалыя и блѣдныя: красивыя и тонкія черты лица, высокій, но нѣсколько узкій лобъ, вырытый бороздами глубокой думы; въ скромной, и кроткой фizioноміи видно было однако же спокойное сознаніе собственнаго достоинства. Безъ шуму, спокойно, съ сознаніемъ своего превосходства передъ силою мечей и латъ, шелъ ученый среди этого собранія богатырей и воиновъ.

Зоркій глазъ Вильгельма съ удивленіемъ и гордостью, почти гнѣвно остановился на монахѣ; потомъ, обращаясь къ Тайльферу, подходившему къ эстрадѣ, онъ сказалъ ему почти съ дружескою простотою:

— Ну, здорово ли, братъ-рыцарь?... какія бы ты вѣсти мнѣ ни привезъ, радостныя или печальныя, твое веселое лицо во это разъ пріятнѣе моихъ глазамъ нежели твоя грубая пѣсня ушамъ. Преклони колѣно, Тайльферъ, передъ королемъ Эдуардомъ, да смотря, злодѣй, не ударь лицомъ въ грязь, какъ нашъ несчастный землякъ передъ королемъ Карломъ.

Но король Эдуардъ, которому наружность пѣвца-богатыря бы-

да такъ же не по сердцу какъ содержаніе его пѣсни, отодвинулъ назадъ свои кресла какъ-можно далѣе, и сказалъ:

— Не нужно, не нужно, мы увольняемъ тебя отъ труда, молодецъ.

Поэтъ однако же преклонилъ колѣна, а за нимъ и монахъ съ видомъ глубокаго умиленія. Потомъ оба встали, и по звуку герцога перешли по другую сторону стола, и стали за стуломъ Фисборна.

— Монахъ, сказалъ Вильгельмъ, пристально взглянувъ на желто-блѣдныя щеки монаха; я, кажется, съ тобою давнишній знакомый, *per la resplendar Dé*, если духовенство хотѣло прислать мнѣ посла, не мѣшало бы избрать по крайней мѣрѣ аббата.

— Гмъ! возразилъ Тайльферъ съ досадою: не обижай моего добраго товарища, графъ Нормановъ. Придетъ время, ты пожалуй самъ поблагодаришь его еще болѣе чѣмъ меня; пѣвецъ поетъ раздоръ, а мудрецъ можетъ возстановить согласіе.

— А! отвѣчалъ герцогъ. И такъ нахмурилъ брови, что глаза подъ ними казались только двумя огненными искрами. — Угадываю; вѣрно мои гордые вассалы возмущаются?... Теперь можешь удалиться съ товарищемъ и ждите меня въ моей комнатѣ. Не слѣдуетъ ниру останавливаться въ Лондонѣ, оттого, что вѣтеръ поднялъ шквалъ въ Руанѣ.

Послы поклонились молча, и вышли.

— Не съ прискорбными вѣстями, надѣюсь? сказалъ Эдуардъ, не слушавшій разговору герцога съ послами, веденнаго почти шопотомъ. — Нѣтъ расколу въ твоей церкви?... Монахъ, кажется, человекъ миролюбивый и смиренный.

— А если бы и случился расколъ въ моей церкви, отвѣчалъ суровый герцогъ, мой братъ епископъ нигомъ разсѣветъ его такими доводами, что убѣдительно и быть не можетъ.

— А! ты вѣроятно, хорошо знаешь каноны, преподобный Одо? сказалъ король, обращаясь къ епископу съ большимъ почтеніемъ, нежели оказывалъ ему прежде.

— Да, у меня свои каноны! Мы объясняемъ постановленія папы римскаго согласно потребностямъ нашего норманскаго царства; и горе тому, кто вздумаетъ перетолковать нашъ толкъ!...

Эти слова епископъ произнесъ такимъ грознымъ и свирѣпымъ голосомъ, что Эдуардъ отодвинулся отъ него, какъ отодвинулся передъ тѣмъ отъ богатырской фигуры Тайльфера. Черезъ нѣсколько минутъ, помѣнявшись знаками съ герцогомъ, который

съ нетерпѣніемъ ждалъ случая удалиться, но слишкомъ уважалъ обычай, чтобы позволить себѣ это невѣжество, король всталъ изъ-за стола. Гости послѣдовали его примѣру; кромѣ, впрочемъ, нѣсколькихъ пожилыхъ Саксонцевъ, и неисправимыхъ Датчанъ; они оставались на своихъ лавкахъ до-тѣхъ-поръ, пока не переселились съ лавокъ на каменный полъ; послѣ чего уже на разсвѣтъ, очутились они на дворѣ, разставленные въ рядъ, и бережно приклоненные къ стѣнѣ дворца; подлѣ нихъ стояли ихъ терпѣливые слуги съ факелами въ рукахъ, и смотрѣли на своихъ господъ съ тайною завистью, которой предметомъ былъ не столько ихъ сладкій сонъ, какъ доставившія его снадобья.

II.

— Ну, теперь, мессиръ Тайльферъ, давай сюда твои вѣсти, сказалъ Вильгельмъ, ложась на узкую, длинную кровать, съ высокими рѣзными боками, будто въ ящикъ. Такія кровати въ то время считались верхомъ изящества и моды.

Въ комнатѣ герцога находились только графъ Фицсборнъ, владѣлецъ Бретѣльскій, по прозванію Гордый, съ особенною важною державшій передъ огнемъ широкій полотняный плафрокъ (dogmitorium, по тогдашней варварской латыни), въ который повелитель его долженъ былъ завернуться для отдохновенія *; Тайльферъ, стоявшій передъ герцогомъ какъ римскій ратникъ на часахъ; и въ сторонѣ монахъ, сложивъ руки подъ рясою, и, вперивъ свои блестящіе черные глаза въ полъ.

— Великій, могучій государь, сказалъ Тайльферъ торжественно и съ выраженіемъ почтительнаго участія; вѣсти мои такія, что лучше ихъ высказать разомъ: Бюнасъ, графъ д'Э, потомокъ Ричарда-Безстрашнаго, поднялъ знамя возмущенія.

— Далѣе, сказалъ герцогъ, стиснувъ руку.

— Генрихъ, король Французовъ, ведетъ переговоры съ бунтовщикомъ, возбуждаетъ царство твое къ возстанію, и воздвигаетъ претендентовъ на твой престолъ.

— А! воскликнулъ герцогъ, и губы его задрожали; — все ли?

— Нѣтъ еще, государь; еще худшее впереди. Дядя твой, Могерь, зная, что ты желаешь поспѣшить бракомъ своимъ съ вы-

* Нѣсколько поколѣній повдѣе этотъ ночной плафрокъ былъ брошенъ и какъ Саксонцы, такъ и Норманны стали спать какъ дикари, *naie*.

оскорбленную Матильдою Фландрскою, опять возсталъ въ твою отгугтвинъ, и мутить противъ тебя народъ въ палатахъ и съ церковной кафедръ; объявляеть, что бракъ этотъ кровосмѣшеніе, потому что заключается въ незаконныхъ колѣнахъ, и потому что Адель, мать твоей нареченной невѣсты, была обручена съ твоимъ дядею Ричардомъ; и грозитъ Могеръ отлученіемъ отъ церкви, если ты не откажешься отъ своего намѣренія! Такія смуты въ твоемъ царствѣ, что я, не дожидаясь рѣшенія совѣта, да боюсь, чтобы въ случаѣ промедленія не пришлось нести тебѣ еще ужаснѣйшую вѣсть, сѣлъ на корабль въ твою шербургскомъ портѣ и не сходилъ съ сѣдла, почти не бралъ куска въ ротъ, пока не могъ сказать преемнику Рольфа-Основателя: — Спаси свое царство и свою невѣсту!

— Ого! вскричалъ Вильгельмъ, и въ гнѣвъ вскочилъ съ постели. — Слышишь, Фицосборнъ? Семь лѣтъ добивался я и просилъ... и вотъ на осьмой годъ говорятъ мнѣ: «Вырви любовь изъ своего сердца!» — Отлучить хотять меня отъ Церкви... меня! Вильгельма, сына Роберта-Дьявола! Нѣтъ, Богъ свидѣтель! скорѣе Могеръ самъ увидитъ отца въ его адскомъ образѣ, нежели посмѣется надъ нахмуренною бровью сына!

— Государь, сказалъ Фицосборнъ, оставивъ свое занятіе и вставая съ мѣста: ты знаешь, что я самый преданный твой другъ и самый вѣрный подданный; знаешь, какъ я старался о томъ чтобы уладить твой бракъ съ графинею Фландрскою, не только потому, что этотъ бракъ угоденъ твоему сердцу, но и потому что я его считаю истинно полезнымъ твоему царству; и несмотря на все это, я охотѣе посоветую тебѣ жениться на послѣдней нищѣ въ Нормандіи, чѣмъ презирать запрещеніе церкви и подвергаться папскому гнѣву и отлученію.

Вильгельмъ, ходившій все это время скорыми шагами по комнатѣ, какъ разъяренный левъ въ своей берлогѣ, вдругъ остановился, пораженный этою снѣлою рѣчью.

— Ты ли мнѣ это говоришь, Вильгельмъ Фицосборнъ, ты ли? Говорю тебѣ, хотя бы все духовенство христіанской церкви и всѣ бароны Франціи стали между мною и моею невѣстой, я и тогда пробилъ бы себѣ путь сквозь нихъ всѣхъ. Враги идутъ войною на мое царство, — пускай; цари составляютъ противъ меня заговоры, — я презираю ихъ; подданные возмущаются противъ меня, — эта рука довольно сильна, чтобы покорить, а сердце довольно великодушно, чтобы простить ихъ. Все это евангеліе,

къ которымъ правящій людьми долженъ быть приготовленъ; но человекъ имѣеть такое же право на свою возлюбленную, какъ олень на свою лань. И кто похищаетъ у меня это право, тотъ мнѣ врагъ и злодѣй, не какъ Норманскому герцогу, а какъ человеку. Помните это, — и ты и твои гордые бароны, — и берегитесь.

— Имѣють право гордиться твои бароны, отвѣчалъ Фицсборнъ, покраснѣвъ и съ такимъ взглядомъ, котораго, казалось, не заставлялъ потупиться и самый грозный государь: — они сыновья твоихъ витязей, которые завоевали норманское царство и признавали въ Роллѣ только феодальнаго вожда вольной дружины, вассаловъ, а не рабовъ. И будь увѣренъ, герцогъ Вильгельмъ, что твои гордые бароны не поколеблются исполнить то, что считаютъ своимъ долгомъ... потому что угрозы для насъ все равно что вѣтеръ, когда дѣло идетъ о защитѣ Церкви и нашихъ правъ.

Герцогъ взглянулъ на кичливаго вассала взглядомъ, въ которомъ менѣе неустрашимый духъ прочелъ бы рѣшеніе своей участи; жиды надулись жгутами на его широкихъ вискахъ, пѣна начала собираться вокругъ дрожащихъ устъ. Но какъ ни вспылчить и неукротимъ, Вильгельмъ былъ не менѣе проинцателемъ и остороженъ. Въ этомъ человекѣ онъ видѣлъ представителя твоихъ непобѣдимыхъ витязей, и того избраннаго племени, которые явили величайшіе примѣры воинской доблести и благороднаго заступленія за правду и законъ. Кромѣ того Фицсборнъ былъ обыкновенно самымъ ревностнымъ поборникомъ его воли, и его вліанію въ советѣ онъ часто бывалъ обязанъ исполненіемъ своихъ желаній и средствами къ веденію своихъ многочисленныхъ войнъ. Въ самомъ даже порывѣ своего гнѣву, онъ чувствовалъ, что поднять руку на эту смѣлую голову, значило низвергнуть въ прахъ собственный свой престолъ; онъ понималъ также, какъ велика была власть той церкви, которая могла такъ мгновенно возставитъ противъ него сердце самаго преданнаго служителя. Въ душу его западало несправедливое подозрѣніе — потому что, несмотря на видѣнную откровенность, правъ его былъ салоненъ къ подозрительности, — что Фицсборнъ уже былъ переманенъ на сторону Мегера и его единомышленниковъ, и заодно съ ними отроилъ ковы противъ его бракосочетанія. Поэтому онъ прибѣгнулъ къ своему изумительному искусству скрывать свои мысли и чувства — мрачной чертѣ его характера, которой онъ былъ обязанъ многими своими успѣхами; нахмуренный лобъ его

мгновенно прояснился и онъ сказалъ тихимъ, но трогательнымъ голосомъ :

— Если бы духъ какой сошелъ съ облаковъ и предрекалъ мнѣ, что Вильгельмъ Фицесборнъ будетъ говорить такимъ языкомъ своему родственнику и сподвижнику въ часъ нужды и душевнаго страданія, я бы не повѣрилъ ему. Но оставимъ это....

Не успѣлъ онъ досказать послѣднихъ словъ, какъ Фицесборнъ былъ уже у ногъ герцога, и, сложивъ руки, вскричалъ:—Прости, государь, прости меня; сердце вѣрное разрывается, когда ты говоришь такіа рѣчи. Приказывай, и воля твоя будетъ моею судьбою... Пошли меня во Фландрію, я ворочу твою невѣсту.

И въ то же время крупныя слезы струились по его смуглымъ щекамъ. Едва приметная улыбка мелькнула на губахъ Вильгельма, недостойнаго этой благородной слабости своего друга. Онъ дружески сжалъ руку, схватившую его руку, и сказалъ:—Встань, вотъ такъ долженъ говорить братъ съ братомъ.

Но гнѣвъ герцога не утихъ, онъ былъ только подавленъ силою воли, и искалъ предмета, на который бы можно было ему излиться. И какъ нарочно попалось ему на глаза нѣжное, задумчивое лицо монаха, который стоялъ все время въ сторонѣ, и молча слушалъ бурное объясненіе, не смотря на убѣжденія Тайлфера вытѣшаться въ него.

— А, монахъ, воскликнулъ Вильгельмъ; помнится мнѣ, что когда Могеръ въ первый разъ далъ волю своему строптивому языку, ты поддеривалъ его безмозглый бунтъ своимъ ученымъ хлѣбомъ? И помнится мнѣ, что я изгналъ тебя за то изъ своего царства?

— Нѣтъ, мой господинъ и герцогъ, отвѣчалъ монахъ, съ важною и въ то же время лукавою улыбкою; позволь мнѣ напомнить тебѣ, что, желая скорѣе выпроводить меня на родину, ты изволилъ всеиспытывѣе прислать мнѣ лошадь, ходившую только на трехъ ногахъ, потому что на четвертую была совершенно хрома. Я отправился на этомъ борзomъ конѣ, и встрѣтилъ тебя на пути; поклонился тебѣ, и скотина моя также, и такъ низко, что едва не ткнула мордою въ землю; потомъ я сказалъ тебѣ, играя словами, по латыни, что ты долженъ бы по крайней-мѣрѣ дать мнѣ на дорогу четвероногое животное а не треногое. Гнѣвы были твои слова, но милостивъ голосъ и усмѣшка. Государь, слова твои присуждали меня къ изгнанію, но смѣхъ изрекалъ прощеніе и я остался.

Несмотря на гнѣвъ свой, Вильгельмъ не могъ удержаться отъ улыбки; однако же, опомнившись, онъ сказалъ строгимъ голосомъ:— Теперь не время шутить, монахъ. Ты, безъ сомнѣнія, посланецъ строгаго Могера, или кого другаго изъ моего любезнаго духовенства; и прибылъ, вѣроятно, съ кроткими рѣчами и трогательными увѣщаніями. Напрасный трудъ. Я почитаю какъ должно святую церковь; это извѣстно нашему святому отцу, папѣ. Но я люблю Матильду Фландрскую, и давно ищу ея руки. И Матильда Фландрская сядетъ подлѣ меня, или въ моихъ руанскихъ чертогахъ или на палубѣ моего военного корабля, пока онъ не станетъ на якорѣ у берега, достойнаго сдѣлаться новымъ царствомъ сына морскихъ королей.

— Сядетъ подлѣ Вильгельма въ руанскихъ чертогахъ, а можетъ быть и на англійскомъ престолѣ, сказалъ монахъ, яснымъ, тихимъ—торжественнымъ голосомъ, и если я, докторъ правъ и павійскій священникъ, переплылъ море, и явился къ тебѣ, то это за тѣмъ только, чтобы сказать тебѣ, что я раскаяваюсь въ прежнемъ необдуманномъ повинновеніи Могеру; что я съ-тѣхъ-поръ самъ изучилъ законы, рассмотрѣлъ примѣры прежнихъ лѣтъ, и нашелъ, что бракъ твой подходитъ подъ разрядъ тѣхъ союзовъ, на которые есть причины и примѣры разрѣшенія; вотъ за чѣмъ я пріѣхалъ къ тебѣ.

— Ну что, Ролло, что? вскричалъ Тайльферъ, съ обычною своею живостью и съ громкимъ смѣхомъ; зачѣмъ не хотѣлъ ты мнѣ вѣрить, государь?

— Если ты меня не обманываешь, сказалъ изумленный Вильгельмъ, и если оправдаешь свои слова, ни одинъ прелатъ во всей Невстріи, не подниметъ головы выше тебя, кромѣ, разумѣется, епископа Одо. — Съ этими словами Вильгельмъ, хорошо умѣвшій проникать въ самые глубокіе изгибы человѣческой души и мысли, устремилъ свой орлиный взоръ на спокойное, строгое лицо монаха, и послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ, довольный результатомъ своего осмотра: — Да, разумъ говорить мнѣ, что ты не могъ бы говорить такъ смѣло и спокойно, если бы не имѣлъ достаточнаго основанія. Ты нравишься мнѣ, монахъ.... Какъ тебя зовутъ.... я все забываю твое имя.

— Ланфранкъ Павійскій, иногда прозывающійся въ твоемъ Бекскомъ монастырѣ Ланфранкомъ ученымъ. Не гнѣвайся на эту смѣлость со стороны простаго священника, не имѣющаго даже шитры; я по рожденію дворянинъ, и вся моя родня находится

около престола нашего святѣйшаго отца папы, и пользуется его благорасположеніемъ; я самъ извѣстенъ ему. Мнѣ стояло только пожелать почестей, и я безъ труда стяжалъ бы ихъ въ Италиі; но я этого не хотѣлъ. Я не требую награды за услугу, которую предлагаю тебѣ; развѣ только одного — досугу и книгу въ Бекскомъ Монастырѣ.

— Сядись, монахъ... сядись же, сказалъ Вильгельмъ еще болѣе пораженный, но не безъ нѣкотораго подозрѣнія. Объясни мнѣ только одну загадку, если хочешь чтобы я вполне вѣрнулся тебѣ и отдалъ сердце свое въ твои руки. Если ты не желаешь награды, изъ чего же тебѣ, чужеземцу, такъ усердно служить мнѣ?

Яркій, но спокойный лучъ блеснулъ въ глазахъ ученаго, и живой румянецъ заигралъ на его блѣдныхъ щекахъ.

— Государь, я буду отвѣчать тебѣ безъ изворотовъ; во сначала позволю мнѣ самому сдѣлать нѣсколько вопросовъ.

Монахъ обратился къ Фицосборну, который сидѣлъ на скамейкѣ у ногъ Вильгельма, и, опершись подбородкомъ на руку, съ благоговѣніемъ слушалъ слова ученаго; не столько изъ почтенія къ его духовному саву, сколько изъ удивленія тому неодолимому вліянію, которое этотъ человѣкъ явно пріобрѣталъ надъ его собственнымъ воинственнымъ духомъ и надъ желѣзною волею Вильгельма.

— Ты любишь славу, Вильгельмъ, владѣтель Бретельскій, и не ради ли самой славы?

— Такъ, клянусь честью, отвѣчалъ баронъ.

— А ты, Тайльферъ, поэтъ, не ради ли самой пѣсни любишь ты пѣснь?

— Ради одной пѣсни, отвѣчалъ богатырь-пѣвецъ. Въ одной звучной строкѣ болѣе золота, чѣмъ во всѣхъ казнахъ Сарациновъ.

— И ты можешь еще удивляться, ты, читающій въ человѣческихъ сердцахъ, продолжалъ монахъ, обращаясь опять къ Вильгельму, — что ученый любитъ науку ради самой науки? Родившись изъ благороднаго дому, но бѣдный вещественными средствами и слабый тѣломъ, я равно стяжалъ богатство въ книгахъ, и силу въ наукѣ. Дошелъ до меня слухъ о графѣ Руанскомъ и Норманскомъ, какъ о государѣ, имѣвшемъ небольшія владѣнія, но великомъ духомъ, покровителѣ наукъ и искусномъ военачальникѣ. И я пришелъ въ твое царство, изучилъ народъ и государя, и въ сердцѣ моемъ раздался слова Оемистокловы: «Я не мастеръ

играть на лютиѣ, но зато умѣю изъ малаго государства сдѣлать великое царство.» Я душою привязанъ къ тебѣ и къ твоему неустрашимому и бурному поприщу. Въ отношеніи къ союзу, къ которому стремится твое сердце съ такимъ необузданнымъ упорствомъ, я могъ бы сочувствовать тебѣ въ этомъ стремленіи, можетъ-быть... (тутъ грустная улыбка быстро мелькнула на блѣдныхъ устахъ ученаго). Весьма естественно, что я, сначала, повиновался приказаніямъ Могера, тѣмъ болѣе, что за него говорилъ законъ; но рѣшившись оставаться вопреки твоему приговору, изгонявшему меня изъ твоихъ владѣній, я въ то же время рѣшился содѣйствовать тебѣ; потому что, если за Могера — точная буква закона, за тебя говорило чувство человечества. Герцогъ Вильгельмъ, съ брачнымъ союзомъ твоимъ съ Матильдою Фландрскою связано благо твоего герцогства, и можетъ-быть благо еще болѣе могущественныхъ царствъ, на которыя ты призванъ. Царство твое ново и еще не упрочено, права твои оспариваются; тебѣ болѣе чѣмъ кому-либо должно сроднить свой родъ съ древнимъ родомъ королей и цесарей. Матильда внука Карла Великаго и Альфреда. Царство твое не ограждено отъ опасности, пока Франція можетъ подкапывать его кознями и угрожать ему оружіемъ. Женись на дочери Балдуина — супруга твоя будетъ племянницею Генриху Французскому, и врагъ твой станетъ тебѣ родственникомъ и, слѣдовательно, союзникомъ. Это еще не все; взгляни на смутное положеніе англійскаго королевства: бездѣтный король, любящій тебя болѣе своей родной кровью; дворянство въ вѣчныхъ расприхъ между собою, уже теперь съ жадностью бросающееся на чужеземные нравы и обычаи, и привыкшее переходить отъ Саксонца къ Датчанину, и отъ Датчанина къ Саксонцу; народъ, уважающій, правда, храбрыхъ вождей, но привыкшій видѣть каждый день новыхъ людей, и потому потерявшій уваженіе къ древнимъ родамъ; и, наконецъ, несметное количество черни и рабовъ, которымъ нѣтъ дѣла ни до государства, ни до вождей: взгляни на все это, и потомъ скажи, не должно ли быть мечтою всей твоей жизни — увидѣть вскорѣ норманскаго государя на престолѣ саксонской Англій? А бракъ твой со внучкою мудрѣйшаго и самаго любимаго государя, царствовавшего когда-либо въ этой странѣ, если не дастъ тебѣ право на престолъ, всё-таки поможетъ тебѣ снискать любовь народа, и утвердитъ свое потомство на престолѣ его прадѣда по матери. Довольно ли этого, чтобы доказать, что

папа для блага общаго долженъ расширить тѣсныя предѣлы закона? довольно ли, для того чтобы мнѣ удостоиться порученія доказать римскому двору, какъ благоразумно будетъ съ его стороны списать любовь и подкрѣпить могущество норманскаго графа, который можетъ такимъ образомъ сдѣлаться главною опорою христіанства? довольно ли, чтобы доказать, что смиренный ученый можетъ смотрѣть на мірскія дѣла глазами человѣка, умѣющаго изъ малыхъ государствъ дѣлать великія царства?

Вильгельмъ молчалъ: суевѣрное благоговѣніе овладѣло его честолюбивою душою; смиренный ломбардскій монахъ такъ хорошо угадалъ и высказалъ политическіе замыслы, которые сливались въ его сердцѣ съ упорною любовью къ фламандской принцессѣ, что слова его казались герцогу отголоскомъ собственнаго его сердца, или голосомъ прорицателя, открывавшему ему самыя завѣтныя его думы.

Монахъ продолжалъ:

— Размысливъ все это, я сказалъ себѣ: Теперь наступила тебѣ пора, Ланфранкъ Ломбардецъ, испытать на дѣлѣ, не были ли твои гордые помыслы однимъ обманомъ, или ты, нищій тѣлесными силами и вещественными средствами, въ этотъ вѣкъ желѣза и корысти, точно можешь одною силою ума и знанія имѣть болѣе вліянія на судьбы князей, чѣмъ ихъ дружины и золото. Я вѣрую въ свое могущество, и готовъ испытать его. Подумай.... разсуди самъ изъ того, что тебѣ говорилъ твой вѣрный Фидосборнъ, какое дѣйствіе произведетъ на твоихъ бароновъ, приговоръ твоего дяди, если папа утвердитъ его? Войска отступятся отъ тебя; золото въ твоихъ сундукахъ обратится въ сухія листья; герцогъ Бретанскій потребуетъ твоего герцогства, какъ отчины своихъ предковъ; герцогъ Бургундскій соединится съ королемъ Французскимъ и пойдетъ на твои ненадежныя дружины подъ знаменемъ Церкви. Огненная рука начертитъ первый приговоръ на стѣнахъ твоего дворца, и твой шитъ и вѣнецъ падутъ въ прахъ.

Вильгельмъ стиснулъ зубы и дыхнулъ съ усиленіемъ.

— Пошли меня только своимъ посломъ въ Римъ, и угрозы Могера будутъ безсильны. Потомъ женись на Матильдѣ, введи ее супругою въ свои палаты, посади ее на свой престолъ, смѣйся надъ приговоромъ своего предателя дяди, и будь увѣренъ, что папа пришлетъ тебѣ разрѣшеніе на бракъ и свое благословеніе твоему брачному ложу. Когда же все это будетъ исполнено, не

хочу я отъ тебя, герцогъ Вильгельмъ, ни аббатствъ, ни прелатствъ; покупай книги, учреждай училища, и прикажи своему служителю основать царство науки, какъ самъ ты основываешь царство воинской силы.

Герцогъ въ восторгѣ вскочилъ съ постели и бросился къ монаху, сжалъ его въ своихъ мощныхъ объятіяхъ, цѣловалъ его въ лобъ и щеки, какъ цѣловалъ въ то время король короля — поцѣлуемъ любви и мира.

— Ланфранкъ Павійскій, вскричалъ онъ, успѣешь ли ты, или не успѣешь въ своемъ предпріятіи, ты стяжалъ на вѣки мою любовь и благодарность. Родись я въ твоемъ званіи, и будь я сложенъ и воспитанъ какъ ты, я говорилъ бы точно такъ же какъ ты говоришь. По истинѣ, я самъ краснѣю своей надменной и невѣжественной похвалы, что никто не подниметъ моей палицы и не согнетъ моего лука. Жалка сила рукъ — тонкая паутина подъячихъ опутаетъ ее... одно слово изъ устъ монаха можетъ ее уничтожить. Но ты... дай мнѣ всмотрѣться въ тебя.

Вильгельмъ долго глядѣлъ на это блѣдное, худощавое лицо; осматривалъ съ ногъ до головы это вѣжное, хрупкое тѣло; потомъ, отворотившись отъ него, сказалъ Фицосбору:

— А ты, котораго жилистая рука привыкла однимъ ударомъ поражать ратнаго коня, не стыдишься ли ты самого себя?... Наступаетъ день, — я вижу вдали его зарево, — день, когда эти слабые люди попрутъ ногами наши панцыри.

Онъ замолкъ, сталъ опять задумчиво ходить по комнатѣ, и наконецъ остановился передъ Распятіемъ и иконою Богородицы, стоявшими въ углубленіи надъ изголовьемъ кровати.

— Ты правъ, государь, сказалъ монахъ тихимъ голосомъ. Тутъ долженъ ты испрашивать разрѣшенія всѣмъ загадкамъ; передъ этимъ символомъ всетерпящей силы, долженъ ты размышлять о цѣляхъ силы на землѣ, — и постигать отчетъ, который потребуется отъ нея... тамъ!... Мы оставимъ тебя, чтобы не тревожить твоихъ размысленій и молитвы.

Монахъ взялъ Тайльфера подъ руку, почтительно поклонился Фицосбору, и вышелъ съ своимъ богатыремъ-товарищемъ.

III.

На слѣдующій день Вильгельмъ провелъ все утро запершись съ Лаврашомъ, этимъ представителемъ прешудости своего вѣка, о которомъ современники говорили, что для того, чтобы объять всю его мудрость и весь кругъ его знанія, надо быть вторымъ Геродіаномъ въ грамматикѣ, Аристотелемъ въ діалектикѣ, Цицерономъ въ риторикѣ, Августиномъ и Иеронимомъ въ богословіи. Между-тѣмъ отдавно было приказаніе, чтобы въ полдень все готово было къ отъѣзду знатаго гостя на родину.

Народъ толпился на полянѣ передъ дворцомъ; рѣка была покрыта лодками знатнѣйшихъ гражданъ; все это собралось посмотреть на воинственныхъ рыцарей и на богатыхъ коней герцога, стоявшихъ за отворенными воротами, и съ востернѣишемъ ожидавшихъ трубныхъ звуковъ, которые должны были возвѣстить отправленіе ихъ вожда. На внутреннемъ дворѣ, передъ входомъ дворца стояла собственная его прислуга съ лошадьми; подлѣ бѣлоснѣжнаго коня Одо, и бурога жеребца Фидосборна, съ удивленіемъ смотрѣли зрители на малорослую лошадку, въ самомъ простомъ убранствѣ. Какъ попала эта лошадка среди ратныхъ коней, которые сами, казалось, негодовали на ея товарищество? гордый конь герцога наострялъ уши и фыркалъ, бурый жеребецъ барона Бретельскаго, сердито билъ копытомъ землю, когда бѣлая кляча смиренно подходила свести съ ними знакомство; а у бѣлаго бербера епископскаго глаза отъ гнѣву налились кровью; опустивъ уши, онъ готовъ былъ наскákatъ на подлаго труженника, печально попавшаго въ такой знатный кругъ, и едва не вырывался изъ рукъ конюховъ.

Между-тѣмъ герцогъ задумчиво шелъ въ покояхъ короля Эдуарда. Въ прихожей стояла толпа аббатовъ и рыцарей, и между всѣми, опершись на двуострый мечъ, отличался высокій, статный старикъ, котораго одежда и борода напоминали предъидущее поколѣніе, сподвижниковъ Кавута Великаго и Эдмунда Желѣзныя Ребра. Величественный видъ старика, представлявшій разительную противоположность натянутому платью и бритымъ подбородкамъ окружающихъ, поразилъ герцога и вырвалъ его изъ глубокой думы; онъ не могъ понять, почему престарѣлый богатырь, очевидно принадлежавшій къ знатнѣйшимъ вождямъ, не явился на пиръ, данный въ его честь, и даже не былъ ему представ-

лень; увидѣвъ графа Гирфордскаго, подходившаго къ нему съ дружескимъ привѣтствіемъ, онъ спросилъ имя и званіе почтеннаго бородача въ широкомъ, старинномъ кафтанѣ.

— Неужели вы его не знаете? сказалъ веселый графъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Это великій соперникъ Годвина; герой Датчанъ, какъ Годвинъ былъ героемъ Саксонцевъ; истинный сынъ Одина, Сивардъ, графъ Нортмберцевъ.

— Да, да! припоминаю... слава его неразъ доходила до моего слуху, а я могъ бы ухъать пзъ Англіи, не видавъ знаменитаго витязя, если бы не встрѣтилъ его нечаянно теперь.

Съ этими словами, герцогъ почтительно подошелъ къ старику, снялъ шапку и привѣтствовалъ его тѣми лестными рѣчами, которыми Норманы научились уже при Франкскомъ дворѣ.

Гордый графъ встрѣтилъ его холодно, и хотя Вильгельмъ говорилъ на романскомъ языкѣ, отвѣчалъ ему по-датски:

— Извѣдй, графъ Нормановъ, если престарѣлыя уста мои слышкомъ сроднились съ роднымъ языкомъ. Мы оба, кажется, ведемъ свой родъ изъ далекихъ скандинавскихъ странъ; позволь же Сиварду говорить тѣмъ же языкомъ, которымъ говорили морскіе короли. Старый дубъ не пересаживается; а старикъ дорожитъ почвою, на которой выросла его юность.

Герцогъ съ трудомъ понималъ рѣчь старика; онъ прикусилъ губы; но отвѣчалъ вѣжливо:

— Юношество всѣхъ народовъ можетъ учиться у знаменитыхъ старцевъ. Стыжусь я, что не могу бесѣдовать съ тобою на языкѣ праотцевъ, но я молю небо послать спокойный конецъ твоему славному поприщу.

— Не моли за Сиварда, сына Беорнова, прервалъ старикъ съ досадою: не хочу я коровьей смерти, хочу умереть смертью витязя, въ крѣпкихъ латахъ, съ мечемъ въ рукѣ и шлемомъ на головѣ. И такая будетъ моя смерть, если король Эдуардъ прочтетъ мнѣ челобитную и уважить мою просьбу.

— Я довольно силенъ у короля, сказалъ Вильгельмъ: скажи мнѣ, чего ты желаешь, я буду ходатайствовать за тебя.

— Сохрани насъ Богъ, отвѣчалъ надменный графъ, чтобы чужеземецъ управлялъ англійскимъ королемъ, и чтобы тегъ и графъ нуждался въ другомъ ходатайствѣ, кромѣ своей вѣрной службы и праваго дѣла. Если Эдуардъ дѣйствительно такъ благочестивъ,

какъ объ немъ говорятъ, то онъ самъ пошлетъ меня на изчадь ада, безъ всякаго совѣту, кромѣ голосу собственной совѣсти.

Герцогъ устремилъ пытливый взоръ на Рольфа, который по- нялъ вопросъ, и отвѣчалъ:

— Сивардъ убѣждаетъ моего дядю вступить за Малькома Кумбрійскаго противъ кровожаднаго хищника Макбета; и если бы не несчастная распря съ измѣнникомъ Годвиномъ, король давно послалъ бы войско въ Шотландію.

— Не называй измѣнниками, молодой человекъ, сказалъ Сивардъ въ негодованіи, тѣхъ, которые, въ чемъ бы они не провинились, возвели твоего дядю на престолъ Канута.

— Молчи, Рольфъ, подхватилъ герцогъ, замѣтивъ, что молодой Норманъ обидѣлся, и намѣренъ былъ отвѣчать. Но я полагаю,— правда, что я плохо знаю раздоры и распри англійскихъ вождей,— что Сивардъ заклятый врагъ Годвину?

— Врагъ, когда онъ былъ на верху счастья, но другъ въ несправедливомъ говеніи, отвѣчалъ старикъ. А если Англія будетъ нуждаться въ защитникахъ, когда я и Годвинъ будемъ въ могилѣ, одинъ только остается человекъ достойный славныхъ лѣтъ старины; имя его - Гарольдъ, изгнанникъ.

Какъ онъ умѣлъ Вильгельмъ скрывать волненія своей души, лицо его замѣтно измѣнилось при этомъ ненавистномъ имени; онъ кивнулъ слегка головою и отошелъ въ досадѣ.

— Гарольдъ, Гарольдъ! шепталъ онъ: вѣчно Гарольдъ! каждый храбрый витязь говоритъ мнѣ о Гарольдѣ. Сами мои норманскіе рыцари произносятъ это имя съ невольнымъ почтеніемъ!— враги,—и тѣ отзываются о немъ съ похвалою; въ изгнаніи онъ буд- то бросилъ тѣнь свою на всю страну!

И забывъ обычную свою пріятливость, герцогъ проталкивал- ся сквозь толпу, отталкивая слугъ, хотѣвшихъ идти впередъ, и вошелъ безъ доклада въ особенную комнату Эдуарда.

Король былъ одинъ, но онъ говорилъ велухъ самъ съ собою, размахивалъ руками, и всегда спокойная, безстрастная наружность его такъ измѣнилась, что Вильгельмъ отступилъ въ безпокойствѣ и почти со страхомъ. Часто слышалъ онъ стороною, что въ послѣдніе годы являлись иногда Эдуарду видѣнія, что онъ сбрасывалъ земныя оковы и переносился въ міръ духовъ и тѣней: Вильгельмъ не сомнѣвался, что печально засталъ его въ такомъ стран-

номъ припадкѣ. Глаза короля были устремлены на него, но онъ очевидно не замѣчалъ его присутствія; протягивалъ къ нему руку, и стоналъ голосомъ полнымъ страданія и тоски.

— *Сангелакъ, Сангелакъ!... Озеро-Крови!... вздымаются волны... кровавыя волны!... Бѣги... бѣги... сюда... сюда...—* И онъ судорожно хватился за руку Вильгельма. — Нѣтъ! вотъ складываются груды труповъ.... выше и выше.... вотъ конь Апокалипсиса топчетъ мертвыхъ въ собственной ихъ крови....

И онъ упалъ, задыхаясь, на грудь Вильгельма. Герцогъ, содрогаясь отъ ужаса, взялъ его на руки, и положилъ на постель подъ великолѣпнымъ багдахикомъ, усыпаннымъ его гербами, безпогибными и крестами. Эдуардъ мало-по-малу приходилъ въ чувство; тяжелые вздохи вырывались изъ его груди; наконецъ онъ приподнялся на постели, и осмотрѣлся вокругъ себя; очевидно было, что онъ совсѣмъ не помнилъ того, что представлялось его воображенію, потому что онъ сказалъ съ обычнымъ, сонливымъ спокойствіемъ.

— Благодарю тебя, любезный Вильгельмъ, что ты разбудилъ меня отъ несвоевременнаго сна. Какъ твое здоровье?

— Не о моемъ здоровьи надо заботиться; какъ твое, возлюбленный другъ и король? тревожные сны посѣтили тебя?

— Не думаю; я спалъ такъ крѣпко, что едва ли могло мнѣ сниться. Но ты уже собрался, кажется, въ путь? шпоры на ногахъ, и посохъ въ рукѣ?

— Уже давно, любезный хозяинъ, послалъ я брата Одо предупредить тебя о вѣстяхъ, которыя я получилъ изъ Нормандіи, и которыя принуждаютъ меня поспѣшить возвращеніемъ въ свое государство.

— А! помню, помню, сказалъ Эдуардъ, проводя блѣдными, женскими пальцами по лбу. Язычники встаютъ на тебя.... Ахъ. любезный братъ, не лучше ли, пока не ушло еще время, поискать себѣ мирнаго убѣжища и сложить съ себя всѣ земныя заботы?

Вильгельмъ улыбнулся и покачалъ головою. — Нѣтъ, благочестивый Эдуардъ, сколько я насмотрѣлся на жизнь, ошибаются тѣ, которые воображаютъ, будто въ тихомъ уединеніи сердце спокойнѣе бьется, чѣмъ подъ воинскими доспѣхами, среди дѣлъ и заботъ.... Но мнѣ пора: благослови меня въ путь.

Онъ преклонилъ колѣно передъ королемъ, и Эдуардъ протя-

нулъ руки надъ его головою, благословилъ его, и снявъ съ шеи дорогое ожерелье изъ жемчугу и неточеныхъ камней, надѣлъ его на мощную шею герцога. Потомъ онъ всталъ, и хлопнулъ въ ладони. Отворилась небольшая дверь, ведшая въ его молельню, и на порогѣ явился монахъ.

— Святой отецъ, исполнены ли всѣ мои приказанія? выдалъ ли мой казначей, Гюголайнъ, дары, о которыхъ я приказывалъ?

— Все исполнено, погреба, сундуки и ризницы, конюшни и сокольни почти опустѣли, отвѣчалъ монахъ, бросая изъ подлѣбы злобный взглядъ на Нормана, котораго глаза заблестали при этомъ отвѣтѣ свойственною его племени жадностью.

— Дружина твоя не пойдетъ отсюда съ пустыми руками, сказалъ Эдуардъ. Отецъ твой приютитъ изгнанника въ своихъ чертогахъ, и изгнанникъ не забываетъ единственнаго утѣшенія королей — возможности платить за добро. Мы, можетъ-быть, болѣе не увидимся, Вильгельмъ, старость одолеваетъ меня, а кто наслѣдуетъ послѣ меня, окруженный терніями престола?

Вильгельму хотѣлось отвѣчать, открыть пожиравшую его надежду, напомнить двоюродному брату данное въ юности еще обѣщаніе, что графъ нормандскій будетъ преемникомъ его окруженнаго терніями престола; но присутствіе саксонскаго монаха удержало его; да и встревоженный видъ Эдуарда не клонилъ его къ такому откровенію.

— Надѣюсь только, продолжалъ король, что твои преемники будутъ жить съ моими въ такомъ же мирѣ и такой же любви, какъ и мы съ тобою.

— Аминь, отвѣчалъ герцогъ. По-крайней-мѣрѣ разставаясь съ тобою, я знаю, что ты избавленъ отъ кичливыхъ бунтовщиковъ, которые столько времени возмущали миръ твоего царства. Надѣюсь что ты уже не позволишь въ другой разъ дому Годвиновъ воздвигать свои крѣпости выше твоего дворца?

— Будущее въ рукахъ Божьихъ и его святыхъ, отвѣчалъ слабый Эдуардъ. Но Годвинъ старъ, еще старше меня и удрученъ горестями и несчастіями.

— Да; но еще болѣе должно страшиться его сыновей, и не давать имъ возстать снова.... особенно Гарольду!

— Гарольду? онъ всегда былъ смиренъ и послушенъ; онъ одинъ изъ всего дому; по истинѣ, сердце мое стѣнуетъ о Гарольдѣ, сказалъ король вздыхая.

— Изъ змѣннаго яйца, что можетъ вылупиться кромѣ змѣи? раздави ее, пока не вылупилась! возразилъ Вильгельмъ сурово.

— Ты говоришь разумно, отвѣчалъ слабый Эдуардъ, который не могъ, не только три дня, но даже три минуты оставаться при одномъ мѣшѣн. — Гарольдъ въ Ирланди: пускай тамъ и остается; лучше будетъ для всѣхъ.

— Для всѣхъ, повторилъ герцогъ. И такъ, святые да хранять тебя подъ своимъ покровомъ, благочестивый государь.

Онъ поцѣловалъ королю руку, и вышелъ въ залу, гдѣ Одо, Фицосборнъ и Ланфранкъ ждали его. И въ тотъ же день, на дорогѣ къ городу Доверу ѣхалъ герцогъ Вильгельмъ, и рядомъ съ его сѣрымъ берберомъ переваливалась съ боку на бокъ смиренная лошадка монаха.

За ними ѣхала дружина герцога, съ телѣгами и вьючными мулами, нагруженными кладью и дарами Эдуарда; валлійскіе сокола, и цѣныя лошади съ суррейскихъ пастбищъ и съ кембриджскихъ и юрскихъ равнинъ, не менѣе дорогихъ каменьевъ, золотыхъ цѣпей и шитыхъ нарядовъ свидѣтельствовали о щедротахъ благодарнаго короля.

Впередъ разосланы были гонцы, предупредить о проѣздѣ герцога, котораго не ждали такъ скоро, и готовить ему надлежащій приѣмъ въ городахъ; знатнѣйшіе юноши Англіи, въ особенности принадлежавшіе къ враждебной извѣстному Годвину партіи, выѣзжали на дорогу, взглянуть на славнаго вождя, который съ пятнадцатилѣтняго возраста, считался самымъ грознымъ бойцомъ въ христіанствѣ. Всѣ эти юноши были въ норманскомъ платьѣ; въ городахъ норманскіе графы держали ему стремя, когда онъ сходилъ съ лошади, и норманскіе содержатели гостиницъ давали ему великолѣпные пиры. Наконецъ къ вечеру слѣдующаго дня, Вильгельмъ увидѣлъ хоругвь одного изъ своихъ любимыхъ бароновъ, передъ отрядомъ войскъ, выходящимъ изъ Доврской Крѣпости, ключа ко всему англійскому берегу. Онъ обратился къ Ломбардцу, ѣхавшему рядомъ, и сказалъ:

— Англія не часть ли уже Нормандіи?

— Яблоко почти уже созрѣло, отвѣчалъ Ланфранкъ, и первое дуновеніе вѣтру собьетъ ее къ твоимъ ногамъ. Не протягивай къ нему руки слишкомъ рано; дождись, чтобы вѣтръ сдѣлалъ свое дѣло.

— Какъ ты думаешь, сказалъ герцогъ, такъ думаю и я. Но *однимъ* только вѣтеръ въ поднебесьѣ можетъ принести яблоко къ ногамъ чловѣка....

— Какой же это вѣтеръ?...,

— Вѣтеръ, который повѣетъ съ береговъ Ирландіи и надуетъ паруса Гарольда, сына Годвинова.

— Ты боишься этого чловѣка? зачѣмъ? спросилъ Ломбардецъ съ участіемъ.

— Потому что въ груди Гарольда — сердце Англіи.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

САМУИЛЬ РИЧАРДСОНЪ

И ЕГО ЭПОХА.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Постараемся теперь отыскать нѣкоторыя подробности нравовъ обычаевъ и привычекъ англійскаго народа, чтобъ понять Ловласа и Клариссу. Вольтеръ, безъ сомнѣнія, могъ бы быть хорошимъ проводникомъ, но въ его наблюденіяхъ слишкомъ много энтузіазма; и потому имъ нельзя очень довѣряться; онъ усиливается быть острымъ; даже въ его похвалахъ видны когти. Возьмемъ въ чичероне человѣка болѣе спокойнаго, и, что всего важнѣе — болѣе Англичанина. Постараемся составить себѣ понятіе о тогдашнемъ англійскомъ обществѣ по произведеніямъ комическихъ авторовъ, которые въ точности изучили это общество; призовемъ на помощь, напримѣръ, Аддисона: можемъ ли мы желать руководителя болѣе благомыслящаго и истиннаго, сатирика болѣе благосклоннаго, человѣка болѣе снисходительнаго? Онъ избираетъ предметомъ для наставленія то, что Ричардсонъ приводитъ въ дѣйствіе; онъ изображаетъ въ массахъ ту толпу, которую романнстъ заставляетъ говорить въ частности. Аддисонъ изъ-

ображаетъ тысячи мелкихъ подробностей, которыя составляютъ «физиономію народа. Напримѣръ, какія книги читались въ каждомъ хорошемъ англійскомъ домѣ въ 1720 году? Въ гостиной каждаго порядочнаго, богатаго горожанина Лондона мы находимъ: «Невинныя радости сельской жизни», «Мечты графини Кентской»; на туалетѣ модной женщины: — послѣднюю брошюру, «Все уступаетъ любви»; трагедія, игранная въ прошедшемъ мѣсяцѣ, «Невинное предательство,» лежитъ рядомъ съ трактатомъ «Арифметика патриархальнаго правительства,» и съ «Исторією великихъ ораторовъ, путающихся въ своихъ рѣчахъ.» Иногда разговариваютъ объ успѣхѣ комедіи: «Любовь порождаетъ любовь,» въ которой роль кавалера Симпсона заставила хохотать весь Сити. Рыцарскіе романы еще въ модѣ; Англичане вѣрятъ еще въ рыцарей, прекрасныхъ дамъ, въ битвы съ великанами. Дуэли производятъ очень часто, въ своей обыкновенной формѣ; шалля надвинута на брови, заѣрское молчаніе, одинъ, два удара, отдыхъ, объясненіе, миръ. Госпожа Докорисъ, Конгрева — сатира, которую считаютъ верхомъ совершенства въ насмѣлкѣ: поэтъ рисуетъ портретъ одной развращенной женщины, такими рѣзкими чертами, которыя въ наше время сильно взволновали бы жеманную стыдливость Англичанокъ. Забавляются надъ странною претензією французскаго книгопродавца явившагося въ Лондонъ съ грузомъ проповѣди. Отъ времени до времени появляются въ свѣтъ тайкомъ ѣдкіе политическіе памфлеты, то проливной дождь анонимныхъ сатиръ. Одна партія даетъ другой порядочные толчки перомъ; оскорбленные ограничиваютъ свое мщеніе сожалѣніемъ о томъ, что законъ двѣнадцати таблицъ, который наказывалъ смертью, кто въ пасквилѣ оскорбитъ честь римскаго гражданина, — болѣе не существуетъ. Эти наглые, желтые, оскорбительные памфлеты задѣвали особъ самыхъ почтенныхъ; они были писаны болѣею частію мѣщанами, жадными къ приклепаніямъ; насъ удивило бы даже, еслибъ господинъ Гарло отецъ Клариссы не былъ одинъ изъ числа покровителей этого рода жалкихъ писаекъ. И что-жъ удивительнаго? Англичане какъ и всѣ люди, страстны къ новостямъ. *Est natura hominum novitatis avida.* Летучіе листки составляютъ наслажденіе посѣтителей тавернъ. Каждое утро прибываютъ новости изъ Парижа, Брюсселя, Гааги, изъ всѣхъ большихъ городовъ Европы; и какъ Англичане, во время войнъ, привыкли къ новостямъ, то привычка къ злословію журнала осталась и во время мира. Живые слухи распускаемые партіями теперь въ модѣ болѣе нежели когда нибудь. Не говорите ни о но-

вой глѣнѣ, ни о новой повѣсти, васъ не будутъ слушать; вѣнчайте на виговъ если я торн, и на торн если я вигъ; это въ обычаѣ, это много не оскорбляетъ.

Вотъ новое, одиннадцатое изданіе «Путешествія изъ этого свѣта въ другой», Джона Беніена. Вотъ объявленіе о новомъ журнальѣ, «Газета темныхъ слуховъ», наполненная безконечнымъ количествомъ городскихъ «говорятъ будто». Карикатура, эта околдованная сатира, составная часть гонія англійскаго народа, которая дѣлаетъ всѣ странности, насмѣхается въ Англии, не только надъ перомъ Ричардсона и Фильдинга, но и надъ карандашомъ отличнѣйшихъ рисовальщиковъ; этотъ родъ насмѣшки посредствомъ карандаша, изобрѣтенъ Итальянцами; они называютъ слишкомъ льстивый портретъ — карикатурами. — Скоро выйдетъ въ свѣтъ остроумная сатира: «Исторія сочиненій, написанныхъ невѣждами, для употребленія въ республикѣ людей ничего непишущихъ.» Однимъ словомъ, страсть писать и юморизировать овладѣла Англичанамъ; когда сѣмена этой насмѣшливости скинутъ въ сердцахъ впечатлѣмыхъ или разочарованныхъ, то болѣзнь не можетъ уже быть выдечена нигдѣ кромѣ Бедлема.

Англичане этой эпохи думаютъ только о томъ какъ бы нажить состояніе, или сдѣлать карьеру при дворѣ; они горды своею народностью; они любятъ, чтобъ въ рѣчь свою проновѣдникъ вложилъ нѣсколько латинскихъ цитатъ, хотя понимаютъ ихъ вполнѣ. Молодые люди смѣются надъ бракомъ, и прославляютъ благодѣніе холостой жизни. Они соединяются впрочемъ узани бракъ въ Гретна-Гринѣ, съ возможностью развода въ перспективѣ, и кончаютъ тѣмъ, что привыкаютъ къ яру супружеской жизни. Англичанинъ гордится своимъ правительствомъ. Библию вы увидите въ рукахъ каждаго, но ради Бога не говорите о религіи, они избѣгаютъ такихъ разговоровъ; люди степенные покраиваются отъ одной мысли быть похожими на пуританъ Кроули. Простой народъ суевѣренъ: онъ вѣритъ въ сны и примѣты, онъ совѣтуется съ колдунами и знахарями. Города и деревни населены цыганками, всегда готовыми предсказывать судьбу тому кто протягиваетъ имъ руку и полугинею. Вообще англійской простой народъ утратилъ свое природное простодушіе, свою благородную, великодушную откровенность; его рѣчь исполнена прикѣстствій, комплиментовъ, ораторскихъ предосторожностей; модныя фразы лишили языкъ естественности, испортили национальный характеръ. Англичанинъ того времени, задумавши быть представителемъ своего отечества въ парламентѣ, рѣшается неслышанно

вѣтъ униженія: вы его видите во вѣсѣхъ харчевняхъ; нѣтъ такой грязной, старой бабы, съ которой бы онъ отказался чокунуться стаканами; печальная картина страсти возвышается черезъ нивести! Наконецъ онъ въ парламентѣ, и вы видите передъ собою говорящую статую; несчастный ораторъ неподвиженъ, взоръ его не имѣетъ силы, жесты — граціи; голосъ его однообразенъ, ему недостаетъ всего, и голосу, и блеску, и вдохновенію, и тысячи условій, безъ которыхъ нѣтъ оратора. Посредственный парламентскій ораторъ, онъ также однообразный скучный адвокатъ. Онъ защищаетъ своего кліента, запустивъ руки въ карманы, устремивъ взоры на клочекъ бумаги; самые искусные изъ нихъ держать въ рукахъ шляпу, которая становится первую жертвою находящаго на нихъ вдохновенія. Совершенно противное видимъ мы въ англійскихъ поэтахъ: сколько неловки ораторы въ своихъ рѣчахъ, столько поэты смѣлы; они свободно повинуются внутреннему призыву, они умѣютъ находить въ пространствѣ, и формы, и краски, звуки, и мечты! страсть, идеалъ, очарованіе!

Между этими разнообразными характерами, мы встрѣчаемъ такіе сильные, какихъ нельзя найти нигдѣ кромѣ Англій. Въ это время Англичанъ очень занималъ рядъ изображеній *жизни негодяя*; этотъ негодяй былъ блестящею игрушкою клуба *женщинъ*, и, по-крайней-мѣрѣ въ изображеніи, далеко оставилъ за собою Ловласа. Сколько мы встрѣчаемъ праздныхъ людей, которые рѣшились не ставить ни въ грошъ всего человѣчества: они ѣдятъ когда имъ хочется ѣсть, спятъ когда ихъ клонитъ сонъ; пьютъ или спа или водку; одѣваются по своему, остаются тамъ, гдѣ имъ хорошо; недостаетъ только, чтобъ ихъ отправили въ домъ сумасшедшихъ. Деревенскій джентельменъ проводитъ свою жизнь на охотѣ или на рыбной ловлѣ.

Уже въ это время Англичане были большіе охотники до рѣдкостей; ученый и искусный лондонскій книгопродавецъ, почти современникъ Ричардсона, Робертъ Додли написалъ маленькую комедію, въ которой вывелъ на сцену торговца рѣдкими вещами: «Мы живемъ въ вѣкѣ пустяковъ, говоритъ онъ, и не уважаемъ ничего кромѣ ихъ.» Въ этой лавкѣ продаются драгоценныя древности; тамъ пожалуй вамъ продадутъ обручальное кольцо Адама и Евы, локопъ волосъ Самсона, завернутый въ кусокъ маітін Юсіфа, слезу Александра Великаго, кусокъ сѣти Вулкана, флейту изъ слоновой кости, на которой игралъ Кассій Гракхъ, и которая успоковвала гнѣвъ трибуна.

А женщины, о, статья эта безконечна! Вольтеръ видѣлъ толь-

ко горячихъ и герцогинь, Аддисонъ видѣлъ всякаго рода женщинъ. Вотъ нѣсколько портретовъ, взятыхъ съ природы, и набросанныхъ имъ на скоро. *Ученая женщина.* Она разсуждаетъ о свойствахъ магнита, но не знаетъ, что стоитъ фунтъ масла; она читаетъ Локка, а не разумѣетъ какъ дѣлается слоеное тѣсто. Лидія жила счастливо въ своемъ замкѣ, въ провинціи; къ ней иногда приходила въ гости жена пастора, и они передавали другъ другу рецепты какъ дѣлать мази, сиропы, припарки, желудочныя каши; Лидіи наконецъ надоѣла деревенская жизнь; въ одно прекрасное утро она пріѣзжаетъ въ Лондонъ наслаждаться городскими удовольствіями. Конечно, она пустилась въ свѣтъ. Вы ее видите всюду, въ Гайдъ-Паркѣ, въ комедіи, въ оперѣ, вездѣ, одѣтою по послѣдней картинѣ «Записной книжки англійскихъ леди». Флоринда женщина холодная, ничто ее не тревожитъ, ничто ее не трогаетъ, она едва вынмаетъ тому что ей говорятъ. Есть женщины, которыхъ ничто не удивляетъ, которыя смѣлы въ своихъ отвѣтахъ, съ которыми можно все себѣ позволить, она не краснѣетъ, она никогда въ своей жизни не краснѣла; злословіе для этихъ молодежькихъ женщинъ, невинный разговоръ. Есть пороки, который былъ общій тогдашнимъ англійскимъ женщинамъ: безпорядокъ въ нарядѣ, растрепанное платье, душно причесанные волосы, грязное бѣлье, истинный ядъ для супружеской вѣрности. *Неопрятна какъ Ирландка, воспитанная во Франціи*—пословица того времени.—У Партенисы, у которой прелестей и вздыхателей было болѣе, нежели у какой нибудь другой дѣвцы въ Великобританіи, сдѣлалась оспа; она оставлена всѣми обожателями, то есть всѣмъ свѣтомъ. Партенисса неутѣшна. Коринна гораздо благоразумнѣе, она утѣшилась, потерявъ красоту, призвавъ на помощь любезность, прекрасный характеръ. Молодые женщины, не гордитесь слишкомъ своимъ прекраснымъ личикомъ, не портите его принужденностью и притворствомъ, будьте добры и обходительны; предоставьте герцогинямъ Друри-Лева причесываться au sévère, au sarcisieux, à la parfaite aimable. Если говорить о хорошенькихъ Англичаночкахъ, говорите уже объ этой доброй Сильвіи, знающей все; она и поетъ и ведетъ книга, она танцуетъ жигу, и умѣетъ дѣлать чудесный чай; она вавзустъ знаетъ «Полную хозяйку» и послѣдній нумеръ «Моднаго журнала»; ей неуживо читать опыты характеровъ, чтобы быть любимой и любезной между тѣмъ какъ сестра ея Марса, страдающая печенью, вялая и печальная, дуется сидя въ углу для того только, чтобы имѣть air negligé, это что-то, которое находятъ прелестнымъ.

У беременныхъ женщинъ самыя разорительныя прихоти; имъ необходимо имѣть богатую мебель, карету и пару темно-гнѣдыхъ лошадей, серебро и китайскій фарфоръ; имъ хочется мелкаго го-родку въ апрѣлѣ, и винограду въ маѣ. Впрочемъ, будто женщи-нѣ, на которую нападетъ страсть тратить деньги, нужно быть беременной, чтобъ разорить своего мужа: для этого достаточно самаго ничтожнаго предлога. Мы знаемъ одну, которая очарова-тельна, одарена всѣми талантами: она поетъ, танцуетъ, играетъ на арфѣ, рисуетъ, говоритъ по-французски, знаетъ по-итальянски, вышиваеъ по канвѣ; она обожаетъ науки, а науки-то именно и разоряютъ ее. Къ ней утромъ и вечеромъ являются учителя, ко-торымъ она платитъ страшныя деньги, она покупаетъ книги для своей библіотеки, краски и кисти для своей мастерской. Беллида, которую не должно смѣшивать съ Беллидою «Похищеннаго локо-ма», переходитъ отъ кокетливости къ остротамъ, отъ остротъ къ злословію. Она непремѣнно хочетъ ввести опять въ моду чеп-чикъ à la Henri IV, котораго оригиналь она отыскала на портре-тѣ своей тетки Дебборы, рисованномъ Неллеромъ. Заверните къ Беллидѣ часу въ десятомъ, это перекрестный огонь злословія: данъ скажутъ кто кого любитъ, вы услышите о господинѣ или госпожѣ *вы знаете кто*, котораго или которую застали, *вы зна-ете гдѣ*. Въ этой школѣ злословія, вы со всѣми подробностями узнаете исторію леди Фашъ и полковника Коттери; если вы хо-дите, вамъ растолкуютъ, какъ и почему дочь мистеръ Трина про-гуливалась въ Кепсинтонѣ, въ открытой коляскѣ, обитой свинымъ сукномъ, съ трѣмя напудренными гайдуками на запяткахъ. Обык-новенно засѣданіе оканчивается чтеніемъ нѣсколькихъ страницъ морали, которую хозяйка сочинила при помощи библіотеки коме-дій и романовъ.

Другая болѣе скромная и менѣе опасная, имѣетъ страсть къ шитью; что жъ тутъ дурнаго? Дурнаго то, что она шьетъ днемъ и ночью мантильи, юбки, передники, платки, кошельки; она на-дѣлаетъ четырехъ Француженокъ, которыя вышиваютъ ей маниш-ки, воротнички, манжетки, занавѣсы для оконъ и для кровати, табуреты и кресла. Бѣдный мужъ! отъ всѣхъ этихъ ковровъ, ко-торыя вышиваетъ твоя жена, ты скоро принужденъ будешь спать на соломѣ. Аптека, вотъ еще статья страшныхъ расходовъ для англійской дамы. Пластыри, порошки, fleurs d'orange, травы, ви-на застоеванныя на плодахъ, листьяхъ, ягодахъ, тысяча отврати-тельныхъ напоекъ, которыя вы должны глотать, когда вамъ говорятъ съ пріятной улыбкой: я сама это приготовила. Правда,

она выгадываетъ на платьѣ своего мужа, на жалованьи, которое она платитъ слугамъ, на воспитаніи своихъ дѣтей, которые воспитываются дома, чтобъ было какъ можно дешевле. Бѣдные дѣти! лакей замѣняетъ нѣтъ гувернера, странствующій актеръ—тащепальнаго учителя, бѣглый дезертиръ изъ Дюнкирхена учить ихъ по-французски.

Такъ ужъ созданы женщины. Оставляя въ сторонѣ даже «Магазинъ соблазнительныхъ исторій», мы не начертали еще всѣхъ ихъ страшностей. Мы укажемъ только на страсть нѣкоторыхъ женщинъ ѣздить верхомъ. Онѣ надѣваютъ мужскую шляпу съ перомъ, парикъ; завязываютъ себѣ косу лентою, или прячутъ ее въ мѣшокъ, въ подражаніе наѣздинкамъ мужчинамъ.

Нельзя не пожалѣть о лондонскихъ купцахъ: въ самое лучшее для торговли время для лавки ихъ наполняются щеголихами, которые вовсе не имѣя намѣренія купить, торгуютъ чай, экранъ, игельникъ, стаканы, блюда, тарелки, все, что привозится изъ Индіи, изъ Китая; и наконецъ выходятъ изъ лавки, какъ вошла въ нее, съ пустыми руками.

Святоша—злаязычна и сердита; она выдаетъ себя за врага всѣхъ невинныхъ удовольствій; въ карманахъ у нея не векша и не сурокъ, какъ повелѣваетъ мода, а какое-нибудь нравственное сочиненіе, которое она начинаетъ читать, какъ скоро замѣтитъ, что вы обращаете на нее вниманіе. На послѣднемъ бѣгу ослось, когда добряки деревенскіе жентельмены, въ своихъ парикахъ и бѣлыхъ португеляхъ, стараются другъ передъ другомъ говорить любезности дамамъ сидящимъ въ каретахъ, она посреди этой веселой шумной толпы вдругъ вздумала молиться, ворочая глазами съ самымъ лицемѣрнымъ видомъ. Другаго рода лицемѣрка, но болѣе извинительная, расписываетъ свое смуглое лице розами и лиліями, и только портитъ лицо и краски. Отчего вы, Орбицелла, краснѣете безпрерывно? У честной дѣвушки не должна быть каждую минуту краска на щекахъ. Но съ другой стороны, жалко смотрѣть на вѣчно-блѣдную женщину. Сабина, забытая въ своемъ пансіонѣ, куда она поступила свѣжая и живая, какъ цвѣтокъ, вышла оттуда блѣдая какъ смерть. Сначала она ѣла цѣлыми горстями гречневую крупу, потомъ лакомилась обломками старой глиняной трубки, пропитанной табакомъ, отъ трубочной глины мы перешли къ мѣлу, отъ мѣлу—къ красному сургучу, потомъ мы пожрали черный сургучъ съ похоронныхъ приглашеній, наконецъ намъ затрскомъ служила штукатурка садовой стѣны; теперь мы питаемъ ся углемъ.

То что въ Италіи называлось *чичисбео*, въ Лондонѣ называлось *обувателями*. Ни одна порядочная свѣтская женщина не могла обойтись безъ обувателя, преданнаго, ревностнаго, внимательнаго, довольнаго позволеніемъ вздыхать въ безмолвіи, истинно платоническаго чичисбео, остающагося обувателемъ до - тѣхъ - поръ пока не принцетъ обуви для своихъ собственныхъ ногъ. Чѣмъ болѣе дама—модница, тѣмъ больше при ней должно быть такихъ услужливыхъ малыхъ.

Танцы, это наука благопристойныхъ движеній; дѣвушка хорошей фамиліи не должна пренебрегать танцами, истиннымъ искусствомъ, но она никакъ не должна походять на танцовщицу по ремеслу. Мужчины временъ Клариссы были не слишкомъ въжливый, и въ доказательство слушайте, что говорить этотъ старичокъ джентельменъ, которой идетъ погулять на деревенскомъ праздникѣ: «Посмотрите на эту дѣвучку, которая прогуливается съ своимъ женихомъ. Прекрасный обычай! нечего сказать, онъ идетъ по сухой мостовой, возлѣ стѣны, а она идетъ по грязи.»

Всѣхъ Англичанокъ можно было раздѣлить на два класса, Пиктокъ и Бретанокъ. У Бретанки видъ живой, одушевленный, у Пиктки походка гордая, непринужденная. Еще очень недавно, изъ подражанія Француженкамъ, Пиктки и Бретанки позволяли прислуживать себѣ камердинерамъ, въ распоряженіе которыхъ они отдавали свой бюстъ: камердинеръ подавалъ имъ зеркало, камердинеръ причесывалъ имъ волосы. Одѣтая, нарумявленная франтиха принимала въ постели утренніе визиты, все изъ подражанія модницамъ Версаля. Приѣзжала ли она въ театръ, она старалась приѣхать въ то время когда пьеса уже началась, и какъ можно громче поздороваться со своими пріятельницами. Женщины цѣлуютъ другъ друга по французски, въ промежутокъ между бровами, чтобъ не испортить цвѣта лица. По положенію *мушки* вы можете отгадать къ какой политической партіи принадлежитъ друли-левская или коventъ-гарденская шеголиха. Мушка на правой щекѣ обличаетъ восторженную сообщницу виговъ, мушка на лѣвой—надменную торі; равнодушныя кладутъ мушки по обѣимъ сторонамъ лица.

Хотите ли составить себѣ понятіе объ образѣ жизни, которую ведетъ порядочный англійскій джентельменъ, современный дѣйствующимъ лицамъ Клариссы. Мы укажемъ вамъ на кавалера Коверли. Вы являетесь къ нему съ визитомъ:— вы тотчасъ должны выпить стаканъ превосходнаго напитку, въ составъ котораго входятъ вино, сливки, мускатный орѣхъ, взбитый лядъ и

сахаръ. Съ этой минуты вы гость навалера, вы у себя дома, вы хозяинъ, вы располагаете собою какъ хотите. Прислуга не многочисленна, но отлична; она составляетъ часть семейства, она умираетъ въ домѣ. Камердинеръ старѣе лѣтами барина, дворцовый сѣдъ какъ лунь, кучеръ похожъ на римскаго императора, конюхъ служилъ дѣду нынѣшняго своего господина; весь этотъ народъ любить другъ друга, и помогаетъ одинъ другому; старая собака спитъ въ одной канурѣ, для состарившейся верховой лошади есть стойло въ конюшнѣ, она провозила десять лѣтъ своего господина, и теперь отдыхаетъ. Слуги обожаютъ барина, погребъ снабженъ отличными винами, въ кухнѣ — всегда огонь, столовая въ зеркалахъ; наука комфорта — найдена и не остановится на этомъ. Капелланъ дома — почтенный пасторъ, который не слишкомъ знаетъ по латыни, не слишкомъ по-гречески, зато мастерски играетъ въ триктракъ. Каждое воскресенье онъ громкимъ голосомъ, доходящимъ до сердца, прочитываетъ которую-нибудь изъ прекрасныхъ проповѣдей архіепископа Тайлтсона, епископа Сандерсона, пастора Барро, доктора Калами. Господинъ Коверли не позволяетъ слугамъ своимъ носить свое старое платье, чтобъ лучше походять на господина. Каждый лакей имѣетъ свою одежду, предостереженіе не выходить изъ своей сѣеры. Кавалеръ экономенъ; чтобъ имѣть право быть щедрымъ; его фермеры увѣрены, что ихъ не будутъ тревожить въ неурожайные годы; его земли отданы въ наемъ дѣтямъ старыхъ слугъ. Столько же осторожный, какъ и благоразумный, онъ нашелъ свой замокъ слишкомъ великимъ для себя; все было запущено, исключая комнаты *домоваго*, въ которой никто не хотѣлъ жить, и въ которой безбоязненно поселились привидѣнія и выходцы съ того свѣта. Охота — лучшее его наслажденіе, и стѣны его столовой, увѣшанныя трофеями, въ случаѣ нужды готовы свидѣтельствовать объ искусствѣ и силѣ его руки. Охотничьи снаряды его хранятся въ арсеналѣ, наполненномъ ружьями различныхъ калибровъ, которыми онъ убилъ тысячи фазановъ, куропатокъ, бекасовъ; голова лисицы красуется надъ дверями конюшни; одна лисица, за которую онъ гнался пятнадцать часовъ сряду, стоила ему лошади и половинны его собакъ. Несмотря на всю свою честность, онъ съ большимъ удовольствіемъ стрѣляетъ дичь сосѣда, нежели свою собственную. Какъ жаль, что такой почтенный джентльменъ не женатъ, и, слѣдовательно, не можетъ передать въ потомство свое имя. Онъ назначилъ сто десятинъ земли на покупку брилліантовъ для своей будущей жены, пятьдесятъ дубовъ

тельства продолжают на Сѣверѣ. Какой-то иностранецъ, въ черномъ парикѣ, спросилъ меня: каковы фонды. Отъ двѣнадцати до часу гулялъ за городомъ. Вѣтеръ южный. Отъ часу до двухъ выкурилъ полторы трубки, въ два часа обѣдалъ. Appetitъ былъ хорошъ. Въ три часа меня разбудило упавшее оловянное блюдо. NB. Моя кухарка влюблена и не занимается своимъ дѣломъ. Отъ четырехъ до шести — въ кофейной. По извѣстіямъ изъ Смирны, великаго визиря сначала удавили, а потомъ ему отрубили голову. Въ шесть часовъ; пробылъ полчаса въ Котери, гдѣ никого еще не было. Низби думаетъ, что великій визирь не могъ быть удушенъ шестаго числа этого мѣсяца. Въ десять часовъ я легъ въ постель; проспалъ до девяти часовъ утра, не просыпаясь.

Четвергъ, девять часовъ. Пробылъ дома до двухъ часовъ, дождался кавалера ***. Онъ не принесъ мнѣ процентовъ съ моего капитала, какъ обѣщалъ. Въ два часа сѣлъ обѣдать. Вовсе нѣтъ аппетита. Пиво кисло, говядина слишкомъ солона. Въ три часа легъ спать. Между четырьмя и пятью далъ пощечину Родолюу и прогналъ кухарку. Послалъ записку кавалеру ***. NB. Я не былъ сегодня вечеромъ въ Котери; легъ спать въ девять часовъ.

Пятница. Все утро думалъ о безопасности кавалера ***, который явился ко мнѣ въ три четверти двѣнадцатаго. Въ полдень кушилъ новый набалдашникъ для моей трости и новую пряжку для башмаковъ. Выпилъ стаканъ полыннаго пива, чтобъ возбудить аппетитъ. Отъ четырехъ до шести я былъ въ кофейной. Низби думаетъ, что кофе съ сахаромъ вреденъ для головы. Въ шесть часовъ я отправился въ Котери и пробылъ тамъ довольно поздно. Въ полночь я легъ спать; мнѣ видѣлось во снѣ, будто я пью пиво съ великимъ визиремъ.

Суббота. Проснулся въ одиннадцать часовъ. Сдѣлалъ прогулку за городъ. Вѣтеръ сѣверо-восточный. Въ полдень меня засталъ сильный дождь. Въ часъ я вернулся домой и переѣхнулъ платье. Въ два часа Низби обѣдалъ со мною. Первое блюдо: мозгъ изъ бычачьихъ костей, второе — свиная голова; мы выпили бутылку вина отъ Брука и Гильфа. Въ три часа, я легъ спать, и спалъ очень долго. Въ шесть, я отправился въ Котери; едва не уналъ въ канаву. Великій визирь удушенъ, это вѣрно.

Вотъ нравы, законы, обычаи народа, посреди котораго являлась на свѣтъ, чтобъ бороться, и умереть, спокойною и покорною волею Провидѣнія, въ цвѣтѣ красоты и молодости, Кларисса Гарло, существо непорочное и святое. Изъ этихъ пороковъ, дурачества, странностей, безграницныхъ желаній, изъ этихъ глубокихъ ва-

блудной сердца человѣческаго, Ричардсонъ составилъ свою книгу. Въ возрастѣ сѣднѣ, умъ этого некусаемаго изобрѣтателя остался полнымъ юности, свѣжести, и, такъ сказать, дѣтскою прелестью. Онъ тотчасъ привелъ себя на память привычки повѣреннаго и писца, каковымъ онъ былъ въ пятнадцать лѣтъ, когда писалъ для своихъ юныхъ подругъ письма, для которыхъ онѣ доставляли ему страсти, горести, для того чтобы онъ далъ имъ форму и жизнь. Романъ Клариссы сдѣлался поэтому романомъ въ письмахъ, въ воспоминаваніе первыхъ лѣтъ жизни писателя: принявши однажды эту форму, авторъ, естественнымъ образомъ, былъ поставленъ въ необходимость изобразить въ малѣйшихъ подробностяхъ минимую порочницу, надобно признаться, наполненную тысячами мелочей, естественныхъ принадлежностей писемъ. Чтобы придать болѣе вѣроятності этому вымыслу, авторъ на самомъ дѣлѣ писалъ по письму каждый день, сегодня вопросъ, завтра отвѣтъ, сегодня за Клариссу, завтра за Ловласа, и эти письма еще скорѣе онъ читалъ женщинамъ своего семейства; онъ предпочиталъ соудокъ соудамъ; онъ страстно любилъ похвалы, чѣдъ очень похвалительно, если только мы не слишкомъ много считаемъ себя ихъ достойными; онъ страшился малѣйшей критики; заставить его писать хорошо могли только тронутое выраженіе лица, прекрасные глаза, исполненные любовнытства и слезъ, участіе и вниманіе, которыя способны имѣть только женщины, слушающія исторію любви.

Привыкнувъ слушать каждое утро и каждый вечеръ эти письма, которыя дѣлились какъ вода, авторъ и его слушатели стали вѣрить въ дѣйствительность существованія Клариссы. Они всею душою привязались къ этимъ страстямъ, къ этимъ бурямъ сердца. Слушатели то улыбались, то плакали; иголка выпадала изъ рукъ, мысль приковывалась къ этой драмѣ, въ которой раздавались тысячи воплей, выставившихъ изъ души человѣческой; пожелавъ женщины прислушивались къ звонкому голосу утраченной молодости; шмы дѣвушки, изволнованныя и задумчивыя, слѣдили душою за побѣдителемъ, котораго звали Ловласомъ. Безпрерывно раздавались похвалы, крики радости, и рыданія. Потомъ, мало-по-малу, по мѣрѣ того какъ драма шла впередъ, какъ миссъ Кларисса все болѣе и болѣе приближалась къ пропасти, начались мольбы: «О мистеръ Ричардсонъ, мистеръ Ричардсонъ, пощадите Клариссу! не убивайте ее! позвольте ей жить! спасите этого ангела! Сжалось надъ этой красотой, надъ этою шестнадцатилѣтнею добродѣтельною, надъ этимъ возрастомъ, когда все развивается!» Впро-

чемъ истребя были радованы. Необходимо ли, чтобъ добродѣтели была вознаграждена въ этомъ мірѣ? Въ этомъ заключался споръ, споръ, который усиливался еще болѣе вслѣдствіе обыкновенія драматическихъ англійскихъ писателей тогдашняго времени, умѣвшихъ располагать свои пьесы всегда такимъ образомъ, что особа великая и добродѣтельная въ несчастіи выходила изъ испытанія счастливою и торжествующею, то есть, выходила счастливо за-мужъ.

«Печальное понятіе о драмѣ и свѣтѣ, говорилъ Аддисонъ. Какое значеніе могутъ имѣть сожалѣніе, ужасъ, за что вы считаете будущую жизнь, если всякая добродѣтель necessarily должна получить награду въ этомъ мірѣ?» и Аддисонъ говорилъ правду. Лицосъры въ свѣтѣ и фальшивыя критики въ литературѣ много кричали противъ характера Лоулаза, въ которомъ они находили всѣ ради неопозволительныхъ преувеличній. Преувеличній!... Боже мой! Чего далеко нехотѣ, читайте безъ предубѣжденія приписаніе лорда Байрона, который сталъ идоломъ знаменитой школы поэтовъ и поэтовъ въ наше благонравное время! Что касается до любовныхъ похвалъ, то человекъ, который разъ побѣдилъ на веревкѣ коня лорда Байрона, едва ли найдеть приключательныя повѣстанья на темно-гнѣдой лошади Лоулаза. Въ жизни Байрона мы находимъ черты, достойныя Ричардсонаго героя, такое же безстыдство въ пороки, столько же хвастовства въ распутіяхъ. У лорда Байрона была своя Полин Гортензъ, но-крайней-мѣрѣ дѣтте покажемъ, жалкое существо, хорошенькое собой, живое, милое, миленькое, прекрасно сложеное, которое въ Брайтонѣ посѣщаетъ съ нимъ вѣтѣ лучшихъ общества. Она носила мужское платье, ѣдила верхомъ и называла Байрона бретонъ! Въ это время друзьями молодого лорда были нѣкто Джонсонъ, учитель божественнаго и сектованія, и нѣсколько другихъ особъ самаго дурнаго общества, которыми бы не пренебрегъ и Лоулазъ въ свое время. Лоулазъ потерялъ своего друга Мельтона, и едва сожалѣть объ немъ; Байронъ терзаетъ своего друга лорда Фалкленда, человека рѣдкихъ достоинствъ, но правотъ не слышавшъ строгихъ, убійнаго на дуэли истеронъ Поуленъ, и вотъ надгробная рѣчь, произнесенная Байрономъ.

«Въ воскресенье вечеромъ, я видѣлъ Фалкленда, когда онъ усталъ насъ обѣдомъ съ благородною гордостью добродушнаго гостепріимства; въ среду, въ три часа утра, передо мною лежалъ трупъ его, печальный остатокъ того, въ чемъ заключалось столько мужества, чувствительности, благородныхъ страстей.»

А удовольствіе, которое онъ находилъ обѣдать въ грязномъ трактирѣ въ Страндѣ, который онъ называлъ, maison sans gêne, потому что онъ могъ не снимать шляпы и ѣсть самый скверный обѣдъ въ обществѣ лавосей, подозрительныхъ женщинъ и мошенниковъ этой части города.

А эти ночныя прогулки по городу Байрона и его товарищей съ криками и пѣснями, которыя тревожили сонъ лорда Манселя. Мы молимъ тебя, выслушай насъ, Боллортъ! епископъ, кинувши гнѣвомъ, отворилъ окно и кричалъ имъ: *я знаю васъ*. Развѣ всѣ эти дурачества не были бы по душѣ Ломласу.

А эта исторія Мострая и Белоорда, которую рассказываетъ Байронъ: они употребили осемь дней на то, чтобъ прийти изъ Ньюгета въ Лондонъ. Щеголеватый Метьюсъ и остроумный Гобгоузь шли пѣшкомъ, и въ продолженіи осемнадцатого путешествія не сказали другъ другу ни слова. Когда они дошли до лондонской заставы, у Метьюса не было ни кофійки: Гобгоузь, сократившій три пенса, вынулъ на нихъ стаканъ пива, не подѣлившись съ Метьюсомъ. «О несчастіе, когда не остается ничего болѣе, какъ дѣлать себѣ враговъ, заводить интриги и писать стихи!»

Байронъ, Ломласъ, и всѣ эти молодые люди, веселые и остроумные, могли сѣбно подать другъ другу руку. Послѣ гордости, ихъ губить праздность. Безъ сомнѣнія молодость прекрасная вещь, но надобно же и употреблять ее на что-нибудь хорошее. Если бъ Байронъ рѣдился нѣсколькими годами ранѣе, если бъ онъ могъ присутствовать въ тѣхъ сраженіяхъ противъ Наполеона, которыя прославили Англію, если бъ онъ съ юности вступилъ въ военную службу, свѣлся съ ея трудностями, честолюбивыми видами, наградами, онъ сталъ бы храбрымъ воиномъ, чѣмъ не хотѣло бы ему быть и великимъ поэтомъ. Новое неудивительно, что при недостаткѣ какого-нибудь важнаго занятія эти люди съ сильнымъ характеромъ изъ одного безпорядка впадаютъ въ другой, и вмѣстѣ того, чтобъ оставить за собою слѣды славныхъ дѣлъ, оставляютъ рядъ грязныхъ, отаратительныхъ глупостей. И въ самомъ дѣлѣ никто не подверженъ такой опасности, какъ человѣкъ праздный, котораго душа требуетъ дѣятельности, во что бы то ни стало. Такіе люди способны вдаваться во всѣ наглоства, не заботясь о стыдѣ, который ихъ сопровождаетъ. Не зная ни въ чемъ середины, они вдругъ переходятъ отъ надменности, оскорбительной для всякаго, къ ласковости, которая можетъ палить только глупцовъ. Байронъ и Ломласъ смертель-

ные охотники до «острой стали». Что вы хотите? ихъ безграничное тщеславіе ищетъ себя помощника во всемъ, даже въ смертоубійствѣ; съ самой ранней молодости они приучаютъ себя гордиться дуэлью, которая, по ихъ убѣжденію, можетъ служить имъ извиненіемъ для многихъ наглостей, для многихъ преступленій. Готовый выѣхать изъ Англіи, которая возстала противъ него, убійца Клариссы считаетъ долгомъ предупредить о своемъ отъѣздѣ полковника Мордена; готовый оставить королевство, гдѣ общее мнѣніе преслѣдовало его какъ парію, лордъ Байронъ, распустившій свои гаремы, тоже останавливается на границѣ своего отечества, и, потрясая мечомъ, посылаетъ ей проклятія и угрозы, съ безпечною, роковою веселостію, à la Lovelace, которая занемеваетъ свою силу въ глубокой печали сердца, раздосадованнаго, охладѣвшаго, несчастнаго.

«Можетъ быть скажутъ, что я оставляю Англію, потому что публично оскорбилъ людей пользующихся всеобщимъ уваженіемъ; но я вернусь, потому что надѣюсь на ихъ мнѣніе. Да будетъ извѣстно тому кто знаетъ меня, что, если я оставляю отечество, то не потому, благодаря Бога, чтобы меня тревожила какая-нибудь политическая или литературная ненависть; тѣ которые меня не знаютъ, увидятъ, что я не такой человѣкъ, чтобы болтаться подобной ненависти. Едва книга моя была издана, узнали и носы и то, что я готовъ принять всѣ вызовы; я самъ вызывалъ многихъ, но на мой вызовъ не явился ни одинъ человѣкъ. О! безстрашные рыцари! но въ ваши дни храбрость принадлежитъ къ числу доблестей прошедшаго времени!»

Ловлазъ! Байронъ! но это одинъ и тотъ же языкъ, одинъ и тотъ же характеръ, одна и та же безнравственность! Читайте Дель-Жуана: не рисовалъ ли Байронъ самого себя въ этомъ ужасномъ тивѣ? кто не видитъ въ этомъ мнимомъ супругѣ донны Эльвиры на половину Байрона?

Одинъ Англичанинъ, человѣкъ серьезный, писалъ Байрону, что въ бумагахъ молодой женщины, только что кончившей жизнь свою, онъ Джонъ Шенардъ нашелъ молитву, писанную рукою покойницы, жены его Люси. — Прочтите ее, милордъ; вы не встрѣтите тутъ ни восторженности, ни блестящихъ стиховъ похвальной оды, которую написалъ вамъ великій поэтъ Франціи, Ламартинъ, но вы найдете христіанскую душу, несквернаемую любовь къ ближнему, проникнутую сознаниемъ правосудія Всевышняго.

Вотъ эта молитва, и на этотъ разъ надобно отдать ему спра-

величность, Байронъ не сказалъ, какъ Донъ-Жуанъ, пойдите ужимать! Онъ былъ тронуть до слезъ. — «Нѣтъ, говорилъ онъ, я не промѣняю молитвы этого усоншаго ангела, на соединенныя славы Гомера, Цезаря и Наполеона.»

«Боже мой, писала Люси Шепардъ, я вѣрую въ твое слово, дающее мнѣ бодрость и надежду, молить тебя за того, кто внушаетъ мнѣ это чисто братское участіе. Ты знаешь, за него я молю тебя! Онъ забылъ твой голосъ, Господи! но ты сама благодать, и ты научишь его въ исполненіи закона твоего искать покоя души, котораго онъ не обрѣтетъ ни въ славѣ, ни въ суетномъ шумѣ этого свѣта! Измѣни его сердце! Да исправитъ онъ своимъ приѣздомъ то зло, которое сдѣлалъ своими книгами! Солнце правды и истины, которое, по волѣ твоей, взойдетъ наконецъ надъ главою его, да будетъ столь же блестяще, какъ мрачны тучи, которыя собраны его ошибками.»

Нѣкоторые сравнивали Ричардсона съ Шекспиромъ; это величайшая честь для него. И въ самомъ дѣлѣ мы находимъ много сходства между этими двумя великими творцами драмъ, образовъ, мечтъ и героевъ. Тотъ и другой явились въ свѣтъ вслѣдъ за волненіями и упоеніями кровавыхъ переворотовъ. Шекспиръ ускользнулъ отъ Генриха VIII; Ричардсонъ отъ Кромвеля; рѣшительныя эпохи, когда гений народа, съ живостію возвращающагося здоровья, возвращается къ мирнымъ занятіямъ. Для Шекспира являются шумныя, блестящія празднества; для Ричардсона — мирная семейная жизнь; королева Елисавета предлагала своему народу блистательную пышность театра; королева Анна удерживаетъ его у домашнего очага. Все въ образѣ жизни становится болѣе правильнымъ и менѣе блестящимъ, болѣе строгимъ и менѣе вычурнымъ; люди не требуютъ столько какъ прежде дѣятельности, внутрь и внѣ себя, они ищутъ, не такъ какъ прежде, восторгъ и комедіантовъ, а моралистовъ и рассказчиковъ. Англія не успѣла еще вернуться къ балладамъ древнихъ дней своихъ, она возвращалась къ нимъ мало-по-малу, она читала уже Робинъ-Гуда, но она нашла романъ на своемъ пути, и остановилась. Изъ этого покоя она была выведена своими ораторами, своими историками, и въ наше время Байрономъ и Вальтеръ-Скоттомъ. Романъ — это немного сказка, и немного драма; тропинки, открытыя философу, и не воспрещенныя поэту. Драматическій писатель, говоря толпѣ, самъ увлекается волшебнымъ обаяніемъ своего слова; романистъ, менѣе пылкій, повинуется внушеніямъ

своего разума осторожнаго и мудраго. Драматическая поэзія родилась совершенно развитою съ Шекспиромъ: Ричардсонъ отецъ англійскаго романа; обовхъ ихъ можно назвать недоустыми поэтами; оба они обладали въ высочайшей степени качествами моралиста: простосердечіемъ, веселостію, граціей, драматической живостію, силою и вѣрностію въ живописи естественныхъ чувствъ; но изъ нихъ въ Шекспирѣ болѣе романическаго; но каждый изъ нихъ постоянно вѣренъ природѣ; форма драмы у того и другаго степенная; тотъ и другой съ равнымъ искусствомъ изучаютъ судьбы челоѣчества со всѣхъ ихъ сторонъ; тотъ и другой дѣйствуютъ на насъ истиною и правдоподобіемъ, только Шекспиръ беретъ себѣ невозможное, и міръ, находящійся внѣ нашихъ чувствъ, міръ, въ которомъ онъ господствуетъ самовластно. Шекспиръ великій писатель и великій поэтъ, котораго нельзя сравнивать ни съ кѣмъ, и который имѣлъ полное право сказать о себѣ: «въ каждомъ словѣ моей рѣчи отражается мое имя»: но Ричардсонъ смѣлѣе Шекспира; и въ самомъ дѣлѣ, авторъ Макбета и короля Лира не разъ отступалъ въ ужасѣ передъ страданіями, которыя онъ накоплялъ въ душѣ своей, не разъ онъ самъ у себя просилъ милости, сожалѣнія, прощенія? и княжалъ и чаша съ ядомъ не разъ выпадала изъ руки его.... Ричардсонъ оставался твердымъ, при видѣ преступленія въ душѣ его рождалась та ужасная ненависть къ пороку, которую никто не въ состояніи смягчить; онъ судилъ обвиняемыхъ съ безстрастіемъ философа, онъ спрашивалъ ихъ имя, ихъ примѣты, чтобъ имѣть возможность вполне отдать себѣ отчетъ о мѣрѣ возмездія, которое назначалъ имъ. По изображенію, болѣе нежели по разнообразію портретовъ, Ричардсонъ походитъ на Шекспира: онъ рисуетъ свои портреты рукою менѣе твердою и горделивою, за то въ образахъ его болѣе окончанности, въ нихъ видна болѣе тонкая кисть; ничто не ускользаетъ отъ его наблюдательности проникательной, безпристрастной, осторожной. Съ терпѣніемъ, ближе подходящимъ къ гению онъ пишетъ картину семейнаго быта, со всѣми подробностями лицъ, характеровъ, страстей; тотъ и другой въ высочайшей степени обладаютъ талантомъ создавать тѣ очаровательные, простодушные образы, которые могутъ служить похвалою англійскому народу.

Самый важный недостатокъ «Клариссы», по мнѣнію нѣкоторыхъ достойныхъ уваженія критиковъ, недостатокъ котораго ничто не вознаграждаетъ, это безконечныя длинноты романа. Къ чему столько стараній, усній, объясненій, комментарій, сентенцій, которыя

отнимаютъ все достоинство у самыхъ важныхъ уроковъ. Неужели жизнь наша такъ длинна, что мы можемъ тратить ея на чтеніе этой безконечной переписки? развѣ вы не станете сожалѣть о времени, потраченномъ на чтеніе всѣхъ этихъ обыкновенныхъ, безполезныхъ, излишнихъ подробностей? Уважайте сколько хотите образцовыя произведенія, согласенъ; но не доказывайте ли вы этимъ образцовымъ произведеніемъ истиннаго уваженія, когда вы возвращаете имъ всѣми позволенными средствами прелесть, блескъ, народность, жизнь, ясность, одними словами — все, чего недостаетъ этимъ произведеніямъ, игрушкамъ нѣтра и народной прихоти? Такъ говорить, такъ и поступать: вы едва ли найдете двухъ человѣкъ изъ тысячи, которые бы прочли отъ начала до конца романъ Клариссы, «и то развѣ лѣтомъ», когда они были одни въ деревнѣ», какъ говоритъ извѣстный критикъ мосьё де-Сентъ-Бввъ, романистъ и поэтъ.

Вотъ упреки, которые дѣлаютъ въ наше время Клариссѣ, люди нашего времени, когда читаютъ отъ доски до доски «Парижскія Тайны» и «Вѣчнаго Жидка», со всѣми ихъ неостротностями и преувелеченіями! Длинные, господа, завязать отъ міка; все это прошло; что далеко отъ нашего сердца, то длинно, какъ «Иліада»; всякая дрянь современная, напротивъ, коротка, сдвинувшись коротка для нашего мелочнаго любопытства. Въ книгѣ Ричардсона его романовъ не находили длиннымъ: доказательство, что они были согласны съ современностью.

Когда во Франціи узнали о смерти Ричардсона, самый краснорѣчивый умъ того времени, человѣкъ, господствовавшій въ Парижѣ прелестью завальчиваго краснорѣчія, Андрѣ написалъ похвальное слово отцу Намелы, Правдисона и Клариссы. Въ отношеніи литературныхъ достоинствъ, это похвальное слово совершенно недостойно Андрѣ. Нпыщенность и восхвалсы расточаются самымъ безразсуднымъ образомъ; читая его, думаешь, что пришелъ конецъ міру, потому что Англія потеряла своего романиста. Потерю эту Андрѣ возвѣщаетъ свѣту съ такою же торжественностью, какъ бы возвѣщалъ смерть Цезаря, предсказанную небесными знаменіями, измѣненіями въ теленіи звѣздъ. Чтобы позволить себѣ написать эту ужасную длинноту, Андрѣ надобно было имѣть безграничную власть надъ своими читателями. И этою властью Андрѣ пользовался до излишества. Онъ самъ приходилъ въ уныніе отъ своего слова; онъ былъ шумонъ, бунъ, страстонъ; у него были слезы, гнѣвъ, энтузіазмъ, которые заставляютъ себя слушать, потому что походить на убѣжденія.

Вы читаете это «Слово» и улыбаетесь, если не зѣваете. Не терпите однако жъ, несмотря на такое удивленіе Ричардсону, нашъ ораторъ совсѣмъ не такъ добръ, какъ кажется; подъ его энтузіазмомъ скрывается маленькая злость. Онъ написалъ это «Слово» въ то самое время, какъ вышла въ свѣтъ «Новая Элонза», которую привѣтствовали рукоплесканіями и похвалами, какихъ едва ли удостоивалась какая-либо книга. Изъ долины Мокморанси, Руссо, изгнанный свѣтомъ, посылалъ ему мечты, пламенные восторги, бреды, картины «Новой Элонзы.» Это была книга его идеала, книга, въ которой онъ изобразилъ свое пламенное сердце, поэтический міръ, который онъ населилъ существами своего созданія.

Между тѣмъ какъ Франція и Европа слезами привѣтствовали «Новую Элонзу», завистники, ваятые въ расплохъ, начали просто кричать, что Руссо укралъ свой рассказъ у Ричардсона, что «Элонза» не что иное какъ «Кларисса.» Оставимъ зависть говорить что ей угодно, изъ уваженія къ ея старости, потому что она родилась вмѣстѣ съ міромъ. Но скажите, ради Бога, что есть общаго между твореніями Руссо и Ричардсона? «Кларисса» и въ нравственномъ и въ поэтическомъ отношеніи далеко выше «Элонзы», старой и новой; это дѣвушка, которая жила, страдала и умерла, когда невнятность ея попрачилась; Юлія — это видѣіе чувственное, которое могло жить только въ области воображенія. «Кларисса» написана въ домѣ честныхъ людей, человѣкомъ, умѣвшимъ понимать человѣческое сердце; «Элонза» — жертвоприношеніе прекраснаго слогу идеаламъ холодной испорченности расчёту. Бѣдный геній! или лучше, бѣдный безумецъ, который управляетъ чувствительность. Несчастный рабъ презрѣнной служанки, глухой, не понимавшей ничего въ восторженности Семъ-Прё. Между этими двумя книгами невозможно найти нисколько настоящей аналогіи. Ричардсонъ цѣломудренъ и глубокъ; Руссо всегда увлекается и парадоксальнъ.

Нельзя впрочемъ отрицать, чтобы романъ Клариссы не сдѣлался слишкомъ длиннымъ для нашего времени, которое не находитъ слишкомъ длинными романы господина Сю. Это потому что Ричардсонъ не говоритъ языкомъ нашего вѣка. Вѣкъ Ричардсона, который могъ быть болѣе развращенъ, нежели нашъ вѣкъ, съ почтеніемъ смотрѣлъ на прекрасныя правоучительныя разсужденія, читалъ ихъ съ наслажденіемъ, и не находилъ ихъ никогда слишкомъ длинными. Нашъ вѣкъ, оттого ли, что онъ благоуравнѣе или ужъ не знаю почему, зѣваетъ при такого рода про-

повѣдяхъ, а не находятъ длинными цѣлыми сотенъ страницъ разсужденій безнравственныхъ, разрушительныхъ, мятежныхъ и въ семейственномъ и въ другихъ отношеніяхъ. Языкъ правоученій забыть. Создался языкъ злоученій: этотъ понимается; на этомъ самые безконечные вздоры не утомительны. И — увы! о, бѣдныхъ судьбы человѣчества! — ради этой моды нужно непремѣнно соизражать Ричардсона, давать вѣку вымыселъ чистый, дерзкій, вагой, безъ покрововъ, безъ правоученій.

Нынѣшняя критика не можетъ при такихъ обстоятельствахъ быть судьей Ричардсона. У него были судьи современные, судьи строгіе, судьи неумолимые, потому что судили съ уставомъ зависти въ рукахъ, а и тѣ не могли переувѣрить вѣка, появившаго языкъ Ричардсоновъ. Между ними замѣчательнѣе всѣхъ Фильдингъ. Никто жесточе его не унижалъ автора «Кларисы» по случаю романа «Памелла». Фильдингъ, правда, изъ великодушія, или скорѣе изъ гордости, отозвался однажды благосклонно о «Кларисѣ», но это было только потому что онъ считалъ Ричардсона уже убитымъ своею критикою на первое его произведеніе. Въ этомъ благосклонномъ отзывѣ Фильдинга — болѣе чѣмъ свисхожденіе; тутъ — явное презрѣніе къ бездарности. Насмѣшки его были тѣмъ опаснѣе, что сопровождались дѣломъ — превосходными романами, мастерскими созданіями ума, которыми Фильдингъ хотѣлъ пристыдить, затмить и уничтожить *типографщика, пустившагося въ портретисты особъ большаго свѣта, лавочника, вздумавшаго сочинять романы.*

Фильдингъ былъ джентльменъ, древней фамиліи, онъ былъ гордъ, надмѣнецъ, самый остроумный челоуѣкъ своего времени, ученый законовѣдецъ, неустрашимый адвокатъ; онъ жилъ на большую ногу, и въ томъ самомъ графствѣ Дербіи, гдѣ родился Ричардсонъ, много говорили о лошадяхъ, экипажахъ, охотахъ, любовныхъ приключеніяхъ прекраснаго Фильдинга. Потомъ онъ совершенно разорился, и пустился очертя голову во всѣ крайности и безразсудства. Когда всѣ источники его прекратились, успѣхъ Ричардсона вдругъ пробудилъ гевій будущаго автора Томъ-Джонса. Безъ Ричардсона онъ былъ бы первымъ романистомъ въ Англіи, онъ превосходно знаетъ всѣ хорошія и дурныя качества челоуѣческаго сердца, онъ владѣетъ перомъ чудесно. Но этотъ Фильдингъ, этотъ Гомеръ челоуѣческаго сердца, какъ его часто называли, былъ ли онъ въ состояніи повѣсть и судить почтеннаго Ричардсона и его нравственные сочиненія. Войдемъ къ нему въ домъ, и взглянемъ на образъ жизни этого строгаго судьи.

«Нѣсколько дней тому назадъ, вечеромъ (это рассказываетъ Генри Вальполь), Питеръ Батуретъ и Ригби, два полицейскихъ, привели къ мирному судѣ Фильдингу, человека, котораго хотѣли зарѣзать. Фильдингъ приказалъ сказать имъ, чтобъ они пришли завтра, потому что онъ умираетъ. Наши два сержанта не приняли въ уваженіе этого извѣщенія, и вмѣстѣ съ истцомъ вошли въ комнату, и въ самомъ дѣлѣ нашли судью за столомъ въ обществѣ слѣпаго, подозрительной женщины, и трехъ Ирландцевъ. Столъ былъ покрытъ скатертью, залитою виномъ; на немъ стояло съ отбитыми краями блюдо съ холодною бараниной и костью отъ ветчины, которую эта честная компанія изволила пронести себѣ въ горло въ одно мгновеніе! Сержанты, безъ церемоній взяли себѣ стулья, и нашъ судья, попавшійся въ кашканъ, волею или неволею, долженъ былъ, пьяный, приняться за разборъ дѣла.»

Бѣдный Ричардсонъ! хорошихъ судей имѣлъ ты часто, и еще будешь имѣть для рѣшенія твоего дѣла передъ зеркаломъ правды и искусства!

=

ШАМАНСТВО

У НАРОДОВЪ СЪВЕРНОЙ АЗИИ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Какъ скоро утвердилось мнѣніе о вліяніи духовъ на судьбу человека, тотчасъ явилось и мнѣніе о возможности привлечь счастье и отогнать несчастье. Счастливецъ приобрѣлъ уваженіе несчастливцевъ, и по натурѣ человеческой сталъ тщеславиться милостью духовъ, умѣніемъ склонить ихъ къ дѣйствіямъ въ его пользу. Первый шаманъ, увлеченный удачами и самъ сталъ вѣрить могуществу своихъ заклинаній: люди впадаютъ сами въ обманъ ими выдуманный, и ложное свое мнѣніе отъ привычки считаютъ наконецъ истиннымъ; этому видимъ тысяча примѣровъ. Самозванецъ Дмитрій подъ конецъ былъ увѣренъ, что онъ истинный сынъ Іоанна Васильевича Грознаго.

Съ другой стороны между людьми всегда были и есть мечтатели, склонные къ вѣрѣ въ чудесное, люди у которыхъ нравственный перевѣсъ на воображеніе, а не на разумъ. Выдумка одного служила истинною для его преемника.

Однако жъ и теперъ есть шаманы по призванію и шаманы по наукѣ, переданной отъ другаго. Бывали и такіе проселиты, кото-

рые обучаясь нѣсколько времени у стараго шамана, не выучившись этому ремеслу и должны были отстать отъ него. Призванный на это великое служеніе, съ молодыхъ лѣтъ начинаетъ проявлять нѣчто необыкновенное, напримѣръ проводить цѣлый день съ лѣсу, дома чувствуетъ грусть, отчуждается отъ родныхъ: тогда всѣ убѣждаются во мнѣніи, что молодой долженъ быть шаманомъ; тогда у Якутовъ призываютъ стараго шамана, съ которымъ ученикъ шаманитъ по три вечера сряду и научается способу призывать духовъ. Но часто ученикъ прокладываетъ свой путь къ жилищу духовъ другими заклинаніями.

Иногда шаманство приходитъ неожиданно къ человѣку совершенныхъ лѣтъ; въ этомъ случаѣ вѣроятно корысть заставляетъ хитраго сдѣлаться шаманомъ. Не всѣ шаманы обладаютъ равнымъ могуществомъ, то есть не всѣ одинаково счастливы; яному духи не очень послушны, другому все удается.

Шаманъ есть призыватель духовъ, жрецъ и предсказатель. Для узванія будущаго вездѣ употребляютъ одинъ способъ. Шаманъ сожигаетъ баранью лопатку и по трещинамъ на ней образовавшимся предсказываетъ, но всегда двусмысленно и неопредѣленно. Приведемъ одинъ примѣръ киргизскаго шамана въ предсказаніи будущаго.

Капитанъ Рычковъ посланный въ погоню за ушедшими въ 1777 году изъ Россіи Калмыками, предложилъ одному шаману вопросъ гдѣ теперь находятся бѣжавшіе Калмыки. Шаманъ, разсмотрѣвъ съ величайшимъ вниманіемъ сожженную баранью лопатку, объявилъ, что въ полдень вчера соединился съ Калмыками духъ, онъ настрашалъ ихъ, что Русскіе идутъ за ними по пштань. Но сегодня въ полдень присталъ къ Калмыкамъ другой духъ, который еще болѣе надѣлалъ имъ страха о предстоящей гибели. Наконецъ судьба Калмыковъ зависитъ отъ третьяго духа: если онъ явится къ нимъ завтра въ полдень, то Калмыки ускользнутъ отъ преслѣдованія Русскихъ и будутъ спасены.

У Колошей, обитающихъ въ сѣверной Америкѣ, шаманство передается почти всегда наследственно отъ отца къ сыну или отъ дѣда внуку; однако жъ не всякой можетъ сдѣлаться шаманомъ, но только тотъ кто получить духовъ. Иной сколько бы ни старался не можетъ увидѣть ни одного духа, къ другому они сами набиваются; слѣдовательно въ этомъ случаѣ духи избираютъ шамана, но подобные случаи весьма рѣдки.

Желающій сдѣлаться шаманомъ уходитъ въ лѣсъ или горы и живетъ тамъ до-тѣхъ-поръ, пока не явятся къ нему духи, а главный изъ нихъ не пошлетъ ему выдры. Во все время онъ питается только травою незамайникомъ. Выдра сама приходитъ къ шаману и онъ, не допуская ее до себя, убиваетъ произнесениемъ звука *О!* Звукъ этотъ должно прокричать четыре раза разными тонами. Выдра опрокидывается на спину и умираетъ высунувъ языкъ. Шаманъ вынимаетъ ножъ и отрѣзываетъ у звѣря языкъ приговаривая: *чтобъ мнѣ въ новомъ званіи не осрамиться, чтобъ шаманить и коверкаться ловчѣ!* Отрѣзанный языкъ кладетъ въ коробочку, наполненную разными лоскутками и все это прячетъ въ уединенномъ и непроходимомъ мѣстѣ: предосторожность необходимая, потому что если кто-нибудь изъ непосвященныхъ въ таинство шаманства найдетъ этотъ талисманъ, тотъ непременно сойдетъ съ ума. Шкура съ убитой выдры снимается мѣшкомъ и всегда остается при шаманѣ, какъ знакъ его достоинства. Мясо убитой выдры зарывается въ землю.

Весьма ясно что шаманъ удалившійся въ лѣсъ бродитъ по рѣчкамъ и ищетъ выдру; бываетъ и такъ что адептъ не можетъ убить выдру, въ такомъ случаѣ онъ идетъ на могилу шамана и спитъ на ней нѣсколько ночей сряду; или, разрывъ могилу, вынимаетъ у покойника зубъ или отрѣзываетъ у него коонецъ мизинца и носить во рту до-тѣхъ-поръ пока не получитъ духовъ и выдры.

Шаманъ достигнувшій своей цѣли, возвращается къ своимъ родственникамъ и тотчасъ начинаетъ шаманить для показанія своихъ познаній.

Предъ начатіемъ шаманства шаманъ постится и соблюдаетъ чистоту. Волосъ ни въ какомъ случаѣ не стрижетъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи слова шаманъ: оно манжурское и произносится *самани*, что значитъ *взволнованный, изступленный, восторженный*. Русскіе встрѣтивъ въ первый разъ Тунгусовъ или Овеномъ по рѣкѣ Енисей, увидѣли у нихъ и шамановъ, которыхъ туземцы на своемъ нарѣчій называли *Шамани*. Это слово поступило въ русскій языкъ и передано Европѣ, а между-тѣмъ прочіе кочующіе сибирскіе ивородцы называютъ шамана каждый по своему: по бурятски и монгольски шаманъ—*бугѣ*, по якутски—*оюнъ*, у турскихъ племенъ *камъ*, у Самоѣдовъ *тарыбъ*, у Остяковъ *тадыбъ*, по киргизски *гаксъ*.

Шаманство совершают мужчины и женщины; последняя называется шаманка, по монгольски удагынъ.

У Бурятъ шаманы бываютъ двухъ качествъ: белые и черные. Первые знаютъ съ добрыми духами, умоляютъ ихъ общественными жертвоприношеніями, исцѣляютъ больныхъ и предузнавая несчастье, отвлекаютъ его умоленіемъ раздраженныхъ или оскорбленныхъ духовъ. Черные шаманы вивютъ сообщеніе со злыми духами, и помогаютъ иногда въ немогахъ, умоляя злыхъ духовъ, а иногда сами грозятъ людямъ навести на нихъ несчастье, и потому почитаются народомъ болѣе изъ страха, нежели по заслугамъ.

У Киргизовъ предсказатели будущаго дѣлятся по способу ихъ гаданія на вѣсколько разрядовъ:

Джаурунчи или *лурунчи* гадаютъ по бараньимъ женымъ костямъ.

Рамчи предсказываютъ будущее по цвѣту пламени горящаго шира. Во время горѣнія читаютъ молитвы и призываютъ духовъ.

Джусудуэчи гадаютъ по звѣздамъ, въ которыхъ обитаютъ знакомые имъ духи *.

Кромѣ этихъ есть еще такъ называемые юродивые. Они одѣваются въ рубище, ходятъ изъ аула въ аулъ, поютъ пронзительнымъ голосомъ молитвы, представляются вдохновенными, предсказываютъ будущее и получаютъ подаяніе. Нѣкоторые изъ нихъ являлись подъ именемъ пророковъ, увлекали последователей; однакожъ ни одинъ изъ нихъ не проповѣдывалъ новаго ученія и не оставялъ послѣ себя учениковъ. Да и не могло быть иначе: люди эти никого не учили, не проповѣдывали новыхъ мнѣній, а только пророчествовали. Подобные обманщики найдутся вездѣ.

У Киргизовъ есть и другіе способы колдовать и ворожить, основанные отчасти на познаніяхъ ботаническихъ и химическихъ. Мысль о мнимой сверхъестественности этихъ людей господствуетъ не между одними инородцами: Русскіе вѣрятъ отъ души могуществу шамановъ, только изъ религіознаго страха не прибѣгаютъ къ ихъ помощи. Однакожъ вы услышите не только отъ крестьянъ, но даже отъ купцовъ и чиновниковъ, что шаманы безвредно ходятъ голыми ногами по раскаленному желѣзу, стоятъ на острѣ

* Описание Киргизъ-Кайсакъихъ ордъ в степей, господина Левшина.

сабли, на горящихъ угольяхъ, глотають ножи и выпускають ихъ изъ себя, и наконецъ шаманъ отрѣзываетъ ножемъ у себя голову, ставитъ ее на полъ и продолжаетъ ходить и шаманить безъ головы; потомъ беретъ свою голову, ставитъ на шею и голова немедленно прирастаетъ.

Шаманство у всѣхъ народовъ въ существѣ своемъ и наружныхъ обрядахъ одинаково; разница въ однихъ оттѣнкахъ. Шаманъ узнаетъ причину несчастія постигшаго человѣка, духа озлобленнаго человѣкомъ и средство умилостивить или прогнать этого духа. Шаманъ есть и лекаръ, но духовный, а нетѣлесный. Опишемъ шаманскіе обряды въ частныхъ случаяхъ жизни.

Если у Азіатца умираетъ снотъ, дѣти, одѣлалась пропаша, или нѣтъ ему удачи на промыслахъ, если онъ самъ или кто-нибудь изъ домашнихъ страдаетъ жестокимъ недугомъ, если жена мучится трудными родами; значить онъ прогнѣшилъ какого-нибудь духа. Чтобъ умилосердить повидимаго своего гонителя, призывается шаманъ. Положимъ, что шаманъ призванъ для исцѣленія больного. Мы уже сказали, что по мнѣнію Бурятъ человѣкъ одержимый продолжительною болѣзнію лишается души, ее похитилъ духъ, унесъ въ столицу своего царя и тамъ держитъ ее въ темницѣ и оковахъ; а если она не будетъ выручена моленіями и жертвоприношеніями, то больной непременно умретъ.

У Колошъ есть повѣрье, будто злой человѣкъ напускаетъ болѣзнь на непріятеля своего. Шаманъ обязанъ открыть этого злодѣя.

Каждому духу приносится особая жертва, ему угодная: иному вино, другому молоко, третьему какая нибудь звѣриная шкура, четвертому баранъ, корова и такъ далѣе. Иному духу приносятся нѣсколько различныхъ жертвъ. Въ этомъ-то и состоитъ познаніе шамана.

Призванный шаманъ сперва сожигаетъ на огнѣ баранью лопатку и по трещинамъ на ней образовавшимся узнаетъ какой духъ похитилъ душу изъ больного и какую жертвою можно его умилостивить. Тутъ онъ опредѣляетъ сколько котловъ нужно налитнаго вина, сколько животныхъ и какой именно шерсти. Чтобъ ни потребовалъ шаманъ, все будетъ исполнено безпрекословно, какихъ бы расходовъ ни стоило.

Тогда шаманъ надѣваетъ свое платье и беретъ въ руки бубень, или только двѣ длинныя палки. Одежда шамана у каждого на-

рода особенная, но въ главныхъ свойствахъ вездѣ одинакова. Характеръ ея — необыкновенность. Она бываетъ увѣшена ремешками, желѣзками, звонками, хвостами разныхъ звѣрей, змѣиными шкурами, словомъ всѣмъ что можетъ навести удивленіе или страхъ. На голову надѣваетъ особаго рѣда шапку, иногда покрытую металлическими бляхами. При отправленіи служенія шаманъ распускаетъ свои длинные волосы.

У Якутовъ шаманское платье есть короткій кожаный полукафтанъ, у котораго задъ длиннѣе переда, какъ у мундира. По краямъ обшивается онъ длинными, до земли простирающимися кистями. Вдоль спины нашиваются въ пять рядовъ желѣзные пластинки и побрякушки. По срединѣ спины лежитъ большой желѣзный кругъ: это солнце. Кафтанъ не сходится пола съ полою и завязывается ремешками, а чтобъ передняя часть тѣла была закрыта, надѣвается передникъ. На немъ нашиты два желѣзные круга, изображающіе двѣ груди. Низъ передника увѣшивается желѣзными фигурками и гремушками. На рукава нашиваются такіе же побрякушки. Все это во время шаманства, при усмеленныхъ движеніяхъ производитъ непріятный шумъ.

Жертвоприношеніе для исцѣленія больного бываетъ двоякое: одно называется *сацалга*, а другое *кэрэгъ* или *кырыгъ*. Въ первомъ приносится въ жертву вино, а во второмъ закалается какое-нибудь животное, назначенное шаманомъ, согласнаго съ указаніемъ сожженной бараньей лопатки.

Сацалга бываетъ двоякая:

1. Въ юртѣ хозяина ставятъ кругомъ огня опредѣленное шаманомъ количество ведеръ молочнаго вина; по недостатку идетъ и хлѣбное вино. Хозяинъ въ шапкѣ сидя на землѣ окуриваетъ вино богородскою травою или вересомъ, или пихтовою корою. Почерпнувъ изъ ведра чашкою нѣсколько вина, подаетъ шаману. Жрецъ встаетъ и воздѣвъ чашу къ потолку юрты, призываетъ:

« Взываю ко всѣмъ, приношу всѣмъ! О пространное небо, протяженная земля, девяносто юго-западныхъ царей, девять бѣлыхъ старцевъ! умножившіе племя Бурятъ, подобно уродившемуся просу, подобно кипѣнію ключа. Отецъ нашъ Буха-Нааятъ, мать наша Буданъ-Хатунъ, призываю васъ! »

Этотъ возгласъ употребляется при каждомъ шаманствѣ.

Потомъ шаманъ описываетъ имя, происхожденіе и характеръ

того духа, которому приносится жертва. Далѣе призываетъ его родственниковъ и товарищей, каждаго по имени, и проситъ ихъ участвовать въ приношеніи; именовъ хозяина умоляетъ ихъ принять жертву, освободить страждущаго отъ болѣзни, возвративъ ему душу, даровать пріятный сонъ, хорошій аппетитъ, здравіе на многая лѣта и прочія блага. Потомъ плеснувъ изъ чашки вино въ отверстіе на верху юрты, подаетъ чашку хозяину. Онъ наливаетъ въ нее немного вина и возвращаетъ шаману, который прочитавъ то же призваніе и выплеснувъ вино въ отверстіе юрты, опять подаетъ чашку шаману. Принявъ отъ хозяина чашку въ третій разъ шаманъ читаетъ слѣдующее призваніе: «Сначала было приношеніе царю челоуѣковъ, теперь призываются: царь нѣста, царь каждой горы, духи каждаго бугра, послщіеся на высотахъ высокихъ горъ и по прохладамъ широкихъ морей!»

Потомъ призываетъ шаманъ души всѣхъ шамановъ погребенныхъ въ окрестностяхъ, проситъ ихъ участвовать въ приношеніи и помочь ему умилостивить просямаго духа.

Принявъ отъ хозяина чашку въ четвертый разъ, шаманъ обращается къ той стѣнѣ, на которой висятъ оигоны и говоритъ: «Нисшедшіе отъ неба-царя по приказанію тысячи тысячъ хатайтановъ (*), нисшедшіе отъ вышняго неба по благорасположенію тысячи тысячъ усайтановъ, охраняйте домъ хозяина, приближайте къ нему однихъ только благомыслящихъ, удаляйте зломыслящихъ, исполняйте его желанія, исцѣляйте немощи. Разбужайте его отъ сна во время, напоминайте ему забытое, и тому подобное, сообразно обстоятельствамъ.

Въ четвертый разъ наливаетъ хозяинъ полную чашку вина, шаманъ льетъ изъ нее на огонь по каплѣ и читаетъ призваніе: «Отецъ плѣшивое небо, мать Юрэнъ небо, послѣдній сынъ отъца плѣшиваго неба, старецъ Сагадай, супруга его Сахалу, лежа дающіе, грызя разжигающіе, огонь Будиханъ, жена его Гүли (мѣдъ) имѣющіе даху (**), изъ сѣрой шерлушки, требующіе на жертву годоваго барана, дѣлающіеся изъ разсвѣту величиною съ бугоръ, а къ ночи съ гору! сдѣлайте богатымъ скотомъ и многолюднымъ семейство хозяина!

Кончивъ призваніе отвѣдываетъ немного вина оставшагося

(*) Хатайтаны и Усайтаны, или духовъ чтимыхъ въ оигонахъ.

(**) Даха—шуба шерстью верузу.

въ чашкѣ и подаетъ хозяину, который допиваетъ остатки. Потомъ наливши опять полную чашку подаетъ шаману, который обращаетъ приношеніе къ духамъ своимъ покровителямъ. Этотъ кончается служеніе, а вино оставшееся распивается.

2. Сацалга, втораго рода совершается слѣдующимъ образомъ:

На югъ, отъ юрты выдвигаютъ въ землю березу съ кѣвчаной шкурою; на нее вѣсятъ какую-нибудь шкуру, на привязываютъ бѣленью, и тому подобныя. Позади куста садятся въ прощѣ или чепирехъ, садитъ на войлокъ приноситель. Церемоніи стоятъ собою съ вѣтромъ, и одинъ съ простоквашою, и другой съ зельемъ березовой коры. Это мѣсто называется *мурей*. Шаманъ беретъ въ руку *жадо*^{*} и куритъ, и приношеніе, которое становится на право подлѣ березы, дномъ на югъ и, проследивъ вправо дуку съ жадо, помахиваетъ имъ и читаетъ такое же призываніе какъ и въ первой Сацалгѣ. За березою стоятъ два человека съ чашками: въ одной вино, а въ другой простокваша. Они должны заключить каждый стихъ прочтанный шаманомъ словомъ: прими! и плеснуть изъ чашекъ на воздухъ, что повторится до трехъ разъ. Последнее призываніе заключаетъ шаманъ словомъ: прійми успѣхъ! Стоящіе за нимъ повторяютъ: успѣхъ! и бросивъ чашки на землю, берутъ что падется подъ руку, щепка или травка и кладутъ ее за кушакъ. Если брошенныя чашки станутъ на дно, значитъ приношеніе угодно духамъ; если же упадутъ вверхъ дномъ, то отвергнуто. Бросатели употребляютъ всѣвозможныя предосторожности, чтобы чашки стали на дно. Въ четвертый разъ наливаются чашки до полна и приноситель опять становится за березу. Шаманъ подходитъ къ нимъ, погружаетъ въ жидкость жадо в окрошля имъ воздухъ, возглашаетъ: «Приносится царю часовиковъ, приносится царю мѣста, приносится пришедшимъ послѣ, приносится отшедшимъ!» Потомъ обращается къ гвильцѣ умершихъ шамановъ и

* Жадо есть мандавскій жезлъ; онъ дѣлается изъ березовой вѣточки длиной съ четверть аршина, а шириною съ мизинецъ; на немъ одинъ короткій суежъ, въ разщепъ котораго вонзаютъ кусочекъ пихтовой коры, для куренія. Понизе сучка привязывается какой-нибудь лоскутокъ. Жадо дѣлается новое при каждомъ шаманствѣ: его могутъ имѣть только тѣ шаманы, которые освящены умовеніемъ отъ другаго шамана. Какъ совершается это умовеніе, мы не имѣемъ случая узнать. Предоставляемъ это другимъ.

другими оврестными дуканами. По окончаніи приношенія шаманъ пьетъ немного изъ чашекъ, а за ними и тѣ, которые держали чашки. Вино все выпивается тутъ же, а простокваша остается, хозяину, который уноситъ ее въ свою юрту.

Въ обрядѣ кумыкъ приходится на жертву: какою-нибудь животное по назаченію шамана.

На поле ставятъ высокій шестъ, позади его котлы или ведра съ виномъ и простоквашею. Шаманъ становится по правую сторону шеста лицомъ на югъ, а животное обреченное на жертву, по лѣвую. Его обыкновенно держатъ человекъ во все время служенія. Шаманъ три раза обращается къ духамъ съ призываніемъ: точно такія какъ и въ Сагалѣ. Потомъ разрываютъ грудь животному, приведенному на жертву, погружаютъ во внутренность руку, разрываютъ стантовую жилу. Тамъ умерщвляютъ животныхъ всегда. Буряты для того чтобъ не потерять время, которую они варятъ отдельно и ѣдятъ. Шаманъ подходитъ и вращаетъ простертому животному; погружаетъ жад во внутренность, поднимаетъ его шерсть и читаетъ призываніе: «Долой! Будь за жизнь ушата, за тѣло поларока, счастье свое оставилъ ады, несчастно свое уловилъ протъ! Долой! Если неправильно призывается, то да будетъ виновата шаманъ, если же неправильно приготовлено, да будетъ виновата приготовитель; а если, предъ всѣмъ, правдливость, омышутся духи, то да будутъ они виноваты! Долой! Стремись, легко шера, бескрѣва стрѣламъ!».

Послѣ этого снимаютъ шкуру съ убитаго животного; такъ чтобъ при ней остался голова съ ногами и шипаюми на шестѣ, гдѣ она остается до тѣхъ поръ пока вероши и сероки не растапятъ оя. Мясо варятъ и когда оно упрѣетъ отделяютъ отъ костей. Въ продолженіи этой операціи вытѣ вно, ослѣдство уже призываніемъ духовъ.

Позади шеста съ висающею кожею, вбиваютъ въ землю четыре кола, скрѣпляютъ перекладными, на которые кладутъ дрова, и на нихъ всѣ кости и сухія жилы, вытнутыя изъ мяса, однимъ словомъ все то что не годится людямъ въ пищу, или не вкусно. Дрова зажигаютъ. Шаманъ становится по правую сторону и возглаголетъ окончательное призываніе. Позади его стоятъ люди съ корытами, наполненными мясомъ; въ рукахъ у шамана брезвевый вѣтвиный прутыкъ, жадъ у него: киль, оно вонзается въ лобъ головы шипою на шестѣ. Но троекратнымъ призываніемъ

духовъ съ предложеніемъ мяса, шаманъ беретъ деревянный ковшъ и положивъ въ него проходную клянку, бросаетъ на костеръ.

«Обращающимся около зарева горящаго огня, около пара кипящей воды!» Это приношеніе тѣмъ бѣднымъ духамъ, которые не смѣютъ приступить къ жертвеннику для вкушенія поднимающихся испареній. Затѣмъ почерпнувъ немного кипящаго бульону, шлепаетъ на огонь, при слѣдующихъ восклицаніяхъ: «Шепчущимъ надъ жертвенникомъ и дрожащимъ подъ тѣнью!» Это приношеніе духамъ слабымъ, укрывающимся подъ жертвенникомъ, непримечательнымъ запахомъ горящихъ костей. Шаманъ возвращаясь къ шесту размахиваетъ ковшемъ и читаетъ: «Большое счастье отъ девицъ царей, первое счастье отъ многихъ царей!» Это значитъ что онъ посылаетъ на хозяина счастье испрошенное у девицъ царей и первыхъ духовъ. Хозяинъ ожидаетъ шамана и принимаетъ отъ него ковшъ обѣими руками.

Послѣ этого хозяинъ беретъ ведро наполненное мясомъ и съ шаманомъ идетъ къ тому мѣсту, на которомъ виситъ жертва. Шаманъ взявши ведро, становится на колѣно и сдѣлавъ наклоненіе читаетъ обыкновенный приступъ къ шаманству и призываетъ своего духа покровителя. Тутъ начинаетъ онъ скакать на одномъ мѣстѣ, кричать, тряссти головою, коверкаться, давая знать присутствующимъ, что духъ въ него входитъ. Въ минуту высочайшаго изступленія вертитъ ведро около головы своей, но сѣдѣній цесади его хозяинъ вдругъ вскакиваетъ и подхватываетъ ведро. Тогда шаманъ начинаетъ говорить голосомъ вошедшаго въ него духа, что онъ такой-то, произошелъ оттуда-то, благодаритъ приносителя за почести и обѣщаетъ ему разныя блага, или укоряетъ его за медленное исполненіе жертвоприношенія, и что прощаетъ его единственно по ходатайству шамана. Иногда предсказываетъ какое-нибудь несчастье, комунибудь изъ присутствующихъ, вѣроятно изъ видовъ будущей поживы. Иногда во время этого бѣснованія схватываетъ шаманъ ножъ и колетъ себя. Потомъ начинаетъ шаманъ успоковаться мало-по-малу, представляя что духъ изъ него уже вышелъ.

Въ заключеніе спектакля шаманъ беретъ обѣими руками ведро съ мясомъ и призываетъ на приносителя счастье. «Убѣждаю, убѣждаю, убѣжденіемъ призывается счастье и благодать! Убѣждается пространное небо, убѣждается протѣсенная земля, убѣ-

даются девяносто югозападныхъ царей и девять бѣлыхъ старцевъ. Убѣждается отецъ нашъ Буха-Наинъ и чрево матери нашей Буданъ-Хатунъ. Убѣждается (имя того духа котораго призывалъ шаманъ) даровать человѣку (имя принесителя) долгой вѣкъ, продолжительное наслажденіе и благоденствіе, толстую въ четверть аршинна кожу, крѣпкую желѣзную жизнь. Принимте привнесенную вамъ жертву и будьте защитниками и хранителями (такого-то) убитоужьте у него всѣ язвы, исцѣлите его отъ болѣзни, даруйте ему богатое скотоводство и семейное многолюдство!» Окончивъ призываніе шаманъ обращается къ хозяину, который обѣими руками пригребаетъ къ себѣ воздухъ надъ ведромъ, съ тѣмъ упованіемъ, что онъ пригребаетъ всѣ блага приносимыя шаманомъ. При каждой протяженіи руки онъ шепчетъ: убѣждается, убѣждается, во истину убѣждается! Принявъ отъ шамана ведро, откусываетъ часть мяса, и возвращаетъ ведро шаману, который подходитъ съ нимъ къ горящимъ на жертвенникѣ костямъ, дѣлаетъ подобное премьему призыванію, по окончаніи котораго взявъ изъ корытъ по кусочку мяса бросаетъ на огонь, и отвѣдавъ не много изъ каждаго корыта, остальное предлагаетъ на съденіе присутствующимъ. Ведро же съ мясомъ уноситъ хозяинъ въ юрту, гдѣ бросаетъ частицу въ жертву огню и онгонамъ, а остальное съѣдаетъ съ шаманомъ и семействомъ своимъ. Тѣмъ кончается шаманство, а жрецъ получаетъ за труды.

Если больной выздоровѣетъ, исцѣленіе принимается шаманству; если же нѣтъ, приывается другой шаманъ, третій и такъ далѣе. Всѣ они требуютъ приношенія жертвъ и все это исполняется до послѣдней возможности хозяина. При болѣзняхъ продолжительныхъ нерѣдко богатые хозяева дѣлаются послѣдними бѣдняками. Но ниоронецъ скорѣе согласится потерпѣть разореніе, нежели усумниться въ могущество шамана. Неудачу приписываетъ себѣ тѣмъ, что духъ такъ оскорбленъ противъ него, что не прислать ни какихъ жертвъ.

У Якутовъ шаманство надъ больнымъ совершается въсвояко иначе.

Шаманъ сперва напоритъ жирѣныиъ мясомъ, посадятъ впереди юрты на войлокъ, обвязанное платъе съ него сплунуть и надѣлуть шаманское. Тогда онъ начнетъ свать, тануться, бормотать, прыгать, и дѣлать руками знакъ, чтобъ подали бубенъ. Охвативъ бубенъ, онъ начинаетъ бить въ него особною подо-

тушкой, потомъ вскакиваетъ, бѣгаетъ по юртѣ, прыгаетъ. Иногда вонзаетъ въ себя ножъ, но такъ искусно, что онъ проходитъ между платьемъ и тѣломъ и концемъ выкачивается на спину. Потомъ наклонившись бросаетъ между ногами бубенъ, а самъ падаетъ на землю. Это значитъ, что душа отбѣлалась отъ тѣла и странствуетъ въ духовномъ мірѣ. Наконецъ шаманъ встаетъ и рассказываетъ гдѣ была его душа и съ какими духами бесѣдовала. Духи требуютъ вмѣсто больного себя на жертву, такую-то скотину.

Иногда шаманъ призванный къ больному, беретъ въ руки жезлъ и читаетъ призываніе; потомъ обнявъ больного, сообщается съ духомъ, мучающимъ хвораго. Духъ объявляетъ, кто онъ такой, откуда, чѣмъ больной оскорбилъ его, и что онъ рѣшился непременно умертвить страдающаго, если не принесутъ ему въ жертву скотину такой-то шерсти и съ такими-то примѣтами.

Когда животное будетъ приведено, шаманъ тщательно разсматриваетъ его, и если замѣтитъ не тѣ примѣты, какъ описалъ духъ, требуетъ другое, что продолжается не мало времени. Когда же удостовѣрится, что жертва имѣетъ всѣ признаки, тогда схватываетъ ее руками по животу и кричитъ неизвестныя слова. Сжатая скотина мечется во всѣ стороны и реветъ, а Якуты думаютъ, что духъ въ нее входитъ изъ шамана. На завтра отводятъ животное на мѣсто назначенное для жертвоприношенія и убиваютъ. Обрядъ жертвоприношенія сходенъ съ бурятскимъ, выше описаннымъ.

У Якутовъ шаманъ участвуетъ и при свадьбахъ. Когда женихъ въ первый разъ прѣдетъ въ юрту отца невесты и преклонитъ колѣно предъ горящимъ на огнѣ жиромъ или масломъ, шаманъ призываетъ громкогласно не него благословеніе. То же бываетъ по прѣздѣ невесты въ юрту жениха.

У Киргизовъ леченіе больного производится другимъ способомъ.

Шаманъ садится противъ больного, вбѣгаетъ на кобызѣ (родъ балалайки), поетъ, кричитъ дикимъ голосомъ, бѣснуется, криляется. Потомъ соскакиваетъ съ мѣста, бѣгаетъ и кричитъ; иногда выбѣгаетъ изъ юрты, садится на первую догарающую ему доску и скачетъ до стѣны. Киргизы вѣрятъ, что шаманъ ползаетъ за душой. Возвратясь въ юрту, онъ схватываетъ плечи и бѣгаетъ страдающаго, чтобъ изгнать похитившаго духа, произносящаго болѣзнь, лижетъ его языкомъ, дукаетъ до кровавыхъ зубовъ,

видеть ему въ глаза, замахивается ножомъ. Такой способъ леченія продолжается девять дней *.

У Бурятъ приводитъ къ юрту болзнаго нѣсколько оленей подалекойо шамана. Изъ ногъ одного оленя привязываютъ концы веревки, а другой даютъ въ руки болзнаго и ожидаютъ, скоро ли болзнаго подернется веревку: тогда убиваютъ оленя. Голову съ рогами ставятъ на палъ, а мясо стѣдаютъ сами; жиромъ же мажутъ лошъ и большое мѣсто **.

У Коломой шаманство къ видѣ богослуженія совершается зримо въ седмой или осмой день новолунія.

Шаманъ беретъ своихъ родниковъ, пѣсельниковъ, шаманскихъ приборы, и отправляется въ юрту къ приглашённому его. Все садятъ его не ѣсть въ тотъ день ничего; даже принимаютъ прощное. Юрту омываютъ, и усыпаютъ пескомъ мѣсто оленеюкнды. Пѣанцы воютъ гимны; одинъ изъ нихъ бьетъ въ бубенъ, а шаманъ бѣгаетъ кругомъ огня по солнцу, кричась, дѣлаетъ широкосредныя тѣлодвиженія, но въ тактъ поды бубенъ и пѣанъ. Вдругъ онъ останавливается, бубенъ и пѣанъ умолкаютъ, шаманъ пророчествуетъ, шѣшая смыслъ съ беземьлицею. Во время шаманства онъ падаетъ разныя маени, едѣшныя изъ дореза, изображающія тѣхъ духовъ, которые къ нему являютъ. Шаманство продолжается до полденья утренней зарн.

Трцерь шамъ остается описать шаманство: исполненное по случаю, напримѣръ какого-нибудь русскаго посѣтителя, любовнаго, студющаго, видѣть шамана и его дѣйствія. Спашемъ то, что видѣли сами у Бурятъ, конующихъ на вершинахъ рѣки Лены.

Шаманъ, надѣвъ на себя парадное платье, окуривъ олово особымъ жезломъ и борородскою травою. Хозяинъ юрты подаль ему чашку съ молочнымъ ягномъ. Шаманъ, подаль ее впередъ, началъ читать призываніе и по окончаніи васснулъ изъ чашки въ дымящее отверстие юрты. Потомъ сталъ лицомъ къ западу и совершилъ надобное возданіе. Такъ повторилось до четырехъ разъ, но члоду страдъ свѣта. Кашанъ жертвоприношеніе, шѣмакъ, залъ въ руки два кестыла, обѣшанные жмурками болзны бурдудуковъ, горностаявъ и другихъ мелкихъ зверей, вышавъ изъ юрты, сталъ къ дверямъ спиною и началъ кричать дѣшныя голоса: «О вы, духи и тѣли элементныхъ шамановъ, давомъ

* Описание Киргизъ-Кайсакивъ Фель.

** Падая, «Душествоаніе по Россіи».

покинувшие сибѣ, сибѣнго по нѣ! Да не удержатъ васъ ни глубокія пропасти, ни высокія горы, ни моря, ни рѣки, ни болота непроходимыя. Явитесь ко нѣ! Послеъ этого онъ сталъ крапѣть, бермотать губами и бить по землѣ своими костылями. Бураты изъ юрты отвѣчали на его крики однезвучными словами, подражая шамана, какъ они говорили. Кончивъ призываніе, шаманъ вешель въ юрту, подпираясь костылями. Онъ казался наступленнымъ, однако жъ по лукавымъ взглядамъ, которые онъ изрѣдка бросалъ на насъ, видно было, что плутъ притворяется. Послеъ того онъ сталъ раскачиваться по юртѣ назадъ и впередъ, напѣвая какіе-то стихи, что было прилично по разбору. Въ продолженіи пѣнія онъ билъ себя костылями, оставался протѣвъ дверей юрты и призывалъ духовъ. Потомъ схватилъ лежаную на полу шагау, всунулъ ее въ горячій вешель, и отъвернулся отъ зрителей, сталъ заколачивать шагау себя въ животъ. Кончивъ операцію, оборотился лицомъ къ зрителямъ; но съ перваго взгляду видно было, что шагау вонзена не въ брюхо, а прѣвно держится между двумя скатыми кулаками, лежащими на брюхѣ. Тутъ онъ сталъ просить, чтобы кто-нибудь вынулъ изъ него шагау. Одинъ изъ Буратъ взялъ оружіе за зѣвсъ и потащилъ, а шаманъ, тиская губами, выражалъ звуки: те шиванію, какое слышно при излеченіи ножа изъ шагау изъ тѣла. Шаманъ облизалъ кончикъ шагау языкомъ, какъ будто на ней была кровь. Церемонія продолжалась около часу.

На вопросъ, можетъ ли онъ срѣзать съ себя голову и бить, приростить, отвѣчалъ: «прежде срѣзывалъ, когда былъ молодъ а теперь не могу: старъ сталъ.»

Изъ этого обряда видно, какое различіе между шаманствомъ, совершаемымъ съ цѣлію, и шаманствомъ по случаю.

Приведенные примѣры шаманства выказываютъ явнѣе все духословіе монгольскихъ племенъ, цѣль и сущность шаманства и значеніе самого шамана; а тѣмъ подтверждается наша гипотеза о шаманствѣ и шаманахъ, изложенная вначалѣ этой статьи, что шаманство есть вѣрованіе въ духовъ, воплощающихъ нѣтъ и нѣтъ-іакъ иллію на человѣка съ хорошей и худой стороны; что шаманъ есть духовидецъ, посредникъ между человѣкомъ и духами; и съ тѣмъ вѣдетъ враговъ, утѣшаетъ, но отнюдь не медитъ, а если и берется лѣчить больного, то всегда способомъ изгнанія духа или умилостивленія его чрезъ жертвоприношеніе.

Кто не согласится послеъ этого, что шаманъ обманщикъ вно-

ловину, можетъ-быть върующій въ силу своихъ заклинаній. Но лодимъ, что призываніе духовъ, часто повторяемое, до того разстроиваетъ его воображеніе, что ему представляются духи; но чѣмъ оправдать его фокусы, наприимѣръ пораженіе себя ножомъ, глотаніе камней, скотская кишка, наполненная кровью и спрятавшая подъ платъ? Кто видалъ дѣйствіе шамановъ, тотъ знаетъ, какія предосторожности употребляетъ шаманъ, вонзая въ себя ножъ: онъ отворачивается отъ зрителей, прикроется съ боковъ платъемъ; чмокаетъ губами, предетавляя звукъ отъ входящаго въ тѣло жельза, или оттуда извлекаемаго. Кажется и послѣдователи видятъ эти уловки, но не хотятъ вѣрить глазамъ своимъ; слѣдовательно, шаманъ не приходитъ въ изступленіе, не терлетъ благоразумія и не забывается до изступленія пнеин, наглотавшейся углероднаго газа.

Тенерь взглянемъ на шаманство, достигшее степени религій у народа болѣе образованнаго, нежели Монголы, Тунгусы и Якуты. Манджуры, завладѣвъ Китаемъ, привесли туда и прародительскую вѣру свою, шаманство. Дворъ донынѣ неповѣдуетъ древнюю религію; но по мѣрѣ образованія своего улучшалъ и облакалъ въ религіозныя формы. Наконецъ, въ 1747 году изданъ въ Пекинѣ, на манджурскомъ языкѣ, обрядникъ шаманскаго богослуженія. Такимъ образомъ то, что у сибирскихъ кочующихъ ивородцевъ исполняется по преданіямъ, у осѣдлыхъ Манджуровъ совершается по установленнымъ правиламъ.

Несмотря на то, что время и безграмотность шамановъ искажали эту религію, мы находимъ въ главномъ величайшее сходство. Жаль, что наши миссіонеры, живущіе въ Пекинѣ, познакомили насъ только съ одними обрядами и церемоніями этой вѣры, но о догматахъ ей и еущности ученія не говорятъ ни слова; вѣроятно потому, что не были возможности изучить ихъ. Однако жъ намъ остается надежда, что со временемъ проникнуть они и въ таинства шаманства и откроютъ догматы вѣрованія, неизвѣстнаго Европѣ.

Мы заимствуемъ любопытное описаніе обрядовъ шаманской религій, исполняемыхъ при дворѣ китайскаго Богдохана изъ книги почтеннѣйшаго О. Іакинфа обогатившаго насъ познаніями о Китаѣ. *

* Въ Пекинѣ шаманское служеніе совершается во дворцѣ госу-

дворца и въ шаманскомъ капищѣ; въ этомъ капищѣ три храма: оларный храмъ, круглый храмъ и малый храмъ. Въ нихъ нѣтъ ни украшеній, ни мебели, даже веруется ихъ очень проста.

«Во дворцѣ государыни, въ служебной залѣ, дѣлается банавель, при утреннемъ служеніи на западной сторонѣ, при вечернемъ въ сѣверо-западномъ углу. Посрединѣ залы ставится вѣха или шестъ въ каменную тумбу.

«Въ шаманскомъ капищѣ вѣха ставится на дворѣ передъ круглымъ храмомъ; отъ нее идутъ черезъ круглый храмъ въ главное капище три сурка. При шаманскомъ служеніи присутствуетъ иногда сама государыня, а потомъ кромѣ внуковъ нѣтъ ни одного мужчины и должность шамановъ исправляетъ шаманка.

«Штатъ придворныхъ шамановъ состоитъ изъ двѣнадцати женщинъ. Должность эту исправляютъ жены дворцовыхъ офицеровъ. Кромѣ шаманокъ есть тридцать-шесть подшаманокъ, тридцать-семь женщинъ для толченія благовонной коры, и девятнадцать женщинъ для дѣланія изъ нея курительныхъ свѣчекъ.

«Шаманское служеніе состоитъ въ жертвоприношеніи Небу и Оганамъ (духамъ-хранителямъ).

Служеніе раздѣляется на обыкновенное и случайное. Первое совершается во дворцѣ государыни, второе по большей части въ шаманскомъ капищѣ. Обыкновенное служеніе раздѣляется на ежедневное и ежемѣсячное. Первое совершается каждое утро въ третьемъ и четвертомъ часу, и вечеромъ въ тѣ же часы. При утреннемъ молятся духамъ Шыгеледнѣ, Бодисатвѣ и Гуань-ди, заимствованныхъ изъ вѣры Буддистовъ. При вечернемъ Ахуньянги, Ань-чунь-аяра, Мури-Мураха, Надань-дай хунь, Нархунь, Сюанчу, Эндурн-Сенчу, Баймань-Чжангинь, Вэйхури, Эньду-Менголо, Катунь-Ноннь. Духи эти, какъ примѣтно, чтятся Манжурами и Монголами въ совокупности.

«Обрядъ утренняго служенія совершается такъ: на столѣ передъ занавѣсомъ ставятъ изображенія трехъ огановъ, три блюда съ куреніями, три чарочки съ водою и три тарелки съ хлѣбцами. Шаманка на распѣвъ читаетъ молитву, ей аккомпанируютъ на гитарѣ и балалайкѣ. Потомъ закрываютъ изображенія духовъ, приводятъ саниню и затворяютъ храмъ. Шаманка опять читаетъ молитву, по окончаніи которой берутъ жертвенную воду и вливаютъ ее въ ухо овиньи. Послѣ того выпускаютъ кровь изъ животнаго, раздѣляютъ его на части и варятъ. Приготовленное мясо шаманка ставитъ на столъ и читаетъ окончательную молитву.

Если при служеніи бываетъ государь и государыня, то они дѣлаютъ поклоненіе и получаютъ жертвенное мясо.

«При вечернемъ служеніи ставятъ на столъ передъ онгонами пять блюдецъ съ куреніями, пять чарочекъ съ чистою водою и хлѣбное. Шаманка опоясавшись поясомъ съ бубенчиками поѣтъ гимнъ и прискакивая бьетъ въ бубенъ, ей подыгрываютъ на литаврѣ и деревянномъ камертонѣ въ тактъ. По троекратномъ совершеніи обряда, читаетъ молитву передъ онгонами. Потомъ закалываютъ свинью съ тѣми же обрядами какъ описано выше и ставятъ мясо передъ онгонами. По окончаніи молитвы гасятъ куренія, огонь въ фонаряхъ, закрываютъ печь гдѣ варилося мясо и опускаютъ занавѣсъ. Присутствующіе выходятъ изъ храма и дверь затворяется. Оставшаяся тамъ шаманка читаетъ молитву на распѣвъ, потрясая бубенчиками, ей подыгрываютъ на литаврѣ и камертонѣ. По четверократномъ совершеніи этого обряда, поднимаютъ занавѣсъ, отворяютъ дверь храма, зажигаютъ фонари, уносятъ мясо и снимаютъ изображенія онгоновъ.

«Прочіе обряды служенія походятъ на описанные, только при нѣкоторыхъ прибавляютъ жертву изъ сарачинскаго пшена, а жертвенное мясо вѣшается въ сосудъ на вѣху.

Ежегодно совершается большое жертвоприношеніе весною и осенью при водруженіи шаманской вѣхи. Изображеніе онгоновъ, чествуемыхъ во время утренняго служенія, переносятъ изъ дворца государыни въ главное капище. Передъ этимъ временемъ елнухъ отправляется въ округъ Цинь-чжу и тамъ въ горахъ срубаетъ ель длиною въ двадцать футовъ, въ поперечникѣ пять дюймовъ, съ десятью рядами сучьевъ. Эту вѣху водружаютъ передъ входомъ въ круглый храмъ. Во время жертвоприношенія протягиваютъ отъ вѣхи до висшаго внутри храма занавѣса три веревочки, на которыхъ развѣшиваютъ бумагу и на вѣху ставятъ флагъ. Жертвоприношеніе совершается обыкновеннымъ порядкомъ.

«Кромѣ этихъ служеній отправляются еще жертвоприношенія въ началѣ cadaго изъ четырехъ временъ года, моленіе онгонамъ о ниспосланіи счастья, жертвоприношеніе въ кругломъ храмѣ, омовеніе онгоновъ, жертвоприношеніе онгонамъ хранителямъ лошадей.

Въ Новый Годъ, въ полночь на первое число, ханъ совершаетъ поклоненіе онгонамъ во дворцѣ ханши, а потомъ идетъ съ князьями и вельможами манжурскаго племени въ шаманское капи-

ще, гдѣ поклоняется Небу въ кругломъ храмѣ, дѣлая три кофипоклоненія съ девятью поклонами въ землю. Отправляясь въ походъ, онъ такимъ же образомъ является въ шаманское капище, гдѣ прежде совершаетъ поклоненіе въ кругломъ храмѣ, а потомъ передъ главнымъ знаменемъ съ изображеніемъ желтаго дракона. Такимъ же образомъ совершаетъ поклоненіе по счастливоромъ возвращеніи изъ похода».

Намъ остается сожалѣть, что почтеннѣйшій отецъ Іакинъ описавъ подробно шаманскіе обряды исполняемые при пекинскомъ дворѣ, не передалъ намъ ни одной молитвы читаемой шаманками. Изъ этихъ призываній мы усмотрѣли бы духословіе Манжуровъ, а можетъ-быть и догматы религіи вовсе неизвѣстной намъ, но весьма важной для наблюденія умственныхъ развитій человечества. При первомъ взглядѣ замѣчается тождество между обрядами сибирскихъ шамановъ и церемоніями придворныхъ манжурскихъ шамановъ; тѣ и другія приносятъ жертву духамъ, тѣ и другія возсылаютъ моленія свои при шумѣ грубыхъ инструментовъ, тѣ и другія сопровождаютъ ихъ движеніями тѣла, но при внимательномъ разсмотрѣніи видна разность. Шаманство при дворѣ китайскаго Богдохана есть уже религія, а не заклинаніе или умилостивленіе какого-нибудь духа. Служеніе отправляется ежедневно по утру и ввечеру по обрядамъ, облеченнымъ въ правила; у сибирскихъ же инородцевъ шаманство случайное: нѣтъ уже ни фокусничества, ни эффектовъ для возбужденія страха, но одно чтеніе молитвъ подъ звуки музыки. Можно подозрѣвать, что манжурское шаманство перешло въ религію не дальше какъ въ прошедшемъ столѣтіи, потому что въ немъ замѣтно вліяніе буддизма; но знатоки различаютъ тотчасъ новое отъ стараго. Признаніе множества невидимыхъ силъ шаманствомъ дѣлаетъ его доступнымъ вліянію другихъ религій, которые мѣшаются съ нимъ. Отецъ Іакинъ говоритъ, что у Манжуровъ въ Пекинѣ при похоронной процессіи нерѣдко бываютъ монахи трехъ религій, идущіе въ нѣкоторомъ отдаленіи одни отъ другихъ. Каждое отдѣленіе облачено въ свое служебное одѣяніе и поетъ свои молитвы. Въ торжественные дни во дворцѣ хана монгольскіе ламы отправляютъ молебствіе сряду по нѣскольку дней. Не допускается только исламизмъ и то по причинѣ собственнаго фанатизма. Магометане гнушаются всѣмъ похожимъ на идолопоклонство: рѣшится ли они участвовать въ погребеніи язычника!

Вотъ опытъ подробнаго изложенія о шаманскомъ вѣрованіи.

Нѣсколько дѣтъ назадъ авторъ этой статьи писалъ о шаманствѣ, но тогда онъ не имѣлъ многихъ данныхъ, а потому и долженъ былъ описать одни только наружные обряды, представляя каждому читающему дѣлать изъ нихъ собственные выводы. Авторъ наблюдалъ шаманство у Бурятъ, Якутовъ и Турецкихъ племенъ обитающихъ на югѣ Енисейской губерніи, наблюдалъ по одной дружности, углубиться же въ таинства этого вѣрованія не имѣлъ ни малѣйшей возможности по незнанію языковъ сѣверныхъ Азіатцевъ. Вопросы шаманамъ и другимъ свѣдущимъ людямъ предлагаемы были черезъ переводчика, казака. Весьма часто онъ худо или совсѣмъ не понималъ вопроса ему предложеннаго. По своему передавая его шаману, худо понималъ его отвѣты, а еще хуже переводилъ ихъ на русскій языкъ. Мудрено ли, что при такомъ порядкѣ черное выдано за бѣлое и на оборотъ.

Вообще мнѣніе о шаманскомъ вѣрованіи было неправильное не только во всей Европѣ, но и въ Россіи, пока не вышли въ 1846 году въ Казани тетрадки подъ названіемъ Черная Вѣра или шаманство у Монголовъ. Авторъ этого сочиненьяца, природный Монголъ и послѣдователь шегеминіанскаго ученія, смотрѣлъ на шаманство съ новой точки зрѣнія. То, что прежде приписывали произволенію шамана, онъ подчинилъ порядку, сохраняемому отъ глубокой древности преданіемъ. Господинъ Бандзаровъ нашелъ у Монголовъ мифологію, которой ни кто прежде его не подозрѣвалъ, и смотритъ на шаманство какъ на религію, а не на простое вѣрованіе. Опѣтъ господина Бандзарова, какъ первое покушеніе написанное по книгамъ, а не изъ наблюденій надъ шаманствомъ на мѣстѣ совершенія обрядовъ, конечно не вполне удовлетворяетъ любопытство, возбужденное самимъ же авторомъ, но тѣмъ не менѣе мы благодарны ему. Теперь господинъ Бандзаровъ, изучивъ языки манджурскій, турецкій и русскій, будетъ жить въ Сибири. Съ этими записками и со страстью къ знаніямъ, онъ будетъ имѣть полную возможность вникнуть въ шаманство, изучить его духословіе, призываніе, и тому подобное. Зная манджурскій языкъ, онъ скоро освоится съ тунгусскими нарѣчіями въ Сибири и познаетъ все шаманство Тунгусовъ, не измѣненное донинѣ ни вліяніемъ ламизма, ни христіанствомъ. Ученый свѣтъ надѣется на молодого казанскаго оріенталиста, и, вѣроятно, не напрасно, если только могущество обстоятельствъ не остановитъ его на пути учености и не обратитъ къ скучной, но полезной, вещественности. Можно полагать что все нерѣшеное въ Сибири будетъ

Обильно этиъ молодые ученые Бураты, например монгольскія надписи на утесахъ рѣки Енисей, надписи въ пещерахъ на могильныхъ камняхъ, и тому подобное. Сибирь есть богатое поле для ученаго. До сихъ поръ основательно изучена и описана только флора Сибирская, потому что страсть къ ботаникѣ существовала нѣкогда въ Иркутской гимназiи, но, съ уничтоженiемъ преподаванiя естественныхъ наукъ, она утихнеть. Хорошо что успѣли сдѣлать кое-что полезное.

И. ШУКИНЪ.

=

Ж И З Н Ь

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Прошло слишкомъ двадцать лѣтъ съ-тѣхъ-поръ какъ умеръ Карамзинъ, этотъ мощный двигатель нашей литературы, которому, мы, Русскіе, обязаны образованіемъ своего общественнаго языка, эстетическаго вкуса и началомъ настоящей литературы, а между-тѣмъ еще не опредѣлено положительно значеніе этого писателя, стоявшаго выше понятій своихъ современниковъ, и подчинившаго своему авторитету многихъ соотечественниковъ, которымъ не чужды были интересы человѣчества и родины.

Между-тѣмъ какъ Карамзинъ все болѣе и болѣе удаляется отъ насъ, становится таинственнѣе, мы должны бы дорожить временемъ, стараться отнять у забвенія, послѣднія о немъ изустныя преданія, изучить всѣ частныя обстоятельства его жизни, имѣвшія вліяніе на образъ и цѣль его дѣятельности.

Что скажетъ о насъ потомство, если мы, принадлежащіе къ поколѣнію, непосредственно слѣдовавшему за Карамзинымъ, если мы, ближайшіе свидѣтели его славы, не испол-

нимъ великаго долга, — не сохранимъ для дальнѣйшаго потомства достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ замѣчательномъ талантѣ, который такъ лестно оцѣнили наши Монархи, и осыпали необыкновенными щедротами, — не соберемъ матеріаловъ для біографіи нашего классика? Намъ скажутъ: геній, талантъ — безсмертны; исторія генія заключается уже въ самыхъ его произведеніяхъ. Справедливо, но созданія генія, таланта, бывають лучшимъ для него ореоломъ только въ минуту торжества писателя или художника, когда онъ стоитъ, какъ герой, увѣнчанный лаврами, и толпа рукоплещетъ его трофеямъ. Но для человѣчества не менѣе замѣчательно изучить и частныя обстоятельства жизни писателя, имѣвшія вліяніе на его развитіе. А какъ важно изученіе жизни геніальныхъ людей для юныхъ талантовъ, избравшихъ поприще, по которому торжественно шелъ извѣстный писатель!

Отчего, смотря на дивное произведеніе рѣзца Кановы, на его Венеру, мы хотѣли бы проникнуть въ мастерскую этого роскошнаго генія Италіи; взглянуть на куски грубаго мрамора, на разбросанные инструменты и на самаго художника, побѣждающаго трудности и улыбающагося при взглядѣ на свое довершенное созданіе, за которое художественный міръ покорно поднесетъ лавровый вѣнокъ и дипломъ на удивленіе потомства. Отчего хотѣлось бы намъ проникнуть въ тайны дѣятельности художника?... Оттого что, только слѣдя за развитіемъ великаго произведенія, мы вполне можемъ оцѣнить его. А какъ поучительно такое наблюденіе для вступившихъ въ преддверіе храма искусствъ! Разкажите молодому живописцу подробную жизнь Тиціана, дайте ему идею о мастерской этого генія и прочее, — и примѣръ великаго мастера благодѣтельно подѣйствуетъ на душу ученика. Самыя таинства искусства уже не будутъ имѣть въ глазахъ его той, приводящей въ сомнѣніе, непостижимости, которая прежде страшила неопытныя силы и связывала ихъ развитіе.

Изучать критически произведенія талантливыхъ писателей, изслѣдовать всѣ постороннія обстоятельства, имѣвшія на нихъ вліяніе, значитъ глубоко изучать теорію и механизмъ самаго искусства. Для того, чтобы наука и искусство выразились въ достойной ихъ формѣ, необходима техника. Поэтому и самые сильные таланты всегда и вездѣ нуждались въ образцахъ: великіе люди всегда были вели-

кто училъ гениевъ. Однакожь изученіе великихъ произведеній и великихъ талантовъ должно имѣть свои предѣлы. Должно изучать только ближайшія причины явленій, не пускаясь въ подробное изслѣдованіе длиннаго ряда причинъ, которыя взаимно себя обуславливаютъ; не должно, такимъ образомъ, отыскивать зародышъ генія или таланта на школьной скамьѣ. Геній проявляется въ слѣдствіе глубокаго сознанія причинъ извѣстнаго рода явленій. До того, онъ не можетъ произвести ничего великаго; потому-что все великое есть произведеніе глубокаго, совершеннаго ума.

Когда Шекспиръ ходилъ въ школу, съ сумкой, то нельзя было предполагать, что въ этой дѣтской головѣ скрывается зародышъ драматическаго генія, тѣмъ болѣе, что въ дѣтствѣ, Шекспиръ, можетъ быть, и не имѣлъ случая заглянуть въ театръ. И для генія требуются благоприятныя обстоятельства; все же остальное онъ довершитъ своими собственными средствами. Однакожь, по общепринятому обыкновенію, жизнеописанія всѣхъ людей, болѣе или менѣе великихъ, всегда начинаются подробностями объ ихъ дѣтствѣ, анекдотами о юношескомъ возрастѣ, и т. д. Къ чему ведетъ это? Всего лучше слѣдить за процессомъ развитія генія; за обстоятельствами, приготовившими его, изучая духъ и направленіе того общества, которое посѣтилъ этотъ рѣдкій гость.

Такимъ образомъ, чтобы понять обстоятельства, приготовившія появленіе Карамзина, мы должны изучить состояние нашего общества въ то время, когда онъ родился; уразумѣть духъ вѣка, его любимыя привычки, надежды и вѣрованія: тогда намъ объяснится многое и въ жизни и въ твореніяхъ изучаемаго нами писателя. Безъ этого можемъ ли мы оцѣнить каждую его мысль; каждое его дѣйствіе? Имѣемъ ли мы право руководствоваться при такой оцѣнкѣ отжившаго писателя понятіями современными? Справедливъ ли будетъ приговоръ, произнесенный надъ его произведеніями по законамъ критики *безусловной*, не принимая въ соображеніе ни времени, въ которое жилъ Карамзинъ; ни степени нашей тогдашней образованности?

Примечуая къ біографіи Карамзина, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что хотя до-сихъ-поръ жизнь Карамзина не описана вполне; однакожь о немъ было очень много говорено въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Всѣ эти матеріалы можно раздѣлить на три разряда: матеріалы собственно біографическіе; статьи, въ которыхъ разсматривается

его влияние на нашу литературу; рецензии его историческаго труда.

Мы пользовались только материалами перваго рода, не многочисленными, но достоверными. Материалы втораго рода относятся большею частію къ первой четверти XIX столѣтія, когда жила еще исторіографъ, и писаны болѣе или менѣе пристрастно. Последователи и приверженцы Карамзина превозносили всѣ его труды, не допуская никакой критики, и все кончалось безотчетною похвалою: это служить лучшимъ доказательствомъ, что Карамзинъ стоялъ выше понятій своихъ современниковъ-соотечественниковъ, которые только благоговѣли передъ его твореніями и не осмѣливались произносить своего мнѣнія, считая въ тоже время святотатствомъ замѣчать погрѣшности этого нашего классика. — Противники Карамзина были большею частію люди: чуждые основательныхъ познаній и, руководимые завистью къ нему, нападали на одни только слова, незначительныя ошибки, иногда даже на знаки препинанія, упуская изъ виду нравственную сторону произведеній — необыкновенное влияние на общество, распространеніе эстетическаго направленія, и умѣнье выказывать дурныя стороны общественнаго, вооружая противъ себя тѣхъ, противъ кого онъ писалъ. Въ этомъ случаѣ нападки противниковъ тоже не могутъ назваться критикою — это самыя осязаемыя личности. Противники Карамзина стояли несравненно ниже въ образованіи и въ общественномъ мнѣніи, и нападки ихъ не имѣли ни малѣйшаго вліянія на успѣхъ, которымъ пользовались всѣ произведенія исторіографа. Вотъ причины, отчего мы не можемъ пользоваться этимъ родомъ матеріаловъ.

Замѣчательнѣе двухъ первыхъ — третій родъ источниковъ, именно рецензии историческаго труда Карамзина. Въ нихъ виденъ взглядъ некоторыхъ современныхъ литераторовъ (не отнюдь не ученыхъ) на «Исторію Государства Россійскаго»; — мы говоримъ литераторовъ, потому что Каченовскій, Арцыбашевъ, Полевой и некоторые другіе не могутъ быть названы учеными въ строгомъ смыслѣ. Самыя дѣльныя критики на огромный трудъ Карамзина были помѣщены въ «Северномъ Архивѣ», который издавался тогда Ф. В. Бугариннымъ. Обо всемъ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Но главнымъ источникомъ при оцѣнкѣ Карамзина, какъ литератора и какъ историка, будутъ намъ служить самыя

его произведений, — источникъ честный и достоуверный. Принадъ за правило для критики трудовъ Карамзина — добросовѣстность и осторожность, мы, при всемъ томъ, никому не наддыраемъ своихъ убѣжденій. Приметь ихъ читатель — очень рады; не приметь — значитъ, взгляды наши различны.

Подробная критика «Исторіи Государства Россійскаго» не войдетъ въ біографію Карамзина, но составятъ отдѣльное сочиненіе, въ которомъ мы постараемся разоглатъ всѣ возраженія, слышанныя Карамзину кѣмъ бы то ни было. Такъ, мы покажемъ какія изъ этихъ мнѣній основательны, опровергнемъ замѣчанія, несправедливыя и пристрастныя, и потомъ уже выскажемъ свое собственное мнѣніе объ «Исторіи Государства Россійскаго». Мы совершенно убѣждены, что историческій трудъ Карамзина еще долго будетъ служить единственною источникомъ для разныхъ историческихъ монографій, и въ особенности для тѣхъ писателей, которымъ недоступны всѣ историческія сокровища, находящіяся только въ бібліотекахъ и архивахъ общахъ столицъ. Однакожъ великій трудъ Карамзина, не чуждъ и недостатковъ; но атому, желая доставить пользующимся «Исторіею Государства Россійскаго» возможность набѣгать погрѣшностей и содѣйствовать критической обработкѣ отечественной исторіи, мы приведемъ въ своей оцѣнкѣ всѣ замѣчанія рецензентовъ на историческій трудъ Карамзина, возстановляющія истину фактовъ, надолженныхъ у исторіографа иной разъ по недостовернымъ источникамъ, или безъ строгой критики.

Карамзинъ, какъ литераторъ — явленіе весьма замѣчательное въ исторіи нашей литературы; онъ составляетъ эпоху. Карамзинъ былъ поэтъ, беллетристъ, критикъ, политикъ, журналистъ и историкъ.

Такъ какъ въ новѣйшее время, у насъ явилось много поборниковъ чистоты русскаго слова, которые готовы привязываться къ каждой буквѣ и запятой; то мы, не желая навлечь на себя ихъ нерасположеніе, считаемъ необходимымъ замѣтить: хотя мы и называли Карамзина поэтомъ, беллетристомъ, критикомъ, политикомъ и журналистомъ, однако жъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы считали Карамзина единично поэтомъ и беллетристомъ, неогрѣшимымъ критикомъ, опытнымъ журналистомъ и т. д. Не смотря на то, у насъ есть много средствъ доказать достоинства Карамзина, какъ литератора талантливаго.

Состояніе нашего общества въ то время, когда родился Ка-

ранства, было не нормальное, но переходное. Петр Великий сдвигал Русских Европейцами по одной вышней формѣ; его гений не могъ вдругъ коснуться внутренней стороны русской жизни. Сдвигавшись гражданами Европы, по вышнему виду, наши предки чувствовали необходимость уподобиться Европейцамъ и по духу. Хотя нравственное перерождение России началось при Петрѣ, но такъ-какъ оно впоследствии не было поддерживаемо и питаемо зрительными и ощутными его духомъ, то, до царствованія Екатерины-Второй, русское общество было довольно странно. Въ этикетѣ нашихъ правдоу было очень много естественнаго; ихъ любезность и сентиментальность тѣмъ болѣе забавны, что они рѣшительно были имъ не къ лицу. Наше провинціальное общество, къ которому принадлежали родители Карамзина, къ счастью сохранилось въ запискахъ современниковъ, дающихъ самое полное и вѣрное понятие о бытѣ русскаго провинціального дворянства въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Этотъ бытъ не заслуживаетъ подробнаго описанія; довольно сказать, что главныя черты жизни нашего провинціального общества весьма далеко не удовлетворяли условіямъ общества образованнаго. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія, откройте любую страницу весьма незабываемыхъ «Записокъ» Дидлова. Описъ азиатскихъ понатій съ европейскими встрѣчались на каждомъ шагу въ быту нашихъ провинціальныхъ дворянъ, до самыхъ временъ царствованія Екатерины-Второй. Мы обращаемъ вниманіе на провинціальный дворянскій бытъ, потому что изъ среды его вышелъ и знаменитый Карамзинъ, котораго родители были небогатыя дворяне Симбарской губерніи.

Родословныя извѣстія о Карамзинныхъ доходятъ до XVI столѣтія. Фамиліи преданіе, сохранившееся до сихъ поръ, говоритъ, что предокъ ихъ былъ татарскій мурза, называвшійся Кара-Мурза. Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, рассказывалъ историкъ своимъ дѣтямъ о происхожденіи рода Карамзинныхъ, и вѣроятно, рассказывалъ то, что самъ слышалъ отъ своего отца.

Не смотря однакожь на всѣ недостатки вѣка (первой половины XVIII столѣтія), и тогда были люди, отличавшіеся простотою нравовъ, добродушіемъ, честностью, твердостью

* Карамзинъ родился 1-го декабря 1765 года, въ Оренбургской губерніи, въ селѣ Михайловкѣ (Преображенскій).

характера; къ числу такихъ-то людей принадлежали родители Карамзина, что доказывается правилами ихъ сына. Отецъ Карамзина былъ человекъ вполне нравственный и благородный.

До времени Екатерины, въ Россіи не было народныхъ училищъ. Усилія Петра въ этомъ отношеніи не достигли своей цѣли. Все образованіе дворянъ средняго класса состояло въ умѣньи читать и писать. Въ провинціи представителемъ учености былъ дьячекъ, умѣвшій, при случаѣ, блеснуть библейскою септенціей, знавшій «церковный уставъ», и не совѣмъ чуждый понятія «о цифирѣ». Карамзинъ тоже началъ ученіе у подобнаго педагога.

Находясь въ родительскомъ домѣ, молодой Карамзинъ не могъ получить основательнаго первоначальнаго образованія, не могъ употребить времени своего дѣтства на ученіе полезное. Но виною въ томъ не онъ, не его родители, а тогдашній вѣкъ. За то все стараніе отца Карамзина было обращено на развитіе нравственности сына. Впрочемъ, тогдашнее воспитаніе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло и нѣкоторыя выгоды. Справедливо говорить о немъ князь П. А. Вяземскій въ своемъ сочиненіи «Фонъ Визинъ»: «Тогдашнее воспитаніе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло и хорошую сторону: ребенокъ долѣ оставался на русскихъ рукахъ, былъ окруженъ русскою атмосферою, въ которой ранѣе знакомился съ языкомъ и обычаями русскими. Европейское воспитаніе, которое уже въ возмужаломъ возрастѣ довершало воспитаніе домашнее, исправляло предрасудки, просвѣщало умъ, но не искореняло первоначальныхъ впечатлѣній, которыя были преимущественно отечественныя. Укажемъ на одно свидѣтельство: большая часть переписки государственныхъ людей царствованія Екатерины велась на русскомъ языкѣ, несмотря на господство языка французскаго и иноплеменныхъ нравовъ. Послѣ мы видимъ совершенно противное: первые звуки, первыя понятія, которыя передавали дѣтямъ другаго поколѣнія, были исключительно иностранныя, потому-что ребенокъ отъ груди русской кормилицы былъ обыкновенно ввѣряемъ чужеземцамъ. Только позднѣе, въ лѣтахъ юношества, а часто и въ возрастѣ, перезрѣломъ для исправленія вкоренившихся погрѣшностей, русскій гражданинъ по собственному обратному влеченію, и какъ будто по уязвленію пробудившейся совѣсти, обра-

щался къ изученію отечественнаго. Болѣе домоѣдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ исправленію частныхъ обязанностей, и соблюденію обрядовъ русскаго православія, можетъ быть — менѣе суетности, но въ семейственномъ кругу болѣе живаго участія въ дѣлахъ общественныхъ и, между-тѣмъ, болѣе независимости въ нравахъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію; оно имѣло свои недостатки, и весьма важныя; но какъ замѣчено выше, имѣло въ себѣ что-то положительное, дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ».

Жаль что молодой Карамзинъ съ самаго нѣжнаго возраста былъ осужденъ на жизнь одинокую. Отецъ его былъ вдовъ. Карамзинъ лишился матери * очень рано, какъ это видно изъ его «Посланія къ женщинѣ», въ которомъ онъ говоритъ:

*Ахъ! я не зналъ тебя!... ты давъ мнѣ жизнь, сокрылась
Среди веселыхъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась.
Я съ первый жизни чабъ наказанъ былъ судьбой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рвкою слезы лилъ на мохъ сырой земли
На мохъ твоей могилы!..
Но образъ твой священный, милый
Въ груди моей напечатлѣнъ
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твоей тихой нравъ остался мнѣ въ наследство.
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣтство;
Ты въ гѣтахъ юности меня къ добру влекла,
И совѣстью моею въ часъ слабости была **.*

Къ смягченію нрава молодаго Карамзина не мало содѣйствовало и то, что онъ былъ сирота, потому-что самый заботливый отецъ не можетъ замѣнить матери. У Карамзина былъ братъ Василій Михайловичъ, которому онъ впоследствии посвятилъ переводъ Галлеровой поэмы «О происхожденіи зла». Къ сожалѣнію намъ ничего не извѣстно о Василіи Михайловичѣ, а въ особенности какое онъ имѣлъ вліяніе на меньшаго брата Николая.

* Отецъ Карамзина былъ женатъ два раза. Николай Михайловичъ родился отъ перваго брака (Екатерины Петровны Пазухиной) и былъ третій сынъ. Вторая супруга его отца Авдотья Гавриловна Дмитріева, была тетя Ивана Ивановича Дмитріева.

** Аониды, кн. I.

Чувствительность, наследіе матери, развилась въ Карамзинѣ очень рано, и осталась отличительнымъ его свойствомъ на всю жизнь, какъ утверждалъ самъ онъ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что Карамзинъ, въ дѣтствѣ, былъ обучаемъ нѣмецкому языку тамошнимъ (т. е. симбирскимъ) пятидесятилѣтнимъ врачомъ изъ Нѣмцевъ, котораго фамилію забылъ, но помнилъ его привлекательную фізіономію, не смотря на горбъ. Онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его сіяли кротость и человѣколюбіе.

Въ «Вѣстникѣ Европы» былъ напечатанъ «Рыцарь нашего времени», романъ, въ которомъ Карамзинъ подъ именемъ «Леона» описываетъ свое дѣтство. Этотъ романъ написанъ подъ вліяніемъ «Исповѣди» Руссо и недоконченъ. Однакожь мы приведемъ изъ него нѣсколько отрывковъ, относящихся до самого автора. Въ первой главѣ говорится: что Леонъ родился въ маѣ мѣсяцѣ, на берегахъ Свяги (что несправедливо). Отецъ его (Михаилъ Егоровичъ) былъ отставной, израненный капитанъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, ни бѣденъ, ни богатъ, а человѣкъ средняго состоянія; былъ въ турецкой и шведской кампаніи, и, возвратившись на родину, женился на сосѣдкѣ (вѣроятно, по имѣнію), дѣвицѣ лѣтъ двадцати. — Глава пятая. *Первый ударъ рока.* Леонъ лишается матери на семилѣтнемъ возрастѣ. Глава шестая посвящена описанію успѣховъ Леона въ ученіи, которое началось у дядька, разумѣется съ «часовника». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Леонъ уже читалъ всѣ церковныя книги; потомъ учился гражданской азбукѣ. Такъ-какъ Руссо начинаетъ свое образованіе чтеніемъ всѣхъ книгъ безъ разбора, какія только находятъ въ отцовской бібліотекѣ, то и Карамзинъ пролагаетъ Леону путь къ *желтому шкапу*, въ которомъ находились книги покойной его матери. Но какими книгами наполнить этотъ шкафъ? Авторъ не затруднился: онъ справился, какіе русскіе романы вышли въ половинѣ XVIII вѣка, и на полкѣ желтаго шкапа очутились «Даура, восточная повѣсть»; «Селимъ и Дамасива»; «Мирамондъ» и «Исторія Лорда N». Молодой Леонъ съ жадностью бросился на эти сокровища русскаго слова. — Изъ осьмой главы мы узнаемъ о ветеранахъ, собиравшихся въ домѣ отца Леона, отъ которыхъ молодой человѣкъ набрался «русскаго духа и благородной дворянской гордости». — Глава десятая заключаетъ въ себѣ описаніе знакомства Леона съ графи-

нею N, у которой онъ учился по-французски, а потомъ, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, влюбился. Тутъ случилось еще одно маленькое происшествіе, въ слѣдствіе котораго графиня выдрала Леона за уши, разумѣется, въ шутку, отъ любви. На этомъ важномъ событіи прекращается исторія «Рыцаря нашего времени».

Вся эта исторія, — болѣею частью вымыселъ, но есть люди, которые, въ простотѣ сердца, принимая эту повѣсть за самое достовѣрное описаніе дѣтства Карамзина, полагаютъ ее въ основаніе его біографіи. Что станете дѣлать съ такими догадливыми біографами? А, кажется, грѣшно бы основывать біографію Карамзина на подобныхъ данныхъ.

Оставимъ «Рыцаря нашего времени», и скажемъ, что вскорѣ молодой Карамзинъ попалъ въ Москву, гдѣ существовалъ уже университетъ, а при немъ находился и пансіонъ извѣстнаго профессора Шадена. Старый капитанъ, отецъ Карамзина, повинаясь совѣтамъ друзей, отдалъ сына въ этотъ пансіонъ*. Здѣсь товарищами его были Платонъ и Иванъ Петровичи Бекетовы.

При основаніи московскаго университета, въ число предметовъ, назначенныхъ для преподаванія, между-прочимъ, включены были: нравоученіе, права естественное и народное и политика. Для замѣщенія каедръ этихъ предметовъ вызванъ былъ изъ Германіи докторъ Юганъ Маттей Шаденъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, получилъ и должность директора университетской гимназіи.

Шаденъ былъ родомъ изъ Пресбурга; въ послѣдствіи, онъ слушалъ курсъ наукъ въ тюбингенскомъ университетѣ, подъ руководствомъ Христ. Баумейстера, гдѣ въ особенности занимался философіею, и получивъ степень доктора, былъ вызванъ оттуда въ Россію.

Приѣхавъ въ Москву и занявъ мѣсто директора университетской гимназіи, Шаденъ вникнулъ въ свои обязанности и началъ соображать, можетъ ли подобное учрежденіе принести въ Россію ожидаемую пользу? Онъ видѣлъ, что одного университета недостаточно для пространной Россіи, и что необходимо учредить среднія и нисшія учебныя заведенія и частныя

* Не извѣстно, въ которомъ году Карамзинъ былъ отвезенъ въ Москву, но изъ его «Путевыхъ записокъ» (изданіе 1801 года, часть VI, страница 344), видно, что во время Американской войны онъ уже былъ пансіонеромъ Шадена, и читалъ донесенія торжествующихъ британскихъ адмираловъ. Слѣдовательно, это было между 1776 и 1780 годами. Digitized by Google

пансіоны. По этому, при вступленіи въ должность директора, въ 1756 году, онъ говорилъ на торжественномъ актѣ рѣчь (на латинскомъ языкѣ): «О заведеніи гимназій въ Россіи» *. Между-тѣмъ для примѣра самъ открылъ пансіонъ, по образцу германскихъ пансіоновъ. Въ этотъ-то пансіонъ поступилъ и молодой Карамзинъ. Принимая его въ свое заведеніе, Шаденъ не могъ, при самомъ началѣ, не замѣтить въ молодомъ ученикѣ прекрасныхъ свойствъ; вскорѣ же Шаденъ открылъ въ Карамзинѣ и рѣдкія способности.

Такъ-какъ въ пансіонѣ особенное вниманіе было обращено на изученіе языковъ, то молодой Карамзинъ прилежно занялся ими, вскорѣ сдѣлалъ значительные успѣхи, и приобрѣлъ еще большее расположеніе къ себѣ Шадена, который сталъ водить его съ собою къ иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ, для того, чтобы этотъ юноша могъ усовершенствоваться въ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Карамзинъ вполнѣ оправдалъ ожиданіе Шадена, прекрасно владѣлъ языками французскимъ и нѣмецкимъ, и былъ однимъ изъ превосходныхъ учениковъ въ пансіонѣ. Шаденъ давалъ ему читать лучшія иностранныя сочиненія, писанныя для дѣтей. Карамзинъ читалъ басни Геллерта ** и восхищался. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, Карамзинъ учился еще греческому ***, латинскому, англійскому **** и итальянскому.

Къ-счастью Карамзина, Шаденъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, и при томъ пламенно любилъ Россію.

* De Gimnasiis in Moscovia rite adaperiundis.

** Въ бытность свою въ Лейпцигѣ, Карамзинъ видѣлъ памятникъ Геллерта, и писалъ при этомъ случаѣ слѣдующее: «Тутъ вспомнилъ я то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою бібліотеку, когда читая его «Никле и Ярико», обливался горькими слезами; или, читая «Зеленаго огла», смѣлся отъ всего сердца. Когда профессоръ, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ, съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, каковыми училъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы». Этими воспоминаніями растрогалъ я свое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ въ картинѣ: много тѣни и мрачности». («Письма Русскаго Путешественника», Лейпцигъ, 15 іюля).

*** Будучи въ Данцигѣ, онъ писалъ къ своимъ друзьямъ: «хотѣлось бы мнѣ видѣть и профессора Тренделенбурга, чтобъ поблагодарить его за греческую грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впредь надѣюсь пользоваться». («Письма Русскаго Путешественника», Данцигъ, 11/23 іюля 1787 года).

**** Но Карамзинъ не говорилъ по-англійски; поэтому, будучи въ Англии онъ пишетъ въ своихъ «Письмахъ»: «Я теперь крайне жалю, что такъ худо знаю англійскій языкъ». (Изданіе 1801 года, часть VI, страница 119).

И то и другое свойство онъ передалъ любимому своему ученику.

Окончивъ курсъ ученія въ пансіонѣ, Карамзинъ, по совѣту Шадена посѣщалъ университетскія лекціи, и посѣщалъ ихъ съ пользою. Здѣсь онъ приобрѣлъ довольно основательныя свѣденія въ исторіи отечественной и всеобщей; порядочно изучилъ исторію иностранныхъ литературъ, теорію изящной словесности, и читалъ образцовыхъ писателей Германіи, Франціи и Англіи, въ подлинникахъ. Познанія Карамзина въ философіи ограничивались логикою и психологіей. Если прибавить къ этому, познанія въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, то, увидимъ, что Карамзинъ былъ очень хорошо образованъ для своего времени, тѣмъ-болѣе, что онъ довольно основательно зналъ все, чему учился.

Шадену хотѣлось, чтобы Карамзинъ, окончивъ университетское ученіе, отправился усовершенствоваться въ лейпцигскомъ университетѣ; Карамзинъ и самъ имѣлъ это въ виду, но не извѣстно, отчего именно не исполнялъ любимѣйшаго своего желанія: вѣроятно, препятствіемъ этому были денежные средства, а можетъ быть и смерть отца, послѣдовавшая около этого времени. Въ запискахъ Карамзина находимъ слѣдующія строки, написанныя изъ Лейпцига.

«Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать пужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце! — Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія. — Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горестъ въ сердцѣ и слезы въ глазахъ. Нельзя возвратить прошедшаго!» Для насъ послѣднія слова Карамзина не совсѣмъ ясны. Человѣкъ, неперестававшій учиться съ приѣзда въ Москву до самаго выѣзда за границу, жалуется, что провелъ молодость въ бездѣйствіи!

Карамзинъ съ дѣтства отличался необыкновеннымъ даромъ слова, онъ говорилъ съ необычайною легкостью и пріятностью и, рассказывая самыя обыкновенныя вещи, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Шаденъ, замѣтивъ это обстоятельство, давалъ ему читать лучшихъ французскихъ авторовъ,

чтобъ образоватъ его вкусъ и уже предвидѣль въ Карамзинъ литератора *.

Окончивъ свое образованіе **, Карамзинъ жилъ въ Москвѣ; но такъ-какъ въ то время можно было сдѣлать карьеру только военною службой, то и Карамзинъ былъ записанъ въ гвардію (въ Преображенскій полкъ, подпрапорщикомъ), чтобъ имѣть доступъ въ высшій кругъ. Карамзинъ отправился въ Санктпетербургъ, вѣроятно, въ 1782 году, гдѣ и познакомился съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Вотъ разсказъ о первой ихъ встрѣчѣ: «Однажды я, будучи еще и самъ сержантомъ, пишетъ Дмитріевъ, возвращаюсь съ прогулки; слуга мой, встрѣтя меня на крыльцѣ, сказываетъ мнѣ, что кто-то ждетъ меня, пріѣхавшій изъ Симбирска. Вхожу въ горницу, и вижу миловиднаго, румянаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ моего родителя. — Стоило только услышать имя Карамзина, какъ мы уже были въ объятіяхъ другъ друга. Стоило намъ сойтись три раза, какъ мы уже стали короткими знакомыми. Едва ли не съгодъ мы были неразлучны; склонность наша къ словесности, можетъ быть что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ, укрѣпляли нашу связь день отъ дня болѣе: мы давали взаимный обѣтъ въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему иногда мелкіе мои переводы, которые были напечатаны особо и въ тогдашнихъ журналахъ; слѣдуя моему примѣру, онъ принялся и самъ за переводы. Первымъ опытомъ его былъ «Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ нашей Императрицею Елисаветою, въ Елисейскихъ поляхъ», переведенный имъ съ нѣмецкаго языка. Я совѣтовалъ ему, продолжаетъ Дмитріевъ, показать его книгопродавцу Миллеру, который покупалъ и печаталъ переводы, платя за нихъ, по произвольной оцѣнкѣ и согласію переводчика, книгами изъ своей книжной лавки. Не могу безъ улыбки вспомнить, съ какимъ торжественнымъ видомъ добрый и милый юноша — Карамзинъ, вбѣжалъ ко мнѣ, держа

* Все сказанное здѣсь о пребываніи Карамзина у профессора Шадена, общено мнѣ покойнымъ А. И. Тургеневымъ, который, вѣроятно, слышалъ это отъ самого же Карамзина.

** Когда именно Карамзинъ окончилъ свое образованіе, навѣрно не извѣстно; но такъ-какъ онъ самъ въ примѣчаніи къ одному стиху, «Посланія къ жещинѣ», говоритъ: «авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ ѣхать въ армию («Сочиненія Карамзина», изданіе третье, томъ I, страница 101), то должно полагать, что образованіе его кончилось въ 1782 году.

въ обѣихъ рукахъ по два томика Фильдингова Томаса Юнеса (Tom Jones), въ маленькомъ форматѣ, съ картинками, перевода Харламова. Это было первымъ возмездіемъ за словесные труды его».

Послѣ этого Карамзинъ перевелъ «Деревянную ногу». Однакожь военная служба, кажется, была не по праву Карамзину. По смерти отца онъ вышелъ въ отставку поручикомъ, потому-что ему не начто было спить хорошей офицерскій мундиръ, и уѣхалъ въ Симбирскъ.

Вскорѣ туда пріѣхалъ и Дмитріевъ. Карамзинъ между тѣмъ уже успѣлъ составить себѣ тамъ извѣстность челоѣка образованнаго, владѣвшаго весьма разнообразными познаніями. «Я нашелъ его, пишетъ Дмитріевъ, играющимъ ролю надежнаго на себя свѣтскаго челоѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу, и политикомъ передъ отцами семейства, которые, хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила, однакожь, въ немъ прежней охоты къ словесности; при первомъ нашемъ свиданіи съ глазу на глазъ, онъ спрашиваетъ меня, занимаюсь ли по прежнему переводами? Я сказываю ему, что не давно перевелъ изъ книги: «Картина смерти г. Каррачіоли», разговоръ выходца съ того свѣта съ живымъ другомъ его. Онъ удивился странному моему выбору, и дружески совѣтовалъ мнѣ бросить эту работу, убѣждая тѣмъ, что по выбору перевода судятъ и о свойствахъ самаго переводчика, и что я выборомъ моимъ конечно не заслужу завиднаго о себѣ мнѣнія. А я, премоливъ онъ, думаю переводить изъ Волтера съ нѣмецкаго.—Что же такое?—Бѣлаго быка.—Какъ! эту дрянь! и еще положную! вскричалъ я, повторяя его же заключеніе, и оба земляка схватились».

Разсѣянная свѣтская жизнь Карамзина продолжалась не долго. «Иванъ Петровичъ Тургеньевъ, говоритъ Ив. Ив. Дмитріевъ, будучи въ Симбирскѣ, уговорилъ Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву. Тамъ онъ познакомилъ его съ Николаемъ Новиковымъ, основателемъ, или, по-крайней-мѣрѣ, главной пружиной «Дружескаго типографическаго общества». Въ этомъ-то дружескомъ обществѣ началось образованіе Карамзина, не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ Новикова, онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ, слушать профессора Шварца, преподававшаго лекціи о Богопо-

знаніи и высокихъ предназначеніяхъ человѣка. Между-тѣмъ знакомился и съ молодыми любословами, окончившими только учебный курсъ. Новиковъ употреблялъ ихъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ. Между ними, по всей справедливости, почитался отличнѣйшимъ Александръ Андреевичъ Петровъ. Онъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ здоровой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики, а упражнялся только въ переводахъ, изъ которыхъ извѣстны мнѣ первые два года еженедѣльника, подъ названіемъ: «Дѣтское чтеніе»; «Учитель», въ двухъ томахъ; «Хризомандеръ», мистическое сочиненіе, и «Багуатгата», также родъ мистической поэмы, писанной на санскритскомъ языкѣ, и переведенной съ нѣмецкаго. Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ; но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею, у Меншиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ дружескому обществу. Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго не задолго передъ прїездомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву, а другая освящалась Иисусомъ на Крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа.»

Новиковъ, видя, что молодой Карамзинъ можетъ въ послѣдствіи служить средствомъ для его плановъ, совѣтовалъ ему заняться литературою *, и тотчасъ же предложилъ ему работу, именно переводы разныхъ иностранныхъ сочиненій педагогическаго содержанія, которыя раздавались при московскихъ газетахъ подъ заглавіемъ «Листки для дѣтскаго чтенія», а потомъ печатались отдѣльными книжками. Карамзинъ нашель,

* Карамзинъ уже былъ извѣстенъ Новикову своимъ переводомъ Геснеровой шалки «Деревянная нога», напечатанной въ Санктпетербургѣ, 1783 года. Изъ этого перевода, конечно, еще нельзя было заключить, что выйдетъ въ послѣдствіи изъ Карамзина; но въ то время, когда у насъ печаталось весьма не много, и «Деревянная нога» имѣла свои достоинства и находила читателей.

что занятія, предложенныя Новиковымъ, очень могутъ пригодиться, и что, переводя съ иностранныхъ языковъ, онъ не только ближе познакомится съ иностранною литературою, но со временемъ сдѣлается отличнымъ переводчикомъ. Притомъ, такъ—какъ до того времени въ Россіи не издавалось ничего подобнаго, то не было сомнѣнія, что это первое предпріятіе должно было увѣнчаться успѣхомъ, и доставить средства отправиться въ послѣдствіи за границу.

Карамзинъ приступилъ къ литературнымъ трудамъ, имѣя не болѣе девятнадцати лѣтъ отъ роду; товарищемъ его по изданію «Дѣтскаго чтенія» былъ А. Петровъ.

Отношеніе Петрова къ Карамзину всего лучше видно изъ писемъ перваго къ послѣднему. Вотъ онѣ:

«Терпѣть иногда скуку, пишетъ Петровъ, есть жребій всякаго, отъ жены рожденнаго. Но также всякій человекъ имѣетъ способность разгонять скуку и на трудномъ каменномъ пути своемъ выискивать маленькія тропинки, по которымъ хотя три или четыре шага можетъ ступить спокойно. Я не знаю, чья бы доля въ сей способности была менѣ моея, однако и я по большей части терплю скуку по своей волѣ. Работа, ученье, плоды праздныхъ и веселыхъ часовъ какого-нибудь Нѣмца, собственная фантазія, добрый пріятель—вотъ сколько противоскучій или противоядій скуки, мнѣ одному извѣстныхъ! и всѣ эти противоскучія можно найти не выходя за ворота. Сколько жъ можно еще ихъ найти, захотѣвши искать? Это все очень хорошо, скажешь ты, но когда скука овладѣетъ мною, то я не могу приняться за работу, ученье нейдетъ въ голову, и самый Шекспиръ меня не прельщаетъ; собственная фантазія заводитъ меня только въ пустыя степи, или въ дремучіе лѣса, а добраго пріятеля взять негдѣ. На это отвѣчаю, что къ работѣ и къ ученю всякій молодой человекъ немного только попривудить себя долженъ, послѣ чего и Шекспиръ и фантазія будутъ приносить удовольствіе; а добрымъ пріятелемъ можетъ быть всякій честный человекъ, у котораго есть уши, языкъ и общій человѣческій смыслъ, если только захочешь подладиться къ его тону. Хотя подлаживаться къ чужому тону и требуетъ упражненія, однако по этому—то самому и служить оно противоядіемъ. Каково понравилось тебѣ мое нравоученіе?—Постарайся употребить что-нибудь изъ него въ свою пользу».

5 мая 1785 года.

«Я имѣлъ удовольствіе получить письмо твое отъ 9 мая, и благодарю тебя за него. Я никогда не сомнѣвался, что ты меня высоко считаешь и горячо любишь, хотя въ первомъ и никогда ты меня не увѣрялъ. Люблю ль я тебя? о томъ не хочу сказывать. Я рѣдко пропускаю случай писать къ тебѣ, изъ чего можешь заключить по-крайней-мѣрѣ то, что я всегда о тебѣ помню. *Disce philosophari!* говоримъ мы, ученье; то есть: учися любомудрствовать, и отъ дѣйствія доходить до причины — (Когда будешь писать ко мнѣ, то пожалуй не забудь поблагодарить меня за сіи латинскія слова и похвалить мою ученость). За двѣ недѣли передъ симъ писалъ я къ тебѣ о моей скукѣ, и теперь не почитаю за нужное повторять; что жъ касается до праздности, то я никому въ свѣтѣ не повѣрю, чтобъ ты ничего не дѣлалъ».

20 мая, 1785 года.

«Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія и дальніе края озарившему! такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи, или Германіи. Чего нѣтъ въ нихъ касающагося до литературы? — Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофѣ и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ надъ тобою въ учености, второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло его съ ногъ; я спрягалъ свой кусочекъ латыни въ карманъ, отошелъ въ уголь, сложилъ руки на грудь, повѣсилъ голову и призналъ слабость мою предъ тобою, хотя ты по-латыни и не учился. Лѣньность и праздность столько мною овладѣли, что я почти ни за какую работу не принимаюсь, а потому и рѣдко бываю въ добромъ расположеніи. Это уже не новое, но давнипшее скажешь ты. Правда! но мнѣ кажется, что прежде я никогда не чувствовалъ тягости, какую навьючиваетъ на насъ бездѣлье, по-крайней-мѣрѣ чувствовать началъ».

11 іюня, 1785 года.

«Поэзія, музыка, живопись воспѣты ли тобою? Удивленные Чистые пруды внемлютъ ли гимну Томсонову, улучшенному на языкѣ русскомъ? Обогащается ли русская проза и

любуется ли какая-либо муза новымъ свѣтильникомъ въ ея мѣрѣ, тобою возженномъ? Отправлено ли уже письмо къ Лафатеру? Прочитай сіи вопросы, и пересмотри свои композиціи съ отеческою улыбкою, если онѣ существуютъ уже въ тѣлахъ; если жъ только души ихъ носятъ въ головѣ твоей, то встань съ кресель, приложи палецъ ко лбу, и устремивъ взоръ на столикъ, располагай, что и когда сдѣлать; потомъ уже вели сварить кофе, сядь, и дѣлай что тебѣ угодно».

«Вопросы: что я есмь? и что я буду? всего меня занимаютъ, и бѣдную мою голову, праздностью разслабленную, кружатъ. Но это сюда не принадлежитъ. Не слыханное совершается! и я стихи писалъ, или хотѣлъ писать. Но не соблазнися. Помни, что это гратуляція; участь же гратулятивовъ ископи одинакова».

Изъ деревни Н. 30 іюня 1786 года:

Въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1785 до 1789 года) Карамзинъ издалъ съ Петровымъ 20 частей «Дѣтскаго чтенія». Изданіе это обратило на себя всеобщее вниманіе, по своему языку и разнообразію предметовъ, и было перепечатываемо четыре раза*.

Карамзинъ явился вдругъ журналистомъ и педагогомъ, потому-что на «Дѣтское чтеніе» надобно смотрѣть, какъ на періодическое изданіе, посвященное юности. Карамзинъ былъ редакторомъ и въ то же время самъ писалъ для своего изданія. Какъ редактору, ему должно отдать полную справедливость за выборъ статей, довольно занимательныхъ и разнообразныхъ, сколько позволяли матеріалы. Все «Дѣтское чтеніе» состоитъ собственно изъ статей педагогическаго и нравственнаго содержанія, переведенныхъ съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Кое-гдѣ встрѣчаются и небольшія оригинальныя статейки. Такъ какъ подъ статьями переводчики не подписывали имени, то нельзя сказать, какія статьи принадлежатъ Карамзину, и какія другимъ, тѣмъ болѣе, что Карамзинъ, какъ редакторъ, заботясь о чистотѣ языка, давалъ всему изданію общій колоритъ; по этому почти всѣ статьи «Дѣтскаго чтенія» написаны однимъ языкомъ.

* «Дѣтское чтеніе для сердца и разума», переподъ съ нѣмецкаго и французскаго, Ник. Кар. и А. П., 20 частей, М. въ унив. тип., 1785 —, 1789 г. (8); 2-е изд., Владиміръ, въ тип. губ. пр. и Москва, въ тип. Пономарева, 1799. 1804 г.; 3-е изд. (а на заглавномъ листѣ 2-е), М., въ тип. Селивановскаго, 1819 г.; 4-е изд., Орелъ, 1819 года.

Начавъ такимъ образомъ свое литературное поприще, Карамзинъ показалъ, чего можно было ожидать отъ него въ послѣдствіи. Уже въ этомъ изданіи онъ началъ открывать красоты русской рѣчи, которую такъ усердно обезобразили наши писатели XVIII столѣтія. Молодой литераторъ благоговѣлъ предъ Ломоносовымъ, уважалъ Сумарокова, но не подражалъ ни одному, ни другому, ибо не имѣлъ способности подражать тому, что было противно его природному, чистому и вѣрному вкусу. Публика восхищалась слогомъ Карамзина въ статьяхъ «Дѣтскаго чтенія».

Изъ «Писемъ Русскаго Путешественника» * узнаемъ, что «Аркадскій памятникъ», сельская драма, съ пѣснями, въ одномъ дѣйствіи, сочиненія Вейсе, переведена съ нѣмецкаго самимъ Карамзинымъ. Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ этого любопытнаго памятника первой литературной дѣятельности преобразователя русскаго языка.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛИЗИАСЪ И ДАФНА.

ЛИЗИАСЪ.

Конечно мы съ тобою
Въ Аркадію пришли,
Любезнѣйшая Дафна.
Здѣсь вѣчная весна
Въ долинахъ зеленеетъ;
Здѣсь кроткій вѣтерокъ
Колеблетъ воздухъ свѣжій,
Безъ терна цвѣтъ растетъ,
И небо чисто ясно.
Конечно мы съ тобой,
Любезнѣйшая Дафна
Въ Аркадію пришли.

ДАФНА.

Ахъ, Лизіасъ! мы вѣрно
Въ Аркадію теперь.
Здѣсь все покойно мирно.
Гармонія пѣвцовъ,
Поющихъ на кусточкахъ,
Въ восторгъ приводитъ насъ.
Они, не зная страха,
На встрѣчу къ намъ летятъ.
Ахъ, Лизіасъ! мы вѣрно
Въ Аркадію теперь.

ВѢСТЬ.

Будьте вы благословенны,
 Вы должны и луга,
 Гдѣ во вѣки обитають
 Добродѣтель и покой!
 Примите насъ, долины,
 Примите вѣжно насъ;
 И укройте съ лаской юность!
 Мы пришли сюда искать
 Счастья, вольности, покоя.
 Намъ любовь, кончалъ жизньъ,
 Счастья здѣсь искать велѣла,
 Счастья, мира, тишины*.

И въ наше время немного найдете такихъ стиховъ, назначаемыхъ для дѣтскаго чтенія. Нѣтъ сомнѣнїя, что современники Карамзина, читая эти стихи, и не паходя въ нихъ *ко-лико, паче, токмо*, и ихъ собратїй, модныхъ цвѣтовъ тогдашняго витїйства, не мало удивились. — Какъ переводчикъ, Карамзинъ отличался необыкновенною точностью и удивительною близостью къ подлиннику. Занимаясь пять лѣтъ сряду переводами для «Дѣтскаго чтенія» статей различнаго содержанія, изъ лучшихъ иностранныхъ писателей, Карамзинъ незамѣтно образовалъ свой вкусъ. Изучая современныхъ иностранныхъ писателей *, онъ поневолѣ долженъ былъ слѣдовать ихъ направленію. Вотъ причина иногда излишней сантиментальности, встрѣчаемой въ статьяхъ Карамзина. Впрочемъ, эта слабость вѣка, вкрашаяся въ сердце писателя, произвела и хорошее дѣйствіе.

Чистыя нравственныя правила, изложенныя увлекательнымъ, для того времени, языкомъ, незамѣтно проникали въ душу читателей, особенно читательницъ, и мало-по-малу дали совершенно иной колоритъ цѣлому обществу. Матери со слезами читали переводы Карамзина своимъ дѣтямъ, и такимъ образомъ въ послѣдствїи явилось цѣлое поколѣніе, воспитанное въ морали нѣмецкихъ и французскихъ писателей, переданной въ «Дѣтскомъ чтенїи». Надобно ли говорить, что «Дѣтское чтенїе» читалось и взрослыми, и на нихъ имѣло значительное вліяніе. Однакожь это полезное періодическое изданіе прекратилось въ 1788, а въ слѣ-

*) Издавая «Дѣтское чтенїе», Карамзинъ находилъ еще время изучать, вѣ-
 сть съ своимъ другомъ, «курсъ литературы» Баттѣ, викаль въ его прави-
 ла и восхищался красотами приводимыхъ пригѣровъ (П. Р. П., изд. —
 1801 г., час. V., стр. 296).

дующемъ году молодой редакторъ его уже путешествовалъ по Европѣ.

Въ какомъ обществѣ жилъ Карамзинъ въ Москвѣ до своего отъѣзда за границу—не извѣстно положительно, однако можно судить съ вѣроятностью, что кромѣ дома профессора Шадена, у котораго Карамзинъ былъ принятъ какъ свой, онъ посѣщалъ также Тургеневыхъ, съ которыми былъ весьма близокъ; наконецъ, сблизившись съ Новиковымъ, проводилъ иногда время въ ученыхъ собраніяхъ, бывавшихъ тогда у этого ученаго человѣка. Изъ школьныхъ товарищей Карамзина мы знаемъ только А. Петрова. Къ этому времени относится разсказъ И. И. Дмитріева, о встрѣчѣ съ Карамзинымъ передъ отъѣздомъ его за границу. «Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ», говоритъ Дмитріевъ, «какую перемѣну я нашелъ въ миломъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою война: но благочестивый ученикъ мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка.—Тотъ же веселый нравъ, та же любезность, но между-тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность, и удивлялся, зачѣмъ онъ любитъ меня еще по прежнему. Мы прожили не долго вмѣстѣ. Послѣ того еще нѣсколько разъ встрѣчались въ Москвѣ, и наконецъ разлучились уже на долгое время: онъ отправился въ чужіе края, но не на счетъ общества, какъ многіе о томъ разглашаютъ, а на собственномъ иждивеніи. Со дня вступленія его въ дружеское общество до путешествія, онъ перевелъ и выдалъ съ нѣмецкаго языка два или три тома «Штурмовыхъ размышленій», подъ заглавіемъ, помнится мнѣ, «Бесѣды съ Богомъ»; Галлерову поэму: «О происхожденіи зла»; «Эмилию Галотти», трагедію Г. Лессинга; «Юлія Цесаря», трагедію Шекспира; одну пѣснь (не напечатанную), изъ «Мессіады», поэмы Клопштока; съ французскаго «Les veillées du château», госпожи Жанлисъ, и за отсутствіемъ Петрова, продолжалъ около года: «Дѣтское чтеніе», въ которомъ напечаталъ первую сочиненную имъ повѣсть, и первые свои опыты въ поэзіи».

ГЛАВА II.

Прекративъ изданіе «Дѣтскаго чтенія» въ концѣ 1788 года, Карамзинъ въ началѣ слѣдующаго года, могъ уже ис-

полнить давно задуманный планъ — взглянуть собственными глазами на все, о чемъ до-сихъ-поръ онъ зналъ только по книгамъ. Цѣлью путешествія Карамзина было «собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія, и обогатить свое воображеніе новыми картинами», какъ онъ самъ говоритъ Виланду. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ходилъ слухъ, будто известный патріотъ, Новиковъ, желая содѣйствовать распространенію просвѣщенія въ отечествѣ, и видя въ молодомъ Карамзинѣ челоуѣка, подающаго большія надежды, доставилъ ему средства совершить путешествіе по образованнѣйшимъ государствамъ Европы, съ тѣмъ, чтобы Карамзинъ, возвратившись съ богатымъ запасомъ новыхъ идей, содѣйствовалъ его видамъ. Но въ новѣйшее время доказано, что эта молва не имѣетъ никакого основанія, и что молодой Карамзинъ путешествовалъ на счетъ своего старшаго брата. Въ началѣ мая 1789 года, Карамзинъ вышелъ въ отставку, въ половинѣ мая уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а оттуда — за границу. Во время своего путешествія онъ велъ путевыя записки, въ видѣ писемъ къ друзьямъ. Въ послѣдствіи онъ были изданы, подъ заглавіемъ: «Письма русскаго путешественника». Въ нихъ-то содержится много любопытныхъ замѣчаній и путевыхъ впечатлѣній, дающихъ самое вѣрное понятіе о Карамзинѣ.

Отправляясь за границу, Карамзинъ получилъ отъ С. И. Гамалея «инструкцію», которую долженъ былъ руководствоваться въ выборѣ предметовъ изученія. Копія съ этой инструкціи находятся у многихъ любителей русской старины; въ Москвѣ. Не имѣя подъ рукою этого интереснаго для насъ документа, мы не знаемъ, на что именно менторъ старался направить вниманіе Карамзина. Но, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ путешествіе имѣло вліяніе на его развитіе, и что его въ особенности занимало, мы намѣрены постоянно слѣдить за своимъ путешественникомъ, начиная съ того времени, какъ онъ оставилъ Петербургъ, до возвращенія его въ Кронштадтъ.

Изъ писемъ Карамзина мы видимъ всю внутренность его души въ различныхъ обстоятельствахъ. Намъ могутъ упрекать, что мы довольствуемся одними только выписками изъ нихъ; согласны, но дѣло въ томъ, что онъ какъ нельзя лучше содѣйствуютъ намъ къ достиженію цѣли: какъ можно ближе узнать Карамзина.

Изъ Санктпетербурга Карамзинъ отправился въ Кениг-

сбергъ. Проѣзжая Остзейскія губерніи, онъ успѣлъ обратить вниманіе только на мѣстность и нарѣчія туземцевъ. По его мнѣнію между Эстляндцами и Лифляндцами, вѣтъ другой разницы, кромѣ языка и кафтановъ: первые носятъ черные, а вторые сѣрые. Онъ находитъ, что языки ихъ сходны, имѣютъ мало собственныхъ, много нѣмецкихъ и даже нѣскольکو славянскихъ словъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что всѣ нѣмецкія слова смягчены въ ихъ произношеніи, изъ чего и заключаетъ, что слухъ ихъ долженъ быть нѣженъ. Приѣхавъ въ Кенигсбергъ и осмотрѣвъ всѣ его достопримѣчательности, Карамзинъ рѣшился побывать у первой германской знаменитости—Канта. Вѣроятно, въ «инструкціи» стояло: «побывать у Канта и поговорить съ нимъ о различныхъ предметахъ». Но какъ явиться къ этому великому философу, не имѣя ни рекомендательныхъ писемъ ни общихъ знакомыхъ? Карамзинъ поступилъ въ этомъ случаѣ какъ человѣкъ свѣтскій. Вспомнивъ русскую пословицу, что «смѣлость города беретъ», онъ прямо отправился къ славному германскому мыслителю, и Карамзину открылись двери въ кабинетъ Канта. Первые слова Карамзина были: «Я русскій дворянинъ, путешествую для того, чтобы познакомиться съ нѣкоторыми славными учеными мужами и для того прихожу къ Канту». Философъ попросилъ его сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться многимъ; рѣдкіе любятъ метафизическія тонкости». Съ полчаса говорили они о разныхъ предметахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Карамзинъ дивился историческимъ и географическимъ свѣдѣніямъ Канта, которыя одиѣ могли бы загроздить магазинъ человеческой памяти; но у него, это, какъ Нѣмцы говорятъ, дѣло постороннее. Наконецъ, Карамзинъ навелъ разговоръ на нравственную природу человѣка. Кантъ разоблачилъ передъ Карамзинымъ міръ, совершенно для него новый. Этотъ разговоръ до того подѣйствовалъ на Карамзина, что онъ держался его, какъ критериума, всю свою жизнь. Вотъ что онъ могъ удержать въ памяти изъ разсужденій Канта и внесъ въ свои записки: «Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится всегда къ приобрѣтеніямъ. Смерть застаётъ насъ на пути къ чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего онъ желаетъ; но онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это все не есть все. Не видя дѣли для конца

стремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль тѣмъ пріятнѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности между радостями и горестями, между наслажденіемъ и страданіемъ. Я радуюсь, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей; надѣюсь вступить въ другую. Помышляя о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ я сообразно съ нравственнымъ закономъ, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о моральномъ законѣ: назовемъ его совѣстью, чувствомъ добра и зла, но онъ есть. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно. — Вѣроятность не есть увѣреніе, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразя все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и чтѣ бы вышло, когда бы мы, такъ сказать, «глазами увидѣли ее». Если бы она очень подлюбилась намъ, мы не могли бы уже заниматься нынѣшнею жизнью, и были бы въ безпрестанномъ томленіи, а въ противномъ случаѣ не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: «тамъ будетъ лучше!» Но, говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и проч., предполагаемъ уже бытіе Всевышняго творческаго разума, все для чего нибудь, и все благо творящаго. Что? Какъ?.. Но здѣсь первый мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ, и мы остаемся во тьмѣ; одна фантазія можетъ носиться въ семь пракъ, и творить несобытное (несбыточное.) — Отъ нравственной философіи разговоръ перешелъ къ самымъ философамъ, въ особенности къ современнымъ: говорили о Лафатерѣ, Боннетѣ, Мендельсонѣ и другихъ, и пришли къ врагамъ Канта. «Вы ихъ узнаете, сказалъ онъ Карамзину, и увидите, что они всѣ добрые люди.»

Разговоръ продолжался цѣлыхъ три часа. Карамзинъ замѣчаетъ что «Кантъ говоритъ скоро, тихо и невразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха». А вслѣдъ за этимъ: «домикъ у него маленький, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ его метафизики».

Это извѣстіе, сохраненное самимъ Карамзинымъ о подробностяхъ свиданія его съ великимъ мыслителемъ того вѣка—

весьма для насъ важно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слова Канта имѣли вліяніе на образъ мыслей Карамзина и могутъ служить для насъ нѣкоторыми данными при оцѣнкѣ философскаго его направленія.

Оставивъ Канта, послѣднюю кенигсбергскую достопримѣчательность, Карамзинъ съ нетерпѣніемъ летѣлъ въ новую столицу Пруссіи, Берлинъ. Городъ этотъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на молодого путешественника, такъ-какъ и до сихъ поръ поражаетъ онъ всѣхъ русскихъ путешественниковъ, не видѣвшихъ прочихъ городовъ Европы; но въ послѣдствіи очарованіе это проходитъ.

Письма Карамзина изъ Берлина весьма замѣчательны; изъ нихъ мы видимъ, какъ онъ былъ любознателенъ, смѣтливъ и наблюдателенъ.

Познакомившись со всѣми достопримѣчательностями Берлина, Карамзинъ желалъ также познакомиться съ тамешними литературными знаменитостями, и началъ съ поэта-стирика Рамлера, нѣмецкаго Горація, игравшаго въ свое время важную роль. Карамзинъ явился къ нему также, какъ и къ Канту. Рамлеръ принялъ его ласково, говорилъ съ нимъ о литературѣ и искусствахъ, далъ ему понятіе о состояніи современной германской литературы, такъ-что Карамзинъ съ восторгомъ произноситъ: «Рамлеръ — самый почтенный Нѣмец!»

На другой день Карамзинъ пошелъ къ Морицу, известному въ то время психологу, къ которому онъ питалъ большое уваженіе, прочитавъ его «Anton Reiser». Въ этомъ сочиненіи Морицъ описываетъ свои приключенія, мысли и чувства, развитіе своихъ душевныхъ способностей. «Confessions de J. J. Rousseau», «Stillings Jugendgeschichte» и «Anton Reiser», замѣчаетъ Карамзинъ, предпочитаю всѣмъ систематическимъ психологіямъ въ свѣтѣ». Эти послѣднія строки тѣмъ важнѣе для насъ, что изъ нихъ мы также видимъ основныя начала, имѣвшія большое вліяніе на Карамзина.

Морицъ, скопивъ отъ профессорскаго дохода нѣсколько фундировъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію. Подробное и оригинальное описаніе перваго его путешествія, изданнаго подъ заглавіемъ «Reisen eines Deutschen in England», Карамзинъ читалъ съ неизъяснимымъ удовольствіемъ.

Онъ пробылъ у Морица цѣлый часъ, въ продолженіе ко-

* Нѣтъ сомнѣнія, что это сочиненіе подало Карамзину мысль написать въ своемъ путешествіи впечатлѣнія и назвать ихъ «Письма русскаго путешественника».

тогда говорилъ съ нимъ объ удовольствіяхъ путешествія. Профессоръ весьма краснорѣчиво и увлекательно разсказывалъ о древностяхъ Италіи, о практическомъ направленіи Англичанъ, объ энергіи нѣмецкаго языка, о своей ссорѣ съ Кампе, славнымъ въ то время нѣмецкимъ педагогомъ. По этому Карамзинъ замѣчаетъ: «въ Германіи нѣтъ почти ни одного извѣстнаго автора, который бы съ кѣмъ-нибудь не имѣлъ публичной ссоры и публика читаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія».

Изъ Берлина Карамзинъ уѣхалъ въ Дрезденъ, знаменитый между-прочимъ картинною галереєю, и насладившись изящными произведеніями живописи, отправился въ Лейпцигъ, центръ тогдашней германской учености. Въ дорогѣ, Карамзинъ познакомился съ студентомъ лейпцигскаго университета. «Между двумя путешественниками завязался разговоръ, и о чемъ же? говоритъ Карамзинъ: почти непосредственно о Мендельсоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ». — Студентъ доказывалъ своему спутнику, что Федонъ — самое остроумное философское сочиненіе, но не смотря на то, всѣ доказательства нашего безсмертія основаны въ немъ на одной гипотезѣ. «Много вѣроятнаго, говорилъ опъ, но нѣтъ увѣренія, и едва ли не тщетно будемъ мы искать его въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ философовъ!» — «Надобно искать его въ чувствахъ своего сердца», сказалъ Карамзинъ. — «О! государь мой! возразилъ студентъ: сердечное увѣреніе не есть еще философское увѣреніе, оно не надежно: теперь вы чувствуете его, а черезъ минуту оно исчезаетъ, и вы не найдете его мѣста. Надобно, чтобы увѣреніе основывалось на доказательствахъ, а доказательства на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ которыхъ заключаются всѣ вѣчныя, необходимыя истины». — Наконецъ, разговоръ дошелъ до вопроса о душѣ. — «Если бы могли мы узнать точно, что такое есть душа сама въ себѣ, сказалъ студентъ, то намъ все бы открылось, но....»

Карамзинъ вынулъ изъ своей записной книжки письмо и прочелъ студенту слѣдующее:

«Глазъ по своему образованію, не можетъ смотрѣть на себя безъ зеркала. Мы видимъ себя только въ другихъ предметахъ (*sanctus Ich siehet sich nur im Du*). Чувство бытія, личность, душа, все это существуетъ только потому, что внѣ насъ су-

ществуетъ, по феноменамъ или явленіямъ, которые, кажется, до насъ касаются и....»

— «Прекрасно! сказалъ студентъ, прекрасно! Но если думаетъ онъ, что...». На этомъ мѣстѣ прекратился философскій разговоръ путешественниковъ*.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, Карамзинъ тотчасъ же старался познакомиться съ тамошними учеными, вѣроятно, въ слѣдствіе «инструкціи», началъ знакомство съ Река, профессора лейпцигскаго университета, человѣка молодого, но пользовавшагося, въ то время, большимъ уваженіемъ за свои свѣдѣнія. Отъ него Карамзинъ узналъ о славѣ «Анахарсиса», сочиненія аббата Бартеlemi, потому-что геттингенскій профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ греческой литературы и древностей, своею рецензіею, помѣщенною въ «Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ», прославилъ это сочиненіе во всей Германіи.

Вторымъ литературнымъ знакомствомъ Карамзина, было знакомство его съ Платнеромъ. «Никто изъ лейпцигскихъ ученыхъ такъ не славенъ, говоритъ Карамзинъ, какъ докторъ Платнеръ, эклектическій философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ, который напримѣръ, въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ и тому и другому». Главное достоинство философскихъ сочиненій Платнера была легкость въ изложеніи самыхъ отвлеченныхъ истинъ; вотъ почему онъ такъ нравился Карамзину.

Платнеръ встрѣтилъ Карамзина словами: «я уже слышалъ о васъ отъ г. Клейста», и ввелъ его въ свой кабинетъ. Онъ былъ въ тотъ день очень занятъ, по этому просилъ Карамзина побывать у него на другой день, и провожая его, между прочимъ спросилъ: «какой или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили? «Изящнымъ»,** отвѣчалъ Карамзинъ, покраснѣвъ. На слѣдующій день, онъ пошелъ слушать лекцію доктора Платнера объ эстетикѣ, и записалъ въ свою книжку, въ чемъ состоитъ сущность этой науки. «Эстетика, говоритъ Карамзинъ, есть наука вкуса. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особенную, отдѣльную отъ другихъ науку, которая оставляя логикѣ образование высшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка, занимается исправленіемъ чувствъ.

* П. Р. Пут. Майсенъ, іюля 13 дня.

** T. e. les belles lettres.

и всего чувственного, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, эстетика учить чувствовать изящное и наслаждаться имъ.

На этой лекціи Платнеръ говорилъ также о гениі. «Гениі, говоритъ онъ, можетъ заниматься ни чѣмъ, кромѣ важнаго и великаго, кромѣ природы и человѣка въ цѣломъ. И такъ, философъ, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей, всегда въ связи съ сею». Окончивъ лекцію и уходя изъ аудиторіи, Платнеръ обратился къ Карамзину и пригласилъ его къ себѣ послѣ обѣда, общая пойти съ нимъ ужинать въ такое мѣсто, гдѣ Карамзинъ увидитъ всѣ литературныя знаменности Лейпцига. Въ назначенный часъ Карамзинъ пришелъ къ Платнеру. — «Вы, конечно, поживете съ нами?» сказалъ онъ. — «Нѣсколько дней», отвѣчалъ Карамзинъ. — «Только! а я думалъ, что вы пріѣхали пользоваться Лейпцигомъ? Здѣшніе ученые почли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете нѣмецкій языкъ. вмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше бы вамъ было пробыть подольше въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единосемцевъ искали просвѣщенія и, надѣюсь, не тщетно». Платнеръ давалъ Карамзину прекрасный совѣтъ, совѣтъ, который могъ принести ему много пользы; но Карамзинъ болѣе внималъ голосу своего сердца, нежели лейпцигскому профессору, и отвѣчалъ: «Я почелъ бы за особенное счастье быть вашимъ ученикомъ, господинъ докторъ; но обстоятельства, обстоятельства!» Однакожь эти же самыя обстоятельства не помѣшали ему прожить подольше въ Лейпцигѣ. — Въ семь часовъ вечера Карамзинъ былъ въ гостиницѣ «Голубаго Ангела», куда ему предложилъ придти Платнеръ, и гдѣ должны были собраться на ужинъ важнѣйшіе лейпцигскіе ученые. Платнеръ представилъ имъ молодого путешественника, и начался афинско-нѣмецкій ужинъ. Платнеръ игралъ за ужиномъ первую роль, то есть, управлялъ разговоромъ. «Онъ самый свѣтскій человѣкъ, замѣчаетъ Ка-

Эта мысль лейпцигскаго профессора имѣла вліяніе на молодого Карамзина, который, чувствуя, что отличало его отъ прочихъ современныхъ русскихъ писателей, рѣшился никогда не упускать изъ виду этого принципа во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Всѣ эти начала Карамзинъ принялъ въ основаніе своей будущей дѣятельности.

Карамзинъ: любить и умѣть говорить, говорить смѣло, для того, что чувствуетъ свою цѣну».

На другой день, послѣ ученаго ужина Карамзинъ былъ у поэта Вейсе: «Вейсе, пишетъ онъ, ли^Тмецъ драматической и лирической музыки — поэтъ, ка^Т по уму, такъ и по сердцу, почтенія достойный другъ, род^Тители и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣтей, который при^В ромъ и учениемъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія». Онъ обошелся съ нимъ ласково и просто. Разговоръ съ Вейсе былъ болѣе свѣтскій и кружился около самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, а потому мы не обращаемъ на него особеннаго вниманія.

Черезъ три дня Карамзинъ былъ уже въ Веймарѣ, гдѣ находились тогда корифеи германской учености: Виландъ, Гете и Гердеръ. Прежде всего онъ пошелъ къ Гердеру, у котораго одна мысль, какъ сказалъ объ немъ одинъ нѣмецкій авторъ, и эта мысль — цѣлый міръ. Карамзинъ читалъ его «Urkunde des menschlichen Geschlechts», многого не понималъ, но что понималъ, тѣмъ восхищался. «Въ какихъ картинахъ, пишетъ онъ, представляетъ Гердеръ твореніе! какое восточное великолѣпіе!» Онъ читалъ также Гердерова «Бога», въ которомъ авторъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный философъ и ревностный почитатель Божества, равно удаленный отъ пантеизма и атеизма, и по этому поводу сообщаетъ и свои мысли о Богѣ и твореніи.

Гердеръ встрѣтилъ Карамзина такъ ласково, что онъ забылъ въ немъ «великаго духа и автора», и видѣлъ передъ собою только любезнаго привѣтливаго человѣка. Гердеръ спрашивалъ его сперва о политическомъ состояніи Россіи; потомъ разговоръ обратился на литературу. Слыша отъ Карамзина, что онъ любитъ нѣмецкихъ поэтовъ, Гердеръ спросилъ: кого изъ нихъ предпочитаетъ онъ всѣмъ прочимъ? Вопросъ этотъ привелъ Карамзина въ замѣшательство. «Клопштока, отвѣчалъ онъ запинаясь, я почитаю возвышеннѣйшимъ изъ германскихъ поэтовъ». Гердеръ совершенно одобрилъ мнѣніе Карамзина, но хвалилъ также Виланда, а еще болѣе Гете. Гердеръ съ восторгомъ прочелъ Карамзину небольшое стихотвореніе Гете, написанное совершенно въ греческомъ духѣ; по тому-то Карамзинъ и говоритъ: «Гердеръ, Гете, и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ греческимъ, и сдѣлать его самымъ богатымъ и

для поэзіи способнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ прекрасныхъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискusstвенная, благородная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда царицы ходили по-воду, и цари знали счетъ своимъ баранамъ».

На слѣдующій день Карамзину удалось увидѣть Виландъ: «Вообразите себѣ, пишетъ онъ, человекъ довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные—таковъ Виландъ». Сначала онъ принялъ Карамзина весьма сухо. — «Я пріѣхалъ въ Веймаръ для того, чтобъ видѣть васъ, сказалъ ему Карамзинъ». Это не стоило труда! отвѣчалъ Виландъ съ холоднымъ видомъ; потомъ спросилъ Карамзина, какъ онъ, живя въ Москвѣ, научился говорить по нѣмецки? Карамзинъ отвѣчалъ, что онъ имѣлъ случай часто говорить съ Нѣмцами, которые хорошо знали свой языкъ.

Между-тѣмъ и гость и хозяинъ стояли; изъ чего первый заключилъ, что Виландъ не намѣренъ его долго у себя держать. — «Конечно я пришелъ не во время», сказалъ Карамзинъ. — «Нѣтъ, впрочемъ поутру я, обыкновенно, чѣмъ нибудь занимаюсь», отвѣчалъ Виландъ.

— «И такъ, позвольте мнѣ прійти въ другое время, назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть».

— «Чего вы отъ меня хотите?»

— «Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, возбудили во мнѣ желаніе узнать васъ лично, я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя».

— «Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно?»

— «Скажите».

— «Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которые мнѣ ни почему не извѣстны. Я васъ не знаю».

— «Правда, но чего вамъ отъ меня опасаться?»

— «Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что ска-

зано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публичку, а отъ этаго многе потерпѣли. Я на себя не надѣюсь; иногда могу быть слишкомъ откровененъ».

— «Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для нѣмецкой публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка».

— «Но какая польза намъ знакомиться! Положимъ, что мы сдѣлаемся другъ другу интересны; да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться».

— «Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могъ бы я прожить въ Веймарѣ дней десять. И разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ васъ — узналъ, какъ отца среди семейства, и какъ друга среди друзей».

— «Вы очень искренны, иной бы не сказалъ этого напередъ. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили во мнѣ чего нибудь худаго».

— «Вы шутите».

— «Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣстно было, если бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть, въ другомъ нѣмецкомъ городѣ, на примѣръ въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе».

— «Вы поэтъ, а я люблю поэзію: чтѣ бы могло быть для меня пріятнѣе, если бы вы позволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о сей усладительницѣ жизни нашей?»

— «Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть вы мастеръ мой въ поэзіи».

— «О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами первый и послѣдній разъ».

Виландъ, посмотрѣвъ на Карамзина, сказалъ съ улыбкою.

— «Я не фізіономистъ; однакожъ видъ вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность, и я вижу еще перваго Русскаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего П^и... остраго человѣка, напитавнаго духомъ этого старика (указывая на бюстъ Вольтера). Обыкновенно ваши единосемцы стараются подражать Французамъ, а вы...»

— «Благодарю».

— «И такъ если вамъ угодно провести сомною часа два, три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго.»

— «Мнѣ должно бояться».

— «Чего?»

— «Того, чтобы посѣщеніе мое не было вамъ въ тягость».

— «Оно будетъ мнѣ приятно, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни въ свѣтѣ были искренны».

— «Прощайте!»

— «Въ третьемъ часу васъ ожидаю».

— «Буду, сказалъ Карамзинъ. Прощайте!»

Карамзинъ пошелъ отъ Виланда прямо къ Гердеру.

Сухой приѣмъ перваго такъ озабочилъ нашего путешественника, что онъ рѣшился на другой же день оставить Веймаръ. Гердеръ принялъ Карамзина съ кроткою лаской и выраженіемъ самой патриархальной искренности. Они говорили объ Италіи, откуда Гердеръ только-что возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были предметомъ его любопытства. При этомъ разговорѣ Карамзину вдругъ пришло на мысль пробраться изъ Швейцаріи въ Италію, взглянуть на Медицейскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера; наконецъ взглянуть на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнуть о ничтожествѣ всего земнаго. Однако жъ Карамзину не удалось осуществить этой прекрасной мысли. — Обративъ разговоръ на сочиненія Гердера, Карамзинъ признался, что «Die Urkunde des menschlichen Geschlechts» показались ему большею частью непонятными. «Эту книгу сочинилъ я въ моей молодости, сказалъ Гердеръ, когда воображеніе мое было во всей своей стремительности и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ».

Послѣ обѣда Карамзинъ отправился къ Виланду на назначенное свиданіе. Начался разговоръ. Говоря о любви къ поэзіи, Виландъ замѣтилъ: «Если бы судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, я написалъ бы все то же, и съ такимъ же тщаніемъ выработывалъ бы свои сочиненія, думая, что музы слушаютъ мои пѣсни». — Занимаясь въ послѣдствіи литературою, Карамзинъ помнилъ слова Виланда и всегда обрабатывалъ каждую свою фразу какъ-можно тщательно, иногда былъ даже мелочень въ этомъ отношеніи. — «Скажите, продолжалъ Виландъ — потому что я начинаю вами интересоваться—скажите, что у васъ въ виду?» — «Тихая жизнь, отвѣчалъ Карамзинъ. — «Кто любитъ музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ праздненъ и всегда найдетъ для себя приятное дѣло. Онъ носитъ въ се»

Объ источникъ своего удовольствія, творческую силу, которая дѣлаетъ его счастливымъ».

Разговоръ по нѣмецкому обычаю, коснулся наконецъ и философіи.—«Никто изъ систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ обольщать своихъ читателей, какъ Боннетъ, а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно и заставляетъ любить себя и философію свою». Разбирая философовъ и ихъ системы, собесѣдники начали мало-по-малу высказывать и свои собственные убѣжденія и вѣрованія. Карамзинъ говоритъ: «Съ искренностью открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ничего не отвергаетъ, но только полагаетъ различіе между чуждымъ и чуждымъ. Его можно назвать скептикомъ, но только въ хорошемъ значеніи сего слова». Наконецъ Карамзинъ разстался съ Виландомъ.—«Вы видѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, сказалъ онъ. Прощайте, и отъ времени до времени увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были».—«Никогда не забуду я Виланда, пишетъ Карамзинъ. Съ какою откровенностью, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ. Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. *Клея и Синибальдъ*, послѣдняя изъ поэмъ его, писана съ такою же полнотою духа, какъ *Оберромъ*, какъ *Музаріанъ* и прочее. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходит. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ онъ въ Германіи, какъ авторъ. Эпоха славы Виланда началась съ изданія его комическихъ повѣстей, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходнѣйшими единственными тогда на нѣмецкомъ языкѣ».—Карамзину хотѣлось также познакомиться и съ Гете, но пріемъ Виланда совершенно отбилъ у него охоту къ новымъ знакомствамъ, и съ этого времени онъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не такъ смѣло, какъ прежде. Проходя возлѣ дома, гдѣ жилъ Гете, Карамзинъ увидѣлъ его въ окно, остановился, разсматривалъ его съ минуту, и сказавъ: «Важное греческое лицо!», пошелъ далѣе. Наконецъ Карамзинъ, вспомнилъ опять русскую пословицу что смѣлость города беретъ, и опрометью побѣжалъ къ Гете, но сказали, что Гете рано уѣхалъ въ Іену.

Оставивъ Веймаръ, Карамзинъ направилъ свой путь въ

Швейцарію. Онъ проѣхалъ Эрфуртъ, Готу, Франкфуртъ, Майнцъ, Мангеймъ, Страсбургъ, и прибылъ въ Базель.

Прежде чѣмъ послѣдуемъ за Карамзинымъ въ Швейцарію, скажемъ нѣсколько словъ о поѣздкѣ его по Германіи. Нѣкоторые обвиняютъ автора «Писемъ русскаго путешественника» въ томъ, что будто бы, оставаясь чуждымъ общественнымъ интересамъ, онъ ограничивался только путешествіемъ по кабинетамъ германскихъ ученыхъ и литераторовъ; что бесѣда съ Кантомъ, Гердеромъ или Виландомъ занимала его болѣе, нежели общество, въ которомъ они жили, и прочее. Но неосновательность такихъ упрековъ осязательно обнаруживается при чтеніи путевыхъ записокъ Карамзина, обнимающихъ со всѣхъ сторонъ тогдашнюю жизнь германскаго общества.

ГЛАВА III.

Съ перваго шага на почву Швейцаріи, Карамзинъ былъ пораженъ красотою природы. — Пробывъ въ Базелѣ нѣсколько дней, онъ поѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ жилъ тогда Лафатеръ.

Къ этому времени относятся письма Петрова, писанныя къ Карамзину за границу. Вотъ они:

«Простота чувствованія превышаетъ всякаго умничанья; грѣшно сравнивать натуру «Сенæ» съ педантскими подражаніями, съ натянутыми поддѣлками низкихъ умовъ. Однако простота не состоитъ ни въ подлинномъ, ни въ притворномъ незнаніи. Можно писать крестьянскими нарѣчіями: што, поди-ко, дво-сь, вотъ-ты, и со всѣмъ тѣмъ педантствовать. Самыя жаркія чувствованія могутъ иногда показаться суше латинскаго лексикона и латинской грамматики.

«Ты началъ что-то писать, но не хочешь сказать мнѣ, что такое.—И я началъ, по приказанію, нѣчто писать. А что? — теперь не скажу!

«Для разогнанія черныхъ мыслей, которыя иногда и въ деревнѣ меня посѣщаютъ, расскажу тебѣ небольшое приключеніе, недавно бывшее. Я уже писалъ къ тебѣ, что за Москвою рѣкою былъ большой пожаръ. Въ этомъ пожарѣ неучивый огонь не пощадилъ, между прочими домами, и жижины одного изъ бывшихъ нашихъ пріятелей, не разсудивъ о томъ, что вмѣстѣ съ домомъ можетъ разрушить и философію хозяина? (Ты долженъ знать этаго пріятеля: это толстый купецъ, съ величавою поступью, который по всей Мо-

сквѣ почитался философъ). Линившись дому, господниѣ философъ цѣлый день неутѣшно плакалъ, какъ-бы, можетъ быть, и я въ такихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ. Простодушные знакомцы его дивились, видя русскаго Сенеку, плачущаго, и изъявили ему свое удивленіе. Онъ отвѣчалъ имъ: «не о домѣ моемъ плачу; знаю, что домъ и всякое другое имѣніе суета. Но подъ кровлею моего дома птичка свила себѣ гнѣздо; оно теперь разорено, и о ней-то я плачу». Простодушные знакомцы дивились сему великодушію, славили философію, могущую возвысить человѣка до такой степени, и восклицали: «О великій мужъ! забывая о своемъ несчастіи, плачешь о птицкѣ».

«Воспоминаніе объ тебѣ есть одно изъ лучшихъ моихъ удовольствій. Часто я путешествую за тобою по ландкартѣ; разчисляю, когда, куда могъ ты пріѣхать, сколько гдѣ пробыть; вскарабкиваюсь съ тобою на высоты горъ, воображаю тебя бродящаго по прекраснымъ мѣстамъ или дѣлающаго визитъ какому-нибудь важновидному ученому. — Я думаю, что теперь ты давно уже въ Швейцаріи. Усердно желаю, чтобы во всѣхъ мѣстахъ находилъ ты такихъ людей, которыхъ знакомство и воспоминаніе возвышало бы удовольствіе, какое ты находилъ въ наслажденіи прекрасною природою и въ новости предметовъ, и утѣшало бы тебя въ твоемъ непріятномъ опытѣ, что вездѣ есть зло; могу себѣ представить, что сей опытъ часто тебя огорчаетъ при твоей чувствительности, и приводитъ въ такое грустное расположеніе, въ какомъ видалъ я тебя, живши съ тобою. Но не правда ли, что онъ и даетъ тебѣ живѣе чувствовать цѣну людей достойныхъ почтенія, многихъ ли, или немногихъ?»

«Я весьма любопытенъ знать, видѣлся ли ты съ А. М.; видѣлся ли уже съ Лафатеромъ, и какъ онъ тебя принималъ; какъ располагаешь ты свой вояжъ? я опасаясь твоего проѣзда черезъ Францію, гдѣ нынѣ такіа неурядиства.

«Что касается до меня, я живу по прежнему; перевозжу (что, нѣмолго сказать, довольно уже мнѣ наскутило). Осиротѣвшее безъ тебя Дѣтское чтеніе намъренъ я наполнить по большей части изъ Камнева Теофрона».

Съ невъяснимымъ удовольствіемъ увидѣлъ Карамзинъ живописное мѣстоположеніе Цюриха, его цвѣтущія окрестности, зеркальное озеро, вставленное въ свѣтло-зеленую рамму береговъ, на которыхъ нѣжный Геснеръ реалъ цвѣ-

тив для своихъ пастуховъ и пастушковъ; гдѣ душа бессмертнаго Клонитона наполнялась великими идеями священной любви къ отечеству, которая послѣ съ шумомъ волнующаго моря перенеслась въ его *Германн*; гдѣ Бодмеръ собиралъ чорты для картинъ своей *Наолнды*, и питался духомъ времени патриархальныхъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ умосиіи бесѣдовали съ музами; гдѣ Фридрихъ Штольбергъ, своимъ туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ душѣ своего древнѣйшаго изъ творцовъ греческихъ, пѣвца боговъ и героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣчяннаго, и пѣснями своими восхищающаго греческое юношество, видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторилъ пѣсни его на языкѣ Гевтоновъ».

Въ тотъ же день послѣ обѣда, Карамзинъ пошелъ къ Лафатеру. «Восседши въ сѣни, пишетъ Карамзинъ, я позвонилъ къ келомальчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокій, блѣдный человекъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, услышавъ, что я тетъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, поддаловался со мною, сдѣлалъ мнѣ двани три вопроса о моемъ путешествіи, потомъ сказалъ: «приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать, разсматривать, чтѣ вамъ угодно». Потомъ онъ показалъ Карамзину на шкапъ, въ которомъ стояло нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: «физиологическій кабинетъ», и ушелъ. Карамзинъ сперва не зналъ, что ему дѣлать, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физиономическіе рисунки. Между-тѣмъ такой пріемъ оставилъ въ немъ не совсемъ пріятныя впечатлѣнія; онъ невольно вспомнилъ Виланда. Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, бралъ книгу или бумагу и опять уходилъ. Наконецъ онъ пришелъ съ веселымъ видомъ, взялъ его за руку и повелъ въ собраніе цюрхскихъ ученыхъ, къ профессору Брейтшгеру, гдѣ рекомендовалъ его хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. «Лафатеръ, пишетъ Карамзинъ, имѣетъ почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое, блѣдное лицо, пронизательные глаза и важную мину. Вся его дѣйствія живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ».

Во все время пребыванія въ Цюрихѣ, Карамзинъ постоянно посѣщалъ Лафатера, иногда даже по нѣскольку разъ въ

день; довольно часто общался и ужиналъ въ кругу его семейства и друзей. Лафатеръ водилъ его по всемъ своимъ знакомымъ, старался доставить ему удовольствіе, прогуливался съ нимъ по вечерамъ и разговаривалъ о различныхъ предметахъ. Нѣкоторые изъ этихъ разговоровъ довольно интересны и важны.

Лафатеру хотѣлось, чтобы Карамзинъ, возвратившись въ Россію, издалъ на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. Онъ хотѣлъ пересылать къ нему въ Москву свои рукописи, а Карамзинъ долженъ былъ собрать подписку, и увѣрить публику, что въ извлеченіи этомъ не будетъ ни одного не обдуманнаго слова. Карамзинъ принялъ предложеніе Лафатера и ударилъ съ нимъ по рукамъ, однакожъ по разнымъ причинамъ не могъ исполнить давняго обещанія.

Наконецъ Лафатеръ до того сблизился съ Карамзинымъ, что иногда спрашивалъ его о подробностяхъ жизни, позволяя также и Карамзину предлагать разные вопросы, въ особенности письменно. Карамзинъ предложилъ, между прочимъ, знаменитому физиономисту, вопросъ, который всегда долженъ остаться для философовъ камнемъ преткновенія, именно: е всеобщей цѣли бытія, равно достижимой для мудрыхъ и не мудрыхъ? Каждый философъ считаетъ себя вправе отвѣчать на подобные вопросы, по этому и Лафатеръ далъ Карамзину слѣдующій отвѣтъ:

«Бытіе есть цѣль бытія.—Чувство и радость бытія есть цѣль всѣхъ нашихъ дѣйствій. Мудрый и слабоумный только сею ищутъ—ищутъ средствъ къ тому, чтобы насладиться бытіемъ своимъ, или чувствовать его, ищутъ того, чрезъ что они самихъ себя сильнѣе ощущать могутъ.—Всякое чувство и всякій предметъ, постигаемый которымъ—набудь въ нашихъ чувствахъ, суть прибавленія (Beiträge) нашего самочувствованія, тѣмъ болѣе блаженства. Какъ различны наши организаціи или образованія, также различны и наши потребности въ средствахъ и предметахъ, которые новымъ образомъ даютъ намъ чувствовать наше бытіе, наши силы, нашу жизнь. Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія; тѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе средство или предметъ, въ которомъ или чрезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше—тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе (Liebender), любящѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлью бытія нашего сообразнѣе.—Исслѣду-

те точно, чрезъ что и въ чемъ вы приятнѣе или тверже существоете? что вамъ доставляетъ болѣе наслажденія, разумѣется такого, которое никогда не можетъ причинить раскаянiя, которое всегда съ спокойствiемъ и внутреннею свободою духа можетъ и должно быть снова желаемо? Чѣмъ достойнѣе и существеннѣе ваше средство, тѣмъ достойнѣе и существеннѣе вы сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаетесь—то есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе существованiе ваше—тѣмъ болѣе приближаетесь вы ко всеобщей и особой цѣли бытiя вашего. Отношенiе (Anwendung) и изслѣдованiе сего положенiя покажетъ вамъ истину, или всеотносимость оного. Цюрихъ, въ четвертокъ ввечеру, 20 августа, 1789 года. Иоаннъ Каспаръ Лафатеръ».

«Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ? пишетъ Карамзинъ. Вы конечно, не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свидѣть отъ Лафатера цѣль бытiя нашего, мнѣ хотѣлось только узнать, что онъ о томъ скажетъ».

Каждое утро Карамзинъ являлся къ Лафатеру съ какими-нибудь вопросомъ, изложеннымъ на бумагѣ. Лафатеръ пряталъ бумагу въ карманъ, а въ ввечеру возвращалъ ее съ отвѣтомъ, на ней же написаннымъ, оставивъ у себя копію.

Путешественникъ нашъ прожилъ въ Цюрихѣ слишкомъ двѣ недѣли, и почти постоянно въ обществѣ Лафатера.

Когда Карамзинъ оставлялъ Цюрихъ, Лафатеръ не хотѣлъ прощаться съ нимъ на всегда, говоря, что онъ непремѣнно долженъ еще разъ прiѣхать на берега Лимматы, и далъ ему двенадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцарiи.

Наконецъ лучшія мечты Карамзина осуществились; оставивъ Цюрихъ, онъ явился въ странѣ волшебства и восторгу. Сначала Бернъ, а послѣ Тунъ съ своимъ очаровательнымъ озеромъ развернули передъ Карамзинымъ великолѣпныя кар-

* Въ слѣдующемъ году этотъ отвѣтъ былъ напечатанъ въ журналѣ, который издавалъ Лафатеръ въ Бернѣ. Бернскіе ученые напустились на этотъ отвѣтъ порядкомъ. Карамзинъ читалъ ихъ рецензіи, однакожь замѣчаетъ: «Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы и понятны и справедливы; здѣсь можно сказать новыни только однѣ выраженiя». П. Р. Пут., Цюрихъ.

** За нѣсколько дней до своего отъѣзда Карамзинъ приобрѣлъ отъ Лафатера двѣ его рукописи: «Сто тайныхъ эмпирическихъ правилъ», въ заглавіи которыхъ написано «Lache des Klends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern» и «Памятникъ для любезныхъ странниковъ». Перваго изъ этихъ сочиненiй авторъ рѣшился никогда не печатать, потому-что чертахъ человеческихъ лицъ, означающихъ дурныя свойства, говорится довольно свободно, чего нѣтъ во второйъ назаписи, похвощенной въ «Handbibliothek für Fremde».

тины своих мѣстностей. Душа его наполнилась невыразимыми чувствами. То природа, то историческія преданія о Вильгельмѣ Теллѣ питали его воображеніе. Потомъ, предъ нимъ открылись Унтерзеенъ, Лаутербрунненъ, Гриндельвальдъ, Госли и такъ далѣе. Спустя нѣсколько дней, Карамзинъ былъ уже на берегахъ Женевского озера. Приѣхавъ въ Лозанну, онъ отправился обозрѣть сѣверовосточные берега этого волшебнаго озера, такъ живописно переданные въ «Элоизѣ», Руссо.

Въ ноябрѣ, Карамзинъ былъ въ Женевѣ и велъ здѣсь жизнь, какъ самъ онъ выражается, довольно однообразную. Онъ прогуливался, читалъ французскихъ писателей, старыхъ и новыхъ, безъ различія, желая имѣть полное понятіе о французской литературѣ; бывалъ на женевскихъ вечеринкахъ и въ оперѣ; такъ онъ провелъ здѣсь болѣе четырехъ мѣсяцевъ (отъ начала ноября до начала марта), изучалъ окрестности Женевы, бывалъ въ Фернѣ, и на Альпійскихъ горахъ, короче, наслаждался жизнью вполне. Карамзинъ желалъ познакомиться съ швейцарскимъ философомъ, Боннетомъ, жившимъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы, въ деревнѣ Жанту. Еще находясь въ Москвѣ, онъ читалъ сочиненія Боннета и любилъ его отъ всей души.

Въ это время Боннетъ уже отказался отъ шумнаго свѣта, страдалъ болѣзнями, оглохъ и ослѣпъ, жилъ въ уединеніи и почти никого не принималъ, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ. Карамзинъ случайно познакомился съ однимъ изъ родственниковъ Боннета, извѣстнымъ Кела, который вызвался познакомиться молодого русскаго путешественника съ почтеннымъ и полу-забытымъ мыслителемъ, и спустя нѣсколько дней, Карамзинъ увидѣлъ Боннета. Вотъ что пишетъ Карамзинъ послѣ перваго съ нимъ свиданія: «Я думалъ найти слабаго старца. обветшалую скинью, развалины великаго Боннета. Что же нашель? хотя старца, но еще бодрого, въ глазахъ котораго блистаетъ огонь жизни, котораго голосъ еще твердъ и пріятенъ; однимъ словомъ, Боннета, отъ котораго можно ожидать второй «Палингенези». Боннетъ встрѣтилъ Карамзина весьма ласково. — «Вы видите передъ собою такого человѣка, сказалъ Карамзинъ, который съ великимъ удовольствіемъ и пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно». Боннетъ отвѣчалъ учтивостью за учтивость. Начался разговоръ; Боннетъ совершенно очаровалъ Карамзина своимъ добродушіемъ и позволилъ ему переводить свое сочи-

нение на русскій языкъ.—«Съ чего же вы думаете начать?» спросилъ онъ.—«Съ Созерцанія природы» (*Contemplation de la nature*), отвѣчалъ Карамзинъ».—«Жанъ-Жака, нишетъ Карамзинъ, Боннетъ называетъ великимъ риторомъ, слогу его музыкаю, а философію — воздушнымъ замкомъ».

Карамзинъ не замедлилъ вступить въ переписку и съ Боннетомъ. Вотъ первое письмо Карамзина, писанное къ Боннету по-французки:

«Je prends la liberté de vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais français, vous importunera moins qu'une visite, qui pourrait interrompre vos occupations quelques momens de plus. J'ai relu encore une fois votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le défigurer, ni même affaiblir beaucoup l'énergie de votre style; mais pour conserver toute la fraîcheur des beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudrait être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche, n'est pas assez cultivée, et nous avons encore très peu de livres de philosophie et de physique, écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions, et même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commencée à écrire en leur langue; mais sans être injuste envers cette dernière, dont je connois toute l'énergie et la richesse, je dirai que la notre a plus de souplesse et d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force nécessaire pour en surmonter les difficultés».

«Vous êtes toujours si claire, et vos expressions sont si précises, que pour à présent je n'ai qu'à vous remercier de la permission, que vous avez bien voulu me donner, de m'adresser à vous, en cas que quelque chose dans votre ouvrage m'embarassât; si j'ai de la peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très claire en français, pour peu que l'on sache ce dernier».

«Je me propose aussi de traduire votre *Palingénésie*.

J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou), qui s'estime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu et médité vos ouvrages, et qui m'aidera dans mon agréable travail; et peut-être que dans l'instant même, où j'ai l'honneur de vous écrire, il s'occupe à traduire un chapitre de votre *Contemplation* ou de votre *Palingénésie*, pour en faire un présent à son ami, à son retour dans sa patrie.

«En présentant au public ma traduction, je dirai: *je l'ai vu lui-même* et le lecteur m'enverra dans son cœur.

«Daignez agréer mes remerciements de l'accueil favorable que vous avez eu la bonté de me faire, et le respect profond, avec lequel je suis, etc...*».

Изъ этого письма видно, въ какой степени Карамзинъ владѣлъ французскимъ языкомъ. Вскорѣ послѣ этого Карамзинъ

* «Я осмѣливаюсь писать къ вамъ, думая, что письмо мое обезпочитъ васъ менѣе, нежели посѣщеніе, которое могло бы на нѣсколько минутъ прервать ваши упражненія.

«Съ величайшимъ вниманіемъ читалъ я снова ваше «Созерпаніе природы», и могу сказать безъ тщеславія, что надѣюсь перевести его съ довольною точностію; надѣюсь, что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ. Но для того, чтобы сохранить всю свѣжесть красоту, находящуюся въ подлинникѣ, мнѣ надлежало бы имѣть Бовветовъ духъ. Сверхъ того языкъ нашъ хотя и богатъ, однакожъ не такъ обработанъ, какъ другіе, и по сіе время еще весьма немногія философическія и физическія книги переведены на русскоі. «Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая всю справедливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо прѣстѣе и гибче. Переводъ мой можетъ быть полезенъ — и сія мысль послужитъ мнѣ ободреніемъ къ преодолѣнію всѣхъ трудностей.

«Вы пишете такъ ясно, что на сей разъ я долженъ только благодарить васъ за данное мнѣ позволеніе требовать у васъ изъясненія въ такомъ случаѣ, если бы что - нибудь показалось для меня непонятнымъ въ *Созерпаніи*. Можетъ быть, трудно будетъ мнѣ выражать ясно на русскомъ языкѣ то, что на французскомъ весьма понятно для всякаго, кто хотя не много знаетъ сей языкъ.

«Я намѣренъ переводить и вашу *Palingénésio*. Одинъ пріятель мой, живущій въ Москвѣ, такъ же какъ и я, любитъ читать ваши сочиненія и будетъ моимъ сотрудникомъ; можетъ быть въ самую сію минуту, когда имѣю честь писать къ вамъ, онъ переводитъ главу изъ *Созерпанія* или *Palingénésio*.

«Предлагая публикѣ переводъ мой, скажу: *я видѣлъ его самого*, и читатель позавидуетъ мнѣ въ сердцѣ своемъ.

«Изъявляя признательность мою за благосклонный пріемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть» и проч.

опять двинулся къ Боннету, который ему сказалъ: «вы рѣшились переводить «Созерцаніе природы», найдите же переводъ вашъ въ глазахъ автора, и на томъ стадѣ, на которомъ оно было сочинено. Вотъ книга, бумага, чернилица, перо». — Карамзинъ исполнилъ его волю, сѣлъ въ кресла, взялъ перо и началъ переводить. Боннетъ стоялъ позади его и смотрѣлъ на работу. Окончивъ первый параграфъ, Карамзинъ сталъ читать въ слухъ. «Слышу и не понимаю, сказалъ Боннетъ съ усмѣшкою: но соотечественники ваши будутъ конечно умѣе меня. — Эта бумага останется здѣсь въ память нашего знакомства».

Боннетъ обѣщаль дать Карамзину новыя примѣчанія къ «Созерцанію природы», въ которыхъ онъ сообщаетъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя упущенія и проч. «Я человѣкъ», говоритъ Боннетъ, и потому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія». Карамзинъ продолжалъ посѣщать Боннета, разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и обогатилъ себя многими свѣдѣніями.

Въ концѣ февраля 1790 года, Карамзинъ хотѣлъ оставить Женеву и ѣхать въ Провансъ, къ мѣстамъ, воспѣтымъ Петраркою. Тутъ онъ приступилъ къ составленію плана для своего дальнѣйшаго путешествія. Ему хотѣлось пробѣжать въ южную Францію, увидѣть прекрасныя страны Лагедока и Прованса. — Уѣзжая изъ Женевы, Карамзинъ пошелъ проститься съ Боннетомъ и получилъ отъ него обѣщанныя примѣчанія къ «Contemplation»*.

И такъ, Карамзинъ разстался съ прекрасною Швейцаріей, въ которой душа его перечувствовала столько пріятныхъ ощущеній. Онъ былъ уже въ Ліонѣ, наслаждался его окрестностями, и оставивъ этотъ городъ, рѣшился ѣхать не на югъ, какъ прежде предполагалъ, а на сѣверъ, и именно въ Парижъ. Причиною тому было слѣдующее обстоятельство: товарищъ, съ которымъ Карамзинъ выѣхалъ изъ Женевы, не получилъ въ Ліонѣ векселя. Оставшись почти безъ

* Quelques notes additionnelles pour la traduction en langue russe de la Contemplation de la nature, par M. Karamzine.

денегъ, не могъ сопутствовать Карамзину на югъ, какъ они уговорились прежде, и долженъ былъ ѣхать въ Парижъ. Добрый Карамзинъ пожертвовалъ дружбѣ личными выгодами и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Карамзинъ пріѣхалъ въ Парижъ 27 марта 1790 года. Каждому изъ читателей, безъ сомнѣнія, любопытно узнать, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ фантазмагорическій городъ на русскаго путешественника. Впечатлѣніе это сохраниено самимъ Карамзинымъ, въ первомъ его письмѣ, писанномъ изъ Парижа. — «Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а по равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Сердце мое билось. Вотъ онъ, думалъ я, — вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ; котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, философи и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ; — котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слышалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ..... Вотъ онъ!.... я его вижу и буду въ немъ!..»

Карамзинъ жилъ въ Парижѣ почти три мѣсяца съ половиною. Во все это время, онъ изучалъ столицу образованнаго міра, законодательницу европейской свѣтскости; посѣщалъ ученія заведенія, библіотеки, музеи, бывалъ въ засѣданіяхъ академіи, ходилъ почти каждый день въ разные парижскіе театры, знакомился со всѣми историческими достопримѣчательностями, осматривалъ окрестности города, наблюдалъ характеръ и нравы Французовъ, изучалъ ихъ литературу и т. д.; словомъ, хотѣлъ вполне узнать столицу народа, предписывающаго тогда законы образованному міру. Сколько любопытныхъ замѣчаній о Парижѣ заключается въ «Письмахъ русскаго путешественника», потому-что Карамзинъ вносилъ въ свой дневникъ каждое впечатлѣніе, испытанное его душою въ этой разнообразной, живой панорамѣ, называемой Парижемъ. Однакожъ надобно замѣтить, что живя въ Парижѣ, Карамзинъ не искалъ болѣе случаевъ знакомиться съ тогдашними литературными знаменитостями Франціи; то же было и послѣ, когда онъ былъ въ Лондонѣ. Вѣроятно,

нѣмецкіе и швейцарскіе ученые наскучили Карамзину порядкомъ.

Въ маѣ Карамзинъ, между-прочимъ, былъ въ академіи надписей. — «Нынѣшній день, пишетъ онъ въ своихъ «запискахъ», молодой Сквозъ К... въ академіи надписей и словесности, имѣлъ счастье узнать Бартелеми — Платона». — Увидѣвъ его Карамзинъ подошелъ и сказалъ: «Я Русскій, читалъ «Анахарсиса», умѣю восхищаться твореніями великихъ, бессмертныхъ талантовъ. И такъ хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глубокаго почтенія!» Бартелеми всталъ, взялъ его за руку и съ ласковымъ взоромъ отвѣчалъ: «Я радъ вашему знакомству, люблю сѣверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чуждый». — Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое-нибудь сходство, сказалъ Карамзинъ. Я въ академіи: Платонъ передо мною, но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса».

— «Вы молоды, путешествуете и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!»

— «Будетъ еще болѣе, если вы позволите мнѣ иногда видѣть и слышать васъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовать вкусъ свой. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ».

— «Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожь дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите разсужденіе о самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скучно, *comme de raison*; извините, мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ».

Засѣданіе академіи открылось. Бартелеми сѣлъ на свое мѣсто; онъ тогда былъ деканомъ академіи (*le doyen*). Диссертация его, въ которой дѣло шло о медаляхъ Ионатановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать Карамзина; за то мало слушая, онъ много смотрѣлъ на автора. «Совершенный Вольтеръ, пишетъ Карамзинъ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокій, худой, съ пронзательнымъ взоромъ, съ тонкою афинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе семидесяти лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Бартелеми чувствовалъ въ жизни только одну страсть: любовь къ славѣ, и силою фи-

лософіи своей умѣрялъ ее. Подобно безсмертному Монтескье, онъ былъ еще *влюбленъ въ дружбу*».

Тутъ же Карамзинъ узналъ Левека, автора «Русской исторіи», и по этому случаю высказываетъ свой взглядъ на отечественную исторію, который въ послѣдствіи, онъ нѣсколько перемѣнилъ въ «Исторіи Государства Россійскаго». «Русская исторія Левека, говоритъ Карамзинъ, хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей русской исторіи, т. е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы! Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословныя князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги Половцевъ, не очень любопытны, соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Чтò не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи, но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, собственно такъ-называемые анекдоты, собрать, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій — Владиміръ — и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анжело.— Левекъ, какъ писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ, соображаетъ довольно хорошо, рассказываетъ довольно складно, судить довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ; можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русскій? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго (если только посредственный французскій писатель можетъ унижить нашего славнаго Мо-

ларха), говоря: *On lui a peut être refusé avec raison le titre d'homme de génie, puisque en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples.* — «Я слыхалъ, прибавляетъ Карамзинъ, такое мѣнѣе даже отъ Русскихъ, и никогда немогъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно-ли искать чтó сыскано? Лучше—ли было Русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить академій, фабрикъ, для того, что все это выдуманно не Русскими? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *стараться, превзойти?* Однакожъ, говорятъ, на чтó подражать рабски? на чтó перенимать вещи совсѣмъ не нужныя? Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обривъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить... — Но въ немъ теплѣе? — У насъ есть шубы.... — За чѣмъ же имѣть два платья?... — За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильный жаръ? сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки? Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лице? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго, а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтити умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновениямъ, во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Еслибъ Петръ родился государемъ какого-нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для благъ подданныхъ; но

рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искусства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите, сравнитесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ по крайней-мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской народной, нравственной физіономіи, или ничто иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи; для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все національное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, потому, что я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre n'avoit pas regné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть, хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ! сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ? Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ; но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саяхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть царя русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка, по естественному, не принужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что государь нашъ сдѣлалъ въ двадцать лѣтъ».

Вотъ взгляды Карамзина на русскую исторію вообще, на

трудъ Левека и на реформу, произведенную въ Россіи Петромъ-Великимъ. Взглядъ этотъ во многомъ справедливъ и оригиналенъ.

Пропустивъ замѣчанія его о разныхъ маловажныхъ предметахъ, считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ мнѣніемъ Карамзина о Французахъ. Оно было написано первоначально по-французски, для одной Француженки, въ домъ которой Карамзинъ былъ принятъ. Хотя скромность и не позволяла путешественнику высказать многое, но не смотря на то, мнѣніе его имѣетъ свою оригинальность и достоинство. «Скажу, пишетъ онъ: огонь, воздухъ — и характеръ Французовъ описаны. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтреннѣе вашего. Кажется, будто онъ выдумалъ, или для него выдуманно общежитіе: столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми. Это искусство кажется въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто забывается, что онъ не между своими. Говорятъ, что здѣсь трудно найти искреннаго, вѣрнаго друга... Ахъ! друзья вездѣ рѣдки, и чужеземцу ли искать ихъ; тому, кто, подобно кометѣ, являясь, исчезаетъ? Дружба есть потребность жизни; всякій хочетъ для нее предмета надежнаго. Но все, чего по справедливости могу требовать отъ чужихъ людей, Французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, съ букетомъ цвѣтовъ. Вѣтренность, непостоянство, которыя составляютъ порокъ его характера, соединяются въ немъ съ любезными свойствами души, происходящими нѣкоторымъ образомъ отъ сего самаго порока. Французъ непостояненъ — и не злопамятенъ; удивленіе, похвала, можетъ скоро ему наскучить, ненависть также. Повѣтренности оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ своею ошибкою — и даже плачетъ, если надобно. Веселая безразсудность есть милая подруга жизни его. Какъ Англичанинъ радуется открытію новаго острова, такъ Французъ радуется острому слову. Чувствителенъ до крайности, страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но лю-

бовники не постоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти, могутъ имѣть страшныя слѣдствія; чему примѣромъ служить революція. Жаль, если эта ужасная политическая перемѣна должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго!» — Вотъ все замѣчательнѣйшее, что мы могли извлечь изъ «Путевыхъ записокъ» Карамзина, веденнымъ имъ во время его пребыванія въ Парижѣ.

Въ началѣ 1789 года, когда Карамзинъ оставлялъ Россію, во Франціи вспыхнула революція; по мѣрѣ того какъ онъ приближался къ Швейцаріи, страшное зарево уже видно было и въ Германіи. Французскій переворотъ былъ тогда предметомъ всѣхъ разговоровъ. Открытіе національнаго собранія, удаленіе Неккера, образованіе національной гвардіи, взятіе Бастиліи, событія 5 и 6 октября—вотъ что происходило во Франціи въ то время, когда Карамзинъ мирно разговаривалъ съ Боннетомъ о точномъ переводѣ его «Палингенезіи». Не смотря однако жъ на такое смутное время, Карамзинъ отправился во Францію: ему хотѣлось побывать на югѣ, но случилось противное и онъ попалъ въ самое средоточіе политическаго броженія. Карамзинъ видѣлъ всѣ слѣдствія октябрьскихъ событій (1789): образованіе департаментовъ, организацію административныхъ и муниципальныхъ властей, рѣшительныя мѣры правительства относительно улучшенія финансовъ, слышалъ рѣчи Мирабо, производившія столько шуму и толковъ въ столицѣ. Въ началѣ іюля, Карамзинъ оставилъ Парижъ и Францію съ грустью. Отсюда онъ отправился въ Лондонъ, послѣдній предѣлъ путешествія.

Прибывъ въ Дувръ, онъ пишетъ: «Берегъ! берегъ! Мы въ Дувръ, и я въ Англии — въ той землѣ, которую въ дѣтствѣ своемъ любилъ я съ энтузіазмомъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы». Лондонъ произвелъ на Карамзина весьма пріятное впечатлѣніе; ему въ особенности понравилась англійская чистота, такъ-что, сравнивая Лондонъ съ Парижемъ, Карамзинъ отдаетъ преимущество первому.— Карамзинъ прожилъ въ Лондонѣ три мѣсяца. Въ это время онъ изучалъ его подобно тому, какъ прежде изучалъ Парижъ, съ тою только разницею, что въ Лондонѣ болѣе углублялся въ политическія учрежденія Англичанъ, въ ихъ общественный духъ и нравы. Онъ съ жаромъ привѣтствовалъ

берега Англіи; все англійское казалось ему превосходнымъ, не подлежащимъ сравненію съ тѣмъ, что онъ прежде видѣлъ. Однакожъ мало по-малу глазамъ Карамзина начали представляться и такіе факты, по которымъ онъ могъ безъ ошибки заключить, что и Англія, какъ общество, во многомъ несовершенна, въ особенности же ему не нравился мрачный и безстрастный характеръ Англичанъ, и тогда Карамзинъ съ удовольствіемъ вспоминалъ Парижъ и Французовъ.

Знакомясь со всѣмъ англійскимъ, Карамзинъ обратилъ вниманіе и на англійскую литературу, но не могъ основательно изучить ея, потому - что прожилъ въ Лондонѣ всего три мѣсяца, а въ это время ему предстояло узнать еще много разныхъ предметовъ. Впрочемъ, вотъ взглядъ Карамзина на англійскую словесность: «Литература Англичанъ», пишетъ онъ, «подобно ихъ характеру, имѣетъ много особенности (оригинальности), и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество живописной поэзіи (*poésie descriptive*). Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми «временами года»; ихъ можно назвать зеркаломъ природы. Въ англійскихъ поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей. Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ британской поэзіи считается Мильтоново «Описаніе Адама и Евы» и Драйденова «Ода на музыку». Любопытно то, что поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокій пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!* Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ романистовъ и лучшихъ историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Французовъ и Нѣмцевъ писать романы, какъ *исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, вліяли въ исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Фукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ историческимъ триумвиратомъ Британіи».

Въ заключеніе, Карамзинъ говоритъ о свойствахъ англійскаго языка. Высказавъ свое мнѣніе вообще, замѣчаетъ: «Кажется, что у Англичанъ рты связаны, или на отверстіе ихъ положена министерствомъ большая пошлица: они чуть-чуть разводять зубы, свистятъ, намѣкаютъ, а не говорятъ. Вообще англійскій языкъ грубъ, непріятенъ для слуха; но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма», и прочее... Сказавъ нѣсколько словъ о литературѣ Англичанъ, Карамзинъ переходитъ къ описанію ихъ характера. Сыны Альбіона со всѣмъ перестали ему нравиться, когда онъ глубже изучилъ ихъ нравственную сторону. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что въ англійской нравственной природѣ столько разнообразныхъ характеровъ, характеровъ типическихъ, что Фильдингу не надобно было выдумывать героевъ для своихъ романовъ, а стоило только наблюдать и описывать. Этимъ и оканчиваются наблюденія Карамзина надъ Англичанами. — Проѣхавъ Германію, Швейцарію и Францію, и наскучивъ, какъ знакомствами съ литераторами и учеными, такъ и пресытившись красотами природы, Карамзинъ искалъ новаго предмета, который могъ бы занять его вниманіе и этотъ предметъ было общество. Замѣчанія его объ Англии, встрѣчаемыя нами въ «Письмахъ русскаго путешественника» стоятъ гораздо выше по своему интересу, чѣмъ замѣчанія о Германіи и Франціи.

Но по мѣрѣ того, какъ Карамзинъ наслаждался лондонскою жизнью и анатомически изучалъ душевныя свойства и особенности Англичанъ, кошелекъ его истощался день отъ дня, становился легче и легче, и когда въ немъ остались только двѣ гинеи, Карамзинъ отправился на биржу и поплылъ въ Россію на первомъ кораблѣ, оставлявшемъ гавань Темзы.

Нептунова стихія сначала мучила нашего путешественника, онъ сильно заболѣлъ, но вскорѣ поправилась, и онъ полюбилъ море, такъ-что готовъ былъ плыть хоть на край свѣта. Во время плаванія Карамзинъ читалъ Оссіана и переводилъ его Картона, который потомъ былъ напечатанъ въ «Московскомъ журналѣ».

Наконецъ Карамзинъ прибылъ въ Кронштадтъ.

Онъ оканчиваетъ свои «Путевыя записки» слѣдующими словами: «Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіи осмнадцати мѣ-

снцевъ! Оно черезъ двадцать лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятнѣе—пусть для меня одного! Загляну, и увижу каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... Почему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе.... но это ихъ, а не мое дѣло».

А. СТАРЧЕВСКІЙ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛѢ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

Санктпетербургъ, какъ для собственнаго продовольствія, такъ и для заграничнаго отпуска, снабжается хлѣбомъ изъ внутреннихъ губерній почти исключительно черезъ Рыбинскъ, гдѣ сосредоточиваются хлѣбные запасы, свозимые весною съ низовыхъ пристаней, по заказамъ и закупкамъ, сдѣланнымъ въ зимнюю пору. Отъ того, всякое движеніе цѣнъ, возникающее на Санктпетербургской биржѣ, ранѣе или позже отражается въ Рыбинскѣ и обратно. Нельзя не замѣтить, однако, что рыбинскія цѣны гораздо болѣе зависятъ отъ Санктпетербургскихъ, нежели Санктпетербургскія отъ рыбинскихъ, и что обстоятельства чаще способствуютъ возвышенію первыхъ и пониженію послѣднихъ. Внутренніе торговцы, продающіе хлѣбъ на мѣстѣ, въ Рыбинскѣ, Санктпетербургскимъ купцамъ, стѣснены въ своихъ спекуляціяхъ, тѣмъ, что сбытъ и цѣны зависятъ отъ требованій Санктпетербургской биржи, которыхъ невозможно предѣлать въ то время, когда хлѣбъ заготавливается на низовыхъ пристаняхъ. Напротивъ того, Санктпетербургскіе купцы, производя торгъ при портѣ, имѣютъ возможность удобно пользоваться вѣнскими обстоятельствами, и слѣдовательно свободнѣе предаются спекуляціямъ.

Они стараются купить хлѣбъ въ Рыбинскѣ какъ можно дешево, чтобы выиграть болѣе на биржевыхъ цѣнахъ, въ Санктпетербургѣ, при возвышеніи ихъ, въ случаѣ большого спроса для заграничнаго отпуски. Покупки, дѣлаемыя этими оптовыми купцами, производятся съ задатками, иногда съ отдачею денегъ впередъ, что естественно имѣетъ вліяніе на пониженіе рыбинскихъ цѣнъ. Если караваны съ закупленнымъ ими хлѣбомъ остановятся на пути къ Санктпетербургу, за мелководіемъ или на зимовку, то требованіе на хлѣбъ, оставшійся въ Рыбинскѣ не продаваемъ, уменьшается и цѣны упадаютъ; но санктпетербургскія цѣны въ такомъ случаѣ поднимаются. Когда наконецъ, при значительныхъ требованіяхъ на хлѣбъ, цѣны въ Рыбинскѣ возвысятся, тогда покупки его становятся уже не такъ выгодными для санктпетербургской биржи; спекуляціи здѣсь прекращаются, цѣны упадаютъ и пониженіе ихъ тотчасъ дѣйствуетъ на рыбинскую биржу *.

Разсматривая движеніе хлѣбной торговли въ 1846 и 1847 году, мы будемъ имѣть случай указать факты, обнаруживающіе сильное вліяніе санктпетербургской биржи на рыбинскія цѣны.

Обильные урожан хлѣба въ низовыхъ губерніяхъ, виды на заграничный сбытъ и требованія на хлѣбные принасы для продовольствія сѣверозанадныхъ и частью сѣверныхъ губерній, чрезвычайно оживили хлѣбную торговлю на внутреннихъ пристаняхъ въ 1846 году. Многіе изъ торговцевъ даже вовсе никогда не занимавшіеся этою промышленностью, обратили свои капиталы на закупку хлѣба. Количество хлѣбныхъ продуктовъ, заготовленныхъ на низовыхъ пристаняхъ въ 1846 году, по купеческимъ свѣдѣніямъ, простиралось до 7,958,000 четвертей. Въ какой мѣрѣ увеличилась тогда заготовка главныхъ родовъ хлѣба и возвысились ихъ цѣны на важнѣйшихъ пристаняхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія съ 1845 годомъ.

Куплено:

Ржаной муки.	Цѣны.	въ 1845 году.
Въ Моршанскѣ . . .	447,000 кул. отъ 5	руб. до 5 руб. 50 коп. ас
— Лысковѣ	262,000 — — 6	— — — 7 — — —
— Прозангѣ	245,000 — — —	— — — 6 — — —
На казанскихъ и казанскихъ пристаняхъ.	780,000 — — 5	— 50 — 6 — — —
Итого . . .	1,734,000 кул.	

* Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1847, № 7, замѣчанія о торговлѣ хлѣбомъ въ Россіи, А Заблоцкаго.

Цѣны въ 1846 году.

Въ Моршанскъ	766,000	кул.	отъ 6 руб. 50 к.	до 7 р.	—	—	ас.
— Лысковъ	570,000	—	— 8 —	—	—	9 —	—
— Прозиниѣ	510,000	—	— 6 — 30 —	8 —	—	—	—
На казанскихъ и казанскихъ пристаняхъ .	1,105,000	—	— 6 —	—	—	7 — 50	—
Итого	2 951,000	кул.					

Ржи:

Цѣны въ 1845 году.

Въ Моршанскъ	120,000	четв.	отъ 3 —	до 4 руб.	—	—
— Лысковъ и Воротынцѣ .	70,000	—	— 6 30 —	6 —	50 —	—
На казанскихъ пристаняхъ	50,000	—	—	—	—	—
Итого	240,000	четв.				

Цѣны въ 1846 году.

Въ Моршанскъ	273,000	четв.	отъ 4 руб. 50 к.	до 5 руб 50 к.		
— Лысковъ и Воротынцѣ	170,000	—	— 7 —	—	16 —	—
На казанскихъ пристаняхъ	71,000	—	—	—	—	—
Итого	514,000	четв.				

Пшеницы:

Цѣны въ 1844 году.

Въ Самарѣ	330,000	четв.	отъ 10 руб.	до 16 руб.		
— Хвалыискъ и Булаковъ .	158,000	—	— 12 —	—	17 —	—
— саратовскихъ колоній	120,000	—	— 12 —	—	15 —	—
Итого	608,000	четв.				

Цѣны въ 1846 году.

Въ Самарѣ	530,000	четв.	отъ 12 руб.	до 17 руб.	—	ков.
— Хвалыискъ и Булаковъ	420,000	—	— 10 —	—	17 — 50	—
— саратовскихъ колоній	130,000	—	— 10 —	—	16 —	—
Итого	1,080,000	четв.				

Овса:

Цѣны въ 1845 году.

На казанскихъ пристаняхъ	300,000	четв.	отъ 4 руб.	до 4 руб. 50	ков.	
Въ Лысковѣ	180,000	—	— 4 —	— 5 —	—	—
— Прозиниѣ	80,000	—	— 4 —	— 4 —	50	—
— Моршанскъ	70,000	—	— 4 —	— 5 —	—	—
Итого	630,000	четв.				

Цѣны въ 1846 году.

На казанскихъ пристав- няхъ	400,000	чет.	отъ 4 руб. 50 коп.	до 6 руб. — к.
Въ Лысковѣ	150,000	— —	6 — — — 7 — — —	
— Промзвнѣ	153,000	— —	4 — 75 — — 5 — 50 —	
— Моршанскѣ	120,000	— —	6 — — — 7 — 50 —	
Итого	823,000	четв.		

Цѣны на ржаную муку, на рожь и овесъ поднялись вообще отъ тридцати до сорока процентовъ, а на пшеницу мало измѣнились противъ цѣнъ 1845 года.

По огромности закупокъ хлѣба въ 1846 году не только возвысились цѣны его на низовыхъ приставкахъ, но и доставка оттуда въ Рыбинскъ обходилась дороже чѣмъ въ 1845 году. Торговцы рѣшились переплачивать за наемъ судовъ и рабочихъ, лишь бы только поднять грузъ съ первымъ весеннимъ караваномъ. * По среднимъ провознымъ цѣнамъ, существовавшимъ до 1 июля 1846 года, хлѣбные продукты съ доставкой въ Рыбинскъ обходились:

Мука ржаная	около 9 руб. 70 коп.	до 11 руб. 50 коп. ас.
Рожь (моршанская)	— 8 — 26	— — 9 — 25 — —
Пшеница	— 16 — — —	— 23 — 50 — —
Овесъ	— 6 — 65	— — 9 — 70 — —

Возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ на приставкахъ и дороговизна провозовъ заставляли торговцевъ поддерживать рыбинскія цѣны; но съ прекращеніемъ требованій на хлѣбъ въ половинѣ лѣта, торговля приняла неблагоприятный оборотъ. Мука ржаная, съ открытія навигаціи, продавалась въ Рыбинскѣ довольно высокою цѣною, отъ тринадцати рублей двадцати пяти копѣекъ до четырнадцати рублей за кулъ; въ маѣ и въ іюнѣ, съ появленіемъ низоваго каравана цѣна упала отъ десяти рублей семидесяти пяти

* За провозъ платили съ пуда.

	Въ 1845 году.		Въ 1846 году.	
	отъ	до	отъ	до
Изъ саратовскихъ колоній	46	47	65	72
— Хвалынска и Булакова	40	47	60	62
— Самары	29	35	38½	47
— Промзвнѣ	28	35	39	55
— Моршанска	—	35	39	44½
— Лыскова	17	20	22½	33½
— разныхъ пристаней казанской губерніи.	23	24½	33½	41

конѣекъ до одиннадцати рублей пятидесяти конѣекъ, а въ половинѣ іюля стояли слѣдующія цѣны.

Мука ржаная	отъ 9 руб. 75 коп. до 10 руб. 25 коп.
. Рожь	— 8 — — — 9 — 60 —
Овесь	— 8 — 25 — — 9 — 40 —
Пшеница (самарская). — 19 — — — — 25 — — —	

По первое іюля 1846 года, сравнительно съ 1845, доставлено съ низовыхъ пристаней:

	Въ 1845 году.	1846 году.
Муки ржаной	1,049,604	1,338,256 кул.
Ржи	122,532	432,911 —
Пшеницы	136,767	274,333 —
Овса	465,143	476,543 —
Итого	1,774,046	2,522,043 кул.

Привозъ главныхъ хлѣбныхъ продуктовъ въ первую половину навигаціи уже былъ на 778,000 четвертей болѣе прошлагодняго.

Изъ рыбнскихъ запасовъ и вновь заготовленнаго хлѣба отправлено по 1 іюля:

	До Петербурга.		До ближнихъ мѣстъ.	
	Въ 1845.	1846.	Въ 1845	1846.
Муки ржаной	846,983	890,782	172,731	315,484 кул.
Ржи	96,526	308,566	24,055	137,560 —
Пшеницы	25,367	106,206	244,659	225,073 —
Овса	452,700	407,820	29 505	57,274 —
Итого	1,431,575	1,713,374	470,950	735,391 кул.

Отправки ржи и пшеницы увеличились по видамъ на заграничный сбытъ; но съ іюля требованія прекратились и упадокъ цѣнъ возбудилъ на рыбнскій биржѣ опасенія, что торговцы, заготовившіе большое количество хлѣба, повесутъ значительные убытки. Эти опасенія не оправдались послучаю внезапнаго возвышенія цѣнъ въ началѣ августа: возникшее тогда требованіе на хлѣбъ для санктпетербургской биржи, по заграничнымъ приказамъ и для внутренняго продовольствія, и случившаяся въ то же время остановка судовъ въ пути за мелководіемъ, имѣли сильное вліяніе на цѣны. Съ тѣхъ поръ, хлѣбъ въ Рыбнскѣ сталъ постепенно дорожать такъ, что съ августа по октябрь прибавилось на кулъ ржаной муки до 1 рубля 75 копѣекъ, на четверть ржи отъ 1 рубля 50 копѣекъ до 2 рублей.

Въ послѣднюю половину навигаціи прибыло къ Рыбнску и за-

зимовало на разныхъ дистанціяхъ между Рыбинскомъ и Нижнимъ Новгородомъ:

	Въ Рыбинску прібыло.	ниже Рыбинска зазимовало.
Муки ржаной	1,037,352	480,000 кул.
Ржи	183,009	100,000 четв.
Пшеницы	393,061	250,000 —
Овса	208,752	100,000 —
Итого	1,822,174	930,000 четв.

По случаю мелководія и ранняго замерзанія рѣкъ, осталось на зимовку въ Рыбинскѣ: муки ржаной до 267,000 кулей, ржи 45,000 четвертей, пшеницы 69,000 овса 55,000 четвертей, а изъ отправленнаго къ Санктпетербургу хлѣба большая часть зазимовала въ пути:

	Съ іюля отправлено.	Зазимовало.
Мука ржаная	809,782	450,000 кулей.
Ржи	308,566	89,000 четв.
Пшеницы	106,206	223,000 —
Овса	407,820	164,000 —
Итого	1,713,374	925,000 четв.

Большое количество хлѣба, оставшагося на зимовку, препятствовало значительнѣйшему возвышенію Рыбинскихъ цѣнъ, когда появился спросъ для Санктпетербургской биржи. Въ началѣ ноября, въ Рыбинскѣ стояли слѣдующія цѣны:

Мука ржаная	отъ 11 руб. 50 коп. до 12 руб. — — за кул.
Рожь	— 11 — — — — 11 — 50 — — —
Пшеница самарская	— 22 — — — — 27 — — — — —
— русская	— — — — — 18 — 50 — — —
Овесъ (въ 6 п въ 7 пуд).	— 7 — 75 — — 9 — 50 — — —

Цѣны поднялись противъ іюльскихъ на муку ржаную около 18 процентовъ, на рожь до 20 процентовъ, на пшеницу до 15 процентовъ.

Въ началѣ 1847 года, послучаю усилившихся требованій на хлѣбъ. На Санктпетербургской биржѣ, цѣны стали возрастать: въ еврагѣ, на Ростовской ярмаркѣ, гдѣ обыкновенно производится значительныя сдѣлки по хлѣбной торговлѣ, оставшіеся на зимовкѣ хлѣбъ продавался:

Зависимость между Рыбинском и

Самоемский из Рыбинскъ.

Нижегородъ.

Мука ржаная	12 $\frac{1}{4}$ до 12 $\frac{3}{4}$	—	—	12 $\frac{1}{4}$ до 13	руб ас. за куль.
Рожь	12 $\frac{1}{4}$	—	—	—	— — четверть.
Пшеница . .	15 — 20	—	—	20 $\frac{1}{4}$ — 21 $\frac{1}{2}$	— — — —
Овесь	8 $\frac{1}{2}$ — 10	—	—	8 $\frac{1}{2}$ — 8 $\frac{3}{4}$	— — — —

Съ-тѣхъ-поръ возвышеніе рыбинскихъ цѣнъ продолжалось до июня, пока не прекратились покупки хлѣба на санктпетербургской биржѣ для заграничнаго отпуска. Въ концѣ мая цѣны въ Рыбинскѣ дошли до самой высокой степени:

Мука ржаная	отъ 16 руб. 40 коп. до 19 руб. за куль.
Рожь	— 19 — — 20 — — четверть.
Пшеница . .	— 27 — — 33 — — —
Овесь	— 9 — 50 — — 11 — — —

При такихъ цѣнахъ, хлѣбные торговцы получали значительный барышъ на хлѣбъ, купленный ими въ 1846 году.

Возвышеніе рыбинскихъ цѣнъ въ зиму 1846 и 1847 года при видахъ на заграничный отпускъ, побудило заготовить большое количество хлѣбныхъ продуктовъ на низовыхъ пристаняхъ. Торговцы обратились къ закупкѣ преимущественно пшеницы и овса, а ржаную муку и рожь покупали нечѣ, изъ опасенія понести убытки, по случаю высокихъ цѣнъ на пристаняхъ. На 1847 годъ сравненіи съ предъидущимъ годомъ заготовлено на вольную продажу:

	Въ 1846.	1847.
Муки ржаной	3,033,533	1,874,655 кулей
Ржи	755,618	569,411 четв.
Пшеницы . .	1,338,398	2,247,133 —
Овса	1,284,714	1,647,383 —

Пшеница покупалась большею частью въ Самарѣ (720,000 четвертей), отъ 9 рублей 60 копѣекъ до 16 рублей 70 копѣекъ и на разныхъ пристаняхъ саратовской губерніи (850,000 четвертей), отъ 8 рублей до 16 рублей 25 копѣекъ, по добротѣ, за четверть въ 10 пудовъ. Сверхъ-того, закупки производились въ Промзкѣ, Лысковѣ, Моршанскѣ, на камскихъ и симбирскихъ пристаняхъ. Большая часть пшеницы закуплена по цѣнамъ не выше прошлогоднихъ.

Овесь заготовлялся наиболѣе въ Лысковѣ отъ 5 рублей 50 копѣекъ до 8 рублей, въ Моршанскѣ (отъ 6 до 7 рублей), въ Пром-

зинѣ (отъ 5 до 6 рублей), на камскихъ казанскихъ и симбирскихъ пристаняхъ (отъ 4 рублей до 5 рублей 30 копѣекъ четверть). Эти цѣны мало различались отъ прошлогоднихъ.

Напротивъ того, рожь и ржаная мука значительно вздорожали, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія:

Рожь,	Въ 1845 г.	1846 г.	1847 г.
Въ Моршанскѣ отъ 3 до 4 р.	отъ 4½	до 5½	р отъ 7 до 9½ руб.
Ржаная мука:			
— Моршанскѣ	— 5½	— 6½	— 7 — 9½ — 10½
— Промзинѣ	— 6	— 6 30к.	— 8 — 9 — 11
— Лысковѣ	— 6 — 7	— 8½	— 9½ — 11 — 12 и 13—

Цѣны ржаной муки въ 1847 году поднялись на этихъ пристаняхъ противъ 1846 года около сорока до пятидесяти процентовъ, а противъ 1845 года около осмидесяти до девяноста процентовъ. Рожь моршанская стояла въ 1847 году вдвое дороже, чѣмъ въ 1845.

Фрахты отъ низовыхъ пристаней до Рыбинска въ 1847 году были также гораздо выше прошлогоднихъ; каждый торговецъ, спѣша доставить къ сроку законтрагованный имъ хлѣбъ, платилъ дороже судохозяевамъ и рабочимъ*.

По среднимъ провознымъ цѣнамъ, хлѣбный товаръ купленный въ 1847 году обходился съ доставкой въ Рыбинскъ:

Мука ржаная моршанская и промзинская	отъ 13 р.	до 15 р.	закуп.
Рожь моршанская	— 10 — 60 к.	— 13 —	четв.
Пшеница самарская	— 14 — 30	— 21 — 40 к.	—
— — — хвалынская и булаковская	— 15 — 80	— 24 —	—
Овесъ казанскій	— 6 — 50	— 7 — 50	—
— — лысковскій	— 7 — 50	— 10 —	—

При такихъ цѣнахъ барышъ хлѣбныхъ торговцевъ успѣвшихъ продать свой товаръ въ Рыбинскѣ до юля, былъ всё-еще великъ,

* За провозъ до Рыбинска платили съ пуда:

Изъ саратовскихъ колоній	отъ 56	до 60	коп. ас.
— Хвалынска и Булакова	— 75	— 81	— —
— Промзина	— 35	— 55	— —
— Самары	— 45	— 50	— —
— Моршанска	— 35	— 42½	— —
— Лыскова	— 32½	— 35½	— —
— разныхъ пристаней казанской губернии	— 33		— —

но съ прекращеніемъ требованій на хлѣбъ для санктпетербургской биржи, рыбинскія цѣны въ концѣ іюля значительно упали.

Мука ржаная отъ 10 до 12 руб.	за кулъ.
Рожь — 41 — 44 — 50 коп.	— —
Пшеница . . — 17 — 21 —	— —
Овесь — 6 — 7 — 50 —	— —

При такихъ убыточныхъ цѣнахъ большое количество хлѣба осталось не проданнымъ.

Хлѣбные продукты, кромѣ пшеницы, продавались въ Рыбинскѣ до іюля, болшею частью за наличныя деньги, иногда съ небольшою отсрочкою платежа половиною части денегъ, отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ; за пшеницу же платили съ отсрочкою одной трети денегъ на шесть мѣсяцевъ, а двухъ третей на двѣнадцать, четырнадцать мѣсяцевъ и болѣе. Съ іюля, ржаной хлѣбъ также покупали въ кредитъ съ платежемъ одной трети денегъ по принятіи, а двѣ трети отсрочивали на шесть мѣсяцевъ и болѣе.

При упадкѣ цѣнъ на хлѣбъ, сравнительно съ стоимостью сдѣланныхъ закупокъ и дорогимъ платежемъ за сплавы, торговцы подвергнувшись еще новымъ непредвидѣннымъ потерямъ по случаю остановки хлѣбныхъ транспортовъ за мелководіемъ. Съ первыхъ чиселъ іюля, вода въ рѣкѣ Волгѣ начала убывать: тяжелогрузныя суда были принуждены распаузливаться; глубина рѣки (на меляхъ между Ярославлемъ и Нижнимъ-Новгородомъ) въ августѣ дошла до аршина четырехъ вершковъ, и хлѣбъ зазимовалъ въ значительномъ количествѣ (до милліона четвертей) между Рыбинскомъ и Казанью. Въ Рыбинскѣ сложено на зимовку слишкомъ 800,000 четвертей. Большое количество хлѣба, отправленнаго изъ Рыбинска въ Петербургъ и въ ближайшія мѣста, было задержано въ пути мелководіемъ: въ іюлѣ вода начала убывать въ рѣкахъ тихвинской системы, особенно въ Шекснѣ: лодки тихвинки, отправленныя изъ Рыбинска 20 іюля, не могли дойти до Бѣлозерска, и зазимовали по разнымъ дистанціямъ этой рѣки. Мелководіе также остановило многія барки на рѣкѣ Мстѣ. Опытное купечество отзывалось, что оно давно не запомнитъ такой низкой воды какъ въ 1847 году. Преждевременная зазимовка хлѣба, не дошедшаго до назначенныхъ мѣстъ, вовлекла торговцевъ въ убытки отъ найма паузковъ, отъ порчи и утратъ при перегрузкахъ, отъ храненія на складахъ и тому подобное, что все составляетъ расхода на кулъ, среднимъ числомъ отъ 80 ко-

иѣкъ до 1 рубля ассигнаціями. Такимъ образомъ, значительная часть капиталовъ, употребленныхъ на заготовки хлѣба, осталась невырученною къ концу навигаціи. Многіе изъ хлѣбныхъ торговцевъ должны были понести ощутительные убытки и наиболѣе подвергнулись имъ тѣ, которые, увлекаясь первоначальнымъ заграничнымъ требованіемъ, сдѣлали вторичныя закупки, платили дорого за хлѣбъ и за доставку, но, прежде нежели они успѣли сбыть товаръ, цѣны вдругъ значительно понизились.

При такомъ затруднительномъ положеніи хлѣбной торговли, въ то время какъ большое количество остановилось на Волгѣ и Шекснѣ за мелководіемъ, и огромный капиталъ заключавшійся въ хлѣбѣ, задержанномъ зимовкою, долженъ былъ остаться безъ обращенія, правительство признало необходимымъ оказать купечеству вспомошествованіе для поддержанія частнаго кредита и для облегченія хода торговли и въ особенности сбыта сельскихъ продуктовъ на внутреннихъ пристаняхъ. Съ этою цѣлію, въ декабрь 1847 году разрѣшена, на девять мѣсяцевъ, выдача ссудъ изъ Коммерческаго Банка подъ залогъ пшеницы, ржи, ржаной муки, овса, ячменя и льнянаго сѣмени, зазимовавшихъ въ Рыбинскѣ и на пути къ Санктпетербургу по тремъ водянымъ системамъ: маріинской, вышневолоцкой и тихвинской*. Съ помощію этой мѣры коммерческіе дѣла приняли свободный ходъ, капиталы пришли въ движеніе и отвращено разстройство, угрожавшее многимъ торговымъ домамъ.

Хлѣбная торговля въ Санктпетербургѣ также подвергалась тягостному кризису въ слѣдствіе упадка цѣнъ съ высокой степени, до которой онѣ были доведены биржевыми спекуляціями. Видя на огромный и выгодный сбытъ хлѣба за границу побудили купечество употребить свободные капиталы на закупку хлѣбныхъ продуктовъ въ такомъ количествѣ, какое еще никогда не заготовлялось для санктпетербургскаго порта. По открытіи навигаціи двинулись караваны съ хлѣбомъ, заготовленнымъ на верховыхъ пристаняхъ и зимовавшимъ на пути между Санктпетербургомъ и Рыбинскомъ и въ самомъ Рыбинскѣ. Къ этимъ запасамъ присоединился хлѣбъ, зимовавшій между Рыбинскомъ и нижнимъ Новгородомъ, и вновь прибывшій къ Рыбинску съ низовыхъ пристаней. До половины іюля, движеніе хлѣбныхъ транспортовъ представляло слѣдующія количества:

* Правила для выдачи ссудъ изъ Коммерческаго Банка подъ залогъ этихъ товаровъ напечатаны въ № 149 Коммерческой Газеты 1847 года.

и сельское хозяйство.

11

Привезено.	Мука ржаной.	Ржц.	Пшеницы.	Овса.
Въ Рыбинскъ	1,260,983 кул.	494,005	1,075,111	804,235
Ч е т в е р т е й .				
Отправлено.				
Въ Санктпетербургъ . . .	879,413 —	388,458	622,572	724,818
— ближайшіе мѣста . . .	241,994 —	82,894	364,695	151,139
Итого . . .	1,121,407 —	471,352	987,267	887,957
Зимовало на пути къ Санктпетербургу . . .	450,000 —	88,000	223,000	164,000
Оставалось къ 1 декабря 1846 года на складѣ, въ Санктпетербургъ . . .	347,000 —	59,000	31,000	140,000
Итого . . .	797,000 —	147,000	354,000	304,000

На верховыхъ пристаняхъ было заготовлено на 1847 годъ примѣрно до 500,000 четвертей разнаго хлѣба, большою частью ржи и овса.

И такъ все количество главныхъ хлѣбныхъ продуктовъ, находившееся въ пути и частью въ наличныхъ запасахъ, составляло до 5½ миллионѣвъ четвертей, а за исключеніемъ около двухъ миллионѣвъ четвертей на продовольствіе столицы, оставалось для заграничнаго отпуска до 3½ миллионѣвъ четвертей.

Кромѣ этихъ готовыхъ запасовъ, еще ожидался огромный привозъ хлѣба къ Рыбинску въ остальную навигацію по сдѣланнымъ на низовыхъ пристаняхъ закупкамъ въ 1847 году, а именно:

Муки ржаной	1,485,266 кулей.
Ржц	175,406 четв.
Пшеницы	1,422,022 —
Овса	891,837 —
Итого	3,974,531 четв.

Если бы хоть половина этихъ заготовокъ могла быть, въ ту же навигацію, перевезена чрезъ Рыбинскъ въ Санктпетербургъ, то количество хлѣба, которое этотъ портъ могъ отпустить за границу, увеличилось бы до пяти миллионѣвъ четвертей но, какъ выше замѣчено, мелководіе остановило дѣйствіе транспортовъ съ половины лѣта: послѣ 16 іюля до закрытія навигаціи привезено въ Рыбинскъ съ низовыхъ пристаней до 1,794,000 четвертей разнаго хлѣба, изъ котораго сложено здѣсь на зимовку слишкомъ 800,000 четвертей, а въ Санктпетербургъ отправлено толь-

ко до 400,000 четвертей и многіе транспорты зазимовали въ пути.

Впрочемъ, заграничныя требованія далеко не доходили до того количества, какое было заготовлено хлѣбными торговцами: весь отпускъ хлѣба всякаго рода въ 1847 году простирался до 2,400,000 четвертей и почти равнялся запасамъ, оставшимся отъ предъидущаго года, на зимовкѣ, въ Санктпетербургѣ, и на разныхъ верхнихъ и низовыхъ пристаняхъ, между Санктпетербургомъ, Рыбинскомъ и Нижнимъ-Новгородомъ.

Въ теченіи семнадцати лѣтъ, съ 1830 года, не бывало такого огромнаго отпуска хлѣбныхъ товаровъ съ рыбинской пристани, какъ въ 1847 году, который въ этомъ отношеніи превзошелъ 1846, 1845 и 1844 года, хотя въ эти годы движеніе хлѣбной торговли въ Рыбинскѣ отличалось большою дѣятельностью. Съ этой пристани отправлено хлѣба всякаго рода на вольную продажу въ Санктпетербургъ, во всю навигацію:

Въ 1844 году	1,949,217 четв.
— 1845 —	2,482,971 —
— 1846 —	3,488,845 —
— 1847 —	3,363,143 —

При усилившемся движеніи хлѣбныхъ транспортовъ къ Санктпетербургу, провозныя цѣны значительно возвысились. Въ первую половину навигаціи платили съ пуда.

По системамъ.

	Маринской.		Тихвинской.	
	отъ	до	отъ	до
Въ 1845 году	39	49 коп	55	60 коп.
— 1846 —	47	51 —	53	63 —
— 1847 — въ маѣ	49	78 —	63	1 р. 25 —
— „ — въ юнѣ	52½	85 —	93½	1 р. 25 —
— „ — въ июлѣ	52½	70 —	87	95 —

По вышневолоцкой системѣ большою частью отправляются суда, принадлежащія хозяевамъ груза; но и этою системою провозъ стоилъ до 50 копѣекъ, а въ 1845 году обходился не доро 40 копѣекъ съ пуда.

Стеченіе къ рыбинской пристани, почти въ одно время, множества каравановъ съ хлѣбомъ, полноводіе, благопріятствовавшее силамъ въ первую половину навигаціи, и срочныя отправки хлѣба въ Санктпетербургъ для заграничныхъ отпусковъ, возвысили также плату за наемъ лошадей и лоцмановъ. Прежде кла-

твомъ отъ Рыбинска до Твери, по Волгѣ, за пару лошадей отъ 80 до 100 рублей, а въ 1847 году плата увеличилась вдвое. По маринской системѣ до Бѣлозерска наемъ обходился обыкновенно отъ 75 до 95 рублей, а въ 1847 году платили отъ 175 до 275 рублей ассигнаціями. Барки для верхняго хода продавались въ Рыбинскѣ съ открытія навигаціи по 420 рублей, потомъ цѣны на нихъ возвысились отъ 600 до 900, и, наконецъ, до 1,000 рублей, а въ сентябрѣ упали съ уменьшеніемъ отправокъ хлѣба до 450 рублей ассигнаціями.

Значительное возвышеніе провозныхъ расходовъ не было отяготительно для хлѣбныхъ торговцевъ, пока держалось высокія цѣны въ Санктпетербургѣ; но съ прекращеніемъ покупокъ для западнчаго отпущка, здѣшнія биржевыя цѣны стали упадать и пониженіе ихъ угрожало нанести большія потери торговцамъ, имѣвшимъ на рукахъ значительные запасы не проданнаго хлѣба.

При такомъ затруднительномъ положеніи хлѣбной торговли, правительство разрѣшило, въ сентябрѣ 1847 года, на девять мѣсяцевъ, пріемъ въ залогъ Коммерческаго Банка запасовъ застрахованнаго хлѣба (пшеницы, ржи, ржаной муки и овса) сложеннаго въ Санктпетербургѣ, съ выдачею въ ссуду по 50 копѣекъ серебромъ на рубль противъ биржевой цѣны *. Эта мѣра облегчила хлѣбную торговлю, приведшую въ разстройство послѣ чрезвычайныхъ спекуляцій, оживлявшихъ ее въ 1846 и 1847 году. Достаточно взглянуть на слѣдующія цифры, чтобы получить понятіе о рискѣ, сопряженномъ съ коммерческими оборотами и въ особенности неразлучномъ съ хлѣбною торговлею: огромные барыши быстро сменяются въ ней огромными потерями. Вотъ цѣны существовавшія на санктпетербургской биржѣ съ января по сентябрь 1847 года.

Цѣны.	Мука ржаная.	Рожь.	Пшеница.	Овесъ.
Въ январѣ	17½ до 20½ р.	21½ до 24 р.	31½ до 34½ р.	14 до 15 р.
— мартѣ	20 — 21 —	21½ — 25 —	33½ — 38 —	13 — 14 —
— маѣ	26 — 28 —	29 — 32 —	42 — 50 —	15 — 16 —
— концѣ юля	18 — 20 —	26 — 21 —	» — 37 —	11 — 15 —
— началѣ сентября.	17 — 19 —	16 — 17 —	» — 30 —	10 — 12 —

Принявъ въ расчетъ среднія цѣны, находимъ, что съ января до мая онѣ поднялись: на ржаную муку свыше 40 процентовъ, на пшеницу около 40 процентовъ и на рожь свыше 30 процентовъ, а съ мая по сентябрь упали: на рожь свыше 80 процентовъ, на пшеницу свыше 50 процентовъ, на ржаную муку до 50 процентовъ и на овесъ до 40 процентовъ.

Въ Санктпетербургѣ, весьма немногіе оптовые торговцы имѣютъ въ своихъ рукахъ внутренней хлѣбный торгъ. При чрезвычайномъ требованіи на хлѣбъ для заграничнаго отпуски, они успѣли возвысить биржевыя цѣны въ несоразмѣрности съ рыбинскими; но приобретенный ими барышъ былъ очень различенъ смотря по времени закупокъ и продажъ. Это обстоятельство требуетъ поясненія для тѣхъ, кто незнакомъ съ ходомъ коммерческихъ оборотовъ..

Хлѣбъ, покупаемый въ Рыбинскѣ, для Санктпетербурга, обыкновенно доставляется къ порту на счетъ покупателя; покупки съ условіемъ, чтобы продавецъ принялъ на себя эту доставку, случаются рѣдко. Провозъ отъ Рыбинска до Санктпетербурга гораздо труднѣе и вообще сопряженъ съ большимъ рискомъ, нежели доставка къ Рыбинску отъ низовыхъ пристаней. Въ навигацію 1847 года, средняя цѣна за провозъ составляла до 1 июля неменѣе 70 копѣекъ ассигнаціями съ пуда или 6 рублей 30 копѣекъ съ четверти. Если присовокупить къ тому, кромѣ случайныхъ издержекъ на перегрузку судовъ, достигнутыхъ мелководіемъ (отъ 60 до 70 копѣекъ съ куля) другіе путевые расходы, считаемыя до 50 копѣекъ на куль, то доставка хлѣба изъ Рыбинска къ Санктпетербургу могла стоить до 6 рублей 80 копѣекъ. На зимовку хлѣба въ Рыбинскѣ нужно прибавить къ расходамъ 1 рубль съ четверти. Рожь, купленная тамъ осенью 1846 года по $11\frac{1}{2}$ до 12 рублей ассигнаціями, обходилась съ зимовкою въ Рыбинскѣ и съ провозомъ до невской пристани, около 19 рублей 30 копѣекъ до 19 рублей 80 копѣекъ. Кто продалъ на Санктпетербургской биржѣ эту рожь на июль 1847 года по 29 рублей ассигнаціями, тому причиталось барыша до 9 рублей ассигнаціями на четверть. Пшеница, сложенная въ Рыбинскѣ и купленная на ростовской ярмаркѣ по 16 до 20 рублей ассигнаціями, обошлась бы покупателю въ Санктпетербургѣ, со всеми расходами на зимовку, доставку и прочая, отъ 23 рублей 50 копѣекъ до 28 рублей 50 копѣекъ, а на Санктпетербургской биржѣ платили до 39 и 40 рублей на июль, что составитъ разницы отъ $11\frac{1}{2}$ до $15\frac{1}{2}$ рублей на четверть. Само собою разумѣется, что съ возвышеніемъ рыбинскихъ цѣнъ барыши Санктпетербургскихъ покупателей должны были въ соразмѣрности уменьшаться. Кто платилъ въ Рыбинскѣ за рожь до 15 — 16 рублей 40 копѣекъ, а за пшеницу отъ 22 рублей 50 копѣекъ до 30 рублей, тому обходилась съ доставкою: первая около 22 рублей 80 копѣекъ до 24 рублей 20 копѣекъ, а послѣдняя около 31 до

38½ рублей. — Съ-тѣхъ-портъ, цѣны на санктпетербургской биржѣ значительно упали: въ августѣ платили за рожь 18½ до 19½ рублей, за пшеницу до 30 рублей; при такихъ цѣнахъ уже оказывается большой убытокъ. Можно бы привести еще многіе другіе примѣры значительныхъ барышей и потерь, зависѣвшихъ отъ измѣненія цѣнъ, но, кажется, здѣсь достаточно уже доказано, что изъ внутреннихъ хлѣбныхъ торговцевъ, большія выгоды отъ возвышенія цѣнъ на санктпетербургской биржѣ могли получить только тѣ, которые успѣли купить хлѣбъ въ Рыбинскѣ заблаговременно, по сходнымъ цѣнамъ, и продали его къ веснѣ, при портѣ, для заграничнаго отпуска; напротивъ того, покупка, сдѣланная по возвысившимся въ Рыбинскѣ цѣнамъ, должны были принести гораздо меньшій барышъ, если покупатель даже успѣлъ продать свой хлѣбъ на санктпетербургской биржѣ до іюля, то есть прежде нежели послѣдовалъ упадокъ тамошнихъ цѣнъ, а съ пониженіемъ ихъ, оказавшимся особенно въ іюлѣ и въ августѣ, торговцы, покупавшіе хлѣбъ въ Рыбинскѣ въ началѣ весны, должны были потерпѣть большіе убытки.

Этотъ кризисъ не коснулся производителей и промышленниковъ, которые сбывали свой хлѣбъ на низовыхъ пристаняхъ: тамошнія цѣны поднялись, при усилившейся заготовкѣ хлѣба, но возвышеніемъ ихъ успѣли воспользоваться, кромѣ торговцевъ, только помѣщики, доставляющіе свой хлѣбъ къ пристанямъ на крестьянскихъ подводахъ, и ближайшіе крестьяне, обычающіе тамъ свои хлѣбные запасы. Значительнѣйшее количество хлѣба обыкновенно продается на пристаняхъ изъ рукъ промышленниковъ, скупающихъ его отъ производителей малыми партиями по произвольнымъ цѣнамъ. Слѣдовательно, не сельскимъ хозяевамъ, а этимъ перекупщикамъ доставалась большая часть выгодъ отъ возвышенія цѣнъ, при усилившемся сбытѣ хлѣба. Въ мѣстахъ, которыя не имѣютъ непосредственныхъ сношеній съ пристанями, сельскіе хозяева не могли выручать за свой хлѣбъ соразмѣрныя цѣны и должны были довольствоваться тѣми, какія предлагались торговцами. Такое неудовлетворительное для сельскаго хозяйства положеніе сбыта хлѣба обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ отдаленнѣе мѣста окончательной продажи его и чѣмъ затруднительнѣе доставка къ нимъ продуктовъ.

Обозрѣвая движеніе хлѣбной торговли при санктпетербургскомъ портѣ въ эпоху чрезвычайной ея дѣятельности, мы распространились о внутреннихъ обстоятельствахъ этой торговли и въ особенности о движеніи ея въ Рыбинскѣ, какъ главномъ внутрен-

всѣхъ пертіжмѣхъ Санктпетербургомъ и нѣкоторыми врсѣсталии. За недостаткомъ необходимыхъ данныхъ, нельзя изслѣдовать подобнымъ образомъ состояніе хлѣбной торговли 1846 и 1847 года въ другихъ нашихъ портахъ, чтобы показать ея вліяніе на внутреннія цѣны и на движеніе хлѣбныхъ запасовъ изнутри государства къ заграничному отпуску. По этому ограничиваемся даѣе обзорѣніемъ портовыхъ цѣнъ и отправокъ хлѣба въ 1846 и 1847 году въ главнѣйшихъ пунктахъ этой торговли: Архангельскѣ, Ригѣ и Одессѣ.

Хлѣбная торговля при архангельскомъ портѣ отличалась въ 1846 и 1847 году необыкновенною живостью, по случаю значительнаго тамъ требованія на рожь и овесъ, для отпуски за море.

Рожь покупалась въ зиму 1845 на 1846 по различнымъ цѣнамъ, зависѣвшимъ отъ болѣе или менѣе благоприятныхъ заграничныхъ извѣстій: архангельскія цѣны доходили отъ 3 рублей 60 копѣекъ до 3 рублей 80 копѣекъ, 4 рублей 38 копѣекъ, 4 рублей 5 копѣекъ, 4 рублей 50 копѣекъ, 4 рублей 15 копѣекъ до 4 рублей серебромъ за четверть. Въ началѣ лѣта, не смотря на то, что потребность въ хлѣбѣ за границею оказывалась довольно очевидною и повсемѣстною, отправители пріостановились покупать, въ надеждѣ подѣйствовать тѣмъ на цѣны. По съ полученіемъ, въ июлѣ, иностранныхъ извѣстій о значительномъ неурожаѣ и о жалобахъ на возобновеніе картофельной болѣзни, дѣла пришли здѣсь въ чрезвычайное движеніе. Въ теченіе двухъ или трехъ недѣль, раскуплено все наличное количество ржи, по цѣнамъ, возвысившимся отъ 4 рублей 60 копѣекъ до 5 рублей 60 копѣекъ серебромъ и хотя въ послѣдствіи нѣкоторыя партіи были опять куплены нѣсколько дешевле, однако съ уступкою отдавали свой товаръ только тѣ, которые нуждались въ деньгахъ или боялись не распродать остатковъ. По закрытіи навигаціи, требованіе ослабло; послѣ нѣкоторыхъ покупокъ въ октябрѣ и въ началѣ ноября по 5 рублей, 5 рублей 10 копѣекъ и 5 рублей 15 копѣекъ за четверть, цѣны, до половины декабря, мало-помалу упали до 4 рублей 85 копѣекъ. Но въ январѣ 1847 года, дѣла опять оживились и рожь поднялась въ началѣ февраля уже до 5 рублей 65 копѣекъ; потомъ требованіе стало тише и въ половинѣ марта можно было купить рожь по 5 рублей 30 копѣекъ. Съ полученіемъ вновь заграничныхъ приказовъ, въ апрѣлѣ сдѣланы нѣкоторыя закупки по 5 рублей 60 копѣекъ и продавцы уже не хотѣли отдавать за 5 рублей 70 ко-

пшѣкъ. Къ открытію навигаціи 1847 года уже закуплено было около 270,000 четвертей ржи. Въ маѣ требованіе вдругъ усилдось еще болѣе и покупки производились съ необыкновенною живостью по 6, 6½ и даже по 7 рублей серебромъ за четверть; но въ послѣдствіи спросы затихли мало-по-малу, такъ что по прибытіи барокъ до конца навигаціи, цѣны упали отъ 6 рублей 45 копѣекъ до 5 рублей и нѣкоторыя партіи легковѣсной ржи куплены, для мѣстнаго потребленія, даже дешевле этихъ цѣнъ.

Овесъ, при контрактныхъ покупкахъ въ зиму съ 1845 на 1846 годъ, поднялся отъ 2 рублей 10 копѣекъ до 2 рублей 60 копѣекъ серебромъ, потомъ, не взирая на ненадежное положеніе цѣнъ въ Англій, цѣна держалась нѣкоторое время, при малыхъ продажахъ, 2 рублей 50 копѣекъ и 2 рублей 40 копѣекъ; съ полученіемъ вновь болѣе благопріятныхъ извѣстій, контракты окончились довольно значительными продажами по 2 рубля 50 копѣекъ до 2 рублей 60 копѣекъ, а въ лѣтніе мѣсяцы овесъ раскупленъ по цѣнамъ, доходившимъ отъ 2 рублей 85 копѣекъ до 3 рублей. По закрытіи навигаціи, цѣны на овесъ совершенно согласовались съ ходомъ цѣнъ на рожь. Въ концѣ октября до ноября платили за овесъ 3 рубля, 3 рубля 10 копѣекъ, 3 рубля 15 копѣекъ и 3 рубля 20 копѣекъ; къ половинѣ декабря, цѣны упали мало-по-малу до 3 рублей, потомъ возвысились къ февралю до 3 рублей 75 копѣекъ, опять упали, къ половинѣ марта, до 3 рублей 30 копѣекъ, и 3 рубля 25 копѣекъ и въ апрѣлѣ вновь сдѣланы нѣкоторыя покупки по 3 рублей 40 копѣекъ. Овса законтрактовано было около 380,000 четвертей. Въ маѣ куплены многія партіи овса, вмѣстѣ съ рожью, по 4 рубля 10 копѣекъ; но въ лѣтніе мѣсяцы, при значительныхъ покупкахъ, цѣны постепенно упали отъ 3 рублей 85 копѣекъ до 2 рублей 85 копѣекъ серебромъ за четверть.

Пшеница покупалась въ контракты на 1846 годъ по 6 рублей 35 копѣекъ и 6 рублей 50 копѣекъ до 6 рублей 15 копѣекъ и 6 рублей 10 копѣекъ серебромъ и по закрытіи навигаціи состоялись нѣкоторыя покупки уже въ октябрѣ по 6 рублей 60 копѣекъ и въ ноябрѣ по 6 рублей 40 копѣекъ, а въ остальное контрактное время, на 1847 годъ, закуплено довольно большое, противъ прежнихъ лѣтъ, количество пшеницы, по цѣнамъ, возвысившимся до 8 рублей 50 копѣекъ; въ маѣ, куплены нѣкоторыя партіи по 10, 10½ и 10½ рублей серебромъ.

Ячмень продавался въ контракты на 1846 годъ по 2 рубля

93 копейки до 3 рублей $7\frac{1}{2}$ копеек серебромъ, по партиям, привезенныя на вольную продажу, нельзя было купить дешевле 3 до $3\frac{1}{2}$ рублей, а на 1847 годъ онъ былъ законтрактованъ по цѣнамъ, возвысившимся отъ 3 рублей 80 копеекъ до 4 рублей 70 копеекъ серебромъ; лѣтомъ куплено нѣсколько небольшихъ партий по 4 рубля 80 копеекъ, 4 рубля 60 копеекъ и 4 рубля 50 копеекъ серебромъ за четверть.

Ржаная мука, покупаемая въ Архангельскѣ ежегодно для отпуски въ Норвегію, продавалась въ зиму 1846 года отъ $41\frac{1}{2}$ до 50 копеекъ, а лѣтомъ отъ 50 до 52 копеекъ за пудъ; но контрактныя цѣны на 1847 годъ, по случаю большаго требованія на рожь, возвысились до $57\frac{1}{2}$ и 60 копеекъ, лѣтомъ платили уже 80 копеекъ и только въ осеннюю пору можно было купить по 75 и 70 копеекъ серебромъ за пудъ. При такомъ возвышеніи цѣнъ на ржаную муку, отпущекъ ея изъ Архангельска въ Норвегію въ 1847 году значительно уменьшился: въ 1846 году вывезено туда 335,316 пудовъ, а въ 1847 только 188,283 пуда.

Въ эти два года отпущено хлѣбныхъ припасовъ изъ Архангельска на 6,700,000 рублей серебромъ.

Рига и другіе наши остзейскіе порты не могли принять дѣтельнаго участія въ сбытѣ хлѣба за границу въ 1846 году по неудовлетворительности урожая въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, откуда хлѣбъ доставляется къ этимъ портамъ. Для обезпеченія продовольствія этого края, правительство продолжало до 1 августа 1846 года, послѣдовавшее еще въ предъидущую навигацію разрѣшеніе безошлиннаго привоза хлѣба. Вывозъ его изъ Риги въ 1845 году былъ самый ничтожный, а въ 1846 составлялъ съ небольшимъ 300,000 четвертей, тогда какъ въ благопріятные годы одной ржи вывозилось изъ этого порта отъ 300 до 500 тысячъ четвертей.

По слабому требованію на хлѣбъ для заграничнаго отпуски, въ 1845 и 1846 году, контрактныя покупки въ Ригѣ были сначала тихи и незначительны: цѣны на будущую рожь измѣнялись отъ 71 до 92 рублей серебромъ за ластъ * съ десятию процентами задатка. Въ началѣ 1846 года возвышеніе цѣнъ на рожь въ Голландіи оживило спекуляціи въ Риги: за 116 и 117 фунтовую рожь стали давать охотно 95 рублей; однако вскорѣ заграничныя цѣны начали упадать, и въ концѣ іюня рожь понизилась здѣсь до

* Ластъ ржи равняется пятнадцати четвертямъ.

80 рублей за ластъ. Въ июлѣ была предложена первая контрактная цѣна на поставку ржи въ 1847 году по 75 рублей съ задаткомъ десяти процентовъ; но какъ потомъ возникли опасенія насчетъ урожая, то цѣна скоро возвысилась до 87 рублей, а въ половинѣ июля, по полученіи требованій изъ за границы, дошла до 90 рублей; потомъ, до половины августа, торгъ былъ слабѣе и цѣны держались попеременно 78, 82 и 84 рубля. Но когда удостовѣрились, что во многихъ иностранныхъ земляхъ урожай оказался скуднымъ и что картофель бѣльшею частью повредился, тогда рижскія цѣны стали быстро возвышаться отъ 90, 100 и наконецъ до 105 рублей за ластъ. Отпускъ ржи продолжался до конца ноябля, несмотря на позднее время и высокіе фрахты. Въ навигацію 1846 года вывезено ржи до 265,000 четвертей.

Въ январѣ 1847 года получалось много требованій на рожь и контрактная цѣна возвысилась отъ 94 до 105 рублей; но въ февралѣ, по случаю временнаго упадка цѣнъ въ Голландіи, держалась ниже, отъ 100 до 97 рублей. Съ марта стали поступать многіе приказы не только изъ западной Европы, но также изъ Пруссіи и Даніи. Цѣны на рожь возвышались съ тѣхъ поръ необыкновенно быстро, отъ 105, 108, 115, 122 до 130 рублей, и въ концѣ апрѣля, когда началась нагрузка, цѣна поднялась до 160 рублей; 7 мая на рижской биржѣ цѣна была 188 рублей за ластъ, но скорѣ упала до 160 и 155 рублей. Лишь только такое чрезмѣрное возвышеніе рижскихъ цѣнъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Голландіи, тамошніе торговые дома прислали порученія продать закупленную здѣсь рожь и скорѣ такіе же приказы поступили изъ Штетина. Оттого цѣна упала было до 135 рублей, но вслѣдствіе новыхъ требованій изъ Норвегіи и Даніи, опять стала быстро возвышаться, отъ 175 до 185 рублей за ластъ. Послѣ доставки въ Ригу остальныхъ партій ржи изъ внутреннихъ губерній, цѣны въ июнѣ упали отъ 180 до 160, 145 и 130 рублей, а въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, когда отпускъ хлѣба почти прекратился, рожь понизилась уже до 120 рублей и потомъ ея цѣна упала безпрерывно, такъ, что наконецъ доходила до 76 рублей за ластъ. Весь отпускъ ржи изъ Риги, въ 1847 году, составлялъ до 695,400 четвертей и почти все это количество было вывезено до 1 июля.

Послѣ ржи первое мѣсто въ хлѣбной торговлѣ этого порта занималъ овесъ. Въ 1846 году отпущено только 33,000 четвертей, а въ 1845 вывоза вовсе не было. При тогдашнемъ скудномъ уро-

жаѣ цѣна съ поставкою въ маѣ 1846 года была въ зимнее время высокая, 82 рубля за ластъ *; она держалась и по приходѣ струговъ, съ которыхъ продана значительная часть овса еще въ пути, и оттого доставлено было не все ожидаемое количество. Въ началѣ навигаціи овесъ мало требовался за границу, и цѣна въ маѣ упала до 60 рублей. Въ июлѣ, когда начали поступать приказы изъ Англіи, рижскія цѣны снова возвысились; въ концѣ этого мѣсяца платили отъ 75 до 80 и осенью 83 рубля за ластъ. На 1847 годъ было законтрактовано до 100,000 четвертей овса по 73 рубля наличными деньгами, по 76 и 77 рублей съ пятидесятью процентами и по 79 и 80 рублей съ десятью процентами задатка. Втеченіи января 1847 года контрактная цѣна поднялась до 90 рублей съ пятидесятью процентами и 95 рублей съ десятью процентами задатка; но въ слѣдующіе мѣсяцы, до прихода струговъ, спросъ былъ слабѣе и оттого цѣна держалась ниже, 80 и 81 рубль за ластъ. Вскорѣ, по открытіи навигаціи, когда поступило много приказовъ, особенно изъ Англіи, цѣна поднялась до 160 и 102 рублей, но не надолго, и въ концѣ мая уже платили 94, а въ июлѣ 90 рублей; потомъ, до конца навигаціи, цѣна держалась отъ 75 до 70 рублей за ластъ. Овса вывезено изъ Риги до 557,000 четвертей.

Отпускъ пшеницы изъ Риги въ 1847 году возвысился до 96,000 четвертей, но такое количество можно считать незначительнымъ въ сравненіи съ вывозомъ этого хлѣба изъ другихъ портовъ Россіи. Контрактныя цѣны на 1847 годъ состоялись отъ 140 до 150 рублей за ластъ** наличными и отъ 145 до 160 рублей съ задаткомъ. Съ открытіемъ навигаціи цѣна поднялась до 170 рублей, въ маѣ до 185, 190 и до 200 рублей за русскую, и до 220 и 230 за курляндскую; въ июнѣ платили 190, а въ июлѣ 150 рублей. Осенью уже не было требованій для заграничнаго отпуска; для мѣстнаго потребленія покупали курляндскую пшеницу по 135 и польскую по 125 рублей за ластъ.

Ячмень, при заграничномъ требованіи, всегда вывозится изъ Риги въ большемъ количествѣ, чѣмъ изъ другихъ портовъ Россіи. Въ 1847 году отпущено 84,468 четвертей. Курляндскій ячмень покупался на поставку въ этомъ году по 82 рубля и по открытіи навигаціи платили 120 и 123, а въ июнѣ до 130 руб-

* Ластъ овса составляетъ двадцать четвертей.

** Ластъ пшеницы считается въ шестнадцать четвертей.

лей; но въ июлѣ и въ августѣ цѣна была гораздо ниже, отъ 95 до 85 рублей за ластъ *.

Весь отпускъ разнаго хлѣба изъ рижскаго порта въ 1847 году простирался, по объявленнымъ цѣнамъ, на 11,533,275 рублей серебромъ.

Этотъ годъ останется достопамятнымъ въ рижской торговлѣ по чрезвычайному возвышенію и быстрымъ колебаніямъ цѣнъ, которыя доходили отъ 21 до 44 рублей ассигнаціями за четверть ржи, при необыкновенномъ развитіи спекуляцій въ хлѣбномъ торгѣ. На колебаніяхъ цѣнъ одни выиграли, другіе теряли, и вся эта биржевая игра, продолжавшаяся семь мѣсяцевъ, не простирала своего вліянія на внутреннія мѣста, гдѣ закупается хлѣбъ: тамъ заготавливали его къ веснѣ въ то время, когда еще невозможно было предвидѣть, что рижскія цѣны возвысятся до такого неслыханнаго размѣра.

Въ портахъ Южной Россіи, и преимущественно въ Одессѣ, хлѣбная торговля въ 1846 и 1847 годахъ ознаменовалась необыкновенною дѣятельностью, такъ, что превзошла даже достопамятные въ тамошней торговлѣ 1816 и 1817 годы, бѣдственные для западной Европы по чрезвычайному неурожаю и крайне высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ. Требованіе на пшеницу въ Одессѣ примѣтно усилилось уже въ началѣ осени 1845 года. Въ первое полугодіе отпущено пшеницы 577,894 четвертей, при низкихъ цѣнахъ, отъ 2 рублей 71 копейки до 4 рублей 28 копѣекъ серебромъ за четверть; впоследствии, съ умноженіемъ покупокъ для заграничнаго отпуска, цѣны, постепенно возвышаясь, дошли въ сентябрѣ до 6 рублей 29 копѣекъ, а въ октябрѣ до 6 рублей 57 копѣекъ; высшія цѣны стояли въ ноябрѣ, когда за лучшій сортъ платили отъ 7 рублей 14 копѣекъ до 7 рублей 87 копѣекъ серебромъ. Несмотря на высокія цѣны, пшеница охотно покупалась тогда для отпуска; въ надеждѣ, что пошлина въ Англію будетъ отменена, либо сбавлена: эти ожиданія оправдались въ 1846 году, вслѣдствіе разрѣшенія свободнаго привоза хлѣба въ Англію. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ отпускъ пшеницы изъ Одессы оживился такъ, что въ послѣднюю половину 1845 года вывезено безъ малаго 1,200,000 четвертей. Все количество пшеницы, отпущенной въ этотъ годъ, простиралось до 1,777,087 четвертей. Такого значительнаго вывоза не было ни въ одинъ

* Ластъ ячменя равняется шестнадцати четвертямъ.

годъ съ основанія этого порта. Несмотря на то, въ одесскихъ магазинахъ еще оставалось къ 1846 году, по приблизительному расчету, болѣе 800,000 четвертей пшеницы, заготовленной для отпуска.

Въ первую половину 1846 года требованія изъ за границы продолжались и цѣны въ началѣ были высоки, но потомъ упали постепенно отъ 7 рублей 14 копейекъ до 5 рублей 14 копейекъ, что продолжалось до августа. Наконецъ, послѣ долговременнаго зстоя, происшедшаго отъ недостатка судовъ втеченіи почти всего лѣта, одесскій портъ, съ первыхъ чиселъ сентября, оживился множествомъ судовъ, пришедшихъ за грузами хлѣба. Съ тѣхъ поръ, отъ усилившагося требованія на пшеницу и на рожь для заграничнаго отпуска, цѣны опять стали возвышаться. Первая покупалась болѣе для Франціи, а послѣдняя для Бельгіи и Голландіи. Лучшіе сорта пшеницы доходили до 8 рублей, средніе до $6\frac{1}{2}$ и 7, а низкіе до 5 и $6\frac{1}{2}$ рублей серебромъ. Рожь, стоявшая въ маѣ до 2 и $2\frac{1}{2}$, поднялась до 4 и $4\frac{1}{2}$ рублей за четверть. Въ 1846 году отпущено хлѣба еще болѣе нежели въ 1845, а именно: пшеницы 1,955,316 (въ томъ числѣ 858,716 четвертей во Францію) и ржи 251,526 четвертей, хотя почти во все лѣто противные вѣтры препятствовали здѣсь судоходству, а въ концѣ года оно встрѣчало преграду отъ бурь на Черномъ Морѣ и около сотни судовъ были захвачены льдомъ въ одесскомъ портѣ. Несмотря на такой огромный отпускъ хлѣба, къ 1 января 1847 года еще оставалось на складкѣ около 800,000 четвертей пшеницы и до 127,000 четвертей другихъ хлѣбовъ.

Въ то время, когда движеніе хлѣбной торговли въ Одессѣ должно было, по видимому, пріостановиться до открытія весенней навигаціи, приказы, полученные изъ Англіи, возбудили большое требованіе на хлѣбъ въ концѣ декабря 1846 года и въ январѣ 1847 года. Цѣны, остановившіяся на 6 рубляхъ 85 копейкахъ и 7 рубляхъ 14 копейкахъ серебромъ за четверть пшеницы, вмѣсто предполагаемаго пониженія, возвысились вдругъ до 7 рублей 71 копейки, 8 рублей и 8 рублей 75 копейекъ; нѣкоторыя партіи, для немедленной отправки, куплены даже по 9 рублей 14 копейекъ; за пшеницу самаго лучшаго сорта платили въ январѣ до 10 рублей серебромъ, а въ первыхъ числахъ февраля 11 рублей 14 копейекъ. Требованія на хлѣбъ, въ теченіе этого мѣсяца, поддерживались почти постоянно и цѣны доходили за озимую пшеницу перваго сорта до 11 рублей 42 копейекъ, втораго сорта до 10 ру-

блей 57 копѣекъ; за рожь до 5 рублей 71 копѣйки четверть. Трудность доставки хлѣба въ Одессу при дурномъ состояніи сухопутныхъ сообщений въ эту пору, имѣла существенное вліяніе на возвышеніе портовыхъ цѣнъ. За доставку изъ многолюднаго торговаго селенія Березовки, лежащаго не далѣе какъ за 80 верстъ, платили тогда по 1 рублю серебромъ съ четверти, втрое и вчетверо дороже обыкновенной платы. Перевозка хлѣба изъ Елисаветграда въ Одессу на разстояніи 250 верстъ обходится въ обыкновенное время не свыше 1½ рубля серебромъ съ четверти, а въ началѣ 1847 года стоила почти втрое. Въ мѣстечкѣ Никополѣ, при рѣкѣ Днѣпрѣ, лежащемъ по прямой линіи въ 320 верстахъ отъ Одессы, давали за пшеницу зимою 4 рубля 50 копѣекъ, тогда какъ въ Одессѣ она стоила 8 рублей серебромъ, следовательно на одну перевозку спекулянтъ полагалъ 3 рубля 50 копѣекъ серебромъ, ибо въ то время нельзя было нанять подводы дешевле этой цѣны. По вскрытіи Днѣпра, доставка водою изъ Никополя въ Одессу обходилась со всѣми расходами не дороже 1 рубля серебромъ съ четверти. Этотъ фактъ очевидно показываетъ, что цѣны на пшеницу въ Одессѣ зимою были 2 рубля 50 копѣекъ серебромъ дороже нормальныхъ, единственно по дурному состоянію дорогъ въ то время.

Хлѣбъ привозится въ Одессу болѣею частью помѣщиками, которые доставляютъ его на свой счетъ. Въ зимнюю распутицу, степныя дороги, ведущія къ этому порту, становятся непроходимыми подвозы обыкновенно производятся на волахъ, для которыхъ пути по снѣгу крайне затруднительны, а при оттепели грязь останавливаетъ слѣдованіе обозовъ, какъ на волахъ, такъ и на лошадяхъ. Обыкновенно не ранѣе какъ съ конца марта или даже съ апрѣля, подвозы возобновляются съ замѣтною живостью изъ херсонской губерніи, а въ маѣ при полномъ открытіи весны, изъ подольской и кievской губерній. Въ 1847 году, дороги бывшія непроходимыми въ январѣ, февралѣ и половинѣ марта, всеправились въ апрѣлѣ. По рѣдкому случаю никогда распутица не проходила не замѣтно. Снѣгу, послѣ оттепели въ январѣ, выпало множество въ февралѣ; онъ началъ таять около 5 марта, необыкновенно поздно: всѣ ожидали, что распутица будетъ ужасная, бездорожье продолжительное; вышло совсѣмъ иное: таяло очень медленно днемъ, ночью морозило, воды стекли незамѣтно, нанесъ плотинамъ и мостамъ гораздо менѣе вреда, чѣмъ ожидали. Съ половины марта, дороги на 150 верстъ кругомъ Одессы уже

были сухи, и обозы начали по немногу двигаться. Въ слѣдствіе того, цѣны стали упадать съ марта, но и тогда онѣ всё-еще были выше обыкновенныхъ среднихъ годовыхъ цѣнъ одесскаго рынка, а именно: отъ 5 до 9 рублей серебромъ за четверть пшеницы, по добротѣ. Упадка ихъ можно было ожидать также въ слѣдствіе огромныхъ подвозовъ хлѣба въ порты Великобританіи, Франціи, Бельгіи и Голландіи, отъ чего и тамошнія цѣны понизились. Однако, требованіе на хлѣбъ изъ-за границы продолжалось, и въ началѣ мая, одесскія цѣны на пшеницу еще оставались почти безъ переменъ противъ апрѣльскихъ, то есть отъ 5 до 9 рублей серебромъ за четверть, по добротѣ. Ощутительное пониженіе ихъ послѣдовало особенно во второй половинѣ мая, до $1\frac{1}{2}$ рубля серебромъ на четверть, какъ отъ нѣкотораго уменьшенія требованій изъ за границы, по случаю обнаружившихся тамъ надеждъ на хорошій урожай, такъ и отъ недостатка кораблей въ одесскомъ портѣ и наконецъ отъ усилившихся подвозовъ изъ внутреннихъ губерній. Упадокъ цѣнъ на хлѣбъ постепенно продолжался въ лѣтніе мѣсяцы: въ началѣ августа, лучшая озимая пшеница стоила уже отъ 6 до 6 рублей 85 копѣекъ, а лучшая арвутка и средніе сорта озимой пшеницы продавались отъ 5 до 6 рублей. За рожь платили въ концѣ іюня по 4 рубля, а въ концѣ іюля по $2\frac{1}{2}$ рубля серебромъ за четверть. Въ теченіи августа, пониженіе цѣнъ пріостановилось и въ исходѣ этого мѣсяца онѣ даже подыались, вѣроятно, по случаю большаго прихода кораблей, но въ этотъ разъ возвышеніе цѣнъ не поддержалось: въ началѣ сентября пшеница и рожь продавались почти по такимъ же цѣнамъ, какія существовали въ началѣ августа, и съ-тѣхъ-поръ до конца года не было замѣчательныхъ переменъ.

Весь отпускъ хлѣбныхъ припасовъ изъ одесскаго порта простирался въ 1847 году на 28,113,129 рублей серебромъ въ томъ числѣ отпущено:

Пшеницы	2,798,183	четверт.	на 25,733,386	рублей.
Ржи	333,876	— — —	1,717,467	—
Овса	21,481	— — —	92,654	—
Гороха	3,249	— — —	17,898	—
Кукурузы	38,069	— — —	215,939	—
Муки пшеничной	23,610	— — —	235,431	—

Къ 1 января 1847 года, въ Одессѣ оставалось пше-
 ницы на складкѣ около. 800,000 четвертей.
 Въ теченіе 1847 года, доставлено 2,968,330 — —
 И того. 3,768,330 четвертей.

Изъ этого количества отпущено за границу 2,798,173 четверт.
 Къ 1 января 1848 г. оставалось на складкѣ, примѣрно до 775,000 — —
 И того. 3,573,183 четверти.

Остальное количество, 195,000 четвертей, поступило на потре-
 бленіе Одессы и окрестныхъ мѣстъ и частью обращено въ муку.

Пшеница составляла также важнѣйшую статью отпуска въ дру-
 гихъ портахъ Южной Россіи и вывозъ этого хлѣба въ 1846 и 1847
 годахъ распредѣлялся между ними на слѣдующія количества:

Изъ азовскихъ портовъ:	1846 году.	1847 году.
Таганрога.	293,877	756,919 четверт.
Ростова	198,895	466,992 — —
Мариуполя	244,775	480,319 — —
Керчи.	7,167	9,904 — —

Изъ дунайскихъ портовъ:		
Измаил.	106,793	83,454 — —
Рени.	18,952	32,550 — —

Изъ крымскихъ портовъ:		
Евпаторіи и Феодосіи.	46,608	117,241 — —

Итого. 1,081,104 2,267,906 четвертей.

Сложный отпускъ пшеницы изъ всѣхъ этихъ портовъ даже въ
 1847 году не доходилъ до того количества, какое вывезено изъ
 одного одесскаго порта. Несмотря на значительное приращеніе
 вывоза изъ Бердянска, Мариуполя и Ростова, сбытъ пшеницы
 чрезъ Таганрогъ возвысился почти до 760,000 четвертей и со-
 ставлялъ около третьей доли въ сложномъ отпускѣ изъ всѣхъ
 южныхъ портовъ, за исключеніемъ Одессы. Таганрогскія цѣны
 на пшеницу поднялись отъ 3½ до 7 рублей серебромъ за чет-
 верть. Должно впрочемъ замѣтить, что вывозъ ея изъ этого пор-
 та увеличился въ 1847 году до такого значительнаго количества
 отъ того, что въ предъидущемъ году, по случаю ранняго закры-
 тія навигаціи, остались въ Таганрогѣ большіе запасы пшеницы.

Весь отпускъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи въ 1846 году и
 1847 году, простирался въ сложности на 107,501,445 пудовъ

серебромъ, въ томъ числѣ изъ южныхъ портовъ на 43,268,079 рублей, а изъ прочихъ на 64,233,366 рублей серебромъ. Россія еще никогда не отпускала такого огромнаго количества хлѣба, какое вывезено въ эти два года. До-сихъ-поръ 1817 и 1818 годы были самыми достопамятными въ хлѣбной ея торговлѣ по значительному вывозу хлѣба, но 1846 и 1847 годъ далеко опередили ихъ чрезвычайнымъ отпускомъ хлѣбныхъ припасовъ всякаго рода, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія:

Въ 1817 году отпущено на	142,230,435	рублей ассигнаціями.
— 1818 — — —	82,099,739	— —
— 1846 — — —	99,811,222	— —
— 1847 — — —	276,443,835	— —

Въ эти четыре года отпущено:

	Въ 1817 году.		Въ 1818 году.	
Пшеницы . . .	2,357,513 четв.	на 78,054,873 р.	1,772,257 ч.	на 49,584,154 р. а
Ржи	2,359,265 — —	56,241,839 —	793,021 —	18,065,943 —
Ячменя	245,897 — —	3,945,693 —	153,496 —	3,210,298 —
Овса	260,473 — —	3,044,855 —	497,797 —	7,118,453 —
Разнаго хлѣба	—	943,584 —	—	4,059,891 —
Итого	на 142,230,835 р.		на 82,099,739 р. а	

	Въ 1846 году.		Въ 1847 году.	
Пшеницы . . .	3,171,756 четв.	на 61,003,593 р.	5,945,394 ч.	на 166,743,580 р. а
Ржи	1,708,401 — —	29,672,356 —	2,680,760 —	60,571,948 —
Ячменя	81,882 — —	954,093 —	285,787 —	4,928,605 —
Овса	362,442 — —	3,969,938 —	1,560,422 —	22,332,009 —
Разнаго хлѣба	—	4,211,242 —	—	21,867,693 —
Итого	на 99,811,222 р.		на 276,443,835 р. а.	

Сложный отпускъ зерноваго хлѣба въ 1817 и 1818 и въ 1846 и 1847 годахъ составлялъ слѣдующія суммы:

	Въ 1817—1818 годахъ.		Въ 1846—1847 годахъ.	
Пшеницы . . .	4,109,800	четвертей.	9,117,150	четвертей.
Ржи	3,152,286	—	4,389,161	—
Ячменя	399,393	—	367,669	—
Овса	758,270	—	1,922,864	—
Итого	8,419,749 четвертей.		15,796,844 четвертей.	

Эти цифры показываютъ, что въ 1846 и 1847 годахъ количество отпуска пшеницы было на 121 процентъ, ржи на 39 процентовъ, овса на 153 процента болѣе, чѣмъ въ 1817 и 1818 годахъ *. Въ общемъ итогѣ, перевѣсъ отпуска 1846 и 1847 надъ 1817 и 1818 годами простирался почти до 68 процентовъ.

По случаю неурожая хлѣба въ Западной Европѣ въ 1816 году вывезено изъ Россіи въ 1817 значительное количество пшеницы и ржи; первая отправлялась болшею частью во Францію и въ Италію, частью и въ Англію, а послѣдняя наиболѣе въ Германію, Нидерланды и въ сѣверную Европу. Въ 1818 году еще продолжалось требованіе на пшеницу и рожь, хотя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ предъидущемъ году, и значительно усилился отпускъ овса, по случаю скуднаго урожая его въ Англіи. Не имѣя подробныхъ свѣдѣній о привозѣ иностраннаго хлѣба во всѣ европейскія государства за 1817 и 1818 годы, ограничиваемся слѣдующимъ изчисленіемъ привоза въ Великобританію и Францію, чтобы дать понятіе о значительности запасовъ, какіе потребовались тогда на продовольствіе этихъ двухъ многолюднѣйшихъ государствъ западной Европы. Хлѣба всякаго рода привезено:

	Въ 1817 году.	Въ 1818 году.
Въ Великобританію	2,401,782	4,701,638 четвертей.
— Францію	1,121,515	947,315 —

Совокупный привозъ въ 1817 и 1818 годахъ простирался до 7,102,820 въ Великобританіи и до 2,068,830 четвертей во Франціи.

Посмотримъ теперь какъ великъ былъ тамъ привозъ хлѣба въ 1846 и 1847 годахъ.

Хлѣбныхъ припасовъ всякаго рода привезено:

	Въ 1846 году.	Въ 1847 году.
Въ Великобританію съ Ирландію	7,358,475	16,497,197 четвертей.
— Францію	2,651,873	5,841,438 —

Все количество привоза въ 1846 и 1847 годахъ составляло въ сложности: въ Великобританіи 23,845,672 четвертей и во Франціи 8,493,311 четвертей.

Эти цифры показываютъ, что въ обихъ государствахъ по-

* Кромѣ ячменя, котораго отпущено въ 1846 и 1847 годахъ на 8 процентовъ менѣе, чѣмъ въ 1817 и 1818 годахъ.

требность въ иностранномъ хлѣбѣ была гораздо значительнѣе въ 1846 и 1847 года, нежели въ 1817 и 1818. Въ Великобританіи сложный привозъ въ 1846 и 1847 году былъ на 235 процентовъ, а во Франціи на 310 процентовъ болѣе, чѣмъ въ 1817 и 1818 году.

Для сравненія этихъ двухъ неурожайныхъ періодовъ, въ отношеніи количества жатвы, нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Если допустить, что урожай хлѣбныхъ продуктовъ въ послѣдній періодъ былъ еще скуднѣе, нежели въ первый, то нельзя не принять въ соображеніе, что пространство воздѣлываемыхъ земель въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ значительно увеличилось, и слѣдовательно сборъ хлѣба, даже при скудной жатвѣ 1845 и 1846 года, едва ли могъ быть гораздо менѣе, чѣмъ въ 1816 и 1817 году. Само-собою разумѣется, что расходъ хлѣбныхъ припасовъ долженъ былъ съ того времени увеличиться, пропорціонально приращенію числа жителей, и по одной этой причинѣ, то количество иностраннаго хлѣба, какое было достаточно для Великобританіи и Франціи въ 1816 и 1817 году, уже не могло удовлетворить ихъ потребностей въ 1846 и 1847 году. Извѣстно однако, что оказавшійся тамъ крайній недостатокъ въ продовольствіи произошелъ не столько отъ скуднаго урожая хлѣбныхъ продуктовъ, сколько отъ болѣзненной порчи, истребившей большую часть картофеля. — Лѣтъ тринадцать тому воздѣлываніе этого продукта, служащаго нынѣ столь важнымъ средствомъ народнаго продовольствія, было не очень обширно въ Великобританіи и весьма незначительно во Франціи. Съ тѣхъ поръ оно чрезвычайно распространилось въ многочислѣннѣйшихъ странахъ западной Европы, особенно въ Великобританіи и въ Ирландіи. Почти повсемѣстный неурожай его въ этихъ странахъ произвелъ необыкновенную нужду въ хлѣбѣ, тѣмъ болѣе, что и жатва зерновыхъ хлѣбовъ въ 1846 году оказалась скудною въ большей части западной Европы.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется чрезвычайный перевѣсъ отпуска хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи въ 1846 и 1847 году надъ отпускомъ ихъ въ 1817 и 1818 году.

Въ эти два періода, самый значительный вывозъ хлѣба изъ Россіи былъ въ 1817 и 1847 году. — Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ отпущено зерновыхъ хлѣбовъ:

Изъ Архангельска:	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.
въ 1817 году	118,938	309,914	6,416	12,440 четв.
— 1847 —	65,667	352,640	26,800	467,575 —
Изъ балтійскихъ портовъ:				
въ 1817 году	348,190	1,736,979	102,917	227,901 —
— 1847 —	622,765	1,507,022	122,582	960,744 —
По сухопутной границѣ:				
въ 1817 году	124,104	126,455	7,696	20,132 —
— 1847 —	190,873	311,049	58,431	97,747 —
Изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ:				
въ 1817 году	1,746,281	185,916	38,867	— — — —
— 1847 —	5,066,081	510,049	77,584	34,356 —
<hr/>				
Всего вообще въ 1817 году	2,337,513	2,359,265	245,897	260,473 четв.
— — — — — 1847 —	5,945,396	2,680,760	285,787	1,560,422 —

Это сравнительное обозрѣніе отпуска хлѣба въ 1817 и 1847 году, приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Вывозъ пшеницы въ 1847 году былъ на 154 процента болѣе, чѣмъ въ 1817 году. Значительнѣйшее приращеніе послѣдовало въ отпускѣ ея изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, почти на 190 процентовъ, изъ балтійскихъ портовъ отпущено около 80 процентовъ болѣе, а изъ Архангельска на столько же менѣе; вывозъ по сухопутной границѣ въ 1847 году увеличился противъ 1817 года на 53 процента.

2. По количеству отпуска ржи, перевѣсъ его въ 1847 году надъ 1817 составлялъ до 13 процентовъ, но здѣсь нужно принять въ соображеніе, что ржаной муки отпущено въ 1817 году только 4248 четвертей, а въ 1847 году 912,246 четвертей и почти все это количество вывезено изъ санктпетербургскаго порта. При такомъ необыкновенномъ отпускѣ ржаной муки, вывозъ ржи изъ балтійскихъ портовъ уменьшился въ 1847 году противъ 1817 года на 15 процентовъ; но черезъ другіе порты отпущено ржи въ 1847 году гораздо болѣе, чѣмъ въ 1817 году, а именно: изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ на 174 процента и по сухопутной границѣ на 146 процентовъ; отпускъ изъ Архангельска увеличился только на 13 процентовъ.

3. Ячменя отпущено въ 1847 году на 16 процентовъ менѣе, нежели въ 1817 году. Вывозъ этого хлѣба изъ Архангельска, черноморскихъ и азовскихъ портовъ и по сухопутной границѣ,

въ 1847 году былъ вообще гораздо болѣе, въ сравненіи съ 1817 годомъ, но какъ значительнѣйшее количество этого хлѣба обыкновенно вывозится изъ балтійскихъ портовъ, откуда въ 1847 году отпущено на 57 процентовъ менѣе, то эта разность не могла быть пополнена усилившимся вывозомъ ячменя чрезъ другіе пункты.

4. Требованіе на овесъ въ 1817 году было не велико; но въ слѣдующемъ году, по случаю большихъ закупокъ овса для Англии, вывозъ его значительно увеличился: въ 1817 году отпущено 260,473, а въ 1848 497,797 четвертей. Въ 1847 году отпущъ овса былъ въ шестеро болѣе, чѣмъ въ 1817 и въ сравненіи съ 1848 увеличился на 213 процентовъ.

Поводомъ къ чрезвычайному вывозу изъ Россіи овса, ржи и ржаной муки въ 1847 году былъ отчасти неурожай этихъ хлѣбовъ, и въ особенности скудный сборъ картофеля въ разныхъ странахъ западной Европы. Потребность въ хлѣбныхъ припасахъ этого рода увеличилась тамъ въ необыкновенной пропорціи, большею частью отъ того, что картофель не могъ тогда служить важнымъ подспорьемъ въ народномъ продовольствіи.

Пшеница, по количеству и цѣнности ея отпуска, занимала, какъ въ 1817, такъ и въ 1847 году, первое мѣсто въ нашей хлѣбной торговлѣ. Должно замѣтить однако, что въ 1817 году цѣны на пшеницу были выше, нежели въ 1847. По объявленнымъ цѣнамъ при отпущкѣ ея изъ балтійскихъ и черноморскихъ портовъ, средняя цѣна за четверть составляла:

Въ портахъ:	Въ 1817 году.	1847 году.
Балтійскихъ	46 руб. 30 коп.	33 руб. 53 коп. ас.
Черноморскихъ	31 — — —	27 — 65 — —

Изъ этого сравненія видно, что въ 1847 году среднія цѣны на пшеницу были ниже противъ цѣнъ 1817 года, въ балтійскихъ портахъ около 50 процентовъ, а въ черноморскихъ до 20 процентовъ. Такая разность въ цѣнахъ могла происходить отъ вліянія внутреннихъ и вѣшнихъ обстоятельствъ, и оказывается весьма естественною по слѣдующимъ причинамъ:

Въ 1817 году, западная Европа снабжалась пшеницею изъ весьма немногихъ портовъ: заграничный отпущъ этого хлѣба производился тогда преимущественно изъ южной Россіи, Данцига и Гамбурга; вывозъ изъ Леванта былъ маловаженъ и Сѣверная Америка еще не принимала значительнаго участія въ этой торговлѣ.

Въ 1817 году весь привозъ оттуда хлѣба въ Великобританію составлялъ только 421,000 четвертей.

При такихъ ограниченнѣхъ способахъ къ пріобрѣтенію пшеницы, цѣны ея чрезвычайно возвысились въ отпускныхъ портахъ, что конечно стѣсняло ея заграничный сбытъ: закупки производились только по крайней необходимости, и несмотря на высокія цѣны, которыя должны были привлекать подвозы хлѣба къ портамъ, весь отпускъ пшеницы изъ Россіи простирался въ 1817 году только до 2,337,000 четвертей на 78 милліоновъ рублей ассигнаціями. Почти три четверти этого количества отпущено изъ нашихъ южныхъ портовъ. Если вывозъ пшеницы изъ Россіи въ 1817 году немногимъ превзошелъ два милліона четвертей, то главною причиною столь ограниченаго отпуска можно почитать тогдашній недостатокъ внутреннихъ запасовъ этого хлѣба; отъ того цѣны въ нашихъ портахъ сильно поднялись и поступавшія изъ-за границы требованія не могли быть удовлетворены въ то время достаточными подвозами. Пшеницы вывезено изъ южныхъ портовъ столько, сколько возможно было собрать со всего новороссійскаго края; но какъ воздѣлываніе пшеницы еще далеко не доходило тамъ до высшей степени его развитія, то весь отпускъ этого хлѣба изъ южныхъ портовъ возвысился только до 1,750,000 четвертей, хотя при высокихъ цѣнахъ на пшеницу, она доставлялась къ этимъ портамъ даже изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ.

Въ 1847 году вывозъ пшеницы изъ Россіи увеличился противъ 1817 года на 154 процента; изъ южныхъ портовъ отпущено этого хлѣба втрое, а изъ балтійскихъ почти вдвое болѣе, чѣмъ въ 1817 году. При такомъ чрезвычайномъ сбытѣ пшеницы въ 1847 году наши портовые цѣны не возвысились, однако, выше тѣхъ, какія существовали на нее въ 1817 году. Для поясненія этого событія, нужно принять въ соображеніе, что въ слѣдствіе распространеннаго воздѣлыванія пшеницы въ Южной Россіи, обильныхъ урожаевъ и усилившихся закупокъ, особенно на низовыхъ пристаяхъ, по видамъ на заграничный отпускъ, количество этого хлѣба, поступившее на продажу въ 1847 году, значительно превзошло ту пропорцію, какую Россія могла отпустить за море въ 1817 году. Одно это обстоятельство уже должно было подѣйствовать на цѣны и отвратить крайнюю дороговизну, до которой онѣ доходили въ 1817 году, по недостатку хлѣбныхъ запасовъ въ нашихъ портахъ, тогда какъ въ 1847 году биржевыя цѣны на пшеницу возвышались у насъ большою частью отъ спекуляцій, при значительномъ требованіи на этотъ

хлѣбъ за границую. Однако изобиліе нашихъ запасовъ нельзя признать единственною причиною, которая могла остановить дальнѣйшее возвышеніе нашихъ биржевыхъ цѣнъ въ 1847 году. Если бы Россія не встрѣтила сильнаго соперничества Сѣверной Америки и Леванта въ хлѣбной торговлѣ, то вывозъ пшеницы изъ нашихъ портовъ въ 1847 году, можетъ-быть, увеличился бы вдвое и даже болѣе. Огромные подвозы этого хлѣба изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію и частью во Францію, которая снабжалась пшеницею также изъ Леванта, ограничили потребность въ привозѣ ея изъ Россіи. Это обстоятельство должно было противодѣйствовать значительнѣйшему возвышенію нашихъ биржевыхъ цѣнъ, тѣмъ болѣе, что иностранцы не замедлили скупать пшеницу въ другихъ мѣстахъ, для скорѣйшей доставки ея въ то время, когда невозможно было ожидать подвозовъ изъ нашихъ портовъ.

По чрезвычайному требованію на пшеницу, большое количество ея куплено и въ Россіи, хотя значительнѣйшая часть могла прибыть на чужестранные рынки не ранѣе половины лѣта, послѣ подвозовъ изъ другихъ мѣстъ. Изобильные запасы пшеницы, заготовленной во внутреннихъ мѣстахъ, для отпуски къ нашимъ портамъ, привлекли сюда покупателей и по видамъ на огромный сбытъ сдѣланы у насъ большія закупки, пока биржевыя цѣны еще были довольно сходны въ сравненіи съ заграничными. Но послѣ значительнаго вздорожанія пшеницы въ нашихъ портахъ, покупки здѣсь вскорѣ прекратились, отъ того, что услаившіеся подвозы изъ другихъ странъ, при большихъ отправкахъ пшеницы изъ Россіи, уронили цѣны на главнѣйшихъ иностранныхъ биржахъ.

И такъ, соперничество Соединенныхъ Штатовъ и Леванта въ хлѣбной торговлѣ воспрепятствовало дальнѣйшему возвышенію цѣнъ на пшеницу въ нашихъ портахъ и значительнѣйшему приращенію ея вывоза изъ Россіи. Отъ того, хотя 1847 годъ превзошелъ прежніе годы, по количеству вывезенной пшеницы, однако не вполне оправдалъ надежды сельскихъ хозяевъ и торговцевъ. Судя по необыкновенному спросу и по высокимъ цѣнамъ на пшеницу въ иностранныхъ портахъ, при изобильныхъ запасахъ ея въ южной Россіи, можно было ожидать, что отпускъ этого хлѣба изъ тамошнихъ портовъ будетъ еще болѣе того количества, какое вывезено въ 1847 году. Но какъ портовые цѣны не возвысились въ такомъ размѣрѣ, чтобы можно было съ вы

годою доставлять пшеницу изъ отдаленнѣйшихъ внутреннихъ мѣстъ, то въ заграничный отпускъ поступали только ближайшіе запасы и много пшеницы не проданной осталось внутри края. Прекращеніе требованій и упадокъ цѣнъ, отъ стеченія подвозовъ въ иностранные порты изъ Соединенныхъ Штатовъ и Леванта, къ тому времени, когда усилился привозъ нашей пшеницы, были поводомъ, что изъ всего количества ея, которое было заготовлено къ заграничному отпуску, немаловажная часть осталась при нашихъ портахъ. Такимъ образомъ, въ эту необыкновенную для хлѣбной торговли эпоху, опыты доказали, что невыгодное, въ торговомъ отношеніи, географическое положеніе Россіи, при недостаткѣ въ ней удобныхъ внутреннихъ сообщеній, благопріятствуетъ развитію отпуску хлѣба изъ другихъ странъ, въ ущербъ для этой важной отрасли нашей внѣшней торговли.

Достопамятный въ хлѣбной торговлѣ 1847 годъ ознаменовалъ временнымъ разрѣшеніемъ свободнаго ввоза хлѣбныхъ припасовъ почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Послѣдствія этой мѣры обнаружили до какой степени въ настоящее время можно уединиться сбытъ иностраннаго хлѣба, въ многочислннѣйшихъ странахъ Европы, при неограниченномъ ввозѣ хлѣбныхъ припасовъ, когда потребность въ нихъ выходитъ изъ обыкновенныхъ границъ. Высокія цѣны на хлѣбъ и льготы, предоставленныя ввозу его изъ-за границы во всѣхъ странахъ, пострадавшихъ отъ хлѣбнаго неурожаа и отъ скуднаго сбора картофеля, привлекали туда огромные подвозы изъ Россіи, Америки, Леванта и вообще изъ всѣхъ мѣстъ, которыя были въ состояніи отпускать хлѣбъ за границу. Однако, не смотря на чрезвычайныя усилія торговли и дѣтельныя мѣры правительствъ къ умноженію подвозовъ хлѣба, весь привозъ его въ многочислннѣйшія государства западной Европы въ Великобританію съ Ирландіею, во Францію, Бельгію и Голландію, составлялъ въ 1847 году до 24 милліоновъ 500,000 четвертей. Должно замѣтить, что въ этотъ годъ потребленіе хлѣба значительно увеличилось, по случаю скуднаго урожая картофеля, который служитъ въ этихъ странахъ важнымъ пособіемъ въ продовольствіи. По статистическимъ изчисленіямъ, годичный расходъ тамъ хлѣба полагается въ сложности до 170 милліоновъ четвертей; слѣдовательно самый большой привозъ изъ-за границы, при чрезвычайномъ неурожаѣ не только хлѣба, но и картофеля, составилъ седьмую часть всего годичнаго потребленія, достаточную не болѣе какъ на двухиѣсячное продовольствіе

Такая пропорція иностраннаго хлѣба никогда не потребуется для этихъ странъ, при хорошемъ собственномъ урожаѣ; но если бы и понадобился для нихъ столь огромный привозъ даже въ обыкновенные годы, то количество его все еще будетъ очень не значительно въ сравненіи съ внутреннимъ производствомъ.

Опасаются, что отъ свободнаго ввоза иностраннаго хлѣба уменьшится хлѣбопашество тамъ, гдѣ этотъ продуктъ обходится производителямъ дороже нежели въ другихъ странахъ, и что въ такомъ случаѣ, народное продовольствіе будетъ зависетьъ отъ транзитнаго привоза. Въ подкрѣпленіе этихъ опасеній указываютъ на дешевизну хлѣба въ тѣхъ мѣстахъ, откуда онъ обыкновенно вывозится за границу. Онитъ удостовѣряетъ однако, что низкія цѣны на хлѣбъ тамъ бывають тогда только, когда нѣтъ требованій для заграничнаго отпуска и что лишь только оно обнаруживается, цѣны въ отпускныхъ портахъ значительно возвышаются. При разрѣшеніи свободнаго ввоза хлѣба въ многолюднѣйшихъ странахъ западной Европы, конечно, можетъ увеличиться, въ нѣкоторой мѣрѣ, пропорція отпуска его изъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ состояніи снабжать имъ иностранныя земли; но не устранился непостоянство спросовъ на хлѣбъ, зависящее отъ измѣчивости урожаевъ и, слѣдовательно, не отвратится естественныя причины возвышенія цѣнъ на мѣстахъ покупокъ хлѣба для отпуска. Если допустить, что съ приращеніемъ вывоза изъ тѣхъ странъ которыя могутъ отпускать избытки своихъ урожаевъ, усилится тамъ заготовка хлѣба въ видахъ на заграничный сбытъ, то должно ожидать, въ такомъ случаѣ, не упадка, а постепеннаго возвышенія тамошнихъ цѣнъ, которое будетъ неизбежнымъ слѣдствіемъ вздорожанія стоимости земель и рабочей платы. Наконецъ если предположить даже, что при значительномъ распространеніи земледѣлія въ этихъ странахъ, хлѣбъ будетъ обходиться тамъ гораздо дешевле нежели въ другихъ, которыя не производятъ его въ достаточномъ количествѣ для внутренняго продовольствія, то и въ такомъ случаѣ привозъ туда иностраннаго хлѣба будетъ служить только на пополненіе запасовъ приобретаемыхъ отъ собственнаго хлѣбопашества: самое свойство хлѣбнаго товара удерживаетъ привозъ его въ извѣстныхъ границахъ, и заставляетъ всякую страну соразмѣрять у себя производство этого продукта съ своими нуждами, такъ что потребность въ иностранномъ хлѣбѣ всегда составляетъ маловажную пропорцію во внутреннемъ продовольствіи.

Въ послѣднія тридцать лѣтъ, хозяйственное положеніе многочислѣннѣйшихъ государствъ западной Европы, въ отношеніи къ продовольствію, значительно улучшилось. Умноженіе внутренняго сбыта сельскихъ продуктовъ, съ приращеніемъ городского населенія, поощрило успѣхи земледѣлія и скотоводства: плодородіе почвы увеличилось отъ введенія плодотворной системы, новыхъ удобрительныхъ туковъ и улучшеннѣйшихъ земледѣльческихъ орудій; даже неплодныя земли, съ помощью этихъ усовершенствованій, превратились въ богатые пашни и луга. Посредствомъ лучшаго удобренія и тщательнѣйшей обработки почвы, получается нынѣ, на одинаковомъ пространствѣ, гораздо большее количество произведеній, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Плодотворная система ввела въ полеводство разнообразныя продукты, столь различныя въ отношеніи времени, способовъ и условій ихъ воздѣлыванія, что общій неурожай всѣхъ полевыхъ плодовъ сдѣлался невозможнымъ. Такое успѣшное развитіе сельскаго хозяйства во многихъ краяхъ Европы, сопровождалось усовершенствованіемъ сообщеній, которое, облегчая перевозку продуктовъ, придало новымъ силамъ земледѣльческой производительности.

Чрезвычайное распространеніе картофеля, въ населеннѣйшихъ странахъ западной Европы, произвело также важную перемену въ государственномъ хозяйствѣ. Быстрому приращенію воздѣлыванія этого продукта много способствовало то, что онъ, въ сравненіи съ хлѣбомъ, менѣе разборчивъ относительно почвы и, до введенія картофельной болѣзни въ 1845 году, былъ менѣе подверженъ неурожаю. Употребленіе картофеля въ пищу людямъ, на кормъ скоту и для винокуренія значительно уменьшило потребность въ хлѣбныхъ припасахъ; въ нѣкоторыхъ странахъ онъ почти совершенно замѣнилъ хлѣбъ и повсюду сдѣлался важнымъ подспорьемъ въ продовольствіи. При возрастающемъ недостаткѣ удобныхъ для хлѣбопашества земель въ населеннѣйшихъ краяхъ Европы, способы къ народному продовольствію значительно увеличились съ размноженіемъ картофеля: известно, что, въ сравненіи съ хлѣбомъ, картофель можетъ прокормить гораздо большее число жителей на одинаковомъ пространствѣ. Въ Ирландіи, гдѣ этотъ продуктъ составляетъ главную пищу, наименьшій урожай его доходитъ до девяти тоннъ съ акра (около 170 четвертей съ десятины), а средній урожай пшеницы считается менѣе трехъ съ половиною четвертей на акръ (около 12 четвертей на десятину). И такъ, съ десятины можно получить до

4,346 фунтовъ пшеницы и до 54,425 фунтовъ картофеля. По самымъ тщательнымъ изысканіямъ найдено, что четыре фунта картофеля равняются въ питательности одному фунту пшеницы. По этой пропорціи выходитъ, что если десятина пшеницы даетъ 4,346 фунтовъ, то съ десятины картофеля можно получить 13,606 фунтовъ питательной пищи, т. е. втрое болѣе. — Слѣдовательно, одна десятина картофеля можетъ прокормить такое же число людей, какое прокормитъ три десятины пшеницы. Этотъ выводъ показываетъ, что распространеніе картофеля могло утроить способы къ народному продовольствію въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно не обезпечивалось достаточно собственнымъ хлебопашествомъ.

Англійская газета Economist, наложивъ этотъ сравнительный расчетъ о количествѣ урожая и питательной пищи картофеля и пшеницы, присовокупляетъ слѣдующія замѣчанія. «Превосходство картофеля въ отношеніи къ продовольствію слишкомъ мало принималось въ соображеніе, при изслѣдованіи экономическихъ вопросовъ въ Великобританіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тамошніе фермеры воздѣлывали картофель, какъ продажный продуктъ, въ ограниченномъ количествѣ, и даже въ 1815 году, когда введенъ стѣснительный для привоза законъ о хлѣбѣ, воздѣлываніе картофеля было еще очень маловажно въ сравненіи съ обширнымъ развитіемъ этой отрасли хозяйства въ новѣйшее время. Въ защиту охранительной системы часто утверждали, что не смотря на быстрое приращеніе числа жителей съ 1815 года, средняя цѣна хлѣба, въ каждое десятилѣтіе, понижалась противъ предъидущаго десятилѣтняго періода. Поборники закона о хлѣбѣ заключали, на этомъ основаніи, что воздѣлываніе земель и производительность почвы увеличились еще въ большей пропорціи, нежели народонаселеніе. Такой выводъ, хотя по видимому подтверждаемый упадкомъ среднихъ цѣнъ, оказывается несогласнымъ съ фактами, при подробномъ ихъ изслѣдованіи. Хлѣбныя цѣны упали вовсе не отъ того, что увеличилось пространство воздѣлываемыхъ земель, или усилилась производительность почвы. Если принять въ соображеніе, сколько земли нужно для продовольствія жителей картофелемъ, сравнительно съ хлѣбомъ, то очевидно, что быстрое распространеніе картофеля, въ послѣдніи тридцать лѣтъ, было настоящею причиною постепеннаго упадка хлѣбныхъ цѣнъ. Въ это время, картофель сдѣлался важною статью торговли въ Шотландіи и во многихъ краяхъ Англіи, особенно въ мануфактурныхъ округахъ, а въ Ирландіи онъ составляетъ,

какъ необходимо, главную пищу всего народонаселенія. Введеніе этого продукта въ народное продовольствіе, въ замѣнъ хлѣба, соотвѣтствовало умноженію воздѣлываемыхъ земель вътрое, потому что одна десятина картофеля равняется тремъ десятинамъ пшеницы. Такимъ образомъ, чрезвычайно распространенное въ послѣдніи тридцать лѣтъ, потребленіе картофеля доставило Великобританіи возможность продовольствовать быстро возрастающее въ ней народонаселеніе, даже съ неизменіемъ цѣнъ на хлѣбъ, хотя привозъ его былъ стѣсненъ тарифомъ. Успѣхи воздѣлыванія картофеля имѣли подобныя же послѣдствія въ другихъ многолюдныхъ странахъ Европы: въ нынѣшнее время, народное продовольствіе замѣнить тамъ отъ картофеля не менѣе, какъ и въ Великобританіи.

Размноженіе картофеля, ограничивъ, въ этихъ странахъ, расходъ хлѣбныхъ приправовъ, способствовало поддержанію системы переменныхъ поминъ съ иностраннаго хлѣба. Если бы внутреннее продовольствіе обезпечивалось тамъ только хлѣбными продуктами, то, съ приращеніемъ народонаселенія, собственное земледѣліе лишилось бы, наконецъ, возможности производить хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ, хлѣбныя цѣны на внутреннихъ рынкахъ стали бы тогда возвышаться, и тарифъ не могъ бы болѣе препятствовать допущенію свободнаго ввоза хлѣба. Но съ-тѣх-поръ какъ распространилось производство картофеля, этотъ продуктъ, пополняя недостаточные урожаи хлѣба, ограничивалъ потребность въ привозѣ его изъ-за границы. Употребленіе картофеля, при дороговизнѣ хлѣба въ этихъ странахъ, возрасло тѣмъ болѣе что оно составляетъ самую дешевую пищу для большей части народонаселенія, и отъ того расходъ хлѣба не увеличился тамъ соразмѣрно приращенію числа жителей.

Бѣдственный по неурожаю картофеля 1846 годъ обнаружилъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ продуктъ въ государственномъ хозяйствѣ. При обыкновенномъ сборѣ картофеля, скудный урожай хлѣба не подвергнулъ бы многія страны Европы такой чрезвычайной дороговизнѣ, какую она терпѣла въ 1847 году. Картофельная болѣзнь, появившаяся въ первый разъ въ 1845 году, распространилась на слѣдующій годъ почти по всей Европѣ и произвела неурожай, какого еще никогда не бывало. Это событіе возбудило живѣйшія опасенія на счетъ будущаго продовольствія многолюднѣйшихъ странъ, гдѣ воздѣлываніе картофеля было постоянно размножаемо въ теченіи послѣднихъ тридцати

лѣтъ. Производство его достигло самаго обширнаго развитія въ Великобританіи, преимущественно же въ Ирландіи, и оттого эта страна испытала въ 1846 и 1847 году величайшія бѣдствія отъ картофельной болѣзни. Количество земли, обыкновенно занятой подъ картофель, составляетъ около 2,000,000 акровъ въ Ирландіи, до 1,200,000 въ Англіи и до 200,000 въ Шотландіи, всего 3,400,000 акровъ или 1,260,000 десятинъ. При хорошемъ урожаѣ съ этого пространства можно собрать (считая по девяти тоннъ съ акра или около 170 четвертей съ десятины) среднимъ числомъ до 30,600,000 тоннъ (около 214,000,000 четвертей). По общему расчету, въ Великобританіи погибла отъ картофельной болѣзни половина урожая, а въ Ирландіи пропало до двухъ третей. Это бѣдствіе побудило тамошнихъ фермеровъ значительно ограничить воздѣлываніе картофеля на слѣдующій годъ, изъ опасенія, что большая часть урожая можетъ быть опять истреблена порчею, которая не прекращалась три года сряду. Исчислено, что въ Великобританіи съ Ирландіею въ 1847 году занято подъ картофель не болѣе 1,000,000 акровъ или 370,000 десятинъ. Такое уменьшеніе въ производствѣ картофеля могло быть только временнымъ слѣдствіемъ порчи, появившейся на этомъ продуктѣ, и воздѣлываніе его возобновилось на 1848 годъ въ прежнемъ размѣрѣ, послѣ того какъ дѣйствіе картофельной болѣзни уже принятно ослабло въ 1847 году.

Замѣчательно, однако, что не смотря на изобильную жажду хлѣбныхъ продуктовъ въ 1847 году, количество иностраннаго хлѣба, поступившаго на внутреннее потребленіе при урожаѣ, который по общему мнѣнію почитался достаточнымъ къ обезпеченію народнаго продовольствія, — превзошло ту пропорцію, какая требовалась въ прежніе годы, не исключая даже достопамятныя 1846 — 1847 годъ. Этотъ важный фактъ слѣдуетъ приписать единственно послѣдовавшей въ 1847 году перемѣнѣ въ распределеніи посѣвовъ, потому что урожай всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ былъ тогда гораздо выше средняго и картофельная болѣзнь, по наступленіи августа, исчезла совершенно, по-крайней-мѣрѣ объ ней мало слышно было при тогдашнемъ сборѣ картофеля. Послѣ значительнаго и во всѣхъ отношеніяхъ благоприятнаго урожая 1847 года привезено иностраннаго хлѣба съ іюля 1847 по іюль 1848 года, 8,936,160 кварталеровъ (11,914,880 четвертей) или около девяти милліоновъ кварталеровъ, между тѣмъ, какъ въ предыдущій, соотвѣтственный періодъ съ іюля 1846 по іюль 1847 при-

возъ составлялъ не болѣе 8½ миллионъ, послѣ скуднаго урожая хлѣба и гибельной морчи, повредившей картофель въ 1846 году. Отъ предъидущаго привоза къ июлю 1847 года еще оставались большіе запасы иностраннаго хлѣба на складѣ, а въ концѣ іюля 1848 года все количество ихъ составляло съ небольшимъ 100,000 четвертовъ, и по собраннымъ къ тому времени свидѣніямъ, запасы иностраннаго хлѣба въ частныхъ анбарахъ были также весьма маловажны. По этимъ даннымъ, газета Economist (1848, № 259), полагаетъ, что весь расходъ иностраннаго хлѣба, въ предъидущіе двѣнадцать мѣсяцевъ составлялъ не менѣе десяти миллионъ четвертовъ.

И такъ, отъ значительнаго уменьшенія посѣвовъ картофеля въ 1847 году, даже при изобильномъ урожаѣ хлѣбныхъ продуктовъ, потребленіе иностраннаго хлѣба отъ одной жатвы до другой (съ іюля 1847 по іюль 1848) было гораздо значительнѣе того количества, какое поступило на внутреннее продовольствіе, послѣ скуднаго урожая хлѣба и картофеля въ 1846 году.

Такой результатъ приводитъ къ заключенію, что если картофельная болѣзнь, своимъ частымъ появленіемъ, вынудитъ значительно уменьшить посѣвъ картофеля, то въ многочислѣннѣйшихъ странахъ Европы, гдѣ этотъ продуктъ сдѣлался необходимою потребностью, ущербъ въ производствѣ его существенно ограничить способы къ народному продовольствію, и въ такомъ случаѣ понадобится тамъ, ежегодно, большой привозъ иностраннаго хлѣба. Если картофельная болѣзнь будетъ дѣйствовать въ нѣкоторые годы слабѣе, а въ другіе — сильнѣе, и не смотря на то воздѣлываніе картофеля будетъ, по прежнему, возрастать, то во всѣхъ странахъ, гдѣ оно производится въ обширномъ видѣ, требованіе на хлѣбъ должно будетъ завнѣсть не только отъ урожая хлѣбныхъ продуктовъ, но и отъ степени развитія картофельной болѣзни. Такимъ образомъ, нынѣ возникло новое, весьма важное, условіе для хозяйственныхъ и коммерческихъ соображеній относительно сбыта хлѣба, а именно: урожай картофеля. На этотъ продуктъ уже нельзя болѣе полагаться, для обезпеченія внутренняго продовольствія въ той мѣрѣ, какъ это могло быть до появленія въ 1845 году пагубной для картофеля болѣзни, подвергнувшей его неурожаемъ, которые до того времени вовсе не были извѣстны въ Европѣ.

Въ многочислѣннѣйшихъ странахъ, гдѣ производство картофеля наиболѣе распространилось, непадежность урожая его въроят-

но побудитъ правительства къ облегченію привоза иностраннаго хлѣба, тѣмъ болѣе, что тамошнее хлѣбопашество, при посредствѣ немъ урожая его продуктовъ, не въ состояніи удовлетворять нужды внутреннего продовольствія, и, по недостатку свободныхъ земель, не можетъ увеличить производство хлѣба въ значительной пропорціи, чтобы замѣнить имъ или сколько нибудь уменьшить воздѣлываніе картофеля. Такимъ образомъ, съ измѣненіемъ хозяйственныхъ обстоятельствъ въ западной Европѣ въ отношеніи къ способамъ народнаго продовольствія, система перемѣнныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба должна будетъ, наконецъ, уступить мѣсто свободному привозу его въ тѣхъ государствахъ, гдѣ эти пошлины отъснжаютъ движеніе хлѣбной торговли.

Г. К-НЪ.

=

V.

КРИТИКА.

=

КИТАЙ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ И ПРАВСТВЕННОМЪ СОСТОЯНІИ.
Сочиненіе монаха Іакимова. Санктпетербургъ, 1848. Четыре части.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Мы говорили о незначительности податей и налоговъ въ Китаѣ, которые, на 400,000,000 народонаселенія, съ акцизами, надвѣсами или, правильнѣе—обвѣсами, съ пошлинами, штрафами и взятками, не превосходятъ 400,000,000 рублей серебромъ. Это — почти государственный доходъ Франціи, страны бѣдной, мелкособственной и трудолюбивой какъ и Китай, но въ которой число жителей почти въ двѣнадцать разъ меньше китайскаго. Франція, въ самомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ, по образу раздѣленія собственности, по мелочному характеру промышленности и торговли, по корыстолюбію, тонкости и способностямъ жителей, представляетъ большія аналогіи съ этимъ государствомъ, но съ разницею чрезвычайно выгодною для Китая по важной статьѣ земледѣлія, которое, въ Китаѣ — превосходнѣйшее въ мірѣ, а во Франціи — едва-ли не самое плохое

въ Европѣ. Допустивъ все эти сходства и эти разницы, по надлежащему сравненію государственный доходъ Китая долженъ бы, по меньшей мѣрѣ, быть въ десять или въ двѣнадцать разъ значительнѣе государственнаго доходу Франціи и простираться за 4,000,000,000 рублей серебромъ. Между-тѣмъ онъ, собственно, со всеми акцизами и обвѣсами, не превышаетъ 300,000,000, и изъ этой еще суммы двѣ трети постоянно бываютъ расхищаемы мандаринами, а все нужды огромнаго государства удовлетворяются какою-нибудь сотнею милліоновъ. Это ужъ совершенно по-азиатски; европейскаго здѣсь ничего не видно. Въ Европѣ, на Западѣ, фискальность велика, подати огромны, это правда: но зато и доходы государствъ необыкновенно значительны, а какъ все эти доходы издерживаются правительствами на пользу самихъ же жителей, на ихъ просвѣщеніе, образованіе, удобства и выгоды, на обезпеченіе имъ правосудія и безопасности, на содержаніе дорогъ, каналовъ, гаваней, доковъ, шлюзовъ, на распространеніе торговли, на оживленіе ремесленной и мануфактурной промышленности прѣмъромъ, образцами, льготами и заказами различныхъ поставокъ, то это значить, что чѣмъ больше доходъ казны, тѣмъ больше пользы для государства. Огромность налоговъ, какъ-скоро жители въ состояніи умягчать ихъ, отнюдь не показываетъ угнетенія, а напротивъ показываетъ богатство страны, и полезно тѣмъ, въ нравственномъ отношеніи, что оно же побуждаетъ жителей къ трудолюбію, экономіи, предпринимчивости. Лѣнь, эгоизмъ, невежество, могутъ негодовать на высокіе налоги и мечтать о способахъ уменьшенія ихъ, но тѣмъ не менѣе высокіе налоги — первый признакъ и сильнѣйшій рычагъ успѣховъ во всехъ родахъ образованности и промышленности. Уничтожьте все налоги, все общественныя нужды, и никто не станетъ трудиться свыше личной потребности, никто не будетъ промышленяты, затѣывать, отличатся, и общество погрузится въ варварство. Чѣмъ выше налоги и чѣмъ легче они уплачиваются, тѣмъ богаче, образованнѣе и сильнѣе государство. Высокіе налоги даютъ правительствамъ средства быть бес-

колючие благотворными, сильными безъ несправедливости, дѣтельными безъ отвѣщенія для подданныхъ, и ставятся цѣлью ихъ всеобъемлющей поочтительности. Гдѣ государственный доходъ — такой ничтожный какъ въ Китаѣ, тамъ ужъ ничего европейскаго быть не можетъ, потому что въ Европѣ хорошее происходитъ именно изъ огромности государственныхъ доходовъ и расходовъ, изъ необходимости для жителей удовлетворять ихъ, и изъ необходимости для проворливой власти поощрять всеми средствами ихъ просвѣщеніе, промышленность, торговлю, собственность, дѣятельность, для того чтобы они въ состояніи были быстро и легко удовлетворять. Скудость государственнаго дохода — коренной признакъ азіатства, мѣрило правительственнаго бездѣйствія на пользу страны, и Китай до того — чистая Азія, что онъ соблюдаетъ, въ этомъ случаѣ, строгую пропорцію съ Турціей. По народонаселенію, оттоманская Турція — двадцатая доля Китая, и государственный доходъ ея, тотъ, который былъ съ достоверностью извѣстенъ до Махмудовыхъ преобразованій — двадцатая доля китайскаго, именно, 20,000,000 рублей. Можетъ ли правительство, съ такимъ доходомъ, быть благотворительно для страны, при самомъ лучшемъ желаніи съ его стороны?

Въ Европѣ, все рѣшительно происходитъ отъ правительствъ, отъ многосложности нуждъ государственныхъ, и отъ огромныхъ расходовъ и доходовъ, которыхъ онѣ требуютъ. Здѣсь начало всего добра и блага — отъ правительства. Въ Азіи напротивъ, отъ правительствъ — начало всего горя и зла, гнетъ, произволъ, грабежъ, разореніе. Тамъ все хорошее происходитъ прямо отъ самихъ жителей, отъ ихъ дѣбраго права, трудолюбія, и умственныхъ способностей. Правительства на пользу ихъ не дѣлаютъ ровно ничего, а лучшія изъ азіатскихъ правительствъ именно тѣ, которые заботятся только о *vigilantia* (технической азіатской терминъ) своего скуднаго казеннаго дохода изъ *бюджетной части* (тоже технической терминъ), а часть этой предоставляютъ полную свободу промышленнаго дѣйствія,

по способностямъ и трудолюбію каждаго, не стѣсня ихъ ни какими уложеніями ни правялами. Въ этомъ отношеніи, итайское правительство, безспорно — самое лучшее изъ всѣхъ азіатскихъ: оно, можно сказать, неподражаемо, единственно. Оно никому и ничему не мѣшаетъ—но самой естественной причинъ—потому что ничего не дѣлаетъ; потому что, при ничтожности государственныхъ доходовъ, у него нѣтъ денегъ для содѣйствія, и оно не въ состояніи держать достаточнаго числа мандариновъ для помѣжи. Стѣсненія формами благочинія и фискальности быть не можетъ тамъ, гдѣ на миллионъ жителей приходится всего человекъ двадцать блюстителей законовъ и порядку, считая въ томъ числѣ «и сторожей присутственныхъ мѣстъ». За сотною тысячъ дѣйствующихъ лицъ едва бываетъ одинъ смотритель съ какою-нибудь властью!

Личная безопасность, честь и достоиніе обезпеченныя одною только малочисленностью притѣснителей и хищниковъ, благочиніе, предоставленное большею частью благоправію, церемонности и религіознымъ чувствамъ самаго народа, правосудіе на выворотъ, безладица повсюду, публичныхъ удобствъ ни какихъ, но полная свобода торговли и промышленности, полное право для каждаго дѣлать съ собою, съ своимъ умомъ, съ своими способностями что угодно, никого не спрашиваясь, нигдѣ не записываясь, не подвергаясь ни какимъ повѣркамъ, свидѣтельствамъ и видамъ, вотъ — Азія, со всею своей безладицей и всѣмъ житейскимъ волшебствомъ!

Для большей ясности позволительно будетъ привести одинъ анекдотъ, изъ воспоминаній путешественника, не совсѣмъ чуждаго автору этихъ страницъ. Находясь однажды въ Константинополѣ, онъ считъ нужнымъ, послѣ страшнаго пожара, отправиться съ своимъ соболѣзнованіемъ и своими утѣшеніями къ одному европейскому семейству, которое въ ту ночь потеряло пять домовъ и все имущество отъ огня, подкинутого мятежными янычарами въ знакъ недовольствія своего къ визирямъ султана. Глава этого семейства былъ незначительный французскій negociantъ. Пе-

святитель его былъ очень молодъ и судилъ о странѣ по понятіямъ политической экономіи, привезеннымъ съ собою изъ Европы. «Я, право, не понимаю», сказалъ молодой посетитель, втеченіе бесѣды, погорѣлому хозяину, который, къ удивленію его, вовсе не казался такъ страшно опечаленнымъ, какъ онъ предполагалъ: «не понимаю, какъ вы, съ вашимъ состояніемъ, можете жить въ этомъ ужасномъ «городѣ; каждый день на улицахъ — бунтъ, каждую «ночь — пожаръ; чума, тревоги, обманы, отсутствіе правосудія, безпорядокъ....» Хозяинъ улыбнулся. — «До «бунтовъ, несправосудія, безпорядковъ, обмановъ, мнѣ нужды нѣтъ, отвѣчалъ онъ: по примѣру всѣхъ мирныхъ «правовѣрныхъ, я не вмѣшиваюсь въ политическія дѣла; «наше дѣло — сторона: таковъ здѣсь законъ мудрости; «тяжбѣ ни съ кѣмъ не завожу; а въ обманъ по-возможности не вдаюся: надо быть осторожнымъ; и это не трудно, при небольшой сноровкѣ. Въ заразительность чумы я «не вѣрю, по общему убѣжденію страны. А что касается «до пожаровъ, то позвольте мнѣ сказать вамъ по-турецки: «*Аллахъ керимъ!*... Богъ щедръ!... Зачѣмъ же здѣсь не «жить? Что бѣды, если у васъ въ одну ночь сгоритъ пять «домовъ, когда вы въ одинъ мѣсяць можете нажить пять «другихъ, новыхъ? Свобода промыслу и торговлѣ — великое дѣло! Мнѣ здѣсь никто и ничто не мѣшаетъ. Я «смогу предпринимать такіе обороты, какіе мнѣ кажутся «самыми выгодными, не опасаясь встрѣтиться на пути съ «тарифомъ, уложеніемъ, положеніемъ, ограниченіемъ, запрещеніемъ. Гдѣ я найду такую землю на нашемъ любезномъ Западѣ?... Въ моемъ отечествѣ? во Франціи?... слуга покорный! Тамъ всѣ мои лучшія соображенія затравяты «регламентами. Я жилъ и торговалъ во Франціи, бился «какъ рыба объ ледъ, не добился до порядочнаго куска «хлѣба. Переѣхалъ сюда, къ варварамъ — совсѣмъ другое дѣло, другое счастье — съ тѣмъ же умомъ!... Опасно — спору нѣтъ, но зато же у Восточныхъ и славятся «мудрость змѣи и хитрость кошки: эти два качества здѣсь «необходимы всякому и, съ ними, Востокъ — рай, по-

«верьте мнѣ.» — Рай для хитрецовъ? — «Ну, да! Здесь «вѣтъ.... хитрецы.»

Таковъ точно и Китай. Доказательство — собственные слова автора, который повторительно въ разныхъ мѣстахъ книги утверждаетъ, что въ торговыхъ и ремесленныхъ со-словіяхъ нѣтъ ни списковъ, ни гильдій, ни повинностей.... что каждый можетъ свободно заниматься чѣмъ и гдѣ ему угодно.... что нѣтъ ни паспортовъ, ни билетовъ, ни подо-рожныхъ.... что Китаецъ переселяется или предпри-нимаетъ промыселъ по своему усмотрѣнію, ни у кого не спрашиваясь, и не встрѣчалъ ни какого вмѣшательства... что на сырыя произведенія нѣтъ ни какой пошлины; ма-нуфактурныя издѣлія ничего не платятъ; по дорогамъ, рѣ-камъ и полямъ ни какихъ сборовъ не существуетъ.... за-прещенія, изыятія, ограниченія не извѣстны; словомъ, дѣ-лай что хочешь, или куда глаза глядятъ, промышляй какъ любо, наживай сколько душѣ угодно: только мандарину въ руки не попадайся — ограбить!... прибить!... уничто-жить!... а впрочемъ съ хитростью кошки и мудростью змѣи какъ не увернуться отъ мандарина!

Трудно было бы дать характеристику Востока болѣе ра-зительную и болѣе вѣрную какъ это разсужденіе царьградска-го погорѣлаго. Востокъ здесь — весь на-лицо, съ своей неуря-дницей, съ своими пороками, бѣдствіями, ужасами, и съ свои-ми преимуществами. Преимущества эти, конечно, уважи-тельны. Они поразили и европейскихъ экономистовъ: отсю-да — школа такъ называемой «свободной торговли», которая, черезъ туманы высокопарныхъ теорій, собственно добывает-ся только до того чтобы соединить хорошее восточное съ хорошимъ европейскимъ. Но возможно ли это, когда эти два *хорошія* пристокаютъ изъ двухъ такихъ противоположныхъ началъ, каковы пассивное и активное? бездѣйствіе и дѣйствіе? когда хорошее восточное основано на ничтожности казен-ныхъ доходовъ, на нищенствѣ, безсиліи и принужденномъ невмѣшательствѣ правительственной власти въ жизнь на-родную, предоставленную добровольному своему теченію, а хорошее европейское зависитъ именно отъ высокихъ на-

логовъ и богатыхъ средствъ этой власти, дающихъ ей возможность быть почитательною, дѣятельною, вездѣ присутствующею и вездѣ полезною? Они несогласимы. Надо избрать то или другое. Но, при безпристрастной оцѣнкѣ того и другаго хорошаго, нельзя же не признать, что наше европейское хорошее, хорошее положительное, въ тысячу разъ лучше, вѣрнѣе и благороднѣе азіатскаго хорошаго, отрицательнаго и страдательнаго.

Теперь мы можемъ дать понятіе о внутреннемъ устройствѣ китайской мануфактурной и торговой промышленности, придерживаясь по возможности выраженій автора. Оно любопытно.

Китай, какъ и вся Азія, производитъ по-мелочно. Въ Пекинѣ нѣтъ ни одной большой фабрики, да и другіе торговые города не славятся обширными фабричными заведеніями. Обширность мануфактуръ замѣняется множествомъ мелкихъ заведеній, а болѣе фабричная работа, особенно шелковыя издѣлія, отдаются мастеровымъ въ дома. Въ нѣкоторыхъ сложныхъ издѣліяхъ работа одной и той же вещи раздѣляется; въ производствѣ искусственныхъ цвѣтовъ одни рѣжутъ изъ травяной сердцевины листы, другіе составляютъ изъ нихъ цвѣты; крашеніе цвѣтовъ производится черезъ третьи руки. Работа роговыхъ фонарей, отъ мочки сайгачьихъ роговъ до послѣдней спайки частей въ одно цѣлое, проходитъ черезъ шесть рукъ. Китайцы не употребляютъ почти ни какихъ природныхъ двигателей; даже водяныхъ мельницъ мало, а вѣтренныхъ и вовсе нѣтъ. Мелютъ муку и обдираютъ крупу въ жерновахъ, движимыхъ руками или скотомъ. О многосложныхъ машинахъ Китайцы и понятія не имѣютъ; и авторъ полагаетъ, что, по чрезвычайному многолюдству введеніе европейскихъ машинъ можно считать не избыточнымъ — какъ-будто машины, умножая и количество и роды производствъ, не требовали еще болѣе рукъ и не создавали еще болѣе занятій. чѣмъ ручная работа! Авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать—*по многонепѣжеству* Китайцевъ, а не по *многолюдству*. «Народонаселеніе Китая, говоритъ онъ, по спискамъ 1812 года, тогда

«простирается до 380,000,000 душъ обоюго пола; а въ настоящее время надобно полагать оное по самой меньшей мѣрѣ, около 390,000,000 или 400,000,000. Но въ Китаѣ собственное произволеніе, или нужда, а не законъ привлекаетъ къ земледѣлію; и потому отношенія числа земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ къ общему народонаселенію опредѣлить невозможно.»

Числа неприводимаго класса авторъ приблизительно принимаетъ слѣдующія:

Гражданскихъ чиновниковъ съ штатными канцелярскими служителями въ дѣйствительной службѣ до	10,000
Ученыхъ, получившихъ степени	60,000
Учащихся, еще не получившихъ ученыхъ степеней, 2,500,000	
Писцовъ, классъ извѣстный на Востокъ подъ названіемъ <i>кятибовъ</i> , то есть, вольнопрактикующихъ подъячихъ, которыхъ авторъ называетъ «заштатными» канцелярскими служителями . .	2,000,000
Безбрачнаго духовенства обихъ религій до	50,000
Китайскихъ войскъ и съ офицерами, то есть, съ урядниками, до	650,000

Изъ чего слѣдовало бы, что въ Китаѣ, изъ 350 мужчинъ только 1 состоитъ подъ ружьемъ. Извѣстно, что во Франціи подъ ружьемъ находится 1 изъ 35 (не считая національныхъ стражей), а въ Пруссіи 1 изъ 25.

Изъ производящихъ, самый многочисленный классъ составляютъ земледѣльцы, за ними торговцы, ремесленники и фабриканты. Передъ закономъ самый почтенный классъ—земледѣльческій, но въ общемъ мнѣніи купечество представляетъ аристократію. Народъ весь раздѣляется на мандариновъ и простолюдиновъ, между которыми ученые образуютъ особенный классъ, пользующійся разными привилегіями. *Благородныхъ* въ Китаѣ нѣтъ, несмотря на всѣ увѣренія книги нашей; князья отъ роду царствующаго колѣна не могутъ быть названы *дворянствомъ*; а есть *тарханы*, люди жалованные грамотами на одно, два или три поколѣнія, классъ давно извѣстный на Востокъ и весьма немногочисленный. Это —

тъ же простолюдины, только съ привилегіей на-время. Престолюдины раздѣляются на хлѣбопашцевъ, военнопашцевъ, торговыхъ людей и соловаровъ. Соловары живутъ по восточному поморію, и занимаются вываркою соли, которую представляютъ казнѣ. Военнопашцы только службою привязаны къ мѣсту; но соловары числятся казенными работниками, и не могутъ произвольно оставить мѣстъ своего жительства. Въ торговомъ сословіи, гдѣ нѣтъ ни цеховъ, ни гильдій, купцы, фабриканты, ремесленники, свободно могутъ заниматься чѣмъ и гдѣ имъ угодно, безъ платы за позволеніе. Занимающіеся обширною вѣтвью торговли или промышленности добровольно между собою составляютъ общины и выбираютъ старшихъ для управленія, по большей части изъ богатыхъ. Въ этихъ общинахъ бываютъ годовыя собранія, на которыхъ общимъ приговоромъ устанавливаютъ на цѣлый годъ постоянную, въ извѣстныхъ мѣстахъ, цѣну своимъ товарамъ. Кто изъ членовъ общины будетъ уличенъ въ продажъ своихъ товаровъ дешевле противъ установленной цѣны, того старшины наказываютъ денежною пенею. Къ такимъ общинамъ принадлежатъ въ Пекинѣ торгующіе хлопчатобумажными издѣліями, жасминными цвѣтами; въ южномъ Китаѣ хозяева чайныхъ усадебъ и вообще оптовые купцы. Поставленныхъ старшинами цѣнъ покупатель понизить не могутъ. Такъ вотъ гдѣ настоящая китайская аристократія — купцы! Они держатъ все и всѣхъ въ своей власти. Они распорядители общественной фортуны, классъ вмѣющей свою внутреннюю организацію и руководствующійся духомъ сословія. Не понятно, какъ книга этого не примѣтила. Установленіе цѣнъ общинами простирается на извѣстное пространство, и мелочные торгаши не подходятъ подъ установленія, такъ, что оптовые купцы — настоящій господствующій классъ въ обществѣ. Но таковъ Востокъ и Тысяча одной ночи.

Правительство содержитъ три шелковыя фабрики, гдѣ работаютъ для двора разныя шелковыя ткани въ такомъ количествѣ, какое признано достаточнымъ для годового потребленія великаго хана и его царедворцевъ. Образцы двор-

цовыхъ тканей въ узорахъ перемѣняются черезъ каждыя десять лѣтъ. Самыя лучшія шелковыя ткани работаются въ Хань-джоу-фу.

Каждый, исключая мандариновъ и ученыхъ, лично можетъ заниматься торговлею, не зная ни какихъ повинностей. Только въ Пекинѣ, содержатель лавки перваго разряду платитъ правительству ежегодно пять ланъ, а втораго разряду — два съ половиною лана серебра; содержатели лавокъ третьяго разряду, мелочныхъ, ничего не платятъ. Этими налогомъ ограничивается сборъ съ пекинской торговли и деньги эти идутъ на содержаніе городскихъ сторожей, которые обязаны въ сухое время ежедневно поливать большія и среднія улицы, а въ дождливое сгребать грязь на среднюю улицу, потомъ проваливать ее на солнцѣ и снова разравнивать по улицѣ.

Но есть общій во всемъ Китаѣ пошлинный сборъ съ особеннаго рода лавокъ, для которыхъ авторъ прискалъ очень учтивое названіе — *ссудныя лавки*: по его мнѣнію онѣ тамъ замѣняютъ казенные ссудные банки, а по нашему онѣ не что иное какъ извѣстныя на всемъ Востокѣ лавки ростовщиковъ. Желаящій открыть *ссудную*, то есть, ростовскую лавку, лавку мошенничества и общественной безнравственности, потому что эти-то лавки и торгуютъ государственными должностями, даюгъ деньги на покупку мѣсть, откупаютъ взятки мандариновъ, и такъ далѣе, желаящій открыть такое благородное заведеніе долженъ получить изъ *казенной палаты* билетъ, по которому ежегодно обязанъ еще вносить пошлину. Исключая Юнь-нань и Гуй-джоу, во всѣхъ прочихъ намѣстничествахъ вносятъ съ каждой *ссудной* (!) лавки по пяти ланъ, въ Юнь-нань по четыре, въ Гуй-джоу по три, въ Манджуріи по два съ половиною лана серебра. Частныя *ссудныя* (!) лавки въ Китаѣ суть богатѣйшія торговыя заведенія. Большихъ торговыхъ обществъ нѣтъ, но малыхъ, торгующихъ сложнымъ капиталомъ довольно. Монополій вовсе нѣтъ. Въ Кантонѣ, маклера, съ потворства мѣстнаго начальства, долго владѣли всею иностранною торговлею; но Англичане, по послѣднему договору, освободились отъ стѣсни-

тельнаго посредничества этихъ маклеровъ. Вся иностранная торговля поручена была тамъ тринадцати маклерамъ, составившимъ родъ привилегированной компаніи подъ названіемъ *Гунъ-ханъ*, но каждый изъ тринадцати *ханистовъ* торговалъ на свой счетъ, отдѣльно отъ товарищей. Привилегія состояла въ томъ, что одни они имѣли право промѣнивать внутренніе товары на иностранные.

Въ Китаѣ, маклеръ — лицо посредствующее въ оптовомъ торгу между купцомъ и лавочникомъ, по какой-нибудь вѣтви торговли. Онъ избирается мѣстнымъ начальствомъ изъ капитальныхъ торговцевъ, съ поручительствомъ другихъ маклеровъ по той же торговлѣ, и получаетъ письменное свидѣтельство на должность. «Маклеръ принимая отъ пріѣзжихъ «оптовыхъ торговцевъ товары для продажи, вмѣстѣ съ тѣмъ «принимаетъ на себя обязанность къ немедленной уплатѣ «послѣ продажи; въ случаѣ же неисправнаго платежа со «стороны покупателя, у маклера отбирается письменное сви- «дѣтельство на три мѣсяца. Это есть срокъ, въ продолже- «ніе котораго ежели уплата будетъ кончена, то свидѣтель- «ство возвращается маклеру; въ противномъ случаѣ, маклеръ «обязанъ заплатить. Ежели со стороны маклера сдѣланъ «будетъ какой-либо обманъ, то какъ у маклера, такъ и у «поручителей его, отбираются маклерскія свидѣтельства на «срокъ, данный для уплаты. Ежели маклеръ уплатитъ въ «назначенный срокъ, то маклерскія свидѣтельства всемъ «возвращаются; въ противномъ случаѣ, уплата направляет- «ся съ маклеровъ-поручителей. Ежели обманъ сдѣланъ бу- «детъ покупщикомъ, то назначается ему срокъ для упла- «ты; а ежели онъ не въ состояніи уплатить всего, то не- «достающее обязанъ доплатить маклеръ. Ежели самъ мак- «леръ воспользуется суммою, сдѣвующею гостямъ, то на- «значается срокъ для описи и продажи имущества его на «уплату; а чего неостанетъ, то обязаны доплатить макле- «ра-поручители. Впрочемъ, ошибки и обманы со стороны «маклеровъ весьма рѣдко случаются. Въ должность макле- «ровъ избираются пожизненно, и единожды избранный мак- «леръ можетъ быть уволенъ по старости, по болѣзни, или

«по разстройству въ состояніи. Мѣсто его занимаетъ новыиъ маклеромъ. Маклерскія свидѣтельства, въ отношеніи къ пошлинѣ, ежегодно съ нихъ взимаемой, раздѣляются на три степени, высшую, среднюю, и низшую; а пошлина съ свидѣтельствъ, по отношенію къ мѣсту и предмету торговли, простирается отъ 1 до 150 рублей серебромъ. Число маклерскихъ свидѣтельствъ по всемъ городамъ, къ постанямъ и торжкамъ, ограничено закономъ, и маклерское мѣсто можетъ быть прибавлено въ такомъ только случаѣ, если откроется гдѣ-нибудь новый торжокъ. Нынѣ во всемъ Китаѣ считается 177,872 маклерскихъ мѣстъ.»

Изъ этого уже видно, какъ сильна аристократія оптовыхъ торговцевъ, какъ она обезпечила свои пользы, какую могучую дала себѣ организацію и какъ безцеремонно обратила богдоханское правительство въ орудіе защиты своихъ выгодъ и безопасности своихъ оборотовъ. Если бы авторъ не искалъ европейства во всемъ китайскомъ, эта примѣчательная особенность тамошняго общественнаго устройства не ускользнула бы отъ его вниманія, и онъ бы могъ наказать много любопытнаго о поднебесномъ haut-commerce, который весь владѣетъ посредствомъ денежки. Количество процентовъ, взимаемыхъ маклерами по каждой вѣтви торговли, зависитъ отъ взаимнаго условія между торгующими, и не опредѣлено законами. Каждый маклеръ есть оцѣнщикъ, уравниватель цѣнъ и смотритель за злоупотребленіями мелкихъ лавочниковъ по своей торговлѣ. Хлѣбные маклера смотрятъ за мѣрами, всаами и добротою хлѣба, для выгоды оптовыхъ барышниковъ.

Капиталистовъ между купечествомъ много; есть и милліонеры. Къ этому разряду принадлежатъ соляные откупщики; ростовщики, или по выраженію автора, тщательно скрашивающаго китайщину европейскими цвѣтками — *банкиры* (!), содержатели *ссудныхъ* лавокъ; хозяева магазиновъ съ шелковымъ товаромъ въ Пекинѣ и другихъ большихъ городахъ; чайные торговцы въ Кантонѣ, и такъ далѣе.

Эти ростовщики, бичъ и срамъ Азіи, наряженные *банкирами* въ книгѣ и покровительствуемые богдоханскою казною въ Ки-

таъ, стоить особеннаго вниманія. Съ одной стороны они показываютъ рѣшительную систему книги, не раскрыть, а прикрыть Китай передъ читателемъ, не навѣстно для какой пользы; съ другой ту истину, что китайское правительство, слабое для добра, не совѣстится ни малѣйше наносить вредъ промышленности и государству, какъ-скоро видитъ въ томъ личную свою выгоду. Еще яснѣе видно это изъ поведенія его относительно къ купеческому мореходству. Въмѣсто того чтобы устроить военный флотъ, для содержанія купческаго въ безопасности и подчиненности, оно запретило торговое мореплаваніе!... «Съ того времени, какъ мятежничій флотъ, « въ началъ нынѣшней династїи составившійся изъ китай-
« скихъ купеческихъ кораблей, привелъ пекинскій дворъ въ
« большое безпокойство, морское судоходство, даже рыбо-
« ловное, стало крѣпко большими ограниченіями. Въ Манджурїи,
« покрытой дремучими лѣсами, дозволяется строить суда
« не длиннѣе тридцати двухъ футовъ, съ одною мачтою и
« безъ палубы. Въ губерніяхъ Жи-ли и Шаньдунъ строе-
« ніе судовъ и лодокъ совершенно запрещено. Далѣе на
« югъ, въ поморскихъ странахъ, купческіе корабли дозво-
« ляется строить двухмачтовые, но передній, то есть, носо-
« вый поперечный брусъ имѣть не длиннѣе осьмнадцати фу-
« товъ. Поперечный брусъ означаетъ ширину судна, и суд-
« но, имѣющее поперечный брусъ въ осьмнадцать футовъ,
« должно имѣть девяносто футовъ длины. На корабль, от-
« ходящемъ въ море съ товарами, дозволяется имѣть пу-
« шекъ не болѣе двухъ, ружей не болѣе осьми, тесаковъ и
« луковъ не болѣе десяти, пороху не болѣе тридцати ги-
« новъ. Судохозяева обязаны и ружья и пушки брать съ ка-
« зенныхъ заводовъ по билетамъ отъ мѣстнаго начальства.
« Каждый купческій корабль, при отъѣздѣ въ море, дол-
« женъ представить по себѣ поручительство десяти другихъ
« судохозяевъ, которые подвергаются ответственности за
« невозвращеніе отходящаго корабля. Всѣ эти предосторож-
« ности имѣютъ одну цѣль: чтобы не допустить южныхъ
« Китайцевъ составить изъ купеческихъ кораблей флотъ
« для содѣйствія инсургентамъ на сѣверъ, гдѣ народное воз-

« старіе противъ нынѣшнихъ завоевателейъ Китая почти
 « чрезъ каждые двадцать лѣтъ возобновляется. Нынѣшнее
 « правительство морской торговли Китая поощряетъ
 « собственную безопасность. Закономъ определено только
 « ежегодно отпущать въ Японію не болѣе тридцати кораб-
 « лей, изъ которыхъ семь назначаются для привоза казен-
 « ной мѣди, а шесть для кунеческихъ товаровъ ».

И вотъ государство образованное не по азіатскимъ, а по европейскимъ понятіямъ! Замѣчательно, что Турки, до греческой революціи, съ такимъ же европействомъ и съ того же цѣлью стѣсняли всячески у своихъ подданныхъ кунеческое мореходство, которое просвѣщенные правительства поощряютъ всеми мѣрами, но что, какъ въ Китаѣ такъ и въ Турціи, продажность чиновниковъ умѣла под-рукою уменьшить бѣду и обогащать государство на зло и вопреки и тому и другому правительству.

По заграничному привозу приходятъ въ Китай, изъ Европы, шерстяныя ткани въ разныхъ видахъ, карманные часы, зеркала и пушной товаръ, изъ Японіи красная мѣдъ для правительства, фарфоровая и лаковая посуда и трепанги, съ острововъ Южнаго Океана рыба, говядина, рачьи шейки сушенныя, красное и черное дерево, слоновый зубъ, мушкатные орѣхи, арекъ, гуммигутъ, желтый воскъ, хлопчатая бумага, малакское олово, золото въ песокъ, ласточкины гнѣзда, трепанги, черный горошчатый перецъ, изюмъ и виноградныя вина. Отвозные товары прежде были — чай и шелковыя издѣлія, но теперь въ Англію вывозятъ множество фарфоровой посуды, лаковыхъ издѣлій и разной кыландирны. Прекраснѣйшій китайскій фарфоръ, европейской формы, нынче въ Лондонѣ — за безцѣнокъ.

Въ отпускъ товаровъ за границу видны тѣ же мѣры предосторожности или страху, которыя соблюдаются при отпускъ купеческихъ кораблей въ море: къ вывозу запрещены оружіе, селитра, сыра горючая, мѣдъ, желѣзо, воловыя рога, шелкъ, шелковичные черви, китайскіе законы, географія и географическія карты. На китайскомъ купеческомъ кораблѣ, отходящемъ въ море, дозволено отпущать шелковыхъ тка-

ней не болѣе тридцати трехъ тюковъ, каждый во сто двадцать гиновъ, а шелку не болѣе тысячи двухъ сотъ гиновъ. Серебро строго запрещено къ вывозу, и вышняя торговля поэтому производится одною мѣною товаро́въ. Запрещеніе на ввозные товары ограничивается однимъ иностраннымъ оружіемъ и опиумомъ.

Поведеніе манджурскаго правительства относительно къ серебру ознаменовано высшею степенью хищничества и не-въжества. Извѣстно, что въ Китаѣ нѣтъ ни золотой ни серебряной монеты, и что серебро въ слиткахъ, старинный русскій рубль, введенный у насъ Монголами, замѣняетъ деньги. Серебро считаютъ на ланы, которые почти равны нашему фунту. Четверть такого лана или фунта серебра въ слиткѣ, по-татарски рубль, дала начало даже и слову нашему рубль. Китайское правительство въ платежахъ податей требуетъ непременно чистаго серебра въ слиткахъ, а само уплачиваетъ жалованье латунными жетонами, нанизанными на нитку, и немѣющимися почти ни какого внутренняго достоинства. Жетоны эти, или *чохи*, авторъ нашъ преобразуетъ въ медную монету, тогда какъ это просто — латунныя ассигнаціи. Закономъ положено равнять ланъ чистаго серебра тысячѣ медной монеты, и китайское правительство пользуется этимъ при выдачѣ войскамъ жалованья жетонами.

Бумажные, не деньги, а денежные ярлыки, находятся въ обращеніи въ каждомъ городѣ и даже въ каждомъ торговомъ мѣстечкѣ. Они выпускаются мѣнялами за ихъ печатью и ходятъ только въ томъ мѣстѣ, гдѣ существуютъ мѣняльныя лавки, давшія ихъ въ видѣ росписки въ принятіи слитковъ серебра для постепенной выдачи за него жетонами на расходы. Мѣнялы, по выдачѣ всѣхъ денегъ, написанныхъ въ ярлыкѣ, уничтожаютъ его. При минувшихъ двухъ династіяхъ Юань и Минь правительство выпускало такіе же ярлыки въ видѣ кредитныхъ билетовъ, но настоящая династія отмѣнила ихъ. Въ ростовскихъ лавкахъ, называемыхъ авторомъ банками, ростовщикъ, по книгѣ банкирь, даетъ также ярлыкъ для полученія суммы въ другомъ городѣ въ ростовской лавкѣ (банкль!), ему же принадлежащей, а переводовъ на посторонніе

банки (!) не бываетъ. Это—обычай всего Востока. Существуют и заемные ярлыки, и заемныя письма. Такой вексель выдается магазиномъ, лавкою или лицомъ: ^{нѣтъ} приложеніемъ своей печати, и обезпечивается вѣрнымъ ^{нѣтъ} залогомъ, или поручительствомъ магазина или лавки болѣе ^{нѣтъ} вѣрныхъ. Проценты для частныхъ займовъ, по мнѣнію ^{нѣтъ} гора, умѣрны: « въ Пекинѣ, на большую сумму не болѣе одного, на среднюю, двухъ процентовъ въ мѣсяцъ! Впрочемъ какъ займы и ссуды даются на различныхъ условіяхъ, то и проценты, смотря по условіямъ, различны. *Напримеръ заняшій 100, на условіи съ слѣдующаго дня начать уплату ежедневно по 1, платитъ не болѣе полу-процента въ мѣсяцъ, но только съ полной заемной сумы до конца уплаты.* Правительство ссужаетъ частныхъ людей за одинъ процентъ въ мѣсяцъ». Авторъ все это находитъ и скромнымъ и законнымъ!...

Серебро и жетоны, какъ ходячія монеты, при недостаткѣ въ томъ или другомъ, взаимно имѣютъ вліяніе на курсъ свой. Весною и осенью при взносѣ поземельнаго оброка въ казну, курсъ на серебро поднимается во всемъ государствѣ; потому что земледѣльцы за свои произведенія на рынкахъ получаютъ жетоны, а оброкъ обязаны вносить серебромъ. Въ Пекинѣ въ тотъ мѣсяцъ, когда жалованье войску выдается жетонами, курсъ на серебро также повышается; въ противныхъ случаяхъ — наоборотъ. Война съ Англіею возвысила курсъ на серебро пятидесятью процентами. Денежный курсъ — одна изъ регалій китайскаго высшаго купечества, одно изъ сильнѣйшихъ средствъ его самовластно обирать карманы Поднебесья по своему усмотрѣнію. Каждое значительное мѣсто имѣетъ свой курсъ на серебро; въ каждомъ мѣстѣ назначается онъ маклерами мѣняльнаго сословія. Всѣ эти маклера имѣютъ сборное мѣсто, гдѣ каждый изъ нихъ занимаетъ особливую комнату со столомъ и вѣсками. Мѣнялы поутру приносятъ серебро, и, свѣсивъ, оставляютъ у нихъ. Повѣренные отъ лавокъ, въ то же время приходятъ къ маклерамъ объявить, кто сколько желаетъ вымѣнять серебра на жетоны, на дневной оборотъ, и уходятъ. Около десяти часовъ маклера, собравъ требованія серебра съ требованіемъ жетоновъ, уста-

новляютъ курсъ того дня. Около полудня повѣренные получаютъ отъ маклеровъ нужное имъ количество размѣнныхъ пластинокъ латуни и относятъ ихъ въ лавки. Все это дѣлается на слово, безъ писинокъ, какъ и повсюду на Востокъ, гдѣ также мѣнялы, *сиррафъ*, считаются коммерческими тузами и управляютъ торговлей. Въ южномъ Китаѣ ходятъ испанскіе піастры, но китайское правительство никогда не принимало ихъ въ казну; и нынче Англичане, для уплаты пошлины, переливаютъ европейскую серебряную монету въ слитки у китайскихъ литейщиковъ, которые за пробу серебра подлежатъ ответственности. Кромѣ піастровъ, другой иностранной монеты не видно.

Серебро строго запрещено къ вывозу за границу; золото слишкомъ дорого противъ европейской цѣны и рѣдко, и оно только въ издѣліяхъ вывозится. Количество прочихъ металловъ, извлекаемое изъ рудниковъ, едва достаточно для мѣстнаго потребленія. Жетоны не имѣютъ внутренняго достоинства, и ни къмъ не вывозятся. Переливать жетоны въ издѣлія нѣтъ никакой выгоды, но, вмѣсто переливанія, въ южномъ Китаѣ, отливаютъ жетоны вѣсомъ въ половину легче казенныхъ.

Изъ государственныхъ доходовъ, чего нерасчитать мандарина, то обращается преимущественно на непосредственныя выгоды ихъ пріятелей, оптовыхъ торговцевъ. Отсюда единственно и происходитъ заботливость китайскаго правительства о водяныхъ сообщеніяхъ.

Западная половина и сѣверные предѣлы Китая переплетены кряжами горъ; усиливаясь таяньемъ снѣговъ и дождями, рѣки въ лѣтнее время заносятъ тамъ многія мѣста пескомъ, или прорываютъ плотины и разливаются по равнинамъ. При ежегодной починкѣ плотинъ и гатей, и прочищиваніи руслъ, правительство значительныя работы исправляетъ само, а прочія, касающіяся болѣе выгодъ земледѣлія, возлагаетъ на мѣстныхъ жителей въ видѣ земской повинности. Малые каналы, особенно для орошенія полей, или для спуска излишнихъ водъ, поддерживаются мѣстными же жителями. Ежегодное прочищиваніе Хлѣбнаго Кана-

да и починка плотинъ Желтой Рѣки производится правительствомъ. Въ 1843 году починка прорванной плотины на Желтой Рѣкѣ стоила около 35,000,000 рублей серебромъ. Но авторъ вѣроятно ошибается въ этомъ итогѣ, на который можно было бы построить желѣзную дорогу черезъ весь Китай, или вырыть новую Желтую Рѣку, при дешевой наемной платы въ томъ краю. Правда, что мандарины Желтой Рѣки, самые умѣренныя изъ всѣхъ, удерживаютъ въ свою пользу изъ расходныхъ суммъ только семьдесятъ процентовъ: по этому умѣренному разсчету починка плотины въ 1843 году стоила бы настоящимъ образомъ только 10,000,000 рублей серебромъ, но и эта сумма невѣроятна. Морскія плотины въ Дзянь-нань и Дже-дзянь, нѣкогда устроенныя для выгодъ земледѣлія, по обширности своей поддерживаются правительствомъ, не только изъ хозяйственныхъ суммъ. Проселочныя дороги съ мостами починиваются земскою повинностью, а большія правительствомъ. Малые перевозки содержатся частными людьми, а большіе правительствомъ. Работа по малымъ дорогамъ, по побочнымъ каналамъ и рѣчнымъ берегамъ, производится вся наймомъ, подъ надзоромъ мандариновъ, а съ мѣстныхъ жителей, вмѣсто повинности натурою, собираютъ деньгами.

На ежегодныя починки плотинъ и прочищеніе рѣкъ и каналовъ въ большомъ размѣрѣ, исключая приморскихъ плотинъ, собирается особенный налогъ серебромъ въ тѣхъ намѣстничествахъ, гдѣ лежатъ эти водяныя сообщенія. Если этихъ сборовъ не достаточно, то заимствуютъ изъ государственныхъ доходовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ежегодныя водяныя работы опредѣлены извѣстныя суммы; въ другихъ, гдѣ ничего не назначено, употребляютъ остатки отъ окладныхъ суммъ. Предохранительныя водяныя работы по рѣкамъ Яшъ-дзыгъ и Хань, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправляются на счетъ казны, а въ прочихъ на счетъ мѣстныхъ жителей. Починка мостовъ и исправленіе большихъ дорогъ производится по распоряженію намѣстниковъ. «Хорошихъ дорогъ мало; даже большія дороги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно по глинистой почвѣ, въ дожд-

«ливое время трудны для проѣзду. Только дороги, лежа-
 «шія по твердому грунту и проложенныя чрезъ каменные
 «горы, находятся въ хорошемъ состояніи. Торговля сооб-
 «щенія наиболее производятся водяными путями; и потому
 «правительство болѣе обращаетъ вниманіе на очищеніе
 «каналовъ и починку плотинъ, нежели на исправленіе боль-
 «шихъ дорогъ. Въ южномъ Китаѣ почти не знаютъ гуже-
 «вой перевозки тяжестей. Дороги по большей части земля-
 «ныя, а ширина ихъ не опредѣлена закономъ и зависитъ
 «болѣе отъ мѣстоположенія. Особеннаго устройства на нихъ
 «не видно, а только поддерживаются для свободнаго со-
 «общенія однихъ мѣстъ съ другими.

«Только по Хлѣбному, иначе Ханскому Каналу, ходятъ
 «суда въ шестьдесятъ тоннъ груза; но къ тому времени
 «какъ надобно ити караванамъ, части канала, *искусствомъ*
 «*устроенныя* (?), наполняются водою изъ боковыхъ рѣчекъ
 «и ключей, нарочно для сего проведенныхъ въ него; а для
 «удержанія воды построены въ нужныхъ мѣстахъ глухіе
 «шлюзы, при которыхъ кладъ съ судовъ перегружаютъ на
 «другія суда. По сей причинѣ отъ Дзи-нанъ-фу до Ханъ-
 «джоу-фу для сплавки казенныхъ тяжестей находится 112
 «каравановъ, въ коихъ на 5,939 судахъ ежегодно служатъ
 «238 офицеровъ и 54,000 военнопашцевъ. По прочимъ ка-
 «наламъ ходятъ большія лодки. Берега *искусственныхъ* (?)
 «каналовъ и плотины по ихъ берегамъ вообще земляныя.
 «Одни только шлюзы и водоспуски построены изъ *гранита*
 «*(?)*. Глубина Хлѣбнаго Канала, до четырехъ футовъ,
 «считается достаточною для прохода китайскимъ судамъ,
 «вообще плоскодонныхъ. Ширина *искусственныхъ* (?) кана-
 «ловъ отъ десяти до двадцати русскихъ сажень.

«Казенныя сплавныя суда имѣютъ восемьдесятъ футовъ
 «длины, пятнадцать ширины, киль пятьдесятъ девять футовъ,
 «или девяносто футовъ длины, шестнадцать съ половиною
 «ширины, киль въ семьдесятъ футовъ. Срокъ плаванія ихъ
 «ограничивается десятию годами. Это рѣчныя казенныя су-
 «да. На каждое такое судно полагается четыреста мѣшковъ
 «хлѣба, что составляетъ около сорока пяти тоннъ; сверхъ-

всего, на каждомъ суднѣ дозволяется солдатамъ везти сто-
 лятьдесятъ мѣшковъ произведеній своего мѣста, что со-
 ставляетъ около пятнадцати тоннъ. Купеческія суда самыя
 «большія, морскія, двухмачтовые, по уложенію, имѣютъ
 «поперечный носовой брусъ не длиннѣе осьмнадцати фу-
 товъ; если приложить къ сему числу дождевыя стоки, то
 «судно получить до тридцати футовъ ширины. Поперечный
 «носовой брусъ опредѣляетъ ширину китайскихъ кораблей
 «и судовъ. Гѣчныя купеческія суда имѣютъ носовой брусъ
 «отъ шести до шестнадцати футовъ. Слѣдовательно самыя
 «большія купеческія суда могутъ вмѣщать не болѣе осьми-
 «десяти тоннъ.

«Въ тѣхъ мѣстахъ сѣвернаго Китая, гдѣ нѣтъ водянаго
 «сообщенія, для перевоза тяжестей употребляютъ лошадей,
 «лошаковъ, ословъ и быковъ въ совокупности; потому что
 «подъ тяжелымъ возомъ бываетъ отъ трехъ до семи скот-
 «тинъ. Въ оглобли впрягается сильная лошадь, лошакъ или
 «быкъ, а прочія скотины идутъ на длинныхъ пристяж-
 «кахъ. По труднымъ горнымъ дорогамъ сей же скотъ, кро-
 «мѣ быковъ, употребляется подъ вьюки. По сѣверной гра-
 «ницѣ много употребляютъ и верблюдовъ, пригоняемыхъ
 «изъ Монголіи. Въ южномъ Китаѣ, при обширности водяна-
 «го сообщенія, только въ одномъ мѣстѣ находится волокъ,
 «а именно чрезъ хребетъ Юй-линь, чрезъ который, по не-
 «кнѣннѣю скота, всѣ тяжести переносятся людьми на коро-
 «ромыслахъ и рычагахъ.»

Продажа соли принадлежитъ правительству. Ежегодное
 потребленіе соли авторъ полагаетъ въ 96,000,000 пудъ. Изъ
 этого видно, что или контрабанда солью неизмѣрна, или
 соляныя мандарины ужасно обкрадываютъ великаго хана,
 или народонаселеніе далеко не такъ значительно, какъ вы-
 числялъ почтенный авторъ, потому что менѣе тридцати фун-
 товъ соли въ годъ никакъ нельзя полагать круглымъ числомъ
 на человека, принявъ въ расчетъ всѣ потребности и употреб-
 ленія, въ которыя соль входитъ. Но не видно, впрочемъ, на
 чемъ итогъ этотъ основанъ и откуда онъ почерпнуть. Довля
 соболей и сборъ дорогаго корня жиньшенъ принадлежать

дворцовому казначейству, въ известномъ количествѣ. Соль китайская — выварная изъ морской воды и изъ соляныхъ ключей. Морская готовится по всему восточному берегу казенными солонниками, которые платятъ правительству подушное отъ шестидесяти до ста двадцати копѣекъ серебромъ и отъ пятнадцати до сорока фунтовъ соли съ души; сверхъ того, небольшую подать съ земли, на которой соль вывариваютъ, и акцизъ съ каждаго котла, въ которомъ соль готовится. Всю вываренную соль правительство беретъ себѣ по указной цѣнѣ. Откупщики платятъ казнѣ за билеты, по которымъ получаютъ соль изъ казенныхъ магазиновъ, акцизъ за каждый кулъ соли и пошлину при проходѣ черезъ нѣкоторые таможи. Соль должны они продавать въ известныхъ мѣстахъ, не переступая межи, по цѣнѣ, утвержденной для каждаго мѣста. Всылаются имъ отъ правительства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверѣ употребляютъ соль ископаемую и самосадку: за нею съ мѣстныхъ жителей собирается денежный оброкъ, причисленный къ поземельному сбору. Откупщики избираются произвольно, безъ торговъ, мандаринами, изъ богатѣйшихъ купцовъ: можно себѣ представить, какія злоупотребленія происходятъ отсюда. Но это показываетъ опять, какъ сильна купеческая аристократія, въ пользу которой правительство принуждено терпѣть такой убытокъ въ своихъ доходахъ. Для каждаго мѣста назначено известное годовое количество соли, разумѣется по стачкѣ между богатѣйшими купцами и мандаринами.

Не имѣя почти внешней торговли, Китай, государство образованное, не по азіатскимъ, а по европейскимъ понятіямъ, долженъ былъ бы, кажется, не знать въ предѣлахъ своихъ таможенъ. Но къ несчастію, и здѣсь, по этой капитальной статьѣ, мы встрѣчаемъ Востокъ въ полномъ смыслѣ и во всей силѣ. Государство прорѣзано *внутри* множествомъ произвольныхъ таможенныхъ чертъ, на которыхъ взимаютъ пошлину со всего, съ крайнимъ невѣжествомъ пользы внутренней промышленности, съ варварскимъ безчувствіемъ къ народному и государственному благосостоянію. Чѣмъ дальше идетъ вещь

для издѣліе отъ мѣста произведенія или точки выхода своего, тѣмъ болѣе пошлина на нихъ вырастаетъ и, слѣдовательно, тѣмъ дороже они обходятся или становятся. Китай, въ этомъ отношеніи, даже перещегооляя всю остальную Азію, гдѣ внутреннія линіи таможенъ преслѣдуютъ повторительными пошлинами только иностранные товары. Зѣсь, напротивъ, установлены пошлины со всего:

- 1) пошлины съ одѣянія;
- 2) пошлины съ съѣстныхъ вещей;
- 3) пошлины съ употребительныхъ вещей;
- 4) пошлины съ мелочныхъ вещей;
- 5) пошлины съ продажнаго скота;
- 6) пошлины съ мѣры купеческихъ кораблей и судовъ.

Проезжіи платитъ пошлину за все что при немъ есть, торговецъ со всѣхъ произведеній земли и промышленности.

«Въ Пекинѣ въ атласѣ и газяхъ мѣра ткани на одинъ кафтанъ считается цѣлымъ кускомъ, а мѣра на три курмы считается двумя кусками, даже если бы и не достало сколько-нибудь. Въ прочихъ шелковыхъ тканяхъ двадцать четыре фута считаются однимъ кускомъ; остатокъ отъ конца причисляется къ слѣдующему куску. Тридцать футовъ бумажен и цзяньчи считаются кускомъ. Готовыя платья не подлежатъ пошлинѣ.

«Въ прочихъ таможенныхъ считаютъ:

«а) *Ломовыми телѣгами*, полагая въ ней извѣстный вѣсъ товара, или извѣстное число кусковъ, листовъ и прочая. Напримеръ въ Шапъ-дунѣ въ каждой телѣгѣ съ лекарственными, или съ сафраномъ, полагается 1000 гинновъ товара; телѣга съ сухою закваскою въ большихъ кускахъ вмѣщаетъ 600 кусковъ; телѣга съ красною бумагою изъ южнаго Китая вмѣщаетъ 20,000 листовъ.

«б) *Бунтами или тюками*, полагая въ нихъ извѣстный вѣсъ товара; напримеръ въ Сань-си тюкъ сафрана вѣситъ 500, тюкъ овечьей шерсти вѣситъ 100 гинновъ.

«в) *Ящиками*, полагая въ ящикѣ извѣстный вѣсъ товара; напримеръ ртути и киновари кладется въ ящикъ по 100 гинновъ.

«г) *Мѣшками*, полагая въ мѣшкѣ извѣстный вѣсъ товара; напримеръ, мѣшокъ мускусу вѣситъ 30, мѣшокъ волосъ изъ конскаго хвоста 160 гинновъ.

« д) *Бочками*, полагая въ бочкѣ извѣстный вѣсъ жидкости; на-
 « примѣръ бочка съ масломъ изъ мелисы вмѣщаетъ 500 гиновъ
 « сей жидкости; большая бочка съ хлѣбнымъ виномъ вмѣщаетъ
 « 600, полубочка 300 гиновъ вина.

« е) *Коробьями*, полагая въ коробѣ извѣстный вѣсъ товара; на-
 « примѣръ коробъ съ тушью содержитъ въ себѣ 100 гиновъ се-
 « го товара.

« А чтобы показать, какъ велики пошлины, здѣсь представ-
 « ляется сборъ съ вѣкоторыхъ товаровъ въ двухъ таможнякъ по
 « сухому пути, въ двухъ по хлѣбному каналу и акцизный сборъ
 « въ крѣпости Дзюй-юнь.»

Авторъ даетъ намъ подробные образчики тарифовъ раз-
 ныхъ мѣстъ и списокъ таможенныхъ заставъ, изъ кото-
 раго оказывается, что государство угнетено не меньше какъ
 двадцатью четырьмя внутренними таможенными линиями. До-
 бро бы еще эти пошлины и эти стѣсненія свободнаго движе-
 нія доставляли значительный доходъ казнѣ на государствен-
 ныя потребности и народныя выгоды; а то самое устрой-
 ство таможенной части показываетъ, что все здѣсь обдума-
 но и установлено для обогащенія мандариновъ, для угнетенія
 мелкихъ торгашей и частныхъ путешественниковъ, и для
 обезпеченія барышей богатаго купечества, передъ которымъ
 всѣ китайскіе законы покорно преклоняютъ голову. Чита-
 тели этой книги съ необыкновеннымъ трудомъ стануть раз-
 дѣлять удивленіе ученаго автора благоустройству и законо-
 дательной мудрости Поднебесья, узнавъ, что *въ каждой*
таможни есть свой тарифъ, и что таможеннымъ такого-то
мѣста предписано собрать въ годъ пошлины столько-то, съ
 представленіемъ ихъ произволу, съ кого брать, а съ кого
 не брать, въ случаѣ излишка, и сколько съ чего брать, въ
 случаѣ недочету, потому что недоборъ они должны допла-
 чивать изъ своего кармана; а съ мандаринами спорить не-
 возможно: жалоба частнаго человѣка, нечиновнаго, на ман-
 дарина, никогда не находитъ себѣ ни правосудія ни покро-
 вительства, да и законы всѣ объ ябедѣ такъ написаны, что-
 бы отбить охоту у обиженныхъ къ подачѣ жалобъ и тяж-
 бѣ. Не говоря уже о недостаточности доказательствъ, ко-
 торой оцѣнка предоставлена совершенно продажному мнѣ-

нiю судьбъ, всякое преувеличенiе обиды въ жалобѣ наказывається какъ самое взываемое преступленiе; кто писалъ или сочинялъ прошенiе, наказывається какъ соучастникъ этого преступленiя; даже кто *разсуждалъ вслухъ* о чужой обидѣ, наказывається какъ *соумышленникъ*.

Мало того, что съ вась, безвиннаго проъзжаго, — потому что купца отъ не купца отличить невозможно, особеннаго купеческаго сословiя нѣтъ въ Китаѣ, и всякой по мандаринскому произволенiю, можетъ быть признанъ купцомъ, всякая вещь товаромъ, — мало того, что съ вась берутъ пошлину за что хотять: на каждой таможенѣ вы должны еще купить себѣ ея *печатный мелкими буквами тарифъ* и заплатить за него полтинникъ серебромъ, такъ, что, проѣхавъ весь Китай, черезъ двадцать четыре линiи таможенъ, вы, ничега при себѣ не имѣя, за одни тарифы заплатите двѣнадцать рублей серебромъ, если не поладите съ мандаринами. Взглядъ ученаго автора на эти китайскiя учрежденiя такъ любопытенъ, что мы должны привести и вопросъ и отвѣтъ его о благотѣльныхъ цѣляхъ и слѣдствiяхъ поднебесной таможенной системы.

«В. Пошлины взимаются ли просто для доходовъ государственныхъ, или для *поощренiя промышленности* одной области передъ другою, внутренней противъ внѣшней?

«О. Пошлины взимаются чисто для государственныхъ доходовъ, и раздѣляются на положительныя и надбавочныя, на прямыя и косвенныя. Положительными пошлинами называются тѣ, которыя утверждены были при первоначальномъ изданiи тарифа. Впослѣдствiи, по возвысившимся на все цѣнамъ, и пошлины были возвышены, но не перемѣною тарифа, а надбавкою. Сiи положительныя и надбавочныя пошлины должно назвать прямыми, потому что составляютъ чистый государственный доходъ. Къ косвеннымъ пошлинамъ причисляется: а) акцизный сборъ съ товаровъ, производимый въ нѣкоторыхъ городахъ на *содержанiе присутственныхъ мѣстъ*, (то есть, по просту — въ пользу мандариновъ) или для прикрытiя мѣстныхъ общественныхъ издержекъ; на примѣръ въ губернiяхъ Дзянь-

«су, Апьхой, Дже-дзянь и Ху-бэй производится на почин-
 «ку плотинъ; б) сборъ пошлинь съ одного амбалажа, не ка-
 «саясь товаровъ; в) береговой сборъ съ судовъ; г) сборъ съ
 «риса и пшеницы водою привозимыхъ; д) сборъ съ крепостей
 «и билетовъ на владнїе судами, и е) сборъ съ судовыхъ
 «канатовъ, и прочая. Для предупрежденія злоупотребленій
 «въ таможняхъ, количество годовыхъ пошлинь и положитель-
 «ныхъ и надбавочныхъ опредѣлено закономъ. Предписывается
 «только собрать нѣсколько болѣе противъ опредѣленнаго, а
 «недостатокъ директоры (!) обязаны пополнять собствен-
 «ными деньгами. Правительство наиболее поощряетъ про-
 «изводящую и частію обрабатывающую промышленность, а
 «это поощреніе заключается въ непосредственномъ надзорѣ (!?!).
 «Промышляющая промышленность находитъ себѣ большое
 «поощреніе въ свободѣ, каторою пользуется внутренняя тор-
 «говля въ Китаѣ.»

Прекрасна свобода съ двадцатью четырьмя линіями тамо-
 жень и съ такими хищниками каковы мандарины!... Одна-
 ко жъ, торговля и промышленность процвѣтаютъ и дви-
 жутся свободно. Это — фактъ. Какъ?... Да такъ; потому
 что мандариновъ сравнительно съ народонаселеніемъ очень
 мало, какъ для удержанія контрабанды, такъ и для по-
 ошрений (!) непосредственнымъ надзоромъ, и что, съ мудро-
 стью змѣи и хитростью кошки, при волшебномъ дѣйствиі
 взятки на восточныя сердца, Востока даже и не примѣтно
 на Востокъ и Китая нѣтъ въ Китаѣ.

И лучшимъ доказательствомъ этой истины служить ни-
 чтожность результата такого множества таможенныхъ ли-
 ній, такой массы стѣсненій, такого богатаго рудника пово-
 довъ къ придирамъ. Весь таможенный сборъ вычисленъ
 авторомъ въ 4,000,000 ланъ серебра, чтѣ представляетъ,
 по числу народонаселенія, едва шесть копѣекъ серебромъ
 съ души, и, въ общемъ бюджетѣ, едва одиннадцатую часть
 всего государственнаго доходу. И изъ шести копѣекъ столь-
 ко хлопотъ! столько преградъ! столько неудобствъ!... Даль-
 новидность Синяго Дракона совсѣмъ не велика. Для оцѣн-
 ки этихъ шести копѣекъ довольно вспомнить, что, во Фран-

ціи напрымѣрь, казна взываетъ, посредствомъ таможеннаго сбора до десяти франковъ (двухъ съ половиною рублей серебромъ) съ души. Вотъ впрочемъ списокъ всѣхъ статей государственнаго дохода Китая.

« Подушный сборъ съ 28,926,067 душъ, записанныхъ въ окладъ въ 1711 году простирается до 3,182,000 лан. сер.
 « Поземельный сборъ простирается до 26,500,000 — —
 « Сборъ съ выварки и продажи соли 7,480,000 — —
 « Пошлины съ товаровъ 3,848,000 — —
 « Налоги разныхъ именованій 2,300,000 — —
 « Сборъ хлѣбомъ до 4,100,000 мѣшковъ.
 « Мѣшокъ хлѣба оцѣнивается въ ланъ серебра: слѣдовательно чистый государственный доходъ простирается до 44,000,000 ланъ, что составляетъ около 1,000,000 пудъ серебра. Въ этотъ счетъ не входятъ разные акцизные сборы и деньгами и вещами».

Въ Китаѣ, когда новая династія водворяется, она считаетъ долгомъ издать и законы новые, съ тѣмъ чтобы они были неизмѣнны и вѣчны, однако эти неизмѣнные законы мало-по-малу измѣняются посредствомъ дополнительныхъ постановленій, издаваемыхъ каждымъ богдоханомъ. Налоги и подати, по ученію китайской сапиенціи, должны также быть постоянны и неизмѣнны. При воцареніи пынъшней маньджурской династіи Цинъ, — что по-китайски значитъ *Чистые*; и тибетское слово *маньджу* значитъ тоже *Чистые*; такъ-что слова «Цинъ» и «Маньджу», составляютъ переводъ одинъ другаго, — при водвореніи въ Китаѣ настоящей династіи Цинъ, подати и налоги были также опредѣлены при первоначальномъ составленіи законовъ. «Впослѣдствіи постепенное возвыщеніе цинъ на все требовало неминуемой надбавки налоговъ, что по-временамъ и производилось *подъ разными предлогами, съ крайнею осторожностью и умеренностью, дабы не произвести неудовольствій въ народъ, которому съ дѣтства въ учебникахъ твердятъ, что возвышеніе податей и налоговъ противно правиламъ мудраго правленія, и что сынъ неба какъ отецъ подданныхъ по доболію къ нимъ, долженъ употреблять государственные доходы съ крайнею бережливостью.*»

Любопытны очень эти *предлоги* и средства этой *крайней остро-рожности*, придумываемыя Чистыми для возвышенія податей: напимръ, номинальное число наложенныхъ фунтовъ серебра остается всегда одно и то же и фунтъ въсомъ остается тотъ же. Какъ же взять болѣе того что однажды наложено? Очень просто: обвѣсить вносящаго подать! Это натуральное средство и употребляетъ казна великаго хана. Она безъ церемоніи *обвѣшиваетъ*. Но ученый авторъ, находя удовольствіе тщательно прикрывать всѣ манджуро-китайскія дикости, утверждаетъ, что она только *надвѣшиваетъ*. Оно учтивѣе, но результатъ тотъ же: все-таки свѣсятъ серебро ваше и хлѣбъ вашъ такъ, чтобы изъ трехъ взыскиваемыхъ фунтовъ вышло настоящихъ четыре. «Статьи государственныхъ доходовъ, бывъ единожды установлены при первоначальномъ составленіи законовъ, остаются неизмѣнными. Подати состоятъ въ подушномъ и поземельномъ окладѣ, двухъ, постоянныхъ источникахъ государственнаго дохода. Къ налогамъ принадлежатъ:

«*Надѣсь* на окладные серебро и хлѣбъ;

«Таможенныя пошлины;

«Сборъ съ билетовъ на распродажу соли;

«Сборъ съ билетовъ на распродажу чая;

«Сборъ съ билетовъ, выдаваемыхъ на нѣкоторыя торговля заведенія въ городахъ.

«Сборъ съ билетовъ на приискъ золота въ россыпяхъ;

«Акцизный сборъ съ добываемыхъ металловъ;

«Окладной сборъ съ рыбныхъ ловлей;

«Разныя мелочныя пошлины.

«Акцизный и пошлинный сборъ, производимый для покрытія мѣстныхъ общественныхъ расходовъ, какъ то содержаніе канцелярій при судебныхъ мѣстахъ, и прочая.»

Авторъ полагаетъ, что богдоханская казна принимаетъ не болѣе полтора рубля серебромъ съ десятины доходной земли въ видѣ поземельныхъ. Наемная цѣна земли и цѣна рабочаго дня не приведены имъ въ извѣстность въ *государственномъ* хозяйствѣ Китая, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ не вездѣ одинаковы. Но предлогъ этотъ не оправданіе. До-

вольно было показать въ одномъ мѣстѣ цѣну дня работы, показавъ въ то же время цѣну хлѣба, мяса, соли, дровъ, одежды въ этомъ же мѣстѣ: пропорція была бы извѣстна, а пропорціи только и нужно знать въ *государственномъ* хозяйствѣ. Нисшую цѣну земли авторъ находитъ тяжкою, и въ примѣръ выставляетъ то, что въ *окрестностяхъ Пекина* платятъ въ годъ до 25 рублей серебромъ за десятину хорошей земли. Что собственно значать здѣсь *окрестности* и что на этой десятинѣ разводится, этого нельзя знать. Въ *окрестностяхъ* Петербурга платятъ 150 и 200 рублей серебромъ въ годъ за десятину земли подъ огороды, и нерѣдко возлѣ этихъ дорогихъ десятинъ лежатъ цѣлыя сотни десятинъ превосходной земли, пустопорожнія и нетронутыя, которыя охотно отдали бы въ наемъ за десять цѣлковыхъ и которыхъ не берутъ, даже и не спрашиваютъ. *Окрестности* — такое неясное слово, особенно въ этомъ случаѣ, что оно ничего не рѣшаетъ.

Государственные расходы Китая авторъ заключаетъ въ двѣнадцать статейхъ:

I. Издержки на жертвоприношенія, закономъ опредѣленныя.

II. Жалованье гражданскимъ чиновникамъ и содержаніе канцелярскихъ служителей.

III. Столовые деньги гражданскимъ чиновникамъ.

IV. Жалованье войскамъ зеленого знамени, производимое серебромъ и рисомъ.

V. Столовые деньги офицерамъ зеленого знамени.

VI. Содержаніе войсковыхъ канцелярій зеленого знамени.

VII. Жалованье маньжурскимъ гарнизонамъ, производимое серебромъ и рисомъ.

VIII. вспоможеніе знаменнымъ солдатамъ въ губерніяхъ на совершеніе браковъ и похороновъ.

IX. Содержаніе почты (*ямовъ?*).

X. Содержаніе богадѣленъ и воспитательныхъ домовъ.

XI. Содержаніе училищъ.

XII. Разные неопредѣленные расходы, простирающіеся ежегодно до 400,000 ланъ серебра.

Все расходы по двѣнадцати статьямъ, по отчетамъ 1812 года, простирались до 27,070,185, а расходы на жалованье князьямъ, чиновникамъ и на содержаніе войскъ въ столицѣ до 6,000,000 ланъ серебра. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что бюджетъ китайскій представляетъ не только равновѣсье въ итогахъ, философскій камень финансовъ, тщетно отыскиваемый въ Европѣ съ давняго времени, но еще и значительный остатокъ доходовъ въ экономіяхъ, которыя авторъ называетъ *хозяйственными суммами*. Это не совсемъ похвально. Государство китайское не по европейскимъ понятіямъ образовано даже и въ такой простой вещи какъ передержка въ ежегодномъ балансѣ. Гдѣ каждая копейка, расходуемая государствомъ, обращается на пользу страны, что нужды когда концы не сходятся! Сдѣлать пользы болѣе нежели какъ есть средствъ — всегда полезно. Но *низко-кланяющіеся помощники* великаго хана никогда не поймутъ этого. Часть остаточныхъ суммъ, изъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ казначействъ посылается въ тѣ намѣстничества, гдѣ собственные сборы недостаточны для покрытія мѣстныхъ расходовъ; такъ, ежегодно посылается серебра:

	<i>ланъ.</i>
Въ Маньчжурію на жалованье чиновникамъ до	1,500,000.
Въ Хэ-нань на починку плотинъ по Желтой- рѣкѣ и Хлѣбному-каналу.	600,000.
Въ Или на ежегодное содержаніе войскъ. .	670,000.
Въ Тибетъ на содержаніе трехгодичныхъ гар- низоновъ	300,000.
Въ Юнь-нань на покупку мѣди для двухъ мо- нетныхъ или жетонныхъ дворовъ въ Пекинѣ .	1,000,000.
Въ Гуй-джѳу на покупку цинку и свинца для тѣхъ же жетонныхъ дворовъ.	290,000.

По части маньчжурской государственной-хозяйственной мудрости и ея благодѣяній на пользу народной дѣятельности, въ дополненіе къ двадцати четыремъ внутреннимъ таможеннымъ линіямъ, удивительно какъ способствующимъ свободному дви-

женію торговли, существуетъ еще законъ важный и любопытный, который не позволяетъ Китайцу трогаться съ мѣста. Но это — не законъ Чистыхъ, а коренной китайскій, пристокающій изъ понятій народа о святынѣ и нравственности, отличительное и основное учрежденіе Китая, угловой камень его вѣчности, его неподвижности и даже его спокойствія; черта неизвѣстная остальному Востоку. Поклоненіе предкамъ, святость родового кладбища, долгъ погребаться на немъ и обязанность исполнять тутъ же непреложные обряды траура, дѣлаютъ изъ Китайца прозябаемое, растущее вѣчнымъ кустомъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ выросла некогда первая его вѣточка. Крѣпостнаго права нѣтъ. Китаецъ не твердъ землѣ, но онъ твердъ родинѣ, онъ прикованъ къ ней цѣпью, болѣе или менѣе длинною, болѣе или менѣе удобною для движенія въ ту и другую сторону, но цѣпью священною и нерасторжимою, которая нерѣдко, изъ дальной отлучки, тащитъ его неодолимо къ могилѣ родителей, къ тѣнямъ предковъ, подъ завѣтную иву родового кладбища, въ минуту быть можетъ лучшихъ его начинаній, отважнѣйшихъ предпріятій, въ самый разгаръ его счастья или его честолюбія. Ударилъ часъ грустныхъ обрядовъ, и онъ долженъ все бросить, чтобы бѣжать на родину и смѣшать слезы свои съ прахомъ колѣнъ и лицъ, предшествовавшихъ его существованію. Законъ этотъ, кромѣ своей трогательности, не чуждъ благодатныхъ послѣдствій, для нравственности людей, и для тишины общества. Какъ средство обуздать непокойные или честолюбивые характеры, стремящіеся отвсюду въ главные центры общества чтобы смущать или потрясать ихъ своими происками, ничего замысловатѣе невозможно было бы придумать законодательнымъ геніемъ. Поклоненіе предкамъ — единственная религія Китайца, признанная закономъ, и, для этого, Китаецъ, гдѣ бы ни жилъ, въ спискахъ всегда числится на родинѣ. «Дѣйствительное переселеніе изъ одного мѣста въ другое «возможно не иначе, какъ съ дозволенія правительства и «притемъ подъ нѣвѣстными условіями. Изъ вновь прии- «сывающихся къ какому-нибудь селенію правительство до-

« зволяетъ вносить въ списки такихъ только, которые бо-
 « лѣе двадцати лѣтъ живутъ на этомъ одномъ мѣстѣ, имѣ-
 « ютъ осѣдлость и свое семейное кладбище. Чиновнику,
 « получившему отставку, нигдѣ не дозволяется жить, кро-
 « мѣ родины. Но если сынъ умершаго на службѣ чинов-
 « ника, имѣя въ другой губерніи недвижимую собствен-
 « ность, пожелаетъ поселиться тамъ, то дозволяется внести
 « его въ вѣдомости. Служащему чиновнику, желающему
 « приписаться къ какому-либо мѣсту, дозволяется это въ
 « такомъ только случаѣ, когда по предварительной справкѣ
 « окажется, что отецъ или дѣдъ его поселились на томъ
 « мѣстѣ назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ, и имѣютъ хозяй-
 « ственныя заведенія, и справка мѣстнымъ начальникомъ
 « представляется въ Пекинъ на разрѣшеніе. Что касается
 « до разночинцевъ, то даже никому не дозволяется ѣздить
 « въ Маньчжурію, кромѣ торговыхъ людей, да и тѣмъ запре-
 « щено приписываться тамъ, исключая давно поселившихся
 « и занимающихся хлѣбопашествомъ. Переселеніе Китай-
 « цевъ въ Монголію также ограничено закономъ, и кромѣ
 « прежнихъ землепашцевъ нынѣ никому не дозволяется ни
 « переселяться, ни вновь распахать земель въ Монголіи.
 « Китайское законодательство, для пресѣченія разныхъ по-
 « роковъ и преступленій, проистекающихъ отъ бродяжниче-
 « ства, всконя постоянно имѣло въ виду привязать каждого
 « къ своей родинѣ; но нынѣ *переселеніе Китайцевъ въ Мон-
 « голю прекращено болѣе по политическимъ причинамъ.*

Это показываетъ, что злоупотребленіе, невежество и без-
 « силъ маньжурское нашли-таки средство сдѣлать изъ хоро-
 « шаго закона бичъ страны, орудіе къ нищетѣ самаго много-
 « численнаго и важнаго класса, запретивъ хлѣбопашцамъ поль-
 « зоваться хорошою землею за предѣлами собственнаго Китая
 « подъ предлогомъ сохраненія въ нихъ религіознаго чувства
 « къ предкамъ и къ мѣсту ихъ упокоенія. Но взятка ввроят-
 « но исправляетъ и это неудобство. Взятка — рычагъ всего
 « добра и блага въ Китаѣ. Между-тѣмъ тотъ же самый за-
 « конъ служитъ основаніемъ, и правительству къ запрещенію
 « подданнымъ выходить въ чужіе края, и самымъ Китай-

цамъ — къ отвращенію ихъ отъ выходовъ за границу и отъ всего иностраннаго.

Но довольно о «государственномъ хозяйствѣ». Прибавимъ къ нимъ нѣсколько чертъ поднебесной юриспруденціи, и заключимъ разсужденіе о мнимомъ европеизмѣ этой отъявленной Азіи оставленіемъ подобной мечты въ покоѣ, вполне засуженномъ ею.

Главная идея уголовного и гражданского законодательства Китая — та же какъ другихъ восточныхъ законодательствъ, унять страсть къ ябедѣ строгостью судебного обращенія и съ истцомъ и съ обвиненнымъ, и этимъ принудить спорщиковъ къ миру, уменьшить число процессовъ, водворить согласіе. И истецъ и обвиненный прежде всего заключаются въ тюрьму, потому что если истецъ не докажетъ прописаннаго имъ въ прошеніи, то *самъ онъ подвергается тому наказанію, которое въ противномъ случаѣ слѣдовало бы обвиненному*. Если истецъ, подавъ прошеніе на противника, обвиняемаго въ преступленіи, бѣжить и не явится въ судъ къ сроку, то преступнику возвращается свобода, а истецъ, если будетъ пойманъ, наказывается какъ преступникъ. Жалобы принимаются только по личнымъ дѣламъ: какое бы ни было преступленіе, никто не имѣетъ права преслѣдовать преступника, если самъ онъ лично не пострадалъ отъ него. По личной обидѣ, если проситель введетъ въ жалобу свою постороннія лица, или преувеличитъ преступленіе, или обойдетъ инстанцію, то прежде всего наказывается онъ за эти страшныя вины, наказывается по-китайски, тяжело, жестоко, а потомъ уже приступаютъ къ разбору причиненной ему обиды. Если обида — общая, какъ напримѣръ при угнетеніи областей мандаринами, при сборѣ противозаконныхъ налоговъ, и такъ далѣе, жалоба должна быть принесена *всѣми* жителями селенія или города: отъ одного изъ обиженныхъ прошеніе не важно и онъ наказывается какъ ябедникъ. Во всякой обидѣ жалобу долженъ сочинять и писать истецъ лично, и даже самая мысль о жалобѣ не должна быть внушена ему другими: *сочиняющихъ жа обы другимъ предавать суду* (слова авто-

ра, II, 108); *подучающихъ другихъ къ подачу жалобъ предавать суду* (тамъ же). «Если истецъ вовсе не думалъ подавать жалобы, а другой со стороны внушилъ мысль и побудилъ его къ тому, то послѣдній считается зачинщикомъ, а истецъ его сообщникомъ. Если истецъ самъ вознамѣрился подать жалобу, а другой со стороны утвердилъ его въ намѣреніи, то послѣдній судится одинаково съ преступникомъ; если преступникъ приговоренъ къ смертной казни, то ябедникъ (тотъ, кто утвердилъ истца въ справедливомъ намѣреніи его жаловаться на преступленіе) наказывается *одною степенью ниже его* *. Кто со стороны судилъ только *о существѣ дѣла, а не научалъ подавать жалобы, тотъ судится легче ябедника* **».

Это невѣроятное законодательство, достойное дикарей, представлено очень важно въ числѣ мудрыхъ учрежденій, безъ всякаго замѣчанія объ его страшномъ варварствѣ. Какъ и по другимъ статьямъ, вы здѣсь видите только преувеличенную Азію. Духъ законовъ тотъ же, повсемѣстный азіатскій — личное преслѣдованіе вины обиженныхъ, а не оскорбленною общественною безопасностью, право возмездія, и явное намѣреніе воспрепятствовать подачу жалобъ. Мусульманское законодательство основано на тѣхъ же началахъ: но — какое сравненіе! — сколько оно образованнѣе и толковѣе китайскаго! Цѣли своей достигаетъ оно очень просто, отсутствіемъ всякихъ инстанцій, безъ выставки въ законѣ всѣхъ этихъ несправедливостей и жестокостей для устрашенія истцовъ, которыхъ оно не смѣшиваетъ съ ябедниками. Въ Китаѣ, напротивъ, цѣль

* Напримеръ: если преступникъ приговоренъ къ разрыванію на четыре части, то какъ ужъ снѣжной жестоко было бы разрывать на столько же частей и того бѣднаго, кто потерпѣвшему отъ преступленія и желающему подать жалобу сказалъ только — *верно, подавай* — законъ китайскій позволяетъ разрывать его не болѣе какъ на двѣ части, распилить по поламъ. Это называется — *состраданіемъ*, оказываемымъ отъ закона преступникамъ, по выраженію книги.

** То же отпизиваютъ одну голову, или, еще одною степенью ниже, то же назначаютъ въ ивѣную ссылку.

сохранена, и допущены инстанціи, какъ-будто для поощренія страсти къ ябдѣ, которую желаютъ пресѣчь въ самомъ корнѣ, въ чувствѣ обиды. Что же сказать о другихъ началахъ, о приложеніи закона? Приложение направлено — все, не въ пользу общества, даже не въ пользу обиженнаго, а въ пользу казны. Законъ позволяетъ виновному, отъ наказанія откупиться, какъ въ средніе вѣка въ Европѣ, взносомъ денежной пени, по тарифамъ; рассчитаннымъ съ соблюденіемъ той же безконечной постепенности, какая принята для наказаній. Отъ ударовъ по пятамъ можно откупиться очень дешево: по копѣечкѣ мѣдью за каждый изъ первыхъ десяти ударовъ; а тамъ — нѣсколько по-дороже. Отъ ссылки можно также откупиться, и, послѣ того какъ въ первой части книги положительно утверждается, что *всѣ Китайцы равны передъ закономъ*, во второй, на страницѣ 93, вы читаете: «Достаточные могутъ вносить искупъ, а недостаточные должны идти въ ссылку.» Хорошо равенство! Отъ смертной казни положенъ также искупъ, но не для всѣхъ равно, и не по одной цѣнѣ для всякаго, кому это право предоставлено. Для простолюдиновъ право это чрезвычайно ограничено. Напротивъ, оно распространено до крайности для людей получившихъ высшее образованіе, которые, кажется, по-справедливости, должны бы наказываться еще неумолимѣе чѣмъ невѣжды и непросвѣщенные преступники. Оно очень милостиво для грамотныхъ и чиновныхъ, для мандариновъ и ученыхъ, словомъ для всѣхъ, имѣющихъ право носить шарикъ на шапкахъ, и которыхъ авторъ неизвѣстно почему называетъ «благородными».

Вотъ главный тарифъ искупу. За вины, по которымъ приговариваются къ простой смерти, именно, къ удушенію, опредѣленному за смертоубійство въ ссорѣ и дракѣ, замѣняется это наказаніе принятіемъ въ казну богдохана искупа $12^{84}/_{100}$ ланъ серебра. «Полная вѣчная ссылка, положенная за случайныя поврежденія съ тяжелою болѣзнію, замѣняется вносомъ $10^{845}/_{1000}$ ланъ серебра. Полная временная ссылка, опредѣленная за поврежденія съ увѣчьемъ, замѣняется вносомъ $7^{27}/_{100}$ ланъ; за вину, заслуживающую

«двугодичную ссылку, вносится $5^{322}/1000$ лань; за вину, за «служивающую ссылку на годъ — $3^{548}/1000$ лань; за вину, «заслуживающую 100 ударовъ планкою — $1^{774}/1000$ лань; «за 80 ударовъ — $1^{428}/1000$ лань, за 50 ударовъ — $8^{87}/100$ «чинь, за 40 ударовъ $7^9/100$ чинь, за 30 ударовъ $5^{32}/100$ чинь, «за 20 ударовъ $3^{54}/100$ чина. Сверхъ сего, виновный платитъ «за лекарства для излеченія отъ поврежденій.

Чиновные, за вину, заслуживающую отсѣченіе головы и «удавленіе, вносятъ пожертвованіе:

Чиновникъ отъ перваго до шестаго класса . . .	12,000	лань.
Чиновникъ седьмаго и осьмаго класса	5,000	—
Чиновникъ отъ девятаго до двѣнадцатаго класса	4,000	—
Чиновникъ отъ тринадцатаго до осемнадцатаго		
класса, магистры и кандидаты	2,500	—
Студенты Педагогическаго Института (!?) . . .	2,000	—
Чиновникъ вѣнцассый	1,200	—

«За вину, заслуживающую вѣчную ссылку и ссылку въ гарни- «зонъ, каждый вноситъ искупа $\frac{6}{10}$; за вину, заслуживающую «временную ссылку, за освобожденіе отъ ношенія шейной колод- «ски и наказанія большою планкою $\frac{4}{10}$ противъ вышезложен- «наго пожертвованія за откупъ отъ смертной казни: но такіе не «смогутъ остаться при должности. Отъ наказанія планкою дозво- «ляется также откупаться, смотря по обстоятельствамъ преступ- «ленія. Искупъ этотъ дозволяется вносить просомъ или серебромъ, «какъ-то:

	За наказаніе боль- шою планкою.		За наказаніе малюю планкою.	
	Мѣшки.	Лань.	Мѣшки.	Лань.
Чиновники отъ перваго до шестаго класса	2,500	1,200	1,200	600
Чиновники седьмаго и осьмаго класса	2,000	1,000	1,000	500
Чиновники отъ девятаго до двѣнад- цатаго класса	1,600	800	800	400
Чиновники отъ тринадцатаго класса и ниже, магистры и кандидаты .	1,200	600	600	300
Студенты	400	200	200	100
Вѣнцассые	200	100	100	50

«Примѣчаніе. Прошенія о принятіи пожертвованія подаются «въ уголовную палату. Въ столицѣ срокъ для взноса ограниченъ

«однимъ мѣсяцомъ, въ губерніяхъ двумя мѣсяцами, считая со дня полученія бумаги въ уѣздномъ правленіи. Впрочемъ, задержаніе виновнаго не связывается помянутыми сроками. Кто ранѣе внесетъ пожертвованіе, тотъ ранѣе освобождается и отпущается на родину.»

Нужно было привести одну изъ этихъ невѣроятныхъ табличекъ для образчика, но остальное, конечно, не заслуживаетъ любопытства образованнаго читателя, въ которомъ китайская юриспруденція не можетъ возбудить ничего кромѣ отвращенія. Должно сожалѣть, что ученый авторъ не обратилъ своихъ изслѣдованій скорѣе къ исторической сторонѣ этихъ дикихъ установленій. Что они? произведеніе степной маньчжурской мудрости, законы династій Чистыхъ, или древніе китайскіе, болѣе или менѣе измѣненные новыми обладателями страны?

«Народное просвѣщеніе» Китая ни чуть не просвѣщеннѣе и не умнѣе *«государственнаго хозяйства»* и судебного законодательства этой блаженной страны, обожаемой нашею ученою книгою. Оно еще хуже, еще диче, еще безтолковѣе. Объ немъ мы уже имѣли случай говорить однажды довольно подробно по поводу другой книги того же автора, и не считаемъ необходимымъ шевелить вторично это особенное китайское европейство, направленное съ примѣчательнымъ искусствомъ къ полному затымѣнію разума.

✱

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДЕКАБРЬ, 1848.

НОВЫЯ КНИГИ.

Годъ, старый, годъ тревогъ и скорбей, кончается — годъ скончался — да заравствуется новый годъ! — съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! — къ вамъ мудрые читатели, являются съ поттаниемъ, отъ имени отечественнаго ума и искусства —

1. ВОСПОМИНАНІЯ О МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ ПАЦИОНѢ. *Сочиненіе Н. Сушкова. (Москва, 1848, въ-8., стр. 100).*

2. ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ. *Н. Срезневскаго. (СПбурзь, 1848, въ-8., стр. 100).*

3. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ВОЕННОЙ СТАТИСТИКИ. *Книжка вторая. Королевство прусское. Сочиненіе полковника Д. Милюткина. (СПбурзь, 1848, въ-8., стр. 300.)*

4. ИСТОРИЯ ЛОНИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, отъ убіенія Иппарха до смерти Милтіада. *Сочиненіе М. Куторги, ординарнаго профессора всеобщей исторіи въ Санктпетербургскомъ Университетѣ. (СПбурзь, 1848, въ-8., стр. 170.)*

5. РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ФОРМЪ И ПОРЯДКА ДѢЛПРОИЗВОДСТВА, составленное К. З. *(СПбурзь, 1848, въ-8., стр. 320.)*

6. НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ В. Жуковскаго. *(СПбурзь, 1849, два тома, въ-12.)*

Вотъ всѣ замѣчательнѣйшія книги вышшняго декабря мѣсяца; ихъ не много, совершенно какъ и въ другіе мѣсяцы, но — чего навѣрное ни вы, ни я, ни новый годъ не ожидали — всѣ эти книги отлично хороши, такъ хороши, что это просто — новое счастье... счастье не бывалое, счастье совершенно новогоднее... По случаю новаго года, когда торжественно возобновляется пошлое дѣло о счастьи, процессъ давно проигранный человѣчествомъ и вѣчно переносимый имъ въ слѣдующую высшую инстанцію новаго года, тѣ, которые вздыхаютъ о счастьи, которые не вѣрятъ въ счастье, которые боятся съ нимъ разсориться или примириться, всѣ мы, о читатели могли бы наконецъ спросить себя серьезно — что такое — счастье? Если бы мушкетеры древніе и новѣйшіе не написали столько книгъ о счастьи, если бы не было рѣшено, что, несмотря на эти книги, счастья нѣтъ на свѣтѣ, если бы, особенно, не существовало еще и *Русскихъ писемъ о счастьи*, которыя, какъ вы знаете, вышли въ свѣтъ такъ недавно, что едва мы съ вами успѣли ихъ забыть, я бы представилъ вамъ мое послѣднее опредѣленіе счастья. По мнѣ, счастье, это — мысль. Слова «мыслить» и «быть счастливымъ» я полагаю однозначными: но только, мыслить, не о себѣ, и не о своихъ дѣлахъ, а о комъ или о чемъ-либо другомъ, собственно до васъ не касающемся; о томъ, что называютъ «пустяками». Да, друзья мои! надо мыслить о пустякахъ. Это — основаніе счастья. Это — главное условіе всякой хорошей мысли. Безъ него, нѣтъ великихъ мыслей, нѣтъ мыслей настоящихъ. Кто мыслить о себѣ или о своихъ дѣлахъ, о происходящемъ вокругъ него, тотъ мыслить не умѣетъ: это называется — заботиться, ломать себѣ голову, страдать. Нѣтъ ужаснѣйшаго злоупотребленія мысли какъ мысль о себѣ, и объ относящемся къ этому *себѣ*, — она должна бы быть строжайше запрещена, — и нѣтъ высшаго наслажденія какъ мысль о томъ, что происходитъ внѣ насъ и безъ прямой связи съ нами. Если бы жизнь человѣческая, отъ колыбели до могилы, состояла изъ одной непрерывной мысли — о чемъ бы то ни было — хоть о бородѣ князя Берендея — вы бы и не замѣтили жизни: какое счастье!... Есть, конечно, на свѣтѣ люди несчастные, и даже въ большомъ количествѣ, только не тѣ, у которыхъ нѣтъ ни хлѣба ни денегъ, а именно и положительно тѣ, у кого нѣтъ во лбу ни одной мысли. Деньги! кусокъ хлѣба! — вотъ прекрасное основаніе счастья?... какая пошлость! Съ кускомъ хорошей мысли можно умереть съ голоду въ восторгѣ, въ такомъ полномъ и совершенномъ счастьи, съ какими никогда не умира-

ли гастрономы послѣ страсбургскаго пирога. Съ кускомъ мысли — не только хорошей, но даже и пустой, важной только тѣмъ, что она родилась въ вашей головѣ и вамъ нравится — ни горе, ни болѣзнь, ни нужда не сказываются. Съ кускомъ мысли можно каждый день объѣздить землю и небо, не трогаясь съ ора страданія, который становится ковромъ-самолетомъ, мягкимъ, пѣжнымъ, благоуханнымъ. Магометовъ рай, построенъ изъ кусочка мысли. Все счастье — отъ мысли, и всякая мысль — счастье. Голодь на мысль, отсутствіе мысли, безмысліе, называются скукою: вотъ ужъ подлинно — несчастье! Но не знаю, что хуже: ничего не мыслить, или мыслить о себѣ? Впрочемъ, оно — одно и то же. Доказано и несомнительно, что о себѣ или своихъ дѣлахъ мыслить только тѣ, у кого рѣшительно не объ чемъ мыслить. Между женщинами — много несчастныхъ: да кто же имъ виновать! Женщины всегда мыслятъ только о себѣ, о томъ, чего имъ хочется или что лично къ нимъ относится. Извольте, сударыни, размышлять о другомъ — о Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ съ Николаемъ Васильевичемъ Сушковымъ — о королевствѣ прусскомъ съ полковникомъ Милютинимъ — о древнихъ Славянахъ язычникахъ съ Изманомъ Ивановичемъ Срезневскимъ, о республикѣ афинской съ Михайломъ Степановичемъ Кутурговымъ, наконецъ, съ господиномъ К. З***, о формѣ и порядкѣ производства чужихъ дѣлъ, не заводя своихъ — и забудете о всякомъ горѣ, не вспомните о бѣдахъ роднаго дому и, что еще хуже, о паденіи бѣдной родной словесности, которая тоже была — вашъ домъ, любимый домъ, ваша надежда, ваше послѣднее утѣшеніе въ несчастіи, въ скукѣ; не станете заботиться ни объ чемъ, и почувствуете себя счастливыми. Пяти хорошихъ книгъ совершенно достаточно для счастья одного мѣсяца, хотя онѣ и не романы.

Воспоминанія Н. В. Сушкова исполнены сильнаго интересу: школьныя времена, времена невинности и надежды, всегда вѣжливы, и для нашей собственной памяти, и для воображеній тѣхъ, которые насъ слушаютъ; мы тутъ имѣемъ случай воскресить умершіе или уже умирающіе обычаи, вызвать изъ гробу дорогіе намъ и многимъ имена, уже приходившія въ забвеніе, объяснить юность и начало множества извѣстныхъ современниковъ нашихъ, возобновить память юныхъ талантовъ, блистательно засіявшихъ на одно мгновеніе и уничтоженныхъ вдругъ смертью или обстоятельствами. Это бывшее еще неключившееся, это настоящее уже совѣтъ прошедшее, заключаетъ въ себѣ воопредѣлительную прелесть волшебства и всегда увлекаетъ насъ

лю. Всё мы какъ-будто молодѣемъ, слушая такіе рассказы: развѣ это уже не счастье?...

Озеровъ, Мерзляковъ, Жуковский, Прокоповичъ-Антонскій, Тургеневы, Воейковъ, Родзянка, Свининъ, Дашковъ, Кайсаровъ, Магницкій, Петинъ, Саларевъ, Милоновъ, Мещевскій, цѣлые десятки именъ, интересныхъ въ различныхъ отношеніяхъ, являются поочередно въ «Воспоминаніяхъ» Н. В. Сункова и придаютъ этой книгѣ живѣйшую занимательность. Авторъ, пользуясь особенною дружбою къ нему Антонскаго, собралъ изъ его рассказовъ тѣ подробности, которыхъ самъ не былъ свидѣтелемъ, и значительную часть труда своего посвятилъ онъ жизни и дѣйствіямъ этого незабвеннаго наставника.

Вторая книжка «Первыхъ опытовъ военной статистики», господина полковника Милютина, можетъ назваться самымъ дѣльнымъ и самымъ любопытнымъ твореніемъ о Пруссіи, какое видѣлось вѣдъ Германіи. Устройство, средства и состояніе этого государства разсмотрѣны во всѣхъ отношеніяхъ съ провѣдательностью знающаго изслѣдователя и внимательнаго судьи. Послѣ прекраснаго обзорѣя страны съ географической, физической и политической точекъ зрѣнія, превосходныя страницы о народонаселеніи, исполнены любопытныхъ сближеній и соображеній, составляютъ, безспорно, лучшее на русскомъ языкѣ разсужденіе объ этомъ чрезвычайно важномъ и столь занимательномъ предметѣ статистики. Статья народонаселенія нашла себѣ въ Пруссіи неутомимыхъ и тщательныхъ разыскателей, и авторъ отлично воспользовался ихъ трудами, но не для того чтобы механически выписывать ихъ выводы, а чтобы употребить эти данныя какъ матеріалъ для своихъ собственныхъ разсужденій, свѣтлыхъ, здравыхъ, истинно наставительныхъ. Желая отдать должную честь таланту господина Милютина, и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать нашу похвалу, мы навѣрное доставимъ нашимъ читателямъ удовольствіе мыслить и быть счастливыми, обративъ вниманіе ихъ на начало этого прекраснаго изслѣдованія, принадлежащаго, не одной специальной цѣли книги, но всей статистической наукѣ, не одной Пруссіи, но всей Европѣ.

«Если бѣ могущество государствъ, говоритъ авторъ, измѣрялось просто численностью его народонаселенія, то Пруссія не могла бы мѣряться съ первостепенными державами и занимала бы только мѣсто второстепенное въ политической системѣ Европы. Ея 16,000,000 жителей составляютъ не болѣе какъ 0,4 ($\frac{2}{5}$) противъ Австріи и Франціи, менѣе 0,6 ($\frac{3}{5}$) противъ

« великобританскихъ владѣній въ одной Европѣ, и 0,25 ($\frac{1}{4}$) процѣнтъ Россіи.

« Народная перепись производится въ Пруссіи черезъ каждыя три года. Последняя, въ концѣ 1846 года, дала въ общей суммѣ народонаселенія 16,112,948 человекъ, (не считая кантона Невшательскаго, гдѣ оказалось 68,247 душъ).

« Если сумму народонаселенія [всѣхъ пяти первостепенныхъ державъ] принять за 100, то придется:

на долю Пруссіи только	8,80%
Великобританія	15,47 —
Франціи	19,44 —
Австріи	20,22 —
Россіи	35,86 —

« Соразмѣрно же съ массою народонаселенія въ цѣлой Европѣ, Пруссія составляетъ 5,9%, а по пространству — только 2,2% *.

« Изъ всего числа жителей Пруссіи приходится на однѣ германскія области свыше 12,000,000; слѣдовательно въ системѣ Германскаго Союза Пруссія занимаетъ мѣсто равносильное съ Австріею **. Въ отношеніи къ цѣлой монархіи, германскія области ея составляютъ 76% по народонаселенію, а по пространству, въ соразмѣрности съ цѣлою Германіею 28%.

« Чтобы изслѣдовать народонаселеніе, какъ одна изъ элементовъ силы государства, необходимо разсмотрѣть его съ различныхъ сторонъ, и, прежде всего, въ отношеніи къ массѣ физической силы, заключающейся въ цѣломъ народѣ.

* Вотъ въ какомъ послѣдовательномъ порядкѣ можно поставить европейскихъ государствъ, по народонаселенію ихъ въ 1846 году:

Россія (въ Европѣ)	64,865,000.
Австрія	38,068,600.
Франція (въ Европѣ)	35,400,500.
Великобританія (въ Европѣ)	27,905,000.
Пруссія	16,181,200.

Затѣмъ слѣдуютъ: Испанія, Турція, королевство Обѣихъ Сицилій, и такъ далѣе.

** По результатамъ последней переписи въ концѣ 1846 года, слѣдуетъ нѣсколько измѣнить числа, приведенныя нами по этому предмету въ статьѣ о Германскомъ Союзѣ (книжка I, страница 115); а именно:

Въ областяхъ германскихъ: 12,249,126 (вмѣсто 12,198,760).
Въ остальныхъ двухъ 3,863,822 (вмѣсто 3,847,940).

« Разсматривая цѣлое народонаселеніе какъ сумму силъ физическихъ, статистикъ изыскиваетъ различныя мѣрила для опредѣленія степени этой совокупной, собирательной силы. Между тѣмъ, самый составъ народонаселенія не остается постояннымъ: напротивъ того, онъ безпрестанно измѣняется новыми рожденіями въ замѣнъ умирающихъ. Но это самое движеніе и заключается въ себѣ тѣ явленія, которыя служатъ признаками болшей или мѣньшей силы народа, преуспѣванія или истощенія его.

« Въ числѣ такихъ признаковъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самый балансъ между числами ежегодно рождающихся и умирающихъ: перевѣсъ первыхъ надъ послѣдними составляетъ главную причину ежегоднаго *приращенія* народонаселенія. Въ этомъ отношеніи, Пруссія представляетъ весьма замѣчательный фактъ: съ 1814 по 1846, то есть въ 32 года народонаселеніе ея возрасло на 55,69 процентовъ, слѣдовательно, ежегодное приращеніе среднимъ числомъ выходитъ почти 1,4%, въ послѣднія же два трехлѣтія оно составляло 1,2 и 1,3%.

« Приращеніе народонаселенія не слѣдуетъ постоянно равномерною прогрессіею, независимо отъ того, что въ производящихся каждое трехлѣтіе переписяхъ всегда вырываются болше или менше значительныя невѣрности, отъ чего и самое изчисленіе приращеній неизбежно должно быть только приближительнымъ. Изъ всѣхъ десяти трехлѣтій съ 1814 по 1846, наибольшее годовое приращеніе было въ періодъ 1819—1822, а именно: 2,03%; а наименьшее въ періодъ 1828—1831, а именно: 0,21%.

« Вотъ результаты послѣднихъ пяти переписей:

Въ 1834	число жителей	13,509,927	Приращеніе годовое % . .
— 1837	—	14,098,125	1,430%
— 1840	—	14,928,501	1,832%
— 1843	—	15,471,765	1,198%
— 1846	—	16,112,948	1,362%

* Замѣчательно, что некоторые (даже извѣстные) статистики впадаютъ въ ошибку при вычисленияхъ; такъ напримѣръ для опредѣленія средняго

« Еще болѣе различія въ годичномъ приращеніи народонаселенія по областямъ Пруссіи. Не говоря о самой столицѣ, (гдѣ возрастаніе числа жителей происходитъ отъ особыхъ причинъ), — можно считать: наибольшее приращеніе въ округахъ *Опельнскомъ* (въ Силезіи) — 2,652% и *Мариенвердерскомъ* (въ обл. Прусской) — 2,5%, а наименьшее — въ *Мюнстерскомъ* (Вестфалии) — 0,52% и *Коблецкомъ* (Нижне-Рейнской обл.) — 0,31%.

« Въ общемъ объемѣ, приращеніе въ цѣлой Пруссіи значительно превосходитъ всѣ другія Государства:

въ Австріи	0,89%
во Франціи	0,46—
въ Великобританіи . . .	1,00—

« Однако жъ приращеніе народонаселенія само по себѣ еще не даетъ непосредственнаго вывода о степени возрастанія массы физической силы народа. Прежде смотрѣли на этотъ фактъ, какъ на доказательство увеличенія производительности, какъ будто средства существованія всегда остаются въ одинаковой

годичнаго приращенія по результатамъ за нѣсколько лѣтъ, часто берутъ просто общее за всѣ годы приращеніе и дѣлятъ на число лѣтъ. Но очевидно, это ошибка грубая; ибо тутъ существуетъ прогрессія геометрическая, а не арифметическая: а потому, если вообще назовемъ: число лѣтъ въ томъ періодѣ, за который уже имѣемъ общее приращеніе—черезъ *n*, народонаселеніе въ началѣ періода—черезъ *A*, а въ концѣ—черезъ *B*, то годичное приращеніе *x* выразится слѣдующею формулою:

$$x = \sqrt[n]{\frac{B}{A}} - 1$$

Принимая эту формулу къ вычисленію средняго годичнаго приращенія въ Пруссіи за весь періодъ 1814 по 1846, найдемъ

<i>A</i>	10,319,031.
<i>B</i>	16,112,948.
<i>n</i>	32.

$$\text{Слѣдовательно: } x = \sqrt[32]{\frac{16112948}{10349031}} - 1 = 0,01394 = 1,394\%.$$

На этомъ основаніи, въ приведенныхъ нами числахъ за послѣдніе пять трехлѣтнихъ періодовъ, сдѣланы надлежащія поправки противъ вычисленныхъ у *Редена*: *Vergl. Reden. Kultur-Stat. 1843. I. S. 230.*

« соразмѣрности съ количествомъ народонаселенія; но въ на-
 « стоящее время уже никто не сомнѣвается, что приращеніе на-
 « родонаселенія во-все не соразмѣряется съ количествомъ средствъ
 « пропитанія. Есть очевидные факты противнаго: чрезвычайное
 « размноженіе народонаселенія причиняетъ иногда крайнее уве-
 « личеніе нищеты, и хотя эта самая нищета усиливаетъ смерт-
 « ность, однако жъ она не уменьшаетъ въ той же соразмѣрно-
 « сти перевѣса рождающихся надъ умирающими. Отсюда проис-
 « ходитъ, что при увеличеніи общаго числа народонаселенія, сре-
 « дняя жизнь человѣка между-тѣмъ весьма сокращается, и число
 « малолѣтныхъ становится чрезвычайно несоразмѣрнымъ съ коли-
 « чествомъ народонаселенія зрѣлаго возраста. Вмѣстѣ съ тѣмъ,
 « скудное пропитаніе и общая нищета расслабляютъ физически
 « цѣлыя поколѣнія, причиняютъ уменьшеніе роста, распростра-
 « няютъ различныя болѣзни, и прочая. Въ Ирландіи, наиримѣръ,
 « глазъ путешественника выражень множествомъ слабыхъ жен-
 « щинъ и дѣтей: увеличеніе народонаселенія такими слабыми и
 « жалкими существами, конечно, ни сколько не ведетъ къ усме-
 « ннѣю государства. По словамъ *Росси*, два милліона Швейцар-
 « цевъ, безъ всякаго сомнѣнія, представляютъ для государства
 « гораздо большую массу матеріальной силы, чѣмъ шесть мил-
 « ліоновъ Ирландцевъ.

« И такъ одно приращеніе народонаселенія само не себѣ не-
 « жетъ вести только къ одному развѣ опредѣленію вѣроятной
 « численности его въ данный моментъ, настоящій или буду-
 « щій; но и тутъ весьма часто можно подвергнуться ошибоч-
 « нымъ выводамъ, если вполне принять для отдаленнаго буду-
 « щаго ту же мѣру приращенія, какою видимъ въ послѣдніе годы.
 « Быстрое развитіе производительности во всей почти Европѣ
 « послѣ продолжительныхъ войнъ, кончившихся въ 1815 году,
 « сопровождается почти вездѣ сильнымъ приращеніемъ наро-
 « денаселенія; но мы видимъ изъ самаго прирѣра Пруссіи, что въ
 « послѣдніе шесть лѣтъ приращеніе было значительно ниже сред-
 « няго за все послѣднее тридцатилѣтіе; это по-крайней-мѣрѣ,
 « должно вести насъ къ одному заключенію, что всѣ расчеты
 « о числѣ лѣтъ, въ которое народонаселеніе извѣстнаго государ-
 « ства должно удвоиться, утроиться, во-все не имѣетъ ни какой,
 « даже приблизительной, вѣрности: это игра цифрами, безъ вся-
 « каго значенія для науки.

« Такъ гдѣ же искать мѣрило физической силы народа? Для
 « этого надобно слѣдить различныя данныя, изучить въ частно-

« сти составъ народонаселенія по возрастамъ, тѣлесному сложенію, росту и состоянію здоровья народнаго.

« Чрезмѣрное увеличеніе числа рождающихся, при сильной смертности, умножая количество народонаселенія, вмѣстѣ съ тѣмъ не приращаетъ, а уменьшаетъ массу физической его силы. Слѣдовательно, надобно прежде всего рассмотретьъ, отъ чего именно происходитъ приращеніе въ народонаселеніи: отъ уменьшенія ли смертности, или отъ умноженія новорожденныхъ. Въ первомъ случаѣ продолжительность средней жизни увеличивается, во второмъ уменьшается; новорожденные дѣти, заступая въ обществѣ числѣ мѣсто совершеннолѣтнихъ, не вознаграждаютъ потери послѣднихъ. Уменьшеніе смертности дѣйствительно служитъ признакомъ успѣховъ народнаго благосостоянія, улучшенія народнаго здоровья и тѣлеснаго сложенія; усиленіе же производительности, какъ вышѣ доказано, во-все не соразмѣряется со средствами пропитанія и довольствомъ народа.

« Имя это въ виду, сравнимъ Пруссію съ другими замѣчательнѣйшими государствами, относительно числа рождающихся и умирающихъ, соразмѣрно съ массою народонаселенія.

	Число рождающихся на 100.	Число умирающихъ на 100.	Приращеніе на 100.
* Въ Пруссіи	4,08	2,80	1,28
— Австріи	3,95	3,06	0,89
— Франціи	2,84	2,38	0,46
— Англіи	3,20	2,20	1,00
— Бельгіи	3,35	2,59	0,76
— Швеціи	3,70	2,42	1,58

* Таблица эта составлена на слѣдующихъ основаніяхъ:

« а) Для Пруссіи—взять средній выводъ за весь десять трехлѣтій 1816—1846. Въ каждый изъ этихъ періодовъ, приходилось родившихся различно: наибольшее—1 на 28,₂₂, наименьшее—1 на 26,₈₂. Число умирающихъ—наибольшее 1 на 28,₁₈ наименьшее—1 на 36,₀₂; средній выводъ: Родившихся 1 на 24,₄₀ умирающихъ 1 на 34,₀₂. Данные за каждое трехлѣтіе заимствованы у *Reden. Vergl. Kultur-Stat.* 201, 223, 205 и 223.

« Приращеніе общее здѣсь показано только 1,28, тогда какъ выше было выведено почти — 1,4. Различіе это происходитъ отъ значительнаго числа переселившихся; въ нѣвые годы отъ однихъ переселеній прибыло до 0,8%.

« б) Для Австріи — нѣтъ столь полныхъ свѣденій, какъ для Пруссіи, а

« Таблица эта ясно показываетъ слѣдующее: Въ сравненіи съ Австрією, Пруссія имѣетъ во всѣхъ отношеніяхъ большое пре-

« потому надобно было ограничиться только частію имперіи, за исключеніемъ Маджарскихъ областей и военной границы. За основаніе исчисления были взяты числа родившихся и умершихъ за 1834, 1841, 1842, 1843 и 1844 годы, изъ таблицъ приведенныхъ по руководству *Бегера* въ сочиненіи *Редена*. Отдѣльно за каждый изъ означенныхъ годовъ, приходилось: родившихся наибольшее число 1 на 24,³¹, наименьшее 1 на 25,⁹⁷; среднее — 1 на 25,²⁶; умирающихъ: наибольшее 1 на 31,⁶³, наименьшее — 1 на 33,⁹², среднее — 1 на 32,³⁸. (*Schnabel*, Europa im das Jahr 1841. S. 44. считать въ Австріи средній числомъ: рождающихся 1 на 27, умирающихъ — 1 на 31).

« в) Во Франціи — замѣчается постоянное уменьшеніе какъ рождающихся, такъ и умирающихъ; но какъ оба эти числа уменьшаются не въ одной прогрессіи, то перевѣсъ рождающихся надъ умирающими также почти постоянно уменьшается. Надобно замѣтить, что въ свѣдѣніяхъ о новорожденныхъ во Франціи не включаются мертворожденные, тогда какъ въ числѣ умирающихъ они показаны; между-тѣмъ число ихъ во Франціи весьма значительно и притомъ также постоянно увеличивается.

« Если весь двадцатилѣтній періодъ времени съ 1824 — 1844 подраздѣлить на четыре пятилѣтія, то получимъ, что ежегодно родившихся (безъ мертворожденныхъ) и умиравшихъ было по 1 на слѣдующее число жителей:

съ 1824 — 1828	— 1 рожд. на 32, ³³	1 ум. на 39.
— 1829 — 1833	— — 34, ¹⁰	— — — 40.
— 1834 — 1838	— — 34, ⁷⁹	— — — 40.
— 1839 — 1843	— — 36, ²⁶	— — — 42.

« Въ послѣдній періодъ (1839 — 1843) приходилось мертворожденныхъ среднимъ числомъ по 1 на 32,⁷ рожденій (*Annuaire de l'économie politique et de statistique*, томъ 1847).

« Такая постоянность въ уменьшеніи числа рождающихся, умирающихъ, и самаго перевѣса первыхъ надъ послѣдними, заставляетъ принять для Франціи не средній выводъ за большій по возможности періодъ времени, (какъ сдѣлано для другихъ государствъ), а напротивъ того, исключительно остановиться на данныхъ за послѣднее только время. Вотъ почему и приняли мы (за пятилѣтіе 1839 — 1843) число рождающихся (вмѣстѣ съ мертворожденными) 1 на 35,⁶⁶ (то есть: 2,⁸⁴‰), а умирающихъ 1 на 42 (то есть: 2,³⁸‰): слѣдовательно приращеніе — въ 0,46‰.

« (*Bernowilli* (*Handbuch der Populationistik*) принимаетъ приращеніе народонаселенія Франціи — 0,⁶²‰; въ *Annuaire du bureau des longitudes* 1846 — ровно 0,5. *Schnitzler* (*Stat. gen. de la France*, 1846): — 0,438‰.

« имущество; умирающихъ менѣе на 0,26% (со всего народона-
 « селенія), а рождающихся на 0,13 болѣе, отъ чего и прираще-
 « ніе превышаетъ въ Пруссіи на 0,39% противъ Австріи. Напро-
 « тивъ того во Франціи, Бельгіи и Англіи, хотя приращеніе го-
 « раздо слабѣе противъ Пруссіи, однако жъ и смертность въ нихъ
 « менѣе; потому надобно полагать, что въ этихъ государствахъ
 « въ составѣ народонаселенія соразмѣрность возрастовъ должна
 « быть выгодиѣе. Однако жъ всѣ безъ исключенія эти государ-
 « ства уступаютъ первенство Швеціи, въ которой, при меньшемъ
 « противъ Пруссіи и Австріи числѣ рождающихся, приращеніе
 « оказывается наибольшее, по той причинѣ, что умираетъ въ
 « Швеціи менѣе даже чѣмъ въ Англіи.....

« Чтобъ еще ближе изслѣдовать вопросъ, надобно взглянуть на
 « возрастъ умирающихъ. Если ежегодно, изъ извѣстнаго числа
 « умершихъ, приходится въ одномъ государствѣ болѣе стариковъ,
 « а въ другомъ болѣе дѣтей, то это служитъ доказательствомъ,
 « что въ первомъ люди долговѣчнѣе, то есть, средняя жизнь про-
 « должительнѣе; напротивъ того, чрезмѣрная смертность въ пер-
 « выхъ мѣсяцахъ и лѣтахъ жизни служитъ признакомъ и слабо-
 « сти рождающихся, и дурнаго за нимъ присмотра, и недостатка
 « вообще довольства матеріальнаго въ народѣ. Сравнимъ же въ
 « этомъ отношеніи Пруссію съ нѣкоторыми другими государст-
 « вами:

На 100 умирающихъ.

	На 100 умирающихъ.			
	до 20-ти лѣтъ.	20—40 л.	40—60 л.	свыше 60 лѣтъ.
Въ Пруссіи	56,44	11,07	12,83	19,66
— Австріи	56,49	11,58	13,63	18,29
— Англіи	50,51	11,15	12,25	23,09
— Бельгіи	51,00	12,18	12,35	24,49

« И здѣсь опять видимъ, что Пруссія беретъ верхъ только надъ
 « Австріей, тогда какъ Англія и Бельгія значительно отдѣляются
 « отъ этихъ двухъ государствъ. Можно съ увѣренностью поста-
 « вить и Францію выше Пруссіи; ибо во всѣхъ изслѣдованіяхъ о
 « народонаселеніи какъ Франціи, такъ и Бельгіи, результаты вы-
 « ходятъ вообще довольно близки между собою».

Матеріальное состояніе народа, его производительныя силы,
 его состояніе нравственное, любопытное устройство Пруссіи по
 административной части, ея централизація, финансы, долги, все
 это разсмотрѣно также умно и безпристрастно; все это — пре-

красное приобретение для общей статистической науки въ Россіи. Главная часть книги относится къ ея специальному предмету, военной организаціи государства, и нѣтъ нужды говорить, что эта часть обработана господиномъ Милютинымъ съ любовью и умѣніемъ, достойными классической земли новѣйшей тактики, страны столь любопытной во всемъ, чтѣ принадлежитъ къ воинскому дѣлу, и недавно еще служившей образцомъ всей Европѣ. Но часть эта не входитъ въ кругъ нашего разсужденія, общаго, чисто статистическаго, которымъ мы и желаемъ ограничиться въ этомъ мѣстѣ.

«Исторія афинской республики», изданная господиномъ профессоромъ Куторгою, не доведена до конца и не весьма подробно изложена, но это — одно изъ тѣхъ историческихъ произведеній, которыя разоблачаютъ прошедшее и дѣлаютъ современника свидѣтелемъ происшествій, затмившихся подъ перомъ самихъ же историковъ отъ ихъ непроницательности и отъ незнанія настоящихъ потребностей исторіи. Въ повѣсти этихъ писателей являлись только одни событія, проходящія передъ читателемъ, какъ облака и тучи проходятъ по небесному своду — неизвѣстно какъ, откуда, зачѣмъ, какою силою и съ какимъ назначеніемъ въ общей экономіи природы; общество, его составъ и его страсти, то есть, источникъ, матеріалъ и рычагъ событій, оставлены въ тѣни за этими мимолетными скопленіями тумановъ; государство, страна, народъ, представляютъ какую-то отвлеченность, дѣйствующую индивидуально и судимую какъ одно лицо, какъ нѣчто однородное и особенное. Удивленія и порицанія относились всегда къ этой политической отвлеченности, и самыя ложныя понятія утвердились такимъ образомъ въ новѣйшихъ обществахъ о быломъ времени и былыхъ народахъ. Такъ писались повсюду исторіи древнихъ государствъ; и русская литература, съ своей стороны, не знала другаго способа понимать и изображать дѣла ихъ. Господинъ Куторга, можно сказать, первый указываетъ ей настоящій путь къ исторіи классической древности, открытый весьма недавно и который онъ разчищаетъ быстро и искусно, вмѣстѣ съ трудолюбивыми учеными Германіи, начавшими эти любопытныя раскопыванія. Работы, произведенныя въ Помпей и въ Геркуланѣ новѣйшею лопатою, имѣли примѣчательное нравственное дѣйствіе на исторію: при видѣ этихъ древнихъ городовъ, встающихъ изъ вулканической золы со всемія своимъ домохозяйствомъ, родилась мысль, что точно также можно отрыть и древнія общества, съ ихъ лицами и хлопотами, въ гниломъ прахѣ

сказаній, въ книжномъ мусорѣ, накопленномъ разными писателями тѣхъ столѣтій. Порядокъ поисковъ принятъ былъ почти тотъ же: раскапывали по главнымъ линіямъ, слѣдуя, тамъ улицамъ, здѣсь фамиліямъ. Какъ города — изъ улицъ, такъ общества состоятъ изъ родовъ въ данное мгновеніе и изъ родословныхъ въ послѣдовательности времени. Улица не чтд иное какъ маленькій городъ въ большомъ городѣ, который собственно — собраніе множества маленькихъ городовъ. Чтобы знать городъ, надо знать его улицы, по-крайней-мѣрѣ главнѣйшія: чтобы имѣть вѣрное понятіе о народѣ, надо знать его важнѣйшіе роды, не только въ ту или другую эпоху, но и во все существованіе народа: общая исторія его состоитъ собственно изъ известнаго числа маленькихъ, забытыхъ исторій дѣйствовавшихъ въ немъ родовъ. Знаніе этихъ маленькихъ исторій, пѣкогда пренебрегаемое невѣжествомъ учености, совершенно необходимо для составленія яснаго понятія о цѣломъ собирательномъ бытіи. Новѣйшая эрудиція постигла превосходно это; предприняты усердныя генеалогическія изслѣдованія известнѣйшихъ фамилій римскаго и греческаго міра, и историческое повѣствованіе вдругъ получило отъ нихъ живость, колоритъ, вѣрность съ натурою и настоящее освѣщеніе, которыхъ прежде картины его были совсѣмъ лишены. Обнаружились тайныя пружины событій: родовые интересы, родовыя вліянія, родовыя преданія. Явились послѣдовательность въ дѣйствателяхъ, перспектива фигуръ и связь въ выраженіяхъ лицъ. Общества воскресли въ исторіи, убившей ихъ въ пользу событій, или фактовъ, которые изъ нихъ, только, проистекали. Все стало на своемъ мѣстѣ, людя, обычаи, событія, понятія, страсти, случаи, искусство, дарованіе, слава. Вліяніе массъ на событія, вліяніе лицъ на массы, вліяніе родовъ на лица, и вліяніе событій на роды, весь этотъ таинственный кругъ силъ историческихъ, дѣйствующихъ безпрестанно и другъ на друга и совокупно, и производящихъ исторію, раскрылся передъ любопытствомъ поздняго потомства, и прошедшее стало наконецъ, какъ и слѣдуетъ, объяснять настоящее: чего донынѣ въ исторіи не было; она прошедшее видѣла и понимала не иначе какъ черезъ мутный, невѣрный свѣтъ настоящаго.

Этимъ-то родомъ преимуществъ и достоинствъ, этимъ-то образомъ возрѣвнн, этимъ-то качествомъ изслѣдованій отличается примѣчательный трудъ ученаго петербургскаго профессора объ афинской республикѣ, идолѣ демагоговъ, загадкѣ для политиковъ, любопытнѣйшемъ явленіи въ исторіи человѣчества, въ ко-

торой составляет она единственный случай, гдѣ демократическіе безпорядки соединились съ матеріальнымъ могуществомъ, непрочнымъ, правда, но тѣмъ не менѣе удивительнымъ при такой наружной безладницѣ, и съ торжествомъ науки и искусства, нигдѣ не уживающихся съ демократіей, то есть, деспотизмомъ невѣжественной черни. Но истинное историческое изслѣдованіе, въ искусной рукѣ господина Куторги, даетъ средство понять это очень просто. Аѳинская демократія была такая же комедія какъ всѣ демократіи: нѣсколько могучихъ родовъ, каковы Алкмеониды, Киркии, Ликониды, Вузиги, производившихъ себя отъ боговъ и отъ царей, и братавшихся съ грязною чернью изъ честолюбія, двигали ея какъ своимъ орудіемъ, и озарили ее своей славой; всѣ древнія республики были олигорхіями, и вопросъ владычества въ Греціи шелъ не между началами демократическимъ и аристократическимъ, но просто между извѣстнымъ числомъ знатныхъ родовъ съ той и съ другой стороны, между двумя партіями вельможъ, изъ которыхъ одна дѣйствовало посредствомъ черни, прикидываясь для этого демократами, а другая—прямо отъ имени эвпатридовъ, или благородныхъ, безъ маски и безъ хитростей. Понятно, что самую искусною и самую даровитою изъ двухъ олигархій была не та, которая вела дѣла свои на чистоту, и что ея проворная соперница естественно имѣла на своей сторонѣ, во всѣхъ родахъ отличій, успѣхъ, блескъ и вѣнецъ, которые, удовлетворявъ ея тщеславіе, служили ей еще придаточнымъ средствомъ ослаблять и морочить игрушку свою, демократію. Въ отношеніи къ разуму, къ толку, къ умственному развитію, къ достоинству человѣка, и большею частью даже къ матеріальной силѣ народа, республика есть безспорно шагъ назадъ, а не шагъ впередъ, отступление, а не успѣхъ; и когда эта форма деспотизма, принявъ демократическую походку, случайно покрываетъ общество лучами умственной славы, исторія Аѳинъ, лучше понимаемая нынче при фанелѣ такихъ книгъ, какъ это прекрасное изслѣдованіе, самая исторія Аѳинъ показываетъ намъ ясно, что преимущество это должно быть куплено цѣною крайней безиравственности средствъ со стороны дѣйствователей и самого отвратительнаго развращенія толпы, служащей имъ орудіемъ.

Разсужденіе господина профессора Срезневскаго о богослуженіи у древнихъ Славянъ язычниковъ не менѣе серьезно по предмету и занимательно по роду изслѣдованій, произведенныхъ съ проникательностью, съ догадливымъ взглядомъ, съ умѣніемъ знатока и точностью ученаго. Предметъ новъ, не тронутъ, и уже

тѣмъ самимъ увлекателенъ. Подробности, которыя авторъ искусно умѣлъ открыть или спасти отъ забвенія, многочисленны и любопытны: къ сожалѣнію, онѣ не даются пересказать сокращенно или отдѣльно, какъ и всѣ подробности археологическія; разсматривать ихъ надо въ связи съ цѣлымъ. Цѣлое, конечно, недостигнуто, съ перваго опыту; но — *dimidium facti habet qui bene coepit* — прекрасное начало уже половина дѣла. Взглядъ автора на предметъ именно тотъ, который можетъ допустить разсудительная критика. О *богослуженіи* Славянъ язычниковъ только и можно разсуждать, а не о *религіи* ихъ. По смѣшной заносчивости самолюбія многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ воображаютъ, будто они поняли сущность религіи древняго міра лучше, чѣмъ понимали древніе богословы, утверждаавшіе одногласно, что языческая религія была повсюду одна и та же религія, одинъ основной догматъ, одна система, и что различія состояли только въ названіяхъ боговъ, въ обрядахъ богослуженія, и въ народныхъ сказаніяхъ о богахъ, въ легендахъ, или мифологіи. Отсюда — безпрестанныя обвиненія греческихъ и латинскихъ писателей за то, что они произвольно эллинизировали и латинизировали боговъ другихъ народовъ, Египтянъ, Сирійцевъ, Скиноновъ, и прочая, какъ будто произволъ тутъ возможенъ, когда вѣра еще существуетъ налицо, когда писатель, особенно древній, всегда набожный, всегда почтительный къ священному, говоритъ въ виду ея исповѣдователей и въ присутствіи ея фанатиковъ. Если древніе ученые признавали вѣроисповѣданія извѣстныхъ себѣ Варваровъ одною и тою же вѣрою съ ихъ собственнымъ язычествомъ, такъ это должна быть истина, фактъ вѣрный и неоспоримый. Основное ученіе дѣйствительно, всѣхъ многобожій, было одно и то же повсюду, и различія религіозныя у разныхъ народовъ стараго міра, различія только кажущіяся, происходятъ просто отъ мѣстныхъ легендъ, мѣстныхъ празднествъ, мѣстныхъ обрядовъ, однимъ словомъ отъ *богослуженія*, *cultus*, которымъ и слѣдуетъ заниматься, оставивъ въ сторонѣ несбыточную мечту о мнимой *религіи древнихъ Славянъ*. Такой религіи быть не могло. Племенныхъ религіи исторія нигдѣ намъ не показываетъ: такія религіи непримѣрны въ человѣчествѣ, и невозможны, какъ-скоро «религія» значитъ «ученіе», какъ-скоро легендъ, мифологіи, мы не смѣшиваемъ съ религіей и вѣру Овидія умѣемъ различить съ его «Метаморфозами». Язычество же, мы нынче знаемъ это съ достовѣрностью, было настоящее ученіе, полная система догматовъ, тѣсно связанныхъ между собою, а простая не народная сказка.

Ученіе это, въ самомъ себѣ, уже заключало зародышиъ безконечныхъ кажущихся различій, которыя, безъ ереси, становились почти самобытными мѣстными вѣроисповѣданіями. Однимъ изъ основныхъ догматовъ язычества, или многобожья, предоставлялась богословскому воображенію свобода раздѣлять боговъ на произвольныя триады, состоящія изъ силы, матеріи и произведенія — въ символахъ, изъ мужа, жены и чада — избирать для этого одного бога главнымъ, ему приписывать первую силу на небѣ, ему воздавать первую почесть на землѣ, а прочихъ боговъ почитать за сохранныя и второстепенныя. Эта вольность простиралась до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, у нѣкоторыхъ народовъ, Геркулесъ, Марсъ, Аполлонъ, Діана, Вулканъ, подъ разными названіями, греческими, латинскими и варварскими, стояли иногда выше Юпитера или Перуна. Не только каждое племя, а каждый народъ, почти каждая область, поклонялись предпочтительно тому или другому божеству, объ немъ рассказывали первыя чудеса, въ честь ему справляли первыя празднества, самыя усердныя жертвоприношенія, и, по сущности языческаго ученія, которое было не что иное какъ физическая апіорная теорія мифотворенія, это почиталось совершенно правовѣрнымъ. Богослуженіе и обряды этихъ празднествъ, составляли перѣдко національность мѣсть, поколѣній, цѣлыхъ народовъ, бывали источникомъ враждъ между ними, поводомъ къ взаимному отвращенію. Остатокъ этого догмата сохранился до нынѣ въ исламизмѣ, потому что идеи никогда не пропадаютъ совсѣмъ съ лица земли: пять различныхъ обрядовъ или системъ богосложенія существуютъ въ немъ рядомъ, четыре живутъ дружно и признаютъ взаимно себя правовѣрными, но всѣ вмѣстѣ враждуютъ съ пятымъ обрядомъ, именно шиитскимъ, который платитъ имъ тѣмъ же. Ненависть доходитъ до того, что посторонніе вообще думаютъ, будто шиизмъ и суннизмъ, состоящій изъ четырехъ обрядовъ — двѣ совершенно различныя религіи мусульманскія, между-тѣмъ какъ вся эта ненависть происходитъ изъ нѣсколькихъ пустыхъ формъ и мѣтій, немѣющихъ ни какой связи съ ученіемъ и его догматами. *Богослуженіе древнихъ Славянъ язычниковъ, въ разныхъ поколѣніяхъ, вотъ, слѣдовательно, главное для историческаго знанія, вотъ одно что, рациональнымъ образомъ, любопытно и достойно изслѣдованія.* Господину Срезневскому будетъ принадлежать честь первой вѣрной идеи о предметѣ и перваго хорошаго направленія, которое трудъ его вѣроятно дастъ изслѣдовательной и критической дѣятельности славянослововъ, мечтавшихъ донынѣ о религіи сла-

вянской, о языкѣ славянскомъ, о народѣ славянскомъ, трехъ воображаемыхъ, небывалыхъ единицахъ, отъ которыхъ пора уже отказаться. Языкъ славянской можетъ-быть еще будетъ, но, въ прошедшемъ, его не бывало: сравнительная филологія нынче знаетъ, что чѣмъ ближе племя къ своему началу, тѣмъ болѣе у него нарѣчій, которыя сливаются потомъ въ языки, болѣе или менѣе близкіе, силою политическихъ обстоятельствъ, слияніемъ многихъ родственныхъ поколѣній въ отдѣльные народы подъ властью нѣсколькихъ сильнѣйшихъ поколѣній, которыхъ нарѣчія и становятся тогда языками этихъ народовъ. Народы одноплеменные, напримѣръ славянскіе, могутъ, пожалуй слиться со-временемъ въ одинъ общій народъ, славянской, и тогда явится славянской языкъ, но языкомъ этимъ будетъ языкъ того народа, который сольетъ всѣ ихъ въ одно политическое тѣло, котораго самъ онъ будетъ головою. Донынѣ этого не случилось въ исторіи, и о древнихъ Славянахъ, какъ народѣ, и о языкѣ славянскомъ какъ первобытной единицѣ, и говорить нечего; а о религіи древнихъ Славянъ и подавно. До язычества, до многобожья распространившагося въ Европѣ съ юга и вышедшаго, какъ утверждали древніе языческіе богословы, изъ Египта, изъ ученія Гермеса Тревелликаго, религіей Славянъ и всѣхъ вообще дикихъ племенъ Европы было вѣроятно шаманство, неопредѣленная вѣра въ духовъ, которой остатки видѣются еще отъ Бѣлаго до Желтаго Моря и, еще далѣе, на американскомъ материкѣ.

Отъ славянскихъ боговъ переходъ къ богамъ греческимъ такъ простъ и коротокъ, что мы должны тутъ же поклониться «Одиссею», неожиданно переложенной В. А. Жуковскимъ на тотъ свѣтлый, прозрачный, прелестный русскій языкъ, которымъ одинъ онъ обладаетъ, на тотъ звучный гекзаметръ, которымъ онъ заставлялъ наше ухо простить гекзаметру его дерзкое возрожденіе изъ эллискаго праху. Переводъ этотъ изумительно милъ какъ новая русская рѣчь о старыхъ греческихъ богахъ, изумительно вѣренъ съ подлинникомъ, если не тономъ, такъ по крайней мѣрѣ буквою. Но два тома «Новыхъ стихотвореній» В. А. Жуковскаго принадлежать собственно 1849 году, у котораго не надо похизать заранѣе лучшее его украшеніе, первый вѣнецъ его, драгоценнѣйшее его достояніе. О переводѣ «Одиссеи» и двухъ другихъ превосходныхъ поэмъ, которыми она сопровождается, мы успѣемъ еще поговорить.

Книжный годъ по-настоящему заключается весьма дѣльнымъ

«Руководствомъ къ изученію порядка и формъ дѣлопроизводства», книгою зрѣло и важно одобренною юридическимъ факультетомъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета. Она предназначена преимущественно къ употребленію въ училищахъ дѣтей канцелярскихъ служителей.

Отъ нечего читать болѣе въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, настроивъ уже себя на тонъ серіозныхъ предметовъ всеѣми этими книгами, ища разсѣяться, мы взяли въ руки одну изъ книгъ ноябрьскихъ, «Тригонометрію» господина Зеленаго, и начали перечитывать ее. Въ самомъ дѣлѣ, между этими треугольниками намъ стало веселѣе, чѣмъ среди статистики и исторій, между людьми и богами. Имя автора увлекло насъ. Кто не помнитъ блестящихъ его чтеній объ астрономіи въ зданіи Морскаго Корпуса, гдѣ вокругъ даровитаго преподавателя тѣснился рѣшительно весь городъ, жаждущій узнать, послѣ обѣда, съ великимъ ущербомъ для картъ и танцевъ, тайны дивнаго устройства небесъ? Кто, послѣ того, не читалъ, съ наслажденіемъ, прекрасной книги, изданной имъ о томъ же предметѣ, въ числѣ другихъ замѣчательныхъ книгъ, которыя онъ издаетъ такъ часто по предметамъ точной науки? Господинъ Зеленой не списываетъ въ нихъ иностранныхъ руководствъ: у него столько познаній и столько собственнаго взгляду, что онъ не нуждается въ пособіи этой пошлой методы составленія учебныхъ руководствъ. Тригонометрія господина Зеленаго должна по необходимости быть между русскими тригонометріями такое же свѣтило какъ Венера между праздноватающимися планетами и Сиріусъ между твердыми, неподвижными звѣздами. И мы не обманулись въ этомъ столь естественномъ заключеніи. Мы нашли въ ней произведеніе, достойное самостоятельнаго ученаго пера и заслуживающее всѣхъ почестей со стороны *книгословія* — извините терминъ — но онъ идетъ къ дѣлу и времени. Суды — разборы — критики — рецензіи.... Ф! какая пошлость! какая старина! какое шарлатанство!... Критики, какъ искусства, нѣтъ и не было на свѣтѣ; это была учена ложь — это была мечта созданная гордостью и почитаемая добродушіемъ — которая и разсѣялась.... вмѣстѣ съ литературами, гордостями и славами. *Критика* значить «судейство» — *критикъ* значить «судья»: судья чей?... судья чего?... Судья чужихъ умовъ, оцѣнщикъ геніевъ!... И каждый самъ себя произвольно можетъ возвести въ это званіе?... Какая дерзость! И вы станете слушать его приговоры?... Какая невинность сердца! Нѣтъ! на такое занятіе, на такое званіе въ дѣлахъ объ умѣ и талантѣ, никакой человекъ со вкусомъ и тол-

комъ не можетъ объявлять притязанія; и мы его не пишемъ; мы отвергаемъ его всѣми силами здраваго смыслу; мы себя просто *книгословимъ*, говоримъ о книгахъ и по случаю книгъ то, что намъ кажется — весело, когда можно — скучно, когда нельзя иначе — и очень желаемъ удержать за собою названіе «книгослова», и за Лѣтописью имя «книгословія». И такъ:

ПРЯМОЛИНЕЙНАЯ И СФЕРИЧЕСКАЯ ТРИГОНОМЕТРІЯ. *Составилъ С. Зеленой. (С. П.-бургъ 1848, въ-8, стр. 380).*

По книгословимте объ этой старой книгѣ. Говорить по случаю ея о другихъ русскихъ тригонометріяхъ мы не станемъ. Во-первыхъ это ужасно пахло бы *разборомъ* — гнилью — старымъ паркомъ. Во-вторыхъ, это было бы жестоко въ отношеніи даже къ самымъ употребительнымъ нашимъ тригонометріямъ. Въ третьихъ, наконецъ, это было бы обидно для новой книги, которая ужъ конечно не нуждается въ сравненіяхъ чтобы показаться отличною книгою. Тригонометрія господина Зеленаго — трудъ самостоятельный, проникнутый критическимъ взглядомъ на предметъ науки, оживленный общею идеею и практическимъ направленіемъ. Въ предисловіи, авторъ помѣстилъ прекрасный разборъ способовъ изложенія тригонометрій, въ которомъ онъ указываетъ на необходимость рассмотреть и опредѣлить прежде всего три обстоятельства: какія правила рѣшенія треугольниковъ преимущественно должно употреблять, какъ ихъ доказывать, и въ какомъ видѣ предлагать окончательные выводы, чтобы удовлетворить цѣли руководства. На этотъ конецъ онъ разсматриваетъ различные способы рѣшенія, особенно способы относящіеся къ сферическимъ треугольникамъ, и убѣждаетъ, что рѣшеніе ихъ по Неперовымъ аналогіямъ должно предпочесть всѣмъ другимъ методамъ. Нужно замѣтить, что Французы, для своего личнаго удовольствія, прозвали Неперовы аналогіи «правилами *Медюи*», и что большая часть русскихъ тригонометрій, которымъ исторія науки извѣстна только поверхностно, прославляютъ ихъ у насъ, по французскимъ книгамъ, также «правилами *Медюи*», не извѣстно съ какой стати.

Доказательство теоремы для выраженія синуса или косинуса суммы и разности двухъ угловъ, изложены въ примѣчаніи къ 35-ой страницѣ прекрасно и ново. Оно не встрѣчается въ другихъ тригонометріяхъ. По преимуществу аналитическихъ выводовъ передъ синтетическимъ и вычисленія передъ чертежомъ, оно гораздо лучше того доказательства, которое обыкновенно предла-

гаютъ въ руководствахъ и (которое выходитъ также у господина Зеленаго. «*Не рѣшалась измѣнить общіе употребительныя выводы теоремъ, авторъ считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать принятому порядку изложенія,*» и переходитъ постепенно отъ одного угла къ другому, а свое общее доказательство для всякихъ двухъ данныхъ угловъ ссылаетъ на поселеніе въ выноски. Вотъ это ужъ по-напрасну. Отъ неумѣстной скромности истиннаго дарованія не болѣе пользы для науки чѣмъ отъ круглой бездарности. Дѣло не улучшается. По не умѣнію ли преобразовать къ лучшему, или изъ уваженія къ *общеупотребительному*, не подвигать вопроса впередъ — не все ли равно? Господинову Зеленому уже замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ господинъ Струве, — и намъ пріятно здѣсь опереться на такой высокій авторитетъ, — что недостаткомъ его должно почесть излишнее уваженіе къ начальнымъ приѣмамъ, освященнымъ употребленіемъ и недовѣрчивость къ самому себѣ. Господинъ Зеленой несправимъ въ своемъ высокопочитаніи маститыхъ ученыхъ увѣчій.

Кромѣ теоретическаго наставленія въ книгѣ этой находится множество практическихъ примѣровъ, интересныхъ не только въ морѣ, но и на сушѣ: таковы — опредѣленіе разстоянія до облака, до луны, опредѣленіе поверхности какой-нибудь земли, жаркаго, умѣренныхъ и холодныхъ поясовъ на землѣ, и прочая. Примѣры господина Зеленаго особенно поучительны; чѣмъ примѣръ, тѣмъ хорошее и удобное практическое правило или полезный урокъ. Въ примѣрахъ его встрѣчаются такіе случаи, которыхъ не приводятъ ни въ одной тригонометріи, хотя объ нихъ, какъ о подводные камни, крушатся теоретическія знанія изучавшихъ науку по обыкновеннымъ руководствамъ: здѣсь же, напротивъ, обстоятельно представлены практическія затрудненія, могущія встрѣтиться въ приложеніи правилъ тригонометріи, такъ, что изученіе «примѣровъ» господина Зеленаго не менѣе важно изученія самыхъ правилъ рѣшенія треугольниковъ.

Два примѣра, обыкновенно помѣщаемые въ тригонометріяхъ и необходимые въ геодезій и гидрографіи, именно, по тремъ даннымъ точкамъ опредѣлить четвертую, и приведеніе угла къ центру станціи, или, такъ называемая, центрировка, изложены имъ съ особеннымъ искусствомъ, съ полнотою, ясностью и общностью, которой можетъ позавидовать лучшая изъ нашихъ геодезій. Лишнимъ можетъ показаться помѣщеніе въ тригонометріи масштабовъ, проекцій и рѣшенія вопросовъ посредствомъ построенія; но оно вовсе не лишне, и мы совершенно согласны съ имъ

нѣмъ практическаго астронома черноморскаго флота, господина Кюоре, изложенный въ его превосходной запискѣ о разрѣшеніи треугольниковъ, что, геометрическіе способы не должны быть исключены изъ курсовъ математики, потому что ясность ихъ и связь съ аналитическими способами весьма облегчаютъ уразумѣніе анализа. Притомъ, въ астрономіи часто встрѣчаются вопросы, основывающіеся на разрѣшеніи сферическаго треугольника, гдѣ крайняя вѣрность не требуется; а въ такихъ случаяхъ геометрическія построения могутъ быть употребляемы съ явною пользою. Сводъ гониометрическихъ формулъ и правилъ рѣшенія треугольниковъ, помѣщенный въ концѣ книги, будетъ весьма удобенъ на практикѣ. Если память измѣнила какому-нибудь выводу тригонометріи, прибавленіе мгновенно подастъ ей помощь. Въ учебныхъ руководствахъ еще не бывало такого полного и такъ искусно расположеннаго экстракта всей тригонометрической науки, какъ въ этой прекрасной книгѣ.

Но полно книгословить объ остаткахъ былаго года. Вы вѣрное находите книгословіе такое ужасно скучнымъ?... Вы не правы. Вы забываете неизъяснимую важность треугольника въ природѣ. Все на свѣтѣ — треугольникъ. Пифагоръ называлъ его душою міра. Счастіе тоже — треугольникъ. Мы съ господиномъ Зеленымъ беремъ доказать вамъ это геометрически, черезъ АВ, ВС и СА. Я имѣю полное ученое право надѣяться вамъ треугольниками еще три или четыре страницы, и если не пользуюсь имъ, то единственно изъ книгословной моей воздержности и изъ уваженія къ новому году.

=

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

1. ПОТЕРЯННЫЙ СЫНЪ. *Нравоучительный рассказъ. Сочиненіе Кёрбера. Переводъ съ нѣмецкаго В. Мордвинова. Въ типографіи В. Мордвинова. (СПб., 1848.)*

2. РАССКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СЛАВНЫХЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВЪ. *Дитя и поэтъ. Рассказъ первый. Изданіе А. Н. Попова. (СПб., 1849.)*

3. ЕРМАКЪ. *Историческій рассказъ для дѣтей. П. И. Небольсина. Изданіе А. Н. Попова. (СПб., 1849.)*

О времена! о нравы!... Бывало, къ новому году, предприимчивая русская литература, если не успѣетъ или не счѣтетъ со-

читать ничего умнаго для взрослыхъ, такъ по-крайней-мѣрѣ по-тѣшить дѣтей кучею книгъ и книжекъ, разрисованныхъ, разна-деванныхъ, разукрашенныхъ, съ чудными выдумками, съ хитры-ми затѣлками. А нынче?... Нынче в дѣти отъ нея ничѣмъ не по-живятся. Она ко всему охолодѣла. Послѣдній умственный жаръ ея — духъ литературныхъ *предпріятій* — в тотъ угасъ. Господинъ В. Мордвиновъ, для занятія чѣмъ-нибудь своей типографіею, собственноручно переводить принаровленную къ разуму нѣмецкихъ дѣтей скучную сказочку, печатаетъ ее на бутылочной бумагѣ, и выпускаетъ въ свѣтъ даже безъ обертки. Господинъ А. Поповъ, предпримчивый издатель, *издаетъ*, напротивъ, два дѣтскія *изданія* въ оберткахъ, но такихъ толстыхъ, массивныхъ, надежныхъ, что одна переплетная папка составляетъ половину плотности двухъ брошюркъ вообще и три четверти внутренняго достоинства *изданія*, называемаго «*Разказы изъ жизни славныхъ соотечественниковъ*», въ особенности. *Изданіе* это, очевидно, издано для того, чтобы имѣть случай перепечатать — для дѣтей —

«О, Ты, пространствомъ безконечный!»

Что касается до «*Ермака*», то это — парафраза, безъ слогу, новѣствованія Карамзина, съ прибаутками, безъ нужды, господина П. Небольсина, и съ предисловіемъ самаго издателя *изданія*. Издатель *изданія* говоритъ въ этомъ предисловіи: «*Сочиненіе «Ермакъ» предназначено авторомъ исключительно для молодыхъ людей. Но мнѣ кажется, что и взрослые не безъ удовольствія прочтуть его.*» Конечно, это только такъ *кажется* издателю *изданія*. Авторъ *изданія*, напротивъ, говоритъ въ концѣ *изданія*: «*Не знаю, понравилъ ли мою мысль читатели, не знаю, толково ли я рассказалъ имъ, какъ Ермакъ пришелъ въ Сибирь и какъ онъ покорилъ ее.*» И господинъ Поповъ, издатель *изданія*, такъ смѣло рекомендуетъ не только юнымъ, но и «*взрослымъ*» читателямъ сочиненіе, котораго сочинитель самъ не знаетъ, есть ли тутъ толкъ или вѣтъ!... Сочинитель сочиненія еще не достигъ до удостовѣренія въ томъ, *толково ли онъ рассказываетъ*, а издатель *изданія* удостовѣряетъ своимъ словомъ, что у него есть *строгая историческая критика*, да еще такая, какой нѣтъ и въ *изслѣдованіяхъ ученыхъ, до-сихъ-поръ писавшихъ объ этомъ же предметѣ*. И эти рѣдкости, такія драгоценности, онъ бросаетъ дѣтямъ!... онъ для него ни почемъ!... Господинъ Поповъ — чудный издатель: я желалъ бы имѣть такого издателя, если бы съумѣлъ

что-нибудь сочинить — толково ли или безтолково, нужды нѣтъ — это ужъ его дѣло — насчетъ рекомендательнаго пуфа онъ и самого москѣ Бувару за поясъ заткнетъ! Сочинитель сочиненія не только не знаетъ того, поймутъ ли его читатели и толково ли онъ рассказываетъ: онъ не знаетъ также — «будутъ ли они имѣть «понятіе о томъ, что называется долгомъ», купивъ себѣ изданіе господина издателя Попова; «укрѣплятся ли они въ мысли, «что исполненіе долга, сколько бы ни было къ тому помѣхи, «должно быть священо, должно быть непременно, и, наконецъ, возбудитъ ли въ нихъ этотъ рассказъ сочувствіе къ Ермаку.» Ничего этого сочинитель сочиненія не знаетъ. А издатель изданія объявляетъ въ предисловіи, что такіа-то незнающія книги именно и нужны читателямъ: «Я увѣренъ, говорятъ онъ, что они полюбятъ такое чтеніе и не скоро разстанутся съ книгами подобнаго содержанія.» Онъ въ такомъ восхищеніи отъ книгъ подобнаго содержанія, которыхъ онъ самъ—издатель, что обѣщаетъ торжественно, не остановитъ этимъ своей дѣятельности, издавать книги подобнаго содержанія до безконечности, и — сказано сдѣлано — въ пылу таковой своей дѣятельности, и въ исполненіе помнутаго обѣщанія, издаетъ онъ тутъ же, въ слѣдъ за «Ермакомъ», книжонку въ два вершка длины, полтора ширины и въ осьмушку дюйма толщины, гдѣ притомъ еще папка составляетъ половину плотности и три четверти достоинства... также съ своимъ предисловіемъ!... Безцѣнный издатель!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— И. П. Сахаровъ, извѣстный изслѣдователь отечественныхъ предметовъ, началъ издавать здѣсь, книжками, или выпусками, плоды обширныхъ разысканій своихъ о русской церковной живописи, предметъ столь интересномъ и для художниковъ и для исторіи искусства. Въ первой книжкѣ его «Изслѣдованій о русскомъ иконописаніи» заключается обзоръ и текстъ «Подлинника», «Образника» или «Персональника», старинной ручной книги нашихъ иконописцевъ, въ которой изложены изображенія Святыхъ, правила церковной иконографіи, и наставленіе о составѣ красокъ, и которой авторъ признаетъ византійское происхожденіе. Въ слѣдующихъ книжкахъ намѣренъ онъ представить обзоръ иколы устюжской, московской, новгородской, кіевской, сибирской и строгаповской; біографіи извѣстнѣйшихъ иконописцевъ, между ко-

торыми имена Рублева и Ушакова, поглощая всё прочія, не иже славы какъ на Западѣ имена Перуджино и Альберта Дюрера; свѣдѣніе объ иконахъ византійскихъ въ Россіи; разборъ главнѣйшихъ русскихъ иконъ, литературы русскаго иконописанія вообще, и въ особенности драгоценной технической «Книги о составѣ красокъ, золоченіи, левкассѣ и мурованіи стѣнъ», содержащей въ себѣ заветныя тайны византійской мусіи и письма *al-fresco*.

— Безъ шуму, безъ пышныхъ объявленій, даже безъ предисловія, подъ скромнымъ названіемъ «Памятной Книжки», ежегодно является изъ станковъ Главнаго Штаба самое красивое произведеніе русской печати, перло типографскаго нашего искусства, прелестная вещица, отпечатанная на превосходной бумагѣ безпримѣрно чистымъ шрифтомъ, украшенная отличными гравюрами и чудесно переплетенная въ сафьянъ съ золотомъ для любителей блеску и съ классическою простотою для людей съ чистымъ вкусомъ. Никогда знаменитѣйшіе альманахи наши, прокричавшіе на весь міръ заранѣе о своихъ хлопотахъ, подвигахъ и помертвованіяхъ на пользу ихъ чистоплотности, не достигали такой степени изящества и щегольства, какую мастерскія Главнаго Штаба придаютъ съ совершеннымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ этому карманному календарю, который вмѣстѣ мѣсяцесловъ, и адресъ-календарь, и указатель почтъ, и путеводитель по дѣламъ: потому что въ немъ расписано также помѣщеніе всѣхъ правительственныхъ и дипломатическихъ мѣстъ. Изъ небесныхъ явленій онъ показываетъ только пожарные сигналы, которые, конечно, полезнѣе въ этого рода изданіяхъ для отечественной публики, чѣмъ восхожденіе и захожденіе планетъ. Въ нынѣшнемъ году «Памятная книжка» отличается, особенно множествомъ и прелестью гравированныхъ на стали картинокъ, которыхъ сюжеты взяты съ разныхъ примѣчательныхъ точекъ русской земли и изъ окрестностей Палермо, сдѣлавшихся столь интересными для всѣхъ Русскихъ со времени пребыванія тамъ Августѣйшихъ нашихъ Монарховъ.

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

ПРОХОЖДЕНИЕ МЕРКУРИЯ ПО СОЛНЕЧНОМУ ДИСКУ. Между нами и Солнцемъ находятся только двѣ планеты, Меркурій и Венера. Третье небесное тѣло, котораго путь входитъ въ тотъ же промежутокъ пространства—наша Луна. Эти только три шара и могутъ по временамъ помѣщаться на прямой линіи между Солнцемъ и Землею, такъ что заслонять собою часть Солнца и нарисуются на немъ темною, почти черною, круглою фигурою. Когда Луна бываетъ въ этомъ положеніи, шаръ ея, по причинѣ близости своей къ Землѣ, кажется дотого огромнымъ, что, закрывая для насъ иногда весь солнечный дискъ, производитъ затмѣніе Солнца. Венера и Меркурій, хотя несравненно болѣе Луны, по дальности разстояній ложатся на дискъ Солнца, напротивъ, маленькими круглыми пятнами и не затмѣваютъ его для Земли. Но тѣмъ не менѣе прохожденіе этихъ шаровъ по солнечному щиту интересно для науки, какъ средство повѣрить разныя астрономическія измѣренія (Земли и Солнца и взаимнаго разстоянія между ними. Изъ календарей извѣстно всѣмъ, что Меркурій долженъ былъ проходить по Солнцу въ нынѣшнемъ году 9 ноября, новаго стilia, около полудня. Телескопы всѣхъ обсерваторій, гдѣ только хорошая погода благопріятствовала ученому любопытству,

устремилась въ этотъ часъ на Солнце, съ тѣмъ, чтобы удосто-
вѣриться, въ какой степени прохожденіе это, вычисленное и по-
казанное заранѣе въ эфемеридахъ, будетъ сходствовать на дѣлѣ
съ расчетомъ науки. Результаты наблюденій начинаютъ нынче
быть известными. Вообще оказывается, что Меркурій въ этотъ
разъ при входѣ своемъ на Солнце опоздалъ болѣе чѣмъ тремя
минутами времени противъ вычисленія, основаннаго на пре-
жнихъ прохожденіяхъ этой планеты и на хорошо известныхъ ея по-
дробностяхъ пути и движенія. Въ Женевѣ, напримѣръ, замедле-
ніе это простиралось до трехъ съ половиною минутъ. Разумѣет-
ся, что, въ такомъ случаѣ, высота и склоненіе не могли сход-
ствовать вполне съ высотой и склоненіемъ, означенными въ
эфемеридахъ. Разница между берлинскими эфемеридами и на-
блюденіями, произведенными въ Женевѣ, показываетъ ошибку
вычисленія въ $-18'',2$ прямого восхожденія, что довольно сооб-
разно съ количествомъ промедленнаго времени.

НОВАЯ СИСТЕМА БОТАНИКИ ПО ИДЕѢ ГОСПОДИНА ЛИНКА. Без-
спорно, господинъ Линкъ — превосходный ботаникъ и человѣкъ
съ умомъ свѣтлымъ и пронизательнымъ, хотя ему порой слу-
чается видѣть таинственную связь между обычаемъ раститель-
ныхъ усиковъ свертываться отъ лѣвой руки къ правой и кру-
говымъ движеніемъ планеть въ ту же сторону. Новый способъ
раздѣленія растений, который дѣлаетъ изложенъ имъ только въ
общемъ очеркѣ, представляетъ болѣе естественное основаніе для
классификаціи нежели два нынѣшніе способа, слишкомъ искус-
ственные, слишкомъ произвольные, — по числу тычинокъ въ цвѣт-
кѣ, — и по такъ называемымъ естественнымъ семействамъ. Госо-
динъ Линкъ принимаетъ въ основаніе ткань ствола, или дре-
весной части растенія, и находитъ, что одинаковая форма лѣсной
фибры, одинаковое ихъ образованіе, сѣчленіе и расположеніе,
вѣрнѣе всего показываютъ коренную связь между растительны-
ми породами. *Что строится одинаково, то происходитъ отъ од-
ного начала.* Таковъ главный афоризмъ этой теоріи, по силѣ ко-
торой ботаника дѣлается наукою микроскопною: надо срѣзать
поперекъ и прорѣзывать вдоль стволъ растенія и наблюдать внут-
реннее строеніе его въ увеличительныя стекла. Оно уже не —
отрадная забава гуляющаго бездѣля, не — восхитительное заня-
тіе для поверхностнаго любопытства, но хлопотливый утомный
трудъ.

Конечно, теорія господина Линка намъ очень нравится, одна-

ко жъ не до той безусловной степени, чтобы мы по его примѣру приняли стволъ растенія за самое существо растительное. По нашему понятію, настоящее существо — лѣть; живущее съ другими общею жизнью. Собраніе лѣтѣевъ — семейство этихъ существъ; а стволъ — ихъ общій домъ, то же, что коралловое или губковое зданіе для животныхъ, строящихъ кораллы и губки. Стволъ построенъ лѣтѣями, — для общей ихъ опоры, — для житья ихъ на немъ миромъ, — для того чтобы служить имъ прочнымъ жилищемъ и вмѣстѣ насосомъ, поднимающимъ воду и растворенныя въ водѣ земли и соли изъ почвы въ воздухъ. Если угодно, такъ стволъ — кость. Природа имѣетъ три способа укрѣплять мягкую органическую матерію, которая должна совершать жизненныя отправленія и дѣйствовать: она или отдѣляетъ и складываетъ внутри тѣла твердую каменную массу питанія и строить изъ нея кость, остовъ, родъ вѣшалки, на которой развѣшены и натянуты мягкія части и гибкіе сосуды изъ живучаго органическаго вещества; или извергаетъ эту каменную массу пища на поверхность тѣла, обліпая мягкую органическую матерію костью снаружки въ видѣ скорлупы, чешуи, раковины, и такъ далѣе; или наконецъ вытѣсняетъ эту твердую массу собою вонъ изъ тѣла и даетъ возможность существу, состоящему изъ мягкаго живучаго вещества употреблять ее на постройку себѣ комматъ, домиковъ, крововъ, подпоръ, здавій, для житья существа и его роду въ одномъ мѣстѣ, общею жизнью, семействомъ и поколѣніями семействъ, на наследственной собственности: таковы коралловые рифы въ царствѣ животномъ, и стволы растеній и деревьевъ въ царствѣ растительномъ. Уже съ нѣкотораго времени замѣчено и извѣстно, что каждая порода животныхъ, и каждый рядъ породъ, имѣютъ свой особенный рисунокъ для ткани костяной массы, и это открытіе, или это удачное замѣчаніе, съ большимъ успѣхомъ приложено господиномъ Оуеномъ и другими палео-зоологами къ распознаванію и къ опредѣленію животныхъ, которымъ древніе обломки костей принадлежали. Знатокъ предмета, положивъ подъ микроскопъ отпиленную и отполированную дощечку изъ допотопной окаменѣлости, по формѣ и расположенію ячеекъ безошибочно могутъ сказать, былъ ли это нѣкогда мамонтъ, великозвѣрь, рыбащеръ или древняя гилея. То, что предлагаетъ господинъ Линкъ относительно къ распознаванію и классификаціи растеній по рисунку ткани ствола, выходитъ не что иное какъ повтореніе или примѣненіе этого замѣчанія.

Листокъ живетъ; листокъ — существо живое и самобытное, существо удивительное, имѣющее подобно бабочкамъ свои жизненные переходы, свои измѣненія и судьбы, свои метаморфозы, живущее общественною и общемою жизнью, содѣйствующее къ благу своего общества при жизни, и оставляющее послѣ себя потомка въ почкѣ; а стволъ — продолженіе листка, связка ниточекъ пушенныхъ листками отъ ножки до самой земли для добытія себя соковъ изъ почвы. Цвѣтокъ не что иное какъ пучокъ тѣхъ же листковъ, которыхъ ближайшіе листки, или ближайшія почки доставили особенное питаніе, уступили лучшіе весенніе соки, и изъ которыхъ одни превратились въ блестящіе лепестки, другіе построились тычинками, третьи столбиками, четвертые кузовомъ для будущихъ сѣмянъ съ его перегородками. Цѣлыя сотни листковъ, родившихся отъ одной почки, принимаютъ различныя формы, цвѣта и должности, чтобы симметрически и дружно образовать общую славу семейства, ниръ красы и любви, залогъ вѣчности породы, цвѣтокъ. При данныхъ обстоятельствахъ, въ случаяхъ, называемыхъ несправедливо *уродливостями*, не каждому листку удастся, вѣроятно за недостаткомъ въ хорошей пищѣ, исполнить свою метаморфозу въ общей постройкѣ цвѣтка, и листокъ взявшійся сдѣлаться лепесткомъ, тычинкой или перегородкой сѣмяннаго кузова вырастаетъ на томъ же мѣстѣ обыкновеннымъ зеленымъ листкомъ, служа явнымъ доказательствомъ образа происхожденія цвѣтка и различныхъ судебъ листковъ. На послѣднемъ Сѣздѣ Англійскихъ Ученыхъ представлены были разными любителями ботаники и садоводства удивительные образцы такихъ *уродливостей*, послѣ которыхъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что каждый зеленый листъ можетъ-быть частью цвѣтка и каждая часть цвѣтка — зеленымъ листомъ. Многіе изъ неправильныхъ цвѣтовъ, переищенныхъ съ зелеными листками, не успѣвшими совершить свою метаморфозу, указали также на должность большихъ зеленыхъ листьевъ, растущихъ на вѣткѣ или стволѣ по близости цвѣтка: они, явственно, собираютъ, перерабатываютъ и изготовляютъ особенную, весьма нѣжную пищу, отъ которой юные листки почки, слагающіеся въ цвѣтокъ, получаютъ свою прозрачность, блескъ, краску или особенную форму. Листъ — родитель этой почки, и онъ же кормилецъ ея новорожденныхъ листковъ, потомъ — цвѣтка, изъ нихъ возникшаго, и наконецъ — плода, который то же не что иное какъ особенная форма листа. Листъ — начало ствола. Огромнѣйшее и могучее дерево — произведеніе общей работы милліона

поколѣній мелкихъ и слабыхъ листьевъ, существъ чудныхъ, достойныхъ всего нашего вниманія и любопытства. Глядя съ этой стороны на растеніе, жизнь растительная становится процессомъ, чрезвычайно замысловатымъ, тонкимъ, сложнымъ, исполненнымъ сокровенныхъ цѣлей и преобразованій, тогда какъ принявъ стволъ или все дерево за одно существо, мы низводимъ эту жизнь на крайнюю степень грубости и безобразія.

НАШЕСТВІЕ ПРОЦЕССИОННОЙ ГУСЕНИЦЫ НА ВЕЛЬГІЙСКІЕ ЛѢСА.
 Это чрезвычайно любопытное животное, одно изъ самыхъ вредныхъ, не только для лѣсовъ, но и для животныхъ, было наблюдаемо немногими натуралистами. Послѣ Линнея, давшаго ему названіе *Bombux processionnea*, и Реомюра, который сообщилъ объ немъ первыя хорошія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя личнымъ опытомъ, господинъ Николай, въ своихъ «*die Forst Insekten*», одинъ, кажется, прибавилъ нѣсколько положительныхъ подробностей, да и тотъ къ сожалѣнію своему не имѣлъ счастья (собственное его выраженіе) видѣть самъ этотъ страшный бичъ лѣсовъ, и рассказываетъ по словамъ одного вестфальскаго лѣсничаго. Въ прошломъ году, процессионная гусеница произвела нашествіе изъ Вестфалии на Hertogenwald, на лямбургскіе лѣса, и проникла до окрестностей Брюсселя, гдѣ господинъ Морренъ, членъ тамошней Академіи Наукъ и профессоръ ботаники, имѣлъ случай изслѣдовать съ большою точностью ея нравы, свойства, превращенія и способъ дѣйствія, съ своими слушателями, во время герборизаціи, и потомъ въ ваканціальное время, съ своимъ семействомъ. *Процессіи* этой гусеницы прекрасно изображены Реомюромъ, но порядокъ ихъ не совсѣмъ тотъ, какой онъ описываетъ. Въ головѣ ходу, или процессіи, есть конечно предводитель, но не одинъ, а цѣлый рядъ вождей и старѣйшинъ, съ соблюденіемъ постепенности. Какимъ образомъ ползучее ополченіе избираетъ себѣ главнаго предводителя, этого нельзя знать: нужно было бы видѣть рожденіе гусеницъ на мѣстѣ и выступленіе ихъ въ путь. Но, вѣроятно, оно избираетъ его на какомъ-нибудь основаніи, и уже этотъ выборный вождь назначаетъ отъ себя другихъ вождей и вожатыхъ: иначе, трудно было бы понять такой порядокъ постепенности. Впереди процессіи ползетъ главный предводитель, за нимъ по два въ рядъ вторые вожди, для того чтобы если главный вождь погибнетъ, одинъ изъ двухъ слѣдующихъ за нимъ второстепенныхъ вождей занялъ его мѣсто. Далѣе, идутъ вожатые третьяго класса, по три въ рядъ. Нако-

ища поведаются отряды, сперва отборные, въ отличномъ порядкѣ, по десяти гусеницъ вмѣстѣ, самыхъ дюжихъ и здоровыхъ, потомъ болѣе многочисленныя, по двадцати, но всё-таки стройныя, и которые составляютъ главный отдѣлъ; а въ концѣ слабая и отсталая сволочь мародеровъ, не соблюдающая большой правильности въ движеніяхъ. При отрядахъ есть старѣйшины. Главный предводитель указываетъ путь, держась сколько можно прямой линіи. Обязанность другихъ вождей состоитъ, какъ кажется, въ томъ, чтобы отряды сохраняли эту линію, необходимую для порядку, особенно при взлѣзаніи на деревья. Въ процессіи есть много отдѣловъ, или, точнѣе, вся безконечная общая процессія состоитъ изъ ряду множества частныхъ процессій. Надо полагать, что каждый отдѣлъ или частная процессія, съ своимъ главнымъ предводителемъ, есть одно семейство, выключившееся изъ яицъ одного гнѣзда и одной матки. По какимъ правиламъ утверждается одинъ изъ главныхъ вождей съ своею ратью предводителемъ всего ходу, это трудно угадать: только, вѣтъ сомнѣнія, что ему дается полная власть вести ходъ и указывать направленіе, которому слѣдуютъ всё прочіе главные вожди съ своими отдѣлами. Ходъ соблюдаетъ одну линію до вступленія въ лѣсъ: общій предводитель избираетъ первый дубъ и ползетъ на него — за нимъ вся его ватага; слѣдующій отдѣлъ уже не идетъ на этотъ дубъ, а ищетъ себѣ другаго подъ начальствомъ своего вождя, и такъ далѣе. Случается, однако жъ, что десятый или двадцатый отдѣлъ, двинувшійся къ первому или второму дубу, не зная, что одна частная процессія уже взлѣзла на него и покорила эту область листьевъ своей властью, всходитъ на тотъ же дубъ, уже занятый и можетъ-статься вполнину объѣденный. Какъ процессіи взлѣзаютъ на деревья и слѣзаютъ спиральною линіей около ствола, то случается что двѣ процессіи, одна взлѣзающая, а другая слѣзающая, или обѣ взлѣзающія, но не изъ одной точки вышедшія, пересѣкаютъ другъ друга; и тутъ-то замѣчательнъ порядокъ движенія и блюстительность старѣйшинъ: отряды проходятъ въ промежуткахъ своихъ крестообразно, не смѣшиваясь, не нарушая строю, не теряя даннаго направленія. Достигши листьевъ, каждый отрядъ овладѣваетъ вѣточкой, и въ нѣсколько часовъ отъ листьевъ остаются только голыя среднія жилки. При этой хищнической работѣ отряды не разстраиваются: вѣрно, каждый получаетъ извѣстное количество листьевъ на свою долю, и, поглотивъ ихъ, во-

днѣ охватъ въ строй, чтобы получить отъ предводителей новое количество корму, до истощенія всего дерева.

Резюмъ полагаѣтъ, что процессіонныя гусеницы повреждаютъ только края лѣсовъ, но, въ Бельгіи, это не оправдалось. Нашествіе было такое огромное и такое продолжительное, что безчисленные частныя процессіи распространялись во внутренность лѣсовъ, проходили насквозь, обнажали всѣ дубы, и пробирались черезъ поля въ другіе лѣса, по-дальше, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ пришли изъ Пруссіи и, вѣроятно, кѣмъ всегда впереди того же верховнаго предводителя, котораго мудрыми планамъ и неутомимой дѣятельности чьяно слѣдовали всѣ прочіе главные волаты, занимая въ полѣ каждый съ своимъ отдѣломъ прежнее свое мѣсто.

Утверждали, будто процессіонныя гусеницы сохраняютъ прямую линію тѣмъ, что каждая задняя гусеница держится зубами за щетинки хвоста передней. Господинъ Морреъ убѣдился, что это несправедливо: каждая гусеница ползетъ отдѣльно, правда ббльшую частью такъ близко, что рыльцомъ касается заднихъ щетинокъ своей передовой, но совершенно отъ нея независимо.

Прикосновеніе процессіонной гусеницы къ кожѣ животнаго или человека производитъ сильную боль, воспаленіе, продолжающееся нѣсколько дней, а иногда и смерть. Лошади и коровы, на которыя всползетъ или свалится такая гусеница, бросаются бѣжать что есть мочи, и несутся иногда до тѣхъ-поръ, пока не упадутъ и не издохнуть. Самая ядовитая часть этого животнаго—его нитка или волокно, которое онъ прядетъ для образованія себя кокона, подобнаго шелковичному, и для превращенія въ немъ въ куколку и потомъ въ мотылька. Эти волокна такъ тонки и легки, что, послѣ разрыву кокона, носятся въ воздухѣ; ложась на тѣло, они производятъ боль, краевоту и особенно опасны для глазъ. Господинъ Морреъ удостовѣрился помощью микроскопа, что эти волокна состоятъ изъ сѣпленія острыхъ и короткихъ волосковъ, или щетинокъ: зловредность ихъ для кожи, въ такомъ случаѣ, легко понимается, безъ предположенія особеннаго яду.

НОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ И НОВЫЯ ВРЕНІЯ О МОРСКОМЪ ЗМѢѢ. Извѣстія и вренія о существованіи въ Океанѣ невѣдомаго чудовища, которому нескони дано названіе *морскаго змѣя*, возобновляются въ Англіи особенно, отъ времени до времени и, въ послѣдніе годы, потеряли-было совершенно свою занимательность. Остроу-

нѣкоторые зоологи въ придумале очень замысловатое объясненіе загадочному явленію, о которомъ было уже столько свидѣтельствъ и столько споровъ: то, что моряки принимали иногда за исполнискаго змѣя, должно быть не что иное какъ длинный и плотный рядъ тюленей, который извивается змѣеобразно и издали можетъ показаться настоящимъ змѣемъ. Почти всѣ изъяли свое удовольствіе на это истолкованіе, и морскому змѣю уже не вѣрили на сушѣ. Но, послѣ долгаго мира, въ октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года вспыхнуло неожиданно-жаркое преніе, въ которомъ приняли участіе важные журналы и важные ученые, между прочимъ Times, Athenæum, Zoological Journal, профессоръ Овенъ, лейтенантъ Дроммондъ. Полемика началась письмомъ капитана Mac-Quhae (Мекуэ), который, черезъ Times, доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія, что 6 августа онъ и весь его экипажъ положительно и несомнѣнно видѣли въ Океанѣ змѣя, въ сто двадцать футовъ длиною, и такъ близко, такъ отчетливо, что фактъ не терпитъ ни какого возраженія: только змѣй этотъ по-видимому не гибокъ; онъ прямъ какъ бревно, и неповоротливъ. Никто не утверждаетъ, и не смѣетъ утверждать, будто капитанъ Мекуэ и его подчиненные не видали того, что они такъ ясно видѣли и что онъ описываетъ; но обстоятельство *негибкости* и *неповоротливости* чудовища, котораго даже и портретъ изданъ въ лондонской «Иллюстраціи», послужило основаніемъ доказательству, что почтенный капитанъ, слѣдовательно, видѣлъ не «морскаго змѣя», а что-то другое, которое профессоръ Овенъ и объяснилъ очень замысловато простыми зоологическими данными. Въ миномъ новооткрытомъ чудовищѣ нѣтъ ничего новаго и неизвѣстнаго. Многіе морскіе и сухопутные спорщики приняли сторону, одни капитана Мекуэ, другіе ученаго профессора, и преніе зашуталось въ послѣднее время запискою лейтенанта Дроммонда, изъ которой явствуетъ, что и капитанъ Мекуэ и профессоръ Овенъ ошибаются: есть что-то такое *неизвѣстное*, хоть оно и не змѣй, а кажется — рыба. Господинъ Дроммондъ сообщаетъ выписку изъ журнала военнаго корабля «Дедалъ», недавно воротившагося въ Соутемтонъ: журналъ составленъ былъ официально, и немедленно послѣ наблюденія. Капитанъ, лейтенантъ, всѣ офицеры и всѣ матросы корабля, все люди умѣющіе судить о формѣ, размѣрахъ и разстояніяхъ предметовъ въ морѣ, видѣли, саженьхъ въ пятьдесятъ отъ судна, странное и незнакомое наукѣ животное, котораго передняя часть, показывавшаяся надъ водою, нѣтъ а около тридцати футовъ, такъ что весь уродъ могъ доходить

футовъ до осьмидесяти или девяноста. Оно плыло съ быстротою миль четырнадцать въ часъ. Простымъ глазомъ наблюдали его минутъ пять, а въ подозрную трубу можно было видѣть еще цѣ-
 лья четверть часа. Надъ водою видна была огромная голова, ко-
 торой верхняя челюсть далеко выставлялась надъ нижнею, ка-
 завшеюся коричневаго цвѣту; часть спины, ближайшая къ голо-
 вѣ; и, подалше, сплывныя перья; а еще далѣе — перья, которыя
 рѣдко выходили изъ воды и, по мнѣнію капитана, составляли
 оконечность хвоста: въ такомъ случаѣ животное имѣло бы дли-
 ны отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ. Но достаточнаго ос-
 нованія для хвоста нѣтъ собственно въ этихъ вторыхъ перьяхъ,
 которыя могли находиться еще на продолженіи спины. Чудови-
 ще было также *негибкое, неповоротливое*. Оно часто погружалось
 въ воду, но большею частью держало голову вровень съ волною,
 въ поднятомъ положеніи, такъ, что хвостъ долженъ былъ нахо-
 диться глубоко въ водѣ. Форма челюстей, и перья на спинѣ, а
 можетъ-быть и на хвостѣ, если то, что примѣтилъ капитанъ,
 было хвостъ, не позволяютъ назвать чудовище «змѣемъ», по-
 тѣмъ не мевѣ оно не объясняется ни одной изъ формъ, извест-
 ныхъ зоологич:

ЗОЛОТЫЕ ПРИСКИ ВЪ КАЛИФОРНИИ. Новопріобрѣтенныя отъ
 Мексиканцевъ земли составляютъ въ эту минуту для жителей
 Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и, слѣдовательно, по
 первому праву, для лондонскихъ капиталистовъ, предметъ люби-
 мой спекуляціи. Мода на *калифорнскія акціи* доходитъ до fu-
 гоге. Всякой надѣется за десять фунтовъ стерлинговъ сдѣлаться
 владѣтелемъ обширной области съ богатѣйшею почвою для земле-
 дѣльческой или рудоконной разработки. Страсть эта къ золото-
 искательству прозвана уже *калифорноманіей*. Несмотря на преувел-
 ченія, неизбѣжныя въ такомъ случаѣ, кажется, что, въ самомъ
 дѣлѣ, Калифорнія заключаетъ въ себѣ золотыя россыпи, особенно по
 рѣкѣ Саграменто, въ необыкновенной степени обильныя металломъ
 и до того легкія къ разработкѣ, что одинъ работникъ вымываетъ въ
 день до двадцати четырехъ граммъ чистаго золота, что представляетъ
 достоинство двадцати рублей серебромъ. Несмѣтное множество ком-
 паний на акціяхъ образуется въ Нью-Йоркѣ и Лондонѣ. Многія уже
 приступили къ дѣлу. Толпы переселенцевъ, спекулянтовъ, работ-
 никовъ, стремятся, съ орудіями, машинами и запасами всякаго
 роду, къ западному берегу Сѣверной Америки: каждый надѣется,
 черезъ годъ, воротиться Крезусомъ или Ротшильдомъ. Неудобство

этихъ басняшекъ предпріятій состоитъ особенновъ томъ, что въ Калифорнію можно привезти все что угодно, но вывезти оттуда ничего нельзя: всякой корабль, пришедшій въ его берегу, на другой же день остается безъ матросовъ, которые бросаютъ шлюбу и море и бѣгутъ внутрь страны, въ заколдованные лѣса и болота, гдѣ стѣитъ только нагнуться и брать шапкою чистое золото. Второе неудобство — въ Калифорніи, покажется, есть ничего; кулъ муки продается по сту рублей серебромъ, въ двѣнадцать разъ дороже тѣмъ въ Нью-Йоркѣ. По этому можно себѣ представить, во что обойдется разработка приисковъ въ такой пустынной сторонѣ. Золота найдутъ много, но барыша получить мало.

НОРВЕЖСКІЕ СЕРЕБРЯНЫЕ РУДНИКИ. По шведскимъ официальнымъ донесеніямъ, въ конингсбергскихъ горныхъ заводахъ, которые учреждены правительствомъ въ Норвегін не очень давно, 14 сентября одинъ работникъ нашелъ глыбу самороднаго серебра въ двѣсти восемь фунтовъ вѣсу; а 6 октября открыта другая глыба чистаго серебра въ *четыреста тридцать шесть* фунтовъ. Замѣчательно, что, лѣтъ двадцать тому назадъ, эти рудники были предлагаемы въ Лондонѣ къ продажѣ за десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ (семьдесятъ тысячъ рублей серебромъ), и что никто не хотѣлъ дать за нихъ этой цѣны. Тогда, знающіе горные инженеры убѣдили шведское министерство предпринять разработку на счетъ казны, и нынче конингсбергскіе рудники, при слабомъ производствѣ работъ, даютъ каждый годъ доходу болѣе той суммы, за которую хотѣли продать ихъ.

ПЛОВУЧАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА ВЪ АНГЛІИ. *Воздушная* желѣзная дорога на аркадахъ, или виадуктахъ; *подземная*, по тоннелямъ, прорытымъ въ горахъ или подъ городами; *подводная*, по желѣзной трубѣ, положенной на дно рѣки, озера или залива, все это уже извѣстно и пошло. Вотъ новый родъ чудныхъ дорогъ, еще не бывалый: желѣзная дорога *пловучая*, или паромъ съ рельсами, или паромъ съ желѣзною дорогою на палубѣ. Menai-Strait, для котораго строится подводная желѣзная дорога въ желѣзной трубѣ, представляетъ въ ширину не болѣе 75 сажень. Эта метода не годится для такихъ обширныхъ водъ, какія встрѣчаются на линіи большой желѣзной дороги изъ Лондона въ Абердинъ и дѣятельнаго прибрежнаго судоходства въ той сторонѣ. Провѣздъ черезъ заливъ Тау, въ Broughty-Ferry, имѣетъ болѣе трехъ верстъ въ длину.

Пассажирамъ нецрлтно было оставлять вагоны на одномъ берегу, пересѣдать на пароходы, и потомъ опять вскать нѣсть въ другихъ экипажахъ, въ новомъ поѣздѣ, ожидающемъ ихъ по ту сторону Тея. Господинъ Непиръ взялся устроить это неудобство посредствомъ паромъ, движимаго паровою машиною въ двѣсти пятьдесятъ силъ, съ палубой довольно обширною для трехъ паръ рельсовъ и для помѣщенія на нихъ цѣлаго поѣзда экипажей, въ семьдесятъ саженъ длиною. Этотъ гигантскій пароходъ уже готовъ и вскорѣ будетъ спущенъ на воду.

ПОДВОДНЫЙ МОРСКОЙ ТЕЛЕГРАФЪ МЕЖДУ АНГЛІЕЙ И ИРЛАНДІЕЙ. Идея о проведеніи проволокъ по дву морскому между двумя отдаленными берегами для электрическаго сообщенія принадлежала доннѣ къ тѣмъ романтическимъ возможностямъ, о которыхъ мечтаютъ, но на которыя не рѣшаются. Однако жъ идея эта осуществляется, и не пылкостью частной предпринимчивости, а офенціальнымъ хладнокровіемъ. Англійское Адмиралтейство признало такой телеграфъ необходимымъ между Англіей и Ирландіей. Конечными точками избраны, съ одной стороны Честеръ, состоящій посредствомъ желѣзной дороги и электрическаго телеграфа въ непосредственной связи съ Лондономъ и Портсмутомъ, съ другой Дублинъ. Господинъ Виллъ принялъ на себя устройство телеграфа, съ *отвѣтомъ*, и на *свой страхъ*. Военному кораблю подъ командою извѣстнаго капитана Фрезера приказано оказывать работамъ всякую помощь и пособіе.

СТРАННОСТИ И ПРИЧУДЫ НѢКОТОРЫХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ. Странность; кажется, была всегда удѣломъ художниковъ. Подвижность ума, какъ слѣдствіе извурительной горячки изобрѣтенія, независимость характера, внушаемая талантомъ, служить, безъ сомнѣнія, источниками тысячи причудъ у людей живущихъ воображеніемъ. Правда, что у многихъ страсть къ причудамъ только натяжка, желаніе подражать смѣшной сторонѣ знаменитыхъ людей. Эти подражатели дѣлаютъ изъ генія карикатуру, воображая, что такимъ образомъ сами они становятся гевіями. Не станемъ ими заниматься. Будемъ говорить о гевіальныхъ оригиналахъ.

Нечеръ, живописецъ голландской школы, жилъ въ кругу придворныхъ Людовика-Четырнадцатаго. Разъѣзжая въ мягкой придворной каретѣ, онъ составлялъ себѣ притязанія на всѣ наслажденія прихотами роскоши, и подражалъ приемамъ вельможъ. Онъ

заставлялъ просить себя на колѣнахъ, даже хорошенькихъ женщинъ, прежде чѣмъ соглашался написать портретъ. И то соглашался писать самыхъ знатныхъ особъ. Однажды нѣкто изъ простыхъ, принявъ извѣстное имя, успѣлъ добыть отъ него свой портретъ. Но Нечерь, открывъ хитрость, послалъ за портретомъ, подъ предлогомъ какихъ-то поправокъ и изрѣзалъ его ножомъ, съ совершенно аристократическимъ негодованіемъ.

Фридрихъ, первый король прусскій, изъявилъ желаніе, чтобы Нечерь написалъ портретъ его.

Художникъ и монархъ увидались въ Гаагѣ. Нечерь набросалъ первыя черты; Фридрихъ былъ въ восхищеніи отъ эскиза; но, къ несчастію, весьма нужное государственное дѣло привудило его вдругъ уѣхать изъ Гааги и назначить живописцу другое время для сеанса. Нечерь ужасно раздражился тѣмъ, что Фридрихъ считаетъ свое царство важнѣе его картины. Когда наступалъ день, назначенный Фридрихомъ для втораго сеанса, Нечерь еще находился въ Гаагѣ, но наканунѣ пріѣзда короля онъ нарочно уѣхалъ.

Arlaud, женеvскій уроженецъ, жилъ также при дворѣ Людовика-Четырнадцатаго. Въ великолѣпной галереѣ картинъ, которую онъ, будучи богатымъ, уснѣлъ себѣ составить, сіяла *Леда*, собственной его работы. Мифологическія приключенія этой дамы всѣмъ извѣстны. Любители, удивляясь образцовому произведенію, находили однако, что Arlaud слишкомъ вольно исполнилъ сюжетъ.

Разсердясь по поводу критическихъ замѣчаній, которыя возобновлялись безпрестанно, живописецъ обрѣзалъ руки и ноги Ледѣ, шею лебедю, и продалъ Леду врозницу: одному голову, другому — бюстъ, третьему — ногу....

Вербруггенъ славился быстротою исполненія; этой легкости кисти онъ былъ одолженъ значительнымъ богатствомъ. Къ несчастію, страсть къ удовольствіямъ заставляла его нѣсколько разъ проматывать свое состояніе. Талантъ вознаграждалъ все. Разорившись, онъ богатѣлъ снова. Днемъ онъ гулялъ и наслаждался жизнью, а работалъ только ночью.

Рассказываютъ, что Жиродѣ также работалъ ночью. Поэтому онъ освѣщалъ мастерскую такъ, чтобы имѣть пропасть свѣту. Самое странное въ этомъ случаѣ было то, что самъ онъ надѣвалъ себѣ на голову корону изъ подсвѣчниковъ, съ салными свѣчами, и поминутно призывалъ слугу снимать со свѣчь.

Ванъ-деръ Стратенъ писалъ по десяти картинъ въ день.

Иные живописцы могли писать только нѣкоторые предметы или нѣкоторые животныя.

Тейсенсъ писалъ только троеи. Вромансъ — только змѣй, лягушекъ, гусеницъ и пауковъ. Этотъ живописецъ вообразилъ, что онъ нашелъ средство летать по воздуху: придѣлалъ себѣ крылья какъ Икаръ, чтобъ испытать свою выдумку, но упалъ и сломалъ ногу. «Вы такъ хорошо подражаете змѣямъ. Чтò вамъ за нужда подражать птицамъ?» сказали ему товарищи.

Мельхиоръ Гондекохтеръ въ молодыхъ лѣтахъ говорилъ проповѣди въ церкви Святаго Иоанна, въ Утрехтѣ. Краснорѣчіе и набожность живописца привлекали къ его поученіямъ цѣлую толпу. Гондекохтеръ женился, и жена его съ своими тремя сестрами, которыя всѣ жили у него, столько его мучили, что онъ вдался въ распутство, и уходилъ въ трактиры, чтобы спокойно работать. Онъ первый началъ удачно писать пѣтуховъ, курицъ, павлиновъ. У него была модель особеннаго роду. Посредствомъ терпѣнія, онъ приучилъ пѣтуха сидѣть возлѣ картины такъ долго и въ такомъ положеніи какъ ему хотѣлось. Пѣтухъ повиновался малѣйшему знаку хозяйна и часто засыпалъ въ томъ положеніи, въ какомъ поставилъ его художникъ.

Иоаннъ Кунецкій, богемскій уроженецъ, сначала занимался ткацкимъ ремесломъ; потомъ дойдя до той степени нищеты, что долженъ былъ просить милостыню, онъ встрѣтилъ въ гостинницѣ Швейцарца, живописца, который заказалъ своему бѣдному товарищу девять портретовъ папы, по три франка за каждый.

Кунецкій занемогъ; вмѣсто уплаты аптекарю и доктору, онъ обѣщалъ написать ихъ портреты. Понятно какъ усердно, при такомъ вознагражденіи, два врачебные мужа хлопотали о спасеніи больного.

Иоаннъ Антиквусъ отправился на корабль безъ копѣйки, и заплатилъ за проѣздъ портретомъ капитана.

Пуссену также часто случалось въ молодости платить трактирщикамъ картинами или живописью на стеклѣ. Статья художескихъ лишеній безконечна.

Ванделура остановили и ограбили въ лѣсу; но разбойникъ узнавъ, что онъ обобралъ живописца, отдалъ назадъ деньги съ знаками чрезвычайнаго уваженія. «Вашимъ искусствомъ жить очень дорого, сказалъ разбойникъ вздыхая: зачѣмъ отнимать у васъ то, чтò вы заработали.» Ванделуръ былъ удивленъ великодушіемъ, которое рѣдко встрѣчается въ лѣсу, и удивился еще болѣе, когда разбойникъ признался, что самъ тоже былъ живопис-

цомъ. Онъ уговаривалъ Ванделура сдѣлаться разбойникомъ; но Ванделуръ не имѣлъ ни какой склонности къ этому искусству; напротивъ, онъ употреблялъ все усилія, чтобы уговорить разбойника возвратиться къ прежнему состоянію.

Разсказываютъ еще объ одномъ живописцѣ, который за плутовство былъ посаженъ въ тюрьму, что онъ въ заключеніи и посреди позора, приобрѣлъ извѣстность; его звали Колино Веберманомъ.

Ванъ Пезъ вышелъ изъ бѣдности очень забавнымъ образомъ. Онъ притворился больнымъ, и нѣсколько дней лежалъ въ постели; наконецъ вышелъ на костыляхъ. Каждый жалѣлъ его и думалъ, что скоро настанетъ его послѣдній часъ. Ванъ-Пезъ тащется къ собѣду, и предлагаетъ отдать ему капиталъ за пожизненную пенсію. Собѣдъ, прельстясь надеждой на скорую его кончину, тѣмъ болѣе, что Ванъ-Пезъ безпрестанно кашлялъ, предложилъ значительные проценты художнику, который съ нимъ плелъ шутку: прожилъ очень долго.

Адрианъ Брауверъ, голландскій живописецъ, велъ жизнь очень тревожную. Учитель его Гальсъ, который имъ пользовался, держалъ его въ заперти на чердакѣ, для того чтобы никто не надумалъ молодого живописца какъ великъ былъ его талантъ. Однажды онъ убивалъ съ нѣсколькими гульденами и купилъ себѣ жаренку. Это кушанье казалось ему ни съ чѣмъ несравненнымъ, и онъ хотѣлъ насладиться имъ спокойно, спрятался за органъ въ церкви и оставался тамъ нѣсколько дней.

Брауверъ написалъ ссору солдатъ съ крестьянами за картину. Картина эта такъ восхитила герцога Вермандоа, что онъ заплатилъ за нее сто червонныхъ. Живописецъ, привыкши къ лишніямъ учителя, пришелъ въ восторгъ отъ такой суммы, раземпалъ деньги на постели и легъ на нихъ. Потомъ собралъ ихъ и ушелъ не сказавши ни слова свидѣтелямъ этого безумія. Объ немъ уже забыли, какъ вдругъ онъ возвращается черезъ нѣсколько времени очень веселымъ и пѣвая пѣсенку. Его спрашиваютъ куда онъ дѣвалъ деньги? Слава Богу, отвѣчалъ онъ, смустилъ все съ рукъ и я теперь такъ счастливъ!...

Однажды Браувера ограбили разбойники — не живописцы вѣроятно, потому что отняли у него всю одежду. Брауверъ заказываетъ себѣ платье и плащъ изъ холста, расписываетъ ихъ прекрасными цвѣтками, и въ этомъ торжественномъ одѣяніи является на гуляньи въ театрѣ. Дамы любятъ на красивую матерію и нѣкоторыя спрашиваютъ у живописца адресъ лавки.

Брауверъ въ долгахъ, онъ оставилъ Амстердамъ и бѣжеть въ Антверпенъ. У воротъ города его останавливаютъ какъ шпіона, и сажаютъ въ крѣпость. Въ то же время герцогъ Арембергъ содѣржался тамъ по повелѣнію испанскаго короля. Брауверъ принялъ герцога за коменданта, и разсказалъ ему свои несчастія. Герцогъ просилъ Рубенса, жившаго тогда въ Антверпенѣ, прислать все необходимое для живописи. Нѣсколько испанскихъ солдатъ шумно играли въ карты на дворѣ противъ конкурса живописца. Брауверъ схватилъ только что принесенныя кисти и палитру, и списалъ съ игроковъ картину, полную самою конической экспрессіи. Въ углу картины, капралъ, сидя на пяткахъ, куритъ и, кажется, судитъ о ходахъ, искрививъ ужасно ротъ свой, изъ котораго торчатъ два зуба. Герцогъ Арембергъ расхохотался. Онъ послалъ за Рубенсомъ, который, увидѣвъ картину, вскричалъ: «Одинъ Брауверъ могъ написать это!» Герцогъ купилъ картину.

Рубенсъ соединялъ съ гениальностью прекрасную душу: онъ велъ къ себѣ несчастнаго живописца; но Брауверъ не могъ привыкнуть къ правильной жизни и благопристойности свѣтла фламандской школы; онъ оставилъ домъ Рубенса, увѣряя что *тутъ живутъ слишкомъ добродѣтельно*, и что въ крѣпости лучше.

У Юска Ванъ-Красбеке, ученика Брауверова, была хорошенькая жена, которую онъ ревновалъ. Однажды ему захотѣлось увѣриться, точно ли она его любитъ. Онъ нарисовалъ на груди очень широкую рану, запачкалъ рубашку и ножъ красной краской, и началъ громко кричать. Жена тотчасъ приближалась, раскричалась еще громче, и дала такія несомнѣныя доказательства горести, что мужъ излечился отъ своихъ гадкихъ подозрѣній.

Мейтусъ кралъ тѣла повѣшенныхъ, чтобы брать съ нихъ слѣпки и изучать анатомію.

Корнелло Вермейенъ отростилъ бороду до того, что она волочилась по землѣ, хотя онъ былъ высокаго росту. Императоръ Карлъ Пятый любилъ наступать на эту чудовищную бороду, которая всѣхъ Бургграфовъ приводила въ удивленіе.

Ванъ-Оберкекъ любилъ безъ памяти и удовольствія и свое искусство. Эти двѣ наклонности всегда въ немъ боролись и побуждали его къ страннымъ проказамъ. Въ Швеннигенѣ, нанялъ онъ комнату, въ которую входилъ посредствомъ подставной лѣстницы, всегда втаскивая ее за собою, чтобы никто не мѣшалъ ему работать.

Онъ очень любилъ путешествія и ѣздилъ часто въ Римъ; увѣ-

жал онъ оставлялъ всю свою неволю, вещи и драгоценности у ростовщика, затѣвъ, по словамъ его, чтобы не платить за насъ для нихъ квартиры; надѣвалъ дорожное платье, и не снималъ его до возвращенія. Вездѣ къ любителямъ, къ богатымъ знатокамъ, къ художникамъ, являлся онъ въ одномъ и томъ же платьѣ, запачканномъ, изорванномъ, взношенномъ. Надъ его одеждой насмѣхались, но эти насмѣшки доставляли ему случай отшучивать остроты, за которыми онъ не ходилъ въ карманъ.

Ванъ-Оберкекъ, измученный работой, а еще болѣе удовольствіями, занемогъ. Доктора, полагаясь на его лѣта, надѣялись вылечить.

— Ахъ, господа! сказалъ онъ: мнѣ сорокъ шесть лѣтъ, это правда; но надо считать вдвое: я вѣдь жилъ день и ночь!....

Онъ умеръ въ 1706 году. Ванъ-Оберкекъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ и счастливыхъ грѣшниковъ, которые оканчиваютъ жизнь шуткою.

Гольбейнъ былъ не менѣе Ванъ-Оберкека строгъ къ докучливымъ посѣтителямъ. Однажды, въ Англіи, придворный вельможа Генриха-Осьмого хотѣлъ непремѣнно войти въ мастерскую, несмотря на отказъ хозяина. Гольбейнъ, выведенный изъ терпѣнія, столкнулъ его съ лѣстницы.

Рембрантъ, какъ извѣстно, былъ очень скупъ. Онъ приказывалъ сыну продавать свои эстампы и говорить вездѣ, будто они украдены имъ у отца; любители воображали, что покупаютъ ихъ дешево. Иногда онъ отдавалъ продавать свои работы, съ аукциону, и выѣшавшись въ толпу, набивалъ на нихъ цѣну. Никто не выдумывалъ такихъ хитростей, чтобы свое произведеніе продать подороже. Часто онъ притворялся, будто хочетъ оставить Амстердамъ, чтобы возбудить рвеніе любителей боязнью лишиться надолго произведеній его кисти.

Ученяки подшучивали надъ его скупостью, расписывали на кусочкахъ картъ монеты и разбрасывали эти лоскутки по полу мастерской. Рембрантъ каждый разъ наклонялся, чтобы поднять ихъ.

Однажды онъ писалъ портреты цѣлаго семейства, въ видѣ одной картины, и ему пришла сказать, что любимая обезьяна его умерла. Рембрантъ заплакалъ. Онъ хотѣлъ еще разъ взглянуть на дорогаго животного. Когда принесли обезьяну, онъ, къ великому удивленію почтенныхъ своихъ подлинниковъ, началъ писать ее на той же картинѣ. Отецъ сталъ противиться введенію этого новаго члена въ свое семейство. Рембрантъ продолжалъ писать. Ему угрожали тѣмъ, что не возьмутъ картины. Рембрантъ не хотѣлъ

и слушать: онъ скорѣ рѣшился оставить за собой всю картину, чѣмъ не соорудить этого памятника своей милой обезьянѣ.

=

ДЕРЖИ СЕРДЦЕ НАСТЕЖЬ, А ДВЕРЬ НА ЗАПОРЬ. *Маленькій разговоръ въ маленькой гостиной, случившійся въ пріемный день за недостаткомъ въ гостяхъ.*

=

ГРАФИНЯ и КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ.

Ужъ не знаю, право, когда я вылечусь отъ неловкости. Я ужасно вѣтренъ: не могу никакъ запомнить вашего дня, и, случись только у меня желаніе побывать у васъ, оно какъ-разъ случится всегда во вторникъ.

ГРАФИНЯ.

Развѣ у васъ есть до меня дѣло?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ; но если бы дѣло случилось, я никогда не могъ бы довести его до конца, потому что вы рѣдко, и только случайно, бываете одаѣ, и вотъ, черезъ четверть часа, привалитъ къ вамъ толпа короткихъ друзей, отъ которыхъ я спасусь бѣгомъ, предвараю васъ.

ГРАФИНЯ.

Правда, что сегодня — мой день. Не знаю, право, зачѣмъ онъ у меня; но, такова мода! Впрочемъ, она имѣетъ свое основаніе. У нашихъ родителей, двери бывало — нарастворъ; приходи — когда угодно; но хорошее общество было тогда немногочисленное, ограничивалось, въ каждомъ кругу, своимъ десяткомъ скучныхъ людей, который, въ строгомъ смыслѣ, можно было вынести. Нынче не то. Цѣлый свѣтъ, по своему разумѣнію — прекрасное общество. Надо принимать весь городъ. Когда вы дома, вы просто — на улицѣ. Одно спасеніе — имѣть каждому свой день. Вы объявляете: по вторникамъ я всегда дома; это значитъ: въ другіе дни, пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ!

КНЯЗЬ.

Тѣмъ хуже сдѣлалъ я, что пришелъ сегодня; и если вы позволите мнѣ видѣть васъ въ другой день.....

ГРАФИНЯ.

Покоритесь судьбѣ и садитесь. Если вы въ духѣ, говорите, если не въ духѣ, грѣйтесь: вотъ каминъ. Сегодня я не жду много гостей; вы посмотрите, какъ будутъ проходить тѣни моего волшебнаго фонаря. Но что съ вами?... вы..... какъ-будто.....

КНЯЗЬ.

Какъ-будто что?

ГРАФИНЯ.

Изъ тщеславія, не скажу.

КНЯЗЬ.

Признаться, до пріѣзду сюда, въ самый дѣлъ я.... немножко... былъ.... таковъ, какъ вы говорите.

ГРАФИНЯ.

Каковъ?... Я ничего не говорю!

КНЯЗЬ.

Вы будете сердиться, если вамъ все сказать.

ГРАФИНЯ.

Вечеру я ѣду на балъ, гдѣ мнѣ хочется быть хорошенькой: такъ ужъ сегодня сердиться я не стану!

КНЯЗЬ.

Ну, я былъ немножко... изъ числа скучныхъ.... только причина моей скуки такова... что если бы вы ее постигли.... Словомъ, не понимаю, что со мной стало. Модная болѣзнь, какъ ваши приемные дни. Съ двѣнадцати часовъ не знаю куда дѣваться. Зажалъ мѣста въ четыре — никого не засталъ дома. Званъ былъ обѣдать — и отговорился безтолково: спектакля нѣтъ сегодня. Выхожу гулять... по морозу — встрѣчаю только красные носы да снѣга щеки. Не знаю, право, что съ собой дѣлать и что сдѣлалось со мною: глупъ какъ фельетонъ!...

ГРАФИНЯ.

Я готова тоже самое сказать о себѣ. На мени находятъ часто такая тоска.... скучно — хоть кричи! Это, вѣрно, отъ погоды.

КНЯЗЬ.

Въ самомъ дѣлѣ, погода — прескучная. Морозъ ужасный. А зима — смерть моя. Есть охотники до стужи, которые и звать не умѣютъ, пока уши у нихъ не отморожены. У нихъ это называется: прекрасный морозъ! Не все ли это равно, что сказать: прекрасный насморкъ, или прекрасный кашель? Очень благодаренъ за такія красоты!

ГРАФИНЯ.

— Я совершенно вашего мнѣнія. Только, мнѣ кажется, что

моя скука происходит не изъ того воздуха, который холодомъ дуетъ на дворѣ, а изъ того, который выдыхаютъ на меня другіе. Можетъ статься, оттого что всѣ мы старѣемся. Я, напримеръ, уже давною считатъ себя двадцать десять лѣтъ, и вижу, что дарованіе жить у меня пропадаетъ.

КНЯЗЬ.

А у меня этого дарованія никогда не бывало, и я теперь — въ ужасѣ: оно, кажется, во мнѣ зарождается. Съ лѣтами человѣкъ долженъ дѣлаться или пошлымъ или сумасшедшимъ. Я страхъ боюсь умереть благоумнымъ,

ГРАФИНЯ.

Позвоните.... чтобы подкинули дровъ. Ваша идея задеваетъ меня (слышенъ звонокъ).

КНЯЗЬ.

Не стоитъ труда.... звонять.... ваша процессія уже является.

ГРАФИНЯ.

Посмотримъ, кто несетъ знамя впереди; а главное — умудритесь остаться.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, я рѣшительно ухожу.

ГРАФИНЯ.

Куда?

КНЯЗЬ.

Самъ не знаю. (Встаетъ, кланяется, и отворяетъ дверь). Прощайте; до четверга.

ГРАФИНЯ.

Зачѣмъ до четверга?

КНЯЗЬ, держа за ручку двери.

Четвергъ — вашъ день въ Итальянской Оперѣ. Я засвидѣтельствую вамъ мое почтеніе въ ложѣ.

ГРАФИНЯ.

Я васъ не хочу. Вы все ворчите. Притомъ же со мной будутъ дорогой сосѣдушка.

КНЯЗЬ.

Вашъ сосѣдъ по дачѣ.... глухарь?... въ оперѣ?..

ГРАФИНЯ.

Да. Онъ самъ.... съ трубкой.... озями и полнымъ приборомъ. Онъ лѣтомъ продалъ мнѣ сѣна съ необыкновенной любезностью. Я хочу за вѣжливость заплатить вѣжливостью.

КНЯЗЬ.

Какъ это да васъ похоже! Скуднѣйшее существо въ поднебес-

ной! Его бы слѣдовало попочивать его жѣ товаромъ. Кстати, знаете ли вы что говорить?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ. Но что же никто нейдетъ: кто же это звонилъ?

КНЯЗЬ, СМОТРИТЬ ВЪ ОКНО.

Никто; дѣвушка.... принесла картонку... Богъ знаетъ что такое.... кажется прачка. Она, я вижу въ зеркало.... говорить въ прихожей съ вашими людьми.

ГРАФИНЯ.

Вы называете это «Богъ знаетъ что!» Какъ это учтиво!... мой чепчикъ!... Ну, что же говорить обо мнѣ и сосѣдущкѣ? Притворите дверь; тутъ ужасно дуеть.

КНЯЗЬ, ЗАТВОРИВЪ ДВЕРЬ.

Что вы наконецъ помышляете о вторичномъ бракѣ; что вѣшь дорогой сосѣдушка....

ГРАФИНЯ.

Предостойный человекъ?

КНЯЗЬ.

Прелюбезный!

ГРАФИНЯ.

Въ этой благородной душѣ....

КНЯЗЬ.

Цѣлыхъ пять тысячъ душъ.

ГРАФИНЯ.

И рай, а не дача, на Невѣ. Ну, ну!... Что жъ далѣе?

КНЯЗЬ.

Что онъ бываетъ у васъ ужъ слишкомъ часто...

ГРАФИНЯ.

Въ самомъ дѣлѣ?... только-то?... И вы мнѣ говорите это... такъ.... по просту.... въ глаза?

КНЯЗЬ.

Потому что всѣ говорятъ.

ГРАФИНЯ.

Вотъ прекрасная причина! Развѣ я вамъ повторяю то, что говорятъ объ васъ?

КНЯЗЬ.

Что жъ могутъ сказать такого, чего бы нельзя было повторить?

ГРАФИНЯ.

Да вы видите, что все можно повторять, когда вы мнѣ доложите, что, по достовѣрнымъ слухамъ, я выхожу замужъ за со-

сѣдушку.... Объ васъ не говорятъ еще такихъ ужастей, но, по-
вѣстастію, то что говорятъ, видно правда.

КНЯЗЬ.

Что же это? Вы меня пугаете.

ГРАФИНЯ.

Этихъ и доказывается, что не лгутъ.

КНЯЗЬ.

Извольте говорить яснѣе, сдѣлайте одолженіе.

ГРАФИНЯ.

Я въ ваши дѣла не мѣшаюсь.

КНЯЗЬ, садится возлѣ графини.

Умоляю!... прошу васъ.... какъ о милости!... Ваше мнѣніе для
меня дороже всего въ мірѣ.

ГРАФИНЯ.

Дороже того, что говорятъ, вы хотите сказать?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, положительно — дороже всего. Вы — единственная особа,
чье уваженіе, сочувствіе....

ГРАФИНЯ.

Ахъ! ахъ!... вы сочиняете фразу!

КНЯЗЬ.

Совсѣмъ нѣтъ. Когда вы ничего не видите, значитъ — не
хотите видѣть.

ГРАФИНЯ.

Видѣть что?

КНЯЗЬ.

То, что очевидно и очень понятно.

ГРАФИНЯ.

Я понимаю только то, что мнѣ говорятъ ясно и.... притомъ....
вслухъ.

КНЯЗЬ.

Вы все обращаете въ шутку! Возможно ли, чтобы втеченіи
цѣлаго года, встрѣчался съ вами почти ежедневно, зная васъ,
ваше сердце, ваши достоинства, вида столько ума, граціи, кра-
соты....

ГРАФИНЯ.

Ахъ, Боже мой! да это — еще хуже фразы: ни дать ни взять
изъясненіе. Что жъ вы не предупредили: изъясненіе ли это....
или только родъ поздравленія съ новымъ годомъ?

КНЯЗЬ.

Ну, что если бъ это было изъясненіе?

ГРАФИН

Да я не хочу этого пышнѣйшаго утра. Я вамъ сказала: вѣчеру я ѣду на балъ, гдѣ я наслаждаюсь изъясненіемъ вдоволь. Здоровье мое не позволяетъ мнѣ этиа вещей два раза въ сутки.

КНЯЗЬ.

Право, вы убійственны. Какъ я буду рада, когда вы дождетесь сами въ такое же положеніе!

ГРАФИНЯ.

Я тоже буду очень рада. Боюсь вамъ, есть минуты, что я бы дорого дала за полчаса горя. Вотъ сейчасъ, какъ меня причисывали, я непускала вздохи... да такіе, что душа трескалась... съ отчаяніемъ, что не о чемъ думать.

КНЯЗЬ.

Насмѣхайтесь, насмѣхайтесь, придетъ и на васъ!

ГРАФИНЯ.

Очень можетъ быть; мы все грѣшныя. Кто виноватъ, что я благораазумна? Увѣрю васъ, я не защищаюсь.

КНЯЗЬ.

Вы никому не позволите ухаживать за вами.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ... Я добра, я женщина, но вѣдь это черезъ чуръ глупо. Скажите мнѣ, пожалуйста, вы человекъ со здравымъ смысломъ, что значить: ухаживать за женщиной?

КНЯЗЬ.

Значить, что эта особа вамъ нравится, и что вамъ пріятно сказать ей это.

ГРАФИНЯ.

Хорошо. Но этой особѣ, нравится ли ей вамъ нравится? Вы находите меня, я предполагаю, хорошенькой, и для васъ забавно сообщить мнѣ это извѣстіе. Ну, а почему что? Что же это доказываетъ? Развѣ я ужъ и должна влюбиться въ васъ за это? Сильно думать, что если кто мнѣ понравится, такъ вѣрно не за то, что сама я хорошенькая. Что онъ тутъ выигрываетъ? Вотъ прекрасный способъ заставить себя любить—сѣсть передъ женщиной съ лорнеткой, осмотрѣть ее съ ногъ до головы, какъ купцу моднаго магазина, и сказать ей сладкимъ голосомъ: сударыня, я нахожу васъ прелестной! Въ добавокъ къ этому еще нѣсколько фразъ порядочно приторныхъ, одна два тура вальса, да и корббочку конфектъ, и вотъ что у васъ называется ухаживать за женщиной. Фя! какъ можно умному мужчине пускаться съ удовольствіемъ въ такіе вздоры? Я бѣжусь всякій разъ какъ об этомъ подумамъ.

А соблазново, да за что!

ГРАФИНЯ.

Напротивъ, и явля есть за что бѣситься. Надо допустить въ женский салонъ друтую погоду, и большой запасъ глупости, чтобы пообратить будто она такъ и прельщаетъ долюбившия примаки. Неужели вы думаете очень весело проводить жизнь среди потока вадоровъ и слушать съ утра до вечера? Право мнѣ кажется, если бы я была мужчина и видѣла хорошенькую женщину, я бы сказала себѣ: прекрасное рущество, его въ двухъ разбили комплиментами, надо его поберечь, право жаль, и желаю ей понравиться, я бы заговорила съ ней совѣтъ о другомъ, а не объ ея лицѣ. Такъ дѣтъ все-таки: «вы хороши», и опять «вы хороши» и еще «хороши». Ахъ Боже мой! да это знаютъ и безъ васъ. Хотите, чтобы я вамъ сказала правду? Вы, господа модные мужчины, больше ничего какъ кондитеры и парикмахеры.

князь.

Ну, какъ вамъ угодно, всё же вы презычтайно милы. Разумайте это какъ хотите (*слышенъ звонокъ*). Опять звонать, прощайте, я бѣгу.

Влазть и отворять дверь.

ГРАФИНЯ.

Подождите, я хотѣла вамъ сказать.... право ужъ не знаю что такое. Ахъ, да! не будете ли вы случайно проходить мимо Дювала?

князь.

Буду.... но не случайно, если только могу вамъ служить.

ГРАФИНЯ.

Опять комплиментъ! Боже мой, какъ вы мнѣ надоѣли! Я сломала перстень, я бы могла просто велѣть снести его, но мнѣ надо растолковать. (*Снимаетъ съ пальца перстень.*) Посмотрите, вотъ камень; тутъ есть штифтикъ, видите ли?... съ боку; я за дѣла его сегодня поутру незнаю за что и пружинка лопнула.

князь.

Скажите, графиня.... ну, не прогнѣвайтесь за нескромность, тамъ внутри были волосы?

ГРАФИНЯ.

Можетъ-быть. Чему вы смѣетесь?

князь.

Я и не думаю смѣяться.

ГРАФИНЯ.

Вы наглець; это волосы моего мужа. Но никто нейдетъ. Кто же это опять звонилъ?

КНЯЗЬ, посмотрѣвъ въ окно.

Другая двушка, съ другой картонкой. Верно опять чешенъ. Кстати, какъ бы то ни было, вы еще должны мнѣ одну тайну.

ГРАФИНЯ.

Затворите же дверь, вы меня заморозите.

КНЯЗЬ.

Я уйду. Но общайте мнѣ пересказать то, что говорилъ вамъ обо мнѣ, графиня.

ГРАФИНЯ.

Потѣшайте на балѣ, мы тамъ поговоримъ.

КНЯЗЬ.

Да, какъ же! разговаривать на балѣ! чудесное мѣсто для разговору, при звукѣ трубъ и стукѣ стакановъ оршаду. Одинъ наступить на ногу, другой толкнуть, а лакей, между тѣмъ роля поднося, набиваетъ вамъ въ карманы мороженое. Скажите, пожалуйста, можно ли такъ...

ГРАФИНЯ.

Оставайтесь или уходите.... я вамъ говорю, что вы меня проудите. Видѣ никого нѣтъ, кто же васъ гонитъ?

КНЯЗЬ, затворяетъ дверь и садится.

Я чувствую себя до того не въ духѣ, что боюсь надоесть вамъ. Рѣшительно мнѣ надо перестать бывать у васъ.

ГРАФИНЯ.

Какъ это учтиво! позвольте узнать отчего?

КНЯЗЬ,

Не знаю; я наскучилъ вамъ, вы мнѣ это сейчасъ сказали, и я самъ чувствую; оно естественно. Это все оттого что я живу напротивъ васъ; я не могу выйти, не посмотрѣвъ въ ваши окна и вхожу сюда машинально, вовсе не зная зачѣмъ иду.

ГРАФИНЯ.

Я вамъ сказала сегодня, что вы скучны, но въ другіе дни вы этого не заслуживали. Серіозно, мнѣ будетъ очень жаль, если вы перестанете бывать; я всегда съ удовольствіемъ васъ вижу.

КНЯЗЬ.

Вы? Совсѣмъ нѣтъ. Знаете ли что я хочу сдѣлать? уѣхать опять въ Италію.

ГРАФИНЯ.

А что скажетъ мадамозель?....

КНЯЗЬ.

Какая мадмоазель? •

ГРАФИНЯ.

Мадмоазель.... какъ бишь ее?... мадмоазель ваша protégée. Развѣ я знаю какъ зовутъ вашихъ фигурантовъ.

КНЯЗЬ.

Такъ вотъ эта знаменитая исторія, которую вамъ на мой счетъ рассказывали!

ГРАФИНЯ.

Именно. Вы отрекаетесь?

КНЯЗЬ.

Нелѣпная выдумка, больше ничего.

ГРАФИНЯ.

Очень жаль, что васъ видѣли какъ-нельзя лучше въ театрѣ съ розовой шляпкой.... а на шляпкѣ цвѣтокъ.... да какой еще!... только въ театрѣ растутъ такіе цвѣты. Вы участвуете въ хорѣ, ваше сіятельство; это всѣмъ извѣстно.

КНЯЗЬ.

Какъ ваше замужество съ сосѣдушкой.

ГРАФИНЯ.

Вы опять свое! Ну что жъ! не дури!... прекрасный человѣкъ!.. и какъ вы преостроумно сказали, въ этой благородной душѣ цѣлыхъ пять тысячъ душъ. По лѣтамъ онъ не молодъ, но въ мужья годится, я вдова, онъ холостякъ, и очень не дурилъ, когда въ палевыхъ перчаткахъ.

КНЯЗЬ.

И въ ночномъ колпакѣ; онъ вѣрно ему къ лицу.

ГРАФИНЯ.

Перестаньте! Развѣ можно говорить такіа вещи?

КНЯЗЬ.

Почему же нѣтъ, особенно тѣмъ кто ихъ увидитъ.

ГРАФИНЯ.

Этимъ милымъ манерамъ васъ вѣрно выучили эти дѣвицы.

КНЯЗЬ, встаетъ и беретъ шляпу.

Послушайте, графиня, я уйду. Вы заставьте меня сказать какую-нибудь глупость.

ГРАФИНЯ.

Что за уточненная деликатность!

КНЯЗЬ.

Нѣтъ; но вы, право, слишкомъ жестоки. Мало того, что запрещаете любить себя, еще вздумали обвинять въ любви къ другимъ.

ГРАФИНЯ.

Все лучше и лучше. Какой трагическій тонъ! Я... запрещаю вамъ любить меня?

КНЯЗЬ.

Конечно; или по-крайней-мѣрѣ говорить вамъ о любви.

ГРАФИНЯ.

Ну такъ и быть, подожду! посмотрю далѣе красарыцѣ,

КНЯЗЬ.

Если вы говорите серьезно....

ГРАФИНЯ.

Что вамъ за дѣло! довольно что говорю.

КНЯЗЬ.

Но, видите ли, тутъ шута кто-нибудь можетъ пострадать.

ГРАФИНЯ.

О! о! совъ и опасности?

КНЯЗЬ.

Можетъ-быть и есть; во къ несчастію только для одного меня.

ГРАФИНЯ.

Если вы такой трусъ, такъ что же вы храбритесь; ну, пожалуйста. Что жъ вы ничего не говорите? Вы грозите, я выстушаю на бой, а вы не трогаетесь съ мѣста. Я ожидала, что вы такъ и броситесь къ своимъ ногамъ, какъ Родригъ или дорогой косядушка. На вашемъ мѣстѣ онъ бы давно это сдѣлалъ.

КНЯЗЬ.

Такъ вамъ очень приятно насмѣхаться надъ бѣднымъ человѣчествомъ.

ГРАФИНЯ.

А вамъ очень удивительно, что васъ смѣютъ не бояться.

КНЯЗЬ.

Берегитесь; вы храбры, такъ не забывайте же, что я былъ гусаромъ.... и очень недавно.

ГРАФИНЯ.

Въ самомъ дѣлѣ.... да это славно!... гусарское изъясненіе! это должно-быть любопытно; мнѣ никогда еще не случалось слышать. Хотите, чтобы я позвала горничную? Я думаю, что она сумѣетъ вамъ отвѣтить. Будетъ представленіе.

Слышенъ звонокъ.

КНЯЗЬ.

Охъ звать! Прощайте, графиня. Но вѣдь это не можно.

ГРАФИНЯ.

Всѣ-таки до вечера, не такъ ли? Но что тамъ за шумъ?

КНЯЗЬ.

Погода перемѣнилась, и дождь и градъ на слезу. Вамъ при-
везли третій чашникъ. Возвѣзъ только, нѣтъ ли въ немъ про-
студы.

ГРАФИНЯ.

Но какой шумъ? ужъ не громъ ли... въ ноябрѣ мѣсяцъ!...

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, такъ, гроза!... скоро пройдетъ.

ГРАФИНЯ.

Какъ страшно! Но затворите же дверь; вы не можете теперь
выйти... отчего бы это?...

КНЯЗЬ, затворяя дверь.

Глѣзъ Божій... поученіе насмѣшивкамъ... видите какъ вы на-
казаны. При этой погодѣ никто ужъ къ вамъ не придетъ сего-
дня. Вотъ одинъ изъ вашихъ чудесныхъ дней и пропагъ.

ГРАФИНЯ.

Совсѣмъ нѣтъ, когда вы здѣсь. Оставьте же вашу шляпу, она
ужъ мнѣ надеѣла.

КНЯЗЬ.

Комплиментъ, графиня! Берегитесь! какъ вы комплиментовъ
рѣшительно терпѣть не можете, то этотъ я могу принять за
правду.

ГРАФИНЯ.

Да я не скрываю отъ васъ, что мнѣ всегда очень пріятно васъ
видѣть.

КНЯЗЬ, садится возлѣ графини.

Когда такъ, позвольте же васъ любить.

ГРАФИНЯ.

Да я же говорю вамъ, что я не прочь; я во все не сержусь
за это.

КНЯЗЬ.

Когда такъ, такъ позвольте же объ этомъ и говорить.

ГРАФИНЯ.

По гусарски, не такъ ли?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, будьте увѣрены, что не считая сердца, ума-то столько
еще у меня найдется, чтобы быть къ вамъ почтительнымъ; но
мнѣ кажется, что весьма можно, ни чуть не обижая почтительно
себя...

ГРАФИНЯ.

Подождать у васъ покуда пройдетъ дождь. Вы сейчасъ пришли сюда сами не зная зачѣмъ, вы въ этомъ признались; вамъ было смутно, нечего дѣлать; васъ бы даже можно было принять за порочнаго воруна. Если бы вы нашли здѣсь двухъ трехъ человѣкъ, передъ каминомъ, вы бы стали говорить объ литературѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, потомъ отиревились бы обѣдать. Но такъ какъ я одна, то вы и считаете долгомъ, непреложнымъ долгомъ чести, строить мнѣ куры, такую ужасъ, такой смѣхъ, такіе пустяки. Но что же я вамъ сдѣлала? Приѣзжай кто-нибудь, у васъ вдругъ нашелся бы умъ, но такъ какъ я одна, вы становитесь пошлѣе водевильнаго куплета, и поскорѣе — за свое мужское дѣло; и, стань я только потакать вамъ, вы бы предъявляли мнѣ полное изъясненіе, продекламировали бы всю свою любовь. Знаете ли на что тогда похожи мужчины? На освистанныхъ сочинителей всегда съ рукописью, съ неизданной и неизгранной трагедіей въ манранѣ, которою они васъ усыпляютъ, лишь только очутятся съ вами наединѣ.

КНЯЗЬ.

Такъ вы мнѣ говорите, что я вамъ не противенъ; а я вамъ на это возражаю, что я васъ люблю, и по вашему, тутъ ужъ и конецъ.

ГРАФИНЯ.

Вы меня любите столько же какъ турецкій султанъ.

КНЯЗЬ.

Вотъ это ужъ, позвольте вамъ сказать, черезъ чуръ!... Выслушайте меня одну только минуту, и если вы мнѣ не повѣрите....

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ! Боже мой! будто я не знаю, что вы мнѣ будете говорить. Я имѣю очень высокое понятіе о вашей образованности, но, будучи сами основательно воспитаны, думаете ли вы, что я то ничего не читала? Послушайте, у меня былъ одинъ знакомый, очень умный человѣкъ, который купилъ, не знаю гдѣ, съ полсотни писемъ, довольно хорошо сочиненныхъ, очень чисто переписанныхъ; разумѣется писемъ любовныхъ. Они составляли родъ маленькаго романа, гдѣ всѣ страстныя положенія были предусмотрѣны и рассчитаны. Тутъ были письма съ изъясненіемъ и письма для досады, для надежды, для лицемѣрія гдѣ любовь прячется за дружбу, и для ссоры, и для отчаянія, и для ревности, и для дурнаго расположенія духа, даже для такого дождя какъ теперъ. Я читала эти письма. Въ предисловіи авторъ утѣ-

рять, что онъ много разъ употреблялъ ихъ въ дѣло и не было женщины, которая бы сопротивлялась далѣе тридцать-третьяго нумера. Ну, а я устояла противъ всей коллекціи. Скажите же, хорошо ли я начитана, и можете ли вы льстить себя надеждой, угостить меня чѣмъ-нибудь новымъ?...

князь.

Но ужъ вы ужасно пресыщены.

графиня.

Вы бранитесь? по мнѣ, это лучше; не такъ приторно какъ ваши сладости.

князь.

Да, да, вы слишкомъ пресыщены.

графиня.

Вы думаете? такъ вотъ нѣтъ! неправда!

князь.

Какъ старая Англичанка, мать четырнадцати дѣтей.

графиня.

Напротивъ, какъ перо, которое поворачивается съ вѣтромъ на моей шляпкѣ. Вы воображаете, что знать всѣхъ васъ наизусть— большая наука? А учиться тутъ совсѣмъ не нужно, только дать вамъ волю. Подумайте, счетъ тутъ короткій. Такихъ мужчинъ, которые отваживаются не пускаться въ кондитерскіе комплименты, чрезвычайно мало. Съ другой стороны достовѣрно то, что когда вы пускаетесь лгать, въ надеждѣ прельстить, всѣ вы такъ похожи другъ на друга, что различить нельзя. Къ нашему счастью, правосудіе небесное не пздѣлило васъ богатымъ словаремъ. У всѣхъ одна пѣсня; когда слышишь отвсюду одѣя и тѣ же фразы, одѣя и тѣ же слова, когда видишь одѣя и тѣ же жесты, вѣжные взгляды, одно уже зрѣлище этихъ лицъ, въ сущности можетъ-быть и довольно пріятныхъ, но въ эти жалкія минуты такъ униженно самонадѣянныхъ, спасаетъ насъ охотою смѣяться, или, просто, скукой. Если бы у меня была дочь, и если бы я хотѣла предохранить ее противъ этихъ приступовъ, которые называютъ опасными, я бы нисколько не запрещала ей слушать милліи вальсеровъ; я бы сказала только: «Не слушай одного, а слушай всѣхъ; пусть ихъ разсказываютъ свои пустячки; если къ-несчастью, одинъ изъ нихъ тебѣ понравится, погоди немножко, придетъ другой совершенно такой же и оба они опротивѣютъ тебѣ. Теперь тебѣ пятнадцать лѣтъ, та же самая сказка будетъ продолжаться до тридцати, и все ты услышишь одно и то же.» Вотъ моя филозофія; развѣ это называется пресыщеніемъ?

КНЯЗЬ.

Этотъ?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, тотъ.... тафтяный. Вашъ огонь жжетъ меня.

КНЯЗЬ, подвигаетъ экранъ къ графинѣ.

Только вообразить что любишь, такъ и это уже восхитительно.

ГРАФИНЯ.

Но, это все одно и то же!

КНЯЗЬ.

И всегда прелестно. Что же вы прикажете выдумать новаго въ любви? Вѣрно васъ надо любить по-латыни. Венера на вашихъ часахъ развѣ не всегда одна и та же; но скажите вожакуйста, развѣ она оттого менѣе прекрасна. Если вы похожи на вашу бабушку, неужели вы оттого менѣе хороши?

ГРАФИНЯ.

Вотъ вамъ только это и хотѣлось сказать — что я хороша! Какъ это скучно! Хороша! Подайте мнѣ подушку, которая возлѣ васъ.

КНЯЗЬ, встаетъ, беретъ подушку и держитъ ее въ рукахъ.

Я вамъ подаль сегодня, кажется, уже всю мебель этой комнаты. Видно этотъ разговоръ ужасно васъ тревожитъ и вы хотите съѣхать на другую квартиру.... Красота именно для того и создана, чтобы всѣ ей удивлялись, всѣ объ ней говорили съ восторгомъ, всѣ ее обожали. Это нисколько не вредитъ красотѣ. Нѣкогда три богини, въ числѣ которыхъ была одна богиня мудрости, заспорили о превосходствѣ въ красотѣ: значить, она и на небѣ....

ГРАФИНЯ.

Ну, теперь ужъ вы пустились въ мивологію!

КНЯЗЬ, все-еще держитъ подушку.

Нѣтъ; но я не могу вамъ сказать какъ мнѣ прискорбно видѣть въ молодой женщинѣ, это модное равнодушіе, эту насмѣшливую и презрительную холодность, этотъ колоритъ опытности, приводящій все къ нулю.... Я встрѣчалъ это не у васъ однихъ, это—холера нынѣшнихъ гостинныхъ; отворачиваются, зѣваютъ, какъ теперь, говорятъ, что не хотятъ слышать о любви.... такъ зачѣмъ же вы носите кружева на головѣ? На какой конецъ у васъ эти миленькія трипочки?

ГРАФИНЯ.

А на какой конецъ у васъ въ рукахъ эта подушка? я требова-
ла ее себѣ подъ ноги.

КНЯЗЬ.

Вотъ она у вашихъ ногъ и я вмѣстѣ съ нею; и.... послушай-
те!... теперь ужъ вы не увернетесь; я начинаю изъясненіе — да
еще какое!... старое какъ вавилонскій столпъ и глупое какъ вещь;
потому что вы меня взбѣсили.

Кладеть подушку у ногъ графини и становится на колѣни.

ГРАФИНЯ.

Не можете ли вы мнѣ сдѣлать одолженіе, обратясь оттуда...
прошу покорнѣйше.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, не могу! вы должны прежде меня выслушать.

ГРАФИНЯ.

Вы не хотите встать?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ, какъ вы сами сейчасъ говорили, вы дол-
жны слушать.

ГРАФИНЯ.

Имѣю честь вамъ кланяться.

Встаетъ и отворяетъ дверь.

КНЯЗЬ, все еще на колѣняхъ.

Графиня, ради Бога! Это слишкомъ жестоко. Вы сведете меня
съ ума, я въ отчаяніи.

ГРАФИНЯ.

Это у васъ пройдетъ въ первой кандитерской.

КНЯЗЬ, также.

Нѣтъ, клянусь честью, я говорю отъ души. Я признаюсь, столь-
ко разъ, сколько вамъ угодно, что сюда вошелъ я безъ намѣре-
нія; я хотѣлъ видѣться съ вами мимоходомъ; беру въ свидѣтели
эту дверь, которую я отворялъ три раза, чтобъ уйти, но кото-
рую теперь прошу васъ затворить. Нашъ разговоръ, ваша холод-
ность увлекли меня дальше, чѣмъ я предполагалъ; но не съ се-
годняшняго утра, а съ перваго дня какъ я васъ увидѣлъ, я по-
любилъ, сталъ обожать васъ безъ ума; только и мечтаю....

ГРАФИНЯ.

Прощайте.

Уходитъ, оставяя дверь открытою.

Князь, одинъ, на колѣняхъ, опустивъ го-
лову на руку.

Точно, эта дверь служитъ входомъ для стужи.

Встаеъ, чтобы затворить дверь, и видѣть графиню.

князь.

Ахъ, графиня, какъ вы насмѣхаетесь надо мною!

графиня, опершись на полуоткрытую дверь.

Вы встали?

князь.

Да, и уйду, съ тѣмъ, чтобы никогда не видѣть васъ болѣе.

графиня.

Поѣзжайте на балъ, я сберегу для васъ одинъ вальсъ.

князь.

Мы не увидимся никогда, никогда; я въ отчаяніи, я погибъ...

графиня.

Что съ вами?

князь.

Я погибъ, я люблю васъ какъ ребенокъ. Клянусь вамъ всѣмъ священнымъ въ мірѣ....

графиня.

Прощайте.

Хочетъ уйти.

князь.

Я уйду самъ, графиня; остановитесь, умоляю васъ. Ахъ! я чувствую какъ буду страдать!

графиня, серьезно.

Но, чего же вы отъ меня хотите?

князь.

Какъ, чего?... я хочу.... я желаю....

графиня.

Чего?... право я выйду изъ терѣзій! Не воображаете ли вы, что я буду вашей любовницей, преемницей розовой шляпки? Я должна сказать вамъ, что одна эта мысль приводитъ меня въ негодование.

князь.

Вы, графиня! Боже мой! если бы вы только позволили, я бы всю жизнь мою положилъ къ вашимъ ногамъ, вмѣстѣ съ моимъ именемъ и моимъ состояніемъ.... даже вмѣстѣ съ моею честью. Какъ смѣю поставить васъ на ряду не только съ тѣми тварями, о которыхъ вы говорите, чтобы огорчить меня, но съ какою бы то ни было женщиной въ мірѣ! какъ вы можете это предполагать? или вы почитаете меня такимъ безумцемъ?... неужели моя вѣтренность или моя сумасбродства такъ велики, что заставляютъ сомнѣваться въ моемъ къ вамъ уваженіи? Вы сейчасъ мнѣ сказали, что съ удовольствіемъ встрѣчаетесь со мною, что даже

чувствуете ко мнѣ нѣкоторую дружбу... не такъ ли? Какъ же можете вы думать, чтобы человѣкъ отличный вами, человѣкъ, котораго вы нашли достойнымъ такой милой снисходительности, не зналъ вамъ цѣны? Развѣ я слѣпъ или сумасшедшій? Вы мнѣ быть любовницей?... нѣтъ!... но женой!

ГРАФИНЯ.

А!... ну!... такъ зачѣмъ же этого тотчасъ не сказали?... не было бы и спору... Такъ вы хотите на мнѣ жениться?

КНЯЗЬ.

Разумѣется! просто, смерть какъ хочу! я не смѣлъ вамъ признаться, но цѣлый годъ только и мечтаю объ этомъ счастьи; я готовъ пролить всю свою кровь за малѣйшую тѣнь надежды...

ГРАФИНЯ.

Погодите. Вы богаче меня....

КНЯЗЬ.

Ахъ, Боже мой, не думаю!... Да вамъ-то какое дѣло до этого! Оставьте расчеты. Я — русскій дворянинъ, терпѣть не могу считаться. Вы, право, ужасная мучительница! Эта ваша улыбка заставляетъ меня вибѣтѣ и трепетать и надѣяться. Скажите одно слово!... одно только слово, ради Бога!... и вся моя жизнь — ваша!

ГРАФИНЯ.

Зачѣмъ же вы такой врагъ расчетовъ?... Пословица говорить: *счесть впрямь дружбы*. Послушайте, теперь я богаче васъ.... если ваша жизнь — моя?

КНЯЗЬ.

Не думаете ли отказать мнѣ на этомъ основаніи?

ГРАФИНЯ.

А мое великодушіе?

КНЯЗЬ.

Стало бытъ то, что я сказалъ, вамъ не противно?

ГРАФИНЯ.

Ни сколько. Я скажу вамъ еще другую пословицу: *думай долго, а говори скоро*. Вы называете меня мучительницей: я бы желала свести вѣрный счетъ вашимъ комплимантамъ и вашимъ колебаніямъ; увидѣли бъ мы, кто кого болѣе помучилъ втеченіи года. Слѣдовательно, дайте мнѣ руку, и поѣдемте вибѣтѣ объѣзжать къ моей маменькѣ. Потому вы побываете у Дювала.

КНЯЗЬ.

У Дювала?... зачѣмъ?

ГРАФИНЯ

А мой-то перстень?

КНЯЗЬ.

Ахъ, да! я и забылъ!... Что же сдѣлать съ этимъ перстнемъ?

ГРАФИНЯ.

Посмотрите на него. Видите ли?

КНЯЗЬ.

Вижу. Вашъ вензель... и маленькая графская корона....

ГРАФИНЯ.

Какъ этотъ перстень служить мнѣ иногда печаткою... скажите, князь, какъ вы думаете, не нужно ли сдѣлать какой-нибудь перемѣны въ этой коронѣ?... Погодите, я пойду, надѣну шляпку.

Уходитъ. Князь идетъ за нею, и оставляетъ дверь открытой.

КНЯЗЬ.

Ахъ, какъ я счастливъ! какъ выразить вамъ....

ГРАФИНЯ.

Да закройте же эту несчастную дверь! Вы знаете третью пословцу: *сердце настезь, дверь на запорѣ*? Еще вы не имѣете права ходить за мною во всѣ двери. Ваши входы — впереди.

=

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобриана. Часть вторая.* Я провелъ два года въ реннскомъ коллегіумѣ. Жериль вышелъ изъ училища за полтора года до меня. Онъ вступилъ въ морскую службу. Юлія, третья сестра моя, вышла въ это время замужъ за графа де-Фарси, служившаго капитаномъ въ полку де-Кондэ, и поселилась съ мужемъ въ Фужеръ, гдѣ жили уже двѣ старшія мои сестры, де-Мариньи и де-Кебриакъ. Бракъ Юліи совершился въ Комбургѣ, и я присутствовалъ на свадьбѣ. Здѣсь я встрѣтился съ графинею Тронколи, прославившейся неустрашимостью на эшафотѣ: она замѣшана была въ разговоръ маркиза де-ла-Руэри (la Rouërie), двоюроднаго ея брата и задушевнаго друга. Я видѣлъ красоту только на лицѣ моихъ домашнихъ; замѣтилъ ее въ чужой женщинѣ, я былъ смущенъ. Съ каждымъ шагомъ въ жизни открывалась мнѣ новая перспектива; я слышалъ отдаленный, обольстительный голосъ приближавшихся ко мнѣ страстей; увлекался невѣдомою гармоніей, я спѣшилъ навстрѣчу этимъ страстямъ. Случалось, что у меня, какъ у первожреца элевсинскаго, для каждаго божества былъ особый опіямъ. Но гимны, которые я пѣлъ, соннига мой опіямъ, могли ль называться *бальсамомъ*, подобно пѣснопѣніямъ іерофанта?

Послѣ свадьбы Юлія я отправился въ Брестъ. Оставляя большой реннскій коллегіумъ, я не чувствовалъ того сожалѣнія, какое ощущалъ, разставаясь съ маленькимъ дольскимъ коллегіумомъ; можетъ-быть потому, что я не имѣлъ уже той невинности, которая въ глазахъ нашихъ придаетъ всему прелесть; время начинало уже свѣтать ее съ души моей. Менторомъ моимъ на новомъ поприщѣ былъ одинъ дядя со стороны матери, графъ Равнелъ-де-Боательель, командиръ эскадры, одинъ изъ сыновей котораго, отличный артиллерійскій офицеръ въ войскахъ Бонапарте, женился на единственной дочери моей сестры, графини де-Фарси.

Пріѣхавъ въ Брестъ, я не засталъ предписанія о пріемѣ меня въ число *искателей* (*aspirant*); не знаю, по какому случаю оно запоздало. Я оставался, что называется, не искателемъ, а вздыхателемъ (*soûpirant*), и въ этомъ качествѣ не слушалъ правнаго курса наукъ. Дядя отдалъ меня на-хлѣбъ, въ Сіамской Улицѣ, за общій столъ кандидатовъ-искателей, и представилъ начальнику флота, графу Гектору.

Въ первый разъ предоставленный самому себѣ, я, вмѣсто-того чтобы дружить съ будущими товарищами, заперся въ прирощенный мнѣ истиннѣе одиночества. Все общество мое ограничивалось учителями фехтованія, рисованія и математики.

Это море, которое суждено мнѣ было встрѣчать у многихъ береговъ, омывало въ Брестѣ оконечности полуострова Арморикки: за этимъ выдающимся мысомъ, лежалъ одинъ океанъ, безграничный и міры невѣдомые; воображеніе мое играло въ этой безпредѣльности. Нерѣдко, сидя на какой-нибудь мачтѣ, лежавшей на набережной, я задумчиво смотрѣлъ на движеніе народа: рабочіе, матросы, военные, таможенные, каторжники ходили взадъ и впередъ передо мною. Путешественники садились на корабли и сходили съ нихъ; штурмана командовали, плотники тесали бревна, канатчики плели веревки, юнги раскладывали огни подъ котлами, изъ которыхъ вылеталъ густой дымъ и здоровый запахъ дегтю. Съ кораблей въ магазины, изъ магазиновъ на корабли послали, переносили, возили кипы товаровъ, мѣшки съ съѣстными припасами, артиллерійскіе обозы. Здѣсь пятілись въ воду повозки для нагрузки; тамъ тали поднимали тяжести, между-тѣмъ какъ краны опускали камень, а землечерпательныя машины рыли наносы. На фортахъ повторялись сигналы, шлюпки плавали взадъ и впередъ, корабли готовились къ отплытію или входили въ доки.

Умъ мой наполнялся неопредѣленными понятіями объ обще-

ствѣ, объ его благахъ и его злѣ. Не знаю, какая-то грусть овладѣвала мною; я покидалъ мачту, на которой сидѣлъ, поднимался на Пенфельдъ, вдающійся въ портъ; достигалъ поворота, гдѣ этотъ портъ исчезалъ изъ глазъ. Тамъ, видя одну торфовую долину, но слыша еще неясный шумъ моря и голосовъ человѣческихъ, я ложился на берегъ рѣчки. То любуюсь на теченіе воды, то слѣдя взоромъ за полетомъ морскаго вѣрона, то наслаждаюсь окружающимъ меня безмолвіемъ, то прислушиваясь къ ударамъ молотка конопатчика, я погружался въ глубокую мечтательность. Когда среди этой мечтательности вѣтеръ приносилъ ко мнѣ гулъ пушки отплывшаго корабля, я вздрагивалъ, и глаза мои наполнялись слезами.

Прогуливаясь однажды, я пошелъ на вѣшнюю оконечность порта со стороны моря: было жарко, я легъ на песчаномъ прибрежьи и заснулъ. Вдругъ меня пробуждаетъ чудный шумъ; я раскрываю глаза, какъ раскрылъ Августъ, чтобы взглянуть на триремы на сицилійскихъ водахъ, послѣ побѣды надъ Секстомъ Помпеемъ; залпы слѣдовали одинъ за другимъ; рейдъ устья былъ кораблями: вступала большая французская эскадра послѣ заключенія мира. Корабли маневрировали подъ парусами, покрывались огнями, поднимали вымпелы, повертывались носомъ, кормой, бортомъ, остававливались, бросая на берегу якорь, или продолжали летать по волнамъ. Ничто до-сихъ-поръ не подавало мнѣ высшаго понятія объ умѣ человѣческомъ: человѣкъ казался господиномъ, море — рабомъ его.

Сбѣжался весь Брестъ. Шлюпки отдѣляются отъ флота и пристаютъ къ насыпи. Офицеры, наполнявшіе ихъ, загорѣлые отъ солнца, имѣли тотъ чужеземный видъ, какой обыкновенно приносишь съ собою съ другаго полушарія; въ лицѣ ихъ выражалась веселость, гордость, отвага, свойственная людямъ, которые возстановили честь національнаго флага. Эти моряки, оказавшіе такія услуги, ознаменовавшіе себя такими подвигами, эти товарищи Сюффреновъ, Ламоть-Пикэ, дю-Куэдиковъ, д'Эстеновъ, избѣгшіе ударовъ непріятельскихъ, должны были пасть подъ ударами Французовъ, соотечественниковъ!

Я смотрѣлъ на проходившихъ предо мною храбрецовъ, какъ вдругъ одинъ изъ офицеровъ отдѣляется отъ товарищей и бросается ко мнѣ на шею: то былъ Жериль. Онъ, казалось мнѣ, выросъ, но былъ слабъ и томенъ отъ раны, нанесенной въ грудь шпагой. Онъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Бреста къ роднымъ. Послѣ того я видѣлъ его только разъ,

не за долго до его геройской кончины: скажу впоследствии въ какомъ случаѣ. Внезапное появленіе и отъездъ Жерриля заставили меня принять намѣреніе, измѣнившее все поприще моей жизни: какъ-будто написано было, что этотъ человекъ будетъ имѣть безусловную власть надъ моею судьбой.

Читатель видитъ какъ образовывался мой характеръ, какое направленіе принимали мои мысли, какіе были первые припадки моего генія, — припадки потому, что я могу говорить объ немъ какъ о болѣзни, — каковъ бы ни былъ мой геній, рѣдкій или обыкновенный, достойный или недостойный имени, которое я ему даю по недостатку другаго слова для выраженія. Если бы я больше походилъ на другихъ людей, я былъ бы счастливѣе: тотъ, кто, не отнимая у меня ума, успѣлъ бы убить во мнѣ то, что называютъ монимъ талантомъ, поступилъ бы со мною какъ другъ.

Когда графъ де-Боательель велъ меня къ графу Гектору, я слышалъ рассказы молодыхъ и старыхъ моряковъ объ ихъ кампаніяхъ, о странахъ видѣнныхъ ими: одинъ пріѣхалъ изъ Индіи, другой изъ Америки, этотъ готовился въ кругосвѣтное путешествіе, тотъ въ Средиземное Море, къ берегамъ Греціи. Для указалъ мнѣ въ толпѣ Ла-Перуза, новаго Кука, смерть котораго осталась тайною бурь. Я все слушалъ, на все смотрѣлъ, не говоря ни слова; но въ слѣдующую ночь я не смыкалъ глазъ: пѣлюю ночь воображеніе рисовало мнѣ битвы, открывало невѣдомыя страны.

Какъ бы то ни было, видя, что Жерриль возвращается къ своимъ роднымъ, я подумалъ, что и мнѣ ничто не препятствуетъ отправиться къ монимъ.

Я бы очень любилъ морскую службу, если бы духъ независимости не отвращалъ меня отъ должностей. Меня соблазнили путешествія, но я чувствовалъ, что они будутъ нравиться мнѣ тогда лишь, когда я буду одинъ, когда буду слушаться только своего произвола. Наконецъ, для перваго доказательства моего непостоянства, не предупредивъ дяди Равнеля, не написавъ къ роднымъ, не испросивъ ни у кого позволенія, не дождавшись ни рѣшенія о зачисленіи меня въ кандидаты, ни *brevet d'aspirant*, я отправился въ одно утро въ Комбургъ и очутился тамъ, будто упалъ съ облаковъ.

До сихъ поръ удивляюсь, какъ при всемъ страхѣ, который ввухалъ мнѣ батюшка, я осмѣлился рѣшиться на такой поступокъ; но еще удивительнѣе былъ приемъ, который я встрѣтилъ. Мнѣ должно было ожидать вспышки сильнѣйшаго гнѣва, меня

приняли ласково. Отець только покачалъ головой и сказалъ: «вотъ удалая башка!» Матушка, побранивъ немного, обняла меня отъ всей души, а моя Люсиль, съ восторгомъ радости.

Монбоассь, июль 1817.

Три съ половиною года прошло съ послѣдняго числа этихъ записокъ, Волчья Долина январь 1814, до настоящаго дня. Слышали ли вы паденіе Имперіи Французской? Нѣтъ; ничто не возмутило спокойствія этихъ мѣстъ. А между-тѣмъ Имперія уже несуществуетъ. Въ теченіи моей жизни рухнула огромная развалина, подобно обломкамъ римскихъ построекъ, опрокинутыхъ въ потокъ безвѣстнаго ручейка. — Но какое дѣло до событій тому, кто ихъ не считаетъ: изыдутъ изъ руки Создателя многіе десяти лѣтъ, и воздадутъ этому шуму должася, покрывъ его безконечнымъ безмолвіемъ.

Предъидущая книга написана во время издыхающаго гнѣту Бонапарта и при свѣтѣ послѣднихъ лучей его славы: настоящую книгу я начинаю уже въ царствованіе Людовика Осмнадцатаго. Я видѣлъ величіе людей вблизи и мои политическія мечты разсѣялись подобно тѣмъ, болѣ тихимъ призракамъ, о которыхъ я продолжаю разсказъ. Объяснимъ сначала причину, которая заставляетъ меня взяться за перо: все волнуетъ сердце человѣка и никто не можетъ предвидѣть какое пустое обстоятельство порадуетъ его или опечалитъ. Это замѣтилъ Монтанъ: «не нужно причиняъ, говорить онъ, чтобы душа наша волновалась: мечтаніе безъ причины, безъ предмета, управляетъ ею и волнуетъ ее.»

Я теперь въ Монбоассь, на границахъ Босы и Перши. Замокъ этого помѣстья, принадлежащаго нынче графинѣ Кольбергъ-Монбоассь, проданъ и разрушенъ во время революціи; остались только два павильона, раздѣленные рѣшеткою, въ которыхъ жилъ прежде привратникъ. Паркъ, теперь въ родѣ англійскаго, сохранилъ еще слѣды старинной французской правильности; прямыя аллеи, рощицы, обрамленные шпалерами, придаютъ ему видъ не веселый; онъ нравится, какъ руина.

Вчера вечеромъ я гулялъ одинъ; небо походило на осеннее, по временамъ дулъ холодный вѣтеръ. Я вышелъ на просѣку и остановился посмотрѣть на солнце: оно погружалось въ облака надъ башней Аллюйской, съ которой Габріель, обитательница этой башни, двѣсти лѣтъ назадъ, смотрѣла подобно мнѣ на закатъ солнца. Чтò теперь Генрихъ и Габріель? Тоже, чтò буду я, когда явятся въ свѣтъ эти Записки.

Размышленія мои были прерваны щебетаньемъ дрозда, который сидѣлъ на самой высокой вѣтви березы. Въ одно мгновеніе этотъ волшебный звукъ представилъ глазамъ моимъ помѣстье моихъ родителей; я забылъ перевороты, которыхъ я только что былъ свидѣтелемъ, и, внезапно перенесенный въ прошедшее, опять увидѣлъ тѣ поля, гдѣ такъ часто слышалъ свистъ дрозда. Какъ теперь, такъ и тогда я былъ грустенъ, слушая его; первая грусть происходила отъ неопредѣленныхъ, бессознательныхъ желаній счастья, свойственныхъ лѣтамъ неопытной юности, а настоящая была слѣдствіемъ познанія вещей, оцѣненныхъ и обсужденныхъ по достоинству. Пѣніе птички въ лѣсахъ Комбурга говорило мнѣ о блаженствѣ, до котораго я надѣялся достигъ; то же самое пѣніе въ паркѣ монбоасьерскомъ напоминало мнѣ дни, потерянные въ преслѣдованіи этого неуловимаго блаженства. Мнѣ уже нечего узнавать; я шелъ скорѣе другаго и рано совершилъ кругожизненное странствованіе. Часы бьютъ и влекутъ меня за собою; я не увѣренъ даже въ томъ, что кончу эти Записки. Во сколькихъ мѣстахъ я начиналъ уже ихъ писать и гдѣ ихъ окончу? Сколько еще времени мнѣ суждено гулять по опушкамъ лѣсовъ? Воспользуемся же немногими минутами свободы, которыя мнѣ даны; успѣвшимъ описать мою молодость пока она еще близка ко мнѣ: плавецъ, покидая навсегда очаровательный берегъ, пишетъ свои памятные записки въ виду удаляющейся земли, которая скоро совершенно исчезнетъ изъ глазъ.

Я уже рассказывалъ какъ возвратился въ Комбургъ и какъ былъ принятъ отцомъ, матушкой и сестрой моей Люсиліей.

Читатель можетъ-быть не забыть, что три другія сестры мои были замужемъ и жили въ помѣстьяхъ мужей своихъ, въ окрестностяхъ Фужера. Братъ мой, въ которомъ начинало развиваться честолюбіе, жилъ болѣе въ Парижѣ чѣмъ въ Реннѣ. Онъ купилъ было мѣсто рекетмейстера, но скоро продалъ его въ намѣреніи вступить въ военную службу. Онъ опредѣлился въ королевскій конногвардейскій полкъ; потомъ получилъ мѣсто въ дипломатическомъ сословіи и ѣздилъ съ графомъ Люцернскимъ въ Лондонъ, гдѣ встрѣтился съ Андреемъ Шеніе: въ то самое время, когда онъ надѣялся уже быть назначеннымъ въ Вѣну посланникомъ, у насъ вспыхнули смуты, онъ сталъ просить того же мѣста въ Константинополь, но встрѣтилъ славнаго соискателя въ Мирабѣ, которому постъ этотъ былъ обѣщанъ въ награду за присоединеніе его къ партіи придворной. И такъ, братъ мой почти совѣмъ оставилъ Комбургъ, когда я туда возвратился.

Поселившись въ своемъ владѣніи, батюшка не оставлялъ его, даже во время собранія сейма. Матушка, во время Пасхи, ежегодно отправлялась недѣль на шесть въ Семъ-Мало; она ненавидѣла Комбургъ и потому ожидала отъѣзду, какъ минуты своего освобожденія. За мѣсяць до поѣздки уже говорили объ ней какъ объ отважномъ предпріятіи; дѣлали приготовленія, давали отдыхъ лошадямъ. На кануи отъѣзду ложились спать въ семь часовъ, для того чтобы встать въ два часа утра. Матушка, къ крайнему своему удовольствію, выѣзжала въ три часа и въ теченіи цѣлаго дня проѣзжала только двѣнадцать миль.

Люсиля, канонисса аржантьерскаго капитула, должна была перейти въ ремірмонтскій: въ ожиданіи этой перемѣны она осталась въ деревнѣ.

Что касается до меня, то послѣ побѣгу моего изъ Бреста, я объявилъ, что хочу вступить въ духовное званіе; правду сказать, я самъ не зналъ чего мнѣ хотѣлось и старался только выиграть время. Меня послали въ дипонскій коллегіумъ, для окончанія курса словесныхъ наукъ. Латинскій языкъ я зналъ лучше своихъ учителей и начиналъ учиться по еврейски. Начальникомъ коллегіума былъ аббатъ де-Рувакъ, а профессоромъ моимъ аббатъ Дюгамель.

Динанъ, украшенный старыми деревьями, окруженный старинными башнями, построенъ въ живописной мѣстности, на высокомъ холмѣ, у подошвы котораго течетъ рѣка Рансъ, наполняющаяся во время прилива водами моря; изъ города видны долины, склоны которыхъ покрыты лѣсомъ. Здѣшнія минеральныя воды пользуются нѣкоторою извѣстностью.... Динанъ, богатый историческими воспоминаніями, родина Дюкло, хранилъ въ числѣ своихъ древностей сердце дю-Гесклена. Прахъ героя, во время революціи былъ похищенъ, и едва уцѣлѣлъ отъ руки одного стекольщика, который хотѣлъ было истереть его для составленія краски. Ужъ не на изображенія ли побѣдъ, одержанныхъ надъ врагами отечества, предназначалась эта краска?

Виѣстѣ со мною въ Динанѣ учился землякъ мой, докторъ Бруссѣ. Учениковъ бодвли купаться каждый четвергъ, какъ кнриковъ во времена папы Адріана-Перваго или по воскресеньямъ, какъ плѣнныхъ въ царствованіе Гонорія. Однажды я чуть было не утонулъ; въ другой разъ Бруссѣ искусанъ былъ неблагодарными пиявками, непредвидѣнными будущаго. Динанъ былъ почти на среднѣмъ пути между Комбургомъ и Планкузъ; поэтому и попеременно ѣздилъ то къ дядѣ моему Бедѣ въ Мовшоа, то къ родителямъ въ Комбургъ. Ни графъ де-Шатобрианъ, которому

выгодѣе было, чтобы я оставался дома, ни матушка, которая, при всемъ желаніи видѣть меня въ духовномъ званіи, никогда не позволяла себѣ понуждать меня ко вступленію въ это званіе, не настаивали, чтобы я жилъ въ коллегіумѣ, и я мало-по-малу со-всѣмъ переселился подъ родительскій кровъ.

Мнѣ пріятно бы было поговорить объ образѣ жизни моихъ родителей, если бы даже я находилъ въ этомъ одно трогательное воспоминаніе. Но я нарисую картину ихъ быта тѣмъ охотнѣе, что она покажется читателю скопированною съ виньетокъ на рукописяхъ среднихъ вѣковъ: нынѣшнее время, отъ того, которое я намѣренъ описать, отдѣлено цѣлыми столѣтіями.

По возвращеніи моемъ изъ Бреста, въ замкѣ комбургскомъ изъ семейства нашего жили: отецъ, матушка, сестра и я. Всю прислугу составляли: кухарка, горничная, два лакея и кучеръ. На конюшнѣ были: охотничья собака и двѣ старыя кобылы. Эти двѣнадцать живыхъ существъ совершенно терялись въ этомъ огромномъ зданіи, въ которомъ едва бы были замѣтны сто рыцарей съ ихъ дамами, конюхами, слугами, ратными конями и сво-рою короля Дагоберта.

Кромѣ нѣсколькихъ дворянъ, маркиза де-Монлуэ, графа де-Госонъ Бофаръ, которые, отправляясь по тяжбымъ дѣламъ своимъ въ парламентъ, останавливались у насъ въ замкѣ, — никто изъ постороннихъ не посѣщалъ насъ въ продолженіе цѣлаго года. Они пріѣзжали зимой, верхомъ, съ пистолетами въ чушкахъ, съ охотничьимъ ножомъ на боку, въ сопровожденіи слуги также на конѣ, съ огромнымъ чемоданомъ за сѣдломъ.

Батюшка, человѣкъ очень перемопный, встрѣчалъ ихъ всегда на крыльцѣ, съ непокрытой головой, несмотря ни на дождь ни на вѣтеръ. Эти деревенскіе помѣщики, расположившись въ замкѣ, рассказывали свои гавоверскія войны, семейныя дѣла и исторію своихъ тяжбъ. Вечеромъ отводили ихъ въ сѣверную башню, въ комнату «королевы Христины», почетную залу, въ которой стояла, на четырехъ позолоченныхъ амурахъ, кровать въ семь футовъ длины и ширины, съ занавѣсками изъ зеленого газу и малиновой шелковой матеріи.

На другой день утромъ, сойдя въ большую залу и глядя изъ окна на поле, залитое водою или покрытое шнеемъ, я замѣчалъ на уединенной дорогѣ, у пруда, двухъ, трехъ путешественниковъ: то были наши гости, отправлявшіеся въ Реннъ.

Гости эти не слишкомъ были знакомы со свѣтомъ; однако жъ благодаря ихъ бесѣдѣ, обзоръ нашъ переступалъ за нѣсколько

милъ за горизонтъ нашихъ лѣсовъ. Съ отъѣздомъ ихъ все общество ограничивалось: въ будни, однимъ нашимъ семействомъ, а въ воскресенье нѣкоторыми жителями села и сосѣдними дворянами.

По воскресеньямъ, если погода была хороша, матушка, Люсиль и я отправлялись, черезъ Petit-Mail, по полямъ, въ приходскую церковь; если же шелъ дождь, мы слѣдовали по гадкой комбургской улицѣ. Но не такъ, какъ аббатъ де-Мараль, въ легкой телѣжкѣ, запряженной четырьмя бѣлыми конями, отнятыми у Турковъ, въ Венгрии. Сидя на владѣльческой скамьѣ, мы слушали молитвы и вдыхали благоуханіе ладона, въ виду черной мраморной гробницы Ренея де Роана, смежной съ алтаремъ: вотъ изображеніе почестей человѣческихъ; нѣсколько зеренъ ладона передъ гробомъ!

Воскресныя развлеченія оканчивались вмѣстѣ съ праздникомъ; даже и онѣ не были постоянны. Въ дурное время года проходили цѣлые мѣсяцы, и никто не являлся постучаться въ дверь нашей крѣпости.... Скучно было смотрѣть на обнаженные кустарники Комбурга, но еще скучнѣе было въ замкѣ: вступая подъ его своды, чувствовалъ я то же ощущеніе, какъ при входѣ въ гренобльскій картезіанскій монастырь. При посѣщеніи этого монастыря въ 1805 году, я проѣзжалъ пустынею, которая, съ каждымъ шагомъ, болѣе и болѣе расширялась передо мной; я думалъ, что она кончится у монастыря, но въ стѣнахъ его мнѣ показали сады картезіанцевъ, болѣе запустѣлые, чѣмъ самые лѣса. Наконецъ, всерединѣ зданій, въ глуши уединенія, я встрѣтилъ старое кладбище, изъ котораго вѣчно безмолвіе, божество этихъ мѣстъ, простирало свое владычество на окрестные лѣса и горы.

Мертвая тишина комбургскаго замка еще увеличивалась отъ нещаднаго и молчаливаго права моего отца. Вмѣсто того чтобы собрать около себя въ кружокъ свое семейство и прислугу, онъ разбѣгалъ ихъ по всѣмъ частямъ огромнаго зданія. Спальня его находилась въ восточной башенкѣ, а кабинетъ въ западной. Мебель кабинета состояла изъ трехъ стульевъ, обтянутыхъ черной кожей, и стола, покрытаго бумагами и пергаментами. Надъ каминомъ висѣло родословное дерево фамиліи Шатобриановъ, а во впаднѣ окна всякаго рода оружіе, отъ пистолета до мушкетона. Комната матушки лежала надъ большою залой, между двумя малыми башнями; полъ въ ней былъ паркетный, а стѣны украшены венеціанскими зеркалами съ фасетами. Сестра жила въ кабинетѣ подлѣ магушкыной комнаты. Горничная спала очень далеко отсюда, въ главномъ зданіи, между большими башнями. Я

помѣщался въ чемъ-то въ родѣ уединенной кельи, въ башенкѣ надъ лѣстницею, которая со внутренняго двора вела къ разнымъ частямъ замка. Подъ лѣстницей, въ погребахъ со сводами, гнѣздились камердинеръ батюшки и лакей, а кухарка, какъ гарнизонъ крѣпости, занимала большую западную башню.

Батюшка зимою и лѣтомъ вставалъ въ четыре часа утра; спускался во внутренній дворъ и, у входу на лѣстницу башенки, будилъ и звалъ къ себѣ камердинера. Въ пять часовъ ему приносили немного кофе, потомъ до полудня онъ занимался въ своемъ кабинетѣ. Матушка и сестра завтракали каждая въ осемь часовъ утра. Чтò касается до меня, то я не имѣлъ положеннаго часу ни для вставанья, ни для завтрака; предполагалось, что до двѣнадцати часовъ я учусь; но большею частью я не дѣлалъ ничего.

Въ половинѣ двѣнадцатаго звонили къ обѣду, который подавался въ двѣнадцать. Большая зала была вмѣстѣ и столовою; мы обѣдали и ужинали въ одномъ концѣ ея, съ восточной стороны; послѣ стола переходили на другой конецъ, съ западной стороны, и садились у огромнаго каминна. Стѣны большой залы были обдѣланы деревянными панелями, окрашены свѣтло-сѣрою краской и увѣшаны старыми портретами, со славнаго времени Франциска Перваго до царствованія Людовика-Четырнадцатаго; въ числѣ этихъ холстияхъ были портреты Конде и Тюрення; надъ каминомъ висѣла картина, изображающая Гектора, убитаго Ахилломъ подъ стѣнами Трои.

Послѣ обѣда мы оставались вмѣстѣ до двухъ часовъ. Потомъ, если это было лѣтомъ, батюшка удилъ рыбу, осматривалъ огороды, прогуливался на пространствѣ Каплуньяго Полета; осенью и зимою онъ отправлялся на охоту, а матушка удалялась въ часовню, гдѣ проводила нѣсколько часовъ въ молитвѣ. Часовня эта была мрачная молельня, украшенная хорошими картинами великихъ мастеровъ: подобныя творенія вѣроятно никто бы не ожидалъ найти въ феодальномъ замкѣ; въ глуши Бретани. Во владѣннѣишемъ находится одна изъ картинъ этой часовни, писанная въ штиль Альбаномъ и изображающая Святое Семейство: этихъ ограничивается все, чтò мнѣ осталось отъ комбургскаго замка.

Какъ скоро батюшка уходилъ на охоту, а матушки въ часовню,

Каплуний полетъ, vol du charon, означаетъ торожное мѣсто около вѣшка, на такое пространство, какое можетъ пролетѣть каплуны.

Люсиль заперлась въ свою комнату, а я возвращался въ свою келью или отправлялся гулять по полямъ.

Въ осемь часовъ колоколъ звалъ къ ужину. Послѣ ужина, въ хорошую погоду, мы садились на крыльцѣ. Батюшка, вооружившись ружьемъ, стрѣлялъ совѣ, которыя съ приближеніемъ ночи вылетали изъ за стѣнныхъ зубцовъ. Матушка, Люсиль и я смотрѣли на небо, на лѣса, на послѣдніе лучи солнца, на первыя звѣзды. Въ десять часовъ всѣ возвращались въ комнаты и ложились спать.

Осенніе и зимніе вечера были въ другомъ родѣ. По окончаніи ужина, когда всѣ мы четверо отходили отъ стола къ камину, матушка, вздыхая, бросалась на старую софу, обитую бумажной матеріей; передъ ней ставили столикъ со свѣчою. Я садился съ Люсильей къ огню, слуги убирали столъ и уходили. Батюшка начиналъ тогда прохаживаться по залѣ и ходилъ до-тѣхъ поръ, пока не придетъ время ложиться спать. На немъ всегда былъ надѣтъ халатъ изъ бѣлаго ратину, или лучше сказать, не халатъ, а родъ епанчи, какой я видывалъ только на немъ. На полу-лысой головѣ его торчалъ большой бѣлый колпакъ; огромная зала такъ слабо освѣщалась одною свѣчою, что онъ терялся изъ виду, когда уходилъ отъ каминна на другой конецъ залы: слышались только шаги его въ мракѣ; когда же батюшка медленно возвращался къ свѣту и мало-по-малу выказывался изъ темноты, бѣлый халатъ, бѣлый колпакъ, длинное блѣдное лицо, угодобляли его привидѣнію. Мы съ Люсильей обитивались вполголоса нѣсколькими словами, когда онъ былъ въ другомъ концѣ залы, и замолкали лишь только приближался къ намъ. Онъ спрашивалъ насъ мимоходомъ: «О чемъ вы говорите?» Объятые страхомъ мы ничего не отвѣчали и онъ продолжалъ прохаживаться. Въ остальное время вечера слышенъ былъ лишь мѣрвый шумъ его шаговъ, вздохи матушки и завываніе вѣтру.

Часы замка были десять и батюшка останавливался, какъ-будто та же самая пружина, которая поднимала часовой молотокъ, удерживала и шаги его. Онъ вынималъ карманные часы, заводилъ ихъ, бралъ большой серебряный подсвѣчникъ съ большою восковой свѣчей, входилъ въ маленькую западную башню, черезъ минуту возвращался со свѣчою въ рукахъ и отправлялся въ свою спальню: въ малой восточной башнѣ Люсиль и я становились ему на дорогѣ и цѣловали его, желая доброй ночи. Онъ наклонялъ къ намъ свою сухую, внаую щеку, не говоря ни сло-

ва продолжалъ свой путь и удалялся въ глубину башни. Скоро доходилъ до насъ шумъ запиравшейся двери въ его комнату.

Тогда очарованіе разрушалось: матушка, сестра и я, преобразенные присутствіемъ батюшки въ встукановъ, мгновенно возвращались къ жизни. Первое дѣйствіе нашего разочарованія обнаружилось цѣлымъ потокомъ словъ: если молчаніе насъ угнетало, зато дорого оно и платилось съ нами за это притѣсненіе.

Когда потокъ словъ истощался, я призывалъ горничную и отводилъ матушку и сестру въ ихъ комнаты. Онѣ не отпускали меня прежде, пока я не посмотрю подъ постелями, въ печкахъ, за дверьми, на лѣстницахъ и въ сосѣдственныхъ корридорахъ. Всѣ преданія замка, воровъ, привидѣній, приходили мнѣ тогда на память. Люди были увѣрены, что какой-то графъ комбургскій, съ деревянной ногой, умершій три вѣка назадъ, являлся въ извѣстныя времена въ замокъ: его неразъ встрѣчали на большой лѣстницѣ башенки, иногда его деревянная нога прогуливалась одна съ черной кошкой.

Эти рассказы занимали матушку и сестру передъ приходомъ ко сну, онѣ ложились въ постель, умирая отъ страха; я удалялся наверхъ моей башенки; кухарка уходила въ большую башню, а слуги спускались въ свои подземелья.

Окно въ моей башенкѣ было обращено на внутренній дворъ; днемъ, перспективу составляли зубцы противоположной стѣны, на которой прозябалъ сколопандръ (олений языкъ) и росла дикая слива. Единственными товарищами моими были камешныя стрижи, которые въ лѣтнее время кричали въ трещинахъ стѣны. Ночью мнѣ видны были только клочокъ неба и нѣсколько звѣздъ. Когда свѣтила луна, склоняясь къ западу, я узнавалъ объ этомъ только по лучамъ ея, которые достигали моей постели, сквозь косоугольныя стекла окна. Совы, перелетая отъ одной башни къ другой, между луной и мною, рисовали на моихъ занавѣсахъ подвижную тѣнь своихъ крыльевъ. Притаившись въ самомъ уединенномъ уголку галереи, я не пропускалъ ни малѣйшаго шума среди мраку. Порою, вѣтеръ, казалось, бѣгалъ легкими шагами; иногда онъ испускалъ жалобныя стоны; вдругъ, дверь моя колебалась, подземелья стонали, потомъ всѣ эти звуки замирали, и начинались снова. Въ четыре часа утра, голосъ хозяина замка, призывавшій камердинера у входу подъ вѣковые своды, раздавался будто голосъ послѣдняго привидѣнія ночи. Этотъ голосъ замѣнялъ для меня ту сладостную гармонию, звуками которой отецъ Монтаня пробуждалъ своего сына.

Упрямство графа де-Шитобриана, чтобъ ребенокъ спалъ одинъ на верху башни, могло имѣть нѣкоторое неудобство; но оно принесло мнѣ пользу. Это слишкомъ строгое обращеніе со мною даде мнѣ твердость мужа, не отнявъ у меня той чувствительности воображенія, которой жаляютъ нынче лишить юношество. Въмѣсто того чтобы заботиться убѣдить меня, что нѣтъ привидѣній, меня заставляли не бояться ихъ.

Когда отецъ говорилъ мнѣ съ насмѣшливой улыбкой: «Что, господинъ кавалеръ, боитесь?» — онъ готовъ былъ уложить меня спать съ жертвенцомъ. Когда добрая матушка говорила: «Другъ мой, ничего не дѣлается безъ позволенія Божія; и тебѣ нечего бояться злыхъ духовъ, пока будешь добрымъ христианиномъ», — эти слова ободряли меня лучше всякихъ филозофскихъ доводовъ. Я такъ свыкъ тогда съ своимъ положеніемъ, что ночные вѣтры, въ необитаемой башнѣ, служили забавой моему своеправію и крыльями сновидѣній. Мое воспламененное воображеніе, разливаясь на всѣ предметы, нигдѣ не находило довольно пищи и готово было поглотить небо и землю. Это нравственное состояніе долженъ я теперь описать. Погружась мыслью въ лѣта юности, я попытаюсь уловить себя въ прошедшемъ, представить себя такимъ, какъ я былъ, и можетъ-статься мнѣ будетъ жаль, что я уже не тотъ, несмотря на всѣ мученія, которыя перенесъ въ жизни.

Едва пріѣхалъ я изъ Бреста въ Комбургъ, какъ въ существованіи моемъ совершился переворотъ; ребенокъ исчезъ и явился мужчина, съ его преходящими радостями и непреходящимъ горемъ.

Во мнѣ все стало страстью, прежде чѣмъ развились самыя страсти. Когда послѣ безмолвнаго обѣда, за которыми я не смѣлъ ни говорить, ни ѣсть, мнѣ удавалось убѣжать къ себѣ въ комнату, я приходилъ въ неимоверный восторгъ; я не могъ сойти съ крыльца, не отдохнувши: иначе я бы упалъ съ него. Мнѣ должно было приѣсть на ступень, чтобы дать успокоиться воображенію; но, лишь только достигалъ я *зеленаго двора* и *лѣсовъ*, я принимался бѣжать, прыгать, скакать, кружиться, рѣзвиться, пока не задохнусь и не упаду въ изнеможеніи, упоясь шалостью и свободой.

Батюшка бралъ меня съ собою на охоту. Я пристрастился къ охотѣ до безумія; до-сихъ-поръ вижу поле, гдѣ я убилъ перваго зайца. Мнѣ часто случалось осенью пробыть четыре, пять часовъ въ прудѣ, выжидая дикихъ утокъ; даже и теперь, я не мо-

гу хладнокровно слышать лаю собаки, гонящейся за добычею. Впрочемъ, въ пристрастіи этомъ къ охотѣ, много участвовала любовь къ независимости; скакать черезъ рвы, бродить въ кустарникахъ, по болотамъ, лѣсамъ, быть въ глухомъ мѣстѣ съ ружьемъ въ рукахъ, значило для меня жить. Я такъ далеко забѣгалъ иногда, что не могъ болѣе идти, и слуги принуждены бывали уносить меня домой на переплетенныхъ вѣтвяхъ.

Однако же, забава охотой меня не удовлетворяла: водновала жажда счастья, которой я не могъ ни утолить, ни понять; умъ мой и сердце представляли какъ бы два пустые храма, безъ жертвенниковъ и безъ жертвъ; еще не извѣстно было, какому идолу будутъ поклоняться въ нихъ. Я росъ подлѣ сестры Люсилы; въ дружбѣ нашей сосредоточивалась вся наша жизнь.

Люсиль была высокаго росту, красоты замѣчательной, но сурогой. По блѣдному ея лицу падали длинные черные локоны; часто она устремляла къ небу или обращала вокругъ себя взоръ, полный грусти или огня. Въ ея походкѣ, голосѣ, улыбкахъ, во всей физиономіи, было что-то задумчивое и страдальческое.

Люсиль и я, мы были бесполезны другъ другу. Когда мы говорили о мѣрѣ, то разумѣли тотъ, который жилъ въ нашемъ сердцѣ, и который мало походилъ на мѣрѣ дѣйствительный. Она видѣла во мнѣ своего покровителя, а я въ ней видѣлъ друга. По временамъ на нее находили черныя мысли, которыя съ трудомъ успѣвалъ я разсѣвать: въ семнадцать лѣтъ, она плакала о прошедшихъ молодыхъ своихъ годахъ; она хотѣла заточить себя въ монастырь. Все было для нея поводомъ къ заботѣ, скукѣ, огорченію: выраженіе, котораго она искала, пустая мечта, которую она себѣ создавала, мучили ее въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ. Нерѣдко видѣлъ я, какъ она, положивъ на голову руку, мечтала неподвижная и неодушевленная; жизнь ея, убѣжавъ къ сердцу, переставала являться наружу; даже грудь не подымалась. Позою, задумчивостью и красотою, она походила на надгробнаго гения. Тогда я пытался утѣшать ее, и черезъ минуту самъ впадалъ въ неизяснимое отчаяніе.

Подъ вечеръ, Люсиль любила читать какую-нибудь священную книгу: мѣстомъ чтенія она обыкновенно выбирала перекрестокъ двухъ сельскихъ дорогъ, отмѣченный каменнымъ крестомъ и тополемъ, длинный стволъ котораго поднимался въ небо кистью. Моя набожная матушка, которой это нравилось, говорила, что дочь представляетъ ей христіанку первобытной Церкви, моля-

шуюся на одномъ изъ священныхъ мѣстъ, называвшихся лаврами.

У сестры моей, отъ сосредоточенія души, рождался необыкновенныя явленія ума: во снѣ, она видѣла прорицательныя сновидѣнія; во время бдѣнія, она, казалось, читала въ будущемъ. На одной площадкѣ лѣстницы, въ большой башнѣ, стояли часы, звучащія время безмолвію. Люсилъ, въ бессонницу, садилась на ступеньку, противъ этихъ часовъ, и при свѣтѣ лампы, поставленной на землю, смотрѣла на циферблатъ. Когда обѣ стрѣлки, соединяясь въ полночь, порождали своимъ страшнымъ соединеніемъ часъ безпорядковъ и злодѣяній, Люсилъ слыхала стоны, возвѣщавшіе объ отходѣ въ вѣчность далекихъ душъ. Однажды, прѣбывавъ въ Парижѣ за нѣсколько дней до десятаго августа, и живя вмѣстѣ съ другими моими сестрами по близости кармелитскаго монастыря, она взглянула въ зеркало, вскрикнула и сказала: «Я видѣла, къ намъ вошла смерть». Въ рощахъ Каледоніи, Люсилъ слыла бы дѣвою Валтеръ-Скотта, одареннаго предвидѣніемъ; въ рощахъ Арморикки, она была не больше какъ нелюдимка, надѣленная красотою, гениемъ и несчастіемъ.

Жизнь, какую я велъ съ сестрою въ Комбургѣ, увеличивала восторженность свойственную нашимъ лѣтамъ и характерамъ. Главнымъ средствомъ къ разсѣянію скуки были прогулки вдвоемъ въ Большомъ Маіѣ, весною на муравъ усѣянной бѣлой буквицей, осенью по пологу изсохшихъ листьевъ, зимою по снѣжной скатерти, испещренной слѣдами птицъ, бѣлокъ и горностаевъ. Мы были молоды какъ цвѣтки буквицы, грустны какъ изсохшія листья, чисты какъ утренній снѣгъ, и между нами и природою существовала гармонія.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Люсилъ, услышавъ мои восторженные рѣчи объ уединеніи, сказала мнѣ: «Тебѣ должно бы было все это описать.» Эти слова были мнѣ откровеніемъ музыки; заоблачное дыханіе навѣяло на меня. Я началъ лепетать стихами, какъ-будто они были мнѣ природнымъ языкомъ; день и ночь я воспѣвалъ мои удовольствія, то есть, наши лѣса и доли; я сочинилъ множество мелкихъ идиллій или картинъ природы*. Прежде чѣмъ приступилъ я къ прозѣ, я долго стихотворствовалъ: мосье де-Фонтенъ утверждалъ, что я получилъ отъ природы два орудія.

* Смотри полное собраніе моихъ сочиненій (Парижъ, замѣтка 1837 года).

Низшелъ ли на меня этотъ даръ, обѣщанный дружбою? Мало ли чего ждалъ я напрасно! Въ Эсхиловомъ «Агамемнонѣ» рабъ стоитъ на часахъ на верху дворца въ Аргосѣ; глаза его выжидаютъ условеннаго знаку о возвратѣ кораблей; онъ поетъ, чтобы сократить время выжиданія; между-тѣмъ часы летятъ и звѣзды меркнутъ, а свѣточъ не блеститъ. Послѣ многихъ лѣтъ, запоздалый его свѣтъ является на волнахъ тогда уже, какъ рабъ согнулся подъ бременемъ времени; ему достается вписать одни бѣдствія, и хоръ говорить ему: «Старецъ тѣнь бродящая при свѣтѣ дневномъ».

Въ первые восторги вдохновенія, я убѣдилъ и Люсилу раздражать моему примѣру. Мы проводили дни въ дружбыхъ совѣщаніяхъ, во взаимномъ сообщеніи того, что мы сдѣлали, что надѣялись сдѣлать. Мы предпринимали сочиненія общими силами, и, руководясь инстинктомъ, перевели прекраснѣйшія и самыя печальныя мѣста изъ Лукреція. Мысли Люсилы были не иное что какъ чувствованія; онѣ съ трудомъ выходили изъ души; но когда ей удавалось наконецъ выразить ихъ, то ничего не могло быть выше. Она оставила до тридцати рукописныхъ страницъ; ихъ нельзя читать безъ глубокаго душевнаго волненія. Изящество, сладость, мечтательность, страстная чувствительность этихъ страницъ представляютъ смѣсь генія греческаго съ геніемъ германскимъ.

ЗАРЯ.

«Какой сладостный свѣтъ озаряетъ Востокъ! Не юная ли заря открываетъ міру свои прекрасныя очи, отягощенные мгліемъ сна? Спѣши, прелестная богиня, покинь брачное ложе, облекись въ багряную одежду; мягкимъ поясомъ подвѣжи ее; не сжимай нѣжныхъ ногъ своихъ обувью; не оскверняй яв какими украшеніемъ прекрасныхъ рукъ твоихъ, сотворенныхъ лишь для того чтобы раскрывать двери дня. Но ты уже встаешь на отбѣенный холмъ. Золотистые волосы распадаются влажными кудрями по твоей розовой шеѣ. Изъ устъ твоихъ исходитъ дыханіе чистое и благоуханное. Нѣжная богиня, вся природа улыбается при появленіи твоёмъ; одна ты проливаешь слезы, и отъ нихъ родятся цвѣты».

ЛУНА.

«Дѣвственная богиня! богиня чистая до того что даже розы стыдливости не возмущаютъ твоей нѣжной ясности, смѣю дозвѣ-

рять тебѣ чувства мои. Какъ тебѣ, нѣтъ и мнѣ причины стыдиться собственнаго своего сердца. Но порой воспоминаніе людскаго суда неправаго и слѣпаго покрываетъ тучами чело мое, подобно твоemu. Подобно тебѣ, заблужденія и бѣдствія здѣшняго міра возбуждаютъ меня къ мечтаніямъ. Но ты, обитательница неба, ты счастливице меня; ты вѣчно сохраняешь свою ясность; поднимаящіяся съ нашего земнаго шара бури и грозы только скользятъ по твоemu, ни чѣмъ не возмущаемому лику. Богиня, любимая моею грустью, пролей холодный покой въ душу мою!

НЕВИННОСТЬ.

«Дочь неба, милая невинность, если бы я дерзнула начертать слабый образъ нѣкоторыхъ твоихъ чертъ, я сказала бы, что ты дѣтству замѣняешь добродѣтель, веснѣ жизни — мудрость, старости — красоту, бѣдствію — счастье; сказала бы я, что, чуждая нашимъ заблужденіямъ, ты льешь однѣ чистыя слезы и что въ улыбкѣ твоей все небесно. Но, прекрасная невинность! и тебя окружаютъ опасности, на тебя устремляетъ всѣ стрѣлы свои зависть: убоишься ль ты ихъ, скромная невинность? станешь ли убѣгать отъ угрожающихъ тебѣ опасностей? Нѣтъ, ты стоишь неподвижно и дремлешь опершись головой на алтарь.»

Братъ мой иногда удѣлялъ нѣсколько минутъ отшельникамъ комбургскимъ: онъ имѣлъ привычку привозить съ собою одного молодаго совѣтника бретонскаго парламента, мосье де-Маль-Филатра, двоюроднаго брата несчастнаго поэта того же имени. Мнѣ кажется, что Люсия, сама того не вѣдая, питала тайную страсть къ другу моего брата, и что эта ужасная страсть была одной изъ причинъ ея задумчивости и грусти. Должно сказать, что сестра, не имѣя гордости Руссе, заблуждалась какъ онъ: ей казалось будто всѣ люди въ заговорѣ противъ нея. Она прѣѣхала въ Парижъ въ 1789 съ сестрою Юліей, смерть которой оплакивала съ такою возвышенною печалью. Великій кто зналъ Юлію, удивлялся ей, съ Малзербю до Шаффера.

Попавшись въ Реннѣ въ руки революціонеровъ, она едва не заключена была въ комбургскій замокъ, обращенный во время терроризма въ тюрьму. По освобожденіи она вышла за-мужъ за де-Ко (Caud), который черезъ годъ оставилъ ее вдовою. Возвратясь изъ за-границы, послѣ эмиграціи, я снова увидѣлъ подругу моего дѣтства: впоследствии разскажу какъ исчезла она, когда Богу угодно было послать мнѣ скорбь.

Волчья Долина, ноябрь 1817.

Пишу послѣднія строки въ моемъ уединеніи, по возвращеніи изъ Монбоассіе; мнѣ должно покинуть мой рассадникъ, полный прекрасныхъ, взрослыхъ деревьевъ, которыя густыми рядами столбовъ скрываютъ и вѣчаютъ своего отца. Уже я не увижу магноліи, обѣщавшей розу свою могилѣ моей Флоридянкѣ, не увижу сосны іерусалимской и кедра ливанскаго, посвященнаго памяти Жерома, ни лавра гренадскаго, ни греческаго платана, ни дуба Арморикки, подъ которымъ я живописалъ Бланку, пѣлъ Кимодокею, создавалъ Валледу. Эти деревья родились и росли вмѣстѣ съ моими мечтами, которымъ онѣ были амадріадами. Онѣ перейдутъ во власть другаго: полюбятъ ли ихъ новый хозяинъ, какъ я любилъ ихъ? Онѣ оставятъ ихъ гложуть, можетъ-быть ерубить: мнѣ не суждено сохранить на землѣ ничего. При прощаньи съ лѣсами онейскими я припомню прежнее прощанье съ лѣсами Комбурга: всё прощанья и разставанья!

Страсть къ поэзій, внушенная мнѣ Люсилей, была какъ-бы масло политое на огонь. Чувствованія мои получили новую силу; на умъ начали приходять мечты о славѣ; одно время я вѣрилъ въ мой талантъ, но скоро, перейдя къ справедливому недовѣрію къ собственнымъ своимъ способностямъ, я сталъ сомнѣваться въ этомъ талантѣ, какъ сомнѣвался въ немъ всегда. Я смотрѣлъ на свои труды какъ на злое искушеніе; я негодовалъ на Люсиль, породившую во мнѣ несчастную страсть; я пересталъ писать и принялся оплакивать мою грядущую славу, точно какъ другіе плачутъ о славѣ миновавшей.

Возвратясь къ прежнему бездѣлію, я живѣе почувствовалъ чего не доставало моей молодости: я былъ самъ себѣ тайною. Я не могъ взглянуть на женщину безъ смущенія; я краснѣлъ, когда она начинала говорить со мною. Робкій со всѣми, я такъ былъ застѣнчивъ въ присутствіи женщины, что скорѣй согласился бы, Богъ знаетъ, на какое мученіе, чтобы только не оставаться съ нею наединѣ; но лишь только она уѣзжала, я призывалъ ее всею душою. Правда, картины Виргилія, Тибула и Массиліона представлялись моей памяти; но образъ матушки и сестры, покрывая все своей чистотою, сгущалъ покровы, которые старалась приподнять природа; любовь сыновья и братская мѣшала понять любовь менѣе безкорыстную. Если бъ мнѣ представили прекраснѣйшихъ невольницъ Серала, я не здалъ бы, него у нихъ надѣяться. Случай открылъ мнѣ глаза.

Одинъ сосѣдъ нашъ по комбургскому помѣстью прѣѣхалъ на нѣсколько дней въ замокъ съ своей женой, очень хорошенькою. Не знаю, что случилось въ деревнѣ, только всё бросились къ одному изъ оковъ большой залы, чтобъ смотрѣть. Я подошелъ первый: за мною бѣжала гостья; я хотѣлъ уступить ей мѣсто и оборотился; неволью она загородила мнѣ дорогу, и прижала меня къ окну. Что вокругъ меня происходило, я уже не чувствовалъ.

Съ этой минуты я постигъ, что любить и быть любимымъ любовью, доселѣ мнѣ невѣдомою, должно составлять высокое блаженство. Если бъ я жилъ, какъ живутъ другіе, то скоро узналъ бы муки и радости страсти, зародышъ которой таился въ сердцѣ моемъ; но во мнѣ все принимало необыкновенный характеръ. Пылкость моего воображенія, робость, нелюдность, произвели то, что я погрузился въ самаго себя, вмѣсто того чтобы раскинуться наружу; не имѣя предмета дѣйствительнаго, я вызвалъ силою моихъ неопредѣленныхъ желаній призракъ, который меня уже не покидалъ. Не знаю, представляетъ ли исторія сердца чловѣческаго другой примѣръ подобнаго рода.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною женщинъ, я составилъ одну; придалъ ей станъ, волосы и улыбку гостьи, которая прижала меня къ своей груди; у одной сельской дѣвушки я заимствовалъ глаза, у другой свѣжесть лица. Портреты знаменитыхъ дамъ времени Франциска-Перваго, Генриха-Четвертаго, и Людовика-Четырнадцатаго, которыми увѣшана была зала, доставили мнѣ другія черты.

Эта волшебница невидимо преслѣдовала меня вездѣ; я бесѣдовалъ съ нею, будто съ живымъ существомъ; она мѣнялась по прихоти моего безумія: то являлась Афродитой, безъ покрову, то Діаной въ лазурной и розовой одеждѣ, то Таліей въ смѣющейся маскѣ, то Гебой, съ кубкомъ юности, то Феей, покорявшей мнѣ всю природу. Я безпрестанно подправлялъ мою картину; отнималъ у своей красавицы одну прелесть и замѣнялъ ее другою. Точно также мѣнялъ я и ея уборы, заимствуя ихъ у всѣхъ странъ, у всѣхъ вѣковъ, у всѣхъ искусствъ и художествъ. Потомъ довершивъ свое образцовое созданіе, я снова разбрасывалъ мои очерки и краски; моя единственная женщина преобразовывалась во множество женщинъ, и я по-одиначкѣ обожалъ тѣ прелести, которыми поклонялся, когда онѣ были соединены въ одномъ лицѣ.

Пигмалионъ былъ мнѣ влюбленъ въ свое изваяніе: мнѣ предлежала задача — понравиться моему созданію. Не находя въ себѣ

ничего тѣмъ нужно обладать, чтобы быть любимымъ, я щедро надѣлялъ себя тѣмъ, чего мнѣ не доставало. Я ѣздилъ верхомъ какъ Касторъ и Поллуксъ; игралъ на лирѣ какъ Аполлонъ; Марсъ владѣлъ оружіемъ съ меньшею силою и ловкостью: какими мечтательными приключеніями, я, герой романа или исторіи, загромождалъ свои вымыслы! Тѣни дѣвъ Морвена, султанши Багдада и Гренады, боярыни старинныхъ замковъ, бани, благоуханія, пляски, наслажденія Азіи, все принадлежало мнѣ, благодаря силѣ волшебнаго жезла.

Вотъ идетъ юная княжна, убранная алмазами и цвѣтами (эта все моя сифида), пробравшись черезъ сады апельсинавъ, она ищетъ меня въ полночь, въ галереяхъ дворца, омываемаго волнами моря, у благоуханныхъ береговъ Неаполя или Мессины, подъ небомъ любви, которое пронзаетъ своимъ свѣтомъ звѣзды Эндиміона; она, одушевленная статуя Праксителя, приближается ко мнѣ среди недвижимыхъ изваяній блѣдвыхъ картинъ и фресковъ, безмолвно убѣленныхъ лучамъ мѣсяца: легкій шелестъ ея шаговъ по мраморной мозаикѣ половъ сливается съ едва слышимымъ ропотомъ волны. Насъ окружаетъ дикая ревность. Я упадаю къ стопамъ повелительницы полей, Энны; шелковыя волны ея распущенной діадемы лобзаютъ мнѣ чело, шестнадцатилѣтняя ея головка склоняется на мое лицо, и руки упираются на мою грудь, трепещущую отъ благоговѣнія и сладострастія.

Когда я пробуждался отъ этихъ сновъ и снова находилъ въ себѣ бѣднаго, неизвѣстнаго Бретонца, не надѣннаго ни славой, ни красотой, ни дарованіями, которому нечѣмъ привлечь на себя чей-либо взоръ, который можетъ-быть кончить жизнь въ безвѣстности, котораго не полюбить ни одна женщина, мною овладѣвало отчаяніе: я уже не смѣлъ поднять глазъ на блистательный образъ, неотступно меня преслѣдовавшій.

Такое восторженное состояніе моей души продолжалось цѣлые два года, подъ конецъ которыхъ оно достигло высшей степени. Я говорилъ мало, даже вовсе не говорилъ; я еще долженъ былъ учиться, и бросилъ книги; любовь къ удивленію возрасла во мнѣ еще болѣе.

У меня были всѣ признаки сильнѣйшей страсти; глаза впали: я худѣлъ; не спалъ; сталъ разсѣянъ, грустенъ, горячъ, жестокъ. Я проводилъ дни дико, странно, безсмысленно, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ наслажденіемъ.

Къ сѣверу отъ замка простиралась пустошь, усѣянная друидскими камнями; при закатѣ солнца я садился на одинъ изъ этихъ

памятниковъ. Но золоченныя вершины лѣсовъ, красота земли, мерцающія вечерней звѣзды сквозь розовыя облака, вызывали меня къ своимъ мечтамъ: я хотѣлъ бы наслаждаться этимъ зрѣлищемъ съ своимъ идеаломъ. Мыслью слѣдилъ я за свѣтиломъ дня, и поручалъ его вожденію идеалъ мой, чтобы оно гредставило его вмѣстѣ съ собою, въ лучезарной красотѣ на удивленіе вселенной. Вечерній вѣтерокъ, разрывавшій ткань наѣкомаго на верхушкѣ травы, полевой жаворонокъ, спускавшійся на камень, возвращали меня къ дѣйствительности: я отправлялся въ обратный путь къ замку, съ сжатымъ сердцемъ, съ утомленнымъ лицомъ.

Въ лѣтніе дни, во время грозы, я входилъ на большую западную башню. Раскаты грома надъ кровлями замка, потоки дожда, упавшіе съ шумомъ на пирамидальные верхи башенъ, молнія, прорѣзывавшая тучу и отбѣгавшая электрическимъ пламенемъ иѣдные флюгера, возбуждали во мнѣ восторгъ: какъ Тассовъ Исменъ на стѣнахъ Іерусалима, я призывалъ молнію, въ надеждѣ, что она принесетъ мнѣ Армиду.

Если небо было ясно, я ходилъ по Большому Маіію, вокругъ котораго простирались луга; они раздѣлялись плетнями обсаженными ивами. На одной изъ этихъ нвъ я устроилъ себѣ пріютъ, будто гнѣздо: тамъ, одинъ между небомъ и землей, я проводилъ по нѣскольку часовъ съ травниками; моя нимфа была подлѣ меня. Образъ ея я сочеталъ съ прелестью весеннихъ ночей, полныхъ прохлады росы, вздоховъ соловья и ропоту вѣтерковъ.

Порою, я ходилъ по заглохшей дорогѣ, слѣдилъ за волной, украшенной водяными растеніями; внималъ звукамъ, вылетающимъ изъ мѣстъ, непосѣщаемыхъ человѣкомъ; прислушивался къ каждому дереву; мнѣ чудилось, что свѣтъ луны поетъ въ лѣсахъ: я желалъ пересказать эти наслажденія, и слова замирали на моихъ устахъ. — Не знаю какъ, но я находилъ мою богиню и въ звукахъ голосу, и въ дрожаніи арфы, и въ баратныхъ или плакучихъ тонахъ рога или гармоники.

Долго бы было рассказывать прекрасныя странствованія, которыя совершалъ я съ своимъ цвѣтомъ любви; какъ рука объ руку посѣщали мы знаменитыя развалины, Альбу, Римъ, Аены, Іерусалимъ, Мемфисъ, Карфагенъ; какъ переплывали мы моря, какъ просили счастья у пальмъ Отанти, у благоуханныхъ рощицъ Амбоана и Тидора; какъ входили мы на Гималаю будить зарю; какъ спускались по теченію священныхъ рѣкъ, окружающихъ своими волнами златоверхія пагоды; какъ отдыхали на бере-

гахъ Ганга, между тѣмъ, какъ Бенгали, сидя на мачтѣ бамбуковаго челнока, вѣлъ свою индѣйскую баркаролу.

Земля и небо для меня уже не существовали; особенно забывалъ я послѣднее; но если я не обращался къ нему болѣе съ мольбами, зато оно само внимало голосу сокровенной моей скорби: я страдалъ, а страданіе тоже молитва.

Чѣмъ печальнѣе была осень, тѣмъ болѣе она ехиднѣвала со мной: пора непогодъ, затрудняя сообщенія, удивляетъ жителей деревень: чувствуешь себя лучше огражденнымъ отъ людей.

Картины осени носятъ на себѣ нравственный оттискъ: эти листья, падающіе какъ наши годы, эти облака, убѣгающіе какъ наши мечты, этотъ свѣтъ, меркнувшій какъ нашъ разумъ, это солнце, охлаждающееся какъ наша любовь, эти рѣки, замерзающія какъ наша жизнь, имѣютъ таинственныя соотношенія съ нашею судьбой.

Я радовался приближенію поры непогодъ и съ неизъяснимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на прелесть лебедей и дикихъ голубей, на сборище воронъ на лугу вокругъ пруда и ихъ настѣтъ, при наступленіи ночи, на самыхъ высокихъ дубахъ Большаго Mail'я. Вечеромъ, когда на перекресткѣ лѣсовъ поднимался синеватый паръ, когда жалобы или пѣсни вѣтра стонали въ увядшемъ мху, я вступалъ въ полное владѣніе симпатіями, свойственными моему характеру. Встрѣчалъ ли я на пашнѣ земледѣльца, я останавливался и смотрѣлъ на этого человѣка, который, созрѣвъ въ тѣни колосьевъ, среди ихъ долженъ быть пожать, и который выворачивая землю своей могилы сошникомъ плуга, смѣшивалъ горячій потъ свой съ холоднымъ осеннимъ дождемъ: борозда, которую онъ проводилъ переживетъ его и будетъ ему памятникомъ. Что жъ дѣлала при этомъ случаѣ моя прелестная волшебница? Чародѣйствомъ своимъ, она переносила меня на берега Нила, и показывала мнѣ египетскую пирамиду, утопшую въ песокъ, подобно армориканской бороздѣ, поросшей и закрытой верескомъ: я радовался, что мнѣ удалось, грезы моего блаженства перенести за предѣлы круга человѣческой дѣйствительности.

Вечеромъ я плавалъ по пруду одинъ, управляя лодкою, посреди камышей и широкихъ пловучихъ листьевъ кувшинчиковъ. Здѣсь собирались ласточки, готовясь покинуть нашу сторону. Я не пропускалъ ни одного звука ихъ щебетанья. Таверніе ребенкомъ не былъ внимательнѣе къ рассказамъ путешественника. При закатѣ солнца онѣ играли на водѣ, гонялись за настиномыми, дружно поднимались въ высь, какъ-будто желая испытать свои крылья,

снова спускались на поверхность озера, и потомъ сѣдлись въ тростникъ, едва наклоня своей тяжестью его вѣтки и оглашая ихъ своимъ пѣніемъ.

Спускалась на землю ночь; поля тростниковъ волновались; пернатый караванъ водяныхъ куръ, чирковъ, зимородковъ, бекасовъ молчалъ, сѣдя въ тростникѣ; дикіе голоса осени исходили изъ болотъ и лѣсовъ; я вытаскивалъ на берегъ мою лодку и возвращался въ замокъ. Бьетъ десять часовъ. Только что войдя въ свою комнату, я отпиралъ окна, устремлялъ взоръ на небо и принимался колдовать. Я взлеталъ съ своею волшебницею на облака, обвернутый ея волосами и покровомъ, по прихоти бурь, колебалъ верхи лѣсовъ и горъ, или носился вихремъ надъ морями. Погружаясь въ пространство, я спускался отъ престола Звѣздъ къ вратамъ бездны, и міры были во власти любви моея.

Среди хаоса стихій, я въ упоеніи сочетавалъ мысль опасности съ мыслью объ удовольствіи. Дыханіе аквилона доносило до моего слуху лишь вздохи сладострастія, ропотъ дождя клонилъ меня ко сну на груди дѣвы чудной. Рѣчи, съ которыми я обращался къ этой женщинѣ, въ состояніи были возвратить чувства старости, разогрѣть мраморъ гробницъ.

Волшебница, виновница моего безумія, ничего невѣдущая, все знающая, вмѣстѣ и дѣва и любовница, дѣва невинная, дѣва падшая, представляла смѣсь таинственности и страстей: я ставилъ ее на столбъ славы и поклонялся ей. Гордая мысль быть любимымъ ею усиливала мою любовь. Если она шествовала, я подвергался подъ стопы ея, или лобызалъ ея слѣды. Я смущался при ея улыбкѣ, трепеталъ при звукѣ ея голосу; дрожалъ отъ желаній, когда прикасался къ тому, къ чему прикоснулась она. Дыханіе влажныхъ устъ ея проникало до мозгу костей моихъ, текло въ моихъ жилахъ вмѣсто крови. Одинъ взоръ ея — и я полетѣлъ бы на край свѣта; съ нею, я довольствовался бы пустынею, съ нею львиная пещера преобразовалась бы въ чертогъ, и милліона вѣковъ было бы мало, чтобы истощить огонь, которымъ я горѣлъ.

Съ этимъ бѣснованіемъ соединялось нравственное поклоненіе: игрою воображенія, эта Фринея, опутывавшая меня своими объятіями, становилась для меня славою и въ особенности честью; добродѣтель, совершающая благороднѣйшія жертвы, гений порождающій возвышеннѣйшіе помыслы, едва ли дадутъ понятіе о счастьи этого роду.

Въ чудномъ моемъ созданіи, я находилъ всю усладу чувствъ и всѣ наслажденія души. Удрученный и такъ сказать потопленный

этими двойственными упоеніемъ, я уже не зналъ, какъ, дѣйствительно, существую; я былъ человекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ; я превращался въ облако, въ вѣтеръ, въ звукъ: я былъ чистое существо воздушное, воспѣвавшее небесное блаженство. Я разоблачался отъ своей природы, и сливался съ дѣвою моихъ мечтаній, преображался въ нее, непосредственно осязалъ ея красоту, становился вмѣстѣ страстью внушаемою и внушенною, любовью и предметомъ любви.

Вдругъ, изумленный своимъ безуміемъ, я бросался на свое ложе; скорбѣлъ; орошалъ изголовье слезами, которыхъ никто не видалъ и которыя лились, жалкія, ни за что.

Скоро приходило мнѣ не въ силу оставаться въ башнѣ, — и спускался, среди мраку, украдкой, какъ убійца, отворялъ дверь на крыльцѣ, и выходилъ бродить по лѣсамъ.

Нѣсколько времени я бродилъ безъ цѣли, махая руками, хватая вѣтры, которые бѣжали отъ меня какъ тѣнь, предметъ моихъ исканій, и, наконецъ, прислонялся къ какому-нибудь буку, и смотрѣлъ на вороновъ, которые, испуганные мной, перелетали съ дерева на другое, или глядѣлъ на луну, которая волочилась по обновленной верхушкѣ дубравы: мнѣ хотѣлось бы въ ту минуту быть обитателемъ этого мертваго міра, мерцавшаго гробовою блѣдностью. Я не чувствовалъ ни ночнаго холоду, ни ночной сырости; даже ледяное дыханіе разсвѣта не извлекло бы меня изъ глубины моихъ мыслей, если бы въ этотъ часъ не раздавался звонъ сельскаго колокола.

Въ большой части бретанскихъ селъ, по усопшимъ звонятъ обыкновенно на разсвѣтѣ. Этотъ трезвонъ, изъ трехъ повторяющихся тоновъ, составляетъ нѣчто въ родѣ напѣва, однообразнаго, грустнаго, сельскаго. Ничто такъ не шло къ моей больной уязвленной душѣ, какъ призывъ къ тревогамъ жизни этимъ колоколомъ, возвѣщавшимъ конецъ ея. Я представлялъ себѣ пастуха, усопшаго въ безвѣстной хижинѣ, и потомъ зарытаго на кладбищѣ также безвѣстномъ. Что дѣлалъ онъ на землѣ? да и что я самъ дѣлаю здѣсь въ эту минуту? Вѣдь и мнѣ должно перейти въ другой міръ; такъ не лучше ли пуститься въ путь на зарѣ, при утренней прохладѣ; не лучше ли прибыть по ранѣе къ мѣсту назначенія, чѣмъ продолжать странствованіе при томительномъ зноѣ дня? Румянецъ желанія выступалъ на лицо; мысль о небытіи овладѣвала сердцемъ будто внезапная радость. Въ пору юношескихъ заблужденій, я часто желалъ не пережить счастья: въ пер-

воиъ успѣхъ было столько блаженства, что я жаждалъ разрушенія.

Больше и больше привязывался къ призраку, я не могъ наслаждаться тѣмъ, чего не существовало. Я предчувствовалъ бѣдствія грядущей судьбы: богатый на выдумки страданій, я поставилъ себя между двухъ родовъ отчаянiя; иногда я считалъ себя существомъ ничтожнымъ, неспособнымъ возвыситься надъ толпою; иногда чувствовалъ въ себѣ качества, которыхъ, думалъ я, никто не оценитъ. Тайный инстинктъ предупреждалъ меня, что, вступая далѣе и далѣе въ свѣтъ, я не найду чего искалъ.

Все питало во мнѣ огорченiя: Люсия была несчастна; матушка не утѣшала меня; отецъ внушалъ мнѣ страхъ. Онъ становился съ лѣтами суровѣе; старость черствила его тѣло и душу; онъ безпрестанно подмѣчалъ за мною и бранилъ меня. Когда я возвращался съ безумныхъ прогулокъ и встрѣчалъ отца на крыльцѣ, я согласился бы скорѣе, чтобы меня убили, чѣмъ идти въ замокъ. Но это значило только отсрочить казнь, потому что мнѣ должно же было явиться къ ужину: смущенный, съ лицомъ, избитымъ дождемъ, съ растрепанными волосами, я садился на край стула, и оставался неподвижнымъ подъ грозю отцовскаго взору, потъ выступалъ на лицѣ: послѣднiй свѣтъ разума погасалъ во мнѣ.

И вотъ я достигъ минуты, когда надобно имѣть нѣкоторую силу, чтобы сознаться въ слабости. Человѣкъ, посягающiй на жизнь, показываетъ не столько твердость духа, сколько слабость характера.

У меня было охотничье ружье, у котораго испорченный замокъ часто соскакивалъ самъ собою. Я зарядилъ ружье тремя пулями и ушелъ въ уединенное мѣсто Большаго Маія. Взвелъ курокъ, взялъ конецъ дула въ ротъ, ударилъ прикладомъ объ землю; вѣсколько разъ повторилъ тоже: выстрѣлъ не раздавался; появленiе караульнаго положило конецъ моему намѣренiю. Вѣра противъ воли и безъ вѣдома въ предопредѣленiе, я убѣдился, что часъ мой еще не насталъ, и отложилъ до другаго дня исполненiе своего намѣренiя. Если бъ я застрѣлился, все, чѣмъ я былъ, погреблось бы въ одной со мной могилѣ; люди не узнали бы обстоятельство, которыя довели меня до самоубiйства; я увеличилъ бы число безымянныхъ несчастливцевъ: по слѣдамъ крови находить раненаго; я бы не оставилъ слѣдовъ горя, по которымъ бы можно было разгадать меня.

Кого смутятъ эти картины и соблазнятъ къ подражанiю, въ

комъ мои безумныя мечты возбудятъ любовь къ моей памяти, тотъ долженъ вспомнить, что слышитъ голосъ мертвеца. Читатель, котораго не знаетъ ни въ когда! — все прошло; что отъ меня осталось, то теперь въ рукахъ Бога живаго, судившаго меня.

Болезни, плодъ безпорядочной жизни, положила конецъ мукамъ, которыя я обязанъ первымъ вдохновеніемъ музы и первымъ припадкамъ страстей. Эти страсти, которыя надорвали мнѣ душу, эти страсти, еще безпредметныя, походила на морскія бури, набѣгающія со всѣхъ точекъ горизонта: какъ неопытный кормчій, я не зналъ къ которой сторонѣ подставить парусъ переменчивому вѣтру. У меня сдѣлалось бѣшеное сердце, началась лихорадка; послали въ Базуиъ, небольшой городокъ въ пяти или шести миляхъ отъ Комбурга, за отличнымъ докторомъ Шестелемъ, сынъ котораго игралъ роль въ дѣлѣ маркизы де Руери *. Онъ внимательно осмотрѣлъ меня, прописалъ лекарство и объявлялъ, что мнѣ всего нужнѣе переимѣнить образъ жизни.

Полтора мѣсяца я былъ въ опасности. Однажды утромъ, матушка пришла ко мнѣ, сѣла на кровать и сказала: «Тебѣ пора рѣшиться на что-нибудь; братъ въ состояніи доставить тебѣ *бенефицию*; но прежде чѣмъ вступить въ семинарію, ты долженъ хорошенько подумать; правда, мнѣ хочется, чтобы ты былъ духовнымъ; но мнѣ желательнѣе видѣть въ тебѣ порядочнаго свѣтскаго человѣка чѣмъ плохаго аббата.

Читатель можетъ судить, кѣмъ ли пришелся совѣтъ набожной матушки. Въ величайшихъ событіяхъ жизни, я всегда съ перваго разу угадывалъ, чего мнѣ должно избѣгать: чувство чести указывало мнѣ путь, быть аббатомъ мнѣ никакъ не шло. Самъ епископа пугалъ меня величествомъ, и я въ благоговѣйномъ страхѣ отступалъ отъ алтаря. Буду ли я въ званіи епископа, стараться приобрѣсть добродѣтели, или удовольствуюсь скрытіемъ моихъ пороковъ? Я чувствовалъ, что для перваго у меня не станетъ силы; къ послѣднему я былъ не способенъ при моемъ прямодушіи. Люди, считающіе меня канжой и честолюбцемъ, мало меня знаютъ: мнѣ никогда не ушлѣтъ въ свѣтъ, именно потому, что у меня недостаетъ страсти и пороку, честолюбія и ханжества. Честолюбіе у меня не больше какъ оскорбленное само-

* Появляясь впередъ на пути жизни, я снова встрѣчаюсь съ дѣйствующими лицами моихъ *Замысловъ*; вдова сына доктора Шестеля недавно принята въ богадельню Маріи Терезы; вотъ еще одинъ свидѣтель не ложности моего повѣствованія! (Замѣтки къ Парижѣ, 1834).

любіе; пожалуй, я желалъ бы тогда быть королевскимъ министромъ, чтобъ посмѣяться надъ моими врагами; но черезъ сутки я выбросилъ бы въ окно и портфель министра и вѣнецъ.

И такъ, я отвѣчалъ матушкѣ, что не чувствую въ себѣ сильнаго призванія къ духовному званію. Во второй разъ я мѣнялъ намѣреніе: то не захотѣлъ вступить въ морскую службу; теперь отказался отъ священническаго сана. Оставалась военная служба: мнѣ она нравилась; но какъ перенести утрату независимости и подчиниться строгостямъ военной дисциплины? Мнѣ пришла на умъ нелѣпная мысль: я объявилъ, что поѣду въ Канаду, разработывать лѣса, или въ Индію, искать службы въ войскахъ тамошнихъ владѣтелей.

Въ характерѣ каждого человека есть свои контрасты: отецъ мой во всемъ такой благоразумный, не былъ врагомъ отважныхъ предпріятій. Онъ поворчалъ на матушку за мою нерѣшительность, но согласился на отъѣздъ мой въ Индію. Меня отправили въ Сентъ-Мало, тамъ готовился корабль къ отплытію въ Пондичерри.

Прошло два мѣсяца: я снова очутился одинъ на родномъ островѣ; Вильнѣвъ только-что умерла тамъ. Я отправился въ прежнее ея жилище, чтобы оплакать ее у пустой и бѣдной постели, и увидѣлъ плетеную телѣжку, въ которой я выучился стоять на ногахъ. Я воображаю, какъ добрая няня устремляла съ своего лоба слабѣющій взоръ на эту подвижную корзинку, этотъ первый памятникъ жизни моей рядомъ съ послѣднимъ памятникомъ жизни второй матери: мысль, что добрая Вильнѣвъ, покидая свѣтъ, молила небо о счастіи питомца, всѣ доказательства привязанности, такой постоянной, такой безкорыстной, такой чистой, наполнили сердце признательностью, сожалѣніемъ и благодарностью.

Больше ничего не оставалось отъ моего прошедшаго въ Сентъ-Мало: въ портѣ я напрасно искалъ кораблей, на которыхъ игралъ канатами, они были въ морѣ или разбились; въ городѣ домъ, гдѣ я родился, превратился въ гостиницу. Я едва успѣлъ выйти изъ колыбели, а уже цѣлый міръ миновалъ. Я былъ чужой въ мѣстахъ моего дѣтства, встрѣчные спрашивали меня, кто я, и все это потому только, что голова моя на нѣсколько линій поднялась выше надъ землей, къ которой склонится опять черезъ немного лѣтъ. Какъ быстро и какъ часто мѣняемъ мы жизнь и мечты! Одни друзья насъ покидаютъ, другіе занимаютъ ихъ мѣсто; наши связи измѣняются: въ которую эпоху жизни встрѣчалась минута, когда мы не владѣли ничѣмъ изъ того, чѣмъ те-

перъ владѣемъ, когда у насъ не оставалось ничего отъ прежняго? У человѣка не одна, а много жизней, прицѣпленныхъ одна къ другой, и въ этомъ-то заключается его несчастье.

Однѣнь, безъ товарища, я принялся обозрѣвать арену, гдѣ когда-то воздвигались мои песочные замки: *Samprus ubi Troja fuit*. Я шелъ по пустынному побережью моря. Пески, послѣ отлива представляли картину запустѣнія, какое оставляютъ вокругъ насъ минувшія мечты. Мой землякъ Абельаръ, подобно мнѣ смотрѣлъ на эти волны, осемьсотъ лѣтъ назадъ, вспоминая о своей Элонзѣ, подобно мнѣ онъ видѣлъ удаленіе какого-нибудь корабля (*ad horizontis podos*), и слухъ его, подобно моему, слышали одни звучныя волны. Я подставлялъ себя прибою волнъ, предаваясь пагубнымъ мечтамъ, которыя я принесъ съ собою изъ лѣсовъ Комбурга. Мысль Лавардъ былъ предѣломъ моихъ прогулокъ; сидя на оконечности мыса, въ горькомъ раздумьи, я припоминалъ, что въ дѣтскіе годы я скрывался среди этихъ самыхъ скалъ, въ праздничные дни; здѣсь я танлъ слезы, а товарищи упились радостью. Я не чувствовалъ себя ни болѣе любимымъ, ни болѣе счастливымъ. Я готовился покинуть отечество, чтобы нѣтъ тратить дни на чужой сторонѣ. Эти размышленія меня терзали и я, кажется, въ состояніи былъ броситься въ волны.

Я получаю письмо, въ которомъ меня зовутъ въ Комбургъ; прѣвѣжаю туда; ужинаю съ семействомъ; отецъ не говоритъ со мной ни слова, матушка вздыхаетъ, Люсилъ кажется въ отчаяніи; въ десять часовъ всѣ расходятся. Я спрашиваю сестру; ей ничего неизвѣстно. На другой день, въ осемь часовъ утра за мною присылаютъ. Схожу внизъ: отецъ ждалъ меня въ кабинетѣ.

— Господинъ кавалеръ, тебѣ пора бросить глушости. Братъ досталъ тебѣ патентъ на чинъ подпоручика въ наваррскомъ полку. Отправляйся въ Реннъ, а оттуда въ Камбрѣ. Вотъ тебѣ сто лундоровъ; не трать ихъ по пустякамъ. Я старъ и хилъ; жить мнѣ недолго. Веди себя какъ слѣдуетъ благородному человѣку и не безчесть моего имени.

Онъ обнялъ меня. Я чувствовалъ, какъ съ душевнымъ волненіемъ суровое, покрытое морщинами лицо прикоснулось къ моему: это былъ послѣдній отцовскій поцѣлуй.

Графъ де-Шатобрианъ, человѣкъ такой страшный въ глазахъ моихъ, показался мнѣ въ эту минуту отцомъ, достойнѣйшимъ любви. Я бросился къ изсохшей его рукѣ и заплакалъ. Онъ началъ чувствовать припадки паралича; болѣзнь эта свела его въ

могилу; лѣвую руку у него часто подергивали судороги, и онъ, бывало, принужденъ былъ поддерживать ее правою. Подпирал такимъ образомъ руку и вручивъ мнѣ старую шпагу, онъ не далъ опомниться, повелъ меня къ повозкѣ, ожидавшей на зеленомъ дворѣ и при себѣ велѣлъ мнѣ садиться.

Почтальонъ ударилъ по лошадамя, а я между тѣмъ глазами прощался съ матушкой и сестрой, которыя стояли на крыльцѣ, заливаясь слезами.

Я поѣхалъ по дорогѣ вдоль пруда; видѣлъ тростникъ мохъ ласточекъ, ручей, шельницу и лугъ; бросилъ взглядъ на замокъ. Какъ морякъ, послѣ кораблекрушенія, я вступилъ на неизвѣстную землю: предо мной открывался міръ: and the world was all before him.

Съ тѣхъ норъ, я только три раза видѣлъ Комбургъ: по смерти отца, мы съѣхались туда въ траурѣ, чтобы раздѣлить наследство и сказать другъ другу прѣсти. Въ другой разъ я провожалъ въ Комбургъ матушку: она занималась тогда меблировкою замка, въ ожиданіи брата, который намѣренъ былъ привезти въ Бретаню мою невѣстку. Братъ не пріѣхалъ; скоро ему съ молодой женою палачъ приготовилъ изголовье, но не то, которое готовила мать. Наконецъ, я былъ въ Комбургѣ проездомъ въ Сенъ-Мало, гдѣ я сѣлъ на корабль, отправлявшійся въ Америку. Въ замкѣ не жалъ никто, и я принужденъ былъ остановиться у управляющаго. Я пошелъ бродить по Большому Маію, и мнѣ стало тяжело, когда сквозь темную аллею увидѣлъ опустѣлое крыльце, запертыя двери и окна. Съ трудомъ добралъ я до деревни, послалъ за лошадами и отправился въ ночь.

Послѣ пятнадцати-лѣтняго отсутствія, готовясь снова покинуть Францію и ѣхать въ Святую Землю, я поспѣшилъ въ Фужеръ — проеститься съ тѣмъ, чтѣ оставалось отъ нашей семьи. У меня не достало духу предпринять странствіе къ полямъ, съ которыми связана была живѣйшая частица моего существованія. Въ лѣсахъ Комбурга сталъ я тѣмъ, чтѣ и теперь, тамъ я чувствовалъ первые припадки скуки, которую влчилъ я цѣлую жизнь, той грусти, которая составляла мнѣ муку и блаженство. Тамъ несаль я сердца, которое бы могло понять мое; тамъ, въ глазахъ моихъ, собралось и разсѣлось мое семейство. Тамъ отецъ мой мечталъ о возстановленіи чести своего имени, о поправленіи домашнихъ дѣлъ: время и революція разсѣло и эту химеру. Настъ было шестере у отца; осталось только трое: брата, Юдія и Люсиан уже нѣтъ; мать умерла отъ горя, прахъ отца исторгнутъ изъ могилы.

Если сочиненія мои переживутъ меня, если суждено мнѣ оставить по себѣ нѣмя, то можетъ статья, какой-нибудь путешественникъ, руководимый этими «Записками», придетъ посѣтить описанныя въ нихъ мѣста. Онъ узнаетъ замокъ; но напрасно станетъ искать большаго лѣсу: колыбель моихъ сновъ исчезла какъ сонъ. Лишь древній донжонъ, одиноко стоя на скалѣ, оплакиваетъ гибель дубовъ, своихъ старинныхъ товарищей, окружавшихъ его и ограждавшихъ отъ бури. Какъ онъ, одинокій, я видѣлъ паденіе вокругъ меня семьи, украшавшей дни мои и укрывавшей мою голову: къ счастью, жизнь моя не такъ прочно построена на землѣ, какъ башни, гдѣ провелъ я юность, и человекъ не такъ противостоитъ бурямъ, какъ памятники, воздвигаемые его рукою.

Берлинъ, Мартъ 1821.

Далеко отъ Комбурга до Берлина, отъ юнаго мечтателя до стараго министра! Въ этихъ тетрадахъ написано мною прежде: «Гдѣ начинаю я эти записки?... гдѣ ихъ окончу?»

Прошло около четырехъ лѣтъ со времени рассказанныхъ событій до того числа, съ котораго я снова принимаюсь за перо. Много случилось въ этотъ промежутокъ времени, во мнѣ явился новый человекъ, — человекъ государственный. Я не слишкомъ дорожу этою метаморфозой. Я защищалъ надежды Франціи, потому что одинъ онѣ могутъ упрочить престолъ Бурбоновъ. Съ помощью le Conservateur, я доставилъ графу де-Виллелю участіе въ дѣлахъ государственныхъ, въ моихъ глазахъ умеръ герцогъ Беррійскій и я почтилъ его память. Чтобы всѣхъ причинить, я удался, принявъ званіе посланника при берлинскомъ дворѣ.

Вчера я былъ въ Потсдамѣ. Въ Санъ-Суси, мнѣ показывали: столъ, на которомъ великій монархъ Германіи перелагалъ во французскіе стихи мысли своего вѣка; комнату Вольтера, уставленную деревянными обезьянами и попугаями; мельницу, которую изъ каприза пощадило время, опустошитель областей; могилы лошади Цезарь и собакъ Дианы, Амуретты, Венна, Сюперба и Покса.

Меня водили въ новый дворецъ, уже разрушающійся. Въ старомъ потсдамскомъ замкѣ до-сихъ-поръ берснйо сохраняются табачныя пятна, изодранныя и испачканныя кресла, однимъ словомъ всѣ слѣды Фридриха-Великаго.

Одна только вещь обратила на себя мое вниманіе: стѣнныя

часы, на которыхъ стрѣлка остановлена на минутѣ кончины Фридриха; неподвижность эта меня ввела въ заблужденіе: часы не прерываютъ полета; не человѣкъ останавливаетъ время, а время человѣка. Притомъ же, что нужды въ томъ, какую роль мы разыгрываемъ при жизни; блескъ или мракъ нашихъ ученій, богатство или нищета, радость или скорбь не производятъ перемѣнъ въ мѣрѣ нашихъ дней. Вертится ли стрѣлка на циферблатѣ золотомъ или деревянномъ, малы ли, велики ли часы, вставлены ли они въ перстень или въ розету базилики, минута не короче и не длиннѣе.

Я чувствовалъ такую потребность въ перемѣнѣ ощущеній, что нашелъ облегченіе при посѣщеніи мраморнаго дому. Король, построившій его, вѣкогда благосклонно разговаривалъ со мною, когда я былъ бѣднымъ офицеромъ и проѣзжалъ черезъ его армію. Какъ Санъ-Суся, такъ и мраморный домъ представляютъ одинаково безхозяйныя развалины.

Несмотря что громадность современныхъ событій умила событія минувшія, несмотря что битвы при Росбахѣ, Лиссѣ, Лепицѣ, Торгау и прочія, кажутся стычками въ сравненіи съ побѣдами при Маренго, Аустерлицѣ, Іенѣ, Бородинѣ, Фридрихъ меньше другихъ можетъ бояться сравненія съ гигантомъ прикованнымъ къ скалѣ Святой Елены.

Въ Берлинѣ вечера длинны. Я живу въ домѣ, принадлежащемъ герцогинѣ де-Дино. Секретари уходятъ отъ меня съ паступленіемъ ночи. Когда при дворѣ нѣтъ бала, по случаю бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Павловича съ Великой Княгиней Александрой Феодоровной * я остаюсь дома и, запершись, сижу у ирочной печки, слышу только окликъ часоваго у Бранденбургскихъ Воротъ, и скрипъ свѣгу подъ шагами человѣка, насвистывающаго часы. Какъ провести время? Читать книги? у меня ихъ нѣтъ; не продолжать ли Записки?

Вы разстались со мною на пути изъ Комбурга въ Рениъ: тамъ я остановился у одного родственника. Онъ съ радостью объявилъ мнѣ, что знакома ему дама ѣдетъ въ Парижъ, что у нея въ экипажѣ есть лишнее мѣсто, и что онъ убѣдитъ ее взять меня съ собою. Я принялъ предложеніе, проклиная услужливость родственника. Онъ уладилъ дѣло и скоро представилъ меня попутчицѣ, ловкой, вертлявой модисткѣ, которая посмотрѣла на меня

* Нынѣ Ихъ Величествъ Императора и Императрицы Всероссийскихъ (Парижъ, 1832).

и расхохоталась. Въ полночь привели лошадей и мы отправились въ дорогу.

Вотъ я въ почтовой каретѣ, глазъ на глазъ съ женщиной, среди ночи. До-тѣхъ поръ я не могъ взглянуть на женщину не покрасивъ. Какъ же сойти теперь съ высоты мечтаний, къ страшной истинѣ? Я не зналъ, гдѣ я; и прижался въ уголъ экипажа, чтобы не коснуться платья мадамъ Розы. Когда она обращалась ко мнѣ съ вопросомъ, я не могъ отвѣчать и только бормоталъ несвязныя фразы. Она принуждена была сама расплачиваться съ почталіонами, сама о всемъ хлопотать, потому что я былъ ни къ чему не годенъ. На разсвѣтѣ, она съ новымъ изумленіемъ взглянула на глупца и подосадовала, что навязала его себѣ на шею.

Лишь только видъ страны началъ измѣняться, и я пересталъ встрѣчать одежду и выговоръ бретанскихъ поселенъ, я вналъ въ глубокое увыніе: это усилило въ мадамъ Розѣ ко мнѣ презрѣніе. Я догадался какое внушалъ ей чувство, и этотъ первый опытъ въ свѣтѣ пронзель въ мнѣ впечатлѣніе, котораго время не совсемъ изгладило. Я былъ нелюдимъ отъ природы, но не стыдливъ, скромнень свойственно моимъ лѣтамъ, но не застѣнчивъ. Прямьсли, что я смѣшонъ въ ея глазахъ хорошею стороною, нелюдность во мнѣ обратилась въ неодолимую робость. Я уже не могъ промолвить слова: чувствовалъ, что мнѣ должно что-то скрывать; а это что-то было добродѣтель; я рѣшился прятаться самъ, чтобы сохранить въ мирѣ мою невинность.

Мы подѣзжали къ Парижу. При спускѣ съ Севъ-Сира, меня поразила величина дорогъ и правильность плантацій. Скоро мы достигли Версаля: орапжерен съ мраморными ступенями меня изумили. Съ удачами американской войны, въ замокъ Людовика-Четырнадцатаго возвратились торжества; королева царствовала въ немъ во всемъ блескѣ молодости и красоты; порядокъ дѣлъ такой близкій къ паденію, казался непоколебимымъ больше чѣмъ когда-нибудь. А между-тѣмъ мнѣ, безвѣстному страннику, суждено было пережить этотъ блескъ, увидѣть лѣса Трианона какими же пустынными, какъ тѣ, которые я только что покинулъ.

Наконецъ мы вѣхали въ Парижъ. На лицахъ у всѣхъ я замѣчалъ какое-то нахальство: какъ извѣстный перигурдинскій дворянинъ, я думалъ, что всѣ насмѣхаются надо мной. Мадамъ Роза приказала ѣхать въ улицу Май, къ Hôtel de l'Europe и торопилась развязаться съ глупымъ попутчикомъ. Едва успѣвъ я выйти изъ экипажа, какъ она сказала привратнику: «Отведите ком-

нату для этого господина. — «Къ вашимъ услугамъ» прибавила она, кивнувъ мнѣ головой. Во всю жизнь я больше не встрѣчалъ мадамъ Розы.

Передо мною всходила по черной и крутой лѣстницѣ женщина, съ нумерованнымъ ключомъ въ рукѣ; сзади меня шелъ Савояръ съ моимъ чемоданомъ. Взойдя въ третій этажъ, служанка отперла комнату; Савояръ положилъ чемоданъ поперегъ на ручки кресель. Служанка спросила меня: «Вамъ угодно чего нибудь?» — Я отвѣчалъ: «Нѣтъ.» Раздался три свистка; служанка закричала: «Идутъ!» торопливо вышла изъ комнаты, заперла дверь и побѣжала съ лѣстницы съ Савояромъ. Когда я увидѣлъ себя въ заперти, одного, сердце у меня такъ сжалось, что я едва не пустился назадъ въ Бретавъ. Все, что слыхалъ я о Парижѣ, пришло мнѣ теперь на умъ. Я былъ въ крайнемъ затрудненіи: хотѣлъ бы лечь, но постель не была приготовлена; желалъ бы поѣсть, но не зналъ какъ пообѣдать. Я боялся, чтобы не поступить противу принятыхъ обычаевъ: позвать ли служителей? самому ли сойти? къ кому обратиться? Я рѣшился высунуть въ окно голову, и увидѣлъ маленькій внутренний дворъ, глубокій какъ колодезь, гдѣ взадъ и впередъ ходили люди: придетъ ли имъ въ цѣлый жвнъ мысль объ арестантѣ, запертомъ въ третьемъ этажѣ? Я отошелъ отъ окна и сѣлъ у грязнаго алькова, гдѣ долженъ былъ спать, и любоваться рожами на обояхъ, которыми оклеена была внутренность алькова. Вдругъ слышится отдаленный говоръ; становится громче, приближается; но мнѣ отворяется дверь: входитъ братъ и одинъ изъ кузеновъ, сынъ матушкиной сестры, которая не совсѣмъ очастлива была замужствомъ. Мадмуазель Роза смаллась надъ простачкомъ, и узнавъ въ Рениѣ адресъ брата, извѣстила его о моемъ приѣздѣ. Братъ обнялъ меня. Кузень Морѣ былъ мужчина толстый, весь запачканный табакомъ, обжора, болтунъ; онъ всюду толкался, вѣчно задыхался; бѣганъ съ полуоткрытымъ ртомъ, съ полувысунутымъ языкомъ; зналъ всѣхъ, жилъ въ грязныхъ трактирахъ, слонялся по переднимъ и гостиннымъ.

— Такъ-то кавалеръ, вскричалъ онъ, вотъ ты и въ Парижѣ; отвезу я тебя къ графинѣ де Шатнѣ.

Что это была за женщина? я въ первый разъ слышалъ это имя, и оскорбился предложеніемъ Мора.

— Кавалеру вѣроятно нуженъ покой, сказалъ братъ: мы поѣдемъ къ госпожѣ де-Фарси, а возвратясь онъ пообѣдаетъ и ляжетъ спать.

Чувство радости овладѣло моею сердцемъ: воспоминаніе о род-

ныхъ, среди равнодушнаго свѣта, было для меня бальзамомъ. Мы вышли. Кузень Морфъ разбранилъ мою гадкую комнату, и велѣлъ хозяйкѣ гостиницы отвести мнѣ номеръ, по крайней мѣрѣ одинъ этажемъ ниже. Мы съѣли въ братниихъ экипажѣ и отправились въ монастырь, гдѣ жила мадамъ де-Фарси.

Юлія пріѣхала въ Парижъ за нѣсколько времени до меня, для совѣта съ медиками. Прелестное личико, ловкость, умъ, привлекли къ ней общее вниманіе. Я уже говорилъ, что она рождена была съ истиннымъ талантомъ къ поэзіи. Блещувъ въ свѣтѣ одною изъ пріятнѣйшихъ женщинъ своего вѣка, она посвятила себя дѣламъ благочестія: аббатъ Карронъ написалъ ея жизнь *.

Люсиля оставила раздирающую сердце злегію: «Сестрѣ, которой я лишилась». Удивленіе аббата Каррона къ Юліи объясняетъ и оправдываетъ слова Люсилы. Разсказъ честнаго отца показываетъ также, что я говорилъ правду въ введеніи къ «Духу Христіанства», и служить подтвержденіемъ нѣкоторыхъ статей моихъ «Записокъ».

Юлія, безпорочная, предалась въ руки раскаянію; посвятила сокровища поста на выкупъ братьевъ, и, по примѣру незабвенной Аѳриканки Юліи, ея заступницы, потерпѣла мученичество.

Аббатъ Карронъ,—авторъ «Жизни праведныхъ»; слава его, открытая міру скорбашими, просіяла даже сквозь славу Бонапарта. Голосу бѣднаго священника не заглушили грома революціи, опрокинувшей общество; онъ возвратился съ чужой стороны какъ нарочно для того чтобы описать жизнь моей сестры: между нашими развалинами, онъ открылъ забытую жертву и могилу.

Когда этотъ современный описатель добродѣтелей начертываетъ картину самоистязаній Юліи, думаешь что слышишь самого Боссуа, въ рѣчи на постриженіе графини де-Лавальеръ: «Дерзнетъ ли она прикоснуться къ этому тѣлу, такому нѣжному, такому милому? Уже ли оно не внушитъ состраданія и жалости? Напротивъ! съ нимъ-то я враждуетъ душа, какъ съ опаснѣйшимъ соблазнителемъ; она полагаетъ себя предѣлы; и стѣсняя себя со всѣхъ сторонъ, оставляетъ себѣ возможность свободно дышать лишь со стороны неба.»

Не могу удержаться отъ нѣкотораго смущенія, встрѣчая свое имя въ послѣднихъ строкахъ почтеннаго историка Юліи. Чтѣ общаго между монахи слабостями и ея высокими совершенствами?

* Я помѣстилъ жизнь сестры Юліи въ дополненіи къ этимъ Запискамъ.

Сдержалъ ли я всѣ обѣщанія, высказанныя въ письмѣ сестры, когда я получилъ его въ Лондонѣ? Одной книги достаточно ли Богу? А сообразны ли дѣла мои съ книгой, съ «Духомъ Христіанства»? Что пользы начертать страницы, болѣе или менѣе блистательныя въ честь религіи, если страсти набрасываютъ тѣнь на вѣрованіе! Я не довершилъ начатаго, не облекся во власяницу: этотъ саванъ вѣчнаго напутствія всосалъ бы и осушилъ бы потъ мой. Но я, какъ усталый путникъ, сѣлъ подлѣ дороги. Утомленъ ли я, или нѣтъ, все же должно встать и дойти до того мѣста, куда дошла сестра!

Къ славѣ Юліи недостаетъ ничего: аббатъ Карронъ написалъ жизнь ея; Люсиля оплакала смерть.

Я встрѣтилъ въ Парижѣ Юлію въ полномъ мірекомъ блескѣ; она явилась вся въ цвѣтахъ, въ брилліантахъ, въ благовонныхъ тканяхъ, которыя запрещали носить первобытнымъ христіанкамъ: для отшельника средина ночи то же, что утро для другихъ; онъ долженъ пользоваться безмолвіемъ природы. Эту-то средину ночи Юлія посвящала пиршествамъ, въ которыхъ главное очарованіе составляли стихи ея: она читала ихъ съ чуднымъ благозвучіемъ.

Юлія была несравненно милѣе Люсили: глаза у нея были голубые, взглядъ обольстительный, волосы темные, волнистые. Кисти рукъ и самыя руки верхъ совершенства по бѣлизнѣ и формѣ, граціозныя движенія увеличивали еще прелесть ея прелестной талии. Она была блистательна, жива, любила смѣяться, но безъ принужденія, и при улыбкѣ выказывала рядъ жемчужныхъ зубовъ. На Юлію походятъ многіе портреты временъ Людовика-Четырнадцатаго, между прочимъ портреты трехъ Мортмаровъ; но у Юліи было больше изящества, чѣмъ у мадамъ де-Монтеспанъ.

Юлія сторожила меня съ любовью, свойственною только сестрѣ. Когда ея объятія, ленты букетъ изъ розъ и кружева опутали меня, мнѣ казалось будто я огражденъ отъ людей стѣною. Ничто не замѣнитъ привязанности, вѣжности, преданности женщины; васъ забудутъ братья и друзья; не поймутъ товарищи; но никогда не забудетъ, всегда пойметъ мать, сестра, жена. Гарольда, убитаго въ гастингскомъ сраженіи, никто не находилъ въ грудѣ мертвыхъ; надобно было прибѣгнуть къ дѣвушкѣ, которая его любила. Эднонь пришла, и по лебединой шеѣ узнала злополучнаго героя.

Братъ отвезъ меня въ гостинницу, приказалъ подать мнѣ обѣдъ и уѣхалъ. Я пообѣдалъ одинъ, и грустно легъ спать. Первую

ночь въ Парижѣ я провелъ въ воспоминаніяхъ родныхъ лѣсовъ и въ страхѣ неизвѣстной будущности.

Утромъ, въ осемь часовъ, пріѣхалъ ко мнѣ мой толстякъ, двоюродный братецъ; онъ уже успѣлъ побывать въ пяти или шести мѣстахъ. «Ну, кавалеръ, позавтракаемъ теперь; обѣдать будемъ съ Поммрѣемъ, а вечеромъ я отвезу тебя къ мадамъ де-Шатнѣ.» Я принялъ слова кузена за приговоръ судьбы и покорился ей. Все едѣлось такъ, какъ хотѣлъ кузень. Послѣ завтрака, онъ вздумалъ показать мнѣ Парижъ, и таскалъ меня по самымъ грязнымъ улицамъ окрестностей Пале-Рояля, рассказывая мнѣ опасности, которымъ подвергается молодой человѣкъ. Обѣдали, по условію, у ресторатора. Все, что подавали намъ за столомъ, мнѣ не нравилось. Гости и разговоры ихъ открыли мнѣ новый міръ. Толковали о дворѣ, о финансовыхъ проэктахъ, о за-сѣданіяхъ Академіи, о женщинахъ и современныхъ интригахъ, о новой театральной пьесѣ, объ успѣхѣ актеровъ, объ актрисахъ и авторахъ.

Въ числѣ гостей было много Бретанцевъ, между прочими кавалеръ де-Геръ и Поммрѣй. Этотъ обладалъ даромъ слова и пера, и написалъ исторію нѣсколькихъ кампаній Бонапарте. Мнѣ суждено было видѣть его впоследствии книгопродавцемъ.

Во время Имперіи, Поммрѣй пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность глупою враждой своей съ дворянствомъ, между-тѣмъ какъ самъ онъ хвастался, — и справедливо, — достоинствомъ стариннаго дворянина. Онъ подписывался Ромшегеух, выводя свой родъ отъ Ромшегеух, упоминаемыхъ въ письмахъ мадамъ де-Севиннѣ.

Послѣ обѣда братъ хотѣлъ везти меня въ театръ, но кузень уговорилъ его отпустить насъ къ мадамъ де-Шатнѣ, и я поѣхалъ съ нимъ къ моей суженой.

Я увидѣлъ прекрасную женщину, не первой уже молодости, но способную еще внушить любовь. Она хорошо меня приняла, старалась мнѣ угодить, спрашивала меня о провинціи и полку, въ который я поступилъ. Я былъ не ловокъ и не развязень, и дѣлалъ кузену знаки, чтобъ поскорѣй уѣхать. Но онъ, не обращая на меня вниманія, разсыпался въ похвалахъ моимъ прекраснымъ качествамъ, утверждая, что я сочинялъ стихи, бывъ еще на рукахъ матери, и предлагалъ мнѣ написать что-нибудь въ честь мадамъ де-Шатнѣ. Она вывела меня изъ затруднительнаго положенія, извинилась, что ей необходимо ѣхать, и просила меня пожаловать къ ней завтра утромъ; все это высказано было та-

нимъ сладостивнѣмъ голосомъ, что я невольно обещалъ исполнить ея желаніе.

На другой день я отправился къ ней одинъ: я застаю ее въ постели, въ калитке убранной комнатѣ. Она мнѣ сказала, что не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, и что у нея дурная привычка вставать поздно. Въ первый разъ олутился я у кровати женщины, которая была мнѣ ни мать ни сестра. Наканунѣ она замѣтила во мнѣ робость, и въ этотъ разъ такъ умѣла побѣдить ее, что я осмѣлился объясниться съ нею съ нѣкоторою свободою. Я забылъ, что говорилъ ей; но мнѣ кажется, что до сихъ поръ вижу на лицѣ ея изумленіе. Она протянула мнѣ полуобнаженную руку и прекраснѣйшую въ мірѣ ручку, сказать мнѣ съ улыбкою: «Мы васъ приучимъ.» Я не поцѣловалъ даже этой прелестной ручки, и ушелъ совершенно растеряннымъ. На другой день я отправился въ Камбрѣ. Кто была мадамъ де Шатае? Не знаю; она какъ милая тѣнь мелькнула въ моей жизни.

Почтальонъ отвезъ меня къ моему полку. Одинъ изъ моихъ зятевъ, виконтъ де-Шатобуръ (женатый на сестрѣ моей Бенигнѣ, вдовѣ графа де-Кебриана), снабдилъ меня рекомендательными письмами къ офицерамъ одного со мною полка. По милости кавалера де Генана (de Guéna), принадлежавшаго къ лучшему обществу, я былъ принятъ къ столу, за которымъ обѣдали офицеры, отличившіеся своими дарованіями, графъ: Амаръ, Дешаъ и Ламартинаверъ. Командиромъ полка былъ маркизъ де-Мортемаръ (Mortemart), майоромъ графъ д'Андрезель (d'Andrezel), покровительству котораго я былъ особенно порученъ. Впоследствии я встрѣтился съ ними обоими: одинъ сдѣлался товарищемъ мамъ по Палатѣ Перовъ, другой обращался ко мнѣ съ просьбами, которыя, къ счастью, мнѣ удалось исполнить. Чувствуешь какое то грустное удовольствіе когда встрѣчаешься съ тѣми людьми, которыхъ знавалъ въ различные эпохи жизни и видишь перемѣны, происшедшія какъ въ ихъ, такъ и въ своемъ собственномъ существованіи. Подобно вѣнамъ, оставленнымъ позади, они означаютъ путь, по которому мы слѣдовали въ вустыни прошедшаго.

Въ полкъ я прѣхалъ въ партикулярномъ платьѣ, а черезъ сутки былъ уже въ военномъ; мнѣ казалось будто я никогда не снималъ его. Мундиръ мой былъ свѣій съ бѣлыми, точно такой, какую я носилъ вѣкогда куртку не обѣту: въ юности и дѣтствѣ я придерживался одинаковыхъ цѣтговъ. Я не подвергался ни одному изъ тѣхъ испытаній, которыми подпоручики обыкновенно

пробуять новичковъ; не знаю, почему не рѣшился употребить ее мною этихъ казарменныхъ ребячествъ. Не прошло двухъ недѣль съ прибытія моего въ полкъ, а со мной обходились уже какъ съ старымъ служакой. Я скоро привыкъ владѣть оружіемъ, выучился теоріи и, съ полнымъ одобреніемъ учителей, прошелъ званія сержанта и капитала. Моя комната сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ старыхъ капитановъ и молодыхъ подпоручиковъ: тѣ заставляли меня выслушивать рассказы объ ихъ кампаніяхъ, другіе повѣряли мнѣ свои любовныя интриги.

Ламартиньеръ былъ влюбленъ въ одну прекрасную Камбрезианку, и всякій разъ, когда думалъ пройтись подъ ея окнами, заходилъ ко мнѣ и бралъ меня съ собою: это повторялось иногда по пяти и по шести разъ въ день. Ламартиньеръ былъ очень дурень собою и обезображенъ оспою. Онъ рассказывалъ мнѣ про свою страсть, выпивая огромные стаканы смородиновой воды, за которые приходилось иногда платить мнѣ. Все бы пошло хорошо, не будь у меня этой безумной страсти къ туалету; въ то время строго придерживались прусской обмундировки, которая состояла въ маленькой шляпѣ, мелкихъ пришпиленныхъ къ головѣ букляхъ, крѣпко связанной косѣ и въ мундирѣ застегнутомъ на всея крючки. Это мнѣ крайне не нравилось; утромъ я подчинялся этимъ стѣснительнымъ для меня правиламъ, но вечеромъ, когда надѣлся не встрѣтить никого изъ начальниковъ, я надѣвалъ большую шляпу; цырюльникъ расчесывалъ мнѣ волосы и распускалъ носу, я разстегивалъ мундиръ и отворачивалъ борты. Въ такомъ вѣжкомъ неглиже, я отправлялся волочиться за Ламартиньера, подъ окнами его жестокой Фламандки. Вотъ однажды я встрѣчаюсь носомъ къ носу съ москѣ д'Андрезелемъ: — Что это значить, милостивый государь? говоритъ мнѣ грозный майоръ: ступайте на три дня подъ арестъ. Я нѣсколько этимъ обидѣлся, но потомъ убѣдился въ справедливости пословицы: вѣтъ худа безъ добра; майоръ избавилъ меня отъ любовныхъ похожденій моего сослуживца.

У моголы Фенедова, я перечиталъ Телемака: филантропическая исторія о коровѣ и о прочемъ, меня не слишкомъ зашла.

О началѣ моего поприща я сохраняю пріятныя воспоминавія. Проезжая черезъ Камбре съ королемъ, послѣ Ста Дней, я пытался отыскать домъ гдѣ жилъ и кофейную, въ которой часто бывалъ; но не нашелъ ихъ: все исчезло и люди и памятники.

Въ тотъ самый годъ, когда я начиналъ въ Камбрѣ мое военное поприще, пришло извѣстіе о кончинѣ Фридриха Второго.

что я не умѣлъ по достоинству ни любить его, ни цѣнить. Кому же я прочтѣлъ отырыть странную любовь, которую я питалъ въ немъ въ душѣ? Не онъ ли долженъ былъ пользоваться моею любовью и благодарить меня за нее. Я принуждалъ, мучилъ себя, чтобы удержать эту пустую маску, и чрезъ это лишился удовольствія его бесѣды и охолодилъ его къ себѣ; потому что онъ не видалъ отъ меня ничего кромѣ суровости, ничего не чувствовалъ кромѣ жестокаго обхожденія.

Я не былъ холоденъ къ отцу, и не сомнѣваюсь, что онъ, не смотря на жестокое обхожденіе, любилъ меня душевно; онъ пожалѣлъ бы меня, я въ томъ увѣренъ, если бы Провидѣнію угодно было призвать меня прежде его. Но если бы онъ остался со мною на землѣ, былъ ли бы онъ чувствителенъ къ шуму славы, которая окружала меня въ жизни? Литературная извѣстность оскорбила бы его дворянское самолюбіе, въ способностяхъ сына онъ увидѣлъ бы униженіе роду, даже званіе посланника при берлинскомъ дворѣ,—завоеваніе пера, а не меча,—не исполнило бы его удовлетворило. Бретовская кровь дѣлала его ворчуномъ въ политикѣ, сильнымъ противникомъ налоговъ и заклятымъ врагомъ Версаля. Онъ читалъ Лейденскую Газету, Франкфуртскій Журналъ, Французскій Меркурій и Философическую исторію Индїи; восхищался напыщенными фразами послѣдней, и называлъ аббата Ренала *чудо-человѣкомъ*, *maître homme*. Въ дипломатіи онъ былъ анти-мусульманинномъ; утверждалъ, что сорокъ тысячъ русскихъ шалуновъ шагнуть черезъ трупы ливчаръ и возьмутъ Константинополь. Впрочемъ, какой ни былъ онъ туркобѣдъ, однако же всегда припоминалъ встрѣчу съ Русскими при Данцигѣ.

Я раздѣляю мнѣніе графа де-Шатобриана о литературной и великой другой славѣ, но совсѣмъ по другимъ причинамъ. Въ исторіи нѣтъ славы, которой бы я позавидовалъ: если бы мнѣ стоило только нагнуться чтобы поднять въ свою пользу величайшую славу міра, я бы не потрудился нагнуться. Еслибъ я самъ себя далъ образъ, можетъ быть я создалъ бы себя женщиной, по любви къ этому полу; или если бъ сотворилъ себя мужчиной, то прежде всего надѣлилъ бы себя красотою; потомъ въ предосторожность отъ скуки, злѣйшаго моего врага, мнѣ бы пріятно было быть артистомъ, превосходнымъ, но безвѣстнымъ; талантъ мой я сталъ бы употреблять только въ пользу моего уединенія. Въ жизни, если взвѣсить ее на вѣрныхъ вѣсахъ, смѣрнить вѣрною мѣрой, если равоблачить ее отъ всякаго обману, найдется двѣ

только вещи нетипичныя: религія съ разумомъ, и любовь съ юностью, то есть, будущее и настоящее: остальное не стоитъ ни копѣйки.

Съ отцомъ кончился первый актъ моей жизни; отеческій кровъ опустѣлъ; я жалѣлъ его, будто онъ могъ чувствовать это запустѣніе. Съ этихъ поръ, я сталъ самъ себѣ господиномъ, и могъ пользоваться доставшимся мнѣ состояніемъ: свобода эта меня испугала. Что мнѣ дѣлать изъ свободы? Кому ее отдать? Я не довѣрялъ своей силѣ: я отступалъ отъ самого себя.

Я отпросился въ отпускъ. Графъ д'Андрезель, назначенный подполковникомъ въ пикардскій полкъ, увѣзжалъ изъ Камбрѣ: онъ взялъ меня курьеромъ. Я проѣхалъ Парижъ, не захотѣвъ остановиться въ немъ ни на четверть часа; снова увидѣлъ пустоши рѣдней Бретани, съ большою радостью чѣмъ Неаполитанецъ, возвращающійся изъ нашихъ страхъ, послѣ долгаго изгнанія, на берега Португалии, къ полямъ Сарренты. Родные мои собрались въ Комбургъ; мы условились о раздѣлѣ; и окончивъ это, разлетѣлись, какъ улетаютъ птицы изъ роднаго гнѣзда. Братъ, пріѣхавшій изъ Парима, возвратился туда же; матушка поселилась въ Сенъ-Мало; Люсила поѣздовала за Юліей; я провелъ часть времени у сестеръ де-Мариньи, де-Шатобуръ и де-Фарси. Маринья, замокъ старшей сестры, находился въ трехъ льѣ отъ Фужера; положеніе его было прекрасное; по обѣимъ сторонамъ пруды и вокругъ лѣса, скалы и луга. Здѣсь я прожилъ вѣскольکو мѣсяцевъ спокойно: письмо изъ Парижа нарушило это наслажденіе.

До вступленія въ службу, и брака съ надвоазель де-Розамбѣ, братъ мой еще не снискавалъ судейскаго платья; по этой причинѣ онъ не могъ ѣздить въ каретѣ. Подстрекнутое честолюбіе внушило ему мысль, доставить мнѣ доступъ ко двору, чтобы легче приготовить себѣ дорогу къ возвышенію. Доказательства на дворянство представлены были еще при вступленіи Люсилы въ аржантьерскій капитулъ, такъ что съ этой стороны никакихъ препятствій уже не было: маршалъ Дюрэ принималъ меня подъ свое покровительство. Братъ писалъ мнѣ, что дорога къ счастью мнѣ открыта, что я получилъ почетное званіе ротмистра, что въ послѣдствіи мнѣ легко будетъ вступить въ мальтійскій орденъ, съ которымъ сопряжены большія выгоды.

Это письмо поразило меня, какъ громомъ: мнѣ возвратиться въ Парижъ, мнѣ ли представится ко двору, когда со мной становлюсь почти дурно, если встрѣчалъ въ гостиной два или три незнакомыя лица! Меня познакомить съ честолюбиемъ, когда я желалъ только жить въ забвеніи!

Первымъ дѣломъ моимъ было отвѣчать брату, что онъ какъ старшій, самъ долженъ заботиться о поддержаніи чести своего имени, что я, не знатный бретанскій дворянинъ, младшій въ родѣ, не оставляю службы, потому что есть надежда на войну; но что король, нуждаясь въ солдатахъ для арміи, не имѣетъ нужды въ бѣдномъ дворянинѣ при дворѣ.

Я посиѣшилъ прочесть мадамъ де-Мариньи этотъ романтическій отвѣтъ. Она вскрикнула отъ изумленія; призвала мадамъ де Фарси, которая стала надо мной смѣяться. Люсиль хотѣла бы поддержать меня, но не смѣла идти противъ сестеръ. У меня вырвали письмо, и я, всегда слабый, когда дѣло шло обо мнѣ, отвѣчалъ брату, что готовъ ѣхать.

Въ самомъ дѣлѣ я отправился; отправился представиться къ славному въ Европѣ двору, и начать жизнь блистательнымъ дебутомъ, а между-тѣмъ съ виду я походилъ на несчастнаго, котораго влекутъ на галеры, или котораго ожидаетъ смертный приговоръ.

Я въѣхалъ въ Парижъ по той же дорогѣ, какъ и въ первый разъ; остановился въ той же гостинницѣ, въ улицѣ Май: другой я не зналъ. Мнѣ отвели комнату, сосѣдную съ прежней, но нѣсколько по больше и окнами на улицу.

Братъ не бралъ меня въ большой свѣтъ и ни съ кѣмъ не знакомилъ, потому ли что боялся моей неловкости или жалѣлъ мою робости. Онъ жилъ въ улицѣ Fossés-Montmartre; каждый день я ходилъ къ нему обѣдать въ три часа, послѣ обѣда мы разставались и видѣлись только на другой день. Толстяка Морб не было въ Парижѣ. Я проходилъ раза два или три мимо дома мадамъ де-Шатилё, не смѣя спросить у швейцара, что съ нею случилось.

Наступала осень. Я вставалъ въ шесть часовъ; ходилъ въ напежь, завтракалъ. Къ счастью, во мнѣ родилась тогда страсть къ греческому языку; я переводилъ Одиссею и Киропедию до двухъ часовъ, перерывая иногда работу историческими занятіями. Въ два часа я одѣвался, и отправлялся къ брату: онъ спрашивалъ меня, что я дѣлалъ, что видѣлъ; я отвѣчалъ: «Ничего». Онъ пожималъ плечами и поворачивался ко мнѣ спиной.

Разъ, на улицѣ слышится шумъ; братъ подбѣгаетъ къ окну и зоветъ меня; мнѣ никакъ не хотѣлось подняться съ кресель, въ которыхъ я лежалъ въ углу комнаты. Бѣдняжка братъ предсказалъ мнѣ, что я умру въ неизвѣстности, бесполезнымъ и себѣ и семейству.

Въ четыре часа, я возвращался домой, и сѣлся къ окну. Въ

это время, въ домѣ противъ моихъ оконъ, по другую сторону улицы, двѣ молодыя дѣвушки, лѣтъ по пятнадцати, подходили къ окну рисовать. Я замѣтилъ ихъ акуратность, также какъ онѣ мою. Порою, онѣ приподнимали головки, и взглядывали на есѣда; я безконечно благодаренъ былъ имъ за это вниманіе; онѣ составляли мнѣ единственное общество въ Парижѣ.

При наступленіи ночи, я ходилъ въ театрѣ; я любилъ смотрѣть на толпу, хотя мнѣ не нравилось доставать билетъ у дверей и мѣшаться съ людьми. Здѣсь я имѣлъ случай повѣрить понятіе о театрѣ, какое я составилъ себѣ въ Сентъ-Мало. Я видѣлъ мадамъ Сентъ Юберти въ роли Армиды; я почувствовалъ, что у волшебницы, созданной моимъ воображеніемъ, чего-то не доставало. Если я не закупоривался въ Оперѣ или во Французскомъ Театрѣ, то ходилъ изъ улицы въ улицу или по набережнымъ, до десяти или одиннадцати часовъ вечера. До-сихъ-поръ не могу видѣть ряда фонарей на площади Людовика Пятнадцатаго, у заставы *Bois Hommes*, чтобы не вспомнить мученье, какое я терпѣлъ, когда ѣхалъ по этой дорогѣ въ Версаль для представленія ко двору.

По возвращеніи домой я проводилъ часть ночи, глядя на горѣвшій въ каминѣ огонь, который не говорилъ мнѣ ничего: воображеніе у меня было не такъ богато, какъ у Персіаннина, и я никакъ не представлялъ себѣ, что пламя похоже на анемонъ, а уголь на гранату. Я слушалъ стукъ экипажей, ѣдущихъ взадъ и впередъ; ихъ отдаленные раскаты подобились ропоту моря на прибрежьяхъ родной Бретани, или вѣтра въ лѣсахъ комбургскихъ. Эти отголоски свѣта, напоминавшіе объ отголоскахъ удивленія, пробуждали во мнѣ грусть; я вызывалъ прежнія страданія, или воображеніе мое придумывало исторію людей, которыхъ уносятъ лошади: я видѣлъ блистательныя залы, балы, любовныя интриги и побѣды. Скоро я обращалъ мысль на самого себя, и узнавалъ въ себѣ забытаго въ гостинницѣ человѣка, который видитъ свѣтъ изъ окна, и отъ говору свѣта слышитъ одни отголоски у камня.

Руссо полагаетъ, что онъ обязанъ представить, въ честь своей искренности и на пользу поученія людей, исповѣдь сомнительныхъ хотѣній своей жизни; онъ предполагаетъ даже, что его станутъ серьезно распрашивать и потребуютъ отчету въ грѣхахъ съ венеціанскими *donne pericolanti*. Если бы я увидался до сообщества съ парижскими прелестяницами, я бы не считалъ себя обязаннымъ увѣдомлять о томъ потомство; но съ одной

стороны я былъ такъ робокъ, съ другой такъ восторженъ, что подобныя созданія не могли увлечь меня. Когда я проходилъ ставъ этихъ существъ, заманивавшихъ прохожихъ на свои антресоли, какъ сенъ-клюдскіе кучера заманиваютъ путешественниковъ въ кареты, мнѣ бывало и противно и ужасно. Духъ пріключеній правился мнѣ только въ прошедшемъ.

Въ четырнадцатомъ, пятнадцатомъ, шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, блаженствующая образованность, суевѣрныя вѣрованія, чужеземные и полуварварскіе обычаи примѣшивали ко всему романъ: характеры были сильные, воображеніе могущественное, быть таинственный, скрытый. Ночью вокругъ высокихъ стѣнъ кладбищъ и монастырей, у пустынныхъ укрѣпленій города, вдоль цѣпей и рововъ рыночныхъ, на рубежѣ запертыхъ посадовъ, въ узкихъ, неосвѣщенныхъ улицахъ, гдѣ прятались воры и убійцы, гдѣ схватки происходили то при свѣтѣ факеловъ, то въ густотѣ мраку, для свиданія съ какою-нибудь Элоизой расковала головой. Чтобы предаться безпутству, надо было нетинно любить; чтобы нарушить общій порядокъ, надо было рѣшиться на большія пожертвованія. Дѣло шло не только о томъ, чтобы подвергаться случайнымъ опасностямъ и пренебрегать мечомъ закона, но еще побуждать въ себѣ владычество регулярныхъ привычекъ, семейную власть, тираннію домашнихъ обычаевъ и упреки совѣти. Всѣ эти пренятотвія удвоивали энергію страсти.

Въ 1788 я не потащился бы за какой-нибудь голубной развратницей, но я думаю, что былъ бы въ состояніи въ 1606 рѣшиться на исторію въ родѣ той, которую такъ мило рассказываетъ Бассомпьеръ.

«Пять или шесть мѣсяцевъ сряду,» говоритъ маршалъ, «вскрѣтъ разъ когда я проходилъ черезъ Малый Мостъ — въ то время Новый-Мостъ не былъ еще выстроенъ — красивая женщина, блондшвейка подъ вывѣскою Двухъ-Ангеловъ, низко мнѣ кланялась и провожала взоромъ пока могла; замѣтивъ это, я также смотрѣлъ на нее и кланялся съ большимъ стараніемъ.

«Однажды когда я ѣхалъ изъ Фонтенеблэ въ Парижъ, и шелъ по Малому Мосту, она вышла изъ лавки и сказала мнѣ: — Мое почтѣніе! Я отвѣчалъ ей поклономъ, и оборачиваясь время отъ времени, видѣлъ, что она слѣдовала за мной глазами такъ долго какъ только могла.»

Бассомпьеръ получилъ свиданіе: «Я нашелъ,» говоритъ онъ, «прелестную двадцатилѣтнюю женщину, причесанную по поч-

«шону, въ шелюарѣ, въ тонкой рубашкѣ, въ зеленой юбкѣ, въ ступалѣхъ. Она очень мнѣ понравилась. Я спросилъ, могу ли я еще видѣть въ другой разъ. — Если вы хотите меня видѣть опять, отвѣчала она, ступайте къ моей теткѣ, которая живетъ въ Поповскомъ Посадѣ, недалеко отъ Зеленичиновъ, возлѣ Медвѣжьей Улицы, третья ворота отъ Мартыновской; я буду ждать васъ отъ десяти до полуночи, и даже позже; дверь будетъ отперта. У входа есть коридорчикъ; проходите по-скорѣе, потому что дверь тетушкиной комнаты туда выходитъ; а тамъ далѣе — шпаловая лѣстница, по которой вы придете во второй этажъ. — Я и пришелъ въ десять часовъ, нашелъ дверь согласно съ описаніемъ, и много свѣту не только во второмъ, но и въ третьемъ, и въ первомъ этажѣ; однако дверь была заперта. Я постучался, чтобы подать знакъ о себѣ, какъ вдругъ мужской голосъ спросилъ меня, кто я таковъ. Я повернулся въ Медвѣжью; погоды немного я опять въ двери, въ этотъ разъ дверь была отперта, я взошелъ во второй этажъ. Оказалось, что этотъ свѣтъ происходилъ отъ огня соломы изъ тѣляковъ, которую сожигали въ каминѣ. На столѣ лежали два нагіе мертвеца. Я назадъ, въ пещу, а мнѣ на встрѣчу погребальщики, съ вопросомъ: «кого вы ищете?» Я выхватилъ шпату, чтобы проложить себѣ путь, пробѣжалъ сквозь нихъ и воротился домой зрѣдно разстроеннымъ по случаю такой неожиданной находки, вмѣсто моей красавицы.»

Я также пошелъ на поиски, по адресу, данному Бассоньеромъ за двѣсти сорокъ лѣтъ. Я пришелъ Малый Мостъ, Зеленичиновъ, Сель-Денисовскую Улицу до Медвѣжьей на право; первая улица на лѣвой рукѣ, возлѣ Медвѣжьей — Поповскій Посадъ. Надпись, законченная временемъ и пожаромъ, внушила мнѣ хорошія надежды. Я нашелъ *третья маленькія ворота* со стороны Улицы Святого Мартына; до того описаніе историка было вѣрно. Тамъ, къ несчастію, два съ половиной столѣтія, которыя я полагалъ оставшіяся въ этой улицѣ, исчезли. Фасадъ дому въ новомъ вкусѣ; ни въ первомъ, ни во второмъ, ни въ третьемъ этажѣ не было свѣту. Въ окнахъ верхняго этажа подъ крышей видѣлась геранда изъ пестурцій и душистаго горошку; въ нижнемъ этажѣ изъ лавки парикмахера торчало за окнами множество волосняныхъ удлинреній.

Я вошелъ въ этотъ музей, опечаленный неудачей: со времени римскаго завоеванія Галлы всегда продавали свои текиорусы

косы головамъ, лишеннымъ такихъ украшеній; мои бретонскія землячки еще стригутъ себѣ волосы, въ ярмарочные дни, и мѣняютъ природное покрывало головы на индійскій платокъ. Я спросилъ работника, который нашивалъ парикъ на желѣзную гребенку: «Не купили ли вы волосъ у молодой бѣлошвейки, которая жила подъ вывѣской Двухъ-Ангеловъ, возлѣ Малаго-Мосту. Онъ сталъ въ тупикъ, не могъ сказать ни да ни нѣтъ. Я ушелъ, съ большими извиненіями, чрезъ лабиринтъ тунеевъ.

Я таскался отъ воротъ къ воротамъ; ни одна двадцатилѣтняя бѣлошвейка не встрѣтила меня съ поклонами; ни одна молодая откровенная, безкорыстная, страстная женщина не попалась мнѣ, *причесанная по ночному, въ тонкой рубашкѣ, въ пеньюарѣ, въ туфляхъ.*

Старая ворчунья, готовая сама слечь въ землю, куда уже напередъ похоронила свои зубы, чуть было не прибила меня ко-стылемъ: можетъ статься это была тетушка того любовнаго свиданія.

Какъ мила эта бассомпьерова исторія! Но надо знать почему его такъ отважно любили. Въ ту эпоху Французы еще раздѣлялись на два различные класса, на классъ господскій и классъ подвластный. Бѣлошвейка прижимала Бассомпьера къ сердцу какъ властелина снисшедшаго въ объятія невольницы: онъ казался ей образомъ войны, а Француженки одиѣ изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ способны увлекаться такой мечтой.

Но кто объяснитъ намъ неизвѣстныя причины этой катастрофы? Тѣло ли милой гризетки лежало на столѣ возлѣ другого тѣла? И чье было это другое тѣло? Мужа или человека, котораго голосъ слышалъ Бассомпьеръ? Чума — въ то время была чума въ Парижѣ — или ревность явились прежде любви въ Понсовскій Посадъ?

Воображеніе можетъ свободно разгуляться на подобномъ предметѣ. Придѣпните къ выдумкамъ поэта, народный хоръ, прибѣгающихъ могильщиковъ, погребальщиковъ, шпагу Бассомпьера, и изъ этого приключенія выйдетъ чудесная мелодрама.

Вы подивитесь также моей цѣломудренной и умѣренной молодости въ Парижѣ: въ столицѣ я могъ свободно предаваться всѣмъ своимъ причудамъ, какъ въ Телемскомъ аббатствѣ, гдѣ каждый дѣлалъ что хотѣлъ; я не употреблялъ однако во зло моей независимости: я имѣлъ дѣло только съ двѣсти-шестидцатилѣтней женщиной, влюбленной прежде во французскаго маршала, соперника Беарнца передъ герцогиней де Монморанси, лю-

бювики мадамозель д'Антрагъ, сестры маркизы де-Веркей, которая такъ смѣло говорить о Генрихѣ-Четвертомъ. Людовикъ-Шестнадцатый, къ которому я ѣхалъ, не подозрѣвалъ тайныхъ сношеній моихъ съ его фамиліей.

Берлинъ, апрѣль, 1821.

Наступилъ роковой день; я поѣхалъ въ Версаль ни живъ ни мертвъ. Братъ свезъ меня наканунѣ представленія къ маршалу Дюрá, прекрасному человѣку, но такому простяку, что недалкій умъ его отражался въ изыщномъ обращеніи какимъ-то купечествомъ. Этотъ добрый маршалъ ужасно напугалъ меня.

На другое утро я одинъ отправился во дворецъ. Кто не видалъ версальской пышности, тотъ ничего не видалъ, даже послѣ того какъ старинный придворный штатъ распустили. Еще тутъ былъ примѣтенъ Людовикъ-Четырнадцатый.

Пока мнѣ надо было проходить гвардейскую залу, все было хорошо: военное великолѣпіе всегда мнѣ нравилось; но когда я вошелъ въ Oeil-de-Boeuf и очутился среди придворныхъ, тутъ-то началось горе. На меня смотрѣли, спрашивали кто я таковъ. Надо вспомнить, что представленіе имѣло въ то время во Франціи необыкновенную важность; вновь представляемый могъ сдѣлаться любимцемъ короля, и, поэтому, за его таинственной судьбою напередъ ухаживали.

Когда возвѣстили о выходѣ короля, лица не назначенныя къ представленію удалились. Во мнѣ зашевелилось тщеславіе; я не гордился тѣмъ, что остаюсь, но мнѣ было бы стыдно уйти; я видѣлъ какъ король оканчивалъ одѣваться, то есть взялъ шляпу изъ рукъ дежурнаго вельможи; и пошелъ въ придворную церковь. Король приближался ко мнѣ. Я поклонился; маршалъ Дюрá назвалъ меня: «Государь, кавалеръ де-Шатобрианъ.» Король взглянулъ, отвѣчалъ на поклонъ, колебался нѣсколько времени, какъ будто хотѣлъ остановиться и заговорить со мной. Я готовъ былъ отвѣчать съ твердымъ видомъ; застѣчивость моя исчезла. Говорить съ своимъ государемъ казалось мнѣ такъ просто, что я не могъ отдать себѣ отчету въ томъ что чувствовалъ. Король былъ смущенъ болѣе моего, не сказалъ ни слова и прошелъ мимо.

Мы бросились въ галерею, чтобы случиться на проходѣ королевы, когда она будетъ возвращаться изъ церкви. Она скоро показалась, окруженная лучезарной и многочисленной свитой; и поклонилась намъ съ благородствомъ. Она была счастлива, очарована жизнью.

Вынудивъ отъ меня пожертвованіе, братъ ничего больше не

могъ отъ меня добиться. Напрасно умолялъ отъ меня остаться въ Версали и вечеромъ присутствовать при партіи королевъ: «Объ тебѣ скажутъ королевы! король будетъ говорить съ тобою!» Этого было довольно, чтобы заставитьъ меня бѣжать. Я спѣшилъ скрыть мои успѣхи въ гостинницѣ, въ восхищеніи что избавился отъ хлопотъ; но страшное двенадцатое февраля 1787, день придворной охоты былъ все у меня передъ глазами.

Герцогъ де-Коанья прислалъ сказать мнѣ, что я назначенъ охотиться съ королевемъ въ сонъ-жерменскомъ лѣсу. Рано утромъ старался я на пытку, въ указномъ *дебутантскомъ* парадѣ, сбросъ кастанѣ, въ красныхъ штанахъ и красномъ камзолѣ, въ батыстовыхъ манжетахъ и батыстахъ съ охотничьимъ ножомъ на боку, въ складной треугольной шляпѣ съ золотымъ галуномъ. Насъ было четверо *дебутантовъ* въ версальскомъ дворцѣ; я, два брата де-Сенъ-Марсъ и графъ д'Отвэй. Герцогъ де-Коанья далъ намъ наставленія: стараться не проѣзжать никогда между королевемъ и зѣвромъ, потому что его величество ужасно сердится за это. Съѣздъ назначенъ былъ въ сонъ-жерменскомъ лѣсу, во владѣніи заложенномъ казней маршалу де-Бенд. Обычай требовалъ, чтобы лошади для первой охоты, на которой присутствовали представительные дворяне, отпущались изъ королевскихъ конюшенъ. Бьютъ въ барабанъ. Войско приходитъ въ движеніе. Кричатъ: Король! Король выходитъ, садится въ первую карету: мы догоняемъ въ слѣдующія. Какъ не похожа была эта прогулка и эта охота съ королевемъ Французамъ, на мою прогулку и охоты въ британскихъ стенахъ; а еще болѣе на прогулки и охоты съ американскими дворянами: жизнь моя полна противоземлющностей.

Мы пріѣхали на сборное мѣсто; верховыя лошади, которыхъ держали подъ уздцы подъ деревьями, обнаруживали нетерпѣніе. Кареты остановились въ лѣсу, съ отрядомъ гвардіи; группы мужчинъ и женщинъ, слезы два едорживаемыя егеря; лай собакъ, ржаніе лошадей, звукъ роговъ, образовали очень одушевленную сцену. Охоты нашихъ королей непоминали шествіе и древнюю и новѣйшую монархію, нравы и грубыя шутки Хлодевика, Хильдерика, Дагоберта, и любезничаніе времени Франциска-Перваго, Генриха-Четвертаго и Людовика-Четырнадцатаго.

Голова такъ у меня была набита разнымъ чтеніемъ, что я всездѣ видѣлъ графиню де-Шатобрианъ, герцогиню д'Этанъ, Габріелю д'Этрѣ, де-Ла-Вальеръ, и де-Монтеспанъ. Воображеніе пред-

сталило мнѣ эту охоту въ историческомъ видѣ, и мнѣ стало легче: я былъ въ лѣсу какъ у себя дома.

Выйдя изъ нареты я отдалъ билетъ егерю. Мнѣ дали лошадь, называвшуюся l'Heureuse, легкую но упрямую, пугливую, капризную; живое изображеніе моей судьбы. Король сѣлъ на лошадь и поѣхалъ; охота за нимъ, по разнымъ дорогамъ. Я остался назадъ возясь съ l'Heureuse, которая не давала сѣсть на сѣдло новому сѣдоку; но я таки вконецъ на нее: охотники были уже далеко.

Сначала я хорошо управлялся съ моей лошадью. Будучи принуждена укоротить прыть, она опускала шею, грызла удила, поблѣвшія отъ пѣны, прыгала въ бокъ. Но когда я подѣхалъ къ мѣсту дѣйствія, удержать ее не было средствъ. Протянувъ морду такъ туго, что я долженъ былъ ухватиться за загривокъ, она бросается впередъ и налетаетъ прямо на толпу охотниковъ, принуждаетъ всѣхъ посторониться и останавливается не прежде какъ столкнувшись съ лошадью одной дамы, которую мы съ l'Heureuse чуть не опрокинули при громкомъ хохотѣ весельчаковъ и крикѣ испуганныхъ. Не могу теперь никакъ припомнить имени этой дамы. Она очень вѣжливо приняла мои извиненія. Но между придворными только и рѣчи было что объ авантюри-дебютанта.

Испытанія мои тѣмъ не кончились. Черезъ полчаса послѣ этой неудачи, я ѣхалъ шагомъ по длинной аллеѣ, прорубленной въ пустынной части лѣсу. Въ концѣ ея видѣлось строеніе; и вотъ я пустился въ размышленія объ этихъ чертогахъ, разбросанныхъ по удѣльнымъ лѣсамъ, въ память длинноволосыхъ владыкъ Франціи и ихъ таинственныхъ потѣхъ. Вдругъ раздается выстрѣлъ. Моя l'Heureuse кидается въ сторону, сунувъ голову между ногъ и приноситъ меня прямо къ тому мѣсту, гдѣ олень былъ убитъ. Я вижу передъ собой короля.

Я вспомнилъ данное мнѣ наставленіе; но уже было поздно. Проклятая l'Heureuse надѣлала бѣды. Я соскакиваю на землю и одною рукой подаю назадъ негодную скотину, а другой снимаю шляпу. Король смотритъ и не видитъ ничего особеннаго; дебутантъ подошелъ къ убитому оленю, — вотъ и все тутъ! Онъ вовсе не разсердился; напротивъ сказалъ мнѣ съ добродушіемъ и громкимъ смѣхомъ: «этотъ не изъ медленныхъ!» Я ничего болѣе во всю жизнь не слышалъ отъ Людовика Шестнадцатаго. Между тѣмъ прискакали прочіе, и всѣ были удивлены тому, что я веду разговоры съ королемъ. Дебутантъ Шатобриана

надѣлалъ собой шуму: теперь уже рассказывали о двухъ моихъ *авантюрахъ*. А я ни той, ни другой не воспользовался. Никогда въ жизни не умѣлъ я извлечь выгоды ни изъ счастливаго случая, ни изъ невзгоды.

Король убилъ еще трехъ оленей. Какъ дебютантамъ позволялось присутствовать только при изложеніи перваго звѣря, то я съ товарищами удаллся на сборное мѣсто.

Король скоро туда возвратился; онъ былъ веселъ и рассказывалъ о приключеніяхъ той охоты. Поѣхали въ Версаль. Новая досада для брата: вмѣсто того, чтобы переодѣться и присутствовать при томъ какъ королю будутъ снимать ботфорты, я, оставивъ эти минуты торжества и милостей, бросился въ карету и уѣхалъ въ Парижъ. Очень радъ, что освободился и отъ почестей и отъ бѣды, объявилъ брату, что рѣшился возвратиться въ Бретань.

Братъ былъ доволенъ тѣмъ что сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ; надѣясь неудачу моего представленія вознаградить со временемъ своимъ собственнымъ представленіемъ, онъ не противился отъѣзду такого неуклюжаго братца.

Вотъ каковъ былъ первый взглядъ мой на городъ и на дворъ. Общество показалось мнѣ еще гаже, нежели какъ я воображалъ; но пугая меня, оно не уничтожало моего мужества; я смутно чувствовалъ, что былъ выше всего этого.

Впрочемъ, если я судилъ о свѣтѣ не зная его, свѣтъ также не зналъ меня. Никто не угадалъ при первомъ вступленіи моемъ, чѣмъ буду я современемъ, и когда я возвратился въ Парижъ не угадали то же. Современн моей горькой извѣстности многіе говорили мнѣ: «О, мы бы васъ примѣтили, если бы встрѣтились съ вами въ молодости!» Эта учтивая претензія, просто — обманъ, пріобрѣтенный уже славой. По наружности всѣ люди походятъ другъ на друга: напрасно Руссо говорятъ намъ, что у него были премиленькіе глазки; между тѣмъ вѣрно то, и портреты его свидѣтельствуютъ, что онъ походилъ на школьнаго учителя или на сердитаго башмачника.

Чтобы кончить дѣло о дворѣ, скажу только, что, побывавъ въ Бретани и поселившись въ Парижѣ съ младшими сестрами, Люсилью и Юліей, я предался болѣе чѣмъ когда-нибудь моей любви къ уединенію. Спросятъ: что же случилось съ моимъ представленіемъ? Ничего не случилось.

— Такъ вы ужъ больше не охотились съ французскимъ королемъ?

- Ни съ французскимъ, ни съ китайскимъ.
 — И въ Версаль не возвращались?
 — Два раза доѣзжалъ я до Севра; духу не хватило ѣхать далѣе, и я воротился въ Парижъ.
 — Такъ вы не извлекли никакой пользы изъ своего положенія?
 — Никакой.
 — Чтò же вы дѣлали?
 — Скучалъ.
 — Такъ у васъ не было никакого честолюбія?
 — Нѣтъ, было. Посредствомъ интригъ и хлопотъ я добился славы тѣснуть въ *Альманахъ Музъ* напилью, которой появленіе въ свѣтъ чуть не замучило меня надеждой и страхомъ. Я бы отдалъ все въ мірѣ за честь быть авторомъ романа: *O ma tendre musette!* или *De mon berger volage*.
 Способенъ ко всему для другихъ, ни къ чему не годенъ для себя: вотъ я каковъ.

Парижъ, іюнь 1821.

Все чтò прочли въ предъидущихъ страницахъ было написано въ Берлинѣ. Я возвратился въ Парижъ къ крестинамъ герцога Бордосскаго и изъ политической вѣрности подалъ объ увольненіи отъ посольства Виллю, оставившему министерское званіе. Возвратясь къ досугамъ станемте писать. По мѣрѣ того какъ эти *Записки* наполняются происшествіями протекшихъ годовъ, они изображаютъ нижнюю полость песочныхъ часовъ, показывающихъ сколько персти разсыпалось изъ моей жизни: когда кончится песокъ, я не переверну стеклянныхъ часовъ, хотя бы Богъ и далъ мнѣ на это власть.

Новое удивленіе, которому предался я въ Бретани, послѣ моего представленія, не походило на удивеніе комбургское; оно было не такъ полно, не такъ строго, словомъ не такое принужденное: я былъ волею оставить его и оно не имѣло уже той цѣны. Старая гербовитая помѣщица, старшій полу-готическій баронъ, сторожившіе въ феодальномъ теремѣ послѣднюю дочь и послѣдняго сына, представляли то чтò Англичане называютъ *характерами*: ничего провинціального, ничего стѣсненнаго не заключалось въ этой жизни, потому что она не была обыкновенною.

У моихъ сестеръ я снова отыскалъ провинцію среди полей: танцовали у сосѣдей, играли комедію, гдѣ я иногда былъ плохимъ актеромъ. Зимой, въ Фужерѣ надо было претерпѣть об-

щество уѣзднаго городка; балы, собранія, обѣды, и чѣмъ же могли забыть здѣсь какъ въ Парижѣ.

Съ другой стороны, послѣ того какъ я видѣлъ армию и дворъ, въ моихъ идеяхъ совершилось преобразованіе: вопреки моихъ природнымъ наклонностямъ, чтѣ-то боролось во мнѣ противъ неизвѣстности и побуждало выйтв изъ мраку. Юлія не могла терпѣть провинціи, инстинктъ геніяльности и красоты влекъ Люсилъ на обширѣйшую сцену.

Въ быту моемъ я чувствовалъ какую-то неловкость, которая показывала мнѣ что этотъ бытъ не моя судьба.

Но я все таки любилъ деревню, а Марини было прѣвѣстно. Полкъ мой перемѣнилъ квартиры: первый батальонъ стоялъ въ Гаврѣ, второй въ Діеппѣ; я присоединился къ послѣднему: представленіе ко двору сдѣлало меня важною особою. Я полюбилъ мое званіе; трудился надъ маневрами; мнѣ поручили рекрутовъ, которыхъ я обучалъ на берегу моря; море всегда составляло грунтъ картины во всѣхъ сценахъ моей жизни.

Ла-Мартиньеръ не занимался въ Діеппѣ ни своимъ одноимильцемъ Ла-Мартиньеромъ, ни отцомъ Симономъ, который писалъ противъ Боссюэта, Янсенистовъ и Бенедиктинцевъ, ни анатомикомъ Пемѣ, котораго мадамъ де-Севинье называетъ *le petit Resquet*; но Ла-Мартиньеръ въ Діеппѣ былъ такъ же влюбленъ какъ въ Камбрѣ: онъ изнывалъ у ногъ толстой Бретонки, у которой на головѣ фата съ тупеешъ торчали на аршинъ вверхъ. Она была не молода: по страшному случаю ее звали *Cauchie*, и вѣрно она была внучка той Анны *Cauchie*, которой въ 1645 считали полтораستا лѣтъ отъ роду.

Въ 1647 Анна Австрійская, смотря какъ и я, на шоре изъ оконъ своей комнаты, забавлялась зрѣлищемъ брандеровъ, сожигаемыхъ для ея потѣхи. Она позволяла народу, который оставался вѣреть Гевриху-Четвертому, охранять Людовика-Четырнадцатаго; она посылала этому народу тысячи благословеній, *несмотря на его гадкій норманскій лязкъ.*

Въ Діеппѣ существовали также нѣкоторыя феодалныя повинности, которыя я примѣтилъ и въ Комбургѣ: куницу Воклену, запримѣръ, подносили ежегодно три свиныя головы каждая съ цѣльникомъ въ зубахъ и три самыя старыя гроша, какіе можно было отыскать.

Я воротился въ Фужерь по случаю моего отпуску. Тамъ владычествовала молодая дворянка, мадмоазель де-Ла-Безаннѣ, тетка той графини де Тронжелли, о которой я уже говорилъ. Одно изъ

ловидное безобразіе, сестра ошцера кондейскаго полка, прилегло къ себѣ немъ восторги: я не былъ довольно смѣлъ, чтобы обождать красавицу; а мужества у меня доставало только свидѣтельствовать мое почтеніе недостаткамъ.

Графиня де-Фарси все хворая наконецъ рѣшилась оставить Бретань. Она уговорила Люсиль ѣхать вмѣстѣ; Люсиль въ свою очередь побѣдила мое отвращеніе, и мы отправились въ Парижъ: низкая дружба трехъ одногнѣздыхъ птенцовъ.

Братъ женился и жилъ у тестя президента де-Розамбѣ, въ улицѣ Бонди. Мы уговорились поселиться въ его сосѣдствѣ; съ помощію Делля де-Саль, жившаго въ лазаровскихъ строеніяхъ въ сенъ-денискомъ предмѣстіи, мы наняли квартиру въ тѣхъ же строеніяхъ.

Парижъ, июль 1821.

Мадамъ де-Фарси подружилась, не знаю какимъ образомъ, съ Деллемъ де-Салемъ, который когда-то сидѣлъ въ венсенской тюрьмѣ за какія-то философскія глупости. Въ то время выдѣлялся важнымъ лицомъ, наначкавши нѣсколько строкъ прозы или помѣстивъ стихотворки въ *Альманахъ Музъ*.

Делль де-Саль, добрейшій человекъ, сердечнѣйшая посредственность, страдалъ разслабленіемъ остроумія и выживалъ изъ жизни; этотъ старикъ составилъ себѣ прекрасную бібліотеку изъ своихъ сочиненій, которыми онъ промышлялъ за границей, потому что въ Парижѣ ихъ не читали. Ежегодно весною, онъ ѣздилъ въ Германію за ремонтъ идей, былъ толстѣе, одѣвался въ распахку и всегда носилъ грязный свертокъ бумагъ, который торчалъ у него изъ кармана; въ немъ онъ записывалъ гдѣ-нибудь на углу улицы мысли, которыя приходили ему въ голову. На пьедесталѣ своего праморнаго бюста онъ начерталъ самъ эту надпись, заимствованную съ бюста Бюффона: *миръ, человека, природу, онъ все растолковалъ*. Делль де-Саль все растолковалъ! Эти роды гордости очень забавны, но отнимаютъ у васъ мужество. Кто можетъ льстить себя надеждою, что имѣетъ истинный талантъ? Развѣ мы всѣ не бываемъ подъ вліяніемъ обманчивой мечты, какъ Делль де-Саль. Я побьюсь объ закладъ, что авторъ, читающій эту фразу, воображаетъ себя гениальнымъ писателемъ, а между-тѣмъ онъ не что иное какъ глупецъ.

Я потому распространился такъ много о почтенномъ жильцѣ сенъ-лазаровскихъ строеній, что это былъ первый встрѣтившійся мнѣ литераторъ: онъ ввелъ меня въ общество другихъ.

Приутствіе сестеръ сдѣлало мнѣ Парижъ менѣе неспособнымъ; склонность моя къ наукамъ ослабила еще мое отвращеніе. Делль-де Саль казался мнѣ орломъ. Я видѣлъ у него Карбона Флена, который влюбился въ графиню де-Фарси. Она надъ нимъ насмѣхалась; но онъ не сердился, потому что считалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ; познакомилъ меня съ своимъ другомъ Фонтаномъ, который сталъ и моимъ другомъ.

Фленъ, сынъ ренскаго инспектора водъ и лѣсовъ, получилъ незавидное образованіе; впрочемъ былъ человѣкъ умный и по временамъ доровитый. Невозможно было видѣть ничего безобразнѣе: низенькій, толстенный, съ большими выпуклыми глазами, съ щетинистыми волосами, съ черными зубами, и несмотря на все это въ наружности его не было ничего неблагогоднаго. Образъ жизни его, какъ и всѣхъ парижскихъ литераторовъ въ ту эпоху, стѣдуетъ разсказать.

Фленъ занималъ квартиру въ Мазаринской улицѣ, не далеко отъ Лагарпа, который жилъ въ Генегодской улицѣ. Ему прислуживали два Савояра, варяженные ливрейными лакеями; вечеромъ провожали его, а утромъ докладывали о гостяхъ. Фленъ ходилъ регулярно во Французскій Театръ, поитѣщавшійся тогда въ Одеонъ и славившійся особенно комедіями. Бризаръ только-что кончилъ; Тальма начиналъ; Ларивъ, Сенъ-Фаль, Флѣри, Молѣ, Дазенкуръ, Дюгазонъ, Гранмениль, актрисы Контъ, Сенъ-Валь, Дегарсенъ, Оливіе были во всей силѣ таланта, въ ожиданіи мамзель Марсъ, приготовлявшей дебютировать въ Монтасіескомъ Театрѣ. Актрисы покровительствовали авторовъ и часто были причиною ихъ знаменитости.

Фленъ, который получалъ только небольшой пенсіонъ отъ родителей, жилъ въ долгъ. Во время парламентскихъ вакансій онъ закладывалъ ливрен Савояровъ, двое своихъ часовъ, перстни, бѣлье, платилъ этимъ займомъ долги, уѣзжалъ въ Ренсъ, проводилъ тамъ три мѣсяца, возвращался въ Парижъ, выкупалъ деньгами, полученными отъ отца, заложенное въ Ломбардѣ, и снова начиналъ тотъ же образъ жизни, всегда веселый и вездѣ хорошо принятый.

Парижъ, іюнь 1821.

Впродолженіи двухъ лѣтъ, со времени переселенія моего въ Парижъ, до открытія Общаго Собранія Сословіи, общество мое увеличилось. Я зналъ и теперь еще знаю наизусть элегій кавалера де-Парни. Я письменно просилъ у него позволенія видѣть-

ся съ поэтомъ, котораго сочиненія доставляли мнѣ столько наслажденія: онъ отвѣчалъ вѣжливо, и я отправился къ нему, въ улицу Клерн.

Я нашелъ человѣка очень хорошаго тону, еще молодого, високаго, худошаваго, рябаго. Онъ заплатилъ мнѣ визитъ; я представилъ его сестрамъ. Онъ не очень любилъ общество и скоро былъ изгнанъ оттуда политикой: тогда онъ принадлежалъ къ партіи старинной. Я не зналъ ни одного писателя, который подходилъ бы болѣе на свои сочиненія: поэту и креолу, ему только надо было небо Индін, фонтанъ, пальма и женщина. Онъ боялся шуму, старался втереться въ жизнь не бывъ замѣченнымъ, жертвовалъ всѣмъ своей лѣтн, изъ безвѣстности былъ исторгаетъ только своими потѣхами, которыя мимоходомъ брякали по его лирѣ.

Que notre vie heurense et fortunée
Coule en secret, sous l'aile des amours,
Comme un ruisseau qui, murmurant à peine,
Et dans son lit resserrant tous ses flots,
Cherche avec soin l'ombre des arbrisseaux,
Et n'ose pas se montrer dans la plaine.

Таже невозможность отдѣлаться отъ своей лѣтн, превратила кавалера де-Парни, изъ бѣшенаго аристократа, въ подлаго революціонера, нападавшаго на все священное, чтобы купить себѣ спокойствіе во чтѣ бы то ни стало.

Авторъ *Исторіи италіанской литературы*, вслѣдъ за Шанфоромъ вкравшійся въ революцію, сошелся съ нами на правахъ кузена, общихъ всѣмъ Бретанцамъ. Довольно милые стихи, *Признаніе Зульмы*, дали Женгнѣ репутацію въ свѣтѣ и доставили ничтожное мѣсто въ канцеляріи Неккера. Послѣ того онъ такимъ же образомъ попалъ въ контроль. Не помню кто-то оспаривалъ у Женгнѣ этотъ документъ на знаменитость: «Исповѣдь Зульмы»; но піеса — точно его.

Ревнскій поэтъ хорошо зналъ музыку и сочинялъ романсы. Мы видѣли какъ исчезало его смиреніе и возрастала гордость, по мѣрѣ того какъ онъ прицѣплялся къ какой-нибудь знаменитости. Когда созывали Общее Собраніе Сословіи, Шанфоръ поручалъ ему составлять статьи для журналовъ и рѣчи для клубовъ: онъ сталъ наглъ и понесъ отвратительный революціонный вздоръ. Онъ зналъ заранѣе о замышляемыхъ убійствахъ. Жена его пре-

дупредила monkъ сестеръ и мою жену о рѣзвѣ, которую готовили произвести въ кармелитскомъ монастырѣ и дала имъ убѣжище: онѣ жили въ сосѣдствѣ того мѣста, гдѣ должно было происходить превращеніе.

Послѣ терроризма, Женгнѣ сдѣлался почти начальникомъ на роднаго пресвѣщенія; тогда-то сталъ онъ писать свои перекія иѣсни и ятеминки признали его достаточно напечтаннымъ егелософіей, чтобы помяловать въ посланники. Изъ Турина писалъ онъ къ Талерану, что ему удалось *побѣдить предрасудокъ*: супруга его была принята при дворѣ въ парижской революціонной юбитѣ.

Перейдя отъ посредственности къ важности, отъ важности къ бестолковщинѣ, отъ бестолковщины къ пошлости, онъ кончилъ однако жъ жизнь свою въ званіи хорошаго литератора и критика, и, еще лучше, безпристрастнаго писателя. Природа возвратила ему мѣсто, которое общество такъ не кстати отняло. Познанія его принадлежать въ высшему разряду, проза тяжела, стихи правильны и иногда пріятны.

У Женгнѣ былъ другъ, поэтъ Лебрень. Женгнѣ покровительствовалъ Лебрена, какъ человекъ съ дарованіемъ, знающій свѣтъ, покровительствуетъ прѣстоту гениальнаго человекъ; Лебрень въ свою очередь проливалъ свои лучи на заоблачныя высоты Женгнѣ. Ничего не могло быть емѣшнѣе роли этихъ двухъ сватовъ, одолажающихъ другъ друга по любезности братства, всѣмъ что только можетъ идти за взаимное одолженіе между двумя человекъми ума необыкновеннаго въ различныхъ родахъ.

Лебрень былъ просто ложный талантъ времени французской имперіи; жаръ его холоденъ, нормы ледовиты. На его Парвассѣ—высокой комнатѣ въ Монтмартрской улицѣ—мебель составляли книги, разбросанныя какъ ни повало на полу, складная кровать; двѣ грязныя салфетки вмѣсто занавѣса, висѣли на желѣзномъ заржавленномъ треугольничѣ; разбитый горшокъ съ водою стоялъ возлѣ сломанныхъ креселъ, лишившихся своей соломенной начинки. Лебрень не терпѣлъ недостатку, но онъ былъ сиучъ и большой любитель сомнительныхъ женщинъ.

На древнемъ ужинѣ де Водрѣя онъ игралъ роль Пиндара. Между его лирическими стихотвореніями встрѣчаются энергическія и изящныя строфы, какъ напримѣръ въ одѣ корабль *Мститель*, и въ *Окрестностяхъ Паризжа*. Элегія его выходятъ изъ головы, рѣдко изъ души; оригинальность изысканна, ненатуральна; онъ создаетъ все посредствомъ натяжки; выбивается изъ силъ для того что-

бы вывертнуть смыслъ словъ на языкѣ и соединить ихъ въ уродливую браки. У Лобрена было истинное дарованіе только къ сатири; статья его *О хорошей и плохой шуткѣ*, пользовалась замуженной извѣстностью. Нѣкоторыя изъ его эниграммъ могутъ стать на ряду съ эниграммами Жана Батиста Руссо: особенно Лагарпъ надѣлалъ его вдохновеніями. Надо еще отдать ему справедливость; онъ сохранилъ независимость при Бонапартѣ, отъ него осталось противъ Наполеона много язвительныхъ стиховъ.

Но безспорно, самый желанный изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ литераторовъ въ Парижѣ въ то время былъ Шапюръ: страдая болѣзнию, порожденной Якобинствомъ, онъ не могъ простить людямъ случайности своего происхожденія, ненавидѣлъ довѣренности тѣхъ домовъ, гдѣ была привычка, признавать цѣлѣмъ языка своего за изобразеніе придворныхъ нравовъ. У него нельзя было отнять ни ума, ни таланта; но этотъ умъ и этотъ талантъ были не изъ тѣхъ, которые доходятъ до потомства. Когда онъ увидѣлъ, что черезъ революцію нельзя ему достигнуть ничего, онъ поднялъ на самого себя руки, которыми угрожалъ обществу. Въ бѣшенствѣ что паранелетво состояній встрѣтилось ему даже въ мирѣ горестей и слезъ, онъ хотѣлъ застрѣлиться, чтобы не быть подвластнымъ старшинамъ преступленій, но не попалъ себѣ въ лобъ: смерть казнилишво ипрасть тѣмъ, которые ее клччуть и смѣшнвають съ ничтожествомъ.

Съ аббатомъ Делломъ я познакомился только въ 1798 въ Лондонѣ, а Палисё, Бонаршѣ, Мармонтеля, Рюмьера, который кормился герцогиней д'Эгмонъ и кормилъ ее, я не зналъ. Съ Шеніе я также никогда не встрѣчался; онъ много нападалъ на меня, а я никогда не отвѣчалъ ему. Мнѣно его въ Импечатутѣ было причиной одного изъ переселеній моеѣ жизни.

Когда я перечитываю болѣвую часть писателей осмнадцатаго столѣтія, мнѣ совѣстно и того шуму, который они подняли, и моему бывшаго удивленія имъ. Не знаю, языкъ ли подвинулся или отсталъ, мы ли подошли къ высшей образованности или отступили къ варварству, но дѣло въ томъ что теперь я каажу что-то такое вытертое, замывавшее, стѣрое, бездушное, безтеплое въ писателяхъ, привлекшихъ молодость мою въ восторгъ, въ восхищеніе. Я каажу даже въ великихъ писателяхъ вольтеріанскихъ годовъ, отсутствіе чувства, мыслей, хорошаго слогу.

Кто виноватъ этому недостатку? Боюсь что пералъ тутъ злодѣй— я самъ; родившись нововводителемъ, я-то статья можетъ и привидѣть новизнѣ пожеланіемъ свою прежнюю страсташку. Наврасно

я кричу въ испугѣ моимъ ребятамъ: «Не забывайте французскаго языка!» Они сердечные отвѣчаютъ мнѣ наборомъ странныхъ рогатыхъ словъ въ родѣ того какъ Лимозинецъ отвѣчалъ Пантагрюэлю: «Nous venons de l'alme, inclyte et célèbre académie que l'on vocite Lutése (Грядемъ мы, батюшка, изъ душекормительной, достознатной, зѣло на все смышленной академіи, глаголемой Лютеціей, сирѣчь Парижемъ). Наши революціонеры, ужасные Греки по природѣ, принудили бѣдныхъ мужиковъ и купцовъ выучиться *гектарамъ, гектолитрамъ, километрамъ, миллиметрамъ, декаграммамъ*; полтика заговорила ронсардовскимъ діалектомъ.

Я бы могъ упомянуть здѣсь о Лагарпѣ, котораго я тогда зналъ; я еще буду говорить о немъ; къ галереѣ моихъ портретовъ я бы могъ прибавить Фонтана; но хотя сношенія мои съ этимъ превосходнымъ человѣкомъ начались съ 1789, я только въ Англіи привязался къ нему искренней дружбой, всегда увеличивавшейся въ бѣдствіяхъ и не уменьшавшейся въ счастіи; я послѣ поговорю съ вами объ немъ съ полнымъ сердечнымъ изліаніемъ. Мнѣ придется описывать таланты, которыми не украшается уже земля. Другъ мой умеръ въ то время когда я началъ было описывать его жизнь. Бытіе наше такъ скоротечно, что если мы вечеромъ не успѣемъ записать утреннихъ происшествій, мы будемъ завалены работой и у насъ не достаетъ времени окончить ее исправно. Это не мѣшаетъ намъ расточать годы, и бросать на вѣтеръ часы, которые для человѣка — сѣмена вѣчности.

ПАРИЖЪ, ІЮНЬ 1821.

Если мои и сестеръ моихъ наклонности бросили насъ въ литературное общество, положеніе наше принуждало насъ посѣщать другое общество, котораго центромъ было для насъ семейство жены моего брата.

Президентъ Ле-Пелтиѣ де-Розанбо, умершій такъ мужественно въ послѣдствіи, былъ, когда я пріѣхалъ въ Парижъ, образцомъ вѣтренности. Въ то время и нравы и умы были разстроены — вѣрный признакъ приближавшейся революціи. Судебные савонники краснѣли за свое званіе и насмѣхались надъ важностью своихъ отцовъ. Ламоаньоны, Молѣ, Сегіеры д'Агессо хотѣли сражаться а не судить. Президентши, переставъ быть почтенными матерями семействъ, гонялись за блистательными приключеніями; власть выскользнула у всѣхъ изъ рукъ. Считалось высшимъ тономъ быть Американцемъ въ обществѣ, Англичаниномъ при де-

рѣ, Прусакомъ въ арміи; быть всѣмъ, только не Французомъ. И слова и поступки были слѣдствіемъ легкомыслія.

У де-Мальзербъ были три дочери; мадамъ де-Розанбъ, д'Онё, де-Монбоассіе; онъ больше всѣхъ любилъ мадамъ де-Розанбъ, за сходство ея мнѣній съ его мнѣніями. У президента де-Розанбъ также были три дочери, мадамъ де-Шатобріанъ, д'Онё, де-Токвиль, и сынъ, котораго свѣтлый умъ лучезарно озарился христіанскимъ совершенствомъ. Мальзербъ любилъ проводить время среди своихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ. Сколько разъ въ началѣ революціи, я видѣлъ какъ онъ пріѣзжалъ къ мадамъ де-Розанбъ, разгоряченный политикой, сбрасывалъ парикъ, ложился на коверъ у моей невѣстки и тѣшилъ тѣмъ какъ ея буллы-ребятишки лезли по нему и таскали его съ ужаснымъ шумомъ. По обхожденію онъ былъ бы человѣкомъ довольно пошлымъ, если бы нѣкоторый родъ рѣзкости не спасалъ его отъ обыкновенности; изъ первыхъ уже словъ, выходившихъ изъ его устъ, видѣвъ былъ потомокъ старинной фамиліи. Природныя добродѣтели его немного помрачались натянутою примѣсью философіи. Онъ былъ человѣкъ ученый, честный, мужественный, но горячій и странный до такой степени, что однажды сказалъ мнѣ говоря о Кондорсѣ. «Онъ «былъ мнѣ другомъ, но теперь я несколько не посоветуюсь убить «его какъ собаку.» Онъ захлебнулся въ волнахъ революціи и смерть спасла его славу. Достоинства этого великаго человѣка остались бы въ неизвѣстности, если бы несчастіе не возвѣстало о немъ свѣту. Одинъ венеціанскій дворянинъ лишился жизни отрывая документы о своемъ родѣ въ фундаментѣ палаца, который и рухнулъ на него по милости этой находки. Откровенное обращеніе Мальзербъ избавляло меня отъ всякой принужденности.

Онъ нашелъ во мнѣ довольно образованности; мы въ этомъ сошлись: говорили о ботаникѣ, географіи, любимыхъ предметахъ его разговоровъ. Увлекался съ нимъ все болѣе и болѣе, тогда-то вознамѣрился я отправиться въ Сѣверную Америку, чтобы отыскать море видѣнное Гирномъ и послѣ Макензи. По части политики мы также понимали другъ друга. Революція новостью своей, сначала сходствовала съ моимъ нестаровѣрнымъ характеромъ. Антипатія къ версальскимъ вызолоченнымъ франтамъ усилила эту склонность къ преобразованіямъ. Я держалъ сторону Мальзербъ и мадамъ де-Розанбъ противъ ея мужа и моего брата, котораго называли *блшенимъ* Шатобріаномъ. Революція утатила бы меня въ потокъ свой, если бы волны ея съ самаго начала не помутились преступленіями. При видѣ первой мертвой голо-

ны, подвинутой къ носу носу на шкѣ, я отступилъ. Смертубійства никогда не будутъ для меня подангомъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего мелкопрелазнѣе, недѣе, глуше, недалеѣе умомъ и сердцемъ людоѣдовъ народныхъ патешей. Но выдагъ я что ли нашихъ французовыхъ Бругусовъ шпюнами на жалованьи у Фумѣ, когда желѣзная рука побѣдителя погнула судьбу и событія? Вся эти уравнители правъ, обязательны челоѣчества, головорѣзы, превратились предобровольно въ клеветовъ и наущиниковъ; и какъ они чванливо потому выползанными на порегахъ Луара титулами новыхъ герцога, грава, барона! Те-то были средніе шкѣ! Маноноцъ болѣе всего приваляла меня къ знаменитому старшину предначетовіе его къ моеѣ сестрѣ: несмотря на застѣчивость графини Люсия, съ помощью шампанскаго заставилъ ее играть на маленькой вісѣ въ день именинъ Мальзербъ; она была такъ трогательна въ этой роли, что вскружила голову доброму старшину. Онъ, отъ восторгу старался даже болѣе брата о переводѣ ее изъ армантьерскаго въ реимпронской канцугъ, гдѣ строго требовалось новыхъ и новыхъ доказательствъ на *шестнадцатомъ благодородимомъ кружкомъ* родословнаго древа. Несмотря на свою едосовію, Мальзербъ сильно держался началъ дворянскаго креста.

Надобно на два года распространить изображеніе людей и общества при моемъ ветушеніи въ свѣтъ, между закрытіемъ перваго Собранія Именитыхъ, 25 мая 1787 и открытіемъ Общаго Собранія Сесловіи 5 мая 1789. Впродолженіи этихъ двухъ лѣтъ, изъ сестры ни я не жила постоянно ни въ Парижѣ ни въ одной квартирѣ. Я хочу теперь сдѣлать отступленіе и повести читателю опять въ Бретань.

Впрочемъ воображеніе мое всегда увлекалось идеалами. Когда на было глосовъ, являлось прошедшее и я находилъ въ немъ удивленіе далекое, глухое. Въ старинномъ Парижѣ, въ отбѣгахъ Святаго-Германа-въ-Луагахъ, въ кельишамъ зданіяхъ онуотѣныхъ монастырей, въ сляскахъ Святаго-Даниса, въ Свѣтой-Камеллѣ, въ соборѣ Парижской Богородицы, въ узенькихъ улицахъ Стараго Города, у темныхъ дверей. Элевалъ я предавался безмятежнымъ мечтаніямъ; но это не были уже тѣ свѣтлыя мечты, которыми прежде милою сладко упивалась: подъ готическими сводами, среди гробницъ, онѣ стали мрачны, блѣдны, грустны, казались тѣмъ тѣмъ умершихъ свидѣній, мыслями востанни изъ могилъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Поѣздки въ Бретань въ 1787 и 1788 положили основаніе моему политическому воспитанію. Въ засѣданіяхъ провинціальныхъ Сословіи существовалъ образецъ Общаго Собранія Сословіи: по этому то и частныя замѣшательства, предшествовавшія государственными, разразились прежде всего въ областяхъ, имѣвшихъ право на совѣщанія народныхъ чиновъ, въ Бретани и въ Дофинатѣ.

Броженіе и преобразованія Франціи начались собственно уже два столѣтія тому. Парламентъ министра Мопу, учрежденіе провинціальныхъ Собраній съ личною подачею голосовъ, первое и второе Собранія Именитыхъ, Полныя Засѣданія парламентскаго суда, назначеніе великихъ войтовъ (bailli), возвращеніе гражданскихъ правъ протестантамъ, уничтоженіе пытки и ленныхъ законовъ, равная раскладка податей, были безспорно явленіями уже совершавшагося переворота. Но жившіе среди этихъ фактовъ не принимали цѣлаго ихъ объема: каждое новое событіе казалось случайнымъ и безъ связи съ другими.

Мысль объ Общемъ Собраніи Сословіи гнѣздилась во всѣхъ головахъ; не знали только, куда это поведетъ. Для толпы, дѣло шло о покрытіи въ государственномъ казначействѣ недочету, который бы нынче всякій банкиръ взялся пополнить. Требованіе такой важной мѣры для такой пустой цѣли, показываетъ, что общество, себѣ невѣдомо, было увлекаемо духомъ эпохи къ невѣстному бытію политическому. За 1786, единственный годъ, котораго финансы хорошо извѣстны, доходы государственные простирались до 413,000,000 ливровъ, расходы до 593,500,000, недочетъ до 180,500,000, или собственно до 140,000,000, потому что предполагалось на 40,000,000 сдѣлать разныхъ экономій.

Хотѣли для этого созвать Общее Собраніе Сословіи по формѣ 1614 года. Но 1614 не могъ служить образцомъ. Послѣ 1614 года собранія эти имѣли мѣсто неоднократно и по разнымъ формамъ. Не всѣ сословія каждый разъ участвовали въ этихъ засѣданіяхъ. Кто нынче долженъ участвовать, по какому образцу будутъ происходить засѣданія, таковы были вопросы, занимавшіе всѣхъ въ 1786, въ 1787 и въ 1788 годахъ. Горячія головы моихъ земляковъ находили много поводовъ къ вспышкамъ въ особенныхъ правахъ

области, духовенства и дворянства, и въ соперничествѣ мѣстнаго парламента съ мѣстными Сословіями. Калоннъ, бывшій нѣко-торое время правителемъ Бретани, усилилъ несогласія, покровительствуя среднее сословіе, которое, какъ и въ цѣломъ французскомъ королевствѣ, изъ монастырей управляло обществомъ посредствомъ религій, изъ откуповъ и банкирскихъ конторъ управляло посредствомъ денегъ, изъ судилищъ управляло посредствомъ законовъ.

У насъ въ Бретани начальники были такъ слабы, что придворной партіи не могли дать перевѣсу. Дворянство сговорилось съ парламентомъ, составленнымъ изъ дворянъ; то оно сопротивлялось Нейкеру, Калонну и савскому архіепископу, то старалось удержать движенія средняго сословія, къ которымъ это сопротивление съ перваго разу сильно содѣйствовало. Дворянство собиралось, совѣщалось, издавало протесты; общины, городскія думы, собирались, совѣщались, издавали протесты въ противоположномъ смыслѣ. Частное дѣло о *подымномъ*, сталкиваясь съ общинными дѣлами, растравляло вражду. Подымное, *foyage*, собственно *fosage*, отъ латинскаго слова *focus*, отъ котораго произошли французскіе *feu* и *foyer*, былъ налогъ на каждый дымъ, то есть, отдѣльный домъ не-дворянскаго имѣнія. Доходомъ съ этой статьи уплачивались долги провинціи. Несправедливость, хотя впрочемъ несправедливость *законная*, по выраженію мѣстнаго уложенія, состояла томъ, что тяжесть эту несло одно *подлое имущество*. Общины безпрестанно входили объ этомъ съ представленіями. Дворянство, менѣе дорожа деньгами чѣмъ своими преимуществами, и слышать не хотѣло о налогѣ, которымъ сравнивалось бы оно съ податнымъ сословіемъ. Въ этомъ состоялъ вопросъ, когда въ декабрѣ 1788 года собрались бретанскія Сословія, бурныя и кровавыя. Нѣкогда Сословія въ Бретани съѣзжались ежегодно; но съ 1630 года собранія бывали двугодичныя. Генералъ-губернаторъ открывалъ засѣданія. Представители трехъ Сословій сходились гдѣ-нибудь въ церквахъ или въ монастыряхъ. Каждое Сословіе шумѣло порознь, но когда духовенство, дворянство и разночинство сѣдывались въ одно общее засѣданіе, тутъ ужъ поднимался ураганъ. Придворная партія раздувала огонь. Брали, угрожали, педникамъ, конца не было. Дворянство являлось въ собраніе и рехаживало по улицамъ съ огромными саблями. Сеймъ бретанскій очень походилъ на сеймъ польскій, который съ своей стороны походилъ на сеймъ Сіековъ. Въ городѣ между тѣмъ безпрестанно давались балы, вечеринки, обѣды, завтраки. По всѣмъ угламъ

ѣли, пили и играли въ карты — играли жестоко — разорялись въ пухъ, разсуждая о бережливости въ издержкахъ на общественныя потребности. Пѣли столько же какъ и пили: люди бретанской породы любятъ пѣсенку и пляску, и плясовые напѣвы нашего кельтійскаго племени даже весьма примѣчательны.

Парижскіе фрауты, пріѣхавшіе съ королевскими комиссарами, разсказывали, будто у насъ, *рыцарей* бретанскихъ, въ карманахъ спрятаны жестянки, въ которыхъ мы уносимъ домой, съ коммандантскихъ ужиновъ, жареныхъ цыплятъ для нашихъ супруговъ. Эти насмѣшки дорого имъ обходились. Одинъ графъ де-Сабравъ, великанъ, ростомъ съ Голиаоа, былъ убитъ на поваль крошечнымъ бретанскимъ помѣщикомъ, не больше Лауланца.

Въ то же время парижскія вѣсти и парижскія разсужденія шибко волновали умы. Собраніе Именитыхъ, поземельная вода, хлѣбная торговля, предстоящее Общее Собраніе Сословіи, процессъ обі ожерельѣ, Полное Засѣданіе парламента, «Свадьба Фигаро», Калиостръ, Месмеръ, и тысяча разныхъ предметовъ, важныхъ и пустыхъ, служили пищею спорамъ по всѣмъ домамъ и даже въ семейныхъ кругахъ.

Бретанское дворянство собралось въ Реннѣ, по собственному своему соизволенію, чтобы протестовать противъ Полнаго Засѣданія парламента. Я поѣхалъ на этотъ сеймъ. Въ первый разъ увидалъ я тутъ политическую сходку. Шумѣли, кричали, размахивали руками, взлѣзали на столы и стулья и говорили всѣ вдругъ. Мнѣ показалось это чрезвычайно забавнымъ. Въ заключеніе, послали въ Парижъ депутацію, составленную изъ самыхъ бѣшеныхъ крикуновъ. Тамъ ихъ, для почтенія, засадили въ Бастилію; потомъ выпустили героями, и они воротились во svoemъ. Мы приняли ихъ съ торжествомъ, съ лавровыми вѣнками, съ латинскими надписями на огромныхъ перламутровыхъ пуговицахъ: *«Умремъ, но чести нашей никому не дадимъ.»* Мы ликовали по случаю побѣды нашей, не примѣчая того, что ею низвергаемъ въ бездну.

Въ это время братъ мой, слѣдуя своимъ планамъ, рѣшался записать меня въ Мальтійскій Орденъ. Для этого мнѣ надо было вступить въ клиръ. Это могло сдѣлаться черезъ Куртоа де-Прессиньи, епископа сенъ-малосскаго. Я отправился въ родной городъ, куда удалась добрѣйшая моя матушка; дѣтей съ нею не было; она проводила день въ церкви, вечеръ за визаньемъ. Разсѣянность у нея была немовѣрная; въ одно утро я встрѣтилъ ее на улицѣ съ туглей въ рукахъ вмѣсто молитвенника.

Иногда въ убѣжище ея имѣли доступъ нѣсколько старыхъ друзей, и разсуждали о благой старинѣ; когда намъ случалось оставаться наединѣ, она импровизировала мнѣ сказки въ стихахъ.

Въ одной изъ этихъ сказокъ чортъ увезъ безбожника въ дымовой трубѣ, и матушка-стихотворица прибавила:

Le diable en l'avenue
Chemina tant et tant
Qu'on en perdit la vue
En moins d'une heure de tems,

«Кажется, сказалъ я, что чортъ не большой ходокъ!»

По графиня де-Шатобрианъ доказала мнѣ, что я ничего не понимаю. Матушка была очень мила!

У нея имѣлась длинная, заунывная пѣсня изъ *Разсказу правдиваго о дикой уткѣ во градѣ Монфорть Уткиномъ, что у Сень-Мало*. Нѣкій бояринъ заключилъ дѣву красоты необыкновенной въ замкѣ Монфорть, съ намѣреніемъ ее обезчестить. Въ слуховое окно видѣлась ей доминиканская церковь; со слезами на глазахъ стала она молиться блаженному Доминику, и чуднымъ образомъ вынесена была изъ замка, но попалась въ руки служителямъ сказаннаго вора, которые хотѣли сами поступить съ ней согласно съ нечестивымъ намѣреніемъ своего господина. Бѣдная дѣва въ испугѣ осмотрѣлась кругомъ, нѣтъ ли гдѣ помощи, но увидала только дикая утокъ на пруду. Она стала молиться блаженному Доминику, чтобы онъ позволилъ уткамъ быть свидѣтельницами ея невинности, и чтобы; если она лишится жизни, обѣтъ ея эти птицы могли бы за нее исполнить по своему обычаю и разумѣнію.

Дѣва умерла въ теченіи года: въ праздникъ блаженнаго Доминика, дикая утка съ птенцами прилетѣла въ церковь, и стала летать около его изображенія и изъявлять благодарность хлопая крыльями; послѣ чего воротилась къ пруду, оставивъ одного птенца въ приношеніе блаженному. Черезъ нѣсколько времени птенецъ возвратился на прудъ неизвѣстно какимъ образомъ. Въ теченіе двухъ столѣтій, утка, все таже самая, возвращалась въ тотъ самый день со всѣмъ своимъ потомствомъ, въ церковь доминиканцевъ въ Монфорть. Сказаніе о томъ написано и напечатано въ 1652 году: авторъ замѣчаетъ очень справедливо, что, въ лицѣ небесъ, ничтожная дикая утка почти ничего не значитъ, но что однако жъ и она можетъ служить къ возвеличенію

хнѣ славы; что кузничекъ блаженнаго Франциска еще менѣе значилъ, а между-тѣмъ его жужжаніе восхищало серафимское сердце. Но графиня де-Шатобрианъ слѣдовала ложному преданію: въ ея пѣснѣ, дѣва заключенная въ Монфорть была принцесса, превращенная въ утку. чтобы избавиться отъ насилія хищника; я запомнилъ только этотъ куплетъ изъ романа матушки:

Cane la belle est devenue,
Cane la belle est devenue,
Et s'envola, par une grille,
Dans un étang plein de lentilles.

Какъ графиня де-Шатобрианъ была изъ набожныхъ, то и она исходатайствовала у нашего епископа обѣщаніе приписать меня къ духовному сану; ему было совѣстно: дать духовное посвященіе мірянину и военному казалось ему святотатствомъ. Куртоа де-Прессиньи, нынче архіепископъ безансонскій и перъ Франціи, подлинно—человѣкъ честный и съ большими достоинствами. Онъ былъ тогда молодъ, въ милости у королевы и въ ходу къ почестямъ, до которыхъ послѣ онъ достигъ лучшимъ путемъ: претерпѣнными преслѣдованіями.

Я сталъ на колѣна, въ мундирѣ, при шпагѣ, у ногъ пре лата онъ отрѣзалъ мнѣ пѣсколько волосъ съ маковки головы; это значило постриженіе, о чемъ и получилъ я свидѣтельство по надлежащей формѣ. Съ этимъ свидѣтельствомъ я могъ получить двѣсти-тысячъ ливровъ доходу, если мои доказательства на дворянство будутъ признаны въ Мальтѣ: это безспорно злоупотребленіе въ духовномъ смыслѣ, но вещь полезная въ смыслѣ политическомъ стариннаго государственнаго порядку. Не лучше ли, чтобы родъ духовно-военной аренды былъ сопряженъ съ солдатскою саблей, нежели съ аббатскою рясою какого-нибудь каноника, который бы промоталъ свое богатое пріорство на парижскіе пустыки.

По случаю духовнаго званія, пожалованнаго мнѣ по сказаннымъ причинамъ, несвѣдующіе сочинители біографій утверждали, будто я прежде былъ священникомъ. Это происходило въ 1787 году. У меня были лошади, и я развѣзжалъ по окрестностямъ или скакалъ вдоль морскихъ волнъ, моихъ старинныхъ шумныхъ по друзей. Я соскакивалъ съ лошади и игралъ съ ними; вся лающая семья Скиллы, ласкалась, прыгала мнѣ на колѣна: *Nunc vada latrantis Scyllae*. Я ѣздилъ далеко, любоваться на природу; но можно бы удовольствоваться и той, которая красуется на моей родинѣ

Ничто не можетъ-быть прелестнѣе окрестностей Сентъ-Мало кругомъ милъ на пять или на шесть. Одни уже берега Раисы отъ устья вверхъ до Дивана заслуживаютъ вниманія путешественниковъ; непрерывное смѣшеніе скалъ, зелени, песковъ и гѣбу, холмовъ и деревень, древнихъ замковъ феодальной Бретани и новѣйшихъ построекъ Бретани торговой. Послѣднія были воздвигнуты въ тѣ времена, когда негоціанты Сентъ-Малоскіе были такъ богаты, что въ дни своихъ пирушекъ варили соусъ изъ піастровъ и прямо съ огня выливали въ окна на народъ. Эти дома отдѣланы роскошно. Одинъ изъ нихъ построенъ частью изъ генуэзскаго мрамору: о такомъ великолѣпіи въ Парижѣ не имѣютъ понятія. Другія усадьбы украшены померанцовыми деревьями въ кадкахъ, фонтанами, статуями. Иногда сады спускаются наклонно къ взморью, позади аркадъ изъ липъ или сосенъ. Сквозь колоннаду изъ за тюльпановаго цвѣтника, море кажется свои корабли, свою зеркальную тишь, свои бури.

У cadaго мужика, матросъ ли онъ или земледѣлецъ — бѣленькій домикъ съ садикомъ: между огородныхъ растений, между смородиной, розами, ярисами, ноготками, встрѣчается кустъ кайенскаго чаю, виргинскаго табаку, или китайской розы, словомъ какое-нибудь воспоминаніе о другой землѣ и другомъ солнцѣ: это дневникъ путешествій и ландкарта хозяина. Поселяне береговые всѣ — прекрасной нормандской породы; женщины высоки, тонки, гибки, проворны; носятъ сѣрые шерстяные корсеты, короткія полосатыя юбки, и бѣлыя чулки съ цвѣтными углами. Голова накрыта широкой бѣлой фатой, которой концы приподняты въ видѣ берета, или висятъ воалью. Серебряная цѣпочка съ привѣсками виситъ у лѣваго боку. Всякое утро, весною, эти полунощныя жены выскакиваютъ изъ лодокъ, какъ-будто онѣ опять пришли покорить страну, и несутъ на рынокъ овощи въ корзинахъ и варенецъ въ раковинахъ: когда онѣ поддерживаютъ одной рукой на головѣ черныя сосуды съ молокомъ или съ цвѣтами, и если еще края бѣлой фаты обрамливаютъ ихъ голубые глаза, розовыя лица, темнорусые волосы, усѣянные жемчужной росой, Валькюриѣ Эдды и аѳинскія Канефоры не были прелестнѣе.

Похожа ли еще эта картина?... Такихъ женщинъ уже нѣтъ; онѣ остались только въ моемъ воспоминаніи.

Я оставилъ матушку и поѣхалъ къ старшимъ сестрамъ въ окрестности Фужера. Я провелъ мѣсяць у мадамъ де Шато-

бурь. У ней былъ управляющимъ нѣкто Ливорѣ, бывшій іезуитъ, съ которымъ случилось странное происшествіе.

Когда его назначили управляющимъ въ этомъ мѣстѣ, графъ де-Шатобуръ тестъ ея только что умеръ: Ливорѣ не зналъ стараго графа. Въ первую ночь, онъ видитъ, что къ нему въ комнату входитъ блѣдный старикъ, въ халатѣ, въ колпакѣ, съ свѣчой въ рукахъ. Привидѣніе подходитъ къ камину, ставитъ подсвѣчникъ, разводитъ огонь и садится въ кресла. Ливорѣ дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Послѣ двухъ часового безмолвія, старикъ встаетъ, беретъ свѣчку, выходитъ изъ комнаты, и затворяетъ за собою дверь.

На другой день управляющій разсказалъ объ этомъ происшествіи мызникамъ, которые по его описанію сказали, что это нѣтъ старый господинъ. Этимъ не кончилось. Если Ливорѣ оглядывался въ лѣсу, ему чудилось привидѣніе; если ему приходилось перелѣзть черезъ плетень въ полѣ, тѣнь сидѣла верхомъ на жерди. Однажды этотъ наважденный бѣднякъ осмѣлился сказать: оставьте меня, ваше сіятельство! Привидѣніе отвѣчало: «Нѣтъ почтеннѣйшій!» Ливорѣ былъ человѣкъ холодный, положительный, во все не съ блестящимъ воображеніемъ: онъ однако жъ разсказывалъ эту исторію всегда одинаковымъ образомъ и былъ вполнѣ убѣжденъ въ ея дѣйствительности.

Привидѣнія — по моей части. Любимымъ мнѣмъ развлеченіемъ въ то время были прогулки по кладбищамъ. Мечтаніе быть можетъ, послѣ хмѣлю — лучшее средство забыть существенность, ускользнуть отъ самого себя. Грустно подумать, но нельзя отвергнуть, что счастіе человѣческое состоитъ въ томъ, чтобы не знать и не вѣдать о себѣ и достигнуть могилы не почувствовавъ жизни.

Дамы, съ которыми я пріѣхалъ въ Бретань, собирались отправиться обратно въ Парижъ и хотѣли увезти меня съ собою. Но я былъ задержанъ провинціальными смятеніями. Бретанскія Сословія были созваны на декабрь мѣсяць (1788). Ренская община и послѣ нея всѣ другія бретанскія общины резолюціей запретили своимъ депутатамъ входить въ разсмотрѣніе какихъ бы то ни было дѣлъ прежде чѣмъ статья о подымномъ будетъ рѣшена.

Графъ де-Боаленъ, которому предстояло председательствовать въ дворянскомъ сословіи, поспѣшилъ пріѣхать въ Реннъ. Всѣхъ дворянъ созвали особенными повѣстками. На насъ могло-быть сдѣлано нападеніе, число рукъ было такъ же нужно какъ и число балловъ. Мы прискакали всѣ.

У де-Боалена были предварительныя совѣщанія до открытія Сословія. Всѣ прежнія сцены шума и буйства возобновились.

Въ этихъ собраніяхъ я замѣтилъ въ себѣ особенную склонность моего характера, которая проявлялась послѣ и на политическомъ и на военномъ поприщѣ моемъ: тѣмъ болѣе мои товарищи горячились, тѣмъ болѣе я охолодѣвалъ; я смотрѣлъ равнодушно какъ палили изъ пушекъ или съ кассеры, и никогда не пріѣхивалъ крикомъ ни рѣчи ни ядра.

Результатомъ нашихъ совѣщаній было опредѣленіе дворянству заняться прежде всего общими дѣлами, а статью подымнаго оставить вперёдъ до усмотрѣнія; резолюція эта была совершенно противоположна резолюціи средняго сословія. Дворяне не очень довѣряли духовенству, которое часто отъ нихъ отлагалось, особенно подъ предѣдательствомъ рейнскаго епископа. Газета «*la Sentinelle du Peuple*», издаваемая въ Реннѣ однимъ бумагопачкателемъ, пріѣхавшимъ изъ Парижа, разжигала вражду.

Сословія держали засѣданія въ одномъ монастырѣ. Едва мы разсѣлись въ нашей залѣ какъ народъ осадилъ насъ. Двадцатипятое, шестое, седьмое и осьмое января были дни несчастные. У комманданта было мало войска; онъ шумѣлъ, а не дѣйствовалъ. Рейнское училище правовѣденія, которымъ предводительствовалъ Морб, вызвало нанскихъ школьниковъ: тѣхъ привалило четыре сотни и они, несмотря на сопротивленіе комманданта и на его просьбы, овладѣли городомъ. Образовались разныя сборища, и начались кровопролитныя стычки.

Мы рѣшились сдѣлать вылазку съ саблями въ рукахъ. По звуку предѣдателя мы всѣ вдругъ выхватили сабли съ крикомъ: *да здравствуетъ Бретань!* кинулись бѣшено на осаждающихъ, опрокинули толпу и вышли изъ осады. Народъ встрѣтилъ насъ воплями, градомъ камней, окованными дубинами, и пистолетными выстрѣлами. Мы прорывались сквозь волны, потокъ безпрестанно заливалъ насъ. Многіе изъ дворянъ были ранены, истязаны, избиты. Съ трудомъ освободившись отъ неустойчивой черни, всѣ мы разбѣжались по домамъ.

Начались дуэли между дворянами, воспитанниками правовѣденія и навтскими ихъ друзьями.

По крайней-мѣрѣ, бретанское дворянство пало честнымъ образомъ. Оно отказалось послать депутатовъ въ Общее Собраніе Сословія, потому что Собраніе не было создано согласно съ основными законами вашего провинціального права; большая часть нашихъ присоединилась къ арміи французскихъ принцевъ; прочіе

почти всё погибли, съ корпусомъ принца Кондэ или въ вандейскихъ войнахъ съ Шареттомъ.

Первымъ убитымъ въ этихъ междоусобныхъ стычкахъ былъ мой школьный товарищъ, Saint-Riveul. Судьбѣ было угодно, чтобы первая капля крови, пушенной Революціей, вытекла изъ жилъ друга моего дѣтства. Зачѣмъ ужъ лучше не изъ моихъ!... Исторія моя тутъ же была бы и кончена. Написали бы: «Нѣкій дворянинъ по прозванію «Шатобрианъ» былъ убитъ на проходѣ въ залу засѣданій,» — и этихъ Записокъ не существовало бы.

Парижъ, ноябрь 1821.

Тысяча семьсотъ осемьдесятъ девятый годъ, столь знаменитый и въ нашей исторіи и въ исторіи человѣчества, засталъ меня въ степяхъ родной Бретани; я оставилъ ихъ довольно поздно, и пріѣхалъ въ Парижъ уже послѣ грабежа револуціонскаго дому, открытія Общаго Собранія Сословіи, превращенія Средняго Сословія въ Національное Собраніе, клятвы въ зданіи Jeu-de-Paume, королевскаго засѣданія 23 іюня, и присоединенія Духовенства и Дворянства къ Среднему Сословію.

Движенія было много на дорогѣ: въ деревняхъ крестьяне останавливали кареты, требовали паспортовъ, спрашивали путешественниковъ. Ближе къ столицѣ волненіе возрастало. Проѣзжая Версаль, я пріѣхалъ солдатъ, расположенныхъ въ оранжереяхъ, пушки на дворахъ; залу для Національнаго Собранія выстроенную на дворцовой площади; депутатовъ, расхаживающихъ между любопытною толпою, придворными служителями и солдатами.

Въ Парижѣ улицы были также загромождены сборищами; проходящіе разсуждали на тротоарахъ; купцы, вышедши изъ лавокъ, слушали и пересказывали новости; въ Пале-Рояль толпились агитаторы: Камилль Демуленъ началъ отличать въ скопищахъ.

Только-что я остановился съ моими дамами въ гостиницѣ, въ улицѣ Ришльё, какъ вспыхнуло возстаніе: народъ бросается въ Аббатство, чтобъ освободить нѣсколькихъ гвардейцевъ, арестованныхъ по повелѣнію начальства. Унтеръ-офицеры артиллерійскаго полка, стоявшаго въ Домѣ Инвалидовъ, присоединяются къ народу. Измѣна обнаруживается въ войскѣ.

Придворная партія, то уступая, то пытаясь сопротивляться среди упрямства и слабости, хвастовства и страха, доводитъ Мирабдо до вадменнаго требованія выслать войска изъ Парижа, а дворъ не соглашается на требованіе: принимаетъ обиду и не уничтожаетъ причины. Въ Парижѣ распространяется слухъ, что

шемартрскимъ грязнымъ подземельемъ приближается армія, что драгуны приступомъ возьмутъ заставы. Вѣдно разобрать мостевую, снести камни въ верхніе этажи и бросать ихъ на атакующихъ: каждый беретъ за дѣло. Посреди этой сумятицы, Неккеръ получаетъ приказъ оставить должность. Министерство составляетъ изъ графа де Бретеля, Ла-Галезіера, маршала де Бройи, Ла-Вогіона, Лапорта и Фулона.

Одинъ новопріѣзжій шить британскій просилъ меня сводить его въ Версаль. Есть охотники осматривать сады и фонтаны среди паденія царствъ: у плохихъ пиеакъ страсть эта особенно сильна. Они могутъ отвлекаться отъ существеннаго въ виду самыхъ важныхъ происшествій; фраза или строфа шить дороже всего.

Я повелъ моего Пиндара въ версальскую галерею во время обѣдни. Павильонъ l'Oeil-de-Vœuf былъ весь — свѣтъ и сіяніе: отставка Неккера воспламенила головы; эти господа были увѣрены въ побѣдѣ: можетъ быть, Савсонъ и Симонъ, скрываясь въ толпѣ, созерцали радость придворныхъ.

Королева прошла съ дѣтми; ихъ темнорусые волосы какъ-будто ожидали вѣнцовъ: одиннадцатилѣтняя герцогиня ангуленская привлекала взоры дѣвственной гордостью; прелестная и выокимъ званіемъ и невинностью ребенка, она какъ-будто повторила слова померанцоваго цвѣтка Корнеля въ Гирляндѣ Юлія:

J'ai la pompe de ma naissance.

Маленькій дефинъ шелъ возлѣ сестры; дю-Туше слѣдовалъ за воспитанникомъ; онъ увидалъ меня и обязательно показалъ королевѣ. Взглянувъ съ улыбкой, она поклонилась мнѣ такъ же благосклонно, какъ въ день моего представленія. Я никогда не забуду этого взгляду, который долженъ былъ такъ скоро угаснуть. Губы ея при этомъ такъ выразительно обрисовались, что во воспоминаію объ улыбкѣ — ужасно сказать! — я узналъ челоусть дочери цезарей, когда открыли голову несчастной королевы при открытіи ея останковъ въ 1815 году.

Версальскій ударъ отдался въ Парижѣ. Возвращаясь, я наткнулся на потокъ народу, несшаго бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго, покрытые «леромъ. Между криками «да здравствуетъ Неккеръ! да здравствуетъ Орлеанскій!» раздавался также крикъ болѣе дерзкій и еще болѣе неожиданный: «да здравствуетъ Людовикъ-Семнадцатый!» — да здравствуетъ этотъ ребенокъ, котораго даже имя было бы забыто въ надгробной надписи его родныхъ, если бы

я не напомнилъ объ немъ палатѣ перовъ! Что если бы Людовикъ Шестнадцатый отрекся, Людовикъ-Семнадцатый взомель на престолъ и герцогъ Орлеанскій сталъ регентомъ?

На площади Людовика-Пятнадцатаго, князь де-Ламбаль, въ головѣ королевскаго полка, отъѣсняетъ народъ въ Тюильрійскій Садъ и равнѣ старика: тотчасъ раздается набатъ. Лавки оружейниковъ разбиты и тридцать тысячъ ружей унесены изъ Дому Инвалидовъ. Вооружаются пиками, палками, вилами, пистолетами; грабятъ казенныя зданія, жгутъ заставы. Парижскіе набиратели захватываютъ въ свои руки управление столицей, и въ одну ночь, шестьдесятъ тысячъ гражданъ сформированы, вооружены и обмундированы національными стражами.

Четырнадцатаго іюля — взятіе Бастиліи. Я былъ зрителемъ этого штурма, произведеннаго противъ нѣсколькихъ инвалидовъ и труса комманданта: если бы ворота были заперты, народъ никогда бы не ворвался въ крѣпость. Два или три пушечные выстрѣла были сдѣланы не инвалидами, а солдатами французской гвардіи, взобравшимися уже на башни; де-Лонвѣ вырвали изъ комнаты, куда онъ сирятался, и, послѣ тысячи оскорбленій, убили на ступеняхъ Ратуши; купеческому головѣ Флесселю раздробили лобъ пистолетнымъ выстрѣломъ: это-то зрѣлище показалось бездушному дурачю такимъ великолѣпнымъ!

Среди убійствъ предавались оргіямъ, какъ во время римскихъ междоусобій, при Оттонѣ и при Вителліи. Во фіакрахъ катали покорителей Бастиліи, счастливыхъ пьяницъ, объявленныхъ побѣдителями по харчевнямъ; скверныя женщины и оборвыши, которыхъ въ Парижѣ живписно зовутъ *sans-culottes*, начинали царствовать: они составляли имъ свиту. Прохожіе съ боязливымъ уваженіемъ снимали шапки передъ этими героями, изъ которыхъ нѣкоторые умерли отъ утомленія среди своего торжества. Ключей Бастиліи наковали пропасть: эти незабудки разсылались ко всѣмъ знаменитымъ болванамъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Сколько разъ я упускалъ случай разбогатѣть! Если бы я, простой зритель, вздумалъ черкнуть свое имя на списокъ побѣдителей, у меня былъ бы теперь пенсіонъ!

Умники сходились свидѣтельствовать трупъ Бастиліи. Временныя кофейни устроились подъ палатками; народъ тѣснился какъ на ярмаркѣ; безчисленное множество каретъ разѣзжало или останавливалось у башенъ, съ которыхъ сбрасывали камни съ клубами пыли. Щегольски одѣтыя женщины, модные молодые люди, толпясь на уступахъ готическихъ обломковъ, смѣшивались съ по-

лу-одѣтыми работниками, ломашинными стѣны, при кликахъ толпы. Тутъ встрѣчались знаменитѣйшіе ораторы, извѣстѣйшіе писатели, славнѣйшіе живописцы, актеры, актрисы, танцовщицы, иностранцы, придворные вельможи и посланники; словомъ, все самое примѣчательное въ Парижѣ. Старая Франція съѣзжалась туда, чтобы кончить, новая — чтобы начать свое поприще.

Какъ бы ни было ничтожно или гнусно событіе само по себѣ, если обстоятельства его важны и оно составляетъ эпоху, то не должно быть легко обсуждаемо.

Во взятіи Бастиліи надо было видѣть — на это тогда не обратили вниманія — не насильственное дѣйствіе начавшагося переворота, но самый переворотъ. Изумлялись тому, что слѣдовало порицать, частному случаю, и не подумали предвидѣть въ будущемъ перемѣну правовъ и идей, которой кровавый праздникъ взятія Бастиліи положилъ начало. Ярость дикая производила развалины, а въ этихъ развалинахъ скрывался злой разумъ, рывшій подъ ними основаніе новаго зданія, новой больницы для страданій общества, одержимыхъ горячкою свободы.

Пробудившись при шумѣ паденія Бастиліи какъ предвѣстникъ паденія старины, Версаль перешла отъ чванства къ увынію. Король бросился въ Національное Собраніе, сказалъ рѣчь съ президентскаго кресла, объявилъ приказаніе данное войскамъ удалиться и возвратился во дворецъ посреди благословеній: бесполезный парадъ! никакая партія не вѣритъ обращенію въ свою вѣру противной партіи. Семьдесятъ депутатовъ отправляются изъ Версаля объявить столицѣ миръ. Иллюминація. Балли назначенъ парижскимъ мѣромъ; Лафайетъ начальникомъ національной стражи. Я зналъ Балли, бѣднаго но почтеннаго ученаго, только по его несчастіямъ. Въ переворотахъ, случаются люди для всѣхъ періодовъ; одни слѣдуютъ за этими переворотами до конца, другіе начинаютъ, но не кончатъ ихъ.

Все разбрелось; придворные уѣхали въ Базель, Лозанну, Люссамбургъ, Брюссель. Княгиня де-Полиньякъ спасаясь бѣгствомъ, встрѣтила возвращавшагося въ Парижъ Неккера. Графъ д'Артоа, трое сыновей его, трое Кондэ эмигрировали; они увлекли за собою высшее духовенство и часть дворянъ. Людовикъ-Шестнадцатый остался одинъ передъ народомъ съ двумя дѣтьми и нѣсколькими женщинами, съ королевою, съ сестрами, и съ принцессой Елисаветой. Старшій братъ короля, оставшійся до побѣгу варенскаго, не много помогалъ ему, хотя подавъ мнѣніе въ Собраніи Именитыхъ, въ пользу общаго счету голосовъ, онъ же рѣ-

шилъ революцію. Революціонеры не довѣряли ему, а онъ не очень жаловалъ короля, не понималъ королевы и не былъ любимъ ими.

Людовикъ-Шестнадцатый пріѣхалъ въ Ратушу семнадцатаго числа: его встрѣтили сто тысячъ человекъ, вооруженныхъ какъ монахи временъ Лиги; рѣчь держали Балли, Морё де Севъ-Мери и Лалли-Толадалъ, и плакали; король тоже расчувствовался; прикололъ къ своей шляпѣ огромную трехцвѣтную кокарду, и возбудилъ этимъ живѣйшій энтузіазмъ къ себѣ въ народѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого примиренія, я стоялъ у окна гостиницы съ сестрами и съ нѣсколькими Бретанцами; вдругъ мы слышимъ крики: «Запирайте ворота! запирайте ворота!» Толпа оборванцевъ показывается на концѣ улицы; въ срединѣ ея возвышаются два знамени, которыхъ мы не могли различить издалека. Когда эта толпа подошла ближе, мы примѣтили двѣ окровавленные и обезображенные головы, которыя предшественники Марата несли на пикахъ. Это были головы Фулона и Бертіе. Всѣ отскочили отъ окна. Я остался. Убійцы остановились передо мною, подыали пикъ повыше съ пѣснями и прыжками, чтобы приблизить къ моему лицу блѣдныя лица мертвцовъ.

Глазъ одной головы, вывалившись изъ своей оправы, встѣлъ на почернѣвшей шекѣ, пика прошла насквозь открытаго рта, зубъ стиснулъ желѣзо. «Разбойники! закричалъ я съ негодованіемъ: такъ то вы понимаете свободу?» Случись у меня ружье, я бы выстрѣлилъ въ этихъ подлецовъ какъ въ волковъ. Они завывали, принялись колотить въ ворота, чтобы ихъ выломать и присоединить мою голову къ головамъ этихъ жертвъ. Сестрамъ сдѣлалось дурно; трусы всей гостиницы бранили меня. Убійцы, которыхъ преслѣдовали, не имѣли времени овладѣть домомъ и удалились. Эти и другія головы, видѣнныя мною послѣ, измѣнили мой политическій образъ мыслей. Пиръ людоѣдовъ привелъ меня въ ужасъ, и мысль отправиться куда-нибудь далеко, въ неизвѣстную сторону, зародилась въ умѣ моемъ.

Парижъ. Ноябрь 1821.

Неккеръ, третій преемникъ Тюрго, послѣ Калонна и Табурдъ, былъ призванъ снова къ министерству двадцать-пятого іюля. Его встрѣтили празднествами. Но происшествія скоро обогнали его и онъ совсѣмъ потерялъ славу въ публикѣ. Одна изъ странностей того времени — что такой примѣчательный человекъ былъ возведенъ въ званіе министра ходатайствомъ такого ничтожнаго вертопра-

ха канонъ Маркизь де-Пезе! Неккеровъ *Отчетъ* (Compte rendu), замѣнявшій во Франціи системою займовъ добываніе денегъ чрезъ-вычайными налогами, расшевелилъ воображенія: даже женщины разсуждали о приходахъ и расходахъ государственныхъ. Парижане въ первый разъ узнали толкъ въ цифрахъ, или вообразили, будто они смыслятъ что-нибудь въ этомъ ремеслѣ. Разсчеты эти, расписанные всѣми красками риторики, положили основаніе славы знаменитаго министра финансовъ, который былъ искусный бухгалтеръ, но плохой экономистъ, писатель благородный, но напыщенный, человекъ честный, но не доблестный. Банкиръ Неккеръ походилъ на одно изъ тѣхъ лицъ старинной драмы, которыя являлись на аван-сценѣ и исчезали при поднятіи завѣсы, изъяснивъ публикѣ сюжетъ пьесы. Неккеру привелось быть отцомъ мадамъ де Сталь: тщеславіе не позволило бы ему никогда и подумать, что настоящимъ титуломъ его къ памяти потомства будетъ слава этой дочери.

Монархія рушилась, подобно Бастиліи. Въ вечернемъ засѣданіи Национальнаго Собранія, 4 августа, одинъ изъ членовъ дворянскаго же сословія опрокинулъ ее, именно, виконтъ де-Ноай, поддерживаемый герцогомъ д'Эгильономъ и Матвѣемъ де-Монморанси. По предложенію феодалнаго рыцаря, всѣ феодалныя права благородныхъ землевладѣльцевъ, десятина, сгонъ, оброкъ, особенныя права сословія, городовъ и провинцій, помѣщичьи расправы, продажа должностей, уничтожены. Самые чувствительные удары древнему государственному уложенію нанесены именно французскими дворянами. Патриція начали революцію, плебей окончили ее: старая Франція была одолжена своему дворянству славой; новая ему же обязана всѣми нововведеніями.

Войска, расположенныя въ окрестностяхъ Парижа, были отосланы, и, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ противорѣчащихъ совѣтовъ, которыми терзали волю короля, фландрскій полкъ призванъ въ Парижъ. Тѣлохранители задали обѣдъ офицерамъ этого полка; головы разгорячились; королева явилась съ дофиномъ среди пира; провозгласили тостъ въ честь королевской фамиліи; король пріѣхалъ также; военная музыка заиграла трогательную и любимую пѣсню: «O! Richard, ô mon roi.» Едва вѣсть объ этомъ распространилась въ Парижъ, какъ враждебная двору сторона подхватила ее и принялась кричать, что Людовикъ-Шестнадцатый не соглашается утвердить la Déclaration des droits, и собирается убѣжать въ Мезъ съ графомъ д'Этепомъ. Маратъ распускалъ этотъ слухъ: онъ уже издавалъ свою мерзкую газету, l'Ami du Peuple.

Наступило пятое октября. Я не былъ свидѣтелемъ происшествій. Шестаго числа, рано утромъ, извѣстился о прибытіи короля. Я былъ робокъ въ гостиницѣхъ, но смѣлъ на улицѣ. Сметенія устрашали меня не столько чѣмъ комплименты и пустословія. Я побѣждалъ на Елисейскія Поля. Сперва явились пуши, на которыхъ отличныя гардіи, разаратныя и бѣшенныя вѣдмы сидѣли верхомъ, голоса самыя скверныя рѣчи, дѣлая самыя неблагопрістойныя движенія. Потомъ среди орды дикарей воѣхъ возрастовъ и половъ шли вѣшкомъ тѣлохранители, помѣнявшіеся шляпами и саблями съ національными стражами; на каждой ихъ лошади торчали по двѣ по три торговки, пьяныхъ, запачканныхъ, оборванныхъ. Потомъ — депутація Національнаго Собранія. За нею — королевскія кареты тянулись въ пыльномъ мракѣ дѣсу пикъ и штыковъ. Грязные трапичники, мясники съ окровавленнымъ фартукомъ на брюхѣ, съ обнаженнымъ ножомъ за поясомъ, съ засученными рукавами, шли у дверецъ; другіе шуты повзлѣзали на кареты; выны цѣплялись на запяткахъ, на подножкахъ, на козлахъ; стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ; кричали оскорбительныя привѣтствія; и передъ потомкомъ Людовика-Святаго швейцарскія алебарды вертели въ воздухѣ двѣ головы тѣлохранителей, завитыя и напудренныя севрскимъ парикмахеромъ.

Астрономъ Бальи удостовѣрялъ Людовика-Шестнадцатаго, на ратушѣ, что *кроткій, почтительный и вѣрный народъ возвратилъ себѣ своего возлюбленнаго короля*; а король, сказываясь *очень тронутымъ и очень довольнымъ*, объявилъ, что онъ пріѣхалъ въ Парижъ *добровольно*. Людовикъ-Шестнадцатый не былъ фальшивый; онъ только былъ слабый и полагалъ, что приличіе велѣтъ ему говорить такимъ образомъ.

Депутаты оставили Версаль и держали первое засѣданіе 19 октября, въ залахъ архіепископскаго дворца. Девятаго ноября они перешли въ Манежъ возлѣ Тюильри. Конецъ 1789 ознаменованъ декретами, которыми ограбили духовенство, уничтожили древнее судебное сословіе и учредили ассигнаціи. Парижская Община сдѣлала опредѣленіе о первомъ розыскательномъ комитетѣ, а уголовный судъ издалъ повелѣніе преслѣдованію маркиза де-Фавра.

Учредительное Собраніе, несмотря на поступки, достойныя порицанія, было примѣчательно, какъ по важности дѣйствій своихъ, такъ и по огромности послѣдствій. Всѣ возможные политическіе вопросы были имъ разсматриваемы и часто довольно удачно рѣшаемы; всѣ нужныя улучшенія по части промышленности, мануфактуръ, торговли, дорогъ, арміи, фл-

нансовъ, школъ, народнаго образованія имъ предназначены во Франціи, гдѣ прежде ничего этого не было. Она прошла, безъ всякой пользы, бездны преступленій и славы. Республика и Имперія ни къ чему ей не послужили. Имперія только привела въ порядокъ грубую силу рукъ, которая Республика привела въ движеніе. Имперія оставила Франціи централизацію, могучій родъ управленія, который былъ нуженъ и лучше котораго нельзя было ничего придумать послѣ уничтоженія мѣстныхъ администрацій, когда всѣ головы были наполнены анархіей и невѣжествомъ. За исключеніемъ этого Франція не подвинулась ни на шагъ впередъ со времени Учредительнаго Собранія. Поговоримъ о нѣкоторыхъ членахъ этого Собранія, в остановимся на *Мирабо*, который одинъ всѣхъ ихъ стоялъ и надъ всѣми господствовалъ.

Беспорядки и случайности жизни сопрягли *Мирабо* съ величайшими происшествіями вѣка и съ бездѣльничествомъ колодниковъ или искателей приключеній. Онъ былъ вмѣстѣ и трибуны аристократіи и депутатъ демократіи, *Гракхъ* и *донъ-Хуанъ*, *Катиллина* и *Гусманъ Алорахе*, кардиналъ *де-Ришліе* и кардиналъ *де-Резъ*, повѣса времени Регентства и дикарь Республики; и притомъ еще былъ онъ одинъ изъ тѣхъ *Мирабо* флорентинскихъ изгнанниковъ, въ которыхъ еще отражались укрѣпленные палацы и великіе мятежники, воспѣваемые Дантомъ; потомокъ роду выходцевъ, получившаго права французскаго дворянства, и въ которомъ италіанскій духъ буйства среднихъ вѣковъ и феодалный духъ Франціи тѣхъ же вѣковъ, отличали цѣлый рядъ людей примѣчательныхъ. Личное безобразіе при особенной родовой красотѣ уподобляло его одной изъ фигуръ Страшнаго Суда *Микель-Анжело*, земляка фамиліи *Аригетти*, прозавшейся во Франціи *comte de Mirabeau*. Оспенныя пятна на лицѣ оратора походила скорѣе на пожарные обжоги. Природа казалось дала ему руки похитителя и голову висѣльника. Когда онъ бывало потрясетъ своей копной волосъ, и выпучить глаза, народъ останавливается; когда подниметъ лапу и покажетъ когти, червь кидается съ бѣшенствомъ. Въ засѣданіи, среди ужаснаго беспорядку я видѣлъ его на каедрѣ, мрачнымъ, гадкимъ, неподвижнымъ; онъ напоминалъ собой Хаосъ *мильтоновъ*, безстрастный и безвидный въ нѣдрахъ тмы своей.

Въ этомъ человѣкѣ было что-то и отъ отца и отъ дяди, которые подобно герцогу *де-Сенъ-Симону* писали топорнымъ слогомъ безсмертныя страницы. Рѣчи для него сочиняли другіе, а онъ изъ этихъ сочиненій бралъ только то что плавилось въ его огней-

номъ умѣ. Если бывало возметь цѣликомъ, то произнесеть пре-скверно; тотчасъ можно было замѣтить, что рѣчь не его, по словамъ, примѣшиваемымъ на удачу, въ которыхъ видѣнь былъ Мирабо. Энергію почерпалъ онъ въ своихъ порокахъ; а пороки его происходили не изъ слабости характера, но изъ глубокихъ, жгучихъ, бурныхъ страстей.

Цивилізаціонныя нравы сгоняютъ въ общество, упраздняя чувства нравственности, родъ дикарей — дикарей образованности — годныхъ только къ тому, чтобы все портить, какъ Готы, ничего не создавая, какъ они: тѣ были дѣти-великаны, рожденные отъ дѣвы-природы, а эти уродливые выкидыши природы развращенной.

Два раза повстрѣчался я съ Мирабо на пирушкахъ, разъ у племянницы Вольтера маркизы де-Виллеттъ, а другой разъ въ Пале Роаяль, съ оппозиціонными депутатами, которымъ Шаплие меня представилъ: Шаплие отправился на эшафотъ въ одной тележкѣ съ своимъ братомъ и съ де-Мальзербомъ.

Мирабо говорилъ много, особенно много о себѣ. Левъ, сынъ льва съ головой химеры, этотъ человѣкъ, такой положительный въ дѣйствіи, былъ сущій романъ, поэзія, энтузіазмъ по воображенію и по рѣчи; тотчасъ можно было узнать любовника Софьи, восторженнаго въ чувствахъ и способнаго на пожертвованія. «Я нашолъ, сказалъ онъ, эту чудную женщину.... и узналъ что это за душа: природа сотворила эту душу въ минуту своей пышно-сти.»

Мирабо очаровалъ меня разсказами о любви, тоской по уединеніи, которыми расцвѣчивалъ онъ сухія разсужденія. Онъ заинтересовалъ меня еще другимъ обстоятельствомъ: подобно какъ со мной, отецъ строго съ нимъ обращался, сохранивъ неумолимое преданіе о неограниченности отцовской власти.

Знаменитый гость распространился объ иностранной политикѣ и не говорилъ почти ничего о внутренней; а между-тѣмъ ею только онъ и занимался; произнесъ нѣсколько словъ съ величайшимъ презрѣніемъ о тѣхъ, которые провозглашали себя людьми высшаго разряда, потому что были равнодушны къ несчастіямъ и преступленіямъ. Мирабо родился благороднымъ, чувствительнымъ къ дружбѣ, незлопамятнымъ.

При всей своей безнравственности онъ не кривилъ совѣстью, былъ развратецъ только для себя; его прямой и твердый умъ не представлялъ убійства высрепаннымъ дѣломъ ума; къ мясничеству онъ не имѣлъ никакой склонности.

Однако Мирабó не былъ чуждъ гордости; онъ хвастался апропалу; правда, онъ-было задумалъ къ сукощныя лачошкы, чтобы быть выбравнымъ въ депутаты отъ средняго сословія, потому что дворянство, по благородной глупости, его отвергалъ: при всёмъ томъ очень тщеславился своимъ родомъ, и не забывалъ того что былъ принятъ при дворѣ, ѣздилъ въ парадной каретѣ и охотился съ королемъ. Онъ требовалъ, чтобы его величали графомъ, любилъ свои гербовыя цвѣта и разодралъ джессы своихъ въ джарен, когда всё оставилъ этотъ обычай. Онъ приводилъ безпрестанно кстаці и некостаці своего прадеда адмирала де-Коллиньи. «Въ Монитерѣ» назвали его однажды Рике: «Знаете ли милостивый государь», сказалъ онъ съ бышонствомъ журналисту, «что вашимъ Рике вы сбили съ толку всю Европу «на цѣлыхъ три дня?» Онъ любилъ цвотрять слѣдующую шутку безстыдную и навѣстную: «Въ другомъ семействѣ братъ мой «виконтъ былъ бы умница и новѣса; въ моемъ семействѣ онъ «дуракъ и идетъ за честнаго челоуѣка.» Біографы приписываютъ эти слова виконту, скромно сравнивавшему себя съ другими членами семейства.

Въ основаніи, чувства Мирабó были монархическія; онъ-то сказалъ эти прекрасныя слова: «Я хотѣлъ напечатать Французскъ отъ феодалныхъ суверѣній и зашбить ихъ обожаніемъ монархіи.» Въ письмѣ, сочиленномъ для представленія Людовику-Шестнадцатому, онъ писалъ: «Я не желалъ бы трудиться для одного только огромнаго разрушенія.» Однако это съ нимъ случилось.

Мирабó двигалъ общее мнѣніе двумя рычагами: съ одной стороны онъ опирался на массы, которыя задищали презирая; съ другой, хотя измѣнникъ своему сословію, пользовался его опиватіей вслѣдствіе сдѣланъ по кастѣ и общаго интересу. Этого бы не случилось съ плебеємъ, пенавшимъ въ защитники привилегированнаго сословія; онъ былъ бы оставленъ своей партіей, и не приобрѣлъ бы благорасположенія аристократіи, по существу своему непреклонной къ тѣмъ, которые родились не въ ея сферѣ.

Мирабó основалъ свою школу. Его подражатели воображали, что стóитъ лишь освободиться отъ нравственныхъ узъ чтобы быть государственнымъ челоуѣкомъ. Эти подражанія произвели только мелочныхъ мошенниковъ; многіе ласкали себя мыслью будто они безнравственны и разбойники, были только развратниками и плутами; иной считалъ уже себя перочнымъ, а былъ только под-

лецъ; тотъ кто имѣлъ честь быть просто мерзавцемъ, хваста-
ся, что онъ преступникъ.

Слишкомъ рано для себя, слишкомъ поздно для придворной
партіи, Мирабѣ продался ей: она купила его. Онъ поставилъ на
карту свою славу для пенсіона и посольства: Кромвель чуть
было не промѣнялъ будущаго своего на графскій титулъ и ор-
денъ Подвязки. Несмотря на гордость, Мирабѣ не цѣнилъ себя
такъ высоко. Теперь когда отъ обилія наличныхъ денегъ и
мѣсть вздорожали совѣсти во Франціи, ни одинъ выскочка не
отдастъ себя дешевле чѣмъ за первѣйшія государственныя по-
чести.

Могла разрѣшила Мирабѣ отъ обѣщаній, и укрыла отъ опас-
ностей, которыхъ вѣроятно онъ не могъ бы побѣдѣть: жизнь
показала бы слабость его на добромъ пути; смерть застала его
могучимъ на зло.

Выйдя изъ-за стола, разсуждали о врагахъ Мирабѣ; я сидѣлъ
возлѣ него и не сказалъ ни слова. Онъ посмотрѣлъ на меня сво-
ими гордыми, порочными и геніальными глазами, и положилъ мнѣ
руку на плечо, сказалъ: «Они никогда не простятъ мнѣ прево-
сходства!» Я еще чувствую прикосновеніе этой руки, какъ будто
Сатана дотронулся до меня огненными когтями.

Когда Мирабѣ остановилъ взоръ на юномъ иѣмомъ, не пред-
чувствовалъ ли онъ моей будущности? не воображалъ ли, что
когда-нибудь предстанетъ передъ мои воспоминанія? Судьба опре-
дѣлила мнѣ быть историкомъ великихъ людей: они проходили
передо мною; я не цѣплялся за ихъ мантию для того чтобы они
дотащили меня до потомства.

Мирабѣ испыталъ уже превращеніе, которому подвержены
люди, остающіеся въ памяти народовъ; изъ Пантеона выкинули
его въ грязь, изъ грязи перенесли въ Пантеонъ; и онъ поднятъ
нынче на всю высоту времени служащаго ему пьедесталомъ. Не
настоящій Мирабѣ видѣнъ теперь, а Мирабѣ идеальный; онъ те-
ковъ, какимъ расписали его живописцы, желавшіе сдѣлать изъ этой
фигуры символъ или мнѣ представимой ею эпохи: такимъ
образомъ онъ сталъ и живѣе и истиннѣе. Изъ столькихъ зна-
менитостей, столькихъ гаеровъ, столькихъ происшествій и раз-
валинъ, остались лишь три человѣка, каждый со своимъ глав-
нымъ видоизмѣненіемъ революціи: Мирабѣ, Робеспьеръ, Бонапар-
те. Франція дорого заплатила за три знаменитости, отверженныя
добрѣтелью.

Засѣданія Національнаго Собранія были престранны. Вскорѣ

послѣ прочтенія протокола, пренія становились бурными; галереи виѣшивались въ разсужденія депутатовъ, аплодировали и освистывали. Предсѣдатель звонилъ во всю мочь; ораторы перебранивались черезъ скамьи. Мирабб младшій схватывалъ за воротъ противника; Мирабб старшій кричалъ: «Молчать!»

Одважды мнѣ случилось сидѣть позади оппозиціи роялистовъ; впереди торчалъ доминатскій дворянинъ, смуглый и низенькій, прыгалъ отъ бѣшенства на своемъ мѣстѣ и говорилъ друзьямъ: «Подемте передушимте этихъ мерзавцевъ!». Онъ показалъ на большинство. Торговки, вазавшія чулки въ галереяхъ, услышали это, вскочили и закричали всѣ вдругъ, пѣнясь отъ ярости: «A la lanterne!». Младшій Мирабб, Лотрекъ и нѣсколько другихъ молодыхъ дворянъ хотѣли напасть на галерею, но этотъ шумъ заглушился другимъ шумомъ: вооруженные пиками просители явились въ залу и требовали хлѣба. Предсѣдатель сталъ увѣрять этихъ почтенныхъ гражданъ въ своемъ уваженіи. Буря поднялась во всѣхъ концахъ залы, одни депутаты называли другихъ измѣнниками и какъ-бы указывали сами неустовой черни на жертвы, которыхъ ждала она.

Вечернія засѣданія были еще ужаснѣе утреннихъ: при сѣчахъ какъ-то всѣ говорятъ смѣлѣе. Зала Манежа походила совершенно на театръ.

Первыя дѣйствующія лица принадлежали еще къ старинному порядку вещей; ихъ страшные преемники прятались еще за ними, и говорили мало или ничего. Послѣ ужаснѣйшихъ споровъ, на кафедрѣ взошелъ депутатишка пошлой наружности, съ сѣрымъ бездушнымъ лицомъ, гладенько причесанный, чистенькій какъ дворецкій баркаго дому. Онъ сталъ читать длинное и скучное донесеніе, его не слушали; я спросилъ какъ его зовутъ: Робеспьеръ, отвѣчали мнѣ.

Когда до революціи я читалъ исторію смутныхъ временъ, я не понималъ какъ можно было жить въ тѣ времена; я удивлялся какъ Монтанъ могъ писать такъ развязно въ замкѣ, изъ котораго нельзя было выглянуть, не бывъ похищеннымъ шайкой лигеровъ или протестантовъ.

Революція показала мнѣ бѣдственную возможность подобнаго быту. Въ кризисы жизненность удваивается въ человѣкѣ.

Когда общество валится, тутъ скучать нѣкогда. Страсти и характеры проявляются во всей силѣ. Поправныя права, приличія, обязанности представляютъ зрѣлище любопытнаго безпорядку. Люди, какъ школьники въ вакаціонное время, расхаживаютъ

по улицамъ, предаются сумасбродству и не прежде начинаютъ чувствовать нужду въ руководствѣ наставника, какъ испытавъ его своевольства.

Я не могу сравнить лучше общества 1789 и 1790 годовъ какъ съ архитектурой тѣхъ временъ когда греческій стиль смѣшался съ готическимъ. Во всѣхъ концахъ Парижа были литературныя собранія, политическія общества и спектакли; будущіе великіе мужи скитались въ толпѣ никому невзвѣстными. Я видѣлъ на одномъ театрѣ въ Марѣ нынѣшняго маршала Гувіона Сенъ-Сира, въ роли любовника комедіи Бомаршѣ *Преступная Мать*. Переходили изъ клуба des Feuillans въ клубъ Якобинцевъ, съ балу и изъ игорныхъ домовъ къ сборищамъ Пале-Роаяля, съ галереи Национальнаго Собранія къ площаднымъ ораторамъ. Въ улицахъ безпрестанно проходили народныя депутаціи, кавалерійскіе отряды, пѣхотные патрули. Подлѣ господина во французскомъ кафтанѣ, съ напудреной головой, со шпагой на боку, съ треугольной шляпой подъ мышкой, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, шелъ человекъ съ волосами короткими и безъ пудры, въ англійскомъ фракѣ, черномъ галстухѣ. На театрѣ актеры объявляли новости; въ партерѣ пѣли патриотическіе куплеты. Піесы, приспособленныя къ обстоятельствамъ, привлекали толпу. Выслушавъ вой мерзкой пѣсни *Ca ira*, сбѣгались слушать Мандини съ женой, Виганони и Роведино въ *Opera-Buffera*. Посмотрѣвъ умерщвленіе Фавра, отправлялись восхищаться мадамъ Дюгазонъ, мадамъ Сентъ Обевъ, Карлиной, маленькой Оливіе, мамзель Контъ, Молѣ, Флери, дебютирующимъ Тальмой.

На бульварахъ Итальянскомъ и du Temple, въ аллеяхъ Тюльрийскаго сада, толпились нарядныя женщины: три молоденькія дочери Гретри блистали тамъ бѣлыя и розовыя какъ ихъ нарядъ: онѣ вскорѣ умерли всѣ трое. «Она заснула навсегда, у меня на колѣнахъ.» говоритъ Гретри о старшей дочери «и была еще также прелестна, какъ при жизни.» Множество каретъ сталкивались на перекресткахъ, гдѣ шумѣли санъ-кюлотты, и прелестная графиня де Бюффонъ сживала одна въ фаэтонѣ герцога Орлеанскаго, у дверей мятежнаго клуба.

Изящество и вкусъ аристократическаго общества можно было встрѣтить у Ла-Рошфукъ, на вечерахъ герцогини де Поа, мадамъ д'Еневъ, де-Симіанъ, де-Водрель, и въсколькихъ судебныхъ сановниковъ.

У Неккера, у графа де-Монморена, и у разныхъ министровъ, встрѣчались, съ мадамъ де-Сталь, съ герцогиней д'Эгильонъ, всѣ

новыя знаменитости Франціи, и всѣ вольности новыхъ нравовъ. Башмачникъ, въ мундирѣ офицера національнаго стража, снималъ на колѣнахъ мѣрку съ вашей ноги, капуцинъ являлся въ модномъ фракѣ и круглой шляпѣ; изгнанныя изъ монастырей отшельницы важно сидѣли между вѣтренными женщинами.

Бездна дуелей и любви, тюремныхъ дружбъ и политическихъ связей, таинственныхъ свиданій посреди развалинъ, или въ чистомъ полѣ среди мирной и поэтической природы, безмолвныхъ и удивленныхъ прогулокъ, съ вѣчными клятвами, съ невзъяснимыми нѣжностями, при глухомъ шумѣ бѣжавшаго въ рассыпную свѣта, при дальномъ трескѣ общества, разрушавшагося и готоваго паденіемъ раздавить эти блаженства ликующія у подножія событій. Если вы потеряли изъ виду человѣка на одни сутки, такъ уже не были увѣрены, увидите ли его когда-нибудь.

Одни шли по революціонной дорогѣ; другіе мечтали о междоусобныхъ войнахъ; третьи отправлялись на берега Огайо, пославъ напередъ планы замковъ, которые хотѣли стронуть у дикарей; четвертые присоединились къ французскимъ привцамъ: и все это дѣлалось весело, часто безъ копѣйки въ карманѣ. Роялисты утверждали, что скоро все кончится парламентскимъ указомъ; ихъ противники такъ же легковѣрные, возвѣщали скорое наступленіе царства мира и счастья.

Тюльрійскій дворець, огромною темницей, набитой осужденными, возвышался среди этихъ празднествъ опустошенія. Обреченные смерти также выдумывали себѣ покамѣсть разныя потѣхи и сквозь окна видно было ослѣпительное освѣщеніе въ приемной королевы.

Брошюры и газеты раждались тысячами; безбожныя и неблагопрістойныя сатиры, поэмы, пѣсни, были въ одинъ голосъ съ этими кровожадными изданіями. Въ *Mercur*, политическая часть была въ противорѣчій съ литературной, для которой писали Лагарпъ и Шанфоръ. Шансиё, маркизь де-Боннё, Ривароль, Мирабб младшій — шпажный Гольбейнъ, сформировавшій на Рейнѣ легіонъ *гусаровъ на смерть*, — Мирабб старшій забавлялись за обѣдомъ сочиняя карикатуры и альманахи на великихъ людей. Гонорать Мирабб отправлялся потомъ предложить учрежденіе военныхъ судовъ или конфискацію духовныхъ имѣній. Онъ проводилъ вечера у мадамъ Же, объявивъ, что не выйдетъ ни шагомъ изъ Национальнаго Собранія, развѣ ужъ выкинутъ его оттуда на штыкахъ. *Egalité* ѣздилъ гадать въ каменоломни Красной-Горки (*Montrouge*) и воз-

вращался предводити оргіани, которыя устроивалъ Локло. Лозенъ уже удавщій ужиналъ на своей дачѣ съ танцовщицами, цѣловашки-мися въ то же время съ де-Ноайемъ, де-Дійономъ, де-Шоазелемъ, де-Нарбономъ, де-Талераномъ, и другими тогдашними щеголями, отъ которыхъ нынче таскаются по свѣту еще двѣ или три муміи.

Большая часть версальскихъ господчиковъ, извѣстныхъ своимъ безпутствомъ въ концѣ царствованія Людовика-Пятнадцатаго и при Людовикѣ-Шестнадцатомъ, поступили подъ трехъ-цвѣтное знамя: почти всѣ участвовали въ американской войнѣ и зашачкали ордена свои республиканскими красками. Революція пользовалась ими, куда сама парила низко; они даже стали первыми генералами ея армій. Герцогъ де-Лозенъ, романтический обожатель извѣстныхъ красавицъ, волокита почтовыхъ трактовъ, Ловласть который *avait celle-ci et avait celle-là* по цѣломудренному выраженію благороднаго версальскаго языка, герцогъ де-Лозенъ, переименовавшійся въ Бирона, и главнокомандующій ратниковъ конвента въ Вандеѣ — какой срамъ! Баронъ де-Безенвалъ, лживый и циническій доносчикъ на развратъ высшаго общества, пѣвецъ ребячества *стариннаго ладу*, этотъ тяжеловѣсный баронъ, замѣшанный въ бастильскомъ дѣлѣ, и спасенный чрезъ Неккера и Мирабѣ только тѣмъ, что былъ Швейцарецъ: какая дрянь!... Да и какое дѣло такимъ людямъ до такихъ происшествій? Когда революція усилалась, она съ презрѣніемъ отвергла тщедушныхъ измѣнниковъ престолу; ей были вужны только ихъ шороки, ихъ головы; она не пренебрегала ничьей кровью, даже кровью Дюбарри.

Тысяча семьсотъ-девяностый годъ дополнилъ предначертанныя мѣры 1789. Церковныя имущества, на которыя прежде нало; жали секвестръ, были конфискованы; положеніе о гражданскомъ состояніи духовенства утверждено; дворянство уничтожено.

Я не присутствовалъ при іюльской Конфедераціи 1790: я былъ боленъ и лежалъ въ постели; мнѣ было досадно, что я не видалъ Талерана, служащимъ революціонную обѣдню, и не видалъ также, какъ онъ послѣ съ саблей на боку давалъ аудіенцію послу турецкаго султана.

Мирабѣ потерялъ милость свою у народа въ 1790; связь его съ придворной партіей была очевидна. Неккеръ отказался отъ министерства и вышелъ въ отставку; никому не вздумалось удерживать его. Тетки короля уѣхали въ Римъ съ паспортомъ Национальнаго Собранія. Герцогъ Орлеанскій, возвратившись изъ Англіи, объявилъ себя нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою госу-

дари. Революціонныя общества множились во Франціи, и присоединились къ главному парижскому обществу, котораго приказанія они исполняли.

Публичная жизнь согласовалась съ моими характеромъ: все что дѣлалось съобща привлекало меня, потому что въ толпѣ я сохранялъ уединеніе, и не былъ принужденъ бороться съ робостью. Впрочемъ гостивая, участвуя въ общемъ движеніи, былъ менѣе чужды моему праву и я противъ воли завелъ новыя знакомства.

Я повстрѣчался съ маркизою де-Виллеттъ. Мужъ ея, человѣкъ оклеветанной репутаціи, писалъ вмѣстѣ съ братомъ короля для *journal de Paris*. Мадамъ де-Виллеттъ, еще прелестная собою, потеряла шестнадцатилѣтнюю дочь, которая была еще прелестнѣе; для нея кавалеръ де-Парри написалъ эти стихи, достойные антологіи.

Au ciel elle a rendu sa vie,
Et doucement s'est endormie,
Sans murmurer contre ses lois:
Ainsi le sourire s'efface,
Ainsi meurt sans laisser de trace
Le chant d'un oiseau dans les bois.

Полкъ мой, стоявшій въ Руанѣ, довольно долго сохранялъ дисциплину. Онъ имѣлъ стычку съ чернью по случаю казни актера Бордіе, которая была послѣднимъ опредѣленіемъ парламентской власти; этотъ висѣльникъ былъ бы героемъ на другой день, если бы прожилъ сутками долѣе. Наконецъ мятежъ вспыхнулъ между наварскими солдатами. Маркизь де-Мортемаръ эмигрировалъ; офицеры послѣдовали за нимъ. Я не принималъ и не отвергалъ новыхъ мнѣній; я былъ такъ же мало расположенъ нападать на нихъ какъ и служить имъ, не хотѣлъ ни эмигрировать ни продолжать военную службу и вышелъ въ отставку.

По случаю такого освобожденія отъ всѣхъ узъ, у меня были съ одной стороны большіе споры съ братомъ и съ президентомъ де-Розанбб; съ другой не менѣе колкія пренія съ Женгнѣ, Лагарпомъ и Шанфоромъ. Съ самой юности, мое политическое безпристрастіе никому не нравилось. Вообще вопросы, тогда разбрасываемые, казались мнѣ важными только въ разсужденіи общихъ идей о человѣческомъ достоинствѣ; личное занятіе политикой казалось мнѣ скучнымъ; настоящая жизнь моя проходила въ областяхъ повыше ея.

Въ парижскихъ улицахъ, день и ночь заваленныхъ народомъ, нельзя было гулять свободно. Чтобы отыскать безлюдную пустыню, я укрывался въ театръ, садился въ ложѣ и блуждалъ мыслями въ стихахъ Расина, въ музыкѣ Саккини, или въ оперныхъ танцахъ. Двадцать разъ сряду надо было отважно прослушать, въ Итальянской Оперѣ, *Синюю бороду* и *Потерянный башмакъ*, чтобы разсѣяться какъ сова въ развалинѣ; нока падала старина я не слышалъ ни треску столѣтнихъ ея сводовъ, ни водевильнаго мяуканья, ни громоваго крику Мирабò на каедрѣ, ни голоса Колена, пѣвшаго Бабетѣ на театрѣ.

Qu'il pleuve, qu'il vente ou qu'il neige
Quand la nuit est longue, on l'abrège.

Монè, директоръ горной части, и молоденькая его дочь, присланные отъ мадамъ Женгнè, иногда возмущали мое мѣдвѣжество: мадамозель Монè помѣщалась напередѣ; я садился за нею ворчать и восхищаться. Не знаю правилась ли она мнѣ и любилъ ли я ее, но я ужасно ее боялся. Когда она бывало уѣзжала, мнѣ было и жалко и весело что ея нѣтъ. Однако я приходилъ иногда за нею, въ потѣ чела своего и провожалъ ее на гулянье: вель подѣ руку, и кажется жалъ немножко пальчики.

Меня преслѣдовала мысль уѣхать въ Соединенные Штаты: но для этого путешествія надо было имѣть полезную цѣль; я предположилъ себѣ открыть — какъ уже говорилъ въ этихъ Запискахъ и въ другихъ сочиненіяхъ — проходъ къ сѣверо западу отъ Америки. Планъ этотъ не былъ противенъ моей поэтической натурѣ. Мною никто не занимался; я былъ тогда, такъ же какъ Бонапарте, безвѣстнымъ подпоручикомъ; мы оба въ одно время вынырнули изъ мраку, я — искать славы въ уединеніи, онъ — въ толпѣ. Я не любилъ еще ни одной женщины, и моя снѣнда по-прежнему занимала собой мое воображеніе. Мнѣ представлялось блаженствомъ осуществить съ нею фантастическіе прогулки въ Новомъ Свѣтѣ. Подѣ сѣнію другой природы, мой обожаемый цвѣтокъ, безыменный призракъ арморійскихъ лѣсовъ, сдѣлался *Амалой*, среди Флориды.

Де Мальзербъ кружилъ мнѣ голову этимъ путешествіемъ. Въ одно утро я зашелъ къ нему; уткнувъ носы въ ландкарту, мы сравнивали различныя чертежи арктическаго купола; исчисляли разстояніе отъ Берингова Проліва до глубины Гудсонова Залива: читали рассказы мореплавателей англійскихъ, голландскихъ,

французскихъ, русскихъ, шведскихъ, датскихъ, спрашивали о дорогахъ по сухому пути до береговъ Ледовитаго Моря, обсуживали затрудненія и предосторожности противъ суровости климата, нападеній дикихъ звѣрей и недостатку въ съѣстныхъ припасахъ. Этотъ знаменитый человекъ говорилъ мнѣ: «Будь я помоложе, я бы поѣхалъ съ вами и избавилъ бы себя отъ зрѣлища всѣхъ этихъ преступленій, визостей, глупостей. Но въ мои лѣта надо умереть гдѣ живешь. Не забывайте писать ко мнѣ со всякимъ кораблемъ, увѣдомляйте объ успѣхахъ и открытіяхъ: я представлю ихъ министрамъ. Очень жаль, что вы не знаете «ботаники!» После этихъ разговоровъ, я перечитывалъ Туркфора, Дюгамеля, Жюсіё, Грю, Жакена, словарь Руссо, первоначальную Флору, бѣгалъ въ Ботаническій Садъ и уже воображалъ себя вторымъ Линнеемъ.

Наконецъ въ концѣ января 1791, я рѣшился серьезно. Хаосъ увеличивался: довольно было носить дворянскую фамилію чтобы подвергнуться преслѣдованіямъ: тѣмъ болѣе чьи-нибудь мнѣнія были совѣстливы и умѣренны, тѣмъ сильнѣе ихъ подозрѣвали и преслѣдовали. Я рѣшился — въ походъ, оставилъ брата и сестеръ въ Парижѣ и отправился въ Бретань.

Въ Фужерѣ я встрѣтился съ маркизомъ де-Ла-Руэри, и взялъ отъ него письмо къ Вашингтону. Полковникъ Арманъ — такъ называли маркиза въ Америкѣ — отличился въ войнѣ за независимость. Онъ сталъ извѣстенъ во Франціи по заговору роялистовъ, который истребилъ столько трогательныхъ жертвъ въ семействахъ Дезилей, и умеръ, распорядясь заговоромъ, былъ вырытъ, узнавъ, и навлекъ несчастіе на своихъ хозяевъ и друзей. Соперникъ Лафайетта и Лозёна, предшественникъ Ла-Рожаклена, маркизъ де-Ла-Руэри былъ умнѣе ихъ всѣхъ; онъ дрался чаще перваго, похищалъ оперныхъ актрисъ какъ второй, и былъ бы товарищемъ по оружію третьему. Онъ вытравлялъ лѣса въ Бретани съ однимъ американскимъ маіоромъ и съ обезьявой, сидѣвшей за нимъ на лошади. Реннекіе школьники любили его за смѣлость въ дѣйствіи и за откровенность; онъ былъ одинъ изъ двѣнадцати дворянъ, посаженныхъ въ Бастилію; стройный, съ изящными манерами, бравый на видъ, прекрасный собою, и подходилъ на юныхъ вельможъ Лиги.

Я выбралъ Сенъ-Мало для отплытія, чтобы проститься съ матушкой. Я сказалъ уже въ этихъ *Запискахъ*, какъ я проѣхалъ Комбургъ и какія чувства тяготили меня; я оставался два мѣсяца въ Сенъ-Мало, занимаюсь приготовленіями къ путешествію,

какъ прежде къ моему предполагаемому отъѣзду въ Индію и условился съ капитаномъ Дежарденомъ: онъ долженъ былъ перевезти въ Балтиморъ аббата Нигò, начальника судопиківской семинаріи, и нѣсколькихъ семинаристовъ подъ надзоромъ ректора. Эти спутники болѣе пришили бы по мнѣ, четыре года тому назадъ; изъ ревностнаго католика я сдѣлался вольнодумнымъ, то есть, слабоумнымъ. Скрытое въ душѣ отчаяніе было нѣсколько тому причиной.

Письмо брата рѣшило время моего отъѣзду: онъ писалъ изъ Парижа матушкѣ о смерти Мирабò. Черезъ три дня послѣ этого письма, я отправился на корабль, куда уже была перевезена моя поклажа. Якорь подвѣли, эта минута торжественна для путешественниковъ. Солнце закатывалось, когда береговой лопманъ насъ оставилъ; погода была сумрачна, вѣтерокъ мягкій, волненіе тяжело стучалось о буруны въ нѣсколькихъ саженихъ отъ корабля.

Я не отводилъ глазъ съ Сенъ-Малò; тамъ я оставилъ матушку въ слезахъ. Мнѣ видѣлись колокольни и куполы церквей, гдѣ я молился съ Люсилію, стѣны, укрѣпленія, крѣпости, башни, взморье, гдѣ я игралъ въ дѣтствѣ съ Жерилемъ и другими товарищами; я оставлялъ отечество, раздираемое междоусобіемъ, въ ту минуту когда оно теряло человѣка, котораго ничѣмъ не могли замѣнить. Я удалялся въ одинаковой неизвѣстности о судьбѣ моей родины и моей собственной: кто погибнетъ, Франція или я? Увижу ли я когда-нибудь Францію и мое семейство?

Тишь остановила насъ при наступленіи ночи при выходѣ изъ рейда; огни въ городѣ и маяки зажглись: свѣтъ дрожащій подъ родительскимъ кровомъ, казалось, прощался со мною, освѣщая меня между скалъ, сумраку ночи и черноты волнъ.

Я уносилъ съ собою только молодость и мечты; бѣжалъ отъ родныхъ звѣздъ въ другой міръ съ землею и небомъ мнѣ неизвѣстными. Что случилось бы со мною, еслибъ я достигъ цѣли путешествія? Еслибы я заблудился на берегахъ гиперборейскихъ, годы раздоровъ, которые раздавили столько поколѣній и съ такимъ шумомъ, безмолвно упали бы на мою голову; въ мое отсутствіе общество обновило бы видъ свой. Вѣроятно я не испыталъ бы несчастія писать; имя мое осталось бы неизвѣстнымъ, или съ нимъ соединилась бы одна изъ тѣхъ тихихъ извѣстностей, которыя пониже славы, пренебрегаемыхъ завистью и уступленныхъ благоденствію. Почему знать, перейдя Атлантическій Океанъ, не поселился ли бы я въ какой-нибудь пустынь, мною

открытой и извѣданной, какъ побѣдитель среди своихъ завоеваній!

Нѣтъ! мнѣ суждено было возвратиться въ отечество, подвергнуться новымъ бѣдствіямъ и быть вовсе не тѣмъ, чѣмъ былъ до-сихъ-поръ. Это море, въ кругу котораго я родился, должно было сдѣлаться колыбелью моей новой жизни; оно несло меня, въ это первое путешествіе, какъ кормилица на груди, повѣрившая первыхъ слезъ и первыхъ моихъ удовольствій.

Теченіе за недостаткомъ въ вѣтрѣ увлекло насъ въ открытое море; береговые огни мало по малу уменьшились и наконецъ со всѣмъ исчезли. Изнурясь размышленіемъ, неопредѣленными сожалѣніями и еще болѣе неопредѣленными надеждами, я сошелъ въ каюту и легъ качаться въ койкѣ подъ шумъ волны, шекотавшей бокъ корабля. Поднялся вѣтеръ; полоскавшіеся на мачтахъ паруса надулись и когда я вышелъ на палубу утромъ, земли французской уже не было видно.

Здѣсь измѣнилась моя судьба: *Опять въ море! Again to sea!* (Байронъ).

Лондонъ отъ апрѣля до сентября, 1822.

ПРОЛОГЪ.

Спустя тридцать-одинъ годъ послѣ отплытія моего простымъ подпоручикомъ въ Америку, я отправлялся въ Лондонъ съ слѣдующимъ паспортомъ: «Благоволите пропустить» было сказано въ этомъ паспортѣ, и его боярскую милость виконта де-Шатобріана, пера и королевско французскаго посла при дворѣ его великобританскаго величества». Описанія прѣмѣтъ не значилось; лицо мое по причинѣ важности моей особы почиталось извѣстнымъ всѣмъ и каждому. Пароходъ, нанятый для меня одного, везетъ меня изъ Кале въ Дувръ. При вступленіи на англійскую землю, 5 апрѣля 1822, изъ крѣпости пушки салютуютъ мнѣ. Отъ коменданта прѣзжаетъ офицеръ предложить почетный караулъ. Въ гостинницѣ Shipwright-Inn, хозяинъ и слуги выбѣгаютъ на встрѣчу, снявъ шляпы и руки по швамъ. Госпожа мерша приглашаетъ на вечеръ отъ имени всѣхъ городскихъ красавицъ. Одинъ чиновникъ моего посольства ожидалъ меня здѣсь. Обѣдъ изъ огромныхъ рыбъ и исполинскихъ ростбифовъ подкрѣпляетъ силы его превосходительства господина посла, совсѣмъ не голоднаго и не утомленнаго. Народъ, толпясь подъ окнами, кричитъ ура. Офицеръ возвращается и противъ моей воли ставитъ часоваго у дверей.

На другой день, разсыпавъ кучу денегъ короля, моего государя, я качу въ Лондонъ, подъ ревъ пушекъ, въ легкой каретѣ, на четверкѣ прекрасныхъ лошадей, управляемой двумя шегольскими жокеями. Люди мои ѣдутъ въ другихъ каретахъ; мои ливрейные егеря слѣдуютъ за поѣздомъ. Мы проѣзжаемъ Канторбери, привлекая къ себѣ вниманіе Джонъ Булла и ѣдущихъ на встрѣчу экипажей. Въ Black-Heath, пустырь нѣкогда любимомъ разбойниками, я нашелъ совершенно новенькую деревню. Вскорѣ показывается огромный колпакъ изъ дыму, сидящій на головѣ лондонскаго Стараго-Города.

Я проваливаюсь въ бездну угольныхъ испареній какъ въ пасть тартара, проѣзжаю городъ, узнавая улицы и останавливаюсь передъ посольскимъ домомъ, на Portland-Place. Повѣренный въ дѣлахъ, графъ де Караманъ, секретари посольства, вконтъ де-Марсельюсъ, баронъ Деказь, и де-Буркнѣ, и другіе чиновники встрѣчаютъ меня съ отличной вѣжливостью. Всѣ швейцары, дворники, лакеи, камердинеры собрались и стоятъ на троттуарѣ. Мнѣ подають карточки англійскихъ министровъ и иностранныхъ посланниковъ, уже извѣщенныхъ о моемъ пріѣздѣ.

Благодатнаго гѣта 1793, мая въ семнадцатый день, я ничтожный и неизвѣстный путешественникъ отпралялся въ тотъ же Лондонъ изъ Соутемтова, пріѣхавши изъ Джерси. Ни одна мерша не обратила на меня вниманія; городской меръ Вильямъ Смитъ выдалъ мнѣ подорожную до Лондова, на которой была престрогая выписка изъ Alien-bill, «закона объ иностранцахъ». Въ описаніи примѣтъ было сказано по-англійски: Францискъ де-Шатобрианъ, французскій офицеръ корпуса эмигрантовъ (french officier in the emigrant army), ростомъ пяти футовъ четырехъ дюймовъ (five feet four inches high), худощавый (thin shape), бакенбарды и волосы темнорусые (brown hair and fits). Я скромно сѣлъ въ самую дешевую карету съ отставными матросами; останавливался въ самыхъ плохихъ трактирахъ, вступилъ бѣдный, больной, неизвѣстный, въ богатый и славный городъ, гдѣ царствовалъ Питтъ; нанялъ квартиру за шесть шиллинговъ (два цѣлковыхыхъ) въ мѣсяцъ, подъ стропилами чердака, на концѣ маленькой улицы, выходящей на Tottenham-Court-Road.

Ah monseigneur, que notre vie,
D' honneurs aujourd'hui si remplie,
Diffère de ces heureux temps!

Однако другого роду неизвестность затеняетъ меня въ Лондонѣ. Дипломатическое мое званіе набрасываетъ тѣнь на мою литературную известность; всѣ дураки трехъ соединенныхъ королевствъ выше цѣнятъ посла французскаго двора чѣмъ автора «Духа Христіанства». Посмотрю, что будетъ послѣ моей смерти, или когда я перестану быть преемникомъ герцога Деказа при дворѣ Георга-Четвертаго, — наследство такое же странное какъ и вся прочая жизнь моя.

Живя въ Лондонѣ въ качествѣ французскаго посла, я считаю величайшимъ удовольствіемъ оставлять карету на углу какого-нибудь сквера и пѣшкомъ пробѣгать маленькія улицы, которыя я посѣщалъ прежде, мелко народныя и дешевыя предмѣстія, гдѣ живетъ несчастіе подъ кровомъ бѣды и страданій; неизвестныя убѣжища, гдѣ я таскался съ товарищами по горю, не зная будетъ ли у меня завтра кусокъ хлѣба, тогда какъ теперь три или четыре богатыхъ закуски разставляются на моемъ столѣ. У всѣхъ этихъ узкихъ и убогихъ дверей, прежде для меня открытыхъ, я встрѣчаю нынче лица неизвестныя. Мнѣ уже не попадаются ни мои соотечественники, которыхъ такъ легко было узнать по манерамъ, походкѣ, покрою и ветхости платья, ни эти аббаты изгнанники съ бѣлой манишкой и большою треугольной шляпой, которыми Англичане кланялись мимоходомъ. Выстроены широкія улицы съ рядами дворцовъ, сооружены мосты, разведены публичныя сады: Regent's-Park занялъ на Portland-Place, прежніе луга, покрытые стадами коровъ. Кладбище, видѣвшееся изъ окна моего чердака, превратилось въ фабрику.

Какъ я сожалею, среди моей приторной нынѣшности, о томъ мірѣ хлопотъ и слезъ, о томъ времени, когда я снѣживалъ мою гордость съ горестями колоній несчастныхъ выходцевъ! Точно справедливо, что все измѣняется; что даже несчастіе погибаетъ, подобно счастью! Что сдѣлалось съ моими собратами по эмиграціи? Одни умерли, другіе подверглись разнымъ превратностямъ судьбы; одни потеряли такъ же какъ и я своихъ родственниковъ и друзей; другіе менѣе счастливы въ своемъ отечествѣ, чѣмъ были нѣкогда на чужой землѣ. Развѣ у насъ не было тутъ своихъ собраній, увеселеній, праздниковъ, особенно когда мы были молоды? Матери семействъ, дѣвушки, начинавшія жизнь злополучіемъ, жертвовали недѣльнымъ плодомъ труда, для удовольствій потанцовать отечественный танецъ. На муравѣ Гемстида и Прайи-розгляла въ вечернихъ разговорахъ послѣ дневнаго труда составлялась привязанности. Въ часовняхъ, устроенныхъ нашими руками:

въ старыхъ лачужкахъ, мы молчали двадцать-перваго января въ день смерти королевы, разстроганные погребальной рѣчью, сказанною изгнаннымъ священникомъ нашей деревни. Мы ходили вдомъ береговъ Темзы смотрѣть какъ мчались корабли, нагруженные богатствами всего свѣта, или любоваться на ричмондскія дачи. Для насъ бѣдныхъ, лишенныхъ отеческаго крова, все это было настоящимъ наслажденіемъ!

Въ 1822, вмѣсто друга, который встрѣчалъ меня, дрожа отъ холоду, отворялъ дверь чердака, дружески разговаривая, ломился на содоянный тюфякъ возгѣ моего, прикрывался вмѣсто одеяла тоненькимъ платьемъ, при свѣтѣ луны вмѣсто лампы, — я пролежу при свѣтѣ фламб между двухъ рядовъ занавѣсъ, потомъ между пятью или шестью почтительныхъ секретарей и достигну, всѣхъ, нашихъ ваппныхъ *ващими превосходительствами* и *ващими сіятельствами*, до гостиной гдѣ все — шелкъ и золото.

— Прошу васъ, господа, оставьте меня! Пожалуйста безъ нашихъ сіятельствъ. Чтѣ я могу вамъ сдѣлать? Ступайте смѣяться въ канцелярію, какъ будто меня не было. Неужели вы воображаете, будто я повѣрю этому маскараду? будто я дотого глупъ, что воображу себя переродиншимъ, оттого что переменялъ платье? Маркизь Лондондери сейчасъ прійдетъ, говорите вы; герцогъ Веллингтонъ спрашивалъ обо мнѣ; Каннингъ меня ищетъ; леди Джеронъ идетъ къ обѣду, съ Брумомъ; леди Гвидеръ надеется видѣть въ десять часовъ въ своей ложѣ, въ Оперѣ; леди Менсвилдъ въ полночь въ Альмакѣ.

Боже милосердый! куда бѣжать? какъ избавиться? кто спасетъ меня отъ этихъ преслѣдованій? Возвратитесь прелестные дни бѣдности и уединенія! Воскресните товарищи по горю! Пойдемъ, походные друзья мои, пойдемъ въ поле, въ маленькой садъ ничтожной таверны, пойдемъ выпить чашку дурнаго чаю на деревянной скамейкѣ и болтать о нашихъ безумныхъ надеждахъ и неблагодарномъ отечествѣ, о горестяхъ, отыскивая средства помочь другъ другу, или какому-нибудь родственнику, еще болѣе насъ нуждающемуся.

Вотъ чтѣ я чувствую, чтѣ говорю себѣ въ первые дни моего вдовства. Я избавляюсь отъ грусти, преслѣдующей меня подъ носомъской кровлей, другою, мѣше тяжелой въ кенсингтонскомъ паркѣ. Паркъ этотъ не измѣнился; только деревья выросли; онъ все также—уединенный и птички мирно вьютъ тамъ гнѣзды. Мо- да уже прошла собираться въ этомъ мѣстѣ какъ въ то время, когда прелестнѣйшая изъ всѣхъ Француенокъ мадамъ де-Ре-

каміе прохаживалась здѣсь, а за нею слѣдовала толпа. Съ краю пустынной кенсингтонской муравы я люблю смотрѣть на бѣгъ экипажей; сквозь деревья Гайдъ-Парка, на стан лошадей и коляски фешенеблей, между которыми разѣзжается мой пустой тильбюри, тогда какъ я, превратившись опять въ дворянчика-эмигранта, иду по той аллеѣ, гдѣ изгнанный проповѣдникъ читалъ когда-то свой требникъ.

Въ этомъ-то кенсингтонскомъ паркѣ я обдумалъ свой *Историческій Опытъ*, и перечитывалъ журналъ моихъ заморскихъ похождевій, извлекъ изъ него похождевія Аталы; здѣсь также послѣ долгой прогулки въ окрестностяхъ подъ пониклымъ, желтѣющимъ небомъ, какъ-бы проныкнутый полярнымъ сіяніемъ, начерталъ я карандашемъ первые очерки страсти *Ренея*. Плоды дневныхъ мечтавій я влагалъ ночью въ *Essai Historique* и въ *Natchez*. Обѣ рукописи подвигались рядомъ, хотя часто мнѣ не на что было купить бумаги и я сшивалъ листочки волокномъ дерева, отодравшимъ отъ брусевъ чердака, за немѣннимъ витокомъ.

Мѣста моихъ первыхъ впечатлѣній даютъ мнѣ чувствовать ихъ могущество; они освѣщаютъ настоящее пріятнымъ свѣтомъ воспоминаній: — мнѣ хочется опять прivityся за перо. Сколько часовъ потеряно въ церемоніяхъ! и здѣсь мнѣ также недосугъ какъ въ Берлинѣ, продолжать мои Записки, зданіе, сооружаемое изъ костей и развалинъ. Мои лондонскіе секретари желаютъ ѣхать сегодня утромъ на пикникъ, а вечеромъ на балъ: очень охотно! Лакеи Питеръ, Валентинъ, Лювизъ, идутъ въ свою очередь въ трактиры, а женщины, Роза, Педжіа, Марія, гуляютъ по тротоарамъ; я очень радъ. Мнѣ оставили ключъ наружной двери: посолъ долженъ стеречь домъ; если постучатся, онъ отворить самъ. Всѣ ушли, я одинъ: примемся за дѣло.

Двадцать-два года тому, я писалъ въ Лондонѣ «Начецовъ и Аталу»; въ моихъ Запискахъ я остановился на эпохѣ моего путешествія въ Америку; это сошло какъ-нельзя лучше. Вычеркнемъ эти двадцать-два года какъ они вычеркнуты изъ моей жизни и отправимся въ лѣса Новаго Свѣта: рассказъ о посольствѣ придетъ въ свою очередь, когда будетъ угодно Богу; но если я останусь здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, я успѣю перейти отъ ниагарскаго водопада, до арміи французскихъ принцевъ въ Германію, а оттуда до моего убѣжища въ Англію. Посолъ французскаго двора можетъ рассказать исторію французскаго эмигранта на самомъ мѣстѣ его изгнанія.

Лондонъ, отъ апрѣля до сентября 1822.

Предъидущая книга окончилась отплытіемъ изъ Сенъ-Мало. Скоро мы вышли изъ пролива и западное волненіе извѣстиво насъ о-сосѣдствѣ Атлантики.

Тѣмъ, которые никогда не переплывали море, трудно составить себѣ понятіе о чувствахъ, наполняющихъ душу, когда на кораблѣ не видишь ничего со всѣхъ сторонъ кромѣ угрюмаго лица бездны. Въ опасной жизни моряка есть независимость, происходящая отъ отсутствія земли; на берегу оставляешь страсти; между свѣтомъ покинутымъ и тѣмъ что впереди, любовь и отечество замѣняются стихіей, на которой зыблешься; нѣтъ ни обязанностей, ни визитовъ, ни журналовъ, ни политки. Даже языкъ матросовъ не походитъ на языкъ обыкновенный: такъ говорятъ только Океанъ и небо, буря и тишь. Вы живете въ водяномъ мірѣ между существами, которыхъ одежда, склонности, манеры, лицо не походятъ на племена осѣдлыя: они грубы какъ морскіе медвѣди и легки какъ птицы; на челѣ ихъ не видѣются общія заботы; морщины походятъ на складки парусовъ, и проведены не столько временемъ сколько вѣтромъ, подобно складкамъ волнъ. Кожа этихъ существъ, напитанная солью, красна и жестка, какъ поверхность подводнаго камня, размываемаго волной.

Матросы страстно привязываются къ своему кораблю: они плачутъ отъ сожалѣнія, когда покидаютъ его, отъ нѣжности, когда опять находятъ; не могутъ оставаться дома; давъ сто разъ клятву, что больше не пойдутъ въ море, не могутъ обойтись безъ него, какъ молодой человѣкъ не можетъ вырваться изъ объятій бурной и невѣрной любвицы.

Въ лондонскихъ и плайнугскихъ докахъ не рѣдко встрѣтишь такихъ матросовъ, которые и родились на корабляхъ: съ дѣтства до глубокой старости, они никогда не сходятъ на берегъ; смотрятъ на землю только съ своей плавающей колыбели, зрителями міра, въ который не входили никогда. Въ жизни, заключенной въ такомъ маломъ пространствѣ, подъ облаками и надъ бездною, все оживлено для моряка: якорь, парусъ, мачта, пушка, все это онъ любитъ какъ людей, у всего есть своя исторія.

Этотъ парусъ разодрался на лабрадорскомъ берегу; старшій парусной пришилъ заплатку, которую вы видите.

Этотъ якорь спасъ корабль когда мы потеряли всѣ другіе якоря, между сандвичевскихъ коралловъ.

Эта мачта сломалась во время шквала у мыса Доброй Надежды. Тогда она была цѣльнаго дерева, но теперь гораздо крѣпче, съ тѣхъ поръ какъ составлена изъ двухъ кусковъ.

Эта пушка одна только не была сбита въ чибикскомъ сраженіи.

Палубныя новости очень интересны; бросили лагъ, корабль идетъ десять узловъ.

Солице сіяеть въ полдень; взяли высоту; мы подь такой-то широтой.

Склоненіе стрѣлки — столько-то градусовъ: мы поднялись къ сѣверу.

Песокъ въ часахъ сыплется дурно: будетъ дождь. Замѣтали процелларіевъ въ бороздѣ корабля: будетъ гроза. Летучіе рыбы показали съ юга: время будетъ тихое.

Пробылъ образовался въ облакахъ на западѣ; это—окошко для вѣтру; завтра будетъ дуть вѣтеръ съ этой стороны.

Цвѣтъ воды измѣнился; встрѣтили пловучій лѣсъ и водоросли; видѣли чаякъ и утокъ; птичка присѣла на верхушку мачты; надо своротить, потому что подошли къ землѣ, а ночью нехорошо быть близко къ берегу.

Въ курятникѣ сидитъ пѣтухъ, фаворитъ, пережившій всѣхъ прочихъ пѣтуховъ; онъ знаменуетъ тѣмъ, что пѣлъ во время сраженія точно какъ на дворѣ усадьбы, бѣгая за курицами. Подъ палубой живетъ котъ; мѣхъ у него зеленоватый, полосатый; хвостъ у него общипанный; усы у него какъ шило; твердъ онъ на ногахъ и во время долевой и боковой качки даже и не пошатнется; онъ два раза объѣхалъ кругомъ свѣта, и спасся на боченкѣ въ кораблекрушеніе. Юаги дадутъ пѣтуху сухарь, омоченный въ винѣ, а Васька пользуется правомъ спать когда угодно въ бекешѣ лейтенанта.

Старый матросъ похожъ на стараго крестьянина. Жатва ихъ различна, это правда: матросъ ведетъ жизнь странническую, крестьянинъ никогда не покидаетъ поля; но они равно знаютъ звѣзды и предсказываютъ будущее, бороздя, тотъ свою воду, а другой свою землю; тому указатель — жаворонокъ, плістовка, солсвей, другому каравайка, акула, моржъ. Они оба удаляются вечеромъ, тотъ въ каюту, другой въ хищину; утлыя здавія, но гдѣ ураганъ не колеблетъ совѣсти, всегда спокойной.

If the wind tempestuous is blowing,
Still no danger they descry,

The guiltless heart its boon bestowing
Soothes them with its Lullaby, etc.

«Когда дуетъ бурный вѣтеръ, они и тутъ не видятъ опасности. Безвиное сердце, разливая въ нихъ нѣгу, поетъ имъ *баю баюшки баю.*»

Матросъ не знаетъ гдѣ его застанетъ смерть, на какой палубѣ разлучится онъ съ жизнью; можетъ-быть когда онъ сѣмшается съ вѣтромъ свой послѣдній вздохъ, его бросятъ въ нѣдра волнъ, привязаннаго къ двумъ весламъ, продолжать плаваніе; можетъ-быть онъ будетъ покониться въ землѣ пустыннаго островка, котораго послѣ никогда не отыщутъ, какъ поконился въ койкѣ среди Океана.

Корабль самъ по себѣ прекрасное зрѣлище; это сущій иппогриезъ, крылатый ковшъ, чувствительный къ малѣйшему движенію руля и послушный рукѣ кормчаго, какъ лошадь рукѣ всадника. По изяществу мачтъ и снастей, по легкости матросовъ, прыгающихъ по реямъ, по различнымъ видамъ судна, когда оно плаваетъ, наклонясь подъ противнымъ вѣтромъ или бѣжитъ прямо подъ попутнымъ дуновеніемъ, эта учевая машина — одна изъ чудесъ человѣческаго генія. То волна, пѣилась, дробится и прыгаетъ ей на спину, то тихая струя раздвигается безъ сопротивленія передъ носомъ. Флаги, вымпела, паруса дополняютъ красоту этого нештупова чертога; нижніе паруса, развернутые во всю ширину, выгибаются огромными цилиндрами; верхніе, сжатые по срединѣ, походятъ на груди сирены. Оживясь бурнымъ порывомъ, судно своимъ килемъ какъ соха плугомъ шумно пахнетъ поля морей.

На дорогѣ черезъ Океанъ, по которой не видно ни деревьевъ, ни деревень, ни городокъ, ни башенъ, ни колоколенъ, ни гробницъ; на этой дорогѣ безъ веретъ и миллиарныхъ столбовъ, гдѣ волны—каналы, гдѣ вмѣсто станцій—новые вѣтры, гдѣ фонари—звѣзды, самое занимательное приключеніе, когда не ищешь морей и земель неизвѣстныхъ, есть встрѣча двухъ кораблей. Издали другъ друга примѣчаютъ въ трубу на горизонтѣ; направляются другъ къ другу; моряки и пассажиры сбѣгаются на палубу; судна сближаются, поднимаютъ флаги, подбираютъ паруса до половины, становятся поперегъ. Среди глубокаго молчанія два капитана, ставъ на шканцахъ, вступаютъ въ разговоръ: «Какъ зовутъ корабль? Изъ какой гавани? Кто капитанъ? Откуда плывете? Сколько дней въ дорогѣ? Широта и долгота? Съ Богомъ!

«ступай!» Отпускаютъ веревки, паруса упадаютъ. Матросы и пассажиры обвѣхъ кораблей смотрятъ другъ на друга, удаляясь, и не говоря ни слова: одни идутъ къ азіятскому солнцу, другіе къ европейскому, гдѣ смерть равно застанетъ ихъ. Время уноситъ и разлучаетъ путешественниковъ на землѣ, еще скорѣ чѣмъ вѣтеръ на Океанѣ; издали дѣлаютъ другъ другу знаки: съ Богомъ! ступай!; общая гавань — Вѣчность.

Что если встрѣтившееся судно былъ корабль Кука или Лаперуза?

Штурманъ моего сень-малоскаго корабля былъ прежде субрекаргомъ на индѣйскомъ кораблѣ; его звали Петръ Вильневъ; эта фамилія мнѣ нравилась, по поводу доброй кормплицы Вильневъ. Петръ служилъ въ Индіи подъ начальствомъ Сюфрена, въ Америкѣ подъ начальствомъ графа д'Этена, и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Облѣкотившись на перила и жуя табакъ — отъ чего щека его казалась какъ-бы распухшею отъ флюса — Петръ описывалъ мнѣ разные эффекты морскихъ битвъ. Я спрашивалъ его объ Индѣйцахъ, неграхъ, колонистахъ. Я хотѣлъ знать, какъ одѣты люди, каковы деревья, какого цвѣту небо и земля, какого вкуса плоды; лучше ли апавасы персиковъ, красивѣе ли пальмы дубовъ. Онъ изъяснялъ все это сравненіями съ извѣстными мнѣ вещами: плодъ пальмы походила на большой кочанъ капусты, платье Индѣйца на платье моей бабушки; верблюдъ на горбатаго осла; всѣ восточные народы, особенно Китайцы — трусы и воры. Вильневъ былъ Бретанецъ, и мы всегда оканчивали похвалами несравненной красотѣ нашего отечества.

Колоколъ прерывалъ наши разговоры, призывая на смѣну, на смотръ, одѣваться, или обѣдать. Утромъ по сигналу весь экипажъ, собравшись на палубѣ, снималъ голубыя рубахи, и надѣвалъ другія, сушившіяся на вантахъ. Снятыя рубахи тотчасъ мыли въ лаханкахъ и эти моржи намыливали себѣ смуглыя рожи и осмоленные лапы.

За обѣдомъ и за ужиномъ, матросы, сидя за общимъ столомъ, погружали одинъ послѣ другаго, правильно и честно, оловянные ложки въ супъ, болтающийся отъ качки.

Тѣ, которые не были голодны, продавали товарищамъ за кусокъ табаку или за стаканъ водки свою порцію сухаря и соеной говядины. Пассажиры обѣдали въ каютѣ капитана. Когда время было хорошо, раскидывали палатку на задней части корабля и обѣдали передъ синимъ моремъ, испещреннымъ блѣтующими барашками свѣжаго вѣтерка.

Завернувшись въ плащъ, я ложился ночью на палубѣ. Взоръ мой любовался на звѣзды надъ моею головою. Надутый парусъ отбрасывалъ на меня пріятную прохладу, которая убаюкивала спавшаго подъ небеснымъ сводомъ: въ полу-дремотѣ, качаясь по вѣтру, я переносился подъ другое небо съ каждымъ новымъ сномъ.

Пассажиры на кораблѣ составляютъ общество, различное отъ корабельной команды; они принадлежатъ къ другой стихіи; судьба ихъ — на землѣ. Одни гонятся за богатствомъ, другіе ищутъ спокойствія, эти возвращаются въ отечество, а тѣ его покидаютъ: другіе ѣдутъ изучать нравы народовъ, науки ихъ и искусства. Въ этой пловучей гостиницѣ имѣешь время знакомиться, слышать различныя приключенія путешественниковъ, ненавидѣть и дружитья. Когда еще сюда станутъ подѣзжать молодыя женщины отъ крови англійской и нидѣйской, съ красотой Кларисы и нѣжностью Саконталы, тутъ-то и составляются тѣ сердечные союзы, которые связываются и развязываются благоуханными цейланскими вѣтрами, сладкими какъ они и какъ они непостоянными.

Между моими товарищами-пассажирами, находился Англичанинъ. Френсисъ Толлокъ служилъ въ артиллеріи, былъ живописецъ, музыкантъ, математикъ, и говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ. Французскій аббатъ обратилъ его въ католическую вѣру и оба они отправлялись въ Балтиморъ.

Я познакомился съ Толлокомъ; будучи тогда ужаснымъ философомъ я уговаривалъ его возвратиться къ родителямъ. Зрѣлище, которое было у насъ передъ глазами, приводило его въ восхищеніе. Мы вставали ночью, когда на палубѣ находились только вахтенный сѣнцеръ и нѣсколько матросовъ, безмолвно курившихъ трубки. *Tota aequora silent*. Корабль катился по волѣ глухихъ и медлительныхъ волнъ, огненные искры съ бѣлой пѣной пробѣгали вдоль его реберъ. Милліоны звѣздъ, блистающихъ въ темнолазуревомъ небесномъ сводѣ, безбрежное море, безконечность неба и воды! Никогда такъ не поражало меня величіе Бога какъ въ эти ночи, когда и надъ головою и подъ ногами у меня была безграничность.

Западные вѣтры съ тишью замедляли наше путешествіе. Четвертаго мая мы были только на высотѣ асорскаго архипелага. Шестаго, въ семь часовъ утра, мы привѣтили островъ Пикъ; волканъ этотъ долго господствовалъ надъ несудоходными морями: маякъ бесполезный ночью, сигналъ безъ свидѣтелей днемъ.

Когда видишь землю, возвышающуюся среди моря, въ этомъ зрѣлищѣ есть что-то очаровательное. Когда Христофоръ Колумбъ,

среди взбунтовавшихся матросовъ, готовъ уже былъ возвратиться въ Европу, не достигнувъ цѣли путешествія, вдругъ свѣтъ съ берегу, скрываемаго ночнымъ мракомъ, мелькнулъ ему. Полетъ птицъ указалъ Америку; очагъ дикаря открылъ новый міръ.

Васко де-Гама былъ не менѣе восхищенъ когда въ 1498 достигъ малабарскихъ береговъ. Тогда все измѣнилось на земномъ шарѣ: явилась новая природа; заваѣсь, скрывавшій часть земли уже тысячу столѣтій, наконецъ поднимается: открываютъ отечество солнца, то мѣсто откуда оно выходитъ каждое утро «какъ сунругъ, или какъ гигантъ, *tanquam sponsus ut gigas*»; увидѣли на чистоту этотъ мудрый и блестящій Востокъ, котораго таинственная исторія сопряжена съ путешествіями Пифагора, съ побѣдами Александра, съ воспоминаніемъ Крестовыхъ Походовъ и котораго благоуханія достигали до насъ черезъ степи Аравіи и моря Греціи. Европа послала поэта привѣтствовать его: лебедь рѣки Таго запѣлъ своимъ грустнымъ и прелестнымъ голосомъ на индѣйскихъ берегахъ; Камозіасъ заимствовалъ у нихъ блескъ, славу и несчастье, оставивъ имъ только богатство.

Когда Гонсало Вильо, дѣдъ Камозенса по матери, открылъ часть Асорскаго архипелага, онъ бы долженъ былъ, еслибъ только могъ предвидѣть будущее, удержать за собою сажень земли для погребенія костей ввуга.

Мы бросили якорь на дурномъ рейдѣ, съ каменнымъ грунтомъ, и сорока пятью саженьми воды. Островъ Грасіоза передъ которымъ мы остановились представлялъ намъ свои пузатые холмы, очеркомъ похожіе на эллиптическіе бока этрусской амфоры; они были покрыты зеленью посѣвовъ, и издавали пріятный пшеничный запахъ, свойственный асорскимъ жатвамъ. На этихъ коврахъ видѣлись межи изъ вулканическихъ камней, пополамъ бѣлыхъ и черныхъ, наваленныхъ одинъ на другіе. Монастырь, памятникъ стараго свѣта на жовой почвѣ, показывался на вершинѣ холма; у подшвы его въ кремнистой бухтѣ отражались красныя кровли города Санта-Крусъ. Весь островъ, иззубренный заливами, мысами, бухтами, повторялъ оборотно свой пейзажъ въ водѣ, отгороженной отвѣсными скалами, которыми онъ опоясанъ. Въ глубинѣ картины, конусъ волкана Пикъ, сидя на куполѣ изъ облаковъ, по ту сторону Грасіозы, прорѣзывалъ воздушную перспективу.

Было рѣшено, что я поѣду на берегъ съ Толлокомъ и вторымъ капитаномъ; спустили на море шлюбку: она поплыла къ берегу, отъ котораго мы были на разстояніи двухъ миль. Мы замѣтили на берегу движеніе; къ намъ приближался прамъ (однопалубное

судно). Только что оно подошло на разговорное разстояніе, мы приѣхали множество монаховъ. Они окликнули насъ по португальски, по-итальянски, по-англійски, по-французски; мы отвѣчали на этихъ четырехъ языкахъ. Царствовало смятеніе, корабль нашъ былъ первымъ значительнымъ судномъ, осмѣлившимся стоять въ опасномъ заливѣ, открытомъ для приливовъ и отливовъ.

Съ другой стороны туземцы вѣдѣли въ первый разъ трехцвѣтный флагъ; они не знали что мы за такіе бусурманы. Увидѣвъ, что мы люди какъ люди, и понимаемъ что намъ говорятъ, радость была чрезвычайная. Монахи взяли насъ въ свою лодку и мы весело поплыли въ Санта Крусъ, куда пристали съ трудомъ по причинѣ довольно сильнаго приливу.

Сбѣжался весь островъ. Четверо или пятеро алгвасловъ, вооруженныхъ заржавлѣвшими пиками, овладѣли нами. Мундиръ королевско-французской службы внушалъ большое уваженіе, и меня приняли за самую важную особу депутаціи. Насъ повели къ губернатору, въ какую-то лачугу, гдѣ его превосходительство въ засаленномъ зеленомъ кафтанѣ, нѣкогда обшитомъ галуномъ, далъ намъ торжественную аудіенцію и позволилъ запасаться съѣстными припасами.

Монахи повели насъ въ монастырь, зданіе покойное, хорошо освѣщенное и съ балконами. Толлокъ нашелъ тутъ соотечественника: старшій монахъ, былъ джерсейскій матросъ, котораго корабль погибъ со всѣмъ экипажемъ и грузомъ около Грасидозъ. Онъ принялъ насъ очень радушно, усердно хлопоталъ въ нашу пользу, и показывалъ намъ островъ.

Деревенскіе домá, выстроенные изъ досокъ и камней, украшались галереями, которыя придавали этимъ хижинамъ видъ чистоты по причинѣ большаго освѣщенія. Крестьяне почти всѣ виноградари, полуодѣты и смуглы: женщины, маленькія, желтыя какъ мулатки, но живыя, проворныя, наивно кокетничали букетами дикаго жасмину и четками вмѣсто вѣвка или цѣпочки.

Отлогости холмовъ блистали виноградными лозами, которыхъ вино походитъ на фейальское. Воды мало, но возлѣ всякаго фонтана растеть фиговое дерево и возвышается часовня съ портикомъ, расписаннымъ фресками. Стрѣльчатыя аркады портика обрамляли какой-нибудь видъ острова или частичку моря. На одномъ изъ этихъ фиговыхъ деревьевъ цѣлая стая синихъ полевыхъ чирковъ опустилась при моихъ глазахъ. На деревѣ не было листьевъ, а только—красные плоды, вправленные въ вѣтви какъ хрусталики. Когда оно украсилось бирюзовыми птичка-

ми, опустившими крылушки, цвѣтъ плодовъ показался ярко пурпуровымъ, а на деревѣ какъ-будто вдругъ выросли лезурныя лвствя.

Надо полагать что Асорскіе Острова были извѣстны Кароагенцамъ; извѣстно, что финикійскія монеты были вырыты на островѣ Корво. Первые новѣйшіе мореплаватели, которые пристали къ этому острову, нашли, говорятъ, конную статую, съ правой рукой протянутой къ западу, если только эта статуя не выдумка граверовъ на деревѣ, сочинявшихъ картинки для старинныхъ географій.

Я предположилъ, въ рукописи «Hatelez», что Чактасъ, возвращаясь изъ Европы, вышелъ на берегъ на островѣ Корво, и встрѣтилъ таинственную статую. Онъ такимъ образомъ изяснялъ чувствованія мои на Грасіозѣ, по случаю преданія: «Я приближаюсь къ этому необыкновенному монументу. На пьедесталѣ, омываемомъ волнами, вырѣзаны невзвѣстные слова: пѣна и морская соль съѣдаютъ поверхность античной бронзы; алкіонъ, сидящій на каскѣ колосса, испускалъ по-временамъ томные крики; раковины прилѣпился къ бокамъ и мѣдной гривѣ коня, и, если приложиться ухомъ къ открытымъ ноздрямъ, какъ-будто слышится какой-то смѣшанный шумъ.»

Послѣ прогулки монахи угостили насъ обѣдомъ. На другой день, нагружившись провизіями, мы возвратились на корабль. Монахи взялись переслать наши письма въ Европу. Корабль находился въ опасности по случаю вдругъ поднявшагося сильнаго порыву воздуха съ юго-востока. Якорь сняли; но порывъ потерялся между скалъ. Мы выступили подъ паруса; вѣтеръ началъ свѣжѣть, и мы скоро прошли Асорскіе Острова.

Nas pelagus me scire probes, quo carbasa laxo.

«Муза, помоги показать, что мнѣ знакомо море, на которомъ я раскидываю мой паруса».

Это сказалъ, шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, мой землякъ, Вильгельмъ-Бретонецъ. Въ широкомъ морѣ, я опять предался созерцаніямъ уединенія; но, сквозь идеальный міръ мечтаній, часто видѣлись грустные событія дѣйствительности во Франціи и существенныя происшествія. Днемъ, когда я хотѣлъ удалиться отъ пассажировъ, убѣдившемъ служилъ мнѣ марсъ большой мачты; я проворно взбирался туда, при рукоплесканіи матросовъ, и плавалъ надъ моремъ. Пространство, обтянутое двойной лазурью,

походило на холстъ, приготовленный для будущихъ созданий великаго живописца. Цвѣтомъ вода походила на жидкое стекло. Длинныя и высокія зыби открывали въ оврагахъ своихъ мимолетныя виды на степи океана. Въ этихъ качающихся пейзажахъ, иной разъ пространство кажется тѣснымъ отъ недостатку въ возвышеніяхъ: во пусть только валъ подниметъ голову, или погнется волна въ видѣ дальняго берегу, или стая моржей промелькнетъ по горизонту, тутъ и дано мѣрло. Обширность возстанавливается, особенно когда сумракъ, ползая по влажной глади, какъ-будто распространяетъ предѣлы неизмѣримости.

Сойдя съ марса, какъ вѣкогда съ гнѣзда на ивѣ, и всегда уединяясь, я ужиналъ сухаремъ и кускомъ сахару, читалъ молитвы и потомъ ложился или на палубѣ, завернувшись въ плащъ, или въ каютѣ, въ своей клѣткѣ: мнѣ стоило только протянуть руку, чтобы достать отъ постели до гробу.

Вѣтеръ отнесъ насъ къ сѣверу, и мы подошли къ терръ-нѣвской отмели. Нѣсколько пловучихъ льдинъ шлеялись въ холодной и блѣдной мглѣ.

У поданныхъ Нептунова трезубца есть свои игры и шутки, наслѣдственныя отъ предковъ: при переходѣ черезъ экваторъ, вы должны подвергнуться *купъли*; та же церемонія — при переходѣ черезъ тропики и у терръ-нѣвской отмели: гдѣ бы ни было, затѣйщикъ маскарада всегда представляетъ *дядюшку Тропика*: по понятіямъ матросовъ, *Тропикъ* — чловѣкъ съ огромнымъ брюхомъ, и тотъ изъ нихъ, кто берется разыгрывать его роль, надѣваетъ на себя кучу куртокъ и тулуповъ, чтобы казаться потолще, садится на большомъ марсѣ, и время отъ времени мычить. Снизу всѣ на него смотрятъ. Онъ начинаетъ слѣзать по вантамъ, поворачивается какъ медвѣдь, спотыкается какъ Силень, и, вдругъ, прыгнувъ на палубу, зареветь, схватитъ ведро съ морской водой, и вылететь на голову тѣмъ, которые никогда не переѣзжали равноденственныхъ полосъ или не видали полярныхъ льдовъ. Всѣ — бѣжать отъ него, кто подъ палубу, кто на мачты: *дядюшка Тропикъ* гонится за вами, и дѣло кончается тѣмъ, что вы должны — пожаловать на пуншикъ; игры амфитритскія, которыя Гомеръ воспѣлъ бы непремѣнно наряду съ Протеемъ, если бы старій *Океаносъ* весь былъ извѣстенъ во времена Улиса; но тогда людямъ видна была только голова его у Геркулесовыхъ Столбовъ, а за туловищемъ лежалъ спрятанный весь остальной «мїръ невѣдомый».

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Фетисъ, отецъ, безспорно основательнѣйшій изъ всѣхъ музыкантовъ, которые пишутъ о музыкѣ, сообщаетъ парижской Музыкальной Газетѣ:

«Въ этотъ разъ у меня — цѣлая горсть новостей, и притомъ самыхъ удивительныхъ. Я долженъ рассказать вамъ чудеса, которыя происходятъ у насъ въ Брюсселѣ.

Въ мою молодость, мы вѣрили въ журналы. Пуэъ тогда еще не былъ изобрѣтенъ. Съ тѣхъ поръ многое усовершенствовалось, особенно ипербола, и вѣрить печатному стало опасно. Я читалъ много о вашемъ Вивіе, но считъ благоразумнымъ подождать случая услышать его лично, чтобы повѣрить небылицамъ, которыя объ немъ расписываютъ. Теперь я его слышалъ, и сознаю, что журналы, впервые, говорили правду. Талантъ этотъ въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ всѣхъ непоимѣрныхъ похвалъ, которыя ему вездѣ расточали. Чувство, нѣжность, оригинальность и искусство въ механизмѣ у него несслыханные и невиданные.

Новые акустическіе эффекты, открытые имъ въ мѣдной трубѣ, доставили ему громкую знаменитость: они, безспорно, очень любопытны, очень интересны, особенно его двойныя ноты, когда онъ, заставляя столбъ воздуха пробѣгать дважды по трубѣ, добываетъ изъ нея нижнюю октаву, которой нѣтъ въ инструментѣ. Но эти открытія, по моему мнѣнію, только второстепенныя достоинства Вивіе. У него есть многое, получше акустическихъ продѣлокъ. Искусство пѣть на валторнѣ, которымъ онъ обладаетъ въ высшей степени, превосходная экспрессія и тонкій вкусъ, доставили бы ему вѣнецъ первостепеннаго артиста даже и въ такомъ случаѣ, когда бы инструментъ и не производилъ тѣхъ необычайныхъ звуковъ. Я слышалъ его также въ дружескомъ кругу, гдѣ онъ съ полнымъ успѣхомъ, для нашей и своей потѣхи, пускался въ самые смѣлые и самые быстрые пассажи съ модуляціями, неизвѣстными донынѣ виртуозамъ на мѣдныхъ духовыхъ инструментахъ; но, въ концертахъ, онъ очень умно приводитъ валторну къ ея натуральному назначенію и старается превратить въ поющій голосъ, который идетъ прямо къ сердцу. Его чудное *portamento*, и постепенное непримѣтное стиханіе звуку, о которыхъ прежніе валторнисты и понятія не имѣли, глубоко трогаютъ душу. Въ концертѣ, данномъ въ Брюсселѣ, онъ возбудилъ этни живѣйшій энтузіазмъ и музыкантовъ и любителей музыки въ «*Cantabile*» одного изъ своихъ сочиненій, и въ «Серенадъ» Шуберта: искуснѣйшій пѣвецъ не могъ бы спѣть, ни чище, ни нѣже. Въ охотничьей фантазіи своей, написанной для нѣсколь-

кихъ валторнъ, но исполняемой имъ однимъ, на одномъ инструментѣ, онъ въ пухъ разбилъ парки наши эффектами новыми, непонятными, баснословными.

Вивіе — не только гигантъ какъ инструменталистъ, но также отличный композиторъ, очень толковый, очень оригинальный, обладающій даромъ создавать прелестныя мелодіи, которыя сопровождаетъ онъ замысловатою гармоніею. Но вотъ чтò удвигательно: во всемъ этомъ господствуетъ чувство печальное и задумчивое, котораго никакъ не сообразишь съ ребячествомъ привычныхъ потѣхъ этого страннаго человѣка, проводящаго большую часть времени въ надуваніи огромныхъ мыльныхъ пузырей и обдумываніи разныхъ фокусовъ. Въ нынѣшнее свое путешествіе онъ взялъ къ себѣ въ товарищи огромную тарантулу, длиннаго ужа и гремучую змѣю, которую онъ дразнитъ безпрестанно. Вы, господа, друзья его, убѣдите его, пожалуйста, оставить эту странность, которой концомъ можетъ быть ужасное несчастіе.

Вихри и бури, вывернувшіе вверхъ-дномъ Европу, облагодѣтельствовали Брюссель чудомъ, котораго у насъ никогда не бывало, превосходной итальянской оперой. Опера упала намъ какъ свѣтъ на голову. Есть у насъ теноръ, Кальцолари, съ очаровательнымъ груднымъ голосомъ, металлическимъ, среброзвучнымъ, свободнымъ, доходящимъ до *si bémol* безъ головныхъ нотъ и безъ напряженія: вокализируетъ онъ неподобно, какъ лучшій пѣвецъ того добраго времени, которое уже не возвратится; во фюритурахъ оказываетъ онъ вкусъ отличный; и въ добавокъ онъ же — и основательный музыкантъ и прекрасный актеръ. Синьора Бискотиніо-Флоріо, прима-донна, поетъ голосомъ *mezzo-soprano*, нѣсколько истощеннымъ, но по преданіямъ хорошей школы и съ истиннымъ дарованіемъ; Итальянка въ полномъ значеніи слова, въ которой отражается многое, принадлежавшее знаменитой Момбелли, между прочимъ ея большая и широкая манера оканчивать фразы. Цуккони, басъ, голосъ имѣетъ нѣсколько глухой, но у него много стила, и притомъ онъ отличный музыкантъ. Буффъ Флоріо — чудесный комедіантъ, напоминающій собою Граціани. Даже для вторыхъ ролей слетѣлись къ намъ голоса соловьиные, свѣжіе, чистые, вѣрные. Оркестръ нашъ, какъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ нынче въ Европѣ. Коротко сказать, въ цѣломъ мірѣ я не слышалъ ничего плѣнительнѣе.

Нечаянность наслажденія довершилась еще удачнымъ выборомъ пьесы для открытія театра. Играли *Italiana in Algeri*. Слушая эту музыку, такую свѣтлую, свѣжую, богатую восхитительными

мелодіями, такую ушную, и такъ неподдѣльно веселую, намъ казалось, что какое-то волшебство перенесло насъ въ другую эпоху и другой міръ, и мы забыли на нѣсколько часовъ грубые вонли вашихъ революціонныхъ раздоровъ, отъ которыхъ все страдаетъ, и первое изъ всего — искусство, золотой плодъ тишины и благоденствія. Успѣхъ этой прелестной пьесы возрасталъ съ каждыиъ представлеиіемъ, и, въ послѣднемъ, восхищенная публика заставила повторить весь финалъ перваго акта, истинно еподражаемое произведеиіе комическаго музыкальнаго вдохновенія.

Завтра дають «Luciezia Borgia». Сивьора Эверсе, прима-донна сопрано, и новый баритовъ, котораго имени не уномяю, ляются въ этой оперѣ; два голоса и два таланта, которыя очень хвалятъ. Словомъ, мы здѣсь наслаждаемся, — потому что не разбойничаемъ на улицахъ во имя свободы, — а вы-то?... вы?... ну, что у васъ за опера?... сами же пишете, что — ужасъ — дрянь — обида для ушей — хотя, не зная куда дѣваться, поютъ у васъ Персіани и Каstellанъ, Ропкони и Лаблашъ.... по покотъ ва мѣдныя деньги!

Есть ли у васъ извѣстія изъ Англіи? Тамъ провходятъ дѣла удивительныя. Напримѣръ, съ послѣдними кораблями привезено въ Лондонъ пятнадцать тысячъ берковцовъ піанистовъ, французскихъ, прусскихъ, гановерскихъ, саксонскихъ, вѣискихъ, венгерскихъ, богемскихъ, моравскихъ и даже, если не ошибаюсь, кроатскихъ, съ акомпаниментомъ цѣлыхъ полчищъ скрипачей, трубачей, виолончелистовъ, флейтистовъ, кларнетистовъ, тромбонистовъ, контрбасистовъ. Все это разбрелось по улицамъ, стучится во всѣ двери, вопіетъ да проситъ мѣсть, концертовъ, квартетовъ, квинтетовъ, уроковъ. Таланты пришли въ такой безцѣнокъ, что въ оркестрахъ первымъ скрипачамъ сбавили по двѣсти франковъ въ мѣсяцъ. Уроки даются ни по чемъ. Классическая гиней, которую прежде получали въ Лондонѣ за урокъ первостепенные артисты, принадлежитъ отнынѣ къ сказкамъ Тысячи Одной Ночи. Первыяшіе таланты принуждены подчиниться горькой необходимости, потому что, прежде всего, нужно жить. Меня увѣряли, будто Шопенъ, который рѣшительно при смерти, велитъ носить себя въ креслахъ къ своимъ ученицамъ, будучи уже не въ состояніи всходить по лѣстницамъ.»

— Въ Парижѣ италянскій театръ въ послѣднее время закрылся, за недостаткомъ въ зрителяхъ и деньгахъ. Дирекція представила балансъ: въ кассѣ, наличными 2250 франковъ; долговъ 217,000.

— Одна изъ двухъ знаменитыхъ сестеръ Миланоло, младшая, скончалась въ Парижѣ 21 октября по семнадцатому году. Она

умерла конюшомъ. Погребеніе ея происходило 24 числа въ церкви Святаго-Роха.

— Женихъ Линдъ находится въ эту минуту въ Ирландіи.

=

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Въ магазинѣ М. Берварда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Новыя пьесы для скрипки.

ALARD. Ecole du violon. Méthode complète et progressive (6 r. 85 c.).

AMELOT. Fantaisie pour le violon avec piano. op. 2 (1 r. 72 c.).

BENEDICT et PANOFKA. Sérénade et Bolero. Grand duo pour piano et violon. op. 59 (2 r. 29 c.).

BERRIOT et WOLFF. Grand duo brillant sur Robert Bruce, opéra de Rossini pour piano et violon. op. 61 (2 r. 29 c.).

— Grand duo brillant sur l'opéra: la maquette de Portici pour piano et violon. op. 62 (2 r. 29 c.).

BICHBERG. Fantaisie brillante pour violon avec piano. op. 13 (1 r. 72 c.).

BICHBERG et BOCKMUEHL. Trois divertissements pour violon et violoncelle. op. 15. № 1 (1 r. 15 c.). № 2. 3 (chaque 85 c.).

HAUPT. Suite d'airs nationaux russes variés pour violon et piano. liv. 1. Не бѣлыя снѣги (1 r.). liv. 2. Не одна во полѣ дороженька (1 r.).

HAUSER. Trois morceaux de salon pour le violon avec piano. op. 16 (1 r.).

KAYSER. Trente-six études élémentaires et progressives pour le violon composées exclusivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de Kreutzer. op. 20 (3 r. 43 c.).

— Terpsichorens Lieblings-Klänge. Choix de danses nouvelles et favorites, arrangées pour le violon seul. Liv. 7. 8. 9 (chaque 60 c.).

— Répertoire des jeunes amateurs. Petites fantaisies pour piano et violon. № 1. Ernani (1 r. 15 c.). № 2. Lombardi (1 r. 15 c.). № 3. Nabucodonosor (1 r. 15 c.). № 4. Martha (1 r. 15 c.).

KUEFFNER. Repos de l'étude. Collection de morceaux faciles pour violon seul. Liv. 1. 2 (chaque 43 c.).

— Répertoire de nouvelles danses favorites pour le violon seul. Liv. 1 à 5 (chaque 58 c.).

— Les délassements de l'étude. Collection de morceaux faciles pour deux violons. Cah. 1. 2 (chaque 85 c.).

- LIPINSKI.** Fantaisie pour violon avec piano sur l'opéra *Ernani* de Verdi. op. 30 (1 r. 43 c.).
- МАЗАТЬ.** Лучшій сараничый учитель или востѣшая школа музыкальной игры на скрипкѣ (3 r.).
- NOWOTNY.** Fantaisie. op. 13 (85 c.). Fantaisie. op. 14 pour le violon avec piano (1 r. 15 c.).
- PANOFKA et RESSEL.** Les plaisirs du violoniste. Air d'opéras, mélodies etc. arrangés pour le violon seul. Liv. 1 2 (chaque 72 c.).
- PRUME.** Concerto heroïque pour le violon avec orchestre. op. 11 (8 r.).
Le même concerto pour le violon avec piano. op. 11 (4 r.).
- Le retour à la vie ou les arpegés. Caprice pour le violon avec quintour. op. 12 (2 r. 29 c.) avec piano (3 r.).

Пьесы для фортепиано.

- AUBER.** Ouverture de l'opéra: *Haydée ou le secret* (72 c.).
- BLUMENTHAL.** La source. Caprice. op. 1 (85 c.). Deux caprices. op. 2 (85 c.).
- BERNARD.** Скажи зачѣмъ. Air bohémien varié (60 c.).
- Любимые романсы А. Варламова. № 1. Будто солнышко отъ глазъ. № 2. Благодарность. № 3. Поэтъ. № 4. Для чего ты лучъ востока. № 5. Жарко въ ночь солнце лѣтнее. № 6. Селовень залетѣишь, переложеныя для фортепиано (1 r.).
- BURGMUELLER (F.).** Le brindisi, Valse brillante (85 c.).
- CZERNY.** Le plaisir du jeune pianiste. Choix des petites récréations. op. 794. liv. 1 à 12 (chaque 58 c.).
- DOBRZINSKY.** Mouvement et repos. Etude. op. 60 (1 r. 15 c.).
- EVERS.** Impressions de l'Italie. Six morceaux. op. 42. № 1 — 6 (chaque 85 c.).
- GORIA.** Ecole moderne du pianiste. Six études brillantes (4 r.). Fantaisie brillante sur *Semiramis* (1 r. 72 c.). Le rossignol et les roses. Poésie musicale (72 c.).
- KALKBRENNER.** Les nationalités musicales. Six esquisses. op. 185 (1 r. 72 c.).
- KULLAK.** Album espagnol. Mélodies originales paraphrasées. op. 45. № 1 à 6 (chaque 85 c.).
- Fleurs du sud. Six mélodies italiennes paraphrasées. op. 46 (7 r. 15 c.).
- LISZT.** Paraphrase de la marche du Sultan, de Donizetti (1 r. 43 c.). Le carnaval de Pesth (1 r. 43 c.). Reminiscences de Lucrezia Borgia. Grande fantaisie. Seconde édition entièrement revue, corrigée et augmentée par l'auteur. Partie 1. Trio du second acte

(1 r. 72 c.). Partie 2. Chanson à boire (Orgie). Duo finale (2 r. 29 c.).

MAYER. La sicilienne. Tarantelle. op. 111 (85 c.). Souvenir de Pologne. Mazurka. op. 112 (1 r. 15 c.). Invitation à la valse. op. 113 (85 c.).

ROSELLEN. Reminiscences de Robert le diable. Fantaisie brillante. op. 102 (1 r. 40 c.). Trois rêveries. op. 103. № 1. 2. 3 (chaque 1 r. 15 c.). Fantaisie brillante sur Haydée ou le secret, opéra d'Auber. op. 105 (1 r. 72 c.).

SOWINSKI. Tarantelle. op. 67 (1 r. 15 c.).

VOSS. Toujours à toi! Réverie à la valse. op. 88 (85 c.). La belle Polonaise. Polacca brillante. op. 89 (1 r.). La pluie de perles. Fantaisie Etude. op. 95 (1 r. 15 c.).

WILLMERS. Reminiscences de l'opéra Brunani de Verdi. op. 54 (1 r. 43 c.).

— Klänge aus dem Süden. Fantasie-Stücke über italienische Volksmelodien. op. 56. № 1. Il ritorno a Napoli. № 2. Io ti voglio ben assai. № 3. La Gondoletta. № 4. La vera Luisella. № 5. Il favore (chaque 1 r. 15 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятьдесятъ рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла двѣнадцатая тетрадь «Нувелиста», которая содержитъ въ себѣ: Meyer. Grand caprice sur le chant bohémien: Ты не повѣршишь. — Engel. Bluettes musicales. — Goria. Grande mazurka originale. — Fesca. Le voyageur, mélodie. — Körner. Helene-Galop. — Alary. Augusta-Mazurka. — Beyer. Petite fantaisie sur l'opéra Ernani. — Chopin. Valse brillante. — Гурмелевъ. Разлука, романсъ — La brune Thérèse, chansonette. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ. ПРИБАВЛЕНИЕ, № 10. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.)

МОДЫ.

Какъ хороши, какъ необыкновенны нынѣшніе шарфы неразрѣзнаго бархату! Какъ нѣжны эти матовые отливки на голубыхъ и розовыхъ шарфахъ съ бѣлой шелковой бахромой, которая блеститъ какъ серебро! Впрочемъ очаровательны не только эти шарфы, голубые, розовые, свѣтло-лиловые и бѣлые. Шарфы кружевные бѣлые и черные также считаются очень изящными. Спенсеры изъ чернаго кружева не потеряли ни сколько своей прелести во мнѣніи молодыхъ и стройныхъ красавицъ.

— Новостей, относительно оборокъ и фасоновъ платьевъ совсѣмъ нѣтъ; все то же, о чемъ мы уже нѣсколько разъ нѣтъ случая говорить нашимъ читателямъ. Легкія платья убираютъ сборками, складками, буфами, кружевными воланами, вышиваютъ легкаго узору гирляндами или букетиками въ тамбуръ, или суташками, впереди вдоль юбки или въ нѣсколько рядовъ вокругъ, между оборокъ или складокъ; все это извѣстно, и опять повторять теперь не находимъ нужнымъ. Платья домашнія и визитныя дѣлаютъ постоянно всѣ съ высокими корсажами; нѣкоторые впереди не много вырѣзываютъ такъ, что складки манжетки или вышивки остаются открытыми. Ленты, которыя обыкновенно надѣваютъ подъ воротнички, завязывая ихъ бантомъ или роскошнымъ узломъ, составляютъ весьма важный предметъ при платьяхъ съ высокими корсажами: доказало, что ловко выбранная лента и искусно завязанный бантъ могутъ придать много прелести всякому наряду и рѣшить успѣхъ на цѣлый вечеръ.

==

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ВТОРАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Быть русскаго дворянина въ разныя эпохи его жизни. Сочиненіе автора «Семейства Холмскихъ». Часть вторая 1 ✓
- Замосковная лѣтопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и о другихъ. Статья вторая. Сочиненіе *Лейбл.* 63 ✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Импровизаторъ. Часть вторая. 1 ✓
- Гарольдъ, послѣдній саксонскій король въ Англіи. Эдуарда Бульвера. (1847). Книга первая и вторая. 65

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Самуэль Ричардсонъ и его эпоха. Статья вторая. 1 ✓
- Шаманство у народовъ Сѣверной Азіи. Статья вторая и послѣдняя. *Н. Шуккина.* 23
- Жизнь Николая Михайловича Карамзина. Статья первая. *А. В. Старчевскаго.* 43

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

- Статистическія изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ. Статья третья. *Н—на.* 1

V.

КРИТИКА.

✓ Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Сочиненіе монаха Іакинвоа. Санктпетербургъ, 1848. Статья вторая и послѣдняя.	4
---	---

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя книги и брошюры.	1
Разныя извѣстія.	23

VII.

СМѢСЬ.

ДЕКАБРЬ.

Прохожденіе Меркурія во солнечному диску.	1
Новая система ботаники по идеѣ господина Лянка.	2
Нашествіе процессіонной гусеницы на бельгійскіе лѣса.	5
Новыя извѣстія и новыя пренія о морскомъ змѣѣ.	7
Золотыя прінски въ Калифорніи.	9
Норвежскіе серебряныя рудники.	10
Пловучая желѣзная дорога въ Англіи.	10
Подводный морской телеграфъ между Англіей и Ирландіей.	11
Странности и причуды нѣкоторыхъ извѣстныхъ художниковъ.	11
✓ Держи сердце настезь, а дверь на запоръ.	17
Литературныя новости въ Парижѣ. Замогильныя Записки Шатобріана. Часть вторая	36
Музыкальныя новости.	138
Новыя музыкальныя сочиненія.	141
Моды.	144

=

JAN 24 1930

